Пустошь

https://ficbook.net/readfic/1088730

Направленность: Слэш
Автор: Ishvi (https://ficbook.net/authors/417666)
Беты (редакторы): Naru-chan (https://ficbook.net/authors/115353)
Фэндом: Naruto
Пэйринг и персонажи: Саске/Наруто, Итачи Учиха, Саске Учиха, Наруто Узумаки, Джирайя, Цунаде Сенджу, Геньюмару, Нагато Узумаки, Фугаку Учиха
Рейтинг: NC-17
Размер: 1204 страницы
Кол-во частей: 63
Статус: завершён
Метки: Нецензурная лексика, Ангст, Драма, Психология, Философия, Дарк, Hurt/Comfort, AU

Описание:
Жизнь идет в ногу со смертью. Разве что они не держатся за руки.
Что делать, если твой мозг стал твоим главным врагом? Ждешь любви? Жалости? Розовых соплей? Ну-ну...жди.

Посвящение:
Всем тем, кто борется за жизнь с самим собой.

Публикация на других ресурсах:
Уточнять у автора/переводчика

Примечания автора:
http://jpegshare.net/a5/4c/a54c836ec0a0353d3668f2dda5e7600d.jpg.html - очень трогательный и нежный подарок от A.D.F.
http://jpegshare.net/2c/d9/2cd9a1827bf54aface48ce79039038ca.jpg.html - абстрактный Саске.

http://
jpegshare.net/8c/74/8c7481f4f7010970d6cd986d298fd4c9.jpg.html - Саске. *сам себе иллюстратор*
http://ficbook.net/readfic/1387134/4256852#part_content - стих. авторство - Мятный смАйл
http://jpegshare.net/c2/52/
c2521fb30d3d5159150a45f49c4dd68d.jpg.html - Белокожая. *сам себе иллюстратор*
http://jpegshare.net/cb/fc/
cbfc27ead8902aa284eb674a006cd704.jpg.html подарок от A.D.F. Я на него прям смотрю и умиляюсь. И хочется все время смотреть)
http://
jpegshare.net/8b/8e/8b8e04454bce62463d512b7a6b3f0d99.jpg.html - Саске. Бета-чан, спокойна теперь?)))
http://ficbook.net/readfic/2207296 - очень красивый стих...спасибо.
http://ficbook.net/readfic/2241587 - еще один красивый стих. Благодарю)
http://
jpegshare.net/1f/8c/1f8cb95203f7bf36634d6d632615620d.jpg.html - охрененный арт от A.D.F. Спасибище)

ПЫ.СЫ если кого-то пугает размер, то поясню сразу: здесь три книги. Не одна. ТРИ.

Содержание

- Содержание
- Пролог.
- Отрицание. Глава 1. All your lies.
- Глава 2. Russian roulette.
- Глава 3. Waking up the ghost.
- Глава 4. I hate everything about you.
- Гнев. Глава 1. Knives.
- Глава 2. Доктор.
- Глава 3. Рассказать себя.
- Глава 4. Together again.
- Глава 5. Гореть.
- Глава 6. Running up that hill.
- Глава 7. Fuck u.
- Сделка. Глава 1. Novocain.
- Глава 2. Чёрный человек.
- Глава 3. Fight inside.
- Глава 4. Hymn for the missing.
- Глава 5. Everybody lies.
- Глава 6. I don't care.
- Глава 7. Already over.
- Остановиться. Глава 1. With you.
- Глава 2. Из-за меня
- Глава 3. Только ты.
- Глава 4. Вороны.
- Глава 5. First day of my life.
- Глава 6. One more day
- Глава 7. My Obsession.
- Принятие. Глава 1. Broken Inside.
- Глава 2. Wasteland.
- Глава 3. In the end.
- Эпилог. Leave it all the rest.
- Кладбище Живых. Пролог
- Глава 1. Hold me now
- Глава 2. Fault line.
- Глава 3. Blind.
- Глава 4. Shoot it out

- Глава 5. A new Hope.
- Глава 6. I love your soul.
- Глава 7. Need to believe.
- Глава 8. The nurse who loved me.
- Глава 9. My body is a cage.
- Глава 10. Time is running out.
- Глава 11. Counting Bodies Like Sheep
- Глава 12. Quiet.
- Глава 13. 33 и 32.
- Глава 14. Exodus.
- Глава 15. War of Change
- Глава 16. Sleep, sugar.
- The end...
- Осколки. Глава 1. Осторожнее, не порежься
- Глава 2. In your shadow...
- Глава 3. By Myself
- Глава 4. Skin.
- Глава 5. Я сделаю это
- Глава 6. Кто-то.
- Глава 7. Черные крылья.
- Глава 8. Кома.
- Глава 9. Колыбельная для Солнца.
- Глава 10. Рай на полчаса.
- Глава 11. Dark on me.
- Глава 12. После дождя
- Глава 13. Не забывай.
- Эпилог.
- От автора

Пролог.

Вряд ли коридор городской больницы был местом для молодого человека. Тут странно было видеть парня девятнадцати лет, как странно было бы наблюдать засохший цветок посреди пышущей клумбы. В монохромном мире городской больницы черноволосый юноша казался чужим. Эта атмосфера всеобщей подавленности, тяжести и предчувствия пока что не отравила его полностью: в чёрных глазах теплился огонёк надежды, а тело было всё ещё молодым и сильным, в то время, как тела остальных вокруг уже подёрнулись первыми признаками старости или же болезни.
…Шуршание бумаги. Чьи-то шаги. Несмолкающие трели телефонов. Громкий, искажённый динамиками женский голос, сообщающий о том, что какого-то доктора ожидают в палате. Кажется, та назвала фамилию врача. Казуки? Катсуро? Или… Саске раздражённо закусил нижнюю губу. Фамилия… не всё ли равно, какая она могла быть у совершенно незнакомого человека? С чего бы ему интересоваться таким пустяком? И вообще… вся эта затея с больницей – сущий бред.
Ему не хотелось пребывать в этом стерильном бледно-голубом коридоре, не хотелось слушать, как сидящие рядом девушки обсуждали свою «страшную болезнь», которой на проверку оказывалась обычная простуда. Никакого желания находиться здесь не было.
Больницы всегда казались ему местом, куда люди приходят совсем не для того, чтобы избавиться от своих заболеваний. Напротив, они упиваются ими, не намереваясь расставаться, холя и лелея их, чтобы те цвели и разрастались.
Это придаёт смысл их жизни. Недуги у многих являются благодатной почвой для бесед с друзьями. Разговоры о собственных болячках могут заполнить неловкие паузы в общении. Действительно, ведь любой из нас хоть чуточку болен. А если так, то всякий хочет быть услышанным. Каждый стремится рассказать свою печальную историю болезни, будь то даже просто больной зуб.
Учиха мрачно усмехнулся подобным мыслям, но тут же поморщился: ещё не прошедшая головная боль давала о себе

знать.

– Да вы что?! – деланно и взволнованно воскликнула сидящая напротив пожилая женщина, привлекая его внимание.

Собеседником той дамы оказался полный, страдающий одышкой мужчина. Серый деловой костюм был ему маловат, и бедняга то и дело оттягивал ворот тесной рубашки, вытягивая заплывшую жиром шею. Его кожа была красной и влажной, словно он находился под палящим солнцем, а не в хорошо охлаждаемом кондиционером зале ожидания.
Саске позабавило то, как говорил этот незнакомец. На его рыхлом лице была написана такая скорбь, будто жить ему осталось максимум две недели.
Полный щенячьей грусти взгляд мужчины был устремлён на внимательно слушающую женщину. Её слегка вытянутое, подавшееся вперёд тело и маска внимания на лице живо напомнили Учихе затаившуюся кобру. Змея ждала, пока её жертва выговорится, и тогда она нанесёт удар: всадит свои клыки поглубже в толстую шею и пустит яд, начиная уже свою историю болезни.

– Я взял тебе зелёный чай. Не думаю, что кофе ослабит головную боль.

Сдержанный, слегка извиняющийся, но не терпящий отказов голос мог принадлежать только одному человеку: его брату, Итачи.
Саске молча кивнул, принимая тёплый стаканчик из рук парня, и поднёс к губам, ощущая, как от приторного запаха чая начинает першить где-то в горле.

– Они долго, – вновь подал голос Итачи, садясь рядом на пустующий стул.

– Я говорил, что нет смысла сюда ехать, – фыркнул Саске, всё так же принюхиваясь к чаю. Пить его не хотелось совершенно, но тепло, исходящее от напитка, приятно грело замёрзшие руки. – Дал бы мне таблетку, и дело с концом.

– Твоя голова болит уже вторую неделю не переставая. Это ненормально.

– Это нормально, если учесть с каким занудой мне приходится жить. И она уже не болит, – отрезал парень, ставя стаканчик на пол и поднимаясь.

В затылок кольнуло, но Учиха попытался не морщиться. Итачи и без того возомнил себя гуру медицины, а подтверждать его слова лишний раз очень уж не хотелось.

– Ты куда? – удивлённо спросил брат, даже привставая со стула.

– Сбегаю, – усмехнулся Саске, быстрым шагом направляясь к автомату с напитками. Он терпеть не мог, когда брат начинал играть в чрезмерную заботу. Как будто ему есть дело до простой головной боли.

Саске остановился у автомата, пробегаясь взглядом по названиям напитков. Кофе, кофе, до смерти хотелось кофе, а не того безвкусного пойла, которое брат называл «чаем».
Не то чтобы у них были плохие отношения. Когда-то их можно было назвать друзьями, но потом… Это было похоже на невидимую преграду, которая внезапно опустилась между ними. Они не ругались, они не били друг другу рожи за какую-то девушку, как это обычно бывает у братьев.
Просто стали чужими. У Итачи появилось много других дел, кроме непутёвого младшего брата. И, к затаённой зависти последнего, парень преуспевал в этих своих начинаниях. Он был лучшим. У него получалось всё, за что он брался. Иногда Саске казалось, что будь его брат даже самым заурядным дворником, то дорожки, подметённые им, были бы намного чище, чем дорожки других.
Учиха пытался быть наравне с ним, но быстро понял, что не сможет выдержать такой жизни. Его брат жил в совершенно другом ритме, в совершенно другом мире, где нет неудач, где все тебя любят и тобой гордятся.
Раздражённо выдохнув, Саске ткнул в первую попавшуюся кнопку с надписью: «Кофе с…»

С чем там оно было парень не дочитал: буквы начали странно плыть перед глазами. В любом случае, какая разница что пить, лишь бы кофе. Автомат требовательно пикнул, и на небольшом зелёном табло высветились буквы и цифры.

– Денег хочешь? – буркнул он себе под нос, запуская руки в карманы ветровки. Пусто. Джинсы…

Уж очень не хотелось возвращаться к Итачи и признаваться в своём поражении. Неудачник, у которого даже мелочи на кофе нет. Пальцы наткнулись на что-то гладкое и холодное, и Учиха вытащил из кармана пару монет. Должно хватить. Автомат благодарно зажужжал, принимая металлическую жертву, и вскоре в специальном отверстии показался пластиковый стаканчик.
Саске внутренне поздравил себя с такой маленькой, но победой и устало прислонился лбом к вибрирующему боку автомата. Внезапно он почувствовал себя настолько уставшим, что захотелось лечь прямо посреди больничного коридора и уснуть. И плевать, что пол холодный, что медсёстры снуют туда-сюда. Лишь бы не слышать этой раздражающей и без того пульсирующую болью голову суматохи. Разве не могут они потише?! Здесь же больница, а не зал ожидания на вокзале, чёрт их дери!

– Эй, ты в порядке?

Итачи положил руку на плечо брата, заставив того вздрогнуть от неожиданности и резко отстраниться от автомата.
Без слов Саске потянул за наполненный горячим кофе пластиковый стаканчик, но пальцы отчего-то слушались плохо, и оный не поддавался.

– Давай я.

– Отстань, – рыкнул парень, махая рукой куда-то в сторону брата. Что за телячьи нежности?

Но Итачи уже вцепился пальцами в пластиковый бортик стакана и потянул на себя. От толчка Саске, тот потерял

равновесие и дёрнул слишком сильно. Стаканчик поддался, прогибаясь и выплёскивая своё содержимое на пол, а затем падая следом.
Для Саске наступила какая-то мёртвая тишина. Он смотрел на этот треклятый стаканчик в луже не менее ненавистного кофе. Внутри клокотала злость и раздражение, пополам с нарастающей головной болью.

– Я… куплю ещё, – спустя пару секунд проговорил Итачи.

– Идите вы все, – выпалил Саске, перешагивая лужу и направляясь к выходу.

Парню начало казаться, что он стал одним из героев какой-то глупой подростковой комедии, притом ему посчастливилось играть роль самого недалёкого и неуклюжего простофили, над которым обязательно будет смеяться весь зал.
Краем глаза Саске заметил спешащую к ним медсестру, которая всё-таки соизволила вынести результаты его обследования. Наверное, он бы ушёл. Наверное…
Если бы не внезапный удар, который существовал только в его воображении. По затылку стукнуло, словно кто-то кинул в него мешком с песком. Возможно, это мог быть Итачи, раздражённый вконец вспыльчивостью своего младшего брата. Саске по инерции качнуло вперёд, а потом земля ушла из-под ног, зато под щекой оказался холодный кафель.
Долгожданная тишина.

***

– Итачи, какого чёрта? – пробормотал Саске, когда сознание медленно начало возвращаться. А вместе с ним и боль в голове, заставив парня приложить холодную ладонь ко лбу.

Кто-то подошёл к нему и помог аккуратно принять полусидячее положение. В обычной ситуации Саске бы оттолкнул чужие руки, но сейчас на это не было сил. От смены положения к горлу подкатил ком, но он глубоко вдохнул, успокаивая взбунтовавшийся желудок.

– Жив?

Голос не выражал особого волнения. Какая-то… холодность и жёсткость. Это не Итачи. Внутренне Саске удивился. Что же такого могло случиться, что его обычно очень занятой отец выкроил время из бесконечных деловых встреч и приехал на другой конец города.

– Что за чёрт? – выпалил парень настолько резко, насколько позволял какой-то ватный язык. Картинка перед глазами понемногу перестала расплываться, и больничная палата явилась его взору.

– Тебе стало плохо, – сухо ответил отец, вынимая из кармана зазвонивший телефон. Сообщение… в которое он тут же погрузился.

– Сейчас мне уже лучше. Могу идти? – пытаясь сделать голос, как можно твёрже, спросил Саске.

– Как только я поговорю с твоим врачом и выясню…

Мужчина замолчал, кажется, слишком погрузившись в смысл сообщения. Он так и стоял у кровати сына, зажав телефон в руках и быстро бегая взглядом по буквам. Тонкие губы недовольно скривились, и тот раздражённо нажал кнопку вызова.

– Отойду, – быстро кинул он через плечо, выходя из палаты. – Я, кажется, просил связать меня с господином Хакудо, как только…

Дальнейшего разговора Саске не слышал: стеклянная дверь закрылась за фигурой его отца, оставляя парня в полной тишине. Он медленно сел на кровати, ожидая, что перед глазами всё вновь запляшет, но в этот раз комната сохранила свои очертания.
Значит, ему стало плохо. Настолько, что его положили в эту палату, вызвали отца… И что же это могло быть?
Учиха обвёл задумчивым взором помещение. Ничего, что могло

бы дать ответ на его немой вопрос, здесь не было. Что ж…
Он встал, придерживаясь за кровать, и тут же быстро прошёл к двери, внутренне надеясь, что его не зашатает. Пальцы цепко впились в косяк двери, когда комната всё же начала накреняться вбок. Выдохнув, Саске осторожно выглянул наружу.
Отца видно не было, зато Итачи о чём-то быстро разговаривал с доктором, и на его лице читалась какая-то раздражённость.

– Саске, – заметив брата, тот жестом попросил доктора далеко не уходить и направился к парню, – ты зачем встал?

– Что за фарс ты здесь устроил? – вместо ответа спросил парень. – Что здесь делает отец, что за пляски вокруг меня?

– Давай я тебе потом всё объясню. Полежи…

Это был первый раз, когда Саске заметил то самое чувство в глазах брата. Жалость.

– Нет. В чём дело?

Возможно, Итачи бы вновь начал уговаривать брата пойти лечь, но в этот момент к ним подошёл отец, отключая телефон и убирая его в карман.

– Ты болен, – прямо заявил он. – Нам пора ехать. У меня совещание, а в этом свинарнике, – тот обвёл презрительным взглядом помещение, – мы тебя не оставим. Да и врачи тут…

Стоящий рядом доктор удивлённо поднял брови, но предпочёл держать своё мнение при себе. Лишь протянул Итачи какие-то бумаги, попрощался и направился прочь.

– Я никуда не поеду, пока мне не скажут, что со мной происходит, – упрямо заявил Саске, чувствуя себя десятилетним мальчиком, который отказывается покидать магазин игрушек, пока ему не купят вон того блестящего робота.

Отец смерил его взглядом серьёзнее обычного и коротко бросил:

– Опухоль головного мозга. В этом клоповнике операцию делать отказались. Некомпетентные крысы.

И вновь потянулся за зазвонившим телефоном.

– Идём. Мне действительно некогда, – сказал мужчина, разворачиваясь к братьям спиной.

– Пошли, – тихо шикнул Итачи, пытаясь подцепить брата под руку, но Саске упрямо сунул руки в карманы и прижал локти к бокам.

Ну… опухоль. И что? С этим живут? Или?
Взгляд сам собой упал на папки, которые нёс в руках брат. Наверное, это результаты обследования.

– Говорил же, что не нужно ехать в больницу, – прошипел парень, выходя следом за отцом на улицу.

Жаркий воздух ударил в лицо, от солнца пришлось зажмуриться, но вскоре раскалённый воздух остался позади, стоило Саске скользнуть в тёмное нутро машины.
Он сел на привычное место: слева у окна, уставившись на кленовую алею, чьи сочные краски были слегка приглушены тонированными стёклами.
Опухоль.
Наверное, это плохо.
По крайней мере, Саске слышал когда-то, что от этого умирают, но как-то слабо верилось.
Несмотря на пульсирующую боль в черепе, всю дорогу он пытался сидеть прямо, чувствуя на себе пытливый взгляд брата. Лишь бы не трогал опять. К чему это?

***

Оказавшись дома, Учиха первым делом налил себе стакан холодного апельсинового сока, вытрусил из упаковки три

таблетки от головной боли и запил их слегка кисловатым напитком. Надежда на то, что разрекламированное лекарство поможет сдержать то и дело накатывающую боль, казалась ему очень призрачной.
Замкнув дверь своей комнаты, Саске уселся за оставленный включенным ноутбук. Браузер встретил его незакрытыми вкладками, по которым он лениво пробегался взглядом ещё утром… до того, как Итачи потащил его в больницу.
Так странно. Курсор мышки завис над красным крестиком какого-то сайта с развлекательными видео. Учиха попытался поймать то чувство, которое неприятно ворочалось в его душе. Всего лишь несколько часов назад у него не было этого непонятного диагноза. Ещё утром он проснулся с точными планами на ближайшую неделю, месяц… жизнь? А сейчас всё будто с ног на голову перевернулось, разрушилось, разлетелось осколками. Ему на миг показалось, что, включив то самое видео, которое тот смотрел ещё утром, он сможет вернуться назад. В прошлое. Будто это что-то изменит, и жизнь вновь потечёт привычным руслом. Не будет этого волнения, что противной холодной волной разливается где-то под рёбрами. Всего один клик… и обратно дороги нет.
Саске глубоко вдохнул, внутренне удивляясь своей растерянности и мнительности.

– Опухоль головного мозга, – фыркнул он, пытаясь передразнить голос отца, и решительно кликнул по красному крестику.

Внутри действительно что-то неприятно кольнуло, но тот списал это на пустой желудок.
Поисковик.
Тонкие пальцы быстро набрали ставшие уже почти привычными буквы.
Сотни… тысячи, миллионы ссылок. Первая, вторая, третья…

***

Спустя три часа поиска клочков информации Саске раздражённо отшвырнул мышку от себя и рухнул на кровать. Взгляд уставился в потолок.

Найденная информация как-то странно повлияла на него. Будто все эмоции и мысли выбило из его существа, оставив эту бесполезную телесную оболочку пустой.

– Да ну к чёрту, – выпалил в пустоту парень, поднимаясь и направляясь к двери.

Распахнув её, он почти нос к носу столкнулся с Итачи и поднял на того недовольный взгляд, когда старший брат ухватил его за предплечье:

– Чего тебе?

– Саске, я хочу с тобой поговорить, – как можно мягче начал парень, глядя сверху вниз на младшего брата. Его хватка ослабла, словно он испугался, что собственные пальцы способны проломить тонкую кожу того, ставшую в одно мгновение тоньше фарфора.

– Незачем, – отрезал Саске, стремясь обойти брата слева, но тот вновь заслонил проход. – Пропусти.

Взгляд совершенно чёрных глаз недобро сверкнул из-под отросшей чёлки. Итачи знал этот взор и то, что будет за ним, но всё же не сдвинулся с места.

– Ты не должен вести себя так.

– Как? – ощерился Саске, пристальнее вглядываясь в глаза брата. – Не трать своё время на меня, Итачи. Займись… чем ты там занимаешься? Крестиком вышиваешь?

Лицо старшего Учихи страшно побелело. Казалось, что, несмотря на недавний порыв заботы, Итачи близок к тому, чтобы всыпать по первое число завравшемуся младшему брату:

– Мы должны сесть и обсудить всё. Спокойно. Я понимаю… что тебе тяжело, ты…

Саске вновь попытался вырваться, но Итачи легко оттеснил

брата к стене, не давая лишний раз пошевелиться. Хотелось говорить, как можно убедительнее, как можно спокойнее, чтобы эти слова не бились о невидимую стену между ними. Но старший буквально чувствовал, как они отлетают от преграды и осколками осыпаются ему под ноги:

– Ты боишься…

– Я. Ничего. Не. Боюсь, – шипяще выдохнул парень, в ответ цепляясь за руки брата. Ему не было нужды сдерживать силу, наверное, поэтому Итачи нахмурился сильнее, машинально пытаясь отстраниться.

Этого Саске и дожидался.
Дёрнувшись, он высвободился из ослабевшей хватки брата, но равновесие вновь подвело его, и тело швырнуло на резные перила лестницы. Стоило огромных усилий вовремя сжать пальцы на тёплом дереве, чтобы не полететь вниз по ступенькам, приблизив и без того дышащий в затылок конец.

– Стой!

Кое-как выровняв шатающуюся перед глазами комнату, Саске поспешил спуститься вниз, слыша, как Итачи быстро нагоняет его.

– Я просто хочу поговорить с тобой! – как-то отчаянно выпалил тот.

– У меня нет настроения для разговоров.

Саске было направился в сторону выхода, но в этот момент сбоку показалась серая фигура отца, заставляя почти машинально остановиться.
За ним на мягком даже на вид диване сидела бледная, как мел, женщина. Микото, мать Саске и Итачи, сейчас казалась похожей на призрака. Рядом с ней на кофейном столике стоял стакан с водой и упаковка бумажных салфеток.

– Куда собрался? – привычно жёстко спросил отец.

– Прогуляюсь.

– Нет, – отрезал тот. – Ты пойдёшь наверх и поспишь.

– Выспался, – буркнул Саске, всё же продолжая свой путь к выходу.

За руку вновь попытались схватить, но, наученный общением с Итачи, он вовремя увернулся, почти бегом преодолевая расстояние до выхода.
Хлопок двери за спиной, словно последняя жирная точка в этом семейном концерте, где каждый из них взял на себя новые, непривычные роли.

Отрицание. Глава 1. All your lies.

"You're full of pride
And in arrogance you can't
Accept the nearing end
Of this short lived life"
10 Years – All your lies

«Ты полон гордыни.
И в своём высокомерии ты не можешь
Принять приближающийся конец
Этой короткой жизни».

Почти бегом Саске пересёк двор. Калитка скрипнула, и вот она – свобода.
Зная, что отец слишком горд, чтобы бежать следом за ним, а Итачи, скорее всего, сейчас корит себя за неспособность удержать словом, он сбавил темп. Тем более, в голове неприятно стучало, словно сердце переместилось на время из груди в череп.
Придерживаясь рукой за каменный забор, увитый диким виноградом, Учиха медленно брёл вверх по улице, стараясь выровнять дыхание. Действительно хотелось прогуляться. Вырваться из рушащегося привычного мира, где внезапно все стали такими заботливыми.
Саске усмехнулся, запустив руки в карманы. Ещё день назад все были поглощены своими делами. Отец – бесконечными деловыми совещаниями, мать – заботой о холодном и неблагодарном муже, брат – исполнением очередной жизненной цели.
Всё было идеально.
Идеально, чёрт возьми…
Учиха пнул пустую банку из-под газировки, что с грохотом покатилась по пустой улице. Проходящая мимо пожилая женщина удивлённо посмотрела на хмурого черноволосого

парня, осуждающе покачала головой, но лекцию о правилах поведения предпочла отложить на потом. Уж больно вид у того был озлобленный.
Но идеальный мир рухнул. И все будто вспомнили о его существовании, когда он уже смирился с их безразличием.
Саске свернул с тротуара. Ноги сами несли в привычное место: на заброшенную детскую площадку, где в беседке, поросшей диким виноградом, было так удобно прятаться от всего мира. Не то чтобы он хотел спрятаться, просто этот мир стал слишком непонятным.
Площадка встретила его тишиной. Ржавые качели и прогнившие лавочки, на фоне жёлтой высохшей на жарком летнем солнце травы, смотрелись жутковато. Создавалось ощущение, что парень пришёл не на детскую площадку, а на старое кладбище. Пройдя по знакомой узкой тропинке к беседке, Учиха уселся на спинку чудом уцелевшей лавочки. Только здесь он заметил, что небо начало затягивать свинцовыми тучами, а где-то поблизости то и дело грохочет гром.
Саске прикрыл глаза, пытаясь ощутить прохладу идущего неподалёку дождя.
А когда-то он до зубовного скрежета хотел, чтобы его семья обратила на него внимание. Чтобы о нём заботились так же, как заботились о брате. Он даже обижался на безразличие и попытки матери показать, что она способна делить свою любовь на двоих. Нет, на троих.
Дождь всё-таки пошёл. Сначала тихо-тихо и слабо, а потом всё решительнее забарабанил по черепичной крыше беседки. Долгожданная влажная прохлада всё же опустилась на горящее лицо Учихи, принося недолгое успокоение.

– Эй! Вот это ливень!

Звонкий голос вернул Саске из дремоты в реальность, где дождь и впрямь лил как из ведра. Выпрямившись, он неприязненно скользнул взглядом по новоприбывшему. Кажется, светловолосый парень попал под внезапно начавшийся дождь и поспешил найти убежище под первой попавшейся крышей. На вид ему было не больше восемнадцати, но, когда тот улыбнулся, Учиха мысленно скинул два года.

Слишком уж ярким и озорным выглядел этот незнакомец.

– Я Наруто, – звонко представился тот, протягивая руку для рукопожатия.

Саске взглянул на чужую ладонь и отвернулся, предпочтя притвориться глухим. Возможно, если не обращать внимания на этого странного человека, то он пропадёт, перестанет нарушать мнимое спокойствие своим громким голосом?

– Я тут мимо шёл… и вдруг дождь! Давно такого не было… и я, кажется, ноги промочил, – ничуть не смутившись игнорированию, Наруто присел на лавочку и принялся расшнуровывать кроссовки. – Ну, а зонта у меня с собой нет. Кто же его летом носит?! – досадливо выдохнул он, стягивая с ног обувь и дотошно проверяя её на предмет влажности. – С утра ясно было… и тут…

Учиха поморщился. Снова в висках начинало пульсировать, и он не знал, что тому было причиной: неясный диагноз или же этот не замолкающий поток сознания парня по имени Наруто.

– А ты молчаливый, – наконец заметил блондин, удостоверившись, что кроссовки достаточно сухи для того, чтобы вновь водрузить их на ноги.

Саске смотрел перед собой, мысленно проклиная этот некогда долгожданный для него дождь. Если бы не он, то сидеть ему сейчас в полной тишине и наслаждаться одиночеством.

– А может, ты немой или глухой? – как-то виновато улыбнулся Наруто. – Ты скажи… или сделай что-нибудь, если…

Учиха сделал. Резко поднялся и вышел под дождь, направившись обратно к дому. Хотя возвращаться в этот театр ему совсем не хотелось. Мир будто смеялся, делая его лишним везде, где он привык быть.

– Эй! Стой!

Хлюпающие шаги позади заставили Саске страдальчески закатить глаза. Но оборачиваться он не стал, перепрыгивая очередную лужу.
Может быть, этот придурок и отстал бы от него, но в этот момент картинка перед глазами на миг потемнела, и он пошатнулся.

– Давай помогу, ты чего?!

– Да отвали ты! – прорычал Учиха, кое-как вырываясь из рук сумасшедшего незнакомца. – Иди на хер!

И без того крупные голубые глаза расширились в удивлении, отчего Наруто стал выглядеть вовсе нелепо.

– Ты совсем того? Я просто помочь хотел.

– А я просил мне помогать?! – шикнул Саске, отряхиваясь, словно от чужого прикосновения на одежде остались следы.

– Ты чуть не упал.

– И?

– Я не знаю из какой пещеры ты вышел, но в цивилизованном мире люди помогают друг другу, – высокомерно заявил парень, как-то важно задирая подбородок, словно он был самым уважаемым и порядочным человеком в, том самом, цивилизованном мире.

Учиха хотел было что-то ответить, но слова застряли в горле. Зачем что-то говорить, доказывать? Спорить с незнакомцем, которого он видит первый и последний раз в жизни, посреди улицы под дождём, показалось ему в высшей степени глупо. Наверное, с его мозгом действительно что-то не так, раз он всё же завязал подобие разговора с этим… Наруто.
Покачав головой своим мыслям, Саске развернулся и быстро пошёл прочь от парня, надеясь, что тот не увяжется за ним. Но… он всё-таки увязался:

– Нам просто по пути. Не подумай чего… даже разговаривать с тобой не буду.

Учиха тяжело вздохнул. И как его угораздило встретить на пустой улице сумасшедшего?
Сдержать своё же обещание Наруто не смог, заговорив спустя пять минут:

– Дождь… когда же он кончится…

***

Когда Саске зашёл домой, то родители были, мягко говоря, удивлены его внешнему виду и столь позднему времени на часах. Их сын предстал перед ними в действительно плачевном состоянии: мокрая до ниточки одежда, такие же мокрые волосы, с которых то и дело капало, и грязная обувь.
Он поднял на родителей глаза, убирая с лица липнущую ко лбу чёлку. Мать, кажется, плакала, судя по покрасневшим глазам и судорожно зажатой в кулаке салфетке. Увидев сына, женщина прижала руку к губам, стараясь удержать вырывающийся наружу всхлип.
Отец смотрел холоднее обычного. Но Саске даже улыбнулся, встретившись с ним взглядом. От этой картины, изображающей двух якобы взволнованных родителей, хотелось смеяться. Громко, нервно и долго.

– Ты где был? – выпалил мужчина.

– Гулял, – отчего-то хрипло ответил Саске.

– Ты… знаешь вообще, который час?

Микото стояла безмолвным призраком позади Фугаку и лишь смотрела большими глазами то ли от страха перед зарождающимся скандалом, то ли от удивления тем, что её муж проявляет эмоции. Она всё сильнее прижимала руку к губам, уговаривая себя молчать.

– Я не маленький. И мне ваши колыбели давно не нужны.

Оставьте их для Итачи, – пробурчал Саске, направляясь к лестнице, ведущей наверх.

Но в этот раз рука отца оказалась быстрее. На запястье сжались пальцы, не давая двигаться дальше. Парень замер, осторожно поворачиваясь и вглядываясь в непроницаемое лицо Фугаку.

– Ты под домашним арестом.

– Не напугал, – фыркнул Саске.

Внутри поднималась волна раздражения. Что им всем надо?! То Итачи, то тот совершенно незнакомый парень… как его имя… а чёрт с ним! Теперь ещё и родители. Какого чёрта, все они разом вспомнили о его существовании именно в тот момент, когда ему так хотелось побыть незаметной тенью?!
Злость прибавила сил, и Саске резко отшатнулся от отца, который от неожиданности разжал руку. Ноги ударились обо что-то, и он обернулся, отступая в сторону – журнальный столик, на котором в беспорядке разбросаны те самые бумаги, что Итачи привёз утром из больницы.
Саске схватил первую попавшуюся папку со стола и вперился немигающим взглядом в ровные, какие-то равнодушные к чужой судьбе буквы. Глаза выхватывали печально известные слова…
Злость взяла верх. Скомкав кое-как пластиковую папку, он бросил её под ноги. Хотелось разбить что-то, но тот не успел схватиться за хрустальную вазу, стоявшую рядом с бумагами. Хлёсткая пощёчина заставила замереть на месте.

– Возьми себя в руки!

Тишина, повисшая в комнате, разрушалась лишь стуком пульса в висках, но вряд ли родители это слышали.
На удивление, злость прошла.
Выдохнув, Саске медленно побрёл к лестнице, на которой едва не столкнулся с вышедшим на шум братом. Итачи смотрел на него сверху вниз сонными глазами и не стал пытаться остановить, когда тот прошёл мимо.
Реальность вернулась лишь тогда, когда за его спиной

захлопнулась дверь. Повинуясь какому-то внутреннему порыву, Саске сгрёб со стола смятые купюры и засунул их в схваченный со спинки стула чёрный рюкзак. Оглядев комнату, он заметил, что Итачи всё-таки попёрся за ним и теперь стоит в дверях, молча буравя взглядом.

– Родители волновались за тебя, – тихо начал брат. – Они думали ты что-то с собой сделал.

– Пф, – неопределённо фыркнул Саске. Спорить, ругаться уже не было ни сил, ни желания.

Он обошёл брата, слегка задев плечом, и спустился вниз, где всё ещё висела напряжённая тишина. Чувствуя на себе пристальный взгляд, он вышел из дома, вновь захлопнув за собой дверь.
Находиться там стало практически невыносимо.
Выйдя на середину улицы, освещённой неярким жёлтым светом, Учиха огляделся. Пусто.
Хотелось выпить и покурить.

***

Стоя на остановке, Наруто вглядывался вдаль, хотя надежда уехать домой на автобусе умерла ещё полчаса назад. Он, в силу своей рассеянности, вновь пропустил последний рейс и теперь протирал взглядом расписание маршрутов, надеясь, что всё же ошибся, не доглядев какую-нибудь цифру. Но нет. Расписание было безжалостно к нему…
Печально выдохнув, он поморщился, поёжившись от ночного холодка, что начал пробираться под влажную одежду. Обхватив себя руками, парень прислонился плечом к стенду объявлений. Родители убьют, если он не вернётся домой к утру, а идти пешком… очень уж не хотелось. Да и что таить, было не по себе от всех этих пустых ночных трасс. И, конечно, Узумаки не боялся! Ещё чего! Да он даже слова такого «страх» не знает…
Наруто мысленно ругнулся. Наверняка, если бы не тот чокнутый тип из беседки, за которым он попёрся из лучших побуждений, то на автобус бы не опоздал.
Наруто сунул руку в карман, наткнувшись пальцами на

пластиковый бок сотового. В голове промелькнула мысль позвонить домой и объяснить родителям всё, но при взгляде на потухший дисплей он понял: по возвращении домой ему устроят хорошую взбучку. Аккумулятор телефона сел ещё три часа назад. Узумаки удручённо сунул сотовый обратно и в очередной раз испустил долгий тяжёлый вздох, словно это как-то могло облегчить его участь.
На стремительно пустеющей улице было тихо до такой степени, что слышался лай собаки где-то вдалеке. Прошедший ливень оставил на асфальте широкие лужи, а в воздухе неприятную прохладу, к вечеру превратившуюся в пробирающий до костей холодок. В этой вечерней тишине как-то неестественно громко прозвучал звон выпавших у кого-то из рук ключей. Наруто повернулся на этот звук далеко не из-за любопытства, просто в окружающей его вечерней полутьме это не могло не привлечь внимания.
На фоне желтоватого света фонаря какая-то слегка нескладная фигура замерла над поблескивающими на асфальте ключами. Это был парень, хотя он не спешил судить: волосы до плеч могли быть и у излишне худой девчонки.
Незнакомец всё-таки поднял ключи и сунул их в карман джинс, а затем, словно чувствуя на себе взгляд, повернулся. Фонарный свет сыграл злую шутку с воображением Узумаки, наградив темноволосого парня какими-то заострившимися чертами лица и чёрными провалами вместо глаз.

«На гопника вроде не похож», – подумал он, то ли сожалея, что не получится набить кому-то морду, то ли радуясь тому, что кто-то не набьёт его в ответ.

– Эй! – неожиданно крикнул-каркнул незнакомец, и его голос разнёсся по улице. – Ты Наруто?

Узумаки нахмурился, отлипая от стенда и щурясь. Против желтоватого света было плохо видно, но темноволосый начал стремительно приближаться к нему.
Наруто быстро прикинул в уме, кому он должен в этом районе или кому мог насолить своими не в меру острыми высказываниями. Да нет… вроде бы всё должно быть тихо-мирно.

Но все опасения и вопросы отпали, когда незнакомец приблизился на расстоянии вытянутой руки. От удивления у Наруто даже брови поднялись, но он поспешил придать своему лицу как можно более серьёзное выражение. Так он выглядел солиднее… вроде бы:

– Ты?! Опять?!

– Час назад ты от меня отставать не хотел, – с ехидной ухмылкой проговорил брюнет. – Прошла любовь?

– Чего тебе? – игнорируя фразу про любовь, резко спросил Узумаки.

Ну да, проводил человека до дома… но лишь потому, что вырос в хорошей семье и знал с детства, что ближним нужно помогать! Хотя… какой этот тип ему ближний?
Наруто одёрнул себя, поняв, что его лицо вновь приобретает растерянно-удивлённое выражение.

– Выпить хочу.

– А я причём?! – опешил Узумаки, складывая руки на груди. – Я тебя вообще не знаю…

– Саске Учиха. Студент второго курса отделения журналистики. Наверное. Живу с отцом, матерью и старшим братом-засранцем. Есть кот. И рыбки. Всё? Знакомство можно считать состоявшимся?

Брюнет протянул узкую ладонь для рукопожатия, требовательно уставившись на Наруто совершенно чёрными глазами.

– Я не могу с тобой пить! – упрямо возопил Узумаки, убирая руки в карманы. – И мне домой надо…

Странный парень по имени Саске заглянул за спину Наруто, слегка прищурившись. Его взгляд быстро пробежал по расписанию маршрутов, и тонкие губы вновь исказились в

ехидной усмешке:

– Если ты ждёшь волшебный автобус, то такие здесь не ходят.

– Не волшебный, а обычный! – фыркнул Наруто, но тут же мысленно ругнулся. Этот… Учиха специально, что ли?

– Что ты ломаешься? – осклабился Саске. – Тебе всё равно некуда пойти.

– Откуда ты знаешь? – опять повёлся Наруто.

– Если бы было, уже бы пошёл.

Узумаки мысленно проклял свой язык, который никак не хотел держаться за зубами:

– У меня телефон сдох! А заявиться к кому-то ночью без звонка…

– Да ты у нас благородная девица, – усмехнулся Учиха, роясь в карманах.

Вскоре на свет фонаря появился покоцанный телефон с треснувшим дисплеем. На удивление Наруто, это чудо техники ещё работало.

– Сделка, – заявил Саске.

– Что?

– Сделка, говорю. Ты идёшь выпить со мной, а я дам тебе позвонить.

– Ты рехнулся… не нужно мне от тебя ничего.

– Какой же ты…

– Ты не лучше.

– Хорошо, – быстро бросил Учиха, убирая телефон в карман. – Стой тут, мёрзни. Первый автобус в пять утра, удачи, – с этими словами Саске развернулся и направился прочь от остановки.

«Ну и буду», – мысленно пробубнил Наруто, вновь прислоняясь к стенду.

Холод, как назло, начал ощутимее щипать за кожу, а в желудке противно заурчало. Да и времени до пяти утра ещё о-о-очень много:

– Эй! Стой…

Узумаки быстро нагнал парня и с самым хмурым видом посмотрел на него, мол, делаю тебе великое одолжение – цени. Ведь стоять у стенда так интересно:

– Куда мы пойдём?

Но Учиха молчал, кажется, запас красноречия он потратил несколько минут назад, пытаясь уговорить Наруто стать его собутыльником.
Узумаки не знал, почему идёт за хмурым и неразговорчивым молодым человеком, который за последние двадцать минут не сказал ни слова. Кажется, тот вовсе забыл о компаньоне.

– Заходи, – внезапно бросил Саске, указывая на что-то тёмное.

Наруто давно перестал смотреть по сторонам и только сейчас поднял голову. Та самая беседка на старой детской площадке, с которой всё началось.

– Здесь будем? – удивился Узумаки.

– Что-то не устраивает? – хмуро отозвался Учиха, ставя на лавочку тёмные бутылки.

Только сейчас Наруто заметил, что у парня на плече висел чёрный рюкзак:

– Тут не теплее, чем на остановке.

– Грейся, – кивок в сторону бутылок, а сам Саске уселся на лавочку, закуривая.

Терпкий дым дешёвого табака резко ударил в нос Узумаки, заставляя того поморщиться. Он когда-то пробовал курить, но как-то не пошло – сразу стошнило. Уж отчего у его организма была такая странная реакция на никотин Наруто не знал, но проверять второй раз не тянуло.
И вот вновь о его присутствии забыли. Он, поджав губы, огляделся. Ночью беседка выглядела ещё мрачнее, чем днём. Разросшийся дикий виноград заплёл собой всё, напоминая какого-то лохматого огромного зверя, что в порыве непонятной нежности обнял хлипкое строение. Из-за сырости здесь слегка пахло грибами и землёй, а по ногам противно стелился холодок.

– Ты обещал дать телефон, – напомнил Узумаки, вставая рядом.

Учиха поднял на него глаза, в которых отразился красноватый отблеск огонька сигареты. Молча парень взял одну из бутылок, быстро откупорил её и сделал пару больших глотков. Поморщился, отёр губы и передал тару Наруто:

– Выпей.

Тот вздохнул, совершенно не желая напиваться. Вернуться домой поздно ночью или рано утром одно, а предстать перед родителями с явным запахом спиртного – это совсем другое. Но деваться было некуда. Выдохнув, Узумаки сделал первый нерешительный глоток. Жидкость, кажется, едва коснувшись языка, тут же испарилась, обдав горло и пищевод жгучим пламенем.

– Кха, – только и смог выдохнуть Наруто, хватаясь за горло. Коньяк. Он никогда не любил коньяк за его убойную крепость.

Саске любезно забрал бутылку из разжимающейся руки парня и вновь приложился к ней.

– З-закуска? – проговорил Узумаки, всё ещё прибывая в прострации.

– Листиком зажуй, – отозвался его собутыльник.

– Телефон давай! – отдышавшись выпалил Наруто. Почувствовавший себя полноправным хозяином в пустом желудке, алкоголь начал медленно проявлять интерес к его мозгу.

Удивительно, но телефон ему протянули. Блондин, выхватив оный, быстро набрал номер отца.

– Па, – выпалил он в трубку, – я опоздал на автобус… опять.

Учиха заинтересовано скосил взгляд на меряющего беседку шагами парня.

– Где я? Да… с другом, – неуверенно сказал Наруто, взглянув на собутыльника. – Ну… не то чтобы с другом… учимся вместе.

Саске прыснул, вновь затягиваясь сигаретой. Друг…

– Сейчас у него… я на первый автобус сяду. Да… и маму успокой…

Учиха, не дождавшись конца разговора, выхватил трубку у того из рук.

– Ты чего?! – возопил Узумаки.

– Пей.

И снова бутылка под носом.

– Пей и потом позвонишь ещё, если надо.

– Да что б тебя! – зло рыкнул Наруто, понимая, что оборванный разговор тоже не особо порадует отца. А телефон, кажется, этот

мерзавец вырубил.

Снова обжигающее горло пойло. В этот раз он сделал аж три глотка, прежде чем закашляться. Алкоголь радостно встретил подмогу и всё-таки нанёс свой удар. Ноги стали ватными, и Узумаки поспешил опуститься на лавочку, обхватывая голову руками.

– Ты козёл, – пьянее выдохнул он. – Не мог дать поговорить нормально…

Ему тут же под нос был сунут телефон, но в голове прилично шумело, а язык начал заплетаться, и Наруто оттолкнул руку.

– Как хочешь.

Рядом опустились. Послышались глотки и тяжёлый вздох. Узумаки поднял глаза на небо, на котором звёзды начали странно подпрыгивать.

– Ты вообще кто такой? – прошипел Наруто, переводя пьяный взгляд на Саске. – Нормальные люди ночью не шляются…

– А кто шляется ночью?

– Придурки всякие, – безапелляционно заявил Узумаки, – у которых в голове рамэн вместо мозгов!

Наруто не сразу понял, чем вызвана усмешка на губах Учихи. Отпив из бутылки, Саске выдохнул:

– Значит, и ты придурок.

– Почему это?!

От негодования Наруто даже вскочил на ноги, уставившись на собеседника так, будто тот обвинил в самых грязных делах всю его семью.

– Ну, ты же шляешься ночью, – безразлично пожал плечами

Учиха.

– Это другое! – махнул рукой Узумаки. – Ты меня заставил!

– Я? – взгляд тёмных глаз устремился куда-то на лоб Наруто. – Я тебя сюда силой не тянул. Ты был волен остаться там на остановке. Но ты настолько тряпка, что попёрся за мной следом…

Узумаки понял: опять купился. Опять попал в эту замысловатую сеть из слов, которую так умело плёл этот… Саске. Словно он знал заранее каким будет следующее слово, какой будет его реакция… Вместо оправданий Наруто выхватил из руки парня бутылку и ненадолго приложился к ней.

– Ты настоящий придурок, – фыркнул Узумаки, раздражённо ставя полупустую бутылку на лавочку. Внутри всё горело то ли от спиртного, то ли от осознания того, что с ним играли в какую-то непонятную игру.

Смерив Учиху уничижительным, как он надеялся, взглядом, Наруто развернулся прочь, стремясь быстрее покинуть злосчастную беседку. Куда он пойдёт, что будет делать до пяти утра – Узумаки не знал. Но он был точно уверен, что находиться рядом с этим сумасшедшим ему совершенно не хотелось.
Его никто не останавливал. Лишь странный смешок полетел в спину, и что-то булькнуло – кажется, тот открыл вторую бутылку.
Не то чтобы Наруто ждал извинений, всё-таки они не были друзьями, но, когда Саске не попытался его остановить, внутри что-то неприятно завозилось. Он не был уверен, что это такое… возможно просто алкоголь…
Хотя бы в одном Узумаки оказался прав сегодня – ночью по улицам тихого пригорода действительно бродили придурки.

– Эй, белобрысый, закурить есть?

Наруто поднял глаза на заслонившего выход из беседки парня или мужчину: фигура была высокой и широкоплечей. Из-за

того, что позади незнакомца светил фонарь, он не смог разглядеть его лица, только красноватый огонёк сигареты то и дело тлел, когда мужчина затягивался.

– Не курю, – буркнул Узумаки, стараясь обойти верзилу. – Да и ты уже, похоже, куришь.

– А он наблюдательный! – донеслось из-за спины курящего.

– Слушайте, я не в настроении, – выдохнул Наруто. – Давайте не будем…

– А то что?

Третье действующее лицо появилось внезапно, откуда-то сбоку. Кажется, он просто перепрыгнул через низкие перила беседки, обходя Узумаки со спины.

– Я просто не хочу бить вам морды, – самоуверенно заявил Наруто. Алкоголь придавал смелости… и глупости.

Кажется, трём юным бандитам это заявление показалось очень смешным, потому что беседка тут же огласилась каким-то странным смехом, похожим на лай гиен.
Узумаки знал, что последует за этим. Он становился частым участником уличных драк и уже успел выучить примерное поведение таких отморозков. Били они сильно, но недолго, стремясь нанести как можно болезненные удары по самым незащищённым местам, а затем смывались, прихватив с собой то ценное, что могли найти у своего противника.
Наруто приготовился. Напряг торс, чтобы удар под дых не прошёл если что, сжал кулаки и слегка ссутулился. Сейчас начнётся.
Дзынь! Глухой удар…
От удивления все будущие участники драки обернулись на звук. Тот отморозок, что стоял у Узумаки за спиной, теперь валялся в ногах, схватившись руками за затылок. Сквозь его пальцы сочилась тёмная кровь.
Над скулящим парнем стоял Саске с пустой бутылкой в руках и сигаретой в зубах. Его слегка покачивало, но, судя по кривой

улыбке на губах, так просто отступать он не собирался.

– Да ты охренел, – прошипел верзила.

«Ну вот… началось», – пронеслось в голове у Наруто, но кулак уже летел в челюсть к стоящему напротив амбалу.

Третий отморозок кинулся к Учихе.
Биться с таким крупным противником было и трудно, и легко одновременно. Удары верзилы были сильными, но ему не доставало ловкости из-за его крупных размеров. Зато Узумаки ловко маневрировал, нанося пусть не сильные, но болезненные удары.
Скулу обожгло огнём, и Наруто отбросило на стену. В глазах запрыгали искры, и он поспешил тряхнуть головой, ставя мозг на место. Верзила не двинулся к нему, вопреки ожиданиям, а направился к занятому третьим отморозком Саске.
Двое на одного?!
Праведная ярость в душе Узумаки обожгла всё нутро, заставляя тело броситься вперёд, нанося удар в спину громилы.

– С-сука, – выдохнул тот, разворачиваясь, но Наруто краем глаза заметил, как в руке у противника Учихи что-то опасно сверкнуло.

– Саске! – выпалил Узумаки, пропуская удар верзилы, который метил точно в солнечное сплетение.

Как обычно бывает от таких ударов: тело сковало лёгкой судорогой, ноги подкосились, а воздух напрочь выбило из лёгких. Боль сжала не только рёбра парня, но и его горло, не давая ни вдохнуть, ни выдохнуть. Он попытался встать, но его повело в сторону, бросив на стену беседки, за которую он тут же ухватился пальцами, дабы не упасть вновь.

– Остор…

Но слова застревали внутри.
Верзила вовсе потерял интерес к нему, направившись к не в меру юркому и раздражающему Учихе, в руках которого всё

ещё была зажата бутылка. Ругнувшись, Наруто нашёл в себе силы, чтобы вновь броситься на игнорирующего его противника. Бить со спины было неудобно и как-то мерзко, но он понимал, что сейчас нужно забыть про честь и какие-то правила. Это улица, а это самые последние отморозки, готовые прирезать любого.
Узумаки ударил ногой под колено верзилы, заставляя того оступиться и рухнуть на одно колено. Следующий удар пришёлся локтем в нос, опрокидывая отморозка на землю.

– У него нож! – выпалил Наруто, оборачиваясь к Саске.

Тот не стал реагировать на какие-то посторонние звуки. Размахнувшись, Учиха швырнул бутылку в своего противника, но тот ловко увернулся, довольно осклабился, но в этот же момент понял – зря. Что-то больно толкнуло его в грудь, затем в сгиб локтя – по руке с ножом пронёсся вихрь из электрических искорок. Пальцы моментально онемели, и из них быстро забрали нож. Он ударил наугад – в лицо, попал. Саске отшатнулся, чтобы тут же оказаться рядом и пнуть противника в живот.
Наруто удивлённо нахмурился. А с виду не скажешь, что этот Учиха может постоять за себя.

– Ну тебе конец! – прорычали где-то сбоку.

Узумаки обернулся, вновь нанося удар в лицо верзилы. Он считал свой бой выигранным, потому что его противник, зажимая кровоточащий нос, был не способен подняться. Боль – отрезвляющее чувство. Иногда.
Однако не в этот раз. Верзила вскочил, хватая Наруто за плечи. И кто знает, что бы случилось с ним в следующий момент, если бы не писклявый крик второго нападающего:

– Эй! Стой!

Узумаки вновь повернулся назад и, к своему очередному удивлению, увидел такую картину: гопник был усажен на лавочку, Саске, нависая над тем, упёрся коленом ему в живот, а рукой с зажатым ножом целя куда-то в лицо.

– Левый или правый? – прошипел Учиха, недвусмысленно поигрывая ножом.

– Саске! – выпалил Наруто, чувствуя, что верзила разжимает руки и моментально теряет к нему интерес.

– Парень, не глупи, – пробасил противник Узумаки.

Гопник под Учихой попытался вырваться, но лезвие стало ближе к его глазу, и он замер.

– Слушай, это уже слишком, – выпалил Наруто. – Отпусти его.

– Ты ведь ничего не сделаешь! – подхватил верзила. – Ну, побились и хватит…

– Не сделаю, – как-то тихо прошипел Саске, и от этого голоса по телу блондина пробежался холодок.

– Прекрати!

– Левый или правый? – всё так же спокойно повторил свой вопрос Учиха.

– П-пошёл ты!

– Правый, значит? – усмехнулся Саске. И нож пришёл в движение.

Глава 2. Russian roulette.

"There's no such thing as sympathy
When the disease is entering…"
10 Years – Russian roulette

«Такого понятия, как сочувствие, не существует,
Когда приходит болезнь…»

Наруто и сам не понял, как внезапно оказался рядом с Учихой, стискивая его руки мёртвой хваткой. Саске даже не сопротивлялся: алкоголь дал о себе знать, размягчив тело и затуманив разум. Но цепкие пальцы всё ещё крепко сжимали нож.

– Сваливаем! – выпалил верзила где-то за спиной у Узумаки, цепляя своего сообщника, которому досталось бутылкой по голове, за шкирку и взваливая на плечо.

Несостоявшаяся жертва Учихи бочком съехала с лавки и буквально растворилась на месте.

– Саске, – выдавил из себя Наруто, вглядываясь в пьяные глаза того, – брось нож.

На миг Узумаки показалось, что в голове парня что-то щёлкнуло, и он уставился на него совсем по-другому, осмысленно.

– Отпусти, – как-то тихо и обречённо попросил Учиха, почему-то хмуря брови.

Наруто недоверчиво оглядел его, раздумывая: а не кинется ли этот псих на него, как только почувствует свободу.

– Без глупостей, – предостерегающе произнёс Узумаки, всё-таки разжимая руки и отходя в сторону.

Саске покачнулся, складывая нож и машинально убирая его в карман. Наверное, он даже не осознал этот жест…

– Ты в порядке? – всё ещё настороженно спросил Наруто, отходя от того на пару шагов.

Учиха кивнул, прихватил рюкзак и направился прочь из беседки.

– Эй! – выпалил Узумаки, не понимая: оставаться ли ему на месте или идти следом. А если и пойдёт, то потом нарвётся на кучу колких замечаний и эту осточертевшую ехидную ухмылочку?

Но спустя пару минут понял, что бросить человека в таком состоянии ему не позволяет воспитание. Вдруг этому придурку опять приспичит кого-нибудь прирезать? О том, что этим «кем-нибудь» может стать именно он, Наруто как-то не подумал.
Они шли молча. И в этой тишине Узумаки как нельзя лучше начал ощущать то, как устало его тело, как болит разбитая губа и саднит скула. А ещё, кажется, болели рёбра, и он молился всем богам, чтобы не было перелома. Наруто опомнился, когда впереди замаячила знакомая остановка. Недоумевающе уставился на Саске:

– Ты проводить меня решил?

Ответа он привычно не дождался.
За время отсутствия Узумаки, остановка совершенно не изменилась. Да было бы странно, если бы что-то кардинальное произошло с таким обычным сооружением. Та же лавочка, покрытая мелкими каплями влаги, слегка помигивающий фонарь и треклятое расписание маршрутов.
Наруто прикинул: сейчас должно было быть около двенадцати ночи или полпервого. Не так уж долго они провели в беседке, а дорога туда и обратно заняла, хорошо если, полчаса.
Учиха сгрузил рюкзак с плеч на лавочку и раскрыл молнию,

вытаскивая оттуда невесть как незабытую в беседке бутылку коньяка. Открыл и приложился к ней, слегка морщась от боли в разбитых губах.
Его задумчивый взгляд был направлен на блондина, и от этого тому стало как-то не по себе. Узумаки бы обернулся проверить нет ли кого за спиной, кто мог бы вызвать столь пристальное внимание Саске, но вовремя себя одёрнул, представив насколько глупо это будет выглядеть.
Оторвавшись от бутылки, Учиха поставил её на лавочку и неровной походкой двинулся к отшатнувшемуся Наруто.

– Ты чего? – выпалил Узумаки, понимая, что этот взгляд не сулит ничего хорошего.

– Сядь, – резко сказал Саске, хватая того за плечи и силой усаживая его на лавочку.

Что этот псих задумал?!

– Эй! Отпусти, – рванул Наруто, но не тут-то было.

– Не дёргайся, – всё таким же ледяным тоном приказал Учиха, наклоняясь и придвигаясь к парню так близко, что Узумаки почувствовал на своей коже горячее дыхание, отдающее запахом коньяка.

Чёрные глаза встретились с его голубыми, и Наруто замер, не зная, что ожидать, но на всякий случай готовый ударить кулаком под дых этому психу.

– Готов? – серьёзно спросил Саске, прикасаясь рукой к его щеке.

– К чему…

Договорить Узумаки не успел.
Учиха выдохнул и резко схватил парня за нос…
Щелчок был первым. Потом была оглушающая боль, выбившая из глаз слёзы.
Если бы Саске не отстранился, то Наруто таки настороженно

врезал бы ему, но осталось лишь закрыть лицо руками и тихонько шипеть от боли:

– Ты сдурел!

Узумаки показалось, что тот выдернул ему нос с корнем. Он осторожно прислонился пальцем к тому месту, где раньше был орган обоняния, и тут же едва не взвыл от новой вспышки боли.

– Утром сходи в травмпункт, – холодно посоветовал Учиха, вновь отпивая из бутылки.

– Чего ты вообще лез?! – прошипел Наруто, чувствуя, как слёзы быстро наполняют глаза вновь.

– Прости, не смог удержаться, – ухмыльнулся Саске. – Так люблю делать людям больно…

– Псих!

Учиха пожал плечами, и его заметно пошатнуло. Если бы не стоящий позади него рекламный стенд, на который его и бросило спиной, то парень неминуемо бы упал на асфальт. Бутылка, выпавшая из его рук, звонко тренькнула, разлетаясь на мелкие осколки, какие-то капли слегка оросили джинсы Узумаки, и в воздухе разлился терпкий запах коньяка.

– Меньше пить надо, – мстительно шикнул Наруто, всё-таки убирая руки от лица.

Нос почти онемел, и трогать его в очередной раз Узумаки не горел желанием, боясь вызвать новую вспышку боли.
Ему хотелось думать, что Саске хуже, чем ему. Ведь, судя по всему, дрались они наравне, но вот нос сломали только Наруто. А этот отделался всего парой ссадин да разбитыми губами. Везучий.
На пару секунд ему показалось, что Учиха прикрывает глаза в знак согласия, но в следующий момент парень понял, что того просто вырубило.

– Чёрт, – рыкнул он, едва успевая вскочить и подхватить оседающее тело под руки. Кое-как взгромоздив оное на лавочку, Узумаки выпалил в бледное лицо: – Достал ты меня! Я тебе нянька, что ли?!

В порыве нахлынувшей злобы, которая ещё не до конца выветрилась после драки, Наруто вскочил на ноги. Его обличающая поза и горящие праведным гневом глаза должны были пробудить в Саске хотя бы толику совести, но, кажется, тот отключился надолго.
Без опоры рядом тело начало заваливаться набок, и Узумаки вновь пришлось подхватить его под плечо, придерживая и ругаясь.
А ведь он всего лишь захотел проявить человечность, проводив этого психа домой! А во что это вылилось? Он опоздал на автобус, замёрз, промок, напился и подрался. А теперь ещё и этот урод то ли вырубился, то ли подох.

– Эй! – Наруто тряхнул его за плечи, желая вызвать хоть какую-то реакцию.

Наверное, Учиха выпил больше своей нормы, и мозг таки вырубился, не желая больше позволять безрассудному телу травить себя высокоградусной гадостью. А судя по щуплому телосложению, этому до кондиции много пить не нужно: хватило бы и бутылки, тогда как он выжрал почти три… и почти в одиночку.
Узумаки хмурился. Ему всё это не нравилось. Он даже приложил пальцы к холодной и слегка влажной шее, пытаясь нащупать пульс. Тот оказался слишком быстрым. Правда, парень не был уверен, как должно биться сердце в нормальном состоянии.

– Чёрт, – в очередной раз буркнул Наруто, оглядывая стремительно бледнеющее лицо бывшего собутыльника. На миг ему даже показалось, что губы Учихи как-то странно посинели, и в душе неприятно завозился лёгкий страх. – Ты мне подохни тут! Я что с тобой делать должен, труп ты эдакий?!

– Добей, – одними губами проговорил «труп».

– Что?! Да ты ещё и…

– Саске?

Договорить свою гневную речь Узумаки не успел. Он обернулся на незнакомый голос и увидел высокого молодого человека в чёрной ветровке и тёмных джинсах. Незнакомец щурился, но вскоре уже бежал к ним. Наруто напрягся, когда темноволосый парень опустился рядом с ними, хватая Учиху за плечо.

– Вы его знаете? – ничего непонимающе выговорил Наруто.

– Я его брат. Что с ним? – быстро протараторил тот, придерживая безвольное тело и стараясь разглядеть в тусклом фонарном свете его лицо.

– Ну… мы подрались, – почесал в затылке Узумаки. – Точнее… сначала выпили, а потом подрались. Не друг с другом! С… отморозками какими-то.

– Выпили, – нехорошо повторил незнакомец, и его брови сошлись над переносицей. Недолго думая, он легко подхватил тело брата под плечо, придерживая рукой, и направился в сторону припаркованной небольшой машины.

– До свиданья, – запоздало выкрикнул Наруто, наблюдая, как парень аккуратно сгружает тело на заднее сиденье и захлопывает за ним дверь. Обежав машину, тот уселся на место водителя, и вскоре по улице разнёсся тихий рык мотора. Свет фар слегка ослепил Узумаки, и он прищурился, провожая машину взглядом.

Когда на улице наступила полная тишина, нарушаемая тихим пением сверчков, Наруто опустился на лавочку. Он чувствовал себя опустошённым. Словно… использованная вещь, которая послужила хорошую службу, но хозяин поспешил забыть о ней, как только в его жизни появились занятия поинтереснее. Хотя, чего он ожидал?
Узумаки прыснул со смеху. Было смешно. Смешно с самого

себя – такого наивного ребёнка, который подумал, что эта случайная и в крайней степени глупая встреча сможет перерасти в новую крепкую дружбу.
Наруто никогда бы не признал своей наивности вслух, да и на все обвинения в этом постыдном качестве обычно огрызался весьма злобно. Но наедине с самим собой он мог честно сказать – наивен, как последний дурак. Верит в людей, в их светлую сущность. И чувствует себя брошенным, использованным, когда люди проявляются с другой стороны.
Выдохнув, Узумаки посмотрел на небо. Всё ещё тёмное. Внезапно нахлынуло волнение, воспоминание о том, что разговор с отцом был прерван так внезапно… а теперь на лице Наруто ещё надолго останутся следы недавней драки. Так что с утра родители действительно увидят чудную картину. И ведь не поверят в невиновность сына.
Мысли о самоедстве моментально сменились другими, более насущными: как бы так выкрутиться из довольно неприятной ситуации…

***

Саске снилось что-то странное. Или не снилось вовсе, а происходило наяву, но воспалённый мозг играл с ним, прикрывая реальность замысловатыми всполохами красок и странными звуками чужих голосов.
Сквозь щёлку прикрытых век, Учиха видел однотипный белый потолок с яркими полосами ультрафиолетовых ламп, чей свет ощутимо бил по глазам, и эта тупая боль отзывалась где-то во лбу.
Сначала была непонятная тряска, будто бы его тащили на спине кверху ногами… но нет… скорее всего его просто несли. Первой мыслью Саске было вырваться, но, попробовав дёрнуть рукой, он понял – бесполезно. Конечности хлыстами висели в воздухе и лишь слегка покачивались в такт чужих шагов.
Потом под спиной оказалось что-то твёрдое, и Учиха почувствовал, как его тело выпрямляется. Ему стало даже приятно на миг, когда затёкшие мышцы расслабились, но в следующий момент ноги сковало такой резкой судорогой, что он моментально вынырнул из вязкого небытия.

– Чёрт вас всех дери! – выдохнул он, пытаясь унять судороги и отдышаться одновременно.

– Спокойно.

Кто-то нагло схватил его за руку:

– Сейчас придёт врач…

– Да идите вы все на…

Послать всех по давно известному адресу Саске не смог. Мозг вновь решил лишить тело контроля над ситуацией, посылая сознание в уже привычную темноту.

***

Учиха проснулся от тихого писка. Казалось, что-то пищит в левом ухе. Едва разлепив глаза, он решил, что это будильник. Похлопал рукой по подушке сбоку, где обычно лежал его телефон, но наткнулся на холодную ткань и открыл глаза. Приятный полумрак резко отступил, уступая место яркому белому свету, что беспрепятственно лился в окно.
Саске с трудом сел, чувствуя себя расклеившимся башмаком, потёр виски и встал. Придерживаясь за стол, он дошёл до окна и дёрнул за верёвочку, опуская жалюзи. Только оказавшись в спасительном полумраке, тот понял, что это место ему незнакомо, хотя в голове поселилась уверенность в том, что он стоит посреди больничной палаты. Довольно дорогой палаты, в которой было всё: мягкий диван, небольшой телевизор, даже журнальный столик с ворохом ярких газет и каких-то буклетов. На стенах висело несколько картин, но его взгляд уцепился за ещё одну дверь, в которую он и направился.
Это была небольшая ванная. Душевая кабинка, унитаз, раковина и висящее над ней зеркало. Едва завидев краник, Учиха понял: жажда превратила его горло в пустыню…
Руки ткнулись в кран, не с первого раза откручивая вентиль. Холодная вода полилась в белое горло раковины, разбрызгивая мелкие капли, которые оседали на его больничной одежде тёмными пятнами.

Саске подставил под холодный поток ладони. Вода скользила по ним быстро, очерчивая бледные пальцы серебристыми струйками, покалывая кожу холодом. Он склонился над раковиной, делая несколько глотков. Живительная влага прокатилась по горлу, и дышать стало легче. Но удовольствие длилось недолго. Стоило воде достигнуть желудка, как оный скрутило спазмом, и парень бросился к унитазу, больно ушибив колени о холодный кафель.
Лишь спустя пять минут Учиха вернулся к раковине, прополоскал рот и сделал ещё пару глотков, надеясь, что в этот раз желудок воспримет воду спокойнее. Он даже замер над раковиной, не решаясь отойти, но всё было спокойно. Спазмы прошли.

– Идиотизм, – выдохнул Саске, всё-таки поднимая взгляд на своё отражение.

Если бы он верил во всю мистическую чушь, то подумал бы, что увидел призрака. Зеленоватый цвет лица прекрасно подходил к тёмным кругам подвпавшими и как-то странно блестящими глазами. Разбитые губы поджили, но на них всё ещё виднелись глубокие тёмно-красные борозды, которые в сочетании с бледным цветом остальной кожи выглядели непозволительно ярко. Картину завершала внушительных размеров ссадина на скуле и разбитая бровь.
Хмыкнув каким-то своим мыслям, Учиха отлип от раковины и медленно направился обратно в палату. Взгляд быстро забегал по ней в поисках нормальной одежды.
Дверь палаты тихо приоткрылась, и внутрь вошла миловидная женщина в светло-голубой больничной униформе.

– Вижу, вы уже проснулись, – с добродушной улыбкой протянула она, прикрывая за собой дверь.

Саске нахмурился. Её непонятная приветливость напрягала. Более того, он не понимал, чему тут можно было улыбаться.

– Где я? – выпалил он.

– Частная клиника «Озеро», – всё так же приветливо

проговорила женщина, и Учихе показалось, что эту дурацкую улыбку пришили ей на лицо.

– Какого хера я здесь делаю?! И где моя одежда?!

Персонал частной клиники готовили ко всему, поэтому на явную враждебность и грубость была тут же выбрана другая улыбка: не такая широкая, но всё ещё лучащаяся доброжелательностью:

– Ваш отец решил, что вам здесь будет лучше. А ваша… одежда… была выброшена. Ваш брат привезёт вам новую…

– То есть они сдали меня вам на руки? – изогнул бровь Саске.

Раздражение начинало набирать обороты… и если она ещё раз улыбнётся, то он за себя не ручается…

– Поверьте, в вашем положении это самое лучшее место для вас. Здесь вам окажут всю необходимую помощь специалисты.

– Засуньте своих специалистов себе в зад! – выпалил Учиха. – Я не давал своё согласие оставаться здесь…

– Не давали, – привычно спокойно кивнула женщина, – но вас привезли сюда без сознания. Лёгкое алкогольное опьянение… но в вашем состоянии это…

– В каком таком, чёрт тебя дери, «вашем состоянии»?! – почти выкрикнул Саске, злобно уставившись на эту ангелоподобную медсестру.

– Это вам скажет ваш лечащий врач, – кивнула та, виновато улыбаясь. – Я здесь, лишь чтобы спросить: «Чего бы вы хотели на завтрак?»

– Мозг того придурка, который додумался привести меня в этот дурдом.

Лицо женщины на миг потеряло заледеневшее

доброжелательное выражение, но в следующий момент она вновь нацепила улыбку.

– Я принесу вам кашу, – кивнула она и вышла.

– Чёрт, – буркнул Учиха, стараясь подавить приступ раздражения. Он никогда прежде не замечал насколько сильным может быть это чувство.

Естественно сидеть в палате и дожидаться, пока ему принесут еду на блюдечке, он не стал. Натянув на ноги светлые тапки, Саске подтянул больничные штаны и вышел за дверь палаты. Хозяин этой богадельни приложил все усилия, чтобы данное заведение не выглядело казённым, но Учиха кожей чувствовал, как сквозь эти деревянные панели, сквозь мягкий бежевый ковролин просачивается мерзкий больничный холодок. Здесь почти ничем не пахло, хотя Саске мог поклясться: он то и дело чувствовал запах лекарств и ещё чего-то, что бывает только в больницах.
Учиха ненавидел такие места. Здесь пытаются прикрыть суть какой-то мишурой. Сюда привозят тех, кому осталось не так уж долго, и родственникам просто не хочется лишний раз с ними возиться. Отсюда и вся эта мягкость, приветливость персонала. А высокоуровневые специалисты, дорогое оборудование, которым напичкано это место? Простые средства, чтобы оправдать гордое название частной клиники.
Проходя мимо зала ожидания, Саске заметил на журнальном столике пачку сигарет с зажигалкой и, не раздумывая, стащил её, убрав в карман лёгких штанов. К его удивлению, коридоры оказались практически пустыми. Лишь иногда мимо проходили приторно-вежливые медсёстры да строгие врачи, которые даже не смотрели на пациента.
Выход во внутренний двор он нашёл не сразу – пришлось сделать пару кругов по больнице, прежде чем парень наткнулся на широкую дверь, за которой сразу начинался искусный сад. Учиха вышел, чувствуя, как по ногам приятно прошелестела невысокая, но влажная от утренней росы трава. Он вдохнул полной грудью свежий воздух, пропитанный запахом хвои и грибов. Но тут же закашлялся. Запахи лекарств не хотели покидать его, окружив голову Саске подобием зловонного

облачка.
В саду было многолюдно. Пациенты, кажется, ощущая искусственность внутренностей клиники, спешили покинуть её и быстрее выбраться наружу к запаху сосен, к высоким кустам белых и красных роз. В тени раскидистых ив он приметил скамейки и столики для игры в шахматы. Чуть подальше на просторной лужайке виднелся теннисный корт.
Учиха усмехнулся: как будто всё это кому-то понадобится. За то время, что он бродил по саду, парень успел ухватиться взглядом за тех пациентов, что прохаживались мимо. В основном люди в возрасте, но и молодые тоже встречались. И на лице каждого было что-то схожее… что-то объединяло их всех.
Да. Это была непростая больница.
Наконец-то найдя укромный уголок, Саске опустился на траву, прислоняясь спиной к шершавой коре ивы. Её ветви удачно отгородили его от внешнего мира, спрятав от назойливых санитаров, которые явно будут против того, что один из пациентов собирается отравлять сей свежий воздух сигаретным дымом.
Сделав первую затяжку, Учиха мысленно поблагодарил того растяпу, что оставил этот подарок на журнальном столике.
От никотина по телу разлилась приятная слабость, и он облокотился затылком о дерево, прикрывая глаза.
Пусть только отец или брат приедут… уж тогда Саске зубами вцепится тем в глотки, но не позволит им уехать в город без него.
Разговаривать с лечащим врачом, с этим высокоинтеллектуальным и дорогооплачиваемым хмырём не было никакого желания. Какая разница? Что он ему скажет? Ведь рано или поздно Учиха всё узнает сам, так зачем рушить то, что ещё кое-как держится? Зачем загонять себя в рамки томительного ожидания. Ожидания чего? Конца? Смерти?
Саске усмехнулся, делая ещё одну затяжку и с сожалением понимая, что начал курить фильтр. Отплевавшись от горького вкуса на губах, он достал новую сигарету и вновь затянулся.
Да и вообще… что такое смерть? Ну, будет она… она у всех будет. Хотя у некоторых раньше, а у других позже. Третьи вообще выйдут на улицу, и на голову им упадёт кирпич. Вот и всё. А если бы они знали про этот кирпич, то не вышли бы? Ну

да… и кирпич упал бы на голову другого простофили, а счастливчик бы сдох в своей квартире от утечки газа.

«Мы живём в ожидании смерти», – внезапно понял Учиха.

Это просто… самое интригующее событие в нашей жизни, которое может быть только один раз.
И даже всеми восхваляемая любовь не может соперничать с тем предвкушением, с которым люди ждут конца. Грустных фильмов в разы больше, чем розово-сопливых сказочек про долгую и счастливую любовь двух идиотов, которые не могут отличить игру гормонов от чувства, навязанного массовой информацией.
Не то чтобы Саске хотел умереть. Он просто не верил в то, что это может произойти именно с ним.

– Ты в курсе, что курить здесь нельзя?

Учиха приоткрыл один глаз, а затем и второй, выпрямляясь и без особого интереса рассматривая подошедшего к нему мужчину. Судя по его белому халату и пластиковому бейджику, он был одним из врачей.

– И я бы мог забрать у тебя сигареты прямо сейчас, – неторопливо продолжил обладатель светло-карих глаз.

– Так забирай, – безразлично пожал плечами Саске, но расставаться с пачкой ему совершенно не хотелось.

Учиха в очередной раз скользнул взглядом по врачу и мысленно отметил, что этот тип совершенно не похож на тех работников клиники, которых тот встретил по дороге сюда. На лице этого мужчины не было той приторной улыбки, а в глазах – лживого спокойствия. Он был настоящим…

– Зачем? – тонкие губы расползлись в улыбке. – Если тебе нравится, то кури. Только не в помещении и не при других пациентах. Многим это не нравится, а другим вовсе вредно.

Врач осторожно присел рядом и, к удивлению Саске, протянул

руку к его пачке и вытащил оттуда сигарету. Зажав оную в длинных костлявых пальцах, темноволосый вопросительно посмотрел на зажигалку, что парень машинально крутил в руках.

– А мне, значит, невредно? – наблюдая за тем, как мужчина выпускает клубы сизого дыма, спросил Учиха.

– Я Орочимару, – вместо ответа представился кареглазый. – Твой лечащий врач.

Саске не стал пожимать протянутую руку, лишь кивнул и вновь откинулся на ствол дерева, разглядывая лицо своего врача. Не очень молод, но и не стар. А вот глаза у него всё-таки не карие, а светло-чайные… почти жёлтые, когда на них падает свет.

– Ты, конечно, можешь курить, пить… делать, что хочешь, – продолжил свою речь мужчина, выпуская облако дыма, – но лучше тебе поберечь то, что осталось.

– И что мне это даст? – вздёрнул брови Учиха, не в силах наблюдать, как этот мерзавец курит, вытаскивая очередную сигарету.

– Лишний месяц… может, неделю, – как-то совсем уж спокойно и даже не смотря на него, отозвался Орочимару, туша окурок о траву и выбрасывая оный куда-то в кусты.

Саске прислонился затылком к коре ивы, вглядываясь в её перепутанные ветви, которые словно грубые шрамы исчертили собой ровное полотно голубого неба:

– Значит, я умру?

Голос показался хриплым. Но это, скорее всего, от горького сигаретного дыма.

– Да.

Очередная затяжка.

Следующий вопрос вышел из горла как-то трудно и легко одновременно:

– Когда?

– Предположительно… весной, – задумавшись ненадолго, ответил Орочимару.

– Ясно.

Глава 3. Waking up the ghost.

"No one knows the secrets that I keep
No one knows what's in my head
I can't control the other side of me
I have lost my breath"
10 Years – Waking up the ghost

«Никто не знает тайны, которую я скрываю,
Никто не знает, что творится в моей голове.
Я не могу контролировать свою обратную сторону.
Я потерял дыхание».

Они не приехали.
Даже не позвонили, оборвав всевозможные способы связи с ним.
Саске провёл рукой по лбу. Голова болела… почти привычное уже состояние. Иногда ему давали какие-то лекарства и пристально следили, чтобы он их пил. Пару раз его водили на дополнительные обследования, а Орочимару пытался ненавязчиво вытянуть из него разрешение к началу более интенсивной терапии. Но Учиха отказывался, неизменно пожимая плечами и задавая один единственный вопрос: «Зачем?»
Он пробыл в клинике неделю, надеясь, что вскоре Итачи объявится, тогда-то уж никуда не денется и получит по морде. Заслужено. За то, что оставил его в этой чёртовой богадельне, где и делать толком нечего.
С началом второй недели парень перестал злиться. Злость и раздражение ушли куда-то на второй план, уступив место глухой и холодной ненависти. Всё больше и больше эта дорогая клиника напоминала ему тюрьму, как бы банально это не звучало. Да, красиво обставленную, с дорогим оборудованием и вкусной едой, но тюрьму. Тут даже надзиратели были… улыбающиеся и порядком раздражающие этим. Саске

предпочёл, чтобы все эти многочисленные медсёстры перестали строить из себя ангелов, прекратили скалиться всем вокруг, изображая безграничную любовь.
Правда, приходя к нему в палату, некоторые уже не улыбались так широко и жизнерадостно. Они успели изучить пациента и его способность кратким замечанием бить по самому больному месту, будь то вскочивший на лице прыщик или лишний вес.

– Я хочу уехать отсюда, – как-то раз заявил Учиха на очередной встрече с Орочимару.

Тот сидел за своим письменным столом, что-то кропотливо записывая в небольшой блокнот. Услышав эти слова, доктор поднял на Саске глаза и вздёрнул брови:

– Тебе здесь что-то не нравится?

– Всё, – коротко ответил парень, глядя куда-то в окно. – Я просто хочу свалить из этого дурдома.

– Ты злишься, потому что твои родные не приезжают тебя навестить.

В голосе Орочимару послышалась улыбка, и Учиха всё-таки перевёл взгляд на него:

– Я злюсь, потому что это херовое место.

– Ты здесь один, – откинувшись на спинку кресла, кивнул мужчина. Его жёлтые глаза уставились на Саске так, будто он видел его насквозь. – Там вокруг тебя были какие-то близкие люди, и ты упивался этой близостью. Подсознательно… а сейчас понял, что один.

– Да что ты можешь знать? – презрительно прыснул Учиха.

– Действительно, я ничего о тебе не знаю, кроме твоего диагноза, и того, что твой отец очень богат и влиятелен, раз смог найти для тебя здесь место.

– Отцу по хер на меня.

– Ты ошибаешься, – качнул головой Орочимару и встал из-за стола, подходя к Саске.

Парень сидел на спинке массивного кресла, беззастенчиво поставив ноги на мягкую сидушку. Но, кажется, это совершенно не смущало доктора.

– Если бы ему было… всё равно, – тактично начал Орочимару, – ты бы сюда не попал. Здесь есть хоть какой-то шанс…

– Разве врачи вроде тебя не должны излучать волны позитива и убеждать всяких калек, что их ноги обязательно отрастут?

Орочимару пожал плечами. Как заметил Учиха, этот жест стал для мужчины чем-то вроде привычки, но смотрелся странно. Так обычно делают неуверенные в своих поступках и словах подростки, но не интеллектуалы вроде него. В том, что Орочимару получил отличное образование, Саске не сомневался. Различные дипломы, награды, висевшие на стене за письменным столом, здесь были ни при чём. Этот высокий мужчина с прямыми чёрными волосами, убранными в аккуратный хвост, распространял вокруг себя какую-то холодную ауру образованной сдержанности. Такая бывает или у аристократов, или у обладателей ума поразительной силы.

– Я предпочитаю говорить своим пациентам правду.

– А если бы я был чувствительной девицей и повесился на первом же дереве? От твоей правды.

– Меня бы уволили и, скорее всего, лишили права лечить, – как-то странно весело улыбнулся Орочимару. – Но ты ведь не девица.

Учиха фыркнул. Сказать ему было нечего, поэтому он предпочёл вновь отвернуться к окну, наблюдая, как какая-то девушка неспешно прохаживается по аллее.

– Твоя болезнь предполагает ряд… неудобств. Я могу рассказать…

– Зачем? Я сам вскоре узнаю.

– Чтобы это не было шоком для тебя.

– Я же не девица, – язвительно припомнил парень, оборачиваясь к доктору.

И вновь этот жест.

– Мне нужна новая одежда, – твёрдо заявил Саске, спрыгивая с кресла.

Когда ноги ударились о пол, в голове неприятно отдало болью, словно мозг хорошенько тряхнуло в черепе.

– А то в этом вашем больничном дерьме я чувствую себя бомжом с улицы.

– Я сообщу твоему отцу, – обронил Орочимару, записывая что-то в блокнот.

– Уйти мне отсюда не дадут – я правильно понял? – бросил Учиха, уже готовый покинуть кабинет своего врача.

– Нежелательно. Твой отец будет очень против прерывания лечения.

Закатив глаза, Саске прорычал что-то бессвязное в потолок и вышел из кабинета, хорошенько хлопнув дверью. Конечно, Орочимару был ни в чём не виноват: он лишь выполнял свою работу главного надзирателя, но от этого Учихе легче не было. Хотелось вырваться из этого зловонного места, вдохнуть воздух, в котором нет этого приторного запаха лекарств.

***

Итачи спалось отвратительно в последние дни. Его терзала

совесть за то, что он так и не съездил к Саске, не объяснил ему всю ситуацию. А тот, наверняка, уже надумал себе всякого. Парень вздохнул, отпивая из чашки терпкий чай, с какой-то злостью глядя на визитку клиники, лежащую на столе. Пёстрая картинка, изображающая крыло здания и сад, золотистая надпись и телефон чуть ниже. Где-то там злится на него его младший брат. Звонок в дверь оторвал его от размышлений. Машинально сунув визитку в карман джинс, Учиха взглянул на часы и поднялся из-за стола.
Он никого не ждал в это время, а родителей не было дома. Возможно, это какие-то курьеры со своей никому ненужной дрянью?

– Карин, – удивлённо выпалил парень, открыв дверь.

Стоящая перед ним девушка приветственно махнула рукой и, не особо церемонясь, вошла внутрь, отталкивая Итачи с прохода.

– Я к Саске, – заявила она, направляясь к лестнице, но Учиха резко ухватил её за плечо, останавливая.

– Его нет.

Невысокого роста девушка представляла собой ту ещё занозу в месте чуть пониже спины. Ещё год назад она привязалась к его младшему брату, и понадобилось много времени, чтобы та перестала дежурить у них под дверью, выжидая Саске.
Карин, поправив вызывающе красные волосы, удивлённо вздёрнула такие же яркие брови:

– А где он? На телефон он не отвечает.

– Он и раньше тебе не отвечал, – выдохнул Итачи, складывая руки на груди и прислоняясь плечом к стене.

Его взгляд лениво скользнул по девушке. Она была, как всегда, верна своему вкусу, который требовал от неё оголять все возможные аппетитные для мужских глаз места. Но степень открытости её нарядов варьировалась между: относительно

приличными и кричаще вульгарными. Последние она предпочитала надевать, если впереди маячил пусть и туманный, но шанс встречи с Саске. Наверняка короткая джинсовая юбка, которую можно было бы спутать с поясом, чёрные колготки и пёстрый топ, открывающий прелестный животик сей молодой особы, вызывали слюноотделение не у одного мужчины. Хотя Итачи заметил, что его младшему брату глубоко наплевать на то, что надето на этой разукрашенной хорошенькой кукле.

– Спасибо, что напомнил, – шикнула Карин, уставившись на парня карими глазами. – Так где он?

– Его нет дома, как я уже сказал, – слегка устало ответил Учиха. Хотелось выставить эту девушку за дверь, но что-то вроде манер не позволяло применять грубость. Пусть она её даже и заслуживала своей наглостью.

Карин моментально изменилась в лице. Её белый лобик нахмурился, губки, накрашенные яркой помадой, надулись, и в тёмных глазах заблестело что-то отдалённо похожее на слёзы.

– Итачи, милый, – пролепетала та, подходя ближе к Учихе и кладя свою маленькую ладонь ему на плечо, – ты же знаешь, что я неравнодушна к твоему брату…

– Мы все это давно знаем, Карин, – проговорил Итачи, стараясь отстраниться, но девушка, словно липучка, передвигалась следом за ним.

Она придвигалась всё ближе и ближе так, что вскоре Учихе пришлось расцепить руки и упереться ими в талию той. Со стороны могло показаться, что парочка решила пообниматься напоследок.
Её пальцы скользнули по щеке парня, опаляя лицо лёгким холодом. Зацепившись за его плечо, Карин привстала на носочки и приблизилась к уху Итачи:

– Скажи мне, где он, и я уйду. Ты ведь знаешь… я не отстану…

Учиха сильнее сжал предплечье девушки, второй рукой всё же пытаясь сохранить между ними минимальное расстояние. У Карин была довольно смутная репутация весьма… общительной девушки, но пользоваться этим он совсем не хотел. Но её движения…

– Его нет, – твёрдо продолжил Итачи, чувствуя, как пальчики девушки легко пробежались по ремню его джинс, прошлись по бедру…

– Карин, – резко выпалил он, всё-таки отстраняясь и отталкивая девушку от себя.

Та налетела спиной на стену, но на лице её была улыбка:

– У вас ко мне семейный иммунитет?

– Саске нет. Когда он вернётся, я передам ему, что ты заходила, – выпалил Учиха, открывая успевшую захлопнуться входную дверь перед девушкой.

Отлипнув от стены, Карин поправила топ, чей вырез слегка съехал, обнажая белое плечико. Всё так же улыбаясь, она гордо прошествовала мимо Итачи и помахала рукой на прощание. Парень замер на пороге, желая проверить: действительно ли Карин уйдёт от их дома, а то с неё станется забраться в дом… Девушка медленно прошла к своей машине, небольшому красному «жуку», и забралась на переднее сиденье.
Учиха вздохнул облегчённо, машинально запуская руки в карманы. Он не сразу понял, что его так насторожило – в кармане было пусто.

– Карин! – выпалил Итачи, рванув к уже тронувшейся с места машине. – Проклятье! – рыкнул он, успев лишь хлопнуть по заднему стеклу «жука».

Эту особу нельзя было подпускать к себе даже на метр! Не то чтобы обниматься с ней… Учиха провёл рукой по и без того взъерошенным тёмным волосам.
Если младший брат узнает, что Карин в курсе его болезни… он

его, Итачи, никогда не простит…

***

– Выродок, – рыкнул Саске, выбрасывая очередной окурок за невысокую изгородь, что разделяла его и свободу.

Каждый при желании мог просто перелезть через неё и оказаться вне этих душащих стен. Только вот, мало кто из пациентов так рвался сбежать из-под крыши, где кормили три раза в день, пичкали дорогими лекарствами и были готовы проводить в последний путь. Да и судя по раскинувшемуся за изгородью лесу, для любого, рискнувшего сбежать отсюда, путь домой станет действительно последним.
Сумерки уже начали опускаться на мир, и небо окрасилось в тёмно-синие тона. Учиха бы увидел полоску заката, но тот для него наступил ещё тогда, когда солнце село за высокие тёмно-синие сосны. В воздухе тут же появился запах сырости, и в высоких кустах роз затянули свою песню сверчки. Идиллия… Саске вздохнул, оглядываясь на монументальное здание клиники. Его окна светились уютным янтарным светом, то и дело в них показывались проходящие мимо медсёстры и пациенты, кто-то ещё стоял на ступеньках, наслаждаясь свежим вечерним воздухом.
Рука привычно юркнула в карман, но пальцы наткнулись на пустую пачку сигарет. Он старался растянуть этот подарок, оставленный невесть кем, но сигареты не были бесконечными. Ругнувшись, Учиха побрёл в сторону клиники.

***

Орочимару заканчивал свои повседневные дела. Документы больных были разложены по стопочкам, карты заполнены, а план дел на завтра составлен и лежал перед доктором. Мужчина в очередной раз скользнул по нему задумчивым взглядом, размышляя, что можно вычеркнуть, а чему уделить как можно больше внимания. Пожалуй, встречу с господином Таньши нужно перенести на утро… он известный жаворонок, а вот Саске…

– Эй, курить есть?

Орочимару сначала нахмурился, поднимая глаза на распахнувшего дверь кабинета парня. Перед ним стоял тот самый, над встречей с которым мужчина размышлял.

– Заходи, – кивнул Орочимару, поднимаясь из-за стола. – Ты не внял моим предостережениям?

Учиха, прикрыв за собой дверь, быстро подошёл к врачу, протягивая руку:

– А смысл? У меня же не рак лёгких.

Орочимару хмыкнул, вынимая из своего кожаного портфеля уже начатую пачку сигарет. Учиха тут же выхватил её из рук мужчины и сунул в карман, словно так оно и должно было быть.

– Ну я пошёл, – махнул он рукой.

– Постой, – мягко попросил Орочимару, придерживая парня за плечо и заставляя вновь повернуться к нему лицом.

Судя по нахмурившимся тёмным бровям, Саске не был рад спонтанным прикосновениям, но для доктора такой контакт имел большое значение. По крайней мере, так он мог сказать этому юноше, что тот не разлетится на части, если к нему прикоснутся. Ведь многие больные считают себя стеклянными, и это их гнетёт.

– Ты можешь приходить ко мне, когда тебе вздумается, – тихо начал Орочимару, заглядывая в тёмные провалы глаз.

Тени его кабинета, освещённого лишь настольной лампой, странно очертили это бледное узкое лицо, которое, кажется, за время пребывания в клиники стало ещё худее.

«Наверняка, он нормально не ест», – пронеслось в голове мужчины, когда тот скользнул взглядом по какому-то тонкому

телу Учихи, которое сейчас было спрятано за мешковатой больничной одеждой.

– А на хрен мне приходить к тебе?

Саске, ухватив руку доктора за запястье, легко снял оную со своего плеча и на всякий случай отошёл на пару шагов назад.

– Тебе скоро захочется поговорить с кем-нибудь.

– Сомневаюсь.

– Тебе станет страшно, – продолжал Орочимару.

– Слушай, – устало вздохнул Учиха, прикрывая глаза и прикасаясь пальцами ко лбу. На миг он будто выпал из жизни, но вскоре вновь продолжил: – Скоро клинику закроют на ночь, а я хочу успеть покурить. Если тебе хочется поговорить со мной на душевные темы, давай сделаем это завтра на нашей встрече. Идёт?

Доктор выдохнул, чувствуя, что вновь промазал, вновь сорвался с этой стены, которую изо дня в день он старался перелезть, чтобы достучаться до этого мозга. Не то чтобы ему было большое дело до очередного умирающего юнца… таких сотни проходят мимо него за год, не оставляя после себя ничего, кроме записи в графе регистрации и надгробной плиты где-то на кладбище. Этот такой же и ничем не отличается… кроме своего диагноза.
Неоперабельная опухоль головного мозга третьей степени. Песня для учёного. Песня, которую можно изучить, записать результаты и в дальнейшем…
Орочимару опомнился, поняв, что стоит молча и смотрит куда-то в район лба Саске.

– Возьми, – Орочимару протянул Учихе небольшой квадрат плотного картона. – Это мой номер. Если меня не будет в клинике, ты всегда можешь позвонить по нему, и я приеду. Всегда.

Саске нехотя взял визитку, понимая, что без этого от него не отстанут.

– Завтра, в двенадцать. Я жду тебя, – с этими словами мужчина отвернулся от Учихи, позволяя тому покинуть его кабинет.

***

Карин уже пожалела о том, что решила поехать в эту чёртову клинику сегодня. Дорога оказалась неблизкой, хотя девушка, ответившая ей по номеру, указанному на визитке, не упомянула огромное расстояние между городом и «Озёрами». Уже темнело, и Карин опасливо вглядывалась в тёмные обочины: трассу со всех сторон окружал лес. Это как-то нервировало, но желание разобраться во всём, встретить Саске… было сильнее.
Девушка в очередной раз свернула налево и радостно улыбнулась: впереди замаячило красивое здание клиники. Она остановила машину у увитой розами изгороди и вгляделась в табличку перед воротами. Увы, из-за опускающейся темноты Карин не смогла разглядеть букв – даже очки в роговой оправе не помогли.
Зато она увидела кое-что другое. И сердце радостно затрепыхалось в груди. Выскочив из машины, девушка подбежала к изгороди, которая была где-то ей по грудь.

– Саске! – крикнула она, вперившись взглядом в знакомую фигуру парня, что курил неподалёку.

Он замер, недоверчиво оборачиваясь на голос, затем тёмные брови привычно сошлись над переносицей, и Учиха оглянулся на клинику, где санитары помогали подняться по ступенькам тем, кто не мог сделать это самостоятельно.
Выбросив окурок, Саске решительно направился к Карин. Та даже испугалась сначала, что он ударит её, но упрямо стояла на месте.

– Ты что здесь делаешь?! – вместо приветствия заявил Учиха, останавливаясь.

– Я… приходила к вам, но Итачи сказал, что тебя нет дома, – как-то стушевалась девушка. Под взглядом серьёзных тёмных глаз она всегда чувствовала себя невинной овечкой.

– Это он сказал тебе, где я?! – ещё злее рыкнул парень.

– Нет. Я сама стащила у него это, – в наманикюренных пальцах скользнула визитка и тут же исчезла.

– Проваливай, – выпалил Саске, но тут же замолк, как-то странно внимательно вглядываясь в лицо девушки.

Карин почувствовала, как щекам становится жарко.

– Ты на машине?

– Да.

– Тогда подвези меня кое-куда.

– Ты хочешь сбежать? – улыбнулась она.

– Чертовски сильно хочу, – буркнул Учиха, примеряясь к каменной изгороди.

Перелезть будет нетрудно, но вот розы, которыми она была покрыта полностью, неприятно кололи руки своими шипами. Карин отошла, когда Саске всё же оседлал изгородь. Он оглянулся на клинику и быстро спрыгнул, шикнув от боли в ободранных о розы ладонях.

– В машину, быстро, – приказал он, подталкивая девушку к красному «жуку» и сам бросаясь следом.

Как только они оказались в салоне, Карин быстро завела машину, и та тронулась с места. В том, что Учиха очень спешил покинуть это место, сомнений не было.

– Куда тебя отвезти? – спросила она, поглядывая украдкой на Саске. Что на нём за одежда? Какие-то светлые штаны, больше

похожие на пижамные, широкая рубашка и мягкие тапочки…

– Куда угодно, но не домой, – ответил Учиха, устраиваясь удобнее.

В мозгу Карин победно щёлкнуло. Наконец-то она сможет затащить этого обычно несговорчивого Саске к себе домой.

***

– Я живу с соседкой, но её не должно быть дома, – объясняла Карин, ставя перед парнем тарелку с макаронами и чашку чая.

До её съёмной квартиры они добрались уже за полночь. Пёстрая двушка встретила их громким рыком старого холодильника, прохладой и тишиной. Стоило двери захлопнуться, Карин развела бурную деятельность, буквально затолкав Саске на небольшую кухню. Здесь было слишком светло, и он недовольно морщился, но, кажется, этого увлечённая подогревом еды девушка не заметила.

– Я не голоден, – тихо сказал Учиха.

Макароны были холодными, слипшимися и имели какой-то слегка сероватый цвет. При взгляде на это блюдо парень чувствовал, как его желудок скручивается, желая быстрее покончить жизнь самоубийством, дабы этот ужас не попал в организм.

– И чай я не люблю, – продолжил Саске, переводя взгляд на розовую чашку в жёлтую ромашку.

– А что ты любишь? – спросила сидящая напротив него Карин, беззастенчиво заглядывая в глаза Учихе. Девушка выглядела слегка пьяной, хотя по дороге в город они не пили даже воду.

– Кофе, – коротко буркнул тот, вытаскивая из кармана пачку сигарет.

– Моя соседка не любит, когда я курю, – предупредила она,

поднимаясь из-за стола и вновь ставя чайник.

– Угу, – кивнул Саске, устало наблюдая за спиной Карин.

Поддерживать вынужденную беседу он настроен не был. Те лекарства, которые ему дали в клинике, худо-бедно сдерживали боль, но теперь Учихе казалось, что вместо мозга в его череп какой-то шутник положил большой кусок ваты.
Он всё-таки закурил. Плевать на какую-то там соседку, как и на предостережение Карин. Парень очень сомневался, что та попытается выхватить у него сигарету из рук: слишком она тряслась над его персоной. Маниакальная привязанность, вызывающая отвращение.
Привязанность… а знал ли сам Саске, что значит это слово? Очередное облачко, выпущенное под потолок кухни.
Насколько мог помнить Учиха, он никогда не отличался особой любвеобильностью или сентиментальностью. В глубоком детстве он был привязан к своим родителям, к брату, а потом всё прошло…
Той самой мифической любви Саске никогда не ощущал, да и не верил он в любовь. Это просто слово, которым прикрываются парни-подростки, желающие утолить свой гормональный голод и отыметь очередную помешанную на романтике дурочку.
Учиха хмыкнул своим мыслям, стряхивая пепел в заботливо подставленную пепельницу. Его взгляд вновь вернулся к Карин, которая заваривала кофе.

«Что с тобой не так?» – мысленно пробормотал Саске.

Она была славной… по меркам мужского пола. Даже очень. Её фигура не могла оставить равнодушным никого… кроме него. За Карин увивались многие, многие влюблялись… Какого чёрта ей надо от такого озлобленного на весь мир Учихи? Жила бы себе, купаясь в мужском внимании, и не парилась…

– Вот, я сахар не клала…

Перед ним опустилась вторая чашка, пахнущая весьма аппетитно. Даже запах кофе бодрил, а когда на язык попали первые капли, парень зажмурил глаза, наслаждаясь

горьковатым привкусом…
…А, может, это он не умел любить? Возможно, это совершенно не его чувство?
Дивясь каким-то сентиментальным мыслям в своей голове, Саске затушил сигарету и вновь отхлебнул кофе.
Ведь он даже не пытался никогда влюбиться… думал, что жизнь ещё длинная и рано или поздно его настигнет это обмусоленное со всех сторон чувство.
Ещё один глоток, он отставил чашку и поднялся из-за стола под удивлённым взглядом Карин.

– Ты куда? – выпалила девушка.

Вместо ответа Учиха подошёл ближе, беря Карин за подбородок и разглядывая лицо.

– Милая кукла, – прошипел он, придвигаясь ближе.

В тёмных глазах той была непонятная смесь чувств, но парень не пытался распутать этот клубок, быстро прикоснувшись своими губами к её. Рука его легла ей на талию, прижимая ближе к себе, вторая скользнула по спине девушке, нащупывая пальцами линию позвоночника.
Замешательство Карин длилось недолго. Поняв, что это не очередной сон, она обхватила Саске за шею, будто стараясь удержать его, если тот решит отстраниться.

«Зачем они закрывают глаза?» – подумал Учиха, глядя перед собой на слегка расплывшееся лицо девушки.

Как он должен почувствовать это? Любовь? Где она появится в первый раз?
Уж явно не там, где начинало сладко ныть от прикосновений Карин. Становилось скучно, а чувство всё ещё не приходило.
Всё закончилось резко. Он отпустил её, отстраняясь.
Судя по растерянному лицу той, она совершенно не ожидала, что всё закончится невинным поцелуем, и явно хотела продолжения. Но Саске уже потерял всякий интерес к экспериментам, заняв своё старое место за столом и отпив из кружки. Его взгляд сосредоточенно сверлил сероватую

столешницу, а брови слегка хмурились.

– Ты…

– Это ничего не значит, – ответил он, отставляя пустую чашку в сторону.

– Но…

– Карин, не доставай, – поморщился Учиха. – Откуда ты узнала, где я?

Девушка рассеянно провела рукой по лицу, убирая выбившееся из хвоста волосы. Пальцы ощутимо подрагивали, от внезапно возникшего возбуждения, мысли отказывались течь в нужном русле:

– Я… ну… заезжала к твоему брату.

Она всё-таки села за стол.

– Что он тебе сказал?

– Да ничего, – пожала она плечами, отводя взгляд. – Я просто стащила у него визитку… ну… того места, где ты был.

Она нервно постучала пальцами по столу, дожидаясь нового вопроса, но его не последовало, и девушка выпалила:

– Кстати, а что за место то было?

– Не твоё дело.

Саске поднялся из-за стола и направился в коридор.

– Ванная налево, – запоздало крикнула Карин, но, судя по звукам, парень сам догадался куда идти.

***

Вода успокаивающе журчала, падая на голову, плечи, спину… тело, которое хотело просто рухнуть здесь и уснуть. Душевая кабинка давно наполнилась паром, и в ней стало невозможно дышать, но Саске практически не чувствовал жара: его бил лёгкий озноб, и хотелось сделать воду погорячее.
Тот поднял голову, чувствуя, как струи касаются лица.
Он пропустил вечерний приём лекарств, потому что самовольно свалил из той клиники-тюрьмы. И только сейчас, когда в голове вновь поселился назойливый дятел, стремящийся выбить все мозги к чёрту, понял, что тех пилюль ему будет очень не хватать. Очевидно, простой аспирин тут не поможет…
От бредовых и слегка спутанных размышлений его оторвал холодок, что пробрался внутрь, когда дверь ванной открылась.
Учиха не стал оборачиваться, зная, кого там увидит.
Холодные руки легли ему на плечи, осторожно поглаживая и слегка царапая ноготками.

– Уйди, – тихо попросил он, опуская голову и открывая глаза.

Но руки настойчиво гладили его спину, проводили по голове, забираясь в волосы…
Не выдержав, Саске резко обернулся, ухватив назойливую девушку за руки… и тут же отшатнулся, ударившись спиной о влажную кафельную стену.
То, что он увидел, заставило его сердце пропустить удар.
Совершенно бледное нагое тело стояло перед ним. Сквозь её тонкую кожу проступали какие-то синие вены, что паутиной оплетали её руки, ноги…
Это было тело девушки… бесспорно… но…
Существо улыбнулось, и на отдалённом знакомом лице проступила отвратительная гримаса боли. Глубокие порезы от уголков губ, что тянулись до самых ушей, раскрылись, явив его взору мелкие острые зубы. Блёклые, остекленевшие глаза девушки вопросительно расширились, и она вновь протянула к нему руки.

– Уходи!

Он схватил её за плечи, моментально отпуская, почувствовав

под пальцами липкий холод.
Рот той разинулся вновь в беззвучном крике…
Гул, нарастающий в голове, стал практически невыносимым…
Учиха вжался в стену, не зная, что ожидать дальше… В глазах зарябило, и…

– Саске, Саске?

Голос стоящей перед ним перепуганной Карин казался чем-то не из этого мира. Учиха моргнул, вглядываясь в совершенно нормальное, человеческое лицо девушки, провёл рукой по своему лицу, сгоняя наваждение.

– Я знала, что ты будешь против, но настолько…

Карин обиженно надула губки. Хотя это смотрелось совершенно нелепо, если учесть, что девушка стояла перед ним полностью голая.

– Зачем… зачем ты пришла? – выдохнул он, наконец справившись с шоком.

– Ну…

Карин загадочно прикусила губу, проводя пальцем по плечу парня, который странно дёрнулся, но позади была стена – бежать некуда.

– Я думала, ты захочешь продолжения… как и я…

– Ты ошиблась. Выйди отсюда.

– Ну, Саске, – наморщила она лобик, – не будь таким занудой. Разве тебе не хочется?

Её руки недвусмысленно скользнули по паху Учихи. В карих глазах девушки заплясали черти.
Саске упёрся горящим затылком о стену. Он знал, как отреагирует его тело на другое женское рядом. Тёплое, мягкое. Не встретив сопротивления, она почувствовала себя смелее, и

её рука скользнула ниже…

– Карин, – выдохнул Учиха, опуская взгляд на девушку, – ты не интересуешь меня. Я здесь только потому, что мне некуда больше идти. А поцеловал тебя… просто потому, что хотел, чтобы ты заткнулась.

– Ну так заткни меня ещё раз, – совершенно не обидевшись, пролепетала она, придвигаясь ближе.

– Уходи.

– Нет… я в своей ванной…

– Хорошо, – рыкнул Саске, силой отстраняя девушку и хватая полотенце с сушилки. Обернувшись им, он двинулся прочь из заполненной паром комнаты.

Учиха наспех вытер голову и тело, натянул на себя больничную одежду и направился к входной двери. Ему было плевать, что подумают люди, увидев его в таком виде. Хотя… ночью в этом районе мало простых прохожих, но до дома он дойти в силах. Пробраться в свою комнату и забрать кое-какие вещи не составит труда… всё равно рано или поздно туда идти придётся.
Рука так и не ухватила ручку, потому что это сделал кто-то другой с той стороны.
Саске поднял глаза и выпалил:

– Ты?

– Ты?! – почти эхом воскликнул стоящий по ту сторону порога Наруто.

Глава 4. I hate everything about you.

"I hate
You hate
I hate
You love me"
Three Days Grace – I hate everything about you

«Я ненавижу…
Ты ненавидишь…
Я ненавижу…
Ты любишь меня…»

Узумаки замер на пороге с таким видом на лице, будто увидел перед собой призрака. Его руки как-то нервно сжимали сотовый, а глаза были широко распахнуты.

– Саске? – прищурился он. – Ты… эээ… что здесь делаешь?

Учиха нахмурился, чувствуя, как холодок из подъезда неприятно проходится по коже. Он вспомнил этого голубоглазого придурка, с которым пил коньяк в старой беседке, но вот имени его не запомнил. Как и окончания их «вечера».

– Тоже я могу спросить и у тебя, – вздёрнул брови Саске, окидывая блондина скептическим взглядом.

Парнишка выглядел, как всегда, каким-то взъерошенным, будто только что вскочил с постели, нацепил первые попавшиеся тряпки и бегом домчался до квартиры Карин.

– Я опять опоздал на автобус… – податливо начал объяснять Наруто, но тут же выпалил: – Не твоё дело! Я вообще не к тебе!

– А к кому?

Учиха привалился плечом к дверному косяку, мешая парню протиснуться внутрь квартиры и глядя на того, как смотрит цепной пёс на жалкую, мокрую шавку, пытающуюся пробиться к его кормушке.

– Не твоё дело! – фыркнул Узумаки, кажется, поняв, что над ним опять издеваются.

Саске услышал, как за его спиной открылась дверь ванной и оттуда вышла Карин.

– А-а, ты, – буркнула она, завидев на входе в квартиру забавную ситуацию. – Сакуры нет. Она уехала домой. Чего и тебе желаю.

Девушка, замотанная в одно полотенце, подошла сзади к Учихе, обхватывая того руками поперёк торса. Саске аж вздрогнул от этих вкрадчивых движений, обещающих что-то большее, если вот прямо сейчас он не уйдёт из квартиры. Парень рассматривал это, как прямую угрозу своему спокойствию и сну, которого тело начинало хотеть уже гораздо больше других плотских утех. Учиха временно терпел чужие руки на своём теле, хотя ему казалось, будто от тонких пальцев девушки начали расходиться волнообразные уколы мелкими иголочками. Переведя взгляд на Наруто, Саске выжидающе поднял брови, всем своим видом показывая: «Или проси, или выметайся».
Однако, судя по заалевшим щекам и заходившим желвакам, Узумаки просить не привык, и лучше он вместе со своей гордостью будет мёрзнуть всю ночь под начавшимся дождём, нежели попросит о чём-то кого-то. Тем более о ночлеге, тем более Карин… или Саске… что ещё хуже.
Рука девушки недвусмысленно переместилась ближе к резинке штанов, и Учиху сковало ледяным отвращением. Он глубоко вздохнул, чувствуя, как она примостила свою голову у него на плече.
Очевидно, Наруто не привык к такому внешнему виду весьма привлекательной девушки, ибо его щёки алели уже не из-за злости.

– Заходи, – резко выпалил Саске, распахивая перед Узумаки дверь и одновременно делая шаг назад так, что Карин невольно пришлось разъединить объятия.

Наруто было замер на пороге, но тут же ввалился в квартиру, словно боясь, что Учиха передумает.
Саске буквально спиной чувствовал, как девушка позеленела от бессильной злости. Будь она морально сильнее, то пересилила бы свою зависимость от его присутствия здесь, оставила бы пустые надежды ещё месяц назад. А так ей лишь оставалось нервно фыркнуть и скрыться в своей комнате, громко хлопнув дверью.
Учиха так и остался стоять посреди коридора, чувствуя, как с ещё влажной головы куда-то за шиворот стекают капли, заставляя рубашку противно липнуть к телу.

– Располагайся, – не сводя взгляда с нелепого жёлтого светильника на тёмно-синей стене, проговорил Саске, а сам направился на кухню.

Дверь за спиной закрылась, отгораживая его, кажется, от всего мира, но в действительности лишь от замешкавшегося в коридоре парня.
Как его звали…
Учиха наморщил лоб, прикасаясь к нему одной рукой, а второй упираясь в подоконник. Он не пытался вспомнить никому ненужное имя. Он просто хотел заставить мысли прекратить растекаться чем-то вязким и приторно тёплым. Словно вместо мозга – еле тёплый кисель.
Когда дверь за его спиной открылась, Саске уже курил, прислонившись поясницей к подоконнику. Он бесцельно пялился на стеклянную дверь, и так вышло, что, войдя, Наруто сразу же попал под взгляд холодных чёрных глаз.

– Я… меня Карин сюда прогнала, – как-то неуверенно начал он, закрывая за собой дверь. – Она всегда такая нервная? Или у неё это обострение?

Учиха усмехнулся, выпуская клубок дыма:

– Я не дал.

Светлые брови нахмурились, и Узумаки переспросил:

– Чего?

Саске даже рассмеялся, но тут же прекратил. Показалось, что боль в голове начала вторить его смеху…

– Любви и ласки, – ответил он, туша сигарету в пепельнице. – А ты к Сакуре?

– Да нет… не к ней. Просто мы вроде бы с ней дружим… ну, как просто друзья! – торопливо поправился Наруто. – И я пошёл к ней, думал разрешит остаться, если заявлюсь прямо на порог.

– А если бы не разрешила?

– Пошёл бы на остановку, – пожал плечами Узумаки, скидывая рюкзак под ноги.

– Ты как шавка. Куда пнут, туда и идёшь, – фыркнул Учиха, усаживаясь за стол.

– Да иди ты, – выпалил Наруто, окидывая парня взглядом. – Сам как… бомж. Или псих из дурки.

Саске прыснул. Этот придурок даже не догадывается насколько он близок к правде.

– А что с тобой было… твой брат выглядел каким-то напуганным, – через некоторое время всё же спросил Узумаки.

– Не твоё дело, – буркнул Учиха, поднимаясь. Голову начинало сдавливать со всех сторон, и парень, подойдя к окну, прислонился лбом к холодному стеклу.

– Ну, как знаешь…

Судя по звуку за спиной, Наруто достал из сумки что-то тяжёлое и ударил им легонько по столу, сдавленно ругнувшись. Потом что-то тренькнуло, и раздался мелодичный перезвон, запускаемой винды.

– Ты из дома сбежал, что ли? – не поворачиваясь, спросил Саске.

В принципе Узумаки мог ответить что-то в роде: «Не твоё дело» – из мести, но этот придурок был настолько прост, что тут же зацепился за возможность завязать беседу.

– Нет. Ездил на курсы… потом загулялся и… я перед тобой отчитываться не обязан! – опомнившись, выпалил парень. Но было уже поздно.

Учиха ухмыльнулся, чувствуя, как по черепу разливаются волны не то горячей, не то холодной боли.

– Карин, – крикнул он так, что стекло слегка задрожало, а неготовый к такому повороту событий Наруто тихо ругнулся, кажется, подпрыгнув на стуле.

Девушка пришла не сразу. Наверное, выждала минуты три для порядка, а потом излишне громко объявила о своём присутствии, распахнув дверь.

– Чего тебе? – обиженно рыкнула она.

– Таблетки от головы. Всё, что есть, – стоя всё так же, ко всем спиной, сказал Саске.

– У меня их немного…

– Неси.

– Ну ладно, – как-то вяло отозвалась она, и ящик одной из кухонных тумб скрипнул, выдвигаясь.

Вскоре рядом с Учихой лежали две полоски таблеток разных

фирм, реклама которых обещала чудесное исцеление от всех видов боли.
Так и не дождавшись ответной реакции, девушка скрылась из кухни. Кажется, она будет играть в обиженную ещё полчаса, а потом предпримет новые попытки…

– А что с твоей одеждой?

А вот этот белобрысый никуда не делся. Он изредка клацал клавишами, и это раздражало…
Трясущиеся пальцы быстро выдавили из блистеров по две таблетки. Поразмыслив, Саске добавил по ещё одной и, собрав их в кулак, отлип от окна, направляясь к раковине, чтобы запить.
Пилюли оказались горькими и не хотели пролазить в горло. Пришлось выпить две кружки воды, чувствуя отвратительную тяжесть в желудке, чтобы протолкнуть эти горькие колёса ниже.

– Эй, я с тобой говорю…

– А, я уже и забыл, что ты здесь, – выдохнул Учиха, вытирая губы. Его взгляд скользнул по Наруто, и он хмыкнул. – Что ты влип в этот монитор?

– Куда мне ещё влипать? Твоя рожа не радует, – буркнул Узумаки, не сводя взгляда с мерцающего экрана.

– А что радует? – вопросил Саске, открывая холодильник и шаря взглядом по полкам. Еды не хотелось… а вот выпить что-нибудь… может, тогда боль утихнет…

– Иди ты…

– Порнушка? Мне выйти?

– Вот ты идиот, – почти устало выдохнул Наруто, вновь клацая клавишами.

Учиха наконец нашёл бутылку какого-то дешёвого женского пойла и поставил на стол. Узумаки выглянул из-за крышки

ноута, но поморщился. Видимо, шанс вновь стать собутыльником Саске его не радовал.
Но, когда на стол опустилась лишь одна кружка, Наруто понял – пронесло.
Больше перекидываться фразами Учиха не стал. Он быстро налил кагора и залпом осушил кружку, раздумывая, а не пить ли с горла.
Алкоголь был слабым, но упал в желудок горячим комом.

– Ты алкоголиком станешь. Алкоголизм развивается за двенадцать месяцев, вообще-то…

– Не успеет, – улыбнулся Саске, вновь отпивая из стакана. Пить из горла он так и не решился.

– В смысле?

– Забей, – мотнул головой Учиха, вновь отпивая из наполненного стакана.

Таблетки помогали херово.
Он заранее почувствовал что-то. Под ложечкой противно заныло, а в мозгу щёлкнуло. Поэтому, когда открылась дверь на кухню и в ней появился Итачи, Саске уже смотрел прямо на брата:

– Какого хера?

– Зачем ты ушёл из больницы? – ровно спросил Итачи, закрывая за собой дверь. Его глаза излучали непонятные Саске злость и холод. Казалось, даже кожа его была сделана изо льда.

Узумаки чувствовал себя парусником, зажатым между двух айсбергов. Ему даже захотелось свалить подальше, пока его не расплющило.

– Вали отсюда, – ни то Итачи, ни то Наруто буркнул Саске, наполняя стакан в очередной раз.

– И пить тебе нельзя. Я же говорил.

– Ты мне не нянька. Отвали.

Вместо этого Итачи рванул вперёд так резко, что Узумаки даже втянул голову в плечи, опасаясь за то, что и ему перепадёт случайно.
Саске почувствовал, как на его запястье сжались чужие, обжигающе горячие пальцы. И медленно поднял глаза:

– Руки. Убрал.

Тихо. Почти шипение.
Но оно было громче крика.

– Ты должен вернуться домой.

– Руки.

– Перестань ломать комедию. Вернись.

– Руки…

– Саске… ты делаешь глу…

Удар.
Короткий и звонкий.
Конечно, бить снизу было неудобно, и удар вышел смазанным, но Итачи всё-таки разжал руку, скорее больше от удивления, нежели от боли.
Вскочив, Саске ухватил брата за шиворот, прижимая оного к холодильнику:

– Не лезь в мою жизнь.

Всё тот же ровный тон, только в голосе больше хрипа и металла.

– Твоя жизнь касается не только тебя, – рыкнул тот в ответ, перехватывая сжимающие ворот руки.

– Только меня.

Саске шикнул от боли в запястьях, но больше его раздражало то, что лицо брата начинало съезжать куда-то в сторону. Тратить силы на разговор теперь не хотелось, и он просто пнул в живот незащищённого или неожидающего такой подлости тела.
Итачи скривился, но рук не отпустил, перехватывая предплечье брата таким замысловатым способом, что Саске пришлось вывернуться, оказываясь спиной к тому.

– Мы возвращаемся домой.

– Иди ты…

– Домой!

Саске дёрнулся изо всех оставшихся сил. Рукав больничной рубашки треснул: тонкая ткань не была рассчитана на драки. Откуда им взяться в клинике?
На удивление он вывернулся из захвата, чтобы тут же повернуться назад, ударяя кулаком по скуле. Увы, Итачи был готов к такому повороту событий и выставил руку, принимая удар на запястье.
Толчок в грудь, что-то твёрдое за спиной. Ещё один удар, пригнуться, пнуть в живот… промазать.
Итачи вновь ухватил его. На этот раз хватка брата была сильнее или же силы всё-таки начали покидать и без того вялое тело Саске. Захват вышел хорошим. Убедительным. От каждого рывка к свободе мышцы в руках сводило болезненной судорогой, а суставы опасно трещали.

– Не дёргайся, – совсем непривычным, злым голосом посоветовал Итачи. Кажется, вся эта неровная пляска по кухне порядком вывела его из себя.

– Отпусти!

Но тот лишь крепче сжал, заставляя Саске опуститься на одно колено, левой рукой придерживая его в основании шеи, правой

же заводя руку тому за спину и придавливая к позвоночнику.

– Ты не один, – сквозь зубы прошипел Итачи те слова, которые следовало бы говорить в другой обстановке, в более спокойном темпе и без злости в голосе.

– Отвали от меня!

– Как бы тебе не хотелось… – Итачи надавил слегка коленом на спину вновь забрыкавшегося брата. – Мы тебя не бросим. Ты вбил себе в голову… вбил то, что ты никому не нужен.

– Да отстань ты!

Руки почти немели от этого цепкого захвата, и шевелить пальцами становилось всё труднее. Из-за неудобной, сгорбленной позы дышалось с трудом, а кровь приливала к опущенной голове и заставляла пульс биться кузнечным молотом в голове.

– Я был не прав, – выдохнул Итачи, – тогда… когда отдалился от тебя…

И это он говорит только сейчас?! Когда уже поздно что-то менять, когда Саске на хер не нужна эта братская любовь. Когда уже ничего не нужно совсем!
Он дёрнулся вновь. Находиться в таком положении стало практически невозможно не только из-за приливающей к голове крови, но и из-за ощущения полного бессилия, унижения…

– Я буду рядом… до конца, – совсем тихо проговорил Итачи, но парень это услышал. И новая волна злости, ненависти пробежала по его телу, вызывая новую попытку высвободиться.

Внутри был комок из спутанных эмоций, который больно бился о стенки души, трепал и без того раздолбанный мозг.
Нити этих эмоций больно сдавливали горло, мешая дышать грудью и заставляя сердце пропускать удар за ударом.
Быть рядом до конца…

Какие красивые слова…
Только это всё чушь!
Никого не будет. Это только его… конец, только он будет чувствовать холод на своей коже, только его мозг будет потихоньку разлагаться и угасать. А все те, кто обещал быть рядом… зачем они это делают? Чтобы выслужить перед своей совестью, чтобы быть выше других, чтобы похвастаться, что проводили в последний путь кого-то? Зачем весь этот фарс?
Саске не хотел, чтобы его жалели, чтобы видели, как он постепенно превращается в хрупкую фарфоровую куклу с пустыми глазами и тонкой кожей. Он видел таких там… в той клинике. Наверное, отчасти из-за этого он так хотел оттуда вырваться.
Эмоции ударили по больному.
По нежеланию чувствовать.
Руки брата, сжимающие запястья, показались обжигающе горячими. Вздох вышел каким-то рваным и болезненным.
Неизбежность нахлынула тяжёлым свинцовым покрывалом, выдавливая из лёгких хрип, а из глаз слёзы.
Он ненавидел себя.
Ненавидел за слабость.

***

Итачи почувствовал где-то на уровне рефлексов, что брат больше не будет вырываться и пытаться ударить. Стоило его хватке разжаться, как Саске как-то устало упёрся руками о пол, не поднимаясь. Отросшие иссиня-чёрные волосы завешивали лицо, и Итачи не мог видеть, что сейчас переживает его брат. Но, судя по хриплым и прерывистым вздохам, явно не что-то радужное и светлое.

– Ты в порядке? – тихо спросил Итачи, опускаясь рядом на пол.

Спина парня дрогнула, но он не ответил.

– Прости, что ударил… это вышло…

– Заткнись, – очень тихо попросил Саске, всё так же не поднимая головы.

Итачи прикусил нижнюю губу: до одури хотелось сказать что-то банальное, что-то несущественное, но заставляющее чувствовать тепло.
Он не умел утешать, не умел давать это тепло. Тем более тому, кто в нём так нуждался, создавая вокруг себя колкую и непроницаемую оболочку из острого льда. Иногда ему казалось, что каждое слово, которое он говорил Саске, оставляло на его же коже глубокий порез, а на этом ледяном коконе очередную трещину, которая вновь зарастёт, и слой льда станет лишь толще.
Поэтому он молчал, смотря, как его младший брат, сгорбившись, раскачивается туда-сюда.
Наверное, он сказал лишнего… или вообще не стоило приезжать.
Кажется, теперь всё точно кончено…
Итачи вновь скользнул взглядом по парню, и сердце дрогнуло, когда он увидел, как на пол капают мелкие капли крови откуда-то из-под волос того:

– Саске, у тебя кровь.

Итачи всё-таки дотронулся до плеча брата, но тут же его руку резко оттолкнули, и тот всё-таки поднял лицо. Кровил нос, хотя разбитым и не был.

– Не трогай меня, – слишком спокойно сказал Саске, глядя прямо в глаза брата, – и уезжай. Я остаюсь.

– Но…

– Итачи, просто уезжай, – устало вздохнув, попросил парень, поднимаясь.

Его пошатнуло, но он вскоре выровнялся и направился куда-то в сторону выхода с кухни. Почти у двери тот замер, уставившись на Наруто так, словно и забыл о его существовании. Последний смотрел на Учиху слишком уж большими глазами, но молчал, понимая, что тот сейчас находится где-то на тонкой грани между истерикой и апатией.

Так и не сказав ни слова, Саске вышел из кухни, даже не потрудившись захлопнуть за собой дверь. Спустя пару минут из ванной послышалось журчание воды.
Итачи едва не рухнул на пол, почувствовав, как с плеч пропала тяжесть. Он кое-как поднялся и посмотрел на блондина:

– Извини.

Узумаки вздрогнул от внезапно прозвучавшего голоса.

– А… да не… ничего, – поспешно заулыбался он, и от этого улыбка выглядела ещё более нелепой. – Я понимаю… семья и всё такое…

– Да, семья, – как-то отстранённо кивнул тот, теребя оторвавшуюся пуговицу на манжете рубашки.

Взгляд зацепился за кровавое пятнышко на плече, и Итачи попытался стряхнуть его, но лишь сильнее размазал. Чья это была кровь? Вроде бы у самого ничего не болело…

– Ты его друг? – чтобы заполнить тишину, спросил он.

– Да нет… знакомый, – пожал плечами Наруто, на всякий случай оглядываясь, но Саске всё ещё был в ванной.

– У меня к тебе дело есть… в машине его вещи, – парень слегка прикрыл глаза, стараясь не думать о том, что заранее знал ответ брата на предложение вернуться домой или в клинику. Хотелось хотя бы на миг представить, что всё случилось по-другому.

– Пойдём… возьмёшь. Я уже не вернусь сюда.

Узумаки с готовностью кивнул и лишь потом спросил:

– А ты не станешь забирать его?

– Он не вещь, – отозвался Итачи, подхватывая с пола ключи от машины. – Если захочет, вернётся…

***

Наруто прибывал в лёгком шоке после увиденного. Нет, он часто был свидетелем драк и всего такого, но всё, что случилось в той небольшой кухне, как-то странно отозвалось в душе. Узумаки никогда не был знатоком человеческих душ, но тут и без этого было понятно – между этими двумя что-то нечисто. За просто так рожи не бьют… да и не в драке дело… Наруто по привычке махнул отъезжающей машине, хотя сомневался, что Итачи увидит этот жест.
Узумаки было направился обратно к подъезду, но тут же удивлённо воскликнул, обращаясь к выходящей из него фигуре:

– Ты куда?!

– Гулять, – каркнул Саске в ответ, морщась от слабого холода, который легко пробирался под тонкую больничную одежду.

– Я одежду тебе несу. Возьми… простынешь.

Наруто нагнал парня и протянул ему рюкзак, на который тот не обратил никакого внимания:

– Ты чего? Холодно же!

– Тебе холодно – ты и одевайся, – буркнул Учиха, засовывая руки в карманы.

Тяжело вздохнув, Узумаки повесил рюкзак на плечо и поравнялся с Саске, распрощавшись с данным себе же обещанием больше не вмешиваться в дела этого невежды. Но вновь сыграла совесть:

– Я с тобой пройдусь.

– Как хочешь.

Гнев. Глава 1. Knives.

"Wake up, wake up, wake up dead fly
Wake up, wake up, wake up dead fly
Wake up, wake up, wake up dead fly…"
10 Years – Knives

Духота обхватывала плотным кольцом, сдавливая лёгкие и заставляя кожу покрыться холодной испариной. Летний вечер выдался слишком уж душным, словно нагревшаяся земля ближе к ночи выдохнула, испуская накопленный за день жар. Он поднимался в воздух и зависал в метрах трёх, словно тягучая патока, в которой редкие прохожие барахтались, словно увязшие в сладости мухи.
Саске шёл быстро, хотя в этой ночной темноте едва ли мог разглядеть дорогу. Редкие фонари, нелепо торчащие по бокам от дороги, лишь мешали, давая вот, казалось бы, уже привыкшим к темноте глазам дозу света, а затем вновь забирая её. Учиха щурился. От этого мельтешения становилось только хуже. Раздражение нарастало где-то на фоне стремительно поглощающего его безразличия. К чему? Ко всему?
Это странное чувство.
Саске остановился, когда справа от себя боковым зрением увидел невысокий бортик, где-то по пояс ему. Он повернулся, складывая руки на холодный выкрашенный в чёрный металл, завивающийся причудливыми узорами.
Лёгкий порыв ветра бросил в лицо запах сырости и тины, вырывая из воспоминаний что-то, что грело сердце. Только теперь это тепло казалось адским пламенем, которое готово было сжечь его полностью, измучив воспоминаниями о том, как уже никогда не будет.

– Тут можно стоять? – неизвестно зачем спросил Наруто, отвлекая его от воспоминаний. – Мост всё-таки… дорога…

Учиха выдохнул, поворачивая голову к своему невольному

спутнику, и неизвестно чему улыбнулся. Не было сил отвечать, да и желания говорить тоже не было. Он будто разом лишился возможности воспроизводить никому ненужные звуки.

– Ты, может, оденешься? – поднял брови Узумаки, и его лицо стало по-детски открытым.

Впервые Саске заметил, что его странный и немного нелепый спутник выглядит настолько… светло.
Странные мысли. Усталые.

– Мне не холодно, – пожал плечами Учиха, заставляя себя открывать рот и произносить слова. Ведь не отстанет же.

– Да я не о том… тут люди ходят и… полиция, скорее всего, может проезжать. А ты в больничном.

Наруто резко замолчал, будто бы слова про «больничное» могли как-то задеть парня, возвращая на час назад.

– Если я тебя смущаю, то проваливай, – коротко бросил Саске, облокачиваясь на бортик и опуская голову, позволяя волосам отгородить его от внешнего мира иссиня-чёрным занавесом.

Внизу плескалась чёрная вода, на которой рвано плясали рыжие отблески фонарного света. Запах тины усилился…

– Да не смущаешь ты меня… не голый же, – по привычке огрызнулся Узумаки, тоже прислоняясь к бортику.

В отличии от Учихи он не любил запах сырости. Да и ночной холодок вблизи с речкой стал ощутимее, кусая привыкшее к духоте тело.

– Был бы голый – смущал бы? – усмехнулся Саске, слегка поворачивая голову, но из-за волос мог видеть только острый подбородок парня.

– Был бы голый – я бы с тобой не ходил.

– Противно?

– Нет, – выпалил Наруто, которому явно было не понять запутанной логики Учихи. – Просто это вообще-то незаконно, и в обезьяннике бы закрыли. А мне туда не хочется… вообще никак!

– Ну раз только из-за этого, – невпопад ответил Саске, теряя интерес к беседе и вновь отворачиваясь от Узумаки. Чёрная гладь воды интересовала его куда больше.

Минуты тянулись долго, ржавой цепью скребя по сердцу. Было больно, но Учиха не мог понять от чего. Было грустно, но тот не понимал этой грусти. Он вообще ничего не понимал, лишь видел, как быстро плещется вода да играют блики. Это похоже на помехи, если долго не моргать, вызывая в глазах резь, а потом смаргивая ненастоящие слёзы.
Слёзы… Саске фыркнул своим мыслям, вспоминая, как остервенело тёр щёки, разве что без мыла, в ванной, пытаясь едва ли не с кожей содрать те солёные дорожки со своего лица, что остались после слов Итачи.

– Мне Сакура нравится, – подал голос Наруто.

От резкой смены темы на практически личную, Учиха вновь посмотрел на парня. Теперь даже волосы откинул, чтобы видеть задумчивый и растерянный одновременно профиль. Он нахмурился, мало понимая, чем было вызвано желание поговорить о делах сердечных. Ведь Саске уж точно не выглядел как открытый и располагающий к таким беседам человек:

– И что?

– А я ей нет, – тихо выдохнул Узумаки, сцепляя пальцы в замок. – И я не знаю почему… вроде бы даже ухаживать пытался.

– Цветы, конфеты? – презрительно фыркнул Учиха.

– Ну, – судя по замешкавшемуся парню, всё было именно так, –

и что с того?! Разве не так ухаживают?

Наруто даже повернулся к нему, встретившись взглядом с чёрными глазами.

– Не знаю, – пожал плечами Саске. – Не ухаживал.

– А Карин? – удивлённо вздёрнул брови Узумаки.

Учиха хохотнул, опуская на миг голову к рукам, чтобы прикоснуться горящим виском к холодным костяшкам пальцев:

– За такими, как она, ухаживать не надо. Она уже на всё и так согласна.

– Странно, – пробубнил Наруто. – На меня не вешается…

– И не будет, – фыркнул Саске, отворачиваясь. – Девушки глупы.

– Чего это?! – возопил Узумаки, словно выслушал личное оскорбление. – Сакура умная… даже очень!

– И поэтому ей нравится кто-то хуже тебя.

Это был не вопрос, а утверждение. И Наруто не знал, что на это ответить. По сути, он не знал толком, кто ей нравится, но догадывался, что этот мифический «кто-то» всё же существовал.

– Как и Карин, – закончил Учиха. – Девушки глупы. И нелогичны. Ты бегаешь за ними с цветами – они говорят, что у них аллергия на них. Скупаешь конфеты – они не любят сладкое. Даришь подарки – им от тебя ничего не нужно. Забываешь про всё это – ты перестал их ценить. Признаёшься им в любви – они говорят, что любят другого, потому что ты слишком плох.

Столь длинная тирада, кажется, в конец истощила запас сил, и Саске вновь уткнулся лбом в сложенные на бортике руки.

– Ты так говоришь, будто знаешь их… девушек, – фыркнул Узумаки, но толика неуверенности в его голосе всё же была. Значит, Учиха попал.

– Все люди одинаковые, – глухо отозвался Саске, не заботясь о том: услышат его или нет. – Что девушки, что парни.

– Херня, – авторитетно фыркнул Наруто. – Мы все разные!

– Мясо, кровь, мозг… куча органов. Вот весь человек.

– А чувства? Эмоции?

– Ты ещё про душу скажи, – прыснул Учиха, выпрямляясь. Река как-то странно накренилась, и он ухватился за перила крепче.

– Ну… она, наверное, есть, – замялся Узумаки, переводя взгляд куда-то на горизонт.

– А что будешь делать, если твоя Сакура тебя опять пошлёт? – внезапно резко перевёл тему Саске, пытливо вглядываясь в лицо собеседника. – Будешь бегать за ней? Дарить цветы? Умолять?

– Я как-то больше и не лезу к ней, – пожал плечами Наруто. – Конечно, херово, но что ещё делать? Не с моста же прыгать из-за этого.

И невольно усмехнулся, осознав, что стоит как раз на том самом мосту и рассказывает явно ненормальному парню о своей несчастной любви.

– А почему бы не прыгнуть? – как-то нехорошо улыбнулся Учиха. – Какая разница когда?

– Ты чего?

Узумаки резко повернулся к собеседнику, нахмурившись. Говорит тот правду или же это очередная шутка, попытка взять на «понт», он не мог различить. Эмоции, отражающиеся на

узком лице, могли принадлежать и к тому, и к другому случаю. А ещё он мог говорить серьёзно, чего уж очень не хотелось Наруто. Стать свидетелем самоубийства – не лучшее окончание вечера.

– А что тебя держит?

– Жизнь вообще-то. Я пожить хочу, – искренне удивился Узумаки, уставившись на Саске так, словно тот спрашивал зачем людям воздух.

– А что с той жизни? – не унимался Учиха, чувствуя, как раздражение принимает какой-то новый облик. – Посмотри на любого человека – вот вся твоя жизнь. От рождения до смерти. Всё одно и то же. У всех.

– Не у всех, – упрямо качнул головой Наруто. – У каждого своя жизнь…

– По схожему сценарию!

– Но это не повод кидаться с моста, – довольно громко заявил Узумаки, и сам удивился тому, как легко его начал выводить из себя Саске.

– А что повод? – как-то хищно прищурился Учиха.

Наруто замер, вглядываясь в это бледное лицо, которое, в обрамлении прямых иссиня-чёрных волос, казалось сейчас почти зловещим. Чёрные глаза не блестели, а источали какую-то ядовитую злость и обиду на всё человечество, чьим представителем посчастливилось стать Узумаки.
После этой фразы Наруто понял: не шутит и не пытается заманить в очередную издевательскую игру. И в голове опять проскочила мысль: «Что ты делаешь здесь, на улице ночью с незнакомым тебе человеком? Зачем? Почему не уходишь?»

– Я не знаю, – раздражённо выпалил Узумаки, всплеснув руками. – Какого хера ты докопался? Я тебе философ, что ли?! Хочется тебе – прыгай, не насилуй мне мозг, а?!

Саске изменился в лице: прищур пропал, тонкие губы сжались сильнее, морщинки меж бровями разгладились. Так выглядит лицо человека, который наконец получил нужный ответ, добился своего… или же, наоборот, понял, что никогда не получит так желаемое нечто.
Наруто спохватился поздно, когда Учиха, ухватившись рукой за столб, с трудом влез на бортик и застыл там.

– Эй! Я же не то имел в виду, слезай, – засуетился Узумаки, хватая парня за тонкую штанину и едва дёргая, но опасаясь, что от его движений тот, наоборот, потеряет равновесие и свалится. Неловкое падение что туда, что сюда означало одно – проблемы. Упадёт на тротуар, сдёрнутый им, – расшибёт затылок, упадёт в воду – вообще утонет.

Хотя тут не было так уж высоко…
Просто играли стереотипы. Ведь с моста просто так не прыгают… и мало чем хорошим это заканчивается.

– Я умру этой весной.

Наруто замер, вслушиваясь в какой-то блёклый голос. Он даже не заметил, что так и продолжил стоять, придерживая парня за штанину. Со стороны это выглядело глупо…

– У меня три выхода. Лечиться и провести последние месяцы в палате. Просто ждать конца. Или попытаться закончить всё сейчас.

Узумаки, не ожидающий такой откровенности, пребывал в лёгком ступоре. В его слишком жизнерадостной и оптимистичной голове не находилось ничего подходящего для такого случая. Хотя мог бы догадаться, ведь сам стал невольным свидетелем семейной сцены на кухне.

– Что мне делать? – спросил Учиха, кажется, у воздуха, всё ещё смотря куда-то на горизонт.

– Явно не прыгать! – быстро выпалил Наруто первое, что

пришло в голову.

– Почему? Какая разница когда?

– Слушай, я тебя не знаю вообще и не советчик в таких вопросах. Но прыгать – это херово. Там вода холодная, да и выплывать потом долго. Можно себе что-нибудь сломать…

Вариант с тем, что можно вообще не всплыть, Узумаки как-то предпочёл не упоминать, тараторя то, что первым пришло на ум.

– Хуже же не будет, – пожал плечами Саске, и его заметно пошатнуло.

Наруто крепче сжал штанину, слабо веря, что удержит парня таким способом.

– Да блин! Что ты заладил… спускайся давай. Выпьем, – выпалил Узумаки, чувствуя, что ещё немного и сам стащит заупрямившегося Учиху обратно на тротуар. К растерянности начала примешиваться злость на этого придурка, который морочит голову себе и ему в придачу.

Саске молчал. В голове было пусто, словно мысли выдуло лёгким речным воздухом. Он вдохнул этот сырой запах, и в голове вновь замелькали картины прошлого. Если вглядеться в тот берег, то можно увидеть иву, под которой их семья когда-то остановилась на пикник… наверное, там даже тарзанка осталась, с которой они с братом…
Что-то больно кольнуло в груди, хотя должна была болеть голова. Учиха даже не думал, что может испытывать что-то подобное, поэтому злился на себя за мягкотелость. Рука сжала тонкое «горло» фонаря сильнее, и Саске прикусил губу. Было противно. От всего. И от себя в первую очередь.
А потом он разжал руку, сделав шаг вперёд. Что-то треснуло, кажется, штанина, но ему было плевать.
Быстрый полёт, свист ветра в ушах и удар о воду. Тело не успело сгруппироваться, и столкновение оказалось слишком уж чувствительным, хотя от моста до реки было не так уж и

далеко.
Оказавшись в воде, Учиха почувствовал, как его тело медленно опускается глубже, и открыл глаза, видя перед собой лишь какую-то мутную жижу и пузыри. Он расправил руки, позволяя прохладной влаге пробраться под одежду, прильнуть к коже и забраться ближе к грудной клетке, где, кажется, бушевал пожар.
Наверное, его оглушило при падении, потому что всё сейчас казалось каким-то далёким, будто не с ним. На удивление, он не чувствовал нехватку воздуха, отстранённо наблюдая, как облако из пузырей постепенно успокаивается.
Ему хотелось узнать то чувство, которое придёт к нему уже весной. Как он различит, что пора, что конец вот он? Может быть, если попробовать сейчас, то всё изменится и весной уже ничего не будет? Кто-то, кто пишет судьбы, подумает, что если в этот раз он испытал это на своей шкуре, то с него хватит?
Бред в голове продолжал роиться ровно до тех пор, пока Саске опускался всё глубже, смотря перед собой в мутное марево воды.
Ещё немного, и захочется сделать вдох. Рот откроется, в порыве утолить инстинктивную жажду тела. И тогда вода быстро войдёт в лёгкие.
Холодные мысли. Слишком ясные для его состояния.
Учиха прикрыл глаза, чувствуя, что жжение в груди становится почти невыносимым. Ещё минута…
Наруто рванул его за ворот на себя изо всех сил, свободной рукой загребая воду и помогая себе ногами. Злость придала сил и будто бы подталкивала на поверхность.
Вынырнув, он поспешил подхватить Саске, прижимая к себе и не давая какому-то слишком тяжёлому телу вновь опуститься под воду.

– Грёбаный придурок, – отплёвываясь от воды, прорычал Узумаки. – Дебил.

Плыть с такой безвольной ношей было невыносимо тяжело, и вся работа легла на быстро двигающиеся ноги, под которыми всё ещё была глубина.
Наруто не знал: успел или нет. Может, на его руке, тянущим назад грузом, повис труп… но об этом он предпочитал не

думать.
Ноги толкнулись о дно, и Узумаки поспешно встал на них, перехватывая Учиху за подмышки и волоча его на берег. Оказавшись на земле, парень не удержал равновесие и больно стукнулся копчиком. Выругался, подтягивая Саске ближе и приподнимаясь над ним.

– Ты долбанулся, – прошипел Наруто, хлопая по бледным щекам. – Ты конченный козёл.

Наверное, этот придурок заслуживал более резких слов, но Узумаки ограничивался малым, вкладывая всю злость в пощёчины, которыми пытался привести в чувства, кажется, вырубившегося брюнета.

– Зараза, – шикнул Наруто, вспоминая, что тот мог наглотаться воды.

В голове появились какие-то смутные воспоминания по курсу охраны жизни или подобной дряни.
Узумаки опёрся руками о грудную клетку парня, чувствуя ладонями рёбра. Нажал, ещё раз и ещё…
Заткнул ему нос и было потянулся к губам, но тот закашлялся, инстинктивно переворачиваясь на бок.

– Лежи тут, придурок, – сквозь зубы процедил Наруто, направляясь к узким ступенькам – спуску с моста. Где-то там, на тротуаре, был оставлен рюкзак с сухой одеждой.

Когда Узумаки вернулся, Саске уже сидел, придвинув колени ближе к груди и смотрел на поверхность воды. Дышал он всё ещё хрипло, да и выглядел паршиво, но хотя бы шевелился и на том спасибо.

– Держи.

Учиха лишь искоса взглянул на брошенный к нему рюкзак и вновь отвернулся к воде.

– Оденься, блин! – громко выпалил Наруто, сам от себя не

ожидая такой злости.

Нервы, кажется, помахали рукой и ушли в дальнее плавание по этой злосчастной речке.

– Не ори, – тихий хриплый голос.

– Я из-за тебя с моста прыгнул!

– Герой…

Узумаки замер, вперившись взглядом в какой-то неестественно спокойный профиль:

– Да пошёл ты…

С этими словами он сам развернулся и направился прочь с берега, чувствуя, как в кроссовках хлюпает вода, а в груди мечется невысказанная злость.
Хотя кому высказывать? Этому? Да легче со столбом договориться…

***

Наруто дошёл до дома Карин, когда уже перевалило за час ночи. Всё ещё обуреваемый самыми противоречивыми чувствами, он тихо вошёл в квартиру. Странно, что она была не замкнута… но к чёрту.
Узумаки прошёл на кухню, бросив свой взгляд на ноут. А вот и причина его возвращения, если Карин проснётся и начнёт предъявлять претензии.
Волосы уже высохли, а вот одежда висела на нём влажными и холодными тряпками, поэтому парень, слегка пострадав муками совести, направился в ванную. Благо злость была сильнее всяких там социальных норм.
Хотя Наруто сам не понимал, на что злится.
Его не просили спасать.
Возможно, Саске просто хотел поплавать и нырнул слишком глубоко, а он помешал ему.
Да в конце концов, какая ему разница, как захотел подохнуть

этот придурок?!
Узумаки взглянул на себя в зеркало, висящее над раковиной. Голубые глаза зло сверкали, светлые брови сошлись над переносицей… всё это могло бы выглядеть грозно или даже устрашающе, если бы невысохшие не пойми как, ставшие слишком жёсткими и торчащие во все стороны светлые волосы.

– Придурок, – выдохнул Наруто, не понимая: обращается он к себе или же эти слова адресованы тому, кто остался на берегу.

И что беситься? Толку?
Узумаки включил воду, стягивая с себя мокрую одежду и вешая её на полотенцесушитель. Полностью не высохнет, но хотя бы капать с неё перестанет.

***

Выйдя из ванной, замотавшись в чьё-то огромное полотенце, Наруто первым делом направился на кухню, заметив боковым зрением чёрный силуэт, скорчившийся на стуле.

– Живой? – буркнул Узумаки. Злость прошла, но вновь возвращалась при взгляде на это отрешённое лицо.

– Как видишь.

Саске всё-таки переоделся в сухое. Теперь на нём была чёрная футболка и такого же цвета джинсы. Он здорово походил на ворона, который присел на дорожный столб.

– Ты зачем это сделал? – спокойнее спросил Наруто, опасливо косясь на тёмный коридор и всё-таки прикрывая за собой дверь.

– В рюкзаке одежда. Возьми пока, – вместо ответа посоветовал Учиха, по полу швыряя к ногам парня рюкзак.

– Отвечай.

Узумаки наклонился над рюкзаком и вытащил оттуда какие-то бежевые шорты и тёмно-синюю рубашку. Наверняка оно будет

ему слегка коротко или маловато, но, в принципе, влезть можно.

– Оденься.

Саске явно был выше, чтобы продолжать разговор с человеком, замотанным в банное полотенце, или же просто хотел побыстрее избавиться от надоедливого парня.
Наруто всё же последовал совету Учихи и вернулся в комнату уже одетым. Рубашка действительно была маловата в плечах, но терпимо…

– Я верну, как моя высохнет.

– Забей, – отмахнулся Саске, откидываясь спиной на стенку и вглядываясь куда-то в кухонную тумбу.

– Зачем ты это? – выдохнул Узумаки. Злость прошла совсем.

Пожатие плечами.

– Это ведь… глупо.

– Я не знаю, – безразлично отозвался Учиха.

– Тогда зачем?

Логика данного разговора ускользала от Наруто. Как и то, почему он пытается вразумить или разговорить незнакомого парня, с которым завтра попрощается уже навсегда.
Наверное.

– Хотел узнать, каково это, – неожиданно честно ответил Саске, всё же избегая прямого взгляда.

– Да блин, – буркнул Узумаки, – узнаешь. На хера торопиться так?

– А на хера ждать?

Он поднял глаза на Наруто.

– Ну… я не знаю. Как-то глупо, – повторился Узумаки. – И вообще самоубийство – это для слабаков.

– Откуда ты знаешь, что я не слабак? Ты меня второй раз видишь.

– Слабак бы не стал пытаться вырезать глаз гопнику, – невесело, скорее нервно, хохотнул Наруто.

– Разве? – иронично поднятые брови.

– Наверное, не знаю я! Но ты не слабак… странный, но не слабый.

– Странный, – подытожил Учиха, кивая каким-то своим мыслям, и вновь уставился на тумбу.

– Если ты… всё же умрёшь, то живи просто так, – пожал плечами Узумаки, усаживаясь на стул рядом с Саске и облокачиваясь локтем о глянцевую поверхность стола. – Ведь всё равно же умирать. Так подожди… может, что интересное ещё случится.

Учиха нахмурился, переводя взгляд на Наруто. Он так просто об этом говорит, словно это просто… очередной поход в кино или поездка загород. Саске скользнул взглядом по загорелому лицу парня, ища то выражение в глазах, которое встретил у брата, матери и отца.
Странно.
Он искал это чувство в другом человеке, но натолкнулся лишь на непонимание его поведения:

– Ты не жалеешь.

– Чего? – опешил Узумаки, приподняв одну бровь.

– Кого. Меня.

Парень нахмурился, непонимающе глядя на Учиху.

– А что тебя жалеть-то? – прыснул он. – Вон, ноги у тебя есть… с моста прыгаешь неплохо, только приземляешься херово.

– Обычно жалеют, – пожал плечами Саске, перебирая пальцами по столешнице. Было странно разговаривать.

– А с какого хера мне жалеть человека, который ходит, дышит, не истекает кровью? Ты вон… целый весь.

«Только в голове большая дыра, и через неё мозг вытек», – мысленно добавил Наруто, но вслух этого говорить не стал.

Учиха кивнул, отводя взгляд от парня.
Странно.
Значит, не жалеет.

– Не вызывай жалости, и никто тебя жалеть не будет. Не веди себя, как последний придурок, прыгающий с моста от осознания того, что его никчёмная жизнь скоро закончится. И не жалей себя сам.

Эти слова отчего-то больно резанули по внутренностям, и Саске прикусил губу, сжимая кулак. Отчего так неприятно? Потому что проявил слабость? Да, скорее всего. И позволил незнакомому человеку стать её свидетелем. Дважды. Узумаки прикусил язык, удивившись тому, что сказал. Эти слова вызвали в нём волну дрожи, которой никогда прежде весёлый Наруто не испытывал. Отчего сейчас его понесло в правдорубы? Ведь все мы имеем минуты, когда становимся слабыми? Тогда почему он сказал это?

«Не вызывай жалости», – мысленно повторил Учиха.

Слова эти отозвались глухим ударом сердца, словно припечатываясь к внутренней стороне грудной клетки, вырезаясь на рёбрах и запоминаясь.

– Забей, – вновь отмахнулся Саске, протягивая руку за пустой

чашкой.

Бутылка всё ещё стояла на столе, и Учиха поспешил налить себе. Почти залпом выпил терпкое вино и отставил в сторону. Хреново. Пьянеть не хотелось.

– Надо спать ложиться, – подытожил Узумаки, поднимаясь. – Ты завтра во сколько уйдёшь?

– Не знаю, – пожал плечами Саске, всё-таки наливая вновь. – Мне некуда.

– Вообще? А домой?

– Не хочу туда, – поморщился Учиха от терпкости вина, которое стало внезапно отдавать горечью. – И с Карин не хочу.

– Ясно, – выдохнул Наруто, даже не зная, что предложить.

Позвать незнакомца с такими тараканами в голове к себе домой было рискованно. Да и не хотелось. Дом – это дом. Туда нет хода всяким психам, которые своими словами могут извратить даже самое светлое.

– Я спать тогда, – вымученно улыбнулся Узумаки, чувствуя себя последним мерзавцем. Хотя он-то ему ничем не обязан. Скорее наоборот – Саске обязан ему.

– Спи.

Наруто покинул кухню. Куда идти спать в чужой квартире он не представлял, но в зале было пусто, и диван так манил, что парень в который раз плюнул на приличия.

***

Учиха допил бутылку, которая под конец шла совсем туго. Опьянение ударило в голову, и, когда парень поднялся, его слегка пошатывало.
Держась за стены, он уныло поплёлся в ванную, догадываясь,

что от него несёт тиной и завтра будет только хуже.
Остановившись у зеркала, тот взглянул на своё отражение. С того момента, как он видел себя в больничной ванной, мало что изменилось. Разве что глаза стали спокойнее, а волосы торчали в разные стороны. Но что-то изменилось.
Палец неровно ткнул в лоб отражения, надавливая на холодное стекло.

– Ты здесь, – прошипел Саске, с ненавистью глядя на свой лоб.

Отражение скалилось в какой-то жутковатой улыбке, и Учиха не мог гарантировать, что это улыбался именно он, а не разум играл с ним в какие-то непонятные игры, отдающие дешёвыми ужастиками.

– И ты сдохнешь вместе со мной, – проговорил он немеющими от спиртного губами.

Саске полностью осознал это странное чувство отторжения. Словно это не с ним, словно это не он сейчас смотрит из зеркальной глади, криво улыбаясь бледными, искусанными губами.
Словно там был какой-то враг, которого нужно было непременно устранить.

– Не вызывай жалости, – ожесточённо, сквозь зубы. – Не жалей себя.

Палец с противным звуком соскользнул по зеркалу. Рука ударилась о стеклянную полочку, разноцветные склянки сыпанули в стороны, запястье обожгло жаром. Кажется, на полке остался какой-то красноватый след, но Учиха лишь тихо засмеялся, опускаясь на край ванной.
Он не был уверен, что вполне здраво мыслит. Но ему было смешно. Смешно из-за того, как прыгает по полу пузырёк из-под духов, как нелепо и совсем не к месту в ведре лежит зубная щётка.
Смешно.
В кармане что-то хрупнуло, когда Саске провёл руками по ногам, пытаясь унять дрожь. Он недоумевающе уставился на

клочок картона, что слегка помялся и намок после прыжка с моста, но всё же уцелел. Каким-то чудом парень переложил его… скорее всего, машинально.
Номер и имя – Орочимару.
Покрутив визитку в пальцах, тот направился в прихожую, где взгляд когда-то зацепился за синий аппарат телефона. Пальцы не слушались, пару раз пришлось сбрасывать и набирать заново, слегка пошатываясь от алкоголя и накатившей слабости.
Наконец номер был набран, в трубке послышались долгие гудки, а затем кто-то ответил ничуть не сонным голосом:

– Алло?

– Забери меня, – тихо сказал Учиха, даже не спрашивая: правильно ли попал.

– Кто это?

– Саске.

– А… Саске, – кажется, Орочимару довольно улыбнулся, – так быстро припекло?

Парень крепче сжал пластиковую трубку, чувствуя, что вот-вот сбросит вызов. Просить что-то было против его природы… тем более, когда не соглашались сразу:

– Мне некуда идти.

– Иди домой, – воскликнули в трубке, словно пролили истину на заблудшую душу.

– Я не хочу домой. Ты приедешь или нет?

– Адрес.

Глава 2. Доктор.

«Доктор мой принёс с собой
Стерильный белый порошок
Заботливо сказал:
Лечись, дружок».
Ночные Снайперы – Доктор

Машина Орочимару остановилась у обычного серого дома в пять этажей. Мужчина выглянул в окно, разглядывая редкие прямоугольники окон и ожидая. Он не был настроен на долгое пребывание в чужом дворе, ведь время уже перевалило за второй час ночи, а завтра с утра научное собрание, где тот собирался представить часть своей работы. Он был уверен в том, что будет иметь успех, но выспаться всё равно не мешало бы.
Спустя пять минут дверь подъезда открылась и по ступенькам быстро сбежала какая-то чёрная тень, на проверку оказавшаяся его бывшим пациентом.

– Садись, – кивнул на соседнее сиденье тот, когда Саске остановился у его окна, щерясь и пытаясь высмотреть знакомое лицо.

– И зачем ты сбежал? – тихо спросил Орочимару, когда Учиха опустился на свободное место, захлопнув за собой дверь.

Парень поставил на колени чёрный рюкзак, стянул с головы капюшон лёгкой ветровки и посмотрел на доктора так, словно тот задал самый глупый вопрос в мире.

– А что я забыл в вашей грёбаной клинике? – с вызовом бросил Саске.

Орочимару, усмехнувшись, извлёк из кармана небольшой пузырёк и звонко потряс им:

– Вот это, например.

Он кинул пузырёк на колени к Учихе, и тот недоверчиво поднял его на уровень глаз, пытаясь рассмотреть содержимое за тёмными стенками склянки:

– Что это?

– От боли. Поможет, – как-то странно улыбнулся Орочимару, нажимая на педаль газа. – Но эта не единственная склянка, которая тебе скоро понадобится…

– Решил подкупить меня таблетками? – фыркнул Саске, но пузырёк сжал в кулаке.

– Нет, – пожал плечами мужчина, выезжая на главную дорогу. – Пытаюсь объяснить тебе, что жить без всего того, что могу дать я, будет очень трудно.

– Доживать, – бросил Учиха, рассматривая профиль своего бывшего врача.

В лице Орочимару было что-то хищное, то что с первого взгляда бросится тебе в глаза, но моментально сотрётся, словно никогда и не существовало. Парень прищурился, внимательнее всматриваясь в резкие, но вместе с тем плавные и тонкие черты лица мужчины. Точёные скулы, острый нос с небольшой горбинкой, бледная кожа, которая в свете фонарей обманчиво отдавала лёгкой зеленцой.
Только сейчас Саске понял, кого ему так мучительно напоминал Орочимару: затаившуюся в высокой траве кобру, готовую укусить в любой момент зазевавшегося прохожего.

– Как тебе будет угодно называть это, – отозвался доктор. – Ты не представляешь, в какой ад превратится твоя жизнь спустя…

Он бросил на Учиху быстрый, оценивающий взгляд и, улыбнувшись, продолжил:

– Спустя неделю.

– А это разве не ад? – хмыкнул Саске, следя, как мимо пролетают машины.

– Тебе лучше вернуться в клинику. Там о тебе позаботятся…

– На хер? Чтобы сидеть в вашей стерильной палате и пялиться на таких же ущербных людей, как и я? Простите, доктор, – с иронией прошипел Учиха, чувствуя, как злость появляется буквально из неоткуда, – но я предпочту подохнуть на улице, но не там. Не рядом с ними.

– Ты думаешь, что лучше их? – хрипло рассмеялся мужчина, пристраиваясь за жёлтой машиной.

Саске промолчал, сильнее стискивая дверную ручку. Лучше, хуже… какая уже разница.
Впервые это случилось здесь, в машине Орочимару…
Учиха хотел было ответить что-то особо язвительное и ядовитое на этот провокационный вопрос доктора, но в этот момент что-то щёлкнуло в голове, заставляя моментально ослепнуть…
Какая-то неведомая сила прошлась по телу, выгибая его, заставляя каждую мышцу натянуться звенящей от напряжения струной, каждую кость раскалиться добела. Мир моментально встал с ног на голову, все чувства рухнули в бездонную пропасть, в которой начало засасывать и его самого.
Орочимару резко надавил на педаль тормоза. Мужчину качнуло вперёд, но, не обращая внимания не ушибленную о руль грудь, он выскочил из машины. Им неслыханно повезло, что приступ накрыл Саске перед самым домом доктора.
Открыв дверь, он буквально выволок Учиху на улицу, укладывая на асфальт и подхватывая голову свободной рукой.

– Саске, – произнёс мужчина, прекрасно понимая, что выгибающийся парень его сейчас не слышит, но по привычке пытаясь достучаться до пациента именно словом.

Подхватив его, Орочимару взбежал по ступенькам, открывая

ногой дверь подъезда. Ему везло: лифт приехал быстро. Придерживая Учиху одной рукой, доктор ткнул пальцем по нужной кнопке. Лифт пришёл в движение: тяжело, с гулом, словно нехотя.
Мужчина был спокоен. Его сердце билось ровно, дыхание даже не сбилось. Он привык. Это был обычный рабочий момент, не вызывающий никаких эмоций, кроме рефлекторного желания поспешить.

– Скоро приедем, – тихо сказал он, прижимая вздрагивающее от судорог тело, не потому что хотел как-то сдержать его резкие рывки, дабы снизить боль, а просто потому, что так было удобнее держать.

Двери лифта открылись, и Орочимару спокойно вышел, проходя к своей квартире. Теперь быстро сложнее: пришлось придерживать одной рукой тело, а другой вставлять ключи в замочную скважину.
Щелчок, и вот он дома.
Он осторожно положил тело на пол у порога, перешагнул его и направился в свой кабинет слегка быстрым шагом. Быстрее, чем обычно, но не бег.
Когда пузырёк с лекарствами был найден, мужчина вернулся обратно к Саске, переворачивая того на бок. Откручивая пальцами плотную крышку на склянке, Орочимару мысленно поругал себя за халатность. Ужасная ошибка – оставлять вот так пациента с приступом на полу прихожей без присмотра. Пусть даже на несколько секунд.
Но об этом никто не узнает…
Крышка наконец-то поддалась и со звонким стуком отлетела на начищенный паркет.
Найдёт позже.

– Сейчас тебе станет лучше, – тихо проговорил доктор привычную фразу, придерживая голову парня за лоб и пальцем пытаясь просунуть таблетку в рот Учихи. Ещё один риск. Если он поперхнётся капсулой, то беды не избежать, а если не дать ему лекарство, то кровь так и не поступит в мозг…

Орочимару опустил пузырёк на пол рядом с ними, машинально

поглаживая Саске по волосам. Он так часто делал, успокаивая своих пациентов, которые никак не могли вернуться в реальность, и этот жест стал почти машинальным. Ничего незначащим.

– Глупый ребёнок, – тихо говорил доктор, слушая хриплое, постепенно выравнивающееся дыхание пока ещё ничего не соображающего парня, – ты решил, что ты сильнее всего на свете? Глупый…

Судороги постепенно проходили, оставляя истерзанное тело, позволяя рукам расслабленно повиснуть, ногам выпрямиться, а голове упасть. Постепенно он придёт в себя…
А пока мужчина поднял его и перенёс на кушетку в своём кабинете. Убедившись, что тело никуда не сползает, а конечности ровно вытянулись, Орочимару зажёг свет маленькой лампы, и янтарные лучи оной залили небольшую комнату.
Сам же он достал саквояж, в котором хранил лекарства, прихваченные из клиники этим вечером, когда узнал, что Учиха сбежал. Доктор просчитал ходы парня ещё до того, как тот появился в его кабинете, требуя сигарет. Только не знал, когда именно Саске решит воплотить свой план в жизнь.
Такие, как он, долго не сидят на одном месте. Стремясь бежать куда-то, от кого-то. Но чаще всего от самих себя.
Флакон с жидкостью звонко стукнул о лакированную поверхность журнального столика, рядом с ним лёг небольшой шприц и жгут.
Орочимару знал, что пробуждение после приступа не принесёт с собой облегчения.

***

Учиха приходил в себя медленно, словно после хорошей такой пьянки, на которой пьёшь всё, что горит и льётся. Болело всё: мышцы, кости, сухожилия, внутренности.
Первым делом он закашлялся, переворачиваясь на бок из этого странного, вытянутого положения. Что-то горькое подступало к горлу, но Саске мужественно сдержал порывы и сглотнул, разлепляя глаза.

Взгляд упал на тёмно-красный ковёр, затем поднялся выше по штанине тёмных брюк. Орочимару сидел перед ним в кресле, отстранённо наблюдая.

– Что со мной… было? – выдохнул Учиха, пытаясь забраться на кушетке повыше и принять более сидячее положение. Выходило плохо из-за болящих мышц, но вскоре он всё же сел.

– Эпилептический припадок, – заученно выдал доктор. – Бывает.

– Бывает? – сил на удивление не осталось, это было скорее нервное. Нервный смешок. Бывает… словно Орочимару говорил об утреннем стояке.

– А ты чего ожидал? Я предупреждал.

– Где я? – игнорируя риторический вопрос, спросил Саске.

Это место было ему незнакомо, хотя сначала показалось, что Орочимару привёз его обратно в клинику и сейчас он находится в его кабинете. Схожесть определённо была: те же высокие книжные шкафы, какие-то дипломы на стене, приглушённый свет, большие окна, сейчас закрытые тёмно-коричневыми жалюзи. Даже стол был почти такой же, как и в клинике. Массивный, из тёмного дерева, на котором были аккуратными стопочками разложены бумаги, а также стояла чернильница – гостья из прошлого, и настольная лампа.

– У меня дома. Как голова? – тихий, спокойный голос будто стал сигналом.

Учиха думал, что ад кончился, но лишь одной ногой наступил на дверной коврик, взялся за ручку, раздумывая: не открыть ли дверь.
Виски и затылок заныли протяжной болью. Она накатывала волнами, сгибая тело, пробегая по нему дрожью, выбивающей холодный пот. Кабинет странно накренился, закачался, и Саске вцепился руками в кушетку, стискивая зубы. Он скосил глаза на доктора, мысленно желая, чтобы он сделал уже хоть что-

нибудь. Удар чем-то тяжёлым по голове тоже сгодился бы…

– После приступов случается резкая головная боль, – совершенно ровным голосом заявил Орочимару, зачем-то беря в руки жгут. – Это нормально для таких, как ты.

– Она… пройдёт? – еле выдавил из себя Учиха, но тут же пожалел, чувствуя, как громко бьют свои же слова по ушам.

– Она теперь твой самый близкий и назойливый друг, – хмыкнул Орочимару.

Его голос походил на спокойный тон лектора, который стоит перед аудиторией и читает очередную речь по бумажечке, а не сидит в кресле перед раскалывающимся на кусочки парнем.

– Есть лекарства, которые тебе не выдадут без рецепта. А чтобы его получить, – мужчина взял руку Саске, не без усилий разжимая сжавшиеся на обивке кушетки пальцы, – тебе нужно взять рецепт у меня. Но с той частотой, с которой тебе требуется это болеутоляющее…

Орочимару тяжело вздохнул, закатывая рукав парня:

– Тебе лучше вернуться в клинику.

Учиха хотел послать его ко всем чертям, выругаться, вцепиться в это худое лицо. Почему он медлит?! Чего добивается?

– З-заткнись…

Орочимару поднял глаза на него и усмехнулся. Однако замолчал, полностью переключая своё внимание на жгут:

– Поработай кулаком.

Саске бы с удовольствием поработал кулаком, впечатав его в тонкий нос доктора, который потянулся за очередной склянкой и шприцем.
Сознание почти отключалось, когда он вновь почувствовал

холодные пальцы на внутренней стороне руки.

– Ты ел что-нибудь сегодня?

Какое это отношение имеет к делу…
Парень мотнул головой, мало надеясь, что этот жест был расценен, как отрицательный.

– Будет немного больно, – с каким-то странным смешком предупредил Орочимару.

Боли от укола Учиха не почувствовал. То ли мужчина набил руку на своих пациентах, то ли головная боль перебивала все остальные ощущения.

– Предупреждаю – будет тошнить.

– Достал, – выдохнул Саске, раскрывая глаза. – Сделай что-нибудь, чтобы было… никак!

– Увы, это противозаконно.

Скорее всего, тот пожал плечами или даже улыбнулся, но этого Учиха уже не видел, свешиваясь с кушетки. Его всё-таки вывернуло наизнанку, благо, выворачивать было нечем.
Так вот к чему был тот вопрос…

– Ляг ровно, если ты закончил. Тебе надо… привыкнуть. И не вставай.

Саске бы лёг, но ему и так было неплохо… в странном, перевёрнутом положении…
Поэтому Орочимару с тяжёлым вздохом перевернул его на спину, словно укладывая спать непослушное дитя:

– Можешь поспать. Боль не пройдёт полностью… в первый раз, но снизится.

Учиха кивнул или подумал, что кивнул. Он смежил веки, продолжая из-под прикрытых ресниц наблюдать за доктором.

Как ему показалось, мужчина вышел из комнаты на некоторое время, затем вернулся, взял со стола какой-то лист и, сев обратно в кресло, начал неспешно записывать в нём что-то. Скрежет ручки по бумаги не раздражал, а наоборот убаюкивал. Боль уходила на задний план, а в голове было пусто… так, как не было уже последние несколько дней.

***

– Болезнь прогрессирует довольно быстро, – спокойный голос Орочимару пробивался в сознание, сквозь толстый слой тягучего сна.

– И?

А этот грубый, требовательный голос… кажется, его отца?

– Но больной не желает возвращаться в клинику.

– Мне плевать, чего он не желает. Это нужно лечить!

– Увы, это не лечится. Только… смягчается.

– Ты уверен, доктор?

– Я занимаюсь этим очень долго… исследую. И моя компетенция вне сомнения, если вы об этом.

– Что ты предлагаешь?

– Я могу выезжать к вам на дом, но это не заменит полноценного лечения. Саске – совершеннолетний человек, и держать его в клинике без его желания – противозаконно.

Вздох. Парень почувствовал на себе взгляд и попытался открыть глаза. Тяжёлые веки поддались, но две расплывчатые фигуры вряд ли были похожи на людей.

– Что ты дал ему?

– Морфин. Увы, это единственный способ полностью купировать боль, хотя бы на пять часов. Он может принимать другие лекарственные средства, но… это как витамины.

– И что? Теперь он всегда будет таким?

– Большую часть времени.

– Лучше бы ему быть в клинике, – сожаление и разочарование в голосе.

Конечно, его младший сын оказался слабаком. Настолько ничтожной дрянью, что умудрился подцепить такое заболевание, расстроить мать, заставить отца озаботиться поиском: клиники, врача… да и вообще. Стал обузой.
Хотелось встать прямо сейчас и уйти подальше. Чего он ждал, когда звонил Орочимару? Что тот предоставит ему бесплатную крышу над головой?
Наивный.

– Меня волнует другое: не ошиблись ли мы в расчётах срока. Болезнь… очень упрямая и настойчивая.

Он говорит об этом так, словно она – живой человек?
Сумасшедший…

– Как по мне, так они все одинаковые, – фыркнул Фугаку.

– Нет, – протянул Орочимару. – У каждой своё лицо, свой характер.

Саске хотел усмехнуться. Но вновь безрезультатно. Он облизнул сухие губы, понимая, что ужасно хочет пить. Но просить – никогда.

– Ему лучше поехать домой. Завтра, после обеда, я могу заглянуть к вам… за отдельную плату. Вызов на дом, знаете ли.

– Договорились. За деньги не волнуйся, – выдохнул Фугаку, поднимаясь из кресла.

Чьи-то жёсткие руки подняли Саске с кушетки. Голова дёрнулась, приваливаясь к чьей-то груди, пахнущей сигаретами и дорогой туалетной водой. Вновь горький ком в горле. Но не было сил и желания даже на это.
Наивный…

***

Окончательно проснулся парень ближе к обеду. Раскрыв глаза, он не был удивлён тем, что пялится на потолок своей собственной комнаты. Вчерашний разговор отца и доктора, невольным свидетелем которого Учиха стал, въелся в память. Сначала Саске подумал, что будет злиться.
Но потом накатило какое-то безразличие.
Он взглянул в окно: серое небо, тучи… всё как будто подчёркивало его настроение.
Тупая головная боль проснулась вместе с ним, но на неё он почти не обращал внимания, пройдя в ванную.
Уже там, парень с лёгким удивлением обнаружил в кармане джинс склянку с таблетками, которую поставил на полку, а сам залез под душ.
Давно пора было смыть запах речной воды.
Вместе с сонным оцепенением.
Может, душ вернёт ему желание: куда-то двигаться, что-то делать?

***

Орочимару исправно приходил каждый день в течение недели, находя своего пациента всё в той же комнате, всё в том же состоянии. Многие больные переживают принятие своей скорой кончины именно так: апатично, отгородившись от всего мира тонкой дверью своей комнаты. К сожалению, он знал, что это обманчивое спокойствие не продлится долго. Ещё день или два, и придёт другая фаза – гнев. То состояние, когда мозг Саске полностью примет мысль о своей скорой смерти, о том, что ему осталось-то всего ничего. И тогда начнётся самое… беспокойное время. Раздражение, неконтролируемая злость: на мир, на всё вокруг, на себя, на друзей, если те есть.

Болевые приступы возвращались почти так же исправно, как и доктор. Чаще всего ближе к ночи или с утра. По крайней мере, мать Учихи говорила именно так доктору, когда тот, оставив надежду разговорить парня, переключился на его окружение. За неделю Орочимару насчитал пять случаев острой боли, которую нельзя было оставить без внимания. И пришлось объяснять старшему брату Саске, как делать уколы, сколько колоть и куда. Отдавать столь сильное лекарство больному запрещала этика, закон, да и мораль. Также что-то говорила личная выгода, которую мужчина подкармливал каждый день, навещая своего ценного пациента.

***

Под конец недели Учиха чувствовал себя каким-то овощем. Он только и делал, что лежал, лениво пролистывал страницы браузера, забивая голову ненужной информацией, пока та не начинала болеть. Когда боль становилась невыносимой, Саске пытался стерпеть, цепляясь за подушку, утыкаясь в неё лицом и зажмуриваясь. Будто бы это помогло бы.
Не хотелось больше чувствовать себя оторванным от реальности, хоть и пусть этот фальшивый сон нёс с собой облегчение.
А потом приходил Итачи. Что это был брат, парень понимал сразу. По лёгким прикосновениям, тихому до приторности спокойному голосу. Даже его молчание было каким-то виноватым.
А потом боль уходила. Вместо неё было странное состояние между сном и явью, где он видел: то ту девушку с белой тонкой кожей, то что-то из прошлого, то сплошную мглу.

– Саске… к тебе там пришли.

В робком голосе женщины Учиха узнал свою мать и нехотя прикрыл ноутбук, поднимая взгляд на дверь.
Он бы удивился или разозлился, если бы не давешний приход Итачи:

– Ты.

***

Наруто в нерешительности топтался на пороге комнаты его недавнего знакомого. Небольшая и светлая она казалась нежилой, на стенах не было картин или плакатов, которыми молодые люди так любили обклеивать всё вокруг. Письменный стол был идеально чистым: лишь несколько баночек с лекарствами, тарелка с фруктами и стакан воды. Односпальная кровать стояла у стены, сбоку от окна. На ней и сидел Саске. Узумаки, признаться, не сразу узнал парня. И ещё сильнее выступившие скулы на и без того худом лице, тонкие запястья – не были здесь главным. Изменилось что-то во взгляде. Пусть раньше тот был тяжёлым и злым, но сейчас он был… никаким.

– Привет, – выговорил Наруто, комкая в руках невесомый пакет.
– Я одежду твою принёс.

Он зашёл в комнату, закрывая за собой дверь, и поставил свою ношу к стене, проверяя, чтобы та не упала:

– Прости, что задержал с возвратом… неделю не мог выбраться из дома и института. Последние дни каникул, знаешь… вот.

Узумаки вновь поднял глаза на парня, ожидая привычной, колкой реакции.
Но в ответ Учиха лишь кивнул, облокачиваясь спиной о стену.

– Ты чего? – всё-таки спросил Наруто, подходя ближе и замирая напротив знакомого. – С тобой всё в порядке?

– Вполне, – подал голос Саске, смотря куда-то в живот Узумаки.

– Э-э-эй!

Наруто опустился на кровать рядом с Учихой и помахал перед его глазами рукой:

– Ну ты чего?

Для верности он даже толкнул Саске в плечо, догадываясь, что

сейчас его пошлют далеко и надолго или же хорошенько саданут по морде.
Но не было ни того, ни другого.

– Блин, Учиха, ты меня пугаешь.

– Ну так вали.

– Вот! Это уже лучше, – широко улыбнулся Узумаки, вновь вскакивая с постели и становясь перед Саске. – Хочешь прогуляться? Там солнце… последние дни лета всё-таки. А ты тут… в четырёх стенах тухнешь.

Учиха нахмурился, словно слишком быстрая и громкая речь Наруто больно резала по ушам или просто не могла поместиться в слишком вялый мозг.

– Пошли! – выпалил Узумаки, хватая парня за тонкое запястье и легонько таща в сторону выхода. – Вставай!

Раздражение начало робко пробиваться сквозь стену апатии и лекарств. Саске неловко махнул рукой, вырывая её из хватки Наруто.
Узумаки не удержался, покачнулся в сторону, больно ударяясь боком о стол.

– Блин! – шикнул он, налетая рукой на какие-то склянки, которые, зазвенев, рассыпались по гладкой столешнице.

– Ой! Прости! Я подберу, – выпалил Наруто, хватая первую попавшуюся и ставя на место, но взгляд невольно скользнул по названию, и он замер.

– Это чего такое? – уже тише проговорил Узумаки, вглядываясь в слегка жёлтую этикетку пустого флакона. – Это тебе дают?

– А что? – всё так же безразлично отозвался Учиха, переводя взгляд на слишком шумного гостя.

– Но это же морфин! – выпалил Наруто так, словно держал в

руках бомбу, а Саске говорил, что это простой будильник нестандартной формы. Зато тикает.

– И что?

Формулировка, как и суть вопроса, не изменилась, но вряд ли взрывное сознание Узумаки понимало весь смысл происходящего.

– Я… – Наруто нахмурился. Вроде бы Учиха говорил что-то про болезнь… но он не думал. Парень тряхнул головой и вновь натянул на лицо улыбку, которая вскоре стала настоящей: – Идём! Погуляем. Тебе полезно.

– Свали…

– Только вместе с тобой!

Он вновь ухватил Саске за руку, всё-таки поднимая того с кровати.
Так как тот был уже одет в тёмные джинсы и серую футболку, Наруто скользнул взглядом по комнате в поисках чего-то, что Учиха мог бы накинуть на плечи. На улице стремительно холодало ближе к вечеру: чувствовалось приближающееся дыхание осени.
Ветровка нашлась на спинке стула и тут же была накинута на несопротивляющегося Саске.
Узумаки всё это не нравилось. Вся эта податливость, фальшивая сговорчивость, навязанная опьяняющим лекарством.

– Всё. Идём!

С этими словами он вытащил Учиху в коридор, они вместе спустились по лестнице в прихожую, где женщина, впустившая Наруто в дом, вопросительно уставилась на них.

– Мы погуляем? – осторожно предложил Узумаки и тут же добавил: – Тут, недалеко!

Микото смерила парней рассеянным взглядом… Саске почти не выходил из комнаты в последнее время, да и с друзьями не виделся. А этот парень вроде бы сам пришёл, значит, не чужой…

– Недалеко, – кивнула она, – и недолго.

– Спасибо! – весело отозвался Наруто.

Узумаки не знал: правильно ли он поступает, вытаскивая Учиху на вечернюю прогулку, и зачем он вообще это делает. Но что-то внутри подсказывало: просто так бросить этого парня в той полупустой светло-серой комнате он не сможет. Теперь не сможет.

Глава 3. Рассказать себя.

«Как жаль,
Мы не успеем слишком многого.
Сказать и вспомнить, что нам дорого,
Но продолжаем заставлять себя
Молчать,
Даже когда вокруг всё рушится.
Всё та же тишина внутри и на лицах.
Нет намёка на желание рассказать себя…»
Лилит – Рассказать себя

– Ешь! – гордо заявил Наруто, протягивая Саске мороженое в вафельном рожке.

Старая беседка вновь приютила их, укрывая от вечернего промозглого ветерка. Осень всё сильнее и сильнее заявляла свои права на главенство, окружая прохожих холодным воздухом, запахом сырости и непередаваемым ощущением конца чего-то. Такое чувство бывает каждый август. Оно просыпается где-то в середине, когда лето перевалило через свой пик и неумолимо несётся к концу. И это странное чувство заставляет душу слегка холодеть, слегка трепетать в ожидании очередной развязки.
Учиха поднял недобрый взгляд на парня. Узумаки широко улыбался, держа в руках два рожка мороженого:

– И не спорь!

Наруто буквально всунул в руку Саске мороженое и уселся с ногами на стол перед ним, с удовольствием приступая к трапезе.

– Я не голоден, – тихо отозвался Учиха, разглядывая подарок. Есть ему действительно не хотелось, хотя в последнее время он не мог припомнить, что бы вообще что-то ел. Хотя нет…

кажется, была овсянка и фрукты. Скудная диета.

Поразмыслив, Саске осторожно лизнул мороженое.

– Не бойся. Неотравленное, – довольно заявил Узумаки, видя, что его угощение всё же удостоилось чести. – Я не знал, какое ты любишь, и взял ванильное. Наверное, все любят ванильное. Оно же обычное такое…

Учиха задумчиво нахмурился, пытаясь распробовать вкус мороженого, но отчего-то во рту была лишь холодная влага, растаявшего кусочка. Наверное, во всём виноваты лекарства, которые почти стали для него ядом замедленного действия. Сейчас, когда сознание постепенно очищалось, Саске начинал чувствовать себя слегка выпавшим из жизни. Сколько времени он провёл дома? Сколько времени он потерял там?
Тот вновь лизнул мороженое, пытаясь распробовать вкус.

– Ты опять опоздаешь на автобус, – вскользь заметил Учиха, желая избавиться от ненужного попутчика.

Что делать дальше, Саске не знал. Возвращаться домой? Не хотелось вновь стать овощем, который живёт от укола до укола. Идти бродить по улицам? Неразумно. Вернуться к Карин? Исключено.

– Он через час, – авторитетно заявил Наруто, впиваясь зубами в захрустевший рожок. – Ши то не ешь? Шашатаетше.

Учиха удивлённо изогнул бровь, взглянув на собеседника, который увлечённо хрустел лакомством. Мелкие крошки сыпались на джинсы, но Узумаки не обращал на это внимания.

– Тебя родители не учили, что разговаривать с набитым ртом – плохо? – фыркнул Саске. Раздражение толчками поднималось наружу.

– А ты прям аристократ? – усмехнулся Наруто, отправляя последний кусочек мороженого в рот и вытирая руки о джинсы.

Учиха проследил и за этим жестом, но оставил его без внимания, прикрыв глаза и стараясь успокоиться. Ещё чуть-чуть, и он точно отправит своё мороженое в физиономию этому невежде.
Откуда это раздражение?

– Доедай своё. Растает.

Саске тяжело вздохнул. Вот привязался же.
И вновь откусил кусочек какого-то безвкусного мороженого:

– Ты зачем приехал?

– Вещи тебе отдать. Я же сказал.

Учиха отложил недоеденное мороженое на лавочку, чувствуя, что еда вызывает странное ощущение в пустом желудке.

– Да и погулять тебя вытащить.

– Я тебе не собачка.

– Ты больше на мокрицу похож был, – поморщился Узумаки, с сожалением поглядывая на отвергнутое Саске мороженое. – Такой же бледный и полупрозрачный. Я понимаю, лечение и всё такое, но твоим родителям не помешало бы тебя на улицу выводить… хотя бы.

Эти слова резанули по слуху, словно Наруто считал Учиху каким-то инвалидом, который может передвигаться лишь с чужой помощью.

– Моим родителям на меня посрать, – прищурился Саске, смотря прямо в глаза парню.

– Не говори ерунды, – фыркнул Узумаки. – Они твои родители, и им не может быть пофиг на тебя.

Учиха сдавленно рассмеялся. Тихо, коротко, но внутри этот смех резал больнее, чем если бы он проглотил острые лезвия:

– Степень родства и степень заботы никак не зависят друг от друга.

– Они жизнь тебе дали, – укоризненно качнул головой Наруто, – а ты так о них говоришь…

– Слушай, – прикрыл глаза Саске, – ты не знаешь мою семью и меня не знаешь. Какого хера тогда возомнил себя великим знатоком человеческих душ?

– Я просто знаю, что родители никогда не оставят своего ребёнка! – упрямо заявил Узумаки. И почему этот Учиха каждый разговор переводит в спор или скандал?!

– Значит, ты ещё не снял розовые очки, малыш, – ядовито прошипел Саске, улыбаясь какой-то кривой и не в меру ехидной улыбкой.

– Да иди ты! Я знаю достаточно! Мои никогда не бросали меня… всегда поддерживали.

– Ну памятник им поставь. Ноги расцелуй. А потом приготовься к тому, что этими же ногами они тебя пинком под зад пошлют из дома. Что б глаза не мозолил.

– Я тебе сейчас врежу и не посмотрю, что ты больной.

– Врежь, – с готовностью выпалил Учиха, – и посмотрим, кто здесь больной, малыш.

Наруто не выдержал, вскочив со стола и кинувшись к Саске. Если бы тот ни сидел, было бы удобнее, а так пришлось согнуться, чтобы схватить того за ворот футболки, наматывая оную на кулаки.

– Ну, чего ты ждёшь, маменькин сынок, – осклабился Учиха.

– Мои родители погибли, – тихо выдохнул Узумаки прямо в бледное лицо Саске. – Меня усыновили. И я им очень

благодарен. А если тебе не повезло, то не стоит поливать грязью всех.

Слова обжигали горло, но Наруто старался говорить ровно. Закончив, он отпустил ворот Учихи и отошёл. Смерив того взглядом, парень направился к выходу из беседки.

– Я на автобус. Пока, – холодно бросил Узумаки, не оборачиваясь.

Злость ещё клокотала в груди, заставляя кулаки сжиматься, готовясь к удару или к защите, но мозг понимал, что это всё неправильно. В груди отчего-то засосало, но Саске прогнал это ноющее чувство, отдалённо похожее на вину.
Он часто обижал людей, которые хорошо к нему относились. И чем больше была их симпатия, тем больнее Учиха пытался ужалить. Словно от этого он всё-таки останется один, подтвердив своё право на одиночество.
Саске мог бы догнать его, извиниться, сказать, что был не прав и вообще ничего не знает о его семье, ведь именно так оно и было… но ноги будто вросли в старый раздолбанный асфальт, а всё тело налилось свинцом. Извиняться перед кем-то было вдвойне больнее, чем быть обиженным. Признать свою неправоту, свою глупость…
Учиха фыркнул, поднимаясь. Взгляд его упал на треклятое мороженое, которое уже начало капать белёсыми каплями на землю.

– Придурок, – буркнул Саске, разворачиваясь и покидая беседку.

***

Возвращаться домой не хотелось. Учиха впервые за неделю чувствовал себя живым и дышащим, а не «мокрицей», как выразился Наруто. Хотя Саске не был даже уверен, что знал такое насекомое или когда-нибудь видел его.
Он прошёлся по району, провожая взглядом спешащих домой прохожих, заглянул в пару магазинов, просто чтобы посмотреть на яркие прилавки. Ему нравилось в детстве заходить с

матерью в кондитерскую неподалёку от их дома. Нет, Учиха даже в детстве не был сладкоежкой, но особая атмосфера в небольшом магазинчике как-то грела душу. В детстве. Тогда он находил какое-то странное удовольствие стоять у прилавка, вдыхать сладкий воздух и смотреть на то, как всё вокруг окутывается янтарным светом лампочек. Как уставшие люди покупают сладости, улыбаются и уходят.
Саске нашёл эту самую кондитерскую не сразу. Её задавили со всех сторон более пёстрые магазинчики, бутики и кафешки, которых развелось в последнее время уж очень много. Если пройтись по центру города, то можно сделать вывод, будто люди только и делают, что едят и покупают вещи.
А вот кондитерская с тех пор не изменилась, разве что обветшала. Он вошёл туда, толкнув скрипнувшую дверь, выкрашенную в уже облупившуюся зелёную краску. Колокольчик над порогом приветливо звякнул, но этот звон был каким-то вымученным, словно дверной сторож устал приветствовать всех и каждого, да и на старости лет у него это выходило через силу.
Учиха замер на пороге, втягивая носом воздух, стремясь почувствовать то же, что и в далеком детстве. Но запаха не было. Вообще.
Тогда он пробежался взглядом по старым, давно вышедшим из моды среди торгашей витринам. Они уже не ломились, как прежде, от всевозможных лакомств. Пара пирожных да несколько тортов, которые были сделаны явно не здесь и даже на вид казались не творением рук пекаря, а результатом каких-то химических опытов.

– Вам чем-нибудь помочь?

Грудной голос раздался почти над ухом, и Саске невольно перевёл взгляд на продавщицу. Пышная женщина в годах еле помещалась за прилавком. Её цветастый фартук, кажется, трещал по швам каждый раз, когда она двигалась. Заплывшее лицо с какими-то жабьими глазами навыкате смотрелось безэмоциональной маской.

– А где прежний продавец?

Женщина непонимающе прищурилась, смерив Учиху странным взглядом.

– Старик, что ли? – щёлкнуло у неё в голове.

– Да.

– Да помер год как.

– Теперь вы здесь хозяйка? – продолжал свой расспрос Саске, вызывая у продавщицы какую-то нервную улыбку.

– Муж мой. А чего тебе надо? – огрызнулась женщина, упирая руки в полные бока. – Больше всех надо, что ли?

– Интересуюсь, – задумчиво проговорил Учиха, проводя пальцем по пыльному кофейному столику.

Он поднял голову к потолку, замечая, что так радующий в детстве янтарный свет превратился в безжизненные и равнодушные лучи ламп дневного света.

– Иди-ка ты отсюда, парень, – угрожающе пробасила продавщица, – пока мой муж тебе не объяснил, что шастать по чужим магазинам и вынюхивать информацию нехорошо.

– Я не вынюхиваю. От вас и так разит. Подойти невозможно, – тихо проговорил Саске, вновь переводя взгляд на женщину. Возможно, она и не заслуживала таких слов, но они просто рвались наружу.

Её полное лицо исказилось удивлением… или злостью. Из-за её тучности Учиха не мог понять, какую именно эмоцию она хотела показать.

– Ну-ка, сопляк, вали отсюда.

Пожав плечами, Саске толкнул дверь носком кроссовка и вышел на промозглую улицу.
Всё меняется. Мало что в этом мире остаётся нетронутым, если

даже человеческое нутро изворачивается, извращается под действием времени, то что уж говорить о небольшой кондитерской на углу улицы?
Хотя нельзя было сказать, что Учиха как-то опечален этим событием. Он был скорее удивлён тем разительным переменам, что произошли всего за десять лет. Удивлял не только внешний облик и внутреннее убранство каморки, а то, как изменился сам Саске. Всё теперь казалось серее и безжизненнее. Наверное, он, подобно этой кондитерской, изменился. Стал таким же серым, обветшалым, видимо, янтарный свет в нём сменился на безжизненное мерцание лампы дневного света…

***

Домой Саске вернулся, когда раскалённый шар солнца полностью скрылся за горизонтом и начал накрапывать мелкий дождь. Уже подходя к дому, он заметил машину отца и тревожно горящие окна. Значит, сейчас что-то будет… Вздохнув, Учиха толкнул входную дверь, моментально попадая под три пары глаз.

– Где ты шлялся?!

– Гулял, – равнодушно отозвался парень, снимая с плеч ветровку. Начинающийся дождик уже успел намочить его волосы и оставить на одежде мелкие капли, которые, постепенно впитываясь, неприятно холодили кожу.

Отец, который пылал праведным гневом, упёр руки в бока, не в силах выразить своё возмущение:

– Мы за тебя переживаем, между прочим!

– Я просто вышел прогуляться, – терпеливо выдохнул Саске. Ругаться не было сил: голова начинала неприятно пульсировать болью. – Что в этом такого?

– Что в этом такого?! Ты ещё спрашиваешь?!

Фугаку подскочил к парню, вперившись горящими глазами в

совершенно спокойное лицо:

– Мы с матерью тратим столько денег на твоё лечение, а ты уходишь не пойми куда, неизвестно с кем?!

– Отец, – позвал Итачи, – не стоит.

– Не вмешивайся!

– Я вышел погулять, – всё так же упрямо продолжил Саске, сверля подбородок отца безразличным взглядом. – Не трать свои деньги на меня. Всё равно подыхать. Бесполезное вложение.

– Да как ты…

– Потрать их на Итачи. Оплати ещё одни курсы… красноречия…

– Не распоряжайся моими деньгами! – рыкнул отец, сжимая кулаки. – Будешь зарабатывать – будешь распоряжаться!

– Не буду! – выпалил Учиха, обходя мужчину и стараясь не задеть даже дыханием.

В комнате повисла тишина, под которую Саске всё-таки удалось удалиться в свою комнату, где он, захлопнув дверь, повалился на кровать.
Рука автоматически открыла ноутбук. Тусклый синеватый свет упал на стены, выбеливая и без того бледное лицо.
Судя по звукам, доносившимся снизу, они спорят.
Парень прикрыл глаза, прикладывая ладонь ко лбу и стараясь не думать, не слушать.
Злость.
Ядовитая. Просачивающаяся через кожу, через лёгкие. Отравляющая сердце и душу.
Учиха вскочил, рывком посылая ноутбук на пол. Он думал, станет легче, но лишь подбросил дров в разгорающийся костёр злости.
Следующим в стену полетел стакан, разбиваясь на осколки.

Взгляд метнулся по комнате, но из-за аскетичного образа жизни здесь побить было нечего.
Саске зажал голову руками, стараясь обуздать невесть с чего нахлынувшие чувства. Он понимал – это не его, это не от него. Стычки с родителями и братом были не редкостью, но сейчас она задела сильнее, словно пробила защитную оболочку.
Он быстрым шагом направился в ванную, надеясь, что холодная вода освежит эмоции. Дверь ванной комнаты громко хлопнула как раз в тот момент, когда в его комнату осторожно заглянул Итачи, успевший разглядеть лишь смазанный силуэт, метнувшийся куда-то в сторону.

– Саске? – позвал брат, подходя к захлопнувшейся двери.

– Иди к чёрту! – выпалил тот, облокачиваясь о раковину и смотря самому себе в глаза. Он даже это отражение ненавидел. Хотелось рвать кожу ногтями, добираться до мяса и костей. Может, тогда эта странная злость отступит.

«Не отступит», – раздалось в голове. Женский голос, услышать который у себя в черепе Учиха совершенно не ожидал.

Пальцы сильнее сжались на керамической кромке раковины, костяшки побледнели. Хотелось что-нибудь сломать, поэтому парень махнул рукой, сметая с полки зубную щётку, пасту и прочие принадлежности. Дребезг и звон разнеслись по комнате, не успокаивая, а, наоборот, подстёгивая злость.

– Саске?

Итачи тяжело выдохнул, облокачиваясь спиной о стену и медленно съезжая на пол:

– Поговори со мной.

– Я… не хочу говорить, – зло выдохнул Саске, усаживаясь у двери и прислоняясь затылком о холодный кафель. Говорить не хотелось. Было лишь желание, чтобы эта чужая злость ушла. Разум вновь играл с ним в странные игры.

– Ты готов к институту? – внезапно спросил Итачи.

– Зачем он мне? – рыкнул Саске, переводя взгляд на дверь, словно она могла ответить за глупые вопросы его брата.

– Потому что первое сентября, – как-то невпопад ответили за дверью.

– Зачем мне высшее образование?

– А что ты ещё собрался делать? Сидеть здесь?

– Не знаю.

Саске прикрыл глаза. Странно. Они разговаривают. И ещё не убили друг друга. Месяц назад даже такой разговор через дверь казался ему невозможным, да и Итачи не думал, что сможет говорить с младшим братом о таких пустяках, как очередной год в институте.

– Там люди. Всяко лучше стен. Тебе нужны люди.

– Пошли эти люди на хер, – ухмыльнулся Саске, вытаскивая из кармана сигареты и медленно закуривая. Ему было плевать на то, что подумают родители, что подумает брат. Было плевать на всё.

– Ты куришь? – без ошибки угадал терпкий запах табака Итачи.

– Тебя волнует? – зажимая сигарету в зубах, спросил Саске, поглядывая на дверь.

– Я тоже. Хочу. Можно?

Тишина длилась минуты две, а потом дверь с тихим щелчком открылась. Конечно, Итачи ожидал, что сейчас ему прилетит чем-нибудь тяжёлым или же брат банально обматерит его, послав ко всем чертям, но, к его удивлению, всё было тихо. Учиха даже позволил ему открыть дверь на всю, недоверчиво косясь на старшего.

– Дай, – протянул руку Итачи.

– Должен будешь, – буркнул Саске, бросая на пол сигареты с зажигалкой, а сам на четвереньках выполз из ванной и улёгся в центре комнаты, раскинув руки и уставившись вверх.

Потолок странно синел в наступающих сумерках, свет от упавшего на пол ноута неровными полосами стелился по полу, заглядывая куда-то под кровать.
Учиха услышал чирканье зажигалки, и вскоре рядом с ним на пол приземлился брат, так что пришлось убрать руку в сторону, дабы на неё не легли.

– Как ты их куришь? – поморщился Итачи, вопросительно глядя на сигарету. – Они же ужасные…

Саске пожал плечами, уже докуривая первую сигарету.

– Если не нравится, зачем брал? – поднял он брови, хотя Итачи не мог видеть его лица. – Чтобы показаться таким опупенно близким?

– Просто решил попробовать, – отозвался тот, в голосе которого начали сквозить оборонительные нотки.

Столько осторожности. Кажется, старший брат даже дышал через раз.

– Хочешь, чтобы было как раньше? – криво улыбнулся Саске, туша бычок о пол.

– Я хочу… чтобы ты был ближе, – спустя некоторое время отозвался Итачи.

Саске повернул голову к нему, упираясь взглядом в застывшую руку с сигаретой. Курить он не спешил, и никотиновая палочка зазря исходила терпким сизым дымом.

– Ты гомик, что ли? – хмыкнул Учиха. – Ближе? Что за девчачья

бредятина?

– Не передёргивай. Я хочу быть твоим старшим братом.

Итачи тоже повернул голову, и теперь они смотрели друг другу в глаза.

– Прозевал ты своё счастье, – хохотнул Саске и хотел было добавить что-то ещё, но в голову почти привычно стрельнуло.

Наверное, что-то изменилось в его лице, потому что Итачи, подскочив, ринулся сначала к неестественно застывшему брату, поддерживая того под затылок.

– Саске? – бестолково спросил он, пытаясь разглядеть в практически спокойном лице хотя бы один признак того, что могло бы с ним произойти. – Что? Что болит?

– Иди… на хуй, – сквозь зубы прошипел Учиха, цепляясь пальцами за ворс ковра. Боль нарастала. Опять этот треклятый приступ, а он почти поверил, что сегодня его не будет.

– Голова?

Итачи зачем-то изогнулся и стащил с кровати небольшую подушку, подкладывая её под голову парня.

– Я сейчас, – выпалил он, подрываясь и кидаясь к двери, едва не вылетая в коридор и не падая. Итачи боялся таких приступов. Боялся каждый раз…

Саске с трудом выдохнул, стараясь вздохом будто захватить всю эту боль и выдавить из себя. Выдох вышел горячим, но облегчения не принёс.
На миг в сознании мелькнула мысль: «Потерпи, скоро Итачи принесёт укол…»
Но он упрямо прогнал её, переворачиваясь на живот и опираясь на руки. Не хотелось вновь уходить в тот ядовитый сон.
Учиха с усилием поднялся.
В вертикальном состоянии голова отозвалась новой порцией

боли, толкая парня на стену, облокачиваясь на которую, Саске с усилием добрёл до ванной. Включить кран он сумел далеко не с первой попытки: не слушались пальцы.
Когда холодная вода потекла по керамическому боку ванны, Учиха залез в неё, подставляя голову под кран. Кожу обожгло холодом, хотя его он не почувствовал, сжавшись в один комок боли где-то в виске.
Вернувшийся в комнату Итачи застал брата за весьма странным занятием: в ванной, с включенной холодной водой.

– Ты с ума сошёл?! – выпалил он, быстрее перекрывая кран и усаживаясь на ванну, хватая Саске за руку и задирая мокрый рукав.

– Нет, – отмахнулся тот, упираясь руками о скользкие бортики ванной и садясь в ней. – Не хочу.

– Но без этого…

– Принеси старые таблетки. На столе, – морщась приказал Учиха, особо не веря в то, что они ему помогут, но надеясь хотя бы на пару минут спровадить брата.

Итачи пару минут удивлённо и вместе с тем растерянно смотрел на брата, который, кажется, пытался встать, и внезапно выпалил:

– Нет. Тебе нужно лечиться!

– Это не лечение! – рыкнул Саске, опираясь спиной о стену, а ногами стараясь не скользить по ванной. Холодная вода щекотала ступни, но до этого не было дела.

– Тебе становится лучше.

– Мне не становится и не станет лучше! Это просто глушит всё. Мне это не надо!

– Орочимару сказал, что без этого ты свихнёшься, – в свою очередь выпалил Итачи, потрясая жгутом. Хотелось схватить

брата и постучать ему по голове, стараясь вдолбить в неё хотя бы что-то правильное.

– Да пошёл твой доктор. И ты вместе с ним! – прошипел Саске, вперившись в брата тяжёлым взглядом. Внутри нарастало безразличие. Как всегда бывает, когда боль перекатывает через какую-то невидимую грань.

– Нет! Ты должен принимать лекарства. Ты не понимаешь, что несёшь… ты просто болен.

Учиха замер, уставившись на Итачи так, словно тот только что воткнул ему в руку нож. По груди разливалось что-то холодное, щекочущее.

– Ты болен, и мне жаль, что так вышло. Мне жаль тебя. Ты должен понять это…

– Тебе жаль, – поднял брови парень, хватаясь руками за слишком гладкую и влажную стену. – Тебе… жаль?

– Саске, ты должен принять лекарства, – нахмурился Итачи, – иначе…

– Я тебе ничего не должен.

Казалось бы, восстановившееся равновесие пошатнулось. Стена между ними вновь выстраивалась, торопливо залечивая прорехи в каменной кладке, чтобы вновь об неё разбивались слова.

– Ты ведёшь себя, как маленький ребёнок! Тебе нравится страдать?!

– Иди отсюда, – тихо выдохнул Учиха, прикрывая глаза. – Итачи, выйди из моей комнаты.

Бессилие грозило перерасти в новый приступ злости.

– Ты примешь это!

– Хер тебе.

Саске вылез из ванной, покачиваясь и шлёпая мокрыми ногами по полу, оставляя лужицы. Он открыл дверь, недвусмысленно указывая на выход:

– Уходи.

– Я тебя не брошу.

– Ты мне не нужен.

– Я не уйду, – упрямо заявил Итачи, чей голос начинал подозрительно дрожать. Старший брат, казалось, начинал сдавать под упрямым напором младшего, и теперь его разрывала то ли злость, то ли горечь.

– Что здесь происходит?

Уж его-то Саске хотел видеть в последнюю очередь. Отец появился на лестнице как нельзя не вовремя.

– Он не хочет принимать лекарства, – сдал Итачи.

Учиха прошёлся по нему обжигающим взглядом, в котором читалось лишь желание быстрее спровадить всех и улечься в кровать.

– Саске, – очень серьёзно произнёс отец.

– Да?

– Ты должен лечиться.

– Отстаньте от меня, – почти жалобно попросил Саске, цепляясь за открытую дверь, чтобы не упасть. Показать слабость перед этими двумя – ниже его достоинства.

– Если ты не будешь сам, то…

– Что?! – вызверился парень. – Свяжете меня, прикуёте к батарее и будете колоть эту дрянь, пока я не сдохну?!

– Если потребуется.

Хотелось вырваться из этого дома.

– Итачи, уходи, – коротко бросил Саске, чувствуя, что ещё минуту и он или упадёт, или кого-нибудь придушит.

– Он не понимает, что говорит. Это из-за боли. Орочимару предупреждал…

Тяжёлый взгляд Фугаку прошёлся по шатающемуся парню:

– Значит, придётся нанять ещё и психолога… или психиатра.

– Отец, нужно сделать ему укол.

Это Учиха слышал сквозь ватную подушку, наложенную на уши.

– Я вменяем! – громко выпалил Саске, поднимая пульсирующие болью глаза на отца. – Я адекватен. И это мой выбор! Уважайте его!

– Он бредит, – спокойно констатировал Фугаку. – Итачи, позвони Орочимару.

– Да я не брежу! Я в своём уме!

Горло обдало скребущим жаром от этого крика. Саске отпрянул от двери, замирая в центре комнаты. Руки мелко дрожали, голова шла кругом. Он смотрел на этих людей, которые, похоже, отгородились от него стеклом, да ещё и уши заткнули ватой, что б наверняка.
Хотелось проломить кому-нибудь череп.

«Проломи», – тихий женский голос в голове.

– Я в порядке! Я не хочу ничего этого, – рука указала в сторону Итачи, хотя Учиха сам уже не был уверен, что он в норме. – Я не хочу, – тупо повторил тот, надеясь, что сказанное сто раз быстрее пробьётся через стеклянную стену.

– Итачи, звони Орочимару, – коротко бросил Фугаку, входя в комнату.

От бессилия хотелось выть и рычать. Его никто не слышал и не пытался услышать. В растерянности, Саске ухватился за виски, стараясь удержать череп от раскалывания на две части:

– Мне это не нужно…

– Нужно.

– Я отказываюсь от вашего лечения. От всего отказываюсь.

– Ты не в своём уме.

Отец говорил с ним как с тем, с кем советуют говорить мягко, не повышая голос, но вместе с тем твёрдо и без возможных поблажек. Как с психом.
Серой тенью странно бледный Итачи просочился в коридор, чтобы вызвать доктора за пределами этой комнаты.
Саске проследил за ним взглядом и шатнулся следом, но налетел на выставленные руки отца, замирая. Они были непривычно горячими.

– Мне не нужно ваше лечение, – вновь повторил парень, не пытаясь вырваться. Просто сил больше не было. – Я не хочу спать целыми днями. Я не хочу лежать бревном. Я не хочу видеть только четыре стены. Да отпусти ты!

Учиха дёрнулся назад, ударяясь поясницей о письменный стол, да так и остался сидеть на нём, зажимая лицо руками, стараясь унять боль.

– Скоро станет легче.

Саске отрицательно потряс головой.
Отчего-то в памяти всплыл тот злосчастный мост. То, как они с Наруто спорили: о вечном, о пустяках, о той ерунде, о которой люди часто говорят вечерами на кухне.
Тот парень, чьей фамилии он не запомнил, принимал его выбор. Пусть он потом прыгнул за ним, ругал и материл, но принял… дал выбрать, чтобы уже потом изменить. Но даже тогда, вытащив Учиху на берег, тот не стал уговаривать его не делать так больше, не повторять глупостей. Он просто ушёл.
Доверял? Верил в то, что Саске наплавался, вдоволь приблизился к грани, что больше ему не захочется? Учихе хотелось в это верить.
Его выбор принял совершенно незнакомый придурковатый парень.
Родители же не хотели даже попытаться услышать.
Он отнял руки от лица, когда услышал голос Итачи:

– Орочимару не отвечает. Я оставил ему сообщение.

– Сами справимся. Саске, это ради твоего блага.

Учиха поднял на брата и отца мутные глаза. Неизбежность. Здесь никто не примет его выбор.

– Ты болен. И мы хотим тебе помочь.

– Нет. Не хотите, – безразлично отозвался парень, смотря мимо них. – Вы хотите, чтобы было по-вашему…

– Он бредит, – утвердительно кивнул Фугаку. – Итачи, я буду держать, а ты…

– Я вас ненавижу, – тихо выдохнул Саске, переводя взгляд куда-то в район груди брата.

Злость ушла, забрав вместе с собой все чувства, желание сопротивляться.
Бесполезно.

– Тебе будет легче.

Учиха задрал голову, чувствуя, как дрожащие от волнения руки Итачи быстро закатывают ему рукав.

– Я вас ненавижу, – повторил Саске, пялясь в синеватый потолок. – Скорее бы сдохнуть, чтобы вас не видеть.

Чужие горячие руки придерживали его за плечи, не давая дёргаться. Хотя он бы и не стал: голова развалилась, и обнажённый мозг больно реагировал даже на воздух, пронзая всё тело острыми иглами.

– Ненавижу, – одними губами вновь повторил парень, чувствуя холодок, побежавший по руке.

Лето заканчивалось…

***

Осень вошла в свои права. Радостно, мощно и с оркестром из грома, молний и холодного дождя. Её даже не смутило то, что сонные студенты, привыкшие за два месяца каникул к ночному ритму жизни, засыпали на своей первой в этом году лекции. Сонливость усиливалась серостью неба, тусклым электрическим светом в аудитории и монотонностью голоса профессора. Он рассказывал что-то о языке, воспевал его качества и то, как им можно умело играть. Особо пошлые с задних рядов трактовали это высказывание по-своему, пуская по аудитории сдавленные смешки и слишком громкие шепотки. Наруто сам прыснул в кулак, скрывая свою улыбку за зевком. Он сидел где-то посередине аудитории, не успев занять привычное место позади, и сейчас пытался особо не выделяться. Хотя профессор, как назло, слишком часто поглядывал именно на него, будто подозревал, что в будущем, на сессии, именно с ним ему придётся видеться очень часто.

– Скукота, – тихо прошептал Конохамару, сидящий рядом с Узумаки. Последний кивнул, подпирая челюсть рукой.

Сарутоби был одним из многочисленных друзей не в меру общительного парня, но всерьёз лучшим другом Наруто его не считал. Статус этого человека для Узумаки завис где-то между компанией в кино, когда Сакура в очередной раз отшивала его, и не грузящим собеседником да товарищем по пропускам.
Он даже иногда задумывался, что не будь ему нужды прогуливать пары или ходить в институт, то бы вряд ли общался с Конохамару.
Сегодня поток студентов второго курса был в полном составе. Первое занятие пытались посетить все. Кто-то, чтобы запомниться новому преподавателю, кто-то из менее заботящихся о своих оценках, чтобы повидаться с друзьями, которые вернулись в город после летних каникул.
Наруто же пошёл сюда, чтобы как-то скоротать время. Сидеть дома надоело, а больше делать было особо нечего. Теории возникновения языка его мало интересовали, и он вычерчивал на полях новой тетради незамысловатый узор.
Дверь лекционного зала со звучным скрипом открылась. Не заметить его мог только глухой. Аудитория, мгновенно теряя интерес к лектору, перевела взгляд на новоприбывшего. Учитывая, что лекция уже шла минут двадцать, этот интерес был весьма оправдан.
Узумаки даже выпрямился, узнав в неспешно вошедшем парне своего недавнего знакомого. Саске, облачённый в чёрную футболку и такого же цвета джинсы, вороном прошёлся по притихшей аудитории, взглядом наметив свою цель: пустующее место у окна, где-то в середине зала. Студенты медленно следили за ним взглядом, кто-то удивлённо переглядывался, кто-то шушукался, а кто-то так и продолжил дремать на сложенных руках.
Кинув сумку на пол, Учиха уселся за парту, откидываясь на спинку стула и складывая руки на груди.
Наруто бросил быстрый взгляд на профессора. Судя по лицу того, он вот-вот был готов впасть в крайнюю степень возмущения. Его неполное, но и не худое лицо побелело, грудь под пыльным пиджаком какого-то невнятного бежевого цвета заходила ходуном, небольшие голубые глаза засверкали, а на залысине выступили мелкие капельки пота. Ясно. Этот не терпит панибратства.

– Молодой человек, вы вообще-то опоздали, – дрожащим от возмущения голосом, начал мужчина, снимая квадратные очки.

– И?

Саске продолжал смотреть куда-то в парту, кажется, не особо заботясь о происходящем.
Узумаки нахмурился.

– Вам положено извиниться и поздороваться. Только после этого войти, – переходя на довольно звонкие ноты, начал свою отповедь лектор и тут же поспешил поправиться, не желая конфликтовать со студентом в первый же день занятий: – Но если вам это было неизвестно, то на первый раз я прощаю.

– Я знал, – каркнул Учиха, поднимая взгляд на мужчину.

По аудитории пробежался шепоток. Этому нежданному перерыву со спектаклем все были рады гораздо больше нудной лекции.
Наруто удручённо покачал головой. Даже он, будучи тем ещё кошмаром учителей и преподавателей, знал, где нужно остановиться и извиниться, чтобы не нажить себе проблем в будущем. Этот же… видимо, даже не пытался играть на публику, как делают многие студенты.

– Так что ж вы не воспользовались этим знанием, молодой человек?! – патетично воскликнул профессор, подходя ближе к Саске, чтобы нависнуть над тем горой порицания.

– А зачем? – пожал плечами Учиха, начиная улыбаться. – Я вас не знаю, вы меня тоже, чтобы с вами здороваться. Я пришёл на лекцию, спокойно занял место. Готов слушать вашу нудятину…

– Нудятину?!

Узумаки прикрыл глаза. Сейчас этого старика удар хватит, а Саске исключат. Хотя какое ему дело…

– Да как вы смеете?!

– Можете не ставить мне зачёт… или что там у нас.

– Я поговорю с вашим куратором! Это безобразие! Нужно вызвать ваших родителей! – распылялся всё больше преподаватель.

– Позвонить президенту и объявить меня преступником мирового масштаба. Так? Если вы закончили, давайте продолжим лекцию, будьте добры.

Аудитория от удивления онемела.
Наруто боролся с желанием запустить в Учиху чем-нибудь тяжёлым.

– Вы… да я… да мы… да вас…

– Угу, – кивнул Саске, вновь переводя взгляд на пол.

Лекция была сорвана. Бедный старик вылетел из аудитории, судя по всему, направившись в кабинет декана. Узумаки ругнулся, и стоило двери захлопнуться, он ринулся к Учихе, подсаживаясь рядом.

– Ты что творишь?!

Саске скосил на него глаза и криво усмехнулся:

– Ты меня преследуешь?

– Нет! Я тут учусь. Ты сдурел?! Как ты сессию думаешь сдавать?

– Мне зимой будет не до сессии. Или отец заплатит. Захотел – пусть расхлебывает, – прошипел парень.

– Эй! Учиха!

Кто-то панибратски хлопнул Саске по плечу.

– Ну ты молодец вообще!

– Мы тут чуть не уснули, блин! Спасибо!

– Да заткнитесь вы! – рявкнул Наруто, оборачиваясь к галдящим и тут же вновь переводя взгляд на Учиху. – У тебя проблемы будут.

– А ты мне мамочка? Или папочка?

– Да что с тобой?! Я говорю, что тебе потом влетит просто.

– Да пусть, – пожал плечами Саске. – Как влетит, так и вылетит.

– Ты отмороженный, что ли? Деканат затаскает!

– Не хочешь прогулять следующую пару? – внезапно предложил тот, поворачиваясь к Узумаки. – Раз теперь мы в одной группе, то можно отметить это.

– Отметить? Ты вообще? Первый день занятий.

– А ты батан, что ли? – брови иронично изогнулись.

– Не батан, но мне ещё сессию сдавать в отличие от некоторых, – как всегда, не подумав, бросил Наруто и только потом спохватился, беспомощно открыв рот и уставившись на парня. Его фраза могла прозвучать двусмысленно, хотя он имел в виду лишь то, что отец Учихи в любом случае оплатит его хвосты.

Саске неожиданно усмехнулся, кажется, беззлобно:

– Видишь, у всего есть свои плюсы.

– Да блин. Я не в том смысле! – Узумаки в растерянности почесал в затылке.

– Да забей, – качнул головой Учиха, вновь переводя взгляд на парту, испещрённую вековыми записями скучающих в этой аудитории студентов.

– Идёт! – рявкнул кто-то, и по аудитории прошёлся лёгкий грохот, когда студенты судорожно бросились усаживаться по своим местам.

Наруто тоже ринулся к своей парте, торопливо усаживаясь и отмахиваясь от Конохамару, который требовал подробностей разговора с новым героем потока.
Профессор вошёл в кабинет изрядно взвинченный, но на Саске даже не посмотрел. Или в деканате ему объяснили что-то, что поубавило его злости, или же декан пообещал разобраться с зарвавшимся студентом позднее.

– Вернёмся к нашей лекции…

Голос его дрожал, и Узумаки скользнул по слегка растерянному лицу мужчины удивлённым взглядом. Наруто думал, что весь этот спектакль так просто не сойдёт с рук Учихи, хотя, может, ещё и аукнется в будущем…
От размышлений его отвлёк лёгкий удар в висок чем-то колючим и тут же отскочившим. Пришлось машинально поймать белое нечто, довольно громко стукнув по парте.
И без того нервный профессор моментально бросил него взгляд:

– Узумаки, вы решили повторить подвиг вашего сотоварища?

– Н-нет, – тряхнул головой Наруто, виновато улыбаясь. – Извините, я нечаянно.

– Что вы там делаете?

– Ну… комар… комара убил, – как-то нелепо отбрехался Узумаки, чувствуя, что начинает заливаться краской. Прекрасно… первый день, а он уже выставляет себя шутом и идиотом, хотя затмить выходку Саске ему вряд ли удастся.

– Комар? – скептический взгляд профессора. – Я бы посоветовал вам слушать лекцию внимательнее и вникать, а не заниматься отловом насекомых. Не всем нам повезло иметь влиятельных родителей, – он бросил короткий взгляд в сторону Учихи.

Очень быстрый, но всё и так стало ясно. Всем.

– Да. Извините, – послушно кивнул парень, моля всех богов, чтобы профессор не попросил показать комара.

Спустя несколько минут, когда дёрганный лектор вернулся к «языковым особенностям», Наруто осторожно развернул небольшой клочок бумаги под столом.

«Извини. Ты дал мне выбор».

Он бросил взгляд на затылок Саске, удивлённо хмурясь.

– Узумаки!

Хлопок по столу заставил Наруто подскочить на месте, выпуская записку из рук:

– Д-да?

– Что у тебя там под партой?! Только не говори, что тебя атакуют пауки-людоеды.

Смех, прокатившийся по аудитории, заставил Узумаки мысленно ругнуться. Прекрасно. Первый день коту под хвост…

***

Карин краем глаза наблюдала за Учихой. В душе девушки переплелись смешанные чувства. Она всё ещё не могла заставить себя: не думать, не смотреть, не вспоминать. Даже тот короткий эпизод в душе и поцелуй заставляли сердце бешено биться, а кровь пульсировать в висках.
Когда Саске вошёл в аудиторию, Карин думала, что в груди разом выросли острейшие иглы, причиняя жгучую боль при одном лишь взгляде на знакомое лицо.
И сейчас… ей нравилось смотреть на спину парня, который сидел, облокотившись на локти, и, похоже, даже не слушал порядком взбешённого лектора. Нравились иссиня-чёрные волосы, обрамляющие худое лицо, чёрные глаза, даже синяки

под ними и тонкие губы…
Карин одёрнула себя, понимая, что вновь уходит в какие-то розовые мечтания. А в планах у неё было совершенно иное. Даже ради его хорошей мордашки девушка не могла простить то, что её отвергли в весьма грубой форме. Как говорится, всему приходит свой предел. И иногда любовь перерастает в желание уколоть побольнее.
Она толкнула пальцем свою соседку по парте и шикнула, придвинувшись ближе к ней:

– Ты знаешь, что Учиха болен?

Глава 4. Together again.

"Never thought that I'd be leaving you today
So alone and wondering why I feel this way
So wide the world…
Can love remember how to get me home to you?

Someday
We'll be together again
All just a dream in the end
We'll be together again"
Evanescence – Together again

Саске медленно спускался по лестнице, ведущей на первый этаж института. Она была довольно узкой, и приходилось буквально вжиматься в перила, чтобы не быть сбитым куда-то спешащими студентами.
По звонку он едва ли не в первых рядах покинул душную аудиторию, стремясь вырваться на улицу и вдохнуть осеннего воздуха. Хотелось, чтобы влажный ветер стёр с лица те липкие взгляды, которые начали тянуться к нему под конец пары. Ему показалось странным, что его персона внезапно начала вызывать столь пристальный интерес, а некоторые даже шушукались. Но вот стоило ему повернуться на своё вновь прозвучавшее тихим полушёпотом имя, как студенты вздрагивали, отворачивались и косились лишь изредка.
Он спустился к расписанию как раз под звонок, оповещающий, что следующая пара уже началась. Учиха замер у огромных листов, вывешенных на выкрашенную в зелёный стену, делая вид, что очень заинтересован мелкими буквами, хотя смотрел даже не в колонку своей группы.
Вскоре в небольшом закутке стало тихо, и Саске позволил себе тяжёлый вздох. Быть здесь было не так просто, как он думал. Рука сама нырнула в карман сумки, пальцы наткнулись на холодный бок склянки с таблетками.

– Рада тебя видеть, Учиха.

Парень моментально выдернул руку из сумки, оборачиваясь. Карин, облачённая в обтягивающие джинсы и блузку с откровенным вырезом, стояла напротив него, облокотившись о перила лестницы. По лицу девушки блуждала странная улыбка.

– Что тебе?

– Хотела поздороваться и узнать, – она сделала паузу, вздыхая и подходя ближе, – как твоё здоровье…

Тонкая рука Карин скользнула по его груди, отворачивая край толстовки и забираясь под неё, но тут же была схвачена за запястье и отстранена.
Саске вперился в её глаза взглядом, не сулящим ничего хорошего.

– Вы с Итачи так кричали, так кричали у меня на кухне, – невинно залепетала девушка и шикнула, когда Учиха невольно сжал руку сильнее. Но, кажется, эта боль даже понравилась ей.

– Что ты знаешь? – вмиг осипшим голосом проговорил Саске. Из его головы совершенно вылетел тот эпизод, словно он был не с ним.

– Всё, – брови недвусмысленно приподнялись. – Я умею слушать…

– Подслушивать, – скривился презрительно Учиха.

– Вы кричали, – повторила Карин.

– Только попробуй рассказать кому-нибудь…

Саске не стал слушать ответа девушки, отпустив её и буквально вылетев из закутка с расписанием. Он ринулся сразу на улицу, чувствуя, как всё сильнее и сильнее начинает гудеть голова. Холодный ветер, ударивший в лицо, привёл в чувства, подарив сил ровно столько, чтобы Учиха мог зайти за угол, скрываясь от

шумной толпы прохожих и ревущих машин. Четыре таблетки упали на ладонь. Много, но меньше не возьмёт. Горькие, без воды было трудно пропихнуть их в пересохшее горло. Он прикрыл глаза, прислоняясь затылком к шершавой стене. Пульс в висках постепенно утихал.

– Херово тебе?

Саске разлепил один глаз, в котором показался мутный, но знакомый силуэт Наруто:

– Чего надо?

– Да просто, – Узумаки пожал плечами. – Мимо проходил и увидел… решил подойти.

Наруто смерил парня нерешительным взглядом и всё-таки выдавил из себя:

– Ты извинился…

– И что? Теперь считаешь меня своим лучшим другом, и мы пойдём играть в песочницу?

– Я просто не ожидал от тебя такого, – растерянно пробубнил Узумаки, крепче сжимая лямку перекинутой через плечо сумки.

– Та-да-да-дам, – без особого энтузиазма пропел Учиха, открывая второй глаз. Облегчение пришло не в полной степени, но приступ остановился. На этот раз он успел.

– Тебе обязательно всегда вот так вести себя? – нахмурился стоящий перед ним Наруто.

– А тебе обязательно всегда доёбываться?

– В человеческом обществе это называется разговором, – фыркнул Узумаки.

– Так иди в своё общество.

Саске отлип от стены, пытаясь отряхнуть спину, но выходило плохо. Ругнувшись, он скинул сумку на более-менее сухое место на асфальте, сдёрнул с себя ветровку и принялся отряхивать со спины побелку.

– Эй.

Цепкая рука ухватила Учиху за запястье, останавливая и вызывая желание зарычать.

– Что это? – палец ткнул в синие следы на сгибе локтя.

– Лекарства, – сквозь зубы прошипел Саске, стряхивая с запястья руку Наруто и вновь надевая ветровку. Кожу и так неприятно обожгло чужим взглядом.

– Это обязательно? – спросил Узумаки.

На лице Наруто отражалось явственное неодобрение таких методов лечения, но к этому чувству тут же примешалась уже почти привычная растерянность. Он выглядел маленьким мальчиком, который пытается играть в героя.
Учиха невольно усмехнулся, смотря на него. Взъерошенные светлые волосы, загорелое лицо и яркие голубые глаза совершенно не вязались с образом строгого моралиста, которым Узумаки иногда пытался казаться.

– Ты собираешься прогулять пару? – не ответив на вопрос, спросил Саске.

– У нас окно. И у тебя тоже.

– Так мы теперь в одной группе, – усмехнулся Учиха. – Ты будешь моей личной занозой в заднице.

– Не надейся, – фыркнул он в ответ и тут же сгорбился, недовольно морщась от того, что какой-то парень опёрся о его плечи и подпрыгнул.

– Наруто! А я тебя ищу! – выпалил тот, делая ещё пару прыжков и уворачиваясь от удара Узумаки.

– Сарутоби! – возопил тот, дёргая друга за нелепый синий шарф, заставляя угомониться. Иногда даже Наруто было трудно совладать со взрывной энергией своего товарища.

– Пойдём! Там наши собрались…

Темноглазый парень осёкся, замечая, наконец, что тут помимо них с Узумаки есть ещё одно действующее лицо:

– Эээ… Наруто, ты с ним пойдёшь?

– Я его ещё никуда и не звал, – сухо бросил Саске, засовывая руки в карманы и затягиваясь сигаретой. Ему на миг показалось, что Узумаки раздвоился, наспех перекрасил волосы и нацепил линзы, превратившись в этого паренька. Они были чем-то похожи. Две занозы в заднице.

Наруто замешкался, растерянно смотря на Учиху. Привести чужого человека в свою компанию было странно, а привести туда такого, как Саске, – грозило остаться вообще без друзей. Благо, Учиха решил сам эту сложную загадку:

– Мне ваш детсад не нужен.

Узумаки заметил, что Конохамару хотел что-то возразить тому, но Наруто вовремя придержал его за руку, зная, что с Саске станется залепить пареньку пару хороших оплеух.

– Пока, – невнятно буркнул Узумаки, проходящему мимо Учихе, хотя тот так и не отозвался, скрываясь за углом.

– Странный он, – передёрнулся Сарутоби, но его минутное замешательство вновь сменилось бурной деятельностью. – Пошли уже!

***

Саске брёл по улице, особо не надеясь наткнуться на что-то интересное. Он просто шёл, наслаждаясь тем, как ветер продувает ветровку и холодит тело. Хотя отец и уехал в командировку по делам фирмы, возвращаться домой не хотелось совершенно. Там опять будут сочувствующие взгляды и какая-то подавленная тишина, словно гроб с ним уже стоит где-то в гостиной. Будто похороны уже наступили.
Учиха усмехнулся своим мрачным мыслям, находя их по-своему забавными. Хотя, конечно, другому человеку мысль о гробе показалась бы пугающей и вообще не нужной. Меньше думаешь – дольше проживёшь, думали суеверные тупицы. Вот он, Саске, вообще не думал об этом, и? Результат?
Парень остановился у большого стенда с рекламными клочками бумаги, многие из которых уже обтрепались и едва держались на облупленной краске. Выкинув окурок, Учиха прошёлся взглядом по объявлениям. Кто-то искал пропавшее домашнее животное, кто-то хотел избавиться от старого холодильника, кто-то так и не обретённого спутника жизни, хотя писать об этом в объявлении более чем глупо.
Он давно думал съехать. Кое-какие деньги скопил за время летней подработки курьером, и теперь купюры без надобности лежали в какой-то книжке, засунутой под кровать. Их должно было хватить на первое время…
Всё-таки жить отдельно мечтает каждый молодой человек, а сейчас Саске казалось, что это было единственным шансом прожить остаток времени в спокойствии. Или же ему просто хотелось отгородиться от «их» мира.
Рука застыла над потрёпанным объявлением, где синие чернила почти стёрлись.

«Квартира… без… ссуд…» – гласило довольно старое объявление.

Учиха задумался. Всё-таки, судя по состоянию этого листка, оно здесь провисело уже не один день, и был ли смысл звонить туда. Но все листки с номерами были на месте, поэтому он оторвал один.
Затем было ещё одно объявление, целее, но плата за квартиру его не устроила. Он не хотел судорожно искать деньги на проживание в то время, как ему бы следовало исполнять мечты

из своего списка последних желаний.
Только вот Саске сомневался, что у него был такой. Да и зачем? Он сорвал ещё пару объявлений и тут же набрал номер самого нового и приемлемого.
На том конце ответил приятный женский голос, который виновато сообщил, что они уже сдали квартиру двум девочкам-студенткам и вообще не доверяют парням, так что Учиха в любом случае не смог бы там поселиться. Не дождавшись, пока женщина закончит свой словесный поток, Саске сбросил вызов и набрал следующий номер. Прислонившись плечом к доске объявлений, тот зажёг сигарету, слушая размеренные гудки. Проходящие мимо люди заинтересованно смотрели на застывшего парня, который провожал их острым взглядом из-под чёлки.
Он набирал этот номер дважды, но никто не брал трубку.

– Чёрт, – ругнулся Учиха, вытаскивая из кармана помятый листик с номером и набирая его. – Вы сдаёте квартиру? – быстро выпалил Саске, даже выпрямляясь, как только на том конце ответили.

– Д-да, – сонный женский голос показался ему слегка удивлённым.

– Я подойду?

– Подходите… конечно. Адрес…

***

– Да не заливай ты! – выпалил Конохамару, громогласно смеясь и размахивая бутылкой содовой. – Не было такого!

– Было-о-о! – протянул второй парень, тыкая пальцем в грудь того. – Ты потом ещё всю ночь с тазиком обнимался!

– Да меня алкоголь вообще не берёт!

Шумная компания сидела в небольшом сквере парка, недалеко от института и коротала время за травлей баек о том, как круто

они провели лето.
Узумаки не было особо чем похвастаться, поэтому он лишь слушал, изредка смеясь и подкалывая рассказывающих. Обычное дело, обычное общение друзей, которые могли смеяться друг над другом почти безнаказанно. С ними было легко… не так, как с Саске, который в любой момент мог перевернуть сказанное с ног на голову, да ещё и о землю приложить ответной фразой.

– А что я знаю! – подошедший к ним сонный студент выхватил из рук Сарутоби бутылку с пепси и приложился к той под его возмущённый крик.

– Эй! Не томи.

Наруто недовольно нахмурился, он ненавидел, когда тянули с началом истории, и легко хлопнул новопришедшего по животу, заставляя того оторваться от бутылки и закашляться:

– Узумаки, блин!

– Колись! – фыркнул Конохамару, усаживаясь обратно на лавочку и забирая свою бутылку. Хотелось выпить пива, но впереди ждали ещё две пары.

– Вы в курсе, что новенький наш больной! – выпалил парень, потирая живот, словно Наруто ударил слишком сильно.

Узумаки почувствовал, как внутри что-то оборвалось. Он поднял глаза на говорящего и замер, не зная, как реагировать.

– Чего? Чем это? – выпалил Сарутоби, заинтересованно подаваясь вперёд.

– Да хер его знает. Заразное что-то видать, – прыснул рассказчик. – Карин рассказала…

Кому там что девушка рассказала – Наруто не слышал. Его словно по голове пыльным мешком ударили. Ну да, конечно. Саске и его брат тогда очень громко выясняли отношения на

кухне у Карин, и она явно не упустила своей возможности подсобрать немного компромата на Учиху.
И теперь…

– Эй! Узумаки, – Конохамару толкнул парня в плечо, вырывая его из мыслей, – чего с лицом у тебя?

– Да не, ничего, – отмахнулся Наруто. – И многие об этом уже знают?

– Да! Ты как будто наш поток не знаешь, – засмеялся веснушчатый парень, который пришёл с «благой» вестью. – Завтра, небось, и по другим группам разбазарят.

– И что в этом интересного? – пожал плечами Узумаки, забирая пепси у Сарутоби и отпивая из бутылки.

– Ты фишку не сечёшь! Это же… прикольно!

– Что прикольного в чужой болезни? – нахмурился Наруто, глядя прямо в глаза конопатому.

Парень открыл рот, собираясь что-то сказать, но тут же закрыл его.

– Узумаки, – заявил Конохамару, – а ты с этим фриком сегодня дважды говорил…

– И что? – поморщился Наруто, поднимаясь с лавочки.

Вальяжно облокотившийся на него Сарутоби покачнулся, неожиданно потерял равновесие и развалился на лавочке, опрокидывая бутылку пепси.

– Ну блин! Разлил теперь, – досадливо буркнул тот, отряхивая руку, испачканную в пене, но не пытаясь встать.

– Да надо тебя проспиртовать, чтобы зараза от Учихи к нам не перешла, – пробурчал Конохамару, когда рука была более-менее очищена, а он принял вертикальное положение. – Ты

сходи завтра в больницу, проверься… мало ли чего.

– Ты вообще дурак? – выпалил Узумаки, глядя на друга так, словно впервые видя его.

– Ну а что? Вдруг он правда заразен, а нам с тобой ещё общаться.

Сарутоби сказал это просто так, не подумав, как и большинство того, что он обычно говорит. Но слова как-то слишком уж резко ударились о Наруто, отзываясь где-то внутри тихим гулом и нарастающим раздражением.

– Ну и не общайтесь, – рыкнул парень, рывком выдёргивая свою сумку из-под руки Конохамару. Тот покачнулся, издал какой-то невнятный вопль, но Узумаки уже спешил уйти подальше от компании шумных друзей.

Друзья…
В голове крутились слова, сказанные ими. Отчего-то становилось как-то противно, будто сам вывалялся в грязи и теперь придётся отмываться неделю.

– Придурки, – буркнул себе под нос Наруто, словно слова могли облегчить то, что творилось в душе.

***

– Да, до свидания, – улыбнулась хозяйка квартиры, провожая странного молодого человека.

Почему странного? Ещё никто до него не соглашался жить в квартире, в которой из мебели остался только кухонный стол и шкаф с одеждой. Ни холодильника, ни кровати… А он согласился и даже попросил въехать немедленно. Обрадованная тем, что квартиру таки удастся сбагрить в чужие руки, а ещё и деньги за это получать, женщина пообещала парню найти матрас и постельное белье. На том и распрощались до вечера.

***

В институт Саске пришёл к началу последней пары, прогуляв две перед ней. Уже зайдя в небольшую аудиторию, где они занимались не потоком, а группой, он почувствовал что-то неладное. Стоило ему приоткрыть дверь, заходя внутрь, как студенты притихли, зыркнули в его сторону и отвернулись. Учиха привык ко всякому, но после разговора с Карин в сердце начало закрадываться нехорошее впечатление. Скользнув по девушке, которая упорно не смотрела в его сторону, тяжёлым взглядом, Саске занял пустующую парту у окна, достав тетрадку и приготовившись потерять ещё полтора часа своей жизни.
Всё это казалось ему каким-то дурным сном. Смотреть на оглядывающие тебя лица и не понимать то ли паранойя разыгралась и на самом деле никому даже дела нет до твоей персоны, то ли Карин действительно сболтнула лишнего. Хмурясь и размышляя о развитии событий, он достал из сумки бутылку с минералкой и отпил из неё, тут же закашлявшись: вода попала, как говорят, не в то горло.
Сидящие рядом парни как-то странно обернулись на него, окинули брезгливым взглядом, и один из них выпалил:

– Слышь, ты, Учиха, иди-ка отсюда, а?

– С ч-чего это? – откашлявшись, прохрипел Саске, вновь отпивая из бутылки. Он взглянул в светло-карие глаза сидящего перед ним здоровяка.

Джиробо – парень, которого в его группе все за глаза называли «толстяком». Говорили они это тихо и желательно тогда, когда обладателя ярко-оранжевого короткого ирокеза не было поблизости. Ведь помимо тучности, он отличался обманчиво спокойным характером, в минуты злости превращаясь в весьма жестокого и слегка невменяемого парня. Многие до сих пор гадали, как толстяку удалось попасть на этот факультет и выдержать целый год, но вслух, опять же, этого вопроса ему никто не задавал…

– Ты ж заразный, – фыркнул Джиробо, на всякий случай

отодвигаясь подальше от Учихи и вызывая этим сдавленные смешки в аудитории.

Кажется, все взгляды были теперь обращены на них, будто этого и ждали.

– А ты толстый, – пожал плечами Саске, стараясь сохранять ледяное спокойствие. – А я не люблю толстых. Но я же не прошу тебя свалить…

– Чего ты сказал? – широкий лоб наморщился, в карих глазах начала появляться злоба.

– То…

Договорить Учиха не успел. Кто-то с размаху уселся рядом, хватая его за плечи и взъерошивая волосы. От такой фамильярности Саске не сразу среагировал, лишь покачнулся и ткнулся руками в парту, пытаясь удержаться на закачавшемся стуле.

– Джиро-о-обо! – протянул знакомый до тошноты голос. – Крутой у тебя ирокез!

– Чего?

Ещё одна сторона толстяка: его внимание можно было быстро переключить, помаячив перед носом новой красной тряпкой, которой добровольно стал Узумаки.

– Да, говорю, такой же ирокез хочу! – широко улыбнулся Наруто, предостерегающе сжимая плечо Учихи, когда тот попытался вернуться в нормальное положение.

Ярко-рыжие брови поползли выше, морщиня массивный лоб. Джиробо соображал…

– Издеваться вздумал? – пробасил он, сжимая пухлые кулаки, на которые Узумаки невольно бросил нервный взгляд.

– Нет! – выпалил Наруто, улыбаясь ещё сильнее, и Саске на миг показалось, что тот вот-вот порвёт себе щёки от усердия.

Толстяк смерил Узумаки долгим тяжёлым взглядом, пытаясь усвоить ответ, кивнул, бросил какой-то нехороший взгляд на скорченного под весом Наруто парня и отвернулся. Как только перед глазами замаячила широкая спина в какой-то серовато-бежевой майке, Учиха резко оттолкнул руки того, выпрямляясь и сжимая кулаки.

– Ты охренел, Узумаки?! – прорычал он, переходя на шипение и буравя взглядом парня.

– Я тебе шкуру спас, – деловито заявил Наруто, смотря в потолок и спокойно улыбаясь. – Опять.

– От чего?!

– От него! – палец осторожно ткнул в спину Джиробо. – Ты как будто специально на оплеухи нарываешься.

– Может и нарываюсь. Не лезь.

– Да иди ты, – отмахнулся Узумаки и достал из сумки тетрадку, поразмыслив, добавил ручку. Поймав на себе удивлённый и злой взгляд Саске, он бросил: – Я теперь с тобой сидеть буду.

– С какого?

– С большого и толстого, – поморщился Наруто, замечая, что на них украдкой пялится почти вся группа.

– Ты мне на хер не нужен.

– Ошибаешься, – качнул головой Узумаки. – Карин разболтала всем о твоей… эм… тайне.

– Не слепой – догадался, – шикнул Учиха, откидываясь на спинку стула и стукая пальцами по парте.

Взгляд сам нашёл стройную спину девушки, и в душе завозилась злость, просыпаясь и расправляя острые крылья из битого стекла. Осколки царапали что-то внутри, заставляя горячую жидкость растекаться по лёгким, обволакивать сердце и колоть где-то под ложечкой.

– Так что смирись, – выдохнул Наруто, следя взглядом за тем, как в аудиторию вошли ещё двое студентов.

Конечно, было непривычно видеть Сарутоби «по ту сторону баррикад», но Узумаки ещё слишком хорошо помнил резкие слова своего друга о Саске. И отчего-то эти самые слова перечёркивали всё то, что раньше связывало друзей.
Скользнув по Конохамару взглядом, Наруто отвернулся, вновь тяжело вздыхая. Не то чтобы он сожалел о своём решении, но отчего-то было как-то гадко на душе и хотелось поскорее свалить из института, где, похоже, всё напоминало о его выборе.

«Выбор может быть только один», – так всегда говорил ему отец, вне зависимости от того, перед чем стоял его сын в нерешительности: будь то рамен или омлет, или же старый проверенный друг и новый неадекватный знакомый.

Хотя Узумаки догадывался, что здесь выбирать ему приходится между чем-то, что гораздо глубже и больше простой «дружбы». Возможно, сейчас он выбирал между совестью и привычкой.
Наруто тряхнул головой, недовольно косясь на Учиху. На миг парню показалось, что этот придурок заразил его своей манерой погружаться в пространные размышления, ведь прежде он замечал за собой такие мысли крайне редко.
Проходя мимо их парты, Сарутоби будто нечаянно зацепил плечо Узумаки сумкой, замер на миг, понимая, что все сейчас смотрят на него, и картинно схватился за горло, изображая острое отравление.
Смех.
Саске сам не заметил, как кулаки начали медленно сжиматься, но тут же получил пинок под партой ногой по ноге.

– Придурок, – довольно громко выдохнул Наруто, понимая, что

Конохамару его обязательно услышит.

И тот правда услышал, хохотнул и двинулся дальше, сев за парту подальше от них.
Узумаки прикусил губу, понимая, что подписал себе приговор. Приговор быть изгоем в группе… до конца. До конца чего?

***

Взгляд Учихи был направлен на круглые часы над доской. Такие же безликие и серые, как и вся мебель в этом месте. Пара тянулась медленно. Невыносимо. Стрелки часов будто увязли в невидимой патоке, лениво передвигаясь, застывая и вновь делая над собой усилие. Им не хотелось шевелиться, им хотелось замереть навсегда.
Он давно перестал слушать преподавателя, который распинался на тему того, что в этом году им предстоит работать ещё сильнее, чтобы сдать летнюю сессию как можно быстрее и отправиться на практику.
Присутствие рядом Наруто напрягало. Саске чувствовал, что рядом с ним кто-то сидит, и это чувство отчего-то вызывало раздражение. Иногда взгляд Учихи вновь останавливался на спине Карин, которая, кажется, не шевелилась. Он мог поклясться, что от девушки исходят волны страха, заставляющие её замирать, словно те же стрелки на настенных часах.

– Скучно, – буркнул Узумаки, подпирающий рукой щёку. – Интересно, он нас пораньше отпустит или будет мариновать до последнего?

Учиха скосил на него глаза, но не ответил, вновь вернувшись к гипнотизированию часов. Ещё час, но до перемены оставалось около пяти минут. Внутри неприятно заныло что-то.

– Странный он, – вновь подал голос Наруто, стараясь говорить тихо. – Распинается о том, что нам нужно учиться, а сам не учит.

– Тебе горит?

– Горит что? – нахмурился Узумаки. Разомлевший в душной аудитории мозг соображал туго и будто со скрипом.

– Учиться, – бросил Саске, не сводя взгляда с часов.

– Да нет, – пожал плечами Наруто. – Просто мутный он тип… будет морочить голову на сессии.

– Я уйду на перемене.

– Почему? – удивлённо буркнул Узумаки, убирая руку от лица и серьёзно глядя на парня. Свалить с половины пары было большим искушением, тем более препод был новеньким и никого ещё в лицо не знал, а перекличка, видимо, сегодня отменяется.

– Достало.

Учиха смолчал о том, что ему не терпелось забрать свои вещи из дома до прихода Итачи. Взгляд вновь скользнул по Карин.

– И дела есть, – добавил он, хотя какие именно озвучивать не собирался.

– Ну иди, – приуныл Наруто. Ладно быть изгоем вдвоём, но, когда остаёшься один в коллективе, в котором на тебя начинают косо смотреть, становится как-то не по себе. Напряжение буквально витает в воздухе даже во время пары, что уж там говорить про конец дня?

Саске зачем-то кивнул, вновь взглянув на часы. Ну же… быстрее.

– Не расходимся! – крикнул преподаватель, стараясь перекричать зазвеневший звонок и нарастающий гул в коридоре.

Учиха подорвался с места, хватая тетрадку и убирая её в сумку. Он не пытался скрыть свой побег от взгляда нахмурившегося

профессора, напрочь забыв о его существовании, как только прозвучал сигнал на перемену.

– Ну… до завтра, – неуверенно бросил Узумаки, вслед уходящему парню.

Саске устало выдохнул, но заставил себя буркнуть: «Пока» – и поспешил выйти из аудитории.
Наруто проследил, как за ним закрылась дверь, и отвернулся, съезжая чуть ниже со стула и упираясь взглядом в изрисованную столешницу. Атмосфера напряжения стала давить на плечи сильнее, хотя, надо отдать должное, студенты оживились с уходом Учихи, словно он был тем самым гнётом, прижимающих всех к земле.

– Ну что, Узумаки?

Сарутоби уселся на парту перед Наруто и сложил руки на груди:

– Как тебе твой новый друг?

– Иди на хрен, – мрачно отозвался Узумаки. Настроения спорить не было совершенно, как и желания отвечать на нелепые подколки.

– Он тебе не поведал свою большую и великую тайну?

Наруто поднял глаза на бывшего друга и выдохнул. Злиться на Конохамару он не хотел, да и не было злости этой, а вот какое-то лёгкое разочарование ядом вползало под кожу.

– Ну ты и придурок, – буркнул Узумаки.

– Куда ж мне до Учихи, – хохотнул Сарутоби и спрыгнул с парты.

***

Дома Саске быстро поднялся к себе, бросая в рюкзак нужные

вещи. Пара футболок, джинсы, бельё, зубная щётка. Он замер над столом, на котором в ряд выстроились баночки и склянки с таблетками. Его рука зависла над ненавистным стеклом тех, от которых теперь зависел его спокойный сон.

– К чёрту, – выдохнул Учиха, сгребая лекарства в чёрное нутро рюкзака. Следом полетел желтоватый лист рецепта, который Орочимару всё-таки выписал. Это не был морфин, но его больше он не желал видеть даже близко, не то что чувствовать в себе.

Саске знал, что будет больно.
Но какая-то глупая упрямость не давала ему позволить себе такое «спасение». Или забытье.
Осмотрев опустевшую без его разбросанных вещей комнату, Учиха сгрёб с кровати ноутбук, отправляя оный к остальным вещам, и застегнул молнию.
Комната опустела, стала совсем холодной, как палата в больнице. Даже его комната в той треклятой клинике выглядела уютнее…
Тряхнув головой, Саске поспешил выйти, спуститься по лестнице и… замереть.
Запах. Он давно не чувствовал запахов и уже привык к этому, считая ещё одним «бонусом» его состояния.
А сейчас… сейчас пахло, как в детстве. Сладким печеньем, которое мать всегда пекла на Новый год, и этот запах будил его, заставляя быстро спускаться по лестнице, влетать в кухню и…
Учиха схватился за лестницу, не в силах вдохнуть. Он не хотел чувствовать этот запах…
Рука сжала перила до побелевших костяшек пальцев, вторая же мелко дрожала, и пришлось убрать её в карман, чтобы она не весела бесполезной плетью.
Ванильный запах тёплого печенья…
Саске поднял глаза, осматривая потолок, стены. Всё серое… всё, что казалось ему серым все эти дни, сейчас отчего-то приобрело краски. Он только сейчас заметил, что в окно у входной двери падает янтарный свет вышедшего из-за туч солнца, высвечивая на тёмно-красной ковровой дорожке коридора неровную полосу, тянущуюся к его ногам.

Учиха даже сделал шаг в сторону, чтобы не соприкоснуться со светом. Казалось, тогда произойдёт что-то вовсе невозможное…

«Разожми руку и уходи. Уходи», – мысленно приказал он, до боли прикусывая нижнюю губу и чувствуя, как на языке появляется металлический привкус. – «Уходи!»

Хриплый вздох из сжатого спазмом горла, какой-то неровный шаг вперёд, и Саске вновь замер, столкнувшись нос к носу с матерью.
Женщина, кажется, услышала его шаги или вышла из кухни, чтобы позвать того вниз, и теперь стояла перед ним в белом фартуке и с деревянной лопаткой в руках.
Она выглядела растерянной, словно не знала с чего начать разговор. В её тёмных, как и у него, глазах появился странный блеск, и Микото осторожно улыбнулась:

– Я слышала, что ты пришёл.

Учиха просил всех богов, в которых он не верил, чтобы дверь открылась, зашёл Итачи и нарушил это всё… отвлёк её внимание…

– Да, – непривычно даже для себя спокойно выдохнул Саске. – Но мне надо идти…

Слова давались нелегко. И этот треклятый запах печенья… Как тогда… утром на Новый год. Их последний совместный Новый год, когда Итачи подарил ему этот рюкзак. Рука невольно сильнее сжала лямку оного.

– Я печенье испекла, – вновь улыбнулась женщина. – Твоё любимое…

– Я спешу, – тряхнул головой парень, делая шаг вперёд, но Микото, словно предвидела его жест и внезапно обхватила сына руками, прижимаясь сильнее.

Учиха замер, обледеневши.
Тепло, чувства, исходящие от матери, больно ударились о его

оболочку, горячими ручьями прокладывая путь глубже, стараясь пробраться внутрь души парня, чтобы согреть и её. Это было больно, хотя он понимал: боль была только в его голове.

– Мы так часто ругаемся в последнее время, – пробормотала Микото, куда-то в плечо сына. – Я так не хочу…

– Я… тоже, – чёртов спазм мешал говорить. Саске вновь закусил губу.

– Я знаю, – выдохнула она, поглаживая его спину, ероша жёсткие волосы на его затылке. – Ты только не злись на нас. Мы… я люблю тебя и… не знаю…

Микото тяжело вздохнула:

– Я не знаю, как мне себя вести. Как побыть рядом с тобой. Ты взрослый, а я твоя мать…

Горячее тепло пробиралось всё глубже и глубже. Оно обжигало, сдавливало горло, но от него было так… приятно?

– Ты быстро вырос, но… я всё равно люблю тебя.

– Я… – парень втянул носом воздух, надеясь не почувствовать запах ванильного печенья. – Я…

«Уходи», – упрямо повторял голос в голове. – «Беги».

Микото сильнее прижалась к сыну, словно напоследок пытаясь впитать всем телом его слабое тепло, запомнить эти колючие объятия, запомнить его запах и то, как он легко гладил её плечи, кажется, сам не замечая этого.
А потом отстранилась, смотря в его лицо. Собственные щёки той были мокрыми, но она улыбалась, будто улыбка могла скрыть мокрые дорожки:

– Пойдём. Выпей со мной чая…

Учиха сам не понял, почему его ноги начали двигаться в

сторону кухни, а спустя некоторое время он уже сидел за столом и смотрел на тарелку с печеньем.
Мать, поставив рядом с ним чашку с чаем, села напротив, улыбаясь:

– Попробуй.

Рука потянулась к тарелке. Тёплое печенье приятно грело мёрзнущие пальцы. Саске откусил кусочек, совершенно не чувствуя вкуса. Во рту был тёплый песок…

– Ну как?

– Вкусно, – кивнул Учиха, запивая печенье чаем. Он не любил чай, но и его вкуса он тоже не почувствовал.

Зато запах…
Его рука накрыла руку матери, чувствуя кожей тепло. Её мягкое тепло, которое он так давно не ощущал. Пальцы поглаживали гладкую кожу женщины, слегка сжимая ладонь.
То новогоднее утро, когда они ещё были семьёй…

– Подожди, у меня там ещё в духовке, – довольно улыбнулась Микото, поднимаясь из-за стола, хотя Саске едва ли доел первое печенье.

«Уходи!»

Женщина склонилась над духовкой, загремев там чем-то:

– Ты знаешь, а эти, кажется, подгорели…

Она обернулась, и взгляд рассеянно забегал по пустой кухне.
Хлопнула входная дверь.
Микото сдавленно вдохнула, стараясь улыбнуться. Форма с печеньем с грохотом упала на стол.
Она отчего-то знала, что… он прощался.

***

Учиха, прислонившись лбом к холодному каменному забору своего дома, тяжело дышал. В голове стучала боль, слова матери, и сердце билось где-то в горле, обдавая грудь болью. Пальцы впились во влажный камень. Кулак сжался сам собой и в следующий миг ударил по изгороди. Боль обожгла костяшки пальцев, кажется, что-то даже хрустнуло.
Хотелось кричать, но из горла вырывался хрип. И с каждым движением было лишь больнее, словно к сердцу тянулась стальная нить, зацепившаяся где-то в доме за другое также быстро бьющееся сердце. И с каждым шагом эта нить натягивалась, вырывая кусок плоти навсегда. Уж лучше его плоти, чем её…

«Ты чужой в их мире. Лучше уйти сейчас. Чтобы они запомнили тебя таким… живым», – звучал в голове чей-то голос, к которому Саске уже начинал привыкать. – «Уходи».

Его слегка шатало, но он отпрянул от забора, развернув тело в нужную сторону. Сигарета привычно была зажата в губах. Но палец никак не мог зажечь зажигалку, вхолостую чиркая колёсиком.
Руки дрожали.

Глава 5. Гореть.

«Зачем кричать, когда никто не слышит,
О чём мы говорим?
Мне кажется, что мы давно не живы –
Зажглись и потихоньку догорим…»
Люмен – Гореть

– Ну, ты тут… обживайся, – хозяйка скептически оглядела пустую квартиру, стоя уже в дверях.

Что-то подсказывало женщине, что не стоит отдавать ключи от квартиры этому странному молодому человеку, который решил переехать с одним лишь рюкзаком. Хотя, возможно, это очередное веяние молодёжной культуры – такой минимализм…

– Угу, – кивнул Учиха, стремясь поскорее выпроводить замучившую его женщину рассказами о том, как тут протекает кран, что дом в общем-то хороший, а соседи тихие… Ему было плевать на всё это.

Хотелось просто остаться одному, словно тепло живого человека проникало сквозь невидимую стену между ними и неприятно грело кожу.

– Если что, мой номер телефона лежит в блокноте на подоконнике.

– Хорошо, – кивнул Саске. – До свидания.

Женщина ещё раз взглянула на худощавого парня, окинула взором коридор. Квартира была ей не нужна, но всё же она опасалась, что к следующему своему визиту обнаружит здесь бордель пополам с притоном.
Дверь наконец-то закрылась, и Учиха провернул замок, слыша, как по ту сторону удаляются шаги, разносимые эхом по всему

подъезду.
Саске вздохнул, чувствуя, что теперь можно ссутулиться, перестать реагировать на чужие слова, хотя он и так особо не проявлял заинтересованности, и выпить обезболивающее.
Достав из рюкзака пузырёк с таблетками, Учиха прошёл на небольшую кухню, замирая на входе и включая свет. Обычная комнатка, конечно, не то, к чему он привык дома, но сойдёт.
Стены были выложены бело-розовой плиткой с разводами под мрамор, на полу лежал линолеум, а у окна стоял стол из дешёвой фанеры да стулья под ним с мягкими сидушками.
Здесь также ютились бело-серые тумбы, открыв дверцы которых Саске увидел пожелтевшие от времени газеты.

– С новосельем, – хмуро усмехнулся Учиха, закуривая и вытряхивая на руку одну таблетку. Поразмыслив, добавил ещё две.

Выкурив две сигареты, парень прошёлся по квартире, заглядывая в довольно опрятную ванную и небольшой туалет, подёргал ручки двух запертых комнат, в которых хозяйка хранила свои вещи, открыл бельевой шкаф, вновь завидев какие-то газеты, и вернулся в выделенную ему комнату.
Тонкий матрас у стены выглядел сиротливо и заставлял усомниться в том, что на полу зимой будет спать достаточно тепло. Зато хозяйка выделила подушку и одеяло с пледом, на которые Саске и уселся, подтягивая к себе ноут.
Здесь был интернет, а то, что он был оплачен хозяйкой ещё на месяц, было огромным плюсом. Конечно, она взяла с него плату целиком, но про этот небольшой бонус, видимо, забыла.

***

Время вновь тянулось медленно. Учиха успел покурить ещё пару раз, выйти на балкон, осмотреть окрестности, зависнуть на каком-то глупом форуме и выпить ещё таблеток.
Он ждал.
Приступ острой головной боли всегда приходил ближе к ночи или с утра. И это ожидание нервировало, словно Саске ждал не боль, а девушку, опаздывающую на свидание.
Учиха усмехнулся, вспомнив свои «глюки». Та девушка с белой,

прозрачной кожей…
Звонок телефона заставил нервно ругнуться, вперившись взглядом в замерцавший экран.

«Итачи», – высветилось на нём.

Конечно, они не могли отпустить его просто так. Надо бы сменить симку.
Взяв телефон в руку и ощутив, как тот вибрирует, Саске повалился на бок, гипнотизируя взглядом экран.
Почему не Итачи, а он? Почему не кто-нибудь другой…
Рука сжалась крепче, заставляя дешёвый пластик слегка заскрипеть.
Этот звонок из «их» мира заставил что-то в душе неприятно заворочаться, и Учиха не был уверен, что это сожаление о поступке.
Зачем он им? Что они могут сделать?
Улыбаться, пряча за этой фальшью жалость, говорить, что ему станет легче, и отводить глаза? Пичкать морфином и ждать, пока он уснёт, а утром будить и давать новую порцию таблеток с таким выражением лица, словно это чудодейственные витамины, от которых опухоль рассосётся сама собой.
Саске тихо засмеялся. В пустой квартире этот смех прозвучал как-то зловеще, будто ему было здесь не место.
Эта квартира…
Учиха перевернулся на спину, всё ещё сжимая вновь завибрировавший телефон в руке. Эта квартира напоминала ему что-то… чего не могло быть дома. Здесь был другой мир. И этот мир выталкивал отсюда всё живое, всё тёплое. Вон, даже хозяйка не выдержала и поспешила сдать неуютное жильё первому попавшемуся парню, а уж Саске не выглядел, как очень благоприятный молодой человек.
Эта квартира казалась другим миром. Здесь все звуки были приглушёнными, время тянулось медленно, а воздух вдыхался с трудом, словно был вязким и пропитанным чем-то… чем-то, что он давно ощущал рядом.
Очередной смешок, и Учиха провёл рукой по лицу, понимая, что такие мысли явно были плодом воспалённого сознания.
Когда телефон зазвонил в четвёртый раз, парень лишь скосил на него глаза, но удивлённо нахмурился следом. На экране

маячило имя, не принадлежащее его брату:

«Наруто».

И когда успел…
Саске нажал кнопку приёма вызова.

– Учиха! Алло… ты там?

– Что? – голос прозвучал странно, отражённый эхом от пустых стен.

– Ты где?

– Какое тебе дело…

– Ну… а ладно, – судя по голосу, Узумаки отмахнулся. – Завтра к первой паре. Перенесли с четверга.

– И ты звонишь, чтобы поделиться этой радостной вестью со мной?

Саске посмотрел на монитор ноутбука, пробегаясь взглядом по какой-то небольшой истории, которую читал, но так и не дочитал из-за звонка брата.

– Кто-то должен, – отозвался Наруто. – Ты… как?

Неуверенный тон.

– Отлично, – усмехнулся Учиха, вновь откидываясь на подушку. Держаться на одном локте было невозможно.

– Препод заметил, кстати, что ты ушёл…

– Я рад за него. У него отличное зрение.

– Тебя завтра, скорее всего, в деканат вызовут.

– Ага-а-а, – зевнул Саске. – Ты всё?

– Что всё? – недоумевающее буркнули в трубку.

– Ну, закончил херню нести?

– Придурок, – рыкнула трубка, и звонок оборвался, вызывая у Учихи тихий смех.

Телефон с глухим скрежетом проехался по полу, ударившись о стенку и отскочив куда-то на середину комнаты. Саске с трудом удержался, чтобы не запустить его об стену, и это была меньшая из зол.
Он лежал и смотрел в потолок.
Приступ всё не приходил.
Это нервировало.

***

В институт Учиха шёл неохотно, но оставаться в квартире на целый день было выше его сил. Весь интернет не пересмотришь, а загонять себя в сонливое состояние на остаток дня было как-то глупо.
Тем более, нужно было поговорить с Карин.
Узкий коридор института был почти пуст: студенты были слишком сонными, чтобы толпиться в проходе и галдеть. Этому Саске был рад. А вот увидев маячащего у нужной аудитории Узумаки, он недовольно нахмурился. В глубине души Учиха надеялся, что Наруто стоит там просто так, но надежды пройти нетронутым на своё место разбились о растерянную улыбку на физиономии того.

– Тебе туда лучше не входить, – честно предупредил Узумаки, перегораживая собой путь к аудитории.

– С какого? – буркнул Саске, пытаясь обогнуть парня, но тот ухватил его за предплечья, останавливая.

Взгляд чёрных глаз недовольно скользнул по рукам Наруто, и тот опустил их.

– Просто пойдём прогуляем… не надо туда.

– С каких пор ты зовёшь меня прогулять пару? – прыснул Учиха. – Свали.

– Саске… не надо, – наморщил лоб Узумаки, всем своим видом показывая, что в аудитории его поджидает если не моментальная смерть, то какое-нибудь страшное проклятие уж точно.

– Пф, – фыркнул тот, отодвигая Наруто в сторону и дёргая ручку аудитории. Войдя, он только потом поднял глаза и замер.

– Я же говорил, – донеслось из-за спины сдавленное.

Учиха обвёл взглядом свою группу, они посмотрели в ответ на него.
На лицах многих были надеты марлевые повязки.

– Узумаки, – крикнул Сарутоби, размахивая одной из них, – возьми! Может, для тебя ещё не всё потеряно!

– С-сука, – выдохнул Наруто где-то рядом с Саске, который всё же двинулся к своему месту, стараясь особо не смотреть по сторонам.

– Ха! Учиха, может, это тебе нужно было намордник надеть? – басисто хохотнул Джиробо.

Саске, опустив сумку на стул, взглянул на толстяка, криво усмехаясь:

– Она тебе мала.

Джиробо нахмурился, размышляя над сказанным.

– Узумаки! – вновь окликнул Конохамару, подходя ближе к Наруто. – Бери. Пригодится.

– Ты достал уже! – рыкнул тот.

– Я о тебе беспокоюсь, между прочим, – деланно обиделся Сарутоби, протягивая повязку.

– Ты идиот!

Узумаки выхватил из рук бывшего друга намордник и бросил на пол.

– Посмотрите на себя. Это вы больные, – громче, чем надо, выпалил Наруто, обводя взглядом группу и направляясь на своё место.

– Ты кого больным назвал?!

Конохамару рванул Узумаки за плечо назад, и Наруто не выдержал. Кулак саданул по щеке бывшего друга, костяшки обожгло огнём.
Джиробо нахмурился, увидев, что «ихних» бьют. И сделал единственное, на что его толкали слабые логические выводы, – кинулся на Учиху.
Саске, ожидая чего-то подобного, отшатнулся в сторону, пропуская мимо толстяка и пинком под зад придавая тому ускорения.
Не удержав равновесия, Джиробо столкнулся с дверью и вылетел в коридор, едва не сбив подошедшего к аудитории преподавателя.

– Что здесь происходит?! – возопила седоволосая женщина, крепче прижимая к себе папки с бумагами, словно их вот-вот могли выхватить и разорвать.

Она обвела возмущённым взглядом группу, которые быстро стягивали с лиц что-то, а также застывшего Учиху и Узумаки, на щеке которого уже начинал наливаться синяк. На Сарутоби, который вовремя вернулся на своё место, она внимания не обратила.

– Я вас спрашиваю?! – взвизгнула женщина.

Наруто бросил испепеляющий взгляд на Конохамару, который как-то растерянно смотрел на преподавателя, но отвечать на её вопрос не спешил. Сам же Узумаки не знал, что сказать, лишь тяжело дышал после выброса адреналина в кровь.
Саске не слушал и не смотрел на неё. Его взгляд был прикован к не добро скалящемуся Джиробо, но затем он заметил мелькнувшую за дверью Карин и было ринулся к выходу, но преподаватель преградила путь ему рукой.

– Никто никуда не расходится, пока я не получу ответов.

Цоканье каблуков и взволнованный голос все услышали сразу, а вскоре в дверях аудитории появились и виновники шума. Женщина в тёмно-бардовом деловом костюме нервно оглядела происходящее, пытаясь одновременно объясняться с взволнованным мужчиной и перекричать ещё более взвинченную худощавую даму.
Преподаватель удивлённо посторонилась, пропуская декана вместе с двумя незнакомыми людьми в аудиторию. Джиробо вошёл следом, тяжело направляясь к своему месту. Проходя мимо Учихи, он шикнул:

– Жди.

Саске усмехнулся, мол, и так жду, куда уж больше.

– Уважаемые студенты, что здесь происходит? – подала голос декан, обводя карими глазами притихшую аудиторию.

Преподаватель закрыла дверь, не желая, чтобы их разговоры мешали другим заниматься.

– Это неслыханно! Я понимаю – школьники, но студенты второго курса высшего учебного заведения! – патетично воскликнула профессор. – Драться! На паре! Уму непостижимо!

– Да в вашем институте вообще бардак творится! – рявкнул мужчина, обладатель худого лица и потёртого делового костюма.

Тощая женщина с выбеленными волосами, похожими на солому, цеплялась за его руку и усердно кивала, соглашаясь с его словами:

– Здесь драки, там драки, а наши дети в одной комнате с больным учатся! Дышат одним воздухом!

Наруто почувствовал, как жар хлынул к щекам, и украдкой взглянул на Учиху, который казался смертельно бледным и неестественно спокойным.

– С каким больным? – нахмурилась профессор, вновь оглядывая аудиторию, словно надеясь увидеть какого-нибудь чахоточного или инвалида.

– Со мной, – каркнул Саске, заставляя всё внимание обратиться на него.

Узумаки тяжело вздохнул.

– Ну вот! – возопила женщина с соломенными волосами. Очевидно, она была чьей-то матерью, но никто из группы голоса не подавал. Все притихли.

– Почему меня не предупредили? – потерянно спросила преподаватель, глядя на декана.

– Я сама… не в курсе, – совсем уже потерянно призналась та.

– Наша дочь вчера пришла из института и рассказала нам это! Вы представляете! Она проводит в одном помещении…

– Подождите, – подняла руку декан. – Учиха, вы… гриппуете? Почему не взяли больничный?

Саске хотелось смеяться. Он чувствовал на себе все эти взгляды, он будто мог слышать мысли всех, кто был здесь. Спину обдавало жаром от чужих глаз, позвоночник ныл из-за неестественно прямой позы, в голове начинало шуметь. Парень

провёл взглядом по стоящим перед ним взрослым. Как никогда раньше, он почувствовал себя здесь чужим. Их эмоции, их слова…

– Ваши родители не предупреждали нас, – продолжала декан. – Но, если у вас грипп, вы можете взять больничный и отлежаться дома, пока…

– Да какой грипп! – нервно прыснул мужчина, взмахнув рукой. – Вы посмотрите на него! Какой грипп?!

Преподаватель хмурилась, понимая, что её высказывание осталось незамеченным:

– Студенты! Дерутся. На паре! Чуть меня не пришибли!

– Учиха, почему ваши родители…

Саске их не слышал, понимая, что глубже и глубже погружается в какую-то вату. В ушах начинало гудеть, в глазах рябило, но он упорно стоял, смотря куда-то в лоб декану. Пока не увидел…
Она… такая же белая, с тонкой кожей и синими венами. Она стояла чуть сбоку от женщины в тёмно-бардовом и улыбалась… Её чёрные губы влажно блестели, длинные волосы чёрными же змеями оплетали худые плечи, почти плоскую грудь с просвечивающимися косточками грудной клетки и рёбер… Водянистые глаза смотрели на Учиху.

– Саске, – шикнул Наруто, замечая, что взгляд парня стал каким-то отстранённым, а лицо напряглось, – ты только в обморок не грохнись.

Узумаки, понимая, что тот сейчас где-то далеко, ухватил его за рукав толстовки кончиками пальцев, надеясь, что это удержит парня в реальности.

– Учиха! Я с вами разговариваю! – выпалила декан, теряя терпение. – Вы чем больны? Вас обследовали? Вы делали флюорограмму?! Кстати! Где ваша флюорография?! Я с

прошлого года…

– Сибирская язва.

Тихий голос услышал лишь Наруто и нервно хохотнул, крепче сжимая рукав.

– Что? – нахмурилась декан, явно не расслышав. Родители выжидающе замерли, преподаватель аж подалась вперёд.

– Сибирская язва, – громче и чётче с какой-то ненормальной улыбкой проговорил Саске, обводя застывших в недоумении взрослых взглядом.

– Учиха… вы… ваши шутки…

Но парень смотрел прямо и больше не улыбался. Даже Наруто, знающему его реальный диагноз, стало как-то не по себе.

– Мы… нам лучше поговорить… в моём кабинете, – потерянно произнесла декан, разворачиваясь и направляясь к выходу. Родители посеменили за ней.

– Узумаки, а вы куда?! – выпалила преподаватель, пытаясь удержать Наруто, двинувшегося следом за Саске.

– Я с ним подрался, – указал на наливающийся синяк Узумаки. – Или он со мной. Разобраться надо.

– А, – как-то странно произнесла женщина, отпуская плечо Наруто.

Уже выйдя в коридор Учиха услышал:

– Так… откройте окно. Не нравится мне это…

И прыснул.
А белокожая шла рядом. От неё веяло холодом, но в голове нарастала боль.

***

Они стояли в кабинете декана и ждали, пока женщина выпроводит разъярённых родителей. Из-за закрытой двери доносились голоса, и, кажется, они опять были чем-то недовольны.

– Зачем?

Тихий и хриплый голос Саске парень услышал не сразу, а суть вопроса вовсе не понял и вопросительно хмыкнул, поворачиваясь к нему.

– Зачем ты влезаешь? – пояснил Учиха, глядя перед собой.

Узумаки нахмурился. Зачем влезать? Он и сам не мог дать себе ответ на этот вопрос, который задавал себе каждую ночь, смотря в потолок. Он понимал, что с момента их встречи что-то в нём изменилось.
Раньше Наруто видел лишь то, что показывали ему родители. Эти люди, забравшие его из детдома, всегда стремились окружить его заботой, любовью, выстраивая из них непробиваемую стену. А за этой стеной была реальность, которую Узумаки до сих пор не хотел принимать. Встреча с Саске лишь выбила давно шатающийся кирпич в основании стены, открыла небольшую щель, сквозь которую он начал замечать истинные краски. Другая сторона жизни, другая действительность, другой кирпич с каждым днём всё плотнее и плотнее забивались в брешь. И он смотрелся странно, и неуместно в этой розовой стене, словно бросая вызов всему, во что верил Наруто раньше, своим чёрным цветом.

– Не знаю, – честно ответил Узумаки, скользя взглядом по лицу Учихи. – Но… другого я не хочу сейчас.

– Придурок, – шикнул Саске, прикрывая глаза.

Звук открывшейся двери заставил Наруто выпрямиться. Вся задумчивость моментально развеялась, стоило ему увидеть строгое лицо декана.

– Узумаки, Учиха, – тихо произнесла она, останавливаясь напротив парней. Её тёмно-бардовый костюм слегка блестел в свете электрических ламп, алая помада на губах слегка стёрлась, становясь какой-то светло-розовой. – Поздравляю, вы умудрились отличиться в первый же день занятий.

Она облокотилась поясницей о письменный стол, складывая руки на груди.

– Один врёт, а другой затеял драку, – покачала она головой и внезапно вперилась взглядом в Наруто: – Узумаки, у вас же родители – простые работники. Ладно Учиха… у него отец…

Женщина вздохнула, явно намекая на то, что захоти Наруто остаться в институте – его родителям придётся раскошелиться. Вот только Узумаки не верилось, что за простой мордобой могут отчислить. Что-то в груди похолодело…

– Это я.

Наруто и декан воззрились на Саске с разными эмоциями: парень с возмущённым удивлением, женщина с интересом.

– Что ты, Учиха? – спросила та.

– Я начал драку, – Саске поднял голову, глядя прямо ей в глаза. – Не он.

– Но зачем?

Кажется, она истинно не понимала к чему такому спокойному студенту начинать драку. В то время, как Узумаки одним своим видом напоминал шпану…

– Потому что он придурок, – ухмыльнулся парень, – и суёт свой нос куда не надо.

– Учиха, – цыкнула декан, – выбирайте выражения.

– Я ещё не выражался, – вновь с ухмылкой напомнил он.

Наруто внутренне послал Саске куда подальше, но желание того выгородить его заставило тут же забрать свои мысли обратно.

– Узумаки, – взгляд женщины переместился на Наруто: – Это правда? Учиха сам начал первым?

Парень нервно улыбнулся, совершенно не зная, что ответить. Говорить, что вообще-то всё это начали Джиробо и Конохамару было как-то совсем уж по-детски. Узумаки быстро взглянул на ухмыляющегося Саске, вновь на декана и хотел было возразить, как тот резко толкнул его в плечо.

– Учиха! – взвизгнула женщина, подскакивая со стола, на который успела усесться.

– Ты придурок! – прорычал парень, хватая Наруто за ворот и потаскивая к себе. – Засунь уже свою гордость в жопу. Тебя из института выгонят!

Последнее было сказано шёпотом, и Саске тут же оттолкнул того от себя, замахиваясь на него кулаком.

– Учиха!

Декан буквально повисла у него на руке, не давая завершить удар.
Саске усмехнулся, разжимая руку и отталкивая от себя Наруто, затем отстранил женщину и отошёл в сторону.

– Узумаки, – нервно поправляя съехавшие очки, сказала декан, – выйди отсюда.

Наруто, всё ещё находясь в лёгком шоке, кивнул и, не сводя взгляда с Учихи, направился к выходу.

***

Саске вышел из кабинета декана спустя полчаса с таким же спокойным выражением лица, с которым заходил. Узумаки насторожило это, и он, отлипнув от стенки в коридоре, поравнялся с парнем:

– Что она сказала?

– Ничего, – буркнул Учиха, шагая довольно быстро куда-то вперёд.

– Зачем ты заступился? – продолжил наседать Наруто.

– Считай благородным порывом.

– У тебя таких не бывает.

– Хорошо. Будешь должен, – криво усмехнулся Саске и резко замер, прикладывая руку ко лбу.

– Ты чего?

Узумаки остановился рядом, напряжённо вглядываясь в лицо Учихи. Кто-то толкнул Наруто в плечо, проходя мимо, и он хотел было возмутиться, но они стояли посреди коридора и явно загораживали проход.

– Голова, – шикнул Саске.

– Давай отойдём с прохода, – быстро проговорил Узумаки, оттесняя парня к стене.

Как только лопатки Учихи толкнулись о холодную поверхность, опора из-под ног начала медленно уходить, и тело заскользило вниз.

– Эй, не вздумай, – тихо процедил Наруто, хватая Саске за ворот и прижимая к стене, не давая съехать ниже. О том, что стоит ему свалиться, как всё внимание будет устремлено на них, Узумаки умолчал. Всё и так было понятно.

Весть о его болезни разлетелась по группам со скоростью запаха гнилого яйца, которое забыли в комнате. И теперь большинство студентов, завидев Учиху, ожидали продолжения спектакля.

– Не нужно показывать это им, – прошипел Наруто, крепче сжимая ворот парня. Да и если этот придурок сейчас здесь рухнет, то Узумаки придётся тащить его куда-то на своём горбу.

Учиха вымученно улыбнулся, кое-как выравниваясь и заставляя ноги упереться в пол сильнее. Ему казалось, что всё здание начало ходить ходуном, лишь бы сбросить его на пол к чужим ногам.
В ушах отчего-то звучал чужой смех или это гул обрёл такое странное, рваное звучание.
Затёртый паркетный пол рушился, осыпаясь в зияющую бездну, стены кренились и съезжали туда же, в заботливо раззявленную пасть темноты. Саске понимал, что и сам вот-вот полетит следом, но что-то из другого мира не давало сделать ему этого. Руки Наруто, крепко сжавшие ворот его толстовки, прижимали лопатками к стене, большие голубые глаза смотрели твёрдо и упрямо, и в них Учиха не видел так осточертевшей жалости. Дрожащая рука сама скользнула в карман, надолго застревая там. Не слушающиеся пальцы с трудом наткнулись на холодный бок склянки, а сжать её показалось вовсе невыполнимой задачей. Поэтому Саске кое-как откупорил крышку прямо в кармане, позволяя мелким таблеткам рассыпаться по нему, а затем вылавливая несколько и зажимая их в ладони.
Узумаки, продолжая подпирать парня, нервно косился по сторонам, понимая, что сейчас они с Учихой представляют весьма интересную картину. А злые языки будут очень рады пустить очередной глупый слух…
Таблетки легли на сухие губы, и Саске с трудом проглотил их, чувствуя, как горечь царапает горло. Он прикрыл глаза, больше не в силах терпеть круговерть из стен и пола, людей и ламп. Звонок на пару расколол голову на две части, и Учиха едва не зарычал, зажимая уши ладонями.
Кто-то дёрнул его, увлекая за собой. Саске открыл глаза, следя,

как пол под ногами обваливается при каждом его шаге, шатается и проминается. Но идущего рядом человека это не пугало, казалось, он не видел.
Учиха поднял глаза, щурясь от слишком яркого света, и внезапно сбоку мелькнуло знакомое лицо Карин.
Саске хотел было дотянуться до девушки, схватить и увлечь за собой во всё растущую под ногами бездну, но кто-то требовательно дёрнул его вперёд, и картинка перед глазами вновь смазалась.
На улице Наруто остановился, пройдя лишь несколько метров от входа в институт. Он вновь прислонил Учиху к стене, вглядываясь в побелевшее лицо:

– Живой?

Странно, но почти по-осеннему холодный воздух, пробираясь через ноздри в голову, освежал, если не стирая пропасть под ногами, то делая её меньше.
Саске кивнул, облизывая губы, на которых ещё осталась горечь таблеток:

– Отпусти меня.

– Ты свалишься, – констатировал Узумаки.

– Иди на хрен. Отпусти, – как можно твёрже постарался приказать Учиха, даже поднимая на лицо Наруто мутные глаза.

– Заткнись и дыши. Станет лучше – отпущу.

Узумаки знал, что этот и в морду съездить может, если что-то будет идти не так, как он захотел, но сейчас Саске не выглядел столь устрашающим.
Учиха демонстративно сделал пару глубоких вдохов. Лучше не стало: голова всё ещё разламывалась, но картинка перед глазами наконец-то потеряла свой сюрреалистичный шарм.

– Отпусти, – в третий раз повторил он. – Не свалюсь.

– Свалишься – оставлю лежать тут.

Наруто неуверенно разжал руки, и Саске покачнулся, но, цепляясь пальцами за шершавую стену, устоял. По бледным губам скользнула победная усмешка, чтобы тут же пропасть в несдерживаемой гримасе боли.

– Тебе домой надо.

– Пф, – фыркнул Учиха, намекая на догадливость парня.

– Давай провожу.

– Мы не на свидании, Узумаки, – скривился Саске, отлипая от стены.

Учиха не был уверен, что ноги выдержат, но упрямо сунул руки в карманы и направился по знакомой уже дороге. Благо жил он недалеко… голова, наспех склеенная слабым обезболивающим, не должна развалиться до подъезда. А там как-нибудь доползёт.

– Не выделывайся, – фыркнул Наруто, пристраиваясь рядом.

Узумаки видел впереди, как минимум, одно серьёзное препятствие: широкую дорогу, через которую адекватному человеку иной раз перейти было трудно, не то что этому шатающемуся от каждого порыва ветра идиоту.

– Ты достал, – выдохнул Саске, но спорить не стал, поняв, что он не отстанет, а сотрясать воздух было слишком трудно: слова отзывались тупой болью в затылке.

Наруто шёл следом за Учихой молча, стараясь не напоминать о своём присутствии. Он лишь изредка косился на парня, когда того начинало заносить слишком сильно, но кидаться и хватать его под руку тоже не спешил, рассуждая так: «Упадёт – значит подниму».
Тут не было глаз студентов, не было тех, кто готов был смеяться над слабостью другого. Жестоки не только подростки. Взрослые ничуть не милосерднее…

– Магазин, – предупредил Саске, прежде, чем свернуть налево.

Узумаки недоверчиво покосился на вывеску: «Всё для охоты». Зачем туда ему? Решил купить ружьё и уподобится одному известному рок-музыканту?
Наруто прыснул от своих далеко не радужных мыслей и выжидающе замер у кассы.
Продавец заинтересованно смотрел на двух парней, один из которых покупал моток верёвки, скотч и сухой керосин. Странный набор… но выложенные за товар деньги отбивали всякое желание проявлять любопытство. Молодёжь сейчас не поймёшь.

– Зачем тебе это? – выйдя из магазина, спросил Узумаки.

Учиха лишь тряхнул головой, вновь вытаскивая из кармана две таблетки и засовывая их в рот.

– Тебе не много таблеток?

– Ты задолбал, – вновь повторил Саске, сворачивая в небольшой двор, пропахший кошками, подвалом и почему-то запахом бензина.

Наруто нахмурился. Это место явно не походило на частный сектор, где жил Учиха.

– Ты переехал?

– Да, – честно ответил Саске, открывая кодовую дверь подъезда. Пальцы слушались туго, но на кнопки худо-бедно попадали.

– Заходи.

– Зачем? – на этот раз Узумаки замер у входа, недоверчиво косясь на парня.

– А ты домой собрался? Пару ты всё равно уже пропустил. Хочешь домой к родителям?

Это длинное предложение выбило всякие остатки сил из и без того потрёпанного организма, и Учиха мысленно попросил Наруто не выпендриваться и поскорее зайти в чёртов подъезд.
Наверное, сила мысли возымела действо, и Узумаки нерешительно вошёл внутрь.
А следом за ним зашла Белокожая.
Саске вздохнул, закрывая за собой дверь.
Она пришла.

Глава 6. Running up that hill.

"And if I only could
Make a deal with God
And I'd get him to swap our places
Be running up that road
Be running up that hill
Be running up that building
If I only could"
Placebo – Running up that hill

«И если бы я только мог
Заключить сделку с Богом,
Чтобы мы с тобой поменялись местами.
Бежать по этой дороге,
Взбежать на вершину этого холма,
Взобраться на самый верх этого здания –
Если бы я только мог».

Стоило Наруто оказаться внутри тёмного коридора, как в лицо пахнуло странным холодом, который бывает лишь в нежилых квартирах.
Узумаки опасливо огляделся, раздумывая: снять ли ему кроссовки или же последовать примеру Учихи, который прямо в обуви прошёлся на кухню и уже гремел там стаканами. Помявшись на пороге ещё пару минут, Наруто скинул сумку у стены и всё же стянул обувь, оставшись в тонких носках. Холод тут же пробрался по ногам выше, заставляя поморщиться. Дома было уютнее, а здесь даже эта мелочь казалась каким-то специальным знаком. Словно даже пол говорил ему: «Уходи, тебе здесь не место».
Но Узумаки упрямо направился за Саске.
Кухня оказалась небольшой, но светлой, хотя Учиху, возившегося с бутылкой чего-то белого и явно алкогольного, это мало волновало.

Усевшись на стул и поджав под себя ноги, Наруто принялся осматриваться, замечая развесистые гирлянды паутины по углам и какие-то жёлтые пятна на потолке:

– Ты теперь живёшь здесь?

Саске даже повернулся, чтобы смерить странным взглядом парня. Этот вопрос был таким же нелепым, как и все слова, что вылетали изо рта Узумаки. Учиха практически привык к этому, но всё ещё ловил себя на мысли о том, что иной раз Наруто напоминал ему ребёнка, который будет болтать о чём угодно, лишь бы заполнить тишину.
Узумаки и сам понял, что вопрос прозвучал глупо: ведь у дверей он увидел ещё одну пару обуви Саске, а на ручке шкафа небрежно висела его же куртка.

– Почему из дома ушёл? – вновь задал вопрос Наруто, надеясь, что на этот получит что-то более информативное, нежели косой взгляд.

– Достали, – коротко буркнул Учиха, и было непонятно то ли он говорил о домашних, то ли обо всех в целом.

Саске подхватил бутылку и, зажав два стакана в свободной руке, направился вон из кухни. Узумаки неохотно опустил согревшиеся ноги на холодный пол и проследовал за ним в более просторную комнату, в которой мебели не было вообще: лишь тонкий матрас у стены да ноут.

– Э-э-э, – протянул Наруто, осматривая «богатую» обстановку. – Как ты здесь жить собрался?

– А что тебя не устраивает? – бесцветно отозвался Учиха, опускаясь на матрас и наполняя стаканы прозрачной жидкостью.

– Ну… мебели тут совсем нет. Вообще ничего нет, – растерянно почесал в затылке Узумаки.

Взгляд Наруто был теперь направлен на стремительно

наполняющиеся стаканы, и что-то внутри подсказывало – ему придётся это пить.

– А что нужно? – поднял брови Саске.

– Диван хотя бы… или раскладушка. Светильник там какой… картину на стену.

– Зачем? – тонкие губы изогнулись в кривой усмешке.

– Надоел своим зачем, – фыркнул Узумаки, опускаясь на матрас напротив парня. – Все обставляют своё жилье. А у тебя тут пусто, как в склепе.

Учиха внезапно рассмеялся, сгибаясь пополам. Смеялся он странно: почти беззвучно, с редкими хриплыми смешками. Только спина вздрагивала.
Наруто даже начал беспокоиться, что Саске вновь стало плохо, но тот внезапно резко оборвал странный смех и с совершенно серьёзным выражением лица выпрямился.

– Ты всегда живёшь так, как многие? – прищурившись, спросил Учиха.

– Что ты имеешь в виду? – встрепенулся Узумаки, понимая, что игра вновь началась. И вновь выйти проигравшим он не хотел.

Вместо ответа Саске подставил к Наруто стакан полный наполовину, а сам взял второй:

– Пей.

– Я что-то не хочу, – поморщился Узумаки.

– Пей.

– Учиха, – тяжело вздохнул Наруто, закатывая глаза, – ты понимаешь выражение «не хочу»? Не всё должно быть по-твоему…

– Пей, – как-то жёстко повторил Саске и добавил: – Или проваливай.

Повисла тишина. В ней было слышно, как в ванной медленно капает вода из хлипкого крана, как крупные капли дождя с порывами ветра бьются в стекло лоджии.
Парни молча сверлили друг друга взглядами. И если у Учихи он был тяжёлый и слегка одурманенный недавним приступом, то у Узумаки взгляд был упрямый донельзя.
Игра. Вновь эта глупая игра. Наруто мысленно ругнулся. Выпить – проиграть, а пытаться спорить – взять свою гордость и свалить из этого… склепа.

– Я не буду пить, – тихо выдохнул Узумаки. – И тебе бы не советовал.

– А ты мне кто? – усмехнулся Саске. – Ты человек, который живёт по чужим правилам, делает так…

Учиха замолчал, чтобы улыбнуться особо брезгливо и насмешливо:

– Так, как надо. Как делают другие. И пытаешься влезть мне в душу?

– Я никуда не лезу, – терпеливо выдохнул Наруто. – Ты просто вбил себе в голову, что жить как все – это обязательно плохо.

– А это хорошо? – нахмурил лоб Саске. – Жить по чужим планам, обставлять свою квартиру разноцветным хламом, и им же забивать свою голову, жизнь…

Эта странная волна философии, что нахлынула на Учиху, казалась Узумаки какой-то неестественной, словно тот пытался завести спор ради спора. Вывести из себя Наруто, показать ему, ткнуть носом в то, что его жизнь полное дерьмо.

– А хорошо, как ты? – выпалил Узумаки, чувствуя, как злость заливает щёки лёгким румянцем. – Хорошо бросать семью и посылать всех лишь потому, что ты настолько слаб, что даже не

можешь держать своё лицо на людях?

Вновь тишина. Но она продлилась недолго. Звонкий удар, и Наруто отлетел с матраса на холодный пол. Парень, лёжа на холодном полу и чувствуя, как на щеке расползается обидный жар, не сразу понял, что произошло. А когда понял – было поздно. Кто-то перевернул его на спину и придавил грудь коленом, руками впиваясь в запястья и вдавливая их в пол.

– Что ты сказал? – прошипел Саске, чьи глаза теперь странно мерцали на бледном лице.

– Ты совсем?

– Ты назвал меня слабым? – прошипел Учиха, сильнее надавливая острым коленом на грудь Узумаки.

– Да. Потому что ты бежишь ото всех, – с трудом выговорил Наруто. Дышать было тяжело и больно, поэтому парень начал вырываться. – Ты не можешь быть рядом с кем-то, потому что не можешь казаться сильным. Ты слабый…

Ещё один удар пришёлся мимо: Узумаки вовремя отодвинул голову, и кулак Учихи впечатался в пол, отчего тот зашипел и тут же был сброшен.

– Сильные так не поступают! – вскочив на ноги, выпалил Наруто, смотря, как Саске медленно поднимается.

– Как? – хрипло выдохнул тот.

– Не бросают родных. Ты ведь сбежал из дома, – обличительно выпалил Узумаки. – Ты бросил семью… а тяжело не только тебе.

На этот раз Учиха не пытался ударить кулаком. Он всем корпусом бросился на Наруто, сбивая его и сильно ударяя спиной о стену.

– Ты зол, потому что я говорю правду, – прохрипел Узумаки,

пытаясь отцепить цепкие пальцы от своих ключиц. Было больно, но злость наполовину глушила это.

– Заткнись…

– Ты слаб, признай… ты же знаешь это…

Наруто вывернулся, но тут же был вновь прижат к стене, а Саске на этот раз впился пальцами в горло, сжимая. В этот миг Узумаки действительно испугался. По телу пробежала холодная дрожь, руки сами ухватили Учиху за запястья, рот раскрылся, втягивая воздух и не в силах пропихнуть его дальше.
Было невозможно вздохнуть, в глазах уже начали плыть чёрные точки, как вдруг Саске сам разжал пальцы, мешком валясь на пол.
Наруто упал на колени следом, кашляя и пытаясь вдохнуть побольше воздуха, захлёбываясь им и давясь.

– Придурок, – прохрипел едва слышно Узумаки, глядя на лежащего рядом парня. Ему было явно хуже.

Неестественно выпрямившееся тело, скрюченные пальцы, которые беспомощно скребут ногтями по полу, закатившиеся глаза и какое-то застывшее лицо. Учиха дышал слишком часто, быстро и тяжело через нос, зубы же были плотно сомкнуты под слегка раскрывшимися губами.
Наруто вновь стало не по себе.
Он подполз ближе к Саске, понимая, что это что-то вроде эпилепсии. Он видел такие приступы в кино… но там рядом всегда обнаруживался опытный доктор или добрый волшебник…
Ни тем, ни другим Узумаки не был. Поэтому он переложил голову подрагивающего парня к себе не плечи, упёрся спиной в холодную стену и опустил руку на прохладный и липкий лоб Учихи. Бесполезные жесты, бесполезное копошение, но мама всегда делала так, когда у того поднималась температура. Хотя… это и температурой назвать нельзя.
Собственное сердце билось часто-часто, пугливо замирая, когда Саске слишком резко вздрагивал, скрючивался и хрипло

втягивал воздух сквозь намертво сжавшиеся зубы.

– Что я могу сделать? – в пустоту спросил Наруто, вновь не понимая себя. Пару минут назад его чуть не придушили… а сейчас он даже не злится на этого… придурка. Почему? Нашёл оправдание в болезни? Вряд ли.

Прикрыв глаза, Узумаки прислонился затылком к стене. Мысли ворохом копошились в голове, мешая ясно думать. Возможно, если бы не они, тот вспомнил бы, что нужно делать в таких случаях, ведь когда-то эти знания точно были в голове… Хриплый, но ровный вдох заставил Наруто вздрогнуть и уставиться на открывшего глаза парня. Учиха смотрел вполне осознанно, но глаза были всё ещё мутноватыми и невидящими, хотя губы уже кривились от накатывающей злости.

– Ты как? – тихо спросил Узумаки.

– Руки убери, – прошипел Саске, переворачиваясь на бок и сползая на пол.

Учиха кое-как поднялся и опёрся рукой о стену, ибо его нещадно шатало. Хотелось побыстрее лечь на матрас, но липкое от холодного пота тело раздражало едва ли не больше, чем присутствие Наруто здесь.
Оглядевшись, Саске заметил чудом не перевернувшийся из-за их драки стакан водки и, подняв оный, залпом осушил.

– Может, тебе лучше чая?

– Плевать, – выдохнул Учиха, понимая, что Узумаки в чём-то прав и эта обжигающая жидкость, упавшая горящим комом в пустой желудок, явно не прибавила ему радости.

Наруто поднялся, подходя ближе к Саске, и замер, не зная, что сказать. То, что произошло, выбило из колеи обоих, заставив забыть, что всего пару минут назад они были готовы грызть друг другу глотки. Сейчас это казалось неважным, словно с этой стычки прошло три года, а не пятнадцать минут. Осознание того, что Узумаки стал невольным свидетелем того,

чего видеть ему было совершенно не нужно, тяжёлым камнем придавило грудь. Учихе было стыдно и противно. Стыдно за то, что несколько минут назад представлял собой вздрагивающую кучу мяса и костей, жил и хрящей, которую и человеком-то назвать сложно. Противно от того, что Наруто видел это… более того, пытался что-то неумело сделать, сгладить приступ. В груди сжалось от злости на самого себя за то, что позволил… позволил приблизиться к тому, что пытался всеми силами спрятать. Узумаки был прав: легче, когда никто не видит. Ведь, чтобы держать маску на лице, нужно много силы. А он слабый. Ничтожество.
Саске хотел было открыть рот, но Наруто опередил его:

– Я, пожалуй, пойду.

Учиха так и не повернулся, чтобы проводить парня хотя бы взглядом. Он стоял неестественно ровно, что было невыносимо трудно из-за ноющих мышц, но не мог ничего с собой поделать, будто невидимый кукловод до упора натянул нити.
Лишь когда входная дверь хлопнула, Саске опустился на матрас, выдыхая. Рука сама потянулась к стакану, но замерла, когда взгляд упал на упаковку таблеток. Не стоит мешать это всё вместе…
Плевать.
Обжигающая жидкость вновь ободрала горло.
Он позволил Узумаки подобраться слишком близко и сейчас понимал – зря. Это не поможет, это не удержит здесь. Наруто был другим, он был из мира живых, куда теперь путь для Учихи был заказан.
Он подтянул бутылку ближе, облокотившись спиной о стену и вперившись взглядом куда-то в центр комнаты, где уже стояла его старая знакомая.
Саске усмехнулся.
Наверное, такой и бывает смерть…

***

Узумаки в очередной раз посмотрел на пустующее место у окна. Учиха не появлялся в институте уже неделю, телефон его отвечал лишь долгими гудками, а смс-ки уходили будто в

никуда. Бить тревогу Наруто начал далеко не сразу, вспоминая тот неприятный эпизод.
Вроде бы ничего страшного не произошло: подумаешь, Саске стало плохо. Этого ведь и стоило ожидать, но у Узумаки было такое чувство, будто бы он стал свидетелем чего-то недозволенного, личного, что прячут за глухими дверьми или в тёмных шкафах.
Наруто вновь посмотрел на пустое место и заставил себя отвести взгляд, мысленно выругавшись. Он вновь достал телефон. Пряча его под партой, быстро набрал привычные уже слова:

«Ты где?!»

И отправил смс.
Взгляд Узумаки скользнул по экрану, ожидая ответа от Учихи, но спустя пять минут со вздохом разочарования парень вновь убрал телефон в карман.
Ответа не было и спустя: три часа, день, пять дней…
В конце второй недели Наруто не выдержал. Теперь вместо долгих гудков в телефонной трубке раздавался приятный женский голос, который оповещал его о том, что абонент временно недоступен…
И этот голос с каждым часом всё сильнее и сильнее нервировал парня, заставляя то и дело поглядывать на экран телефона, ожидая хоть какого-то знака.
Это ожидание, запертое в собственной грудной клетке, больно щекотало нервы своими длинными жгучими щупальцами, которые больно дёргали сердце каждый раз, когда кто-то другой присылал смс или звонил.
Очередная переливчатая трель заставила Узумаки быстро схватить сотовый и судорожно нажать на иконку нового сообщения. Взгляд быстро скользнул по имени отправителя, и сердце пропустило удар. Внутри расползлась уже привычная, но от того не менее отвратительная пустота. Вновь не Саске.
Это была массовая рассылка, оповещающая студентов о том, что сегодня вечером состоится вечеринка в порту по случаю начала учебного года.
Наруто привычно тут же удалил этот ненужный спам. Идти куда-то одному ему не хотелось и уж тем более быть среди них

белой вороной, которая переметнулась на сторону Учихи, отбившись от стаи.
Узумаки тяжело вздохнул, поглядывая на часы. До окончания пары было около часа, но в голове назойливо крутилась одна и та же мысль, а к ней примешивалась ещё другая. Она угольком разжигала таившееся в груди волнение, заставляя сердце замирать.

***

Наруто едва дождался окончания пары. Давно было понятно, что время, когда ты чего-то очень сильно ждёшь, будет тянуться назло долго и нудно. И этот раз не стал исключением.
Парень то и дело поглядывал то на монитор телефона, положенного на парту, то на преподавательницу, в надежде, что она отпустит их пораньше. Но чуда не случилось, и их задержали ещё на пятнадцать минут.
Он не успеет…

***

Узумаки буквально влетел в тёмный подъезд, радуясь, что кодовый замок давно был сломан и теперь дверь подпирал кирпич. Напрягая память, Наруто не сразу нашёл нужную квартиру, замерев на несколько секунд перед двумя похожими друг на друга дверьми, но всё же решился постучать в более-менее соответствующую его воспоминаниям.
Рука замерла над деревянной поверхностью.
Он давно должен был сюда прийти и проверить всё сам, а не терзать чёртов мобильник…
Сердце билось где-то в висках, тело обдавало холодом.
Наруто постучал три раза, выждал пять минут, позвонил в, кажется, неработающий звонок, но никто так и не ответил.
Сердце пропустило удар.
А что если он опоздал, и Саске давно уже…
…Нет.
Узумаки в порыве волнения толкнул дверь, и та, к его удивлению, с тихим скрипом открылась, ударившись о стену коридора.
Он замер на пороге, чувствуя неприветливое дыхание чужой

нежилой квартиры.

– Учиха? – позвал Наруто, осторожно переступая порог, словно невидимый дух-хозяин этого жилища вот-вот вцепится чужаку в ногу.

Но никаких духов здесь не было… лишь в открытое настежь окно врывался холодный ветер и вздувал блёклые занавески на кухне, делая их похожими на призрака.
Парень с замиранием сердца прошёл дальше, ведя рукой по стене, будто желая удержаться за эту слегка шершавую грань.

– Саске? – позвал Узумаки вновь, повышая голос.

Наруто замер у комнаты, в которой видел матрас. Её дверь была слегка прикрыта, и он не сразу увидел то, что было в ней. Но когда увидел, сердце вовсе, кажется, перестало биться от смешанных чувств…

Глава 7. Fuck u.

"There's a look on your face I would like to knock out
See the sin in your grin and the shape of your mouth
All I want is to see you in terrible pain
Though we won't ever meet I remember your name"
Placebo – Fuck u

«У тебя такое выражение лица, что мне хочется дать тебе меж глаз.
В очертаниях твоего рта, сложенного в гримасу ухмылки, виден грех.
Всё, что я хочу, – увидеть тебя корчащимся от боли.
Хотя мы больше не встретимся, я не забуду твоё имя».

Узумаки удивлённо замер в дверях, придерживаясь рукой за косяк.
Комнату заполнял какой-то бледный неживой свет и промозглый осенний воздух, льющийся из открытого настежь окна. Здесь было даже холоднее, чем на улице, и парень невольно поёжился, скользя взглядом по стенам, которые были испещрены какими-то надписями и чёрточками, и натыкаясь на Учиху.

– Саске, – тихо выдавил из себя Наруто, подходя к матрасу. Он всё ещё не мог понять, что здесь происходит, но в груди холодело от самых плохих догадок, что назойливо крутились в голове.

Учиха лежал неподвижно, совершенно не реагируя на пришедшего гостя.
Подходя ближе, Узумаки наткнулся ногой на бутылки, что со звоном раскатились по полу, но Саске так и не открыл глаза, и Наруто надеялся, что тот всего лишь мертвецки пьян.
Опустившись на пол рядом с матрасом, парень потрепал Учиху

за плечо, которое оказалось мягким. Он не был медиком, но что-то ему подсказывало, что у трупов тело должно быть твёрже или должен был появиться хоть какой-то запах, что ли. Узумаки пробежал взглядом по лицу Саске, ища отметины, но тут же одёрнул себя и выругал за дурацкие мысли.

– Учиха, – уже громче позвал Наруто, сильнее теребя того за плечо и раздумывая, не заехать ли ему хорошенькую пощёчину.

Ноль реакции.
Узумаки выругался, нерешительно прикладывая два пальца к холодной шее Саске, в надежде почувствовать подушечками биение пульса.
Оно было.
Но не успел Наруто облегчённо выдохнуть, как раздался тихий хриплый голос:

– Какого хера ты меня лапаешь?

Узумаки перевёл взгляд на лицо парня и встретился с тяжёлым, сонным взглядом. Он убрал пальцы от шеи Учихи и, стараясь не выказывать облегчения тем, что перед ним не труп, выпалил:

– Какого хера ты в институте не появляешься?

– А где взаимосвязь с моей шеей? – поморщился Саске, садясь на матрасе и облокачиваясь спиной о стену.

– Ты вообще нормальный? Я до тебя дозвониться пытался, писал тебе…

– Телефон умер, – кивок на валяющийся на полу мобильник. – Зачем я тебе нужен был?

Учиха говорил спокойно, но было слышно, что язык плохо слушается хозяина, а лёгкий запах спиртного, которым, похоже, Саске пропитался насквозь, прояснял, что было тому причиной. Наруто зло фыркнул. Он волновался, звонил и писал, словно какая-то влюблённая школьница, обрывающая телефон предмету своего обожания, а этот…

Узумаки даже поднялся, но в нерешительности замер. Первым порывом было – уйти к чёртовой матери из этой треклятой квартиры, хлопнуть дверью и оставить этого придурка подыхать в гордом одиночестве, но он прекрасно понимал, что позднее будет корить себя за этот детский поступок. А возвращаться во второй раз было совсем уж глупо.
Поэтому Наруто упёр руки в бока и выпалил:

– Нужен был и всё тут.

Учиха вопросительно поднял брови, усмехнулся:

– Думал, что я подох уже?

Узумаки почувствовал, как жар бросился в лицо, а уши, кажется, начали предательски алеть, и тряхнул головой:

– Ничего я не думал.

Каким же ребёнком он был…
Наруто раздражённо куснул нижнюю губу, понимая, что выглядит сейчас последним истеричным идиотом, который пропажу знакомого расценивает, как неминуемую гибель. Во всяком случае Саске мог куда-то уехать, забыть или, в конце концов, потерять мобильник. А он, Узумаки, надумал себе невесть чего.

– Значит, думал, – довольно кивнул Учиха, подтягивая к себе полупустую бутылку чего-то тёмного. – Волновался, да?

Взгляд Саске стал каким-то ядовито-пронзительным, а губы вновь кривились в подленькой улыбке, которую Наруто уже ненавидел.

– Что ты с комнатой сделал? – решил перевести тему Узумаки, указывая на исписанные стены. – Зачем это?

– Современный дизайн, – хмыкнул Учиха, прикладываясь к горлышку бутылки и делая большие, жадные глотки.

– Хозяйка приедет – убьёт тебя, – выдохнул Наруто, радуясь, что тема с его бесполезным волнением постепенно уходит на второй план.

– Не напугал, – Саске отставил опустевшую бутылку, утирая губы. Он слегка морщился, а запах алкоголя лишь усиливался.

– Ты опять пьёшь.

– Ты опять истеришь, – парировал Учиха, поднимаясь. Он опёрся рукой о стену и замер, словно привыкая к новому положению тела.

– Да иди ты, – фыркнул Узумаки, отступая назад и налетая ногами на ворох пустых бутылок. Они со звоном раскатились по голому полу в разные стороны, и отчего-то парень вновь начал злиться.

– Тебе вообще на всех насрать? – прищурился Наруто.

Саске поднял глаза, смерил взглядом Узумаки и каркнул:

– Да.

Наруто замер. Он знал, что да, но не думал, что Учиха ответит настолько прямо и ровно, как будто это было само собой разумеющееся дело. Люди часто пытаются юлить, казаться лучше, чем они есть, выдавать свои дрянные мысли за золото или же делать из себя прижизненно святых. А вот Саске говорил прямо… и это выбивало из колеи.

– А на себя? – задал ещё более глупый вопрос Узумаки и сжал руку, впиваясь ногтями в ладонь. Что за чушь он несёт…

– Тебе какое дело? Ты записался в добровольцы?

Учиха обошёл парня и направился на кухню. Поразмыслив, Наруто двинулся за ним, останавливаясь в дверях и следя, как тот закуривает. Читать лекции о вреде курения умирающему Узумаки показалось совсем уж абсурдным, и он смолчал, лишь

недовольно поморщившись:

– А других вариантов ты придумать не можешь?

– Каких, например?

Саске повернулся к Наруто и выжидающе поднял бровь, затягиваясь.

– Ну… – Узумаки стушевался, следя, как белое облачко дыма поднимается к потолку и тает.

– Ну? Ты мне в любви решился объясниться? – прыснул Учиха, стряхивая пепел прямо на пол.

– Нужен ты мне больно, – фыркнул Наруто.

– Так какого хрена ты за мной таскаешься?

Вопрос, который Саске уже задавал в кабинете декана, но другими словами, вновь вызвал внутри Узумаки странное ощущение потерянности. В голове роились какие-то слова, какие-то обрывки мыслей, которые при желании можно было сложить в полноценный ответ, но всё это было не то. Он не знал тогда и не знал сейчас:

– Я же говорил… я не хочу другого.

Учиха нахмурился, явно не удовлетворённый таким странным ответом. Он смерил Наруто долгим, пронизывающим взглядом, в котором было появившийся интерес быстро угас. Саске отвернулся от него, вперившись в окно:

– Как хочешь.

Теперь хмурился уже Узумаки. Что это было?

«Как хочешь».

Ему разрешили влезать в чужую жизнь? Разрешили быть здесь

и приходить? Подпустили ближе? Или же просто отмахнулись, как от назойливо тявкающей шавки, которую, в конце концов, легче приласкать, чем каждый раз посылать на место: всё равно не поймёт и будет тявкать дальше.

– У тебя еда есть?

Учиха лишь выпустил облако дыма в стекло, наблюдая, как оно причудливо расползается в стороны.
Не дождавшись ответа, Наруто направился обратно в комнату, где спал Саске. Взгляд сразу зацепился за исписанные обои, но он заставил себя схватить валяющуюся на широком пластиковом подоконнике зарядку и поднять с пола телефон. Узумаки не хотел знать, что было написано на этих стенах. Просто не хотел. Эти надписи были сделаны явно не в лучшем состоянии и писались не под диктовку здравого разума… Вернувшись на кухню, Наруто поставил телефон Учихи на зарядку и под безразличным взглядом того пояснил:

– Раз тебе моё присутствие «как хочешь», то будь добр заряжай телефон. И я буду приходить реже.

В ответ – пожатие плечами.
В следующую минуту запиликал свой собственный телефон, и Узумаки удивлённо нажал кнопку приёма вызова:

– Да?

– Наруто?

Голос был знаком настолько, что сердце пропустило удар.

– Сакура? – промямлил Узумаки, стараясь звучать как можно спокойнее.

– Я… я не вовремя?

– Не-е-ет! – протянул Наруто, оглядываясь на застывшего у окна Саске, который закуривал вторую сигарету. – Ты что-то хотела?

Небо! Придурок! Она, конечно, что-то хотела, раз звонит! А теперь это прозвучало так, будто бы он хотел побыстрее избавиться от ненужного собеседника. Парень едва не хлопнул себя по лбу, отворачиваясь от Учихи.

– Да… тут вечеринка в порту. Ты же знаешь?

– Да, – выдохнул Узумаки. – Смс приходило…

– Ты пойдёшь?

Руки начали медленно дрожать, а ноги показались какими-то ватными. Пригласить или нет? Возможно, она не для этого звонит вообще… а просто проверяет сколько народу там будет.

– Я… я ещё не знаю, может быть, да. А, может быть, нет, – замялся Наруто, прислоняясь лбом к кафелю.

– М-м-м, понятно, – голос Сакуры прозвучал как-то грустно и глухо. – Ну, хорошо тогда… если ты не пойдёшь… я просто хотела тебя пригласить…

– А!

Узумаки выпалил это так громко, что девушка на том конце провода, похоже, вздрогнула от неожиданности.

– Я пойду!

– Точно?

– Да-да!

– Хорошо. Тогда зайди за мной в восемь. Карин уходит позже, а мы с тобой пораньше выйдем. Она же на машине…

– Да. Хорошо. Договорились, – торопливо выпалил Наруто и попрощался, убирая телефон в карман.

Сердце билось как-то радостно, но при взгляде на мрачного Саске парень как-то сник.

– Ты теперь мальчик по вызову? – проговорил Учиха, задумчиво глядя на очередной окурок, зажатый в пальцах.

– Это называется свидание! – назидательно выпалил Узумаки. – Люди ходят на них вообще-то.

– А мне кажется ей просто не с кем пойти, потому что её парень не ходит на такую детскую херню.

– Ничего ты не знаешь, – шикнул Наруто, понимая, что ещё немного и прекрасное настроение будет убито.

Внезапно его как громом пронзило. Время! Клуб! Надо успеть съездить домой, переодеться…

– Да, я ничего не знаю, – усмехнулся Саске, спрыгивая с подоконника. – Ну беги, мальчик. Может, что и перепадёт…

Узумаки хотел было что-то ответить, но отмахнулся и буквально бегом направился к выходу. Сердце всё ещё билось быстро, а руки дрожали от приятного волнения.

***

Люди одиноки. Одиночество не приходит одно, как бы оно не хотело. Оно приносит на своих костлявых плечах меланхолию и страх. Страх оказаться настолько пустым, что эта самая пустота поглотит тебя же, стоит остаться одному.
Одиночество бывает разным: светлым, чёрным, тоскливым или пьяным. Каждый из нас выбирает своё собственное, а потом наслаждается им или же страдает от него.
Саске и не наслаждался вынужденной изоляцией, и не страдал от неё. То, что спустя неделю его исчезновения брат, мать или отец перестали разрывать его телефон бесчисленными звонками, вызывало у него лишь кривую усмешку. Учиха вновь убедился в своей правоте: люди никогда не будут рядом. Они никогда не сдержат своих обещаний…

Быть рядом до конца.
Пустые слова.
А не он ли ушёл из дома?
Этот факт воспалённое сознание упорно игнорировало, заталкивая поглубже и прикрывая алкогольным дурманом.
Обида росла и крепла… он бы набрал номер и высказал всё Итачи, но телефон вскоре разрядился и потух.
Наступила тишина.
Но это было ещё за четыре дня до того, как в его квартиру пришёл Узумаки, принеся с собой шум, голос и присутствие живого рядом.
Белокожая исчезла на время, недовольно хмурясь на нового гостя. Она не хотела делить свою игрушку с другим… с тёплым и живым.
Саске почти не понимал, что ему пытается сказать Наруто, поэтому обходился какими-то общими фразами, какими-то расплывчатыми ответами…
Таблетки давно кончились, а боль только усиливалась. Иногда казалось, что голова развалилась и вместо неё уже сплошной комок боли, но, обхватив её руками, Учиха чувствовал твёрдый череп, скрытый под лихорадочно горячей кожей.
Ему нужны были лекарства, но он упрямо не звонил Орочимару, запивая боль спиртным, а потом кончились деньги.
Последняя пачка сигарет, кажется, отделяла его от верёвки, намотанной на люстру. Хотя эти мысли вызывали смех: зачем тому, кто одной ногой за гранью, толкать себя же под зад?
Саске выдохнул.
Он разрешил этому придурку быть рядом… так хотя бы не слышно голоса, назойливого и громкого, что раздаётся в собственных мыслях, путая их и делая липкими, неподвижными.
А теперь вновь тишина…
Учиха так и остался стоять в кухне, усмехаясь своим мыслям.
И этот такой же.
Стоило поманить…
Он хмыкнул, вытаскивая из кармана пачку сигарет, но закурить не успел: телефон оповестил о новом смс.
Обычно Учиха их не читал, но в этот раз отчего-то открыл сообщение и пробежался взглядом по сухим строчкам текста, который, видимо, рассылали всем студентам массовым

сообщением. Каким чудом он попал в этот список оставалось лишь гадать.
Саске хотел было привычно швырнуть телефон в сторону, но в голове щёлкнуло.
Вечеринка.
Она там будет.
Засунув пачку сигарет обратно в карман, Учиха прошёл в зал, подхватывая с пола лёгкую кожаную куртку, а из угла поднимая слегка пыльный рюкзак.
Он провёл рукой по стене, чувствуя её шершавость и почти зная, что под пальцами сейчас скользят надписи.
Если бы Узумаки вчитался в них… то не бежал бы так быстро.
Саске знал: такие, как Наруто, попробовали бы его остановить любой ценой.

«Убей…» «Убей…» «Убей…» «Убей…»
«Она…»
«Убей…»

***

Карин долго вертелась перед зеркалом.
Своё отражение нравилось девушке во всех проявлениях: хоть в короткой юбке, хоть в обтягивающих джинсах и яркой блузе, хоть в легкомысленном платьице. Но на вечеринку девушка выбрала блестящий топ с открытой спиной и короткую тёмно-синюю юбку с чёрным ремешком. Последним штрихом были такие же синие сапожки и кожаная куртка яркого оранжевого цвета.
Лишь не уважающая себя девушка отправится на первую вечеринку в учебном году в потёртых джинсах и какой-то растянутой футболке. Ведь от сегодняшнего вечера зависит весь учебный год. Конечно, не в плане отметок, но общение для Карин играло одну из главных ролей в институте…
Закинув сумочку на плечо, девушка замкнула квартиру и быстро спустилась вниз.
Верный красный «жук» стоял у подъезда, вызывая гневные возгласы любителей выгуливать своих питомцев, мол, дорогу им перегораживал. На это Карин привычно не обращала внимания. Ну, побухтят и перестанут.

Сигнализация пискнула, оповещая о том, что машина готова принять в себя тело своей хозяйки.
Девушка отчего-то замешкалась у двери, роясь в сумочке, а в следующий момент чьи-то руки довольно жёстко обхватили её за талию.

– Эй, – выпалила она, пытаясь было вырваться, но тихий хриплый голос, раздавшийся у её уха, заставил Карин сжаться.

– Тихо. Я поведу.

– С-Саске? – выдохнула девушка, крепче сжимая сумочку.

Сколько времени она мечтала об этом эпизоде – не счесть, но сейчас сбывающаяся мечта отчего-то казалась ей ночным кошмаром.

– Садись.

Её мягко подтолкнули и провели к пассажирскому месту, галантно открыли перед ней дверь и позволили забраться внутрь.
Учиха закрыл дверь и сам занял место водителя.
Карин уставилась на парня, хмуря брови и совершенно не понимая в чём дело. Саске выглядел не очень хорошо: осунулся ещё сильнее, а чёрная одежда и иссиня-чёрные волосы лишь подчёркивали какую-то нездоровую бледность. Он никогда не выделялся загаром, но сейчас смотрелся киношным вампиром, лишь клыков не хватает.

– Почему я должна ехать с тобой? – вырвалось у девушки.

Учиха, протянув руку за ключами, смерил её чёрными глазами и проговорил:

– Ты же этого хотела.

Карин застыла, смотря в лицо Саске и не понимая: злая ли это шутка или же он сменил гнев на милость. По его глазам невозможно было прочитать что-либо – чёрные зеркала без

эмоций.

– Ключи.

Она сама не поняла, почему протянула ему связку, но вскоре машина завелась, и Учиха нажал на педаль газа, выворачивая руль.

– Ты тоже пойдёшь на вечеринку?

– Я буду твоей тенью, – как-то расплывчато ответил тот, выезжая на главную дорогу.

Он ехал не быстро, но уверенно, словно давно умел водить, хотя Карин никогда не видела его на «колёсах».

– Слушай, давай без загадок, – выдохнула девушка.

Внутренне её слегка потряхивало от волнения и ещё от одного чувства, которое она не могла сдержать при взгляде на строгий профиль Саске. Что поделать – старая любовь.

– А что ты хочешь узнать?

– Почему ты пришёл ко мне.

– Тебя устроит ответ о том, что я соскучился? – всё так же глядя на дорогу, проговорил Учиха.

– Ты странный, – выдохнула Карин, откидываясь на спинку сиденья.

Она боялась, но отчего-то была уверена, что Саске ей ничего не сделает. Это ведь… наказуемо, да?

– Но за это я тебе и нравлюсь, так же?

Карин смущённо улыбнулась. Та совершенно запуталась в оттенках той безразличности, с которой говорил Учиха.

***

– Мы пришли, кажется, – улыбнулся Наруто, открывая перед Сакурой дверь.

Худенькая девушка в лёгком синем платье казалась ему совершенной, хотя она не разрешала ему делать неуклюжих комплиментов. Наверное, настолько плохими они были. Узумаки одёрнул себя, понимая, что уже несколько минут разглядывает светлые волосы девушки, убранные в незамысловатую причёску, и смущённо улыбнулся.
Они вошли внутрь. Вечеринка должна была состояться на заброшенном складе в порту, где частенько собирались всякие неформалы. Место было глухим, но просторным, как раз для таких студенческих гулянок. А возможность быть пойманными полицией лишь подогревала молодую кровь, воспламеняя в ней алкоголь.
Внутри склада было не так прохладно, как на улице, а к вечеру, когда начнётся веселье, здесь станет вовсе жарко и очень-очень шумно от уже установленных высоких колонок.
Людей пока было мало, но это лишь пока.

– А где твой парень? – задал давно мучающий его вопрос Наруто.

Они с Сакурой остановились у стены, наблюдая за тем, как пока немногочисленная толпа движется, здоровается и смеётся. Заиграла ритмичная музыка, и люди оживились, оглашая склад громкими возгласами.

– Мы поругались, – выдавила девушка, оглядываясь. Она обхватила себя руками и поёжилась.

– Ну, блин, – выдохнул Узумаки, почесав затылок, – бывает… но… помиритесь.

Сакура скосила на него глаза и неопределённо кивнула.

– Может, потанцуем? – Наруто бросил взгляд в сторону парочек, которые уже начали потихоньку сползаться на

танцпол.

– Я, – девушка втянула голову в плечи и закусила губу, – я пока не в настроении… но я бы выпила чего-нибудь…

– Хорошо! – выпалил Узумаки. – Я сейчас принесу.

Наруто, улыбнувшись Сакуре, двинулся в сторону бара, который наспех сколотили из всевозможных ящиков, обвесив подсветкой. Вышло просто, но выглядело довольно стильно. Хотя сейчас парня волновало лишь его содержимое. Приносить девушке алкоголь было как-то странно и неудобно: ещё подумает, что споить хочет, а предлагать сладкую газировку как-то по-детски. Ведь они не на утренник пришли всё же… Узумаки выдохнул, заказывая два коктейля странного ярко-голубого цвета. В нём вроде бы был сироп, содовая и что-то алкогольное. Что именно – Наруто так и не разобрал.

***

– Эй, ты не туда свернул! – выпалила Карин, указывая на пропущенный поворот.

Они уже ехали по порту, лавируя между выстроенными вряд железными контейнерами и ящиками, но поворот к складу девушка точно знала, а Саске сейчас двигался совершенно в другую сторону.

– Туда, – коротко бросил он, выравнивая машину.

Впереди было огромное свободное пространство, заканчивающееся обрывом в море.

– Склад вон там, – упрямо выпалила Карин.

– Я же говорил тебе, чтобы ты не раскрывала рот, – тихо сказал Учиха, сжимая руль и притормаживая.

– Что? – нахмурила лоб девушка. Сердце тревожно ёкнуло.

– Ты меня не послушалась…

– А! Ты о той шутке, – нервно хохотнула та и махнула рукой. – Да забей ты! Все уже забыли!

– Я не забыл.

Двери машины щёлкнули, оповещая о том, что теперь замки закрыты.

– Ты что делаешь? – выпалила Карин, выпрямляясь и заглядывая в лицо Саске: – Ты что задумал?!

– Показать тебе кое-что.

И Учиха нажал на педаль газа, заставляя машину тревожно взвизгнуть.

***

Наруто, проталкиваясь через двигающуюся толпу, шёл в ту сторону, где оставил Сакуру. Двигаться становилось всё труднее: танцующие люди мешались, а грохочущая музыка слегка сбивала ориентиры. Но Узумаки упрямо двигался к цели, стараясь не расплескать содержимое высоких бокалов. Наконец, он буквально вылетел из толпы и замер, пытаясь отдышаться, а потом поднял взгляд на Сакуру и застыл. Улыбка сползла с его лица.
Рядом с девушкой стоял какой-то высокий белобрысый парень в толстовке и драных джинсах. Он явно был спортсменом, а судя по тупой физиономии – спортивные достижения были всем тем немногим, чем он мог похвастаться.
Сначала Наруто показалось, что этот тип пристаёт к ней, но та не выглядела недовольной. Она казалась слегка смущённой, но вполне радостно улыбалась и кокетничала, а потом встретилась взглядом с Узумаки.

– Сакура?

Наруто подошёл ближе, вопросительно глядя на девушку.

– Это ещё кто? – пробасил спортсмен, глядя сверху вниз на Узумаки.

– Мой друг, – быстро вставила Сакура. – Он проводил меня сюда…

Наруто нахмурился.
Проводил?

– Друг?

Спортсмен смерил Узумаки явно недружелюбным взглядом и в ответ получил не менее злой. Всё настроение у Наруто стремительно улетучивалось, и ему хотелось лишь одного: или врезать кому-нибудь, или свалить отсюда подальше.

– Ну, друг, так друг, – припечатал парень, подхватывая Сакуру под ручку и утаскивая подальше от Узумаки.

Девушка напоследок скользнула извиняющимся взглядом по Наруто, но тот лишь хмуро отошёл к стенке, прислоняясь к ней спиной.
Было отвратительно.
А хуже всего было то, что в ушах на повторе звучали слова Учихи.
Узумаки фыркнул, осушая сначала один стакан, а затем другой. Вкуса он не почувствовал, зато алкоголь тут же дал о себе знать, горячим потоком устремившись в желудок.

***

– Саске, притормози! – выпалила Карин, с ужасом глядя, как стремительно увеличивается скорость.

Учиха усмехнулся, и девушке показалось, что он пьян или же не в себе. Парень неотрывно смотрел на дорогу, вдавливая педаль газа в пол.
Карин начала бить нервная дрожь, страх охватил тело, заставляя то биться о дверь, то замирать, в ужасе глядя на

приближающийся конец пристани:

– Саске! Мы же разобьёмся!

– Да, – тихо ответил тот. Голос был совершенно спокоен.

– Ты с ума сошёл?! – закричала девушка, цепляясь за плечо Учихи и пытаясь заставить его свернуть, но Саске лишь отмахнулся, и Карин вновь оказалась у себя на сиденье. Сердце билось где-то в горле.

– Перестань! Я не хочу! Ты не сделаешь этого! – выпалила она все мысли разом, что беспокойным роем мелькали у неё в голове.

– Теперь ты поймёшь…

– Учиха!

***

Наруто, опустив бокал на пол, достал из кармана телефон. Палец машинально пролистал список контактов и остановился на Саске.

«Все бабы – суки», – напечатал Узумаки и отправил смс, зная, что завтра будет жалеть об этой глупости. Но сегодня подогретый обидой и алкоголем мозг отказывался думать о последствиях.

Наруто вновь посмотрел на танцующую толпу, почти сразу же забывая о телефоне.

***

Машина ревела. Она была не рассчитана на такие гонки по ровному асфальту и, казалось, вот-вот должна была пойти на взлёт. Смертельно бледная Карин, вжавшись в кресло, следила за неумолимо приближающимся обрывом. Учиха не успеет затормозить…

Слёзы сами потекли по лицу девушки.

– Прости. Я должна была молчать! – в порыве отчаяния выпалила она, зная, что и это не поможет.

– Поздно извиняться…

– Остановись!

Трель мобильника пришла будто бы из другого мира. Карин удивлённо уставилась на карман куртки Саске, но тут же вновь вжалась спиной в кресло, судорожно дёргая за дверную ручку.
Учиха вздрогнул от этого электронного звука.
Он не хотел заводить всё так далеко…
Парень резко нажал на педаль, выкручивая руль. Машину закрутило, что-то завизжало.
Их пронесло мимо контейнеров, чудом не впечатав в оные, Карин в ужасе вцепилась в кресло, забыв от страха даже кричать.
«Жук» рывком остановился.
Тишина, в которой, кажется, слышно, как бьётся собственное сердце.
Саске уткнулся лбом в руль.
Он не хотел, чтобы всё зашло так далеко. Он чудом успел затормозить, и их чудом же не перевернуло…
Но этот голос в голове…
Учиха разблокировал двери, выходя, прихватил свой рюкзак. Буквально вытащил Карин и, подхватив её под руки, повёл к ближайшему приоткрытому контейнеру.

– К-куда мы идём? – всхлипнула девушка.

– Заткнись, – коротко бросил Саске, заталкивая её внутрь. Она, ударившись спиной о железо, так и осталась стоять там, боязливо косясь в сторону Учихи.

Парень достал из рюкзака верёвку и скотч.

– Что ты собрался делать?! – выпалила Карин, понимая, что лучше бы машина слетела с пирса.

***

Взгляд Наруто зацепился за знакомое светло-синее платье.
Сакура.
На душе вновь заскребли кошки, и Узумаки выругался.
Было противно и больно.
Им воспользовались.
Рука вновь достала телефон, вновь смс, о которой он будет жалеть.

«Каким бы ты мудаком ни был, но ты лучше этих баб», – написал тот с опечатками и отправил.

Саске хотя бы не врёт…

***

Учиха затянул последний узел на руках девушки и ухватил её за волосы, пытаясь заклеить рот. Конечно, она вырывалась… кому такое понравится. Но вскоре всё было сделано.
Её глаза расширились от ужаса, когда в руках Саске появился короткий складной ножик. Карин отшатнулась, громко ударяясь о стенку контейнера.
Голос в голове Учихи набирал громкость.
Руки выглядели чужими… казалось, их держит Она…
Трель телефона эхом разнеслась по железному ящику, ударяя в уши и выдёргивая из оцепенения как раз тогда, когда лезвие уже чертило тонкую красную линию на голом плече девушки.
Саске отшатнулся, роняя нож, и хватился за карман, в котором вибрировал и трезвонил телефон. Это была ниточка, которая вела к осознанности.
Учиха быстро выхватил сотовый, трясущейся рукой снимая блокировку.

«Наруто».

Парень нажал кнопку вызова, отгоняя от себя назойливый голос, требующий продолжить.

***

– Да! – возмущённо выпалил Узумаки в трубку.

– Наруто…

Голос Саске звучал непривычно взволнованно.

– А? Учиха? Я тебя не слышу почти, – перекрикивая шум музыки, проговорил Узумаки. – Сейчас я выйду…

Наруто протолкался к выходу, едва не роняя сотовый на пол и не падая следом. Алкоголь оказался слишком сильным или же Узумаки был слишком слабым.
Наконец, дверь склада захлопнулась за ним, и музыка зазвучала тише и глуше.

– Саске? Алло?

– Наруто…

– Ну чего?! – произнёс Узумаки, ёжась от вечернего холода.

– Красный контейнер… у обрыва… иди сюда или я…

Звонок оборвался, кажется, телефон упал.

– Эй! Учиха!

Наруто удивлённо уставился на мерцающий экран мобильника и пожал плечами. Странный звонок, но делать было нечего: возвращаться в клуб особо не хотелось, а Саске явно требовал его присутствия.
Красный контейнер у обрыва…
Ещё б знать, какой из них красный: в наступивших сумерках было почти не видно…

***

Учиха замер, сжимая отключившийся мобильник. Он так и не

успел зарядиться до конца.
Где-то там, на грани сознания, было знание: Наруто должен прийти. А здесь и сейчас рядом была Карин, которая лишь всхлипывала…
Саске молил Небо, чтобы она замолчала. Один лишь звук её голоса возвращал желание стереть девушку с лица земли. Чужое жадное желание.

***

– Красный контейнер…

Узумаки нахмурился. Таких красных железных ящиков тут было полно, но, похоже, он завидел знакомую машину Карин. Странно… что ей тут делать?

– Саске? – позвал Наруто, подходя ближе.

И застыл.
Он увидел связанную девушку и сидящего у стены Учиху.

– Что за херня? – выпалил Узумаки.

– Развяжи её, – безжизненным голосом потребовал Саске, не поднимая головы.

– Учиха… что тут происходит?

Наруто двинулся в сторону оживившийся при его появлении Карин.

– Ты будешь молчать, – коротко бросил Саске.

– Кто? – недоумевающе спросил Узумаки, но девушка торопливо закивала.

– Иначе я приду. Опять.

Наруто с трудом развязал её руки, отклеил скотч с лица, и Карин тут же выбежала из контейнера. Послышался рёв мотора

и визг.

– Уехала, – непонятно зачем заметил Узумаки, опускаясь рядом с парнем.

– Я хотел её убить, – безжизненно выдохнул Учиха.

Наруто внутренне похолодел:

– Ну… не убил же…

– Почему ты не орёшь на меня, не грозишься заявить? – повернулся к нему Саске.

В темноте Узумаки не видел его лица, но, наверное, это было к лучшему. Наруто хотел было сказать, что это пустяк, но это не было пустяком. Это было бы убийство, если бы он не пришёл…

– Я схожу с ума, – тихо признался Учиха.

– Не сойдёшь.

В ответ лишь скептический смешок.

– Надо сваливать отсюда, – вдохнул Узумаки, поднимаясь и протягивая руку Саске.

Учиха удивлённо посмотрел на неё, но всё же вцепился, не без труда поднимаясь и задерживаясь рядом с Наруто на долю секунды. Лишь чтобы понять – где он? На стороне живых или же его вновь затягивает в мутный мир Белокожей…

– Пойдём.

Узумаки хлопнул парня по плечу, пытаясь взбодрить. Хотя сам прибывал в лёгком оцепенении от признания Саске.

– Я хочу напиться, – признался Наруто, когда они вышли из злосчастного контейнера.

– Но мне же вредно, – нашёл в себе силы ехидно заметить Учиха и только сейчас понял, что до сих пор сжимает ладонь Узумаки в своей. Так было теплее, но Саске поспешно разжал руку и засунул её в карман.

– Я же сказал: «Я хочу». А не ты.

Сделка. Глава 1. Novocain.

"So give me novacaine…"
Green Day – Give me novacaine

«…Дай мне обезболивающее…»

Джиробо был не в духе.
День не задался с утра: то в институте привязались из-за прогулов, то мать позвонила, которой сообщили о его «подвигах» из деканата, а теперь ещё и деньги кончились.

– Надо было тупо пива купить и сухарей, – буркнул он идущему рядом смуглому парню, что неторопливо потягивал что-то из тёмной бутылки.

– Угу, – мрачно отозвался Кидомару. – Здесь не пойло, а газировка одна. И девки какие-то…

– Говорил, надо было на Лысину пойти… а ты всё: клуб да клуб, – пробасил Джиробо, с завистью косясь на бутылку товарища. Свою он осушил минут десять назад, разбив затем о стену какого-то строения.

– Эй… гля.

Они остановились, смотря, как двое людей, держась за руки, выходят из контейнера.

– Это кто? – буркнул Джиробо, щурясь и вглядываясь в тёмные силуэты.

В сумерках видно было плохо, но вскоре незнакомцы вышли на тусклый желтоватый свет фонаря, и толстяк довольно крякнул:

– Ты гля! Учиха с Узумаки.

– Учиха… это тот, что тебя толстяком назвал? – хохотнул Кидомару. – Чего это они тут шкерятся?

Джиробо кивнул, сжимая кулаки. Забытая было обида вновь ударила в голову, заставляя скрипеть зубами и буравить взглядом ненавистный худощавый силуэт.
Он не любил Учиху.
Просто не любил.

– Слышь, а чо они за руки держатся? – прошипел Кидомару, толкая Джиробо в плечо.

Толстяк нахмурил лоб, складывая все составляющие головоломки. Было трудно. Он никогда не был великим мыслителем, а алкоголь сделал своё дело: затупляя то, что затупить ещё больше было практически невозможно.

– Да педики, – фыркнул тот, делая вывод, который его пьяный и не очень сообразительный мозг расценил, как удовлетворяющий всем критериям.

То, что Учиха был мудаком, Джиробо заподозрил ещё на первом курсе, когда Саске отказался от пива с сухариками после пар. Ну не может нормальный пацан отказаться от пива! Да ещё и с сухарями…
Парень довольно крякнул своим мыслям, пьяно ухмыляясь. Ему казалось, что он решил какое-то особо сложное уравнение, чего отродясь не делал.
Ведь не зря же Узумаки послал Конохамару и пересел к этому чмырю.

– Пошли посмотрим куда они, – предложил Джиробо, замечая, что парни начали двигаться прочь от контейнера. Теперь же не за руку. Ну ясен пень! Чтобы не заметил никто. Но поздно…

Губы толстяка вновь растянулись в улыбке.
Поздно. Спалились, голубки.

***

Саске, усевшись на подоконник, мрачно следил за тем, как на условно его кухне орудует совершенно чужой для этого места человек.
Спорить с подвыпившим Наруто оказалось выше его сил, и Учиха молча согласился зайти в супермаркет. Он терпеливо ждал, пока Узумаки выбирал между бубликами и сухарями, а в итоге взял пряники, добавив к этой «еде» бутылку дешёвого кагора, пепси и банку коктейля.
Видеть здесь кого-то, помимо пустоты, было странно, почти невыносимо. Саске попробовал бы выгнать Наруто, если бы не твёрдое осознание того, что вместе с ним уйдёт и тот свет, что кое-как пробился к его разуму. Этот свет пробил тонкую брешь в плотном смоляном коконе, в котором не было слышно ничего, кроме тихого, шелестящего голоса: «Убей…»
Учиха поморщился, закрывая лицо ладонями и опуская голову на согнутые в коленях ноги. Сидеть в таком скрюченном положении было неудобно и дышать сразу же стало трудно, а в висках запульсировало, но в этот раз боль не приходила.
Почему? Она щадила его перед каким-то ударом?
Саске шумно выдохнул в ладони, чувствуя жар собственного дыхания.
Хотелось выкинуть из памяти испуганное лицо Карин, её наполненные ужасом глаза. Не потому, что Учихе вдруг стало жалко девушку, а из-за осознания собственной беспомощности. Он шёл на поводу у непонятно кого, у галлюцинации, что прочно засела у него в голове…
Его била мелкая дрожь, и хотелось поскорее забыться, но сон сегодня явно не будет скорым гостем.

– Эй, выпей.

Саске приподнял голову, щурясь от непривычно яркого освещения. Узумаки стоял перед ним каким-то тёмным силуэтом, с неровно ярким ореолом электрического света.
Учиха молча взял одну из кружек и сделал небольшой глоток, но тут же поморщился, едва не выплёвывая.

– Что это?! – выпалил Саске, ощущая на языке что-то вяжущее,

совершенно непохожее на алкоголь.

– Валерьянка, – улыбнулся Наруто, усаживаясь на пол напротив парня и делая глоток из своей кружки. Судя по довольной улыбке, что появилась на его лице, для себя он налил явно не валерьянку.

– На хер мне она?! – тихо проговорил Учиха. Получилось как-то бесцветно, словно все эмоции остались там, в контейнере.

– Потому что ты нервничаешь, – Узумаки смотрел прямо, и в его пьяных глазах читалась полная уверенность в своей правоте.

Саске скептически фыркнул, спрыгивая с подоконника и открывая створку окна, чтобы выплеснуть содержимое кружки. Его мало заботило, что внизу мог быть кто-то, кому дождь из целебной настойки явно не придётся по душе. Взгляд лениво скользнул по полупустому, уже почти скрытому за пеленой поздних сумерек двору. Дворовая собака недовольно тявкала на двух застывших у соседнего подъезда парней. Они были похожи на обычных гопников, и особого интереса у Учихи не вызвали. Закрыв окно, Саске подошёл к столу и плеснул себе кагора.

– Эй! Тебе нельзя! – выпалил Наруто, но подниматься не стал, лишь просверлил парня недовольным взглядом.

– Мне всё можно.

Учиха вновь опустился на подоконник, делая глоток напитка. Теперь уже привычно опалившего язык спиртом.

– Чего это?! – с вызовом бросил Узумаки.

– Потому что ты у меня в гостях.

– Ну, так кагор же я покупал…

– Ты совсем обнаглел – выдохнул Саске. – Сидишь на моей кухне, пьёшь из моей кружки…

– Ты ещё за аренду с меня возьми, – недовольно пробурчал Наруто, но сдался.

Учиха неопределённо хмыкнул, вновь отпивая из кружки и морщась от непривычного сладкого привкуса.
Повисла тишина. Так всегда бывает, когда двое слишком разных людей остаются наедине. Рано или поздно темы для их притянутой за уши беседы заканчиваются и наступает тишина. Взгляды собеседников становятся стеклянными, они отводят их, предпочитая смотреть куда-то в стену, а если уж и взглянут друг на друга случайно, то вымученно улыбнутся, скажут какую-нибудь ничего незначащую глупость и вновь замолчат. И в этой неловкой паузе каждый из них судорожно соображает: «О чём бы рассказать, что бы обсудить?»
Саске не думал об этом, впрочем, как и Наруто. Они просто молчали, уставившись куда-то в потолок. Не было смысла травить байки, чтобы заполнить гнетущую тишину, рассказывать про родственников или пересказывать слухи. Тишина никуда не денется, пока не возьмёт своё.

– Зачем ты так… с Карин? – не глядя на Учиху, спросил Узумаки.

В голове Наруто уже прилично шумело, а пальцы начали потихоньку неметь. Кагор радостно взбодрил уже, кажется, отыгравший алкоголь из коктейля, что парень выпил в клубе.

– А ты не видишь причин?

– Ну пустила она слух… и? Не убивать же.

Узумаки всё-таки поглядел на Саске, который начал странно двоиться в глазах. Наруто удивлённо взглянул на полупустую кружку и мысленно посетовал на то, что его организм совершенно неадекватно реагирует на спиртное.

– Я же псих, – невесело хохотнул Учиха. – Чего ты ещё от меня ждал?

– Да не псих ты, – тяжело вздохнул Узумаки, кое-как поднимаясь, чтобы налить ещё. – Просто…

Наруто замер, в задумчивости глядя перед собой, словно ожидая, что ответ сам собой появится из воздуха. Увы, пространство перед его носом осталось равнодушно к умственным мучениям парня, и он буркнул:

– Просто ты нервный.

Саске отрицательно покачал головой, чувствуя, как в груди неприятно засвербело. Так всегда бывало от крепкого алкоголя, выпитого на голодный желудок. Отвратительное чувство небольшого пожара в груди, от которого противно немеют руки и кружится голова.
Узумаки скользнул взглядом по странно застывшему парню и недовольно цокнул языком, распаковывая упаковку пряников:

– На, а то тебя уже уносит.

Учиха вопросительно уставился на пряник, щедро политый в глазури. Есть ему не хотелось, но желудок предательски заурчал и пришлось взять треклятую сладость. Под пытливым взглядом Наруто, Саске откусил кусочек слишком чёрствого пряника и недовольно поморщился.
Глазурь. Он только сейчас вспомнил, что ненавидел её.

– Ха-ха! – внезапно засмеялся Узумаки, указывая пальцем на предплечье того. – Ты мурашками покрылся.

Учиха зло фыркнул, откладывая пряник в сторону и поскорее запивая отвратительно хрустящую на зубах глазурь большим глотком кагора. Стало легче, но «солнышко» в груди загорелось сильнее.

– Я не люблю глазурь, – мрачно пояснил Саске.

– Зря! Она прикольная…

Наруто размашисто опустился на пол, приваливаясь спиной к

стене. В голове вновь всплыло лицо Сакуры, как это часто бывало, когда он набирался.
Только в этот раз девушка отчего-то зло ухмылялась и вновь уходила куда-то с высоким спортсменом, который смотрел на Узумаки, как на ничтожество.
Тряхнув головой, парень осушил кружку залпом.

– Бабы твари, – выдохнул Наруто.

– Я был прав?

– Да пошёл ты на фиг. Тоже мне… Ванга!

Узумаки поднялся, ухватил бутылку со стола и вновь опустился на пол.

– Кто он? – усмехнулся Учиха. – Наверное, какой-нибудь красавчик?

Наруто бросил на Саске косой взгляд и пробурчал:

– Я в парнях не разбираюсь. Высокий… ну гопник гопником…

– А, – кивнул Учиха, отпивая из кружки и отставляя её в сторону, чтобы достать из кармана пачку сигарет. – Значит, ей нравятся спортсмены, а не доходяги, как ты.

– На себя посмотри, Аполлон, – фыркнул Узумаки, окидывая более чем тощее тело Саске пьяным взглядом. – Сам-то фигурой не блещешь.

– А ты разбираешься в мужских фигурах? – вздёрнул брови Учиха, закуривая.

– Ешь пряник молча, – буркнул Наруто, отпивая прямо из горла.

И без того дрянное настроение стремительно ухудшалось, хотя куда уж хуже.
Внезапно в голове стукнуло: он сидит в одной комнате с

человеком, который всего час назад связал девушку, и…
По телу пробежала неприятная дрожь.

– А ты бы её правда убил? – как-то сдавленно спросил Узумаки, искоса глядя на Саске, что пускал сизые облачка в потолок.

– Не знаю, – честно признался Учиха.

Нервная дрожь уже прошла то ли благодаря валерьянки, то ли из-за спиртного, но вспоминать недавнее происшествие Саске не хотелось…

– Ты думаешь, что от мести стало бы лучше?

– Не знаю, – повторил Учиха, прикусывая фильтр сигареты.

Наруто был пьян настолько, что потерял всякое чувство дозволенного и начал лезть туда, куда ему разрешения входить не давали.

– Ну отомстил бы ты… а потом тебя бы всё равно нашли. Суд там, посадили бы…

– Не посадили бы, – качнул головой Саске и облокотился спиной о холодное окно. «Солнышко» в груди росло, руки уже почти не слушались, а сознание начало постепенно уплывать куда-то в сторону.

– Ты так уверен? Папаша, что ли, шишка? – хохотнул Узумаки, вновь припадая к бутылке.

– Не доживу, – пожал плечами Учиха.

Признать этот факт оказалось неожиданно легко. Саске не думал, что скажет эти слова хоть одной живой душе, а перед этим пьяным идиотом внезапно решил поиграть в откровенность.

– А, точно, – как-то просто кивнул Наруто и икнул. – Ну, это всё равно не повод…

– А чего мне бояться? – выпалил Учиха. – Рай, ад? Веришь в эту чушь?

– Да это тут при чём, – отмахнулся Узумаки. – Просто… ну вот ты знаешь, что ты умрёшь, да?

Саске недовольно поджал губы. Что его так бесит? Почему эти слова отдают какой-то скомканной злостью внутри?
Он злится, потому что о его проблеме говорят так просто, словно это очередной прогноз погоды на следующую неделю?

– И?

Учиха пристально глядел на Наруто, желая пробуравить лоб придурка взглядом. Но, увы, такими силами он не обладал.

– Тебе ж хреново от этого, – кивнул Узумаки. – И не ври. Вижу, что плохо. И ей было бы так же…

Саске прикрыл глаза, прислоняясь гудящим виском к стене. Сзади затылок и спину холодило стекло, и было как-то спокойно, но присутствие на краю сознания Наруто нарушало это умиротворение.

– Каждый должен получать по заслугам, – пробубнил Учиха, не открывая глаз.

– Бред. Никто никому ничего не должен.

Судя по звуку, Узумаки вновь приложился к бутылке. Саске приоткрыл глаза, с усмешкой глядя на собутыльника. Учихе было странно, что сегодня они поменялись ролями, и не он, а Наруто спешил опьянеть до тех пор, пока бутылка опустеет.

– Ты решил напиться из-за какой-то девки? – фыркнул Саске.

Узумаки поднял на парня пьяные голубые глаза, которые от алкоголя стали какими-то блёклыми на бледном, слегка зеленоватом лице Наруто и казались неестественно большими.

– Она не какая-то! – резко выпалили в ответ.

Пьяная злость мягким ударом стукнула в затылок Узумаки, заставляя уставиться на Учиху. Хотелось, конечно, запустить в эту меланхоличную рожу чем-нибудь тяжёлым, в идеале просто заехать кулаком, но он понимал: встать сейчас будет трудно.

– О, да, – выдохнул Саске. – Она ангел, спустившийся с небес, и никто её не достоин?

Учиха спрыгнул с подоконника, подходя к кухонной тумбе. С трудом выдвинул вечно заедающий ящик и достал небольшой блистер. Взгляд скользнул по пустым отсекам, но пальцы всё же нащупали уцелевший твёрдый кругляшек под тонкой фольгой. Саске понимал, что этого будет мало и вот-вот его накроет, но всё же отправил таблетку в рот, запивая водой из-под крана.

– Никто, – вытирая губы, продолжил он, – кроме того качка…

Наруто неожиданно резко встал, его пьяно качнуло, и жест вышел не таким устрашающим, как планировался. Узумаки был слишком пьян, чтобы толчок в грудь Учихи получился достаточно сильным, и тот отошёл скорее сам, нежели из-за него.

– Тебе нравится, да? – прошипел Наруто. – Тебе нравится быть таким придурком?

Он хотел было вновь толкнуть Саске, но в этот раз Учиха успел поймать того за запястья, сжимая довольно крепко, чтобы боль хоть немного отрезвила разбушевавшегося парня.

– Ты всегда задираешь других, смеёшься над ними, – продолжал шипеть Узумаки, даже не обращая внимания на свои сжатые в чужих руках запястья. – А сам? Чем ты лучше нас?

– Успокойся, – тихо сказал Саске, спокойно глядя в мутные глаза Наруто.

– Какое тебе вообще, блин, дело до неё?

– А тебе? Любовь до гроба?

– Может и до гроба! – вспылил Узумаки. Его щёки предательски заалели, но, скорее, от пьяной злости, чем от смущения. – Ты сам любил?

Учиха нахмурился. Ну вот… начались пьяные выяснения отношений, сравнения. Дальше что? Извечный спор на тему уважения?

– Нет! – сам ответил на свой вопрос Наруто, дёргая руками. – Кто полюбит такого придурка, как ты… легче яду выпить!

– Ты уверен, что ты любил? – тихо, почти неслышно спросил Саске, стараясь сдержать желание стукнуть крикливого идиота головой о стену.

– Я люблю её! – пьяно возопил Узумаки. – Да блин… и это нормально, представь себе! Нормально кого-то любить!

Учиха молчал, глядя прямо и спокойно на стремительно краснеющее лицо парня. Саске понимал, что это говорит алкоголь и завтра Наруто даже не вспомнит своих пламенных речей.

– Иди умойся, – посоветовал он, видя, что Узумаки как-то подозрительно закачало, а цвет лица начал отдавать зеленцой.

– Не пойду!

– Я тебя, зараза, тогда сам утоплю, если ты мне здесь всё облюёшь, – уже злее прошипел Учиха, как-то брезгливо отпуская руки парня и едва не подталкивая его пинком под зад в сторону ванной.

Развернувшись к окну, Саске закурил. На улице окончательно стемнело, и теперь в окне было видно лишь его собственное

тусклое отражение. Учиха не любил его. Он не любил смотреть себе в глаза, чувствуя, что это существо, по ту сторону стекла, вовсе и не он. Кто-то другой, враждебный. Когда парню всё же приходилось наблюдать своё отражение, то Саске подолгу смотрел на губы своего зазеркального двойника, ожидая, что они искривятся в ядовитой усмешке…
Громкий хлопок двери и шум воды оторвал Учиху от странных мыслей, и он отвёл взгляд от губ своего отражения. Что толку вглядываться в одно и то же лицо, которое так и останется застывшей маской?
Саске вновь взгромоздился на подоконник и привалился к стеклу спиной, буравя взглядом стенку. Там, в ванной, была чужая живая душа, которой сейчас, судя по звукам, было очень и очень плохо.
Хоть бы убрал за собой…
Алкоголь всё делает лучше. Ненадолго, но создаёт иллюзию покоя, расслабленности, стирает границы, которые люди так любят возводить. Иногда даже рушит стены между двумя, чтобы на утро обоим было стыдно и новые более прочные ограждения выросли на руинах рухнувшего было барьера.
Учиха знал, что алкоголь способен разбудить чувства. Картонные подобия тех, что рождаются на трезвую голову, но… иногда и этого достаточно.
Он прикрыл глаза, чувствуя нарастающую боль в висках. Дрожащие пальцы на автомате поднесли к приоткрывшимся губам сигарету, и едкий дым заполнил рот.
Комната вновь начала наполняться тенями, шёпотом и какими-то резкими звуками, хотя здесь Саске был один. Ему казалось, что какой-то мужчина говорит над его левым ухом, а женщина вторит ему рядом с правым. Учиха понимал: нельзя вступать с ними в беседу. Тот лишь хмурился сильнее, втягивая в себя всё больше и больше дыма.
Он здесь не один. Здесь есть ещё кто-то. Кто-то живой. Саске упорно цеплялся за эту нить, рискуя порвать её.

– Эй.

Тени дрогнули, исчезая, голоса затихли.
Чужое прикосновение к плечу заставило вздрогнуть и открыть глаза. Дотлевшая до фильтра сигарета больно обожгла пальцы,

и Учиха ругнулся, роняя её на пол:

– Да, блин!

Напротив него стоял изрядно побледневший Наруто. Мокрые волосы и влажное лицо тускло блестели в электрическом свете лампы.

– У тебя есть полотенце?

– Так высохнешь, – рыкнул Саске, поднимая тлеющий окурок с пола: не хватало ещё, чтобы на линолеуме остался след.

– Ну блин… холодно же, – как-то жалобно пробормотал Узумаки.

– Может, тебе ещё и банный халат дать? – шикнул Учиха, направляясь к раковине и набирая полный стакан холодной воды. – Достал уже.

– Твоё гостеприимство не знает границ, – фыркнул Наруто, усаживаясь за стол и опуская голову на руку. Его всё ещё мутило, хотя, казалось бы, уже нечем.

– Тебе тут не отель.

Учиха поставил стакан перед Узумаки и приказал:

– Пей.

Наруто тоскливо поднял глаза на Саске и скривился. От одной мысли о том, что вновь придётся что-то пить, хотелось вернуться обратно в ванную.

– Никто тебя не заставлял нажираться, – выпалил Учиха, садясь напротив.

– Я не нажирался…

– Ты пить не умеешь совсем, малыш.

– Заткнись, а? И без тебя тошно.

Саске неопределённо хмыкнул, бесцельно клацая кнопками телефона. Судя по всему, Узумаки хорошенько прополоскало в ванной от непривычки, и сейчас он в ускоренном темпе постигал прелести похмелья.

– У тебя есть чай?

Жалобный и едва слышный голос заставил Учиху оторваться от какой-то глупой телефонной игры и уставиться на зеленоватого Наруто:

– Ты охренел?

– Тебе трудно?

Саске вновь фыркнул, окидывая долгим взглядом сгорбленную фигуру парня:

– Должен будешь.

Спустя пару минут на столе перед Узумаки стояла дымящаяся кружка терпкого чёрного чая.
Поразмыслив, Наруто сделал осторожный глоток горячего напитка и скривился.

– Только заикнись про сахар – убью, – зло пообещал Учиха, садясь на прежнее место. Боль была уже рядом, и каждое движение отдавало неприятным стуком в висках.

– Как ты пьёшь такую гадость… он же горький…

– Я и не пью, – безразлично пожал плечами Саске, вновь погружаясь в игру, но в этот момент на экране телефона высветилось имя, и аппарат запоздало завибрировал.

«Итачи».

Учиха закусил нижнюю губу, сверля чёрные буквы тяжёлым взглядом.

– Ответишь? – подал голос Узумаки, которому с его места было прекрасно всё видно.

– Достал, – повторился Саске, сбрасывая вызов. Но не успел он убрать телефон в сторону, как тот вновь завибрировал.

«Отец».

Да рехнулись они там, что ли, все?! Решили доставать планомерно, по очереди с дежурством?!
Учиха едва сдержался от того, чтобы не запустить телефон в стену, понимая, что тогда он лишится последней связи с обществом. Хотя… если подумать, то не так уж это общество было ему нужно.

– Почему ты не берёшь трубку?

Наруто вновь уткнулся в кружку, наслаждаясь теплом больше, чем вкусом.

– Я ушёл.

– Ну и?

– А когда уходят, то уже не возвращаются.

Саске вновь сбросил вызов, выключая на телефоне вибрацию и убирая его подальше, чтобы не видеть то и дело загорающегося экрана. Он не знал, почему не выключил его, ведь это был самый лучший способ избавиться от ненужных звонков.

– И не скучаешь?

Учиха покосился на парня и скривился:

– Не лезь.

– Я просто спросил, – пожал плечами Узумаки, опускаясь подбородком на лежащую на столе руку.

Взгляд Наруто стал каким-то отрешённым, он смотрел на чашку остывающего чая и, кажется, был где-то не здесь.

– А я вот по своим скучаю, – спустя короткую паузу, ответил Узумаки. – Ну… не по тем, что меня растили, а по другим…

Саске покосился на парня, смутно догадываясь, что сейчас начнётся долгая и душещипательная история о тяжёлой жизни сироты.

– Ты их видел? – зачем-то спросил Учиха, хотя продолжать тему родителей ему вовсе не хотелось.

– Неа. Я помню только своих приёмных родителей.

– А что стало с теми?

– Не знаю, – выдохнул Наруто. – Может, в аварию попали, может, ещё чего… а возможно, просто бросили.

– Может, – кивнул Саске, постукивая пальцами по столу.

Увещевать парня в том, что его настоящие родители такого бы никогда не сделали было глупо. Ведь выгораживать неизвестных ему людей лишь потому, что они были родителями того, Учиха не видел повода. Они могли быть пьяницами, наркоманами или просто не хотели ребёнка. Всякое случается…
Узумаки внезапно потянулся к бутылке купленного коктейля. Саске заинтересованно следил за ним, но останавливать не стал, безразлично откинувшись на стену спиной.

– Приёмные они хорошие. Я же там с самого детства, – отпив из горла, начал Наруто. – Отец потом сказал, когда мне было четырнадцать. Знаешь, я как-то спокойно это воспринял.

Узумаки улыбнулся своим воспоминаниям и вновь сделал

глоток из бутылки.
Вновь повисла тишина. И Учиха был в чём-то благодарен Наруто за то, что тот перестал изливать ему душу. Когда рассказываешь что-то личное, то подпускаешь слишком близко и ждёшь ответного доверия, но он не был настроен делиться своими проблемами, историями или переживаниями.
Ему было всё равно.

– Ну… как-то так, – подытожил Узумаки.

Тот за время их молчания успел допить коктейль и теперь вновь подбирался к той заветной кондиции, когда глаза становились стеклянными, мысли запутанными, а тело тянуло на подвиги:

– Саске?

Учиха нехотя повернулся к захмелевшему парню:

– Чая больше нет.

– Да иди ты со своим чаем, – фыркнул Наруто, выпрямляясь и обводя Саске взглядом. – А у тебя девушка была?

– Какое тебе дело? – удивился Учиха, ожидающий чего угодно от Узумаки, но не этого странного вопроса.

– Просто интересно же…

– Обойдёшься, – отрезал Саске, поднимаясь из-за стола и подходя к подоконнику, на который была брошена пачка сигарет.

– Чёрт, – ругнулся Учиха, понимая, что сигарет больше нет.

– Кончились?

Саске кивнул, вновь встречаясь взглядом со своим отражением. Взгляд был каким-то уставшим и одновременно злым.

– Давай я схожу… мне не трудно, – услужливо предложил Наруто.

– Сиди.

– Ну, Учиха, мне правда не трудно!

Узумаки поднялся было со стула, но его пошатнуло, и он вновь рухнул на место:

– Ой.

– Пьянь, – шикнул Саске, скользнув по парню взглядом. Судя по всему, Наруто намеревался уснуть прямо здесь, за столом.

– Что-то меня… развезло, – с трудом выговорил Узумаки.

– Ребёнок.

Учиха страдальчески вздохнул и, подойдя к пытающемуся сесть ровно Наруто, подхватил его подмышки, помогая встать. Тот было сопротивлялся, но затем просто перекинул руку через плечо Саске и повис на нём мёртвым, а точнее пьяным грузом. Узумаки был неожиданно тяжёлым, и Учихе пришлось приложить все усилия, чтобы не завалиться где-то в коридоре под чужим весом.

– Стой, – Наруто зацепился рукой за стену, и Саске пришлось замереть. – Мне… в ванную… умыться.

– Спи так.

– Ну блин… жарко.

– Я окно открою, – недовольно буркнул Учиха, скрипя зубами и пытаясь удержать тяжёлое пьяное тело.

– Нет! – выпалил Узумаки. – Давай я домой пойду. Поздно уже… я не хочу тебя обере… орбе… обременять. Вот.

– Да, блин, я тебя сейчас вырублю на хрен. Виси спокойно.

С этими словами Саске кое-как дотащил всё ещё вяло протестующего Наруто до зала и разжал руки, совершенно не заботясь о том, что Узумаки рухнул на тонкий матрац мешком и мог что-то себе повредить.
Пьяным обычно везёт.
Сам Учиха уселся рядом, раздражённо вытаскивая из-под тела парня покрывало. Укутавшись в него, Саске привалился к стене, чувствуя противную дрожь, что начала бить замерзающее тело. Кажется, поднималась температура. Стоило бы отдышаться, потому что Наруто оказался действительно тяжёлым, но каждый вздох отзывался глухой болью в затылке.

– Учиха…

Саске не сразу понял, что его лежащую на матрасе руку накрыла чья-то ладонь, а когда понял, торопливо убрал свою конечность.

– Спасибо, что не выгнал… я не пью особо…

– Оно и видно. Заткнись и спи, – сквозь зубы прошипел Учиха.

– Ну… я действительно благодарен. И буду звонить иногда. Если не захочешь видеть. Правда, ты не должен быть один. Ну, ты понимаешь, да?

Пьяное и полусонное бормотание было едва слышным, но Саске различал каждое слово. Завтра Узумаки уже и не вспомнит этих обещаний, сказанных в хмельном бреду.

– Не обещай того, чего не сможешь сдержать.

Наруто ещё что-то сонно бурчал, но его слов было уже не расслышать.
Дрожь усиливалась. Первая мысль была – пойти и выпить таблеток. Но, вспомнив, что последние он допил вчера утром, Учиха со сдавленным стоном повалился на матрац, утыкаясь головой во что-то твёрдое, кажется, это были ноги Узумаки.

Было как-то безразлично. Потому что тело вновь начала бить крупная дрожь, глазные яблоки казались раскалёнными углями, что норовили прожечь тонкую кожу век, а мозг то раздувался, то сжимался, заставляя сердце замирать от боли. Саске закусил край покрывала.
Эта ночь будет долгой.

***

Наруто проснулся от нестерпимого желания пить. Он проспал всего десять минут, но ещё толком не протрезвевшему мозгу показалось, что давно наступило утро.
Первым делом Узумаки кое-как выпутался из простыни, которую каким-то чудом сумел намотать на себя за короткий промежуток сна.
Сев на матрасе, он удивлённо уставился на лежавшего где-то у него в ногах парня. Тот сейчас напоминал мумию, которую по ошибке обмотали пледом.

– Эй, – прошептал Наруто, трогая подрагивающую «мумию» за плечо. – Ты спишь?

– Нет, – донеслось до него глухо.

– Чего с тобой?

– Забей.

– Учиха, не строй из себя принцессу. Что случилось?

– Таблетки.

– Ну… какие?

– Да любые, блин! Любые от головы.

– Хорошо, – торопливо отозвался Узумаки, кое-как подымаясь на ноги и выходя в коридор, и уже оттуда громче добавил: – Я, кажется, видел по пути сюда круглосуточную аптеку.

Обувшись, Наруто вылетел из квартиры, лишь за дверью понимая, что по ошибке накинул куртку Саске.
Алкоголь выветрился ещё не полностью, да и штормило прилично, поэтому идти пришлось аккуратно, рискуя свалиться с лестницы.

***

Джиробо и Кидомару успели изрядно заждаться, пока Учиха выйдет из подъезда. Их ожидание скрасила бутылка пива, которую они на последние деньги таки купили.

– Во, идёт.

– Кто это? – прищурился Кидомару.

– Да Учиха, кажись. Куртка точно его.

– Ну, пошли. Счас согреемся.

Джиробо и Кидомару быстро настигли натянувшего на голову капюшон и явно куда-то спешащего парня.

– Эй, – Кидомару положил руку на плечо Учихи. – Куда собрался?

– Стой, стой. Поговорить надо, – подхватил Джиробо, обходя парня спереди.

– Блин, ребят, не до вас, – каким-то чужим голосом отозвался Саске.

– А нам до тебя, – подтолкнул его сзади Кидомару.

– Что дружок твой за цветами послал?

– Да какой дружок? Сгиньте, – раздражённо огрызнулся парень.

– Он ещё и хамит нам. Слышь, Кидо? – хохотнул Джиробо.

Толстяк явно чувствовал, что преимущество на его стороне, и кулаки с каждой минутой чесались всё сильнее и сильнее.
Первый удар пришёл откуда-то сзади, под коленки, заставляя ещё не отошедшее ото сна и алкоголя тело рухнуть на землю.
Наруто больно ударился коленками о разбитый асфальт и тут же попытался встать, зашипев от боли.
Кажется, сейчас его будут бить.
Он раздражённо скинул с головы капюшон и уставился на парня, которым внезапно оказался толстяк Джиробо. Не успел Узумаки удивиться, как кулак больно врезался ему под рёбра, сгибая пополам.
Наруто знал, что мог бы увернуться, убежать, ударить в ответ… но треклятый алкоголь притуплял реакцию, делал движения излишне мягкими и неуклюжими.
От очередного удара он увернулся и тогда услышал басистый голос:

– Кидо, держи его. Вертится, как сопля.

Узумаки было дёрнулся, понимая, что сейчас будет, но тело пришло в движение слишком поздно: руки уже скрутили за спиной, а в лицо летел очередной удар.
Вспышка. Боль.
Вкус крови на губах.

– Да вы совсем… – договорить Наруто не успел, дёрнулся, но тут же получил в живот. Теперь пришлось беззвучно разевать рот, надеясь протолкнуть хоть немного воздуха в горло.

Удар. Живот. Скула. Живот.
Узумаки рванул, чудом сумев заехать лбом в лицо зачем-то приблизившегося к нему Джиробо. Толстяк схватился за разбитый нос, но Наруто пнул его ногой куда-то в пузо, заставляя согнуться. На этом его свобода быстро кончилась.

– Держи его! – прогундосил Джиробо.

И Узумаки понял: сейчас будет ещё хуже.
Серия ударов закончилась столкновением в висок, от которого перед глазами на миг всё вспыхнуло белым, а затем

погрузилось во тьму.
Кажется, они ещё что-то говорили, похоже, даже добавили лежачему, но Наруто был уже где-то не здесь…
Холодный и мокрый от дождя асфальт под щекой не давал провалиться глубже…
А потом он услышал резкий голос:

– Эй! Пошли вон!

Возня, ругань, лай и рык, спешно удаляющиеся шаги.
Кто-то подхватывает его под руки и прижимает к стене, легонько хлопая по щекам:

– Живой?

Узумаки с трудом разлепил глаза. Перед ними всё расплывалось, но в меркнущем свете он всё же сумел выхватить яркое пятно чьих-то рыжих волос.

– Таблетки, – заплетающимся языком промямлил Наруто. – Аптека…

– Да, друг. Тебе бы не помешало. Идти сможешь?

Узумаки с сомнением кивнул, но всё же опёрся на предоставленное плечо.

– Я на машине… подвезу.

Наруто было хотел воспротивиться, вспомнив про оставленного одного и без таблеток Саске, но сознание уплывало.

– Я Нагато. Ты, блин, держись давай…

Глава 2. Чёрный человек.

«Чёрный человек
Глядит на меня в упор.
И глаза покрываются
Голубой блевотой, –
Словно хочет сказать мне,
Что я жулик и вор,
Так бесстыдно и нагло
Обокравший кого-то».
Сергей Есенин – Чёрный человек

Орочимару мрачно следил за тем, как секундная стрелка медленно движется по кругу. Тонкие губы на бледном лице недовольно кривились: слишком медленно, слишком.
Выдохнув через ноздри, мужчина отложил часы в сторону и сделал небольшую запись в своём блокноте, который всегда носил с собой. Кто знает, какая и когда мысль придёт в голову, а ведь так всегда и случалось: самое хорошее приходило именно в тот момент, когда под рукой не было ничего, чтобы записать.
Он откинулся на спинку кресла, скрещивая руки перед лицом, и задумчиво засмотрелся на причудливую игру света и тени на своих тонких длинных пальцах. Нет, Орочимару не страдал нарциссизмом, находя красоту лишь удачным сложением генов. Наверное, многие женщины его странную, экзотическую внешность находили притягательной. Иногда он замечал на себе долгие томные взгляды девушек-коллег, практикантов или медсестёр. Но со всеми был подчёркнуто вежлив, не пуская дальше невидимой черты, которую так и не решил нарушить. Да и не разрешил бы никому её пересечь.
Никому, кроме одного…
Мужчина резко встал из кресла, отгоняя воспоминания о том инциденте, которому рассудительный и до ужаса логичный Орочимару даже сейчас, спустя много лет, не мог найти внятного объяснения. То, что произошло, – произошло. Во

многом был виноват алкоголь, в чём-то душевные терзания, которые с тех пор тот не испытывал, видимо, разучившись чувствовать.
Ведь чувства – это всего лишь химические процессы в организме…
Доктор ухмыльнулся, проводя пальцами по жалюзи, что закрывали большое окно.
Громкий стук в дверь заставил Орочимару удивлённо покоситься на часы. В столь поздний час он не ждал посетителей, поэтому с некоторой опаской открыл ночному гостю.

– А, это вы, – он выдохнул, смотря на стоящего перед ним мужчину.

Фугаку, как всегда, был опрятно одет, что не мог не заметить такой педантичный человек, как Орочимару, но на мужественном лице читалось беспокойство, помноженное на раздражение.

– Мой сын у вас?

– Саске? – удивлённо поднял брови доктор, отходя в сторону и пропуская того в дом. Держать гостя, пусть и позднего, на пороге – было не в его правилах.

Дверь с мягким щелчком закрылась за их спинами.

– Да, Саске, – твёрдо отозвался Фугаку, безошибочно проходя прямо в кабинет Орочимару.

– Нет. Я его не видел уже довольно давно. Почему вы спрашиваете?

Доктор слегка нахмурился, хотя, что там случилось с тем взбалмошным Саске, его уже мало волновало. Конечно, было жаль потраченного времени и упущенный шанс изучить такой интересный случай, но что греха таить: Орочимару уже нашёл нового «испытуемого». Посговорчивее, помягче. Да ещё и девушку – этим протяни салфетку, чтобы они слёзы утёрли, и

всё: ты их герой.

– Он, похоже, сбежал из дома, и мы не можем с ним связаться.

Фугаку действительно волновался, но совершенно спокойное лицо почти не выдавало его эмоций.

– А, – понятливо кивнул Орочимару. – В этот период… больные часто удаляются от родных…

– Не говорите так, – раздражённо отрезали в ответ. – Он мой сын, а не какой-то там пациент…

– Для меня он пациент, – с нажимом пояснил доктор и добавил: – Был им.

Орочимару обошёл мужчину и достал из ящика стола небольшую бутылку виски. Разлив немного янтарной жидкости по квадратным стаканам, он протянул один из них гостю:

– С чего вы решили искать его у меня?

Фугаку взглянул на стакан, но отказываться не стал. Нервы были на грани, и выпить не было бы лишним:

– Он пришёл к вам в тот раз…

– И я его предал, – вымученно улыбнулся Орочимару, украдкой глядя на часы.

Да, Фугаку заплатил ему круглую сумму, чтобы он взялся наблюдать его сына, отказавшись от «плановых» пациентов, но Саске сам послал всё лечение к чёрту, и теперь его отец был лишь гостем, а не заказчиком. А тратить время на пустую болтовню врач не любил:

– Ваш сын не настолько глуп, чтобы наступать на одни и те же грабли дважды.

– И вы даже не пытались с ним связаться? – удивлённо выпалил

Фугаку, забыв про стакан с виски.

– А вы? Да и зачем мне с ним связываться, – пожал плечами Орочимару. – Тот отказался от лечения…

– Да он не понимает, что творит! – разгорячённо выпалил мужчина.

Доктор согласно кивнул, отпивая горькой жидкости:

– Вполне возможно. Он отказался от морфия?

Фугаку печально кивнул, тоже делая небольшой глоток виски.

– Замечательно, – выдохнул Орочимару. – Сейчас уже довольно глубокая стадия. Ему необходимы сильнодействующие обезболивающие.

– Это вы ему скажите, – фыркнул тот, поднимаясь и отставляя стакан в сторону.

– Увы, мы не поддерживаем контакта.

Вновь пожатие плечами.

– А если я заплачу, вы сможете вернуть его домой?

Фугаку смотрел прямо в глаза Орочимару с таким выражением, будто тот был последней надеждой. Доктор с ответом не спешил. Он отпил из стакана, облизал губы, на которых терпкой горечью застыли капельки виски. Внимательный взгляд янтарных, в темноте почти карих глаз и тихий вопрос:

– Скажите, зачем вам Саске?

Кажется, Фугаку впал в ступор. На волевом лице впервые отразилось замешательство, мужчина раскрыл рот, силясь выдавить хоть что-то из себя, но не мог. Слишком поражён был…

– Зачем он вам? Вы же знаете, что его не спасти, – продолжал безжалостно вещать Орочимару, поигрывая жидкостью в бокале. – Ни одна операция не поможет, а если и пройдёт успешно, то на выходе мы получим овощ, которому останется чуть больше года. Готовы взвалить на плечи своей жены такой груз? Ведь я сомневаюсь, что вы бываете достаточно часто дома, чтобы разделить с ней это бремя.

Доктора от звонкого удара спасла лишь выдержка Фугаку, хотя в глазах мужчины плескалась плохо сдерживаемая злость.

– Саске сам избавил вас от кучи проблем, – продолжал Орочимару, замечая, что ходит по лезвию.

– Не ему решать, – упрямо отрезал тот. – Вы поможете его вернуть? Я заплачу.

Орочимару пожал плечами:

– Если вам больше некуда тратить деньги…

– Это мои деньги. И мне решать, на что я их буду тратить.

– Да, – согласно кивнул доктор, поджимая губы. – Сына вы купить не смогли, зато вполне можете купить меня.

Тяжёлый взгляд мужчины Орочимару выдержал без особых эмоций. Он привык.

– Да. Именно так.

***

Когда машина Фугаку отъехала от его дома, Орочимару достал из стола было забытую и ставшую ненужной папку личного дела своего упрямого пациента.
Жёсткий пластик обложки был снят, и теперь с титульного листа на доктора смотрело бледное узкое лицо, запечатлённое на небольшой фотографии, что ютилась в углу листа.
Да, у парня явно всё было в порядке с генами.

Мужчина улыбнулся, проводя пальцами по собственноручно подписанному диагнозу.
Этот точно был не похож на его пациентов, хотя его поведение было типичным.
Орочимару потянулся за телефоном, отыскивая в контактах сохранившийся номер Саске. Нажал кнопку вызова, мало заботясь о том, что время уже перевалило за час ночи.
Но тот, видимо, или спал, или просто не желал говорить.
Доктор хмыкнул, убирая мобильный в сторону.
Придётся постараться, чтобы вновь заслужить доверие пациента.
Впрочем, уже было забытое исследование, которое перекинулось на другую девушку, вновь вернулось на круги своя.
Всё-таки, Саске был идеальным случаем для изучения.
Сложным и интересным.

***

Наруто приходил в себя рывками. Он чувствовал, что кто-то ему что-то говорит, но звук доходил слишком запоздало и как-то скомкано. Узумаки с трудом разлепил глаза, когда ему на лицо побрызгали холодной водой.

– Проснулся? – спокойно спросил у него парень, чьи волосы казались Наруто расплывчатым ярким пятном.

Узумаки неуверенно кивнул, пытаясь принять сидячее положение.

– Тебя здорово отделали, – со смешком сказал сидящий перед ним молодой человек.

Когда зрение сфокусировалось, Наруто всё же смог разглядеть незнакомца.
Внешность у него была довольно странной. Бледная кожа резко контрастировала с яркими, наверняка крашенными, красными волосами. Худобу на грани истощения подчёркивали свободные одежды, которые были очень просты: чёрные джинсы с клёпанным ремнём и тёмно-синяя футболка с каким-то

символом.

– Я Нагато. Я уже представлялся, но вряд ли ты помнишь, – заметив изучающий взгляд парня, усмехнулся тот.

– Наруто Узумаки, – выдохнул он, кое-как усаживаясь поудобнее.

Болело всё, кажется, даже кости, каждая клеточка тела. А ещё до отвращения противно саднила скула и ныла нижняя губа. Наруто осторожно облизнул её, чувствуя вкус крови на кончике языка, и ругнулся.

– Блин, – буркнул парень, вновь поднимая глаза на Нагато. В голове что-то шумело, и при каждом движении картинка искажалась. – Я вообще драться умею… ты не подумай…

Отчего-то стало как-то неловко за то, что его избили, как какого-то сопляка, хотя драки для Узумаки не были чем-то непривычным. При таком характере, как у него, многие удивлялись почему парень до сих пор передвигается на своих двоих, а не в кресле-каталке.

– Да не парься, – беззлобно усмехнулся Нагато, вставая со стула.

– Я просто выпил и как-то не подрасчитал, – не пойми зачем начал оправдываться Наруто, машинально почёсывая затылок. Но сразу замер, как только пальцы наткнулись на что-то вязкое и мокрое.

– Чего там? – заметил его резко изменившуюся гримасу Нагато и подошёл ближе, по пути включив верхний свет.

Узумаки тут же зажмурился из-за боли, резанувшей по глазам и отдавшей где-то в затылке. Хотелось выругаться, но в этот момент новый знакомый плюхнулся рядом с Наруто и бесцеремонно, но осторожно отвёл его руку от головы.

– У, друг, – протянул Нагато, – тебе голову, похоже, разбили.

– Чёрт, – согласно выдохнул Узумаки. Внутри как-то всё похолодело, и стало немного страшно за себя.

– Так.

Парень отстранился, беря Наруто за подбородок и всматриваясь тому в глаза. Внимательный взгляд странных, словно бы фиолетовых глаз, вызвал у Узумаки желание замереть и не шевелиться. Кажется, он даже дышать перестал.

– Наверное, лёгкое сотрясение, – довольный своим выводом, кивнул парень и поджал губы.

– Я тогда, видимо, домой поеду…

– Никуда ты не поедешь, – фыркнул Нагато. – Сиди. Я сейчас.

Он отвернулся от Наруто к небольшому комоду и зарылся в первом ящике чуть ли не с головой. По маленькой комнате разлился неприятный запах медикаментов.
Пока Нагато был занят, Узумаки оглядывал чужое жилье. Оно оказалось похожим на комнатушку в общаге: потёртые желтоватые обои, скрипучий диван, на котором он и расположил своё тело, дешёвый письменный стол, на котором свалена куча книг, бумаг и ещё чего-то мелкого. Из-за стены доносились оживлённые голоса, смех и музыка, видимо, Наруто был прав, и это было действительно чем-то вроде общаги.

– Ты студент? – спросил Узумаки повернувшегося к нему парня.

Нагато убрал длинную прядь красных волос за ухо и качнул головой:

– Что-то вроде того. На. Попей.

На диван упала небольшая бутылочка минеральной воды.

– Слушай, а как ты тех гопников отогнал? – внезапно спросил

Наруто, ещё раз оглядев щуплую фигуру Нагато скептическим взглядом.

– Это не я, – широко улыбнулся парень. – Это Пэйн.

Отпив из бутылки, Узумаки закашлялся из-за резкого газа:

– К-кто?

– Пэйн. Пёс мой.

Нагато похлопал по ноге, и из-под дивана вылезло нечто чёрное. Пэйном звали взрослого добермана. Взгляд Наруто невольно скользнул по лоснящейся тёмной шкуре, под которой перекатывались тугие мышцы, по узкой морде и заострённым ушам. Отчего-то Узумаки захотелось поджать ноги, хотя собака выглядела вполне мирно, примостившись у ноги хозяина.

– Красивый, – честно выдохнул Наруто.

Ну да… от такой красоты дух захватывает, и хочется поскорее оказаться где-нибудь повыше на дереве.

– Ему тут нельзя жить. Приходится прятать, – довольно улыбнулся Нагато, почёсывая пса за острым ухом. Тот довольно жмурился и льнул к ноге парня лишь сильнее, требуя ласки.

– Так, – резко заявил Нагато. – Таблеток у меня никаких нет. Да и не знаю я… чем сотрясение лечить. Тебя куда довезти? Домой или в больницу?

Таблетки!
Воспоминание об обещании сходить в аптеку для Саске вспыхнуло в голове так резко, что Узумаки подскочил на ноги. Его моментально зашатало, и Нагато пришлось поймать начавшего заваливаться вбок парня.

– Ты куда собрался? – выпалили прямо на ухо Наруто, прижимая его обмякшее тело к себе.

– Аптека. Мне нужно таблетки… другу…

– Тебе самому нужно в больницу, приятель, – буркнул Нагато, подтаскивая Узумаки к двери. – Пэйн, прячься. И сиди тихо.

– Ты не понимаешь…

Свет щёлкнул и погас, а они оказались в длинном коридоре по ту сторону закрывшейся двери. Скрежет ключа в замке.

– Ему правда нужны таблетки, – пробормотал Наруто, чувствуя, как сознание начинает меркнуть. Он лишь крепче ухватился за костлявые плечи юноши, стараясь удержаться в реальности, чтобы успеть объяснить хоть что-то. – Ему плохо там. Я обещал… если я не приду, то он…

– Да ничего с ним не будет, – фыркнул Нагато, перехватывая парня поудобнее и локтем нажимая кнопку вызова лифта. – Оклемается.

– Нет же!

Узумаки попытался вырваться из рук того, но в этот момент сознание мигнуло и пропало.

***

– Я тебе говорила, что это бесполезно, малыш.

Саске приоткрыл тяжёлые веки, всматриваясь в ту, что сидела рядом. Её округлое лицо было ему знакомо – мама?

– Ты всё равно не сможешь от этого убежать.

– Откуда ты…

Он думал, что спросил что-то, но голоса не было: слышался лишь хрип из пересохшего горла.
Изображение дрогнуло, и лицо женщины исказилось, меняясь. Грубея.

– Глупый младший брат…

– Итачи…

Учиха закрыл глаза, понимая, что у него опять галлюцинации. Он не хотел идти на поводу у кого-то, кто любезно посылает их. Конкретно у своего разума. Хотелось просто не видеть, поспать немного. Пусть даже в лихорадочном сне, но тело требовало хотя бы крупинку отдыха.

***

Саске проснулся, когда до его слуха донёсся рёв дрели и шум подъехавшей мусорной машины.
Он устало прикрыл горящие веки, чтобы тут же вновь открыть их, закутываясь в плед крепче. Стоило дрёме уйти, как вернулся противный озноб, охватывающий всё тело в свои ледяные тиски.
Учиха знал, что ещё минута онемения и в голове вновь взорвётся мини-бомба, раскидывая мозги по стенкам черепа. Ещё немного, и всё вернётся.
Парень перекатился на спину, прикладывая ледяную ладонь ко лбу, и ругнулся. Горло саднило так, будто всю ночь он орал, хотя помнил, что не проронил ни звука, лишь впивался зубами в плед, когда боль становилась невыносимой. Хотелось грызть и царапать стены, выбивая из них каменную крошку и побелку, хотелось содрать с себя кожу, чтобы хоть чем-то заглушить то, что творилось с его мозгом.
Звонок в дверь стал словно спусковым крючком к вновь накатившей боли. Ну вот… кажется, теперь будет так всегда. Саске надеялся, что звонившие уйдут, не дождавшись ответа, но неведомые гости продолжали трезвонить, оглашая квартиру отвратительной трелью электронного соловья.

– Иду, – хрипло выдохнул парень.

Подняться было сложно. Голова казалась тяжёлой, и пришлось идти согнувшись, волоча плед по полу, то и дело натыкаясь на стены плечами. Когда он открыл дверь, которую даже не

помнил, как замыкал, на пороге стояла женщина в годах. Её выцветшие белые волосы были припорошены каплями, и от чёрного пальто той пахло дождём. Эта прохлада слегка освежила Учиху, и он поднял глаза на незваную гостью.

– Саске?

Хозяйка квартиры удивлённо уставилась на открывшего двери парня, переступая порог и закрывая за собой вторую дверь. Женщина не могла отвести взгляд от того, кто открыл ей дверь, не зная, что и думать.

– Что с тобой? – прямо спросила она, стаскивая с ног полусапожки.

Квартирант выглядел плохо: краше покойников в гроб кладут. Та помнила ещё по первому с ним знакомству, что парень не отличался особо смуглой кожей, но сейчас лицо Учихи приобрело какой-то синеватый оттенок из-за слишком виднеющихся мелких вен. Под чёрными глазами залегли синяки, а тёплый плед, в который кутался парень, не спасал, и его била крупная дрожь.
Женщина протянула руку, чтобы пощупать бледный лоб, но парень вяло увернулся.

– Я за деньгами пришла, как и договаривались.

– Сегодня… сегодня же тринадцатое, – наморщив лоб, пробормотал Саске, проходя за хозяйкой на кухню.

– Ты что? Сегодня уже пятнадцатое. Среда, мальчик мой.

Учиха остановился в коридоре, привалившись спиной к стене. Пятнадцатое? Значит, он так провалялся целых два дня? Парень посмотрел в сторону разбросанной у входной двери обуви. Лишь его кеды и полусапожки хозяйки. Наруто не было. Тонкие губы исказила кривая усмешка.
Он так и не вернулся той ночью.
Что-то внутри неприятно завозилось.

– Саске, почему у тебя тут такой бардак?! – донеслось из кухни.

Учиха невольно повернулся на раздражённый голос и встретился взглядом с женщиной, которая потряхивала бутылкой из-под кагора.

– Не успел убрать, – логично ответил тот.

– Но почему ты развёл здесь такой… бордель?!

– Что? – прищурился Саске. – Это всего лишь бутылка…

Ругаться и спорить не было настроения:

– А в борделе шлюхи…

– Получается, ты тут пьёшь и ещё девок водишь! – возопила хозяйка, закипая буквально с пол-оборота. – Я пустила тебя сюда из жалости…

– Вы пустили меня сюда за десять тысяч в месяц, – услужливо напомнил Учиха. – Если столько стоит ваша жалость, то вы очень дёшево себя оцениваете.

Крашенная блондинка задохнулась от возмущения. Кажется, больше у Саске не было жилья. Но ему было плевать, он привалился затылком к стене, утыкаясь взглядом куда-то в дверь ванной. Зачем пытаться доказать что-то человеку, который сам уже всё решил.

– Значит, и девок водишь! – подытожила она.

Учиха хохотнул хрипло:

– Только парней.

Это было честно, ведь за всё время его проживания здесь появлялся лишь Узумаки.
Наверное, хорошо, что Саске не видел ошарашенного, вытянувшегося лица хозяйки, которая осознала какого же всё-

таки извращенца пустила под свою крышу. Ну… пусть не под свою, но всё же!

– Я ещё посмотрю, что у тебя в зале.

– Смотрите, – равнодушно позволил Учиха, краем сознания вспоминая исписанные стены…

Стало как-то смешно.
Женщина ураганом пронеслась мимо Саске, слегка задевая плед, пропуская под него струйку ледяного воздуха, и парень сжался сильнее.
Он уже знал, что стоит делать…
Сбросив плед, он подхватил сумку, в которую ещё два дня назад положил особо ненужный ему здесь ноутбук. Захватив с кухни телефон, парень кое-как натянул на ноги кеды, завязывая шнурки на каждой ноге по десять минут, ибо попасть в петлю было невыносимо трудно. А ещё его качало, и из-за скрюченного положения в голову приливала кровь.
Своей куртки Учиха не нашёл, зато стянул с дверной ручки куртку, что забыл Наруто. Она была большевата для Саске, но идти на улицу в одной футболке было слишком глупо.

– Что это такое?!

Из зала разъярённой гарпией вылетела хозяйка. Её лицо было красное от гнева, глаза сверкали:

– Что ты там понаписал?!

– Читать умеете?

Учиха выпрямился, и его пошатнуло.

– Иди клей новые обои!

– Я вам деньги заплатил. Клейте.

– Что ты себе позволяешь?! – взвизгнула женщина, моментально из миловидной особы средних лет, превращаясь в

какую-то растрёпанную ведьму.

– Я? Я разговариваю.

– Я пустила тебя в чистую квартиру, а ты превратил её в притон!

Саске мысленно застонал – то бордель, то притон. Эта крикливая дамочка такая непостоянная:

– Слушайте, я тут жить всё равно не останусь. Не стоит сотрясать воздух.

– А ну быстро иди сдирай то, что понаделал!

Хозяйка вцепилась в ремень его сумки, дёргая на себя. Учиха пошатнулся, но всё же устоял, отвоёвывая своё имущество. Он жёстко оттолкнул от себя истеричку и буквально вывалился из квартиры. Ноги заплетались, и пришлось повиснуть на перилах, чтобы не съехать по ступенькам пятой точкой.
Сидящие на лавочке бабульки удивлённо уставились на парня, что вышел из подъезда и сейчас стоял, щурясь и пытаясь привыкнуть к тусклому пасмурному свету.

– Тьфу, развелось их! – довольно громко сплюнула одна из бабок.

– Наркоманы. И ходють, и ходють! – радостно подхватила вторая.

Смерив сплетниц тяжёлым взглядом, Саске медленно поковылял в сторону выхода из двора. Оставаться здесь больше не хотелось, хотя и куда идти дальше он просто не представлял.

***

Наруто тяжело выдохнул, терпя, пока его осмотрит мать. Кажется, третий раз за день или ночь. Он уже не считал, а просто терпел, надеясь, что вскоре его отпустят и тот сможет

отправиться к Учихе, чтобы всё объяснить. Звонить ему Узумаки даже не рисковал, зная, что отношения лучше выяснять лично.

– Ма, да я в порядке!

– Ничего ты не в порядке.

Они сидели в небольшой палате пригородной больницы, куда родители торопливо отправили сына, как только Нагато объяснился, что произошло и почему Наруто напоминает мешок с картошкой, повисший у парня на плече.

– Надо заявление на них написать! – горячо выпалила женщина.

– Ма, я же говорил… не помню их, – терпеливо выдохнул Узумаки.

Врать он не любил, тем более матери. Но сейчас другого выхода не было… отчего-то принципы, вдолбленные отцом с детства, не хотели забываться даже в такой ситуации, когда самым разумным решением было сдать обидчиков в органы порядка.
Но лучше разобраться самому.
Когда получше станет.
Наруто ведь не ребёнок, чтобы ябедничать.

– Мне нужно в город, – торопливо выпалил Узумаки.

– Никуда ты не поедешь! – отрезала женщина, отходя от сына и рассматривая его лицо взволнованным взглядом карих глаз.

Она была уже не молода, но лицо сохранило красоту, которая со временем стала лишь благороднее. Наверное, посторонний, взглянув на мать и сына, мог подумать, что Наруто, скорее, пошёл в отца, нежели в неё. Ведь такой яркий, вечно лохматый и неуклюжий ребёнок не мог унаследовать это от элегантной женщины с аккуратно уложенными каштановыми волосами и добрыми, спокойными карими глазами. Но и на отца Узумаки

похож не был. Разве что серые и голубые глаза были не столь великой разницей…

– Ма, ты не понимаешь! – выпалил Наруто, чувствуя, как в груди всё сжимается от безнадёжности.

Ему прописали лежать две недели здесь в полном покое. И мать очень серьёзно отнеслась к заветам врача, забрав у сына даже телефон.

– Да! Я не понимаю, – тихо, но зло выдохнула она. – Ты уже второй раз заявляешься домой побитым. К тебе кто-то задирается? Кто-то пристаёт? Ты скажи…

Та резко сменила тон со строгого на мягкий и нежный:

– Мы с отцом сходим к декану… и во всём разберёмся.

– Да всё нормально, мам, – как можно убедительнее попытался сказать Узумаки, беря её за руку. – Просто там остался мой друг, и я…

– Друг! Так это он тебя напоил вчера?! – вновь взвинтилась женщина.

– Нет, то есть… я сам! Блин!

Наруто вовсе запутался. Голова, которая всё ещё слегка кружилась, плохо соображала, но он знал лишь одно – Саске там. Один. В квартире…

– Тогда дай мне телефон. Я хотя бы ему позвоню и предупрежу.

– Нет. Никаких телефонов. Ты будешь лежать и отдыхать.

Строгий тон. Без вариантов.
Узумаки страдальчески застонал, падая на подушку и накрываясь одеялом. Внутри всё буквально выламывало: и из-за боли от побоев, и из-за осознания своей беспомощности.
Он бы мог сбежать отсюда… но никакой одежды под рукой не

было, а тащиться из пригорода в город в больничной одежде может разве что псих какой-то…
Разум любезно подкинул почти забытую картинку: Учиха в светлой больничной одежде стоит на бортике моста и несёт какую-то чушь о выборе. А потом прыжок, паника и быстрый полёт. И накатившая волна злости, когда этот придурок сидел, дрожа, на берегу и строил из себя обиженную невинность. Улыбка сама собой тронула губы Наруто, и следом за ней пришло горькое осознание того, что он ничем не помог Саске. Пообещал и не выполнил.

– Ма, – протянул Узумаки из-под одеяла, надеясь, что после небольшой паузы женщина всё же уступит.

– Её тут нет. Она вышла.

Знакомый голос заставил Наруто скинуть одеяло с лица и уставиться на красноволосого, который в этой блёклой палате казался каким-то чужим и слишком ярким для неё.

– Привет, – улыбнулся Нагато, прислонившийся к стене напротив кровати. – Ты чего дёргаешься тут?

– Да блин! – выпалил Узумаки, садясь. – Я в городе должен быть!

– Что тебя всё куда-то тянет, – усмехнулся парень, подходя ближе и садясь на кровать. – Вчера всё бредил. Еле у тебя адрес вытянул.

– Меня в городе друг ждёт. Ему очень нужна моя помощь, а я застрял здесь на неделю с хреном!

Наруто с сожалением стукнул по кровати кулаком, шикнул от боли и вновь тяжело вздохнул, опуская глаза.

– Я его подведу ужасно, если не приеду. Хотя, – Узумаки нахмурился, – я его уже подвёл, потому что вчера должен был…

– Аптека, таблетки? – услужливо напомнил Нагато. – Чего с твоим другом?

Наруто прикусил нижнюю губу. С другом. Можно ли назвать другом того, кто неохотно подпустил тебя к себе, всё ещё скрывая половину всего за невидимой стеной отчуждения? Узумаки иногда казалось, что он сам вцепился в жизнь Саске, отчего-то не желая отпускать и уходить. Ведь его мир был в другом месте. Его мир пах домашним уютом и ощущался теплом, а мир Учихи был похож на холодный зимний вечер, в котором Наруто упорно хотел задержаться.

– Да болеет он. Простуда сильная, – не особо уверенный в том, что вправе сдавать чужой секрет, соврал парень. – Температура поднялась… а сам до аптеки не дойдёт…

Узумаки смотрел куда-то в стену, мимо Нагато. Врёт второй раз за день, докатился.

– Слушай… давай я тебе телефон дам, ты ему объяснишь всё.

– Я не помню его номер наизусть, – протянул Наруто, роняя голову на руки.

Вязкое чувство беспомощности всё сильнее и сильнее затягивало Узумаки в свои липкие объятия, оставляя лишь голову на поверхности, чтобы жертва могла дышать. Но и то недолго.

– Засада, – согласно кивнул Нагато. – Тогда… может я к нему заеду? Адрес помнишь?

Наруто вскинул на него голову и выпалил:

– Да!

А потом резко стушевался, понимая, что становится обузой для совершенно незнакомого человека.

– То есть нет. Прости, – сник парень, вновь тяжело вздыхая. – Я

тебя и так напряг. Ты из-за меня ночь не спал, пёрся куда-то… ещё и с гопниками чуть не подрался.

– Пэйн бы не дал, – хохотнул Нагато. – Он не любит конкуренции.

Тот легко потрепал Узумаки по плечу, заставляя взглянуть на себя.

– Ты меня не напрягаешь, Наруто, – как-то тихо сказал он, заглядывая прямо в глаза. – Если бы мне было неудобно, я бы прошёл мимо тогда на улице.

– Но почему ты мне помог? – наморщил лоб Узумаки. Кажется, он заразился от Саске святой уверенностью в том, что все люди одинаковы и за просто так никогда ничего не делают. Всё-таки общение с Учихой давало о себе знать… не в лучшую сторону.

Нагато улыбнулся, и эта улыбка была какой-то иной: ни мягкой, ни доброй. Грустной.

– Был у меня друг, – тихо начал парень, всё ещё не убирая руки с плеча Наруто, – и не стало друга.

– Почему? – на автомате спросил Узумаки, но тут же прикусил язык. – Нет! Не отвечай… не надо. Ты же не должен… да и не стоит…

– Успокойся, – мягче сказал Нагато. – Это было уже давно… но я запомнил всё, что произошло. Тогда ему никто не помог, а их было пятеро.

Повисла тишина. Она была действительно неловкой. Нагато смотрел прямо в глаза Наруто, наверное, ожидая какой-то реакции, но парень был слишком сбит столку внезапной откровенностью. И вновь в голову лезли мысли о Саске, он вновь сравнивал. Ведь там, на маленькой кухне, эти паузы не тянулись так мучительно долго, не было нужды заверять кого-то в том, что всё нормально, хотя оно ни хрена не было нормально…

Узумаки тряхнул головой, понимая, что уходит глубоко в себя:

– Извини.

– Да я же сказал – всё нормально, – торопливо заверил Нагато. – Так что давай адрес… я заеду к нему и расскажу, как всё было.

Щёки предательски загорелись из-за смущения. Наруто понимал, что вновь обязывает этого доброго парня делать что-то из-за него и совесть никак не желала униматься. Хотя болото безнадёжности с лёгким разочарованием всё же отпустило свою несостоявшуюся жертву.

– Я заеду к тебе завтра после работы, – бросил напоследок Нагато, убирая листочек с адресом в карман джинс. – Ты лечись тут. Не волнуйся. Я с другом твоим поговорю.

– Спасибо, – запоздало выпалил Узумаки и виновато улыбнулся махнувшему ему рукой парню.

Нужно было поблагодарить раньше. Несколько раз. Ведь этот парень за одну только ночь сделал для него слишком много, ничего не прося взамен. Но из-за общения с Учихой слово «спасибо» как-то обесценилось, потеряло свою важность, как и многие другие вещи…

– Чёрт! – выпалил Наруто, падая на подушку и морщась от боли в теле.

Опять Саске.
Какого чёрта он так прочно засел в обычно такой лёгкой голове Узумаки?!

***

Нагато постучал в обшарпанную дверь с нужным номером. Он устал, и зевота буквально разрывала рот, но всё же парень старался держать себя в руках и дотянуть хотя бы до своей общажной комнаты. А там можно и заснуть до ночи. Сова.

Полностью и бесповоротно.
Дверь ему открыли спустя пять минут.

– Здрасте, – выпалил он, отходя на шаг назад, ибо вид злой женщины вызывал лишь одно желание: рвануть из подъезда со всех ног.

– А Учиха Саске здесь живёт? – осторожно спросил Нагато.

Блондинка окинула неформального вида парня презрительным взглядом и буркнула неприязненно:

– Точно притон устроил.

– Простите, что?

– Нет его. И не будет!

– В смысле?

– Съехал.

Дверь с хлопком закрылась перед самым носом парня, и Нагато удивлённо почесал макушку. Очевидно, эта особа была чем-то сильно возмущена, раз не пустилась в объяснения куда делся парень по имени Саске.
Он в задумчивости легонько пнул стенку подъезда.
И что теперь?
Друг Наруто пропал, а где искать его Нагато не представлял вовсе.
Конечно, нехорошо получилось, ведь Узумаки надеялся на него, но он не был магом и не мог находить людей в большом городе лишь по мановению волшебной палочки.
Надеясь, что завтра Наруто даст какую-нибудь информацию о своём друге, Нагато спустился на первый этаж и забрался в свою старенькую машину.
Было слегка мерзко на душе из-за невыполненного обещания, но…
Мотор завёлся далеко не с первого раза.
А теперь в общагу и спать…

***

Учиха сидел на лавочке, мрачно сверля взглядом прохожих. Иногда казалось, что кто-то пытался что-то ему сказать, но сознание было настолько размытым, что все голоса превращались в одно сплошное месиво из звуков.
Саске не хотел никого видеть и слышать. Он просто хотел окунуться в темноту беспамятства, где не было этой треклятой боли и назойливого пульса в висках.
Единственное место, куда тот нашёл сил добраться – вокзал, что был недалеко от снимаемой им квартиры. Здесь было людно, шумно из-за женщины, то и дело объявляющей по громкоговорителю рейсы отходящих автобусов. Зато никто не обращал внимания на примостившегося на лавочке парня, который, возможно, ждал кого-то или решил скоротать время до своего автобуса дремотой.
Увы, всё было гораздо прозаичнее.
Учиха чувствовал, как часть его отваливается и уже валяется где-то на грязном, заплёванном асфальте, а вторая половина с упорством тибетского мула цепляется за хрупкие грани реальности, раня пальцы и соскальзывая всё ниже и ниже.
Он приоткрыл глаза, которые будто распухли и теперь вот-вот готовы были вывалиться из ставших слишком тесными глазниц. Знал же, что всё когда-то закончится. Но вот так… на вокзальной лавочке.
Саске усмехнулся, не слушающимися пальцами доставая из кармана джинс смятую упаковку сигарет.
Всего одна.
Короткий смешок сорвался с потрескавшихся губ, и вскоре парень прикусил фильтр, чувствуя на языке сухую плоть бумаги.
Вкус и запах сигарет давно забылись, но сейчас Учиха хотел отдать многое лишь за глоток этого терпкого и горького дымка, что лёгким жжением оседает в горле.
Зажигалку он так и не нашёл, зато вытащил из кармана сотовый, что, кажется, вибрировал. Из-за дрожи Саске не мог понять: было ли это игрой его воображения или же телефон действительно звонил.
Мутный взгляд упал на светящийся монитор. Имени Учиха не

мог разобрать из-за сумасшедше скачущих букв и, скорее, машинально нажал на кнопку приёма вызова, поднося трубку к уху.

– Саске? – официальный и сухой голос.

Учиха усмехнулся:

– Что тебе, доктор?

– Ты где сейчас?

– Идите на хрен, доктор.

Губы слушались плохо, а слова казались скомканными из осколков стекла, что больно резали горло и язык.
Орочимару ещё что-то хотел сказать, но телефон выпал на колени Саске из безвольно разжавшейся руки. Учиха недовольно покосился на конечность, но сил удивляться уже не было. Наверное, что-то давало о себе знать: недоедание или же постоянная головная боль, ставшая серым фоном к его жизни.

***

Орочимару довольно отложил сотовый на пассажирское сиденье и завёл машину. Конечно, Саске не признался, где он находится, но электронный голос, донёсшийся из трубки и объявляющий об отбытии автобуса, всё-таки дал некоторую подсказку.
Насколько мужчина знал, рейсовые автобусы того направления отходили лишь с двух вокзалов в их городе.

***

Учиха хотел бы встать и уйти с продуваемой всеми ветрами лавочки, но не мог. И злился. На себя, на своё тело, отказывающее шевелиться. Оно словно мстило хозяину, который на два дня лишил его воды и еды, а самое главное обезболивающего.
Похоже, уже вечерело, опускались первые сумерки, а к нему

никто так и не подошёл. Даже патруль, добросовестно рассекающий по вокзалу, не обращал внимания на просидевшего почти весь день в одной и той же позе парня.
Подумаешь, сидит…
Таких здесь много.

– Саске?

Учиха попытался открыть глаза и послать говорившего, но ни первого, ни второго не получилось. Он превратился в какое-то подобие статуи, способное лишь воспринимать информацию… и то помехами.
Кажется, это был Орочимару.
В следующий момент Саске осознал себя находящимся на заднем сиденье машины, а мерное гудение мотора убаюкивало.

– Блин, – коротко выдохнул Учиха, переворачиваясь на спину и едва не сползая по скользкой обивке. – Какого… ты делаешь?

– Я везу тебя к себе.

– Чтобы… сдать родителям?

– Я посмотрю на твоё поведение. Спи. Скоро приедем.

***

Орочимару закрыл за ними входную дверь, искоса наблюдая, как шатающийся парень опирается плечом о стену и, кажется, начинает засыпать прямо здесь. Или же отрубаться.

– Кому и что ты доказываешь? – тихо спросил мужчина, снимая с себя куртку и убирая её в шкаф.

Он было потянулся к Саске, но тот вяло отмахнулся, кое-как сбрасывая с ног плохо зашнурованные кеды и проходя в первую попавшуюся комнату. На счастье, это оказалась не кухня, а спальня, где Учиха тут же ухнул на аккуратно заправленную кровать.

– Можешь звонить родителям, – пробубнил он в матрас. – Мне всё равно… сбегу опять.

– И уйдёшь на вокзал?

Орочимару подцепил слишком большую для Саске куртку за рукава и не без труда стянул её с обмякшего тела.

– Да наплевать, – повторился парень, приоткрывая глаза и глядя куда-то в пространство.

– Ну-ка…

Доктор подхватил того под бок, переворачивая на спину и устраивая головой на подушках.

– Руки убери свои, – вяло прорычал Учиха, с ненавистью глядя на доктора. – Я вообще…

– Лежи, – твёрдо приказал Орочимару, и янтарные глаза стали необычайно холодными. – Ты довёл себя до такого состояния. Только ты виноват в этом.

– Да мне…

– По хрен, – кивнул мужчина. – Знаю. Вот раз тебе… всё равно – лежи и не дёргайся. Подыхать где – разницы нет.

Саске усмехнулся… или же ему показалось, что он это сделал. Орочимару был, как всегда, в своём репертуаре: прямо, в лоб, не заботясь о душе и чувствах больного.

– Тебе нужно позже принять душ и поесть, – окинув критичным взглядом своего пациента, заметил доктор.

– Я не хочу.

– Тебя никто не спрашивает.

– Иди на хрен.

– Ты повторяешься.

Кажется, Орочимару вышел из комнаты, потому что стало дышать как-то легче. Учиха сквозь смеженные веки оглядел комнату – она расплывалась, но всё же он смог уловить резкие очертания высокого шкафа, какое-то разлапистое растение и тусклый свет настольной лампы. На этом желание оглядываться закончилось, ибо пришла боль.
Саске закусил губу, стараясь сосредоточиться на этой лёгкой боли, нежели на той, что разламывала его череп. Пальцы впились в простыни, комкая её и желая порвать.
Холодная рука мужчины легла ему на лоб, и тот обратился к Учихе:

– Сейчас.

Укола Саске почти не почувствовал, лишь дёрнувшись, когда осознал, что вновь вернулся к тому, от чего бежал. Осознание это впилось в голову, смешиваясь с горечью от своей беспомощности и злостью. Какого чёрта он позволил быть себе настолько слабым?
Опять припёрся сюда… позволил кому-то распоряжаться его жизнью.

– Сейчас полегчает.

***

Орочимару сидел рядом с застывшим телом и мысленно диктовал самому себе те симптомы, что видел у Учихи.
Судя по заострившимся скулам и торчащим ключицам, вкус и запах он уже перестал ощущать, а, следовательно, еда потеряла одно из своих главных значений – радовать. Если взять в расчёт состояние пациента, то психологический фактор отказа от еды тоже играл немаловажную роль.
Интересно…
Взгляд скользнул по острому профилю, коснулся отросших иссиня-чёрных волос, которые на белой простыне казались тёмной кляксой, разлившейся под головой парня.

– Саске? – тихо позвал мужчина, понимая, что пациент сейчас находится где-то не здесь, в другом мире, где нет боли.

Однако Учиха открыл глаза, слегка заторможено повернулся к доктору и замер.

– Ты ведь уже ничего не чувствуешь, – внезапно сказал Орочимару. – Тогда зачем бежишь куда-то? Зачем усложняешь себе жизнь?

Мужчина понимал, что одурманенный болью, истощением и морфином разум вряд ли воспримет эту фразу целиком и даст телу возможность на неё ответить.

– Куда бы и как быстро ты не бежал – тебе не убежать. Ты это осознаёшь.

Саске моргнул. То ли соглашаясь, то ли просто инстинктивно.

– Так зачем? Это…

Орочимару потряс флаконом с прозрачной жидкостью:

– Это сможет облегчить последние дни. Ты просто не поймёшь, когда всё произойдёт…

– Я хочу понять, – тихо ответил парень, смотря в глаза Орочимару.

– Непонятно, – пожал плечами доктор. – Ты странный, Учиха.

Тонкие бледные губы Саске с трудом дрогнули, пытаясь изобразить усмешку, но вновь застыли прямой линией.

– Ты готов осознанно терпеть эту боль, всё это. Ради чего?

Орочимару подвинулся ближе, садясь почти в притык к боку Учихи и кладя свою руку на тяжело вздымающуюся грудь:

– У тебя есть какие-то желания? Ты составил список? Что ты делаешь целыми днями? Что так держит тебя в осознанности?

Саске вновь моргнул, опуская взгляд на мужчину.
Немой слушатель. Они ценнее всего.
Длинный тонкий палец прошёлся по щеке парня, и тот всё же нашёл в себе силы недовольно нахмуриться.

– Ты ещё чувствуешь это? Боль, удовольствие?

Ноготь царапнул белую кожу под ключицей, а сам Орочимару внимательно следил за лицом своего пациента. Очередной опыт. Чёрные ресницы дрогнули.
Чувствует.
Или же просто рефлекс?
Рука скользнула на шею Учихи, нащупывая медленно бьющуюся жилку.
Пульс замедлен, как и должно быть.
Но всё же: рефлекс или чувствует?
Орочимару улыбнулся. В голове возникли тусклые воспоминания. Когда-то он, совсем как Саске, лежал на постели, боясь шевельнуться от нахлынувших чувств. А рядом с ним был парень, который рассказывал что-то. А потом, спустя три года, они поняли: ничего дальше быть просто не может. Тупиковая ветвь эволюции. Никакой пользы, никакого эмоционального интереса…
И что самое страшное – никакого научного…
Рука вновь прошлась по острой скуле Учихи, палец вычертил ровную линию сухих, потрескавшихся губ.

– Ты не боишься потерять всё? – тихо спросил Орочимару. – Осознанно?

Улыбка на тонких губах, а потом эти самые губы легко коснулись других. Сейчас мягких и податливых, но всё же жёстких и чужих.
Доктор легко прикусил нижнюю губу парня, внимательно вглядываясь в чёрные глаза, прошёлся языком по верхней.
Это было странно, почти забыто.
Прошло много лет.

Чужие руки больно впились в плечи, хотя сжаться ещё сильнее не могли из-за расслабленных мышц. Саске явно не нравилось это, и он хотел освободиться от нависшего над ним Орочимару.
Нет. Не рефлекс…
Мужчина отстранился сам, деловито поправляя выбившиеся из хвоста волосы. Скользнул взглядом по настороженно застывшему Учихе и усмехнулся.
Нет. Всё же не рефлекс.
Чувствует.

– Доброй ночи, – кивнул он, выходя из комнаты.

Дверь с мягким щелчком закрылась, отрезая путь к нахлынувшим было воспоминаниям.
Орочимару поджал губы.
Предстояла долгая ночь.
Ему было над чем поработать.

Глава 3. Fight inside.

"Enemy, familiar friend
My beginning and my end
Knowing truth, whispering lies
And it hurts again"
Red – Fight inside

«Враг, знакомый друг,
Моё начало и мой конец.
Искажённая правда, лживый шёпот.
И мне снова больно…»

Саске проснулся ближе к обеду, когда желудок начал противно урчать и сворачиваться, требуя еды и одновременно заставляя горький ком подкатывать к горлу.
Учиха не без труда разлепил тяжёлые, слипшиеся веки. Сколько же он спал?
Парень сел на кровати, осматриваясь вокруг: со сна всё плыло перед глазами, двоясь и теряя очертания, и пришлось выждать пару минут, чтобы зрение пришло в норму.
Да… это была спальня, выдержанная в весьма блёклых тонах, да и мебель здесь была безликой, словно хозяин попросту хотел побыстрее заполнить пространство из-за того, что так «надо».
Саске встал, отмечая, что всё ещё находится в джинсах, но уже без футболки.
Нужно было принять душ…
Путаясь в собственных же ногах, Учиха вышел в коридор и прошёл в просторную гостиную, совмещённую с кухней. Он замер в дверях, вглядываясь в знакомую спину высокого черноволосого мужчины.
Орочимару сидел за обеденным столом и неторопливо листал какую-то книгу, но завидев краем глаза Саске, отложил оную и сдержанно улыбнулся:

– Доброе утро.

– Сколько я спал? – резко спросил парень, входя и усаживаясь за стол.

– День ровно. Легче стало?

– День… – потерянно произнёс Учиха, прислушиваясь к своим ощущениям. Голова болела, но это была привычная уже фоновая мигрень. Довольно слабая, по сравнению с тем, что он испытывал в те злосчастные два дня.

– Тебе нужен был отдых.

Доктор поднялся из-за стола и как-то по-отечески похлопал Саске по плечу, проходя к холодильнику. От этого фамильярного жеста Учиху слегка передёрнуло, и он поёжился, словно в комнату напустили холода. Поджав босые ноги, парень уставился за окно, где виднелись крыши других домов, что были пониже.
Орочимару жил в дорогом районе. Его просторную квартиру, не зная, что это обычная многоэтажка, пусть и дорогая, изнутри можно было принять за небольшой загородный дом какого-нибудь зажиточного человека. Человека, который не любил жить дома, приезжая сюда лишь ночевать, потому что обстановка здесь хоть и была приятной, но всё же отдавала какой-то холодностью, необжитостью.
На стол перед Саске опустился стакан холодного апельсинового сока и какой-то бульон в белой керамической чашке. Желтоватая жидкость исходила дымком, но Учиха не чувствовал запаха, и ему было всё равно, чем там его пытается накормить доктор.

– Зачем? – тихо спросил парень, постукивая пальцами по столешнице.

– Тебе нужно есть, несмотря на то, что не хочется, – дотошно пояснил Орочимару, садясь на своё место.

– Не о том, – качнул головой Саске, всё же делая пару глотков

сока. Всё ещё не мог привыкнуть к тому, что всё, что бы он не пил, имеет вкус воды. То есть полное его отсутствие.

– А о чём?

Мужчина вновь погрузился в книгу.

– Зачем ты полез ко мне?

Тонкие брови доктора удивлённо вздрогнули, и он посмотрел на Учиху:

– Полез?

– Да. Тогда, – Саске смотрел прямо, и в глазах читалась злость.

– Эксперимент.

– Засунь свои эксперименты себе в зад, – прошипел Учиха, отставляя от себя стакан с соком. – Я тебе не педик, чтобы с тобой лизаться.

Бледное лицо мужчины на миг застыло, а затем доктор внезапно засмеялся. У него был тихий смех, почти беззвучный, и от этого было слегка жутко.

– Саске, чтобы целовать кого-то… необязательно быть… геем, – спокойнее пояснил Орочимару.

– А кем надо быть? – сквозь зубы прошипел Учиха.

Сначала парню показалось, что тот бредовый вечер был лишь плодом усталого сознания, но позже он понял: такие яркие сны ему никогда не снились.

– Человеком, – пожал плечами собеседник. – Поцелуй ничего не значит…

– Ты извращенец, – устало выдохнул Саске, понимая, что сейчас не в лучшем состоянии для выяснения отношений. Тело

требовало забраться под горячий душ и просидеть там хотя бы час, давая мышцам расслабиться, а шкуре согреться.

– Я всего лишь не столь зажат, как ты.

– Зажат? – брови удивлённо поднялись.

– Угу, – Орочимару довольно кивнул. Он пока вёл в этой беседе-игре. – Ты был с девушкой?

Такой прямой вопрос заставил Учиху нахмуриться и замолчать на пару секунд. А после он прыснул так громко, что сам удивился своей реакции. Отчего-то его начало разбирать на смех.

– Ты хочешь прочитать мне лекцию о разнице между мужчиной и женщиной, идиот?

– Всего лишь спрашиваю, – пропуская мимо ушей оскорбление, заметил Орочимару.

Саске прыснул вновь, допивая сок и поднимаясь:

– Не твоё дело.

– Как пожелаешь. Я просто хотел сказать, что…

– Мне всё равно, что ты там хотел сказать.

Учиха, развернувшись, направился на поиски ванной. Разрешения он просить не стал, логично решив, что если ему дали выдрыхнуться в чужой постели, то и душ позволят принять без спроса.

***

Наруто места себе не находил.
Растущая внутри тревога заставляла парня просыпаться каждые полчаса, вымучено глядя в окно и ожидая, пока наступит рассвет, а когда расцвело, Узумаки также мучительно долго

ждал обеда.
Больничная еда так и не лезла в горло, и он отставил её на тумбочку, мало интересуясь тем, что медсестра очень внятно объяснила – для выздоровления нужно есть.
Наконец-то дверь палаты открылась, и в неё вошёл красноволосый, на которого Наруто едва не бросился, чтобы вытрясти всю информацию поскорее.

– Привет! – горячо выпалил Узумаки, вцепившись взглядом в лицо парня.

Нагато улыбнулся и осторожно прикрыл за собой дверь. Вообще-то ему здесь быть не положено, но когда его интересовали правила?

– Ты как, доходяга? – беззлобно бросил тот, садясь на край кровати.

Наруто отодвинулся, уступая ему место, и пожал плечами:

– Живой. Но башка кружится… Ты… ты узнал?

Нагато усмехнулся легонько, по-братски проведя по волосам Узумаки. Последний был настолько поглощён колючим ожиданием, что этот странный жест практически и не заметил, а если и заметил, то сразу забыл.

– Прости, но там была какая-то женщина. Она сказала, что он там больше не живёт.

– Почему?! – выпалил Наруто, от удивления даже выпрямляясь. Комната начала странно накреняться, а отбитые рёбра стрельнули болью.

– Я не знаю, – пожал плечами Нагато. – А сегодня, когда я опять туда заехал, она меня чуть с лестницы не спустила… Поверь, твоего друга там нет.

– Блин, – протянул Узумаки, моментально как-то потухая.

В душе начала разрастаться дыра безнадёжности. Куда мог уйти Саске в его состоянии? Далеко ли? Да даже, если он и пошёл домой, что вряд ли, то всё равно не дошёл бы. Ведь это приличное расстояние… пешком.
Наруто тряхнул головой, отгоняя от себя тревожные мысли, хотя это не помогло.

– Ты не знаешь, где он может быть ещё?

– Да я видел его дом… но я не помню адреса, – устало пояснил Узумаки, смотря на свои сложенные на одеяле руки. – Если бы я увидел, то узнал бы то место…

– Тебе отсюда нельзя, – предугадывая его желания, строго заявил Нагато. – Отлежись хотя бы пару дней.

– Ты не понимаешь, – потряс головой Наруто. – Мне срочно нужно найти его.

– Да куда ты в таком состоянии? – фыркнул слегка раздражённо Нагато. – Ты сам на ногах еле стоишь.

– Да плевать! – горячо заявил Узумаки, поднимая глаза на парня. – Если я его не найду, то… то…

Наруто запнулся, точно не зная, что «то». Возможно, он вновь паниковал из-за пустяка и снова предстанет истеричным наивным ребёнком в глазах Учихи, но сейчас все последствия казались какими-то неважными.

– Всё с ним будет нормально, – терпеливо выдохнул Нагато. – Ты главное сам поправляйся, а потом найдём мы твоего Саске.

– Да не мой он, – в запале отмахнулся Узумаки. – Просто… я волнуюсь.

– Понимаю, – как-то хитро усмехнулся тот. – Ладно, ты прости, но мне надо ехать. Я и так еле отпросился.

– Ой, – едва не хлопнул себя по лбу Наруто. – Ты же с работы…

блин. Прости.

– Забей, – весело отмахнулся Нагато. – Я тут недалеко работаю.

С этими словами он подошёл к двери и напоследок бросил:

– Поправляйся.

– Хорошо, – как-то неуверенно выдохнул Узумаки, опуская голову.

Наруто чувствовал себя безногим, безруким и слепоглухим человеком, которому заявили, что он ещё и онемел. Сидеть в этой клетке было невыносимо. Стены давили на тело, заставляя то и дело глядеть на часы, переворачиваться на другой бок и тщетно пытаться уснуть.
В груди противно ныло и тянуло, приходилось успокаивать себя глупыми фразами о том, что Учиха непременно бы нашёл куда пойти, где остановиться…
Узумаки прикрыл глаза.
Оставалось только ждать.

***

– Ваш сын со мной, – терпеливо объяснял в трубку Орочимару. – И я думаю, что ему на некоторое время лучше задержаться здесь.

Судя по нахмурившимся бровям доктора, в трубку начали протестовать.

– Вы же понимаете, что дома он не останется…

Складочка на лбу расправилась, и мужчина довольно улыбнулся:

– Хорошо, я сообщу, как только что-то изменится.

– Сдаёшь? – тихо спросил Саске, что давно стоял позади доктора и прислушивался к разговору. С волос ещё капало, а

тело, скрытое под лёгким халатом, слегка морозило, но приятное ощущение чистоты того стоило.

– Предупреждаю твоих родителей, что с тобой всё хорошо, – спокойно отозвался Орочимару, оборачиваясь. Он смерил взглядом Учиху и кивнул: – Сейчас дам тебе вещи…

– Хорошо? Со мной? – прыснул Саске, направляясь следом за мужчиной.

– Ты же ходишь, дышишь.

– Пока что, – мрачно поправил Учиха, смотря, как Орочимару вынимает из высокого шкафа стопку одежды. – Откуда у тебя это?

– Твой отец завёз.

– Значит, он знал, что я рано или поздно окажусь здесь?

– Мы предполагали такой поворот событий, – согласно кивнул тот, протягивая Саске одежду.

– Меня поимели, – выдохнул Учиха, резко забирая стопку из рук доктора и направляясь в уже знакомую спальню.

Захлопнув за собой дверь, парень раздражённо скинул чужой халат и поспешил быстрее облачиться в более привычные джинсы и футболку. Сверху надел серую толстовку, чтобы хоть как-то унять дрожь.
Взгляд сам собой упал на зеркало. Чёрные глаза смеялись. Зло, холодно. Отражение, будь его воля, разразилось бы издевательским смехом над застывшим напротив человеком, который по какой-то дурацкой случайности был его хозяином. Такой слабый и хрупкий – пни и разлетится на осколки.
Саске фыркнул, сжимая кулаки. Он ненавидел того, кто прятался за тонкой лишь на первый взгляд зеркальной гладью.

– Тебя бросили, – одними губами прошептало отражение.

– Заткнись.

– Наруто убежал побыстрее, чтобы не видеть такую жалкую картину…

– Заткнись.

– И он оставил тебя. Нарушил обещание…

Учиха зажмурился, прикладывая руку ко лбу. Он знал, что это всего лишь плод его больного разума, но от этого чужие слова не становились тише, нереальнее. Они всё так же осколками врезались в сердце и в уши:

– Ты никому не нужен.

Зажав уши руками, Саске опустился на кровать, упираясь локтями в согнутые колени.

– Никому. Все обманут. Уйдут. Бросят.

Учиха тяжело выдохнул. В голове вновь звенело, мозг нагревался и, кажется, был готов вот-вот лопнуть.

– А ты думал, что я так просто отступлю? Что всё будет так просто?

Женский голос рядом… Саске резко открыл глаза, вскакивая с кровати и озираясь по сторонам, в поисках уже привычного силуэта.

– Пошла вон! – выпалил парень.

– Я внутри тебя. Я не смогу уйти…

Комната вокруг слилась, став серыми декорациями. Плоскими, холодными, шершавыми и безжизненными. Постепенно пропало всё: кровать, стол, окна… – осталось лишь зеркало, отражающее его, потерянного, тяжело дышащего.
Руки обхватили плечи, сжимая до боли. Учиха надеялся, что

боль вернёт его в реальность, хотя её сейчас было достаточно…

– Только я останусь с тобой в итоге…

– Заткнись.

– Только я, и никто больше.

– Саске?

Голос, не принадлежащий этому серому миру, внезапно ворвался в плотный кокон из чужих призрачных шепотков и холодных лезвий, что касались кожи, оставляя невидимые раны.
Орочимару ухватил застывшего посреди комнаты Учиху, разворачивая к себе лицом. Мужчина часто видел то, как больные начинают сходить с ума. Их глаза отрешённые, смотрящие куда-то в пространство, взволнованное лицо и пальцы, цепляющиеся за одежду врачей…
Но здесь было что-то другое. Взгляд его пациента был наполнен злостью и горечью, руки безвольно висели вдоль тела, а он сам казался просто задумавшимся человеком, а не раздираемым болью больным.

– Пойдём, – тихо сказал доктор, пытаясь усадить Саске на кровать. – Я принесу обезболивающее.

– Нет, – слишком резко для находящегося в таком состоянии заявил Учиха, хватая руки Орочимару, что сжимали его плечи. – Не надо.

– Саске, – устало вздохнул мужчина, вглядываясь в непроницаемые чёрные глаза, – твой мозг не выдержит нагрузок. Тебе нужно сбить боль…

– Нет, – ещё твёрже отказался тот. – Я сам…

– Почему ты противишься лечению?!

Что-то внутри Орочимару начало ломаться. Нет, ему не было

жаль этого парня, ему не было дело до того, как долго прослужит тому его мозг, насколько хватит сил, чтобы не покончить с собой из-за постоянных приступов. Ему не было дела до всего этого. Он просто поступал так, как было предначертано действовать врачам: советовал, уговаривал, пытался воззвать к здравому смыслу. Алгоритм, заученный за многие годы практики, сейчас, казалось, начинал осыпаться осколками, разбиваясь о стену отказа, отчуждения и упрямства.

– Ты никому лучше этим не сделаешь, – внятно проговорил доктор, глядя в глаза парня. – Ты сойдёшь с ума раньше весны…

– Я не сойду с ума, – упрямо и вполне трезво заявил Учиха, вглядываясь в лицо мужчины. – Ни ты, ни она не сможете меня заставить…

– Она? – нахмурился Орочимару. – Саске… мы здесь вдвоём.

Кажется, части головоломки начали становиться на свои места. Картина заполнялась, и теперь мужчина осторожно отпустил руки Учихи, заинтересованно вглядываясь в его лицо. Что это? Что за явление перед ним? Понятно было лишь одно – Саске уже столкнулся с галлюцинациями зрительными, слуховыми…

– Оставьте меня в покое, – устало попросил Учиха, сам опускаясь на кровать и закрывая уши руками. Он зажмурился, опустив голову. – Просто уйдите.

Орочимару покачал головой, внимательно оглядывая сгорбившееся тело.
Время было безжалостным ко всем… и сейчас то, что казалось так надёжно спрятанным, проступало наружу. Слишком тонкие запястья, слишком выступающий позвоночник, заострившиеся скулы и отстранённый взгляд. Саске будто уже не было здесь: только дряхлая и хрупкая оболочка, кокон, который остался после своего хозяина и вот-вот рассыплется трухой, стоит к нему прикоснуться.
Эту стадию доктор знал, но не думал, что она наступит так быстро.

Где же попытка договориться, где же то, что обычно врачи называют периодом «сделки», когда больные на всё готовы, свято веря, что переход на овощи, ежедневные молитвы и жизнь праведника вернут им здоровье, продлят срок…
Да. Здесь он бессилен.

– Отдыхай, – тихо сказал Орочимару, впервые за много лет, кажется, пребывая в странном рассеянном состоянии, когда мозг пытается ухватиться за предоставленные отголоски информации, но те водой утекают меж пальцев.

Сказав это, мужчина осторожно прикрыл за собой дверь, направляясь в свой кабинет. Зайдя в небольшую комнатку, пахнущую книгами, тот достал из кармана сигареты и задумчиво взглянул на никотиновую палочку.

– Так быстро, – одними лишь губами проговорил он, усаживаясь за стол и открывая чёрную папку.

Болезнь имеет лицо. Каждая. Она имеет характер… личность…
У кого-то она вяло течёт, медленно играя со своей жертвой, словно кошка с поймавшейся мышкой. Наслаждается процессом, упивается чужой болью и растёт, крепнет от чужих страданий.
У кого-то болезнь проходит незаметно. Слишком быстро, чтобы больной мог что-либо осознать. Как правило, в таких случаях диагноз подтверждают лишь после смерти пациента.
А у кого-то…
Орочимару втянул в себя горьковатый дымок, прищурился, глядя на сизые разводы в воздухе.
Для кого-то она становится вторым «я». Субличностью, делящей разум на две воинствующие части, для кого-то врагом или другом. Выбор был невелик: все заканчивали одинаково. Болезнь съедала их слишком быстро, подкреплённая голосами из недр повреждённого разума.
Мужчина затушил сигарету в медной пепельнице и взял со стола ручку. То, что он узнал, должно было быть записано…

***

Саске пришёл в себя, когда в комнате стало темно и только жёлтая полоска света под дверью слегка очерчивала предметы в комнате едва заметным контуром.
Учиха моргнул, пытаясь привыкнуть к этой реальности. Сил встать и пройти в кухню опять не было, да и не хотелось.
Яркое пятно света слева заставило перевести взгляд на него, и парень нехотя притянул к себе мобильник. Кажется, это Орочимару заботливо положил его рядом… или он сам достал его. Память отказывала воспроизводить то, что было всего несколько часов назад.
Над жёлтым конвертиком была красная пометка: одно сообщение. Машинально Саске открыл его и попытался сфокусировать взгляд на прыгающих буквах.

«Каким бы ты мудаком не был, но ты лучше этих баб», – Наруто.

Губы искривились в улыбке, чтобы вновь стать бесчувственными и неживыми. Старая смс. Тогда он ещё смутно верил во что-то. Сейчас же последняя вера ушла, забрав его куртку и пообещав вернуться с таблетками.
Палец застыл над кнопкой вызова. Если он наберёт Узумаки, то что скажет? То, что неожиданно для него самого это мелкое предательство резануло больнее, чем все слова Орочимару? Что он его ненавидел за это поспешное исчезновение? За трусость, которую Наруто ловко прятал до сих пор за маской веселья и беззаботности. За пьяными обещаниями всегда быть рядом. Узумаки даже ничего не написал… после своего исчезновения.
Учиха раздражённо перевернулся на спину, прикрывая лоб рукой. Какого чёрта он лежит здесь на чужой кровати и рассуждает, как какая-то малолетняя дура, которую бросила очередная любовь всей жизни?! Какого чёрта?! Ему же нет дела, а это просто Наруто. Придурок, который ничего не может ему дать, ничем не сумеет помочь.
Так или иначе, никто ничего друг другу не должен.
Саске раздражённо отложил телефон в сторону, подкладывая руку под щёку.
А если никто никому ничего не должен, то зачем предъявлять претензии. Учиха не имеет на это, ровно так же, как не имеет на этот право и Узумаки.

Только горечь от этих поспешно сделанных выводов меньше не стала, расползаясь чёрным горящим пятном под рёбрами.

***

Наруто тяжело вздохнул, лёжа на боку в своей палате.
Он чувствовал себя нормально. Сотрясение, если верить своим ощущениям, не было такой уж большой проблемой до тех пор, пока тело было в горизонтальном положении. Конечно, его иногда мутило, но это можно было потерпеть…
А вот часы, проходящие здесь слишком медленно, терпеть уже было невыносимо.
Чувство вины буквально разрывало Узумаки на части. Если бы он знал, что всё так обернётся, то предупредил бы…
Парень фыркнул, пытаясь выгнать из головы по сто раз уже продуманные мысли, картинки и те выходы из ситуации, которые было слишком поздно предпринимать.
Наруто вновь издал долгий вздох. Хотелось выть от беспомощности. И злость, что не получалось ни спать, ни есть. Да и не хотелось…
Он чувствовал себя виноватым…
Но завтра приедет Нагато… возможно, вместе они что-то придумают…
Робкий блик надежды всё же упал в темноту, и Узумаки слабо улыбнулся. Только легче не стало: нетерпение принялось жечь с новой силой.

***

– Выпей эти таблетки.

Орочимару сел на кровать рядом с Саске. В предрассветном свете лицо доктора казалось каким-то змеиным, слишком бледным и даже синеватым. И лишь два ярких пятна – глаза, сейчас, кажется, светились янтарным.
Учиха сморгнул, сбрасывая наваждение, и приподнялся, усаживаясь в кровати:

– Что это?

– Уймёт голову, – пояснил мужчина, высыпая на холодную ладонь четыре таблетки. – Предотвратит приступ. Возможно…

– Возможно? – чёрные брови иронично изогнулись, хотя таблетки Саске сжал в руке. Не хотелось. Вообще ничего не хотелось. Не было смысла.

– Больные твоего типа проходят терапию, – устало улыбнулся Орочимару. – Они находятся под постоянным наблюдением врачей. Кто-то даже к психологу обращается…

– На хрен? – нахмурился Учиха. – Зачем вся эта дрянь? Всё равно подыхать.

– Каждый хочет до конца чувствовать себя частью общества. И мы предоставляем им это… в нашей клинике.

Саске фыркнул. Это всё звучало, как рекламный слоган, который улыбающиеся белозубым оскалом актёры заученно диктуют с голубых экранов.

– Зачем им это?

– Система. Привычка, – пожал плечами Орочимару. – Ощущение того, что ты всё ещё жив.

– А если его нет? – Учиха поднял глаза на бледное лицо доктора.

– То остаётся недолго.

– Вот и прекрасно, – вздохнул парень, всё-таки запихивая таблетки в рот. Не потому что верил, что они помогут, а просто из-за желания ещё раз доказать себе, что это всё бесполезно.

– Каждый должен за что-то держаться до конца.

– Зачем? – повторил Саске, с трудом сглатывая капсулы.

Видя его затруднения, Орочимару запоздало подал

принесённый стакан воды.

– Не знаю, – честно ответил доктор. – Но многие держатся…

– Придурки, – прыснул Учиха.

– Наверное, – янтарные глаза сверкнули. – Но ты не умнее их.

Саске удивлённо поднял взгляд на мужчину.

– Ты отказываешься даже от лечения. Я не понимаю, что ты хочешь этим доказать.

Судя по тяжёлому вздоху, Орочимару действительно не понимал, и его это утомляло. Он привык решать всё быстро, с первого взгляда. Но здесь запутался…

– И не поймёшь, идиот, – фыркнул Учиха, укладываясь обратно. – Я завтра уйду.

– Куда?

– Да хоть куда. Не собираюсь тут оставаться. Всё одно: что у тебя, что в той клинике.

– Ты без таблеток и дня не протянешь.

Саске промолчал, смотря в потолок. И что из того, если не протянет? Как будто с ними он задержится здесь дольше. Зачем пытаться продлить то, что уже кончилось?

– У тебя даже денег нет.

– Убью кого-нибудь и ограблю, – спокойно пообещал Учиха.

– Не смешно. То, что ты умираешь, – Орочимару поджал губы, – не значит, что у тебя есть право тянуть кого-то за собой.

Саске скосил глаза на сидящего рядом мужчину и хмыкнул.

– Решать тебе, – спустя короткую паузу сказал доктор и поднялся с кровати.

Дверь тихо щёлкнула, оставляя Учиху в темноте.

***

Узумаки взволнованно смотрел на дверь, когда часы перевалили за полдень. Нагато запаздывал, хотя, может быть, парень решил не навещать новоявленного друга сегодня. Ведь всё же у всех есть свои дела…
От этих мыслей в душе Наруто что-то неприятно ворочалось и обрывалось, но он заставлял себя верить.
Когда дверь палаты открылась, сердце ёкнуло… и упало вниз. Это была его мать.

– Ма, – безжизненно выдохнул Узумаки, – ты принесла мой телефон?

Женщина, удивлённая отсутствием приветствия, вздёрнула брови:

– Мне кажется, мы уже решили вопрос с телефоном, Наруто.

– Мне на пять минут, – с мольбой в голубых глазах проговорил парень.

Мать, поджав губы, оглядела того. Её сын, кажется, за эти дни изменился. Она пыталась не думать об этом, но он будто потух, стал меньше, исхудал и даже извечно яркие волосы поблёкли. Возможно, во всём виновата больничная еда или гнетущая атмосфера.
Других идей в её голову не приходило…

– Я недолго, – проговорил Узумаки, видя, что лёд начал трогаться. – Ну пожа-а-а-алуйста-а-а…

– Хорошо, хорошо, – поспешно прервала его затянувшиеся мольбы женщина, вынимая из сумки телефон. – Я его выключила… заряд должен остаться.

Не помня себя, Наруто вцепился в сотовый, торопливо включая его. Приветственная заставка подняла в душе бурю злости из-за своей медлительности, а то, что сеть загрузилась не сразу, едва не заставило ругнуться.

– Недолго.

– Угу, – кивнул Узумаки, быстро листая список контактов. Всё было слишком медленно.

«Саске».

При виде этого имени сердце больно кольнуло. Палец нажал на вызов.

***

– Это часть денег, которую твой отец заплатил мне за то, что я буду присматривать за тобой, – спокойно проговорил Орочимару, протягивая стоявшему в дверях Учихе стопку купюр.

Доктор не был щедрым, но что-то заставило его пойти на этот шаг. Так или иначе, он сможет поддерживать с Саске подобие связи по телефону и использовать полученную информацию в качестве материала к своему исследованию.

– Засунь их себе…

– Бери, – устало потребовал Орочимару. – Вот рецепт. Купишь эти лекарства и можешь делать, что хочешь. Хоть выброси.

– Зачем ты это делаешь? – без эмоций спросил Учиха, пристально глядя в глаза мужчины.

– Ты хороший объект для исследования, – честно признался доктор. – И мне важно закончить работу.

– Ммм, – протянул Саске и хмыкнул, забирая деньги. Конечно,

было противно принимать такую «помощь», но разум всё ещё говорил: нужно где-то жить. Хотя бы жить. Про еду организм уже не напоминал.

– Твой телефон.

Учиха принял из рук Орочимару чёрный прямоугольник с потухшим экраном. Осторожно клацнул одной из кнопок, но аппарат был мёртв.
Разрядился.
Как всегда.

«Раз тебе моё присутствие "как хочешь", то будь добр, заряжай телефон. И я буду приходить реже…»

Саске усмехнулся, слыша в своей голове голос Узумаки.
Раз не позвонил, не написал, то и приходить не будет. Да и некуда.
Убрав сотовый в карман куртки, Учиха накинул на плечо рюкзак и толкнул дверь, решив, что прощаться с Орочимару нет смысла.
Говорить этому типу что-либо совершенно не хотелось. Охота было поскорее забыть.

***

«Аппарат вызываемого абонента выключен или находится вне зоны действия сети…»

Третий раз. Третий чёртовый раз!
Наруто раздражённо бросил телефон на кровать.

– Что-то случилось? – удивлённо спросила мать.

– Нет, – раздражённо буркнул Узумаки.

Могло случиться всё, что угодно…

– С тобой точно всё в порядке?

– Мам, – выдохнул Наруто, – оставь мне телефон… я не буду играть… просто нужен.

Он поднял глаза на женщину. Внутри было гадко, грустно и печально…

– Нет. Ты же знаешь правила.

– Да к чёрту правила! – возопил Узумаки, но тут же выдохнул: – Извини.

– Это нервное, – выдохнула мать, улыбаясь. – Я поговорю с твоим врачом.

Напоследок она всё же забрала телефон с постели.

– Подожди! – парень вскочил, пошатываясь, и быстро нагнал её у дверей и взял телефон из рук той.

– Наруто! – возмущённо выпалила женщина, замирая.

Узумаки вновь нажал кнопку вызова.
А вдруг?

***

Купив пачку дешёвых сигарет в первом же попавшемся ларьке, Саске нетерпеливо закурил. Безвкусный дым приятно щипал нёбо и язык.
Опёршись спиной о стену, Учиха медленно думал. Куда идти? Где остановиться? В ту квартиру он вряд ли вернётся, а искать новую…
В душе поселилось какое-то странное чувство. Словно все нити, связывающие его с прошлым, с людьми, которые были рядом ещё месяц или неделю назад, оборвались. Их разрезали раскалённым ножом, чтобы оплавленные концы уж точно больше никогда не срослись вновь.
Странный горький вкус никому ненужной уже свободы…
Саске вздохнул: виски опять поламывало.
Для начала нужно зайти в аптеку.

Рука скользнула в карман, убирая зажигалку, купленную в том же ларьке. Пальцы наткнулись на гладкий корпус телефона. Вытащив его, Учиха уставился на блёклый в лучах тусклого света экран. Зажал кнопку, проверяя, способен ли телефон к жизни, и был удивлён, когда тот мигнул приветственной заставкой и запустился, кажется, из последних сил.

«Наруто».

Позвонить? Высказать… просто выслушать фальшивые оправдания?
Кнопка вызова щёлкнула, ставя многоточие длинными гудками в ухо…

***

Когда поднесённый к уху телефон завибрировал, Узумаки резко отнял его от оного и воззрился на экран.

«Саске».

Сердце пропустило удар, чтобы забиться с бешенной силой. Дрожащей рукой, парень нажал приём вызова.

– Учиха?! Учиха!

Писк и прощальная мелодия оповестили о том, что аккумулятор всё-таки разрядился.

***

Саске ухмыльнулся. Зло, горько, довольно. Его мысли подтвердились этими короткими гудками, когда Наруто сбросил его вызов.

«Вызываемый вами абонент…»

Учиха не стал дослушивать женский голос до конца. Было и так ясно, что Узумаки не желал возвращаться к разговору с ненужным уже человеком…

Затянувшись щипающим язык дымом, Саске убрал разрядившийся вконец телефон в карман.
Всё было ясно.
Он не нужен.
Впрочем, чего Учиха ещё ждал от человека из другого мира?
Зажав сигарету меж губ, он двинулся по пустынному тротуару.
Ноги несли непонятно куда… нужно было просто двигаться.
Чтобы не чувствовать.
Во всяком случае, никто никому ничего не обещал. Глупо.
Глупо верить и надеяться.

***

– Так. Давай сюда.

Женщина буквально отодрала телефон от уха застывшего сына. Она не заметила бледного лица, потерянного взгляда, направленного куда-то в пространство: мимо неё, мимо этих дверей.

– И вернись в постель.

Дальше Наруто не слышал, послушно шагая к кровати.
Кажется, он остался один в палате.
Надежда умирала… но ведь Саске сам звонил.
Или это был не он, а его родственники, чтобы сообщить, что…
Узумаки зло ударил рукой по матрасу.
Нет. Всё хорошо.
Всё будет хорошо…

Глава 4. Hymn for the missing.

"Tried to walk together
But the night was growing dark
Thought you were beside me
But I reached and you were gone

Sometimes I hear you calling
From some lost and distant shore
I hear you crying softly
For the way it was before

Where are you now? Are you lost?
Will I find you again?
Are you alone? Are you afraid?
Are you searching for me?

Why did you go? I had to stay
Now I'm reaching for you
Will you wait? Will you wait?
Will I see you again?"
Red – Hymn for the missing

«Мы старались держаться вместе,
Но темнота ночи накрывала нас.
Я думал, что ты рядом,
Но стоило мне протянуть руку, и ты исчезал.

Иногда я слышу твой зов,
Доносящийся с затерянного и отдалённого берега.
Я отчётливо слышу твой плач,
Призывающий повернуть время вспять.

Где ты сейчас? Ты заблудился?
Отыщу ли я тебя вновь?
Ты одинок? Тебе страшно?
Ищешь ли ты меня?

Почему ты ушёл? Я остался ждать.
Лишь сейчас я настиг тебя.
Будешь ли ты ждать меня? Сможешь ли дождаться?
Смогу ли я увидеть тебя вновь?»

Учиха смотрел на тарелку какого-то супа, что сейчас дымилась перед ним. Дешёвое кафе было полупустым. Когда он сюда вошёл, то его встретила лишь мрачная официантка, которая вовсе не хотела работать в этот понедельник, и лежащая у порога псина.
Кафе было небольшим. Типичным для окраины большого города: тесный зал, прилавок с зачерствевшими сладостями, пожелтевшее меню на затёртом столе и шаткие стулья. Кто-то даже поставил на каждый стол по синей вазе с искусственными цветами, которые за долгое время выцвели и покрылись слоем пыли. Как и всё здесь.
Саске впервые благодарил небо за то, что не может чувствовать вкуса и запаха, исходящего от пищи. Он бы не ел, но в один момент ноги просто отказались нести тело, останавливая его и приваливая к стене. Тогда Учихе показалось, что он вот-вот упадёт и больше не встанет. А потом на глаза попалась яркая вывеска.
Горячая жидкость пробежалась по пищеводу, падая камнем в желудок, что моментально сжался. Саске замер, пытаясь перетерпеть острые неприятные ощущения, что волной поднимались от желудка к горлу, оставляя там горький ком. Слишком давно не ел…
Выдохнув, парень зачерпнул новую ложку и всё же проглотил очередную порцию куриного бульона.
Взгляд то и дело падал на лежащий на столе телефон. Безжизненный кусок пластика, который следовало бы выкинуть, но что-то останавливало. Конечно, в кафе можно было попробовать зарядить его, но что это даст? С кем ему разговаривать?
Усмехнувшись, Учиха в очередной раз проглотил суп. Тошнота всё-таки взяла своё. Вскочив, он взглядом спросил: куда? Привыкшая, видимо, к такому официантка, молча

указала на выход из кафе. Очевидно, мыть сортир после клиента со слабым желудком никто не хотел.

***

Нагато остановился у пластиковой двери очередного кафе, задумчиво разглядывая ручку.
Как открыть эту чёртову дверь?
Нет… это бы не вызвало проблем, будь его руки свободны от многочисленных картонных коробок с едой, которую следовало доставить.
Красноволосый хотел было уже опустить их на землю и потянуть за ручку, как дверь распахнулась сама. Наружу. Быстро. А затем из зала стремительно метнулся какой-то парень, представший в глазах Нагато чёрным смазанным силуэтом, который врезался в него.
Коробки взмыли в воздух, вылетая из его разомкнувшихся рук, а он сам пошатнулся на ступеньках, но чудом выстоял, не слетев на асфальт.

– Эй! – крикнул Нагато, выравниваясь и смотря на рассыпавшиеся по тротуару многочисленные пластиковые упаковки. – Глаза разуй!

Взгляд парня упал на согнувшегося у перил молодого человека, который цветом лица напоминал мёртвую жабу.

– Сам разуй, – хрипло огрызнулся темноволосый, держась за желудок и странно подрагивая.

– Кто мне за это заплатит?! – выпалила выбежавшая на шум официантка. – Я не буду принимать порченный товар!

– Где ты видишь, что он порченный? – выпалил Нагато, раздражённо скидывая в расхлябанную коробку пластиковые пачки какой-то сомнительной еды.

– Она на земле была!

– Милая, судя по этому юноше, у вас в кафе и так беда с

санитарией, – фыркнул он в ответ, ехидно улыбаясь.

Девушка скользнула взглядом по застывшему темноволосому парню, что минуту назад выбежал из зала. Одет он вроде был неплохо и на бомжа не смахивал, хотя рюкзак за плечами наводил на определённые мысли… хотя кого на вокзале не встретишь. Может, турист, а, может, торчок какой. Вон как скручивает.

– Ты мне языком не моли тут, – строго буркнула она. – Я шефу позвоню.

– Да хоть Папе Римскому, – скривился Нагато, составляя коробки стопочкой и вновь поднимая их. Взгляд скользнул по уже привалившемуся к перилам недотёпе. – Ты это… осторожнее…

Саске нахмурился, переводя мутный взгляд на него.

– Иди на хрен, – хрипло выдохнул он и, пошатываясь, направился прочь от кафе.

Нагато удивлённо вздёрнул брови, смотря вслед худощавому парню в чёрном.

– Странный, – пожал тот плечами и, опомнившись, добавил: – Так… пошли. Будем записывать.

Официантка радушно открыла двери перед ним, впуская в душное и пропахшее некачественной едой помещение. Нагато поморщился, составляя коробки на свободный стол.

– Если хочешь, звони управляющему, – буркнул он, смотря на слегка помятый картон. – Но все продукты целы… упаковки не порвались.

– Вот и позвоню! – упрямо бросила девушка, убегая куда-то за стойку.

– Зря, – поджал губы Нагато, мысленно костеря того

неаккуратного брюнета, из-за которого у него теперь могут появиться проблемы на работе. Ведь его шеф был человеком принципиальным и, что греха таить, имел взрывной характер.

Нагато отвернулся от треклятых помятых и испачканных в пыли коробок, прошёлся взглядом по кафе, замечая на одном из столиков чей-то оставленный телефон.

– У тебя тут кто-то добро своё забыл, – бросил он девушке, подходя ближе к столику.

Крашенная блондинка удивлённо подняла взгляд от своего собственного сотового, нахмурила тонкие брови и выпалила:

– Да тот, видимо.

Нагато взял со стола телефон и покрутил в руках. Дорогой, хоть и подранный местами, даже экран был поцарапан.

– Он разряжен, – пробормотал себе под нос парень, клацая клавишами. – Нужно вернуть…

Подошедшая официантка вырвала сотовый из рук Нагато, придирчиво осмотрела и скривила милое личико. Если бы мобильный был лучше, аккуратнее, девушка бы оставила его себе… чего добру пропадать:

– Да делай, что хочешь с этим мусором.

Она отошла в сторону, небрежно бросив сотовый на стол, с которого Нагато тут же поднял оный.
Когда растёшь в детском доме, когда ищешь любую возможность зарабатывать… постепенно привыкаешь жить так, подбирая крохи, урывая у судьбы любые подачки. Пусть это даже изношенные телефоны.

– Шеф скоро будет. Готовь вазелин, – хмуро шикнула блондинка.

Нагато, убрав телефон в карман и тут же забыв о нём,

усмехнулся:

– Любишь поиграть?

***

Осень перевалила за середину, запуская свои холодные руки в душу каждого, кто шёл по улице, заставляя чувствовать себя никому ненужным, чужим здесь для каждого, пустым.
Ещё с утра с неба лились солнечные лучи, которые больше раздражали глаза, чем грели. Приходилось щуриться и вдыхать этот подогретый осенний воздух.
Наверное, сейчас пахло опавшей листвой и мокрой землёй.
Но Учиха не чувствовал этого привычного запаха, как и любого другого.
Ближе к обеду небо затянуло свинцовыми тучами и подул пронизывающий ветер.
Люди боялись впускать в свои сердца это холодное дыхание осени, спеша скрыться в тёплых кафе, где искусственный янтарный свет заменял пропавшее солнце, а голоса и смех не давали чувствовать себя одинокими. Ведь, когда идёт дождь, все мы одиноки. Мы отрезаны друг от друга прозрачными каплями, которые своим шелестом заглушают любые, даже самые тёплые слова.
Когда мы одни, мы чувствуем себя пустыми. Нам нечем заполнить себя. И холодный дождь, касаясь нашей кожи, будто смывает ту разноцветную пелену благополучия, которой мы покрываем себя на протяжении солнечных дней.
Саске сидел в небольшом сквере, шурша пакетом с лекарствами и пытаясь достать пачку таблеток обезболивающих.
Он не понимал смысла борьбы с самим собой сейчас. Зачем? Зачем пытается остановить, сдержать то, что и так настигнет его рано или поздно? А эти белые кругляшки, которые должны быть горькими, но на проверку оказываются безвкусными пустышками, для чего они? Ведь легче от них не становится.
Учиха привычно проглотил сухие таблетки, смотря на растущее рядом дерево. Оно было старым, замшелым, но листья всё ещё с трудом держались на его изогнутых ветвях.
Наверное, всё так и закончится.
Саске посмотрел на свои руки, ставшие бледными и какими-то

тонкими.
Похоже, он дошёл до грани, когда больше идти некуда.
Да и желания возвращаться не было. Куда? К кому?
Пусть считают его пропавшим, а потом, возможно, найдут и закопают. Но это будет уже не он.
Рука в поисках телефона нырнула в карман чужой куртки, которая, как назло, будто сохраняла тепло прежнего хозяина. И это раздражало. Хотелось сбросить её, но тело и так дрожало от какого-то внутреннего холода.
И только сейчас, наткнувшись пальцами на пустоту, Учиха вспомнил, что забыл сотовый в каком-то кафе.
На тонких губах появилась усмешка.
Значит, так и должно было случиться. Он отрезан от прошлого. Как это оказалось просто. Стоит потерять телефон, и ты становишься призраком. Если ты не захочешь, с тобой не свяжутся, тебя не найдут.
Было спокойно, но одновременно грустно.
Саске лишил себя всех средств вернуться.
Обратно не было дороги.
Оставалось ждать…

***

Оставалось ждать…
Узумаки нервно кусал губы, стоя у окна и глядя в хмурое осеннее небо. Нужно было что-то делать, куда-то бежать, но…

– Эй, Наруто, привет.

Голос, раздавшийся где-то за спиной, заставил его быстро повернуться.

– Нагато! – выпалил он, подлетая к своему посетителю.

– Ты чего? – слегка настороженно проговорил тот, отходя на шаг назад, чтобы не столкнуться с взволнованным парнем носами.

– Ты не нашёл его?

– Прости, но не было времени, – тяжело вздохнул Нагато. Времени действительно не было. – Я сегодня весь день получал от шефа за попорченный товар… а потом ездил за новой партией, разбирался с накладными… прости.

– Да нет, – потух Узумаки. – Ты же не обязан. А что за товар?

Наруто спросил на автомате, из вежливости. Ему не хотелось казаться бесчувственным эгоистом, хотя мысли то и дело возвращались совсем к другому человеку.

– Да продукты для кафе, – отмахнулся Нагато, проходя глубже в палату. – Попортил из-за одного придурка невменяемого. Вылетел из кафешки и чуть с ног меня не сбил… коробки повредились, хотя товару ничего не сделалось. Но шеф у меня тот ещё… чудак.

– Плохо, – выдохнул Узумаки, опускаясь на постель. – Тебе сильно влетело?

– Да нет. Думаю, зарплату не порежут, – неуверенно пробормотал парень. – А! Но справедливость восторжествовала!

Наруто поднял на Нагато заинтересованный взгляд, а в голове было пусто… он не мог заставить себя думать о чём-то другом. Тот, победно улыбаясь и сверкая глазами, вытащил из кармана какой-то сотовый и легко перекинул его Узумаки, что тут же поймал оный.

– О, реакция уже восстановилась, выздоравливаешь, – довольно улыбнулся Нагато, складывая руки на груди и смотря на Наруто, ожидая его реакции.

Растянув губы в улыбке, Узумаки без особого интереса крутил телефон в руках, отмечая, что тот легче было выкинуть, чем починить. Покарябанный корпус и широкая царапина на экране портили вид вполне себе дорогого сотового.

– Это тот чувак из кафе забыл на столе. Я бы ему его вернул, но поздно было. Не успел, – как-то виновато проговорил Нагато,

потирая нос. – Может, двинуть у барыжников и Пэйну купить новый ошейник с поводком.

– Думаю, – безжизненно произнёс Наруто. – Пэйн будет рад.

Палец скользнул по боковой панели, и в голове щёлкнуло.
Как же он раньше не заметил…
Взгляд вновь прошёлся по сотовому, выхватывая уже не кажущиеся такими незнакомыми детали. Эти царапины он видел…

«Раз тебе моё присутствие "как хочешь", то будь добр, заряжай телефон. И я буду приходить реже…»

Слова, сказанные тогда, на тесной кухне, пропахшей табачным дымом.

– Нагато, – тихо произнёс Узумаки, вскидывая глаза на парня, – как выглядел тот… из кафе?

Тот даже слегка стушевался под требовательным взглядом голубых глаз, в которых вспыхнул какой-то странный огонь упрямости.

– Ну, – задумчиво произнёс Нагато. Чёрный силуэт выбежавшего из кафе молодого человека он разглядел плохо, был занят треклятыми коробками, но что-то всё же запомнил: – Высокий довольно… хотя нет… не очень. Как для парня. Темноволосый… ещё бледный такой, как стена…

Дальше Нагато мог не продолжать. Наруто вскочил на ноги, сжимая мобильник.

– У него ещё глаза такие, – прищурился Нагато. – Чёрные. Злые. Вот их я запомнил хорошо. Жутко от них прям. Кем бы он ни был…

– Это Саске! – выпалил Узумаки. – Где ты его… ты сможешь вспомнить место, где это произошло?

Удивлённый парень слегка приоткрыл рот, пытаясь сообразить масштабы произошедшего совпадения:

– Наруто, это мог быть кто угодно… похожий.

– Нет! Нагато, это его сотовый.

Узумаки потряс телефоном.

– Он разряжен, – непонятно отчего заулыбался широко и лучисто Наруто.

Значит, Учиха жив.
Сердце забилось быстро-быстро.

– Я-то вспомню то место. Почти каждую неделю туда продукты вожу. Но, – Нагато задумчиво почесал затылок, – тот парень, Саске, мог уйти уже довольно далеко. Это ж ещё утром было, а сейчас уже почти полдень…

– Нагато, – выдохнул Узумаки, – я хочу сбежать из больницы. И ты поможешь мне в этом. Пожалуйста. Ты пойми… это очень-очень важно для меня.

Наруто, выпалив это, поразмыслил и добавил, считая, что так парень поймёт его лучше:

– Очень!

– Как я могу забрать тебя из больницы? Я же даже не родственник тебе.

– Ну блин! По-тихому…

– Ты в курсе, что нам влетит?

– Да пофиг мне. Пошли… как хочешь, но пошли.

***

Из больницы пришлось выбираться так, будто бы они были героями шпионского фильма. Мелкими перебежками, иногда делать вид, что они просто застыли в коридоре и ведут увлечённую беседу, ожидая пока мимо пройдут врачи или медсёстры.
Наконец, небольшое кирпичное здание было оставлено позади, и Узумаки с Нагато быстро бежали к припаркованной неподалёку машине.
И только усевшись на переднее сиденье, Наруто прыснул со смеху. Этот резкий смешок превратился в слегка нервный смех, но Нагато не мешал парню, быстро заводя машину. Шанс быть пойманным с пациентом, которому не разрешали покидать стен этого белого здания, был весьма реальным, а удовольствие от разбирательств с его родителями, властями и врачами было смутным:

– Ты нормально?

Узумаки убегал из больницы в больничной одежде. Совсем как когда-то Саске…

– Д-да, – с трудом выдохнул Наруто, проводя руками по больничной одежде.

– Давай заедем ко мне, я тебе нормальной одежды дам.

– Нет! Поехали сразу туда. Я не мёрзну.

Узумаки действительно не мёрз, чувствуя непонятный внутренний жар.
Всю дорогу он жадно всматривался в указатель, отсчитывая оставшееся расстояние до города, когда они въехали в него, нетерпение стало буквально осязаемым. Оно повисло в воздухе мелкими иголочками и кололо тело, мешая сидеть спокойно. Но спустя час, когда они подъехали к кафе, объехали и даже обошли его окрестности, нервное возбуждение потихоньку начало проходить.
Укутанный в куртку Нагато, Наруто чувствовал себя раздавленным. Он изо всех сил пытался не терять уверенности в том, что в очередном проулке, в очередном дворе они найдут

Учиху. Что тот будет сидеть, сгорбившись, на лавочке и наорёт на него при встрече.
Но каждый раз взгляд падал лишь на старушек или же на детей в пёстрых одеждах.

– Слушай, он ушёл, – нехотя, после трёхчасового поиска, признал Нагато. – Мы не сможем его найти… район большой… кто знает, куда он мог пойти.

– Нет, – упрямо тряхнул головой Узумаки, откидывая с лица мешающие волосы. Начал накрапывать дождь, и светлые пряди намокли, прилипая к лицу и раздражая.

– Я не знаю, где мы его можем найти. У прохожих спрашивать бесполезно, – виновато и грустно проговорил Нагато, захлопывая за собой дверь машины и поворачивая ключ.

Наруто до боли закусил нижнюю губу.
Надежда, поселившаяся на три часа, медленно утекала из тела, оставляя горький привкус разочарования на губах.
Узумаки прислонился виском к холодному стеклу двери машины, смотря на мелкие капли на гладкой поверхности, из-за которых окружающее пространство причудливо изгибалось, теряя форму.

– Я не хочу вот так терять его опять, – тихо проговорил Наруто, не смущаясь своего признания.

Сейчас это было правдой. Узумаки чувствовал, что просто не может взять и отказаться от поисков, когда присутствие Саске холодным ветром ощущалось где-то рядом.

– Ну, Наруто… ничего не поделаешь. Мы можем съездить к нему домой, ты говорил, что знаешь, где он живёт.

Узумаки отрицательно качнул головой, поджимая губы:

– Он туда не вернётся. И связаться они с ним не смогут.

Наруто выразительно покрутил в руках сотовый Учихи.

Все связи были оборваны.
Человек так просто пропал из его жизни? Был-был, а потом не стало?
Нет, такого не могло произойти. Только не с ним.

– Поехали, – всё-таки решился Узумаки, выпрямляясь. – Есть одно место.

Нагато, смерив парня расстроенным взглядом, вздохнул и нажал на педаль газа.

***

– Это здесь, – кивнул Наруто, во все глаза глядя в мутное из-за дождевой воды стекло окна. Дождь всё-таки пошёл. Ливнем, сплошной стеной из серой воды.

Машина остановилась напротив заброшенной детской площадки.

– Ты уверен? – устало спросил Нагато, тревожно поглядывая на парня, который за всю дорогу не произнёс ни слова, что было очень несвойственно для него.

Узумаки молча кивнул, чувствуя, как сердце замирает и волнение перехватывает горло. Он открыл дверь, понимая, что из-за дождя не увидит Саске, даже если он сидит в той покосившейся беседке.

– Эй! Куртку забыл! – запоздало крикнул Нагато, но Наруто уже захлопнул за собой дверь.

Ноги двигались медленно, словно Узумаки не хотел вновь видеть пустую лавочку или кого-то вместо темноволосого и угрюмого парня.
Словно тот не желал в очередной раз ранить себя осколками разбившейся о реальность надежды. Он кожей чувствовал, что если не сейчас, то больше никогда.
То всё.
Мокрая трава противно скользила по ногам, холодный дождь

давно промочил насквозь тонкое больничное бельё, заставляя липнуть к телу и пузыриться. Наверное, было бы холодно, если бы Наруто и без того не била странная, нервная дрожь.
Беседка была на месте. Покорёженная временем, оплетённая почти облысевшим диким виноградом.
Узумаки остановился, вглядываясь в её тёмное нутро.
Что-то темнее тени, съежившись, сидело на лавочки, прячась от дождя, который всё же проникал и в это затянутое толстыми побегами винограда место.

– Саске? – тихим, ломким голосом позвал Наруто.

Тень мочала, заставляя сердце Узумаки пропускать один удар за другим. Ему, наверное, кажется…
Тогда Наруто решительно вошёл в беседку, останавливаясь напротив сидящего на лавке.

– Саске, – уже твёрже позвал парень, смотря сверху вниз на чёрный силуэт. Сердце вовсе перестало биться.

Учиха медленно повернулся, скользнув безразличным взглядом по дрожащему телу Узумаки, по светлой больничной одежде, по мокрым светлым волосам.

– Достал, – дрогнули потрескавшиеся губы.

– Ты, – запнулся Наруто.

Он его нашёл, увидел. Сумел.
Но отчего легче не стало? Отчего такой камень на душе?

– Прости.

– Свали, Узумаки. У тебя это отлично получается.

– Саске…

Наруто подошёл ближе, вглядываясь в лицо парня, ища там хоть что-то, за что можно было зацепиться. Хоть один намёк на желание видеть его рядом, намёк на разрешение быть «как

хочешь», на позволение задержаться, которое сейчас было так необходимо.

– Я всё равно не уйду, – упрямо сказал Узумаки, заставляя Учиху посмотреть на него этим по-детски наивным и твёрдым заявлением.

Взгляд Саске зацепился на довольно заметный синяк на скуле Наруто, на разбитые губы, что уже подживали, но кроваво-красная корка всё ещё виднелась в местах ранок. Поднявшись, Учиха замер, хмуря брови. Рука дрогнула, застывая рядом с щекой парня, а затем холодный палец резко прошёлся по шершавой ссадине на скуле, заставляя того шикнуть от боли.

– Кто тебя?

– Да какая разница, – Узумаки мотнул головой, будто спасаясь от ледяного прикосновения. – Ты… не злись на меня, пожалуйста. Я хотел вернуться, но не мог. Дозвониться тоже не получалось… мне не давали телефон.

– Почему? – холодное, сухое. Почти безразличное.

– Ну блин… я в больнице был. Точнее, – Наруто замялся, – я там и сейчас должен быть. Я сбежал. Пустяк! Сотрясение всего лишь…

Холодные чёрные глаза прищурились, и в обрамлении тёмных, облепивших белое лицо мокрых волос вид Саске казался слегка жутковатым:

– Кто тебя?

Пальцы на его скуле переместились на плечо, сжимая. Странный жест, которого от Учихи парень совсем уж не ждал.

– Да забей! – фыркнул Узумаки. – Ты… ты злишься на меня?

Голос странно дрожал, было неловко спрашивать это в лоб.

Злиться… Саске прикрыл глаза, давая мыслям разлететься в разные стороны. Он едва мог соображать от подкатывающей боли, но злиться… да… злость всегда была рядом.

– Много чести, – фыркнул Учиха. – На пустое место не обижаются.

Наруто шумно выдохнул, сбрасывая с плеча руку Саске.

– Знаешь, что?! – выпалил Узумаки. – Если я пустое место, то пошли меня здесь и сейчас.

– Посылал. Ты слишком туп, чтобы уйти, придурок, – сквозь зубы прошипел Учиха.

– Да не хочу я уходить! – вовсе вспылил Наруто, зло хмурясь и смотря в это безразличное белое лицо. – Если бы меня не побили, как последнего неудачника, я бы не ушёл! Купил бы тебе твои треклятые таблетки!

– Проваливай! – выпилил Саске, повышая голос. – Свали отсюда. Исчезни!

Узумаки застыл, слушая этот голос, срывающийся на хриплый крик. Эти резкие и отрывистые слова били посильнее кулаков Джиробо. Они ударяли не по телу, которое может вынести всё: ссадины, которые рано или поздно заживут, а переломы срастутся. Слова Учихи били внутрь, туда, где сейчас и так всё болело, ныло от боли.

– Ты хочешь, чтобы я исчез? – тихим, лишённым окраски голосом, спросил Наруто.

– Блин, – прорычал Саске. – Я тебе сказал уже. Ты такой тупой дебил?!

Толчок в плечо Узумаки:

– Уходи!

Ещё толчок:

– Проваливай!

И ещё.
Наруто пятится.

– Исчезни!

Глухой несильный удар в грудь, чтобы оттолкнуть.

– Ты мне не нужен, придурок! – прокричал Учиха в доверчивое лицо парня.

Очередной толчок не удался. Узумаки просто обхватил руками Саске, не давая тому завершить манёвр:

– Я всё равно никуда не уйду.

Учиха вцепился в руки Наруто, со всей силы пытаясь разомкнуть замок из сцепленных пальцев. Злость раздувала пожар внутри:

– Свали уже! Блин! Отпусти меня!

Узумаки лишь сильнее сжал руки, упираясь лбом в чужую жёсткую грудь.

– Я боялся за тебя, дурак, – тихо начал Наруто, зная, что его всё равно услышат.

Быстрое биение сердца Саске, кажется, перекрывало даже шум дождя.

– Я боялся, что не успею, что приду, а тебя уже… нет. Я бы пришёл… даже тогда, в ту ночь, если бы меня не вырубило. Я бы пришёл. Но я не смог. Прости. Прости.

Пальцы впились в куртку Учихи, мешая тому вырываться и не давая пошевелиться. Хотя тот старался: дёргался с такой силой,

которой просто не могло быть в этом иссохшем теле.

– Я буду рядом до конца. Я уже обещал. И я пришёл, ты же видишь. Я сбежал с больницы, как полный кретин… как ты.

Саске, наконец, сумев упереться руками в грудь Узумаки, с силой отпихнул того. Наруто, ударившись спиной о виноградную вязь, почти не почувствовал боли в уже заживающих ранах. Взгляд был устремлён на стоящего перед ним парня. Ссутулившегося, смотрящего исподлобья странно блестящими от злости глазами.

– Можешь хоть убить меня, – выдохнул Узумаки. – Если тебе так будет легче, если считаешь меня настолько виноватым.

– Заткнись.

Размах, короткий удар в скулу, отчего голова мотнулась в сторону и в черепе зазвонили церковные колокола и горны. Но Наруто упрямо выпрямился, цепляясь пальцами за переплетённые лозы.

– А если не убьёшь, я всё равно буду рядом, – проговорил Узумаки, неровно улыбаясь.

– Зачем ты ходишь за мной?! Какого тебе от меня надо? – громко, чтобы перекричать шум ветра и дождя, спросил смертельно бледный Учиха.

– Ты мой друг.

Слова. Простые слова долбанули в грудь похуже физического удара. Саске вздрогнул, пропуская эту атаку. Он был не готов. Не закрылся:

– Я им никогда не был и не буду.

– Мне плевать, идиот!

Наруто опустил глаза и уже тише добавил:

– Я тебя искал… и я тебя нашёл.

– Ты придурок, – шикнул Учиха, выпрямляясь. Казалось, вспышка злости прошла так же неожиданно, как и началась. Только вот тёмные глаза всё ещё странно поблескивали.

– Пусть так, – серьёзно кивнул Узумаки, отлипая от виноградной стены и подходя ближе.

Рука ухватилась за ледяную ладонь Саске, сжимая и увлекая за собой:

– Пойдём… там в машине мой друг. Он нас отвезёт куда-нибудь.

– Я с вами никуда не поеду, – упрямо заявил Учиха, морщась от подкатывающей боли. Ну вот… снова. Снова это всё. Опять осколки вместо мозга, опять трещащая по швам голова. Ещё и Наруто.

– Перестань, – мягко с улыбкой попросил Узумаки. – Простынешь.

Саске рассмеялся, напугав парня таким резким и громким смехом:

– Ты мне не нужен, Наруто.

– Да, да. Я помню, – кивнул Узумаки, понимая, что его собеседник проваливается куда-то в дебри своего больного сознания.

Он должен был быть убедительным, хотя свой собственный мозг отказывался соображать. Мутило от эмоций и от удара. Но Наруто упрямо улыбался, пытаясь заставить Учиху сдвинуться с места.
До тех пор, пока картинка не перестала быть чёткой и сознание не помахало белым расплывчатым платочком напоследок.

– Узумаки? – рыкнул Саске, когда Наруто начал странно заваливаться влево. Подхватить успел в последнюю минуту, но не удержать, свалившись на асфальт следом за ним.

– Узумаки! – рявкнул Учиха. Он перевернул парня на спину, похлопал по щекам, но было бесполезно. – Придурок!

С этими словами Саске быстро вышел из беседки, взглядом ища машину, о которой говорил этот идиот. Он прекрасно понимал, что сам не утащит парня.
Ему повезло: долго искать не пришлось. Из припаркованной чёрной машины вышел смутно знакомый красноволосый юноша.

– Где Наруто? – выпалил Нагато.

– Вырубился. Помоги мне его притащить.

Нагато ругнулся, но всё же побежал к беседке, оставляя Учиху у машины.
Войдя под сень виноградных лоз, тот ринулся к уже привставшему с земли Узумаки.

– Ты как? – ухватив его за плечи, выпалил парень.

– Да… вырубился, – сонно и как-то потерянно отозвался Наруто, и его взгляд тут же судорожно скользнул по беседке. – Где Учиха?

– Учиха? – нахмурился Нагато. – У машины.

– Блин!

Узумаки, опираясь на парня, кое-как поднялся и направился, пошатываясь, прочь с площадки, надеясь, что Саске не свалил под шумок.

– Су…

Наруто осёкся, увидев, что Учиха стоит у машины Нагато,

привалившись спиной к оной. Узумаки слабо улыбнулся, чувствуя, что всё же оседает на землю. Кажется, кто-то подхватил его сзади…

***

– Значит, ты Саске?

Они сидели за письменным столом в небольшой общажной комнатушке, напоминающей больше забитый всяким хламом чулан. Со стен на них смотрели пожелтевшие обои, из-за двери слышались голоса и непрекращающиеся шаги туда-сюда.
Здесь жил Нагато и его доберман, спокойно лежащий на полу и лишь изредка поводивший острыми ушами, когда мимо двери кто-то проходил.
Учиха кивнул, отпивая горячего кофе.
Наруто они положили на диван. Парень был в сознании, но его разум витал где-то далеко и на слова Узумаки отзывался крайне неохотно.

– Может, его обратно в больницу? – взволнованно спросил Нагато у Саске, но ответить тот не успел: в дверь комнатушки громко и требовательно затарабанили.

Пэйн, словно по команде, забился под диван, а хозяин комнаты, вскочив, рванул к двери, чтобы открыть.

– Нагато! У тебя гости?

Голос принадлежал полной женщине преклонных лет, которая изо всех сил пыталась заглянуть в комнату, но парень успешно заслонял ей обзор.

– Да, родственники приехали, – без тени сомнения соврал он.

– Тебе оформить их надо! – возопила женщина. – Ты не первый год тут живёшь же! Или хочешь, чтобы он стал последним?

– Простите, сейчас я спущусь.

Жестом показывая оставаться на месте, Нагато быстро вышел за дверь, прикрывая её за собой. Гомон, доносящийся из коридора, оборвался.
Учиха осторожно помешал остывающий кофе ложкой. На автомате, по привычке, взятой ненужным багажом из старой жизни.

– М-мама м-меня у-у-убьёт, – как-то странно, с придыханиями донеслось с постели.

Нахмурившись, Саске только сейчас вспомнил о том, что находится в этом чулане далеко не один и на диване сидит всё ещё мокрый от дождя Наруто.
Учиха повернулся к парню, окидывая того вопрошающим взглядом.
Сначала из-за таких странных всхлипов Саске подумал, что этот придурок вовсе впал в детство и разревелся, но сейчас, видя, как ёжится дрожащее тело, Учиха понял: придурками были они с Нагато.
Узумаки весь бледный, с отсутствующим взглядом сиротливо ютился в углу дивана, обхватив себя руками за плечи и подтянув босые ноги к груди. Больничные тапочки он потерял где-то на старой детской площадке, пытаясь уговорить Саске не строить из себя обиженную невинность.
Мокрая ткань всё ещё липла к его коже, наверняка доставляя кучу неприятных ощущений, а на скуле расцветал новый синяк, оставленный Учихой.

– Раздевайся, – строго велел Саске, поднимаясь. Он помнил, как однажды надолго свалился с ангиной, когда попал под дождь, и, кажется, Наруто неосознанно стремился повторить его подвиг.

Узумаки поднял на парня какие-то странные, словно остекленевшие голубые глаза, белок которых покраснел от набухших сосудов.

– Я же с больницы сбежал, – проговорил Наруто, не веря собственным словам и действиям. Дрожащие пальцы бесполезно цеплялись за края одежды, но вновь соскальзывали.

Следя за тщетными попытками того снять хотя бы рубашку, Учиха кривил губы в презрительной улыбке. Надо же было угораздить наткнуться на этого ребёнка, который не может найти себе более интересного занятия, нежели таскание за ним.
И что пытается доказать? Кому? Себе?
Хочет заявить свои права на смелость, на то, чтобы называться настоящим другом, который не бросит в беде?
Бросит.
Саске скользнул взглядом по бледному лицу, на котором так неестественно и лихорадочно алели щёки.
Ещё и пройдётся туда-сюда по упавшему телу. Чтоб уж наверняка.

– Представляешь, – протянул Узумаки, доверчиво глядя на хмурого собеседника. – Взял и сбежал. Отец мне голову оторвёт…

Он прикусил губу и тряхнул головой, добавляя:

– Нет. Сначала мать, а потом отец… по очереди. Но… я же взрослый уже! Поэтому сам могу решать, когда…

Наруто поморщился, прижимая пальцы к новому синяку на скуле. Очевидно, старая ссадина уже поджила и столько неудобств не доставляла, зато новая метка ныла и зудела. Пальцы Узумаки застыли над ранкой, и он как-то совсем уж убито выдохнул:

– Ты меня ударил.

– Что? – выпалил Учиха, едва различая хриплое бормотание.

– Ты, – Наруто вновь взглянул на него. В голубых глазах плескалась обида и грозила вот-вот политься оттуда слезами, – ты меня ударил. А я… я…

Узумаки задохнулся, кашлянул и попытался выровнять дыхание, но тут же закашлялся сильнее. Хрипло, с характерным

надрывом начинающейся простуды.

– А я, – кое-как выдохнул Наруто, сдерживая кашель, – я же за тебя волновался…

– Вставай, – шикнул Саске, поднимаясь со стула. Двигаться самому не хотелось, не было сил, но слушать этот горячечный бред было отвратно до тошноты.

Узумаки упрямо сложил на груди руки, не сразу попав в такую простую петлю своими трясущимися конечностями:

– Не встану!

– Дебил! – рыкнул Учиха, нависая над парнем, словно дворовый пёс над загнанным котёнком. – Я тебе сейчас врежу. Вставай, я сказал.

Злой, тихий голос Саске подействовал не так, как ожидал его обладатель.

– Да? Ударишь?! – в больших дерзких глазах Наруто вспыхнула злость, колючими искрами впиваясь в лицо Учихи. – Ты только это и можешь! Неблагодарная скотина!

Узумаки попытался ногой пнуть склонившегося к нему Саске, но тот был в более адекватном состоянии и, ухватив парня за щиколотку, «помог» ему, дёргая на себя.
Наруто с руганью съехал по дивану на пол и чудом не приложился головой о пол, вовремя опираясь на локти и сдирая те о жёсткий ковёр.

– Прекращай истерить, – выпалил Учиха, наблюдая, как Узумаки, шатаясь, принимает вертикальное положение. Толкни, и вновь рухнет.

– Ты не можешь даже признать, что тебе хреново без кого-то рядом!

– Мне хреново, когда ты рядом, придурок!

– Да ты что! Тогда проваливай!

В порыве злости Наруто говорил то, что первым лезло на язык. Подскочившая температура, лёгкое сотрясение, которое, возможно, стало тяжёлым из-за удара Саске, лишь добавляли бреду пёстрых цветов и заковыристых обид.
Узумаки пытался прогнать того, за кем оббегал почти весь город, из-за кого сбежал из больницы, наживая себе крупные неприятности.
Но сейчас Наруто было всё равно. Сознание плыло, плавясь под жаром, что обрушился на тело, глаза горели, и драло горло. Хотя последнее, скорее всего, было из-за желания накричать на этого закипающего брюнета.

– Заткнись, Узумаки, – поморщился Учиха. – Заткнись и раздевайся.

– Да пошёл ты!

Рыкнув, Саске ухватил упрямца за ворот рубашки, легко стягивая оную с застывшего от неожиданности тела.

– Учиха!

– Замолчи.

Наруто рванулся, пытаясь ударить обнаглевшего Саске, но его занесло, едва не швырнув на комод.

– Да не дёргайся ты, – прошипел Учиха. – Чего я там не видел!

Узумаки затрясло сильнее, зубы цокотали почти на всю коморку. Он попытался обхватить голый торс руками, но легче от этого не стало. Дрожь лишь усилилась.
Саске скользнул взглядом по дивану и стащил с того коричневый плед, накидывая его на плечи Наруто:

– Стягивай штаны.

И без того большие глаза Узумаки расширились, и он даже отшатнулся.
Одно Небо знало, что диктует опалённое температурой сознание парня, но взгляд его стал каким-то настороженным:

– Ещё чего…

– Блин! Что ты…

Учиха устало прислонил руку ко лбу. От слишком быстрых движений головная боль начала возвращаться.

– Ты ненормальный!

– Это ты придурок, – сквозь зубы процедил Саске, вперившись взглядом в упрямое лицо. – Одежда мокрая, ты в ней уже давно… схватишь воспаление лёгких – сам виноват. Всё. Иди на хрен.

С этими словами Учиха уселся на диван, роняя гудящий череп на руки. Жест доброй воли по раздеванию Наруто был перевыполнен на сегодня, а спорить с температурившим парнем дальше не давало собственное разбитое состояние. Шуршание, громкий стук, когда, стягивая больничные штаны и укрываясь едва ли не с головой пледом, Узумаки не удержал равновесие и всё же налетел бедром на комод. Саске лишь приподнял бровь, выражая этим скупым жестом всё, что он думает о неуклюжести того.
Тишина. Долгожданная тишина, которой фоном шуршат голоса за стеной.

– Учиха… ты тоже весь мокрый, – уже спокойнее, но всё ещё дрожащим от озноба голосом, проговорил где-то рядом Наруто.

– Пофигу.

– Саске, раздевайся…

Учиха скосил взгляд на парня, не отнимая рук от головы:

– Ты обалдел?

– Ты тоже простынешь.

– Да плевал я…

– А я не плевал. Раздевайся.

Укутавшись в плед, Узумаки решительно дёрнул Саске за футболку, стараясь стащить ту через голову.
Извернувшись, Учиха толкнул Наруто, и тот повалился на диван. Последний, конечно, из чистой упрямости, попытался подняться, но налившееся жаром тело отказывалось слушать бредовые команды мозга.

– Лежи и не рыпайся, – рыкнул Саске, поправляя, а затем, подумав, всё же стащил осточертевшую футболку.

Нет… простыть он не боялся. Когда носишь дьявола за пазухой, не к чему бояться чёрта за углом. Просто сначала ледяная ткань начала медленно прогреваться от слабого тепла тела и стала отвратительной даже на ощупь.
Всё ещё влажное тело моментально покрыли мурашки, но Учиха упрямо сжал зубы, понимая, что рыться по чужим вещам в поисках полотенца… слишком невежественно даже с его стороны.
Дверь комнаты открылась.

– Достала, ведьма старая, – устало проговорил Нагато, протискиваясь внутрь и спешно закрывая хлипкую дверь на такой же не особо внушающий доверия замок. – Заставила такую сказку про вас сочинить, что я сам в неё едва не поверил.

Тот остановился, только сейчас заметив, что за время его отсутствия в гостях что-то всё же изменилось. Взгляд светлых глаз скользнул по разбросанной на полу одежде Наруто, по устало ссутулившемуся полуголому Саске, и он усмехнулся:

– Вы времени зря не теряли, как я посмотрю.

– У него температура, – игнорируя едкое замечание парня, Учиха кивнул на Узумаки. – Таблетки есть?

– Аспирин… ещё что-то, – наморщил лоб Нагато. – Ему бы в больницу…

– Ты повторяешься, – холодно заметил Саске. – Завтра с утра. Сейчас нужно сбить жар.

– Учиха, а что ты такой заботливый?! – невнятно буркнул с дивана Наруто, укутываясь в плед сильнее и понимая, что фактически сидит голым перед двумя взрослыми парнями. Было стеснительно…

Саске ответил Узумаки коротким взглядом, который говорил больше слов, а затем вновь повернулся к Нагато:

– Где нам спать?

– Ребят, тут такое дело, – замялся тот, поглядывая по сторонам. – Я могу постелить лишь на полу…

– Пф, – хмыкнул Учиха, вспомнив свой матрац.

– Диван не раскладывается и… там помещусь только я.

– Да я домой поеду! – горячо заявил Наруто, даже попытался встать, но температура придавливала к шершавому дивану сильнее гранитной плиты.

– Лежать, – одновременно гаркнули парни, и Узумаки усмехнулся.

– У нас тепло. Не замёрзнете… одеяло я вам выделю.

Саске кивнул.

***

Нагато, как и обещал, постелил им на полу. Пришлось

буквально стаскивать забывшегося беспокойным сном Наруто с дивана и укладывать на новое место, где он сразу же поморщился из-за холода простыней.

– Ну, – почесал затылок Нагато, – думаю, завтра ему будет полегче.

Учиха безразлично пожал плечами.
Это жизнь. А это простая простуда. Ничего с этим белобрысым придурком не случится.

– Кофе будешь?

Саске кивнул, усаживаясь за письменный стол, который в условиях нехватки пространства и жёсткой экономии выполнял сразу две, а то и три функции.

– А ты неразговорчивый, – тихо усмехнулся Нагато, боясь вспугнуть сон больного товарища.

– А должен? – вздёрнул брови Учиха, принимая кружку дымящегося напитка.

– Да дело твоё. Но это странно, что Наруто с тобой общается.

Саске усмехнулся.

– Он со мной общается? – переспросил Учиха, отставляя тёплую кружку на стол и грея о неё озябшие пальцы. Футболка висела на холодной батарее, а просить у Нагато одежду он не захотел. И так посидит… а этот озноб далеко не из-за холода.

– Как-то так, – неопределённо ответил парень, садясь на угол стола и размещаясь так, чтобы их ноги не сталкивались под ним. – Он совсем другой. А ты вообще… как вас удосужило познакомиться?

– А чёрт его знает, – честно признался Саске.

Учиха никогда ещё не задавался вопросом: отчего судьба

пинком под зад послала Узумаки тем дождливым днём на заброшенную детскую площадку. Конечно, Саске не верил в какие-то там великие нити судьбы, которые иногда пересекались, заставляя людей привязываться друг к другу. В случае с Наруто это была липкая паутина, которая пристаёт к вашей одежде, пока вы идёте по улице, да так и остаётся висеть там белёсым разводом. Её трудно снять с чёрного невидимого пальто, которым укрыто тело каждого. В котором каждый ищет защиты от пронизывающего осеннего ветра одиночества. Ты сдираешь тонкие белые нити, тянущиеся за твоими пальцами, но всё равно – что-то остаётся на тёмной грубой ткани. Клочки, обрывки, катышки…
Паутина никогда не отстаёт полностью, если её хорошенько не потереть жёсткой щёткой, сдирая вместе с чёрным ворсом пальто.
Вот кем был Наруто Узумаки. Белой приставучей паутиной.
Задумавшись, Учиха не сразу заметил, что Нагато криво улыбается:

– Этот парень нужен тебе.

– С чего ты взял? – фыркнул Саске.

– Да видно. Вы держите друг друга.

– Иди на хрен. То же мне, провидец, – беззлобно отмахнулся Учиха.

Околесица.
Единственное, что ему было нужно – дотянуть до весны. Но даже для этого Саске не видел поводов.

– Вот увидишь.

Учиха, поджав губы, тряхнул головой.

– Кто его так? – решил он перевести тему.

– Да козлы какие-то, – зло буркнул Нагато, делая глоток кофе. – Тебе, может, коньяка добавить? У меня остался…

Саске кивнул. Согреться не помешает.
Нагато разворошил завалы бумаг, газет и журналов, что стопками ютились на этом многофункциональном столе, и вскоре тёмно-янтарная жидкость струйкой лилась в кружку Учихи.
Себе парень тоже налил и отставил бутылку в сторону.

– Он в аптеку шёл вроде… – задумчиво морща лоб, припомнил Нагато. – А они набросились… я там с Пэйном гулял как раз. Повезло.

Саске бросил взгляд на чёрную псину, приютившуюся рядом с ногами хозяина. Час уже был поздний, и доберману разрешили свободно перемещаться по комнате, хотя строгий пёс выбрал единственное место: то, что поближе к Нагато. Было странно видеть такого огромного зверя преданно заглядывающим в глаза своему хозяину.

– Ты их запомнил? – тихо спросил Учиха. Кофе с коньяком приятно пощипывало язык, хотя вкуса он не ощущал. Вроде бы оно должно быть терпким или же горьким… или вовсе сладким, если Нагато добавил сахар.

– Одного. Толстый такой… неповоротливый. Но таких сотни, если ты вздумал искать.

– Нафиг надо, – ухмыльнулся Саске. – Он виноват: сам нарвался.

– А не из-за тебя ли он пошёл в аптеку? – прищурил потемневшие глаза Нагато, вперившись осуждающим взглядом в бледное лицо Учихи.

– Если бы был умным, не пошёл бы. Его выбор. Сам за него и получил.

– Ты так говоришь, будто тебе плевать.

– Мне плевать.

– А вот он волновался.

– И? – слегка раздражённо выпалил Саске. – Мне ему теперь ноги целовать?

– Зачем же сразу ноги, – хохотнул Нагато и тут же осёкся. – Благодарности тоже хватило бы.

– Он сам виноват в своих бедах, – зло прошипел Учиха, отставляя кружку. – Я его силой идти в аптеку не заставлял.

– Силой нет.

– А чем тогда?

– Привязанностью.

Саске даже замолчал, уставившись на собеседника так, будто тот только что театрально проглотил огромного таракана у него на глазах:

– И кто к кому привязался?

– Вы оба, – улыбнулся Нагато.

– Ты псих. Этот придурок мне совершенно не нужен.

– Ну так уходи. Чего ты сидишь тут и ждёшь, пока у него спадёт температура.

– Я жду, когда наступит утро. Тогда свалю с радостью.

– Хорошо, – безразлично отозвался Нагато. – Мне ему что-нибудь утром передать?

– Чтобы не искал, – буркнул Учиха, отставляя кружку в сторону и добавил: – А то я его точно убью.

***

Наруто не спал. Он из-под прикрытых век наблюдал за тихо разговаривающими парнями.
Верхний свет они выключили, оставив лишь небольшую лампу, которая, скорее всего, не давала свет, а лишь углубляла тени, зловеще прячущиеся по углам.

– Ты псих. Этот придурок мне совершенно не нужен.

Эти слова Узумаки слышал много раз от Саске и уже привык к ним. Они стали привычной частью Учихи, от которой никуда не деться. Для него было свойственно отрицать всё и вся… даже себя.

– Ну так уходи. Чего ты сидишь тут и ждёшь, пока у него спадёт температура.

Захотелось вскочить и дать Нагато хорошего пинка. Тот ходил по лезвию ножа, не представляя даже насколько опасно кидаться такими словами в присутствии Саске. Ведь встанет и уйдёт. Сделает это назло. Чтобы доказать, что ему никто не нужен.
И будет загибаться на лавочке где-то в парке.
Зато в гордом одиночестве. Довольный тем, что доказал в очередной раз какую-то нелепую фигню.

– Я жду, когда наступит утро. Тогда свалю с радостью.

Наруто прикусил губу, чтобы не выругаться. Отчего-то тело стало каким-то напряжённым, мозг упорно твердил: «Не спи. Не спи. Уйдёт».
Узумаки не хотел больше отпускать далеко от себя этого человека, который не понимал, насколько ему нужна помощь.
Наруто действительно был ненормальным…
Но он обещал.

***

– Чёрт, Узумаки, дай одеяло. Развалился, – рыкнул забирающийся под одеяло Саске.

Наруто с трудом разлепил свинцовые, раскалённые веки и перевёл сонный взгляд на подсвеченный тусклой лампой силуэт. Он разжал руки, позволяя Учихе забрать часть пледа и чувствуя, как под него пробираются холодные ручейки воздуха. Саске раздражённо укрылся тонким пледом. Сон шёл медленно, а вот точащая череп изнутри боль была тут как тут. Учиха приподнял голову, чтобы осмотреть комнату. Всё-таки хорошо, что Нагато отчего-то не выключил эту тусклую лампу, отшучиваясь от вопроса:
«Тараканы набегут».
На свету она редко появлялась в последнее время, предпочитая приходить из тьмы и теней. Хотя вот тени… они странно поглядывали из углов, и это заставляло озираться ещё… и ещё… и ещё…
Что-то горячее обхватило его за торс, и Саске невольно вздрогнул, оборачиваясь и выворачиваясь из чужой хватки, ожидая увидеть позади себя всё, что угодно. Больной разум был богат на образы.

– Дебил, – шикнул Учиха, увидев, что позади нет никаких монстров, лишь Узумаки, который, видимо, во сне принял его за кого-то другого… или другую.

Такая перспектива не прельщала, и Саске отодвинулся подальше, почти закатываясь под диван, но оттуда донеслось сердитое рычание Пэйна.
Окружили.

– Драконы…

Учиха нахмурился:

– Что?

– Драконы, – любезно повторил Наруто, не открывая глаз.

Ладонь Саске опустилась на лоб парня. Тот горел и был мокрым от выступившего пота. Узумаки лихорадило.
Учиха устало уронил голову на подушку. И что теперь делать?

Если температура поднимется выше, то ничем хорошим это не закончится. А как сбивать, когда в комнате нет ничего жаропонижающего.
Парень со стоном поднялся. Судя по тихому храпу, Нагато спал и участвовать в решении этой проблемы не собирался.
Саске тихо вышел из комнаты повозившись с замком каких-то три минуты, потому что пальцы внезапно отказались нормально сжиматься.
В коридоре было светло, и пришлось щуриться с непривычки. Странный зеленоватый свет делал всё каким-то иллюзорным, а общага внезапно напомнила больницу. Если присмотреться, то можно увидеть силуэты людей вдоль стены… они ждут… Ждут…
Учиха тряхнул головой, прогоняя наваждение.
Никого здесь нет! Здесь только он, как полный идиот, застыл посреди коридора, не зная, куда податься.
В двух комнатах не ответили, когда Саске постучался. В третьей позвали выпить, а в четвертой никакого жаропонижающего не было, зато были: кокс, травка, соль, спиды, миксы… Лупоглазый и какой-то заспанный, но одновременно дёрганный паренёк шёпотом даже буркнул, что есть герыч… недорогой, правда, зато вставляет…
Послав новоявленного дилера, Учиха двинулся дальше по коридору, надеясь, что следующую дверь ему не откроет мафиози, который со своими «коллегами» решили осесть в затёртой общаге и обсудить, куда девать валяющийся на полу труп.
Когда он дошёл до последней двери его шатало. Ноги были ватными, и в горле застрял ком. Перепуганная его видом девушка заявила, что дурью торгуют в другой комнате, но затем даже обрадовалась, когда Саске попросил простого жаропонижающего.

***

– Наруто, – позвал Учиха, сидя рядом с парнем со стаканом тёплой воды. В ней шипела, растворяясь таблетка против жара.

Тот не реагировал.

– Узумаки! – толкнул того в плечо Саске, раздражаясь.

Грубость возымела какое-то действие, и Наруто раскрыл глаза, как-то очень жалобно и почти невидяще глядя на Учиху.

– Поднимись. Таблетку выпьешь.

Узумаки кивнул и попытался приподняться на локтях, морщась.

– Чёрт, – протянул Саске, видя, что парень начинает заваливаться.

Учиха кое-как поднялся, обходя горе-спасителя со спины, и уселся, позволив тому облокотиться спиной о его грудь. Даже спина у Наруто была обжигающая и подрагивающая. Морозит…

– Пей, – твёрдо приказал Саске, поднося кружку к рукам Узумаки. Он вроде бы взял её в руку, но так и застыл, уставившись куда-то в темноту.

Ругнувшись в очередной раз, Учиха обхватил сжавшиеся на стакане пальцы Наруто своей рукой, медленно двигая сосуд к его губам:

– А теперь пей.

Благо глотать самостоятельно Узумаки не разучился.
Он пил медленно, с перерывами на отдышаться, и хриплый кашель, который, несмотря на жар, старался сдерживать, чтобы не разбудить Нагато.
Спина затекла от неудобного положения, вытянутые с двух сторон от сидящего ноги гудели от напряжения, и Учихе хотелось поскорее лечь, выпрямиться.
Когда стакан наконец опустел, Саске отпустил вспотевшую руку Наруто и отполз в сторону, позволяя парню растянуться на своей половине тонкого матраса.
Учиха отставил стакан в сторону…
Мутило.
Голова шла кругом.
Он рухнул на своё место, промазав мимо подушки и подтянув

её негнущимися руками. Весь плед заграбастал Узумаки.
Гад.
Забирать его уже не было сил.
Сознание провалилось…

***

Наруто проснулся рано утром, как-то рывком. Сквозь сон он вспомнил обещание Саске уйти…
Рука, прежде чем глаза открылись, хлопнула по половине Учихи, а затем он всё же разлепил веки.
Из-под дивана на него смотрел Пэйн своими янтарными глазами.
Саске не было…

Глава 5. Everybody lies.

"Everybody lies, lies, lies
It's the only truth sometimes
Doesn't matter if it's out there somewhere
Waiting for the world to find
Or buried deep inside. Everybody lies"
Jason Walker – Everybody lies

«Все лгут, лгут, лгут.
Порой это единственная правда.
Неважно, находится ли ложь на поверхности
В ожидании того, чтобы люди обнаружили её,
Или же спрятана глубоко. Все лгут».

– Наруто, да не переживай ты. Вернётся.

Тот, сидящий на освободившемся диване в своей уже высохшей одежде, пребывал в самом мрачном состоянии духа.
Учиха ушёл. Ушёл после того, как оставил горящий от удара след не только на лице, но и где-то глубже.
Узумаки угрюмо покачал головой:

– Не вернётся.

– Не переживай, – преувеличенно весело отозвался Нагато, подсаживаясь к расстроенному парню и приобнимая того по-братски за плечо.

Этот взъерошенный светловолосый парень был всего на два года младше его самого, но Нагато казалось, будто перед ним сидел ребёнок. Запутавшийся, обиженный и теряющий веру в людей.
Повзрослев слишком рано, он сам не любил, когда на его глазах рушились чьи-то по-детски наивные иллюзии. Пусть бы

Наруто сам вырос из них, как из прошлогодних кед, и отбросил в угол за ненадобностью.
А этот Саске… Нагато невольно сжал кулак… играл на чувствах парня похлеще скрипача, перебирая тонкие, ещё не оформившиеся струны души, будто проверяя их на прочность. Он взглянул в мутные от болезни глаза Узумаки и тяжело вздохнул. Одна из струн должна была вот-вот лопнуть, больно ударив по сердцу.

– Тебе бы лучше волноваться о том, что скажешь матери, – напомнил Нагато, слегка сжимая плечо парня.

– Не хочу никому ничего объяснять, – апатично отмахнулся Наруто. – Она всё равно не поверит или не поймёт.

Узумаки говорил неожиданно серьёзно и нехотя для него, и эта перемена тоже не нравилась Нагато:

– Всё равно нужно съездить к ней. Я вечером буду свободен…

– Я убью этого идиота! – неожиданно прорычал Наруто, сцепив пальцы в замок и рубанув воздух. – Что он вообще о себе возомнил?!

Нагато удивлённо отпрянул от парня, убирая свою руку с его плеча. Вспышка злости сделала лицо Узумаки каким-то взрослым, усталым.
Неизвестно, чем бы это закончилось, но дверь комнаты открылась. Пэйн, лежащий на полу, насторожил уши, а Нагато едва не хлопнул себя по лбу: забыл замкнуть.
Все трое напряглись.
Но в дверях показалась знакомая фигура в чёрном. Учиха, закрывая дверь ногой, ибо руки были заняты, обернулся и удивлённо посмотрел на три пары глаз. Он застыл, хмуря брови:

– В чём дело?

Нагато украдкой бросил взгляд на Наруто, ещё несколько минут назад готового разорвать Саске на тысячу кусочков.

– Ты где был? – выпалил Узумаки. Всё ещё злой, но уже спокойный хотя бы тем, что друг вернулся.

– Я должен отчитаться каждый раз, когда меня отлить потянет? – усмехнулся Учиха, скидывая обувь и проходя к столу.

Два пакета опустились на столешницу, и Нагато спросил:

– Что там?

– Еда.

Злость Наруто сменилась на недоумение:

– Еда? Ты ходил за едой?

– А что в этом такого? – развёл руками Саске, стягивая куртку и откладывая её на комод. Судя по его уверенным движениям, он чувствовал себя как дома.

Хотя Нагато и не протестовал самостоятельности гостя – это куда лучше, чем пытаться выказать фальшивое гостеприимство, бегать за человеком, словно тот в раз разучился быть самостоятельным.

– Да нет, – настороженно отозвался Узумаки. – Ничего.

– Вы завтракать будете? – широко улыбнулся Учиха, добивая своих собеседников в конец.

Конечно, Нагато знал Саске всего полтора дня, но вчерашнего короткого разговора ему хватило, чтобы понять какого сорта этот человек.
Вскоре на столе стояли три тарелки лапши, ради которых Учиха ездил в центр, уйдя рано утром. За этот жест доброй воли он ничего не взял с парней и вообще о деньгах не заикался.
Наруто любил рамен. Это была его любимая еда, и получить его на завтрак после нескольких дней пресной больничной

кормёжки было чем-то воистину чудесным и полным вкуса.
Но сейчас Узумаки не мог запихнуть в себя хотя бы чуть-чуть, смотря на то, как Саске уже доедает свою порцию.
Перегнувшись через стол, Наруто приложил руку к бледному лбу парня, заставляя того замереть от неожиданного жеста.

– Ты не заболел? – хрипло спросил Узумаки.

Учиха лишь свёл брови над переносицей, отрицательно мотнул головой, отбрасывая чужую руку. Однако колких замечаний не было.
Наруто недоверчиво следил взглядом за другом, который сейчас пытался открыть банку какой-то газировки, но тонкие пальцы, видимо, потеряли всю силу. Шикая и кривя губы из-за собственной слабости, Саске казался каким-то чужим. Другим. Подменой.
Он слышал много легенд о том, как людей похищают НЛО, но сам в это, признаться, никогда не верил. Единственные зелёные человечки, способные похитить разум кого угодно, чаще всего живут на дне бутылки…

– Что тебя не устраивает, Узумаки? – выпалил Учиха, сжимая банку.

– Дай сюда.

С усталым вздохом, Нагато выхватил у Саске злосчастный напиток и легко открыл его, протягивая обратно.

– Спасибо, – буркнул Учиха, забирая банку и тут же отпивая от неё.

– Ты… сказал «спасибо»? – выдохнул Наруто.

Саске аж закашлялся от ударивших в нос пузырьков. Утирая выступившие слёзы, он с трудом перевёл взгляд на Узумаки.

– Блин, – хрипло кашлянул Учиха. – Ты достал уже, болван. Что тебе не нравится?!

– Ты странный, – выпалил Наруто, откладывая палочки и забывая про лапшу. – Вчера ты готов убить меня был, а сегодня едешь в город за завтраком? Благодаришь Нагато? Это нормально по-твоему?

Хозяин комнаты уставился на двух препирающихся парней, уплетая свою порцию. Эта странная сцена между двумя совершенно разными людьми забавляла и одновременно удивляла его. Нагато с неподдельным интересом ловил каждое их слово, гадая, чем всё это может закончиться.

– Всё хорошо, Узумаки, – улыбнулся Саске, поднимаясь из-за стола и накидывая на плечи куртку.

– Ты куда?! – тут же встрепенулся Наруто, едва не вскакивая следом, но взгляд говорил всё за себя.

– Сигарет забыл купить, – просто отмахнулся Учиха.

Просто, слишком спокойно. В его духе было бы ответить что-то вроде: «Не твоё дело или чего пристал, Узумаки».

– Давай я с тобой схожу, – с готовностью предложил Наруто. – Всё равно нужно денег на счёт кинуть.

– Нет. Сиди дома, – глядя в его лицо, спокойно сказал Саске и добавил: – Я тебе сам их кину.

– Какая щедрость, – хохотнул Нагато, запивая лапшу содовой, но тут же получил локтем в бок от Узумаки и закашлялся.

Что говорить, а к халяве Нагато не привык. Ещё в детском доме его приучили – за всё придётся платить.

– Я скоро буду.

С этими словами Учиха вышел из комнаты прежде, чем Наруто успел сказать что-то ещё.

– Черт! – рыкнул Узумаки, роняя голову на стол.

– Да не дёргайся ты!

Нагато отставил от себя пустую чашку рамена и довольно откинулся на стену, опасно лавируя на покачивающемся стуле:

– Он же просто за сигаретами.

Наруто молча поднялся. С каким-то твёрдым, но поблёкшим выражением на лице он подошёл к подоконнику, который не скрывала занавеска, наверняка Нагато не озадачивался приданием уюта своему жилищу. Среди потрёпанных книг и тетрадей Узумаки взглядом отыскал пачку сигарет Саске, ухватил её и также в гробовой тишине протянул парню.

– Полная, – подытожил Наруто, оставляя Нагато вертеть пачку в руках, а сам вернулся на диван, забираясь на него с ногами и закутываясь в плед. Тело опять било ознобом.

***

Джиробо ненавидел понедельники. Он ненавидел, когда приходилось вставать рано утром, потому что дома оставалась мать. Она вечно пилила мозг сына, заставляя делать какие-то бессмысленные, по его мнению, вещи: идти в институт, мыть посуду, учить уроки.
К чему ему всё это?
Потушив сигарету о стену и отряхнув руки, парень обвёл тяжёлым взглядом небольшой закуток за институтом, ожидая увидеть хоть кого-то из знакомых, кто решил так же, как и он, прогулять пары. Но, как назло, на Джиробо смотрели лишь выкрашенные жёлтым стены, на которых неизвестные синей краской из баллончиков написали какую-то нечитаемую белиберду.
Толстяк даже прищурился, силясь разобрать размашистые буквы, но вскоре его взгляд привлекло что-то чёрное, мелькнувшее где-то сбоку.
Джиробо обернулся, и неаккуратные толстые губы исказились в рваной улыбке:

– Учиха.

Саске шёл, низко опустив голову, и поэтому не сразу заприметил айсберг на своём пути.

– Как там твой дружок? – гоготнул Джиробо, корпусом разворачиваясь к парню и перегораживая собой дорогу. Сюда редко кто заходил, а кто зайдёт – тот поможет.

Так уж вышло, что в институте Учиху не любили, а после того, как Джиробо к прошлым слухам добавил новый о «голубой» любви, скрасив его несуществующими подробностями, у некоторых одногруппников вовсе зачесались кулаки поставить мозг парней на место. Они верили, что тумаки помогут излечить эту больную тягу.

– Зализал раны? – продолжал толстяк, разминая руки. – Или ты их ему… зализал?

Саске смотрел спокойно. Он медленно выпрямился, всё ещё не убирая из карманов руки, лишь склонив голову чуть набок, словно рассматривая что-то за широкой спиной бугая. Джиробо на миг даже показалось, что Учиха усмехается, но бледные губы были бездвижны.

– Тебя-то я и ищу, – хрипло проговорил Саске, всё же вынимая руки из карманов, и в одной из них что-то странно блеснуло, заставляя толстяка нахмурить широкие брови.

***

Узумаки мелко дрожал. Температура всё росла, и картинка перед глазами начинала забавно плыть. Всматриваясь в эти разноцветные разводы, он видел всё, что угодно, но не комнату Нагато.
Сознание упорно терзали волнение и обида. Почему Учиха так сделал? Почему опять ушёл, почему ничего не рассказал? Почему Наруто не настоял на своём и не пошёл следом? Парень уткнулся горящим лбом в согнутые колени, чувствуя, как ворс приятно холодит кожу.

Нагато, порывшись в пакетах, что принёс Саске, нашёл там не только еду, но и таблетки, ингалятор и витамины.

– Твой друг решил нас побаловать? – рассматривая пачку недешёвого лекарства от простуды, проговорил Нагато. – Или потом в должники запишет?

– Он мне не друг, – глухо отозвался Узумаки, морщась из-за неприятной щекотки где-то в желудке возникшей, когда тот упомянул имя Саске.

– Плевать. На. Выпей это.

***

– Учиха, – буркнул Джиробо, – ты рехнулся?

Взгляд его будто приковало к серому ножу, что был зажат в опущенной руке Саске.

– Боишься порезаться, толстяк? – как-то нехорошо прошипел Учиха, вздёрнув одну бровь.

– Тварь, да за себя бойся.

С этими словами Джиробо ринулся в атаку, занося руку для удара. К его удивлению, Саске не стал бить ножом сразу, просто отшатнулся в сторону, пропуская кулак мимо лица, и пнул всё ещё не остановившегося парня под зад.
Этот обидный удар вовсе снёс крышу.
Второго удара Учиха не пропустил. Губа тут же расцвела кровью. Ещё один удар – живот. Третий – почки. Асфальт под ладонями, и выпавший со звоном нож.

– Педик, – зло сплюнул Джиробо, добавляя согнувшемуся парню ногой под дых. – Что?! Нравится?

Очередного удара не получилось, Саске перекатился по земле, цепляясь за стену, с трудом поднялся, переводя безжизненный взгляд на толстяка.

– Ты нежен, – сплюнул юшкой Учиха, и в миг Джиробо почувствовал острую боль в солнечном сплетении от удара кулаком. Странно, что такой доходяга мог бить так больно и сильно.

Согнувшись, толстяк пытался поймать ртом воздух. Хрипя и кряхтя. А затем получил очередной удар согнутым коленом в нос и от боли повалился на землю, зажимая кровоточащее лицо.
Саске уселся рядом, поигрывая ножом и странно сверкая глазами.

– Знаешь, Джиробо, – тихо начал Учиха, придерживая того за ворот свободной рукой, – мне плевать на тебя.

Это заявление не понравилось толстяку, который был словно парализован этим тяжёлым чёрным взглядом и бликами ножа, который ловко крутился в пальцах Саске:

– Да отпусти ты уже!

Джиробо рванулся, но внезапно сильная хватка вновь вернула его на асфальт. И откуда в тонком теле Учихи силы только берутся?!

– Мне плевать на себя, – продолжил Саске, слегка напрягшись из-за внезапного рывка парня.

Нож замер в нескольких миллиметрах от потного, скрытого жиром кадыка толстяка.

– Но если ты хоть пальцем ещё раз тронешь этого придурка, – Учиха поморщился, словно от оскомины, – Узумаки…

Худая рука ухватила Джиробо за запястье, колено прижало конечность к асфальту, а нож уколол пухлый палец:

– Я отрежу тебе их все. Медленно, по одному.

Толстяк ощутил странную дрожь, что охватила его от этого уверенного, холодного голоса. Он неожиданно поверил, что так оно и будет… и счастье, если Саске остановится на пальцах.

– Отпусти, – буркнул Джиробо. – На хрен мне твой педик не сдался.

– Ошибка, – усмехнулся Учиха, сильнее нажимая на нож.

Тонкая струйка крови стекла по пальцу толстяка.

– Единственный педик здесь ты. Ты позволил себе опуститься гораздо ниже. Ты избил, зная, что тебе не ответят. Удовлетворил своё желание утвердиться за счёт чужой боли? – слова ледяным потоком лились с потрескавшихся губ Саске.

Джиробо шипел, пытаясь вырваться, но свой же вес сыграл против него: Учиха держал крепко, нажимая на какую-то болевую точку. Боль пронизывала всё тело, стоило бугаю пошевелиться. А рвануть быстро не давали габариты.
Кость в зажатой между асфальтом и коленом Саске руке сковало болью, словно она могла вот-вот не выдержать напора.

– Ничтожество, – придвинувшись ближе к уху парня, шикнул Учиха, – я могу убить тебя прямо сейчас, веришь?

Джиробо верил. Он был готов поклясться, что этот псих может всё…

– Но ты и так мёртв.

Саске брезгливо отпустил его, отходя и убирая нож в карман, а толстяк, тяжело дыша, смотрел в спину и не двигался с места. Он мог бы напасть сзади, ударить…
Но отчего-то не мог пошевелиться.

«Ты и так мёртв…»

Слова Учихи засели в голове, заставляя мозг впервые за жизнь работать над чем-то большим, нежели загадкой, где взять денег

на курево и выпивку:

– Чёртов псих.

***

Уже почти стемнело, когда дверь комнаты Нагато открылась. Полуспящий Наруто сразу заметил тёмную фигуру, которая, пошатываясь, буквально ввалилась внутрь:

– Эй!

Нагато, спокойно листающий какой-то журнал, подорвался к парню и подхватил за плечи, не давая налететь на тумбочку у дивана. Он скривился, почувствовав острый запах алкоголя, что исходил от Саске тугими волнами.

– Пьянь, – усмехнулся Нагато.

Учиха, выпрямившись, оттолкнул от себя чужие руки и с вызовом уставился на парня, словно готовясь нанести удар.

– Спокойно, – серьёзно предупредил Нагато. – Никто тебя не трогает.

– Молодец, – отозвался Саске, и запах алкоголя стал ещё сильнее.

Узумаки осторожно слез с дивана, настороженно смотря на вернувшегося парня. На бледном лице того виднелась подсохшая кровь, разбитая губа запеклась бурой корочкой, а костяшки пальцев были безнадёжно сбиты.

– Ты с кем? – выпалил Наруто, останавливаясь напротив Учихи.

– Отвали.

Саске хотел было пройти в глубь комнаты, но Узумаки остановил, ухватив того за плечи и заставив остаться на месте. Учиха поднял голову, чёрные волосы открыли узкое лицо,

показывая, что разбитой губой дело не ограничилось. Синяк на скуле, содранный лоб…
Замечая взволнованный взгляд голубых глаз, что торопливо бегали по его лицу, Саске болезненно искривил губы в подобии усмешки:

– Таким тебе привычнее меня видеть?

Наруто хотелось приложить вдрызг пьяного Учиху чем-то потяжелее, отправляя того в вынужденный сон.

– Зачем? Зачем ты всё усложняешь? – спросил Узумаки, но легче было выпытать у пустоты, почему она такая пустая.

Саске будто его не слышал, сверля пьяным взглядом.

– Почему тебе насрать на всех?

Чёрные брови иронично дрогнули.

– Ты вообще, – Наруто вскинул глаза на парня, впиваясь в него взглядом, требующим ответа, – ты знаешь, что такое волноваться? Заботиться? Ты знаешь, что такое боль?

Очередная усмешка.
Но Узумаки не видел. Эмоции требовали выхода. Он устал, эмоционально был опустошён. В груди осталась только пустота, происхождение которой было совершенно непонятным, словно Наруто заразился этой блёклой темнотой от того, что стоял рядом и безразлично усмехался.
Только сейчас Узумаки начал понимать, насколько сильно он не знал этого человека и насколько сильно увязал в своём желании узнать. Насколько глупым был в нём же.
Смесь злости и обиды ударила в голову, и он резко толкнул пошатывающегося Учиху в плечи, заставляя отлететь на стену.

– Тебе плевать на всё! – выпалил Узумаки.

– Ребята! – вступился Нагато, пытаясь не дать разразиться драке. – Перестаньте!

– Ты уходишь и приходишь, когда тебе вздумается. Ты не думаешь о других!

Нагато ухватил Наруто за плечо, стремясь остановить его порыв, но в этот момент Саске ринулся вперёд, хватая Узумаки за шкирку и толкая на комод. Из-за опьянения движения были неточными, смазанными и шаткими. Пошатнувшись и отпустив того, Учиха сам чуть не рухнул на пол, споткнувшись о зарычавшего Пэйна, а затем всё же подлетел к Наруто, придавливая того к комоду.
Больно ударившись спиной о комод, Узумаки скривился и прошипел:

– Ты никогда не любил. Ты пустой.

Взгляд чёрных глаз больно скользнул по лицу, задерживаясь на разбитой им самим же скуле. А затем Саске, всё также пошатываясь, вышел из комнаты.

– Зараза, – буркнул Наруто, понимая, что ляпнул лишнего. – Учиха! Стой!

Но его голос ударился лишь о закрытую дверь.

***

Тёмный силуэт застыл на балконе. Поднявшийся холодный ветер безжалостно трепал и без того спутанные волосы. От фигуры исходил сизый дымок сигареты, постепенно растворяясь в воздухе и исчезая.
Горизонт сливался, стирая различия между землёй и небом. Всё было тёмно-синего цвета, затягивающего и заставляющего зябко ёжиться. Всё было тихим, даже шум редко проезжающих внизу машин казался каким-то приглушённым и почти мурлычущим.
Казалось, что сейчас существует два неба, а он, Саске, замер где-то на их границе. Земные светила уличных фонарей и разноцветный свет одиноких окон были отражением звёзд, что мерцающими пятнами рассыпались по небу.

Учиха втянул безвкусный и безликий воздух, а выпустил уже облачко дыма.
Ночью всё реальнее. Ночью все чувства открываются, потому что мы можем, наконец, побыть самими собой. Мы можем без страха взглянуть в глаза своему отражению и увидеть там собственное измученное лицо.
А затем вновь засыпаем, забывая то, что было под тёмно-синим покровом, чтобы вновь проснуться утром. Чтобы вновь попасть в эту серую, подкрашенную розоватыми красками рассвета реальность.
В воздухе чувствовалась какая-то обречённость этого места, словно жители домов цеплялись за минуты ночной свободы, не желая отпускать, не желая возвращаться утром другими, изменёнными, поломанными и вновь больными.
Если бы Саске мог, то бы тоже не вернулся из сна…
Он и сам не знал, почему ещё держится. За что? За что возможно держаться, когда все нити оборваны, а та, которую пытаются усердно навязать, на хрен не нужна и вот-вот прогниёт сама?
Дверь балкона скрипнула, и Учиха обернулся на неприятный звук.

– Ты, – тихо выдохнул Саске облачко дыма пополам с паром.

– Извини, – неожиданно буркнул потупивший взгляд Наруто.

– За что? – искренне удивился было вновь уставившийся на горизонт Учиха.

Пришлось взглянуть на Узумаки. Да нет, жар у него вроде бы прошёл, а вот бред остался. Но, скорее всего, это у него на генетическом уровне.

– Ну… ты ночью мне жаропонижающее дал же. А я на тебя сейчас накричал.

– И что?

– Да блин, Саске. Просто извини. Без «и что»! – раздражённо выпалил Наруто, отворачиваясь от него и облокачиваясь

локтями о холодные перила. – Почему ты опять всё усложняешь?

Кажется, даже профиль Узумаки воплощал собой само возмущение и недовольство.

– Ты сам себе всё усложнил, когда прицепился ко мне.

– Если бы ты себя нормально вёл, то мы бы не ругались на каждом шагу, – в ответ фыркнул Наруто, повернувшись к Учихе. Сил долго играть в обиженного и серьёзного у него явно не было.

– Ты замёрз, – заметил Узумаки, скользнув рукой по голой и холодной руке парня, чувствуя пальцами почти каждую косточку. Нахмурившись, он придирчиво добавил: – И поесть не мешало бы.

– Мне не хочется, – неожиданно спокойно ответил Саске, никак не реагируя на чужое прикосновение.

Наруто было подумал, что Учиха решил закончить игру в нелюдимую сволочь, но тот внезапно резко повернулся к нему, уставившись чёрными глазами прямо в душу.

– Саске, – тяжело вздохнул Узумаки, – так нельзя.

Учиха терпеливо слушал, хотя внутри всё сжималось от желания послать не в меру дотошного собеседника. Да и перебрал он всё-таки с алкоголем… слегка мутило, и горизонт заваливался набок.

– Ты… ты не должен закрываться от всех вокруг, – пробормотал глухо Наруто.

– Иди на хрен, Узумаки, а? – болезненно поморщился Саске, опуская голову и ссутуливая плечи.

– Ты всё-таки замёрз.

– Мне не холодно, – спокойное.

– Как не холодно? Дубняк же, – возопил Наруто, указывая на лёгкий иней, что разводами покрыл пожухшую траву внизу.

– Хочешь, покажу фокус? – ощерился Учиха, выпрямляясь и глядя на парня сверху вниз.

Этот взгляд Узумаки показался хищным или не вполне адекватным. На дне чёрных глаз плескалось что-то, заставляющее гадать: владеет ли Саске ситуацией полностью? Наруто не успел ответить, как выдохнув облако дыма прямо ему в лицо, Учиха удобнее перехватил сигарету и… затушил её о собственное запястье.

– Дебил! – заорал Узумаки, толкая парня и выбивая тем самым у него из рук окурок.

Отлетев от Наруто, Саске приложился спиной о стену и согнулся пополам, съезжая на пол.

– Ты рехнулся совсем?! В мазохисты подался?! – выпалил Узумаки, даже не заметив, как было потухшая злость вернулась вновь.

Отросшие иссиня-чёрные волосы закрывали лицо Учихи, но его плечи тряслись.

– Саске? – уже тише позвал Наруто, подходя ближе и протягивая к дрожащему телу руку. – Тебе очень больно?

Смех Учихи был громким. Хриплым, с надрывом, изломанным и острыми углами режущим слух, выпускающим кишки и вспарывающим жилы.

– Саске? – настороженно повторил Узумаки.

Учиха поднял на него лицо. И было страшно видеть совершенно спокойные глаза и оскалившийся в истеричной улыбке рот.

Он поднялся на ноги, разводя руки в стороны:

– Я труп! Я ходячий труп, который ничего не чувствует!

– Да что за бред ты несёшь?!

– Узумаки!

Саске резко толкнул собеседника в грудь, заставляя прижаться спиной к холодному и шершавому кирпичу.

– Ответь мне, Наруто, – приблизившись, зашипел Учиха. – Каково тебе смотреть на труп?

Узумаки отпихнул от себя всё ещё отплевывающегося хриплым смехом парня, но тот не уступал, ухватив пальцами за подбородок:

– Каково знать, что это тело уже гниёт?

– Ты бредишь! – прошипел Наруто, вертя головой, чтобы вырваться из хватки. Наконец-то он сумел изловчиться и оттолкнуть от себя на удивление сильного и цепкого Саске, хотя его хилое тело дрожало, словно осиновый лист.

Выпрямившись, Учиха смерил парня цепким взглядом и с презрительной ухмылкой бросил:

– Я знаю, что такое боль, Узумаки.

Саске подошёл ближе.
Рука скользнула по синяку на скуле Наруто:

– И я могу платить только болью.

Узумаки непонимающе смотрел в какое-то слишком задумчивое лицо парня. В его странные, тёмные, но блестящие глаза. Запах алкоголя смешивался с ночным воздухом и, кажется, опьянял не хуже спирта.
Учиха странно выдохнул прерывисто и болезненно, опустив

холодный лоб на пышущее болезненным жаром плечо Наруто.

– У меня только боль осталась, – едва слышное признание, и вновь глаза смотрят в лицо Узумаки.

Саске больше не казался пьяным. Он смотрел осмысленно, с грустной усмешкой на губах, словно только ночью позволял своим эмоциям проступать на этой обычно бесчувственной маске:

– Можешь потом ненавидеть меня.

– Чт…

Закончить вопрос Наруто не успел, почувствовав привкус алкоголя и крови на своих губах. А ещё холод чужих пальцев, что почти до боли сжали скулы, мешая вывернуться.
Учиха целовал быстро, нервно, словно боялся передумать. Или же просто не мог разобраться в том, что следует делать с чужими губами.
Узумаки застыл. Застыло всё внутри, даже сердце замедлило свой бой. Он не понимал…
Но.
Наруто всё-таки скользнул губами по разбитой губе парня, и в тот же момент всё прекратилось.
Отстранившись от него, Саске мазнул по растерянному лицу каким-то равнодушным взглядом и вновь отвернулся, опираясь руками о перила.
Словно ничего и не было.
Узумаки выдохнул, когда лёгкие начало щипать от нехватки воздуха, и будто бы расслабился, чувствуя на своих щеках тяжесть чужих пальцев, которые всего несколько минут назад мешали пошевелиться.
В голове всё путалось:

– Я…

– Проваливай.

Учиха даже не повернулся, чтобы сказать это в лицо. Он

продолжал терзать зажатую между зубами сигарету.
Чувствуя дрожь в ногах, Наруто впервые в жизни подавил своё упрямое желание спорить, противиться. Он просто вышел, забыв закрыть за собой дверь балкона.
Саске усмехнулся.
Орочимару был прав.
Он становится простой оболочкой.
А самое противное… последние ощущения, которые остались на его коже: горячие руки дрожащего от температуры и озноба Узумаки. Этот идиот прижимался к нему всю ночь, охлаждаясь о его тело, мешая провалиться в сон… потому что слишком хрипло дышал, кашлял и бредил. Потому что было страшно, что дыхание оборвётся.
И этот бред засел в голову… засел накрепко.
Учиха зло сжал перила.
А потом всё пропало.
Он в раз будто бы и забыл, как ощущаются прикосновения.
Было всё равно: холод, жар, боль, удовольствие…
Ничего.

Глава 6. I don't care.

"Just don't deny it
Don't try to fight this
And deal with it
And that's just part of it

If you are dead or still alive
I don't care
I don't care
Just go and leave this all behind
Cause I swear
I don't care"
Apocalyptica - 'I Don't Care' feat. Adam Gontier

«Не отрицай этого,
Не пытайся с этим бороться
Или как-то с этим справиться.
И это лишь малая часть всего.

Умер ты или всё ещё жив –
Мне всё равно,
Мне всё равно.
Иди и забудь обо всём,
Потому что клянусь –
Мне наплевать…»

Мы все обещаем.

«Я буду рядом, Саске».

Учиха тряхнул головой, прогоняя чужой голос из ушей, но закрыть глаза не смог, лежа в этой небольшой коморке, которую Нагато любезно выделил им в качестве временного убежища.

Сон не шёл. Наверное, его ловили плотные сети бессонницы, что окутали Саске с ног до головы. Их плотные серебристые нити врезались в тело, спутывали пальцы и забивали ноздри. Он в очередной раз перевернулся на бок.
Было странно лежать на этом матрасе и совершенно ничего не чувствовать. Просто знать, что ты лежишь и что простынь должна постепенно нагреваться от твоего тепла.
Но было ли тепло?
Взгляд зацепился за Наруто, который мирно спал или слишком хорошо прикидывался спящим. Температура всё ещё выкрашивала его щёки в красный, посыпая лоб мелкими каплями пота, заставляя губы во сне беспокойно двигаться.
Что ему снится? И снится ли вообще что-то.
Учиха тяжело вздохнул, чувствуя, что внутри разрастается огромная пропасть, куда рушится всё, что он знал и когда-то принимал.
Оставалась только одна нить, опоясывающая его за горло, сжимающая и забирающая жизнь каждый раз, когда тот пытался вздохнуть. Но эта нить, эта красная нить тянулась к другому человеку, который сам еле держался на ногах. Дёрни, и он полетит за тобой, отпусти – он не отпустит. Будет держать, хотя ладони уже искромсаны в кровь…
Вздрогнув, будто почувствовал чужой взгляд, Узумаки открыл тронутые пеленой болезни глаза. Кажется, тот знал, кто может смотреть на него ночью, и уставился прямо на парня, едва различая контур его лица в полумраке комнаты.

– Ты не спишь? – тихий голос Наруто был изменён больным горлом, и вышло как-то жутковато.

– Нет.

– Саске, – Узумаки поёрзал на неудобном матрасе, устраивая голову так, чтобы было хорошо видно силуэт собеседника, – ты… совсем ничего не чувствуешь?

– Совсем, – тихий шёпот оборвался, и вновь тишина.

– Но… зачем тогда…

– Что?

Пауза, наполненная тиканьем часов и сонным ворчанием Пэйна.

– Да не… забей.

Наруто почти ничего не видел. Мешала темнота и болезнь, что превращала все силуэты в размытое марево. Поэтому вздрогнул, когда холодные пальцы коснулись его щеки, а затем вновь это странное чувство, когда чужие губы легко накрывают твои, а рука скользит по затылку, будто бы снимая болезненный жар с опалённой температурой кожи. Узумаки хотел отстраниться, пытаясь противиться тому, что было неправильно во всех отношениях, но ладонь на затылке нажала сильнее, мешая пошевелиться, а поцелуй стал внезапно жёстче, словно напоминая, кто здесь сильнее. Наруто упёрся рукой в грудь Учихи, всем телом пытаясь отодвинуться.

– За… зачем? – выдохнул Узумаки, когда поцелуй внезапно оборвался.

– Не придавай этому большого значения.

– В смысле? – как-то слишком возмущённо прошипел Наруто и прикусил губы, потому что глупость ситуации таки дошла до его мозга.

– А ты думал, что я в тебя влюбился?

Даже не видя лица Саске, парень понял, что тот ухмыляется. И этот яд в голове больно потёк по венам.

– Придурок, ты мне нафиг не нужен.

– Тогда и не лезь!

– Ооо, Узумаки. А если бы я сказал, что влюблён в тебя по уши, ты бы мне дал?

– Учиха, иди на хрен.

Наруто, накрывшись одеялом, стянутым с собеседника, отвернулся от него, утыкаясь носом в плоскую подушку.
То же мне… герой-любовник.
Тихий хриплый смешок в спину почти добил, но Узумаки прикрыл глаза и глубоко вдохнул, пытаясь справиться с нахлынувшей злостью.

***

Утро началось рано.
Нагато, растолкав парней, сказал, что едет в пригород и пора бы Наруто рассказать своей матери, куда он так внезапно пропал из больницы. Судя по твёрдому тону, его этот вопрос очень волновал, и пустить всё на самотёк он позволить не мог.
А вот лицо Узумаки скривилось, когда ему напомнили о матери и предстоящем разговоре. То была уже другая реальность словно, в которую было тяжело возвращаться.

– Саске, ты с нами? – коротко бросил Нагато, подхватывая с комода ключи от машины.

Учиха, восседающий на полу в весьма апатичном состоянии, безразлично пожал плечами и поднялся, подхватывая свой неизменный рюкзак.
Он бросил косой взгляд на Наруто, который всё утро усердно делал вид, что Саске рядом просто не существует, и старался не встречаться даже взглядом. Хотя именно взглядом было бы хуже.
Усмешка. Маленький мальчик запутался в своих мыслях.

***

Дорога в пригород была полна тишины и взглядов куда угодно, лишь бы не друг на друга. На этот час в голове Узумаки мысли о матери и отце полностью вытеснили размышления о странном поведении Учихи и о своём принятии того, что его уже два раза поцеловал парень.
Такой бред…

Ну вот опять. Стоило ослабить контроль над мыслями, как они вновь вернулись во вчерашний вечер. Наруто упрямо тряхнул головой, едва не рыча от злости на самого себя.
Саске же такими раздумьями не терзался. Устроившись у окна, он вяло наблюдал, как по стеклу стекают крупные капли дождя, и иногда проводил по нему пальцами, пытаясь поймать холод. Но пальцы тыкались лишь в какую-то вату.
С потерей ощущений пришла новая проблема. Ему было трудно ориентироваться в пространстве. Спускаясь по лестнице, Учиха едва не пролетел носом пару пролётов, благо реакция всё ещё присутствовала в этом отмирающем теле, и парень успел ухватиться за перила.
Но с каждой секундой держать себя в руках было труднее и труднее.
Нет. Паники уже не было. Она прошла после первой огромной волны, накрывшей Саске и заставившей бежать из коморки Нагато в центр города. Туда, где полно людей: толкающихся, наступающих друг другу на ноги, орущих и возмущающихся. Туда, где кипела эта картонная жизнь. Бродя по людным тротуарам, заходя в переполненные кафе и магазины, Учиха изо всех сил пытался почувствовать хоть что-то. Много раз налетал на кого-то, едва не сбивал с ног, ударялся случайно о стулья в кафе, но ничего.
Пустота.
С уходом чувств Саске перестал понимать, где он. И почему. Он чувствовал себя маятником, который подвесили на нитке и перестали раскачивать. И смысл пропал куда-то двигаться самому.
Осталась только боль.
Боль.
Боль.
Учиха откинул голову на спинку заднего сиденья, вперившись взглядом в потолок салона.

– Я не смогу вас забрать сегодня. Фура приходит – будем разгружать, – бросил Нагато, останавливаясь у указанного Наруто дома.

– Хорошо. Мы тогда у меня останемся…

– Я, как и обещал, поговорю с комендой, – кивнул Нагато. – У нас в общаге должны быть свободные комнаты.

– Спасибо, – вяло улыбнулся Узумаки. – Ты завтра во сколько дома будешь?

– Ближе к вечеру. Вы приходите… разберёмся.

С этими словами Нагато ободряюще улыбнулся блондину, и они распрощались.
Саске хмуро наблюдал за тем, как Наруто бьёт мелкая дрожь и как парень нервно кусает губы. Учиха обернулся на небольшой дом, утопающий в облетевших кустах и почти скрытый от дороги деревьями.

– Будешь знакомить меня с родителями? – прыснул Саске.

Взгляд голубых глаз поднялся на него, и Узумаки скривился, мол, и без твоих подколов тяжко.

– А они как отнесутся к тому, что ты по мальчикам?

– Да заткнись ты, – шикнул Наруто. – Я по девочкам. А это всё не имеет значения.

– Угу, – как-то скептически хмыкнул Учиха, проходя следом за парнем в калитку и дальше по мощённой камнем дорожке между кустов роз.

Узумаки остановился у двери и без стука открыл её, тяжело вздохнув напоследок, словно нырял в холодную воду.

– Ма, – крикнул он осторожно и шикнул Саске: – Заходи.

Они вошли в просторную гостиную, убранную дёшево, но со вкусом. Первым делом взгляд Учихи упал на журнальный столик, на котором среди газет стояла баночка корвалола и пачка каких-то таблеток.

– Готовься, – мрачно сказал Саске, убирая руки в карманы.

Послышались быстрые шаги. Учиха взглянул на парня рядом, который весь сжался от предвкушения.

– Наруто, – выдохнул мужчина, появившийся перед ними. Первым делом он обнял сына, заставив того болезненно поморщиться, а затем уже окинул взглядом Саске.

Учиха стоял ровно, терпеливо выжидая, пока на него «налюбуются».

– Ты где пропадал?! – выпалил обеспокоенный отец.

Да… они с Узумаки были совершенно непохожи. И это настолько бросалось в глаза, что Саске невольно начал сравнивать. Каштановые волосы против соломенных, яркие голубые глаза против тёплых карих. Сходство было разве что в цвете кожи: оба загорелые, но блондин всё же был светлее. Или так сказалась простуда пополам с нервами?

– Па, – тихо начал парень, – простите меня с мамой. А где она?

– Работает. Вызвали. Кто это, Наруто?

– А, – запоздало опомнился Узумаки. – Это Саске Учиха… мой… мой…

Брюнет едва заметно ухмыльнулся:

– Я его одногруппник.

– Ирука, – кивнул отец Наруто. – Ты хоть представляешь, что мы с матерью пережили?!

– Па, извини. Я очень виноват… ну, правда. Очень.

– Ты, наверное, нас совсем не уважаешь, – цокнул языком Ирука, хотя было видно, что мужчина давно перестал злиться на всё-таки вернувшегося живым сына.

– Да уважаю я вас! – горячо заверил Узумаки, краснея. – Просто… просто так вышло, чёрт возьми!

– Как так могло выйти, что ты пропал из больницы с сотрясением?!

Наруто бросил на Саске взгляд полный надежды на помощь, но Учиха остался безмолвен, лишь слегка поднял брови да улыбнулся краями губ. Сам виноват – самому и расхлёбывать.

– Па, были дела, – беспомощно выдохнул парень, надеясь, что ему поверят и перестанут копать глубже. – Очень важные, правда.

– Рассказывай.

Ирука опомнился и жестом предложил им пройти на кухню, где машинально поставил чайник и выпалил:

– Я забыл. Нужно твоей матери позвонить… сказать, что всё хорошо. Волнуется.

С этими словами мужчина вылетел из просторной кухни. Узумаки сидел как на иголках. Он уселся на краешек стула, то и дело ёрзая и опасливо косясь на чайник, словно тот был готов взорваться. На его лице блуждали какие-то грустные мысли, и плечи были понуро опущены:

– Почему ты мне не помог объяснить?

– А с чего я это должен? – хмыкнул Саске, вальяжно развалившись за столом, балансируя на двух передних ножках стула. – Ты сам виноват во всём.

– Но я же к тебе ехал, – возмутился Наруто, вскидывая на Учиху большие дерзкие глаза.

– И что? А головой заранее не подумал, что твои дорогие мамочка и папочка будут волноваться?

Саске ногтем сковырнул глазурь с пирожного, лежащего в вазочке перед ним. Задумчиво посмотрел на палец и лизнул.

– Тебе трудно мне помочь?

– Ну, а что я им скажу? – уставился парень на Узумаки. – Что их сын в жопу ужаленный человек благодетельности сорвался из больницы, чтобы себе самому доказать, какой он опупенно преданный друг?!

Наруто не успел ответить на этот выпад, потому что в комнату вернулся отец.

– Мать будет вечером. Хочет с тобой поговорить.

Узумаки уронил голову на стол, как будто эти слова означали чуть ли не приговор к расстрелу.

– Твой друг из города? Он когда обратно?

Учиха усмехнулся: отец Наруто с первого взгляда невзлюбил его. Логично.

– Завтра вместе со мной, – неожиданно твёрдо ответил Узумаки.

Ирука смерил сына тяжёлым взглядом и буркнул:

– Вечером поговорим.

***

Они сидели в гостиной и смотрели какую-то ерунду по телевизору. Наруто, кажется, вовсе витал где-то в своих мыслях, где приговор уже давно был приведён в исполнение. Он лишь изредка возвращался в эту реальность, чтобы взглянуть на своего молчаливого товарища.
Головная боль подобралась незаметно, когда по телевизору какая-то певичка начала вещать о своей великой любви к единственному мужчине. На этот раз она была сильной и

резкой, едва не сложившей Учиху пополам.
Он вцепился пальцами в подлокотник кресла и сжал зубы, стараясь не проронить ни звука.
Узумаки сразу понял, что с ним что-то не так. Побелевшее лицо, застывший взгляд. Наруто зыркнул на отца, который был слишком поглощён чтением какой-то статьи в газете.

– Саске, пойдём я тебе что-то покажу, – быстро проговорил Узумаки, подходя к другу и видя, как тот с трудом поднимается, не воспользовавшись протянутой рукой. – Па… позовёшь тогда.

– Угу, – не глядя на них согласился Ирука.

Подняться по лестнице для Учихи оказалось очень трудной задачей. Ноги не слушались и заплетались, мышцы начинало сводить судорогой.
Последние несколько метров Наруто пришлось буквально протащить Саске на себе. Ввалившись в свою комнату, Узумаки опустил его на пол, ногой закрывая дверь.

– В… рюкзаке, – проваливаясь в судороги с головой, прошипел Учиха. Он цеплялся пальцами за ковёр, пытаясь удержаться в этой реальности, но всё-таки упал.

Наруто уже видел такое. Тогда в квартире.
Буквально слетев по лестнице, он ухватил рюкзак, что остался стоять у входной двери, и также быстро вернулся в комнату под удивлённым взглядом отца. Но не было времени объяснять.
В комнате Узумаки вновь опустился рядом с побелевшим, как полотно, парнем и вывалил на пол перед ним гору всяких упаковок с таблетками из рюкзака.

– Какой?! – всполошился Наруто, совершенно точно понимая, что сам даст Саске что-то явно ненужное.

Учиха услышал не сразу, пришлось повторить дважды, а когда до затуманенного болью мозга всё-таки дошло, тот скрюченными пальцами подцепил из кучи небольшой флакон и вновь разжал руку, глухо застонав через зубы.

– Понял, – выдохнул Узумаки, снимая крышку и высыпая на руку одну таблетку.

Разжать рот Саске оказалось той ещё задачей, но всё-таки таблетка была уложена на язык и благополучно проглочена. Учиха с трудом перевернулся на живот, упираясь в пол локтями и лбом касаясь ворса ковра. Дыхание с хрипом вырывалось из приоткрытого рта, мышцы всё ещё подрагивали.

– Ты… ты как?

Запыхавшийся от волнения Наруто, положил руку на тяжело вздымающуюся спину парня, машинально успокаивающе поглаживая. Наверное, Саске не чувствовал, но Узумаки таким образом успокаивал и себя.

– Прелестно, – шикнул Учиха, всё ещё не поднимая головы. Он зажмурился сильно, пытаясь унять колокола в голове, которые разламывали череп. В носу отвратительно засвербело, и Наруто увидел, как на светлый ковёр закапала кровь.

– Блин! Учиха, пошли в ванную!

Подхватив его под руку, Узумаки кое-как поднял того с пола и выволок из комнаты, опасливо оглядываясь. Ванная была дальше по коридору, и очень уж не хотелось столкнуться с отцом, ибо перепачканное кровью лицо Саске наталкивало лишь на самые мрачные мысли.
До ванной они добрались шатко: Учиху кидало в разные стороны, а ноги то и дело подгибались.

– Чёрт, Саске. Иди ровно… тут… недалеко, – кряхтел Наруто, цепляясь свободной рукой за косяк двери и буквально закидывая их в ванную.

– Отцепись.

Учиха вяло оттолкнул от себя руки парня и едва не рухнул. Спасло то, что вовремя успел упереться ими о край ванной, но

они всё же согнулись, и он оказался на полу.

– Давай помогу.

Узумаки вновь ухватил того за руку, но злые чёрные глаза убедили его всё же отпустить. Прижавшись к кафелю, Наруто запоздало закрыл за ними дверь, надеясь, что в ближайшее время санузел никому не понадобится.
Саске, опираясь на что-то твёрдое, заставил тело встать и сесть на край ванной.

– Салфетку дай, – прохрипел Учиха, утирая рукой кровавую юшку у носа и закидывая голову. Вскоре ему было протянуто небольшое вафельное полотенце, которое он тут же прижал к носу.

Узумаки стоял молча, наблюдая за тем, как бледное лицо искажает гримаса боли. Иногда Наруто казалось, что на миг тому становится легче, но это было обманное затишье. Сколько бы Саске не утирал кровь, она не собиралась прекращаться, лишь размазываясь разводами по лицу.

– Блин, дай сюда, – не выдержал Узумаки после пяти минут наблюдения за мучениями парня.

Буквально выхватив полотенце из рук Учихи, он встал напротив него, заставляя задрать голову выше.
Саске недовольно опустил свои руки на колени, явно не радуясь такому внезапному напору от Наруто. Но поддаться сейчас было легче: тело всё ещё трясло.
Прикладывая полотенце, что быстро становилось красным, к носу Учихи, парень искоса видел, как тёмные холодные глаза уставились на него. Было неловко под этим взглядом… отчего-то вспомнился балкон и то, как жёстко чужие губы касаются его.

– Ты покраснел, – сдавленно пробормотал Саске.

– А? – встрепенулся Узумаки и слишком сильно чиркнул сложенным уголком полотенца по щеке того. – Ой, прости.

Больно?

Учиха усмехнулся, и Наруто скис, включая воду и смачивая полотенце под струёй. Так дело пошло лучше, и скоро на лице Саске не осталось и следа от крови, зато полотенце совершенно потеряло свой товарный вид.

– Узумаки…

– Наруто?!

Дверь ванной открылась, впуская внутрь женщину, что резко затормозила, когда увидела парней.

– Ма, я сейчас всё объясню, – торопливо выпалил тот, отскакивая от Учихи и пряча перепачканное полотенце за спину. Но было поздно…

– Быстро вниз.

С этими словами обладательница мелодичного, но слишком громкого от нервов голоса, удалилась.

– Иди в мою комнату, – тяжело выдохнул Узумаки, швыряя полотенце в стирку.

***

Она кричала долго. С чувством, с толком. Саске даже поначалу прислушивался к голосу матери Наруто и к тому, что она говорила своему непутёвому сыну.
А потом ему надоело. Он просто лежал на кровати Узумаки, рассматривая бежевый потолок и неспешно вдыхая воздух. Учихе казалось, что он в вакууме: ни запахов, ни вкуса, ни чувств… только звуки, но и те приглушённые.
Встав с кровати, Саске прошёлся к письменному столу Наруто, проводя пальцами по светлой столешнице. Пыльная из-за долгого отсутствия хозяина.
Комната была под стать последнему: светлая, полная каких-то безделушек. На прибитой к стене полке ютились пластиковые

роботы, которые, видимо, перестали пользоваться популярностью у Узумаки, но выкинуть их было всё же жалко. Комната была уютной. Это тепло обжитого места непривычно обжигало кожу, ложась на плечи и словно приобнимая. Хлопок двери за спиной.

– Всё, – выпалил раскрасневшийся Наруто, падая на кровать.

– М? – повернулся к нему Учиха. – Мамочка простила?

– Да фиг поймёшь. То слёзы – то ругань, то обнимает – то придушить хочет, – раздражённо говорил Узумаки, глядя в потолок. – Сказала, что во всём ты виноват, между прочим.

– Она видит меня впервые в жизни.

Саске бесцеремонно пихнул парня в бок, требуя подвинуться, и уселся на освободившееся от его ноги место.

– Ей хватило, – скривился Наруто. – Думает, ты мешаешь мне учиться. Плохо на меня влияешь.

Учиха пожал плечами:

– Никто не может повлиять на человека, если тот не тряпка.

Повернувшись к Узумаки, он оскалился в ехидной усмешке:

– Ты тряпка, болван?

– Отвянь, Саске. И без тебя хреново.

– Просто ответь, – не унимался Учиха, наклоняясь. – Ты тряпка?

Наруто всё же встретился с ним глазами и нахмурился:

– Не знаю.

– Отчего же?

Тон Саске был каким-то вкрадчивым, от него становилось одновременно: и жутко, и неудобно, словно тихий голос вскрывал заклёпки спасительной защиты, которая есть у нас всех.

– Не доводилось проверять, – просто пожал плечами Узумаки. – Драться – дрался всегда и морду бил любому, кто что-то там на меня гнал. Да и заступиться могу… Ты зачем спрашиваешь вообще?

Смерив Наруто каким-то непонятным взглядом, словно сделал пометку для себя, Учиха отодвинулся и, потянувшись, схватил с пола упаковку таблеток.

– Блин, Саске! Зачем тебе это надо было?

От любопытства Узумаки даже сел в кровати, уставившись на парня пытливым взглядом, пока тот выковыривал на руку одну за другой три таблетки.

– Если ты не тряпка, то почему там на балконе не дал мне в морду?

– Да ты достал уже! – выпалил Наруто.

– А у Нагато на полу почему не послал?

– Могу послать прямо сейчас! Хочешь?!

Глаза Узумаки блестели каким-то странным огнём, но Учиха его не боялся. Эти детские потуги выглядеть взрослее, суровее и независимее привели к: сотрясению мозга, прогулам в институте, тяжёлой простуде и конфликту с родителями. Как правило, взрослые так не поступают.

– Тебе всё равно, так какого ты всё время вспоминаешь? – вызверился парень, вперившись в ухмыляющееся лицо Саске.

– Потому что тебе не всё равно.

Дверь комнаты открылась, прерывая их разговор.

– Наруто, можно тебя? – с какой-то опаской озираясь на Учиху, попросила женщина.

Узумаки не знал, был ли он рад тому, что мать так внезапно вторглась посреди разговора. Но ответа на слова Саске он так и не нашёл внутри себя… поэтому решил, что всё-таки их прервали к лучшему.
Кивнув, он поспешно покинул комнату, закрывая за собой дверь и вопросительно глядя на мать.

– Твой друг остаётся у нас? – нахмурив тонкие брови, спросила она.

– Да. Завтра мы поедем в город вместе.

Волна недовольства. Женщина смотрит строго, и в глазах непонимание:

– Зачем тебе ехать с ним?

– Ма, я должен. Я обещал.

– Кому ты там что уже успел наобещать? – устало простонала та. – У тебя же температура, тебе же в больницу… а ты с этим…

– Да всё нормально, – преувеличенно весело воскликнул Наруто и тут же понизил голос на случай, если Учиха отличался прекрасным слухом. – Саске хороший. По-своему, но заботится. Он мне жаропонижающее ночью пошёл искать даже.

О том, что перед тем этот, «хороший» Саске, хорошенько приложил его кулаком в морду, Узумаки промолчал.

– Так у тебя ещё и жар! – всплеснула руками женщина, моментально прикладывая ладонь ко лбу сына. Тот, на счастье Наруто, оказался в меру тёплым.

– Прошёл уже давно, – быстро поправился Узумаки. – Мам, ну

правда. Ничего со мной не будет… а Саске… ему правда нужна моя помощь.

– Да чем ты можешь помочь ему?

Наруто тяжело вздохнул, опуская голову, и той пришлось подхватить сына за подбородок и посмотреть в большие голубые глаза.

– Я просто буду рядом. Мам, я буду ходить в институт. Просто так получилось… что я должен был быть тогда рядом с Саске.

Конечно, вести такие разговоры прямо за дверью комнаты, где находится непосредственный предмет обсуждения, было верхом глупости.

– Ребёнок, – выдохнула мать, порывисто обнимая сына и прижимая к себе, – мы с отцом слишком хорошо тебя воспитали…

Узумаки облегчённо выдохнул. Значит, ему не станут мешать…

***

Ужин проходил в какой-то непривычно тихой, слегка нервозной обстановке. Так уж вышло, что ужинали все за одним столом, и Учихе пришлось для вида положить и себе что-то. Выбор пал на салат, который он лениво размазывал по тарелке, выбирая лишь помидоры-черри.
Привычка.
Колупая салат без особого интереса, Саске открыто наблюдал за семьёй Наруто. Они переговаривались, обменивались шутками и какими-то повседневными новостями…
Это он здесь был лишним. Он был здесь тем тёмным пятном, что распространяло холодное дыхание того, что давно стояло у него самого за плечами. Семья Узумаки чувствовала эту близость с чем-то неизбежным, видела что-то в чёрных глазах, неуловимый оттенок темноты, который всегда появляется, когда уже переступил через себя, когда больше уже нечего ломать в себе. Всё и так: изломано, изрублено, осыпалось

осколками и истлело.
Учиха сам не заметил, как слишком сильно сжал вилку, скрипнув зубами, он отложил прибор, осторожно поднимаясь из-за стола.
Воссоединившаяся семья не сразу заметила отсутствие гостя, потому что трудно заметить того, кто стал призраком самого себя.

***

Саске сидел на пороге дома Наруто и медленно курил, выпуская сизые кольца в воздух, пропитанный осенним холодом. Холод…
Он вытянул руку перед собой, сжимая и разжимая кулак, наблюдая, как жилы и вены перекатываются под тонкой белой кожей, как выпирают сбитые костяшки пальцев.
Тело. Что это? Оболочка для чего? Что заставляет нас заботиться об этом мясе на костях?
Ведь в итоге мы все носим на плечах свой труп.

– Не возражаешь?

Учиха и не заметил, как рядом сел Ирука. Мужчина чиркнул зажигалкой, и к кольцам дыма прибавились облака:

– Ты друг Наруто?

Саске усмехнулся. Ну вот… начались типичные вопросы типичных родителей. Они так боятся за своего отпрыска, что наверняка в его отсутствие выпили не один литр валерьянки.

– Типа того, – неопределённо отозвался Учиха.

– Вместе учитесь?

Ирука смотрел пытливо, долго, но взгляд его был на удивление мягким.
Саске кивнул, зажимая сигарету в зубах. Он не видел смысла в этом разговоре. Если Наруто самостоятельно втесался в его мир, прорвавшись через многие засовы и изодрав свою душу, то

этот темноволосый мужчина принадлежал другой реальности. Они никогда не поймут друг друга.

– Он сказал, что хочет жить в городе. Вы будете вместе снимать?

– Наверное.

– Я всегда говорил сыну, чтобы тот выполнял свои обещания, – спустя паузу сказал Ирука, задумчиво смотря на тлеющий кончик сигареты, а потом повернулся к Учихе. – Что же он пообещал тебе?

Саске хмыкнул, туша сигарету о землю и выкидывая окурок в кусты. Вздохнув, поднялся:

– То, что не сможет исполнить.

***

– Учиха, ты спишь?

Они лежали в его комнате. Наруто занял кровать, а Саске любезно постелили на полу. Учиха не сопротивлялся, пользуясь «преимуществом» своего враз одеревенелого тела. Спать теперь он мог хоть на гвоздях – всё одно. Тёплая вата.
Саске взглянул на свесившуюся с кровати руку и скривился. Разговаривать не хотелось, поэтому он молча перевернулся на спину и уставился взглядом в потолок.

– Учиха?

– Какого хрена?

Кровать скрипнула, кажется, Узумаки поднялся, а спустя пару минут опустился рядом.
Саске взглянул в какое-то рассеянное лицо парня и буркнул:

– Что надо?

Тихий выдох полный молчаливой борьбы с самим собой.
Иногда, чтобы переступить через себя, нужно потратить много сил и мыслей. А иногда нужно просто переступить.
Наруто, обхватив лицо Учихи руками, медленно приблизился к нему под пристальным взглядом. Замер, когда нос коснулся чужой холодной кожи.

– Мне не всё равно, – сказал Узумаки хрипло, почти болезненно.

Поцелуя Саске не почувствовал, он просто знал, что тот коснулся его губ.
Наруто, внутренне сгорая от стыда, неловко и резко прихватывал губы своими. Щёки заливал жар. Хорошо, что в комнате было темно.
Узумаки отстранился спустя пару минут, вглядываясь в чёрные провалы глаз парня.
Тихий голос Учихи:

– А мне плевать.

Глава 7. Already over.

"You never go
Your always here
Suffocating me
Under my skin
I cannot run away
Fading slowly"
Red – Already over

«Ты никогда не уходишь,
Ты всегда здесь,
Не даёшь дышать
Внутри меня.
Мне некуда бежать,
Исчезаю».

Ирука наблюдал за тем, как его сын пакует вещи, и что-то в сердце мужчины дрогнуло. Наруто… его вечно непоседливый, взъерошенный и весёлый ребёнок поменялся. И хотя светловолосое чудо пыталось как можно шире улыбаться, хотя его голос был как никогда звонок и радостен, а лицо не выражало ничего другого, кроме веселья – в голубых глазах Ирука замечал грусть. Она сверкала тусклыми бликами, когда сын скользил взглядом по своей комнате, размышляя, что бы ещё положить в большую дорожную сумку.
Наверное, тот неосознанно прощался с тем, что навсегда останется за этими дверьми. Наверное, он прощался с детством…

– Ты ничего не забыл? – тихо спросил мужчина.

Узумаки вздрогнул, словно не замечал присутствия отца, обернулся к нему с улыбкой, рассеяно чеша в затылке:

– Да вроде бы нет…

– Мать сказала проследить, чтобы ты положил побольше тёплых вещей. Положил?

– Па, – выдохнул Наруто, – я не маленький.

И это заявление заставило Ируку грустно улыбнуться:

– Я вижу.

– Ну чего ты? – протянул парень, подходя к родителю и внезапно порывисто обнимая. – Я же сказал, что всё будет хорошо. А я всегда сдерживаю обещания, чёрт возьми!

– В том-то и дело… – Ирука тяжело вздохнул, глядя в глаза сына. – Есть такие обещания, которые мы просто не в силах выполнить.

Наруто лишь нахмурился, словно одним взглядом говоря, как же он не согласен с отцом.

– Эти обещания разрушат нас быстрее, чем мы сможем их сдержать. Ты понимаешь?

– Я сильнее, чем ты думаешь, – упрямо заявил парень. – И я не брошу Саске, если ты об этом. Как бы тяжело мне не было…

– Твоё рвение похвально, но я волнуюсь за тебя, – выдохнул Ирука, ероша жёсткие волосы сына рукой. – Этот парень… даже мы с мамой видим, что с ним что-то не так. Он ничего не съел за ужином, а вчера она нашла полотенце… в крови. Наруто, ты понимаешь?

Узумаки почувствовал, как щёки начали краснеть. Как он мог так облажаться с этим треклятым полотенцем?!

– И я надеюсь, что происходящее с ним не заденет тебя.

Мягкий взгляд карих глаз внезапно стал таким серьёзным и

тёплым, что Наруто резко уткнулся носом в грудь отца и тяжело вздохнул.
Оно уже задело. Пробилось сквозь придуманные барьеры, разбило ко всем чертям розовые очки, и их осколки сейчас больно кололи глаза, не привыкшие видеть мир в его истинном свете. Мир, где парни двадцати лет от роду медленно умирают…

– Па, всё будет хорошо, – только и смог выдохнуть Узумаки, крепче прижимаясь к нему, пытаясь запомнить то домашнее тепло, которое он собрался оставить позади. Добровольно лишиться.

– Не губи себя, Наруто. Бывает очень больно…

Ирука крепче сжал сына и, наконец, выпустил из объятий, чтобы слегка взволнованно потрепать по волосам и уже другим тоном спросить:

– Собрался?

– Д-да, – выдохнул парень, украдкой переводя дух.

– Тогда пойдём. Твой друг уже заждался…

***

Прислонившись спиной к машине, Саске в очередной раз закурил, выжидающе глядя на небольшой дом Узумаки. Нагато приехал немного раньше, чем обещал, и это было как нельзя кстати: хотелось поскорее вырваться из этого гостеприимного дома, где на тебя смотрят, как на пришельца.

– Тебе делать больше не хрен, как с ним возиться? – буркнул Учиха, зная, что стоящий рядом парень его услышит.

– А ему кроме как возиться с тобой? – усмехнулся в ответ Нагато.

– Вы оба идиоты, – помолчав, шикнул Саске. – Что он, что ты:

присосались к незнакомцу и упиваетесь своей «помощью».

– Никто ничем не упивается, Учиха, – всё с такой же спокойной улыбкой заметил Нагато. – Ты не поверишь, но есть такие люди, которым важно заботиться о других. И всё равно сколько ты с ним знаком: день, неделю, пять лет…

– Я и говорю – идиоты, – выдохнул облачко дыма Саске.

– А ты не идиот? – вздёрнул брови Нагато, и Учиха даже повернулся к нему, услышав такое заявление. – Думаешь, я не знаю, откуда это?

Палец ткнулся в сбитые костяшки на руке Саске, и тот резко одёрнул её, испепеляя взглядом Нагато.

– Ты ведь пошёл бить морду тому, кто избил Наруто. Я же знаю… ты не такой, чтобы просто так оставить это…

– Ничего ты не знаешь, – прошипел сквозь зубы Учиха.

Этот красноволосый начинал порядком выводить из себя. Говорит так, будто видит его душу насквозь, в то время как сам Саске даже мельком не мог посмотреть на то, что творилось у него внутри. Он увязал в своей же темноте уже на подходе… И это злило. Казалось, что парень попал в общество сплошь экстрасенсов и психологов, которые так тонко чувствуют чужую душу, что готовы вывернуть всю информацию о ней на обладателя.

– И жаропонижающее ты ему принёс. Не поленился же, – лукавая улыбка появилась на лице Нагато, и Учихе захотелось разбить эти кривящиеся губы в кровь.

– Этот придурок мне спать мешал своим хрипом, – рыкнул Саске и тут же прикусил язык, понимая, что начал оправдываться.

– Не отрицай, Учиха. Ты такой же, как и мы, просто противишься тому, что умеешь чувствовать.

Саске не выдержал. Выбросив сигарету, он ухватил парня за шиворот и хорошенько тряхнул, заглядывая в фиалковые глаза:

– Что ещё ты знаешь обо мне?

– Ты боишься чувствовать, – смело отвечал прижатый к машине Нагато, не отводя взгляда. – Ты боишься, что впустишь кого-то к себе в душу и тебе станет не безразлично…

– Ты идиот.

– Боишься признать, что всё ещё жив.

Учиха сжал руки сильнее, буквально впечатывая его в машину.

– Ты уже чувствуешь, – довольно проговорил Нагато, ухватившись за запястья того. – И тебя это злит.

Саске скользнул долгим взглядом по белому лицу парня, что так резко контрастировало с ярко-красными волосами.
Почему же все лезут к нему под кожу?!

– Пошёл в жопу, – шикнул Учиха и разжал руки прежде, чем из дома вышли Наруто и Ирука.

– Признай это, – усмехнулся Нагато, оправляя куртку и открывая багажник для сумки Узумаки. – Признай, и станет легче.

– В жопу, – одними губами повторил Саске, забираясь на заднее сиденье и отодвигаясь к окну. Он сразу же отвернулся, слегка съехав вниз, чтобы не видеть, как Наруто будет прощаться с отцом.

Его раздражало то, что они слишком долго задержались здесь.
Его раздражали чужие чувства.
Наконец-то двери хлопнули, и мотор заурчал.

– Так… вроде бы ничего не забыл, – пробормотал сидевший

рядом Узумаки, охлопывая свои карманы, словно и туда что-то умудрился запихать.

– Я нашёл вам комнату, – донеслось от Нагато, и он нажал на педаль газа. Машина неспешно покатилась по дороге.

– Круто! – выпалил Наруто с энтузиазмом, которого мрачнеющий Учиха не понимал.

Зачем этот придурок добровольно записался в няньки?
Саске прикрыл глаза, желая вздремнуть до города, но Узумаки резко выпалил:

– Учиха! Возьми!

Едва он успел открыть глаза, как в лицо полетело что-то чёрное, что Саске успел поймать лишь в последний момент. На проверку это оказалось его курткой.

– Забрал у тебя тогда, – пояснил Наруто.

– Постирал? – шикнул Учиха, нехотя натягивая коженку на себя.

Холода Саске не чувствовал, но желал побыстрее скрыть обнажённые руки от посторонних взглядов. Уж очень они исхудали, и даже Нагато иной раз пробегался по ним глазами, полными молчаливой жалости. А это бесило ещё больше привычки того строить из себя знатока человеческих сущностей.

– Сам постираешь, – парировал Узумаки, вытягиваясь на сиденье и закладывая руки за голову. – Я тебе не домработница.

На самом деле куртка была чистой: мать сразу же забросила её в стирку, когда Наруто забрали в больницу. Но спор ради спора тоже был приемлем…

– Из-за тебя её вывалили в пыли.

– Ты мою ещё вообще не вернул.

Узумаки прикрыл глаза, кажется, собираясь вздремнуть.
Учиха молча кивнул, делая свои выводы, и последовал примеру парня.
Спать не хотелось, но закрытые веки всегда спасали от ненужных разговоров…

***

Нагато сдержал своё слово, найдя небольшую комнатку в общежитии, за которую особо денег не ломили, но всё же цена была несколько завышена.
Саске, наблюдая за тем, как Наруто осматривает стены в обшарпанных обоях, на то, как ногой приподнимает половик и пытается вытолкать оттуда же какой-то кусок бумаги, понимал, что всё это было слишком.
Он не хотел делить своё одиночество с кем-то, но другая половина души кричала – одиночество доведёт до сумасшествия.
Учиха это понимал.
И это злило ещё сильнее.

– Останется тут убраться и можно жить, – радостно улыбнулся Узумаки, который к внезапной свободе от родительского присмотра относился с большим энтузиазмом.

– Деньги у тебя откуда? – мрачно спросил Саске, привалившийся к обшарпанной стене плечом. – Мамочка с папочкой дали?

– Даже если и так, – смутился Наруто, но ответил весьма дерзко. – Всё равно потом работу найду…

– Так и будешь сидеть у них на шее, – фыркнул Учиха, усаживаясь на заправленную кровать.

Дряхлые однушки, застеленные колючими пледами, стояли по обе стены, создавая впечатление личного пространства для

каждого.

– Это тебя не касается, – фыркнул Узумаки, бросая свою сумку на оставшуюся незанятой кровать. – Или ты предпочтёшь на улице ночевать?

– Да мне всё равно как-то, – пожал плечами Саске.

– Да? – с вызовом выпалил Наруто, упирая руки в бока и глядя на соседа горящим взглядом. – Ну раз ты у нас такой безразличный, то поспишь и без пледа!

Учиха не успел ничего сделать, а Узумаки, вцепившись пальцами в край тёмно-зелёного колючего пледа под ним, дёрнул на себя с неожиданной силой. Ткань затрещала, но поддалась, ибо тщедушное тельце Саске не было таким уж сильным гнётом, чтобы удержать её.

– Ты охренел?! – опомнился Учиха, вскакивая на кровати и смотря на пытающегося выпутаться из пледа парня.

– Заткнись. Будешь возникать – ещё и подушку заберу.

– Может, ты меня сразу на пол положишь?!

– Если надо будет – положу, – буркнул Наруто, сворачивая трофей и укладывая его на постель.

Растрескавшуюся от времени раму большого окна нещадно продувало, и это ощущалось даже сейчас, а ночью и вовсе будет холодина. Так что лишний плед был очень кстати.

– Возомнил себя хозяином?

Злость ударила в голову, заставляя чёрные глаза пылать страшным огнём.
Узумаки хотел было заметить, что именно он заплатил за эту конуру с выделенных родителями денег, и Саске был здесь скорее гостем, но всё же прикусил язык. С Учихи станется воспринять эту шутку, как личное оскорбление, и уйти, громко

хлопнув дверью. И хотя Саске был тем ещё засранцем, но рыскать по городу в его поисках Наруто очень не хотелось:

– Ты сам сказал, что тебе всё равно.

– Да. Это ведь не я, а ты в меня втюрился, придурок, – мстительно осклабился Учиха.

Окинув издевающуюся физиономию спокойным взглядом, Узумаки буркнул:

– Дебил.

И с этими словами направился к выходу.

– Эй, стой!

Судя по звуку, Саске спрыгнул с постели и не рассчитал силы. Доски под его ногами печально скрипнули, но всё же выдержали, а соседи снизу, кажется, постучали в потолок шваброй в ответ. Да уж… слышимость здесь…

– Чего тебе? – терпеливо выдохнул Наруто, оборачиваясь. Надеяться на то, что Учиха проникся и спешил к нему с извинениями было глупо, но всё же робкий уголёк надежды на лучшее всё ещё тлел в душе парня.

– Держи.

В лицо Узумаки полетела скомканная оранжевая куртка.

– Барахло твоё.

А затем Саске улёгся на кровать, закладывая руки за голову и теряя всякий интерес к прожигающему его взглядом Наруто. Чего собственно этот Узумаки ожидал от него, беря под свою неумелую опеку? Благодарности, поклонения или ещё чего? Учиха фыркнул, когда дверь с грохотом захлопнулась.
Пусть катится. Хотя бы тихо станет…
Парень прикрыл глаза, пытаясь укутаться в эту воцарившуюся

тишину, словно в забранный плед.
Он до сих пор не мог понять, почему Нагато и Наруто видят в нём что-то, чего и в помине не существовало? Почему они так уверены, что он лучше, чем кажется? Ведь Саске даже не пытался казаться, он просто был.
Смысл надевать сотню масок, когда родная кожа изгнила и обнажила жёлтый костяк?
Фыркнув, Учиха перевернулся на бок, открывая глаза, и внезапно дёрнулся.
То, что явилось перед ним, успело почти стереться из памяти, переместившись куда-то в сознание, лишив себя облика.
А теперь Белокожая сидела рядом с ним на полу, устало положа голову на край кровати и заглядывая своими зелёными глазами в его. Тонкие пальцы её иссохшей руки, оплетённой синими венами, застыли над его щекой, поглаживая воздух:

– Хочешь избавиться от него?

Её голосу вторило эхо чужих голосов. Он становился то громче, то тише, но одинаково больно отзывался в голове.
Саске не отвечал, спокойно смотря на её худое, вытянутое лицо. Он давно перестал бояться ту, что приходила раньше каждую ночь, и теперь изо всех сил пытался разглядеть её, заметить что-то нереальное, что поможет убедить шаткий разум – это всего лишь иллюзия.
Плод больного воображения.

– Хочешь убить его?

Она всё-таки коснулась его, и это Учиха почувствовал. Волна холода прошлась по телу, сменившись странным жаром в висках.

– Хочешь, чтобы его тело страдало?

Затянутые пеленой смерти её глаза смотрели мягко, хотя потрескавшиеся губы улыбались жестоко, обнажая иглы зубов:

– Хочешь видеть его кровь?

Длинные чёрные волосы Белокожей свесились с обеих сторон лица той, когда она уселась на кровать и склонилась над Саске. От неё веяло холодом и почему-то запахом речной тины. Запах? Как…
Учиха удивлённо распахнул глаза, всматриваясь в утончённое лицо, под тонкой кожей которого выступали вены. Если это иллюзия, то она до омерзения реальна…

– Его крик?

Узловатые пальцы Белокожей скользнули по его шее, придавливая у основания бьющуюся жилку.

– Пошла… отсюда, – с трудом выдохнул Саске, чувствуя, как дышать становится трудно, а голова наливается свинцовой тяжестью.

– Убей его. Тебе будет легче, – оскал.

Учиха уже испытывал это чувство. Тогда он чуть не убил Карин и себя вместе с ней. Эти голоса вновь окутывали, вновь затягивали в чернильную бездну, навязывая лишь одно желание – дышать, пока собственные руки не сорвут чужой последний вздох.
Саске сильно зажмурился, надеясь, что видение исчезнет, что больше не будет этих липких прикосновений, холодного дыхания и запаха тины.
А затем резко сел, не встретив сопротивления чужого тела. Открыл глаза – комната совершенно пуста и тиха. Лишь его хриплое частое дыхание и биение сердца в ушах.
Рука машинально потянулась к рюкзаку за таблетками. Боль придёт… она всегда приходит.

***

– Я еды принёс, вот так-то! – громогласно заявил Наруто, врываясь в их комнату и закрывая за собой дверь, но осёкся, увидев, что сосед его спит.

Взгляд зацепился за флакон таблеток на столе, за бледное

спокойное лицо, за быстро бегающие под веками глаза.
Учиха казался спящим, но даже этот сон не приносил ему успокоения.
Узумаки тяжело вздохнул, проходя в комнату и ставя на стол еду. Когда отец говорил о тяжёлых обещаниях, он ещё не понимал, насколько тот был прав.
Тряхнув головой, парень отогнал от себя волнение и принялся выставлять на стол купленные продукты, шелестя пакетом.

– Потише нельзя? – раздражённо буркнули с кровати.

– Хватит там валятся, спящая красавица, – весело отозвался Наруто, шурша пакетом ещё сильнее. Назло.

– А ты иди и поцелуй, – сердито.

Саске всё же проснулся нехотя. Он уселся на кровати, сонным взглядом следя за тем, как Узумаки выкладывает продукты на стол.

– Я не знаю, что ты любишь есть… – задумчиво пробормотал Наруто, комкая и убирая пакет в ящик стола.

– Воды вполне хватило бы, – отмахнулся Учиха. В плане еды с потерей вкуса он перестал особо ощущать потребность в чём-то особом.

– Прекрати, – устало выдохнул Узумаки. – Голодать я тебе не дам.

– А кто тебя будет спрашивать? – чёрные брови иронично изогнулись.

Наруто скосил взгляд на Саске и усмехнулся:

– А тебя?

– Привяжешь к стулу и заставишь есть?

– Если потребуется.

С этими словами Узумаки включил только что купленный электрический чайник и залил туда воды, расплескав половину.

– Безрукий, – фыркнул Учиха, чиркая зажигалкой.

– Кури на балконе!

– С каких фигов? – прищурился Саске, всё ещё восседая на кровати и пялясь на парня.

Отчего-то Наруто в последнее время совсем страх потерял, и это нервировало. Учиха будто чувствовал, что теряет лидирующие позиции, но готов был в любое время восстановить своё положение при помощи кулаков.

– Я не курю и дышать этим не буду.

– Мне по хрен.

Сигарета всё же затлела, и Саске с удовольствием затянулся безвкусным дымом, а затем также медленно выпустил облако в сторону Узумаки, ухмыляясь. Кажется, это стало последней каплей. Подлетев к тому, Наруто выхватил сигарету у него из губ, обжигаясь тлеющим угольком, вторым резким движением схватил пачку со стола.

– Обалдел?!

Учиха даже вскочил с кровати, но Узумаки быстро отпрянул в сторону:

– Здесь ты курить не будешь!

– Да что ты?!

Полный яда и злости голос заставил Наруто оцепенеть лишь на миг, а потом Саске всё же ринулся вперёд, стремясь схватить парня за руки.
Тот увернулся в последний момент, и Учиха налетел на

встроенный в стену шкаф. Фанерные дверцы опасно затрещали.

– Я же сказал, – Узумаки забрался на свою кровать, рывком открывая окно. – Здесь курить ты не будешь.

– Только попробуй…

– И что ты мне сделаешь? – буркнул Наруто, высовывая руку с пачкой сигарет на улицу.

– Следом полетишь!

– Не напугал.

Узумаки уже было разжал руку, а Саске кинулся к нему, чтобы схватить того за ворот, но в этот момент вошёл Нагато:

– Ребята, я тут кипятильник нашёл… Что вы делаете?!

Фиалковые глаза расширились от удивления, и он замер, уставившись на открытое окно, схваченного за шиворот Наруто и, собственно, Саске, который хотел: то ли удержать парня от прыжка в окно, то ли горел желанием помочь ему с этим.

– Проветриваем, – зло фыркнул Учиха, выхватывая из опустившейся руки Узумаки пачку сигарет и спрыгивая на пол.

– Зажигалку, – бросил он Наруто, дойдя уже до двери и останавливаясь рядом с Нагато.

– Да подавись.

Зажигалка полетела в лоб Саске, но тот ловко поймал её, усмехнулся и вышел, толкнув напоследок Нагато плечом в плечо.

***

Учиха с трудом нашёл себе прибежище, где не было студентов, простых жителей общаги и прочего шумного мусора. Каждый

провожал его заинтересованным взглядом, ибо новичков всегда все замечают, как бы упорно они не пытались скрыться. А вот Саске, по мнению девушек, был весьма неплох собой, поэтому их взгляды липли в сто крат сильнее.
Мысленно матерясь и с трудом сдерживая желание заехать первому же, кто ещё раз посмотрит на него, парень двинулся в сторону уже когда-то облюбованного балкона. Наверное, Судьба пожалела людей, и никто больше не встретился ни на его пути, ни на балконе.
Усевшись на перила и мало волнуясь о том, что они очень шаткие и тонкие, Учиха достал пачку сигарет, опираясь плечом о стену. Так было надёжнее, но даже если он сорвётся и полетит вниз, его это не волновало. Нет боли от падения – нет страха.

– Чёрт, – выдохнул Саске, заглядывая в картонную коробочку, где половина сигарет была переломана, а другая была превращена в труху из табака и бумаги. – Убью, – пообещал Учиха, вынимая лишь одну уцелевшую.

Губы не слушались, кривясь в какой-то давно забытой гримасе, сердце билось быстро-быстро, руки дрожали, и он никак не мог совладать с зажигалкой, бесполезно чиркая колёсиком.
Саске пошатнуло, и рука вцепилась в перила, не давая телу провалиться в пропасть за спиной. Он встал, а затем вовсе съехал спиной по стене, протянул ноги и с силой стукнулся затылком о неё.
Зачем… зачем Узумаки делает это? Зачем пытается задеть что-то живое в гниющем организме, заставить холод уйти, зачем тратит себя на бесполезного уже человека?
Учиха сжал в руках уцелевшую сигарету, ломая её, заставляя табак крошкой осесть на ладони.
Эта комната, эта совместная жизнь, эти разговоры, эти обещания…
Зачем всё это?
Он закусил губу, надеясь почувствовать хоть что-то.
Зачем этот дурак пытается что-то доказать: ему, себе?
Саске понимал, что проваливается куда-то. В какую-то бездонную пропасть из обвинений, вопросов, боли и страха.
Парень крепче сжимал руки, впиваясь ногтями в ладони, но

сейчас этот спасительный метод не мог вернуть его в реальность, как прежде.
Ничего.
Тёплая вата.
Всё почти кончено.
Осознание этого нависло над головой, как никогда раньше.
Учиха сделал глубокий, судорожный вдох, заставляя лёгкие вновь принимать воздух, но тот, кажется, просто прошёл сквозь него.
Эти нити… эти сковывающие его нити…
Он вцепился пальцами в собственную футболку, впиваясь пальцами в ничего не чувствующую кожу…
Ничего… ничего нет.
И не будет больше.
А голоса всё ближе, их всё больше… они всё громче.
Саске не знал, что бы подумали те, кто решил бы заглянуть на балкон. Ему было плевать. Сейчас он был далёк отсюда.
Иллюзорный мир, в котором не было воздуха, захлопнулся, ловя парня, словно силок ловит птицу. Ломает ей крылья, крошит кости, рвёт жилы и оставляет умирать от собственной боли.
Сколько не прячься, сколько не бегай, сколько не злись – всё одно.
Не убежать.
Не улететь.
А дёргаясь, лишь задеваешь оголённые кости, порванные жилы. Лишь просыпаешься от было навалившегося предсмертного забытья.
Отвергаешь его горько-сладкую вуаль, отказываешься дышать медленнее, застыть и ждать неизбежного. Пытаешься идти против маятников, что с силой лупят по сломанным крыльям, пробивают грудь…
Всё кончено… почти кончено…
Рука сама потянулась в карман, в поисках неизменного перочинного ножа. Он должен почувствовать хоть что-то… узнать, что всё ещё здесь, что можно вернуться…
…Можно попробовать улететь…

***

Наруто грел чайник уже в третий раз. Но Учиха всё не возвращался.
Сначала парень подумал, что его новоявленный сосед пошёл за сигаретами, а потом, что Саске всё-таки обиделся, но взгляд на лежащий на кровати рюкзак перечеркнул обе эти мысли. Денег он с собой не взял, да и не мог уйти в одних лишь тапках, которые стащил у Нагато.
А за окном уже темнело…

– Из-под земли достану, – выдохнул Узумаки, вскакивая с постели и выходя из комнатки в длинный коридор, залитый зеленоватым светом.

Где мог быть Учиха, он не знал, но решил начать свой обход с общей кухни, где наткнулся на двух весьма симпатичных девушек. Заглянул даже в сушилку, только и там никого не оказалось, кроме раздувающихся призраками белых простынь и чьих-то носков. Замерев посреди коридора, Наруто тяжело выдохнул. Если этот придурок опять решил поиграть в «найди меня, если сможешь», то это уже давно невесёлая игра.
Ноги сами направились на балкон, где он находил Саске уже дважды.
Рассохшаяся и выкрашенная в какой-то ужасный зелёный цвет дверь поддавалась с трудом, но с третьего рывка она всё же открылась.

– Учиха! – выпалил Узумаки, безошибочно узнав в сидящем на полу чёрном силуэте Саске.

Тот, согнувшись в три погибели то ли спал, то ли просто наслаждался одиночеством.

– Ты чего тут завис?! – выпалил Наруто, испепеляя взглядом пропажу. – Я тебя там жду, а ты…

Но что-то в этом неподвижном теле заставило Узумаки присесть на корточки рядом, осторожно потолкать в плечо. Вспомнив, что его сосед этого не чувствует, Наруто едва не хлопнул себя по лбу. Обойдя Учиху спереди, он уставился на низко опущенную голову. Лицо того скрывала чёрная завеса

волос.

– Саске!

Узумаки осторожно поддел парня за подбородок и приподнял какую-то вялую голову, заглядывая уже в бледное лицо.

– Ты что? – выпалил Наруто, внутренне холодея от вида бесцельно уставившихся в пространство глаз. Учиха будто не видел его, хотя был в сознании.

Одной рукой поддерживая того за подбородок, второй же Узумаки быстро убирал налипшие на его лицо волосы, оправляя и позволяя рассмотреть выражение лица лучше. Ничего. Ледяное спокойствие с таким же ледяным взглядом.

– Саске?

Перехватив Учиху за плечи, уже начавший паниковать Наруто хорошенько тряхнул нежелающего просыпаться от какого-то странно забытья парня.
Звон привлёк его внимание, заставляя опустить голову.
Нож, перепачканный в крови, выпал из разжавшейся руки Саске.
Осознание пришло моментально.
Схватив Учиху за руки, он вытянул их, вертя перед глазами, проводя пальцами по коже, ища раны с внутренней стороны.
Но пальцы наткнулись на них лишь с внешней.
Глубокие порезы, неровные…

– Саске, ты что сделал? – немеющими губами пробормотал Узумаки, сжимая руки парня. Вторую он так не кромсал… наверное, было неудобно орудовать левой.

Видя, что на него не реагируют, Наруто подхватил Учиху подмышку, перед этим сунув треклятый нож в карман.
Им повезло, что комната была не так далеко от балкона, иначе вопросов бы не избежать…
Захлопнув за собой дверь, он повалил Саске на кровать, отходя и берясь за голову, в тщетной попытке успокоить мечущиеся

мысли. Почему тот ничего не говорит, почему не реагирует? Ведь раны не серьёзные… глубокие, но не опасные.
Негнущимися пальцами Узумаки вытащил из стола купленные на всякий случай бинты. Он не думал, что те понадобятся так сразу…
Вернулся на кровать, где Учиха лежал в том же положении, что и прежде. Пришлось перевернуть вялое тело на спину, отчего вид у Саске стал уж совсем пугающим: пустой взгляд, устремлённый в потолок, слегка приоткрытый рот.
Полив глубокие раны перекисью, Наруто принялся быстро бинтовать их, пока те исходили розовой пеной. Иногда он бросал взгляд на всё такое же застывшее лицо, с приоткрытыми щелочками глаз, которые сейчас казались полностью чёрными провалами.

– Ты глупый, – прошипел Узумаки. – Ты даже не знаешь, с какой стороны нужно резать вены…

Этот нервный смешок, вырвавшийся из горла, показался каким-то уж очень неуместным, но Наруто ничего не мог с собой поделать.
Завязав некрепкий, но надёжный узелок, он убрал перекись и остатки бинта на стол.

– Учиха, – вновь позвал парень, – ты меня вообще слышишь, чёрт возьми?!

Опять потрясти за плечи – безрезультатно.
Узумаки слегка склонился над ним, поднося ухо к приоткрытому рту. Дышит. Хрипло, но дышит.
Он отстранился, но всё же продолжал нависать над смотрящим мимо него парнем. Кто знает, что сейчас творится в его голове, кто знает, что с ним вообще…
Наруто только сейчас понял, насколько Саске нужно было в больницу. Наверняка там знают, что делать с такими больными.
Но вторая часть души твердила, что нельзя. Что там Учиха не протянет и недели, его просто осушит эта стерильная иллюзия благополучия и помощи.

– Только не очнись мне, – тихо выдохнул Узумаки, смотря в невидящие глаза.

Наруто замер, понимая, что отчего-то взгляд цепляется за тонкие черты лица парня, за острый нос, миндалевидные глаза. Пальцы продолжили траекторию взгляда, проходясь подушечками по чётко очерченным холодным губам.
Узумаки одёрнул руку, сел ровно, не понимая себя и своих действий. Ему бы в скорую звонить, кричать, истерить… а он разглядывает Саске, словно впервые увидел.
Тяжесть руки на спине Наруто почувствовал не сразу, с головой уйдя в свои мысли.

– Со мной всё нормально, – сухой голос, безжизненный.

– Когда нормально руки не кромсают! – тут же вспыхнул Узумаки. – Нафига?!

– Хотел проверить… – выдохнул Учиха, смаргивая и переводя взгляд на парня. – Хотел проверить, что я что-то почувствую…

Наверное, впервые за многое время, они разговаривали спокойно, и Саске подпускал ближе, чем на расстояние острых шипов, которыми был усеян его защитный кокон.

– И как? – сдвинул брови Наруто. – Проверил?

– Ничего.

– В следующий раз просто уколи палец, – буркнул Узумаки, роняя голову на руки. – Какого хрена, Учиха? Какого хрена ты творишь…

– Не говори, что ты волнуешься.

– Я всё сказал тебе ещё вчера.

Внутри всё сжалось. Ну вот… он напомнил, дал зацепку, чтобы эта игра в «сделай больнее» вновь началась. Наруто вздохнул, покорно готовясь получить кучу иронии в ответ.

– Это было признание в любви?

Чего и стоило ожидать.
Вновь тяжёлый вздох.

– Это… это ничего, кретин, – с этими словами Узумаки поднялся.

– Если решишь повеситься, вешаются за люстру, а верёвку надевают на шею, но никак не на ноги.

Выпалив это, Наруто быстро вышел, не в силах больше терпеть тяжёлый взгляд, который заставлял думать о том, о чём так не хотелось. О том, что просыпалось в душе помимо желания помочь этому холодному существу.
Ноги сами довели до комнаты Нагато. Замерев, Узумаки нерешительно постучался.

– Кто?

– Я.

Нагато открыл и резко кивнул в комнату, намекая, что кто-то может увидеть Пэйна. О том, как ему удавалось неизменно протаскивать такую большую псину мимо вахтёрши, Наруто сейчас не думал.

– Что случилось? – сразу заметил взволнованное лицо парня Нагато.

Узумаки уселся на диван и уронил голову на руки:

– Я не знаю, что со мной творится.

– Я уже заметил. В чём конкретно ты запутался?

Наруто рвано выдохнул:

– Мы с Саске целовались… несколько раз.

Тишина.
Узумаки ждал, что тот начнёт осуждать, ругаться и рассказывать, что вообще-то стоит целоваться с девушками.

– Кто кого целовал?

Этот единственный вопрос удивил Наруто, словно Нагато не видел ничего постыдного в том, что другие считают причиной для убийств.

– Сначала он меня… два раза. А потом, – ещё один вздох, – я его… но…

– Что, но?

– Он сказал, что ему всё равно.

Чувствовать себя последней запутавшейся тряпкой, которая идёт изливать душу другу, навешивать на него груз своих проблем, Узумаки не нравилось, но ничего поделать с собой он не мог. Его засасывало в этот вакуум, где никто не примет тебя, никто не выслушает. Это непонимание самого себя, непонимание причин, мотивов и следствий выматывало. А идти не к кому… не Учихе же изливать душу. С того станется плюнуть туда…

– Наруто, Саске – это Саске. Он никогда не признается, что ему что-то не безразлично.

Нагато сел рядом, вновь как-то по-братски положив руку на плечо сникшего Узумаки. Он грустно улыбался, смотря на загорелое и такое потерянное лицо парня, на его тронутые температурой щёки. Тот вновь казался ему маленьким мальчиком, которого так несправедливо и так резко бросило во взрослую жизнь с её подлыми и болезненными отношениями.

– Нагато, но…

Наруто сбился:

– Но как я вообще могу идти у него на поводу?

– Ты не у него идёшь на поводу, – мягко поправил Нагато. – Ты делаешь то, что сам хочешь…

– Но, блин!

Узумаки даже вскочил с дивана, замирая перед собеседником:

– Это ненормально. Мне должны нравиться девушки… да и нравятся они мне, но…

– Наруто, – спокойным тоном мудрого учителя начал Нагато, – посмотри на Пэйна.

Узумаки нахмурился, не понимая совершенно причём тут собака.
Даже скосил глаза на забившегося под диван добермана и вопросительно кивнул:

– И что?

– Его всё равно когда-нибудь найдут, – пожал плечами Нагато. – Как бы я ни прятал его, как бы ни пытался скрыть – его всё равно рано или поздно найдут.

– Ты на что намекаешь? – вовсе потерялся Наруто.

Тот же терпеливо выдохнул, словно перед ним действительно был нерадивый ученик.

– Тебе просто нравится Саске, – протянул он. – Как человек, как личность. И не важно, кто он: мужчина, женщина. Он нравится тебе именно таким, как есть.

Нагато вперился взглядом в стушевавшегося Узумаки и продолжил с лёгкой улыбкой:

– И как ты не скрывай это, как ты не пытайся убедить себя в

том, что это ненормально, что это болезнь, что так нельзя, что ты не такой… ты не сможешь. Эмоции, Наруто, чувства. Это ты не сможешь спрятать под диваном, как я прячу Пэйна.

– Но, – выдохнул Узумаки, чувствуя, что щёки заливает огнём, – это же Учиха, а это я. Я что… гей?

– Эти условности придумали люди, чтобы хоть как-то обозвать те феномены, которые им непонятны, Наруто. Все эти слова, которые мы используем, означают в конечном итоге лишь одно: люди разучились общаться эмоциями и чувствами.

Красноволосый говорил спокойно. Он скользил задумчивым взглядом по лицу парня и улыбался. Наверное, тот совсем запутался…

– Это ты такой умный, Нагато, – печально выдохнул Узумаки, – а я нет. Да и Саске тоже идиот… ему не нужны ничьи чувства… у него даже своих нет.

Ну вот… поведение достойное девки, которая страдает от неразделённой любви. Наруто зарычал, закрывая лицо руками.

– Нагато, я же нормальный парень…

– Если ты продолжишь мучить себя условностями, то ни к чему хорошему это не приведёт.

– Да я не мучаю! Но как я могу… вообще…

– Просто, Узумаки, просто. Главное не запутайся, пойми: нужно ли тебе это.

– Да мне вообще ничего не нужно! – с максимализмом подростка выпалил Наруто. – Ты бы его слышал! Я не понимаю…

– Саске будет делать тебе больно не один раз, – кивнул Нагато. – Он по-другому не может. Но у тебя есть выбор…

Узумаки вскинул глаза на собеседника, внутренне сгорая от стыда, что вообще полез с этим к Нагато.

– Уйти или остаться. Никто тебя не держит рядом с ним, никто не заставляет терпеть то, что он делает. Уходи, если не можешь справиться. Если слаб.

Жестокие слова, но тот был прав…
Наруто пообещал быть до конца рядом, пообещал поддерживать, пообещал терпеть всё, что Учиха готов сделать, лишь бы помочь. Пообещал разделить эту боль или её отсутствие пополам. И сбежать, спасовать перед первой же появившееся проблемой, увидев, что Саске действительно болен, поняв, что это не простой грипп, а от этого умирают… было бы самой последней низостью, трусостью.
Поступи Узумаки так, пойди на поводу у своего страха, желания жить в том идеальном мире, что выстроили для него мать и отец, он никогда бы себе не простил этого. Наруто никогда не простит себе того, что дал надежду другому, подставил плечо для слабеющего тела, а затем забрал всё, заставив Учиху упасть ещё больнее.
Он не мог так поступить.
Он не мог так предать… друга.
Да. Друга. Теперь уже друга.

– Я не предам, – тихо прошелестел Узумаки. – Я не предам.

– Выбор делать лишь тебе, – мягко напомнил Нагато, поднимаясь и становясь рядом с Наруто. – И не важно, какую любовь ты испытываешь и к кому. Любовь – это не страшно. Страшно безразличие. И…

Парень заставил Узумаки взглянуть ему в глаза, поддевая за подбородок:

– И если ты позволишь Саске почувствовать, что он стал тебе безразличен – он умрёт.

Страшные слова резанули по сердцу, заставив отшатнуться к двери.

– Я не позволю, – упрямо тряхнул головой парень. – Я… я же обещал.

Нагато вновь улыбнулся, поглаживая тычущегося носом в ладонь Пэйна.

– Наруто, не прячь свою боль под диваном, – как-то странно усмехнулся тот, но фиалковые глаза были полны грусти.

***

Этот разговор надолго захватил Узумаки, и в комнату он вернулся лишь спустя час. Парень чувствовал, что Учиха в порядке и поэтому позволил себе пройтись по общаге, переводя дух и осмысливая разговор с Нагато.
Стало легче… немного, но легче.

– Саске, я пришёл, – тихо объявил Наруто, войдя в комнату и закрыв за собой дверь.

– Я рад, – сухо бросил уже пришедший в себя Учиха, что восседал за столом и неторопливо потягивал кофе. И радости в его голосе не было.

– Ты как? – Узумаки сел напротив, заглядывая в тёмные глаза.

– Никак, – короткое и холодное. – Чего тебе надо?

Наруто пожал плечами, откидываясь на подушки. Несмотря на грубость, ему было легко и хотелось улыбаться:

– Да ничего. Спи давай.

– Сам решу, когда мне спать, придурок.

– Как знаешь.

– Что-то ты сговорчивый слишком.

– Какой есть, – вновь беззаботно пожал плечами Узумаки.

Саске нахмурился:

– Плед отдай.

– Он тебе не нужен, – с широкой улыбкой заявил Наруто.

– Заколебал. Ты обдолбался, что ли?

Учиха даже пристальнее посмотрел в лицо парня, и то действительно показалось ему каким-то обкуренным. Слишком спокойный, хотя час назад на психа из палаты буйных был похож.

– Саске? – внезапно тихо позвал Узумаки, поворачивая голову так, чтобы видеть лицо собеседника.

Учиха вопросительно кивнул.

– Не прячь боль под кроватью, – широко улыбнулся Наруто. – Ты понял? Понял?

Остановиться. Глава 1. With you.

"It's true
The way I feel
Was promised by your face
The sound of your voice
Painted on my memories
Even if you're not with me
I'm with you"
Linkin Park – With you

«И это правда!
То, что я чувствую,
Мне дал понять твой многообещающий взгляд…
Звук твоего голоса
Отпечатался в моей памяти.
И даже если не со мной ты,
Всё равно с тобой я».

Холодный дождь с порывами ветра бил в окно уютного кафе, мимо которого проходили люди и с интересом заглядывали в большие окна.
Учиха Фугаку мрачно следил за своим собеседником, который, казалось, никуда не спешил. Черноволосый мужчина неторопливо потягивал кофе из фарфоровой чашечки и, видимо, вовсе забыл о причине их встречи.
Можно было подумать, что его сюда кофе пить звали!
Учиха нервно постучал пальцами по столешнице, заставляя Орочимару вскинуть на него глаза.

– Ох, простите, – ехидно улыбнулся доктор. – Я совсем потерял счёт вашему времени.

– Вот именно, – мрачно кивнул мужчина. – Моё время – деньги.

– И вы платите их мне, чтобы я вам сообщал о самочувствии Саске.

Янтарные глаза лукаво сверкнули. Ещё один глоток.

– Мальчик думает, что мы его бросили и не любим, – нахмурив густые брови, кивнул Фугаку. – А сам сбежал куда-то, и телефон вот уже второй месяц не работает.

– Вы просто не знаете куда звонить, – пожал плечами Орочимару, откидываясь на спинку стула и глядя на Учиху так, будто предстояла беседа с очередным его пациентом.

Надо сказать, что Орочимару смотрел на всех так, зная, что каждый из нас болен. В любом можно найти семя болезни. Эта небольшая червоточинка может зародиться как в теле атлета, так и в теле простого смертного. Она будет грызть его незаметно, пожирая изнутри, в то время, как человек будет хвастаться отличным здоровьем. Увы, итог известен каждому…

– Почему вы не сообщили нам его новый номер? – выпалил Фугаку.

– Для чего? Мальчику нужно спокойствие. Поверьте, ему сейчас и без вас хватает хлопот.

– Мне кажется, у нас был уговор…

– Был. И я его исполнял. Если Саске не хочет вас видеть, то я не в праве его заставить. Я докладываю вам о его состоянии. Но хватать его за шкирку и тащить в отчий дом, – Орочимару поморщился, – на это у нас уговора не было.

Пристальный взгляд янтарных глаз прошёлся по Учихе, и доктор усмехнулся каким-то своим мыслям.

– То есть я вам за это не платил, – понятливо кивнул Фугаку.

– Даже если бы и платили, – Орочимару опёрся руками на стол, подаваясь вперёд и заглядывая в тёмные глаза мужчины.

Если бы Учиха не был обладателем железной выдержки, ему бы стало не по себе от этого проникающего в самое нутро взгляда. Словно Орочимару уже видит ту самую червоточинку и в нём…

– Как вы себе представляете это? – вздёрнул тонкие брови. – Я должен обколоть его седативами, закинуть в багажник и привезти к вам?

Пауза, повисшая между этими двумя, наполнилась звуками чужих разговоров, приглушённого смеха и звоном столовых приборов.
Фугаку, подавшись вперёд, тоже облокотился о стол локтями и проговорил:

– Если этого требует случай, то…

– Вы согласны на такое обращение с собственным сыном?

В голосе ноль эмоций. Такой же сухой и холодный, разве что какие-то ядовитые нотки можно было уловить, и то… этот яд исходил больше от его взгляда…

– Мой сын болен, – поджал губы Фугаку, вновь отстраняясь. Сложив руки на груди, мужчина посмотрел куда-то в сторону и спустя пару минут с сожалением добавил: – Если бы я знал, что творится у него в голове. Если бы мог найти подход… но у нас никогда не было особой связи.

Орочимару молча усмехнулся, помешивая в чашке уже остывший кофе. Его не интересовали душевные переживания Фугаку. Всё-таки он не был психологом… и ему за это не платили.

– Саске он… он бы никогда не попросил у меня помощи, – как-то рвано улыбнулся мужчина. – Хотя я всегда мог её ему оказать… проблем с деньгами не было, и сын мог иметь всё, что захочет.

– Скажите, – внезапно прервал Учиху Орочимару, щурясь. От

этого прищура взгляд стал ещё острее. – Вы действительно думаете, что Саске можно купить?

Учиха вскинул на доктора какой-то затравленный взгляд, но промолчал.

– Умирающему человеку не нужны деньги…

Внутри у Фугаку всё похолодело. Когда его сын успел стать «умирающим человеком»? Это было трудно услышать, хотя он тысячу раз проговаривал эти же слова в голове, особо не замечая их. А сейчас они словно резали кожу.

– Но ведь… он не всегда был таким. Однако, общий язык мы не могли найти, и тогда… когда он был маленьким.

– Такие люди не похожи на нас изначально, – пожал плечами брюнет. – В их психике с самого детства что-то… что-то не так, как у нас. Они видят мир по-другому, словно подсознательно чувствуют, что нужно успеть рассмотреть его со всех плоскостей. А Саске…

Орочимару усмехнулся, опуская глаза и отпивая кофе.

– Саске… он видит мир лишь с одной плоскости, Фугаку. С той, с которой вы его ему показали. Плоскость одиночества, сухости, излишней сдержанности.

Учиха хмурился, смотря на Орочимару так, словно тот говорил на неизвестном языке. Внутри уже бушевало возмущение, которое прорывалось наружу лишь в зло сверкающем взгляде.

– Вы обвиняете меня в чём-то?! – прошипел мужчина.

– Да, – просто кивнул Орочимару. – Вы не научили сына любить.

– Бред, – вспыхнул-таки Учиха, взмахнув рукой. – Кому нужна любовь? Он жил в полной семье, в которой всё, что он хотел – было бы его.

– Он хотел любви. Пока был маленьким, разумеется.

Тон Орочимару оставался таким спокойным, таким размеренным и даже слегка убаюкивающим. Что-то гипнотическое в этом брюнете заставляло Фугаку пристально вглядываться в странные глаза доктора, ловить каждое его слово, камнем оседающее где-то в душе.

– Микото любит сына и всегда любила!

– Скажите, вы когда-нибудь пытались пить кофе… без кофе?

Орочимару пытливо взглянул в тёмные глаза собеседника.

– К чему вы клоните?!

– Я бы мог прочитать вам лекцию о том, что мальчики всегда хотят любви от своих отцов, но не стану. Мне за это не платили…

– Вы ругаете меня за то, что я зациклен на деньгах, а сами? – мстительно прошипел Фугаку.

– А я не пытаюсь за эти деньги купить последние месяцы своего умирающего сына.

Наверное, от удара доктора спасло лишь то, что они находились в людном месте, а Учиха Фугаку слишком дорожил своей репутацией, хотя кулаки действительно чесались…

– Следите за словами, Орочимару.

– Правда, – задумчиво прищурился доктор, – может причинить самую страшную боль, Фугаку. Вы не признаетесь мне никогда… да я и не желаю вашего признания. Но именно вы виноваты в том, что ваш сын так и не узнает любви.

– Саске сам во всём виноват! – резко отрезал Учиха, поднимаясь и хлопая себя по карманам в поисках бумажника.

От переполняющей его злости мужчина невольно забыл, куда его дел. Пришлось достать скомканные купюры из кармана и бросить на стол, хотя их обед стоил гораздо дешевле.

– Он сам загнал себя в то, где находится сейчас! – рыкнул Фугаку. – Это только его вина!

– Поверьте для начала в это сами, Фугаку, – спокойно посоветовал Орочимару, глядя на скомканные деньги на столе и ухмыляясь.

– Вы ничего не можете знать, – тихо шикнул Учиха, понимая, что привлекает много внимания своим громким голосом. – И не вам судить…

– Не мне, – пожал плечами Орочимару. – Я посторонний человек, однако…

Он сделал паузу, чтобы подняться и накинуть на плечи чёрное пальто. Застегнувшись под пылающим праведной злостью взглядом Фугаку, мужчина поднял лицо и улыбнулся:

– Однако, когда Саске было плохо – он позвонил мне. Ни вам, ни матери и ни брату. Кстати… как там Итачи?

– Вы… ужасны, – выпалил как можно тише Учиха. – Я жалею, что связался с вами.

– Не переживайте, – беззаботно усмехнулся Орочимару. – Нам с вами осталось не так уж долго. Сейчас у Саске именно та стадия, когда всё…

– Замолчите. Я не хочу ничего слышать и знать.

С этими словами Учиха окинул собеседника злым взглядом, сухо кивнул и поспешил выйти из кафе.
Хотелось бежать от этого человека, который знает слишком много, в чьих словах так много горькой правды.
Но Учиха Фугаку никогда этого не признает. Вновь обвинит мысленно доктора в несостоятельности его предположений и

поскорее забудет обо всём.
Как забывал всегда.
Во всяком случае, Саске сам виноват.
А любовь… любовь – это мелочи. Её не существует.

***

Шум без проблем проникал через тонкую яркую дверь, ввинчиваясь в уши раскалённым буром. Упёршись руками о гладкую столешницу, Учиха пытался отдышаться, видя, как на белом керамическом теле раковины расползаются красные подтёки. Кровь, его собственная кровь, замысловато закручивалась, растекалась, образуя какие-то пугающие своей красотой узоры. Тёмная, почти чёрная…
А в голове мелькало: лишь бы никто не зашёл, лишь бы никто не увидел.
И зачем он пошёл на поводу у Узумаки, отправившись с тем в кафе. Ведь знал же, что ничем хорошим это не закончится, а теперь приходится постыдно прятаться в мужском туалете, трясясь и надеясь, что единственными свидетелями внезапного приступа будут грязные толчки.
Он поднял глаза на своё отражение, дрожащей рукой утирая кровь, что всё ещё струилась из носа. Словно что-то в голове не выдерживало давления.
Словно его тело уже начало рассыпаться, разлагаться…
Отражение вновь пилило его тяжёлым взглядом чёрных глаз, в которых не было ничего. Наверное, внутренняя пустота всё-таки выскользнула из-под контроля.

– Тебе нравится это? – тихо прохрипел Учиха, следя за тем, как движутся губы его зеркального двойника, и едва ли отдавая себе отчёт в том, что разговаривает с собой посреди мужского туалета.

– Тебе нравится видеть, как всё это происходит?

Отражение оставалось безмолвным. Оно смотрело на Саске с лёгким презрением на меловом лице, а затем двинулось. Подняло руку и провело по стеклу, оставляя кровавый след. Ещё один, ещё один…

Бессмысленные штрихи неживых, негнущихся пальцев. И смех, срывающийся с губ хрипом.

– Мы сдохнем вместе, – прошипел Учиха, включая воду. Та с шумом полилась в раковину, смывая кровавые следы.

***

Неровную походку скрывала полумгла зала, где приходилось опасно лавировать между столиков, чтобы дойти до нужного. Белобрысый говорил что-то о друзьях, которые должны были подтянуться попозже, но эти слова только сейчас всплыли в воспалённом мозгу и тревожно ударили о череп. Саске не имел никакого желания проводить этот вечер, обернувшийся очередным разговором с самим собой, в компании дружков Наруто. Если судить по Узумаки, то друзей он себе выбирал под стать: шумных и тупорылых.
Кое-как дойдя до своего места, Саске с размаху упал на мягкий диван, отодвигаясь к самой стенке и тут же хватаясь за сигареты. Невиданная щедрость со стороны Узумаки: разрешить разместиться в зале для курящих.

– Ты как?

Зажимая сигарету губами, Саске скосил взгляд на блондина, чьё лицо сейчас выражало крайнюю степень волнения, хотя Наруто усердно скрывал это за широкой неуместной улыбкой.

– Ты дебил? – прямо спросил Учиха, чиркая зажигалкой.

Оранжевый всполох маленького язычка пламени на миг выхватил бледное лицо из полумрака зала, и Наруто понял, что его волнение не беспочвенно.

– Почему?

– Какого хера ты всё время улыбаешься?

Затяжка, и сизый дым вырывается под нависающий над столом абажур.

– Ну не ходить же мне с кислой миной, – фыркнул Наруто. – Для этого у нас есть ты.

– Пф, – шикнул Учиха, теряя интерес к болтовне.

Их стычки теперь напоминали нечто само собой разумеющееся и происходили, будто по расписанию. Даже к этому можно было привыкнуть быстрее, чем к присутствию Наруто рядом. Вечно радостный и полный энергии парень давил своей жизненной силой, стремясь показать, насколько велика между ними пропасть. Всё его поведение кричало: смотри, я могу радоваться жизни, а тебе остаётся лишь прозябать, ждать конца.
Саске, как мог, отгонял от себя эти навязчивые мысли, что с упорством паранойи всё чаще и чаще стучались о черепную коробку. Но те возвращались, как не гони.
Поняв, что вновь утопает в раздумьях, Учиха обвёл взглядом зал кафе, желая зацепиться хоть за что-то, помимо физиономии блондина.
Людей здесь было немного, и то те, что зашли, кажется, искали место, где можно спрятаться от дождя, а не желали перекусить. Это заведение, которое претендовало на гордое название «кафе», казалось какой-то наспех отделанной забегаловкой, всё ещё сохранившей свой дешёвый дух, не смотря на вычурный дизайн. Хотя… даже дизайном это назвать можно было с натяжкой: шаткие столики, обитые дешёвым дерматином диваны, грубые стулья и полутьма, как неизменный атрибут, скрывающий неровности стен и паутину по углам. Саске её не видел, но был уверен, что в таких местах ещё и тараканы на кухне водятся.
Сейчас он был благодарен всем несуществующим богам за то, что они забрали у него нюх. Пахло здесь, наверняка, отвратительно, как и в институтской столовке.

– Это свидание? – буркнул Учиха, устав разглядывать пресную обстановку.

Взгляд вновь скользнул к Узумаки и застыл где-то в районе лба.

– Чего?! – выпалил блондин.

– Я говорю: зачем ты притащил меня сюда? – дотошно повторил парень.

– Потому что ты от сидения дома уже рехаться начал, – просто ответил Наруто.

Саске вновь фыркнул, понимая, что крыша его пошатывалась далеко не от затворничества. Понимал это и Узумаки, но заострять внимание на странностях своего соседа блондин не хотел. С Учихи станется вновь впасть в глубокую обиду и свалить, а, судя по ночным хрипам, брюнету становилось хуже и хуже. Конечно, он это упорно отрицал, скрывал и ел таблетки чуть ли не горстями.
Не помогали.

– Октябрь, – неизвестно зачем подытожил Саске, внезапно сменяя гнев какой-то меланхоличной задумчивостью.

Наруто бросил на парня осторожный взгляд, раздумывая: ожидает ли тот от него ответа на сие многозначительное заявление или же ведёт беседу сам с собой.
Однако, Саске, кажется, просто озвучил свои мысли, глядя в окно, за которым опять шёл дождь.

– Да. Мерзкая погода, – согласно кивнул Наруто.

Они оба знали, что Учиха не на погоду жалуется. Он просто напоминает сам себе, что уже середина осени… и не ждёт никакой реакции.
Когда произносишь вслух, оно как-то реальнее становится, обретая краски и грани, за которые можно потрогать. Только эта его реальность ощетинилась лезвиями, режущими любого, кто решал протянуть к ней руку.

– Наруто!

Звонкий девичий голос, раздавшийся сбоку, привлёк к себе

внимание, вырывая Саске из привычной задумчивости.
Он перевёл взгляд на быстро направляющуюся к ним девушку в красном пальто и скривил губы.

– Сакура, – расплылся в довольной улыбке Узумаки, поднимаясь из-за стола, – привет, ттебайо!

– Рада тебя видеть, – выдохнула девушка, останавливаясь напротив блондина и улыбаясь во все свои тридцать два.

Наверняка, Саске пропустил тот момент, когда Узумаки сменил свой праведный гнев на эту особу, вновь увязнув в привычной тупорылой влюблённости.

– Это я рад, что ты пришла, – ещё шире заулыбался Наруто.

Саске не выдержал и прыснул, отворачиваясь.

– А, Саске…

Голос девушки как-то резко потерял все эмоции, когда она заметила нечто чёрное и бледное, усевшееся на диване за столиком.

– Сакура, – не остался в долгу по эмоциональности в голосе Учиха, демонстративно закидывая ноги на оставшееся свободное место на диване. Сидеть рядом с этой лицемерной особой как-то совсем не тянуло. Да и вообще видеть кого-либо сегодня.

– Сакура, ты же знаешь Саске? – торопливо выпалил блондин, понимая, что между этими двумя сейчас начнёт искрить.

– Наслышана, – сухо поджала губы девушка, стягивая с плеча сумку и передавая её Наруто. Затем она сняла плащ, оказавшись в простом вязаном платье с нелепым рисунком из кленовых листьев.

– От кого, если не секрет? – прищурился Учиха, выпуская дым в сторону девушки, и тут же получил убийственный взгляд от

Наруто.

– Карин о тебе много говорила.

Судя по лицу Сакуры, эти разговоры носили отнюдь не радужный характер.

– Ооо, польщён, – протянул Саске, теряя интерес к гостье Наруто.

Его взгляд притянуло отражение в большом окне. Собственное бледное лицо с неестественно большими глазами, которые на фоне резко очерченных скул казались почти чёрными провалами.
Карин… эта дурёха, которая была так влюблена в него, но, увы, чувства не выдержали проверки, устроенной его съезжающей крышей.
Хотя… кто бы выдержал?
Саске невольно взглянул на Наруто и усмехнулся, понимая, что отличная кандидатура сейчас суетится вокруг хорошенькой девушки, помогая ей расположиться со всем комфортом. Узумаки выдержал многое за те пятнадцать дней, что они прожили в одной коморке, которую и комнатой-то назвать сложно. Там было слишком мало места даже для одного, а страдающий повышенной активностью Наруто иногда создавал впечатление, что там живут не двое, а пятеро, как минимум.

– Я бы на твоём месте не обольщалась, – отозвалась Сакура, наконец, усевшись напротив Учихи.

Рядом с ней плюхнулся Наруто, на лице которого читалась просто огромная просьба не начинать очередную перепалку.

– Ты не на моём месте, – достаточно резко ответил Саске и взглянул на подошедшую к их столику официантку. Худощавая девушка, с застывшей на лице безжизненной улыбкой, напомнила ему санитарок из той клиники, куда отец однажды упрятал его. Этой тоже платили за искусственную радость.

– Ты что будешь? – спросил Наруто, обращаясь к Саске.

– Новую пепельницу, – пожал плечами брюнет, пристально разглядывая миловидное, но какое-то неправильное лицо Сакуры.

И что в ней нашёл его сосед… обычная девчонка, коих сотня, если не больше. Да ещё и умом не блещет.

– Ты так и будешь курить весь вечер? – прошипел Наруто, когда официантка с заказом ушла обратно на кухню.

– Тебя что-то не устраивает?

– Хотя бы перерывы делай…

– Я могу уйти, – пожал плечами Саске. – Третий всегда лишний.

Судя по взгляду Сакуры, она просто-таки надеялась, что слова с действиями у Учихи далеко расходиться не будут, а Наруто как-то стушевался.

– Или тебе страшно оставаться с девушкой наедине? – хохотнул брюнет, скидывая ноги с дивана и садясь ровно, будто штырь проглотил.

– Да какая муха тебя сегодня укусила?!

– Да ты не бойся, – словно и не слыша его, продолжал Саске, улыбаясь. – Напоишь её, и она тебе даст. Как и тому своему спортсмену.

– Наруто, мне кажется лучше уйти, – сдавленно пробормотала покрасневшая то ли от обидной правды, то ли просто от обиды Сакура.

– Сиди, – каркнул Учиха, сверля блондина тяжёлым взглядом. – Я сам.

С этими словами он поднялся, накинул на себя куртку и, махнув рукой перед носом Узумаки, двинулся прочь из кафе.

Зачем только Наруто притащил его сюда, если знал, что встреча с Сакурой будет извращена, обращена в нечто чёрное, злое.
Саске раздражённо толкнул дверь кафе, выходя на улицу.
В нём жила темнота. Она отражалась в его глазах яркими всполохами нездорового блеска, который больно резал чужие эмоции, чужие тёплые чувства. Он только и мог, что извращать, ломать и разбивать… делать больно.
Было противно от себя такого, но эта пустота всё сильнее и сильнее впивалась своими длинными клыками в кости, ломала их и вставляла железные прутья, дёргая за натянутые жилы, словно заправский кукловод. Она заставляла делать так, как хотелось ей. Чтобы занять место не только в душе, за рёбрами, но и вокруг.
Чтобы он остался один… чтобы никто не мог увидеть большее, спрятанное за спасительной стеной грубости.
К чёрту всех. Они не лучше тех санитарок из клиники. Даже Узумаки… напялил свою нелепую улыбку, поверил в свою благородность, а теперь страдает изо дня в день.
Саске фыркнул, ссутуливаясь и пиная носком кеда какой-то камушек. Хотелось почувствовать холодный ветер, чтобы тот, как прежде, выдул из головы все мысли, опаляя кожу своими резкими прикосновениями.
Но вместо этого Саске с размаху налетел на чьё-то плечо.

– Смотри куда прёшь, – рыкнул Учиха, поднимая глаза и с удивлением уставившись в своё отражение, также непонимающе смотрящее на него. Моргнул пару раз, прогоняя странное ведение, и всё встало на свои места.

– Саске? – прошептал Итачи, аккуратно придерживая брата за рукав куртки. – Ты…

– Тебя ещё не хватало, – сквозь зубы процедил младший Учиха, окидывая старшего презрительным взглядом. – Руку убрал.

– Стой, Саске.

Итачи наоборот переместил свою ладонь на плечо парня и требовательно сжал.

– Не уходи…

– С каких херов? – привычно огрызнулся брюнет, отталкивая руку старшего.

– Я давно тебя не видел, – как-то вымученно улыбнулся Итачи, и его бледное лицо действительно казалось уставшим.

– И что теперь? Я должен воспылать к тебе братской любовью?

Саске сощурился, пристально вглядываясь в лицо пришельца из прошлой жизни. Он думал, что все связи порваны, но, наверное, пока Саске жив – он продолжит встречать этих безликих призраков, которые так сильно напоминали о том, что было раньше.

– Саске, мы все за тебя очень волнуемся.

Итачи вновь попытался положить свою руку на плечо брата, но тот резко увернулся, отшатываясь в сторону и налетая спиной на стену магазина. Взгляд старшего взволнованно пробежал по вовсе исхудавшему телу Саске, по его тонким запястьям, острым скулам и тёмным кругам под глазами. Хотелось оградить это будто прозрачное тело от резких порывов ветра, но, чтобы приблизиться хотя бы на миллиметр, придётся напороться на острейшие невидимые иглы, которые младший уже выставил вокруг себя.

– Хочешь я подвезу тебя… куда скажешь, – проговорил Итачи, убирая всё же руку, и как-то безнадёжно выдохнул: – А потом уеду.

– Без тебя дойду, – огрызнулся Саске.

В голове опять начиналась какофония из колокольного звона, и очень не хотелось показывать себя таким этому заигравшемуся в семейные узы типу.
С трудом отлипнув от стены, Саске было сделал несколько шагов, но ноги предательски подкосились, роняя тело куда-то

вбок.

– Блядь, – прошипел брюнет, когда его подхватили руки брата.

– Я тебя довезу, – уже твёрже заявил Итачи.

– Да пошёл ты! – Саске попытался вырваться, но тщетно. – Я лучше доползу или здесь подохну, чем…

Договорить он не успел. Его просто поволокли к ближайшей машине, которая, судя по всему, принадлежала Итачи.

– Я не стану говорить родителям, что видел тебя.

Произнося это, старший спокойно открыл перед братом дверь, буквально впихивая его на заднее сиденье. Сам обошёл машину и уселся за руль.

– Хотя мать… она очень волнуется, Саске.

Младший Учиха раздражённо оправил куртку, придавая телу вертикальное положение и цепляясь пальцами за сиденье.

– На хера ты мне всё это рассказываешь?

Взгляд поймал чужие глаза, отражающиеся в зеркале. Спокойные, с затаённой болью…
Саске фыркнул. Словно Итачи было до него дело… словно им всем было до него дело. Носятся со своими чувствами и не забывают при удобном случае напомнить, как им плохо, как им грустно, и вообще какой Саске весь плохой, что бросил всех. Но ведь в головы людей не приходит подумать: каково ему смотреть на то, как в чужих телах бьётся жизнь, пропуская свою собственную сквозь пальцы.

– Ты просто должен знать, что любой твой поступок несёт за собой последствия.

Мотор мерно загудел, и машина тронулась.

– Куда везти?

– Я не идиот называть тебе адрес, – рыкнул брюнет. – Остановишь, где я скажу.

Итачи кивнул, и вскоре они оказались на широкой дороге.

– Матери очень плохо, Саске. Она почти не разговаривает с нами… знаешь, иногда мне кажется, что она ушла вместе с тобой.

– Заткнись, тэмэ. Заткнись, – шипяще выдохнул Учиха, сжимая пальцы, комкая грубую обивку сиденья.

– Ты выслушаешь, – как-то нехорошо сказал Итачи, мельком взглянув на брата через зеркало. Тот показался ему зависшим где-то между бодрствованием и подбирающимся обмороком.

– Я не должен тебя слушать. Останови.

Саске дёрнул ручку двери, но щелчок оповестил о том, что Итачи так просто заканчивать этот разговор не собирается. С губ сорвался злой рык, пополам с ругательствами.

– Ты должен увидеться с ней, Саске.

Машина резко свернула в проулок, срезая путь, и в душе младшего Учихи похолодело. Он во все глаза уставился в затылок Итачи.

– Останови!

– Нет, Саске. Можешь ненавидеть меня, но…

Старший вжал педаль газа в пол, и машина взревела, стремительно набирая скорость, словно Итачи боялся, что Саске сделает какую-то глупость прежде, чем они доберутся до места. Это было бы вполне в его духе.

– Останови, – тише, но злее повторил Учиха, дёргая за ручку

двери. – Я не поеду домой.

– Кто сказал, что она дома?

Сухость в голосе Итачи заставила брюнета замереть, вглядываясь в глаза через зеркало. Они не выражали совершенно ничего, кроме твёрдой решимости довести дело до конца. На миг Саске показалось, что он занял место Карин, которая билась в истерике в машине, когда он всё давил и давил на газ. Только Саске знал, что впереди нечто пострашнее смерти…

– Где она?

– Твои поступки… они всегда имеют последствия, – повторил Итачи. – Мать в больнице… уже неделю.

– Врёшь, – качнул головой Саске, чувствуя, как внутри что-то нехорошо сжимается.

– Сам увидишь.

– Нет!

Учиха резко дёрнул за кнопку блокировки двери, затем за ручку, распахивая оную. Если бы Итачи не притормозил в последний момент, то всё могло бы закончиться прямо здесь и сейчас. Но к счастью брюнета, они уже почти приехали, и Саске, вырвавшийся из машины, лишь слегка помял бока, прокатившись по асфальту.
Визг тормозов, брошенная кое-как машина и подлетевший к нему Итачи, что хватает за ворот куртки, заставляя подняться.

– Что ты творишь?! – кажется, таким злыми глаза брата не выглядели давно.

– Я не хочу никуда ехать, – прошипел Саске, цепляясь за руки брата и видя кровь на своей левой руке. Значит, поранился.

– Ты трус!

– Я ушёл, чтобы вы спокойно жили!

– Почему ты решаешь за других?!

Раздавались гудки и ругань из приоткрытых окон объезжающих их машин.

– Потому что вы решаете за меня!

Саске всё же отцепил от себя руки тяжело дышащего брата, но в ту же секунду был прижат к его груди, зажат в стальных тисках.

– Отпусти, тэмэ!

Он упёрся ладонями в грудь Итачи, вырываясь, пытаясь прервать никому ненужные объятия. В душе всё переворачивалось, ломалось, и хотелось сделать больно, пронзить, увидеть кровь.

– Я всё равно люблю тебя, – тихое.

– Иди ты!

Он всё-таки вырвался, отшатнулся и едва не попал под колёса проезжающей мимо машины. Взгляд вперился в спокойное лицо брата, руки мелко дрожали от желания врезать в эту фарфоровую маску.
Он пятился медленно, а затем всё же остановился.

– Что с ней? – безжизненное.

Итачи молча кивнул на брошенную кое-как машину.

– Увидишь.

***

– Наруто, ты общаешься с Учихой? – задумчиво спросила Сакура, потягивая какой-то разноцветный безалкогольный

коктейль.

Узумаки, пересевший на освободившееся после Саске место, смущённо пожал плечами. Отчего-то сидеть с ней здесь, в кафе, было совсем уж… странным. В счёт не шли даже годы беззаботной дружбы, которая после в его сознании изменилась в слепую влюблённость. А в её осталась нетронутой.

– Ну… мы живём вместе.

– Живёте?!

Зелёные глаза округлились.

– Так вышло, – пожал плечами Узумаки, отпивая молочного коктейля.

– Но, – Сакура потрясённо смотрела в лицо друга, будто не узнавая его, – это же… Учиха…

Это прозвучало так, будто «Учиха» стал синонимом «монстра».

– И что? Не съест же он меня, – хохотнул Наруто, прекрасно понимая, в какую сторону клонит девушка.

– Наруто, – серьёзно произнесла Сакура, отодвигая от себя высокий бокал, – Саске едва не убил Карин. Она мне рассказала по большому секрету, понимаешь? Он пригрозил ей, что вернётся, если она проболтается кому-то…

– И она молчит? – нахмурился Наруто, в тайне желая, чтобы Карин и дальше следовала «просьбе» Учихи.

– Конечно! – выпалила девушка, взмахнув рукой. – Он же вернётся, а она боится! Неделю из квартиры не выходила.

– Ужас, – поджал губы Наруто, хотя сам не знал, как реагировать на это заявление.

Сакура явно была не в курсе, что в тот вечер Узумаки стал

невольным свидетелем срыва Саске, а страх, наверное, стёр из памяти Карин третье действующее лицо.

– Тебе нужно оставить его, Наруто. Этот человек опасен.

– Сакура, – хохотнул блондин, – брось. Это всего лишь Саске. У всех бывают трудные дни…

– Но ни я, ни ты не пытаемся убить человека, – горячо прошипела Сакура. – Я бы на её месте уже давно заявила на этого придурка!

– Придурка?

– Ну а кто он ещё?! Псих, – прыснула девушка, окидывая странным взглядом такого непонятливого Наруто. – Он же с головой не дружит, понимаешь? Он и тебя угробит… или покалечит.

– Скорее я его, – невесело хохотнул Наруто, пытаясь натянутой улыбкой разрядить обстановку, но взгляд Сакуры всё ещё оставался тревожным.

– Я серьёзно, Наруто. Брось его. Тебе-то что с общения с ним? Он ничего дать не может.

– Он просто мой друг, – тяжело выдохнул Узумаки, понимая, что избежать этого разговора не выйдет.

Сакура на миг даже ошарашено приоткрыла рот, оглядывая Наруто так, будто ища в нём признаки подмены. Узумаки нёс полную чушь. Какая может быть дружба с тем, кто пытался убить человека?!

– Друг?!

– Ну да, ттебайо! – взволнованно выдохнул Наруто. – Он, конечно, поступил хреново, но… я ведь вижу, что больше такого он не сделает!

– Откуда ты это знаешь? – скривилась девушка, откидываясь на спинку стула.

Наруто, потупив взгляд, пожал плечами. Что ей сказать? Рассказать, как Учиха печально смотрит, посылая всех и вся на хрен в сотый раз, о том, как болезненно морщится, презрительно усмехаясь, о том, как пытается ночами держаться, зарываясь лицом в подушку? Или о том, что иногда его взгляд становится действительно пугающим и только из какой-то непонятной упрямости Наруто в такие моменты улыбается, шутит и пытается разговорить замкнувшегося парня?
О том, что Учиха не может положиться даже на свой шаткий разум? И ему нужен хотя бы кто-то стабильный рядом, чтобы не давал ускользать…

– Просто верю, – выдохнул Наруто, вновь улыбаясь. – Тебе не понять…

Повисшая между ними тишина острым лезвием разрезала что-то.
Так бывает, когда ты чувствуешь, что слишком изменился, а тот, кто казался тебе раньше чуть ли не Богом, теперь видится простым человеком, не вызывающим ничего. И ты не понимаешь, как такое могло случиться всего за несколько секунд, как всё могло оборваться из-за неловко брошенных слов?
Неужели только в словах дело?
Или в тебе самом что-то изменилось?

– Наруто, я волнуюсь за тебя. Что бы ты там не задумал… не оставайся с Учихой…

– Да, спасибо, – как-то безжизненно выдохнул Узумаки, улыбаясь девушке. – Я буду осторожен.

Сакура, смерив его тревожным взглядом, кивнула.
И Наруто внезапно понял, что имел в виду Саске, когда говорил о одинаковости всех людей. Невольно в голове Узумаки появились мысли, совершенно несвойственные ему. Сакура рассказала это всё, потому что действительно волновалась за

него, Наруто, которого уже сотню раз бросала, предавала, подводила? Или просто затем, чтобы показаться значимой в его жизни. Чтобы утвердиться в мысли о своей важности?
Узумаки тряхнул головой, улыбаясь своим мыслям. Словно маленькая копия Учихи поселилась у него в голове…

– Наруто, с Днём Рождения.

Такой внезапный переход всё же заставил его взглянуть на девушку, что вмиг стала чужой. Улыбка растянула его губы.

– Спасибо.

***

– Значит, она тут уже неделю? – тихо спросил Саске, стоя у палаты, за дверью которой была его мать. Он не собирался входить, зная, что там увидит слабое тонкое тело.

– Сердце, – кивнул Итачи.

Во взгляде старшего вновь появилась тоска.
Этот стерильный коридор не имел ничего общего с клиникой, из которой Саске так рвался сбежать.

– Ты зайдёшь?

Младший Учиха отрицательно покачал головой, чувствуя, что не может сделать и шага. Взгляд вперился в глянцево-блестящий пол. Кто-то проходил мимо заставших у палаты парней, но ничего сказать о том, что они почти загораживают путь, не решался. Это место было не для ссор. Оно давило своей атмосферой, заставляя Саске опускать голову и сжимать руки в кулаки.

– Она тебя ждала.

– Я не могу, Итачи, – выдохнул парень.

– Саске… ты должен, – тихий голос, и рука на плече, которую

Учиха заметил лишь краем глаза, не чувствуя ободряющего жеста. – Может, ей станет лучше.

– Итачи…

Судьба решила всё сама. Дверь палаты открылась, выпуская оттуда улыбающегося доктора, а за его спиной появилась Микото.

– Извините, вы сюда? – как-то слишком бодро спросил врач, сторонясь.

– Саске?

Голос матери дрожал, заставляя поднять на неё глаза. Рука Итачи пропала с плеча, да и сам брат будто бы испарился. Как и не существовало.
Микото была бледной, а просторное светло-голубое больничное платье будто лишь подчёркивало её запавшие глаза, чёрные круги под ними и иссохшие нервные пальцы.
Увидев сына, женщина прижала дрожащую руку к губам, а второй потянулась к нему, делая шаг вперёд. Саске хотел было отшатнуться, но наоборот почему-то оказался в палате, а дверь за его спиной мягко закрылась.
Худая ладонь матери сжала его куртку на плече, словно боясь, что он опять исчезнет, как тогда дома.
Это было два разных мира. Стерильный, бело-голубой и чёрно-серый, застывший. Учиха чувствовал себя нелепо в этой чёрной одежде посреди светлой палаты, чувствовал себя каким-то лишним здесь, рядом с хрупкой матерью.

– Саске, – выдохнула она и всё же обняла сына, зарываясь носом в его груди и цепляясь пальцами за куртку.

Её била мелкая дрожь. Наверняка, ей вредно волноваться… Мысли текли как-то притуплено в его голове, словно он спал. Руки сами легли на подрагивающие тонкие лопатки, голова опустилась, утыкаясь лбом в плечо. Брюнет шумно выдохнул, закрывая глаза.
Было спокойно и тревожно одновременно. По телу разливалась

предательская слабость, и Учиха молился всем несуществующим богам, чтобы Белокожая подождала, чтобы не показалась сейчас, не заставила показаться алую кровь под носом.
Не место.
Микото прижималась к сыну, пахнущему чем-то чужим, холодным с примесью сигаретного дыма. Он был словно не здесь, словно ей опять снился сон, и она вот-вот проснётся, а рядом никого.

– Скажи что-нибудь, – тихо попросила женщина, отстраняясь и глядя в бледное худое лицо. Обхватила его ладонями за впалые щёки, стремясь удержать, если он вздумает исчезнуть.

Саске лишь смотрел, молча скользя колючим взглядом по миловидному, но уставшему лицу матери. Она очень изменилась, поблёкла…
С губ сорвался лишь тихий хриплый вздох, и Микото улыбнулась, словно этого звука её сердцу было достаточно, чтобы поверить, что перед ней не мираж.

– Ты… ты останешься?

Саске качнул головой. Он не хотел дарить напрасных надежд, попросту понимая, что не выдержит, что не сможет увидеть её во второй раз. Не получится избавиться от разрывающей боли, которая была далеко не физического происхождения.

– Ты поправишься, – тихо выдохнул парень, проводя рукой по нежной щеке женщины.

Хотелось почувствовать её тепло, как прежде. Лишь на миг, чтобы вновь, как в детстве. Чтобы забыть обо всём том дерьме, в которое превратилась его жизнь.
Ненавистные пальцы ничего не чувствовали. Он вновь и вновь касался её щеки, поджимая губы, сжимая тонкую ткань её одежды другой рукой. Но ничего не чувствовал, кроме бешенного стука в груди.
Он ненавидел своё тело. Он ненавидел его за то, что оно лишало его тепла этой женщины.

Сухие губы ткнулись в её лоб, и Микото улыбнулась, чувствуя, как по щекам всё-таки покатились слёзы.

– Ты придёшь ещё?

Ей хотелось обманываться, ей хотелось, чтобы сын соврал.

– Я, – хриплый, полный боли выдох, – я…

Она заставляла врать, впиваясь этим жаждущим лжи взглядом в его лицо.

– Я приду…

– Я буду ждать.

Итачи повернулся на звук захлопнувшейся двери и скользнул взглядом по брату. Саске шёл прямо, не оглядываясь. Его даже не покачивало, но в походке всё же было что-то странное.
Итачи хотел было окликнуть его, но не стал, понимая, что до брата сейчас не докричаться.
Он и так сделал всё, на что был способен.

***

– Саске, – звонкий голос Наруто оповестил о том, что больше он не один в комнате.

Учиха поднял глаза на открывшуюся дверь и вновь отпил из бутылки.
Узумаки, появившийся в дверях, казался каким-то растерянным, но всё равно улыбался.
Как идиот.

– Что тебе?

Блондин, замерев, скользнул взглядом по восседающему на подоконнике парню, в чьих руках была зажата полупустая бутыль.

– Ты почему пьёшь?

– Заебал, – коротко выдохнул Учиха, вновь прикладываясь к спиртному.

– Саске. Что случилось?

Голос Узумаки был серьёзным, и это вызывало усмешку. Разве может этот шут быть серьёзным?

– Сакура не дала? – прыснул он.

– Что? – нахмурился Наруто, а потом выпалил: – А… ты об этом.

– Так что? – косой взгляд, ухмылка. – Не дала?

– Иди на хер, – фыркнул Узумаки, всё-таки стягивая куртку. – Кто не дал тебе, что ты сидишь и напиваешься с горя?

Саске рассмеялся тихо, и бутылка булькнула, переливая в брюнета ещё немного алкоголя. А затем он медленно спустился с подоконника, подходя к Наруто и сжимая его ворот свободной рукой. От брюнета пахнуло терпким запахом спиртного, когда он ощерился в жутковатой улыбке.

– Что ты сказал?

– Саске, давай не будем начинать, – устало выдохнул блондин, понимая, что эта ссора всего лишь очередной способ отвлечься от чего-то большего, что Учиха так упорно пытается залить алкоголем.

– Повтори.

Толчок в грудь, и Наруто спиной налетел на скрипнувший шкаф, а Саске вновь хлебнул из бутылки. Его уже пошатывало, но взгляд был всё таким же острым.

– Ты как придурок, – выдохнул он. – Тряпка. Не можешь даже

девку уломать. Пригласил в кафе и думал, что она сразу ноги раздвинет?

Что-то кольнуло глубоко в душе, заставляя Наруто сжать кулаки. Он не ждал от Учихи чего-то большего, чего-то доброго. Но сегодня, в этот треклятый день не хотелось вообще ничего. Он пригласил Сакуру и его в кафе для того, чтобы отвлечься, попытаться провести этот день не так, как все двадцать прошлых…

– У меня сегодня День Рождения.

– Ооо, – протянул Учиха, делая глоток. – Прости, но я без подарка.

– Да ладно, – усмехнулся Наруто, поднимая на него глаза. – От тебя я ничего и не жду.

– Да что ты, – ощерился брюнет. – Я же не Сакура… конечно.

– Иди ты.

– Наруто, скажи, – как-то совсем пьяно хохотнул Саске. – А твои папочка и мамочка сами сдали тебя в детдом или же действительно сдохли? Хотя…

Он окинул задумчивым взглядом застывшего каменным изваянием блондина.

– Скорее всего, им было стыдно вписывать такого придурка, как ты в свою семейную историю.

Удар вышел таким неожиданным, что Учиха даже отшатнулся, выронив бутылку и налетев на стол боком.
Подлетевший Наруто схватил его за ворот, тряхнул, заставляя на губах выступить улыбку. Ещё один удар, хриплый смех.

– Ооо, давай. Побей меня, – хохотнул Учиха. – Значит, я попал в точку… маленький Узумаки. Маленький Узумаки, которого бросили даже родители, а единственная девка и то не даёт!

Ещё один удар заставил брюнета сложиться пополам, отчаянно хватая ртом воздух. А потом он ринулся на Наруто, хватая за ноги и дёргая вниз. Грохот упавшего тела, удар…
Блондин почувствовал, как на губах выступила кровь и зло сплюнул, переворачиваясь, чтобы пнуть замешкавшегося Учиху.

– Заткнись!

– Ты неудачник, Наруто, – хрипло выдохнул Учиха, усевшись на полу и подтянув к себе бутылку. Из неё перелилось слегка, но было ещё достаточно, чтобы допиться до бессознательного состояния.

– Тэмэ, – рыкнул Узумаки, кое-как садясь и смотря на криво улыбающегося соседа. Кажется, тот передумал бить морду… или выжидает подходящего момента.

– Ты всегда останешься неудачником.

– А ты засранцем.

– Мне недолго мучиться осталось, – фыркнул Саске с улыбкой.
– А тебе ещё всю жизнь терпеть своё ничтожество.

Он не сразу понял, что произошло. Это ноющее чувство, острое и навязчивое…
Оно появилось в разбитой губе сначала тихо, почти незаметно, а потом резануло по сознанию, когда Саске сделал очередной глоток из бутылки.

– Шшш, – шикнул он, прикладывая ладонь к горящей губе.

– Ты чего? – зло выдохнул Наруто.

– Я…

Саске поражённо уставился на свою сбитую руку, которая тоже начинала потихоньку саднить.

– Наруто…

– Совсем крыша поехала? – недоверчиво нахмурился Узумаки, смотря, как лицо брюнета стремительно меняется из озлобленного в ошарашенное.

– Мне… мне больно.

– Таблетки сейчас притащу, – устало выдохнул Наруто. Злиться на этого придурка долго он не мог. Это как с детьми… или психами…

– Нет.

Саске ухватил его за руку, мешая подняться. Большие чёрные глаза удивлённо шарили по пространству.

– Я чувствую.

Глава 2. Из-за меня

«Нет средства согреться,
Если вдруг остановилось сердце.
Нет средства от смерти
На свете.
Нет средства вернуться,
Если не получится проснуться,
Нет средства от смерти
Не похожей на ветер…»
Би-2 и Ночные Снайперы – Из-за меня

Он лежал на тонкой коже куртки, расстеленной прямо поверх грубого рубероида, покрывающего крышу. Холод, плотно обступивший тело, скрытое лишь под тонкой тканью чёрной футболки и джинс, щипал кожу, пробираясь глубже.
Но Саске довольно улыбался, чувствуя это. Наплевав на то, что такие воздушные процедуры грозят ангиной или чем пострашнее.
Учиха поднял руку, вытягивая её к такому высокому осеннему небу, смотрящему на него сейчас своей ночной темнотой, слегка поблескивающими белыми точками звёзд. Собственная конечность на фоне этого чёрного полотна смотрелась белым пауком с тонкими лапками и слишком выпирающими жилами. И без того замёрзшая ладонь попыталась поймать ещё больше холодного воздуха, ухватиться за невидимое кружево морозных переплетений.
Наверное, здесь было запрещено находиться. Об этом говорила та решётчатая дверь, что встретила Саске на десятом этаже, когда брюнету взбрело в голову выбраться на крышу. К несчастью вахтёров, Саске был достаточно худым, чтобы, проигнорировав ржавый амбарный замок, протиснуться сквозь грубые прутья.
Парень улыбнулся, опуская руку, почти роняя её на грубое покрытие. Он с нажимом провёл пальцами по рубероиду, чувствуя острые капельки смолы и мелкие камушки, что так

приятно царапали кожу.
Кажется, сейчас Саске понимал, что испытывают мазохисты, почему они так любят боль физическую, раздирающую кожу. Она заставляет чувствовать себя живым…
Он так увлёкся своими ощущениями, что не заметил, как над ним нависла тёмная фигура, со встрёпанными светлыми волосами, что в темноте казались почти пепельными.

– На.

На тело сверху упало что-то пушистое, тёплое.

– Простынешь.

– Я чувствую, – заворожено проговорил Саске, стягивая с лица заслоняющий обзор пушистый плед.

– Это не повод морозить почки, – поёжился Узумаки, вглядываясь в тёмную даль, подсвеченную мелкими огоньками города. – Подстели.

Блондин бросил взгляд на лицо продолжающего лежать на голой крыше парня. Скривил губы, понимая, что Саске слишком опьянён вновь открывшимися чувствами.

– Ты на обдолбыша похож, – досадно фыркнул Наруто, самостоятельно расстилая плед поверх покрытия и усаживаясь на него. Было ненамного теплее, но это создавало иллюзию защищённости для здоровья.

– Насрать, – глупо улыбнулся брюнет.

– Безнадёжен.

Тяжело вздохнув, Наруто уцепился за руку Саске и потянул на себя, чтобы хоть как-то заставить это упрямое тело перебраться на спасительный островок пледа.
Учиха недовольно рыпнулся, но всё же противиться не стал и вскоре самостоятельно уселся на покрывало, скрещивая ноги по-турецки.

– Ты решил переехать сюда? – фыркнул Наруто, пальцами поддевая брошенную куртку соседа и подтягивая её к себе.

– Тебе не по хер?

Узумаки усмехнулся, услышав привычный ответ. На душе стало как-то спокойнее, а то Учиха последние несколько часов напоминал пришибленного чем-то тяжёлым наркомана под дозой: улыбается, зависает, несёт какую-то чушь, будто не слыша.

– По хер, по хер, – покладисто согласился Наруто, понимая, что спорить бесполезно. Куртку всё же накинул на уже заметно подрагивающие худые плечи брюнета и отвернулся.

Здесь, на крыше, даже тишина казалась какой-то особенной, наполненной дыханием ветра и далёкими отзвуками проезжей части. Будто это был другой мир.
Саске повалился на спину, вновь вглядываясь в мерцающие звёзды.

– Итачи когда-то рассказывал мне, что звёзды – это корабли для душ умерших.

Наруто нахмурился, поворачиваясь к вдруг разоткровенничавшемуся брюнету.

– А луна – это маяк, – продолжил Учиха, вытягивая руку к небу и проводя пальцами лишь ему известные маршруты от одной звезды, к другой. – И этим кораблям нужно успеть добраться до маяка до конца полнолуния. Иначе они навсегда останутся в небесном море. Заблудятся.

Блондин слушал с интересом, затая дыхание и боясь вспугнуть. Он ещё никогда не видел Учиху таким спокойным, запросто лежащим на пледе и рассказывающим что-то о своей жизни. Ведь, если вдуматься, они ничего друг о друге не знали…

– Про звёзды всегда сочиняют много легенд, – тихо отозвался

Наруто, расценив наступившую паузу, как возможность продолжить разговор.

– Потому что людям нравится всё приукрашивать, – как-то странно усмехнулся Саске. – Им не хочется верить, что звёзды – всего лишь космические глыбы или осколки. Лучше сочинять сказки.

– А что плохого в сказках? – искренне удивился Наруто.

– Потому что… когда взрослеешь понимаешь, что ни хера это не корабли. И никаких душ не существует. Ты просто сдохнешь, а твоё тело закопают.

– Тебе бы было лучше, если тебе в детстве так и сказали?

– Не люблю ложь, – пожал плечами Саске, опуская руку на плед.

– Это сказки, Саске, а не ложь, – снисходительно улыбнулся Наруто, оглядывая бледное лицо парня.

– Один хер – обманывают. С детства учат верить, что жизнь не такое дерьмо.

– Слушай, не у всех она дерьмо.

Саске скользнул взглядом по Наруто и ухмыльнулся. Блондин был тем самым ребёнком, который даже в сознательном возрасте предпочитал верить в звёздные корабли для душ.

– У тебя прям сахар, – скривился Саске.

– Нет, но я не жалуюсь, – пожал плечами Наруто. – Бывает хуже…

Угольные глаза ехидно сузились.
Узумаки прикусил язык, мысленно ругая себя за нахлынувшую разговорчивость. Ведь перед ним лежал тот самый пример…
Рука накрыла чужие холодные костлявые пальцы, и Наруто

виновато улыбнулся:

– Прости, я не хотел…

– Забей, – шикнул Учиха, переводя взгляд на небо, но руку всё же не убрал то ли думая, что блондин случайно и вскоре сам опомнится, то ли смирившись. – Это была хорошая легенда, – вновь заговорил он. – Мне тогда нравилась.

– Да, – тихо кивнул Узумаки, невольно вглядываясь в мерцающие звёзды.

***

Итачи отложил сотовый в сторону, устало роняя голову на сложенные руки.
Стоило многих трудов выпросить его новый номер у Орочимару.
И всё впустую.
Младший ушёл в глухое игнорирование, не отвечая даже на пятнадцатый звонок.
А где искать его Итачи не знал…
Разве что опять допытываться у Орочимару, но не факт, что Саске настолько доверял ненавистному доктору, чтобы оставлять тому свой новый адрес.
Итачи тяжело вздохнул, выпуская воздух через ноздри. Пальцы вновь защёлкали по клавишам телефона, набирая короткую смс в надежде, что брат всё же не сможет пропустить текста.

– Молодой человек, вы в порядке? Вам нельзя здесь быть…

***

– Саске, отойди от края, – нервно окликнул Узумаки друга, что решил пощекотать себе и ему нервы, лавируя на самом краю крыши.

– Отвянь, – беззлобно отозвался брюнет.

Наруто всё же не был столь уверен, всматриваясь в эту

шатающуюся тонкую фигуру, что почти растворялась на чёрном фоне.
Поднявшись, Узумаки застыл в нескольких метрах от Саске, не решаясь вторгаться в личное пространство брюнета. Всё-таки Наруто верил, что в голове этого парня остались ещё здравые мысли…
Учиха вглядывался в мерцающие внизу огоньки. И вновь ему казалось, что ночное небо всюду, только там, вверху звёзды какие-то блёклые. А под ногами раскинулось море разноцветных, едва дрожащих огоньков. Тоже своего рода корабли, которые заточают в свой обманчиво уютный плен души, но не везут их к холодному свету маяка.
Эти корабли больше похожи на рабские галеры, которые держат до последнего, заставляя души, скрытые в них, блёкнуть и истончаться под напором проблем.
Саске не знал, на борт какого корабля хотел бы подняться сам. Возможно, ему больше по душе было вот так зависнуть на крыше, продуваемой всеми осенними ветрами.

– Саске, пойдём. Я замёрз, – тихо попросил Узумаки. – И ты замёрз. Чая…

– Я хочу мороженного, – внезапно перебил его брюнет, поворачиваясь и решительным шагом направляясь к выходу с крыши.

– Ты хочешь ангину, – тяжело вздохнул Наруто, собирая плед и бегом догоняя неспокойного соседа.

***

Наверное, продавщица небольшого круглосуточного ларька, что приютился недалеко от громады общаги, удивилась таким странным покупателям.
Время было позднее, и женщина привыкла, что чаще всего в её небольшие владения вваливаются слегка нетрезвые молодые люди, чтобы купить ещё спиртного и достигнуть того заветного полуобморочного состояния.
А сейчас двое парней застыли над холодильником с мороженным, выбор которого здесь был не особо велик.

– Ну, – требовательно выпалила женщина, – долго ещё?!

***

– Учиха Итачи?

– Д-да.

– Пройдёмте.

– Уже?

Едва заметный кивок.

***

– Ма-а-альчики!

Этот звонкий крик, раздавшийся в коридоре, отразился от стен и впился в уши Узумаки, заставляя того обернуться. Саске же было глубоко плевать на всяких шумных дур, что решили понадрывать связки.

– Д-да?

– Стойте, – выпалила невысокая обладательница длинных блондинистых волос.

Она, ухватив за руку темноволосую девушку, быстрым шагом ринулась к Узумаки, улыбаясь.

– Я Ино, – произнесла блондинка, останавливаясь напротив Наруто. – А это Хината.

Темноволосая девушка, густо покраснев, махнула рукой и тут же потупила взгляд.

– Наруто, – улыбнулся блондин. Он всегда был не против новых знакомств, но эта черта поблёкла за ненадобностью, когда он

переехал в эту общагу. Общение с Учихой словно выкачивало из него силы, что раньше парень с удовольствием тратил на налаживание новых дружеских связей.

А девушки, тем более, были очень симпатичными, и Ино явно желала познакомиться.
Взгляд невольно скользнул по блондинке, чья хоть и простая одежда: водолазка и юбка до колена – заставляла взгляд задерживаться на тонкой талии и плавных изгибах бёдер…
Наруто одёрнул себя, улыбнулся, переводя взгляд на лицо Ино.

– А тот мрачный красавчик? – выразительно вздёрнула брови блондинка.

– Э-э-э, – протянул Наруто, чувствуя, что надежда умирает. – Это мой сосед. Саске.

– Ммм, – улыбнулась Ино. – Познакомь нас.

– Ну, – стушевался Узумаки. С одной стороны, он уже успел понять, что брюнет особо не горит желанием знакомиться с сожителями по общаге, с другой стороны было немного обидно, что Ино использует его, лишь как «мостик», чтобы дойти до более интересной цели.

– Не ломайся, – весело толкнула его в плечо девушка. – Мы с Хинатой живём за стенкой с вами и до сих пор не знакомы! Так что можешь считать это официальным визитом соседей!

Девушка по имени Хината как-то неуверенно кивнула, явно смущаясь такого вызывающего поведения подруги.

– Саске не особо общительный…

– Да оно и видно! – выпалила Ино. – Но… ты должен пригласить нас…

Бирюзовые глаза блондинки сверкнули огнём.

– Хорошо, – неуверенно почесал в затылке Наруто.

– Ты чудо! – чуть не взвизгнула Ино, в порыве чувств обхватывая подругу за плечи. – Тогда с нас выпивка!

– Но…

Наруто не успел договорить, а девушки уже умчались в сторону выхода.
На душе что-то тревожно тянуло, когда Узумаки вернулся в их комнату. Конечно, Саске не стал дожидаться блондина в коридоре, решив оставить того наедине с ненужными собеседницами.

– Ты, я смотрю, популярен у них, – иронично выпалил Учиха, задумчиво разглядывая мороженное, что держал в руке почти у самого носа.

– У них? – рассеянно переспросил Наруто, убирая плед к себе на кровать и стягивая с плеч куртку.

– У девушек.

Саске вновь скользнул взглядом по ярко-синему лакомству. Было ясно с первого взгляда, что эта дешёвая сладость могла уместить в своём составе весь список химических элементов, и есть её было, мягко говоря, не очень безопасно.

– А, это, – протянул Наруто, почёсывая затылок. – Они в гости вроде как к нам собрались.

Узумаки уставился на восседающего на кровати Саске, ожидая реакции, но брюнет был очень занят изучением своей «добычи».

– Ты не против? – вялая попытка докричаться до сознания соседа и угомонить чувство вины. Сегодня всё-таки был непростой день. Сначала ссора в кафе, потом лёгкий мордобой здесь и вновь заработавшие чувства… вдруг Учиха предпочёл бы провести вечер более миролюбиво. В спокойной обстановке.

– Мне по хер. Ты здесь у нас хозяин.

А что если мороженное вновь окажется на языке безвкусной трухой? Что тогда? Опять рушащиеся замки из песка, что уже начало возводить наивное сознание?
Он всё-таки откусил кусочек и не сразу понял, что случилось. За несколько месяцев Учиха настолько отвык от вкуса, что сейчас ему показалось, будто во рту взорвалась небольшая химическая лаборатория. Язык опалило ярким фруктовым вкусом, нёбо обдало холодом кусочка льда, зубы заломило.

– Ну что? – поинтересовался Наруто, следящий за быстро меняющимися на лице Учихе эмоциями.

– Чувствую, – кивнул Саске, вновь откусывая фруктового льда. На этот раз больше и увереннее, но всё с тем же довольным лицом.

– Это хороший знак, – скорее всего для себя сказал Наруто. Ему хотелось верить, что чудо всё-таки свершилось и Судьба решила пожить по правилам его, Узумаки, выдуманного мира, где чудеса имеют место быть. И пусть эта вера была слепой…

– Я не знаю.

– Ну ты же чувствуешь! – рубанул ребром ладони воздух перед собой блондин. – Это уже что-то да значит.

– Это значит, что всё это также быстро может пропасть, – серьёзно выдохнул Учиха, поднимаясь, чтобы выбросить палочку. Мороженное кончилось слишком быстро.

– Я не думаю…

– Оно и видно, – фыркнул Саске, вытряхивая их рюкзака тюбик с таблетками.

Пальцы упёрлись куда-то в висок, и брюнет медленно проговорил:

– Боль всё ещё здесь.

– Ну она не может так быстро прекратиться!

Саске даже взглянул на Наруто, зажимая в руке таблетки. Взгляд этот был оценивающим, скользящим, словно Учиха пытался докопаться до сущности блондина, вечно желающего верить в лучшее.

– Это тебе не ссадина, усуратонкачи.

– Ты просто верить не пробовал?

– А смысл? – таблетки полетели в рот. Да. Мерзко горькие, как хорошо, что раньше он не чувствовал их вкуса. Это давало возможность обходиться без воды и есть их почти горстями.

Заметив, как угольные брови нахмурились, Наруто понятливо протянул Саске стакан воды, который тот молча осушил залпом.

– Ты хочешь верить, что звёзды – это действительно корабли, – выдохнул Учиха.

Возможно, они бы продолжили свою философскую беседу пессимиста и оптимиста, но двери их комнаты без стука распахнулись, впуская внутрь двух девушек.

– А вот и мы! – выпалила блондинка, радостно улыбаясь. – Сейчас будем знакомиться!

Учиха скользнул взглядом по пакету, в котором покоилось несколько бутылок явно не газировки.
А затем взгляд переместился на застывших на пороге девушек – ничего особенного. Простые люди, разве что другого пола. Саске не мог сказать, что блондинка или брюнетка были ему интересны. Он также не мог сказать, что испытывал к незваным гостьям резкого негатива. Ему было плевать, как и раньше. И что бы эти двое не задумали, он, Учиха, предпочтёт остаться в стороне, наблюдая.

– Я Нагато позову тогда, – как-то неуверенно начал Наруто, двигаясь к двери. Всё-таки у Узумаки сегодня был День Рождения, а красноволосый сделал для него за последний месяц больше, чем кто-либо другой за всю его жизнь.

***

– Вам назначено на сегодня?

– Да…

– Тогда пройдёмте. Ваш отец предупредил, что…

– Давайте поговорим в кабинете.

***

Вечер тянулся медленно…
Даже слишком.
Саске сидел на своей кровати и терпеливо потягивал коньяк, смешанный с колой из запотевшего стакана. Ино настояла на том, что этот напиток необходимо пить только со льдом, иначе он терял свой смысл. Сказать честно, брюнет вообще не понимал, зачем нужно разбавлять благородный напиток химической насквозь газировкой. Но быстрые пузырьки делали своё дело, заставляя алкоголь ударять в голову быстрее. Наверное, Саске пил из-за вкуса, который заставлял наливать бокал за бокалом. Ему нравилась сладость дрянной газировки, нравилась горечь коньяка и кислота лимона, который он изредка стаскивал с тарелки, чтобы не дать спиртному совсем уж быстро вскружить мозги.

– А вы родственники? – спросила Ино, восседающая рядом с Саске. Девушка даже не пыталась скрыть, что с самого начала вечера поставила себе цель сблизиться с хмурым брюнетом.

Её не смущал даже тот факт, что Учиха пока не проронил ни слова, обращая на неё ровно столько же внимания, сколько и на сидящего рядом с Наруто Нагато. Хотя даже красноволосому доставалось больше взглядов…

– Мы одногруппники, – кивнул Наруто, протягивая тихой Хинате стакан с колой.

Пить девушка отказывалась, потому что алкоголь попросту не любила.

– Ааа, – протянула Ино.

Ей, конечно, было плевать, но вопрос задала чисто из-за желания поддержать разговор или же всё-таки вытащить из Учихи хотя бы пару слов.

– А вы? – в свою очередь спросил Наруто.

– Да мы подруги, – махнула рукой блондинка, откидываясь спиной на стену позади. – Учимся вместе и жить решили вместе.

– Это круто! – широко улыбнулся Наруто, отпивая из стакана.

Брюнет неопределённо хмыкнул, переводя взгляд на тёмное окно. Этот придурок всеми силами пытался понравиться, и вновь по дурацкой иронии судьбы его считали пустым местом.

– Саске, а ты на кого учишься? – пролепетала Ино, переходя к прямым вопросам.

– Я не учусь, – отрезал Учиха.

– Но почему? – воспряла духом девушка.

– Отчислили.

Саске всё ещё смотрел в окно, отвечая скорее на автомате. Конечно, он бы мог притвориться, что общество симпатичной девушки ему было приятно и тогда, возможно, вечер кончился бы очередной проверкой чувств, желаний тела, но Учиха не видел в этом смысла. Даже алкоголь, уже изрядно стукнувший в голову, не заставлял организм инстинктивно искать

развлечения на ночь, как это обычно бывает у парней в его возрасте.

– Из-за чего?

– Ему морду набил, – кивок в сторону болтающего Наруто с Хинатой.

– А, что? – встрепенулся захмелевший блондин, поймав на себе две пары глаз.

– Я думала, друзья не дерутся, – тихо проговорила Хината, доверчиво смотря своими большими фиалковыми глазами.

– Кто тебе сказал, что мы друзья? – усмехнулся Саске. Он всё же взглянул на черноволосую девушку.

Она из того сорта, что и Наруто, только ещё более пришибленная чем-то, судя по отсутствующему выражению на лице и вечному смущению.

– Но вы же живёте вместе, – растерянно выдохнула девушка, беспомощно смотря то на Наруто, то на Саске. В её понимании тот факт, что можно жить с тем, кто побил тебя, напросто отсутствовал. Такого и быть не могло! Тут же взгляд зацепился за ссадину на скуле Наруто, за разбитую губу Саске…

– И что с того? – не унимался Учиха.

Ему стало интересно, и тонкие губы растянулись в ядовитой улыбке. Птенцы всегда интересуют питонов… чисто с гастрономической стороны.
Узумаки, видя, что Саске попросту решил начать свою любимую игру «выстави собеседника идиотом», устало поморщился и выпалил:

– Мы просто живём вместе. Так вышло, нам так удобно.

Теперь уже даже и Ино оторвала пьяный, а от этого ещё более влюбленный взгляд от острого профиля Учихи и воззрилась на

Наруто.

– Просто жить нельзя! – авторитетно заявила блондинка. – Даже мы с Хинатой дружим, а так бы терпеть друг друга не смогли!

– Я его тоже терпеть не могу, – спокойно подтвердил Саске. – Но…

Взгляд какого-то внезапно молчаливого Нагато предостерегающе прошёлся по Учихе, не оставшись незамеченным. Красноволосый понял ещё в начале этого разговора, что ничем хорошим он не закончится, потому что Учиха не сможет упустить такой шанс поиграть на чужих нервах.
Не сводя глаз с Нагато, Саске налил себе коньяка уже без колы и залпом осушил стакан. Поморщился от боли в разбитой губе.

– Тогда почему живёшь с ним?! – возопила Ино, протягивая парню дольку лимона.

– У него спроси, – пожал плечами Учиха, забирая лимон и задумчиво всматриваясь в желтоватую мякоть.

– Наруто? – вздёрнула брови Ино.

– Да отстаньте вы, – растянул губы в улыбке Узумаки, понимая, что сердце в груди тревожно стучит. К чему Учиха говорит всё это? Чего хочет добиться?

Быстрый взгляд в сторону напряжённого Нагато…

– Живу и всё. Мне так удобно, ттебайо!

– Нет, Наруто. Нельзя же так, – грустно покачала головой Хината, поглядывая то на брюнета, то на блондина. – Нельзя терпеть, когда…

– Хината, – как-то слишком резко оборвал её Нагато, – думаю, это совсем не наше дело.

От этого строгого и грубого голоса темноволосая даже задохнулась сначала, пытаясь справиться со смущением. Потупила взгляд, сжимая руки на чашке.

– Не переживай, всё нормально, – улыбнулся Наруто, кладя свою руку на колено девушке, а затем опомнился, чувствуя, как щёки заливает румянец, отнял руку и выпалил: – Извини… я… я не лапать… я просто…

Но успокоился, увидев, что девушка едва заметно улыбается.

– Смелее, добе, – хмыкнул Саске, вновь отпивая из стакана.

– Саске? – непонимающе нахмурился Наруто, переводя взгляд на брюнета. Ему не нравилось выражение лица Учихи.

– Ещё немного, и она тебе точно даст.

– Саске!

А это уже Нагато.
Ино и Хината переглянулись, совершенно не понимая, что происходит между этими тремя. Темноволосая даже кивнула в сторону двери, но её подруга отрицательно покачала головой. Ино начинало всё это забавлять, да и Саске перестал играть в деталь интерьера: заговорил и даже не был против, что блондинка слегка привалилась к нему плечом.

– Только сердце его уже занято, – как-то картинно продекламировал Учиха, сверля взглядом Наруто.

– Ооо, – улыбнулась Ино. – Кем? Она из общаги? Я её знаю?

Кажется, девушки не могли видеть той свинцовой угрозы, что висела над тремя парнями. Можно было чувствовать, будто бы даже воздух в комнате похолодел.
Нагато взглядом приказывал Саске прикусить язык, но как будто это могло напугать такого, как Учиха.
Наруто же не мог пошевелиться, вперившись взглядом в соседа.

Он ждал, что скажет Учиха, и уже заранее догадывался, что ему не понравится…
Саске улыбнулся.

– Мной.

Ну вот… это случилось. Нагато с тяжёлым вздохом прикрыл глаза рукой, стараясь успокоиться, Наруто всё так же смотрел на Саске. Это был ещё не конец.

– Поэтому и живёт со мной, что влюбился, – продолжал Учиха, прожигая взглядом голубые глаза блондина. – И терпит меня. И морду позволяет бить тоже поэтому.

– То есть… вы пара? – как-то сухо спросила Ино, даже отстраняясь от плеча брюнета.

Улыбка Саске стала совсем уж широкой.

– Что скажешь, Наруто. Мы – пара?

Что-то скрипнуло, и Нагато резко подошёл к Саске, за руку стаскивая того с кровати и так же быстро выставляя за дверь, выйдя из комнаты следом. Резкий хлопок поставил точку в этом нелепом спектакле.

***

– Ты что делаешь?! – прорычал красноволосый, заталкивая смеющегося Учиху в тесную ванную и закрывая за собой дверь.

Ударившись поясницей о раковину, Саске разразился ещё более громким смехом, прикрывая лицо руками.

– Ты зачем себя так ведёшь?!

– Потому что я так хочу! – сквозь хриплый смех выпалил Учиха. Он отнял руки от лица, упрямо смотря на пылающего злостью Нагато. Кажется, таким он ещё его ни разу не видел, да и не мог представить обычно спокойного и рассудительного

мужчину.

– Нельзя делать только то, что ты хочешь!

– Почему? Кто мне запрещает?!

– Да никто! – вспылил Нагато. – Тебе самому от себя не противно?!

– А с каких херов мне противно должно быть?

Саске всё ещё посмеивался, но злость начинала брать своё, запуская липкие пальцы под рёбра и выворачивая душу наизнанку.

– Ты смеёшься над чужими чувствами!

– Потому что они смешны, – прошипел Учиха. – Они ничтожны и вызывают только смех.

Лицо Нагато внезапно потеряло всякие краски, став похожим на восковую маску. Светлые глаза странно блеснули, словно силой успокаиваемые эмоции всё никак не хотели повиноваться разуму.

– Это ты ничтожен и заслуживаешь лишь жалости, – прошептал красноволосый, глядя прямо в глаза Саске.

Удар Нагато ожидал, поэтому ловко поймал кулак брюнета, сжимая его.

– Ты должен оставить Наруто, – прошипел красноволосый. Его рука сжалась сильнее, заставляя Саске зашипеть от боли. – Уйти и больше не появляться в его жизни.

– Я так и сделал! – прорычал Учиха, вырываясь. Нагато удерживать не стал, позволив руке легко покинуть захват, и вновь спокойно воззрился на кипящего злостью парня. Как быстро они поменялись местами. – Но вы нашли меня!

– Не мы, а он. И после этого ты так себя ведёшь…

– Потому что не знаю, как по-другому! – внезапно честно выпалил Учиха и замер, будто и сам от себя не ожидал такого признания.

В ванной наступила гробовая тишина. Двое стояли и смотрели друг другу в глаза, пытаясь найти в них те слова, которые ещё не сказали, какие-то подсказки или указания к действиям.

– Нагато, Саске…

Приглушённый голос Наруто из-за двери вернул их на землю.

– Откройте.

– Пошли вы, – шикнул Учиха, резко направляясь к двери и распахивая её, едва не столкнувшись носом с Наруто.

Саске замер, смотря на блондина сверху вниз. Словно поняв его молчаливую просьбу, Наруто посторонился, пропуская парня обратно в комнату.
Ни Ино, ни Хинаты здесь уже не было. Ну и к чёрту. Саске даже был рад их исчезновению.
Он замер посреди комнаты, прижимая ладони к лицу и пытаясь успокоить поднимающуюся дрожь в теле и боль в черепе.
Словно любые эмоциональные вспышки бередили было отступающую опухоль.
Чёртов Нагато, чёртов Наруто…
Вечно лезут в душу, выворачивают и ищут там какие-то лишь им известные сокровища. Нет там ничего. Совсем. Пусто.
Завибрировавший в рюкзаке телефон вернул из злых размышлений. Саске раздражённо вытащил сотовый, безразлично скользя по списку пропущенных и только потом замечая виновницу жужжания. Смс от Итачи.
Учиха хотел было удалить её не глядя, но какая-то неведомая сила заставила открыть жёлтый электронный конверт.
Взгляд пробежал по сухим буквам, не с первого раза понимая смысл.
Ибо понять такое…

Ещё раз.
И ещё.
И вновь…
Пальцы сжали захрустевший чёрный пластик.

– Саске, нам надо поговорить, – раздался за спиной голос Наруто.

В голове начинало гудеть. Просто нестерпимо. В этом гуле тонули все звуки, и телефон, выпавший из разжившихся пальцев, стукнулся о пол почти беззвучно.

– Саске? – нахмурился Наруто, следя за тем, как брюнет отшатывается к шкафу и медленно съезжает спиной по нему на пол. – Саске!

Узумаки рухнул рядом, хватая побелевшего парня за плечо.

– Руки… свои убери, – хрипло сорвалось с едва ли не синих губ.

Учиха откинулся затылком о двери шкафа, закрывая глаза. Угольные ресницы подрагивали, а зрачок судорожно метался под тонкой кожей век.

– Что с тобой?

Но его не слушали или не слышали. Безвольно опущенные руки на пол, закрытые глаза и тяжело вздымающаяся грудь. На миг Наруто показалось, что кукловод обрезал поддерживающие Учиху нити.
Узумаки беспомощно оглядел комнату, соображая, что же может привести Саске в себя и что вообще происходит. Взгляд зацепился за тусклый экран брошенного на пол телефона. Блондин подтянул его к себе, скользнув по тексту открытой смс.

– Саске, – безжизненно выдохнул Наруто, чувствуя стремительно поднимающуюся горечь.

Обида, злость на брюнета поблёкла.

– Блядь, но почему? – как-то безнадёжно сорвалось хрипло и едва слышно с губ зажмурившегося Учихи, и он уронил голову на колени согнутых ног, сразу как-то уменьшаясь и будто истончаясь ещё больше.

Не выдержав, Наруто обхватил это подрагивающее тело, ожидая, что его тут же оттолкнут.
Говорить, что всё будет хорошо бесполезно. Учиха или не поверит или не услышит. Оставалось только наивно верить, что это неуклюжее успокаивающее объятие как-то поможет…

***

Тишина холодной серной кислотой разливалась даже под кожей, притупляя пульс, дыхание и мысли. Их не было… всего лишь какие-то жалкие подобия некогда ярких всполохов, что рождались в голове.
Никто не мог подумать, узнать, предугадать…
Так всегда… когда думаешь, что хуже быть просто не может, Судьба зло улыбается и кивает головой:
«Может, ещё как может».
Когда тебе кажется, что чаша твоего личного горя переполнена и больше в неё просто не влезет, Судьба скалится:
«Влезет, влезет».
Когда ты, измождённый, разбитый на мелкие осколки, раздавленный лежишь в луже собственной крови, с торчащими обрубками крыльев, и понимаешь – больше не выдержишь…
Голос в твоей голове, смеясь, кричит:
«Выдержишь».
Саске вновь закурил. Наверное, пятую по счёту сигарету. Этот горький вкус, оседающего на языке никотина, вязкая слюна, которую легче сплюнуть, чем затолкать в горло…
Омерзение.
Во всём.
Даже серое осеннее утро с покорёженными чёрными ветвями разлапистого дерева у главного входа в пожелтевшее казённое здание.

– Саске.

Стоящий рядом Наруто робко тронул друга пальцем за палец, пытаясь привести в чувства. Узумаки не знал, как вести себя в таких случаях, тем более он не мог понять, как сейчас обращаться с Учихой. Всю ночь они просидели на полу, смотря в одну точку и допивая остатки коньяка. Вся ночь прошла в гробовой тишине, даже звуки с улицы едва проникали через стены небольшой комнатушки. Тогда Наруто казалось, что утро никогда не наступит и молчаливый брюнет так и будет сидеть рядом, изредка тяжело вздыхая и морщась от боли.
Но когда расцвело, Учиха начал собираться. Медленно, словно оглушённый чем-то или опьянённый. Но лицо было поразительно спокойным, ледяным.
Единственное, что тогда сказал Саске, смотря куда-то мимо Наруто:

– Пойдём со мной?

И вопрос этот был полон неуверенности, словно с Учихи ножом содрали всю его спесь, всю его холодность. Словно на миг обнажили нервы, оставляя без защитной шелухи. И Наруто не смог отказать, да и с самого начала собирался увязаться за брюнетом, чего бы ему это ни стоило.
И вот сейчас они стояли, не решаясь войти в высокие кованые ворота, за которыми прохаживались люди в белых халатах. Саске выбросил окурок, потянувшись за новой сигаретой, но Наруто остановил парня.

– Нам нужно уже зайти или уйти отсюда. Решай.

Рука Учихи застыла, а затем парень сунул её в карман и молча направился вперёд. Шагал он неестественно широко и быстро, словно боялся передумать в любую минуту и броситься отсюда со всех ног.
Наруто бы не стал останавливать брюнета, реши тот убежать. Ведь Узумаки не понимал… он не знал…
Судьба для него решила этот вопрос гораздо безболезненнее…
Толкнув тяжёлую деревянную дверь, Саске вошёл в просторный холл, пропахший лекарствами и хлоркой. Здесь было почти пусто, и их шаги эхом отдавались от стен. Где-то скрипели

двери, и слышались приглушённые голоса.
На второй этаж поднялись также молча, и каждый шаг давался труднее. Саске даже остановился на пролёте, держась за перила и смотря себе под ноги.

– Саске… может тебе таблетку? – взволнованно прошептал Наруто, придерживая непривычно податливого друга за плечо. Признаться, Узумаки перестраховался, наведавшись с утра к Нагато и выпросив у того немного валидола. Слабые мятные конфетки по сути, но так блондину было спокойнее.

Учиха отрицательно мотнул головой, втягивая носом воздух и разом как-то выпрямляясь, словно кукловод вновь натянул нити. Лицо стало непроницаемой бледной маской, на которой даже чёрные глаза казались матовыми.
Они продолжили свой путь, вскоре оказавшись в длинном зеленоватом коридоре с шахматным полом. Сводчатый потолок подсвечивался желтоватыми лампами, а льющийся из высоких окон тусклый холодный свет завершал картину весьма давящей действительности.
Саске увидел их первым. Две высокие чёрные тени, стоящие у коричневого дивана.

– Мне с тобой? – неуверенно спросил Наруто.

– Со мной, – ответил Саске, и пальцы в кармане сжали пачку сигарет.

Фугаку заметил сына первым, кивнув ему довольно сухо, хотя в глазах отца читалось нечто сродни обвинению. Однако надолго он рядом с ним не задержался, извинившись и отойдя по зову мужчины в белом халате.
Итачи же медленно повернулся к брату, слабо улыбаясь и протягивая руку, которую Саске всё же проигнорировал.

– Что с ней? – хрипло.

Наруто чуть позади Саске невольно внутренне сжался. Ведь знает… ведь оба вчера видели этот текст. У самого внутри всё разрывалось.

– Саске…

– Что с ней?

– Я тебе вчера написал, – отозвался Итачи.

– А теперь скажи, – зло рыкнул младший Учиха, поворачиваясь к брату, но смотря куда-то мимо. – Скажи это вслух.

Итачи опустил голову, сжимая руки в кулаки.

– Итачи, – повторил Саске.

– Я… я всё тебе написал вчера, – как заведённый пробормотал парень.

– Скажи!

– Саске, – позвал Наруто, видя, что брюнет начинает срываться.

– Итачи! Скажи мне это! Вслух скажи!

Саске всё же кинулся на брата, хватая его за ворот чёрного плаща и толкая на стену, сам подлетая следом, чтобы вновь впиться в его одежду.
Старший Учиха ухватил парня за жилистые запястья, пытаясь отвести руки в стороны, но тот в своей слепой злости был слишком цепким.

– Скажи! Итачи!

– Она умерла! Умерла…

Саске замер, смотря и не видя лица брата. Руки разжались быстрее, чем Фугаку успел подбежать к сыновьям.
Брюнет сам не понял, как оказался сидящим на диване с уроненной на руки головой. Из горла вырывался какой-то невнятный хрип, хотя хотелось кричать.
Рёбра выламывало, разрывая кожу…

Гранитная тишина. Тяжёлая.
Она опустилась всем четверым на плечи… и это место было идеальным домом для неё.
Наруто закусил губу, не в силах смотреть на осевшего товарища.

– Саске… нам нужно вернуться домой. Ты поедешь с нами?

Тихий голос Итачи едва слышно пробивался через гул в ушах.
Почему…
Наруто опустил руку на плечо друга, осторожно возвращая его в серую реальность.

– Саске…

– Поехали, – выпалил он, поднимаясь.

Лицо его выглядело спокойным.
Даже неживым.

***

Кухня…
Замерев в прихожей, Саске изо всех сил пытался не поворачивать голову, не смотреть, не вдыхать.
Чёртов вернувшийся нюх…
Упорно пахло печеньем…
Учиха тряхнул головой, понимая, что это всего лишь иллюзия, вызванная расшалившимися нервами. Ничего больше. Просто иллюзия…
Как и тихий голос Микото, который звал попить чая.
Узумаки смотрел на друга с опаской и предпочитал молчать, не вмешиваться в то, что творилось за этой, на первый взгляд, безразличной фарфоровой маской.
Итачи и Фугаку ушли в кабинет отца, договариваться обо всём, о чём следовало позаботиться в таких ситуациях.
Учиха медленно поднялся по лестнице, заходя в свою комнату.
Здесь ничего не изменилось, но стало будто холоднее.

– Закрой двери, – тихо попросил Саске, садясь на кровать.

– Ты как? – задал самый нелепый вопрос Наруто.

– Отлично, – отозвался Саске, переводя взгляд на блондина. – Просто замечательно.

– Саске, не нужно сейчас, – поджал губы Наруто. – Я волнуюсь же за тебя…

Узумаки ожидал, что сейчас его пошлют, скажут что-то резкое, но в ответ брюнет лишь неопределённо качнул головой. Всегда было трудно в таких ситуациях найти слова, подходящие под прорехи в чужой душе. Оставалось заполнять эти сквозные дыры молчанием, надеясь, что другого от тебя не ждут. Ну не лезть же обнимать Саске в самом-то деле… Дверь комнаты открылась, впуская внутрь Фугаку. Наруто сразу как-то сжался, отходя в сторону и пытаясь слиться со стеной.

– Завтра тебя отправят в клинику, – резко начал мужчина, заставляя сына поднять на него глаза.

– Её нет, а тебя волнует только это? – вздёрнул брови Саске.

В душе на удивление было спокойно, но эта ледяная отрешённость обманчивыми всполохами уже принялась поджигать первые угольки злости.

– Только потому, что её нет, ты должен остаться.

– Логика?

– Я не смогу потерять ещё и тебя. Мы не сможем.

– Её же смогли, – ухмыльнулся горько Саске, опуская глаза на ковёр. Он совсем не ожидал, что отец резко ухватит его за плечи, силой поднимая с кровати и встряхивая.

Наруто было ринулся вперёд, но вовремя замер.

– Всё из-за тебя, – зло прошипел мужчина. – Виноват только ты,

больше никто!

– Тебе всегда было легче переложить вину на чужие плечи, – спокойно отозвался Саске, и, кажется, это спокойствие бесило Фугаку ещё больше.

– Если бы ты не ушёл, она бы не нервничала!

– Если бы ты забил на свою работу и был больше времени с женой…

Саске многозначительно замолчал, меряя взглядом серое от злости и горя лицо отца.

– Ты не смеешь винить меня!

– Тогда почему ты винишь меня?!

– Это из-за твоего ухода! Это ты виноват, – всё повторял и повторял Фугаку.

– Смысл теперь?

Эта напускная флегматичность показалась Наруто странной, но глаза брюнета всё же опасно полыхали злостью, когда он смотрел на отца.

– Смысл теперь обвинять меня, тебя? Это не поможет!

– Ты просто неблагодарный ребёнок!

Руки Фугаку разжались, и Саске пошатнулся, но устоял, смотря в спину меряющего комнату шагами отца.

– Мы делали для тебя всё! Оберегали, кормили… а ты…

– А я оказался последним ублюдком и подхватил рак мозга, – нехорошо оскалился Саске. – Ты в этом меня обвиняешь?! Чёрное пятно в твоей семейной истории…

Фугаку замер, а затем, так и не обернувшись к сыну, вышел вон из комнаты.
Тишина лавиной обрушилась на Наруто и Саске, заставляя парней посмотреть друг на друга.
А потом Учиха сорвался с места, влетая в ванную и закрывая за собой двери на замок.

– Саске! – взволнованно выпалил блондин, подлетая к двери и дёргая ручку. – Давай без глупостей!

– Заткнись.

– Ты… открой мне двери.

– Я мыться буду.

– Всё равно открой. Я тебе не верю, – выпалил Наруто, прикусывая губу от осознания того, что несёт полную чушь. Но оставлять брюнета в таком состоянии в замкнутом пространстве Узумаки казалось очень страшным и опасным.

– В зрителях не нуждаюсь.

Шум воды, раздавшийся за дверью, поставил жирную точку в их разговоре.

***

Орочимару закрыл папку с именем: «Учиха Саске». Она потолстела, наполнившись новыми записями, разрослась, как и научная работа брюнета. Он довольно постукивал кончиками пальцев по шершавой обложке, задумчиво глядя в стену.
Уже давно было пора начаться последней стадии. Орочимару не любил это казённое название «ремиссия», но и не придавал такого магического значения этому периоду, как делали его больные. Они наделяли этот отрезок времени чем-то невозможным, нереальным, думая, что им дали второй шанс или же это последний глоток перед прыжком в ледяную воду. Орочимару просто знал – это точка невозврата. После ремиссии только стремительное падение, угасание.

И ничего мистического или возвышенного в этой короткой передышке нет.
Он убрал папку в стол, закуривая.
А Учиха ещё держится. Худо, бедно. Признаться, доктор недооценил своего пациента, решив, что тот лишится разума ещё во второй фазе. Хотя… нельзя было сказать, что сознание Учихи не пострадало.
Ведь в разбитое зеркало тоже можно смотреть, однако из-за выпавших осколков ты никогда не увидишь целой картины.

***

Холодная вода превратила тело в онемевший кусок мяса. Саске сидел под душем уже битый час, пытаясь заморозить тот огонь в груди, что обхватывал его с головой.
Судьба смеялась над ним, вновь дав почувствовать вкус жизни, но тут же выбив из груди желание продолжать бороться.
Перед глазами мелькали какие-то тени, образы, но Учиха упорно их не замечал, закрывая глаза и утыкаясь лбом в колени.
Кажется, Наруто продолжал звать его ещё несколько раз, а затем даже попробовал подёргать ручку двери, но всё напрасно.
А ведь тот день в больнице… он действительно был последним.
Саске выругался, закрывая воду и выбираясь из ванной. Кожу покрывали мурашки, и била мелкая дрожь, но вытирался и одевался Учиха слишком медленно, словно надеясь, что физические неудобства заглушат душевную боль.
Наруто едва не завалился назад, когда Учиха внезапно открыл двери. Холодный взгляд прошёлся по неловко поднимающемуся блондину, и Саске молча обошёл его.

– Ты в порядке?

– Прекрати это спрашивать, – выдохнул Саске, проводя рукой по мокрым и холодным волосам. – Это глупый вопрос.

– Но мне надо знать, – виновато улыбнулся Наруто и тут же стёр улыбку с губ, когда Учиха вновь посмотрел на него.

– Тебе не надо знать, как я себя чувствую, – с нажимом

произнёс брюнет, укладываясь на кровать.

Перед глазами привычно оказался выбеленный потолок. Изученный, замыленный взглядом за многие бессонные ночи. Внезапно Учиха осознал, что был бы рад вновь почувствовать в голове раздирающую на части боль, вновь забыться в этом ярко-красном мареве.
Лишь бы не здесь.
Кровать прогнулась, когда Наруто аккуратно опустился рядом.

– Ты уверен, что… нам следует остаться?

Брюнет молча кивнул, прикрывая глаза. Остаться здесь… наверняка приедут дальние родственники, наверняка будут какие-то громкие речи, слёзы, вопросы и соболезнования. Ярмарка жалких масок скорби, пустых слов и дешёвой воды из глаз.

– Знаешь, я рад, что не увижу свои похороны, – невесело усмехнулся парень, а в следующий момент в плечо больно стукнули, заставляя открыть глаза.

– Не говори так, – серьёзно выпалил Наруто. – Тебе лучше! Ты уже можешь чувствовать… возможно, болезнь проходит.

– Волшебным образом исчезла, да? – фыркнул Саске, потирая место ушиба. На удивление больно.

– Ты просто не хочешь верить.

– Да, не хочу, – отрезал Учиха. – Ты можешь верить в этот бред.

– И буду, – упрямо заявил Наруто, уставившись в спокойное лицо Саске с вызовом. – Я буду верить за двоих.

– Не надорвись, добе.

***

– Орочимару?

– Фугаку, не ожидал вас услышать, – протянул мужчина, занятый раскладыванием личных дел новых пациентов. – Что-то случилось?

– Я думаю, вам лучше приехать.

– Мне показалось, что наш последний разговор был не так давно, а с Саске я с тех пор больше не виделся.

Прижимать трубку одним плечом к уху было неудобно, и Орочимару морщился, пытаясь не выронить оную.

– Саске сейчас дома.

Орочимару замер, всё-таки перехватывая сотовый рукой и глядя в стену.

– А я вам зачем?

Хотя это был хороший шанс исследовать Учиху… Материалы для научной работы потихоньку кончались, а написать предстояло ещё очень многое.

– Понимаете, – в трубке шумно выдохнули, терзаемые какими-то чувствами, – у нас ситуация непростая… а Саске… думаю, ему может понадобиться ваша помощь.

– Или же вам моя, чтобы совладать с сыном? – ехидно улыбнулся мужчина.

– Приезжайте.

Короткие гудки.

***

Наруто проснулся из-за того, что затекло всё тело. Он сам не заметил, как его вчера вырубило во время тихого и ленивого разговора с Саске.

Разлепив глаза, блондин первым делом увидел перед своим носом тонкий профиль Учихи и нахмурился. Кажется, он уснул рядом с ним на узкой кровати, прижимаясь, чтобы не свалиться с края. Теперь же бок нещадно ныл, а рука, закинутая за голову, вовсе ощущалась чужой.
Саске спал и, наверняка, видел что-то тревожное: слишком быстро бегали зрачки под тонкими веками, да подрагивали угольные ресницы.
Узумаки тихо выдохнул, стараясь особо не шевелиться, чтобы не потревожить беспокойное забытье брюнета.
Наверное, Нагато был прав в своих словах, брошенных тогда взволнованному Наруто, цепляющемуся за любую соломинку, что подтверждала его нормальность. Или ненормальность.
Придя тогда в комнату красноволосого друга, Узумаки искал оправдания своей тупой привязанности, чувствам, которые были совершенно ненужными. От которых никому легче не станет, а лучше уж и подавно.
Но Нагато был прав.
Наруто слабо улыбнулся. Его разум сошёл с ума, принимая чужие взгляды на жизнь, ища поддержки у незнакомого, пусть и спасшего от гопников человека.
Эти чувства были другими. Не такими, как он испытывал к Сакуре. Совсем.
Словно из другого мира, где нет понятия «влюбился», хотя Учиха частенько тыкал этим словом.
Нет. Не влюбился.
В этого придурка невозможно влюбиться, и дело даже не в том, что парень не может по умолчанию испытывать каких-либо чувств к другому парню. Нет… дело было не в этих условностях общества.
Наши души это всего лишь души, сгустки эмоций, чувств тепла или холода. Души не знают того, что общество презрительно называет «болезнью». Душе плевать, кто рядом. Она просто чувствует… чувствует, что нужно согреть, помочь и удержать того, кто ходит по грани.
Так всегда говорила его мать. Она всегда напоминала Наруто, что любить можно только душой.
Но это даже не любовь.
И называть это чувство банальным общепринятым словом было глупо. Просто невозможно.

Он не любил. И его не любили.
Это даже смешно звучит.
Просто хотелось быть рядом, чтобы не дать упасть глубже.

– Какого хера ты пялишься? – прошипел проснувшийся несколько минут назад Саске, взгляд которого погружённый в свои мысли Наруто не заметил.

– Просто, – пожал плечами Узумаки.

– Отвали отсюда, – рыкнул брюнет, пытаясь перевернуться на спину, но понимая, что тогда буквально спихнет блондина на пол.

Руки и ноги занемели и теперь отзывались колкой болью.

– Я уснул, – неизвестно зачем пояснил Наруто, осторожно поднимаясь, но не успел он распутать одеяло, которым они во сне накрылись, как дверь в комнату открылась, впуская какого-то черноволосого мужчину.

– Извините, – ехидно улыбнулся он, прикрывая за собой дверь перед самым носом у показавшегося на миг Фугаку.

– Какого хера ты тут забыл?! – всполошился Саске, подрываясь на постели, забыв про онемевшие конечности и Наруто рядом.

Узумаки неловко взмахнул руками, хватаясь за оголовье кровати и чудом не падая на пол. Подтянувшись, сел, поглядывая то на незнакомца, то на явно злого Саске.

– Твой отец посчитал, что мне нужно быть рядом… в эти дни.

Орочимару пожал плечами, вешая на спинку стула свой чёрный плащ. Взгляд доктора пристально цеплялся за лицо Саске, ища что-то новое, что могло появиться за время, пока они не виделись.

– Мне не нужен мозгоправ.

– А я и не для этого здесь.

Наруто непонимающе смотрел на этих двоих, точно не зная, должен ли он присутствовать при их общении. Отчего-то было неудобно… и потому что черноволосый застал его на одной кровати с Учихой, и из-за того, что ему приходилось стать невольным свидетелем разговора.

– Я… в ванную.

Но исчезновения блондина никто не заметил, слишком сильно эти двое были увлечены прожиганием друг друга тяжёлыми взглядами.

– Что изменилось? – задал первым вопрос Орочимару, когда дверь за Наруто щёлкнула замком. Послышался шум воды.

– Я чувствую, – также скупо ответил Саске.

– Ммм, – улыбнулся Орочимару. – Значит, я был прав в расчётах.

– Что твои расчёты ещё говорят?

– Что этот период пройдёт. И всё усугубится.

– Понятно, – кивнул Саске, который неосознанно понимал это и сам.

– Я бы на твоём месте поспешил насладиться всем, чем ты ещё не успел.

Улыбка Орочимару стала какой-то нагловатой, и Учиха тяжело вздохнул, желая разбить эти тонкие губы.

– Ты омерзителен.

– Кто этот парень?

– Он не имеет отношения к моей болезни, значит, и к тебе

тоже.

Саске всё-таки поднялся, оправляя одежду, в которой так и уснул. Пальцы шарили по карманам в поисках сигарет.

– Мне просто интересно, почему он.

– Потому что прилипчивый как банный лист.

Сигареты были найдены, и одна из них перекочевала в губы.

– Он к тебе привязался?

– По хер, – выдохнул горький дым Саске, смотря куда-то в окно.

За ним, как всегда, виднелись чужие дома, серое небо и деревья.

– А ты к нему?

Глава 3. Только ты.

«Когда ты умрёшь, я не стану валять дурака,
Зализывать раны, на север, потом в пески.
Мы вместе с тобой флиртовали со смертью, и вот
Тебе я дарю её, мой любимый друг».
Ночные Снайперы – Только ты

Мы все смотрим в небо, когда не можем разобраться в том, что творится у нас под ногами. Мы все начинаем верить в душу, когда не можем понять, что происходит за нашими костями. Мы все смотрим в небо, забывая, что небо никому ничего не должно. Оно безразлично взирает на нас, неспешно перетекая из лазурной синевы в кобальтовую черноту. Этому хрустальному куполу безразлично, что будет с тобой завтра, если ты вдруг решишься лечь под поезд или прозаично вздёрнуться на люстре. Пушистые облака так же будут плыть по нему, когда тебя не станет, звёзды так же будут зажигаться каждую ночь и переправлять души к Большому Маяку, когда твоё тело будет мерно покачиваться на грубой пеньковой верёвке.
Это только в дешёвых слезливых мелодрамах с неба льёт как из ведра, в момент чьей-то смерти или похорон. Незамысловатый ум создателя фильма оживляет синий хрусталь над головами героев, заставляя его меняться под стать их настроению.
Сегодня было солнечно.
Настоящий солнечный осенний день, которые случаются так редко, но остаются в душах на всю оставшуюся осень. Даже лучи солнца становятся теплее, воздух пропитывает запах опавших листьев, пряность янтарного света кружит голову. Это словно перевалочный пункт между прошлым и тёмным, холодным будущим, где будет только хуже.
Да. Сегодня светило солнце.
В просторном доме Учих собрались, наверное, все дальние родственники. Половину из них Саске видел всего лишь пару раз в своей жизни, другая часть оставалась той безликой чёрно-

серой мешаниной, которая всегда бывает на крупных семейных сборищах.
Брюнет с некоторой нервозностью внутренне был рад тому, что не нужно улыбаться каждому родственнику, не нужно строить из себя примерного сына, как это было всегда заведено в их семье.
Каждый крупный праздник, когда их дом становился чем-то вроде кланового гнезда, семья Учих надевала костюмы благополучия и маски радости. Тогда два ненавидящих друг друга брата становились самыми близкими друзьями, а давно охладевшие друг к другу муж и жена – эталоном семейной пары, образцом для подражания.
И только сейчас Саске мог честно признаться самому себе, что те дни лицемерия ему нравились. Ему нравилось видеть дома отца, который был всегда доброжелателен и чуток, ему нравилось видеть, как улыбается Микото, накладывающая мужу завтрак. Ему даже нравилось играть с Итачи, который в те дни очень много улыбался.
А потом гости уезжали…
И семья расходилась, разваливалась по своим делам.
Сегодня не нужно было масок. По крайней мере, свою Саске надевать не спешил, стоя у камина и наблюдая, как отец пожимает руку очередному соболезновавшему.
Гости смотрели на младшего Учиху с плохо скрываемой наигранной жалостью. Даже на его чёрные джинсы и тёмную водолазку упакованные в деловые костюмы Учихи взирали снисходительно, но во взгляде некоторых всё же был укор.
Мальчик лишился матери. Это большой удар, вон как исхудал, побледнел. Наверное, переживает.
Саске отвечал на эти взгляды безразличием, внутренне радуясь, что никто не пристаёт к нему со светскими беседами.
Рядом стоял Наруто, которому Итачи всё-таки выделил старый официальный костюм Саске, который последнему уже давно стал очень большим.
Признаться, растрёпанный блондин среди темноволосых Учих выглядел, как пришелец с другой планеты, и ему доставалось большинство недоумевающих взглядов. Никто его не знал, никто не ведал с кем бы он мог прийти сюда.
Узумаки слишком яркой тенью следовал за Саске, стараясь особо не выделяться, но с его-то внешностью…

– Я что-то лишний здесь, – тихо выдохнул Наруто, когда они с Саске стояли вдалеке от толпы родственников.

– Как и я, – кивнул парень, проходясь взглядом по двум совершенно незнакомым ему девочкам, что беззаботно в силу маленького возраста бегали по залу. Кто-то из взрослых остановил двух шумных малышек и строго что-то прошипел.

Орочимару из Учих так сильно не выделялся хотя бы потому, что тоже был бледнокожим брюнетом, но вот разговаривать с ним никто особо желания не имел. Слишком ядовитым оказывался собеседник.
Ближе к обеду все начали подтягиваться к выходу. Пришло время отправиться на кладбище…
Саске не противился, послушно забираясь на заднее сиденье машины Итачи. В голове было пусто, и даже Наруто не раздражал своим присутствием, словно находился где-то вне его мира.
Узумаки не любил кладбища. Он вообще предпочитал избегать таких мест, чувствуя себя там придавленным к земле и выжатым.
Сегодняшний день не оказался исключением, но Наруто дал себе слово – терпеть. Терпеть, потому что назад бросаться было уже поздно.
Оставалось лишь плестись за спокойным Саске и стараться не смотреть по сторонам.

– Я не пойду дальше, – качнул головой Саске, останавливаясь у высокого вяза.

Родственники ушли далеко вперёд, но отсюда было хорошо видно, что они медленно останавливались рядом с гробом, украшенным красивыми венками.

– Я тогда тоже, – с облегчением выдохнул блондин, замирая по левую руку от Саске. – Ты как?

– Чувствую себя как дома, – невесело хохотнул Учиха, закуривая.

Солнце окрашивало аккуратные зелёные лужайки в причудливый рыжеватый цвет, а серые камни надгробных плит делая немного теплее. Как будто и не кладбище вовсе, а парк с высокими деревьями и странными статуями. Но ничем нельзя было заменить то особое чувство, всегда появляющееся в таких местах. Действительно гробовая тишина, спокойствие.

– Вижу, вы тоже отбились от коллектива, – тихо спросил подошедший Орочимару.

Саске скосил на него глаза, выпуская облачко пара.

– Не обращайте на меня внимание. Я простой наблюдатель, – криво улыбнулся мужчина. – Нянька, если тебе так привычнее, Саске.

– Придурок ты, – шикнул Учиха.

– Можешь звать меня и так, – безразлично пожал плечами мужчина. – Кстати, как твои галлюцинации?

– Иди на хер.

– Саске, тебе нравится стоять здесь и думать о своём будущем? – повернулся к парню доктор. – Или же ты всё-таки отвлечёшься и поговоришь со мной?

– Я не могу думать о том будущем, которое не увижу, – коротко отрезал Саске, выбрасывая недокуренную сигарету и двигаясь вперёд к родственникам.

Что-то заставило Учиху сделать эти тяжёлые шаги к вырытой для другого человека яме. И вряд ли это был назойливый Орочимару. Так или иначе, его можно было просто игнорировать.
Саске остановился недалеко от Итачи, смотря в землю. Рыхлая и тёмно-коричневая, она пушистыми комьями лежала на зелёной пожухшей от морозца траве. Своего рода облако… а земля – это странное небо, куда падают мёртвые.

Взгляд скользнул дальше, как бы Саске не заставлял себя остановиться. Тёмное дерево, белоснежные цветы и лицо, когда-то живого человека. И без того тонкие черты стали словно хрустальными, кожа напоминала тончайшую белую скорлупку, а волосы иссиня-чёрными волнами обрамляли этот неживой портрет.
Учиха выдохнул, заставляя себя отвести взгляд. Они собрались проводить тело… в то время, как душа уже ушла. Или что там внутри нашей хрупкой оболочки?
Учиха Фугаку с недовольством заметил, как его младший сын, особо не церемонясь, развернулся и медленно направился прочь. Конечно, стоило бы вернуть парня, но, зная своего отпрыска, мужчина был уверен: тихо это не пройдёт, а устраивать семейные разборки на кладбище перед родственниками совсем уж низко.
Выпрямившись ещё сильнее, Фугаку уставился перед собой, сохраняя на лице бесстрастное выражение, как того требовал случай.

***

– Ты значит его посмертный друг? – тихо спросил Орочимару, когда Саске отошёл от них.

– Чего? – не сразу понял Наруто, оборачиваясь к мужчине. – В смысле?

– Ты пообещал быть с ним? – продолжал улыбаться черноволосый, даже не повернувшись к Узумаки.

– Ну и? – нахмурился блондин. Этот тип ему не нравился, и дело не только в каких-то змеиных глазах и вкрадчивом голосе. Что-то было внутри этого человека, что давно прогнило насквозь и теперь сочится в его словах ядом.

– Каким же ты упрямцем должен быть, чтобы терпеть Саске, – хмыкнул мужчина. – Или же глупцом.

– Слушайте, я вас не знаю, и вы меня не знаете. Я вовсе не глупец, – возмутился Узумаки, чувствуя, как щёки окрашивает

румянец.

– Ты, наверное, бесишь его.

– Вот у него и спросите, – выдохнул Наруто, с облегчением замечая, что Саске возвращается.

– И ты веришь, что он поправится?

– Конечно, верю! – выпалил Наруто излишне громко и тут же прикусил язык.

Он уставился на Орочимару, горя желанием доказать свои слова.
Вот только чем…

– Глупец, – фыркнул тот, – посмотри. Саске тут как свой.

– Прекратите нести чушь, – шикнул Наруто, внутренне холодея. Он боялся признаться себе, боялся признаться кому-то ещё, что давно в голове появились мысли, которые только что высказал Орочимару.

– Признай, что твой друг умирает и с этим ничего не поделать, – равнодушно пожал плечами Орочимару.

– И что тогда? – выпалил Наруто. – Что тогда? Он не верит ни во что, я не буду верить в него. И что тогда? Можно рыть яму? Так, что ли, ттебайо?!

Накопившееся раздражение требовало выхода и всё-таки нашло его. Никто не знал, как было тяжело Узумаки улыбаться каждый день, как было тяжело делать вид, что всё нормально, что если ночами Саске едва не лез на стены от боли, тоже было в порядке вещей.
Когда один слаб, второй не имеет права быть слабым.

– Вижу, в тебе проснулись благородные порывы, – прыснул Орочимару, поглядывая на приближающегося Учиху. – Или же ты обманываешь сам себя.

– Пойдём, – шикнул Саске, проходя мимо них. Он даже не заметил, что Наруто едва не сыпал искрами от злости.

***

– Зачем нам это всё? – удивлённо спросил Узумаки, когда они вернулись домой к Саске с двумя большими пакетами.

– Бред – это всё, – бросил Учиха, вытаскивая на стол бумажный пакет с мукой. – Полнейший бред.

– Что?

– Все эти речи, – нехотя пробурчал брюнет, даже не смотря на собеседника. – Как будто… как будто она их услышит.

– Саске…

Наруто замер, понимая, что Учиха имеет в виду. Точнее… кого.

– Если ты скажешь, что тебе жаль, я оторву тебе голову, Узумаки, – сквозь зубы предупредил Саске, бросая косой взгляд на парня. – А если попытаешься меня обнять, оторву яйца.

От такого заявления Наруто даже не понял сначала, как стоит на них отреагировать.

– Выбирай, что дороже.

– Я… я пойду переоденусь, – неуверенно выдохнул блондин. – Это-то мне можно сделать?

– Заебал.

Блестящая чашка со стуком опустилась на столешницу.

***

Саске старался не ошибиться, отмеряя стаканом муку и вбивая

в неё яйцо, потом второе, а пораздумав, добавил третье. Он никогда этого не делал. Перемешивать получившееся месиво было тяжело: оно комкалось и липло к большой деревянной ложке. Это раздражало.

– Стой, – выдохнул уже вернувшийся Наруто, подходя ближе. – Ты неправильно делаешь.

Саске поднял на него глаза, криво ухмыляясь:

– А ты у нас ещё и домохозяйка?

– Нет, – беззаботно пожал плечами блондин, вытирая руки о джинсы. – Просто мама часто готовила, а я, пока был маленький, смотрел… болел тогда много и дома торчал. Дай сюда.

Под пристальным чёрным взглядом Наруто ухватился за ложку, пытаясь дать понять, что дальше помощь Саске не требуется.

– Ты хочешь сказать, что я ничего не умею? – шикнул брюнет, всё же отступая.

– Нет. Но кулинар из тебя фиговый.

Наруто широко улыбнулся. Наверное, впервые за несколько дней. Было забавно наблюдать за растерянным Учихой, который с недоверием таращился на стол.

– Ты забыл молока добавить, – тяжело выдохнул Наруто. – У тебя есть молоко?

– В холодильнике глянь, – отозвался Саске, усаживаясь на кухонную тумбу и закуривая.

– Тебе ближе!

– Ты же у нас хозяюшка, – ухмылка, – вот иди и смотри.

– Блин, Саске, – недовольно выпалил Наруто, но дверцу

блестящего холодильника всё же дёрнул, зарываясь в него на несколько минут.

– Нашёл! – победный клич.

Сизый дым забирался в лёгкие, в голову, туманил глаза. Саске никогда ещё не курил дома на кухне, и сейчас это казалось чем-то запретным или даже нелегальным. Раньше здесь почти всегда была Микото, и курить при матери Учиха как-то не решался… было неудобно, что ли.
Единственный человек, перед кем было неудобно…
Саске усмехнулся, прикрывая на миг глаза, чтобы избавиться от назойливого образа.

– Это всё мука плохая!

Брюнет перевёл взгляд на Наруто, что усердно размешивал непокорное тесто.

– Ты идиот, Узумаки, – вздохнул Саске, спрыгивая со своего насеста и подходя к собеседнику, чтобы заглянуть в чашку. В ней сейчас находилось что-то комковатое, сероватое и вряд ли съедобное.

– Дай сюда.

Саске ухватился за ложку, но Наруто упрямо сжал руку.

– Да, умею я! Не лезь.

– Отдай.

– Я сам, Саске.

Наруто неожиданно отпустил ложку, и рука Саске по инерции дёрнулась назад, задевая локтем пакет с мукой. Ругань, шипение, звук удара и в воздух поднялось белое облако.

– Идиот, – выдохнул Саске, замирая и оглядывая пол, равномерно покрытый толстым слоем муки.

– От идиота слышу, – фыркнул Наруто и тут же чихнул.

– Придурок. Убирай теперь! – рычал Саске, пытаясь отряхнуть белёсую пыль с одежды. К несчастью, его любовь к чёрному сейчас сыграла с ним злую шутку…

Наруто замер, понимая, что ещё немного и рассмеётся. Это было бы неуместно, нелепо и глупо, но усыпанный мукой Учиха представлял собой слишком забавную картину. Даже чёрные волосы припорошило, сделав их пепельными.

– Стой, – хохотнул Наруто, подходя ближе и протягивая руку, от которой Саске отпрянул как чёрт от ладана. – Да не дёргайся ты. Не буду тебя кусать.

– Кто тебя знает, – недоверчиво пробормотал брюнет, но всё-таки замер, насторожено следя за двигающейся рукой.

Наруто, запустив свою конечность в жёсткие волосы собеседника, резко взъерошил их, выгоняя из прядей белые клубы муки. Выглядеть Учиха чище не стал, скорее даже наоборот.

– Иди на хер, – шикнул парень, отталкивая от себя руку Наруто. – Какого хера ты вечно лапать меня лезешь?

– Я тебя не лапаю, – было заявил Наруто, но махнул рукой на брюнета, понимая, что это очередная пустая перепалка. – На хер ты мне нужен…

Комок муки, что разлетелся во все стороны из-за столкновения со лбом Узумаки, заставил блондина замереть.

– Ты…

– В расчёте.

– Учиха, – прошипел Наруто, понимая, что вымыть это из его буйной шевелюры будет очень непросто.

– Узумаки, прекрати, – устало потребовал Саске, но было уже поздно.

Горя желанием мести, Наруто зачерпнул с пола хорошую горсть муки и, изловчившись, ухватил Саске за ворот, подтягивая к себе.
Учиха, конечно, упирался и матерился, но это его не спасло от расправы. Комок муки был надежно засыпан ему за шиворот. Наруто ещё и похлопал для верности по спине брюнета.

– Я тебя убью, – прорычал парень, останавливаясь и пытаясь вытряхнуть из себя муку, но выходило плохо. Зато глаза сверкали злостью очень убедительно, и Наруто стало как-то не по себе.

Следующие пять минут блондин пытался не попасться Саске под руку, хотя Учиха очень старался и в итоге всё же поймал Наруто между столом и стеной. Тогда уже Узумаки за шиворот посыпалась хорошая горсть муки, а бонусом ещё и в голову втёрли немного.

– Теперь убирай тут, – заявил Саске, тяжело дыша и отходя от «поверженного».

– С какого?

– Потому что я так сказал.

– И?

– Ты у меня в гостях. Убирай.

С этими словами брюнет направился наверх, стараясь не особо быстро двигаться, чтобы по дороге не растерять с себя муку.

***

Наруто стоял посреди чужой кухни. Дышать было тяжело от недавней шуточной потасовки, но сердце радостно билось, и на

губы сама лезла глупая улыбка. Узумаки понимал, что сегодня неподходящий день для таких игр, что сегодня вообще в этом доме улыбаться нельзя, но…
Но он ничего не мог с собой поделать.
Эта детская глупая забава словно придала сил верить в лучшее и дальше. Словно он увидел, что Саске ещё способен на такие глупости, а, значит, способен держаться.
Хотелось верить…
Но радость потихоньку сменялась грустью. И Наруто не понимал, почему лицо так быстро теряет улыбку, а кулаки сжимаются в бессильной блёклой злости.

***

– А почему ты решил… сделать это, – как-то неуверенно спросил Наруто.

– Это?

– Ну печенье…

– Я не могу захотеть печенья?

– Так можно же купить!

Когда кухня была убрана, а мука смыта с обоих, они сидели в комнате Саске и молчали. Как обычно, словно и не было той странной потасовки на кухне, не было смеха. Хотя смеялся только Наруто, Учиха лишь скалился…

– Голову себе купи. И мозг не забудь по акции взять, – шикнул Саске, поднимаясь и закуривая. – Захотел и всё. Перед тобой оправдываться не должен. Ты вообще никто.

– Почему это никто?

– А кто ты мне?

Саске уставился на блондина так, словно тот действительно был пустым местом.

– Если я тебе «никто», то почему позвал пойти с тобой? – припомнил Наруто.

Саске молчал, сверля его взглядом. Казалось, брюнета подменили, и сейчас перед Узумаки стоял какой-то злобный пришелец, напяливший шкуру Учихи.

– Не обольщайся, – хрипло проговорил Саске. – Ты для меня пустое место.

– Пустое место, – зачем-то повторил Наруто. Он давно привык не обращать внимание на слова Саске, но сейчас отчего-то было больно. Задел, попал? Неужели попал?

– Именно, – довольно осклабился Саске, выпуская в сторону Наруто облачко дыма.

– Хорошо, – как-то нехорошо кивнул Узумаки, поднимаясь. – Если я для тебя пустое место, то пока.

От неожиданности Саске даже нахмурился, сильнее сжимая зубами фильтр.

– Пока? Решил съебать?

– А почему бы нет, – пожал плечами Наруто, улыбаясь как-то картонно. – Тебе моя помощь не нужна, так ты ещё и в нос тыкнуть ею меня не забываешь каждый раз.

– Обиделся, мальчик? – хохотнул брюнет. – Детство в жопе заиграло?

– Это не детство называется, Саске, – качнул головой Наруто, поджимая губы. – Ты не хочешь ценить то, что я пытаюсь сделать.

– Ну так проваливай.

Это было сказано так тихо, что Наруто даже не расслышал.

– Что?

Вместо слов Саске внезапно ухватил парня за ворот толстовки и потащил к двери, едва переставляя ноги.

– Проваливай, раз собрался уходить! – выпалил брюнет, отпуская Наруто и отшатываясь в сторону. Лицо было бледным, глаза сверкали, и казалось, что разума за ними нет.

Наруто даже пожалел, что начал выяснять отношения, но внутри всё кипело.

– Если бы не вёл себя, как последний ублюдок, тебе было бы легче!

– Уходя, уходи, Узумаки!

– Ну и уйду!

Наруто было схватился за ручку двери, но тут в спину прилетело злое и полное холода:

– Я всегда буду рядом. Грош цена твоим словам. Как и тебе, темэ.

Блондин отпустил ручку, медленно поворачиваясь к Саске. Учиха стоял ровно, словно кол проглотил, улыбался как-то нехорошо и прятал руки в карманах.

– Что ты сказал?

– Ты пустышка, Наруто, – любезно повторил он.

– Я?

– Ты рушишь своё же обещание, как только припекло. Даже девки вернее тебя…

Наруто сам не понял, как оказался рядом, хватая за ворот и

занося руку для удара.

– И бьёшь ты, как девка, – продолжал ухмыляться в лицо Саске, даже не вынув руки из карманов. Он откровенно смеялся над разозлившимся Узумаки, который сейчас походил на беззубого кутенка: гавкает, а укусить не может. Знает, что получит в ответ.

– Ты ведёшь себя, как истеричка, – выпалил Узумаки. – Принимай то, что дают и будь благодарен, что не один!

– Да ты на хер мне не нужен, добе! – почти прокричал Саске. – Ты не понял с первого раза? Ты на голову больной?

– Тогда какого ты со мной живёшь всё это время?

Наруто тряхнул ворот рубашки Саске так, что у того клацнули зубы.

– Какого не свалил?

– Да издеваться над тобой нравится, идиот! Удовольствие я получаю!

Саске всё же вцепился в запястья блондина. Злость начала потихоньку стучать в висках.

– Таких тряпок, как ты, ещё поискать! – прошипел Саске, приблизившись почти вплотную к лицу Наруто. – Тебя что бей, что целуй – реакция одинаковая. Никакая!

В следующий момент Учиху отбросило в сторону, щека полыхнула болью, а из глаз, кажется, посыпались искры. Наруто потрусил отбитой рукой, но злость притупляла эту боль.
Налетев на стену, Саске зацепился за неё пальцами, стараясь не упасть. Губы кривились в злой улыбке, второй рукой он вытирал выступившую на щеке кровь.

– Я же говорил… как девка…

Он выпрямился, странно смотря на блондина.

– Нет… ты всё-таки пустое место. Девку хотя бы трах…

Договорить он не успел, поймав очередной удар, но теперь в живот. Согнулся, закашлялся, но в следующий момент боднул Узумаки в корпус, сбивая с ног и придавливая собою к полу. Наруто больно саданулся затылком о пол, в глазах закружились искры, но он успел вовремя схватить Учиху за руку, которая едва не опустилась прямо на нос.

– Кто тебе даст, – прошипел Наруто, отталкивая от себя Саске, но тот обхватил бедра парня ногами слишком цепко, чтобы его могли сбросить так просто.

«Убей», – тихий шёпот в голове Учихи заставил его вздрогнуть, но тут же вновь попытаться ударить Наруто. В этот раз по рёбрам. Костяшки больно заныли, но звук болезненного кашля под ним был наградой.

– Ты и дашь, – прошипел он, наклоняясь и хватая пальцами Наруто за подбородок, чтобы чувствительно прикусить его нижнюю губу.

Наруто упёрся руками в грудь Учихи, отталкивая, сжимая губы, не давая чужим губам зацепиться за свои, а затем всё же сбросил брюнета. Тут же прижал к полу коленом, выдыхая.

– Ты больной.

– Такой же, как и ты, – шикнул Учиха, который сменой положения был весьма недоволен. Дёрнулся пару раз, мотнул головой, стремясь достать лбом до носа Наруто, но затих, лишь зло испепеляя взглядом.

– Ты специально всем вокруг делаешь больно, – выдохнул Наруто.

– Не лезь ко мне в душу, уёбок!

– Да никуда я не лезу, – досадно поморщился блондин. – Просто…

Договорить ему не дали, рванув так сильно, что что-то хрустнуло, и Учиха невольно рыкнул от боли. Волноваться за брюнета сейчас было особо некогда, потому что собственный висок больно приложился о что-то твёрдое и в голове загудело. Почти не видя ничего, Наруто ухватил поднимающегося Саске за щиколотку, дёргая на себя и слыша отборный мат, а за ним глухой удар. Лишь тогда разжал пальцы, поднося их к собственному виску и осторожно ощупывая. Крови вроде бы не было…

– Зачем всё это, Саске? – выдохнул Наруто, поднимаясь и смотря на лежащего перед собой парня. Учиха тяжело дышал, держась за левое плечо, которое, кажется, выбил при падении.

Злой взгляд, вялый пинок ногой, от которого Наруто легко отмахнулся, поднимаясь и протягивая парню руку.
Злость как-то резко схлынула, оставив после себя лишь усталость.

– Поднимайся.

– Иди на хер.

– Дай руку, я помогу.

– В жопу себе её засунь…

Саске вновь дёрнул ногой, попадая по щиколотке, и Наруто резко вскрикнул от боли, падая на одно колено. Руки метнулись к ушибленному месту, надеясь наткнуться на целую, а не переломленную кость. К счастью Узумаки, после падения Саске был не таким точным в своих ударах…
Когда Учиха попытался повалить его новым ударом, Наруто пришлось заслониться руками, а затем ударить в ответ. Не попал, но зато и по нему промазали.

– Пустое место, – вновь повторил Саске, хватая его за ворот и рывком заставляя подняться.

Наруто в свою очередь зацепился за плечи Учихи, пытаясь то ли оттолкнуть, то ли удержать от движений. Пришлось выгнуться назад, чтобы удар под дых прошёл скользью, но и это было чувствительно.

– Ты ни на что не годен. Даже, как друг, ты не можешь…

Теперь уже удар Наруто прервал хрипящего бред Учиху.
Резкий, злой удар в висок.
Саске отшатнулся, налетая поясницей на стол. Руки сжали столешницу, чтобы удержать накренившееся тело.

– Что я не могу, а? – выпалил Наруто, пошатываясь и утирая с губ кровь. – Что?

В голове Саске шумело, где-то сверкали искры, какие-то всполохи плыли перед глазами. Он даже мотнул головой, чтобы прогнать разноцветные разводы, но череп отозвался оглушающей болью – ни пошевелиться, ни выдохнуть.

– Почему молчишь? Не знаешь, что сказать, темэ?! – рычал Наруто, зло глядя на застывшего парня. – Кончились оскорбления?

Это была уже не злость и не ярость. Обида клокотала внутри, заставляя глаза щипать, а горло сжиматься противным спазмом.
Об его обещание вытерли ноги и наплевали в душу…
И это было нормально для Учихи.

– Не молчи!

Наруто слишком поздно заметил, что его собеседник цветом лица мало отличается от побеленной стены, а капающая на пол кровь из носа вряд ли могла означать что-то хорошее.

– Саске? – настороженно произнёс Наруто, разжимая кулаки. В

душе как-то всё похолодело.

Учиха поднял на него мутные глаза, скривился и отцепился от стола, делая два шага вперёд. Тело пошатнуло и, как назло, бросило на Наруто, который рад стараться – резко подхватил, не давая свалиться на пол.

– Эй, – тревожно выдохнул блондин, сжимая тощие плечи и заглядывая в лицо. – Ты что?

Саске не отвечал, больше занятый тем, что творилось у него перед глазами и в голове. Боль волнами расходилась по телу, ударяя то в висок, то в затылок, а иногда стреляла где-то над левым глазом, заставляя морщиться. Порой казалось, что из-под глазного яблока вот-вот потечёт что-то вязкое и горячее, но это была лишь иллюзия, продиктованная вспышкой боли.
Он не стал цепляться за Наруто лишь из упрямости, желая поскорее избавиться от этих поддерживающих рук. Хотел было послать подальше, но язык не слушался, словно ударом в мозгу отключился контроль над речью.

– Саске, – взволнованно прошипел блондин, крепче сжимая руки. До него только что начало доходить, что бить человека в висок плохо, а бить в висок человека с бомбой замедленного действия внутри черепа ещё хуже.

Чувство вины накатывало обездвиживающим морозом, что заставлял пальцы, вцепившиеся в одежду Учихи, дрожать.
Он бы вырвался из рук Узумаки. Обязательно бы вырвался, если бы не было так больно, если бы пол не уходил из-под ног.
В мгновение Саске осознал, что уже сидит на полу, прислоняясь спиной к холодной кровати, и смотрит в потолок, а рядом кто-то…
Узнавание пропало, пропало знакомое имя. Саске не мог понять, кто был перед ним…
Этот кто-то пытается достучаться до меркнувшего сознания, пытается что-то сказать, убедить…
А потом этот кто-то дёрнулся в сторону, но рука брюнета поразительно резко ухватила его за рукав. Ведь уйдёт…
Ну и пусть катится… проваливает…

Рука упала обратно на пол, и стало всё равно.

– Учиха, – выпалил Наруто, видя, что взгляд друга стремительно гаснет. Ужас сковал Наруто.

Дверь комнаты со щелчком открылась, впуская внутрь черноволосого мужчину.

– Орочимару! – выпалил Наруто, едва не бросаясь к мужчине. – Я не… я не знаю, что с ним.

Черноволосый замер на пороге, хмуря тонкие брови и оглядывая тело своего пациента пока издалека. Он неспешно прикрыл двери, подошёл к ним и опустился рядом, подхватывая Саске под затылок и заставляя взглянуть в глаза.

– Что тут произошло? – деловито спросил Орочимару, намекая на явные следы драки на лице брюнета.

– Мы подрались, – выдохнул Наруто, чувствуя, как тело мелко дрожит. Он сидел в стороне, положив руки на колени, и не знал, куда себя деть.

– Мда. Достойно двух взрослых людей, – скептически фыркнул Орочимару.

Его рука скользнула в карман, и оттуда, словно из волшебной сумки, показался тонкий небольшой чёрный фонарик. Придерживая Учиху под затылок, мужчина умело посветил им то в один глаз парня, то в другой. Поджав губы, выключил свет и вздохнул.

– Вы два идиота.

– Что с ним? – выпалил Наруто, пропуская мимо оскорбление.

– Жить будет, – безразлично отозвался Орочимару, подхватывая Учиху под рёбра и укладывая на кровать. – Удар вызвал болевой приступ. Хорошо, что у вас есть я.

Орочимару самодовольно улыбнулся, выходя из комнаты. Наруто опустошённо уронил голову на колени, тяжело вздыхая. Мужчина вернулся быстро, закрывая за собой дверь на замок.

– Лучше никому не знать, что произошло между вами двумя, – спокойно заявил он, выкладывая на стол из тёмно-коричневого саквояжа какие-то склянки, шприцы и таблетки.

Наруто не отвечал, молча следя за тем, как длинные узловатые пальцы быстро и ловко орудуют, открывая склянки и упаковку со шприцом.
Поднявшись, Наруто остановился у кровати Саске, вглядываясь в какое-то застывшее лицо.

– Почему он такой спокойный? – невпопад спросил Наруто, сжимая спинку кровати. – Ему же больно…

– А ты думал, он будет биться в истерике, – хохотнул Орочимару, присаживаясь на край кровати. – Это боль, которую ты никогда не ощущал, мальчик. Она выворачивает наизнанку незаметно. Посмотри на его руки, глаза… и ты поймёшь, что он далеко не удовольствие ощущает.

Наруто не нравилось, как говорит этот мужчина. Его сухой, какой-то казённый тон, словно перед ним не человек, а учебный манекен. Словно, Саске пустое место, в которое можно втыкать иглы и заливать любое лекарство.
Но взгляд всё равно зацепился за скрюченные жилистые пальцы, за напряжённую шею, на которой даже отсюда можно было видеть быстро бьющуюся жилку.

– Что вы ему дадите?

– Что и всегда в таких случаях.

– Но он же справлялся без этого там… когда мы жили без вас, – горячо запротестовал Наруто, видя, что Орочимару быстро закатывает рукав рубашки Саске.

– Ты уверен, что справлялся?

Косой взгляд светло-карих, почти янтарных глаз.

– Ты в голову ему залазил? Спрашивал, с кем он разговаривает, кого видит, когда смотрит на тебя?

Наруто рассеянно покачал головой, опуская взгляд.

– Ну вот, малыш. Поэтому не думай, что умнее меня.

Наруто отвернулся, когда игла проткнула тонкую кожу.

– Тебе лучше оставить его.

Орочимару поднялся, убирая использованный шприц обратно в сумку и неспешно складывая туда же лекарства.

– Почему? – удивился Наруто, оборачиваясь к доктору.

– Вы оба знаете, чем это всё может кончиться, – сухо улыбнулся черноволосый, вновь светя фонариком в глаза Учихи. Нахмурился. Ему явно что-то не нравилось. – И я говорю не о любви до гробовой доски.

– Да причём здесь любовь?! – вспыхнул Наруто. – Я его друг.

– Саске?

В дверь тихо постучали, судя по голосу, это был Итачи.

– Иди открой, – приказал Орочимару, садясь рядом с Саске и легонько постукивая того по белым щекам.

На ватных ногах Наруто подошёл к двери, открывая её и впуская в комнату Итачи. Старший Учиха не сразу понял, что здесь происходит, но, увидев брата на кровати, изменился в лице. Нет, он не бросился к Орочимару с криками, он стал ещё спокойнее. Наверное, у них это наследственное.

– Что с ним?

Кивок в сторону Наруто.

– Мы подрались, – виновато выдохнул блондин, чувствуя себя нашкодившим школьником перед суровым директором.

Взгляд Итачи и без того был холодным, а стал вовсе обжигающе ледяным.

– Саске как? – коротко бросил он, не отрываясь от рассматривания побитого лица Наруто.

– Жить будет, но я посоветовал бы ему отлежаться дома. С лекарствами, едой и без нервов.

– Он бы не хотел тут оставаться.

– А ты?

Доктор поднялся и подошёл к старшему, заглядывая в глаза:

– Ты смог бы взять ответственность за чужую жизнь на себя?

Итачи хватило пары минут, чтобы принять решение. Жизнь брата была дороже, чем собственные нервы, с которыми придётся распрощаться, когда Саске придёт в себя.

– Он останется здесь, но ровно до тех пор, пока ему не станет лучше. Вы будете наблюдать за ним?

– Оплата?

– Завтра переведу на счёт.

Наруто нахмурился. Оплата? Деньги? Как они могут так спокойно говорить о таких мелочах, когда всего в метре от них Саске то ли цепляется за жизнь, то ли прощается с нею.

– Да как вы…

– Наруто, – с нажимом произнёс Учиха, – не шуми, пожалуйста. Иначе мне придётся тебя попросить покинуть наш дом.

Большие голубые глаза смотрели непонимающе, неверяще. Хотелось ругаться и отстаивать своё право быть рядом с другом, когда тому плохо. Но Узумаки понимал, что плохо Саске именно из-за него, и чувство вины заставило медленно кивнуть, замолкая.
В голове Наруто совсем некстати всплыли воспоминания о том единственном разе, когда он подвёл Саске. Когда не мог связаться с ним. Было забытые чувства неприятно кольнули где-то за рёбрами. Он тогда предал не по своей воле, а сейчас сознательно бросал друга, перед этим проехавшись кулаком по его же физиономии.
Это было хуже, гораздо хуже.
Он отошёл к окну, встав там безмолвной тенью, наблюдая, как Орочимару стягивает с ног парня кеды и накрывает того лёгкой простынёй.
Наверное, это был тот самый пинок, заставивший Наруто посмотреть правде в глаза. Наконец, снять треклятые розовые очки, увидеть, что звёзды – это всего лишь звёзды, а луна не маяк из сказки.
И что его друг действительно умирает.
Орочимару с Итачи куда-то вышли, хотя доктор не особо хотел отходить от пациента, скользя каким-то жадным взглядом по его лицу. Чем было вызвано такое поведение, Наруто никак не мог понять. Мужчина смотрел на Саске, как на диковинный экспонат.
Когда в комнате стало непривычно тихо, Наруто виновато покосился на лежащего парня. Совесть трепыхалась где-то под обломками гордости и злости. Ведь ещё недавно Узумаки был готов придушить брюнета своими же руками. Впрочем, что-то у него всё-таки получилось…
Блондин тряхнул головой, отгоняя мысли, и подошёл ближе к кровати, замирая, смотря на бледное лицо. Было такое ощущение, что Учиха спит. Даже дыхание было спокойным, медленным, а ресницы лишь слегка подрагивали, не как обычно. Без судорожных метаний глаз.

– Наверное, они все правы, и из меня – паршивый друг, –

выдохнул Наруто. – И ты тоже прав. Я не хочу думать, что когда-то тебя не станет.

Слова давались тяжело, застревая на губах и царапая горло. Но говорить его такому спокойному и безобидному в своём сне Учихе было гораздо легче, чем смотреть в чёрные злые глаза и ждать очередного грубого слова.
Тут стоило ещё задуматься, кто был плохим другом…

– Конечно, ты тот ещё придурок, – грустно усмехнулся Наруто. – И я тебе бы ещё раз морду набил. Мне вообще плевать… плевать, что ты болеешь. Я с тобой не буду церемониться.

К чему он говорил всё это, Наруто не знал. Наверное, это был его единственный шанс спокойно высказаться. Пусть разговор и выглядел как беседа с самим собой.

– Но я обещал тебе и теперь ничего с этим поделать не смогу. Да и не хочу.

Наруто тяжело вздохнул, прикусывая губу.

– Ты злишься на меня… но…

Пожал плечами.

– Хотя бы из нас двоих верить буду я. Глупо… но хоть как-то.

Узумаки поднял глаза на бесстрастное лицо. Хотя бы какая-то эмоция…

– Я знаю, что ты умрёшь, – совсем тихо. – Не нужно напоминать мне это каждый раз.

Пальцы легко пробежали по бледному и холодному лбу, убирая прилипшие к нему жёсткие чёрные волосы, что так напоминали глубокие трещины на белой фарфоровой маске.
Наруто тут же убрал руку в карман и сделал шаг назад. Этот жест был непозволителен не только его существом, но и Учихой. Это было глупо, неправильно и вообще…

Узумаки тяжело выдохнул, опускаясь на стул.
Он сам не понимал, что с ним творилось. Глупая привязанность.
Но слова Саске в голове звучали всё громче, отдавая обидой. Если бы не то, что именно кулак Наруто отправил друга в нокаут, то блондин бы уже давно ушёл отсюда. А так… совесть тяжёлым грузом придавливала к месту, заставляя ждать, пока Учиха проснётся.
Достав телефон, Наруто быстро напечатал смс Нагато, чтобы хоть куда-то деть бурлящие в душе чувства. Обида, вина, злость и грусть – это переплетение заставляло пальцы дрожать.
«Я полный идиот. Саске прав».
Это короткое смс ушло в пространство, и Узумаки на время забыл о телефоне, потому что Учиха завозился на кровати, привлекая внимание.

– Ты как? – выпалил Наруто, подскакивая ближе.

Мутные глаза, казалось, ещё ничего перед собой не видели, но Саске скривился, будто узнав.

– Узумаки…

– Я…

– Какого хера? – тихо, почти неслышно. Рука Саске приложилась ко лбу, и парень тяжело выдохнул.

– Орочимару.

Этого слова было достаточно, чтобы бледное лицо вновь исказила слабая гримаса злости.

– Достали…

Непонятно, что имел в виду Учиха. То ли тот факт, что ему уже тошно ото всех, или же то, что его желание вновь нарушили.

– Так было нужно.

– Почему… ты ещё здесь?

Он говорил через силу, но говорил, и это радовало Узумаки, который внутренне уже забил на прошлые обиды.

– Я же сказал, что не уйду.

– Иди отсюда. Проваливай.

– Нет.

– Ты сам выбрал.

– Я ничего не выбирал, – горячо заявил блондин, чувствуя очередную волну злости.

– Потому что тряпка.

Саске накрыл лицо руками, пытаясь успокоить круговерть перед глазами. Жидкий лёд, разливающийся по венам, делал движения смазанными, а ощущения притупленными. Хотелось только глубже вдыхать очень тяжёлый и вязкий воздух…

– Потому что ты мой друг.

– Ты мне никогда, – выдохнул Саске и замолчал, переводя дух, – никогда другом не будешь.

Тишина, в которой Наруто явственно слышал биение своего сердца.

– И не надо.

– Придурок, проваливай!

Если бы он мог подняться, то пнул бы этого упрямца побольнее, но оставалось лишь прожигать взглядом.

– Если бы у тебя были яйца, то свалил бы, – хрипло прошипел Учиха. – Или бил сильнее.

Наруто молчал, смотря на парня.

– Ну, что уставился?

Телефон завибрировал в кармане. Нагато.
Почему-то при воспоминании о красноволосом захотелось поскорее сбежать из этой пропитанной льдом комнаты. Захотелось побыть с вечно понимающим и мудрым другом, который всегда выслушает… и не будет прогонять.

– Проваливай, – одними губами проговорил Саске, чувствуя, что силы уходят. О Небо, когда же этот придурок уйдёт, послушается его?! Почему он медлит? Оставаться в сознании было слишком трудно.

– Саске…

– Как же ты меня достал, – тяжело выдохнул сквозь сжатые зубы.

Наруто замер. Это было последней каплей, сердце печально ударилось о рёбра. Он знал, что не уйдёт далеко, знал, что всё равно вернётся, но находиться рядом с Саске сейчас было почти физически больно.

– Я вернусь, – тихо выдохнув, направился к выходу.

Выходя, он наткнулся на Орочимару, что праздно прогуливался по коридору.

– Уже уходишь?

– Я скоро буду, – упрямо заявил Наруто, хотя всё его существо требовало уйти отсюда как можно дальше.

– Ага, – безразлично пожал плечами доктор, допивая сладкий кофе и направляясь в комнату своего пациента.

– Вижу, ты уже проснулся, – проговорил он с порога.

– Орочимару, – позвал того Саске, приподнимаясь на кровати.

– Что, мой милый, – как-то ехидно пропел мужчина, прибывая в каком-то приподнятом настроении.

Саске зажмурился, пытаясь унять пляшущее вокруг пространство.

– Со мной что-то не так…

– Конечно, не так, – растянул губы в улыбке мужчина. – Опухоль головного мозга с тобой не так, милый.

– Нет, – выдохнул Саске. – Не то…

Он надеялся, что Наруто всё-таки ушёл. Прогнать этого упрямого блондина оказалось очень сложной задачей для почти неподвижного тела. Оставалось надеяться только на слова, бьющие плетью по открытой душе.
Он чувствовал, что его накрывает что-то нехорошее, и не хотел, чтобы Узумаки видел эту слабость… всё это.
Пришлось жертвовать нервами блондина, делать больно.

– Он ушёл? – выдохнул брюнет, пытаясь подняться.

– Тише, тише, – Орочимару подхватил парня за плечи. – Ушёл. Разреши…

Мужчина вновь достал из кармана фонарик, светя в глаза Учихи. Даже сквозь чёрную радужку было видно расширившийся, не смотря на морфий, зрачок.

– Да, странно.

Орочимару нахмурился, трогая ледяные щёки, лоб.
Но ведь ещё рано.

– Тебе нужно в больницу, Саске, – серьёзно сказал он. – Я ничем не смогу помочь тебе здесь…

Учиха хотел было возмутиться, выругаться, но желудок сковало спазмом, выворачивая наизнанку. Он порадовался, что давно не ел.

– Тише, – вновь повторил Орочимару, поглаживая парня по дрожащей спине. – Ты прогнал своего друга?

Саске молча кивнул, втягивая воздух носом.

– Смело. Но предсказуемо. Мало кто хочет, чтобы видели, как…

Договорить он не смог, потому что парня вновь скрутило спазмом.

– Всё. Я вызываю тебе скорую, милый. А там, как хочешь…

Как бы Учиха не цеплялся за ненавистные руки, но Орочимару всё же ушёл. А потом всё поблекло, и, кажется, лишь спустя вечность в комнату зашли, заговорили, начали вертеть пальцами лицо, разглядывая.
Итачи из дверей наблюдал за братом, который даже не вздрогнул, когда зажёгся верхний свет. Врачи приехали на удивление быстро и сейчас пытались уговорить не слышавшего их брюнета лечь ровно, ибо он сидел согнувшись почти пополам.

– Что с ним? – тускло спросил старший Учиха у подошедшего Орочимару.

– Ремиссия не бывает без таких сюрпризов, – пожал плечами мужчина. – Истощение физическое, нервное. Плюс слишком много сигарет и спиртного. Не в его состоянии…

– Понятно. Это как-то повлияет на его состояние?

Орочимару задумчиво поджал губы, рассматривая парня.

– Ну… если отойдёт, то нет. А так придётся полежать дома…

Он оборвался на полуслове. А вот этого мужчина точно не ожидал…

***

Наруто тихо шёл по улице, пиная носком ботинка какой-то камушек. Уже вечерело, и стало как-то холодно. Приходилось обхватывать себя руками и шмыгать замёрзшим носом.
Учиха был в своём репертуаре. Не успел очнуться, а обложил с ног до головы, выметая все благородные порывы.
Но Наруто знал, что отойдёт. Он уже почти отошёл, а вернуться не давала лишь гордость.
Телефон вновь завибрировал, и Наруто поздно спохватился – Нагато!
Вытащил аппарат из кармана и открыл смс, но удивлённо уставился на отправителя. Саске?
«Ты полный идиот, Узумаки. И всегда им будешь. Идиотом. Но только попробуй… Жду завтра».

Глава 4. Вороны.

«Болит голова, но нет аспирина.
Так зачем же я пью эти таблетки от кашля?
Не нужны заменители этого мира –
Есть болезнь, от которой нет лекарства.

Мне нужен свежий воздух, и мне не страшно.
Билет на поезд… Куда? Неважно.
Я не боюсь потерять всё.
Начать заново оттуда, куда занесёт».
Нервы – Вороны

Люди часто облачают себя слоем разноцветной шелухи. Шелуха преданности, любви, ответственности, заботы и дружбы. Это самые популярные коконы. Ещё люди не любят показываться без этих своих хрупких одежд, которые разлетаются рваными хлопьями, стоит лишь остаться наедине с самим собой. Напротив зеркала.
Тогда и в отражение своё смотреть стыдно, стыдно встретиться с этим всезнающим двойником взглядом и увидеть, во что превратилась твоя душа. Как она устала и поблёкла от вечных пряток, а иногда в глазах отражения можно увидеть лишь пустоту, зияющую чёрными зрачками.
Фугаку упорно старался не видеть всего этого в своём собственном лице, когда остановился у резного зеркала в коридоре.
Мужчина видел в отражении лишь себя и, наверное, так оно было лучше. Не всем дано, но и не всем необходимо…
Сегодня был странный день для его семьи. Странный и тяжёлый, но Фугаку упорно держал вид, марку или как там это называется в современном обществе.
Выдохнув, он открыл двери комнаты своего младшего сына, входя туда, где сейчас меньше всего хотел бы находиться. Саске вновь поставит честь своей семьи под удар, уйдя с похорон. Конечно, Фугаку мог бы списать это на самочувствие сына, но

он устал делать поблажки этому неблагодарному чаду. Орочимару удивлённо посмотрел на мужчину, который стремительным шагом направился к кровати, окружённой людьми в белых халатах. Кажется, черноволосый не ожидал увидеть его здесь, ибо на бледном лице отразилась совсем непривычная для него эмоция удивления.

– Выйдите, – тихо, но властно сказал Фугаку, смотря на сидящего на кровати Саске. Сын сейчас вызывал совершенно противоречивые эмоции. Хотелось встряхнуть его и рассказать, как он нехорошо поступил.

Врачи хотели было спорить, потому что стоило всё же осмотреть парня, но вспомнили, у кого в доме они находятся и каких проблем на работе может стоить непослушание этого влиятельного человека.
Зато Орочимару был не таким сговорчивым. Такого доктора, как он, любая клиника была готова взять с руками и ногами, а ужасный характер посчитать приятным бонусом. Так что мужчина неторопливо подошёл к Саске и встал чуть поодаль, наблюдая за застывшим лицом старшего Учихи.

– Это и вас касается, Орочимару, – шикнул он, бросив косой взгляд.

– Вы наняли меня, чтобы я был с вашим сыном. Я выполняю свои обязанности.

– Орочимару, я прошу вас, не спорьте.

– Я выказываю свою врачебную компетентность, – улыбнулся доктор. – И в моём контракте сказано: быть рядом с больным в минуты кризисов.

Он протянул руку в сторону Саске, прикладывая её к холодному белому лбу парню.

– Кризис на лицо. Он был вызван ударом в височную долю, и мы не знаем о последствиях.

– Удар?

Чёрные брови сошлись над переносицей.

– Мальчики подрались, – ехидно улыбнулся Орочимару, опуская руку на плечо Саске.

Учиха подозрительно затих, уставившись куда-то в начищенные ботинки отца.

– Саске? – острый взгляд вновь метнулся на сына. – Это тот твой друг?

– Наруто, – кивнул Орочимару, выступая суфлёром, – тот светловолосый парень.

Фугаку раздражённо поджал губы.

– Я знал, что от сына Минато не стоит ожидать другого.

– Его отца зовут Ирука.

Услышав этот хриплый голос, мужчины, как один, посмотрели на Саске, что всё же поднял глаза на Фугаку.

– Его родного отца звали Минато, – сухо проговорил Учиха. – Мы работали вместе… пока они с женой не погибли.

– Ты их знал?

– Саске, – мотнул головой Фугаку, – сейчас не о том речь.

– Я тебя спросил, – с нажимом попросил парень.

Орочимару невольно хмыкнул. Сын от отца ушёл не так далеко, как ему всегда казалось. Всё же гены давали о себе знать во властном тоне, в тяжёлом взгляде из-за которого в худощавом теле ощущалась какая-то железная сила.

– Ты ушёл с похорон собственной матери.

– Я ушёл со спектакля.

– Как ты смеешь…

– Как смеешь ты?!

Саске медленно поднялся. Его пошатывало, но выносить, когда на него смотрят сверху вниз, младший Учиха не мог. Он хотел быть наравне, если не выше. И не только в росте дело.

– Ты выставил нашу семью не в лучшем свете, Саске. Ты бы слышал, что о тебе говорят…

– Да мне посрать!

Орочимару с интересом наблюдал за тем, как гнев Саске вяло пробивается через вязкое полотно морфина. Было интересно, сможет ли одурманенное сознание быть до конца адекватным. Надо признать, что сейчас брюнет вёл себя слишком бойко и это наталкивало Орочимару на мысли об увеличении дозы. Нужно будет записать…

– Мне еле удалось убедить их, что ты слишком переживаешь…

– Отчего не сказал им правду? – ощерился Саске. – Правду о том, что твой сын – убогий калека? Чёрная страница в семейной истории? Тупиковая ветвь?

Орочимару на миг показалось, что Фугаку сейчас залепит разбушевавшемуся сыну пощёчину, и доктор даже напрягся: кто знает, как отзовётся на очередную встряску и так пострадавшая сегодня голова Учихи?
Лицо Фугаку изменилось: глубокая морщина меж бровями ушла, губы расслабились, взгляд стал каким-то отрешённым.

– Мой сын давно мёртв.

Повисшая пауза острым лезвием разрезала те последние нити, что связывали эту разваливающуюся семью.

– Прекрасно.

Саске обошёл отца, подхватывая с пола свой потрёпанный рюкзак. Брюнету хватило пары минут, чтобы, не глядя, стряхнуть в него с полки шкафа какую-то одежду и направиться шаткой походкой к выходу.

– Куда ты собрался? – резко бросил Фугаку.

Ответом ему был громкий хлопок двери.

– Да, – кивнул Орочимару, смотря на мужчину. – Вы умеете ладить с детьми.

Саске в коридоре налетел на брата, который так и стоял под дверью.

– Ты куда? – удивлённо выпалил он, останавливая Саске.

– Мне нужно с тобой поговорить.

– Но… ты ведь себя плохо чувствуешь. Врачи…

– Итачи, поговорить, – коротко выдохнул Саске, едва ли не за шкирку таща за собой старшего в кабинет отца.

***

Вода всегда смывает злость, ненужную краску чужих эмоций, поблёкшие воспоминания.
Этот холодный поток, льющийся с неба, всегда забирает с собой всё, кажется, проникая в душу и вымывая её костяк.
Уйти из дома во второй раз было легко. Ведь там ничего не держало.
Саске поправил рюкзак, останавливаясь и вынимая из кармана пачку сигарет. Идти быстро Учиха не мог из-за треклятого морфина, который разливался по телу слабостью, недостаточной, чтобы пригвоздить кости к кровати. Однако замедлить этот яд мог.

Дрожащие, мокрые от дождя пальцы плохо слушались, и пришлось пару раз ругнуться, пока зажигалка плевалась искрами.

– Дай.

Из-за шума дождя Учиха не сразу услышал, как к нему подошли. Он поднял глаза, выглядывая из-за капюшона куртки, и усмехнулся криво.

– Узумаки.

Наруто выглядел хмурым, и, кажется, блондин простоял на улице всё то время, что Учиха собирал вещи и вёл разговор с братом. До чего же преданная собачка…
Зажигалка чиркнула, и вспыхнул слабый огонёк, к которому Саске тут же прильнул кончиком сигареты, вдыхая и заставляя его тлеть красным.
Наруто машинально сунул оную в карман, выжидающе уставившись на брюнета, пускающего сизые клубы дыма и пара.

– Ты ждал меня здесь?

Отпираться и заявлять, что просто загулялся по чужому району, который по счастливой случайности был слишком близко к дому Учих, Наруто не стал. Он смотрел на Саске непривычно прямо, и от этого взгляда брюнету хотелось нервно смеяться.

– Ты разучился говорить?

– Зачем мне говорить что-то, если от тебя я слышу только херню всякую? – всё-таки прыснул Наруто и прикусил язык, понимая, что это прозвучало слишком уж обиженно.

– Пф, – шикнул Саске, убирая руки в карманы и направляясь вперёд. – Деточка обиделась?

– Заткнись, Учиха. Я тебе не деточка.

– Да, – пожал плечами Саске. – Ты взрослый идиот, который

никак не поймёт, что его место не здесь.

– Я сам решу, где мне место, – упрямо и зло заявил мокрый насквозь Наруто.

Саске скосил глаза на собеседника, который смотрел принципиально перед собой и шёл ссутулившись, подрагивая.

– Опять промокнешь, опять заболеешь.

– Как будто тебе есть дело, – фыркнул Наруто, убирая с глаз намокшие волосы.

– Да мне по хер, – пожал плечами. – Только вот кашлять мне на ухо будешь же.

– Блин, Саске. Заткнись. И пошли уже домой, – вспылил Узумаки, поворачиваясь к брюнету.

Он не мог сказать, что очень уж хочет вернуться в общагу, но шатающееся худое тело, которое ещё час назад отказывалось подавать признаки жизни, наталкивало на очень нехорошие мысли. Свались парень прямо здесь, то Наруто вряд ли сможет помочь ему.
Волнение и недавняя обида заставляли парня нервничать и зло сжимать руки в карманах. К этим чувствам примешивалась ещё и вина, когда взгляд цеплялся за разбитую бровь Учихи.

– Сильно больно? – спросил Наруто уже тише.

– Что? – непонимающе нахмурился Саске.

– Ну… ударил.

– А, – стряхнул пепел. – Ты бьёшь, как девчонка.

– Да, и поэтому ты свалился, – фыркнул Наруто. Разговаривать с Учихой было бесполезно.

– Я тебе подыгрывал, – хохотнул Саске, сворачивая.

Наруто остановился, непонимающе смотря на парня.

– Куда ты? Нам не туда же.

– А мы не домой.

– Блин, – тихо выдохнул Узумаки, уже надеявшийся побыстрее вернуться в их коморку и налить горячего чая. Мокрая одежда и холодные струи воды с неба заставляли блондина верить в то, что и в этот раз не обойдётся без простуды.

***

Орочимару медленно складывал лекарства в свой саквояж, игнорируя вопросы Фугаку. Кажется, Учиху всё же прорвало, кажется, он всё-таки осознал, что поддался эмоциям и наговорил глупостей. Точнее, сказал лишь одну глупость, которая стала контрольным выстрелом по их с сыном отношениям.

– Он не вернётся, – тихо хмыкнул доктор, закрывая медную застёжку и подхватывая со стула плащ.

– Вы должны уговорить его!

Фугаку буквально силой развернул черноволосого к себе, и от этой вольности янтарные глаза зло сверкнули.

– Всё-таки, Фугаку, вы плохо знаете своего сына.

– Поговорите с Саске.

– Он меня не послушается, – улыбнулся мужчина, двумя пальцами убирая широкие ладони с собственных плеч.

– Только вас он и слушается!

– Ооо, ошибаетесь, – усмешка. – Он слушает голос в своей голове, но и он сейчас замолк из-за ремиссии.

– Ремиссия, – как-то безнадёжно повторил Фугаку. – А я и не знал.

***

Саске не часто бывал на вокзалах, но это место казалось ему живым. Странно, что высокие сводчатые потолки, деревянные двери и серый гранитный пол не вызывали в душе такого отторжения, как свой собственный родной дом.
Брюнет, прислонившись к холодной стене спиной, прикоснулся рукой к гладкой поверхности, кончиками пальцев ощущая эту глянцевость. Стены вокзала впитали в себя столько настоящих эмоций, что сейчас те льнули к коже, впитывались.
Человек – интересное существо. Мы до того привыкли скрывать собственные эмоции, поступать в тех или иных ситуациях по предписанному шаблону, что уже давно потеряли грань между реальными переживаниями от сердца и чувствам «по требованию». Что такое грусть? Когда нам можно грустить? Когда нам можно злиться? Тогда, когда нужно. Для всего есть свое время.
Например, на вокзале можно грустить или радоваться. Третьего не дано. Конечно, существуют полутона в виде раздражения и усталости, но они почти не заметны на фоне той стены правил, что сам для себя воздвиг человек.
И совсем странным здесь мог показаться равнодушный парень, с таким спокойным выражением лица, что нарушал лишь одним своим видом все эти негласные законы.

– Электричка через пятнадцать минут, – доложил подошедший Наруто. На лице блондина плескалась взволнованность и озадаченность, которым, честно говоря, на вокзале тоже было не место.

– Успеваем, – кивнул Саске, с трудом отлепляясь от стены и накидывая на плечо рюкзак. – Ты билеты взял?

– На месте, – качнул головой Узумаки. – Деньги у тебя откуда?

– Из дома, – туманно ответил Саске, пиная дверь и под скрип

выходя на улицу.

Дождь уже прекратился, но в опустившейся тьме всё ещё витал влажный туман, от которого волосы тут же покрывались тонкой паутинкой капель.
Перрон был полупустым. Лишь на лавочке у клумбы сидели какие-то люди в чёрных одеждах и хмуро смотрели перед собой. Большие громоздкие сумки покоились рядом с ними, и в голову брюнета при виде этого барахла почему-то пришли мысли о беспомощности людей перед своими же пожитками. Мы все носим за собой груз мусора, который легко можем выбросить и легко расправить плечи.
Брюнет усмехнулся, поправляя свой рюкзак. Собственно, весь мусор остался далеко позади, но Учиха не мог сказать, что дышалось от этого лучше.

– Куда мы? – требовательно выпалил Наруто, настороженно вглядываясь в чернеющую по ту сторону путей посадку.

Где-то за ней высились многоэтажки, окна которых тёмными квадратами смотрели на поздних путников. Город заснул, когда перевалило за два часа ночи, и теперь даже здесь, на вокзале, звуки казались слишком уж тихими.

– Узнаешь, – буркнул Саске, вновь вытаскивая из пачки сигарету.

– Прекрати, а?

Учиха посмотрел на собеседника затуманенным взглядом и вопросительно вздёрнул брови.

– Курить прекрати, – терпеливо пояснил Наруто. – Слишком часто…

– Иди на хер. Мои лёгкие, – шикнул Саске. – Может, я хочу себе рак лёгких.

– Зачем?

– Ну а почему бы нет? – пожал плечами Учиха, зажимая фильтр зубами и шаря по карманам в поисках зажигалки. – Бонусом. Знаешь, заболейте раком мозга, а рак лёгких вы получите в подарок! Крутая реклама, да?

– Что-то не радует, – скривился Наруто, следя за движениями брюнета и сжимая в кармане пластиковое тело зажигалки. Лишь бы не вспомнил.

Саске замер на минуту, задерживая руки на нагрудных карманах куртки, и перевёл взгляд на Наруто.

– Отдай, – словно прочитал мысли блондина.

– Блин, – шикнул тот. – Не дам. Нельзя тебе курить так много. Поесть нужно!

– Заткнись и верни мне зажигалку.

– Нет.

– Узумаки.

– Нет.

– Хорошо, – раздражённо выдохнул Саске, разворачиваясь к Наруто и хватая того за плечо. – Я сам её найду.

– Да иди ты! – дёрнулся блондин, но ткань его куртки опасно затрещала, зажатая в цепких пальцах. Ну что опять? Опять драка?

Но сдаваться не хотелось из принципа. Можно было, конечно, попытаться выхватить сигарету из губ Учихи, но тогда мордобоя не миновать, а это пустое, ибо в кармане брюнета лежит ещё одна пачка.

– Не дёргайся. Я быстро, – нехорошо улыбнулся Саске, расстёгивая карман куртки Наруто.

Узумаки и правда замер, вглядываясь в сосредоточенное лицо собеседника.
Первый карман, второй, третий…
Узкая ладонь скользнула в карман джинс, натыкаясь лишь на смятый фантик и ещё какую-то бумажку. Наруто сжал зажигалку сильнее.

– Нет её у меня! – выпалил он, надеясь, что Саске не попросит вытащить из карманов руки.

– Руки.

Узумаки нахмурился. Этот идиот действительно читает его мысли?
Тяжело вздохнув и сжав пластиковое тельце в кулак, Наруто развёл руки в стороны, любезно позволяя рукам Саске пройтись ещё по карманам куртки.

– Расстегни её, – требовательно шикнул Учиха, желая добраться ещё и до внутренних карманов.

– Ещё чего.

– Хорошо, – кивнул брюнет, поддевая резинку куртки и запуская руки под неё.

Наруто дёрнулся, когда ледяные руки по ошибке проскользнули под футболку, прикасаясь к согревшемуся было животу.

– Ты мне ещё в трусы залезь, – раздражённо буркнул Узумаки, дёргаясь.

Колкий взгляд угольных глаз показал, что если придётся, то и туда залезет, но руки всё же опустили футболку, теперь уже цепляясь за её нагрудный карман. Даже сквозь ткань Наруто ощущал насколько холодными и жёсткими были эти пальцы. И это раздражало.
Логика действий Учихи забавляла и вводила в ступор. Почему бы не расстегнуть куртку, а не шарить под ней вслепую? Тем

более, так до внутренних карманов не добраться.
Хмыкнув, Саске оставил в покое футболку, вынимая руки, и взгляд его упал на сжатые кулаки Наруто.

– Нашёл, – усмехнулся он, хватая руку Узумаки и подтягивая к себе. Пальцы нажали, требуя раскрыть кулак, но Наруто упрямо зажимал зажигалку, смотря прямо в лицо «мучителя».

– Узумаки.

– Нет.

Большой палец дёрнул за его указательный, протиснувшись между ними. Было больно, но упрямость давила сильнее.
Саске сжал зубами фильтр, начиная закипать.
И тогда Наруто просто разжал ладонь, позволяя забрать добычу.

– Только отойди.

Учиха недоумевающее уставился на протянутую ему зажигалку, спокойно лежащую на ладони. Опустил руки, сверля неповинный ни в чём пластик тяжёлым взглядом.

– Обойдусь, – рыкнул брюнет, разворачиваясь и отходя к тем самым людям на лавочке.

Наруто нахмурился, так и застыв с протянутой зажигалкой.
И что это было?

***

Электричка подошла на три лишние сигареты позже назначенного времени. Пока ждали, Наруто успел надоесть Саске своим нытьём о том, что ему вообще-то есть хочется и пришлось пожертвовать немного денег. Зато воцарилась тишина, пока блондин ушёл к небольшому ларьку на углу. Полупустой вагон встретил холодом, что был сильнее уличного. Усевшись в самый конец, Саске придвинулся к окну, прислоняясь виском к стеклу и прикрывая глаза. Только сейчас

он начал чувствовать, как замёрз в этой ещё слегка влажной одежде.
Кажется, попадать под дождь стало традицией. Надо бы зонтик приобрести.
Учиха усмехнулся своим мыслям. Ну вот… стоило почувствовать себя на несколько дней живым, как мы уже за зонтик начали переживать.

– Ты хочешь пить? – спросил усевшийся напротив Наруто. О конечном пункте их назначения блондин не спрашивал, уяснив, что Учиха сейчас находится именно в том настроении, когда из него ничего даже раскалёнными щипцами не вытащишь.

– Ты купил что-то, что можно пить? – не открывая глаз, спросил Саске. На чёрном фоне плыли замысловатые круги из ярко-красного и жёлтого. Иногда вспыхивал синий, но очень редко.

– Газировка.

– Пф, – шикнул Саске. – Нужно было самому идти.

– Я с тобой пьяным никуда бы не поехал.

– Да ты что.

Наруто раздражённо откинулся на деревянную спинку сиденья.
Кому он врет…
Кем хочет казаться?
Взгляд прошёлся по желтоватому из-за электрического света вагону. Ничего примечательного. Таких сотни, тысячи… обшарпанные, неаккуратные и казённые. Но здесь ты себя чувствуешь необычайно легко.

– Мне нравятся электрички, – с тоской проговорил Наруто. – Не знаю почему…

– Мне тоже, – неожиданно отозвался Саске, обхватывая себя руками и сдвигая чёрные брови. – Здесь спокойно.

– Может, давай жить по электричкам? – усмехнулся Узумаки.

– Может.

На этом их разговор был завершён. Учиха провалился в подобие сна ещё до того, как электричка тронулась, а Наруто, видя, что друг ускользает из этой реальности, не захотел нарушать его мнимый покой.
Самому спать хотелось просто невыносимо, но любопытство отгоняло Морфея, заставляя думать о причинах и целях этой поездки. Куда? К кому?

***

Ровный стук колёс прерывался лишь голосом из динамиков, сообщающим об остановках. Электричка замирала на несколько минут на каких-то пустынных станциях, чтобы затем вновь двинуться вперёд.
Наруто смотрел в окно. На чернильно-синее полотно кто-то капнул воды, и теперь оно у горизонта начало расплываться сначала лазурно-голубым, а затем светло-сиреневым. Очертания деревьев перестали походить на огромных монстров, столпившихся по обе стороны от путей, и стало не так страшно находиться в этом пустом вагоне, который мчится сквозь темноту.
Узумаки повернул голову в сторону, вглядываясь в соседнее окно. За ним раскинулась равнина, и вдалеке поблескивало серое море. Такое спокойное издалека, даже мелких волн не видно. Взгляд невольно упал на всё ещё спящего Саске, и Наруто невольно усмехнулся. Этот тоже выглядит спокойным. Издалека.

– Следующая остановка деревня…

Голос поглотили помехи и грохот колёс. Наруто не расслышал, да и не пытался вслушиваться, разглядывая рыжеватые блики на бледной щеке Учихи. Сейчас он не казался таким бесцветным, словно восходящее солнце окрашивало этот невзрачный монохромный лист.

– Наша, – выпалил Учиха, только затем открыв глаза.

– Что? – встрепенулся блондин, подтягивая к себе свою сумку и выпрямляясь.

– Вставай.

Саске поднялся так стремительно, что пришлось ухватиться за сиденье, чтобы не полететь носом в пол. Он привык двигаться слишком быстро и резко, но его тело всё ещё хранило в себе остатки «лекарства» и отзывалось на такие порывы головокружением.
Упорно направляя ноги вперёд, Саске мысленно ругнулся. Присутствие рядом Узумаки делало всё в миллионы раз сложнее.
Он прогнал его тогда из своей комнаты, чтобы не показывать своё истинное состояние, а сейчас, как последний придурок, сам прётся с ним чёрти куда.
Приходится держать спину прямо, а слабость выдавать за простой сон.
Электричку шатнуло, что-то заскрипело, и пришлось вновь цепляться за поручень. Теперь уже из-за инерции.

– Спускайся, – шикнул Учиха, пропуская Узумаки вперёд и выходя следом.

Ноги ударились о разбитый асфальт одинокой остановки, окутанной утренним туманом. Белое марево тут же осело на волосах, куртке и руках, что уже доставали очередную сигарету.
Саске забыл, что зажигалка осталась у Наруто, и зло сжал фильтр. Чёрт с ним. Сигарета вновь перекочевала в пачку.
Наруто оглядывался по сторонам, совершенно не представляя, куда его притащил Саске. Это место было до того нежилым, что даже этот асфальтированный клочок казался чужим здесь, как и заставшие на нём люди.
С одной стороны раскинулось поле, с другой стороны виднелся пожелтевший уже лес.

– Куда мы приехали? – озадаченно пробормотал Наруто.

– Не знаю, – честно отозвался Саске, протягивая руку и требовательно смотря на спутника. – Воды.

Газировка ударила в нёбо пузырьками, заставляя на глазах выступить слёзы, а горло обдало химической сладостью. Саске подивился своей удачливости. Возможно, последние дни в его жизни, когда он может чувствовать вкус, а он запихивает в себя какую-то химию и никотин.

– Пойдём, – отдав бутылку Наруто, буркнул он, первым спускаясь с площадки на небольшую тропинку.

***

Дорога представляла собой что-то между колеи из-под огромного колеса, заросшей тропы и сплошных кочек. Приходилось смотреть в оба, чтобы не оступиться и не свалиться. Пару раз пришлось хватать Наруто за плечо, когда ноги начинало заносить, а туловище кренилось в сторону. Благо Узумаки никак не комментировал это, молча прихватывая Саске за рукав куртки и выпрямляя.
Когда они свернули к лесу, то дорога стала неожиданно шире и ровнее. Наверное, здесь часто ездили грибники, да и лес был делом рук человека.
Саске даже отошёл от Наруто, демонстрируя свою независимость, что казалось Узумаки очень смешным, но блондин пытался скрыть улыбку, отворачиваясь и разглядывая высокие деревья.
Здесь пахло совершенно по-другому. Свежестью, листвой и свободой. Саске глубоко вдохнул, останавливаясь и пропуская Узумаки далеко вперёд. Он поднял голову, закрыл глаза, цепляясь пальцами за лямки рюкзака. Хотелось пропустить этот слегка холодный воздух через своё тело, чтобы каждая пора почувствовала эту осеннюю какофонию запахов, чтобы запомнить и потом унести с собой. Он закинул голову назад, вслушиваясь.
Только здесь, в дали от шумного и затхлого города, Саске осознал, что чего-то не стало.
Кого-то не стало.
Усмехнулся своим мыслям, пропуская очередной глоток

осеннего воздуха через себя, позволяя лучам пока ещё тёплого солнца скользить по обледеневшей коже.
И резко открыл глаза, выпрямляясь.
Наруто стоял чуть поодаль, но смотрел в совершенно другом направлении. Слишком показательно, но пытался делать вид, что странное поведение спутника осталось им незамеченным.

– Вперёд, – выпалил Учиха, проходя мимо и цепляя блондина за рукав куртки. – Нам ещё пилить и пилить.

– Ты-то знаешь куда? – дёрнулся было Наруто, но Саске и сам отпустил его.

– Смутно.

***

– Я есть хочу.

– Узумаки, не ной.

– Я хочу есть.

– Ну так поешь!

Наруто устало выдохнул, вытаскивая из сумки две булочки. Одну сунул Саске, а вторую оставил себе.

– И ты поешь.

– Мне не хочется.

– Ешь. Иначе не отдам зажигалку.

– Засунь её себе…

Саске не стал договаривать, придирчиво осматривая упаковку, которая гласила, что внутри теста спрятана яблочная начинка. Вздохнул, раскрывая и всё же впиваясь зубами в нежную хлебную мякоть.

Вкус…
Выдохнул, прожёвывая.

– Вкусно? – улыбнулся во все тридцать два Наруто, открывая свою часть.

– Сойдёт, – буркнул Учиха, вновь откусывая. Конечно, не пища богов, но проголодавшийся желудок был рад и этому, а вкусовые рецепторы просто-таки с ума сходили, когда он добрался до яблочного повидла.

***

Они шли вдоль леса, обступившего дорогу с двух сторон, уже второй час. Ноги налились тяжестью, а от свежего воздуха в голове шумело. Организм требовал никотина, но просить зажигалку у Узумаки Саске отказывался. Даже, когда тот сам протянул оную, Учиха гордо фыркнул и засунул желание покурить подальше.
Переживёт.

– Может, мы заблудились? – оглядывая бурные заросли по обе стороны дороги, спросил Наруто. Узумаки давно перестал настораживаться. Ему нравилось гулять по лесу, нравилось, что Саске не ругался и вообще был подозрительно спокойным.

– Нет. Сюда.

Брюнет указал на узкое ответвление от дороги и сам же двинулся туда первым. Тропинка выглядела давно нехоженой, но Наруто послушно поплёлся следом. Если что он умеет ориентироваться на местности. Наверное…
Одежда цеплялась за высокие кусты с какими-то красными ягодами, шелестели и опадали листья. Создавалось совершенно сказочное ощущение где-то в глубине души. Словно это другой мир…

– Смотри, грибы! – выпалил Узумаки, по-детски радуясь своей находке. Он подбежал к виднеющемуся белому холмику. Разгрёб скрывающую его прелую листву и радостно улыбнулся.

Белый гриб смотрел на блондина с каким-то укором, мол, потревожил.

– Не трогай. Ядовитый, наверное.

Саске мрачной тенью встал над Наруто, недоверчиво смотря на его находку. В грибах он не разбирался, будучи ребёнком технологий и серого города.
И поэтому не доверял…

– Да нет! Это белый гриб. Смотри какая ножка…

Наруто пошарил по карманам, даже в сумку заглянул, но удручённо выдохнул:

– Жаль, ножа нет…

– Зачем он тебе?

– Ну… гриб же!

– Мы не за грибами приехали.

– Ну блин! Я же его нашёл, – возопил Узумаки, вскидывая лицо на собеседника.

Саске тяжело вздохнул, снимая рюкзак с плеч и вынимая из кармана складной нож. Быстро чиркнул, перерезая толстую ножку, и протянул гриб Наруто. Узумаки ухватил находку и счастливо улыбнулся.

– Спасибо!

Учиха лишь покачал головой, вновь убирая нож в карман и закидывая рюкзак за плечи.

– Пойдём.

Странная детская радость Узумаки удивила Саске. Нет. Он-то знал, что у его спутника не всё в порядке с головой, но чтобы

радоваться грибу…

– Ой! Ещё один! И ещё. Их тут полно! Саске!

– Наруто…

– Ну Са-а-а-аске…

***

Спустя полчаса прыганья по полянке, сумка Наруто заполнилась грибами, а настроение стало ещё лучше. Не смущал даже хмурый взгляд Учихи, который в честь чего-то стал донельзя терпеливым, дожидаясь, пока блондин срежет все грибы.
Они продолжили свой путь в относительно мирном настроении. Саске было плевать на прихоти спутника, ведь он сам никуда не спешил, а день едва перевалил за полдень. Тропинка вильнула и вывела парней на узкую дорогу. Её тоже со всех сторон окружал лес, но здесь он всё же был более редким. Виднелись низкие, покосившиеся от времени дома. Некоторые из них завалились и давно покрылись мхом, напоминая сейчас большие земляные кочки.

– Пришли, – выдохнул Учиха.

– Что это за место? – нахмурился Наруто. Лёгкое настроение как ветром сдуло. Он настороженно оглядывался, замечая всё больше и больше почти развалившихся домов.

– Я не знаю.

Саске двинулся вдоль дороги, прислушиваясь. Здесь было тихо. Даже птицы не пели.
Когда-то здесь жили люди, а теперь деревню поглотил разросшийся лес, и было непонятно, что появилось раньше: селение людей или же буйство природы.
Он смотрел лишь по одной стороне, зная, что за спиной всего лишь ровные ряды деревьев. И, наконец, впереди показалось то, что он искал.

– Пошли.

Наруто вздрогнул, слишком увлёкшись разглядыванием руин, и рванул следом за Саске. Это место ему не нравилось. Здесь было жутко из-за чужих давно прожитых жизней, зависших в воздухе лёгким осенним маревом, и отставать от Учихи совсем не хотелось.
Брюнет указал на дом, который был явно жилым. Слишком добротный по сравнению с разваливающимися соседями, слишком тёплый даже на вид.
Они остановились у низкого забора, выискивая взглядом калитку, но оной не нашлось. Зато была простая прореха, через которую они и вошли во двор. Здесь жили. Небольшой огород, фруктовые деревья, вытоптанные дорожки.
И массивный мужчина, сидящий на высоком пороге дома. В руках у него был нож, которым он ловко чистил картошку, а под ногами вертелась рябая кошка.
Заметив пришельцев, мужчина поднял на них взгляд. Безразлично скользнул им по Саске, замирая лишь на Наруто.

– Минато?

– Эээ, – только и смог выдавить из себя Наруто, оглядывая высоченного незнакомца с пепельно-белыми волосами, которые тот собрал в небрежный хвост.

Мужчина был уже в годах, но тёмные глаза смотрели с какой-то искрой.

– Ты так… похож на него.

Незнакомец даже встал, опуская нож на ступеньки и делая несколько шагов к парням.

– Вы о чём? Саске, куда ты меня привёл?

– Я полагаю, вы Джирайя, – спокойно спросил Учиха.

– Кто вы?

– Это Наруто, – кивок в сторону обалдевшего блондина. – Он сын Минато, если я не ошибаюсь.

Узумаки воззрился на Саске, как на сумасшедшего. О чём он вообще говорит?!
Мужчина по имени Джирайя окинул взглядом Наруто, приближаясь. В следующую секунду большие руки обхватили блондина и прижали к себе. Узумаки лишь сдавленно крякнул, не успев увернуться.

– Я думал, что ты погиб вместе с ними…

– Ч-что?

– Ты не знаешь? – пробасили.

– Я… нет. Ничего не знаю, – растерянно покачал головой блондин.

Джирайя разжал руки, отстраняясь, но продолжая сжимать плечи Узумаки.

– Я твой крёстный.

***

– Но почему ты не забрал меня из детдома? – удивлённо выпалил Наруто.

Они сидели на кухне дома Джирайи и пили горячий чай. Саске старался не встревать в их разговор, считая своё дело сделанным и заняв самый дальний угол стола.

– Я живу отшельником, – пожал плечами седоволосый мужчина. – В этом лесу. Уже много-много лет. Твои родители жили не здесь, а когда случилась авария, я толком ничего не знал. Мне просто сообщили о смерти семьи Узумаки и… я подумал, что ты разбился вместе с ними.

– Авария? – нахмурился Наруто. – Значит, это была авария?

Джирайя кивнул, отпивая чая. Он смотрел на Наруто так, будто не верил своим глазам, но вскоре взял себя в руки и даже перестал путаться в именах. Саске казалось, что этот отшельник слегка тронулся умом, но свои догадки брюнет предпочёл оставить при себе.

– Я думал, – Наруто опустил голову, поддевая пальцем скатерть, – я думал, что они просто бросили меня… потому что я был им не нужен.

– Они бы никогда такого не сделали, Наруто, – горько усмехнулся Джирайя. – Кушина и Минато слишком любили тебя, чтобы оставлять добровольно.

– Так их звали… а я даже не знал.

– У меня есть кое-что. Подожди.

С этими словами мужчина быстро встал из-за стола, заставив Саске поджать ноги. Он шумно прошёл в другую комнату, что-то скрипнуло.
Когда Саске завидел седого с альбомом в руках, то решил, что с него хватит. Поднявшись, молча вышел на улицу. Он сделал всё, что от него требовалось, а погружаться в чужие тёплые воспоминания совсем не хотелось.
Он снова чувствовал себя чужим.
Опустился на порог, машинально вытаскивая сигарету и кладя её в рот. Ругнулся.
Зажигалка.

***

Наруто смотрел на фотографии, которые сохранились после смерти его родителей. Поблёкшие от времени, но всё ещё целые. Рыжеволосая хрупкая женщина и светловолосый мужчина с яркими голубыми глазами. Точно такими же, как и у него…

– Я никогда не думал, что увижу их, – выдохнул Наруто, проводя пальцами по фотографии. – Что у меня есть кто-то…

– Я тебе не прямой родственник. Просто крёстный, Наруто, – мягко улыбнулся седой, потрепав волосы парня. – Наверное, поэтому кто-то решил, что тебе лучше расти в полной семье.

– Наверное, – с сожалением выдохнул блондин. Перед глазами проплывали образы несостоявшегося настоящего. Как могло быть, если бы его отдали этому высокому мужчине, который чем-то напоминал медведя?

Наруто тряхнул головой.

– Не подумай! Меня растили очень хорошие люди, и я их люблю! – он улыбнулся широко и искренне.

– Не переживай, – усмехнулся Джирайя, похлопывая парня по плечу. – Я верю. Зови своего друга… обедать нужно.

Вот так просто в его жизни появился этот человек.

– Саске? – позвал Наруто, выходя из дома. Он зацепился взглядом за привалившегося к перилам брюнета.

Спустился, присаживаясь рядом.

– Что? – отозвался Учиха, перекатывая в губах незажжённую сигарету.

– Я… ну… спасибо.

Саске усмехнулся, прикрывая глаза и отворачиваясь. Он рассеянно водил рукой по спине мурлычущей кошки.

– С Днём Рождения.

Глава 5. First day of my life.

"And you say I'll heal you
I'll always be yours
And you say I'll kill you
If I do something wrong"
Rasmus – First day of my life

«А ты говоришь: "Я вылечу тебя,
Я всегда буду с тобой".
Ты говоришь: "Я убью тебя",
Если я сделаю что-то не так».

Мы никогда не задумываемся, когда люди приходят в нашу жизнь, зачем они, почему? Мы никогда не задумываемся о том, сколько они для нас делают, оставаясь в нашей жизни, цепляясь за нас. Но…
Но мы всегда задумываемся о том, каким был человек, вспоминаем его слова, читаем то, что он оставил после себя… Читаем его мысли, написанные тонкими электронными буквами.
Смешно.
Человека нет, а мысли его вот. Прочти, и в голове вновь услышишь его голос.
Саске отложил телефон, удалив перед этим последнюю смс с пометкой: «Микото».
Он никогда не звал её «мама» или строго официально «мать». Микото…
А она была не против.
Неужели, чтобы стать кому-то значимым, чтобы о нас вспомнили, нам надо всего лишь умереть?
Саске сделал большой глоток горячего чая, заставляя эту обжигающую жидкость приятной волной разлиться по внутренностям. Он даже глаза слегка прикрыл, откладывая телефон в сторону.

Ненужная пластмасса.
На лес опускалась темнота, а они сидели на кухне Джирайи и пили чай. С бубликами. За разговорами не заметили, как обед плавно перетёк в ужин. Хотя говорили в основном эти двое, а Саске молча отсиживался сбоку, чувствуя себя лишним на этом празднике жизни.
Вот так просто.
Узумаки о чём-то беседовал с мужчиной, Саске же витал в своих думах, которые каменным мешком нависли над головой, придавливая к земле. Их стоило разобрать, отдаться мыслям хотя бы на час, чтобы те перестали путаться в ногах навязчивым репейником.
Но то, что эти колючки будут так больно драть душу, Учиха не ожидал.
Ещё один глоток травяного чая.
Он действительно успокаивал или же свежий воздух делал своё дело?
Или изголодавшееся по спокойствию тело цеплялось за жалкие крохи того, что могла подарить эта сырая реальность?
Небольшую кухню заливало равномерное желтоватое свечение лампы, что висела под самым дощатым потолком, привлекая к себе шальную крупную моль. Её мельтешение привлекло внимание Саске, и парень надолго выпал из реальности, наблюдая за этими замысловатыми зигзагами.

– Вы друзья?

– Соседи, – ответил Саске прежде, чем Наруто успел осознать вопрос.

Размусоливать всю тяжесть их вынужденных взаимоотношений перед этим незнакомцем не очень-то и хотелось. Какая разница кто они друг другу?

– Саске, а откуда ты узнал о Джирайе? – задал давно терзающий его вопрос Наруто, беззаботно мотая ногами и попивая сладкий чай. Здесь Узумаки чувствовал себя как-то комфортно, словно знал этого мужчину уже не первый год.

– Мой отец знал твоего отца, а у Итачи… – Саске зло

усмехнулся, – Итачи задницу себе порвёт, если я попрошу.

Говорить не хотелось. Не хотелось выпускать с воздухом то обманчивое спокойствие, которое уже трещало по швам. Джирайя нахмурил белые кустистые брови, явно недовольный настроем спутника крестника.

– Так ты Учиха?

Саске молча кивнул, вновь поднимая взгляд к моли, что беспомощно билась о раскалённое стекло лампы. Многие поэты сравнивали заблудшие души с этими ночными мотыльками. Но Саске в этом существе видел лишь глупое насекомое, которое само убивало себя с каждым ударом.

– Минато знал его отца, – подтвердил Джирайя.

– Я очень за них рад, – шикнул Саске.

Наруто отставил кружку, искоса поглядывая на брюнета. С ним что-то происходило, и это «что-то» читалось во взгляде, в напряжённых длинных пальцах, что слегка нервно подрагивали, в сгорбленной над столом фигуре. Внутри Саске думал о чём-то очень нехорошем…
Или же не думал ни о чём.

– Вижу, ты остр на язык, – хохотнул Джирайя, притягивая к себе пустую тарелку Наруто. В отличие от Учихи его крестник съел целых две картошины, чем вызвал улыбку и желание положить третью.

Хотелось послать старика, но Саске сдержался. Он лишь сжал зубы на бублике, чувствуя, как на язык падает сладкая крошка.

– А как ты тут живёшь? Ну… один? – решил поскорее перевести тему Наруто, вглядываясь в Джирайю. – Тут же никого совсем.

– А мне никто и не нужен, – пожал плечами он, поднимаясь. – Жизнь тут простая… без всякой это вашей городской мишуры.

– Да нет там никакой мишуры, – пожал плечами Наруто. – В городе тоже жить можно…

Хотя на самом деле сам Узумаки обитал в пригороде, бывая в центре лишь по учёбе и прочим мелким делам. Упоминание об институте отозвалось волной стыда за прогулы, но Наруто тут же нашёл себе оправдание – новоявленный родственник. Наверняка Ирука поймёт… а там уже и матери объяснит…

– Не-е-ет, – протянул Джирайя. – Этот ваш город людей портит. Глянь на него.

Кивок в сторону Саске, что мрачно посмотрел на седого.

– Вон до чего довёл. И посмотри на меня.

Мужчина даже плечи расправил, став ещё шире и выше.

– То-то же.

С этими словами он вышел, унося с собой грязную посуду.

– Мыть, наверное, – сам себе пояснил Наруто, оборачиваясь к Саске и аккуратно тыкая его пальцем в плечо. – Ты как?

– Свали.

– И куда ты предлагаешь мне свалить посреди леса? – усмехнулся Узумаки, вновь тыкая парня пальцем.

– Достал, – шикнул брюнет привычное, но не крайнее. Поднялся, натягивая куртку.

– Ты куда?

– Пройдусь.

– Возьми зажигалку.

– Иди на хер.

Дверь со скрипом закрылась за его спиной, оставляя Наруто в полной тишине, лишь было слышно тиканье часов.
Узумаки недовольно нахмурился, выжидая, пока в груди успокоится волнение, но всё же потом вышел следом за Саске, выискивая взглядом тёмную фигуру, которая почти терялась на фоне леса.

– Ты куда? – крикнул Джирайя, возвращаясь от колонки с помытыми тарелками.

– Да сейчас, – отмахнулся Наруто, сам не понимая, куда он.

– Далеко не уходите. Заблудиться легко.

Узумаки лишь кивнул, в несколько шагов нагоняя брюнета.

– Ты куда на ночь собрался? – выпалил он, хватая парня за рукав и заставляя повернуться к себе лицом.

Саске упрямо выдернул руку из хватки Узумаки и упрямо направился вперёд.

– Ты в лесу заблудишься.

– Так не иди за мной.

Наруто тяжело вздохнул, шагая следом за Саске, едва различая дорогу под ногами. Пришлось двигаться быстро, чтобы не потерять из виду внезапно набравшего скорость Учиху.

– Почему ты рассказал мне про Джирайю?

– Просто.

– Просто так? – выдохнул Наруто, усмехаясь. – Это ведь…

– Что? – скосил на него глаза Саске, продолжая шагать куда-то. Присутствие Наруто вновь давило на нервы. Ведь хотел, чтобы всё было спокойно… чтобы Узумаки хотя бы в этот раз отстал

от него.

– Ну это ведь что-то серьёзное. Важное для меня.

– Радуйся.

– Саске, – Наруто вновь ухватил его за рукав, – я ведь правда тебе благодарен. Я не знаю, почему ты это сделал… но спасибо.

– Охереть теперь, – усмехнулся Учиха, убирая руки в карманы. – Мне благодарны. Верни зажигалку.

Наруто усмехнулся украдкой: всё-таки не выдержал. Саске облокотился спиной о дерево, требовательно глядя в лицо друга.

– Фиг тебе. Терпи. Считай, что я лечу тебя от зависимости.

Наруто опустился на поваленное бревно рядом, вглядываясь в огоньки дома лесного отшельника.

– Ты бы смог так жить?

– Смог, – пожал плечами Учиха.

– И тебе было бы не одиноко?

– Не видеть твою морду – радость, – шикнул Учиха, щёлкая сорванной веточкой. От недостатка никотина грудь начинало сжимать, и хотелось что-то крутить в руках. Или кому-нибудь начистить морду. Например, Наруто…

– А я бы не смог, – выдохнул Наруто. – Тут же лес кругом. Без людей рано или поздно взвоешь.

– Или без секса, – усмехнулся Саске.

– Да причём он тут? – горячо выпалил Наруто.

– Знаешь, Наруто, – менторским тоном начал парень. – Иногда

в организме мужчины…

– Заткнись лучше, – резко оборвал его Узумаки, понимая, что Саске даже этот момент превратит в пошлое подобие извращённой сказки.

В ответ тихий смешок.

– Наверное, у него есть причины жить тут, – задумчиво проговорил Наруто.

– Больная голова. Хер нормальный человек тебе согласится жить в этой глуши.

Саске раздражённо отбросил веточку в сторону, отлипая от дерева.

– Да он нормальный!

– Ты видишь человека всего несколько часов и думаешь, что он нормальный, – пробормотал Саске. – Знаешь, у вас болезнь на голову, это заразное.

– Я просто верю людям.

– Ну верь. А потом тебя найдут в чёрном мешке.

С этими словами Саске направился обратно к дому. Единственное лекарство от никотиновой ломки – сон.

***

Комната, что ему выделил Джирайя не отличалась ничем, кроме запаха застарелой пыли. Кажется, отшельник совсем не бывал в этой части дома по каким-то своим причинам или же не было надобности.
Стены были обиты желтоватым деревом, у окна стояла односпальная железная кровать с плоской подушкой на ней, тумбочка и простая лампа. Саске заметил и книжный шкаф, что ютился в углу и был здорово покрыт пылью.

Захлопнув дверь, Учиха скинул рюкзак на пол и прошёл к своему будущему ложу.
Он разжал руку, вглядываясь во флакон таблеток. Голова не болела, и это слегка напрягало, выбивая из обычной последовательности. Система успела захватить Саске в свои крепкие сети, заставить делать всё по расписанию.
Пить таблетки, ждать боли…
Учиха усмехнулся, сжимая пузырёк в кулак и убирая его в карман. Сейчас в нём не было нужды.
Он опустился на кровать, выпуская из лёгких воздух и привычно смотря в потолок. Где бы он ни был, это белое полотно над головой всегда маячит перед глазами. Трещины везде разные, побелка, материалы – всё разное. Даже паутина в углах…
Саске усмехнулся… такие глупые мысли.
Хотелось уйти из этого дома как можно скорее. Теплота Джирайи, которую тот стремился дать Наруто, разрушала нервы Саске, она подтачивала тот внутренний стержень, который держал его всё это время. Не сравнивать, не сравнивать. Эти мысли тревожным колокольчиком били в голове, заставляя прикусывать губу и чувствовать боль.
Как было странно… он вновь получил возможность ощущать, но совсем забыл про это. Ни удовольствия, ни горести это уже не приносило, словно Саске боялся вновь дать самому себе шанс, а затем смотреть, как очередной песочный замок размывают воды реальности.
Словно хотелось, чтобы всё быстрее закончилось уже. Чтобы не терзать себя ложными ожиданиями.
Саске вздохнул, проводя рукой по лицу, стирая мысли.
Думать о том, что всё можно закончить, раскачиваясь под лампочкой, не хотелось. Это ведь действительно не выход, когда твоя очередь вот-вот подойдёт сама. Остаётся только ждать, наполняя дни пустыми разговорами, действиями.
Действия…
Саске только сейчас осознал, что никогда не придавал большего значения словам, полагаясь лишь на действия. Нет ничего бездушнее клочков звуков, что срываются с наших губ. Глупо верить тому, что проходит такой строгий контроль разума.
Он прикрыл глаза, пытаясь провалиться в сон, почти забыв, что

не выключил свет.
Дверь его комнаты открылась, и Учиха нехотя разлепил один глаз, поворачиваясь к вошедшему.

– Саске, доброй ночи, – тихо сказал Наруто, протиснувшись в небольшой зазор.

– Не мни о себе невесть что, – отозвался Саске.

– В смысле?

– Мне плевать на тебя, как и прежде.

– Ты хочешь убедить в этом самого себя?

Судя по звуку, Наруто всё-таки вошёл в комнату, закрывая за собой дверь. Саске вновь пришлось разлепить глаза, недовольно уставившись на гостя.

– Я надеюсь, что до твоей тупой головы это дойдёт.

– Но тогда зачем всё это? – пожал плечами Узумаки, обводя взглядом комнату. – Ты бы и пальцем не пошевелил, будь я тебе безразличен.

– Сбагрить тебя хочу.

– Ты же знаешь, что я так просто не отстану, – усмехнулся Наруто, которого вся эта ситуация начинала здорово веселить.

– Отстанешь, – кивнул Учиха, переворачиваясь на бок к стенке. – Свет выруби и вали отсюда.

Минутная тишина, а затем щелчок, погрузивший комнату в полумрак. Саске зло выдохнул, когда дверь за Наруто захлопнулась.
Идиот.
Идиот из другого мира.
Идиот, которому он завидует…

***

– Ты неправильно держишь удочку!

Саске раздражённо скосил глаза на Джирайю, который с утра потащил их на берег озера, чтобы порыбачить с Наруто. Учиху взяли бонусом, чтобы тот не скучал дома, но было видно, что эти двое полностью поглощены общением друг с другом.
Сам брюнет сидел на нижней изогнутой ветке поникшей к воде ивы и листал найденный на книжном шкафу журнал. Ничего особенного, какие-то байки про призраков и НЛО. В такое верят только умалишённые типа этого старикана.
У озера было довольно прохладно, но встающее солнце постепенно золотило воду рваными всполохами, окрашивая стелющийся понизу туман в янтарный цвет. Было видно, как в лучах перетекают, меняя свою форму, большие клубы сизого пара.
Смех Наруто заставил Учиху скосить глаза на эту пару, которая усердно дёргала за одну и ту же удочку.
Идиоты.
В груди что-то засвербело. Саске отчётливо чувствовал себя здесь лишним. Наверное, он был не умнее этих двоих, притащив сюда Наруто, а теперь чувствуя себя каким-то бесплатным приложением к главному призу.
Нужно было не тянуть… закончить всё это раз и навсегда.

***

Наруто радостно выдохнул, пытаясь впитать в себя этот момент до последнего. Конечно, с его приёмными родителями он тоже чувствовал себя очень хорошо и комфортно, но Джирайя словно вдыхал в него жизнь и энергию, которую потихоньку вытягивала вся эта ситуация с Саске.
Здесь и сейчас Узумаки понимал, насколько устал, насколько придавлен был своим собственным обещанием и насколько теперь уверен в том, что дойдёт до конца.

– Блин! Упустил, – с сожалением выпалил Наруто, поворачиваясь к Джирайе.

– Ну… всё приходит с опытом, – усмехнулся седоволосый, чей улов тоже не блистал.

– Я лучше грибов бы насобирал.

– Завтра можем пойти, – призадумавшись пожал плечами мужчина. – Я знаю тут одну полянку…

– Саске? – выпалил Наруто, оборачиваясь к парню, – А ты с на… Саске?

Узумаки удивлённо уставился на пустующую ветку, на которой покоился лишь забытый Учихой журнал. Наруто даже берег оглядел, ожидая увидеть тёмную фигуру где-то в другом месте, но Саске давно и след простыл.

– Ушёл, наверное. Сразу видно – городской, – усмехнулся Джирайя.

– Куда он мог уйти?

– Да домой, – отмахнулся отшельник, закидывая удочку вновь.

Наруто выдохнул, в очередной раз оглядывая берег и ветку, но понял, что не заметить Саске с первого раза было бы просто невозможно. Слишком яркое чёрное пятно на фоне пожелтевшего ивняка.
Но, наверное, Джирайя прав. Учиха не выглядел любителем рыбалки, а уходить по-английски было вполне в его духе… Блондин отвернулся к водной глади, закидывая удочку в очередной раз, хотя мыслями был уже далеко отсюда. Что-то не давало ему покоя…

***

– Джирайя, пошли домой, – не выдержал Узумаки, когда спустя полчаса сердце начало выстукивать совсем уж сумасшедшую дробь, а перед глазами проносились самые разные варианты событий.

Он отдавал себе отчёт в том, что опять беспокоится на пустом месте, но не мог ничего с собой поделать.
Это странное чувство неотвратимости чего-то дамокловым мечом нависло над макушкой, грозясь вот-вот разрубить череп на две половинки.

– Чего такое? – удивлённо посмотрел на него отшельник.

– Да не ловится, – мотнул головой Наруто, пытаясь не выказывать истинную причину своего беспокойства.

– Терпения у тебя нет, – тяжело выдохнул мужчина, складывая удочку.

Наруто закивал, готовый согласиться со всем, чем угодно, лишь бы быстрее проверить свою догадку.
Саске просто обязан быть дома.

***

Ветки и опавшие листья тихо шуршали под ногами. Саске вдыхал этот сырой запах, пытаясь задержать его в лёгких и запомнить. Наверное, хорошо, что зажигалка осталась у Наруто, ведь будь она под рукой, он курил бы сигарету за сигаретой.
Взгляд цеплялся за разлапистые сосны, за низкие кустарники, за обомшелые поваленные деревья.
Кого он пытался обмануть? Жизнь Узумаки давно красной тряпкой маячила перед глазами, не давая спокойно реагировать на всё те глупости, что говорил блондин. И дело было даже не в уникальной способности Наруто выводить из себя любого. Просто Саске отчётливо осознавал, что жизнь Узумаки будет течь и дальше, когда его самого не станет. Ничего не изменится ведь для радостного блондина, для которого Учиха лишь очередной собеседник, это один из способов выделиться и доказать самому себе свою взрослость. Это так по-взрослому пытаться заботиться о ком-то, жертвуя собой.
Глупая, никому ненужная жертва. Её бесполезность не осознавал даже сам Наруто, но винить его за это было бы

нелепо. Он ещё такой ребёнок, такой домашний и наивный, что челюсть сводит.
И он будет жить.
Саске зло пнул шишку и остановился.
Он огляделся кругом, понимая, что зашёл слишком далеко как в своих мыслях, так и в желании свалить от тех двоих подальше.
В лесу легко заблудиться даже заядлому грибнику, а уж городскому парню и подавно.
Учиха крутанулся на месте, оглядывая совершенно одинаковые на вид стволы деревьев.
Смешок всё же сорвался с губ.
Вот так всё и закончится.

***

Наруто всё же не выдержал, первым врываясь в дом. Снасти были брошены ещё на пороге, вызвав неодобрительный окрик отстающего Джирайи.
Сердце билось где-то в горле.

– Саске? – выкрикнул блондин, судорожно оглядев кухню и наплевав на желание не показывать свою взволнованность. Нервозно дёрнулся к своей комнате, к комнате Учихи, распахивая дверь и застывая на пороге.

Никого.
Сердце ударилось о рёбра, разливая по телу вязкую тревогу.

– Джирайя, – выпалил Наруто, сбегая по ступенькам обратно во двор, – Саске нигде нет.

Сейчас душу рвало на части из-за неопределённости. Наруто вглядывался в лицо отшельника с немой надеждой, что тот может лишь по мановению руки вернуть Учиху обратно. Ведь он же жил в этом лесу много-много лет… ведь он же должен знать тут каждый пень!

– Чего ты там всполошился? – спокойно выдохнул мужчина, окидывая взглядом застывшего перед ним парня. – Нагуляется

и вернётся.

– Да он заблудится!

– Но сюда вы как-то же дошли.

– Мы по тропе шли, – безнадёжно выдохнул Наруто.

Ему хотелось схватить старика за ворот и трясти, пока тот не поймёт всю серьёзность ситуации.
Голубые глаза полыхали, руки сжимались в кулаки.
Это было слишком.
Джирайя положил руку на плечо парня и тепло улыбнулся:

– Саске взрослый человек. Если он ушёл, то хочет побыть один.

– Ты не понимаешь! Если он ушёл, то это не просто так… Он никогда просто так не уходил.

– Почему ты за него так беспокоишься? – карие глаза прищурились.

Наруто опустил голову, не выдержав этого спокойного взгляда.

***

Интересно, деревья умеют чувствовать?
Взгляд Саске упал на недавно поваленное грозой дерево, чьей ещё свежий труп пересекал поляну. Тонкие ветви беспомощно раскинулись в разные стороны, трепеща уже начавшими жухнуть листами, корни выглядывали из земли забавными переплетениями белёсых нитей с крупными комами грязи. Дерево цеплялось некоторыми из этих отростков за рыхлую почву, стараясь задержаться и продолжить свои мучения ещё на несколько дней.
Саске усмехнулся, откидывая голову назад и прикрывая глаза.
Все мы хотим задержаться, продлить свои мучения.
Но для чего?
Чтобы листья на наших ветвях медленно увядали, и мы смотрели, как один за другим они опадают и превращаются в

сухую труху?

***

– Так вот в чём дело, – задумчиво выдохнул Джирайя, потирая подбородок. – Обещание.

– Помоги мне его найти.

– Не стоит бросаться на поиски, – покачал головой мужчина. – Он может вернуться домой в любой момент, а разделиться мы не сможем. Отпускать тебя на поиски в одиночку глупо. Ты сам заблудишься, и что мне тогда делать?

Наруто сник. Старик говорил правильные вещи, ведь Узумаки даже не представлял, в какую сторону мог пойти Саске. Потеряться самому было бы верхом глупости…

– Давай подождём до вечера, – попытался уговорить погрустневшего блондина отшельник. – Я не думаю, что он ушёл насовсем.

– Нет. Пойдём вместе. Если он вернётся домой, то мы его тут застанем…

Наруто вцепился взглядом в Джирайю, буквально вытаскивая из отшельника душу.

– Оставайся здесь, а я пойду поищу, – терпеливо выдохнул отшельник, решив, что это будет лучшим выходом.

– Спасибо! – выпалил Наруто, провожая Джирайю взглядом.

Когда отшельник скрылся за деревьями, Узумаки уселся на порог, нетерпеливо притоптывая ногой. Хотелось рвануть следом, но что-то останавливало. Наверное, здравый смысл ещё не покинул его голову…
Спустя час Наруто всё же не выдержал. Ни Джирайи, ни Саске за это время не появилось. Наспех написав записку и воткнув её в косяк двери, Узумаки сорвался в лес, забыв о том, что, скорее

всего, потом отшельнику придётся искать их обоих.

***

К вечеру лес стал напоминать какого-то лохматого монстра, поглощающего каждый звук, каждый шорох.
В голове Узумаки не было ни единой цельной мысли. Они дробились, распадались мелкими крупинками утекающего сквозь пальцы песка времени. Наруто казалось, что с каждой минутой он опаздывает…
Вдруг…
Он остановился, запрещая себе это думать. Вынул из кармана телефон, но связи всё ещё не было.
За то время, что он искал Саске, Наруто успел сбегать на перрон, надеясь, что Учиха решил просто уехать в город. Пришлось проторчать там два часа, мучительно вглядываясь в лес. В тот момент Наруто раздирали сомнения: что если он сейчас уйдёт отсюда, а Саске придёт, что если они разминутся? Но если он останется здесь, а Учиха где-то там, в лесу…
Спустя два часа решение было принято. Наруто отправился в лес.
И вот теперь он стоит посреди поляны, не представляя, куда идти дальше, не зная, что делать и кого звать.

– Саске! – выкрикнул Узумаки, слыша, как его голос поглощают высокие деревья и опавшая листва.

Он осмотрелся… только деревья. Треклятые деревья.
Сердце билось быстро, отдавая лёгкой болью за рёбрами. Пришлось даже сделать два глубоких вдоха, чтобы утихомирить расшалившийся орган.

– Я тебя убью, блин! – зло выкрикнул блондин в пространство.

Действительно хотелось постучать Учихе по голове, чтобы там что-то перемкнуло, и он перестал вести себя подобно четырнадцатилетней девочке.
Ругнувшись, Наруто вновь сорвался с места, с каждым шагом отдаляясь от шанса не заблудиться самому.
Вскоре темнота стала гуще. Она обхватывала, цепляясь за

плечи сырым холодом, стелясь под ногами сероватым туманом. Наруто уже не понимал, куда идёт, и вообще, зачем пытается идти. В голове крутилась лишь одна мысль: если этот лес был искусственным, то он имел начало и конец. Значит, рано или поздно он выйдет на его край, а оттуда уже можно будет двигаться в другом направлении.
Мысли роились в голове, принимая необычайно логический вид на первый взгляд, но затем рассыпались, когда сердце вновь пропускало очередной удар.
Наруто остановился.
Заблудился…
Окончательно заблудился и замёрз.
Злость бурлила внутри пополам с отчаянием, хотелось ругаться или просто осесть здесь, поддавшись панике. Но Узумаки держался, прогоняя от себя эти глупые мысли. Лишь губу закусил, пытаясь совладать с чувствами.
Когда темнота стала вовсе чернильной, он всё-таки дошёл до края леса, замирая. Впереди раскинулось перепаханное поле. Чёрное и подёрнутое дымкой, жуткое. Стало не по себе от этого огромного пространства, и Наруто невольно поёжился. Адреналин всё ещё бурлил в крови, но теперь его разбавляла какая-то грусть, осознание того, что опоздал…
Долбанный Учиха…
Развернувшись, блондин направился вдоль кромки леса, не рискуя заходить обратно. Сейчас, когда наступила ночь, он вовсе потерял всевозможные ориентиры и решил сначала дойти до дороги, а потом уже на ней сориентироваться, чтобы добраться до дома отшельника.
Этот план казался верным, за вычетом того, что так он не найдёт Саске, если тот всё ещё в лесу.
Ноги увязали в рыхлой пахоте, на штаны налипли репьи и какие-то ветки, всё тело замёрзло и, кажется, на щеке была глубокая царапина. Это всё наваливалось на Узумаки по мере успокоения, и вскоре парень почувствовал на плечах свинцовую тяжесть усталости.
Осознание своей беспомощности в этой ситуации добивало. Он был никчёмным другом, от которого ноль пользы…
Наруто вытер нос, в котором засвербело от холода, и упрямо ускорился. Не дело раскисать. Возможно, Саске уже с Джирайей дома, а он тут поддаётся панике.

***

На дорогу, ведущую к старой деревне, Наруто вышел совершенно случайно. Он уже отчаялся что-либо найти в кромешной тьме и думал уснуть прямо под деревом, чтобы с утра продолжить свой путь. Но в тот момент, когда сотовый испустил последний заряд и блёклый свет перестал подсвечивать дорогу под ногами, пахота закончилась. Наруто облегчённо вздохнул, узнавая вроде бы ту самую дорогу.
До дома Джирайи он добрался спустя час.
Злость придавала сил, а надежда на то, что этот придурок вернулся раньше его, заставляла шагать быстрее.
Впереди замаячили огни дома Джирайи, и Наруто прищурился, пытаясь взглядом просканировать двор. Пусто.
Может, быть они в доме…
Если бы не уставшие ноги, то Наруто бы бежал, а сейчас лишь плёлся, едва переставляя конечности.
Он толкнул входную дверь, вваливаясь в кухню и цепляясь пальцами за косяк двери. Сидящий за столом Джирайя подорвался, осматривая взъерошенного крестника взволнованным взглядом, от которого не скрылась ни царапина, ни репьи, ни грязь на кедах.

– Он дома? – задал один единственно важный сейчас вопрос Узумаки, замирая внутренне.

– В душе, – потерянно кивнул Джирайя.

В душе… значит…
Злость хлестанула раскалённой плёткой по коже.

– Я поговорить с ним, – тихо выдохнул Наруто, закрывая дверь перед самым носом у отшельника.

Он почти бегом пересёк двор, останавливаясь у небольшой деревянной будки, из которой слышался шум воды.

– Саске! – рыкнул Наруто. – Выходи.

– Чего тебе? – донеслось оттуда.

– Выходи.

– Жди.

– Я тебя сейчас оттуда вытащу прямо так, – раздражённо прошипел Наруто, сжимая кулаки. – Выходи!

В доказательство своих намерений парень пнул деревянную дверь душа, отчего тот как-то странно затрещал.

– Достал.

Вода прекратила литься, послышалось шуршание, и вскоре облачённый в джинсы и рубашку Саске вышел на улицу. От мокрых волос шёл пар, и эта дымящаяся голова позабавила бы Наруто, если бы не удушающая злость.
Не размениваясь на сантименты, Узумаки ухватил брюнета за шиворот, прикладывая спиной к стене дома.

– Какого хера ты творишь?!

Учиха смотрел прямо и как-то безразлично. Он даже не попытался ухватить Наруто за руки, препятствуя нападению.

– Я тебя спрашиваю?!

От молчания Наруто зажигался ещё сильнее, вдавливая парня в стену и слыша, как трещит по швам его рубашка.

– Почему ты ушёл и не предупредил?!

– Тебе не по хер? – всё-таки выплюнул Учиха. – Ушёл и ушёл.

– Ты ведёшь себя, как безмозглый кретин!

– А ты как курица-наседка.

Голос его был спокойным и тихим, словно злился здесь только

Наруто, выставляя себя вновь последним вспыльчивым идиотом.

– Я за тебя волновался! Я пол-леса прошёл, чуть не заблудился!

– Какой ты молодец, – прыснул Саске. – В очередной раз показал, какая ты тряпка.

Наруто отпустил ворот Саске, отходя и прикладывая руки к лицу. Ему казалось, что ещё немного и он просто ударит Учиху вновь, отправив того в нокаут. Приходилось сдерживаться, хотя кулаки буквально чесались.

– Бегаешь за мной, как собака. На следующий День Рождения подарю тебе кость и поводок.

– Ты до него не доживёшь, – горячо выпалил Наруто, оборачиваясь к Учихе и глядя прямо в глаза.

Повисла тишина.

– Хотя бы твоей рожи видеть не буду, – прошипел Саске, всё так же смотря прямо в лицо блондину.

– А я твоей!

– Так отъебись от меня, Узумаки! – как-то неожиданно громко выпалил брюнет, сверкнув глазами. – В чём проблема?!

Удар вышел смазанным и по стене в нескольких сантиметрах от лица Учихи, отчего костяшки пальцев противно заныли.

– Я дал обещание, – прошипел ему в лицо Наруто, едва не сталкиваясь с брюнетом носом.

– Так забудь его, раз так тяжело, – зло улыбнулся Учиха.

Следующим должен был быть удар уже по этой скалящейся физиономии, но…
Узумаки, сам того не ожидая от себя, приблизился и приник

губами к его плотно сжатым губам, впиваясь пальцами в плечо брюнета.
Саске упёрся рукой в грудь Наруто, пытаясь оттолкнуть парня от себя, чувствуя, как тот неловко прихватывает его губу, стремясь сделать этот жест более похожим на поцелуй. Напор Узумаки раздражал даже больше того, что его губы пытались сделать. Рыкнув, Учиха ухватил блондина рукой за горло, едва сжимая пальцы и заставляя отстраниться. Смерил взглядом растерянное лицо Наруто, который, кажется, толком не понял, что сделал и что сейчас всё зависит только от пальцев, что сжимались вокруг его шеи. Одно неосторожное движение…
Рука Учихи соскользнула на ворот куртки Наруто, отталкивая и в тот же момент прижимая его к стене, к которой минуту назад был прижат сам. Кажется, Узумаки попытался вырваться, но как-то странно затих, когда Саске всё-таки прикоснулся к его губам.
Мысли в голове вспыхивали и осыпались какой-то неправильной реальностью. Сейчас Саске чувствовал всё… и теплоту чужих губ, и чужую кожу под пальцами. Эти ощущения сбивали. Он бы предпочёл опять прикасаться к пустоте и ощущать внутри пустоту.
Но губы цеплялись за влажную тёплую кожу, пальцы впились в чужие плечи, ощущая напряжённость мышц и острые кости. Наруто толкнул Саске, требуя свободы, но всё же ответил на этот рваный поцелуй не менее резкими и неуверенными движениями. Что-то внутри говорило остановиться, немедленно прекратить это всё и поскорее забыть, но вторая часть сознания не хотела отпускать. Руки, повинуясь последней, цепко ухватили Учиху за ворот, создавая иллюзию контроля. Злость и пережитое волнение выливались в странном для Наруто виде, заставляя цепляться за чужие губы.
Замок куртки чиркнул, и Наруто вжался лопатками в стену, когда Саске проскользнул рукой под футболку.
Это глупо, это нелепо…
Саске зажмурился, хотя до последнего старался не закрывать глаза, считая это каким-то последним рубежом, когда обратно в привычную реальность дороги уже не будет. Рука прошлась по дугам рёбер, запоминая это ощущение. Замерла на тяжело вздымающейся груди, чувствуя быстрые удары сердца. Своё билось не медленнее.

Наруто не знал, куда деть руки, куда деть совесть, куда деть себя. Он был готов провалиться под землю от осознания того, что всё происходящее его существо воспринимает, как нечто волнующие, но не отвратительное. Почему-то перед внутренним взором появилось осуждающее лицо Ируки, и Наруто отстранился, глядя на бледное лицо перед собой. Выдохнул горячий воздух, потянулся, ловя вновь тонкие губы. Будь что будет…
Пальцы очертили острую линию ключиц Учихи, застыли где-то на плечах. Нерешительно, не опускаясь полностью, но и не настолько далеко, чтобы не чувствовать холода ещё влажного после душа тела.
Саске прижался сильнее, впитывая чужое тепло. Жадно, словно своё перестало вырабатываться, словно тело забыло, что оно может согреть эти кости собственной кровью, которая давно застыла в жилах. Превратилась в колючий лёд, оседающий на кончиках пальцев.
Приостановился, а затем всё же коснулся языком нижней губы парня, встречая чужой язык. По телу пробежала тёплая дрожь… И тут же отпрянул, потерянно глядя перед собой.
Наруто в расстёгнутой куртке, с красными щеками стоял у стены и смотрел на Саске каким-то затуманенным взором. Брюнет чувствовал, как дыхание тяжёлыми клочьями срывается с губ, и попытался втянуть холодный воздух носом, но и так он не хотел проходить в лёгкие.
На коже всё ещё ощущались прикосновения, пальцы тоже ещё помнили чужую кожу. Эти ощущения словно прилипли.
Наруто непонимающе смотрел на Саске и стало как-то неловко видеть перед собой слегка растрёпанного то ли злого, то ли удивлённого Учиху. Стало неловко за свои порывы…
Саске же знал, что утром будет только хуже.
Выдохнув, развернулся и направился в дом.
Джирайя удивлённо уставился на пронёсшегося мимо него брюнета, который почти тут же вылетел из своей комнаты, но уже в куртке и с рюкзаком на плече. Не сказав ни слова, Учиха быстро покинул дом, едва не столкнувшись с Наруто.
Узумаки успел лишь ухватить Саске за рукав, заставляя остановиться.

– Почему? – выдохнул облачко пара блондин.

Учиха молчал, смотря перед собой и сжимая челюсть так сильно, что на ней играли желваки. Острый белый профиль смотрелся чужеродно в этой темноте, кожа будто побледнела ещё сильнее.

– Саске?

Брюнет дёрнул рукой, вырываясь из чужой хватки и быстрым шагом направляясь прочь. Спиной он всё ещё чувствовал взгляд Наруто.
Почему…
Почему?
Потому что по-другому быть не должно, не могло быть. Что ожидал этот придурок от него? Что сам Саске ожидал от себя? Рука привычно скользнула в карман, чтобы нащупать там пачку сигарет.

– Блять! – зло выпалил Учиха во тьму перед собой.

Зажигалка осталась у Узумаки.

***

– Джирайя! Я… нам нужно ехать, – торопливо выдохнул Наруто, хватая свою куртку и сумку.

Отшельник удивлённо смотрел на рассеянного парня, но возражать не стал. Что-то произошло, и оно сейчас витало в воздухе.

– Я позвоню тебе… приеду, – выпалил блондин, порывисто обнимая мужчину и тут же вылетая из дома.

На душе скребли кошки…

***

Итачи удивлённо уставился на телефон, зазвонивший посреди ночи. Но удивление сжало сердце ещё сильнее, когда он увидел

имя вызывающего. Пальцы тут же ухватили пластиковый аппарат, поднося к уху.

– Саске? Что случилось?

Короткие слова, название и номер трассы.

– Хорошо, – поднялся с кровати старший. – Я сейчас приеду. Никуда не уходи.

***

Саске нажал на отбой, убирая сотовый в карман.
Трасса тёмным тоннелем раскинулась в обе стороны. Было холодно: мокрая голова ещё не успела высохнуть, как и тело. Но то, что разгоралось в душе ещё несколько минут назад… это нужно было тушить только спиртным.
Это то, чего там быть недолжно. Это просто тело, лишённое чувств на время, теперь так отреагировало на чужие губы.
Да плевать!
Саске тяжело вздохнул.
Как же хотелось курить…

– Стой!

Учиха скривился, узнав этот голос, а затем Наруто всё же догнал его, хватая за рукав.

– Я же просил подождать, – выдохнул блондин.

– Зачем?

– Я поеду с тобой.

Учиха молчал, вглядываясь вдаль. Там показались фары, которые уж точно не могли принадлежать машине Итачи. Не смотря на всё своё желание казаться всесильным суперменом, брат не мог перемещаться с такой скоростью. Значит, простая машина.
Саске отошёл на обочину, утягивая зазевавшегося Узумаки за

собой. Ещё не хватало потом отскребать его труп от асфальта. Но, на удивление, машина начала останавливаться, оказавшись полицейским «бобиком».

– Замечательно, – шикнул Учиха.

Сине-серый «уазик» с мигалками остановился напротив затихших парней. Тишина длилась недолго, вскоре оттуда вышли двое мужчин в чёрной форме. Они подошли к Саске и Наруто, окидывая их придирчивым взглядом.

– Что делаете на трассе посреди ночи? – без приветствия выпалил первый с пышными усами.

– Гуляем, – пробормотал Саске, смотря на блюстителей порядка исподлобья.

Настроение и без того было отвратным, а тут эти двое…

– Гулять нужно по парку, а не по обочинам, – хохотнул второй. Этот обладал довольно-таки округлым пузом, которое даже чёрная грубая ткань формы не скрывала.

– В парке атмосфера не та, – усмехнулся Саске, получая лёгкий толчок локтем в рёбра от Наруто.

В отличие от брюнета, Узумаки понимал, что зубоскалить и тренироваться в остроумии сейчас не место и не время.

– Значит, не там гуляете, – улыбнулся усатый. – Давайте подвезём до нужных мест.

– Да мы сами, – попытался было встрять Наруто, но полицейские уже зацепились взглядами за Саске. Они таких не любили или же наоборот питали какую-то особую заинтересованность к такому типу молодых людей, у которых слово долго за зубами не держится.

– Без вас дойдём, – фыркнул Учиха.

– Ты смотри, какие мы борзые.

– И наглые…

Узумаки мысленно застонал от неминуемости назревающей склоки.

– Мы просто не хотим обременять доблестных стражей порядка, – осклабился Саске, разводя руки в стороны.

– Считай, что ты уже обременил.

– Ваши документы? – резко перешёл на официоз пузатый.

– Мои документы – лапы, усы и хвост! – выпалил Саске, игнорируя тревожные взгляды Наруто.

– Тогда мы вынуждены увезти вас в обезьянник, господа хвостатые и усатые.

– Вы не имеете права! – встрял Наруто, серьёзно опасаясь за своё будущее.

– Может, у вас ещё и травка есть? Показывайте сумки.

Наруто инстинктивно отшатнулся, хотя в его сумке ничего, кроме бутылки воды не лежало. Тем более, наркотиков… Саске молча наблюдал за этим очередным несоответствием. Нас с детства учили, что дядя, тогда ещё милицейский, спасёт от жуликов, поможет, если мы заблудились… и что сейчас? Учиха нехорошо улыбнулся, протягивая свой рюкзак полицейскому.

– Наслаждайтесь.

Усатый ухватил за лямку, расстёгивая замок и беззастенчиво переворачивая вверх дном. Из распахнутого нутра сумки на асфальт посыпалась мелочь, какие-то фантики, бумажки, а вот стукнувшийся о землю пузырек с таблетками приковал внимание мужчин.

– А это что?

Пузатый даже наклонился, чтобы подхватить привлёкшую его вещь. Выпрямился, покручивая в толстых пальцах пластиковый флакон со стучащими внутри таблетками.

– Лекарства, – спокойно ответил Саске, изучая взглядом этих двоих так пристально, словно попал в картинную галерею с такими странными экспонатами.

– Разберёмся.

Пузырёк исчезает в кармане чёрной куртки полицейского.

– Пройдёмте в машину.

– На основании? – высоко вскидывает голову Учиха. Наруто же замирает, ожидая чего-то очень нехорошего.

– На месте разберёмся.

Усатый схватил Саске за рукав, но брюнет дёрнулся, вырываясь, тогда пузатый ринулся к Наруто, чтобы успеть поймать хотя бы второго. Странно, но полицейским не пришло в голову, что посреди трассы парням просто некуда бежать. Разве что в лес. Лес!
Узумаки взглядом стрельнул в сторону темнеющей полоски деревьев, и, кажется, Саске даже понял его план, но убежать они всё равно не успели.
Что-то тяжёлое больно ударило под колени, заставляя Наруто от неожиданности рухнуть на асфальт, больно чиркая ладонями по шершавому асфальту.
В голове сверкнуло что-то вроде: «Они же не смеют!»
Но как оказалось на ночной трассе простые полицейские становятся практически богами, для которых закон не писан.

– Да не дёргайся ты, – шикнул пузатый, хватая брюнета за руку, но тот вновь вывернулся, попросту выскальзывая из собственной же куртки. Кожанка осталась в руках у

удивлённого полицейского, а Саске отшатнулся на обочину, едва не налетая на какой-то знак спиной.

Драться с полицейскими… что может быть глупее.
Наруто кое-как поднялся, отходя на шаг назад от усатого.

– Мы ведь ничего не сделали, – попытался всё-таки объяснить Узумаки. – Просто возвращаемся в город…

– У вас нет документов, а у нас по ориентировке проходят домушники, – мстительно улыбнулся усатый. – Вот тот на форточника одного очень похож.

Кивок в сторону тощего Саске, который сейчас действительно вызывал смутные подозрения: злой, бледный и какой-то неадекватный.

– Мы не имеем к этому никакого отношения! – горячо выпалил Наруто. – Документы дома остались!

– В отделении разберёмся.

Пузатый всё-таки сумел ухватить Учиху за руку, пользуясь его временным замешательством. Крепко сжал руки, притягивая брюнета к себе, но тут же получил пинок в пах. Согнулся. Наруто ругнулся. Всё. Им крышка…

– Ах ты, – прошипел скорчившийся мужчина, и усатый поспешил на помощь своему товарищу, грозно замахиваясь дубинкой на брюнета.

Наруто сделал единственное, что мог в этой ситуации: глупо кинулся на спину полицейского, хватаясь за руку и не давая завершить удар. Увы, усатый вывернулся и наотмашь ударил блондина, заставляя того вновь познакомиться с асфальтом, а затем всё-таки ринулся на Учиху.
Саске отшатнулся, налетая спиной на поднявшегося пузатого. В темноте было видно херово, да ещё и фары слепили. Руки заломили за спиной, сводя локти вместе и заставляя зашипеть от боли в вывернутых суставах.

– А вот теперь не дёргайся, – тяжело выдохнул полицейский, нанося короткий удар под дых.

Узумаки поднялся, вновь толкая мужчину в спину. Что-то в голове помутилось, и рамки дозволенного съехали, обнажая злость.
Да… в чём-то Учиха сам был виноват, но сейчас это перестало играть какую-либо роль.
От него отмахнулись, как от мухи, заставляя удариться спиной о дверь машины. Удар дубинкой по коленам, острая боль. Асфальт под и так ободранными ладонями.

– Где же ваши лапы? – шикнул на ухо Саске пузатый, сильнее сводя локти брюнета, заставляя того невольно выгнуться и шипеть проклятия.

Короткий удар головой назад, чужие руки выпустили его лишь на миг, чтобы вновь ухватить за первое, что попалось под них – волосы. Затылок обожгло болью, а в следующий момент дубинка усатого всё-таки ударили по рёбрам, сгибая пополам тело.
Наруто было бросился вперёд, но колени вновь свело судорогой, приковывая к месту. Узумаки зло закусил губу.
Это дурная реальность. В его мире такого просто быть не может. Учиха… треклятый Саске затащил его в это место с такими жестокими людьми.
Брюнет ощерился, втягивая воздух сквозь плотно сжатые зубы. На языке отчего-то чувствовался вкус крови.

– В машину их, – рыкнул усатый, кивая на «бобик» и снимая с пояса наручники.

Этот темноволосый ему не нравился. Слишком уже дёрганный.

– Руки!

Держащий Саске полицейский любезно ухватил Учиху за запястья, заставляя протянуть их вперёд. В свете фар кожа казалась какой-то прозрачной, и от взора усатого уж точно не

скрылся след укола, который, как назло, оставил Орочимару.

– Вот оно что, – шикнул полицейский, защёлкивая «браслеты» на тонких запястьях.

Усатый ухватил Учиху за подбородок, заставляя смотреть прямо в глаза.

– Это витамины, да?

Смешок сорвался с губ мужчин почти синхронно.

– Пошёл на хер, – шикнул Саске, совершенно потеряв всякий здравый смысл.

Наруто показалось, что Учиху прибьют прямо здесь и сейчас. А что? Вокруг лес и поле – прикопай тут труп, и никто не почешется.
Однако полицейский попросту ухватил Саске за наручники, а второй поднял буквально за шкирку.

– В отделении поговорим.

Глава 6. One more day

"The walls are closing in around us
We hold our silence like a gun
Your stare is empty and a scene that keeps repeating
And I just bite my tongue

They can't take this away, it's far from over
We can't stay in a place we don't belong
For one more day, I'm not afraid to fall
For one more day, we try to save it all"
10 Years – One more day

«Стены смыкаются вокруг нас,
А мы храним молчание, будто оно может стать нашим оружием.
Передо мной постоянно повторяющаяся сцена и твой пустой взгляд,
И всё, что остаётся, – только прикусить язык.

Этого не отнять, ещё далеко не конец.
Мы больше не можем оставаться там, где мы чужие.
Ещё один день я не буду бояться падения.
Ещё один день мы проведём в попытке всё спасти».

Машина Итачи остановилась под знаком, на котором белой краской был выведен номер трассы. Учиха вылез из машины, не глуша мотор, и огляделся. С одной стороны темнел лес, с другой стороны раскинулось поле, но дорога между ними была пустой.

– Саске? – на всякий случай позвал парень, отходя от машины и оглядываясь по сторонам на случай, если младший ожидал его под каким-нибудь деревом. Но никто так и не отозвался.

Итачи вытащил из кармана телефон, набирая последний принятый номер, и приложил трубку к уху. Длинные гудки, и нет ответа. Взгляд упал на что-то чёрное, лежащее в свете фар. Учиха подошёл и пнул это нечто ногой, но затем узнал в куске ткани рюкзак своего брата.
Сердце пропустило удар.

***

Внутри полицейского «бобика» было душно и пахло застарелым потом. Саске поморщился, когда его довольно-таки чувствительно приложило о стенку подпрыгнувшей на кочки машины.
Взгляд сам собой уткнулся в сидящих напротив мужчин. Кажется, лишь по их лицам можно было заметить, что они явно нечисты на руки. Один из них, обладатель широкой челюсти и низкого покатого лба, недобро смотрел на Саске и Наруто, как на выходцев из другого мира. Хотя они ведь и были из другого мира…
Сидящий рядом с ним худощавый мужчина с каким-то до того иссушённым лицом, что проглядывались скулы и морщины казались резкими вырезанными ножом линиями, что-то тихо прошептал на ухо первому. Глаза-буравчики остановились где-то на уровне лба Учихи, и мужчина косо улыбнулся, показывая золотые зубы.

– Они мне не нравятся, – тихо шикнул на ухо брюнету Наруто.

– Молись, чтобы ты им тоже не нравился, – буркнул Саске в ответ, догадываясь, что могут обсуждать с такими ухмылочками.

Наруто как-то сразу напрягся, выпрямился и уставился себе под ноги, вызывая невольную улыбку у Саске. Мальчику страшно находиться в замкнутом пространстве с двумя преступниками. Придвинувшись ближе к стене, Учиха закрыл глаза, предпочитая скоротать время за недолгим сном. Что-то подсказывало ему, что сегодня ночью спать не получится.

***

– Орочимару, Саске у вас? – выпалил Итачи, придерживая трубку одной рукой, а второй выворачивая руль. Ехал он на приличной скорости, едва успевая тормозить на светофорах.

Получив отрицательный ответ, ругнулся, откидывая телефон на переднее сиденье. Куда мог запропаститься его брат…

***

– Что теперь? – шёпотом спросил Наруто, когда они с Саске стояли у стола полицейского.

– Я тут первый раз, – тихо ответил Учиха и почему-то улыбнулся. – Расслабься и получай удовольствие.

Узумаки нахмурился, недовольно скользнув взглядом по бесстрастному бледному лицу.
Саске было наплевать на всё происходящее. Какая разница куда судьба вильнёт в этот раз?

– Ремни, часы, шнурки, телефон – на стол, – тихо скомандовал сидящий напротив полицейский, что быстро писал что-то на каком-то бланке.

– Руки, – напомнил Учиха, помаячив наручниками перед взглядом усатого.

Тот недобро оскалился, пожимая плечами, мол, твоя проблема, а я пальцами не пошевелю.

– Сопротивление задержанию, – участливо подсказал полицейский, что выделялся внушительных размеров пузом.

Саске косо глянул на того, удовлетворённо отмечая, что затылком он всё-таки попал: нос мужчины слегка припух, и виднелась запёкшаяся кровь, которую сейчас тот пытался стереть влажной салфеткой. Поймав на себе взгляд Учихи, полицейский нахмурился, но промолчал.

– Саске, прекрати, – шикнул Наруто. – Нам и так влетит…

– Твой друг дело говорит, – кивнул усатый. – Влетит. Но уже вне зависимости от вашего поведения.

– Хоть ангелами будьте, – зло рыкнул пузатый.

Узумаки удивлённо посмотрел на заполняющего бланк. Парень, судя по лицу, не многим моложе их с Саске, был совершенно спокоен, когда эти двое только что сыпали угрозами. Его будто это всё не касалось, он просто делал свою работу.

– Ремни, часы, шнурки, телефоны, – заученно, как робот, повторил он, поднимая взгляд на парней. – Мне долго ждать?

Наруто раздражённо нагнулся, быстро распуская шнурки на кедах, затем вытащил из джинс ремень и положил на стол. Подумав, достал из кармана телефон и выложил туда же. Саске же продолжал стоять упрямым истуканом, буравя взглядом стену над головой молодого человека.

– Эй, – помахал тот у него перед глазами. – Твой друг глухой или обдолбанный?

– Да он нарик, – со знанием дела каркнул усатый.

Молодой полицейский вновь окинул Саске бесцветным взглядом, поджимая губы. Он опустился обратно за стол, дописывая что-то в бланке.

– Вот, что нашли.

Флакон с таблетками звонко стукнулся о столешницу.

– Он болеет! – горячо выпалил Наруто. – Это не то…

– Все они болеют, – кивнул толстяк, вновь закидывая голову, чтобы кровь не заляпала воротничок. – Блядь. Урою…

Саске хмыкнул, всё же вытаскивая ремень и небрежно бросая

его на стол. Следом полетели шнурки.

– Этого в КПЗ, а с этим мы поговорим, – заявил усатый, отлипая от стены и ненавязчиво опуская руку на плечо брюнета.

– Куда вы его? – выпалил Наруто, понимая, что друга уводят явно не для чаепития.

– Что ты так всполошился-то? – усмехнулся пузатый, не убирая салфетки от носа. – Мы его легонько…

– Да как вы…

– Наруто, – спокойно сказал Саске, глядя на блондина, – заткнись и сиди смирно.

Под ледяным взглядом Узумаки словно в ступор впал, забыв, что собирался протестовать до последнего. Он непонимающе следил, как эти двое ненавязчиво проталкивают Учиху дальше по коридору, а потом вовсе скрываются за тяжёлой железной дверью.

– Но…

– Вперёд, – скомандовал молодой человек. – И постарайся не рыпаться. Твой друг дело говорит…

– Но вы же знаете, что это незаконно!

– А где ты тут видишь закон? – грустно усмехнулся парень, проводя Наруто к так называемому обезьяннику.

***

– Поговорим? – мрачно спросил толстяк, закрывая за собой дверь и недвусмысленно глядя на Саске, замершего у массивного стола. Комната была просторной, но утопала в сизой дымке. Кажется, совсем недавно здесь кто-то заседал, выкуривая сигарету одну за другой.

Учиха скользнул взглядом по столу и заметил характерное багровое пятно, усмехнулся. Значит, это комната дознаний. Прекрасно.
Он обернулся к усатому, смерив того взглядом, покосился на второго и пожал плечами.

– Поговорим.

***

Наруто сидел в самом углу клетки и действительно чувствовал себя загнанным в ловушку зверем. Хотелось метаться туда-сюда, грызть прутья, шипеть и пытаться вырваться, но приходилось делать вид, что тебя здесь вовсе не существует. Узумаки никогда не был трусом, но эта казённая обстановка давила на парня желтизной стен, толщиной решёток и мерцанием лампы дневного света. Нервы натягивались, дрожали от звука скрежета ручки о бумагу, когда сидящий за столом неподалёку полицейский заполнял очередной бланк. Будучи тем ещё задирой и часто влипая в драки, Наруто никогда ещё не попадал в такие места, где жизнь, кажется, замирала. На душе стало как-то холодно и мерзко лишь от одного вида КПЗ. Захотелось хорошенько помыться, притом вывернувшись наизнанку, чтобы вся эта чужая грязь смылась вместе с водой.
Он обхватил себя руками, прислонясь плечом к холодной стене. Нужно было просто дождаться Саске… вдвоём не так неуютно.

– Эй ты!

Наруто скользнул взглядом по сидящим напротив хмурым «знакомым» из бобика, но окликали его не они. Рядом с ними вальяжно восседал на деревянной лавочке худощавый парень с выбеленными волосами. Он кривил тонкие губы в злорадной улыбке, словно видел перед собой что-то ужасно нелепое.

– Чего тебе? – не очень-то дружелюбно отозвался Наруто. Вести беседы с кем-то в этой клетке как-то не тянуло, как и заводить знакомства. Полезными они точно не будут, а вот проблем блондин нажить сможет себе легко.

Беловолосый поднялся с лавочки, подходя ближе к Узумаки и опираясь плечом о стену. Взгляд скользнул по Наруто, задержавшись где-то на лбу, а затем улыбка незнакомца стала ещё шире.

– Я Суйгетсу.

Он протянул худую руку и выжидающе замер.

– Наруто, – пожал оную блондин и тут же вновь убрал.

– Вас с другом за что сюда?

– Откуда ты знаешь, что я с другом? – удивился было Наруто, но потом осознал, какую глупость сморозил: клетка была как раз напротив письменного стола полицейского, рядом с которым Саске вздумалось разыграть очередной спектакль.

Суйгетсу усмехнулся.

– Буйный он у тебя.

– Он не у меня, – фыркнул Узумаки, отворачиваясь. Взгляд упал на длинный тёмный коридор, куда увели Учиху.

– Долго они.

Суйгетсу проследил за взглядом парня и поджал губы.

– Да. Чувак влип.

– Влип? – выпалил Наруто, мигом оборачиваясь на нового знакомого. – В смысле?

Глаза беловолосого прищурились, и он стал напоминать… писца. Странно, но именно это животное так чётко прослеживалось в его облике.

– Ты думаешь, они туда с ним говорить пошли? Он же нос

Борову сломал!

– Боров… – задумчиво проговорил Наруто, а потом всё-таки понял, что так Суйгетсу окрестил пузатого. Чёрт с ним. Боров так Боров.

– Но ведь мы защищались!

– И ты ещё влез? – округлил глаза парень. – Ну всё, парни. Хана вам.

– Ерунда, – упрямо шикнул Наруто. – Ничего нам не сделают.

– Это ты так думаешь. Подождём твоего друга.

Парень нагло уселся рядом с Узумаки, закидывая ногу на ногу и прислоняясь спиной к решётке.

– Ты сам главное не рыпайся, – уже тише посоветовал беловолосый, косо поглядывая на Наруто. – Боров псих тот ещё. Он в позапрошлом году парня забил насмерть.

Наруто невольно оглянулся на Суйгетсу, внутренне холодея.

– Врёшь.

– А смысл? – хохотнул тот. – Я тогда попался, и как раз парня того принимали, а потом уже выносили… Сказали, что сам повесился.

– Ты тут так часто бываешь? – чтобы хоть как-то унять волнение, спросил Наруто.

– Бывает, – хмыкнул беловолосый.

– За что?

– Беру всё, что плохо лежит. Клептомания у меня, – озорно сверкнул глазами собеседник.

– Воруешь, значит, – выдохнул Наруто.

– Бывает, – повторился Суйгетсу.

Двери в конце коридора скрипнули, заставив обоих парней резко повернуться на звук.
Наруто из-за волнения, Суйгетсу же из-за любопытства. Он даже не пытался скрыть улыбки, предвкушая зрелище.
Боров и усатый действительно с брюнетом не разговоры вели, если судить по тому, как неровно шагал в сторону камеры Учиха. Его придерживали под руки, но Саске упрямо шёл ровно, лишь сжав кулаки скованных наручниками рук. Только у двери камеры запястья ему освободили, подталкивая внутрь и закрывая за ним дверь. Брюнет же так и остался стоять на месте, привлекая к себе ненужное внимание.

– Ты как? – тихо спросил Наруто, поднимаясь и подходя к другу.

– Сядь на место, – шикнул Учиха, поворачиваясь к нему и проходя мимо.

Узумаки удивлённо замер, поворачиваясь следом и непонимающе глядя на лицо парня. Надо отдать должное… по лицу не били. Разве что разбитая бровь, но это, кажется, ещё там, у машины.

– Сильно они тебя?

Саске исподлобья глянул на Наруто, взглядом прося того заткнуться.

– Эй, Наруто, угомонись, – понятливо кивнул Суйгетсу, похлопывая ладонью по лавочке. – Сядь лучше.

– Да что такое? – тихо возмутился блондин, но всё же опустился, чувствуя на спине два тяжёлых взгляда. Когда он оказался к ним лицом, то всё стало ясно.

Саске не хотел привлекать слишком много внимания тех двоих,

что недавно делили с ними «бобик», а теперь и одну камеру. Сам Учиха опустился на лавку с трудом, и стало понятно, что всё-таки ему перепало.

– Что теперь?

– Будем ждать, – хрипло отозвался брюнет, откидываясь затылком на прутья и прикрывая глаза. Он игнорировал Суйгетсу, словно беловолосого здесь и не было.

Сам брюнет не понимал, чего именно собрался ждать. В комнате дознаний ему подробно объяснили, что могут повесить на них любое завалявшееся дело и доказать что-либо будет невозможно.

– Узумаки, какого хера ты лез? – всё-таки прошипел Саске.

Внутри всё болело, и лишний раз повышать голос или двигаться очень не хотелось.

– Я хотел помочь, – глухо отозвался Наруто.

Саске лишь шикнул на это глупое оправдание. Придурок просто поддался стадному инстинкту, а теперь пытается мотивировать это какой-то никому ненужной помощью.

– Ты полный кретин, – выдохнул Учиха, прикладывая руку ко лбу. Ему слишком много раз за последние сутки прилетало по голове, чтобы это прошло бесследно. Пальцы уже подрагивали, а внутри разливалось знакомое напряжение.

– Не вздумай мне тут свалиться, – шикнул Наруто, прекрасно замечая то, что происходит с его «сокамерником».

– Эй! Белобрысый дело говорит, – буркнул Суйгетсу. – Если ты сейчас свалишься, то эти…

Кивок в сторону мужчин, сидящих напротив.

– Подняться тебе уже не дадут.

– Идите на хер, – процедил Саске. – Оба.

Он опустил руки, цепляясь ими за край лавочки и выдыхая через сжатые зубы. Если судороги схватят его прямо сейчас, то никакое самовнушение не поможет отложить намечающийся приступ.
Взгляд сам собой скользнул к столу дежурного, который как раз сейчас заинтересованно крутил в руках пузырёк с его таблетками.
Но подавать голос было бы также опрометчиво: те двое уже с ухмылками пялились на них.
Подыхать от того, что кровь не поступает в мозг или из-за кулаков этих двух отморозков?
Саске усмехнулся через силу. Выбор был невелик.
Звонок телефона раздался неожиданно, раскалённым ножом разрезая натянутые струны нервов.

– Это твой, – прошептал Наруто, толкая легонько Саске в плечо.

– Он на столе.

– Блин…

Дежурный бросил взгляд на них, вытаскивая из вещей Саске звонящий сотовый.

– Можно мне ответить? – спросил Учиха, кое-как поднимаясь и хватаясь за прутья, чтобы не вильнуть в сторону.

По лицу молодого человека скользнуло сомнение. Он зажал в руках телефон, будто задумавшись на секунду, затем, оглядевшись по сторонам, двинулся к клетке, было опуская сотовый в вытянутую руку Саске.

– Куда?!

Злой голос, раздавшийся сбоку, заставил всех невольно вздрогнуть, а дежурного вовсе вытянуться по струнке. Учиха безнадёжно опустил руку, сверля взглядом того, кого здесь

прозвали Боровом.
Мужчина грозной поступью направлялся к ним, поправляя ремень и на ходу застёгивая ширинку. Очевидно, он ещё из сортира услышал звон да голоса и решил поспешить. Мерзость…

– Ему не положено.

– Один звонок. Я имею право, – попытался встрять Саске, поднимая глаза на мужчину.

– Ты фильмов обсмотрелся, – ухмыльнулся толстяк, и его сальные щёки как-то странно задрожали. – Сядь и не рыпайся, а то мы захотим поговорить снова.

С этими словами он выхватил у побелевшего дежурного трезвонящий телефон Саске и с интересом уставился на дисплей.

– Итачи, – скривился он. – Кто это ещё?

– Мой старший брат, – печально шикнул Саске, буравя взглядом покрывшийся испариной лоб Борова.

По лицу мужчины скользнула ехидная улыбка.

– А твой брат в курсе, чем ты занимаешься?

Глаза-буравчики довольно блестели, когда он смотрел на стоящего по ту сторону худощавого парня.

– Нет, – выдохнул Саске, стараясь не улыбаться. Это было так легко…

– Почему же? – продолжал Боров, повернувшись всем корпусом к решётке и откровенно наслаждаясь происходящим.

Учиха не ответил, понимая, что фразы типа: «О нет, не говорите моему брату, что в отделении!» – лишь выведут его на чистую воду, заставив Борова пораскинуть тем, что у того было

вместо мозга.
Вместо этого Саске лишь потупил взгляд, прикусывая нижнюю губу. Опомнился, что она разбита, и скривился от боли.
Все ощущения доходили запоздало из-за нарастающей дрожи в мышцах.

– Давай я помогу вам наладить ваш семейный контакт, – усмехнулся Боров, и сменившимся голосом заговорил вновь: – Да, я вас слушаю. Саске?

Взгляд на вновь вскинувшего глаза парня.

– Он в отделении полиции. Да, давайте вы к нам подъедите, и мы вам всё объясним. Нет… драка и наркотики… и кое-что ещё…

Учиха мысленно улыбнулся. Этот придурок думал, что Итачи не в курсе, что удастся развести брата на деньги или же ещё что. Но при всех его недостатках, старший не был идиотом и, скорее всего, приедет сюда с Орочимару…
Продиктовав адрес, Боров засунул телефон в карман и довольно улыбнулся.

– Сейчас твоего братца на деньги раскрутим.

– Идиот, – тихо выдохнул Саске, уже не скрывая улыбку.

– Что?

Тяжёлые надбровные дуги пришли в движение. Хватило секунды, чтобы толстяк ухватил Учиху за ворот, дёргая на себя и заставляя того приложиться о толстые прутья.

– Что ты сказал?

– Отпустите!

Подлетевший Наруто, ухватил Учиху за плечо, пытаясь оттащить от решётки, но Боров лишь сильнее сжал руку, хотя взгляд уже скользил по блондину.

– А ты ещё кто?!

– Да отпустите вы! – злее рыкнул Узумаки, теряя всякий контроль над своими эмоциями. Сегодня произошло слишком многое, чтобы нервы остались целыми.

– А то что? – осклабился Боров, но руку всё-таки разжал, и Учиха споро ухватился за прутья вновь, отдуваясь.

– Эй! – весело крикнул Суйгетсу с лавки. – Боров, а ты никак на диету сел?

Боров прошёлся по камере тяжёлым взглядом, хмыкнул и направился к столу дежурного, теряя к ним интерес. Кажется, его клинило именно на брюнете.

– Саске?

Наруто опасливо покосился на Учиху, который странно подрагивал.

– Таблетки, – процедил он, опускаясь обратно на лавочку и упираясь локтями в колени, чтобы опустить голову на руки.

Наруто бросил беспомощный взгляд в сторону стола и досадливо покачал головой.

– Даже не думай просить, – прервал его Суйгетсу. – Этот не даст.

– Я уже понял, – мрачно отозвался блондин, отходя ближе к Учихе и останавливаясь сбоку, чтобы в случае чего успеть поймать.

Двое отморозков, сидящих напротив, уже откровенно перешёптывались, поглядывая на парней. И им было очень весело.
Саске сильнее сжал зубы, стараясь не реагировать на чужие голоса, а сосредоточиться лишь на собственных ощущениях.

Странным было отсутствие головной боли: череп был совершенно пуст, и в нём будто гулял холодный ветер, ласково касающийся раскалённого мозга. Из-за этого по спине бежали мурашки, оседая неприятной ледяной вязкостью на пальцах и губах.
Наруто нахмурился. Ещё секунда, и он всё-таки попросит таблетки, будь что будет… во всяком случае, он хотя бы попытается.
Но идти на такие жертвы не пришлось: дверь отделения открылась, впуская внутрь уже знакомых Наруто людей – Итачи и Орочимару.
Судя по скорости, с которой они прибыли, Орочимару не стал строить из себя капризную девицу и без долгих объяснений согласился помочь старшему Учихе.
Наруто облегчённо выдохнул, хотя, конечно, исход этого вечера всё ещё оставался туманным.

***

Когда Итачи дозвонился до Саске, как они тогда думали, старший Учиха как раз добрался до дома доктора и пытался выведать у него информацию о нахождении своего брата. А когда выяснилось, что ситуация весьма серьёзная, Орочимару пришлось поехать с Итачи, предварительно прихватив все документы и остатки терпения.
Он не любил представителей властей, как и большинство врачей, имеющих дело с операционными столами, смертями пациентов…
Рано или поздно находились родственники, которые обвиняли докторов в халатности и тогда тянулись нудные суды, в ходе которых вину всё же не могли установить. Умер человек. Что ж поделать? Все там будем.
Войдя в отделение, Орочимару поморщился от какого-то подвального запаха, пропуская Итачи к столу дежурного, а сам остановился чуть позади, оглядываясь.

– Орочимару! – выпалил знакомый голос, заставляя доктора повернуться и вериться взглядом в взъерошенного блондина.

– Наруто, если не ошибаюсь? – усмехнулся мужчина, отчего-то

совершенно не удивлённый тем фактом, что в полицию Учиха и Узумаки попали вместе.

– Дайте таблетки! Они на столе у них, – шикнул Наруто, указывая на Саске.

Орочимару коротко кивнул, поворачиваясь к столу. Не нужно было быть пророком, чтобы догадаться, что из-за своего мерзкого характера брюнет уже успел схлопотать дубинками по всем скрытым одеждой местам. А, возможно, пару раз получил и по своей пустой башке.
Подойдя к дежурному, с которым Итачи вёл крайне горячий диалог, на который из соседнего кабинета вышли ещё двое полицейских, доктор без зазрений совести взял со стола пузырёк с таблетками.

– Откройте камеру, – тихим голосом попросил он, вглядываясь в лицо усатого полицейского. – Мой пациент нуждается в моей помощи, а на все вопросы вам ответят вот эти бумаги.

Он неспешно положил на стол папку с различными справками и продолжил спокойно дожидаться, пока его всё-таки сопроводят в камеру.
Говорить с властями он научился ещё на пятом курсе, когда по его ошибке… кхм… впрочем, не об этом сейчас речь. Нужно быть спокойным и внушать силу. А это Орочимару умел.
Полицейский коротко кивнул и, пока второй копался в бумагах, направился к камере, звеня ключами. Дверь скрипнула, впуская внутрь Орочимару.
Наруто посторонился, пропуская мужчину к Саске. Учиха к тому времени всё же соблаговолил поднять на Орочимару глаза и даже выдавил кривую усмешку.

– На.

Орочимару взял сжатую ладонь Саске в руку и с силой разжал пальцы, вкладывая четыре таблетки.

– Благодарю, – с издёвкой проговорил Учиха, тут же пересыпая таблетки в рот и, морщась, сглотнул.

– Но они напали на сотрудников полиции! – попытался встрять толстый мужчина со сломанным носом.

– Мой пациент неадекватен. Это подтверждает вот эта справка, которую вы крутите в руках. Вчитайтесь в неё, если сможете.

Конечно, ничего такого там не было, но Орочимару сильно сомневался, что туповатый даже на вид мужчина сможет разобрать хотя бы пару слов или же, если всё-таки ухитрится прочесть, то вряд ли поймёт суть симптома, описанного врачебными терминами.
Толстяк на самом деле вперился взглядом в листок на несколько минут, пробежался взглядом, пожал плечами и отложил листик, удовлетворённо хмыкнув.

– Мы можем быть свободны? – деловито спросил Итачи, переходя на более тихий и спокойный тон. Хотя взгляд парня всё ещё излучал холодный огонь.

– Мы можем отпустить только… вашего брата.

– На второго же у вас справки нет? – как-то ехидно спросил толстяк.

Орочимару терпеливо улыбнулся.

– Нет. Но этот парень поедет с нами.

– Это ещё с чего? – удивились оба полицейских.

– Я могу выявить на теле своего пациента ссадины и ушибы, которые были нанесены здесь и, более того, вами.

Голос был спокойным. Орочимару всегда врал спокойно.

– А это превышение должностных полномочий.

И мило улыбнулся своей змеиной улыбкой.

***

– Полегчало? – бросил Итачи, сидящим на заднем сиденье парням.

– Не твоё дело, – привычно отозвался Саске, которому действительно стало легче.

– Как вы вообще умудрились нарваться на этих отморозков? – в сердцах бросил Итачи, превышая лимит своей эмоциональности за этот вечер.

Учиха фыркнул, отворачиваясь к окну и предоставляя Наруто роль собеседника для своего брата.
Они вынуждено сидели в машине, дожидаясь, пока Орочимару уладит какие-то мелкие проблемы в отделении.
Саске старался не думать о том, что в очередной раз оказался в долгу перед братом и перед доктором. Он гнал от себя эти мысли, как и те воспоминания, что засели в памяти слишком крепко.
Он скосил взгляд на Наруто, что беззаботно рассказывал Итачи все прелести их общения с законом.
Странно, что этот придурок еще не завёл разговор о случившемся, хотя Учиха был даже рад, что к нему не пристают с глупыми выяснениями отношений. Да и каких отношений?
Брюнет невольно тихо фыркнул, отворачиваясь обратно к окну и глядя на мелкие капли, ловящие в себя янтарный свет уличных фонарей. Он поднял палец, проводя по холодному стеклу, но не стирая капли, что были по ту сторону. Отсюда реальность виделась забавно искажённой, утопающей в желтоватых и белых разводах, в пляшущих бликах.
Итачи даже не стал читать мораль, что было весьма непривычно, да и вёл себя сегодня старший более чем странно. То отводил взгляд, то отмалчивался, то налетал с резкими вопросами. Но не обвинял ни в чём.
Его уже вычеркнули.
Саске довольно улыбнулся, вновь проводя пальцами по стеклу. Он сам себя давно вычеркнул и хотел бы, чтобы не трогали, не пытались втянуть в уже почти забытую игру.
На удивление, сейчас хотелось, чтобы чувства и ощущения

вновь пропали.
Дверь машины хлопнула, и Орочимару недовольно поёрзал на переднем сиденье.

– Все живы? – спросил он, оборачиваясь.

Саске лишь посмотрел на доктора, а Наруто выпалил:

– Да. Спасибо, что приехали за нами.

– Они не за тобой приехали, – отозвался Саске, задумчиво следя за своими пальцами, что вычерчивали на стекле замысловатый невидимый узор. – Они приехали за мной. Ты на хер им не сдался.

Он даже щекой чувствовал, как Наруто полоснул по нему взглядом, но поворачиваться не стал.

– Куда вас везти? – спросил Итачи, вызывая новую волну удивления у Саске.

– А как же попытки затащить меня под сень родного дома?

Голос так и сочился ядом, но жало никого задеть не могло, раня лишь себя.

– Отец не будет рад тебя видеть, – сухо отозвался Итачи.

– А, – усмехнулся Саске. – Так меня вычеркнули из семейной истории?

Итачи молчал, но Наруто было видно, как парень крепко сжимает руль.

– Теперь ты у нас единственный наследник, единственный любимый сын, – продолжал Саске. – Только осторожнее, Итачи.

Брюнет придвинулся ближе, хватаясь за кресло водителя и слегка подаваясь вперёд, чтобы оказаться на одном уровне с братом.

– Фугаку не терпит изъянов. Если ты очередной бракованный сын, то лучше пусти себе пулю в лоб. Избавь семью от позора.

С этими словами Саске резко распахнул дверь, выбираясь и шагая прочь.
Наруто было замер, но в следующий момент бросился следом за другом.
Узумаки не стал интересоваться, почему Учихе вновь взбрело в голову идти самым трудным путём.
Всё и так было понятно.
Сзади послышался рёв мотора, и машина тронулась в совершенно ином направлении.

***

Время давно перевалило за два часа ночи, и улицы были пустыми и какими-то особенно уютными. Дорогу подсвечивали едко-оранжевым светом изогнувшиеся фонари, а тротуар утопал в синеватом мраке. Блики рыжими всполохами иллюзорного огня горели на асфальте, отражаясь слегка неадекватным блеском в глазах Учихи.

– Я здесь ещё никогда не был, – пожаловался Наруто, шагая за Саске и поглядывая по сторонам.

Район был спальным, но зияющие темнотой дворы не внушали особого доверия.

– Считай это экскурсией, – сухо бросил Учиха, который при каждом шаге ощущал, как начинают ныть почки или что-то ещё. Били по болючим местам, явно не жалея силы.

Наруто тяжело вздохнул, убирая руки в карманы.

– Мне завтра в институт надо. И так много пропустил.

– Сходи, – безразлично пожал плечами Саске. – Может, чему-то научат.

– Да сессия скоро, – печально выдохнул Узумаки. – А я столько пропустил…

– Нагонишь.

Блондин удивлённо посмотрел на Саске, который пропустил такой удобный шанс вновь подколоть своего собеседника. Наверное, ему действительно досталось.

– Давай быстрее доберёмся до дома.

***

Общага встретила их привычной хмурой вахтёршей, которая парней всё же пропустила, но пообещала в следующий раз оставить ночевать под дверью.
В комнате Наруто повалился на кровать прямо в куртке.

– Этот день закончился, – выдохнул Узумаки, безжизненным мешком лежа на кровати и смотря на снимающего куртку Учиху.

Наруто показалось, что сутки длились целую неделю, словно странный сон, от которого никак не можешь проснуться.
Саске мрачно кивнул, скидывая куртку мимо вешалки. Хотел нагнуться и поднять, но в пояснице стрельнуло.

– Я чайник поставлю, – неуверенно пообещал Наруто, кое-как поднимаясь и снимая верхнюю одежду. Схватил электрический чайник и вышел из комнаты, чтобы набрать в него воды из-под крана. Говорили, что пить её небезопасно, но сейчас было плевать… лишь бы горячая, лишь бы с запахом чая и сахара…

Саске остановился у зеркала, висящего на стене. Оно досталось им от прошлых хозяев и было чем-то вроде бонуса этой комнаты. Большое, во весь рост, оно ютилось сбоку от холодильника и давало полный обзор стоящего перед ним тела. Брюнет приложил руку к рёбрам, осторожно ощупывая. Боль была резкой, стреляющей, а местами тянущей и почти незаметной, если не трогать. Нужно было снять чёрную

футболку и осмотреть себя на предмет повреждений. Учиха вздохнул, морально готовясь к резкой боли, и резко сдёрнул с себя рубашку. Так и произошло. Стоило поднять руки, как мышцы резануло огнём. Ругнувшись, брюнет окинул взором представшую перед ним фигуру и невольно нервно усмехнулся.

– Сас… ооо, – протянул вошедший Наруто, так и застывший с чайником.

На спине парня, в районе поясницы, красовался длинный уже наливающийся синяк, а когда Саске повернулся на голос, то стало заметно, что рёбра Учихи тоже приняли синеватый оттенок местами.

– Это они так не оставляют следов? – фыркнул Наруто, закрывая дверь и ставя чайник на стол. Про чай как-то забылось, стоило посмотреть на разукрашенное тело.

Наруто подошёл ближе, осторожно опуская кончики пальцев на синяк, что раскинулся на рёбрах Учихи. Прикасаться не решился, просто задержал руку над кожей, чувствуя тело.

– Заживёт, – отрезал Саске, отходя на шаг назад, чтобы хоть как-то разомкнуть расстояние между ними. Сейчас намылить шею Узумаки он был не в силах, так что не хотел провоцировать себя же.

– Тебе надо в больницу, – упрямо выдохнул Наруто, поднимая глаза на Саске и опуская зависшую нелепо в воздухе руку.

Учиха усмехнулся, тыкая пальцем себе в висок.

– Я живу с опухолью. А это просто синяки.

«Живу…» – внутренний голос громко рассмеялся.

– Подожди. Вдруг рёбра сломаны, – не отставал Наруто. – Давай хоть я проверю.

– Ты врач?

– Нет.

– Ну так и не хер.

Саске развернулся, но слишком резко и пришлось схватиться за бок, сжимая зубы и упираясь рукой в спинку стула. Дыхание моментально спёрло где-то в лёгких, словно ребро своими осколками проткнуло оное насквозь.

– Ложись.

– Да иди ты…

– Саске, просто ляг, – устало потребовал Наруто. – У меня собаку когда-то сбили… и у неё были сломаны рёбра… я пробовал.

– Собака у нас ты, – сквозь зубы процедил Учиха, но на кровать всё же улёгся, выдыхая горячий от боли воздух из разрывающихся лёгких.

Он уставился в потолок, стараясь не обращать внимания на Наруто. Захотелось мальчику поиграть в доктора, пусть играет. Лишь бы в душу не лез.
Наруто нервно почесал переносицу. То была собака, а это человек.
Он придвинул стул к кровати, усаживаясь, чтобы было удобнее. Руки зависли над боком Саске, в то время как взгляд скользил по исхудавшему телу. При каждом неглубоком вздохе кожа на рёбрах Учихи натягивалась, обтягивая их и заставляя проступать слишком явственно. Было заметно, что парня бьёт лёгкая дрожь: то ли успел замёрзнуть, то ли было больно дышать из-за синеватых рёбер.

– Я осторожно, – предупредил Наруто прежде, чем опустить пальцы на ребро.

Саске поморщился, но стерпел, когда рука двинулась к следующему, легко нажимая на кость и проводя по её длине.

Болела кожа, мышцы, но боль от перелома была бы иной.

– Ничего? – взволнованно спросил Наруто, останавливая пальцы на ребре.

– Нет, – шикнул Учиха. – Давай быстрее.

Чужие прикосновения отзывались в теле неприятной болью, но в голове всплывали совсем не дубинки, которые изрядно подпортили его тушку.
Рука Наруто переместилась на другой бок. Теперь Узумаки пришлось привстать, чтобы доставать до рёбер. Здесь синяков было меньше, но Наруто ощупывал кости с такой же дотошностью, что и раньше. Он изредка поглядывал на лицо Учихи, сверяясь с его реакцией, но неизменно натыкался на серьёзный взгляд тёмных глаз, и становилось как-то неловко. Нет, не от того, что он проверяет рёбра на целость, а от того, что они оба помнили, когда руки касались совсем иначе.
Узумаки опустил взгляд, стараясь больше не глядеть в глаза Учихи. Сосредоточил своё внимание лишь на ощупывании костей, которые, слава Небу, до этого момента были целыми. Сейчас Учиха казался ему каким-то потухшим, словно смирившимся со своей ролью сбитой «собаки». Или же просто стерпел и разрешил посмотреть на себя немного с другой стороны, втянул острые иглы.
Или же наоборот, затаился, чтобы пронзить насквозь лишь одной?
Взгляд зацепился за проступающую на животе венку, скрывающуюся за джинсами, и только сейчас Узумаки осознал, что не хочет воспринимать Саске, как бумажную поделку.
Рука невольно замерла над последним проверенным ребром и переместилась на грудь Учихи, осторожно опускаясь. Наруто опасливо посмотрел на лицо брюнета, ожидая увидеть во взгляде злость, но глаза были закрыты. На миг Наруто показалось, что Саске спит и, скорее всего, так оно и было. День добил обоих, высосав все силы.
Узумаки аккуратно сел, не убирая ладони с холодной кожи, и замер, ожидая услышать или почувствовать биение за рёбрами.
Удар…
Ещё удар…

Наруто тяжело вздохнул, понимая, как глупо это всё. Он провёл свободой рукой по своему лицу, пытаясь унять бьющиеся внутри противоречивые чувства.
Удар…

– Я думаю, это ненормально, – хрипло сказал Саске, не открывая глаз.

Наруто почувствовал, как внутри всё ухнуло и отозвалось холодом, обрушившимся на тело. Он отнял руку от лица, смотря на Учиху.

– Что… что ненормально? – в горле сразу пересохло, и голос вышел каким-то картонным.

– Всё это.

Саске всё же открыл глаза, поворачивая голову набок, чтобы смотреть в лицо Узумаки.
Наруто хотел было уточнить, что именно, но ведь понял всё с первого раза. Просто тянул время, чтобы буря в душе успокоилась.
Чёрные глаза смотрели на него, ожидая ответа, а Узумаки чувствовал себя немым и парализованным одновременно.

– Наверное, ты прав, – всё же выдохнул Наруто. – Мы… не должны были…

Рука, всё ещё лежащая на груди Учихи, отсчитала два быстрых удара.
Живое сердце… живое, бьющееся и гоняющее кровь по венам, артериям. Наруто не понимал, как оно может перестать биться в один из дней? Как какая-то опухоль в голове может заставить этот мощный механизм навсегда замолчать? Не хотелось понимать, и Узумаки привычно отодвинул эти мысли за ширму под названием: «Не сегодня».

– Нужно забыть это всё. Ничего не было, – с трудом пробормотал Наруто, опуская взгляд, чтобы спустя вздох вновь посмотреть на затихшего Саске.

Учиха прищурился как-то странно, выдохнул и подцепил руку Наруто, убирая её со своей груди слишком резко.

– Дай мою зажигалку.

Глава 7. My Obsession.

"Let us make a thousand mistakes
´Cause we will never learn"
Cinema Bizarre – My obsession

«Давай же сделаем тысячу ошибок,
Потому что мы всё равно на них не научимся».

Саске прекрасно знал это саднящее чувство внутри. Он не мог его игнорировать, лежа в своей кровати. Он не мог больше отгораживаться от того, что так неумолимо приближалось и уже дышало в затылок.
Учиха поднял руку к глазам, проводя ею по тонкой коже век, а затем вновь опустил ладонь с кровати, утыкаясь костяшками пальцев в шершавый ковёр.
Постепенно всё возвращалось. И с каждой минутой собственное тело ощущалось непомерно тяжёлым. От его веса кости начинало ломить, и они становились хрупкими.
Наруто уснул, так толком и не расправив кровати. Блондин уверял, что просто приляжет и встанет через пять минут, чтобы попить чай.
Саске грустно усмехнулся, понимая, что с тела слетает не только вновь появившаяся надежда, но и ещё что-то. Шелуха… очередные маски.
В темноте всегда легче. Ведь никто не видит твоего лица, твоих глаз. Нет нужды казаться сильным для других, а для себя… а для себя уже нет смысла казаться каким бы то ни было. Можно просто быть, а там как пойдёт. Разорванная пустота примет тебя таким, какой ты есть. Сильным, слабым, больным или же здоровым.
Это только люди могут отгораживаться от того, кто в минуту слабости из-за отчаяния попросил помощи. Они обвинят в слабости того, кто вынес столько, что им самим не снилось. Тем, кто сидит в своём уютном мирке, упиваясь лишь

иллюзорными страданиями над разбитой кружкой или кошмарным сном. Они обвинят тебя в слабости, поставят на тебе крест и поспешат забыть.
Саске тяжело вздохнул, садясь на кровати. Тело саднило со всех сторон, но больше всего ныли рёбра и, кажется, лёгкие за ними.
На языке появилась какая-то горечь, когда Учиха облизнул губы.
Ты никогда не будешь одним из них, если попросишь помощи.
Поднявшись, брюнет пошатнулся, хватаясь рукой за угол стены и замирая, чтобы выровнять задрожавшую перед глазами комнату. Взгляд сам собой упал на спящего соседа, который так беззаботно выдыхал, морщился во сне и иногда подрагивал.

– Придурок, – тихо выдохнул Учиха, чувствуя, как всё внутри сдавливает лишь от одной попытки вдохнуть воздух.

Хотелось опять уйти, но ведь он найдёт его и опять начнёт нести всякую чушь про дружбу.
Захватив со стола сигареты и зажигалку, Учиха тихо вышел из комнаты, прикрыв за собой дверь.
Коридор общаги утопал в темноте и тишине. Когда переваливало за двенадцать, свет в проходах гасили, погружая этот суетливый мир в холодную темноту.
Придерживаясь пальцами за холодную гладкую стену, Саске направился в сторону кухни, где можно было растянуться на затёртом диване и выкурить несколько сигарет разом. Никто не будет мешать.
Зайдя в небольшую комнату, пропахшую едой и гарью, брюнет опустился на диван, закуривая.
Темнота расслабляла.
С каждым выдохом из тела уходило что-то важное, словно сигаретный дым разъедал всё и превращал в сероватые облака.
Саске смотрел, как они замысловато перекручиваются в непонятных узорах и растворяются.
Всё вновь вернётся к исходной точке или резко станет хуже?
Учиха сел, вытягивая перед собой руку ладонью вверх. Белая кожа в темноте выделялась каким-то инородным пятном.
Говорят, что эти линии могут сказать всё о человеке, но Саске не верил. Лишь скривил губы в презрительной усмешке и зажал

сигарету пальцами, поднося к руке. А что, если опять?
Тлеющийся кончик с шипением въелся в центр ладони, и брюнет резко дёрнул рукой, отряхивая искры. Боль была. Пока ещё была.
Парень откинулся на спинку дивана, закрывая глаза и закусывая губу.
Сейчас можно было попытаться быть собой, но тело до того привыкло выставлять перед собой сотню масок. Даже тогда, когда Саске думал, что давно снял их, разбив вдребезги.
Учиха чувствовал эту пугающую пустоту. Он знал, что стоит ей открыться и она вновь заполнит череп своим вязким холодом. И тогда не будет разницы между победой и поражением. Всё станет ледяным, бесцветным и обратится в картонные декорации.

– Саске?

На голое плечо легла чья-то тёплая рука, заставившая Учиху вздрогнуть всем телом и обернуться на знакомый голос. Ему на миг показалось, что он увидит Её… но ведь голос принадлежал Наруто…
Блондин с совершенно потерянным выражением на лице сидел рядом. Нелепый, растрёпанный, с блестящими глазами, в которых Саске пытался заметить блеск жалости. Но его там не было. Вновь не было.
Рука соскользнула с плеча, падая на затёртый диван, и Наруто замер, ожидая реакции от друга. За этот день он видел столько оттенков эмоций, что уже запутался и бросил попытки угадать следующее действие Учихи.
Можно было просто сидеть в этой чужой холодной кухне, куда запустили удушающий плотный мрак. Он отрезан от жизни снаружи, заставляя верить в то, что ничего нет помимо этого старого дивана, запаха сигарет, и большого окна здесь не существует.
Учиха хотел уйти, но мрак не пускал. Он всё-таки потянулся за очередной сигаретой и зажал фильтр в зубах, даже не подумав чиркнуть зажигалкой. Взгляд просто плавал где-то перед ним, ловя замысловатые образы, существующие лишь в его голове.

– Это действительно неправильно.

Саске скосил глаза на заговорившего тихим хриплым голосом Наруто. Блондин смотрел себе под ноги и нервно поджимал пальцы на босых ногах.

– Мы это уже выяснили, – напомнил Саске. – Незачем возвращаться к этой теме вновь.

Наруто молча кивнул, ещё сильнее опуская голову.
Саске едва слышно хмыкнул, разглядывая поникший профиль парня.

– Ты… ты меня ненавидишь, – глухо.

Чёрные брови сошлись над переносицей. Ненависть? К чему он это? Да и зачем говорить такие фразы, на которые всей душой желаешь услышать опровержение?

– Ненависть, – задумчиво повторил Саске, – это слишком много для тебя.

Очередной кивок.

– Только я не понимаю почему.

– Что? – не расслышал Саске, ибо голос Узумаки вовсе стал походить на тихий фоновый шум. Он вытащил бесполезную сигарету из губ, комкая её в пальцах.

– Почему ты меня ненавидишь? – вскинув на него глаза, выпалил Наруто.

Кажется, Узумаки боялся смотреть прямо прежде, но сейчас требовательно прожигал глазницы Саске в ожидании ответа. Учиха склонил голову набок, рассматривая это упрямое лицо, в котором ему не нравилось ровным счётом ничего. Да и не могло нравиться.
Пальцы цепко ухватили вздрогнувшего Наруто за подбородок, притягивая его лицо ближе к своему. Учиха выжидающе замер, когда между их губами оставалось всего несколько

сантиметров. Этот придурок опять ничего не сделает, опять позволит?
Наруто опасливо вцепился в запястье брюнета рукой, смотря настороженно и как-то непривычно резко. Его взгляд метался между глазами Учихи и его же губами до тех пор, пока они не коснулись его. Узумаки дёрнулся назад, но Саске не позволил отстраниться, сильнее сжимая подбородок блондина.
Учиха мысленно ругнулся, когда Наруто нерешительно положил свою руку ему на плечо.
Значит, это неправильно?
Это всё неправильно…
Зачем усложнять ситуацию ещё и этим? Зачем добавлять проблем в и без того огромный список? Чтобы стало ещё хуже, больнее?
Саске сам не заметил, как слишком сильно прикусил губу парня, и тот всё же отстранился, прислоняя руку ко рту и весь будто сжимаясь.
Осознание происходящего накатывало волнами, которые разбивались об обхвативший этих двоих мрак. Ведь за мраком больше ничего нет? Ни мира, ни правил, ни людей, которые могут осудить?
Учиха тряхнул головой. Это всё бред. Бред, и ничего больше.
Он откинулся на спинку дивана, роняя на неё голову и прикрывая глаза. Выдохнул и даже попытался усмехнуться.

– Я ненавижу тебя за то, что ты тряпка, – проговорил он.

Наруто поджал губы, борясь с желанием уйти отсюда, подгоняемый каким-то холодным стыдом, но прибитый к месту совершенно иным чувством.
Он потянулся рукой к руке брюнета и осторожно накрыл холодные подрагивающие пальцы с торчащими костяшками ладонью. Саске дёрнулся, чтобы высвободить руку и положить её чуть поодаль от Наруто.

– Я ненавижу тебя за то, что не останавливаешь меня.

Узумаки смотрел на него и не хотел слушать или слышать.
Он сам не понимал себя и того, что творилось. Да, слова Нагато успокаивали, но лишь в теории. Когда дело дошло до практики,

стало не так просто воспринимать сдвиги в собственной голове. Наруто всё-таки потянулся к брюнету, утыкаясь горящим лбом в угловатое плечо и прикрывая глаза.

– Мне плевать на правильность или неправильность, – продолжал тихо говорить Саске, беседуя скорее с темнотой перед глазами, чем с Наруто. – Это то, что есть в твоей больной башке, Узумаки.

Учиха тяжело выдохнул, подозревая, что субстанция в его черепе ненамного здоровее.

– Но… ты ведь тоже, – сбивчиво начал Наруто, – ты ведь тоже отвечаешь. Так какого чёрта сваливаешь всю вину на меня?!

К концу предложения Узумаки шипел зло, едва не срываясь на повышенные тона. Останавливало только треклятое воспитание и поздний час вкупе со спящими жителями общаги.
Саске раздражённо шикнул, выпуская воздух через сжатые зубы. Этот придурок ещё и напоминает…

– Не вини меня в том, что сам не останавливаешь!

Наруто даже отнял голову от плеча Учихи, вглядываясь в бесстрастный профиль, и вновь печально вздохнул. Саске было действительно плевать на всё то, что роилось в душе у блондина. Хотя, неужели Узумаки ждал чего-то большего от этого истукана, который только прикидывается человеком? Да и что вообще, чёрт возьми, он может ждать от парня?!
Короткий нервный смешок сорвался с губ, и блондин тряхнул головой, пряча взгляд за чёлкой. Всё так перепуталось…
Саске вновь прикрыл глаза, утопая в своей личной темноте, куда Узумаки ход был заказан.

– Ты говоришь, что тебе плевать, но не останавливаешь меня.

– А ты признаёшь это неправильным, – напомнил Саске.

Ситуация была до странного смешной. Словно одна проблема наложилась на другую, и появилась третья. Совершенно глупая,

буквально сотворённая из ничего.
Лоб вновь ткнулся в его плечо, и брюнет нахмурился ещё сильнее. Нашёл себе подушку…

– Я признаю хотя бы, что мне не безразлично.

Рука Наруто вновь легла на грудь Саске, отсчитывая глухие удары за рёбрами. Но в следующий момент на запястье блондина сомкнулись жёсткие пальцы, отводя ладонь в сторону. Узумаки крутанул кистью, выворачивая руку из хватки Учихи и хватаясь уже за его ладонь.
Если бы кто-то зашёл, то мог подумать, что видит очередную парочку, когда на самом деле эти двое были в шаге от того, чтобы вновь не решить этот сложный разговор привычным методом – дракой. Такой простой язык кулаков и боли…
Саске дёрнул рукой, и не удержавший равновесия Наруто проехал щекой уже по груди Учихи, чтобы резко отстраниться и дёрнуться в сторону, выравниваясь.
Это прикосновение к собственной холодной коже обожгло огнём, срывая с губ злой рык. Выпрямившись, Саске резко дёрнул руку Наруто на себя, заставляя парня едва ли не рухнуть, но Узумаки вовремя выставил руку, упираясь ею в спинку дивана и нависая над брюнетом.

– Ты ещё скажи, что влюбился в меня, – зло прошипел Учиха в лицо Наруто.

– Не скажу.

Блондин ринулся назад, разворачиваясь и пулей вылетая из кухни.

– Стой! – выпалил Саске.

***

Дверь их комнаты резко хлопнула у Учихи перед носом, но брюнет зло толкнул её, влетая в комнату следом за Наруто.

– Какого хера ты творишь!? – выпалил он, глядя на блондина,

что направился к своей кровати.

– Ложусь спать!

Не оборачиваясь к Саске, Наруто принялся раздражённо расстилать постель, вряд ли что-то видя. Руки дрожали, и хотелось поскорее скрыться под одеялом, отвернуться к стенке и вообще слиться с общей обстановкой.

– Узумаки, ты рехнулся, что ли? – ещё громче выпалил Саске, захлопывая дверь.

– А что такого в том, что я ложусь спать?!

– Повернись ко мне лицом.

Спокойный голос Учихи выдавал его ярость лучше, чем крик.

– Нет. Спокойной ночи, Саске.

В следующий момент Наруто почувствовал, как его ухватили за плечи и развернули лицом.

– Ты влюбился?

– Нет, – выпалил Наруто. – Идиот, что ли?!

– Ты долбанный придурок!

Саске зло оттолкнул Узумаки от себя, отходя на шаг назад и нервно сжимая кулаки. Это выходило за рамки нормального, адекватного…

– Успокойся. Я же сказал, что нет.

Саске усмехнулся. Злость сосредоточилась где-то на уровне рёбер, больно покалывая то, что должно называться сердцем. Это растерянное лицо Наруто перед ним раздражало, и хотелось поскорее стереть с него всякую эмоцию, превратив его черты в кровавое месиво.

– Тогда почему не останавливаешь меня?

Наруто всё-таки поднял на Саске озадаченный взгляд. Дерзкие, невозможно яркие глаза… даже в этой мгле. Хотелось, чтобы он перестал смотреть и видеть.

– Просто…

Учиха зло рыкнул, всё-таки приближаясь к Узумаки, чтобы губы тут же натолкнулись на чужие. В голове путались мысли, путались чувства и эмоции. Замысловатая паутина оплетала тело, заставляя действовать совершено сумасшедше, нелогично и…
…Рука вцепилась в волосы на затылке блондина, губы прошлись по шее, цепляя линию ключиц. Наруто упёрся руками в грудь Учихи, пытаясь отстраниться, но руки, держащие парня за плечи, лишали полной свободы действий.

– Саске… прекрати, – выпалил Узумаки, когда брюнет отстранился от его губ, чтобы втянуть в себя воздух. – Мне ничего этого не надо.

Наруто попытался вырваться в очередной раз, но болезненно шикнул, когда его толкнули спиной на стену. Кажется, что всё то, что случилось у дома Джирайи, повторялось…
Узумаки зло взглянул на Саске, застывшего всего в нескольких сантиметрах от него. Чёрные глаза странно поблескивали, губы кривились в усмешке.

– Не надо? – прохрипел Учиха, запуская руку под футболку Наруто и проводя по вздрогнувшему животу. – Ты же у нас тут влюблённый придурок, не я. А влюблённым придуркам нужно всё это…

Эти слова больно били по расшатанным нервам…
Узумаки выдохнул внезапно горячий воздух, утыкаясь лбом в выпирающую ключицу Саске. Зажмурился, но губы будто сами собой провели по холодной коже.

– Да, это ненормально, – согласно кивнул Наруто, поднимая глаза на застывшего парня. – Ненормально…

– Заткнись, – рыкнул Учиха, прижимаясь к горячему телу и впиваясь пальцами в бока парня. Не было больше сил слышать эти шаткие оправдания собственных действий, которые рушились от одного поцелуя, прикосновения, пробегая холодными мурашками по позвоночнику. Каждый предавал самого себя, нарушая свои же слова, обещания, когда губы вновь и вновь ловили чужие вздохи.

Руки Наруто прошлись по холодной спине Саске, с нажимом надавливая на кожу и заставляя брюнета недовольно шикать в ухо. Казалось, что эти прикосновения были почти болезненными для Учихи, но тот продолжал упорно терзать губы блондина. И непонятно было… чего здесь больше – упрямости или глупости.

– Ты себе позволяешь это, – выпалил Саске, цепляясь за футболку Наруто и порываясь стащить её с тела парня. – Потому что знаешь, что я сдохну… и некого будет стыдиться.

– Заткнись, – нервно выпалил Наруто, цепляясь пальцами за плечи друга. Одно это слово вызвало в груди болезненный удар, и пришлось прижаться к тонкому телу, чтобы понять – всё ещё здесь.

– Только в голове всё останется, – продолжал с усмешкой говорить Саске. – В твоей голове, Узумаки.

Футболка упала на пол, и блондин всё же отшатнулся, вдавливаясь лопатками в шкаф. То, что происходило сейчас разительно отличалось от прежнего. Движения Саске были резкими, жёсткими, словно он делал всё назло из-за какой-то глупой мысли.

– Давай… не будем, – тихо выдохнул Наруто.

Учиха замер, выпрямившись так сильно, будто в спину ему загнали раскалённый железный прут. Он опустил до этого

придерживающие Наруто руки и даже отошёл на шаг назад, скользя непонятным взглядом по Узумаки.
В чёрных глазах появилось что-то новое, что так хорошо было видно даже в этой полумгле комнаты.
Проведя рукой по лицу, брюнет отвернулся и направился к своей кровати, на которую и лёг затем, мрачно наблюдая за пространством перед собой.
Наруто стукнулся затылком о стену, выдыхая и успокаиваясь. Обида и злость давно ушли, оставив после себя привычное опустошение. От него хотелось только поскорее избавиться, уснув и не вспоминая, что и на этот раз они оба сделали друг другу больно. Или же кто-то один другому.
Учиха прикрыл глаза, чтобы не видеть этого застывшего у стены тела. Впрочем, всё шло так, как должно было, и ничего из этого уже не изменишь. Не только потому, что нет желания менять, а потому что нет смысла. Никто не забудет и не отпустит. Это будет крутиться в голове ещё очень долго, не давая покоя.
Саске перевернулся на спину и от неловкого движения невольно дёрнулся: рёбра, про которые он совсем забыл на несколько минут.
Наруто, всё ещё прижимающийся к стене, опасливо покосился на тяжело вздохнувшего Саске.

– Ты в порядке?

– Отвянь, – тихое, сквозь зубы.

Тяжело вздохнув, Узумаки подошёл к кровати Саске и остановился у её края, рассматривая съёжившееся от боли тело.

– Я же вижу, что больно, – покачал головой Наруто, опускаясь на кровать, поразмыслив лёг набок, поворачиваясь к удивлённому Саске. Лежать на самом краю было не очень удобно, и тело грозило вот-вот соскользнуть на пол. А под немигающим взглядом брюнета вовсе хотелось встать и уйти побыстрее.

Саске поморщился, выдыхая боль из лёгких, и задумчиво покачал головой:

– Ты точно ненормальный.

Тот факт, что блондин припёрся на его кровать и вновь выворачивал душу наизнанку, заставляя тело ощетиниться злостью. Как же нужно было больно ударить человека, чтобы тот раз и навсегда забыл о тебе, перестал лезть…
Уже ставшая привычной тяжесть чужой руки на груди заставила Саске скосить глаза на Наруто и криво усмехнуться, подтверждая свои же слова.
Узумаки пожал плечами. Даже если он и ненормальный, если даже с его головой действительно что-то не так, то что с того? Кому от этого тяжелее, кроме него самого?
Рука скользнула выше, обхватывая Саске за плечи, и блондин придвинулся ближе, держась за это тело, чтобы не съехать с края. Или же просто потому, что хотелось. Саске заворочался, едва не спихивая Наруто, но всё же перевернулся на бок, чтобы прислониться спиной к холодной стене и оставить между ними довольно большой зазор. Рука Наруто соскользнула, оказываясь на шее брюнета, пальцы замерли на миг, а затем провели по выступающей вене, в которой медленно бился пульс.

– Я знаю, – пожал плечами Наруто, как-то вымученно улыбаясь.

Саске отмахнулся от руки, что неприятно щекотала кожу на шее, прихватывая её за запястье и отводя в сторону. Однако в этот раз Наруто не был таким покладистым, вновь вырывая руку из слабой хватки и накрывая ею тёмный синяк на рёбрах Учихи.

– Болит, – кивнул брюнет.

– Если не будешь лапать, то не будет.

Саске вновь убрал руку блондина, но Узумаки упрямо потянулся к нему в третий раз, осторожно касаясь губ. Учиха бы вжался в стену сильнее, если бы лопатки уже не кололо болью.

– Почему ты меня ненавидишь? – прошептал Наруто,

отстраняясь, но не отодвигаясь.

Кажется, этот вопрос уже задавался сегодня. Повторение подожгло уже тлеющий огонёк раздражения. Ненавидишь… Саске скользнул взглядом по доверчивому лицу, и пальцы невольно сжались на чужом плече, заставляя Наруто шикнуть от боли. Завтра останутся синяки…
Хотя к ним уже не привыкать.
Узумаки упрямо обхватил сопротивляющееся тело руками, прижимая к себе и утыкаясь лбом в сгиб шеи. Шумно выдохнул, опаляя кожу горячим воздухом. Если бы Учиха был в футболке, то парень бы вцепился в неё, комкая и цепляясь за тонкую ткань. А так пришлось скользить пальцами по лопаткам, позвоночнику.
Саске передёрнул плечами, отгоняя чужое тепло. Он не желал ощущать его, ведь в своём коконе всегда было уютнее, а холод был намного приятнее, чем эти волны, разливающиеся по телу. На шее он чувствовал чужое дыхание, а затем и горячие губы, что прихватывали кожу, проходя вверх и вниз, останавливаясь под подбородком, цепляя оголённые нервы. Пальцы цеплялись за него так, будто Узумаки действительно боялся упасть.
Колено блондина неловко толкнулось в ноги Саске, заставляя чувствительно пнуть в ответ, отталкивая слишком близко прижимающегося парня. Наруто даже отстранился на минуту, а затем в отместку накрыл его губы своими. Учиха было сжал их в одну прямую линию, чтобы этот болван не смог сделать что-либо, но очередная волна тепла, стукнувшая в голову, заставила ухватить чужие губы самому, исследуя мягкую кожу, осторожно прикасаясь языком и замирая от собственной же смелости. Или глупости.
Было забавно дышать одним воздухом, который нагревался с каждой секундой, и стена позади уже не обжигала выпирающие лопатки холодом. Всё внимание сосредоточилось лишь на том, что лежало рядом, ощущалось, как тёплое и живое, прижимающееся слишком близко, цепляющееся слишком сильно.
Саске прикрыл глаза, чтобы успокоить бьющееся в груди сердце и стереть накатившие эмоции. Он даже попытался прекратить всё это, отталкивая Наруто от себя, а в следующий момент осознал, что нависает над ним, упираясь руками в подушку по

обе стороны от головы блондина.
Потрёпанное тело саднило и ныло от неудобного положения, но Учиха упрямо оставался на месте. Лишь перенёс вес на одну руку, проводя второй по шее Узумаки. Последний нервно дёрнулся, ожидая, что костлявые пальцы вот-вот вновь сомкнутся на горле, но в этот раз они прочертили дорожку до его груди, замирая. Холодная, словно сделанная из камня ладонь замерла, опускаясь туда, где за рёбрами трепыхалось бедное сердце, перекачивая кровь по разгорячённому телу. Учиха задумчиво склонил голову набок, впитывая ладонью эту живую вибрацию, запоминая, хотя не мог понять зачем. Хотелось забрать чужую жизнь, впитать в себя и…
Он опустился, отнимая руку и прикасаясь к тому месту губами, прикрывая глаза и пытаясь почувствовать биение вновь. Наруто от неожиданности вздрогнул, цепляясь пальцами за грубое покрывало. С губ сорвался вздох, и парень попытался привстать, чтобы прикоснуться в ответ, но его придавили рукой, которая легла на рёбра. Саске предостерегающе посмотрел в глаза парня, останавливая всякие попытки к движению. Это зыбкое чувство чужой жизни, бьющейся под губами, завораживало. Хотя вряд ли он действительно чувствовал удары сердца, скорее мозг дорисовывал в воображении необходимое.
Наруто откинулся на кровать, стараясь не вдумываться в то, что происходило. Ещё можно было остановить всё, сказать, что это ошибка, и больше никогда не поднимать эту тему. Но тогда придётся наталкиваться на колючий взгляд, укоры. Последние, конечно, будут в любом случае…
Узумаки нервно сжал губы, когда рука Учихи скользнула по чувствительным точкам внизу живота, пуская по телу колкие мурашки. Нужно было прекратить всё это… немедленно. Ведь ощущения давно переросли грань между приятной щекоткой в груди, когда чувства, ища выход, бьются о рёбра, и наваливающейся ноющей тяжестью в теле.
Саске усмехнулся, отстраняясь от груди парня. Он прекрасно понимал, что Узумаки сейчас мечется в своих трусливых мыслях, ища оправдание, выход или безобидное для обоих решение этой ситуации. Так же Учиха прекрасно осознавал, что собственные мысли путались, логика уступала банальному желанию прикасаться, чувствовать и вызывать чувства. Это

было странно, об этом нужно было подумать, рассмотреть со всех сторон, сетуя на свою ненормальность. Но для Саске давно перестала существовать грань, уйдя за которую уже нельзя вернуться. Он и так не сможет вернуть, он и так за Гранью.
Губы коснулись ямочки между ключицами, языком вычерчивая тонкий узор по горлу. Пришлось всё же привалиться к боку Узумаки, потому что вытянутая рука устала от брошенного на неё веса тела и противно ныла, отвлекая. Ногу пришлось упереть коленом между ног блондина, ища хоть какой-то опоры. Всё-таки кровать была чертовски узкой…
Наруто дёрнулся навстречу, устав от этого неторопливого действа, которое, кажется, было для Саске чем-то вроде очередной издёвки над чужими чувствами.
Слегка опустившись, Узумаки поймал губы брюнета своими, заставляя того отвечать на быстрый поцелуй. Слишком рваный из-за бьющегося быстро в груди сердца. Учиха потянул за волосы на затылке Наруто, заставляя того отстраниться, закидывая голову назад. Язык прошёлся по выгнутой шее, задевая острый кадык. Наруто прикрыл глаза, задерживая дыхание, разрываясь между этой обжигающей болью в затылке и тягучим чувством, разлившемся по телу там, где его касался Саске. А когда рука брюнета застыла внизу живота, Наруто всё же дёрнул головой, к счастью, Учиха уже не держал за волосы, позволяя впериться непонимающим взглядом в глаза. Однако на него не смотрели, лишь придавили ближе к кровати, не давая дёргаться и заставляя послушно растянуться на ней, вцепившись разве что пальцами в холодное плечо.
Узумаки внезапно вновь захотелось уйти отсюда поскорее, когда чужие пальцы прошлись по грубой джинсе там, где тело налилось тяжестью и твёрдостью. Щёки залило краской, и он шумно выдохнул, сгорая от стыда. Да… уйти отсюда было бы лучшей идеей.

– Саске, – тихо заговорил Наруто, – давай лучше… не надо.

Учиха усмехнулся, услышав этот тихий и слегка надломленный волнением голос. Пальцы надавили сильнее, заставляя Узумаки сдавленно охнуть и тут же впиться в запястье брюнета. Взгляд вперился в усмехающееся бледное лицо.
Мораль трещала по швам, прорываемая стыдом и осознанием

своего собственного желания.

– Не надо, – тряхнул головой Наруто.

Учиха хмыкнул, лёгким движением стряхивая со своей руки руку Наруто. Последний вполне справедливо опасался, понимая, что стояк на парня – дело плохое и, в общем-то, пропащее. Что за это могут долго и больно упрекать, издеваясь и раня без того покалеченные чувства.
Наруто был настолько увлечён своими собственными чувствами, что не замечал очевидного. Саске придвинулся ближе, надавливая бёдрами на ногу Наруто, ловя удивлённый взгляд того. Если и насмехаться после всего этого, так друг над другом…

– Заткнись, – шикнул Учиха, вновь придавливая рукой грудь Узумаки, заставляя того повалиться на кровать с таким обречённым вздохом, будто его собирались убивать.

Саске отнял руку от джинсы к глубокому облегчению Наруто, но опустил её уже на живот, оглаживая выпирающие косточки, проходясь пальцами по бокам и замирая под поясом джинс.
Наруто не выдержал первым, ринувшись вперёд и впиваясь в губы Учихи. Это было невыносимо терпеть не только из-за обуревающего его смущения, которое требовало или закончить всё наконец или разойтись и забыть. Жар, кипящий в теле, требовал выхода хотя бы через поцелуй. Быстрый, болезненный, требовательный.
Что-то звякнуло, и холодная рука скользнула по его паху, а затем всё-таки дотронулась до горячей плоти, заставляя Узумаки внутренне сжаться, упираясь лбом в лоб Саске и горячо выдыхая.
Так не должно быть.
Но так было.
Брюнет нахмурился. Мешались джинсы Узумаки, неприятно трущиеся какой-то слишком острой молнией о тыльную сторону руки, сковывая движения.
Отстранившись и сев на кровати, он зло дёрнул ткань, спуская её до колена. Было смирившийся со всем Наруто вновь напрягся, как-то сжимаясь и замирая. В груди сердце уже,

кажется, перестало биться от волнения. Саске не собирался останавливаться надолго, вернувшись на место и, не глядя, стягивая и нижнее бельё парня. Наруто предпочёл не смотреть также, вновь пытаясь найти оправдания в губах Учихи, скрыть своё смущение и хоть как-то зацепиться за реальность. Саске на удивление согласно отвечал, изредка останавливаясь, чтобы вдохнуть или выдохнуть. Собственное дыхание терялось где-то в сжатых болью лёгких. Рука брюнета прошлась по затвердевшему горячему органу, вновь заставляя Узумаки вздрогнуть. Обхватила пальцами, двигаясь сначала медленно, затем быстрее и резче.

Все мысли в голове Наруто смешались, сливаясь в одну тёмно-красную пелену перед глазами, сосредотачиваясь на чужих губах, пока осознанность не подвела, и он не уткнулся губами в сгиб шеи Учихи. Захватив чужую кожу губами, он попытался сдержать рвущиеся наружу стоны, заменяя их шелестящим дыханием через нос и почти болезненным поцелуем.

Происходящее пьянило своей нереальностью и невозможностью. Это же Саске. Грубый, вечно злой Саске… чья рука так плотно обхватывает горячую плоть, скользит по ней, томительно замирая и заставляя толкаться на встречу. Это же тот, кто завтра обязательно припомнит все эти громкие вздохи, весь этот жар на двоих, поцелуи…

Обязательно. Причинит. Боль.

Учиха уткнулся лбом в повлажневшее от испарины плечо Узумаки, втягивая в себя воздух сквозь зубы. Всё это… всё это захватывало, выливаясь в лёгкие укусы, в разноцветные круги перед глазами, которые до последнего пытался держать открытыми.

Маски рушились, падая и разбиваясь. Придётся собрать их, склеивая наспех осколки.

Узумаки зачем-то положил свою руку на грудь Саске, и этот жест обдал холодной волной тело. Пальцы задвигались быстрее, в то время как свободная рука зарылась во взъерошенных волосах блондина. Вновь шею обожгло чужим судорожным выдохом, Наруто прижался отчаяннее, и тело его стало походить на натянутую струну. Секунда, движение, и плоть дрогнула, изливая горячее, вязкое.

Кажется, Наруто забыл, как дышать, вцепившись каждой клеточкой тела в Учиху, чувствуя, как проваливается в

багровую бездну, как по телу пробегают приятные судороги. В ушах билась кровь, в горле пересохло. Хотелось выдохнуть, но не получалось до тех пор, пока волны удовольствия не перестали накрывать расслабляющееся тело.
Саске терпеливо ждал, пока его отпустят, уткнувшись носом в висок Наруто, чувствуя чужой запах и тёплое на руке. Осознание приходило медленно, да и было встречено весьма холодно и равнодушно. Брюнет прикрыл глаза, выдыхая в волосы блондина, успокаивая рвущееся сердце. Он вздрогнул, когда рука Наруто скользнула по его собственным джинсам, задевая пуговицу и молнию. Отстранился, перехватывая, глядя остро в затуманенные глаза.

– Нет.

Наруто потянулся было к нему, ткнулся губами в губы. Расслаблено, тепло. Саске вновь отстранился, садясь на кровати и глядя на растерянного Наруто. Сейчас блондин казался особенно беззащитным, наивным и… другим.
Кивнув своим мыслям, Учиха осторожно слез с кровати, чувствуя, что в голове стучится навязчивый молоточек, а в носу свербит.

– Ты куда? – взволнованно выдохнул Наруто, приподнимаясь на локтях и глядя в след Саске.

– Покурю, – тихо бросил Учиха, не желая оборачиваться.

Дёрнул дверь и оказался в небольшом закутке, делящим комнаты. Соседняя дверь была закрыта и, если кто-то всё же что-то слышал, то брюнету было глубоко плевать на их мнение. Он плечом открыл дверь ванной, вваливаясь туда и тут же замыкаясь. Прислонился голой спиной к ней, ловя взглядом собственное отражение в висящем над раковиной потёртом зеркале. Глаза отчего-то казались ещё больше, губы были неестественно красными от поцелуев, а на шее виднелся красноватый след, который завтра обязательно посинеет.
Саске накрыл его рукой, морщась. Отчего-то сегодня отражение пожелало остаться безмолвным, хотя имело все права осуждать Учиху, смеяться над ним и корчить рожи.

Щекотка в носу стала нестерпимой, и скоро тёмно-красная кровь заструилась по губам, подбородку, капая на белую грудь и застывая там безобразными кляксами.
Саске не удивился. Он знал, что так будет рано или поздно. Прильнул к раковине, сгибаясь над ней пополам из-за спазма, обхватившего тело. Тёмные пятна капали в желтоватую керамику, расползаясь.
Трясущимися пальцами включил воду, которая потекла далеко не сразу. Сунул под неё сначала руки, смывая следы произошедшего, не думая ни о чём, а затем провёл по лицу влажной ладонью. Кровь так просто не остановится…

***

Наруто прикрыл глаза ладонью, продолжая лежать на кровати Саске и чувствуя себя совершенно глупо. Возбуждение ушло, как водится, оставив после себя удивительно ясные, логичные мысли, которые подкидывали болезненные аргументы.
Конечно, Узумаки не ждал от брюнета того, что обычно происходит после такого… он не ждал, что парень так и останется лежать рядом, обнимая, как делают это девушки. Он вообще ничего не ждал, но тот факт, что Учиха вылетел из комнаты, как ошпаренный, больно стегануло по собственному полуобнажённому телу. Приходилось чувствовать себя обманутым, слабым и сломленным, глупым и наивным.
Негнущимися пальцами блондин дёрнул нижнее бельё, натягивая его на себя. С джинсами пришлось повозиться подольше.
Ждать возвращения Саске было бессмысленно. Да и зачем? Он ясно дал понять, что это была очередная издёвка или… что-то вроде этого.
Но ведь он тоже чувствовал…
Наруто прикусил губу, поднимаясь. Ноги были ватными, и слабость разливалась по телу. Это было хорошо. Можно быстро уснуть и не думать ни о чём, не корить себя за минутную слабость.

***

Когда Саске вернулся в комнату, то Наруто уже лежал на своей

кровати, отвернувшись к стенке.
Брюнет не стал спрашивать, отчего тот решил сменить место, почему отвернулся. Всё и так было ясно, и это понимание вызывало кривую усмешку. Мы все стыдимся того, чего действительно хотим…
Бросив влажное полотенце на спинку стула, Учиха улёгся на свою постель, вытягиваясь в полный рост и выдыхая. Взгляд вновь шарил по потолку в поисках ещё неисследованного, но из-за сумрака найти что-либо было проблематично.
Рука нашарила на тумбочке сотовый. Саске быстро нашёл нужное имя и написал смс, едва попадая пальцами по клавишам.
«Итачи, нужно поговорить. Завтра».

***

В машине Итачи пахло дешёвым ароматизатором воздуха, но даже он не мог заглушить сигаретного дыма, когда Саске закурил.
Младший Учиха сидел на переднем сиденье, вглядываясь в приборную панель.

– Почему ты так решил? – тихо спросил Итачи, смотря на брата.
– Что-то изменилось?

Они разговаривали уже около полутора часов, но ни к чему этот разговор так и не привёл, кроме тонны усмешек со стороны Саске и ледяному молчанию от Итачи.

– Нет, – пожал плечами Саске, выпуская дым в сторону старшего. – Ничего.

– Тогда почему? Это ведь… жестоко.

Итачи всё-таки не сдержал чувств, вцепившись пальцами в плечо брата и заставляя того повернуться лицом, скользнуть взглядом.

– А жизнь вообще жестокая штука, – безразлично пожал плечами Саске. – Ты не находишь?

– Саске, это не шутки.

– А кто шутит? – вздёрнул брови.

– Ты, кажется, путаешь понятия…

– Итачи, это произойдёт рано или поздно с твоим участием или без, – терпеливо пояснил Саске. Он чувствовал себя учителем, который объясняет недотёпе-ученику отчего земля не может прекратить вращаться.

Взгляд Итачи потерянно блуждал по лицу парня, ища хоть одну зацепку, хоть одну подсказку на истинные причины его просьбы.

– Тогда почему ты втягиваешь меня в это?

– Потому что мне больше некого втянуть, – неожиданно серьёзно выпалил Саске, глядя прямо в глаза. – А без этого никак… ты понимаешь? Если позволить всему закончиться иначе… то больно будет всем.

– Неужели мой младший брат начал бояться боли, – не без издёвки усмехнулся Итачи, хотя глаза его были серьёзными. – Неужели мой младший брат просит помощи.

– Заткнись, – шикнул Саске, дёргая за ручку двери, но Итачи моментально поймал его за руку, не давая выйти.

– Извини.

Дверь вновь хлопнула, и Саске нервно дёрнулся, высвобождая конечность.

– Может, всё же ты передумаешь? Это ведь…

– Итачи, – твёрдо, – я решил. Так должно быть. Прошу в последний раз, сделай всё так, как я сказал.

Голос Саске был непривычно серьёзным, и весь вид говорил о холодной решимости. Итачи невольно признал, что всё случившееся заставило младшего как-то быстро и неправильно повзрослеть.

– Хорошо, – сдался старший Учиха. – Я сделаю так.

Саске не стал благодарить, лишь сухо кивнул и поджал губы.

– Тебя подвезти?

– Подвези. Но… купи мне сигарет. Мои кончились.

Вторая за день просьба, сорвавшаяся с губ брата, ввела Итачи в некоторый ступор, но он кивнул и вышел из машины. В душе билось недоверие. Отчего всё?
Оставшись в машине в гордом одиночестве, Саске откинулся на спинку кресла, открывая «бардачок». Оттуда показались какие-то документы, ручка, ключи и чёрная кобура.
Усмехнувшись, Учиха достал её, расстёгивая кожаный ремешок и вынимая револьвер. Отец подарил его на совершеннолетие старшему, а тот так и возил его в машине, скорее всего, ни разу не использовав и вовсе забыв о нём.
Револьвер упал в рюкзак, что стоял в ногах Саске, и брюнет торопливо застегнул молнию, закрыл бардачок, откидываясь на спинку кресла.
Итачи вернулся спустя пару минут, протянул пачку сигарет брату и… конфету.

– Что это? – нахмурился парень.

– На сдачу дали. Я помню… ты любил их в детстве, – улыбнулся старший, всё ещё держа руку между ними.

Саске фыркнул, но конфету забрал, засовывая её в карман, а сигареты открывая тут же.

– Детство кончилось.

***

Наруто пришёл из института раньше, чем думал. Последнюю пару отменили, чем блондин был несказанно рад, ибо голова была забита совершенно другим. Но домой не тянуло… было страшно встретиться там с глазами Саске, который наверняка начнёт издеваться.
Мозг слишком хорошо помнил всё, что случилось прошлой ночью, а тело покрывалось мурашками лишь от воспоминаний. Приходилось давить в себе эти чувства, напоминая, что такого больше не повторится. Никогда.
Наруто вошёл в их комнату, бросая сумку под ноги и закрывая дверь. Обернувшись, тут же зацепился взглядом за чёрную, сгорбленную фигуру.

– Саске?

Наруто прошёл в комнату, замечая, что в руках Учихи зажат револьвер. Внутри всё похолодело.

– Ты спрашивал, почему я ненавижу тебя, – глухо проговорил Саске, смотря под ноги Наруто и усиленно отгоняя от себя навязчивые голоса в голове.

– Ты… зачем ты это притащил?

Взгляд застыл на чёрном металле.

– Я тебе отвечу, – не слыша его, продолжал Саске.

Учиха медленно поднял глаза на блондина, и они показались какими-то матовыми.

– Я ненавижу тебя, потому что ты жив.

Принятие. Глава 1. Broken Inside.

"The thinning line between
You and my sanity
Is quickly fading
Takes just a breeze to cause a storm
Takes just a breath to cause a scream
It takes me to cause a tragedy"
Broken Iris – Broken inside

«Тлеющая меж нами грань…
Ты и мой рассудок
Быстро угасаете.
Нужен всего лишь ветер, чтобы породить шторм.
Вдохни, чтобы закричать.
Нужен лишь я, чтобы вызвать боль».

* Большое спасибо A.D.F за эту прекрасную группу и их прекрасную музыку.

Орочимару вышел из операционной.
Очередная спасённая жизнь, новая кровь на тонкой белой резине перчаток, которые тут же отправились в урну.
Он подошёл к раковине, выдавил на руки мыла и тщательно намылил пальцы, ладони, желая смыть с них этот отвратный запах резины. Холодная вода слегка обжигала кожу, но ему нравилось это ощущение. Кто-то, проходя мимо, похлопал его по плечу, поздравляя с новой спасённой душой.
Губы скривились в ухмылке. Спас…
Орочимару оглянулся на операционный стол, с которого санитары аккуратно перекладывали такую хрупкую девушку на обычные каталки, чтобы перевести её в палату интенсивной терапии. У неё были прекрасные сине-зелёные глаза…
Мужчина выкинул использованное бумажное полотенце к перчаткам и вышел из операционной, неторопливо вынимая

сигареты из внутреннего кармана пиджака, что прятался под белым халатом. Его тоже нужно было снять и не пугать пациентов да посетителей пятнами крови, но пока ещё можно было позволить себе задержаться в прошлом.
Длинный светлый коридор, ведущий из операционной, закончился, и Орочимару всё-таки стянул халат, выбрасывая его в урну к двери. Всё предусмотрено, всё, как по расписанию. Девушка будет жить. Но какой ценой?
Какую цену мы все готовы заплатить за свою жизнь? А за чужую?
Мы жестоки. В угоду своему эгоизму мы готовы обречь близкого на подобие жизни. Мы готовы запереть его душу в клетке из его собственных костей и увядающей плоти, мы готовы закрыть глаза на то, что он будет простой куклой в наших руках. Полная покорность, полная зависимость. Такой близкий никогда не будет перечить, никогда не скажет «нет». Он всегда будет смотреть на своего опекуна глазами, полными пустоты и отрешённости. Он будет смотреть, но будет ли видеть? Что видят эти люди, запертые в своём теле?
А мы будем довольны. Он остался, он рядом, он жив.
Эта девушка с сине-зелёными глазами никогда уже не улыбнётся, ничего не скажет, но её родители были рады услышать, что она осталась жива, что страшная опухоль удалена…
Орочимару выбросил окурок в кадку с разлапистым растением и направился в свой кабинет. Однако его за руку ухватила молоденькая перепуганная медсестра, требуя немедленно пройти с ней.
Комната пациента выглядела весьма странно. Мужчина сорока лет сидел в углу и мерно покачивался, а перепуганная бледная медсестра стояла в другом и боялась даже пошевелиться, зажимая порезанную руку.

– Это он вас? – спокойно поинтересовался Орочимару.

Девушка боязливо кивнула.

– Понятно, – выдохнул Орочимару. – Позовите санитаров, вколите успокоительное. Без меня, что ли, не знаете?

С этими словами доктор вышел из палаты и продолжил путь в свой кабинет.
Тот мужчина сорока лет убил свою жену. Болезнь окончательно извратила его разум, заставив нанести десять колотых ран ножницами…
Его не посадили лишь потому, что жить ему осталось месяц, а смерть – это куда хуже тюрьмы.
Хотя в его случае – это избавление.
Дверь кабинета закрылась за спиной Орочимару, и доктор устало провёл по лицу рукой.
Иногда такие больные представляли опасность не только для себя, но и для окружающих.
Бомбы с замедленным действием…

***

Брюнет с трудом поднялся со стула, вставая напротив Наруто и склоняя голову набок, рассматривая это загорелое лицо, полные живого огня голубые глаза. Он ненавидел каждую эту черту, которой было суждено стать старше, покрыться морщинами…

– Саске, – осторожно произнёс Наруто, глядя в матовые глаза парня. Сейчас из них пропал всякий блеск, – убери это, и давай поговорим.

Учиха слышал его голос, в котором билось быстро сердце. Он, кажется, даже мог видеть, как стремительно течёт кровь по его венам…

– Тебе не понравился мой ответ? – скривил губы Учиха. – Ты ведь так хотел его услышать.

– Ты не в себе.

Стало действительно жутко рядом с этим бледным существом, которое было так похоже на того, кого ещё вчера целовали губы, и так разнилось с ним.
Неужели это то же самое, что было тогда с Карин? Наруто совсем не хотел оказаться на месте девушки, которую Учиха

едва не убил…

– Скажи мне, Узумаки, – тихо проговорил Саске, приближаясь. – Кому мне нужно вынести мозги, чтобы всё это прекратилось?

Револьвер опасно дрогнул в его руке, взлетая к его же виску. Наруто похолодел, чувствуя, как тело покрыл холодный липкий пот. Он было ринулся к Учихе, чтобы перехватить его руку, но парень отшатнулся на шаг назад, предупреждающе взводя оружие.

– Себе? – выпалил он, замирая и глядя в упор на Узумаки.

Всё произошло слишком быстро. Щелчок, рухнувшее вниз сердце.

– Нет!

Но парень остался стоять, всё так же держа пистолет у своего виска.

– Ещё пять, – широко улыбнулся Учиха, крутя барабан и взводя курок.

– Саске, – тяжело выдохнул Наруто, цепляясь за руку друга и пытаясь вглядеться в эти непроницаемые глаза. Сердце глухо било о рёбра, отдавая болью. – Не надо.

– Твоя очередь.

Наруто отшатнулся, ударился спиной о дверцы шкафа, когда дуло револьвера устремилось прямо ему в лоб. Взгляд метнулся к лицу Саске. Узумаки не мог поверить… нет. Такого быть просто не могло… Учиха прикусил нижнюю губу, наблюдая, как всё вокруг расплывается, меняя свои очертания. Картонный мир… это всё нереально.
И Белокожая, что внезапно сменила Наруто.

– Что ты здесь делаешь?! – выпалил парень, смотря в её варёные глаза.

Она оскалила иглы зубов в приветливой усмешке, протягивая к нему влажную руку. Пахнуло тиной…
Щелчок, но выстрела не последовало.
Белокожая исчезла…
Наруто так и остался стоять, вжимаясь в шкаф, чувствуя, как дрожит сердце.
Медленно опустив револьвер, Саске взглянул на блондина так, будто впервые увидел, скользнул взглядом по побледневшему лицу, заглянул в большие глаза…

– Наруто? – выдохнул он. Парень прикоснулся рукой ко лбу. Там за черепом что-то бурлило, скрипело и звенело, мешая нормально думать, мешая слышать или говорить. Учиха пошатнулся, налетая бедром на стол и замирая. Осознание пришло медленно… но пришло.

– Саске? – Узумаки осторожно подошёл к парню, ложа свои руки ему на плечи, пытаясь заглянуть в опущенное лицо.

Короткий взгляд, блёклая улыбка, и брюнет стремительно вскинул револьвер к своему виску…

***

Нагато возвращался с работы рано, успев развести весь товар за рекордно короткое время. Нужно было погулять с Пэйном, зайти в магазин и…
Громкий хлопок заставил парня замереть посреди коридора с ключами в руках. Это не было похожим на петарду.
Скорее…
Выстрел?
Красноволосый заметил, как кто-то кинулся в сторону комнаты Наруто и Саске. Внутри что-то дёрнуло, и Нагато сам сорвался туда же.
Влетев в небольшой коридор, разделяющий две комнаты, парень отстранил двух девушек, что столпились около двери в комнату парней.

– Отойдите, – выпалил он. – Что это было?

Рука стукнула по двери.

– Наруто?!

– Выстрел… на выстрел похоже! – затараторила блондинка, прижимая руку к губам и боязливо глядя на белую дверь.

– Саске?! – уже громче крикнул Нагато, стуча в дверь. Остановился на минуту, прислушиваясь, но по ту сторону была какая-то нехорошая ледяная тишина.

– Точно оттуда? – обратился он к девушкам, и те синхронно закивали.

– Проклятье, – ругнулся красноволосый, стуча уже ногой по содрогающейся двери. – Откройте!

***

Орочимару лениво пробежался взглядом по очередной странице, в общем-то, неинтересной книги. Его мысли были далеки от банального сюжета.
Он думал о той девушке с сине-зелёными глазами, и это было редкостью для мужчины: думать о ком-то, кроме себя.
Она просила его, пока ещё умела, не делать операцию. Никогда. Она хотела просто медленно угаснуть, а не превратиться в бесполезную оболочку для пустоты, куклу для своих родственников.
Она даже согласилась добывать последние месяцы в клинике, чтобы не рисковать, не срываться на любимых людей. Готова была поместить себя в изоляцию и… терпеливо ждать.
И Орочимару согласился, как соглашался всегда с решением пациента. Однако не согласились родители девушки, решив, что врач просто морочит им голову и вообще имеет предвзятое к ним отношение по каким-то своим причинам. Был созван врачебный совет… где было решено, что опухоль операбельна, конечно, не без риска, но…
Орочимару закрыл книгу, откидывая её на диван. Взгляд вперился куда-то в стену, в голове доктора копошились мысли,

которые можно было легко использовать в его научной работе. Собственно, она подходила к концу.
Как и срок Учихи Саске.

***

Он чувствовал эту дрожь, охватившую сгорбившегося Саске. Наруто чувствовал, как Учиха медленно дышит, позволяя лёгким работать, а сердцу делать болезненные удары. Собственное разорвалось на части минуту назад, когда прозвучал выстрел.
Уткнувшись в плечо брюнета и притянув его к себе, Наруто пытался унять свои собственные дрожащие руки, поглаживая спину друга.
Револьвер валялся рядом, и смотреть на него не хотелось совершенно, поэтому Наруто глядел поверх плеча Саске, и комната странно плыла перед глазами.
В дверь кто-то нещадно стучал, слышались голоса, но тело слишком онемело и отказывалось двигаться.

– Саске, – тихо позвал Наруто, понимая, что ещё немного и позовут коменданта, – нужно открыть… поднимайся.

На минуту Наруто даже показалось, что Учиха попал. В себя или в него – боль была бы равной. Но, когда первая вспышка оной прошла, Узумаки понял: он вовремя дёрнул за руку, и пуля ушла куда-то в потолок, застряв там.
Учиха кивнул, опираясь на руку и с трудом поднимаясь, чтобы почти сразу же усесться на кровати. Он выглядел застывшим и пустым, словно всё из него забрал неведомый порыв…
Наруто, посмотрев на друга, убедился, что тот не собирается падать, и резко выдохнул. Провёл рукой по лицу и направился к двери, стараясь унять дрожь внутри. Как можно шире улыбнулся, открыл дверь, встречаясь взглядом со стоящими снаружи.
Нагато тут же уставился на блондина такими большими глазами, что парню даже стало неловко.

– Всё в порядке, – выпалил Наруто беззаботно, преграждая всем обзор комнаты собой. Если кто-то взглянет на Учиху, то сразу

поймёт, что далеко не всё спокойно, а если увидят револьвер на полу…

– Мы слышали выстрел! – выпалила Ино, заглядывая через плечо Нагато.

– Банка взорвалась, – неловко почесал в затылке Наруто. – Мама передала, а я её… к батарее поставил.

Нагато нахмурился, молча смотря на парня. Фиалковые глаза давали понять, что красноволосый не верит ни единому его слову.

– Всё правда в порядке.

– Я зайду?

– Ну… сейчас лучше не надо, – поморщился Наруто. – Варенье… осколки… убрать надо всё это.

– Ты уверен?

– Да я сам справлюсь! Впервой, что ли? – невесело засмеялся Узумаки. – Я зайду вечером… пока!

С этими словами блондин поспешил закрыть дверь, не озаботившись даже тем, что такое поспешное прощание выглядело как минимум странно, можно было подумать, что у него по полу разлилась серная кислота, а не варенье. Наруто опёрся спиной о закрытую дверь, глядя пристально на Саске, что так и продолжал сидеть неподвижно. Если бы не слегка подрагивающие бледные пальцы, то блондин бы подумал, что Учиха окаменел окончательно.

– Ты как?

Было глупо задавать такой вопрос. Ужасно глупо, и Узумаки прекрасно это осознавал, но ничего поделать с собой не мог. Саске медленно повернулся в его сторону, смерил взглядом и неожиданно… улыбнулся.

– Я хотел тебя убить, – проговорил очень хрипло. – А ты спрашиваешь меня – как я?

Чёрные глаза заблестели, и Учиха просто согнулся пополам, подрагивая. Наруто даже испугался, но потом услышал хриплый тихий смех.
Саске чувствовал, как из горла на ковёр падают осколки, разрезая язык, губы своими неровными краями, заставляя чувствовать вкус крови. Почему-то горькой…
Её багровые тяжёлые капли падали под ноги, оставляя безобразные кляксы, что разъедали пол, перекрытия, бетон. А может, её и не было… может, вообще ничего этого не было и стоящего у двери Наруто тоже?

– Это не существует.

– Что? – осторожно спросил блондин, подходя ближе и на всякий случай ногой задвигая револьвер под кровать.

Но Саске этого даже не заметил, погружённый в какие-то свои мысли.
Учиха нахмурился, смотря на пол, где ещё недавно была лужа крови, а теперь лишь затёртый паркет и зеленоватый ковёр. Он непонимающе поднял глаза на Наруто, удивляясь, что парень ещё не исчез. Или же ожидая, что тот изменится с минуты на минуту.

– Тебя здесь нет, – проговорил Учиха, рассматривая слишком реальные черты лица парня, слишком…

Он всё ждал, пока сквозь это лицо проступит другое: более тонкое, с белой кожей и синими канатами вен. Что голубые глаза станут блёклыми и водянистыми, а волосы потемнеют… Но она не приходила, почему-то выбрав этот образ.

– Саске, я здесь, – выговорил Наруто, не зная: что делать, как вернуть друга в реальность.

Учиха зажмурился, не в силах слышать всю это какофонию

голосов. Шёпот ударялся о стены, дробился на миллионы и лезвиями врезался в уши.
Этого ничего нет… ничего…

– Не существует, – выдохнул брюнет, сгибаясь пополам, зажимая уши руками и стараясь даже не дышать, чтобы не впускать в себя эти голоса. Они дробили кости, череп, выжигали глаза, вытягивали нерв за нервом.

Наруто закусил губу. Он смотрел на Саске и не знал, не понимал, что от него требуется? Что происходит в этой голове, что хочет услышать Учиха, чтобы поверить, да и помогут ли слова?
Подойдя ближе, Узумаки осторожно положил руку на чёрную макушку, поглаживая жёсткие растрёпанные волосы, пытаясь успокоить. Судя по дрожащей спине, выходило плохо.
Сев рядом, Наруто просто коснулся плеча парня, слегка сжимая пальцы, стараясь удержать его в этом мире. Но Учиха стремительно ускользал, всё ниже и ниже наклоняясь к полу, пока не уткнулся лбом в собственные колени.
Было непонятно, решил ли он таким образом унять мысли или же мозг не выдержал напряжения и отключился?

– Давай сюда, – тихо позвал Наруто, забираясь на кровать, чтобы упереться спиной в стену и потянуть брюнета за плечи на себя.

Тот на удивление поддался, опираясь спиной о грудь Узумаки и укладывая голову затылком на плечо блондина.
Дышать становилось всё легче, и даже рука, лежавшая на его груди, не мешала Саске делать вдохи и выдохи. Он изучал взглядом потолок, по которому неспешно двигались тени, перетекая из одной формы в другую, а иногда становясь яркими бликами. Приходилось жмуриться от боли в глазах, и Учиха вытянул перед собой раскрытую ладонь, закрываясь от блеклого света, но он почему-то пронизывал руку насквозь, испепеляя плоть. Кожа начала шелушиться, затем слезать, оголяя красную плоть. Саске поморщился от боли, и чужая рука прикоснулась к его. Эти пальцы выглядели иначе, почему-то едкий свет не трогал их, наталкиваясь и рассеиваясь.

Брюнет моргнул, и наваждение пропало. Он опустил руку и выдохнул горький воздух. Пахло гарью, хотя этого быть не могло.

– Открой окно, – тихо попросил он Наруто. – Тут… пахнет. Просто открой окно.

– Хорошо, – кивнул Узумаки, аккуратно вставая с постели и подходя к окну.

Саске, потеряв опору, просто повалился на кровать, не озаботившись закинуть ноги на неё. Он ждал, пока образы вновь заведут перед глазами хоровод.
Казалось, что в голове была натянута тонкая нить, которая вот-вот должна была лопнуть и тогда плотину безумия вновь прорвёт. Она смоет своими мутными водами реальность, разрушит барьеры, закроет глаза туманной пеленой иллюзорного мира.

– Тебе лучше уйти отсюда.

– Почему? – дёрнулся Наруто, открыв окно. Он уставился на поблекшего парня во все глаза.

– Я могу тебя убить.

– Кишка тонка, – усмехнулся блондин, но в душе что-то неприятно завозилось. Он некстати вспомнил взгляд Учихи, когда дуло револьвера смотрело прямо в лоб. Тогда Саске выглядел так, будто только его, Наруто, смерти он мог желать.

– Узумаки, проваливай отсюда, – уже злее проговорил Саске.

– Если ты думал, что твой фокус меня напугал, то не фига.

– Поэтому ты чуть в обморок не падаешь? – вяло усмехнулся Учиха, протягивая руку, чтобы подцепить рюкзак. Но не дотягивался, а двигаться не хотелось. Было страшно побеспокоить пришедшее во что-то вроде нормы сознание.

Тяжело вздохнув, Наруто отошёл от окна, подтягивая рюкзак ближе к кровати. Он не стал помогать Саске, доставая нужный пузырёк с таблетками, просто замер рядом, выжидая, пока брюнет сам докопается до нужного отдела. Злить Учиху излишней заботой не хотелось, тем более, сейчас, когда недавно в лоб упирался револьвер.
Брюнет открутил крышку и прислонил флакон к губам, высыпая на язык несколько таблеток. Он не стал озадачиваться количеством, вроде бы их было четыре. Раскусил, и ужасная горькая труха забила рот.

– Тебе воды, может? – тихо предложил Наруто, смотря, как кривится лицо парня от мерзкого вкуса.

– Иди на хер, – мотнул головой Саске, бросая пузырёк прямо на пол и переворачиваясь на спину, чтобы приложить руку ко лбу. Боли не было, но та удерживающая сознание нить дрожала…

– Поспи, – терпеливо выдохнул Наруто, садясь на свою кровать и поджимая ноги.

Взгляд сам скользил по брюнету, а в голове стучала лишь одна мысль: «Убил бы?»

***

Орочимару вновь листал дело Учихи Саске, изредка пробегаясь простым карандашом по особо интересующим его фразам, выписывая их и обдумывая.
Мужчина замер, что-то подсчитывая в голове, и внезапно громко усмехнулся, быстро возвращаясь к своим записям.
Пять стадий. Но Учиха перемахнул через одну, которая, если подумать, длилась на протяжении всех четырёх.
Что ж…
Орочимару закрыл толстую папку и откинулся на спинку стула, скрещивая руки на груди.
Если время действительно пришло, то вскоре ему сообщат.
Осталось ждать.

***

Саске проснулся поздно ночью, когда услышал тихие голоса. Поднявшись на локтях и щурясь от тусклого света, Учиха разглядел перед собой Наруто, который сидел на краю кровати и смотрел в одну точку.

– Какого? – тихо пробормотал Учиха.

– Ты бы действительно убил меня?

Брюнет шикнул и приподнялся, щурясь от слабого освещения ночника. Голоса были фоновым шумом, но в комнате никого кроме Узумаки и Учихи не было.

– Саске, – позвал его Наруто, видя, что друг бездумно шарит взглядом по стенам. Сердце замирало, когда Узумаки видел этот пустой взгляд. Хотелось схватить Учиху за ворот футболки, тряхнуть, закричать на него… чтобы вернулся. Чтобы вновь выворачивал всё наизнанку, чтобы как-то реагировал и не смотрел мимо, не видел того, чего нет.

– Наруто, уйди отсюда, – тихо попросил Саске, падая обратно на подушку и закрывая глаза рукой. Меньше всего сейчас хотелось дёргать за ниточки расползающийся узор здравого смысла. Не помогали даже мелкие узелки, которые сознание судорожно вязало в этой липкой паутине, закрепляя их образами, словами, лицами.

– Я никуда не уйду. Я же говорил…

Саске скрипнул зубами. Иногда упрямость Узумаки играла против него же…
Поднявшись, брюнет обошёл Наруто и дёрнул за дверь, но та была закрыта.

– Ключ.

– Саске, ты и я никуда не выйдем, пока ты не придёшь в себя, – твёрдо произнёс Наруто, поднимаясь с кровати.

– Ключ, – ещё тише, но уже с нотками металла в голосе повторил Учиха.

– Нет.

Руки сами в миг оказались на шее Наруто, сжимая тонкую кожу и чувствуя пальцами пульсацию крови в его венах.

– Ключ!

– Сас… Саске, – прохрипел Наруто, ложа свою руку на запястье брюнета, – всё хорошо. Просто тебе нужно отдохнуть.

Прищурившись, Учиха зло рыкнул, разжимая руку и отходя от блондина, хватаясь за голову, ероша волосы и смотря в потолок.

– Я тебя ненавижу.

– Я знаю.

– Свали отсюда!

– Нет.

– Тряпка.

– Знаю.

Удар кулаком о дверь вышел очень громким, и Наруто невольно вздрогнул, смотря на сгорбившегося друга. Саске будто обхватила аура ненависти, сделав его ещё темнее.

– Ты мне никто.

– Так почему ты меня не убил?

Учиха повернул к нему голову, продолжая опираться о дверь. Улыбнулся:

– Моя прихоть. Я так захотел. Захочу – убью.

Наруто смотрел на это бледное лицо, на кривую улыбку, на подрагивающие губы и резкие разлёты бровей. Только в глаза не смотрел, боясь увидеть там правду.

– Хорошо.

Это простое слово разрезало натянувшуюся нить, и Саске в очередной раз ударил кулаком по двери, сбивая костяшки.

– Заткнись, Наруто…

– Ты отсюда не выйдешь.

– Заткнись.

– Мы будем тут, пока тебе не станет лучше…

– Заткнись!

Крик вышел хриплым, но громким. Саске съехал спиной по стене, утыкаясь лбом в согнутые колени. Он сцепил руки вокруг себя, стремясь удержать разрывающееся тело. Кожа просто отслаивалась от костей, сползая жутким месивом на пол, оставляя желтеющий костяк мелко дрожать.
Пальцы до боли сжали голову. Сознание путалось… где реальность, где иллюзия? Он не понимал, и это злило. Почему голоса, почему чьи-то руки? Почему кто-то рядом, крепко держит за плечи, требуя взглянуть в глаза? Кто вообще этот парень, а кто он сам?
Разум не выдержал, погаснув, и тело обмякло.
Наруто тяжело вздохнул, упираясь лбом в холодную макушку. Учиха вырубился… наверное, это было к лучшему.
Подхватив парня подмышки, Узумаки перетащил его на кровать и забрался следом, прижимаясь к стене, чтобы не теснить брюнета.

***

Это было новогоднее утро. В воздухе витал сладковатый аромат печенья, и предвкушение праздника не давало усидеть на месте. Саске то и дело бросался к окну, чтобы посмотреть – не виднеется где-то на дороге чёрной машины его отца?

– Саске, сиди спокойно, – мягко попросила Микото, раскладывая приборы по обеденному столу.

Саске нравилось, когда гостиная к Новому Году преображалась. Маленькому мальчику тогда казалось, что это совершенно другой, сказочный мир. Высокая ель, украшенная блестящими игрушками, вечером вспыхивала разноцветными огнями, и он любил смотреть на них, сквозь ресницы, заставляя блики расползаться причудливым узором. Ему нравился запах маминого печенья, запах хвои.
Он часто встречал отца, который приносил с улицы свежий запах мороза, открывал дверь и оббивал обувь о порог прежде, чем войти. И тогда белый свет лился в коридор, холод кусал босые ноги, а Микото мягко ругалась и надевала на непослушного сына шерстяные носки.
Но сегодня отец опаздывал, и Саске неотрывно дежурил у окна, уже почти ничего не видя от ярко-белого снега.

– Ма, а папа приедет? – повернувшись к Микото, выпалил мальчик, придерживаясь руками за подлокотник кресла, на котором сидел.

Микото кивнула, выставляя в центр стола запечённую индейку. В комнату вошёл Итачи с каким-то большим ящиком, запакованным в красную блестящую бумагу.

– Подарок! – выпалил Саске, вскакивая с места и подбегая к брату, чтобы вцепиться в короб.

– Блин, я думал, он спит, – пожаловался матери старший Учиха.

Микото развела руками, уходя на кухню, чтобы принести оттуда ещё салатов. Саске давно не спал, проснулся раньше всех, да так и сидел у окна в своей мягкой пижаме, выглядывая

чёрную машину.

– Что там? Что там? Это мне? – запрыгал на месте ребёнок, смотря на брата большими чёрными глазами.

– Завтра узнаешь, – взъерошив волосы Саске, усмехнулся Итачи, опуская коробку под ель. – Сегодня нельзя.

– Ну, Ита-а-а-ч-и-и-и, – затянул Саске.

– Нет. Завтра, – улыбнулся парень и поправил сбившуюся на ёлке игрушку.

– А папа придёт? – смирившись с недоступным пока подарком, спросил вновь мальчик.

Итачи посмотрел в сторону кухни и уверенно кивнул.

– Конечно!

Но отец так и не приехал. Ни в обед, ни вечером, ни ночью, когда все пошли смотреть салюты. Саске остался у себя в комнате, отказавшись выходить на улицу и смотреть в небо. Даже сказка про звёзды не помогла.
Обхватив себя руками, мальчик сидел на своей кровати, слыша отдалённые раскаты торжества. В окно смотреть не хотелось: стены и так озаряли разноцветные всполохи.
Утром, спустившись вниз, Саске подошёл к праздничному дереву и опустил взгляд на красный, забытый ящик.
Отец не забыл приехать на День Рождения Итачи. Он был вовремя…
А сейчас…
Сейчас не приехал, потому что у Итачи не было праздника.
Нога пнула тонкий картон, и мальчишка опустился на ковёр, рукой ударяя по красной бумаге.
Потому что его не любили…
Саске поджал губы, разрывая обёртку до тех пор, пока не добрался до чего-то чёрного. Дёрнул на себя, вытаскивая.
Рюкзак.

– Ну как? Нравится?

Мальчик обернулся, встретившись взглядом с улыбающимся Итачи. Утёр хлюпающий нос и резко поднялся, волоча рюкзак за собой.

– Саске?

Проходя мимо, не сказал ни слова. Так же молча закрылся у себя в комнате и зарылся под одеяла.
Отец не приехал, потому что ему не было до него дела…

***

– Саске, пойдём, там уже все гости собрались, – мягко позвала Микото.

В ушах громко играла агрессивная музыка, и подросток, конечно, не слышал голоса матери. Потому что не хотел слышать. Потому что жутко раскалывалась голова, а таблетки, сколько не пей, не помогали.
Он, как обычно, сидел в своей комнате, пытаясь отстраниться от мира и от самого себя, выбивая все мысли из головы громкими ударами барабанов, рычанием гитар. Не хотелось видеть Итачи, его гостей, его отца.
Который приехал.
Который всегда пропускал дни рождения Саске…
Внезапно дёрнули за руку, стаскивая с кровати, и Учиха открыл глаза, замечая перед собой отца. Вырвал руку, отшатнулся. Фугаку резко схватил наушники, вырвав, возвращая сына в реальность.

– Немедленно спустись вниз!

– Что я там забыл? – оскалился Саске.

– Семья уже собралась.

– Не моя семья.

Хлёсткая пощёчина, горячая щека.
Брюнет зло скользнул по отцу взглядом, схватил с пола рюкзак и вылетел из комнаты, громко спускаясь вниз. Остановился напротив двери гостиной, где было светло и людно.
Итачи улыбнулся.

– С Днём Рождения, – ядовито прошипел Саске. – Чтоб ты провалился…

С этими словами, в полной тишине, брюнет вылетел из дома, громко хлопнув дверью.
Злые слёзы обжигали щёки, и Саске вытирал их, обдирая кожу грубой тканью толстовки.
Тогда-то он и наткнулся на заброшенную детскую площадку…

***

Наруто заметил, что Учиха хмурится и явно видит что-то неприятное. Он положил свою руку брюнету на грудь – сердце билось быстро, словно загнанное.
Было страшно, что он не проснётся, что это была последняя вспышка угасающего тела, но Узумаки прогонял от себя эти мысли, как мог. Блондин выстраивал в своём сознании высокие стены, складывая их из самых радостных воспоминаний, своей веры в то, что всё будет хорошо… и смотрел, как камень за камнем они разрушались.
Наруто прикрыл глаза, вслушиваясь в ровное дыхание парня.
Хотелось, чтобы всё было хорошо…
Но такого не бывает. Не здесь…
Узумаки прикусил губу, рука на груди Саске сама собой сжалась в кулак. Наруто знал, на что шёл и под чем подписывался, но никогда не мог подумать, что этот момент действительно настанет, что будет всё так плохо и неотвратимо. Наверное, парень всё ещё верил, что произойдёт чудо, что Саске станет лучше, что…
Чудес не бывает.
Учиха внезапно пошевелился, и Наруто открыл глаза, ожидая, что друг проснулся. Но тот всего лишь перевернулся во сне на бок, лицом к Наруто, закидывая руку куда-то на торс парня и утыкаясь лбом в его грудь. Шумно выдохнул, словно

успокоился, что рядом кто-то есть, сжал сильнее и расслабился. Узумаки сначала застыл, не зная куда себя деть. Он не придавал большого значения этому действию Саске, ведь никто не мог знать, что сейчас видит Учиха. Возможно, на месте Наруто в его сне сейчас какая-нибудь пышногрудая девица… Блондин мысленно выругался. Ну что за ерунда у него в голове?!

***

Итачи за рулём своей машины сидел у их с отцом дома. Теперь уже их… с отцом.
Старший Учиха ткнулся лбом в руль, закрывая глаза. Всё происходило слишком быстро. Сначала Саске, потом мать…
А теперь ещё и звонок от Орочимару, который, как обычно, спокойно заявил о такой вещи, от которой сердце в груди разрывалось.

– А вы думали, что будет иначе? – деловито спросил доктор, сидящий на пассажирском сиденье. Он заинтересованно разглядывал висящий на зеркале брелок, даже потянулся к нему пальцами, перекатывая в них янтарные шарики. Те блестели в свете фонаря и бросали на бледную кожу причудливые блики.

– Вы ведь говорили о весне, – тихо выдохнул Итачи, понимая, что сейчас им с доктором ещё предстоит повторять всё это при отце.

Неизвестно было, как отреагирует Фугаку. В последнее время он старался не говорить о младшем, полностью вычеркнув его из своей жизни.

– В случае хороших условий, – напомнил Орочимару, отвлекаясь от брелка и поворачиваясь к парню. – Ежедневная химиотерапия, лекарства, покой, чистый воздух, если хотите. Хотя он никого ещё не спасал…

Усмешка вышла сухой и жёсткой, но Итачи повернул голову в сторону доктора, прищурившись. Он смотрел прямо в лицо

Орочимару и едва заметно качал головой.

– Вы бессердечны…

Мужчина пожал плечами.

– А зачем мне сердце, чтобы спасать людей?

Короткий взгляд на Итачи, спокойная улыбка.

– Всё, что мне нужно, это знания. Кому помогло сердце?

– Вы не должны так…

– Верно, – кивок. – Я никому ничего не должен. Я предложил вам свою помощь, кто же виноват, что глупое упрямство в вашей семье переходит вместе с кровью?

Итачи выдохнул. Орочимару был прав… по-своему, но прав.

– Нужно сказать отцу, – как-то обречённо проговорил Учиха.

***

Саске проснулся от того, что рука нещадно занемела и кисть покалывало сотней иголочек. Открыв глаза, Учиха первым делом уставился на лицо Узумаки, возникшее пред глазами. Брюнет осторожно поднял руку, тыльной стороной пальцев прислоняясь к загорелой щеке. Тонкая кожа, за которой светилась чужая жизнь. Тронь неаккуратно эту лёгкую скорлупу, и она пойдёт трещинами…
Учиха отнял руку, заметив, как Наруто постепенно просыпается, морщится и, наконец, открывает глаза.

– Я хочу на площадку, – заявил Саске.

– П-площадку? – сонно пробормотал Наруто и бросил взгляд на окно. За стеклом всё ещё было темно, значит, проспали они не так уж и много.

– И ты со мной, – безапелляционно заявил брюнет, поднимаясь с кровати и растирая лицо руками. В голове было пусто, как и во всём теле, словно за ночь из него выкачали всё тепло. Хотелось завернуться во что-то тёплое, забиться в угол, да так и сидеть.

– Тебе лучше?

Наруто сел на кровати, отчаянно зевая и пытаясь разлепить глаза. В тусклом свете ночника не было видно лица Учихи полностью, так что судить о его самочувствии можно было только по ответам. Наруто надеялся, что они будут честными, но всё же нужно было заставить себя подняться и включить верхний свет.

– Мне нужно пройтись.

– Но, если тебе плохо, то…

– Заебал, – привычно тяжело выдохнул Саске. – Я сказал, что я хочу пройтись. Ты понял? Хочу.

Наруто понял. Но не желал выполнять эту прихоть, если брюнет опять начнёт кидаться на него на улице или же на кого-то ещё. Кто знает, что там в этой голове перемкнёт в следующий раз?
Но также не хотелось доводить Учиху до состояния тихой ярости.

– Хорошо, – неуверенно кивнул Наруто. – Только выпей таблетки, и тогда мы пойдём.

– Пф, – фыркнул Саске. – Ты опять считаешь себя моей нянькой?

– А тебе так не нравится?

Наруто поднялся, потянулся, чувствуя, как хрустит позвоночник, теплеют затёкшие мышцы. Спать в обнимку с Саске было чем-то новым, но Учиха отчего-то пока ещё не язвил

по этому поводу.
Как и не замолвил слова о той ночи.
Это слегка настораживало, заставляя искать подвох в каждом слове Саске до тех пор, пока Наруто не надоело дёргаться без повода. Вот когда напомнит, тогда и можно будет переживать, страдать и грызть себя за слабость. А сейчас незачем подготавливать сердце к будущей боли.

– Выпей таблетки, – стоял он на своём. – Тогда пойдём.

Саске рыкнул что-то нецензурное, но всё же подобрал пузырёк с пола, и демонстративно высыпал на ладонь четыре таблетки и также показательно засунул их в рот по одной. Запил водой прямо из чайника и показал Узумаки язык, после чего мерзко улыбнулся:

– Доволен?

Наруто кивнул, снимая с вешалки куртку Учихи и швыряя её в лицо брюнета.

***

Итачи стоял в кабинете отца, опустив голову и закусив губу. Он не хотел слушать то, что говорил Фугаку, но мимолётная прихоть стать глухим не подействовала.

– Это был его выбор! – кивнул глава развалившейся семьи.

Фугаку стоял у окна и смотрел на улицу, предпочитая не встречаться взглядом с Орочимару.

– Он сам отказался от лечения, так что пусть расхлёбывает.

– Никто не настоял, – спокойно произнёс доктор. – Было бы желание, вы бы заперли Саске в моей клинике и без его согласия. У вас же есть связи, деньги, чтобы заткнуть каких-то там врачей, не получивших согласие совершеннолетнего…

Учиха всё же дёрнулся, моментально оказываясь рядом с

Орочимару и сверля его взглядом.

– Вы опять вините во всём меня!

– А кого мне ещё винить?

Орочимару держался так, будто совершенно не боялся гнева этого мужчины. Он даже не отступил, стоя ровно и улыбаясь.

– Гены, наследственность!

– Да? – ухмылка. – Это вам не грипп. Такие болезни не возникают в одно мгновение, они прогрессируют.

Итачи сильнее закусил губу, зная, куда клонит доктор.

– И у Саске она появилась не за один день, – продолжал гнуть своё Орочимару. Желтоватые глаза ехидно сверкали.

– На что вы…

– На то, что тебе, отец, нужно было больше времени уделять Саске, – глухо проговорил Итачи. – А не мне.

Орочимару довольно кивнул.

– А парень-то не дурак.

– Итачи, – поражённо выдохнул Фугаку, – я заботился о вас обоих… я строил вашу будущую жизнь, чтобы вы ни в чём не нуждались.

– О, – протянул Орочимару. – Один из ваших сыновей действительно скоро ни в чём нуждаться не будет.

Итачи на миг показалось, что отец всё-таки ударит заносчивого и прямолинейного мужчину, но тот лишь нахмурился.

– Вы проморгали сына, Фугаку. Занялись только одним, а жизнь второго пустили на самотёк. Ведь… ведь были же симптомы

ещё в подростковом возрасте?

– Были, – кивнул Итачи. – Но никто не думал…

– А в семье были случаи рака?

Вновь кивок, поджатые губы, взгляд в никуда.

– Ты хочешь сказать, что только я в этом виноват?! – выпалил Фугаку, испепеляя взглядом теперь старшего сына.

– Нет, – поднял тот голову, глядя на отца. – Мы все виноваты.

***

Прогулки по ночному городу стали уже привычкой. Теперь темнота не пугала, а иллюзорные монстры спрятались поглубже, потому что рядом с Узумаки шёл его личный монстр, готовый отхватить половину души одним укусом.
Саске действительно выглядел неважно. И дело даже не в привычной бледности, худобе и чёрных кругах под глазами, которые в свете уличных фонарей казались особенно тёмными. Учиха шёл быстро, сунув руки в карманы куртки и сгорбившись. На улице было влажно, как это бывает в последние дни осени. Внезапно изменившаяся погода одарила всех лишними днями тепла и солнца перед долгой спячкой…
Саске мысленно представил, как выпадет снег, покроет улицы тонким белым слоем, как небо станет серым, а ночами красным. Он вдохнул воздух, пытаясь почувствовать тот морозный вкус на языке, но вместо этого ощутил сырость прелых листьев.
Хотелось ловить пушистые хлопья снега, хотелось сорвать с крыши сосульку и вгрызться в неё до ломоты в зубах. Хотелось упасть в сугроб, запустить в него руки так, чтобы сердце больно кольнуло холодом.
Хотелось…
Но Саске понимал, что всего этого уже не увидит.
Осознание этого пришло вместе с пробуждением. Вырываться из липкого сна было трудно. Держало что-то холодное, обещающее покой.

И Учиха боялся, что если сейчас не встанет, то так и останется лежать весь остаток кончающегося времени.

– Саске… – тихо позвал Наруто, кажется, уже не в первый раз.

Брюнет обернулся на него, сощурившись. Даже жёлтый свет фонарей больно бил по глазам, отзываясь тупой болью в черепе.

– Ты в порядке?

– Да.

Вновь отвернулся, смотря себе под ноги.

– Но я же вижу… тебе плохо.

– Ты хочешь убедить в этом меня или себя? – прыснул брюнет, сжимая кулаки в карманах.

– Я просто хочу знать, почему ты мне не доверяешь.

Голову вновь кольнуло болью, уже навязчивее. Постепенно череп протыкали тысячи иголочек, и каждый шаг отзывался новым уколом. Но всё это было внутри, а на лицо пришлось натянуть привычную уже маску. Нельзя… просто нельзя показывать, что тебе плохо. Что ты слаб.
Ведь Учиха и так не мог держать себя в руках тогда… и это пошатнуло собственную же веру в себя. Нельзя.
Никому не нужны слабые. Даже друзьям.
Если ты слаб – ты не сможешь вытерпеть всё то нытьё, которое человек готов выплеснуть на тебя.

– Кому нужны мои проблемы?

– Ну… если я с тобой, то мне нужны!

Скользнув по Наруто скептическим взглядом, Саске вновь отвернулся.

– Ты не со мной.

– А где же я? – усмехнулся Узумаки. – Я с тобой двадцать четыре часа в сутки! Бесплатно, заметь.

Блондин пытался нелепыми шутками разбить сковавшее их напряжение. И от этого становилось только хуже.

– Быть в одной комнате и быть с кем-то – две большие разницы.

– Отчего же? – упрямо спросил Наруто, вглядываясь в профиль Саске.

Тот пожал плечами.

– Я не чувствую тебя… рядом.

– А как это? Рядом?

Учиха поджал губы. Что Узумаки надо? Что за глупые разговоры?

– Слабым ты никому не нужен.

– Чушь! Тебе бывает плохо, но я же не ухожу!

– Охереть, какой ты у нас уникальный, – фыркнул Саске.

– Не уникальный, – пожал плечами блондин. – Просто я не хочу тебя оставлять.

– Я же говорил, что у тебя с головой проблемы. Побольше моего.

Сухая усмешка вышла почти беззлобной, и Наруто внезапно почувствовал, что Саске не пытается сделать ему больно, он просто разговаривает.
Хотя бы сейчас…

– Людям всегда нужны жилетки, – продолжал гнуть своё Учиха.

– А кто захочет плакаться в дырявую жилетку?

– Ну я же тебе не плачусь!

– Тебе нечем. Ты придурок, а придурки обычно не парятся.

– Сам ты придурок, – обиженно фыркнул Наруто. – И хватит меня так называть.

– А как мне тебя называть?

Они подошли к переходу, и, хотя машин не было, горел красный для пешеходов, и парни замерли. Тишина ночи действовала успокаивающе…

– У меня есть имя…

– Для меня ты придурок.

– Хорошо. А для меня ты – засранец, – улыбнулся во все тридцать два зуба Узумаки.

– Замечательно, – кивнул Саске, первым двигаясь по переходу.

Когда они оказались на той стороне, Наруто внезапно буркнул:

– Ты не веришь людям.

– О, гений. Как же ты догадался?

– Саске… люди не все мрази.

– Все, – твёрдо заявил Учиха. – Без исключения. Даже я. И ты. Стоит только прижать, и ты жопу свою разорвёшь, чтобы найти выход. Забудешь: и про мораль, и про совесть, и про любовь. Каждый хочет выжить.

– Ну ты-то не забыл…

– А не я ли тебе пистолетом в лоб тыкал?

Короткий взгляд на задумчивое лицо Узумаки. О, Небо. Этот придурок ещё пытается вдумываться в его слова.

– Дерьмовый у тебя мир. Так не бывает.

– Повзрослей, малыш, – криво усмехнулся Учиха. – Если мой мир дерьмо, то это не значит, что он не реален.

***

К площадке они дошли уже с рассветом. Хотя таковым его было назвать трудно. Серое небо нависало над головами, рваные синие облака расползались по этому холсту. Стало заметно холоднее, что не давало сну подкрадываться слишком близко. Наруто шёл последние двадцать минут молча, обуреваемый желанием прилечь прямо на асфальте, по которому скользил взглядом. Он внезапно уткнулся в остановившегося Учиху и выставил перед собой руки, хватаясь за куртку брюнета от неожиданности. Но тот будто и не заметил, смотря перед собой.

– Саске, что…

Договорить Наруто не смог, проследив за взглядом Учихи. Площадка с беседкой…
Это место сравняли с землёй безжалостные жёлтые машины, стоящие чуть поодаль и ждущие своих хозяев. Не было: ни старых качелей, ни покосившегося металлического забора, с облезающей жёлтой краской, ни заплетённой диким виноградом беседки…
Чистый пятак земли, а за ним поле и убегающая вдаль дорога. Ветер пошевелил засохшие листья.

– Здесь нет ничего, – выдохнул Учиха, судорожно скользя взглядом по этому месту. – Пустошь…

Глава 2. Wasteland.

"Crouched over
You were not there
Living in fear
But signs were not really that scarce
Obvious tears
But I will not
Hide you through this
I want you to help
And please see
The bleeding heart perched on my shirt"
10 Years – Wasteland

«Вы пресмыкались,
Вы не знали иного,
Живя в страхе.
Но знаков было достаточно –
Очевидные слёзы.
Но я не буду
Скрывать это от вас:
Мне нужна ваша помощь.
И, прошу, увидьте
Кровоточащее сердце сквозь мою одежду».

Серый безжизненный гравий шуршал под ногами, покрывая собой когда-то такие важные воспоминания, что пропитали это место.
Саске чувствовал, что его держали за рукав куртки цепкие пальцы Наруто, и сейчас он старался не смотреть в лицо блондина. Грани меж их мирами исчезли, и сейчас будто бы все нервы оголились. Было больно не только вдыхать, но и чувствовать, как прохладный ветерок слегка трогает скулы, ерошит волосы.
Это место стёрло всё. Здесь можно было забыть на миг, кто ты,

почему ты тут, почему ты дрожишь всем телом.
Саске сбросил с плеч рюкзак и попросту опустился на гравий, поджимая под себя ноги. Острые камушки больно впивались в кожу даже сквозь чёрные джинсы, но сейчас это была нужная боль.
Наруто закусил нижнюю губу и опустился рядом, игнорируя холод, словно его здесь и не было.

– Площадки нет, – выдохнул Саске облачко пара. – Слышишь?

Взгляд зацепился всё же за Наруто, но тут же вновь потонул в пространстве.

– И нас больше нет.

Учиха пошатнулся, просто опускаясь головой на колени блондина и вытягиваясь на этом жёстком ложе, глядя в предрассветное небо с его искусственными звёздами.
Лёгшая на лоб рука Наруто показалась горячей, но это тепло было приятным, заполняющим его личную Бездну хотя бы на пару лишних вздохов.

***

– Итачи? Что ты сказал? – прошипел Фугаку, смотря на старшего сына так, будто впервые заметив, что у того есть рот.
– Никто в этом не виноват. Совершенно никто!

– Судьба? – хмуро усмехнулся парень. В голове гудело лишь от осознания того, что сейчас происходит.

Многие, многие годы Итачи пытался не показывать, пытался сохранить в секрете то, что стал невольным свидетелем чужой тайны, которую бы предпочёл не слышать.

– Или то, что Саске только твой сын? – проговорил эти режущие губы слова. Итачи смотрел прямо. Впервые за много лет он не боялся тяжёлого взгляда своего отца, не пытался отвернуться или смотреть мимо. Раньше он думал, что как только скажет это, то мир рухнет, похоронив под своими

обломками прежнюю жизнь. А теперь эта самая жизнь сама стала руинами.

– Что…

Фугаку непонимающе нахмурился.

– За что ты его винишь постоянно? – продолжал говорить Итачи. Слова были горькими, тяжёлыми. Он никогда не хотел заводить этот разговор: что-то держало. Теперь держаться было не за что. Сам парень чувствовал себя живым мертвецом, потерявшим всё.

– Оставьте меня…

– Отец, скажи мне, – выпалил Итачи. – Если он не ребёнок моей матери, то почему ты всё равно ненавидишь его? Он же твой сын…

– Итачи! Я не желаю разговаривать на эту тему.

Глаза Фугаку сверкнули злостью, и мужчина отвернулся от гостей, вновь отходя к окну.
Орочимару как-то странно покачал головой, искривил губы и спокойно вышел из кабинета, мазнув взглядом по Итачи, но парень остался стоять.

– Почему?

– Итачи…

– Ответь мне!

– Уйди…

– Ты всегда прятался от этой правды, отец. Хотя бы сам себе признайся, что… что не Саске виноват в этом. И даже не мать или я. Ты не мог принять всё это. Ты не хотел принимать.

Итачи ещё раз взглянул на стоящего перед ним мужчину.

– Я давно знал, что Саске… чужой нашей матери. Но она его любила. А ты? Ты… ты никогда никого не любил.

С этими словами парень просто вылетел из кабинета, громко хлопнув дверью. Он чувствовал, что ещё чуть-чуть и что-то сорвётся окончательно, поэтому предпочёл выйти из дома так быстро, как было можно. Сел в машину и уткнулся лбом в руль. Обломки всё-таки погребли его под собой…

***

Этот День Рождения у Итачи вышел особенно ужасным. Честно признаться, каждый праздник для парня был испытанием нервов, испытанием прочности своего терпения, веры в лучшее. Но с каждым годом это всё блекло под натиском той реальности, в которой привыкла вариться вся его семья.
Гости давно разошлись, разъехались в своих дорогих машинах, и их дом как будто поблёк. Дело было даже не в погасшем свете, не в стихших голосах и тостах, а в чём-то другом.
Итачи сидел в тёмной гостиной, вслушиваясь в эту странную тишину. Парню казалось, что постепенно эта холодная темнота стирает его жизнь, его дом и его близких.
Он провёл руками по лицу, выдыхая, и внезапно раздался громкий хлопок двери, заставивший его вздрогнуть и выпрямиться.
В коридоре горел свет, так что он прекрасно мог видеть отца и мать. Фугаку куда-то спешил, на ходу надевая пиджак. Лицо его было застывшим, но глаза зло сверкали.

– Поговори с Саске, – тихо попросила женщина, цепляясь за рукав мужа.

– Не о чем.

– Это же твой сын!

Фугаку внезапно замер, поворачиваясь к Микото и сверля её тяжёлым взглядом. Женщина даже отступила на шаг назад, не выдержав этого холодного напора.

– Ты каждый раз будешь напоминать мне это? Каждый раз будешь укорять меня тем, что это только мой сын?

– Фугаку, не… я не то имела в виду.

Смерив её взглядом, мужчина ринулся к двери. Громкий хлопок.
Итачи осторожно выдохнул, отворачиваясь от застывшей в коридоре матери.
Вот, значит, как…

***

Фугаку зажмурился. В груди ныло, и нужно было выпить таблетки, чтобы успокоиться, но… вместо этого в бокале плескалось янтарное виски.
Сколько не строй ограждений, сколько не возводи стен – они рано или поздно рушатся. И становится больно за то, что не сделал или сломал собственными руками.
Учиха не хотел признавать, он просто не мог поверить, что в его жизни есть место вине, боли. Он не хотел открывать на это глаза, ходя все эти годы с закрытыми. От этого веки намертво слиплись, и стало так комфортно в этой багровой темноте, что Фугаку решил: так жить тоже можно. Даже лучше! Можно не обращать внимания на чужую боль…
А теперь веки силой разодрали.
Рука сжала стакан сильнее.
Он любил… любил…
Горький виски опалил горло, но легче не стало. Никогда не становилось.
Перед глазами мелькали картинки прошлого. Почти забытые, насильно стёртые из памяти. Места, дни, года. Лицо одной единственной, которая навсегда потеряла имя. Он звал её не иначе как: «Та женщина».
И даже не помнил, чтобы она говорила, как любит его…
Любила ли?

***

– Саске, – тихо позвал блондин, смотря на белое лицо друга, – ты хотел бы что-то изменить в своей жизни? Ты вообще жалеешь о чём-то?

Учиха перевёл взгляд со светлеющего неба на склонённое к нему лицо блондина. Почему этому придурку всегда нужно говорить? Почему именно сейчас?

– Нет, – пожал он плечами, насколько это было возможно в таком положении. Спину холодил острый гравий, но то было даже приятно. Чувствовать, пока можешь.

– То есть ты… ты бы выбрал эту жизнь, предложи тебе сотню других?

Брови Наруто удивлённо поднялись, кажется, в его голове не умещалось такое простое понятие чужого глупого выбора.

– Мне всё равно какой жизнью жить, – отозвался Саске, поднимая над глазами руку и рассматривая выступающие на внешней стороне ладони вены. Они казались слишком толстыми, слишком тёмными. И будто бы кожа начинала расползаться. Учиха сморгнул, опуская руку обратно на камни. – В любой жизни полно своего дерьма, а к дерьму в своей я давно адаптировался.

Наруто тяжело вздохнул, поднимая взгляд и рассматривая окружающее их пространство. Лишь вдалеке мерцали редкие огни частного сектора. Где-то там был дом Саске…

– Но ведь… хоть что-то ты хотел бы поменять. Совсем малость.

Брюнет тихо хмыкнул. Наруто хотел услышать то, что подтвердит его мысли, но Учиха не любил спорить в угоду кому-то. Если говорить, то правду, какой бы она ни была. Сожалеет ли он о чём-то в своей жизни? Трудно сказать, когда этой самой жизни было так мало, хотя и за короткий срок многие умудряются наделать ошибок. Саске скорее относился к третьим, кто вообще ничего не делал, плывя по течению и послушно стукаясь об острые камни в мутной воде.

Сожалеет ли он о том, что не общался с Итачи?
Нет. Так вышло, а не иначе. Значит, так должно было случиться, значит, злость на брата должна была рано или поздно поселиться в его душе. Послушно шагать за ниточкой, которую разматывает из своего клубка Судьба. Цепляться за неё и верить, что так будет лучше для всех. Слепая вера… во что?
Зачем сожаления? К чему это внутреннее бичевание приведёт? Это исправило бы его ошибки, моментально развернуло бы жизнь вспять, сделав мать не серой тенью Фугаку, отца любящим, а брата любимым? Изменили бы сожаления самого Саске? Сделали бы они его добрее?
Учиха усмехнулся. Нет. Сожаления – это пустое.
Мы сами в ответе за то, что делаем. Ведь каждый из нас знает, что делает со своей жизнью, как поступает. Мы сами в ответе за свои действия, и все мы это прекрасно знаем.
И Саске знал.
Каждый шаг для нас может отзываться болью. Ведь мы шагаем по гвоздям, вбитым в дощечку наших сожалений. Мы ступаем босыми ногами по ним, если опасаемся, слишком много думаем о том, что «если бы я сделал так, то…»
И продолжаем вбивать эти же гвозди себе в позвоночник, когда сожалеем о том, что сделали своими же руками. Эти гвозди мешают выпрямиться, посмотреть вокруг и осознать свою вину за свою же жизнь и ошибки в ней.
В жизни не бывает чудес. И сожаления – это не панацея от внутренней боли. Ими её не унять, наоборот, можно раздуть угольки сильнее, и тогда тебя испепелит.
Саске не сожалел. Он сам выбрал свою жизнь.

– Я бы ничего не поменял, – наконец отозвался Учиха.

– Да, – тихо выдохнул Наруто, вновь глядя на брюнета. – Я бы тоже… но… я бы хотел, чтобы ты…

– Наруто, – предостерегающе выпалил Саске, цепляясь глазами за взгляд Узумаки, – даже не вздумай этого сказать.

– Но ведь… я действительно хочу, чтобы ты жил, – всё-таки выдохнул Наруто изрядно сдавленным голосом. – Я не хочу, чтобы ты… пропал.

Учиха прикрыл глаза, испуская полный раздражения и горечи вздох. Он приложил руку к глазам, будто стараясь защититься от этих слов.

– Неужели нельзя сделать операцию?

Саске почувствовал, как руки Узумаки сжали его плечи, и сильнее зажмурился. Этот разговор… он не должен был состояться. Только не он…

– Нет, – тихо выдохнул он.

– Но… вдруг? – как-то беспомощно прошептал Наруто.

– Нет, – повторил Саске, качнув головой. – Если… если её и сделают, то…

Он сжал камушки свободной рукой.

– Я не хочу быть овощем, добе. Я не хочу жить в своём теле, как в западне. Я не хочу…

В голове вновь начинало пульсировать, приходилось сжимать зубы и выдыхать через нос.

– Я лучше умру, чем буду жить так…

– Не говори это.

Наруто сгорбился, утыкаясь лбом в лоб Саске.

– Но ты был бы жив, – тихо прошептал блондин. – Смог бы…

– Ты называешь это жизнью? – усмехнулся Учиха, отнимая руку от лица. – Это страшный кошмар, от которого нельзя проснуться. Ты понимаешь это, Узумаки? Я не смогу проснуться, если мне надоест этот сон.

Наруто запутался в этих сбивчивых объяснениях или же он

просто не пытался понять их, пропустить сквозь себя. Сейчас хотелось держать Саске за плечи, слышать его дыхание и знать, что оно будет завтра.
Стало как-то безразлично то, что он ведёт себя, как последний идиот, как полный безнадёжный придурок, отказывающийся принимать тот факт, что вода мокрая, а огонь горячий.

– Я бы был рядом…

– Я не хочу забирать две жизни, – резко отрезал Саске, вновь морщась от накатывающей боли. Она возвращалась…

– Так что засунь свои благородные порывы себе в…

Наруто не стал дослушивать, быстро цепляясь губами за губы Саске. Не хотелось слушать всё это вновь, прокручивая в голове каждое слово, взвешивая. Опять думать – было ли это сказано от чистого сердца или же очередная защитная реакция Учихи на внешние раздражители его спокойствия.
Брюнет зажмурился, не двигаясь. Чужие губы скользили по его, и отчего-то было плевать, что вокруг улица и их могут увидеть. Было плевать на всё, даже на эти самые губы.

***

Воспоминания. Они пробуждают сожаления. Они мешают спать, мешают отмахиваться.
Фугаку сидел в своём кабинете, допивая бутылку виски и не пьянея. Перед глазами была забытая картина, в ушах… забытый уже диалог…

– Это твой сын.

Она указала на лежащего в кроватке младенца, который смотрел на них своими большими чёрными глазами.

– Я сделала тест на отцовство. Он твой, Фугаку.

Женщина не улыбается, признавая этот факт. Она смотрит прямо на него, и от неё веет холодом. Учиха невольно сжимает

руки при взгляде на ребёнка, который ещё ничего толком не понимает.

– Мне не нужен второй сын. У меня… у меня есть семья.

– Ты не думал об этом тогда… в отеле, – усмехается черноволосая женщина, отходя от Учихи и останавливаясь у низкого столика.

Её рука берёт с него какие-то таблетки, но тогда Фугаку не обратил на это внимания.

– Ты должен признать его, Учиха, – скупо говорит она, глотая пилюли. – Признать и принять в свою семью.

– Что ты несёшь?! – почти кричит мужчина, но тут же понижает голос. – Моя семья – это не место для… для этого! Что подумают люди?

– Мне всё равно.

Она пожимает плечами, встречаясь с этим злым взглядом. Её глаза холодны, лицо расслабленно, словно происходящее не волнует совершенно.

– Если ты не признаешь его своим сыном и не заберёшь в свою семью, – твёрдо, чеканя каждое слово, говорит женщина, – то об этом узнают все, и тогда твоя карьера очень быстро закончится. А ведь…

Она окинула его взглядом и вновь усмехнулась:

– Она только начала идти в гору.

– Я заплачу тебе, я буду платить до тех пор, пока он не станет совершеннолетним, – горячо выпалил Фугаку.

– Нет, – тихое и твёрдое. – Ты возьмёшь его к себе в семью.

– Но я не могу!

– А ты постарайся, – прошипела женщина, опускаясь в кресло и потирая высокий белый лоб рассеянно. – Так или иначе, мне больше некуда его деть.

– Так расти его сама. Я буду платить!

– Не всё можно купить, милый.

Горькая усмешка трогает её тонкие губы, и взгляд вновь взлетает к глазам Фугаку.

– Я больна, милый. И через год ребёнок останется один и попадёт в детский дом. Но… у него есть живой отец, и мой нотариус обо всём знает. Стоит мне умереть, как о твоём сыне станет известно общественности, потому что ты его единственный законный опекун. Ты не можешь от него отказаться, иначе отказаться придётся и от Итачи.

Она прищурилась, улыбаясь как-то жутко. На худом лице вообще все эмоции казались слегка искажёнными…

– Отказаться придётся и от гордого имени Учиха. Тебя ведь собственная семья сожрёт с потрохами за такую… низость.

– Ты больна? – шикнул Фугаку. – Чем?

– Жизнью, – горько усмехнулась женщина, поднимаясь из кресла и подходя к кроватке.

Она взялась своими тонкими руками за бортик, глядя на младенца внезапно потеплевшим взглядом.

– Когда ты возьмёшь его себе, а ты возьмёшь, – с нажимом произнесла она. – Ты не расскажешь ему правды о его больной матери. Его будет растить Микото, а она женщина хорошая, хоть и слабая.

– Она откажется!

– Не откажется, – выдохнула она. – Ты не позволишь.

– Но я не хотел этого ребёнка.

– Что поделать, – пожала плечами. – Он есть, и теперь ты в ответе за него.

– Но…

– Фугаку, – её взгляд вновь уколол мужчину, – не будь тряпкой. Научись нести ответственность за свои поступки. Ты же знаешь, что я могу уничтожить твоё имя, твою карьеру. И ты сам будешь в этом виноват…

– Ты тоже виновата!

– Да, – просто признала женщина. – Виновата. И я своё наказание уже несу. Мне нелегко оставлять его, Фугаку.

Она тяжело выдохнула, прикрывая глаза, едва заметно сжала руки на бортике.

– Почему ты не избавилась от него?!

– Было слишком поздно…

Учиха тяжело вздохнул, переводя взгляд на ребёнка.

– А что, если он унаследует твою болезнь?

– Надеюсь, этого не случится.

Это воспоминание почти стёрлось из головы под яростным напором попыток забыть. Остался лишь ребёнок, который с каждым днём становился всё больше похожим на «ту женщину».
Саске стал живым воспоминанием, которое не сотрёшь, не подавишь и не затмишь какими-то новыми.
Он каждый день напоминал Фугаку о его слабости, о том, что он недостоин быть Учиха, о том, что он едва не потерял всё из-

за… из-за какой-то женщины. Инстинкта. Глупого желания…
Микото приняла ребёнка безропотно, как и новость о том, что она не единственная. Никто не знал, чего стоило женщине смириться. Но она смирилась и полюбила Саске. Ведь не он виноват в том, что его отец не смог сказать себе «нет».
А вот Фугаку… Фугаку винил, и ребёнок будто чувствовал это. Любой бы почувствовал…
Стакан с виски полетел в стену. Сожаления накрыли плотным гранитным облаком.

***

Итачи завёл машину.
Он должен был сказать Саске. Рассказать брату правду, пока ещё было кому рассказывать.
Учиха не знал куда ехать, где искать брата. Он просто гнал по дороге, набирая номер младшего.
Но в трубке раздавались лишь длинные гудки, и сердце билось быстрее.

***

Наруто отстранился, чувствуя, что Учиха странно напрягся.

– Ты как?

Саске не стал отвечать, мотнув головой и садясь, а затем медленно осматриваясь по сторонам. Шорох гравия сменился шёпотками, и в сером воздухе замелькали какие-то тени. Учиха видел, что мир опять начинает принимать какие-то картонные очертания, а местами обшелушивается, как старая краска с металла.
Рёв мотора пронёсшейся мимо пятака машины больно резанул по ушам, и Саске зашипел от резкой боли в затылке, а визг тормозов едва не заставил зажать уши.
Наруто удивлённо смотрел на сдающую назад чёрную машину и смутно узнавал её. Кажется, такая же была у Итачи, а когда оная остановилась и из неё вышел высокий брюнет, сомнений не осталось.
Старший Учиха быстрым шагом двигался к ним, но замер

напротив Саске, словно наткнулся на невидимую стену. Узумаки хотел было поздороваться с парнем, но лицо того было слишком взволнованным, а глаза судорожно шарили по сгорбившемуся брату, что слова застряли в горле.
Таким Итачи Наруто ещё не видел.

– Саске, – осипшим голосом позвал Итачи.

Брюнет нехотя поднял на брата лицо, но привычной усмешки на губах не появилось.

– Поднимайся.

Итачи протянул руку, за которую Саске браться не стал, попросту опираясь о гравий и кое-как поднимаясь. Его пошатнуло, и Итачи пришлось ухватить парня за плечи, а затем резко притянуть к себе, сжимая.

– Ты идиот! – выпалил старший. – Ты полный кретин, Саске.

Последний стоял ровно, опустив руки по бокам, и пока молчал, но Наруто понимал, что его друга вот-вот накроет привычной волной злости.
Пальцы Итачи больно впивались в плечи, комкая куртку, а дыхание обжигало шею. Пришлось сглотнуть, чтобы пропихнуть горький ком, внезапно появившийся в горле.

– Отпусти, – тихо попросил Саске.

– Нет. Не отпущу.

В голове Итачи крутились мысли. Они наслаивались одна на другую и не давали сказать то единственное, что собирался. Не давали сказать правду…
Опять.

– Итачи, – твёрже сказал Саске, – отпусти.

– Я пойду с вами, – выпалил старший Учиха. – И мне плевать на твоё мнение. Слышишь?

– Отпусти!

Саске всё-таки упёрся руками в грудь брата, пытаясь оттолкнуть и морщась. Боль от этих объятий была почти реальной, и хотелось оказаться как можно дальше от этого существа… от этого человека.
Сердце стучало быстро, а в висках грохотал паровой молот. Наруто даже отступил на шаг назад, чувствуя себя лишним здесь. Он будто смотрел на то, чего видеть ему было нельзя. Как в детстве, через пальцы на глазах, подглядывал за запретными сценами в каком-то фильме.
Саске всё же сдался, перестав упираться. Он принял другую игру: прикинулся истуканом, как это всегда бывало. Он просто стоял, уткнувшись лбом в плечо брата, и тяжело с хрипом дышал чужим, разъедающим лёгкие запахом.
Взгляд Наруто упал на брошенный всеми рюкзак, и Узумаки, не зная, чем занять глаза и руки, просто поднял его. Кажется, это и стало точкой.
Итачи разжал руки, выпуская Саске, но продолжая смотреть брату в лицо. Казалось, что старший хочет сказать что-то. Оно зависло перед его губами, требуя наполнить себя звуком, но… он молчал. И Наруто не понимал почему.
Все будто ждали чего-то от Саске, но тот смотрел куда-то на грудь брата и беззвучно шевелил губами. Итачи нахмурился, стараясь прислушаться к непроизнесённым словам, но разобрать ничего не мог.

– Саске? – тихо произнёс Наруто, подходя к другу и тоже заглядывая в лицо.

Учиха моргнул, поднимая взгляд на блондина, и внезапно глаза закатились, а тело стремительно ухнуло вниз. Если бы не вовремя ухвативший брата за плечи Итачи, то Саске приложился бы о гравий.

– Что с ним? – выпалил парень, перехватывая Саске и пытаясь заглянуть в опущенное лицо.

– Я… я не знаю. Итачи… нам нужно домой.

– В больницу! – возразил старший.

– Нет, Итачи, пожалуйста, – скрепя сердце, попросил Наруто. Он знал, что лучшим выходом было отвезти Саске в клинику, но… лучшим для кого?

– Он не хочет туда… просто послушай меня, пожалуйста. Дома есть таблетки…

Как они могли их забыть…
Прошла, кажется, вечность, прежде чем Учиха кивнул, перехватывая Саске так, чтобы удобнее было донести до машины. Это решение было тяжёлым, но Итачи попытался принять странное желание брата. Возможно, он вновь совершал ошибку, но…

***

Сознание возвращалось медленно, какими-то размытыми рывками. Саске не понимал, где он находится и почему рядом какие-то два размытых силуэта. Он даже моргнул пару раз, пытаясь вернуть зрению чёткость, но всё продолжало расплываться.

– Узумаки? – наконец выдохнул он, узнавая эти золотистые вихры даже в размытом виде.

– Напугал ты нас, – выдохнул знакомый голос. Да. Наруто. – Ты как себя чувствуешь?

Саске приложил руку к глазам, протирая их. Ощущение какой-то лёгкости не покидало тело, словно он был уже и не в нём.

– Дай воды. Итачи здесь?

– Я тут.

Саске моментально отнял руку от лица. Он думал, что рядом с Наруто может быть кто угодно: Нагато или ещё какой человек,

но в то, что брат пришёл в их комнату…

– Проваливай, – резко шикнул Саске, садясь и открывая глаза.

Картинка стала чёткой, но не до конца. Линии всё ещё были размытыми, хотя черты лица теперь было видно лучше.

– Я сказал, что останусь.

– Мне хватает одной бесплатной няньки, – зло осклабился брюнет.

– Я тебе не нянька.

– Ну, тогда свали.

Пальцы нащупали на тумбочке зажигалку и сигареты. Одна из них оказалась в губах, и свет от огонька больно резанул по глазам, но Саске всё же прикурил, выпуская едкий дым в сторону Итачи.

– Мне решать – остаться здесь или нет, – стоял на своём старший.

Наруто мысленно усмехнулся. То, что эти двое родственники, было заметно даже по их манере общаться.
Стакан с водой завис перед лицом, и Саске рассеянно взял его в руки.

– Я просил? – тихо шикнул он, поднимая глаза на Наруто.

– Ну, – ошарашено проговорил Узумаки и взглянул на Итачи, затем вновь на Саске. – Да. Просил.

Учиха нахмурился, вновь затягиваясь, и отставил стакан на тумбочку.
Откинувшись спиной о стену, он задумчиво посмотрел на брата. Так близко они давно не находились, и это было непривычно и даже как-то неправильно.

– Только потому, что ты изъявил своё желание побыть со мной, я не буду кидаться тебе в ножки.

– А я этого и не жду, – пожал плечами Итачи. – Я давно от тебя ничего не жду. Но запрещать быть рядом ты мне не можешь.

– Могу, – усмехнулся Саске.

– Попробуй.

Взгляд чёрных глаз скользнул по лицу старшего, задержался на глазах, и Саске фыркнул:

– Иди на хер.

С этими словами он поднялся, осторожно придерживаясь за стену, и направился к двери, не забыв прихватить с собой сигареты.

– Ну и куда ты?

– Тут тесно.

Дверь закрылась за ним, и Наруто устало выдохнул, опускаясь на кровать и ероша пальцами волосы в попытке выгнать из головы отупляющее напряжение.

– Он не дотянет до весны.

Узумаки вскинул голову на Учиху так резко, что в шее что-то хрустнуло.

***

Саске хотел побыть один. Он очень надеялся, что Наруто не сорвётся за ним, потому что знал, не сможет прогнать. Теперь уже не сможет.
В губах едва тлела сигарета, и дым казался слишком тяжёлым, тягучим и горьким. Он оседал на губах колючим налётом, от которого хотелось то и дело отплёвываться.

Под ногами стелился серый асфальт, которым по осени, кажется, пропитывается даже небо. Воздух был приятно холодным, но слишком сильно выстуживал плечи под тонкой кожанкой.
Учиха выбросил сигарету, убирая руки в карманы и привычно сутулясь.
Пришло время тяжёлых одежд. Пришло время кутать свой труп во что-то, что защитит его от холодного ветра, дождя и чужих взглядов. Пришло время горячего чая, лимона и простуд, долгих вечеров у телевизора и янтарного света в чужих незнакомых окнах.
Саске шёл по какой-то малознакомой улице. Так странно… жить в городе и не бывать в каких-то его частях. Никогда.
Так можно и с человеком. Пробыть рядом всю жизнь, но не заглянуть в самые значимые его уголки, не увидеть там пыли и паутины. Потому что хорошо прячет, а ты слишком плохо ищешь. Не хочешь найти.
Брюнет свернул с оживлённого тротуара.
Бессонная ночь стёрла границы дня, и теперь казалось, что сегодня это нелогично затянувшееся вчера. Саске не видел рваных острых граней дня и не мог понять – почему вокруг так много людей, почему их лица так озадачены, напряжены, а походки нервные и слишком быстрые. Куда все спешат?
Учиха отошёл в сторону придорожного ларька, где торговали чаем и простыми бутербродами. Мелочи в кармане хватило на пластиковый стаканчик чая с лимоном, но, увы, без сахара.
Остановившись у высокого железного, выкрашенного в белый цвет столика, Саске осторожно приник губами к пластиковому стаканчику. Запах был непривычным, как и вкус. Слишком резким и мягким одновременно, не отзывающимся кислой горечью в глотке и не заставляющим сердце взволнованно вздрагивать.
Взгляд шарил по проезжей части. Серые машины… даже те, что выкрашены в яркую краску – серые. И везут они своих серых пассажиров в их серые коробки, к их серым делам.
Саске выдохнул, ставя стаканчик на стол и грея руки о его тонкие бока. Одно неловкое движение, и горячая жидкость разольётся, обожжёт кожу болью.
Осень кончалась, перетекая в более прекрасную фазу.
Учиха попытался представить, как всё изменится, когда упадёт

снег. Но не смог. В мозгу что-то тренькнуло, и образы перемешались, став грязно-серыми с яркими вкраплениями жёлтого и зелёного.
Отставив недопитый напиток в сторону, брюнет побрёл дальше. Всё-таки он не любил чай, а зачем мучить себя, если что-то не любишь? Зачем пытаться полюбить, согнуть себя, вливая в глотку раскалённый терпкий напиток?
Да и не только его.
Зачем врать самому себе сейчас, когда уже не зачем, нечего бояться?
Кеды утопали в мягкой земле, посыпанной яркими жёлтыми звёздами кленовых листьев. Саске шёл сквозь чужие дворы, и взгляд невольно цеплялся за играющих детей, в их пёстрых курточках, за сидящих на лавочках старушек, которые неизменно провожали его осуждающим взглядом.
И сколько бы дворов он не проходил, картина везде была схожей.
Неужели все жизни такие одинаковые? Неужели всё идёт по общепринятому сценарию?
Учиха внезапно остановился, поднимая голову и вглядываясь в первое же попавшееся окно. Сейчас оно было тёмным, и разглядеть что-либо было невозможно, но Саске, сам не зная почему, попытался представить: вот наступил вечер, в окне зажёгся жёлтый свет. У плиты появилась женщина и поставила чайник. Нет… не электрический включила, а настоящий, тяжёлый.
Она взглянула вниз, на привычный двор. И увидела, как на то же самое место, что и неделю назад, подъехала та же самая машина. Синяя… нет… тёмно-красная, грязная с боков от брызг.
Фары гаснут, погружая небольшой пятачок перед домом в темноту, и из машины выходит мужчина. В его руке пакет, и он спешит к подъезду, потому что холодный накрапывающий дождик мочит волосы и забирается за шиворот.
Впереди у него вечер в кругу семьи. Уроки с сыном… нет, пусть будет дочь. А она, как и мать, не понимает математику и приходится тратить больше времени, чтобы решить задачку. А потом ужин. Чай, картошка и компот, возможно. Совместный просмотр телевизора в небольшой комнате, где на стенах играют светло-голубые отблески…

И сон… обнимая того, кого вроде бы надо любить. Любить?
А что это?
Такое существует?
Саске тряхнул головой, понимая, что в своих мыслях ушёл слишком далеко, а на него уже косятся прохожие.
Шаркнув ногами, Учиха двинулся дальше, едва замечая, что собственная походка стала рассеяннее и тяжелее. И как будто пошатывает… но нет. Это всего лишь глаза не хотят фокусироваться.

***

Наруто сидел в их комнате, уткнувшись лбом о жёсткий край стола. Он до боли закусил нижнюю губу, сверля взглядом затёртый пол.
Комната Нагато, как обычно, приняла блондина с каким-то особым теплом, за которое не надо платить фальшивыми улыбками и вымученными разговорами.
Красноволосый сидел рядом, положив руку на спину Наруто, хотя тот не просил утешения. Он просто пришёл. Потому что… потому что хотел забыться. На время.
В ногу доверчиво мокрым носом тыкался Пэйн, и это слегка отвлекало, но не возвращало в реальность.

– Наруто, – мягко позвал Нагато, – ты же знал…

Наруто кивнул.

– Тогда просто прими это.

– Я давно уже… – слова выходили из горла вместе с болью. – Я давно уже смирился. Просто…

Узумаки зажмурился, не давая воли чувствам настолько, чтобы те начали сочиться солёной влагой.

– Просто… это ведь Саске.

– Ты привязался к нему, – тяжело вздохнул красноволосый, проводя рукой по мягкой толстовке Наруто. – Это потому что…

– Нагато, я знаю, почему я к нему привязался. И это не из-за каких-то там стремлений доказать себе что-то.

Наруто осёкся, вновь прикусил губу и продолжил:

– Сначала, конечно, я пытался быть взрослее. Пытался взять ответственность за нас обоих на себя. Но… ты знаешь… я махнул на это рукой. Мы просто жили.

Нагато кивнул, опуская взгляд.

– Потом как-то привык. И не заметил…

– Чего?

– Не заметил, – слова застряли. – Я придурок. Но… мне будет плохо без него.

– А ему без тебя?

Наруто вскинул лицо на Нагато, уставившись в фиалковые глаза с таким отчаянием, что красноволосый внезапно понял: этот вопрос терзает Узумаки уже не первый день.

– Я не знаю.

Наруто вновь ткнулся лбом в край стола.

– Ему всё равно.

– Это он так говорит?

Наруто вновь кивнул, облизывая губы.

– Я не могу его понять, Нагато. И не хочу, понимаешь? – усмешка, нервная и болезненная. – Я не хочу его понимать, потому что это ничего не изменит.

– А чего ты хочешь?

– Не знаю, – выдохнул Наруто. – Чтобы он остался…

***

Саске сам не заметил, как ноги привели его в то самое место, которое он старался не посещать многие годы. Не любил, считая глупой данью традиций.
Серые и чёрные надгробия высились с двух боков, и поначалу Учиха даже растерялся, усомнился в своём желании быть здесь. Но затем пересилил тупое желание развернуться и уйти как можно скорее. С упорством человека, вколачивающего в свой позвоночник новый гвоздь, Саске направился к могиле Микото. Ноги увязали в несуществующей траве, которая хватала и не отпускала. И двигаться было трудно, словно против течения. Но в итоге, он пришёл и замер, увидев чёрную фигуру рядом с могильным камнем. Сжал челюсти, но уходить не стал, попросту подойдя ближе и вставая за спиной.
Фугаку не видел сына, он перебирал пальцами тонкие стебельки каких-то белых цветов, что принёс на могилу жены, и никак не решался опустить их на гранитную плиту.
Саске обошёл мужчину по кругу, прислоняясь спиной к оградке с другой стороны и глядя в блестящую поверхность плиты, в которой отражались дождевые облака.

– Ты, – выдохнул Фугаку, всё-таки заметив парня.

Учиха лишь кивнул, продолжая вглядываться в землю. Он не верил, что скелету есть дело, кто к нему приходят. Так же он не верил и в Рай, и Ад. Тогда куда мы уходим?
Кажется, этот вопрос рано или поздно должен был посетить его голову.
Саске даже усмехнулся. Что следующее в списке? Поход в церковь?
Но усмешка быстро сошла с губ, сменившись сигаретой.
Фугаку поднял глаза на стоящего напротив парня, с трудом узнавая в нём своего ребёнка. Да, Саске очень изменился. Едва заметно огрубели черты лица, глаза набрались холода, а сам он стал будто бы твёрже, каменнее.
Он давно не смотрел на сына так. Они вообще редко были друг

перед другом, редко молчали, не надрывая глотки очередными обвинениями.

– Почему ты здесь? – тихо спросил Фугаку.

Выдохнув дым, Саске пожал плечами. Язык словно к нёбу присох. Да и о чём говорить?

– Понятно. А я вот…

Саске скосил на него глаза, замечая, как мужчина прикладывается к бутылке виски. От этого зрелища стало лишь противнее, хотя Учиха думал, что дальше некуда.

– Скучаю, наверное.

Взгляд брюнета вновь упал на плиту. Скучает…
О чём скучать? Об убитой семье?

– Будешь?

Булькнув жидкостью, отец протянул ему бутылку, но Саске лишь мотнул головой.

– Хорошо, – вновь как-то сник Фугаку, ставя виски рядом с собой. – Ты меня ненавидишь, да?

Косой взгляд на мужчину, который сейчас казался блёклой тенью самого себя. Вот что появляется наружу, когда маски рушатся…
Саске думал, что будет больно, если он вновь увидит отца, что злость сорвёт крышу и он вновь накричит на Фугаку, а тот на него. Думал, что будет раздражение.
Но… была пустота.

– Ты можешь ненавидеть меня, – принял его молчание за положительный ответ мужчина. – У тебя на то есть все права.

Фугаку как-то нервно усмехнулся, передёрнув плечами, и выдохнул:

– Я ведь тоже ненавидел тебя.

Когда-то это заявление ранило бы, разбередив рану и заставив её кровоточить. Когда-то Саске бы кричал, ругался и спрашивал: «Почему?!» А сейчас это признание упало в какую-то пропасть внутри души.

– Потому что ты едва не уничтожил всё то, что я создавал, – продолжил мужчина. – Ты ведь не знаешь… как всё было на самом деле.

Усмешка.

– Да и не узнаешь. Не к чему тебе знать.

Саске пожал плечами. Безразличие пеленой закрывало глаза. Фугаку поднял глаза на сына, в голове плескался алкоголь и путались мысли, заставляя то улыбаться, то хмуриться.

– Иногда я хотел, чтобы тебя не стало.

Саске всё же взглянул на мужчину, но это заявление также не вызвало никаких эмоций.

– Думал, что всё могло бы тогда быть иначе. Наша семья могла бы быть другой… если бы тебя не было.

Горькие слова. По сути своей ранящие острыми, заточенными до блеска гранями, режущие сердце на мелкие части… они не вызывали ничего.
Зажав сигарету зубами, Саске скинул со спины рюкзак, расстегнул молнию, вынимая из его глубин револьвер. Перехватил за дуло и рукоятью протянул отцу, выпрямляясь. Фугаку удивлённо посмотрел на оружие, едва ли узнавая в нём подарок старшему сыну. Грубая, дрожащая рука осторожно взяла револьвер, и Саске тут же опустил свою, стоя перед ним ровно и как-то безразлично. Взгляд был направлен точно в глаза Фугаку, который застыл, глядя на оружие.
Саске действительно было всё равно, как этот фарс закончится.

Если от руки Фугаку, то даже легче: не придётся терпеть нарастающую боль, не придётся доходить до безумия и видеть безликие тени. Мучить себя…
Наруто…
Учиха тряхнул головой, слегка поморщился. Узумаки, какого чёрта ты делаешь в голове сейчас? Почему?
Фугаку поднялся, слегка пошатываясь. Кажется, виски было выпито слишком много…
Он смотрел то на сына, то на револьвер и не мог провести логическую цепочку.
Что делать?
Взгляд вперился в осунувшееся лицо, которое было похоже на «ту женщину». Её острый взгляд, холод, исходящий от белой кожи, иссиня-чёрные волосы…
Хотя все говорили, что Саске похож на Микото…
Палец лёг на курок, но в следующий момент оружие выпало из ослабшей руки, ударившись о блестящую гранитную плиту.
Фугаку ринулся вперёд, хватая парня за плечи и притягивая к себе.
Саске второй раз за день приходилось играть роль истукана. Это могло бы повеселить, если бы не зияющая внутри пустота.
Брюнет просто смотрел в небо, терпя эти никому не нужные, фальшивые объятия.
Многое мы делаем не потому, что нам хочется, а лишь из-за того, что можем потом не получить шанс на то же самое. Вот и Фугаку, мучающийся от сожалений, обнимал сына, боясь, что, когда придёт время, уже не сможет. А обнимать надгробную плиту, как оказалось, было бессмысленно.

– Живи, – тихо выдохнул Саске. – И помни.

С этими словами он легко оттолкнулся от груди мужчины, подобрал свой рюкзак и побрёл прочь отсюда.
Ничего не изменилось.
Кладбище он по-прежнему считал местом для костей, но не для душ.

***

В общагу Саске вернулся, когда уже стемнело и перевалило за

десять часов вечера.
Он просто бродил по городу, неизвестным улицам, открывая для себя что-то вновь, а что-то забывая.
Небольшая комнатка встретила его теплом и ярким жёлтым светом. На его кровати у стены сидел Итачи и неспешно пил что-то дымящееся из кружки, у стола стоял Наруто и, судя по его виду, нервничал.
Завидев на пороге мокрого насквозь из-за дождя Саске, Узумаки бросился к нему, цепляясь за лицо взволнованным взглядом.

– Почему так долго? Ты не отвечал на телефон…

Учиха кивнул на тумбочку, где его аппарат лежал разобранным и мёртвым. Ещё ночью разделался с этим пластиковым монстром, который, кажется, шипел. Или делал что-то иное, что диктовал отравленный мозг Учихи.
Наруто почувствовал волну жара, пробежавшуюся по телу. Опять выставил себя волнующимся придурком, но, к его удивлению, Саске не стал бросаться едкими замечаниями.
Учиха сбросил рюкзак, стянул с себя куртку и взъерошил мокрые волосы, чтобы те не облепляли лицо. Получился странный чёрный ёжик, но на внешний вид ему давно стало плевать.
Он прошёл к столу и уселся на стул с ногами, слегка подрагивая от холода.
Было непривычно сидеть вот так… втроём.

– Итачи, – позвал Саске, не глядя на брата, – можешь остаться.

То, что старший останется на ночь, было понятно и так, но сейчас напряжение в воздухе будто рассеялось.

– Тогда я сделаю нам чая, – улыбнулся Наруто, щёлкая электрическим чайником.

Саске уткнулся подбородком в колено, уставившись на цветастую сахарницу.
Значит, всё вот так…

***

Наруто лежал на полу, потому что кровати были заняты Учихами. Саске утверждал, что может лечь на пол, но Узумаки настоял, чтобы тот занял его кровать, а сам блондин с одеялом улёгся между кроватей.
Было вполне удобно, но сон не шёл.
Взгляд сам собой цеплялся за свесившуюся к полу руку брюнета, и пальцы спустя пару минут раздумий всё же осторожно зацепили чужие.

– Ты спишь? – тихо спросил Наруто, вглядываясь в спокойное лицо и закрытые глаза. Саске выглядел спящим, но вскоре всё же поднял веки.

– Нет.

– И я нет.

– Почему?

Наруто пожал плечами и хотел было убрать руку, но Учиха зацепил его пальцы своими, заставляя остановиться.

– Вот и я не знаю, – выдохнул Саске, перехватывая ладонь Узумаки удобнее и слегка сжимая её. Странный жест, если учитывать, что он исходил от брюнета. Вроде бы и не признавал ничего, но и не просто так цеплялся за чужие пальцы.

– Ты где сегодня был?

Учиха поджал губы, пальцы дрогнули, отпуская руку Наруто, и Узумаки с огорчением понял, что опять заговорил не вовремя.

– А о чём ты хочешь?

Кровать скрипнула, когда Саске поднялся, чтобы сесть рядом с Наруто на полу. Узумаки перевернулся на спину, подкладывая под затылок одну руку и смотря на бледное лицо друга.

Брюнет казался озадаченным чем-то или же наоборот очень спокойным. В чёрных глазах было трудно найти хоть какие-то эмоции или же разобраться в их переплетениях.

– Я не хочу, – тихо начал Учиха, глядя Наруто в глаза, – чтобы ты, добе, горевал обо мне. Понимаешь?

Глава 3. In the end.

"I tried so hard
And got so far
But in the end
It doesn't even matter
I had to fall
To lose it all
But in the end
It doesn't even matter"
Linkin Park – In the end

«Я так старался
И сделал так много,
Но в конце концов…
Это неважно.
Я вдруг упал
И всё потерял.
Но в конце концов…
Это неважно».

– Но я всё равно буду, – тихо ответил Наруто.

Лицо Саске в темноте казалось пластиковым, даже глаза не блестели, словно перед Наруто сидел манекен.
Учиха покачал головой, опуская лицо и пряча его за иссиня-чёрными волосами.
Мир вновь сузился до небольшого личного пространства, заполненного тишиной и слишком цепким холодом, от которого немеют губы.
Брюнет усмехнулся, не поднимая головы, протянул руку к лицу Наруто, проводя холодными пальцами по линии скул, подбородку, замиряя у левого уголка губ.

– Я подохну, а ты останешься, – тихо и бесцветно. – И это меня

раздражает. Это я ненавижу. Я не хочу так.

– Ты хочешь, – Наруто запнулся, накрывая своей рукой пальцы Саске, – хочешь, чтобы я тоже… подох?

Учиха отрицательно мотнул головой.

– Ты хочешь жить?

Пальцы под ладонью дрогнули, слегка поцарапав кожу ногтями, и вновь застыли.

– Зачем? Ничего ведь нет.

Саске так и не поднял голову, говоря с полом или пледом, на котором лежал Наруто, но не с самим Узумаки. Всё самое тяжёлое всегда легче говорить в пустоту, а не в глаза. В них можно увидеть своё собственное растерянное отражение, свою слабость и передумать.
Наруто поджал губы. Хотелось сказать, что есть он, но кто он такой для Учихи? Это вообще даже неправильно, и ничего никогда не изменится. Таким чувствам нет места в нормальном мире. В мире есть место только для шаблонов, стандартов. Зачем такой мир?
Наруто отвернулся, вглядываясь в темноту под кроватью. Так или иначе, они оба прятали боль под диваном…
Пальцы Саске слегка двинулись, замирая в нерешительности, а затем всё же спускаясь по шее Наруто. Рука застыла на груди блондина. Сердце билось…
Своё же…
Наруто вновь взглянул на Учиху, привычно опуская ладонь на тихо вздымающуюся грудь.
Они понимали, что ничего не изменить. Время уже давно играло против них, убивая одного, а второго превращая в блёклую тень себя прежнего.

– Когда я сдохну, – вновь начал Саске, всё так же изучая взглядом пол, – выброси всю эту херню из головы и найди себе девку.

– Не выброшу. Это не херня! – горячо заявил Наруто, сжимая футболку Саске.

Усмешка.

– Узумаки, я же говорил… влюбился. Идиот.

Наруто отвернулся, прикусывая нижнюю губу. Он не знал, что ответить, что сказать, хотя Саске и не требовал ничего.

– Сколько раз мне надо было тебя ударить, чтобы ты свалил?

– Ты бить не умеешь, – криво улыбнулся Наруто. Было не смешно и даже не весело, но говорить с траурным видом Узумаки просто не умел, веря, что хоть какая-то улыбка способна, если не решить все проблемы, то облегчить жизнь.

Саске молча кивнул, не слыша ответа. В голове вновь начали появляться чужие голоса, и рука на груди Узумаки дрогнула. Брюнет поднял на него глаза, разглядывая едва видимое лицо. Она пришла внезапно. Белокожая села рядом, обвивая руками плечи Саске и нашёптывая в ухо одно единственное слово. Учиха поморщился, тряхнув головой. Нет… только не сейчас…

– Саске? Опять?

Голос Наруто сливался из сотни шепотков и больно бил по ушам. Брюнет с трудом отнял руку от его груди, чтобы закрыть ею глаза. Но тени всё равно никуда не делись. Веки разъедало жидким ядом, белки плавились, и пришлось сжать зубы, чтобы не выдать себя тихим стоном боли.
Плечи вновь обвили руки, но на этот раз тёплые, живые. Эти руки потянули куда-то вниз и уложили на холодную подушку. Учиха отнял ладони от глаз, моргая и глядя на Наруто. Блондин ободряюще улыбнулся, хотя делать это сейчас было очень опасно: Саске в таком состоянии любой жест мог истолковать неправильно, извратить любое слово.

– Я ненавижу, – сказал дрожащий голос.

– Я знаю, – мягко кивнул Наруто, убирая с холодного лица друга чёрные прядки. – Но я также знаю… что тебе не безразлично.

Лицо Наруто меняло форму, очертания, и только глаза оставались прежними. Мир… картонные декорации, лишённые цвета, вспыхивали чёрным огнём и разливались едким дымом по лёгким. Дымом со вкусом крови.
Наруто тяжело вздохнул, обхватывая друга руками и прижимая к себе. Взгляд Саске вновь становился тем матовым и страшным. Совсем не хотелось смотреть в эти чужие глаза. Учиха поморщился, цепляясь пальцами за футболку блондина, как за ускользающую реальность. Мир сузился до ощущения чужого дыхания на ключице, до едва слышного стука сердца человека рядом. Хотя… он не мог слышать этого.

– Я схожу с ума.

Наруто зажмурился сильнее.

– И я могу причинить вред.

– Ты всегда мог.

Саске почувствовал на своём подбородке губы и прикрыл глаза, стараясь уйти только в это ощущение, а затем притянул Наруто ближе, заставляя коснуться уже губ.
Только это скользящее тепло, от которого сердце пропускает удары, только чужое дыхание, вместо едкого шёпота, только бьющееся сердце, а не выламывающая рёбра пустота.
Учиха сам не заметил, как слишком увлёкся, пытаясь заменить эти ощущения другими. Губы целовали другие всё требовательнее, пальцы цеплялись за одежду, не пытаясь удержаться, а удерживая блондина рядом. Наруто что-то говорил, пытался отстраниться, но вскоре сдался. Как обычно… Хотя кто из них сдался было большим вопросом…
Дёрнувшись, Узумаки навис сверху, склоняясь и проводя губами по шее Саске, придерживая руки того за запястья, чтобы Учиха вновь не вздумал пытаться делать всё по-своему. Наруто слишком хорошо помнил, как всё кончилось в прошлый раз, и

вновь чувствовать себя раздавленным гнётом чужой воли не хотел.
Губы скользнули по тёплому виску Саске, в котором бился пульс. Прижались, запоминая это ощущение, и вновь задели шею, исследуя, кажется, каждую линию.
Брюнет старался не двигаться, хотя за рёбрами металось что-то ужасное. Оно заставляло прикусывать губу и зло смотреть на Узумаки, возомнившего, что ему позволено всё. В какой-то миг Наруто взглянул в глаза Саске и замер, переводя сбившееся дыхание.
С соседней кровати послышался скрип, и оба парня воззрились на неё. Только сейчас они вспомнили про Итачи, который совершенно вылетел у них из головы. Сердце забилось тревожно, и стало как-то очень неловко, хотя старший Учиха лежал спиной к ним и спокойно спал…
Наруто тихо выдохнул, отпуская Саске и просто ложась рядом. Брюнет перевернулся на спину, смотря на белый потолок. Тень засела прямо над ним и скалила свои тёмные зубы…
Это было странно. Словно он попал в какой-то замкнутый круг, где каждое действие рано или поздно повторяется. Со временем круговерть событий перед глазами увядала, становясь привычно картонной. А затем вспыхивала почему-то новогодними огнями.
Саске вновь закрыл лицо руками, чувствуя жар в собственных ладонях. Они горели тем самым тёмным огнём, что стремительно поглощал комнату.
Наруто следил за забывшимся другом из-под прикрытых ресниц и пытался потушить разгоревшийся минуту назад пожар в собственной груди.
Сейчас Учиха казался запертым внутри своего тела, как всегда боялся. Да, он мог двигаться, мог говорить, но счастья и облегчения ему это не приносило. Вокруг всё пропитывалось холодной тьмой, и сам Наруто, будто упал в этот затягивающий водоворот, из которого не выбраться.
Только сейчас Узумаки осознал насколько мир Саске влился в его собственный. Изменил… заставил поверить, что в жизни нет чудес.
Блондин не выдержал, просто придвинувшись ближе и обхватив холодного да подрагивающего Учиху руками. Лоб уткнулся в плечо, руки сжались в замок.

– Ты здесь, – тихо выдохнул Наруто. – Их не существует.

Кого «их» Наруто понимал с трудом, но он видел, как взгляд Саске шарит по потолку, по стенам, словно видит скрытое от глаз самого Узумаки. Брюнет видел, слышал и, возможно, ощущал что-то…
А блондину осталось лишь гадать об этих видениях и верить, что Учиха не упадёт слишком глубоко в этот омут безумия.
Саске вытянул руку навстречу новой тени, но та внезапно рассыпалась рваными лоскутами, осыпая тело, словно чёрным снегом.
Пришлось моргнуть, чтобы эти лоскуты перестали закрывать белок, и картинка приобрела чёткость. Когда зрение отказалось возвращаться в своё нормальное русло, брюнет просто закрыл глаза.

– Нет ничего нормального, – тихо проговорил Саске, накрывая рукой руку Наруто. – И нет ничего ненормального…

***

Итачи проснулся рано утром. И первой мыслью было – рассказать Саске о его матери…
Рассказать эту правду…
Парень перевернулся набок и удивлённо уставился на открывшуюся его взору картину. Саске лежал на полу, слегка повернув голову к Узумаки, а Наруто крепко обхватывал брюнета руками.
Итачи невольно улыбнулся.
Во сне наше тело не связано с какими-то предрассудками или принципами. Оно не подчиняется заснувшему мозгу, просто ищет источник тепла или же то место, где уютно спать. Во сне мы можем быть собой, без шаблонных эмоций…
Настоящими.
Его брат сколько угодно может быть самостоятельным засранцем, который очень любит делать больно окружающим. Но рано или поздно сон окутывает и это упрямое существо…
Итачи сел.
Что сейчас Саске даст эта правда? Очередную порцию боли, к

которой у младшего, скорее всего, уже выработался иммунитет? Пустоту?
Учиха покачал головой, соглашаясь с чем-то внутри себя.
Он легко опустился на пол, наклоняясь к бледному лицу Саске. Брат слегка сопел во сне и казался вполне здоровым. Просто уставшим очень.
Итачи легко коснулся губами его щеки и рывком поднялся.

***

Когда Наруто проснулся, то почувствовал, что в комнате что-то изменилось. Приподнявшись на локте, Узумаки, сонно щурясь, осмотрелся, но так и не нашёл взглядом Итачи. Пропали и его ключи, и куртка. Значит, старший Учиха всё-таки уехал… Узумаки широко зевнул, потирая лицо и пытаясь проснуться.

– Какого хера ты ворочаешься, – сквозь зубы прошипел Саске, не открывая глаз.

– Я проснулся, – бодро заявил Наруто. – Ты как?

– Свали к чёрту. Я хочу спать.

– Саске, – Наруто легко толкнул парня в бок, отчего он недовольно поморщился, – вставай…

– Узумаки, сгинь.

Учиха разлепил глаза и практически ползком добрался до кровати, чтобы забраться на неё и упасть лицом к стенке. Он даже не вспомнил про сигареты, лежащие на столе, хотя обычно, просыпаясь даже на пару минут, всегда закуривал. Наруто окинул его взглядом и вновь зевнул, отворачиваясь, чтобы поставить чайник.
Саске приоткрыл глаза, рассматривая желтоватую стену перед собой. Замысловатые повторяющиеся узоры привлекали внимание, заставляя скользить по ним взглядом.
В голове было непривычно ясно, словно болезнь вновь сдавала позиции, но Учиха знал: затишье перед бурей. Он буквально чувствовал, как пространство сжимается. И ощущение

неотвратимости давило на плечи, на душу, заставляя прикидываться спящим. Может, тогда не будет взглядов, вопросов?
Брюнет прикрыл глаза. Ночью мы всегда говорим открытия, это он уже понял. И сейчас был готов вернуться в прошлое и вырвать себе язык.
Слыша, как медленно и излишне тихо двигается по комнате Наруто, Саске понимал: нет раздражения от блондина. Оно пропало, сменившись чем-то…
А чем Учиха старался не задумываться. Ни к чему оно сейчас. Эти чувства никому из них не нужны. Его самого вот-вот закопают, а Узумаки ещё жить.
Этот придурок и так разрушил в себе слишком многое, чтобы рушить последнюю грань, после которой дороги обратно нет.
Отпускать легче, когда не знаешь, были ли твои чувства взаимны. Тогда можно убедить себя, что всё было простой игрой, любопытством, вызванным неизведанным. А если знаешь, что в чужой груди бурлили такие же чувства, как и в твоей, то невольно тянешься за этим человеком.
Даже если он ушёл.
Ты продолжаешь следовать за ним, думать о нём. И сам не замечаешь, как твои ноги врастают в кладбищенскую землю, а тело наливается смертельной усталостью.
Саске рывком сел, тряхнул головой, прогоняя странные мысли. Сидящий за столом Наруто поперхнулся чаем и закашлялся, поглядывая на брюнета ошарашено.

– Т-ты чего?

– Доброе утро, – буркнул Учиха, притягивая к себе пачку сигарет и торопливо вытаскивая одну из них. Отчего-то он чувствовал себя подростком. Глупым, наивным, вновь впадающим в крайности.

Пальцы не слушались и сломали одну сигарету, прежде чем достать вторую.
Зажав её пересохшими губами, Саске чиркнул зажигалкой и затянулся, глядя в стену.
Зачем он об этом думает? Зачем сам подкидывает дров в уже разгоревшийся костёр? Почему сейчас?

– Ты чай хочешь?

Учиха мотнул головой, обхватывая согнутые колени рукой. Сидеть было неудобно, но шевелиться он не хотел, боясь всколыхнуть новые мысли в своей голове.

– А кофе?

– Нет.

– Может, поешь?

Саске всё же скосил глаза на Узумаки, и тому стало как-то не по себе от этого невозможно грустного и обречённого взгляда. Этого в глазах Учихи блондин раньше не замечал.

– Ты чего? – выдохнул Наруто, опуская кружку с чаем на стол перед собой.

– Ничего, – шикнул брюнет. Вновь затянулся и отвернулся.

– Ты точно в порядке?

Сухой кивок.

– Мне нужно в институт сегодня. Посидишь один?

– Да.

Наруто нахмурился.

– Что не так, Саске?

Брюнет внезапно резко вскочил с кровати, сыпанув искрами из сигареты. Подлетел к блондину и вцепился рукой в плечо, кажется, смотря прямо в душу.

– Не смей, – тихо прошипел Учиха, выдыхая дым. – Не смей приходить на мои похороны! Слышишь?!

Наруто оторопел от этих слов, взгляда. На миг Узумаки даже потерял дар речи, сидя с нелепо приоткрытым ртом и большими глазами.

– Саске…

– Пообещай!

– Я…

Взгляд Наруто потерянно скользил по жёсткому лицу Учихи, ища, за что бы зацепиться.

– Я… почему?

– Узумаки! – прорычал Саске, сжимая его плечи сильнее. – Я не хочу, чтобы ты видел меня… мой труп. Это мерзко. Это кости… это мясо. Ты слышишь меня?! Обещай.

Наруто показалось, что если он сейчас не скажет что-то, то Саске ударит его. И вряд ли остановится.

– Я… я обещаю, – тихо выдохнул парень, опуская взгляд, но тут же вновь поднял его, чтобы доказать уверенность в своих словах. – Мне нет дела до твоих костей. Совершенно никакого.

Саске как-то нервно кивнул.

– Иначе я… иначе я вернусь и выбью из тебя всю эту херню. Ты понял?

– Не напугал, – попытался улыбнуться Наруто, хотя горло начало сжимать.

– Иди на хер! – скорее на автомате выпалил Саске, отстраняясь. – Я тебя предупредил.

Он вновь забрался на кровать с ногами, уставившись в излюбленную стену.

Наруто так и сидел с поднятой рукой, которой касался руки брюнета, и смотрел в пространство. Почему он не сказал, что всё будет хорошо, что Саске поправится, и вообще нельзя о таком думать?
Злость на самого себя появилась внезапно, что удушающим кольцом легла на шею.
Нужно было переубедить его…
Но Наруто не смог, язык не повернулся под гнётом тяжёлого обсидианового взгляда. Потому что оба знали: убеждать друг друга в чуде было бессмысленно. От этого становилось только больнее.
Ещё страннее было вновь взять в руки кружку и отпить из неё стынущий чай. Как будто Саске попросил просто сходить в магазин…
А Наруто согласился.
Так просто.

– Хочешь чая? – повторил свой вопрос Наруто и опомнился, что уже спрашивал.

– Кофе…

***

Учиха уснул, так и не выпив глотка постепенно остывшего кофе.
Наруто смотрел в окно, где тучи обещали сильный ливень. Ветер терзал высокие тополя, опасно раскачивая их макушки. В соседней высотке уже зажгли огни из-за пасмурного дня. Людям было темно.
Темно было и Наруто, но не из-за закрывших небо свинцовых туч. Он смотрел на лежавшего на кровати Саске. Брюнет, подтянув колени к груди, будто уменьшился. Он казался слишком чёрной ночной тенью, но не хотелось, чтобы она пропадала из-за света.
Поднявшись, Наруто сдёрнул со своей кровати плед и накрыл им Учиху.
Подхватив сумку и тихо обувшись, вышел из комнаты.
Если Итачи был прав, и Саске не доживёт до весны… то он пропустит Новый Год.

А это было неправильно…

***

Люди очень странно смотрели на задумчивого блондина, который с упорством взбалмошного ребёнка обдирал чахлую елочку у дороги. На неё всем было плевать, и дерево равномерно покрывалось пылью и выхлопными газами. Но, как водится, когда кто-то меняет привычный ход вещей, обязательно находятся защитники системы.

– Что ж ты делаешь, окаянный?! – возопила какая-то старушка, останавливаясь напротив Наруто и потрясая красным зонтиком, словно готова была пустить своё грозное оружие в дело. – Зачем дерево портишь?!

Наруто сжал губы в прямую линию, продолжая обламывать разлапистые ветви. Женщина не была плохой, Узумаки даже не знал её, чтобы осуждать за поднятый шум, но всё-таки немного раздражала.

– Я тебя спрашиваю! А ну отойди от дерева!

Наруто выпрямился, взглянув на недовольную прохожую. Он попытался смотреть прямо в глаза, сам того не замечая. Старушка отступила на шаг назад под этим тяжёлым и каким-то слишком усталым взглядом.

– Мой друг умирает, – спокойно начал Наруто. – Он не доживёт до Нового Года.

И в этот момент Узумаки ненавидел сам себя. Он смирился. Он принял.

***

Саске уже не спал. Он лежал на спине и смотрел на свои вытянутые руки. Пальцы казались очень тонкими, с округлыми костяшками и сухой, местами шелушащейся, кожей. Было даже видно мелкие вены, что оплетали их. Учиха перевернул руки,

рассматривая теперь запястья с посиневшими венками, напряжёнными связками, которые двигались под кожей, если шевелить пальцами. Они напоминали ему струны гитары… Было странно смотреть на свои руки и знать, что это всего лишь мясо, кожа и прочее. Ничего, кроме костей и крови. И по ним движется болезнь, пронзая каждую клетку, отравляя эту плоть.
Саске опустил руки, прикрывая глаза. Зрение так и не вернулось полностью, и с каждой минутой ему казалось, что картинка перед взором меркнет, покрывается неровной сеткой ряби. И как не пытайся сфокусироваться – всё равно будет расплываться.
В замке повернулся ключ, и Учиха резко сел, не желая показываться в таком расслабленно-задумчивом виде. Пальцы привычно ухватились за сигареты.

– Ты уже проснулся, – улыбнулся Наруто, входя в комнату.

Саске нахмурился, оглядывая улыбающегося соседа, который подмышкой держал еловые ветки, а в руке большой пакет невесть с чем.

– Это что?

– У нас Новый год, – усмехнулся Узумаки, ставя пакет на стол, а ветки складывая на полу.

– С хера ли? – наморщил лоб Саске, всё же закуривая. – На улице ноябрь.

– И что?

Наруто пожал плечами, вытаскивая из шелестящего пакета бутылку шампанского, пакет с мандаринами и ещё какие-то глупости. Учиха следил за его движениями, хмурясь и сжимая фильтр зубами.

– Потому что это бред, – упрямо выпалил он. – Не бывает Нового года в ноябре.

– Ты так рвался против системы, – качнул головой Узумаки, укоризненно поглядывая на друга. – А теперь хочешь быть как все.

– Ничего я не хочу. Просто это херня. Новый год в ноябре.

Учиха отвернулся, вперившись взглядом в дверь.

– Да хоть в марте, – пожал плечами Наруто, убирая шампанское в холодильник вместе с остальными покупками. На кровати осталась лежать лишь коробка с фонариками и пара ёлочных игрушек, которые Наруто удалось раздобыть с таким трудом.

Саске лишь тяжело вздохнул, прикрывая глаза. Узумаки решил сделать всё по-своему. Учиха не видел смысла в этом… празднике. И не хотел видеть того, что замечал Наруто. Блондин старался не смотреть на парня, отмечая всё большее спокойствие соседа. Наверное, нужно было радоваться, что Учиха таки смирился с обществом Узумаки, но Наруто не мог. Ему казалось всё это неправильным, чужим и поддельным. Во всяком случае… он попытается не замечать.

***

Орочимару провёл рукой по опустевшему столу. Лишние бумаги были выкинуты, остальные спрятаны в шкаф или сейф. Теперь перед мужчиной лежала лишь одна папка.
Учиха Саске.
Взгляд цеплялся за фотографию хмурого, но тогда ещё больше похожего на живого, чем сейчас, парня. Даже с бумаги Саске умудрялся смотреть зло, колко. Этот взгляд веселил Орочимару, заставлял улыбаться фотографии, словно перед ним был действительно реальный собеседник.
Рядом с папкой лежал телефон, который должен был вот-вот зазвонить, но пока хранил слегка траурное молчание. Орочимару ждал.

***

Вечер – время, когда в общаге люди только-только

просыпаются. Студенты стремятся найти веселье в чужих комнатах, работающие люди скидывают с плеч оковы обязанностей, которые уже завтра утром вновь займут своё привычное место.
Коридоры наполняются звуком шагов, голосов, с кухни слышится, как гремит посуда, а в воздухе тянется терпкий запах чужих сигарет.
А потом наступает другое время. Время тишины и холодной темноты, заполняющей коридор, кухню и комнаты.
Саске сидел на кухне на потрёпанном диване и курил. Пачка стремительно пустела, но лёгкие драло желанием сделать ещё затяжку. Как всегда – последнюю, но за ней следовала новая сигарета, а за ней другая.
Учихе казалось, что с этим дымом из тела уходит то, что не даёт спокойно сидеть на месте, разговаривать с Наруто, прибывающим не в худшем настроении, смотреть на суету блондина.
Пару раз на кухню заглядывали люди, но, встречаясь взглядом с Учихой, спешили покинуть комнату, и Саске был очень рад, когда после одиннадцати свет всё-таки погас.
Темнота обволокла тело защитным коконом, стирая Саске с лица земли. Лишь красный уголёк сигареты говорил о том, что брюнет всё ещё здесь.
Он пытался понять, как это – исчезнуть. Стать воздухом…
И не мог.
Поэтому в губы легла новая сигарета.

***

Наруто вздохнул, клацнув выключателем. Комната погрузилась в темноту, рассеиваемую лишь разноцветными всполохами развешанных по стене фонариков.
Странный, неправильный Новый год…
Дверь клацнула, открываясь. Узумаки обернулся, заметив застывшего на пороге Саске. Брюнет, привалившись плечом к стене, осматривал комнату. На его лице всполохи разноцветного света смотрелись особенно забавно, окрашивая волосы то в синий, то в красный, а в глазах отражались пляшущими бликами.

– Ты вздумал попрощаться со мной таким образом? – усмехнулся Саске, поворачиваясь к Наруто.

– Я не прощаюсь, – упрямо улыбнулся Наруто, раскупоривая шампанское.

Короткий выстрел, и пенная жидкость разлита по чайным кружкам. Это даже было слегка смешно…

– Херово ты врёшь.

Саске подошёл ближе, принимая из рук Узумаки кружку и отпивая кисловатого напитка.

– Зачем тебе это? – смотря на Наруто, спросил Саске.

– Я захотел, – спокойно объяснил блондин, – я захотел, чтобы Новый год… был раньше.

Учиха кивнул, садясь прямо на пол и упираясь спиной в шкаф. Ухватив бутылку со стола, Наруто сел рядом.

– Плохо получается, – выдохнул Узумаки.

– Потому что это ноябрь.

Саске сделал ещё глоток шампанского. Дешёвое, кислое, но это было даже хорошо. Дома у них всегда на Новый год стояла дорогая бутылка этого напитка, и сейчас совершенно не хотелось проводить аналогий или вспоминать.

– Тебе Итачи сказал что-то?

– С чего ты взял? – удивлённо выпалил Наруто, поворачиваясь к брюнету.

Тот пожал плечами, отставляя кружку в сторону и закуривая.

– Я сам знаю, что уже скоро подохну. Будешь вспоминать гниющий труп?

Саске говорил это просто, без каких-то душевных терзаний, как будто сообщал, что завтра на занятия к первой паре.
Наруто сжал пальцы на кружке, стараясь не слышать.

– Или что? Приходить всё-таки будешь? – с усмешкой проговорил Саске.

Удар в плечо был настолько неожиданным, что Учиха пошатнулся и повалился на пол, удивлённо осознавая, что Наруто навис над ним с занесённым кулаком. Перевёрнутая чашка разлила на пол шипящую жидкость, и в комнате запахло кислым алкоголем.

– Ты специально?! – зло прошипел Наруто, – Ты специально всё это говоришь сейчас?!

– Я готовлю тебя к реальности, – с кривой ухмылкой проговорил Саске, хватаясь за руку Наруто, что сжимала его футболку. – Я готовлю тебя к тому, что меня не будет, а кости и мясо сгниют.

– Ты будешь! Ты не только кости и мясо, – выпалил Узумаки зло. – Ты придурок, Учиха! Ты больной придурок, который ничего не понимает!

Кулак ударился в пол, злость – в голову.
Внутри Наруто будто что-то сломалось, словно плотину всё же прорвало, и хотелось врезать этому недоумку хорошенько, чтобы в его голове всё перевернулось и он перестал говорить такие вещи.

– Я буду грустить, буду! – зло рычал блондин. – Да, мне тебя, идиота такого, будет не хватать. Но пока ты здесь! И прекрати нести эту херню, Саске! Достаточно!

Тихий хриплый смех.

– Узумаки, да ты истеришь?

Наруто рванул вперёд, прижимаясь губами куда-то к уголку губ Саске, чтобы тот заткнулся наконец. Сил не было даже слышать всё это, а отвечать вовсе не хотелось. Ни на его вопросы, ни за свои поступки.
Кулак разжался, и рука просто опустилась на пол, рядом с лицом брюнета. Наруто почувствовал, будто его тело перестало поддерживать что-то несуществующее, и он уткнулся лбом в сгиб шеи Учихи.

– Наруто, – неожиданно тихо прозвучал голос Саске, – пора уже смириться и перестать быть идиотом…

– Это ты перестань быть засранцем, – тихо выдохнул Узумаки. – Ты делаешь больно не только себе, но и людям вокруг. А сам боишься этой боли.

– С чего ты взял?

– Ты не подпускаешь. Не даёшь быть рядом.

– Потому что это на хрен никому не нужно.

«Потому что ты должен жить дальше, придурок», – прозвучало в голове, и пришлось сжать зубы.
Саске дёрнулся, заставляя Наруто таки сползти на пол, потому что дышать стало неудобно из-за навалившегося на рёбра парня.
Учиха никогда не умел утешать и не видел в этом смысла. Почему он должен говорить Наруто что-то успокаивающее, почему должен помогать ему преодолеть то, во что блондин сам влез и увяз по горло? Он мог только подать руку помощи, которая для него самого всегда являлась жестокой правдой. Эта правда била по сознанию, разрушала, но помогала выжить и идти дальше.
Но у всех свои методы.
Наруто же не верил в жестокую правду. Ему легче было закрываться от мира стеной надежды и веры в чудеса. Ему было легче цепляться пальцами за футболку Саске, который лежал всего в нескольких сантиметрах от него, и верить в лучшее.

– Мне нужно, – устало сказал Наруто, придвигаясь ближе и целуя брюнета в подбородок. Осторожно, словно не желая вызывать новую волну неприятия или агрессии.

Но Саске, к его удивлению, не отодвигается, лишь шумно вздыхает и проводит пальцами по скуле. Слегка жёстко, больно, будто борясь со своими тяжёлыми эмоциями. И это чувствуется, когда брюнет цепляет губы Наруто, сжимает их и шумно выдыхает. Вздох, полный смятения, противоречий.
Отталкивающие руки на груди вскоре расслабились, и поцелуй стал более похожим на нечто спокойное, нежели попытку зацепиться и остаться.
Наруто никогда не понимал этой внутренней борьбы брюнета. Иногда ему казалось, что Учиха просто спорит сам с собой в такие моменты…
А потом мысли пропали, когда собственная рука обняла парня, чувствуя выпирающие лопатки, позвоночник. Захотелось просто лежать вот так, чувствовать дыхание на своей шее, чувствовать пульсацию под рукой и то, как слегка двигается спина при каждом вздохе.
Никто из них никогда не думал о том самом «последнем разе».
Последний взгляд.
Последний вздох.
Последняя ссора.
И даже сейчас, когда оба знали, что всё-таки добрались до лимита, до грани, не хотели принимать это осознание. Нужно было идти дальше: за Грань, за барьеры, что выставили сами себе…
Поэтому руки, обжигаясь, прикасались к коже, задевали что-то внутри, что рассыпалось сотней осколков. Они, пробегаясь по коже, больно задевали нервы и отзывались звоном в голове.
Наруто замешкался, когда губы Учихи начали вычерчивать замысловатые узоры на его шее, и с трудом отстранился, прерывая это сладкое действо.
Чёрные глаза посмотрели спокойно, без лишних эмоций, но взгляд был цепким, как и рука, что лежала на боку Наруто.
Последний раз?
Узумаки резко придвинулся ближе, мешая Саске, и уткнулся лбом в худую грудь парня.

– Нет. Я просто не могу просто так взять и поверить.

Учиха удивлённо замер, совершенно не понимая логики блондина. Хотел было спросить что-то, но Наруто резко поднялся, налетая в полумраке на стул.
Саске тоже медленно поднялся, прижимаясь спиной к шкафу и следя за метаниями парня. Наруто выглядел странно, он мерил комнату шагами, то и дело прикладывал руку ко лбу, словно пробовал температуру.

– Ты не умрёшь! Ты просто не должен…

Голос срывался на хрип или на крик, но Наруто не обращал на это внимание.

– Ты просто не можешь…

Эмоции всё-таки накрыли с головой, стирая все обещания самому себе. Он столько раз убеждал себя в том, что брюнет прав, что в мире не существует чудес… что забыл – он должен верить.
Верить за Саске. Потому что сам Учиха уже не мог. Он видел себя, чувствовал черноту, разъедающую изнутри, и иногда она смотрела из его зрачков. Даже Наруто замечал…
Но он должен был верить.
И забыл!
Он предал самого себя, Саске. Пусть на долю секунды, пусть на несколько вздохов, дней… да плевать на сколько! Но предал…
Наруто ткнулся лбом в дверцу шкафа рядом с Саске. Зажмурился, сжимая кулаки.

– Ты не умрёшь.

Саске тяжело вздохнул, откидываясь затылком на свою опору. Блики от фонариков скользили по потолку, словно звёзды.

– Ты опять…

– Прекрати. Я знаю… я верю…

– Ты просто хочешь верить.

Спокойный голос Саске раздражал, заставил отпрянуть от шкафа и уставиться в едва различимое в полумраке лицо.

– Да. Я хочу верить! Потому что этого не хочешь ты!

– Наруто…

– Ты хочешь подохнуть, ты перестал бороться.

– С чем?! – всё-таки громко выкрикнул Саске. – С чем мне бороться?

– С самим собой!

Они замерли.
Повисла тишина.
Наруто слышал, как тяжело и хрипло дышит, как в висках пульсирует кровь. Он был готов вцепиться в Саске и не отпускать, готов был поверить, что это сможет удержать человека в этом мире живых.
Учиха опустил голову.
В душе было пусто, и от этого только больнее.

– Я устал бороться.

Слова прозвучали тихо, словно и не Саске их говорил.

– Я устал быть сильным. Я устал казаться таким.

Учиха исподлобья глянул на Наруто и мрачно усмехнулся:

– А другие вам не нужны.

– Нам?

– Людям. Друзьям. Вам нужны только те, кто сильные…

– Нет.

– Слабых легко бросить, легко обвинить в их же слабости. Все вы думаете, что сильные… а когда становится плохо? То, что? Когда становится реально плохо!

Узумаки казалось, что Саске бредит вновь, что его разум опять накрыла пелена безумия, но взгляд парня был ужасно чистым. Это и пугало…

– Все носятся со своими порезанными пальцами, жалуются на эти мелкие порезы людям, у которых руки до локтя нет!

Хриплый шёпот Учихи становился всё громче, пока Саске не заговорил не естественно злым и холодным голосом.

– И безрукие молчат, сочувствуют. Они выслушивают про микро-раны. Про ваши грёбанные раны! Но… стоит попросить остановить хотя бы кровь из обрубка своей руки… что тогда? Тогда ты на хуй никому не нужен!

Брюнет в порыве чувств пнул дверь, вновь откидывая голову назад и ударяясь затылком.

– Я ведь с тобой рядом… всегда.

– Да. Ты рядом, – устало признал Саске, – потому что у нас обоих нет рук…

Учиха закрыл глаза, жмурясь и чувствуя подступающее головокружение.

– И мы не можем остановить кровь друг друга…

Кровь действительно вскоре почувствовалась на губах, и брюнет начал медленно съезжать по двери на пол. Благо Наруто успел поймать друга до того, пока он рухнул совсем.

– Саске?! – взволнованно прошипел Наруто, прижимая парня к шкафу и вглядываясь в открытые глаза.

– Видишь, Наруто, – слабо улыбнулся Саске, проводя ледяной рукой по скуле блондина и задерживаясь на сгибе шеи, слегка сжав пальцы. Учиха потянул блондина к себе, едва ощутимо касаясь чужих губ и замирая. Осторожные движения и едва слышное дыхание.

Это пугало Узумаки, заставляло сердце обрываться, но губы Саске так легко касались его собственных, словно брюнету было действительно не безразлично.
Парень отстранился, опираясь лбом о лоб Наруто и тепло дыша в губы.

– Ты видишь, – тихо проговорил он, – ты видишь, что сделало со мной твоё небезразличие.

А затем Учиха обмяк, но не вырубился, судя по сдавленному ругательству.

– Сейчас, – торопливо выпалил Наруто, перехватывая друга удобнее и подтягивая его к кровати. Осторожно уложил, вперившись взглядом в меловое лицо.

– Включить свет?

Саске мотнул головой. Новогодние огоньки рассыпались в глазах тысячей бликов. Как тогда… в детстве. Теперь даже расфокусировать зрение не нужно было… всё и так сливалось в разноцветную нечёткую картинку.

– С Новым… Годом, – с трудом выдавил из себя Учиха, поднимая руку и пытаясь поймать красноватый блик, но тот ускользнул, и рука упала на грудь.

– И тебя.

Наруто сел на пол, уткнувшись лбом в край кровати. Горло сковывало, глаза жгло, но он обещал себе… обещал.
Саске прикрыл глаза, наблюдая сквозь ресницы за пляшущими огоньками. Хотелось улыбаться, но уголки губ едва подрагивали. Не было сил на полноценную эмоцию, не было

сил вообще ни на что.
Наруто слушал, как хрипло дышит его друг. И этот цикл вдохов и выдохов казался ему самым желанным в мире.
Вдох.
Выдох.
Вдох.
Выдох.
Тишина…
Дрожь прошлась по телу, заставляя Наруто сначала подскочить к выключателю, потом к Учихе.

– Эй!

Негнущиеся пальцы вцепились в плечи брюнета и хорошенько тряхнули его, прежде чем Узумаки додумался приложить ухо к груди друга.
Сначала с перепуга ему показалось, что оно молчит, а затем послышался один неуверенный удар, затем другой и третий.
Наруто отпрянул, встревожено вглядываясь в лицо Учихи.
Чёрные брови сошлись над переносицей, и Саске попытался приложить руку к голове, но не вышло. Та опала на кровать, так и не поднявшись достаточно высоко.

– Голова? – выпалил Наруто, и Учиха согласно поджал губы, едва заметно кивая.

Узумаки сам не понял, как оказался рядом с рюкзаком Саске, вывернул его наизнанку, рассыпая содержимое по полу.
Пузырёк с таблетками укатился под кровать, и пришлось с руганью доставать его оттуда, чтобы трясущейся рукой высыпать на ладонь таблетки.
Пришлось пересесть, укладывая голову, зашипевшего Учихи к себе на колени и поднося к его губам по одному белому кругляшку.

– Вот… открой рот.

Саске приподнялся на локте, забирая с руки Наруто таблетки и с трудом укладывая их на язык. Глотать тоже было трудно, и пару раз показалось, что горький ком вот-вот пойдёт обратно.

Учиха замер, прислушиваясь к своим ощущениям, и резко дёрнулся в сторону выхода, но пришлось затормозить, налетая на стол.
Чьи-то руки поддержали его за плечи и осторожно повели в сторону ванной, где и оставили.
Саске согнулся над раковиной, пытаясь отдышаться и определить – тошнит ли его или нет. Но ком постепенно прошёл, оставив горечь. Учиха включил воду, опуская под неё руки, затем отпивая из-под крана, и дёрнулся, увидев, как в воде расползаются алые кляксы.
Слабость дёрнула назад, ударяя спиной о стену и заставляя съехать по ней на грязный кафельный пол. Даже зацепиться за что-то мокрой рукой не получилось.
Брюнет осознал, что боль всё-таки пришла в его череп, когда она впилась длинными иглами зубов в горящий мозг, пережёвывая его и разрывая на части.
Медленно комната клонилась куда-то вбок, а потом под щекой оказался тот самый кафель, и Саске тяжело выдохнул, поднимая небольшое облачко пыли.
Темнота поглотила сознание, когда терпеть боль было уже просто невозможно, и казалось, что в голове что-то хрупнуло, не выдерживая и разрываясь.

***

Когда Наруто нашёл друга на полу, то подумал, что был полным идиотом, оставив его одного. Затем пришлось отставить вину и быстро перетащить Учиху на кровать.
Тот выглядел очень плохо, что и не странно, но дышал. Это обнадёживало, но ненадолго…
Наруто, смочив полотенце, вытирал кровь с лица Учихи и не знал, что делать. К кому обратиться, как себя вести…
Но спокойно смотреть на это блондин не мог, поэтому резко подтащил к себе телефон Саске, чудом переживший всё.

***

Звонок раздался поздней ночью, когда Орочимару уже собирался ложиться спать. Доктор довольно улыбнулся, подходя и отвечая.

В трубке говорил кто-то незнакомый, хотя звонили с номера Саске, и вскоре Орочимару понял, что это было тот светловолосый друг Учихи.
Выслушав неуверенный и дрожащий голос парня, Орочимару проговорил:

– Я помочь вам не могу. Ни ему, ни тебе. Сообщи мне, когда…

Договорить доктор не успел, потому что Наруто бросил трубку раньше, чем он закончил.
Хмыкнув, Орочимару пожал плечами, откладывая сотовый в сторону.
Эти дети с их эмоциями…

***

Наруто раздражённо сжал телефон, уткнувшись лбом в плечо друга.

– Ничего, – прорычал он. – Мы справимся, и тебе станет легче…

***

Учиха не понимал, где находится. Это место казалось ему знакомым, и эти расплывчатые очертания перед глазами иногда сливались в чёткую картинку, чтобы тут же рассыпаться осколками.
Он знал одно: ему было холодно и хотелось спать почти всегда.

– Саске.

Голос тоже был знакомым, и брюнет разлепил тяжёлые веки, увидев размытые очертания светлых вихров.

– Тебе нужно поесть.

Саске отрицательно качнул головой. От одного запаха еды начинало мутить, и Учиха поскорее уткнулся носом в подушку, чтобы не чувствовать.

– Ты сдурел? – раздражённо выдохнул Наруто. – Ты не ешь уже два дня.

– Я не хочу, – всё же подал голос брюнет, садясь на кровати. Лежать он не хотел, принципиально считая это признаком слабости.

Узумаки лишь тяжело выдохнул, потирая лоб рукой. Саске вёл себя в эти дни, как последний идиот или же как человек, желающий показаться здоровым, не смотря на запавшие щёки, мутные глаза и бледные губы.

– Тогда чай?

Вновь отказ.

– Саске, – требовательно произнёс Наруто, – нужно что-то есть…

– Сядь сюда.

Узумаки нахмурился, следя за взглядом Учихи, но всё же перебрался на кровать, садясь рядом и тоже откидываясь затылком о стену.

– Я звонил Орочимару, – признался блондин. – Когда тебе совсем плохо было. И он отказался помогать.

– Потому что я сам просил его не помогать мне, – с мрачной усмешкой проговорил Саске.

– Но почему?

– Помочь он может, лишь вскрыв мне череп. А я не хочу становиться овощем.

Наруто выдохнул, пытаясь не разразиться лекцией о том, что Саске сам же роет себе могилу. Сейчас ругаться и спорить не хотелось. Хотелось лишь верить, что сил вырыть действительно глубокую яму у Учихи не хватит.

То, что его друг дрожит, Наруто чувствовал, даже не прикасаясь к нему.

– Тебе холодно?

– Перестань, – поморщился Саске. – Я могу ещё сам о себе позаботиться.

– Но не согреться. Иди сюда.

Наруто, не спрашивая разрешения, притянул парня к себе, обхватывая его руками и пытаясь согреть.
Учиха дёрнулся пару раз, но чисто из упрямости, а затем просто тяжело выдохнул, показывая Наруто, что именно он думает об его заботе.

***

Время начало ускользать сквозь пальцы. Саске не хватал его больше за песочный хвост, не пытался подставить ладони, что бы песчинки сыпались на них вместо земли.
Он давал ему уходить сквозь пальцы, с каждым вздохом чувствуя, что делать следующий всё труднее.
Таблетки кончились на третий день.
А новые, что купил Наруто по рецепту, перестали помогать на пятый.
Узумаки не стал ходить в институт, просиживая целыми днями дома, смотря, как его друг медленно борется за свою жизнь.
Он знал, что Саске борется. Ведь иначе Учиха не просыпался каждый день, чтобы выкурить очередную сигарету. Правда делал теперь всего пару затяжек и откладывал её в сторону. То, что он не ел, Наруто пытался объяснить чем-то помимо слабости брюнета. Может, его тошнит… или ещё что.
Но верить в истинную природу потери аппетита Наруто не хотел. Он даже не проматывал её в голове.
Было тяжело, но Узумаки старался не показывать. Он был рядом, хотя Учиха каждый раз твердил, что его нет, что ничего не существует…
А потом засыпал долгим беспокойным сном.

***

Брюнет в очередной раз скользил взглядом по возникшей будто из неоткуда Белокожей. Она приходила каждую ночь, садясь рядом с Наруто и наблюдая за ним. Узумаки, конечно, не мог видеть её, да и чувствовать тоже.
Иногда её руки ложились Саске на лоб, принося долгожданную прохладу в раскалённый мозг, и тогда можно было забыться на пару часов, чтобы затем вновь провалиться в реальность. Здесь, в этом мире, по стенам всё ещё бродили неясные тени, и парень был даже рад, что не мог видеть их.
В одну из ночей Учиха внезапно понял, что руки опять ничего не чувствуют. Это вызвало лишь усмешку. Вот всё и вернулось на свои места.

***

А потом была боль. Сплошная череда резких толчков в голове, когда от напряжения сосуды не выдерживают, когда череп крошится и опадает осколками. Обнажённый мозг больно касался стены.
Саске отказывался лежать. Лучше сидеть. Так будет лучше…
Взгляд цеплялся за ходившего по комнате Наруто.
Это был обычный день, которых сотня.
Мы не замечаем их и даже не задумываемся о том, что именно такого воскресного утра больше никогда не будет, что это солнце в осенний день светит в последний раз. Нет, оно, конечно, не упадёт, но в следующее воскресение свет будет другим – чуть теплее или холоднее, тусклый или слишком яркий. Но другой.
Даже воздух изменится.
Саске напрягся, хватаясь за ручку окна и дёргая на себя, чтобы открыть. Где-то на краю сознания он знал, что Наруто напряжённо замер, всматриваясь в его движения, но помочь не пытаясь.
Створка была открыта, а Учиха вновь привалился к стене, торопливо вдыхая хлынувший в комнату холодный воздух.
Он ещё мог чувствовать запах осени, с уже чувствующейся примесью зимнего мороза. Скоро выпадет первый снег…
А пока на опавших листьях блестит иней, а лужи затягивает

тонкой коркой льда, которая так забавно хрустит под колёсами заезжающих во двор машин.
Учиха почувствовал, как Наруто сел рядом. Нет, скорее понял это.
Он обернулся, встретившись с лучистыми голубыми глазами. Улыбаться или врать не хотелось, и брюнет просто прожигал блондина взглядом. Как всегда, как привык.
Наруто взял руку друга в свою и крепко сжал, но тот лишь поджал губы, и всё стало понятно.

– Я ничего не чувствую, – скорее для себя проговорил Саске.

Он поднял руку и положил её на грудь Узумаки, слегка сжимая пальцы. Ни тепла, ни ударов чужого сердца. Слегка надавил на неё, заставляя Наруто опуститься на кровать, сам лёг рядом. Прислонился ухом к груди парня, вслушиваясь.
Да… так биение сердца было слышно лучше. И оно замирало, а затем билось быстро-быстро.
«Я ненавижу тебя, потому что ты будешь жить», – пронеслось в голове Саске.
«И я не прощу тебя, если ты уйдёшь следом за мной», – добавил внутренний голос едва различимо.

– Наруто, – тихо позвал Учиха, – я хочу… сока. Яблочного.

– Ч-что? – не сразу понял Узумаки.

– Сока, – повторил Саске, смотря перед собой.

– У нас нет, – замешкался блондин, но тут же быстро добавил: – Но я сейчас схожу и куплю!

Брюнет кивнул, вновь садясь на кровати.
Наруто собрался быстро, схватил со стула сумку и вылетел из комнаты, забыв даже замкнуть.
Саске вздохнул.
Не слушающимися пальцами Учиха вынул последнюю сигарету из пачки и закурил.
Последняя сигарета…
Он усмехнулся, подтягивая к себе телефон и набирая Итачи.

– Приезжай, – тихо сказал брюнет, тут же сбрасывая вызов.

***

– Саске! Был только…

Наруто влетел в комнату и тут же замер. Она была пуста.

Эпилог. Leave it all the rest.

"I dreamed I was missing
You were so scared
But no one would listen
‘Cause no one else cares
After my dreaming
I woke with this fear
What am I leaving?
When I'm done here
So if you're asking me I want you to know

When my time comes
Forget the wrong that I've done
Help me leave behind some reasons to be missed
And don't resent me
And when you're feeling empty
Keep me in your memory
Leave out all the rest
Leave out all the rest"
Linkin Park – Leave it all the rest

«Мне приснилось, что меня не было рядом,
И ты до смерти перепугался,
Но никто не внимал твоему страху,
Потому что всем остальным на меня было наплевать.
Пробудившись ото сна,
Я ощутил этот страх:
А что я оставлю после себя,
Когда моя миссия на земле будет выполнена?
Если ты спрашиваешь меня, я хочу, чтобы ты знал:

Когда пробьёт мой час,
Забудь о зле, которое я совершил.
Даже во мне есть то, по чему будешь тосковать.
Не держи на меня зла.
Если вдруг ты почувствуешь пустоту внутри,

Вспомни обо мне,
Вычеркнув из памяти всё плохое,
Вычеркнув из памяти всё плохое».

– Итачи, возьми трубку, – прошипел Наруто, раскачиваясь взад-вперёд.

Он сидел на полу и просто пытался дозвониться хоть до кого-нибудь.
Когда стало ясно, что Саске нет нигде в общаге, Узумаки запаниковал. Сердце, кажется, перестало биться, но Наруто упорно обходил каждую комнату на этаже, выспрашивая у соседей, не видели ли они брюнета.
Заглянул раз пять на оба балкона, даже на соседнем этаже. Единственной, кто пролил свет на происходящее, оказалась вахтёрша. Женщина рассказала нервному блондину, что час назад зашёл какой-то темноволосый молодой человек и вышел уже не один, а с соседом Узумаки. Точнее, буквально вынес оного из здания.
Поэтому Наруто и решил, что Саске уехал вместе с Итачи.
Увы, телефон брюнет с собой не взял, оставив сиротливо лежать рядом с новой пачкой сигарет, которую, кажется, успел открыть перед отъездом.
Наруто уткнулся головой в руки, стараясь не накручивать себя. Учиха и раньше уходил.
Да кого он обманывает?!
Наруто подскочил на ноги, бросившись к двери.
Саске не мог так поступить с ним под конец…
Узумаки практически ничего не видел, мчась по коридору, поэтому столкновение с Нагато не удалось избежать.
Красноволосый ухватил рвущегося куда-то парня за плечи, заставляя заглянуть в глаза.
Узумаки выглядел более чем взволнованным: взъерошенные волосы, бледное лицо, искусанные в приступе нервозности губы и расстёгнутая куртка.

– Наруто, что случилось? – выпалил парень.

– Пусти, мне надо идти!

– Куда? Да стой же ты!

Узумаки попытался вырваться, но руки Нагато ловко поймали его за сгиб локтя, останавливая.

– Да в чём дело?!

– Саске.

Этого имени было достаточно, чтобы красноволосый всё понял и ещё сильнее уверился в том, что пускать Узумаки куда-то в таком состоянии очень глупо. Парня била нервная дрожь, он явно плохо соображал, что делал и куда шёл.

– Пойдём. Расскажешь, а я тебя потом подвезу.

– Нет! Ты не понимаешь, он…

– Наруто, успокойся.

Нагато обхватил парня, прижимая к себе и выдыхая в вихрастую макушку.

– Тебе нужно время. Пойдём.

Узумаки сначала упирался в грудь друга, позже всё же согласно кивнул, направляясь следом в комнату красноволосого.
Пэйн встретил давнего знакомого, которого не видел так долго, виляниeм хвоста, но Наруто лишь рассеянно мазнул рукой по бархатной шерсти животного и сел на диван.

– Рассказывай, – выдохнул Нагато, вытаскивая из стола стакан и быстро наливая туда какой-то настойки, пахнущей травами.

– Ему очень плохо было, – с трудом начал Наруто, смотря перед собой и ничего не видя. – Около недели или чуть меньше… а потом он…

Нагато прервал друга, заставляя выпить терпкого напитка и тут же запить водой. Судя по вкусу, это было какое-то успокоительное, и блондин благодарно взглянул на Нагато. Сейчас ему не помешалось бы успокоиться: тело трусилось, руки стали совсем ледяными, а зубы то и дело выстукивали нервную дрожь.
Узумаки не мог представить, что с ним будет, если…
Он отказывался это даже произносить.

– Продолжай, – напомнил парень, садясь рядом с блондином.

– Он попросил сходить в магазин. За соком, – Наруто как-то улыбнулся, словно эта просьба давала ему ещё тогда смутную надежду, а затем взгляд парня вновь стал стеклянным. Надежду забрали, предав.

– А когда ты вернулся, его не было в комнате?

Узумаки кивнул, роняя голову на руки и шумно выдыхая.

– Я знаю, что его брат был у нас и забрал его, но я не могу дозвониться. Я вообще не знаю, что делать. Куда идти и кому звонить. Понимаешь?

– Иногда лучшее действие – это ожидание.

– Но я не могу ждать!

Наруто аж подбросило на ноги от осознания того, что всё это время ему придётся жить в неведении, в болезненном ожидании не менее болезненных слов. Гадать, злиться и не находить себе места из-за глухо бьющейся за рёбрами надежды.

– От того, что ты волнуешься, легче никому не станет.

– Тебе легко быть спокойным, да?! – раздражённо выпалил парень. – Ты же не любишь Саске!

Замерли все. Даже Пэйн перестал чесаться.
Прижав руку ко лбу, Наруто с обречённым вздохом опустился

на диван, сгибаясь пополам и утыкаясь лицом в колени.
Признаться в этом самому себе было тяжело. А выпалить перед Нагато оказалось очень просто…

– Наруто, тебе нужно переждать, – подал голос Нагато спустя некоторое время.

Его рука легла на спину парня, успокаивающе поглаживая.
Было жалко смотреть на этого наивного доброго человека, над которым жизнь так жестоко подшутила.
Нагато знал, как это – жить, потеряв кого-то. И был уверен, что ушедшим гораздо легче, чем тем, кто остался. Ведь они не существуют потом остаток жизни с зияющей дырой внутри груди.

***

Орочимару тяжело вздохнул, небрежно отбрасывая от себя папку Учихи.
Всё, что он мог – тот взял и использовал. Остальное это всего лишь бумага и чернила, а так же кости, мясо и кровь. Ну, может быть, пучки нервов… а так, в целом, мусор, когда-то бывший человеком.
Орочимару быстро отпускал, хотя должен был признаться самому себе, что эта история захватила его чуть более цепко, нежели другие. Возможно, из-за упрямого нежелания Учихи сдаваться?
Или из-за того, что его болезнь действительно имела лицо?
Орочимару покачал головой, закуривая.
Люди – это открытые книги. Но иногда из них можно вырывать страницы.
И забавно смотреть, как они становятся тоньше, как потом нельзя найти в них какой-то былой закономерности.
Ведь половины страниц уже нет.

***

Наруто лежал в их комнате.
В его комнате.
Он смотрел на потолок и пытался понять, что… что

интересного в штукатурке всегда видел Саске? Он хотел увидеть это тоже, но не мог.
Два дня прошло с того момента, как Учиха пропал из его жизни.
Будто и не было.
Наруто даже ходил к их дому, но оттуда вышел мрачный Фугаку и сказал, что у него больше нет сыновей. Мужчина выглядел неважно, и от него пахло алкоголем…
Наруто пошёл бы к Орочимару, но не знал, где тот живёт, а на звонки доктор не отвечал.
Как и Итачи.
Сейчас Узумаки начало казаться, что ничего этого и не было. Не существовало, и он сам придумал себе многое. Но потом взгляд падал на телефон Саске, на его толстовку, рюкзак, таблетки и сигареты, лежащие на столе так, как их оставил хозяин. Одна слегка вытянута, а вторая поломана… и красная дешёвая зажигалка поверх. Он не успел закурить?
Или не смог?
Руки почти привычно набрали номер Итачи. Длинные гудки.

– Да?

Сердце болезненно стукнуло о рёбра, и Наруто даже не сразу смог ответить, лишившись голоса из-за сжимающей грудь боли.

– Итачи… что…

Блондин схватился за грудь, понимая, что не выдержит.

– Наруто?

– Да… что с… Саске? Почему вы…

– Саске больше нет, Наруто.

– Ч-что? Я… повтори…

– Он умер.

Трубка всё-таки выпала из рук, и многострадальный телефон

раскололся о пол.
Парень медленно опустился на кровать, смотря перед собой.
Умер…
Страшное слово.
Узумаки думал, что будет больно.
Было больно.
Оглушающе. Разрывающе изнутри.
Так останавливается сердце? Если да, то оно остановилось.

***

Итачи отложил телефон в сторону, прикрывая глаза.
На плечо легла рука, и послышался голос.

– Пора. Вам нельзя здесь находиться.

***

Нагато наблюдал за своим другом, временно перебравшись в его комнату. Оставлять Наруто сейчас было нельзя, хотя Узумаки изо всех сил доказывал обратное. Он даже в институт ходил, но красноволосый догадывался, что только из-за того, что не мог оставаться в этой комнате один надолго.
А когда возвращался, то просто лежал на кровати, слушая одну и ту же песню на повторе в наушниках, пока не засыпал.
Нагато злился, понимая, что Наруто всё-таки потерял ту нить, что держала его всё это время. Надежды рухнули, чуда не случилось.
И жить без Учихи стало ещё сложнее, чем с ним.

***

Обычный вечер пятницы, когда ничего особенного произойти не может, потому что всё самое особенное уже произошло и навсегда осталось в памяти.
Наруто удалось выпроводить Нагато из комнаты, мотивируя тем, что нужно заниматься…
Хотелось одиночества и тишины. Не хотелось, чтобы кто-то смотрел на тебя так, будто ты вот-вот сломаешься и выбросишься в окно.

Рука сама собой скользнула к всё ещё лежащим на столе сигаретам Саске. Наруто не трогал их, обходя стороной, и лишь взглядом прохаживался изредка. А сейчас пальцы всё же коснулись тонкой папиросной бумаги и вытащили одну палочку.
Почему он их так любил?
Наруто провёл шершавым фильтром по губам, пытаясь понять, а затем зажал его. Даже бумага казалась горькой. Рука скользнула к зажигалке, и вскоре маленький огонёк тлел перед глазами.
Самое страшное чувство – это чувство присутствия.
Ты не можешь отделаться от него, хотя человек давно ушёл. Ты просыпаешься каждую ночь, потому что чувствуешь его взгляд. Ты засыпаешь и слышишь его голос.
Наруто казалось, что вот-вот Саске войдёт в двери, зло бросит что-то о дрянной погоде и о том, что Узумаки опять не купил кофе. Скинет небрежно мокрую куртку на кровать и бросит у стола рюкзак.
Взгляд скользнул к кровати бывшего соседа.
А потом он сядет там, напротив, складывая ноги по-турецки, и закурит, буравя Наруто взглядом до тех пор, пока блондин не отвернётся.
А потом будет разговор о том, что никто никому ничем не обязан, что ему плевать…
И хочется почувствовать рядом того, кого уже нет. И услышать хочется…

– Придурок, – тихо повторил Наруто, подкуривая.

Саске всегда курил только эти сигареты.
Терпкий дым…
Вкус его губ.
Запах его волос.
Наруто не выдержал, уткнулся лбом в столешницу, сжимая фильтр зубами до боли в челюсти.
Дым поднимался и бил в глаза, щипал и выдавливал слёзы.
А может, это вовсе и не дым заставлял солёную влагу капать на пол крупными каплями…

***

Каждый день…
По одной сигарете.
Как попытка дотянуться до того… другого мира.
Каждый день, по одному его вздоху…
Колючее тепло рук этого человека, без которого оказалось слишком трудно.
Невозможно.
Терпкий дым, пропитавший всё насквозь.

***

Наруто шёл по улице. Под ногами хрустел снег, который он ненавидел.
Скоро должен был быть Новый год, но Узумаки не замечал развешанных всюду плакатов и гирлянд.
Возвращаясь ночью из института, он невидяще смотрел в тёмное окно трамвая, за которым всё расплывалось и причудливо меняло формы.
Было плевать на всё. Но приходилось заставлять себя жить. Ради родителей, не делать им больно. Говорить, что друг просто уехал, что он, Наруто, в порядке.
Что это пройдёт.
Но «это» терзало сердце каждую ночь, когда в тёмной комнате Наруто выкуривал очередную его сигарету.
И понимал, что когда пачка опустеет совсем, то он уйдёт навсегда.
Придётся отпустить.
Пару раз Наруто даже съездил к Джирайе, но не смог находиться там… слишком многое даже в глухом лесу напоминало о Саске.
Этот человек сумел пропитать терпким запахом сигарет всё вокруг. Всю жизнь Наруто.

***

Свинцово-серое небо тяжело нависало над этим местом, и иногда казалось, что оно вот-вот опустится, накрывая с головой. Холодный ветер бросал в лицо какую-то изморозь, отдалённо похожую на снег.

Нормальной зимы не вышло. Жалкое подобие ледяного и снежного царства.
И теперь под ногами шелестел гравий вместо снега.
Узумаки обещал себе никогда не приходить сюда, где всё началось.
Пятак так и остался нетронутым. Старую площадку снесли, но нового ничего не построили.
И осталась только пустошь.
Кажется, она поселилась и в сердце Наруто.
Нагато говорил, что главное переждать и всё пройдет, нормализуется более-менее. Узумаки хотелось в это верить, но он видел грустные глаза друга и понимал, что для него до сих пор ничего не изменилось. Да и не сможет измениться. Проломленная к чертям грудная клетка с пустотой вместо сердца никогда не срастётся вновь, не покроется кожей. Там больше не будет ни тепла, ни ударов.

***

Наруто держался до весны. Он не хотел идти на кладбище, он не хотел видеть на холодном камне имя…
В кармане лежала одна последняя сигарета, которая стала единственной связью. И красная зажигалка без газа…
Но он не смог…
Он стоял у калитки дома Учих и не знал, куда себя деть, если сейчас вновь выйдет их отец…
Но вышел Итачи.
Парень выглядел изможднённым и очень бледным, словно не спал много дней.

– Наруто, – кивнул он, совершенно не удивляясь увидеть на пороге своего дома этого прилипчивого блондина.

– Я… – сбивчиво начал Узумаки, сжимая в кармане толстовки зажигалку. – Вещи…

Он протянул Итачи рюкзак Саске, комкая лямку до побелевших костяшек. В рюкзаке лежала куртка, разбитый телефон и кружка хозяина. Нагато заставил избавиться от этих вещей, настояв также на том, чтобы Наруто уехал хотя бы на неделю к

Джирайе.
Билеты на электричку были куплены, родители предупреждены, а в институте взят больничный.
Итачи принял рюкзак, продолжая вглядываться в парня. Наруто осунулся, загар с лица пропал, а под глазами залегли тени.

– Ты в порядке? – тихо спросил старший Учиха.

Старший…
Просто Учиха. Ведь младшего уже не было…

– Да, – соврал Наруто. Он научился врать на этот простой вопрос, который задавали из глупой вежливости. – Мы переезжаем с родителями в другой город. Им по работе, а для меня там институт даже нашёлся.

Информация лилась из Наруто, заглушая желание спросить Итачи, как всё случилось. Узумаки дал себе слово – не спрашивать. Лучше будет, если он запомнит Саске живым. Блондин даже улыбаться со временем научился, но только вот с Нагато этот фокус не проходил: красноволосый всегда всё видел по глазам.
Взгляд скользнул по дому за спиной Итачи. Все окна были закрыты, кроме одного, и Наруто как-то мимоходом отметил, что там была комната Саске.
Сердце вновь болезненно кольнуло, хотя колоть уже было нечего.
Это просто орган для перекачки крови.
Чувствовать оно разучилось ещё в ноябре.

– А ты?

Итачи поджал губы и кивнул, мол, всё нормально.

– Удачи, Наруто.

С этими словами Учиха скрылся за высоким забором, забирая с собой рюкзак.
Узумаки прислонился рукой к шершавым камням,

восстанавливая дыхание. Глупо было идти сюда… очень. Воспоминания ударили в голову так сильно, что сейчас было трудно даже пошевелиться.
Но пришлось.
Наруто отлип от забора и направился прочь по тротуару в сторону автобусной остановки.
Мысли вновь крутились где-то на фоне, и Узумаки просто пинал попавшийся под кеды камушек.
Он не знал, что будет делать, если визит к Джирайе не прочистит мозги. Конечно, выход всегда был – в окно, но Наруто не хотел так. Слишком хорошо понял, насколько больно ранит чужая смерть. А вокруг него было слишком много людей, которым он был не безразличен.
Вибрация в кармане заставила Узумаки вздрогнуть и вытащить телефон из джинс.
Неизвестный номер…
Наруто всё-таки нажал на кнопку приёма вызова. Наверняка из деканата. Больше некому.

– Алло? – отозвался Наруто, продолжая пинать камушек.

По ту сторону молчали, было слышно какое-то то ли шипение, то ли дыхание.

– Да? Я вас слушаю, – громче повторил Наруто, отворачиваясь от проезжей части, по которой, однако, никто не ездил.

На миг блондин захотел поверить, что сейчас в трубке раздастся знакомый хрипловатый голос…

– Узумаки Наруто?

Женщина. Блондин прикрыл глаза ладонью, нервно усмехаясь.

– Вас беспокоят с…

Формальный опрос всех абонентов сотовой сети. Банальные вопросы: доволен ли, как часто пользуется…
Наруто отвечал на все из них, шагая вдоль тротуара к остановке, а девушка всё тарахтела и тарахтела в трубке. Её

звонкий голос врывался в застывший мир Наруто и мешал окунуться в мысли…

***

…Ведь чудес действительно не бывает…
В трубке раздавались короткие гудки, а затем:
«Абонент занят, перезвоните позже…»
Невидящие глаза прищурились скорее по привычке, и пальцы левой руки раздражённо нажали на кнопку отбоя. Мозг помнил, где она…
Он занят.
Конечно, он занят.
Он жив, и он живёт. Он занят жизнью.
Услышав голос Наруто в открытое окно, Саске почувствовал так старательно сдерживаемую боль за рёбрами. Но не смог удержать её вновь…
Как оказалось, даже пытаться не стоило…
У Наруто новая жизнь, и в ней нет места слепым, искалеченным людям, которые, судя прогнозам врачей, вот-вот сойдут с ума.
Это был неплохой выход, учитывая то, во что его тело превратилось за время «лечения».
Саске раздражённо сжал телефон. Зря Итачи помог набрать номер, зря он показал старшему брату, что сожалеет о лжи… Хотя Итачи был виноват перед ним, всё-таки подписав соглашение на операцию.
Брюнет этого не хотел… он просто хотел уйти, а теперь… Теперь он вынужден быть зависимым от таблеток, процедур, от костылей и инвалидной коляски. От людей…
Разве это жизнь?
Нет, он не овощ.
Растения хоть кому-то приносят счастье, а он стал обузой, которая еле двигается.
И Наруто… его больше нет. Пора забыть этого глупого парня. Забыть и позволить ему жить новой жизнью, которая рано или поздно войдет в привычную колею.
Саске до боли сжал зубы. Он не имеет права возвращаться.
Он умер для Узумаки… умер!
Завибрировавший в руке телефон заставил вздрогнуть. Если бы

он мог – он посмотрел, а так пальцы просто нажали на кнопку приёма, и трубка прислонилась к уху.

– Алло! Вы звонили мне? Я не мог… ответить. Алло?

Быстрый голос Узумаки вновь перевернул всё в груди.
Саске отнял сотовый от уха, пытаясь вдохнуть, но понял, что бесполезно.
И сбросил вызов.
Нет.
Он умер.

***

Наруто удивлённо посмотрел на сотовый. Наверное, номером ошиблись или глупая шутка.
Автобус остановился рядом с каким-то натужным скрипом, словно железное тело было готово вот-вот развалиться.
Зацепившись за поручень, Узумаки поднялся в салон, просовывая водителю деньги и садясь на одиночное сиденье у окна. Взгляд уткнулся в невидимую точку, и сознание приготовилось к долгой поездке.
Телефон зазвонил, оглашая нутро железного монстра стандартной мелодией.
Нахмурившись, Наруто перевёл взгляд на дисплей.
Опять тот номер…

– Да? – сотовый завис у уха. – Говорите же.

Хриплый тихий голос:

– Мне не всё равно.

Кладбище Живых. Пролог

"Maybe we're all insane
The way that we live
Reminiscing for the head game
What if we're all insane?
I'm feeling so damn hollow
Staring into the eyes of tomorrow

Coming around again
I'm feeling much better my friend
The doctor says
I'm sorry you must attend
To your little white room again
To my little white room"
Broken Iris – The eyes of tomorrow

«Возможно, мы все безумны.
В том, как мы живём,
Предаваясь воспоминаниями главной игры.
Что, если мы все безумны?
Я ощущаю такую пустоту,
Смотря в глаза завтрашнего дня.

Приходя в себя снова,
Я чувствую себя намного лучше, мой друг.
Доктор говорит:
Я сожалею, что ты должен посещать,
Свою небольшую белую комнату снова.
Мою небольшую белую комнату…»

Как бы ты не старался забыть – не получится.
Ты просто не сможешь, тебе не позволят чувства. Они вроде бы уже и не те, что раньше… всего лишь пустые калеки, оболочки ничего не значащих слов. Но…

В груди всё ещё больно.
И ты стараешься забыть, пытаешься отпустить, не дав себе прочувствовать. Ты выстраиваешь внутри себя баррикады и веришь, что они выстоят, когда в очередной раз раздастся телефонный звонок, придёт смс с сухим текстом «Позвони мне».
Но ты хранишь молчание, словно погребённый заживо…
Песня на повторе играла вот уже в сотый раз. Губы бездумно повторяли каждое слово, в то время как взгляд был устремлён точно в стену. Жидкий полумрак комнаты, подсвеченный неоновой лампой, обнимал за плечи, накидывая на них призрачную накидку. Всё казалось таким нереальным, таким другим.
Узумаки сидел в своей комнате, как всегда после суетного дня, где он вынужден был становиться тем, старым Наруто. Улыбчивым парнем, готовым идти на всё, чтобы помочь ближнему.
А в груди этого улыбающегося сгустка солнечного света зияла чёрная дыра. Но никто не видел, потому что он не позволял никому смотреть. Даже тени печали ни разу не отметили родители на его лице, ни намёка на старую боль.
Переезд затянулся, какие-то проблемы на фирме у матери, но Наруто не вникал.
Песня пошла по сто первому кругу, и Узумаки протяжно вздохнул.
Время шло… он хранил молчание, словно сам похоронил себя заживо. В окно дул лёгкий летний ветерок, принёсший с собой запах ночной фиалки и сырой земли. Недавно прошёл дождь…
Дисплей лежащего на столе телефона засветился, и Узумаки перевёл на него взгляд.

– Чёрт тебя дери, – выдохнул Наруто, прикладывая руку к груди, где вновь раздалась щемящая боль. Глаза напряжённо вглядывались в неизвестный номер, каждая цифра которого была выучена наизусть.

Саске звонил каждый вечер по несколько раз, слал смс. Но Наруто не мог ответить.
Это была даже не обида, не разочарование… это была какая-то пустота, затопившая душу блондина настолько сильно, что в

ней не осталось места для других чувств. Безразличие… Возможно, этим словом можно было описать всё его состояние в последние месяцы, после того, как он узнал, что Саске жив… пусть и не в лучшей форме.
Он так и не сходил к нему, хотя смс приглашали.
Испытав боль потери однажды, трудно встать на ноги. Такие большие раны быстро не заживают: они кровоточат и мучают, пока не выпьют всю радость, весь блеск из глаз.
Телефон завибрировал вновь, и, схватив сотовый, Наруто со злостью запустил его в кровать. Хотелось кричать на бедный кусок пластмассы, хотелось высказать ему всё… но Наруто лишь закусил губу и осел в скрипнувшее кресло.
Он уронил лицо в ладони, упираясь локтями в согнутые колени, и клокочаще выдохнул. Боль была настолько реальной, что пару раз ему показалось, будто сердце пронизывают длинным раскалённым прутом.

– Я тебя ненавижу, – сорвалось с искусанных губ. – Почему ты поступил так?

Пальцы больно впились в волосы, заставляя отвлечься на реальную боль, но не выходило. Пришлось сжать зубы, стиснуть в горячие тиски ноющее сердце и вновь выдохнуть.
Беззвучный крик рвался из горла, раздирая его в ошмётки.
Наруто внезапно почувствовал, как по рукам стекает влага, и удивлённо моргнул, а затем вовсе зажмурился, поняв, что всё же сорвался. Раньше он никогда не плакал… лишь, когда узнал, что Саске больше нет. А сейчас накатило вновь. Второй раз за жизнь. Странные, злые слёзы, пополам с болью, выходили из глаз, катясь по рукам, между пальцев, пробегая мокрыми дорожками по щекам и теряясь где-то на шее.
Дышать было тяжело, но Узумаки не мог позволить себе слишком громкий вздох, зная, что голос сорвётся, и тогда его услышат родители, что ходили за закрытой дверью. Он не мог показывать свои слёзы.
Куски развалившейся на осколки души.

***

Саске отложил телефон в сторону, зло выдыхая горячий воздух.

Ему были непонятны мотивы поведения Наруто… он вообще мало что понимал в последнее время.
Когда мир вокруг тебя погрузился во тьму, то тебе не остаётся ничего другого, как принять совершенно другие правила игры. Не передвигаться без специальной трости, а лучше вообще не ходить, стараться не налетать на углы, людей и животных, не включать свет и не смотреть в зеркало. Казалось, что последняя ненужная шелуха сорвалась с него, и теперь её уносит ветром, который больно бьёт по оголившемуся мясу.

– Ты звонил ему.

А ещё приходилось учиться узнавать людей по голосам и… Саске в этом преуспел.

– Итачи, – выдохнул он, машинально поворачиваясь к брату. Точнее – на звук его голоса и едва ощутимого чувства присутствия, которое слегка давит на тебя с той стороны, где стоит человек. Это парень научился различать на второй месяц в темноте.

– Зачем ты пытаешься связаться с ним?

В вопросе звучал какой-то глухой укор, и младший Учиха лишь усмехнулся, опуская голову на руки. Левая до сих пор плохо слушалась, а правая почти не двигалась, как и ноги. Приходилось иногда пересаживаться в инвалидное кресло. «Иногда» – это четыре раза в неделю, когда врачи не пытались заставить его ноги работать при помощи какой-то глупой ходьбы в странном, слегка подвешенном состоянии.

– А зачем ты попытался оживить меня?

Этого вопроса Итачи ожидал. Парень закусил губу, радуясь, что младший не видит его лица…
Зато он прекрасно видел то, что сидело в полупустой комнате напротив него и с вызовом смотрело в пустоту. Саске изменился… Возможно, причиной тому были многочисленные лекарства, химиотерапия, которая добивала и без того убитое настроение брата, или же собственное состояние.

Брюнет мог жить, но не хотел. Он подолгу сидел в своей комнате и слушал тишину, отголоски чужой жизни, пролетающей за окном. В их доме было пугающе тихо, потому что он был мёртв.
Отец как всегда отсутствовал, Итачи же большую половину дня проводил у себя в комнате или в гостиной, лишь изредка заходя проверить брата.

– Саске, ты ведь понимаешь, что то был единственный шанс.

– Шанс чего? – ощерился брюнет. – Шанс привязать меня к этому месту? Сделать зависимым?

– Я просто хотел, чтобы ты жил.

– Только меня не спросил.

Тонкие и бледные губы исказила какая-то злая улыбка, и Итачи стало не по себе. Эти большие чёрные глаза, совершенно слепые, но настолько пронзительные, будто брат видел его душу, смотрел и прожигал.

– Ты был не в себе. Ты же знаешь, что болезнь сделала с твоим мозгом…

– Она до сих пор здесь, – хрипло засмеялся Саске, прикладывая руку к голове и зарываясь тонкими пальцами в короткие чёрные волосы. – До сих пор в моём черепе.

– Её удалили, – упрямо проговорил Итачи, стараясь не повышать голос. В последнее время это становилось всё труднее и труднее.

– Ни хера! Ты слышал, что сказал Орочимару…

– Ему запретили тебя оперировать, – всё же сорвался Итачи. – И ты думаешь, что он мог бы сказать правду?!

– Только он и мог!

Саске резко замолчал, губы его дрогнули, лицо побелело ещё сильнее, и Итачи в несколько шагов оказался рядом, поддерживая начавшего заваливаться набок парня.

– Руки свои убери, – тихо, но зло потребовал он, съёживаясь ещё больше от прикосновений.

– Тебе нужно отдохнуть.

– На хер твой отдых!

– Саске…

– Уйди отсюда!

Брюнет дёрнулся, вынуждая брата отпустить его.

– Ты сделал всё возможное, – ядовито прошипел Саске. – Теперь иди на хер, братец.

***

– Спасибо, приходите ещё, – улыбнулся Наруто, протягивая женщине пакет с её покупками.

Улыбаться…
Такое привычное занятие, но… Наруто не мог больше терпеть этой пришитой улыбки на своих губах, поэтому кусал их в кровь, а потом мучился от боли, думая, что это хоть как-то поможет почувствовать себя живым.
Отец нашёл ему подработку на лето, чтобы сын не сидел дома и не грыз себя мыслями. Ирука видел, что с блондином творится что-то неладное, что он нервный, но отстранённый. Однажды, отец подозвал Наруто и серьёзно спросил у того, что он принимает. На что получил полный недоумения взгляд и заверения в том, что наркотики здесь ни при чём.

– А у вас есть шоколадные мишки? – улыбнулась подошедшая к стойке женщина, и Наруто выпал из своих мыслей, рассеянно смотря на неё.

– Простите?

– Мишки, – терпеливо пояснила женщина. – Я у тебя их вчера брала и позавчера. И месяц назад. Забыл меня?

Узумаки скользнул по высокой блондинке с длинными волосами взглядом и широко улыбнулся. Так, на всякий случай. Не смотря на то, что женщина была уже в возрасте, на её лице это практически не отразилось, да и на фигуре, насколько мог судить Наруто.

– Вы Цунаде, – кивнул он.

– Молодец, скушай конфетку, – не зло усмехнулась она, протягивая деньги. – Хотя у тебя на них уже аллергия, наверняка.

– Что… а-а-а, – Наруто почесал затылок. – Не, я люблю конфеты… просто не хочется.

Он на пару секунд отошёл от кассы, насыпая в пакет шоколадных мишек и, вернувшись, положил на весы.

– А зря! – неожиданно щёлкнула его по носу женщина. – Шоколад и сладкое повышают уровень эндорфинов в крови. Это штука такая, что вызывает радость, желание жить. Понимаешь?

– Ну… что-то слышал, да, – пожал плечами Узумаки, протягивая женщине пакет и забирая деньги.

– А тебе нужны эндорфины. Всем нужны, – широко улыбнулся она, намекая, что у неё-то с этим проблем точно нет.

– Вы и так очень счастливая. Зачем вам шоколад? – со смущённой улыбкой озвучил свою догадку Наруто.

– Не мне, – отмахнулась она, укладывая пакет в сумку. – Моему пациенту. Хмурый засранец.

– А-а-а, вы врач?

По спине прошлись мурашки, и холодок лёг на плечи. В последнее время всё, что было связано с медициной, у Наруто вызывало оторопь и желание поскорее оказаться как можно дальше.

– Психолог, – вновь просияла женщина. – Ну, до встречи, Наруто. Кушай сладкое.

Она махнула ему рукой и поспешила на выход. Колокольчики над дверью звякнули, вновь погружая небольшой зал кондитерской в гробовую тишину. Разве что, только радио тихо-тихо бормотало какие-то новости или песни… Узумаки не прислушивался.
Он вновь «выключился», потеряв смысл улыбаться. Пусть и искусственной улыбкой.

***

Цунаде редко ходила медленно. В стремительной, будто летящей походке многие разглядывали её порывистый характер, железную упёртость и стойкость, которой мог позавидовать любой.
И только эта вечно спокойная и иногда тепло улыбающаяся женщина знала, чего на самом деле стоит такая маска.
Ведь так или иначе мы их покупаем, отдавая взамен что-то. Внутреннее спокойствие, близких или… личную жизнь. Невозможно жить в двух мирах, когда одна часть тебя вынуждена быть строгим, но справедливым доктором, спасающим чужие разумы, а вторая часть – тихой и примерной женой.
Цунаде выбрала то, к чему стремилась её душа. И не жалела… разве что зимними вечерами что-то дрогнет в её сердце под бокал красного вина, но затем пройдёт, будто и не бывало.
Женщина забежала в автобус и уселась на первое же свободное место. Она принципиально не пользовалась личным транспортом, хотя давно стала владелицей небольшой серой машины и прав на оную. Не любила быть подолгу наедине со своими мыслями. А здесь, в шумном салоне автобуса, всё

кажется таким далёким. Все проблемы отступают на время, поделённое остановками.

***

Саске услышал её сразу. Как-то по-особому скрипнула калитка, быстрые шаги, голос, и вот двери его комнаты открылись с тихим скрипом, впуская в серое логово ту самую женщину, что приходила пару раз в неделю и пыталась вытащить из него что-то. Наверное, ей хотелось услышать, что на самом деле чувствовал молчаливый брюнет.
Учиха усмехнулся. Она зря тратила своё время.
Внутри давно поселилась темнота и холодная пустота словно выросла из семян безразличия ко всему. Что может чувствовать труп? А именно им себя Саске и считал. Жизнь закончилась там, в небольшой общажной комнатке.
Женщина что-то говорила, но Учиха не слушал, погрузившись слишком глубоко в себя.
Тогда, несколько месяцев назад, ему показалось, что он действительно умер…
Ночью, в подобии сна, к нему часто приходили картинки из прошлого. Столько времени гадая, как это – умирать, Саске так и не почувствовал этого. Просто в какой-то миг, когда он сидел в машине Итачи, сознание начало расплываться, и он почувствовал себя ужасно уставшим. Настолько уставшим, что прикрыл глаза, а очнулся спустя несколько дней… в темноте и обездвиженности.
Тогда он понял, что жив. Мёртвым так херово не бывает.

– Саске, – позвала женщина. Кажется, она провела рукой у него перед глазами, потому что кожа почувствовала едва тёплое дуновение ветра.

Брюнет дёрнулся, презрительно скривив тонкую линию губ, словно это она здесь была слепой, а не он.

– Я же говорил, чтобы вы не приходили.

– А я пришла, – упрямый бархатный голос оповестил парня, что Цунаде находится рядом. Слишком. Учиха зацепился пальцами

за колёса кресла-каталки и отъехал чуть назад. Присутствие людей в его тёмном мирке воспринималось, как нечто чужеродное, ненужное и совершенно отвратительное.

– Зачем?

– Хочу помочь тебе.

Почему все хотят ему помогать? Разве он просил…

– Я не нуждаюсь…

– Да-да-да, – устало повторила женщина. – Я это уже запомнила. Ты не нуждаешься в моей помощи, но…

Шелест целлофанового пакета, скрип паркета, и Учиха удивлённо почувствовал лёгкий тычок пальцем в левую руку.

– Это шоколад.

– Мне плевать.

– Съешь хотя бы одну конфету.

– Я не голоден, я же сказал!

– А люди едят только чтобы утолить голод? – усмехнулась женщина, и, судя по всему, сама съела отвергнутую конфету. – Я думала, что многие из нас едят, чтобы почувствовать вкус, радость. Знаешь ли, для многих это настоящая проблема, Саске.

– Я не чувствую ни вкуса…

Он осёкся, замолкая и прикусывая нижнюю губу. Она всегда так, эта Цунаде. Бесполезная болтовня, а на самом деле вытягивает из него информацию по крупинкам, ниточкам.

– Ни радости, – совершенно серьёзно закончила за него женщина, и пакет вновь зашелестел.

Кажется, она отошла, усаживаясь где-то неподалёку, потому что близкое присутствие Саске прекратил ощущать, но чужой человек всё ещё заставлял волоски на руках вставать дыбом от раздражения. Не ушла, значит. Смотрит…

– Хватит на меня пялиться.

– Откуда ты знаешь, что я пялюсь?

– Я чувствую.

– О, ты поразительно чувствительный парень, Саске, – смешок.
– Скажи мне, почему ты чувствуешь всё, кроме радости?

– А зачем мне радость?

– А зачем мы дышим?

– Действительно.

Саске опустил голову, прикасаясь пальцами левой руки к переносице. Хотелось успокоить роившиеся в голове мысли, которые после долгой тишины в черепе были практически болезненными.

– Ты не хочешь дышать?

Саске усмехнулся невесело:

– Если я не захочу дышать – меня подключат к аппарату искусственной вентиляции лёгких. Если не захочу есть – введут питательный раствор. Если не захочу жить – подключат к аппарату жизнеобеспечения.

Тишина.

– К аппарату радости тебя не смогут подключить. Нет такого…

Пакет зашелестел вновь.

– Поэтому ты должен захотеть сам, Саске. Со временем… ты поймёшь необходимость этого чувства.

Брюнет покачал головой, теряя интерес к этой беседе. Так или иначе, отец платил Цунаде, чтобы та вела с ним эти разговоры. Они были пустыми и вынужденными. Для галочки.
Хотя большего Учиха не хотел.

***

Наруто возвращался домой привычной дорогой, через кленовую аллею. Здесь всегда пахло чем-то сырым, словно всегда шёл дождь, хотя жара сегодня поднялась просто невозможная.
Блондин в очередной раз вытер лоб, смахивая с лица отросшие светлые волосы и выдыхая. До дома было ещё далеко, а впереди ждала поездка на автобусе, где сумасшедшие дачники с их корзинами, саженцами и прочей садовой утварью, так и норовят выколоть ему глаз или долбануть черенком от лопаты. Обыденность постепенно затягивала, не оставляя времени на лишний вздох. И вот эта узкая аллея с раздолбанным асфальтом становилась единственным местом, где Наруто мог перевести дух.
Только легче дышать от этого пьянящего вздоха свободы не становилось. Он горчил и резал горло на лоскуты, а руки привычно сжимали чужую зажигалку в кармане. Выбросить её он так и не смог. Это был очередной кол, который он вбивал себе в грудь каждый день.
Странно… ведь человек живой, даже связаться с ним пытается, а в голове будто замкнуло. Будто Саске больше нет… и это уже другая реальность. Или даже не реальность, а что-то после, что-то серое и холодное даже в сорокаградусную жару.

***

Саске терпеливо ждал, пока женщина покинет его комнату. Он даже отвечал на некоторые её вопросы, поддерживая никому ненужную беседу. А потом она всё же ушла, пообещав заглянуть на следующей неделе.

Словно она была ему другом.
Учиха выразительно фыркнул, опуская голову и прикасаясь рукой к холодному лбу. Ещё недавно на нём можно было почувствовать шершавые бинты, а теперь простая гладкая кожа, кажущаяся мраморной на ощупь.
Неживой…
В голове начали вращаться воспоминания – единственный источник цветных картинок для парня в последние дни. И всё чаще и чаще на внутреннем экране появлялось почти забытое, стёршееся из памяти лицо. Лишь светлые волосы да яркие глаза. Улыбающиеся, искрящиеся жизнью, которой он так завидовал.
Позвонить опять? Услышать пустые гудки и сбросить звонок? Всё было предельно ясно: Саске стал овощем, а Наруто… испугался, предпочёл забыть и оборвать все концы.
Но почему тогда до сих пор не избавился от симки? Мстит за исчезновение?
Пальцы скользнули по гладкому корпусу телефона, прошелестели клавишами. Он помнил сколько нажатий клавиши надо, чтобы долистать до нужного номера, благо, их было не так уж много.
Саске поднёс трубку к уху, ни на что не надеясь.
Гудки… гудки…

– Да? – раздалось на том конце.

Глава 1. Hold me now

"Am I alive or just a ghost?
Haunted by my sorrows
Hope is slipping through my hands
Gravity is taking hold
I said I'm not afraid
That I am brave enough
I will not give up
Until I see the sun

Hold me now
'Til the fear is leaving
I am barely breathing
Crying out
These tired wings are falling
I need you to catch me"
Red – Hold me now

«Я жив или просто призрак?
Печаль следует за мной,
Надежда ускользает сквозь пальцы,
Гравитация тянет меня вниз…
Я говорил, что не боюсь,
Что я полон отваги.
Я не сдамся,
Пока не увижу солнце.

Держи меня,
Пока не исчезнет страх.
Я едва дышу.
Я кричу.
Уставшие крылья сломаны,
Мне нужно, чтобы ты поймал меня».

– Вы говорите, у пациента наблюдалась повышенная нервная возбудимость? – задумчиво проговорила Цунаде, рассматривая небольшую статуэтку.

– Я передал вам его карту, – пожал плечами сидящий напротив неё мужчина. – Там всё указано. К чему эти вопросы?

Цунаде вскинула на него смеющийся взгляд, отметив, что её собеседник весьма холоден, если не сказать напряжён. Отчего бы его светло-чайным глазам так странно блестеть, словно застывшим льдинкам? Видит в ней конкурента или же просто не доверяет женщинам?
Отставив статуэтку обратно на журнальный столик, она поднялась, проходя к окну и останавливаясь напротив него. За ним простиралась зелёная лужайка, и мужчина в светлой униформе и кепке неспешно прохаживался по ней с газонокосилкой.

– Я предпочитаю живое общение скупому медицинскому языку. Да и вы с Саске имели… весьма странные отношения, Орочимару.

– Странные? Отношения?

Он удивлённо вздёрнул чёрные брови, едва сдерживаясь от смеха. Вся эта история с Учихой, едва не стоила ему карьеры: за очередной отказ оперировать. Наверняка там, наверху, некоторые люди побоялись всё же, что такой уважаемый человек, как Фугаку, потеряет младшего сына из-за прихоти какого-то там доктора. Хотя… большую роль в этом вопросе сыграли деньги, выложенные перед начальством всё тем же отцом семейства…
А оперировать Саске было нельзя…
Увы, Орочимару лично пришлось покопаться в голове парня, в прямом смысле этого слова. Надавить можно и на хладнокровного доктора, которому Фугаку пообещал закрыть все ходы и выходы в медицину, если он откажется.
Как показала жизнь, Орочимару недооценил старшего Учиху.

– Он провёл с вами некоторое время, если верить словам

Итачи. Даже звонил вам, и вы приезжали…

– Это моя работа.

– Ваша работа – лечить здесь, в клинике, – снисходительно улыбнулась Цунаде, поворачиваясь к нему. – А забирать больного с улицы, чтобы отвезти его к себе домой…

– Вы слишком много знаете, – нехорошо прищурился Орочимару. – Поэтому я и не люблю психологов.

Взгляд Цунаде стал донельзя ехидным и подозрительным одновременно. Она прищурилась, разглядывая непроницаемое лицо собеседника.

– Или же потому что боитесь, что психолог увидит кое-что, что вы скрываете.

– Мне нечего скрывать.

Мужчина отвернулся от неё, возвращаясь за свой стол и усаживаясь в кресло. Он расслабленно откинулся на спинку стула, скрещивая руки на груди, и Цунаде довольно улыбнулась. Он закрывался… и это было видно. Так или иначе, не Орочимару её пациент, хотя, честно говоря, он был весьма бы любопытной личностью.

– Саске, – медленно произнёс Орочимару, будто пробуя это имя на вкус. – Он весьма странный парень. Его отношение к болезни хоть и предсказуемое, но…

– Но?

Желтоватые глаза вновь вперились в её лоб, но Цунаде нельзя было провести такими трюками. Она сама умела прожигать взглядом.

– Вы же знаете, что у него повреждён мозг, и процесс необратим? Болезнь зашла слишком далеко, а он ей в этом помог своим упрямством.

Орочимару потянулся за дорогим портсигаром и вынул оттуда тонкую сигарету, что в женских пальцах смотрелась бы куда более привычно.

– Слепота, потеря вкуса и нюха, нарушение моторики… это всего лишь верхушка айсберга, – подкуривая, говорил он. – Это всего лишь то, что видим мы – врачи, но ты…

Такой резкий переход на «ты» заставил Цунаде удивлённо улыбнуться. Да, всё-таки он воспринимает её как конкурента. Но вот в чём? В борьбе за жизнь Учихи Саске?

– Ты должна была заметить истинное состояние пациента.

– Не спорю, – кивнула она. – Я знаю, что мне предстоит много работы…

Орочимару высокомерно фыркнул, выпуская сизый дымок через ноздри и отворачиваясь к окну.

– Саске сходит с ума, – тихо произнёс он. – Медленно и неотвратимо. Нам остаётся только наблюдать за тем, во что выльется прихоть его семьи. Более того… опухоль…

– Я работала куда с более агрессивными сумасшедшими, – перебила его женщина. – Так что, думаю, справлюсь с его депрессией.

– Если бы это была только депрессия. Скажите, – взгляд в глаза. – Он до сих пор общается с тем парнем… Узумаки?

– Мммм, – нахмурилась женщина. – Я понятия не имею, о ком вы. Но… он пытается кому-то дозвониться… я видела его телефон.

– Нехорошо читать чужие смс, – укоризненно качнул головой Орочимару. – Ни при каких условиях не подпускайте его к тому парню.

– Почему?

Мужчина, затушив недокуренную сигарету в пепельнице, выпустил последний ядовитый дымок из лёгких и скривил тонкие губы:

– Иначе он его убьёт.

***

Наруто сам не понимал, почему ответил на очередной звонок. Просто пальцы, помимо его воли, нажали на «приём» вызова, а затем голос сам собой ответил. Хрипло, тихо и придавлено, словно вся тяжесть, прожитых дней в молчании, навалилась на него каменной плитой.
Узумаки кусал губу, слушая тихое дыхание по ту сторону провода. Или что там было у сотовых…

– Да? – повторил он единственное слово, которое мог выговорить.

Рука до побелевших костяшек сжимала край лавочки, а взгляд уставился на семейную пару, что сидела напротив и о чём-то разговаривала.

– Наруто, – раздался голос в трубке. – Нам… нам надо поговорить.

– Г-говори…

– Нет, – тихий хриплый вздох. – Не так… я хочу…

– Саске, это не имеет смысла.

Он всё-таки прокусил губу и досадливо слизнул капельку крови, практически не чувствуя боли. В душе творилось нечто… нечто, разрывающее рёбра на осколки. Ведь душа билась в этой костяной клетке…

– Мне решать, что имеет смысл, а что нет.

Узумаки мрачно усмехнулся. Ну вот… знакомые приказные нотки в этом тихом голосе, от которых по спине проходит холодок, а руки сжимаются лишь сильнее. Нет, Учиха потерял право приказывать, а Наруто потерял желание следовать этим приказам.

– Не тебе. Ты уже решил однажды…

– Ты обиделся, как баба?

– Саске, не начинай, пожалуйста, – поморщился блондин, прикасаясь пальцами ко лбу. Голова начинала заметно ныть: сидеть на самом пекле – не самое лучшее решение.

– Ты такой обидчивый, Узумаки…

– Если ты думаешь, что, наговорив мне гадостей, сможешь со мной встретиться… ты ошибаешься.

– А что мне надо говорить? – усмешку было слышно даже в его голосе. – Просить прощения, заливать про то, что я скучаю, про то, что мне херово? Нет, темэ, этого не будет.

– Тогда зачем нам с тобой видеться?

Желание укорять прошло. Раньше бы… месяц или два назад Наруто обязательно бы спросил, почему Саске не может просто извиниться, почему не признаёт свою вину? Почему?
Но не сейчас. Сейчас всё прошло. Всё, до последней крупицы, Наруто выжег из своей души, и этот человек стал лишь бесцветным голосом в трубке, огромной раной в груди, которая когда-нибудь затянется. Обязательно затянется.
Но сейчас…

– Я хочу с тобой увидеться, – очень тихо, но отчётливо произнесли и тут же засмеялись. Что-то так развеселило Саске, что он сорвался на смех… а Узумаки было не до веселья.

– Если хочешь, – уже спокойнее продолжил Учиха. – Это будет

последний раз. Но… мне это нужно.

Наруто бы не поверил, что тот самый Саске из прошлого, который посылает налево и направо, который может долбануть башкой о пол или заехать кулаком в нос, который кричит о том, что ему никто, а особенно Наруто, не нужен, сейчас просит о встречи.

– Зачем?

Молчание в трубке затянулось, и Наруто было показалось, что связь прервалась, но в тот же миг Саске заговорил.

– Потому что. Завтра вечером… в беседке…

Наруто хотел было напомнить, что её снесли, но короткие гудки дали понять, что Учиха всё-таки закончил разговор. Тяжёлый вздох сорвался с губ, и блондин убрал трубку от лица, глядя перед собой. Легче от этого разговора явно не стало, да и не могло быть. Теперь в душе было столько смятений, что Узумаки едва мог пошевелиться. Встречаться с Саске… завтра…
Этого и хотелось, и нет. Что-то держало, ремнями сковывая руки и ноги, будто бы предостерегая от очередной порции боли, которая обязательно разорвёт внутренности на кровавые ошмётки.
Зачем ему это?

***

Саске отложил в сторону телефон, и в душе будто оборвалось что-то. Он думал, что испытает хоть какое-то чувство, услышав голос Узумаки, но была лишь боль и давящая тяжесть.
Вина?
За чужой выбор, но расплачиваться своими эмоциями придётся ему.
Эмоции… слишком ценная валюта среди людей, и, кажется, Саске давно стал нищим.
Но то, что было необходимо сделать, платы и не требовало. По крайней мере, ему теперь уже точно всё равно. Забрав право

выбора, Итачи сломал то, что едва-едва держалось, и теперь…
Холодная рука легла на его запястье, ласково проводя тонкими пальцами по выступающим венам. Запахло тиной, хотя это было лишь в его голове…
Белокожая пришла вновь, обволакивая тело привычной пеленой слабости. Учиха откинулся на спинку кресла, стараясь вдыхать медленно, дабы не чувствовать этот тлетворный сладковатый душок.
Она не изменилась… только вот её лица брюнет теперь не мог видеть, хотя был уверен: она смотрит с какой-то заботой, словно ей есть дело…

– Что ты от меня хочешь? – устало спросил Саске, уже зная, что она не ответит. Белокожая никогда не отвечала… только прикосновения, только тихие вздохи на грани слышимости.

Тишина…

***

Время тянулось нестерпимо медленно. Оно ржавым скальпелем резало по нервам, вынуждая бесцельно смотреть в тёмный потолок. Мысли отгоняли сон, и Наруто понимал, что до утра осталось не так уж и много времени и ему не уснуть.
Наверное, стоило позвонить и отказаться от встречи. Даже телефон был привычно зажат в руке, но что-то останавливало. Нужно было расставить точки вместо многоточий и, возможно, тогда дышать станет легче…
Узумаки вздохнул, выходя из комнаты и направляясь на кухню. В доме было темно и тихо, лишь тиканье часов отмеряло последние минуты перед рассветом.
Электрический чайник вспыхнул синеватой подсветкой, освещая кухню какими-то потусторонними огнями. Босым ногам было холодно, но Наруто лишь обхватил себя руками, всматриваясь в тёмное окно, в котором виднелись тёмные росчерки ветвей на кобальтовом полотне неба.
Что он скажет Саске, когда увидит его? Что спросит? Узумаки не знал и даже не мог придумать. В голове моментально становилось как-то пусто и тоскливо настолько, что хотелось побиться ею о стену. Может быть, он всё это

придумал себе? Ну в самом-то деле. Это ведь всего лишь встреча со старым… знакомым, которого раньше упрямо называл другом. Отчего сердце так больно рвётся в груди? Отчего его одновременно заполняет жидким огнём и накрывает пеленой ледяной безразличности?
Чайник щёлкнул, и Наруто привычно залил растворимый кофе в кружке кипятком. По комнате разлился приторный запах дешёвого напитка, от которого на языке остаётся нестерпимая горькая кислота. Он не мог вспомнить, когда именно предпочёл этот напиток привычному чаю. Просто одной ночью решил, что кофеин справится с болью в груди быстрее…
Всё это казалось настолько неправильным, настолько чужим, что блондин не мог справиться с ощущением нереальности. Его привычный мир разлетелся осколками. И теперь… теперь он не может существовать на этих руинах того, что когда-то казалось родным и близким. Теперь только осколки камней будут врезаться в босые стопы, когда он захочет вернуться назад. А ведь обратной дороги уже нет.
Наверное, надо было предупредить Нагато о том, что он всё-таки решил встретиться с Саске. Только вот красноволосый будет против, и опять будут лекции, серьёзные разговоры.
Нет. Знать это ему ни к чему.
Так и не тронутая кружка кофе осталась стоять на подоконнике, а Узумаки направился в свою комнату.
Можно было попытаться заснуть на оставшиеся два часа, но…
Тело охватило какое-то странное оцепенение.

***

– Саске, ты уверен, что сможешь… без кресла? – взволнованно спросил Итачи, поддерживая брата под руку.

– Отпусти, – шикнул брюнет, дёргая плечом и требуя свободы. – Я сам.

Опираясь на трость, младший Учиха кое-как поднялся, морщась от тянущей боли в спине. Она появлялась всегда, стоило ему встать: тело привыкло не получать достаточно нагрузок и теперь к любой из них относилось отрицательно.

– А ты упрямый, – с усмешкой проговорила Цунаде, наблюдая за усердием брюнета. Парень был очень худ и слаб, короткие волосы, что торчали неровными чёрными прядями, лишь подчёркивали заострившийся нос и чётко очерченные скулы.

Саске лишь скривился на это замечание, сильнее налегая на трость. Стоило бы привыкнуть к новому положению тела, чем он усердно и занимался, а реагировать на слова Цунаде сейчас вовсе не хотелось. Когда ему удавалось ходить на своих двоих, то это всё происходило под присмотром врачей, а сейчас…
Но Учиха упрямо сделал шаг вперёд. Его пошатнуло, но Итачи даже с места не двинулся, уже зная реакцию брата на помощь. Когда старший Учиха смотрел на это тонкое, будто истлевшее существо, то в душе что-то переворачивалось. Он чувствовал вину, но… Саске жив, и это главное.

– Упрямство – это признак воли к жизни, – заметила Цунаде, поднимаясь со стула и подходя ближе к своему подопечному.

Итачи бросил на женщину настороженный взгляд, будто бы предупреждая её о том, чтобы она не давила слишком сильно. На что женщина лишь мягко усмехнулась: дай волю и старший брат накроет младшего пологом такой заботы, которую можно было бы приравнять к насильному удержанию на цепи в закрытой наглухо комнате.
Саске вновь промолчал, делая ещё пару шагов. Тело постепенно вспоминало, как это двигаться, но тут же парень почувствовал, как его начало заваливать набок, и в итоге он повалился на кровать, что удачно стояла сбоку.
Раздражение заставило зло куснуть губу и отшвырнуть трость. Нет… он ещё не мог нормально двигаться. Ноги не слушались, мышцы одеревенели и…
Он не сможет сегодня дойти до площадки, где его будет ждать Узумаки. А просить об этом Цунаде…
Саске вновь закусил губу, выпрямляясь и приваливаясь спиной к стене. Радовало хотя бы то, что никто из этих двух нянек не бросился на помощь безногому…
Мрачный смешок сорвался с искусанных губ, и Учиха тяжело выдохнул, подтягиваясь повыше. Ноги безвольными, слегка подрагивающими плетями, свесились с кровати. Врачи

говорили, что он сможет научиться ходить заново, если тело восстановится достаточно быстро. Только восстанавливаться оно не желало, повиснув между жизнью и смертью. Саске был не против, своим поведением склоняя чашу весов к последнему.
Но сегодня судьба отомстила.
Цунаде взглядом показала Итачи на выход, и парень, понятливо кивнув, окинул напоследок брата тревожным взглядом и вышел. Дверь мягко щёлкнула, и женщина опустилась на кровать чуть поодаль от Учихи. Так она могла видеть его застывшее лицо, а он не чувствовать вторжения в личное пространство.

– Ты расстроен?

Саске лишь шикнул, предпочитая не отвечать.

– Ты чего-то хочешь. Значит, ещё не всё потеряно.

– Я ничего не хочу…

– Упрямство. Я же говорила.

Она спокойно улыбнулась, скользнув взглядом по парню. Он не вызывал жалости именно благодаря своей цепкой хватке, которой хватался за своё безразличие. Напускное, конечно…

– Нам с тобой нужно прогуляться. Ты засиделся.

***

– Узумаки, не спи.

Невысокая полноватая женщина в светлом платье легко хлопнула блондина по плечу, возвращая его к реальности. Наруто, вздрогнув, виновато улыбнулся хозяйке кафе, в котором он работал. Женщиной она была неплохой и понимающей, но всё равно стало как-то неловко перед ней за накатившую сонливость.

– Бессонная ночь? – хитро прищурилась она, поправляя скатерть на столике.

– Типа того, – выдохнул Наруто. Он осторожно выставлял на витрине свежие пирожные и следил, чтобы рукой не задеть кремовые верхушки. В нынешнем каком-то рассеянном состоянии это сделать было весьма проблематично, и приходилось концентрироваться лишь на этом занятии. А монотонность вновь усыпляла.

– Мммм. Молодость дело такое, – понятливо хохотнула женщина.

– А… нет! – ещё шире улыбнулся блондин, поднимая на неё глаза. Он было потянулся к затылку, чтобы почесать его в привычном жесте, но вовремя осёкся: на руке была целлофановая перчатка уже перемазанная кремом. Узумаки недоумевающее скользнул взглядом по витрине, ища испорченное пирожное. – Просто не спалось.

– Чай на ночь пей. А лучше подогретое молоко.

Она довольно улыбнулась и, махнув рукой, скрылась за дверью, ведущей в кабинет.
Оставшись наедине со своими сонными мыслями, Наруто всё же нашёл смазанное пирожное и печально вздохнул: верхушку уже не восстановить, значит, придётся записать на себя.
День шёл как-то нескладно: с утра он опоздал на автобус и добирался до города на попутках, а сейчас не мог собрать мысли в кучу и заставить руки повиноваться. То задумается, то засмотрится в одну точку и всё тут же валится.
Ещё и телефон забыл дома, и это, кажется, нервировало больше собственной сонливости.
Колокольчик звонко тренькнул, но Наруто вновь засмотрелся на испорченное пирожное, даже не заметив, как к кассе подошли.

– Ешь.

Узумаки нахмурился, удивлённо поднимая глаза на женский

голос. И улыбнулся. Та самая женщина, что заходила вчера за конфетами.

– Тебе полезно будет. Сладкое, – пояснила она, встретившись с непонимающим взглядом. – Мы тут вот тоже зашли сладкого поесть.

– Мы? – запоздало спросил Наруто, но сонливость и рассеянность всё-таки отступили на шаг, и он увидел того, с кем пришла блондинка.

Разом ослабевшие пальцы не удержали пирожное, и то шлёпнулось на пол, а ладонь упала на стойку.
Саске…
Сердце забилось быстро-быстро, Узумаки уже думал, что стоит рвануть прочь из кафе, но ноги приросли к полу. Он же увидит его и…
Но Учиха никак не реагировал, словно застыл. А из-за совершенно чёрных очков, которые тот неизвестно зачем напялил, не было видно куда именно смотрит брюнет.

– Эй, – позвала женщина, махнув рукой перед глазами Наруто. – Не спи. Нам кофе и два шоколадных пирожных. Слышишь?

Узумаки лишь кивнул, продолжая сжимать пальцами край стойки.
Как же…
Одёрнув себя, он быстро направился к кофейному аппарату. Руки тряслись, пальцы холодели, а он вновь и вновь прикусывал губу, чтобы хоть как-то отвлечься. Почему Учиха никак не отреагировал? Не узнал? Но…

– Сахар и… Саске, тебе с сахаром?

Подхватив две кружки и опустив их на столешницу, Наруто машинально насыпал сахара лишь в одну кружку, пододвигая оные блондинке, что всё ещё ждала ответа от своего спутника. Следом Наруто достал два куска шоколадного торта и переложил их на керамические блюдца, пододвинув к кофе. Он старался не говорить.

Даже дышать было невозможно.
А уж смотреть на него…
Разложив деньги по ячейкам в кассе, Узумаки закрыл оную и вновь вцепился руками в край столешницы, выдыхая через нос. Голова, кажется, кружилась нещадно.
Любительница сладкого и её спутник уселись за дальний столик… хотя… уселись – весьма спорное определение. Только сейчас Наруто заметил инвалидное кресло Учихи, и сердце сковало болью.
Светловолосая осторожно сняла с него очки и отложила их в сторону, под такое знакомое злое шипение, что Наруто и сам не заметил, появившуюся на губах улыбку. А затем понял, почему Саске никак не реагировал на него: глаза невидяще смотрели мимо блондинки и казались какими-то… туманными что ли.
Тяжесть легла на плечи, заставив ссутулиться. Оказывается, всё было вот так… значит, Учиха сейчас такой.
Было как-то неловко смотреть, словно бы Наруто подглядывал за чем-то, что его глазам не предназначено. Узумаки с трудом держался, то и дело поглядывая на выход… но взгляд сам собой возвращался к лицу Саске.
Даже с неровно торчащими волосами, такими тонкими чертами лица и невидящими глазами брюнет казался… застывшей куклой. Он изменился, но всё в нём осталось прежним: он как и раньше морщил нос, когда женщина говорила ему что-то, также резко кривил губы, прежде чем ответить. Что-то колкое, но слов Узумаки не мог разобрать из-за гула в ушах.
Учиха всё таким же привычным жестом брался за чашку, но теперь отчего-то лишь одной рукой. Он даже кофе пил, как и раньше: доносил чашку к губам, едва касался керамического края и отставлял в сторону, так и не сделав глоток. Тогда, в общаге, Наруто часто ворчал по поводу перевода этого напитка, находя остывшие и нетронутые чашки кофе.
Захотелось подойти к нему и коснуться тонкого запястья, но Наруто лишь покачал головой. Он никогда этого не сделает. Он никогда не скажет и слова. Зачем? Можно просто смотреть на Учиху и знать, что тот его не видит.
А потом Саске достал телефон из кармана, невидяще шаря пальцами по клавиатуре. Поднёс его к уху, как-то странно замирая.

Наруто на долгие три минуты насторожился, машинально потянувшись к карману джинс, но сегодня телефон остался дома. Он был уверен, что брюнет звонит именно ему. Это знание пришло внезапно…
Учиха раздражённо сбросил вызов, так и не получив ответа. Телефон был убран в карман, а сам парень ещё больше напрягся, откидываясь на спинку кресла. Чёрные брови сошлись над переносицей, и Саске отвернулся, словно бы рассматривая пол.
Узумаки не выдержал. Рванув к кабинету своей начальнице, парень торопливо объяснил, что ему надо домой, что там сорвало трубу и вообще…
Недоговорив, он лишь стащил с себя фартук и рванул прочь из кафе, через заднюю дверь.
Улица встретила его раскатом грома и холодным, совершенно не летним ветром в лицо. Нужно было уходить и больше никогда не встречаться с этими невидящими глазами. Не наблюдать этого узкого лица и не чувствовать боли, словно перед тобой очередной сон. А проснёшься – и нет его.
И опять боль.
Боль. Боль. Боль.
Её стало так много, что иногда Наруто казалось, будто вся его жизнь – одна большая кровоточащая рана, в которую день за днём втыкают раскалённые спицы.
Он быстро шёл по улице, жадно глотая холодный воздух. Нет. Встретиться с Учихой изначально было глупой идеей. Он не сможет.
Узумаки с кривой улыбкой признал, что слаб. Ничтожно слаб.

***

– Странный парень, – удивлённо проговорила женщина, и Саске машинально повернулся к ней. В темноте собственной слепоты он давно привык не видеть и не чувствовать, а когда его вырывали из иллюзорной пустоты, не сразу мог понять – зачем с ним вообще заговаривают.

– Сорвался, убежал… нервный. Говорила же ему – ешь шоколад.

Учихе было глубоко плевать на каких-то там парней. Наруто

опять не брал трубку, и это нервировало. Что задумал блондин? Он решил не прийти в отместку или же просто заставить злиться? Но зачем ему это было нужно?
Месть.

– Цунаде, сделай для меня кое-что.

– Зачем? – хитро спросил женский голос. – Что мне за это будет?

– Я расскажу тебе кое-что. Тебе понравится.

– Мммм, дай подумать. Ой, ну хорошо. Что?

***

– Саске, я не уверена, что это то место… тут нет беседки.

– Да… я знаю. Просто оставь меня тут, а сама приходи через час.

– Ты уверен?

Цунаде не горела желанием оставлять своего пациента одного, но и никто не говорил, что она выполнит своё обещание и уйдёт слишком далеко, чтобы не видеть, что он вздумает сделать.
Всё-таки у Саске были определённые проблемы с психикой, и бросать его посреди улицы в гордом одиночестве – верх халатности.
Получив сухой кивок, она завезла кресло на пустой пятак, шурша гравием под колёсами, и легко хлопнула Учиху по плечу, на удивление не получив в ответ злобного шипения.
Брюнет почувствовал, что Цунаде ушла. Впервые за несколько месяцев захотелось видеть, но перед глазами была ненавистная сейчас темнота.
Он было потянулся к телефону, но не стал. Может быть, Узумаки опаздывал, ведь Цунаде бы предупредила, будь здесь кто.
Или же он не пришёл…

Волнение подняло в голове тупую боль, и Саске тихо зашипел, стараясь не обращать на неё внимание. Только этого сейчас не хватало.
Он дождётся.
Но сознание начало привычно покачивать… ещё чуть-чуть и его просто вырубит, скрутит и…

***

Наруто стоял, не шевелясь. Он смотрел, на сидящего перед ним брюнета в инвалидном кресле, и не знал что делать.
Пустота в груди только разрасталась и затягивала в свою бездну безразличия, которым Узумаки усердно наполнял себя все эти месяцы.
«И если ты позволишь Саске почувствовать, что он стал тебе безразличен, – он умрёт».
Слова Нагато, прозвучавшие в голове так явственно, будто бы красноволосый стоял у него за спиной, заставили Узумаки сделать небольшой шаг вперёд.
Гравий зашелестел под ногами, и Учиха резко вскинул голову на звук.

– Наруто?

Узумаки, до боли закусив губу, всё же подошёл ближе, останавливаясь рядом и глядя перед собой. Боль всё-таки сковала его, заставив выдохнуть судорожно горячий воздух. Реальность трещала по швам…

– Ты?

Пальцы зацепились за другие: костлявые и бледные. А ещё они были ледяными.

Глава 2. Fault line.

"Bring me back to this what you said useless
Leave me, I'll shed my skin these scars will mend

Don't worry about me, the heart is supposed to bleed
Purity is drained
Help each other die
I see it, I see it in your eyes
Killing all that holds you"
10 Years – Fault line

«Верни меня к тому, что ты называешь бесполезным.
Оставь меня, я сброшу кожу, и шрамы зарастут.

Не беспокойся обо мне, сердце должно кровоточить.
Чистота иссякла,
Помогли друг другу умереть.
Я вижу это, я вижу это в твоих глазах,
Как погибает всё, что удерживает тебя».

Пауза, повисшая между ними, могла показаться гранитной, если бы не тихие вздохи и оглушающее биение сердца в голове, которое Наруто ощущал даже затылком.
Это был не тот случай, когда после долгой разлуки друзья будут рады наконец-то встретиться. Ведь они не были друзьями. По крайней мере, Наруто для Саске так и не стал другом.
Узумаки опустил взгляд на брюнета, не зная, что сказать… и надо ли вообще что-то говорить.

– Тебе не холодно? – тихо выдохнул он, хотя из горла послышался лишь придавленный хрип. Было тяжело смотреть на некогда полного чёрной энергии парня, который сейчас сидел бессильной куклой в кресле и смотрел перед собой.

«Холод… какой холод летом?» – мысленно простонал Наруто.

– Теперь ты видишь, – безжизненно проговорил Саске.

– Что вижу?

Здесь, на этом треклятом пятаке никому ненужной земли, было действительно прохладно, словно они переместились из лета в осень, и вот-вот пойдёт дождь, подует ледяной ветер, пронизывающий тело насквозь.
Только отчего такое чувство, что этот самый ветер уже давно забрался в грудную клетку и в ту огромную дыру, на месте которой раньше было сердце?

– Какой я.

Губы брюнета презрительно скривились, и он прикрыл глаза, став похожим на спящего.

– Саске, – тихо выдохнул Наруто и прикоснулся пальцами ко лбу, в надежде унять нарастающий там гул. – Ты такой же, как и прежде… для меня.

– Хм.

Даже этим неопределённым звуком Учихе удалось выразить всё, что он думал о происходящем. Да, он сам позвонил Наруто и сам настоял на встрече. А теперь…
Теперь он не знал, куда себя деть. Он привык быть рядом с Узумаки, когда зрение не показывает сплошной чёрный экран, а ноги твёрдо стоят на земле. Сейчас же он даже не мог посмотреть в глаза Наруто, чтобы понять – есть ли там жалость или же стена безразличия, через которую невозможно будет пробиться.
А хотел ли он пробиваться? Зачем пытаться ухватиться за тлеющую нить, которая рано или поздно догорит и обожжёт пальцы?

– Почему ты не сказал мне… сразу? Почему ты ушёл?

Этот вопрос оказалось на удивление легко задать, словно сознание уже достаточно исстрадалось, и теперь новая порция боли не обожжёт его вновь.
Наруто спокойно смотрел на брюнета, засунув руки в карманы, в одном из которых лежала та самая зажигалка. Пальцы сжали её пластмассовый бок.
Только Саске не знал, что ответить. Почему? Потому что не хотел показаться слабым? Потому что не хотел, чтобы Узумаки видел, как в его глазах потухает разум вместе с жизнью? Наверное, всё вместе…
А потом, после операции, он просто не мог. Не был в состоянии, да и не помнил большую часть. Всё, что тогда его волновало: звуки больницы и изредка раздающийся рёв мотора проезжающих мимо машин.
Наруто поджал губы, расценивая это молчание, как нечто вроде знака. Ему нечего сказать, нечем оправдаться. Да и с чего Узумаки решил, что Саске станет ни с того ни с сего оправдываться, и уж точно он не попросит прощения, не признает своей вины. Разговор зашёл в тупик. Наверное, хотелось услышать прошлую агрессию в ответ на вопросы, увидеть злость на этом бледном лице и пусть даже опять подраться, но всё это как будто кануло в бездну. Учиха был спокоен. А Наруто не желал бередить его и свои раны. Обиды не осталось, только странная и чужая пустота в груди.

– Я умер, – неожиданно тихо проговорил Саске. – Меня больше нет.

Наруто удивлённо вздёрнул брови, опуская взгляд на парня, и в душе всё же что-то шевельнулось. Слабое, едва заметное чувство, которое почти забыто за ненадобностью.

– Ты жив, – упрямо заявил Наруто, видя, как от этих слов губы Саске вновь скривились. – И ты есть. Здесь, сейчас.

Брюнет покачал головой, с трудом поднимая руку, чтобы коснуться середины лба. Его тонкие пальцы слегка подрагивали, и Узумаки вдруг опять подумалось, что парень замёрз. Немудрено… в этой тонкой чёрной водолазке, у

которой хоть и длинные рукава, но она явно не греет.
Или же его тело потеряло способность чувствовать не только ответственность за поступки, но и за собственное состояние…

– Ты замёрз.

– Я не чувствую холода.

Наруто покачал головой, понимая, что не может просто так стоять и смотреть на него. На того, за кого он так цеплялся, от чьей грубости был так зависим.

– Опять?

Сухой кивок.

– Жаль.

«Ты же не любишь Саске!» – всплыли в памяти свои же страшные сейчас слова, сказанные когда-то Нагато.
«Любишь?»
Нет, Узумаки не позволит себе вновь погрузиться в эту паутину с нитями, что режут кожу.

– Саске, ты мне так и не ответил… почему ты так поступил?

Учиха скорее машинально, нежели за надобностью, поднял глаза на Наруто, и блондин спокойно выдержал этот пустой взгляд.

– А тебе было бы легче видеть всё это? – зло прошипел парень.
– Ждать в больнице… понимать, что ничем не можешь помочь…

– Ты решил за меня, – твёрдо произнёс Наруто, и сам удивился металлу, что прозвучал в голосе. – Я не просил.

– Ты же благодарен мне.

Губы Учихи растянулись в какой-то привычной ядовитой

улыбке, и Наруто было подумал, что нужно развернуться и уйти, пока всё это не зашло в привычное русло. Он поднял руки к лицу, закрывая глаза ладонями, и сильно сжал зубы. Это было просто невыносимо терпеть, но уйти…

– Да, – шикнул Наруто. – Благодарен.

Злость появилась внезапно, вынудив резко броситься вперёд, упираясь руками в подлокотники кресла Учихи.

– Я думал, что меня убили. Растоптали. Я был мёртв, вместе с тобой… а ты…

Узумаки задохнулся собственной злобой, глядя в это непроницаемое холодное лицо, опущенные веки и чёрные подрагивающие ресницы.

– Ты, значит, заботился обо мне. О моих чувствах.

– Мне…

– Похер? – мрачно улыбнулся Узумаки, сам себя не узнавая. – Я это слышал.

Пальцы сильнее сжались на подлокотниках. Саске был беззащитен сейчас, и это злило. Встань, ударь, оттолкни… только не сиди ты безжизненной куклой!

– Давай! Скажи что-нибудь новое!

– Мне не всё равно…

– Да что ты заладил?!

Наруто отпрянул от брюнета, сделал небольшой круг, зарываясь пальцами в волосы. Это была даже не злость за то, что Учиха так поступил, а просто непонимание причин. Чем он заслужил такое? Тем, что всегда был рядом?

– Ты хотел от меня это услышать.

– Это было давно! – выпалил блондин, уставившись на собеседника. – Это было чёртову кучу времени назад!

– Что изменилось?

Угольные брови слегка дрогнули, хотя его лицо было всё таким же непроницаемым. И смотреть на эту маску было практически больно.

– Мы!

– Мммм, – неопределённо промычал Учиха. – Значит, тебе на меня похер?

– Тебя только это волнует? Почему ты так поступил, Саске?!

Брюнет опустил голову, вздыхая так, словно на плечи ему рухнул камень.

– Я позвонил Итачи, чтобы он забрал меня, – монотонным голосом начал Учиха. – Просто потому что… зачем тебе видеть труп? Зачем, Наруто?

Узумаки замолчал, опуская руки и тяжело дыша.

– Я просил его, чтобы он ничего не делал, если дойдёт до этого, но забрал меня и не выходил с тобой на связь, пока всё не закончится. А потом… сказал бы, что меня нет. Даже, если бы я ещё существовал.

– Зачем?

– Тебе было бы лучше просто забыть всё.

– Ты решил поиграть в благодетеля? Решить за меня, как будет лучше?

Наруто замер напротив брюнета, желая смотреть ему в глаза, но Саске не поднимал на него лица.

– Так вот, лучше ни хера не было!

– Наруто, – хрипло начал Учиха. – Зачем ты пришёл?

Узумаки было открыл рот, чтобы разразиться очередной гневной тирадой, но спокойный голос вернул его из раскалённой клетки злости.

– Зачем ты пришёл, если так ненавидишь меня за всё то, что я сделал?

Блондин, опустив голову, молча рассматривал носки своих кед и не находился с ответом. Зачем? Что за странный вопрос, на который он сам себе не может дать внятного ответа.
«Ты позвал», – едва не сорвалось с языка, и Узумаки торопливо прикусил губу.

– Ты бы мог не приходить, но… ты здесь.

Блондин заметил, как побелели костяшки пальцев брюнета, когда он судорожно сжал подлокотники кресла. Тяжёлый вздох вырвался из его лёгких, и Наруто сделал решительный шаг вперёд, вновь облокачиваясь о подлокотники. Кажется, Саске всё же почувствовал это и поднял на парня лицо.

– Почему?

Наруто горько усмехнулся, понимая, что серебряные нити всё же вновь стягивают сердце.
Он качнулся вперёд, зажмурившись и уткнувшись губами в холодные чужие.
Саске дёрнулся, вжимаясь в спинку кресла и хватаясь слабой рукой за что-то рядом. Получилось схватить чуть пониже подбородка, и Узумаки отпрянул так резко, словно вместо руки у Учихи был раскалённый паяльник.

– Ты рехнулся?

– Я тебе ответил, – твёрдо произнёс Наруто, выпрямляясь, хотя

внутри было до одурения больно. – Больше… больше нас ничего не связывает. Я знаю причины, ты знаешь… а большего мы друг другу дать не сможем.

Брюнет выдохнул зло сквозь сжатые зубы.

– Прощай, Саске…

– Ты уходишь?

Тишина…

– Навсегда?

Наруто зажмурился, отвернувшись от Учихи и стараясь даже не дышать.

– Тогда не возвращайся!

Парень не стал больше дожидаться того, что могло бы последовать за этими словами. Пусть даже Саске бросит в него камень, пусть даже попадёт – это не будет так больно, как собственное решение.
И вновь пальцы сомкнулись на его зажигалке.

– Удачи тебе.

Учиха сидел, не шевелясь, и вслушивался в тихое шуршание гравия под чужими ногами. Шаги становились всё тише и тише, значит, он действительно уходил.
Значит, это действительно был конец.
Впервые, за долгое время в этой темноте, Саске почувствовал себя материальным. В его бесцветном мире всё было просто: тебя не существует и тогда ни один из тамошних монстров не тронет. Как только сущность забралась в кокон из мяса, крови и костей – тебе конец.
Парень выдохнул, едва сохраняя способность сидеть независимо ровно.
Вокруг было до омерзения тихо… даже гравий больше не шелестел. Нет, ждать, что блондин вернётся – было бесполезно.

Учиха и не ждал, позволяя губам кривиться в презрительной улыбке.
Узумаки обещал быть рядом. Всегда.
Не выдержал.
Отказался именно тогда, когда его попросили о помощи. Молча, как это всегда делал Саске. Отказался, когда увидел перед собой… овощ, полный никому не нужных мыслей. Собственное тело стало противнее, потому что пришло ощущение его тяжести, которое раньше Учиха не ощущал, превратившись в призрак. Этот разговор… эти губы вернули способность чувствовать ток крови по жилам, но теперь ещё сильнее хотелось, чтобы сердце перестало гнать бесполезную жидкость по мёртвому уже телу.

– Ну что? Можем ехать домой?

Он настолько глубоко ушёл в свои мысли, что не услышал, как она подошла. Этот вопрос был задан из-за банальной вежливости, ведь Саске знал, что время их встречи подходит к концу и женщине пора по другим делам.
К другим пациентам.

***

Лето было в самом разгаре.
Днём жара била по голове так сильно, что все пациенты клиники предпочитали отсиживаться в своих палатах, куда свежий воздух поставлялся мощными кондиционерами. А те, кому было невыносимо сидеть в четырёх стенах, толпились под раскидистыми ивами у искусственного пруда.

– Добрый день, доктор, – улыбнулась проходящая мимо лавочки женщина. Она была одета в простой белый халат с розовыми цветочками, а на её голове забавно топорщились слишком лёгкие седые волосы. Сюда женщину привезли её уже взрослые дети, чтобы матери оказали должный уход. Или чтобы самим пожить вволю без доживающей свой век старушки.

Орочимару сдержанно кивнул, моментально теряя к ней интерес. Он даже имени её бы не вспомнил сейчас, слишком

погружён был в другие мысли.

– И как он?

Желтоватые на солнце глаза уставились на сидящего рядом парня, что, казалось, был на грани. Орочимару предложил бы ему стакан воды или успокаивающее, но знал, что Итачи откажется.
Глупое упрямство в крови семейства Учих. И нельзя сказать, что оно шло им на пользу.

– Я думал, что будет… легче.

– Ты жалеешь? – вздёрнул чёрные брови мужчина, закуривая.

– Нет… но…

– Твоя подпись стоит под соглашением на операцию, – безразлично пожал плечами Орочимару, откидываясь на спинку скамейки. Он не без интереса смотрел на этого парня. Можно сказать, семья Учих была идеальным образцом для изучения. Если бы ген их упрямости можно было бы выявить…

Итачи кивнул, поднимаясь так резко, что проходящая мимо медсестра испуганно отпрянула, но тот этого и не заметил.

– Я хотел, чтобы он жил.

– Он живёт.

– Нет. Не так, – бессильно тряхнул головой Итачи. Всё рушилось, разлеталось на осколки, словно плохо склеенная дешёвым клеем ваза.

– А как ты хочешь, чтобы он проживал свою жизнь? – ядовито усмехнулся Орочимару. – Что ты вообще от него хочешь?

Итачи зло выдохнул. Как же этот человек не может просто взять и понять, что жизнь родного человека, пусть и отвергающего всё, гораздо важнее… всего?

– Саске стал той самой беспомощной куклой, которая так была тебе нужна. Что тебя ещё не устраивает?

Слова Орочимару горечью оседали где-то в лёгких, и хотелось выплюнуть эту чёрную мокроту как можно быстрее. Чёрную и до ужаса правдивую. Его брат теперь зависим от него, от крыши над головой. Саске теперь не встанет, чтобы вырваться из опостылевшего дома. Как и сам Итачи, который давно стал частью семьи Учих.
А вот младший брат вливаться в это чёрно-белое общество не хотел. Он рвал все связи, все намеки на то, что может испытывать что-либо к отцу или же к нему, Итачи. Собственно, Фугаку и не требовал любви от своего младшего сына, стараясь вовсе не контактировать с ним в последнее время.

– Может, у него ещё и речь нужно забрать? Чтобы молчал? Давай… а потом дыхание. Подключим его к прибору и…

– Замолчи!

– Итачи, – тяжело вздохнул Орочимару, поднимаясь и останавливаясь напротив отшатнувшегося парня. – Ты не сможешь удержать брата на этом свете. Как бы ты не пытался – он уже одной ногой в могиле.

– Я вытащу его.

– Он затянет тебя следом, – хмыкнул мужчина, выбрасывая окурок в урну и выпуская дым в лицо парня. – Ты разве не чувствуешь этого? Когда в последний раз ты жил. Именно жил?

– Это сейчас не имеет значения. Я хочу помочь Саске.

– Вряд ли у тебя получится.

Орочимару передёрнул плечами, словно по позвоночнику проскользнуло что-то липкое. Воспоминания, вот что это было. Сейчас, глядя в эти тёмные упрямые глаза, он видел в них своё

отражение. Давно, когда он ещё не был признанным повсеместно хирургом от бога, учёным и ещё много кем…
В то время Орочимару был просто бестолковым парнем, пытающимся…
Нет. Сейчас не время ворошить забытое.

– Как часто случаются приступы? – перевёл тему Орочимару, всматриваясь поверх головы парня.

– Раз или два в неделю. В зависимости от того…

– Длительные? – перебил его мужчина.

– Как обычно.

– Значит, от эпилептических приступов избавиться не удалось, – пробормотал Орочимару, направляясь в сторону клиники. – Психика?

– Нет… спокойный.

– В тихом омуте… ты пришёл за лекарствами?

– Да, – сухо ответил Итачи.

– Пойдём…

***

Время тянулось медленно. В этом мире чёрных красок чувствовать себя материальным было просто невыносимо. Каждое утро просыпаться в темноте, каждую ночь вновь оставаться с ней, наедине со своими мыслями. Ничего не спасало, кроме упрямого желания отомстить.
Отомстить за ответную боль.
Эта цепочка закрутилась кругами, повторяющими друг друга. Выдерни одно звено – на его место встанет другое.
Злость сменялась ненавистью, ненависть яростью и приходилось сжимать зубы до боли в челюсти, заставляя себя не вспоминать и не думать. Как и прежде, только сейчас это

давалось в сотни раз труднее.
Пальцы всё чаще оказывались на собственных губах, пытаясь вспомнить то последнее ощущение, но Саске не мог позволить себе.
Стоит лишь попытаться вспомнить, каковы на вкус были губы блондина, как в голове вспыхивала новая порция злости.
Ничего не вернуть, всё в прошлом.
Раздражение на самого себя за слабость, за пробивающиеся где-то там чувства, толкало на желание быстрее покончить со всем этим.
Месяц.
Месяц мучений в темноте и холоде Учиха даже не заметил, не смотря на тянущееся время. Каждый день он сжимал слабыми пальцами свои ноги, заставляя их почувствовать хоть что-то. Упрямость, с которой он желал хотя бы пошевелить пальцами, иногда граничила с помешательством.
Он должен был встать. Хотя бы встать, чтобы изменить всё вновь.

***

– Господин Фугаку, постойте.

Учиха удивлённо обернулся на дверь, в которую буквально вбежал низкий полноватый мужчина, потрясывая сжатыми в руках документами.

– Там к вам… в общем, сверху, – прошипел он, выкладывая документы у него на столе. Учиха на них даже не взглянул, убрав в чёрный кейс.

– Что бы им понадобилось?

– Сказали, что с вами переговорить желают, – рассеянно пожал плечами мужчина, и Фугаку молча направился в зал для совещаний.

В этой стеклянно-металлической коробке даже стены были прозрачными, и всё казалось каким-то серым. Фугаку привык к этому миру и спокойно ступал по длинному коридору к такому

же стеклянному залу.

– Добрый день, – кивнул он, войдя в комнату с длинным столом посередине.

К его удивлению, за ним сидел лишь один мужчина, обладающий фигурой военного и взглядом воина. Седые волосы на висках были аккуратно зачёсаны, а голубые глаза смотрели прямо и пронизывающе.

– Вам доложили о моём приезде? Быстро же…

– Вы что-то хотели обсудить?

Фугаку мысленно устало выдохнул. Он-то думал, что на сегодня все дела закончены.

– Есть некоторые вопросы, – кивнул мужчина и внимательно оглядел Учиху с ног до головы. – Как ваш сын, Фугаку?

– Хорошо, благодарю. Нашёл хорошую работу, в интересующей его сфере…

– Постойте. Я про Саске, – усмехнулся мужчина. – Итачи всегда был смышлёным парнем, и, я уверен, он найдёт своё место в жизни.

– Да, – как-то потерянно кивнул Фугаку.

Тот факт, что о болезни его младшего сына знали только они с Итачи, Орочимару и тот белобрысый паренёк из пригорода, давал некую уверенность, что информация эта никоим образом не ударит по репутации семьи. Ведь, увидев изъян в одном из отпрысков, легко распространить его тлетворное влияние на всю семью…

– Так что?

Мужчина встал из-за стола и прошёлся по серому кабинету, останавливаясь у окна. Через него не лился свет – солнце

загораживали другие мрачные высотки.

– С Саске всё в порядке?

– Почему вы думаете, что с ним что-то не так? – осторожно спросил Фугаку.

– А с ним что-то не так? – вздёрнул брови собеседник, оборачиваясь к мужчине. – Вы напряжены, Фугаку…

– Трудная неделя.

– Действительно. У Саске вроде бы проблемы в институте? Он взял перерыв?

– Готовится к поступлению заграницу, – скупо улыбнулся Фугаку. – Мы считаем, что так будет лучше.

– Ммм, вон оно как. Понятно.

Учиха почувствовал, как внутри начало подниматься раздражение. И злило больше всего то, что выказать его каким-либо образом – значило поставить крест на своей карьере. Этот седоватый мужчина обладал достаточным влиянием, чтобы стереть Учиху Фугаку из памяти многих людей…

– Полагаю, на этом всё, – кивнул гость. – Доброй ночи.

– И вам…

***

Саске в очередной раз поднялся из кресла, придерживаясь за стену одной рукой. Конечность начинала потихоньку слушаться, но это стоило многих часов, потраченных на то, чтобы пальцы и мышцы хотя бы чуточку окрепли. Теперь он мог сжимать её в кулак… или цепляться за стены в попытке встать. Ноги… без ног он чувствовал себя ужасно. Ему обещали, что ходить он сможет только спустя год, но это было слишком долго. Столько времени Учиха ждать не собирался, хотя, что

толку от ног, когда перед глазами до сих пор чёрная пелена? Моторика… треклятые движения. Они не поддавались ему не из-за того, что во время операции что-то пошло не так. Истощённый организм просто отказывался принимать на себя столько нагрузок. За время, проведённое в больнице, Саске редко передвигался на своих двоих. Ему запрещали вставать вовсе, но парень упорно пересаживался в кресло, не желая лежать мешком с костями на такой дорогой кровати в такой дорогой клинике.

Первый шаг дался с трудом, стопа подвернулась, и его бросило на стену, больно приложив плечом. Боль… ощущения возвращались, но вместе с ними и осознание того, что внутри черепа полно гнили. Её нужно было выскабливать, выскребая с костяных стенок. Пустота – единственное, чего хотел Саске.

Шаг, приваливаясь плечом к стене. Он закусил губу, стараясь не рычать от боли, пронизывающей отвыкшие от нагрузок мышцы. Казалось, что кости вот-вот дадут трещину, и он просто рухнет на пол. Но они держали тело, отзываясь каким-то странным гулом, полным глухой боли.

Ещё шаг…

Учиха вновь отпрянул от стены, упираясь в неё раскрытой ладонью вытянутой руки. Так стоять было тяжелее, стопы почему-то ощущались, как неровные блины, а голени налились тяжёлым жаром.

С раздражением шикнув, парень сделал очередной шаг, отлип от стены и даже продвинулся чуть дальше, прежде чем ноги подогнулись.

Он инстинктивно выставил перед собой руки, но те упёрлись не в пол, а ударились обо что-то и отозвались резкой болью. Следующим огнём вспыхнул висок и падение замерло.

Под затылком был холодный паркетный пол, и брюнет уже слышал, как громко раздаются шаги по лестнице.

Боль сковала его забытыми объятиями из прошлого. От неё не избавиться, от неё не закричать. Единственное, что он можешь делать – лежать и ловить ртом воздух, надеясь, что следующий вдох не станет последним.

– Саске?

Голос принадлежал женщине. Цунаде…

– Не трогай меня, – с отвращением к самому себе прошипел Учиха.

Он с трудом перевернулся на бок и, опираясь руками в пол, сел на колени, затем медленно поднялся и всё-таки его пошатнуло. Тёплое плечо оказалось под его рукой, и Саске раздражённо отпрянул, чудом налетев на кровать и резко опустившись на неё.

– Ты хочешь ходить?

Он не ответил, устраиваясь так, чтобы голова лежала на холодном покрывале, и можно было остудить этот накатывающий жар в черепе.

– Тебе опасно самому, но если ты так хочешь.

– Что? Выпишешь мне разрешение? Справку? – хрипло усмехнулся Учиха, прикладывая ладонь ко лбу и закрывая бесполезные глаза.

– Если ты настаиваешь, – тихо засмеялась женщина. – То даже справку могу выписать. Тебе как: здесь или по почте переслать?

– Голубями.

– Замётано.

Цунаде покачала головой, но всё же подтащила стул поближе к его кровати и села. Тот факт, что брюнет выглядел как скелет, очень волновал женщину. Она встречалась со многими пациентами, которые отказывались от еды в угоду каким-то своим принципам. Большинство, конечно, были несмышлёными девушками, которые в погоне за мнимой красотой морили себя голодом до состояния близкому к смерти. Как физической, так и духовной.
Саске же вряд ли гнался за фигурой. Цунаде даже прыснула тихо со смеху. Скорее всего здесь было другое…

– Ты не ешь.

– О, да ты действительно прирождённый психолог, раз заметила.

– А ты у нас остряк, – в тон ему отозвалась Цунаде. – Ты вообще мне должен.

Учиха даже ладонь ото лба отнял, вздёрнув вопросительно брови.

– Я отвезла тебя на то место. Ты обещал мне рассказать кое-что.

– Аааа, – протянул он, вновь накрывая лицо рукой. – Рассказать.

– Ну так что? Я вся во внимании.

Откинувшись на спину скрипнувшего стула, женщина сложила руки на груди, задумчиво глядя на лицо парня. Нет, он изменился с их прошлой встречи. Появилось желание жить? Вряд ли…
Но что-то же заставило его двигаться, пытаться встать…

– Я целовался с парнем, – просто отозвался Учиха, словно сообщил, что на завтрак он предпочитает хлопья.

– Ммм, такие признания меня уже не удивляют так сильно, как в первые годы моей работы. Многие испытывают влечение к своему полу.

– Пф.

Кажется, Саске считал это чем-то не в меру тайным. Конечно, было что скрывать, но поцелуи – совершенно нормальное явление. Любопытство, запретный плод и вся прочая подростковая чушь.

– И он влюбился в меня.

– И такое случается. Ну же, Саске, – засмеялась женщина. – Удиви меня…

Учиха замолчал ненадолго, покусывая губы, и Цунаде уже ожидала услышать типичное продолжение, свойственное такого рода историям.
Но слова брюнета заставили её пересмотреть своё мнение.

– И я хотел его убить. Даже пытался, – брюнет помолчал, улыбаясь как-то жутко. – И сейчас хочу.

– За что?

Нельзя было не заметить, как сильно изменился тон Цунаде. Теперь она действительно была психологом, а не какой-то болтливой женщиной, любящей шоколадных мишек. Она смотрела на Учиху и видела целый набор неутешительных симптомов. И от этого её губы кривились в грустной улыбке.

– Не знаю. Потому что он живёт… потому что чувствует что-то… ко мне.

– А тебе это не нравится?

– Меня нельзя любить.

– Почему?

– Я мёртв.

– Мы любим мёртвых, – пожала плечами Цунаде. – Странной и больной любовью, правда. Вот ты… ты любишь свою мать до сих пор?

Как и следовало ожидать, Учиха вновь замолчал, и его лицо стало напоминать маску, как и прежде.

– Хорошо, Саске. Думаю, ты сказал достаточно.

– Я псих? – усмехнулся он, поворачивая голову к Цунаде. – Я

долбанный псих, потому что хочу убить его?

– Нет, ты ещё не псих. Когда ты им станешь, – зловеще усмехнулась женщина. – Я буду разговаривать с тобой по-другому. И не здесь.

– Как? Как ты будешь со мной разговаривать? – с вызовом бросил Учиха.

– Надеюсь, ты этого не узнаешь.

***

Два месяца прошли, как в каком-то страшном сне, когда раз за разом просыпаешься в каком-то страшном круговороте повторяющихся событий.
Наруто едва мог различить – прошло ли вчера и началось ли уже завтра. Всё слилось в сплошной поток серых дней, наполненных работой.
А потом началась учёба, и работу пришлось бросить.
Это было хотя бы каким-то отвлечением от всех тех мыслей, что разрывали мозг.
Саске больше не звонил.
И не писал.
В правильности своего поступка Наруто начал сомневаться, отойдя от Учихи всего на метр. Ведь обещал…
Но Узумаки понимал: чем больше они будут рядом, тем больше боли принесут друг другу, и тогда никто из них не сможет жить нормальной жизнью. Жертвовать своими желаниями ради мнимой безопасности обоих. Чтобы нити вновь не связали сердце, мешая дышать.
Это пройдёт, убеждал себя Наруто.
Другого выхода не было, кроме как… предать? Позволить жить ему своей жизнью?
Внутренний голос упрямо говорил, что Узумаки просто испугался ответственности за чужую жизнь. Но ведь раньше не боялся, почему теперь это чувство заставило развернуться к другу спиной и уйти тогда, когда он нуждался в нём больше всего?
Наверное, чем больше было боли, тем больше было смысла

противостоять ей. Борьба с этим чувством привносила, в его как-то резко опустевшую жизнь, хоть какой-то смысл.

***

– При операции были повреждены…

– Это мы знаем, – нетерпеливо выпалил Итачи. – Что сейчас, какие прогнозы?

– Зрение восстановится, но оно не будет стопроцентным. И даже… шестидесяти там не наберётся. Хорошо, если Саске будет видеть силуэты… или различать лица.

– Но ведь есть очки, линзы?

– Очки, – согласно кивнула женщина. – Только… сами понимаете, при его болезни зрение не устойчивое.

Устойчивое… Итачи забыл это слово, как только вся эта история началась. За два месяца Саске сделал что-то невероятное, словно по канату цепляясь и выкарабкиваясь, и старший Учиха уже обрадовался, что его брат захотел жить и вернуться в общество.
Ноги восстанавливались быстрее рук и глаз, но время делало своё дело. Если бы не еженедельные приступы, тогда можно было радоваться. А так… Саске до сих пор не был устойчивым. И это было заметно. Не только во взгляде брата, но и в его странной улыбке, что то и дело появлялась на потрескавшихся губах, словно брюнет думал о чём-то, что и придавало ему силы.

***

– Ты уверен?

– Иди на хер, Итачи.

– Тебе нельзя долго находиться вне дома.

– На хер.

– Таблетки?

– Итачи…

***

Очередной день принёс с собой мелкий накрапывающий дождик, и Наруто, натянув капюшон толстовки, быстро шагал по тротуару, надеясь скорее скрыться от начинающегося дождя под крышей института.
Толкнув тяжёлую деревянную дверь со стеклянными вставками, Узумаки оказался внутри полутёмного холла, где его встретила всё также улыбающаяся вахтёрша, неизменно сидящая в своей стеклянной будке. Блондин глянул на часы, что висели над дверью преподавательской и со всех ног бросился по пустому коридору в сторону лестницы. Вверх, налево, быстрее! Пара уже практически началась.
Проехав по скользкому полу, Наруто с трудом остановился у белой двери, переводя дыхание, чтобы не ввалиться в аудиторию вовсе запыхавшимся идиотом.
Потянув на себя дверь, парень вошёл в просторный зал, залитый тусклым светом.

– Извините, я опоздал. Пробки…

– Узумаки, – выговорил профессор, как раз сверяющийся со списком присутствующих. – Вам повезло, молодой человек, я ещё не успел вас отметить.

– Ох, – улыбнулся блондин, смелее продвигаясь меж рядами. Профессор ещё некоторое время следил за ним, а затем вновь вернулся к списку.

– Ну ты вообще… – протянул Шикамару, похлопывая друга по плечу. – Опять проспал?

– Да блин, – отмахнулся Наруто. – Маршрутки…

– А-а, – понятливо кивнул парень.

Не то, чтобы они остались друзьями. Просто… просто общались.
Наруто выложил на парту тетрадку и ручку, успокаивая всё ещё никак не приходящее в норму дыхание.

– Учиха? Здесь?

Сначала он даже не поверил своим ушам, подумав, что мозг решил таким образом подшутить, а затем мужчина повторил вновь, и Наруто поднял голову. Аудитория как-то притихла, многие, так же как и блондин, вертели головами, другие перешептывались.

– Здесь.

Наруто так резко повернулся на хриплый, но твёрдый голос, что в шее стрельнуло. Но на боль было плевать. Он во все глаза уставился на вальяжно развалившегося на стуле брюнета, что лениво поднял одну руку, привлекая внимание преподавателя.
Что? Саске?
Без кресла?
Наруто судорожно шарил взглядом по тонкой фигуре парня и наткнулся на чёрную трость, что небрежно стояла рядом с партой. А затем на слегка затемнённые квадратные очки.
Но когда они виделись в последний раз, брюнет едва держался.
Да что ему здесь делать?
Все, кажется, потеряли интерес к Учихе, когда лекция всё-таки началась, но не Наруто. Он смотрел на парня так, будто бы тот действительно умер и теперь явился призраком на пары.
Такой пристальный взгляд было трудно не заметить, и парень повернулся к Наруто, слегка спуская очки на переносицу и глядя на него пронзительно чёрными глазами.
Тонкие губы исказила улыбка, и Саске вздёрнул бровь.

Глава 3. Blind.

"Don’t go and leave me
And please don’t drive me blind

You don’t believe me
But you do this every time
Please don’t drive me blind

I know you’re broken"
Placebo – Blind

«Не уходи, не оставляй меня,
И, прошу, не ослепляй меня!

Ты мне не веришь,
Но всё же делаешь это каждый раз,
Пожалуйста, не ослепляй меня.

Я знаю, ты сломлен…»

– Господин Фугаку, вы просмотрели документы?

– Да, – рассеянно ответил мужчина, перелистывая страницу очередного отчёта.
Предвыборная кампания двигалась как нельзя лучше.
Воистину…

Мужчина откинулся в кресле, довольно глядя на результаты подсчётов и улыбаясь слабо. Стоящая рядом секретарша робко кивнула, забирая поднос с пустой кружкой кофе, и торопливо покинула кабинет.
Действительно, принять участие в выборах на пост мэра города было отличной идеей.
Что может быть лучше такой должности?

Фугаку хмыкнул, вновь возвращаясь к папкам.
Предстояло много работы.

***

Усталость…
Она как яд, медленно движется по венам, достигая даже не сердца, а души.
Лучше бы сердца, подумают многие. И будут правы. Тогда всё оборвётся рано или поздно. В какую-то долю секунд тебя не станет, и всё. Конец.
Game over.
Но если этот яд доберётся до твоей души, то смерть будет болезненной и долгой. Не будет противоядия, никто не спасёт. Потому что всем плевать на тебя. Потому что все хотят откусить кусок этой самой твоей души. Твоего света, твоей жизни.
Но никто не захочет унять боль, когда ты будешь гнить изнутри.
Саске закусил губу, выдыхая.
Он провёл рукой по уже отросшим слегка волосам и болезненно поморщился.
Находиться с Узумаки в одной аудитории было до того болезненно, словно в горло залили расплавленное железо, и теперь оно прожигает мясо насквозь.
Но… нужно было, просто необходимо было держаться.
Для чего? Зачем? Учиха не мог дать на это ответа.
Противный ветер, который бывает только в начале осени, ударил в лицо, унося в сторону сизый сигаретный дымок.
Здесь, за институтом, рядом с выкрашенной в нелепый жёлтый цвет стеной, он чувствовал себя почти как раньше: безразлично ко всему живому.
Вот мимо прошла парочка весело болтающих девушек, которые на миг притормозили, бросая на брюнета удивлённый взгляд.
Кажется, из-за некоторых событий в его жизни, Саске стал местной легендой.
Учиха хмуро усмехнулся, отбрасывая окурок к стене и, поправив чёрный рюкзак, зашагал в сторону тротуара.
Идти было трудно. Треклятая трость, треклятые ноги… Всё было против него, но брюнет упрямо двигался вперёд. Только

упрямость и держала за истлевшие нити.

– Эй!

Саске не собирался останавливаться, даже если бы его окликнули по имени. Он лишь качнул головой и дёрнул за ручку институтской двери, желая поскорее скрыться от противного прохладного ветерка. Но так просто отпускать его не собирались, положив тяжёлую руку на плечо. Учиха замер, медленно опуская руку и выдыхая.

– Учиха?

Голос показался знакомым, хотя брюнет мог поклясться, что этот человек явно не был ни его другом, ни просто собеседником, которым иногда, в прежние времена, позволялось находиться рядом с брюнетом и иногда разбавлять его молчание глупыми репликами.
Перед ним стоял Джиробо собственной персоной.
Толстяк ничуть не изменился, прибывая всё в том же раскормленно-опухшем состоянии, и его маленькие глазки неприятно сверлили лицо Саске.
Какая-то грязно-коричневая ветровка на Джиробо сидела так, словно её вот-вот должно было разорвать по шву из-за немыслимых габаритов парня, а бежевые спортивные штаны вкупе с чёрными кроссовками смотрелись до того отвратительно, что Учиха лишь ухмыльнулся.

– Ты, значит, уже вернулся?

– А какое тебе дело? – вздёрнул бровь Саске, поправляя очки и глядя на этого амбала презрительно. Конечно, сквозь полутёмное стекло взгляд его разобрать было сложно, но каждой клеточкой своего тела Учиха источал именно презрение. Спутать с чем-то другим это было трудно…

– Ты же больной, – фыркнул Джиробо, имея ввиду то ли состояние психики парня, то ли те слухи, что ходили по институту в прошлом году.

Каких сил Фугаку стоило сделать так, чтобы эти слухи остались лишь в этих стенах, не просочившись в прессу, Саске не знал да и гадать не собирался. Его это перестало волновать уже очень давно, даже ещё до болезни.

– И что?

– Таких, как ты, нужно держать подальше от людей.

– А ты у нас защитник людей, – фыркнул Учиха, оценивающе разглядывая махину перед собой. Пришлось, правда, отойти в сторону от дверей, потому что люди, стремящиеся попасть в институт, явно были недовольны такой живой преградe.

Джиробо вёл себя странно, и это вызывало тусклую усмешку. Человеческий разум очень быстро избавляется от того, что некогда воспринял с таким всплеском эмоций. Страх, любовь, ужас – всё постепенно стирается.
А в случае с толстяком память играла далеко не самую главную роль. Саске сильно сомневался, что тех крох мозга, что ютились за этим мощным черепом, хватило бы дабы удержать что-то в сознании дольше, чем на пару дней.

– Твоя рожа мне здесь не нравится, – нахмурился толстяк, придвигаясь ближе.
Он, наверное, ожидал, что брюнет сейчас отступит, но тот лишь упрямо вздёрнул подбородок, продолжая улыбаться.

– Твоя туша меня тоже не прельщает.

– Что ты сказал?! – прошипел Джиробо. Учиха вновь наступил на его больную мозоль…

Брюнет лишь пожал плечами:

– Кто знает.

– Сваливай отсюда. Переводись, – зло прошипел амбал, и его ноздри противно раздулись, а лицо начало краснеть.

– Зачем? – нагло ухмыльнулся Саске.

***

– Наруто, а ты сдал уже проект? – протараторила Сакура, как-то взволнованно глядя на друга, что шёл рядом и пребывал в каком-то странном задумчивом состоянии. Словно он находился не здесь. Девушке это совершенно не нравилось, и она то и дело дёргала его, пытаясь всё же вернуть блондина в реальность. Но ничего не выходило. Узумаки молчал, засунув руки в карманы рыжей толстовки и спрятав нос за поднятым воротом оной, словно за него кусал несуществующий мороз.

– Проект? – без особого интереса переспросил Наруто, скосив на девушку глаза. В последнее время он только с Сакурой и общался. Точнее, это она общалась с ним, решив, что Узумаки требуется постоянный контроль, ибо его успехи в учёбе начали постепенно исчезать.

– Ты забыл?!

Удивление в голосе Сакуры граничило с вещим ужасом, и блондин даже отвлёкся от своих мыслей, вглядываясь в лицо девушки.

– Ну а что? Его же не завтра сдавать…

– Узумаки! – взревела она. – Завтра!

– О-о-о…

– Ты забыл?!

– Ну… да.

– Ты хотя бы начал что-то делать?!

– Эм-м…

– Узумаки!

Сакура с трудом сдержала желание треснуть парня по голове и лишь шипяще выдохнула, раздражённо откинув волосы за спину. Хотя Наруто уже потерял интерес к её нравоучительной лекции, заметив впереди знакомый чёрный силуэт. Как и следовало догадаться, теперь он будет натыкаться на Саске всюду, куда бы не шёл. Это словно злая карма…
Брюнет с вызовом смотрел на буквально полыхающего злостью Джиробо, и Наруто даже подумал, что сейчас Учихе прилетит хороший такой тумак, но толстяк отчего-то медлил. Словно почувствовав его взгляд, Саске повернулся к Узумаки, но на этот раз улыбка на его губах сменилась какой-то рваной гримасой, выражающей всё и сразу.

– Сегодня я еду к тебе, – как назло громко произнесла Сакура, открывая дверь и входя внутрь. Узумаки скользнул следом, ни слова не сказав ухмыльнувшемуся Саске.

Какое собственно Учихе дело до его жизни?
Только вот ему самому было дело до брюнета.

– И мы делаем проект.

– М? Что? Прости, – поморщился блондин, нагоняя девушку. – Я не расслышал.

– Узумаки-и-и! Ты где витаешь?!

– Ты иди… я сейчас.

Махнув девушке рукой, Наруто направился в сторону преподавательской. Хотелось поскорее избавиться от Сакуры, хотя бы на пару минут.

***

– Твой дружок? – осклабился Джиробо, кажется, он нашёл новую зацепку, которой можно было кольнуть непроницаемого брюнета. Увы, мозга у амбала всё ещё было мало, чтобы правильно пользоваться такими догадками.

– Дружок? – вздёрнул брови Саске.

– Пялите друг друга? – неприлично громко загоготал Джиробо.

– Завидуешь? – хрипло буркнул брюнет, огибая парня и направляясь ко входу. Диалог потерял свою целесообразность уже давно, и Учиха удивлялся, почему до сих пор не ушёл.

– Эй!

Его схватили за плечо, дёрнув назад, и Саске ругнулся, перехватывая руку Джиробо и развернувшись к нему. Хватка вышла слабой: пальцы до сих пор плохо слушались, и это огорчало.

– Ты забыл, – прошипел Саске. – Что я обещал сделать?

– Да что ты мне…

– А ты попробуй… и я напомню, если забыл.

Учиха похлопал парня по плечу и вновь развернулся уходить. В этот раз его никто не дёргал и не пытался остановить. Очевидно, Джиробо всё-таки задумался… а это надолго.
Брюнет потянул за дверь, вошёл внутрь и побрёл в сторону лекционного зала. В голове до сих пор крутился образ той… Сакуры, ведь так звали девушку, что сегодня шла вместе с Узумаки?
Не то, чтобы Саске испытывал какие-то эмоции, но…
Звонок на пару раздался так внезапно и громко, что Учиха невольно вздрогнул, вскидывая глаза на дребезжащую тварь под потолком. Ему показалось, что черепную коробку вскрыли пилой. Пол как-то резко ушёл из-под ног, зато плечо натолкнулось на холодную стену.

– Чёрт, – выдохнул парень, шаря по карманам в поисках флакона с таблетками. Перед глазами начинало всё плыть, и очки не спасали.

Отвратительное щекочущее ощущение в носу говорило только об одном, и брюнет сдавленно ругнулся в очередной раз, чувствуя, как по губе заструилась отвратительно тёплая кровь. Ещё было слишком рано, чтобы начинать жить обычной жизнью. Разбитое тело ещё не готово было передвигаться: его осколки ещё не склеились достаточно крепко и теперь рассыпались от каждого движения.

– Саске?

Учиха подумал, что кто-то там, кого принято считать высшим разумом, издевается над ним. Наруто, а это был именно он, быстро приблизился к прильнувшему к стене парню до тех пор, пока вахтёрша не успела заметить неладное.

– Свали.

Брюнет скосил на него глаза, но всё плыло, и тот болезненно скривил перепачканные в крови губы.

– Я… ты… тебе надо…

Наруто совсем растерялся, забыв про своё обещание самому себе: больше никогда не вмешиваться в жизнь Учихи. Даже не приближаться и не говорить с ним…
Саске с трудом отлип от стены, наваливаясь на трость ещё сильнее. Из тела буквально высосали всю силу, и до мужского туалета он добирался бесконечно долго. Следом за ним привязался Узумаки, чьи шаги действовали на нервы так сильно, что приходилось морщиться, будто от зубной боли. Флакон с таблетками до сих пор был зажат в руке, но отчего-то брюнет не стал принимать их прямо на глазах у белобрысого. Старая, выкрашенная в какой-то серо-голубой цвет, дверь противно скрипнула, пропуская парня в холодный кафельно-белый закуток: с рядом раковин у стены и потускневшим зеркалом над ним.
Учиха упёрся руками о первую же, выронив трость. Кашель скрутил брюнета, пригибая ниже.

– Тебе нужно…

– Заткнись, – прошипел Саске, всё же вытаскивая таблетки и высыпая на руку две штуки. – Я в твоей помощи больше не нуждаюсь.

– Как будто раньше нуждался, – раздражённо огрызнулся блондин, закрывая за собой дверь и всматриваясь в Учиху. Тот выглядел плохо, но падать замертво вроде бы пока что не собирался.

Вода была с отвратительным привкусом хлорки и оказалась ужасно холодной, когда Саске умылся. Кровь смывалась плохо, всё ещё слегка капая из носа.
Он решил не отвечать, молча дожидаясь, пока кровотечение прекратится, а в голове перестанет шуметь. Хотя шума не было… как и боли. Просто ужасная слабость, долбанувшая по неокрепшему организму пыльным мешком с камнями.
Закрыв воду, Учиха вытер лицо рукавом кофты и мельком взглянул на своё отражение. Ничего нового, только розоватые разводы под носом, которые парень тут же стёр ребром ладони.

– Ты всё ещё здесь, – бросил он Наруто, поднимая трость и отходя к низкому подоконнику, куда и опустился, вытаскивая из кармана сигареты. Курить в туалете, конечно, запрещалось, но ему было как-то всё равно. Захотят выгнать – флаг им в руки.

– Зачем ты восстановился в институте? – прищурившись, спросил Узумаки. Блондин привалился плечом к стене и, кажется, уходить не собирался.

– Как же? – едко хмыкнул Саске, чиркая зажигалкой. – Знания – сила… и всё такое.

– Не ври.

– Твои предположения?

Брюнет вздёрнул брови, поглядывая на своего собеседника с нескрываемой иронией. Наруто вызывал противоречивые

чувства: хотелось заехать ему по морде или… обнять.
Учиха затянулся в очередной раз, чувствуя приближение тошноты и головокружения.

– Ты хочешь насолить мне, – серьёзно проговорил Наруто. Он смотрел настолько прямо, будто пытался прожечь в парне дыру.

Саске хрипло засмеялся, стряхивая пепел на обшарпанный кафельный пол.

– На хера мне это сдалось?

– Я тебя обидел.

– Меня?

От удивления Учиха даже лоб нахмурил: невиданное проявление эмоций.

– Да.

– Чем же?

Наруто почувствовал, как внутри медленно закипает раздражение. Если он и надеялся, что Саске изменился, то теперь эти надежды медленно отмирали, отслаиваясь от внутренней раны тонкими пластами.
Перед ним был всё тот же холодный грубиян…

– Забей, – махнул рукой Узумаки, разворачиваясь к выходу. – Ты никогда не поймёшь…

– Можно подумать, ты меня понимаешь, – хмуро усмехнулся Учиха, опуская голову и зажимая сигарету зубами. Доказывать что-либо Наруто он не видел смысла. Да и оправдываться за своё поведение тоже не было никакого желания.

Узумаки отчего-то возомнил, что всё должно измениться. Вот… оно изменилось, так почему же этот придурок не рад?!

– Я хотя бы стараюсь.

Саске сначала вскинул на него глаза, а затем подорвался с подоконника так резко, как позволяло тело. Он в несколько шагов оказался рядом с Узумаки, хватая его за ворот ветровки и вжимая в стену. Слабо, поэтому блондин с легкостью оттолкнул его руку, уставившись с немой яростью.

– Ты никогда не поймёшь всего того, – прошипел Учиха, опираясь рукой о стену, чтобы не завалиться набок. Ноги как-то подозрительно быстро смирились с тем, что от них больше не требуют вертикального положения.

Он замер, возвращая сбившееся было дыхание, и добавил:

– Всего того, что я говорю тебе молча.

– Молча не говорят, – едко выпалил Наруто, даже не вдумываясь в смысл слов из-за накатившего раздражения. – А если ты и пытаешься, то как-то не очень-то и заметно!

– Ты ничего не видишь, придурок.

– Это ты…

Узумаки осёкся, вовремя прикусив язык. Он вперился каким-то моментально растерявшимся взглядом в тонкие стекляшки очков брюнета, ловя в них своё отражение.

– Пф, – усмехнулся брюнет, отлипая от стены и возвращаясь на подоконник. Вторая сигарета легла в пальцы, и Учиха удивлённо нахмурился, оглядывая пол. Куда он дел недокуренную – осталось для него загадкой.

– Саске…

– Уходя, уходи, Наруто, – усмехнулся он, подкуривая, и поднял глаза на парня. – Ты же попрощался со мной уже.

– Дважды, – мрачно подтвердил Наруто, поправляя толстовку.

Получив сухой кивок Учихи, блондин прикусил губу. Он обещал себе уйти, обещал больше не вмешиваться, но не смог пройти мимо. Никогда не сможет.

Сизый дым поднялся к потолку, и брюнет, кажется, потерял всякий интерес к своему собеседнику, больше заинтересованный трещинами на полу. Повисла какая-то неправильная тишина, и тяжёлый вдох Наруто в ней показался слишком громким.

– Ты идёшь на пару?

– Нет, – отозвался Саске, стряхивая пепел на ладонь и наблюдая, как мелкие сероватые хлопья забавно разрушаются от лёгкого прикосновения к ним пальца.

Узумаки не знал, что делать. Всем своим видом Саске показывал, что разговор окончен, но что-то не пускало за дверь, будто бы Учиха научился привязывать к себе невидимым поводком.
Тряхнув головой, блондин резко толкнул дверь.

– Пока, – бросил он, вылетая из туалета. Не стоило задерживаться там. И дело было не только в давно начавшейся паре, пропускать которую было нельзя.

Саске сдул пепел с бледной ладони, но на ней всё равно остался сероватый след. Его пришлось отирать о джинсы, но рука осталась всё такой же грязноватой по центру.
Ну и плевать.
В том, что Наруто решил уйти, не было ничего удивительного. Брюнет не держал, а Узумаки, скорее всего, был действительно обижен. Учиха лишь усмехнулся своим мыслям и протянул руку перед глазами. Эта тень на полу явно была не из этого мира. Она рвано дрожала, словно пламя свечи на сквозняке.

– Ты разговариваешь? – прошептал Саске.

Раньше ему доводилось общаться с такими же. Ещё в первые дни, когда зрение начало потихоньку возвращаться.

Тень молчала. Наверное, она была из тех, кто неразговорчив. И такие ему встречались… и это было, наверное, нормально. Ведь даже люди есть такие, что не любят молоть языком почём зря. Так почему же такими не могут быть тени?
Саске уронил руку на колени, тряхнув головой. Эти бредовые мысли иногда захватывали его сознание, стоило ему ослабить контроль над ними.
Парень прикоснулся пальцами к переносице, прикрывая глаза и сжимая сигаретный фильтр в губах сильнее.
Сонливость начала потихоньку одолевать его, и, если бы не въедливый запах хлорки, что глушил любые другие и пропитал собою здесь всё, Учиха бы вырубился.
Дверь скрипнула, вынудив его поднять глаза на вошедшего.

– О! – выпалил беловолосый парень, закрывая за собой дверь и обводя Саске таким весёлым взглядом, словно Учиха сидел здесь в костюме клоуна.

– О? – поморщился брюнет.

– А я тебя знаю.

Парень был не старше самого Учихи и не во много выше или шире. Такой же худой, только вот вид у него был здоровый и энергичный.

– Удивил.

Саске затянулся, прикрывая глаза.

– Мы в КПЗ с тобой сидели. И с блондинчиком тем…

Учиха приоткрыл один глаз, вздёрнув вопросительно бровь. Он в очередной раз оглядел парня с ног до головы, но ничего знакомого в нём не заметил.

– Не помню.

– Забей тогда, – махнул рукой беловолосый и подошёл ближе, упав на подоконник рядом. – Я Суйгетсу. Сигаретой

поделишься?

– С чего бы?

– За знакомство, – оскалился парень, протягивая руку к брюнету.

Саске с сомнением посмотрел на его ладонь, но всё же вытащил из похудевшей пачки сигарету, и Суйгетсу тут же сграбастал её.

– А огонька? – нагло выпалил парень. – Спасибо.

Саске убрал зажигалку обратно в карман, вновь расслабленно скользя взглядом по стене напротив. Общество кого-то рядом не волновало. Во всяком случае, он мог бы прикинуться, что этого странного парня здесь и не было.
Если бы он молчал.

– Тебя давно в институте было невидно. Уезжал?

– Умер.

– О… ну тоже вариант, – хрипло рассмеялся Суйгетсу. – А щас чо? Воскрес?

Саске поморщился. Нет… нужно было валить отсюда.

– Ну ты это… забей, в общем. Я вечно несу всякую чушь.

– Я заметил.

– А этот где… с которым тебя тогда повязали?

– Где-то здесь.

– А, понятно.

Несколько минут прошли в гробовой тишине. Парни не желали разговаривать, а беловолосый, если и хотел поддержать диалог, не знал тем, на которые можно было бы без умолку болтать.

– Ты пьёшь?

– М? – не понял Саске.

– Выпивка. Алкоголь, все дела, – широко улыбнулся Суйгетсу.

– Пью.

Пил, если точнее. Сейчас парень даже представить себе не мог, как тело отреагирует на спиртное, но проверять пока не хотелось. Хватало лёгкого головокружения от любимых сигарет.

– Сегодня вечеринка. У меня. Приходи.

Суйгетсу вперился в Учиху тяжёлым взглядом, выжидая ответ, но брюнет молчал.

– Придёшь?

– Не знаю.

Поднявшись, Саске зацепил пальцами валяющуюся у стены трость и двинулся к выходу.

– О, крутая палка!

– Да уж, – мрачно буркнул Учиха, выходя прочь.

***

– Наруто, а ты уверен, что не забудешь про проект?

– Уверен.

– Ты какой-то грустный. Всё нормально?

Узумаки недоверчиво глянул на Сакуру. С каких пор она стала проявлять к нему такое внимание, блондин не знал. Вроде бы

он был всё тем же белобрысым другом детства, вроде бы она была всё той же миловидной девушкой, встречающейся с крутыми парнями. Что изменилось?

– Я в норме, – подтвердил он. – Просто спать хочу. Устал.

– Что же ты делал, если не проект? – ехидно прищурилась девушка, накидывая на плечи поверх красной футболки тонкую светлую кофточку.

Узумаки на подколку не отреагировал. Лишь пожал плечами, перекидывая ремень сумки через плечо, и двинулся к выходу. Впереди был долгий вечер, а затем тяжёлая ночь и не менее лёгкое утро, когда придётся вновь идти в институт, так и не коснувшись подушки.

– Мне сегодня приехать?

Сакура зацепила парня за локоть, заставляя остановиться и посмотреть на себя. Наруто поджал губы, совершенно сбитый с толку всем. В голове был только разговор с Саске, и Сакура как-то не вписывалась в нестройный ряд мыслей парня.

– Да, думаю, я сам справлюсь.

Девушка как-то странно посмотрела на него, словно не верила ни единому его слову. Впрочем, Наруто сам себе не верил: в последнее время из его рта лились такие слова, которых в голове и в помине не было. Его мысли были далеко отсюда. И уж тем более, он не желал разговаривать о каком-то там проекте.
Всё казалось мелким и незначительным.

– Эй, Наруто…

Она помахала рукой у него перед носом, но Узумаки лишь скупо улыбнулся, кивнул на прощание и вышел из института. Осень наступала, и это чувствовалось в каждом дуновении по-особому пряного ветра. Он ещё не нёс с собой запаха прелой листвы, а лишь отдалённое напоминание о скором конце лета.

Блондин поднял голову, замедляя шаг, и уставился на шумящую крону высокого тополя. Всё ещё зелёная… живая. Почему-то в голове появился образ Джирайи, и Наруто внезапно понял, как давно не видел старика. Он даже не звонил ему ни разу, и теперь в душе появилось удушающее чувство стыда. Узумаки закрылся в своём маленьком мирке, состоящим из трепетно охраняемых воспоминаний, ощущений и чего-то ещё.
Слов?
Его дёрнули за плечо так внезапно, что блондин не успел даже воспротивиться этому, и в следующий миг был прижат к стене в закутке за институтом.

– Какого чёрта?!.

– Если ты думаешь, что можешь так просто взять и уйти, – прошипел знакомый голос, принадлежащий никому иному, как Саске, что впился пальцами в плечи Узумаки. – То ты очень ошибаешься, добэ.

Наруто усмехнулся, опуская голову и покачивая ей. Вновь… всё это уже когда-то происходило. Он расслабился, опуская руки. Чтобы не взбрело в голову Учихи, от этого нет противодействия. Просто смириться и перетерпеть, а потом… А потом будет то, что должно быть.

– Я с тобой разговариваю.

– Саске, – устало произнёс Узумаки, поднимая на брюнета глаза и встречаясь с собственным же отражением в этих треклятых стёклышках очков. – Отпусти. Просто… отпусти.

***

Учиха смотрел в какое-то до ненормального спокойное лицо парня и чувствовал, как внутри всё рвётся и мечется. Как ломает рёбра неведомая сила. Она струилась по венам, отравляя не только сердце, но и мясо.
Почему он ждал его здесь? Почему не дал просто уйти.
Стоя здесь, за институтом, в прокуренном насквозь углу, Учиха

внезапно понял: если Наруто уйдёт сейчас, то исправить это будет уже невозможно.
Другая жизнь заберёт этого придурка, и он просто исчезнет для него. Его заменят.
Той же Сакурой.
Девушкой, что всегда появлялась в жизни Узумаки лишь тогда, когда ей что-то было нужно от блондина. А этот придурок… просто развесит свои наивные уши и потом будет страдать.
Как уже страдал.

– Не отпущу, – упрямо прорычал Саске, сжимая пальцы сильнее. Казалось, что ещё чуть-чуть и они вопьются в плоть.

– Тогда… почему держишь? Зачем?

Голос Наруто был до того усталым и блёклым, что Учиха сам чувствовал этот груз на себе. Это перетекало от Узумаки, окутывая всех, кто оказывался рядом. Это лежало на дне голубых глаз, свернувшейся чёрной змеёй, и жалило любого. Лишь заглянуть в лицо. В глаза.

– Я тебе не нужен. Ты сам это сказал. Много раз. Ты теперь… живой. У тебя, – голос парня дрогнул, но сменился хриплым и совсем нерадостным смешком. – У тебя появился второй шанс. Отпусти.

Учиха внезапно рычащее выпустил воздух сквозь сжатые зубы и уткнулся лбом в плечо блондина. Саске до боли закусил губу, но боль не принесла ясности в разум.

– Не могу.

– Зачем тебе это? – всё тот же безжизненный голос. – Что бы потом опять прогонять меня? Орать? Ругаться?

Пальцы брюнета дрогнули, и очередной тяжёлый вздох ушёл куда-то в толстовку Узумаки, опаляя кожу жаром даже сквозь ткань. Руки Учихи внезапно расслабились, он прекратил вжимать в стену. Вообще прекратил удерживать. И только холодный лоб на плече.

Наруто скосил глаза, но увидел лишь топорщащиеся в разные стороны чёрные волосы и улыбнулся уголками губ. Можно было провести по его голове рукой, но к чему это? Откуда это дурное желание… да и зачем? Саске не нужно утешение – это он объяснил как следует, и вновь вникать в язык кулаков не хотелось.

– Я не могу…

– Но ты не можешь вечно пытаться то вернуть меня, то прогонять.

– Вернуть? – зло прошипел Учиха, вскидывая на Наруто лицо, искажённое какой-то непонятной смесью эмоций. – С чего ты взял, что я хочу тебя вернуть?! Ты… ты никто…

– Саске…

Вновь тяжёлый вздох, и тяжесть чужой головы на плече. Тонкие белые пальцы чуть дрогнули, и Наруто просто привалился затылком к жёлтой стене. Взгляд зацепило по-осеннему синее небо, с белыми росчерками от самолётов.

– Ты не нужен мне, – глухо проговорил Саске, вновь сжимая руки, удерживая.

Кому верить? Чему? Словам или этим узким ладоням, что удерживают сильнее стальных тросов?

– Я не хочу тебя видеть…

– Тогда просто не видь. Отпусти.

Наруто бы пожал плечами, но его за них вновь твёрдо схватили. Что ж…
Учиха зажмурился, внезапно понимая, что всё-таки прокусил губу. Он вдохнул, потому что, кажется, забывал дышать.

– Я не могу…

Было больно. Так больно, словно проглотил горсть лезвий… Они впились в язык, а сходства добавляла кровь из прокушенной губы.

– Не могу. Без тебя, идиот.

Пальцы рванули толстовку на себя, губы неловко и слепо ткнулись в чужие, разделяя металлический вкус на двоих. Сердце сделало болезненный, нерешительный удар.
Это было похоже на бред. На галлюцинацию сумасшедшего. Чувствовать напряжённые губы, неподдающиеся и холодные. Пытаться зацепиться за них и умирать… умирать каждый раз, когда не выходило.
Пустота. Бездна…
Парализованный каким-то холодным потоком, что опустился на него, Наруто стоял и чувствовал тяжесть на груди. Или в ней, за рёбрами. Зацепиться за Саске он не мог, как и не мог поднять руку.
Кажется, прошла вечность, прежде чем Учиха отстранился, роняя голову и утыкаясь лбом в подбородок застывшего парня.

– Саске… не нужно было.

Наруто не знал, почему он сказал это. Из-за прошедшей обиды или из-за внезапно приобретённой жестокости.
Но слова подействовали, словно удар хлыста – пальцы Саске разжались и он молча отошёл в сторону, вынимая из кармана сигарету и зажигалку.
Учиха хмуро улыбнулся, поднимая взгляд на Узумаки. Позади парня начала клубиться уже знакомая тьма.

***

Телефонный звонок раздался в кабинете Фугаку, возвращая мужчину из его мыслей. Опомнившись, он споро подхватил трубку.

– Слушаю вас.

– Учиха Фугаку?

– Да. С кем имею честь?

– Как ваша предвыборная программа?

Даже по голосу было слышно, что говорящий улыбается. И этот тон сразу не понравился Учихе.

– Так кто это?

– Да вы не нервничайте. Пока что…

– В чём дело? – нахмурился Фугаку.

– А вы в курсе, что ваш сын… да, Саске…

Голос загадочно замолчал, но на фоне слышались какие-то звуки: проезжающие машины, лёгкая музыка.

– Так сказать, имеет весьма странные предпочтения… в отношениях.

– Что?! О чём вы?

– Предлагаю подъехать к нам в офис. Думаю, нам будет о чём с вами поговорить, – тишина и ехидное: – Если, конечно, вы не надеетесь снискать одобрение некоторых нетрадиционных слоёв общества…

***

Вся жизнь борьба, но боремся мы с чем?
Мы боремся за жизнь, но нужно ли нам это?
Пытаемся кричать, но голос так же нем,
И оставляем письма без ответа.

А смерть шагает рядом не боясь.
Ведь напугать её, увы, не в наших силах.
И одарит нас болью не скупясь,
И боль течёт неспешно в наших жилах.

И хочется так жить, и есть зачем.
Есть человек, что тянет нас из бездны.
А отплатить не можем мы ничем,
А слёзы наши просто неуместны.

Так нужно отпустить. Пускай идёт.
Ему вся жизнь дана, но всё ж, увы, не с нами.
Пускай бежит, летит, ползёт вперёд
Решенье это приняли мы сами.

И задаём вопрос: «А страшно умирать?»
Ведь хочется нам жить, чуть-чуть, ещё немного
Пожить любя и больше не страдать,
Но видно коротка у нас дорога.

А сбудется всё это или нет,
Решать не нам, но всё же интересно
И скоро ли пройдёт последний наш рассвет
И с Ним ли вместе тоже неизвестно…
Мятный смАйл.

Автор очень благодарит за такой прекрасный стих, и пусть он лежит рядом с этой главой.
Я очень признательна за то, что получила частичку твоей души в подарок)

Глава 4. Shoot it out

"I'm ready to die
Will you kill what's left of me to stop the bleeding?"
10 Years – Shoot it out

«Я готов умереть.
Готов ли ты убить то, что осталось от меня, чтобы прекратить кровопролитие?»

Мы пытаемся не давать себе унывать. Не так ли? Просто не позволяем.
Зачем нам это, ведь мы живы. Ведь руки-ноги при нас, но какая-то странная грусть всё равно временами накрывает наши сердца чёрным пологом.
И что тогда?
Мы замерзаем.
Ищем хоть какую-то родственную душу. Плевать, что это будет первый попавшийся человек, с которым ты толком и не общаешься. Главное выплеснуть это из себя, найти хоть какой-то отклик в чужой душе. Почувствовать себя не одиноко.
А что мы получаем взамен?
Орочимару неторопливо отпил из кружки слишком горький кофе, поморщился и добавил три кусочка сахара. Белая смерть…
Мужчина усмехнулся, глядя будто бы сквозь пространство и вновь делая глоток.
Взамен мы получаем «Чего тебе печалиться?! Ты здоров, живой! Иди и живи, не забивай себе голову».
И мы живём, внемля этому совету. Каждое утро наливаем себе кофе, а кто-то чай, делаем еду. И только спустя неделю понимаем, что потеряли способность чувствовать вкус, радоваться происходящему. Мы делаем всё на автомате, а в голове звучат слова:
«Иди и живи! Не майся ерундой! У тебя же нет проблем!»

Во многом правдивые слова. Но от них не легче почему-то. Да и от поддержки тоже легче бы не стало…
Замкнутый круг, из которого только сам «больной» может вытащить себя.
Просто нам всем иногда хочется почувствовать за спиной опору.
Поверить в светлое.
Увидеть, что мы не безразличны…
Пепел упал на белое фарфоровое блюдце, и Орочимару небрежно сдул его, разметая ровным слоем по скатерти.
Но на самом деле, всем на нас плевать.

***

– Саске, мне нужно идти…

Он поднял глаза на Наруто и не нашёл, что ответить. Взгляд просто прошёлся по блондину, замечая в его лице некоторую отрешённость, растерянность.
Сил не было даже, чтобы сказать что-то едкое. Вместо этого Саске лишь втянул в себя сигаретный дым, заменяя слова едкой горечью на языке.

– Иди, – всё-таки выдохнул он, всё ещё сверля парня взглядом.

Впервые за долгое время Учиха почувствовал, как поддерживающие его нити лопнули. Они не выдержали напора или же он оборвал их сознательно, больше не желая барахтаться в этой вязкой реальности в угоду Судьбе.
Игра закончена, спектакль подошёл к концу и можно опускать занавес.
Наруто не спешил. Он отчего-то до сих пор стоял у той стены и смотрел на него так, будто чего-то ждал. Этот взгляд даже вызвал у Саске усмешку…

– Ты ведь знаешь, что ничего хорошего не произойдёт, если я останусь? – наконец, подал голос Узумаки.

– А если уйдёшь? – вздёрнул брови Саске, задумчиво глядя на расползающийся перед глазами дым.

– Я не знаю.

– Я тоже.

– Я не знаю, зачем мне оставаться…

Саске пожал плечами, засовывая руки глубоко в карманы джинс, чтобы блондин не увидел, как мелко дрожат его пальцы. Не от эмоций… просто здесь стало до ужаса холодно.
Послышался тяжёлый вздох, словно Узумаки подвёл какую-то невидимую для себя черту.
Саске опустил голову, вглядываясь в этот серый, истоптанный ногами асфальт. В голове было так же серо, как и перед глазами. Даже без вкраплений каких-либо мыслей. Пустота и холод…
Он даже не услышал шагов, а потом за плечо тихо тронули, заставив невольно отшатнуться.

– Пойдём.

***

Сигарета дотлела, и Орочимару отложил окурок в стеклянную пепельницу.
А ещё бывает так, что мы ищем эту отзывчивую душу. Находим и надеемся, что она хотя бы парой слов как-то взбодрит нас. Пусть даже это будут ничего не значащие банальные фразы из списка тех, что говорят все из нас. Вроде «всё будет хорошо», «не переживай», «какой кошмар, но ты держись там».
Вот… что-то вроде этих слов мы все же желаем услышать. Нам стало бы легче. Намного.
А в ответ…
«Мне тоже плохо».
И тишина. Человек ждёт, что ты начнёшь интересоваться, что же у него такого случилось…
Мужчина как-то зло, но устало усмехнулся, вытаскивая новую сигарету и задумчиво глядя в почти опустевшую кружку с кофе. Нужно было взять побольше…
Но мы слишком переполнены собственным негативом и просто

физически не можем впитать в себя ещё капельку чужого. Просто некуда. Мы ждём, что нам скажут эти банальные фразы, но в ответ тишина. Эгоистичное выжидание, пока мы поинтересуемся чужой жизнью. В то время, как собственная летит к чертям.
Возможно, на том конце провода, экрана или чего-то ещё, у этой души тоже проблемы, ей тоже плохо. Но…
Замкнутый круг из эгоизма и уныния. Мы забыли, что такое поддержать в трудную минуту. Мы только и ждём, чтобы выплеснуть на другого ведро своего горя, забыв даже поинтересоваться, что случилось у обратившегося первым.
Люди. Они по определению своему не имеют понятия о терпении.
Орочимару откинулся на спинку кресла.
Люди всегда были и останутся эгоистами.
А души…
Души всегда будут одиноки.

***

Куда они шли Саске не знал. Он просто брёл рядом с Наруто, позволяя тому выбирать какие-то улицы, переулки, дворы. Между ними так и висела эта странная, пустая тишина, в которой даже звуки проезжающих мимо машин становились какими-то хрустальными и ненастоящими. Мимо шли люди без лиц, тянулись картонные плоские дома, бумажные же деревья с шелестящими листьями, дул тёплый ветер.
Иногда Саске хотелось поджечь эти декорации.
Пепел и то выглядел бы реальнее.

– Нагато съехал с общаги.

– М…

– Точнее, его выгнали.

– Из-за пса?

– Ну да… нашли…

Говорить было решительно не о чем. Или же так казалось, потому что ни один не был настроен для светских бесед. А выяснять отношения пока было слишком тяжело. Хотя позже легче не станет.

– Ясно.

– Он теперь квартиру снимает.

– Молодец.

Саске передёрнул плечами, сворачивая следом за Наруто с оживлённого тротуара на парковую дорожку, что проходила под нелепыми кованными воротами с заметной табличкой: «Кататься на велосипедах запрещено».
Они спустились по лестнице, и свернули с главной широкой аллеи на довольно узкую тропинку, которая терялась меж высоких деревьев. Здесь людей было поменьше, но голоса всё равно долетали обрывками фраз.
Саске мог бы уйти в любой момент, но продолжал спокойно следовать за блондином, словно эта прогулка могла что-либо решить. На деле она не решила бы и толики того, что творилось в голове у Учихи.
Лишь запутывала сильнее.

– Зачем мы сюда пришли? – всё-таки спросил Саске, останавливаясь у какой-то сосны и поднимая взгляд на спину ушедшего чуть вперёд Наруто.

– Мне показалось, ты хотел поговорить.

Наруто медленно обернулся, скользя неуверенным, но спокойным взглядом по лицу… друга.

– Я тебе уже всё сказал, – пожал плечами Учиха. – Не вижу смысла это повторять.

– Тогда что тебе от меня надо?

– Я хочу знать, почему ты решил забрать свои слова обратно.

– Потому что ты ушёл первым.

– Это играет какую-то роль? – усмехнулся Саске. – Ты настолько обижен?

– Ты мне не доверяешь. И не доверял. Поэтому решил поступить… так.

Наруто смотрел мимо парня. Неизвестно почему он боялся встретиться с непроницаемыми чёрными глазами за безжизненными стёклышками очков, которыми Учиха, кажется, отгородился от мира.

– Я решил поступить так, потому что не хотел лишних соплей, – скривился Саске.

– Соплей? Да не было бы никаких соплей!

– Уверен, что были, – фыркнул Саске. – Ты же маменькин сынок, а они всегда плачут.

– Ты опять за это… я не понимаю, чего ты хочешь от меня!

Узумаки, кажется, сорвался, раздражённо толкая брюнета в плечо. Саске отмахнулся от его руки достаточно вяло, чтобы промазать, но на Узумаки это подействовало, и он перехватил парня за запястье, словно ожидая ответного удара.
Это было настолько глупо, что каждый из них понимал как со стороны их попытки «поговорить» походят на бессмысленное копошение лежащих на спине жуков. И перевернуться обратно не могут, а лапками всё равно продолжают махать в воздухе.

– Я уже сказал. Ты не понимаешь того, что я говорю без слов.

Саске раздражённо выдернул руку из слабой хватки Наруто, вперившись в его глаза. Узумаки был настолько туп, что не хотел перешагнуть через границу своей узколобости. Это начинало потихоньку бесить, как и то, в каком свете Учиха прибывал в данный момент.

Саске раздражённо фыркнул и провёл рукой по лицу.

– Всё, Саске. Я иду домой, – твёрдо произнёс Наруто. – Говорить нам с тобой не о чем.

– Хм.

На бледном лице появилась кривая усмешка, царапнувшая что-то внутри Наруто и болью отозвавшаяся почему-то в горле. Учиха может смеяться сколько угодно над ним, говорить, что ему вздумается, но суть останется прежней. Саске – избалованный эгоист, который хочет изменить ход вещей под свои личные убеждения. Увы, Наруто слишком устал от всего этого дерьма.

– Вперёд, – буркнул брюнет. В его губах привычно появилась сигарета, и Наруто отчего-то сжал в кармане ту самую зажигалку, а затем решительно протянул оную Учихе.

– Забирай. Твоя.

Саске нахмурился, глядя на дешёвый пластик так, словно впервые видел. В самом деле, зажигалка, купленная за сущие копейки в каком-то безликом ларьке, не могла запасть в память, как что-то важное.

– Выбрось. Мне не нужна.

Наруто сильнее сжал пальцы на красноватом пластике и закусил губу.

– Хорошо.

Рука разжалась, и Наруто отвернулся прежде, чем зажигалка упала в пожелтевшие сосновые иглы, что покрывали собой землю.
Казалось, он даже услышал тихий удар от падения, но нет… этого слышать он просто не мог.

***

Фугаку стоял у потёртой двери какого-то дешёвого офиса, снятого по дешёвке. Он находился в пятиэтажном сером здании, что ютилось рядом с городским кинотеатром и приютило на своих первых этажах несколько магазинов, пестрящих яркими вывесками.
К удивлению мужчины, ему открыли почти сразу, словно давно дожидались. Это была невысокая девушка с большими зелёными глазами, которая моментально посторонилась, пропуская мужчину в тесный офис.

– О чём вы хотели поговорить? – с порога начал Фугаку, слыша, как за его спиной закрывается дверь.

– О сумме, – мило улыбнулась девушка.

Она отошла в сторону и присела на край стола. Стоящий у окна парень лишь напряжённо глянул на Фугаку и вновь отвернулся.

– Которую вы заплатите за это…

Она взяла со стола жёлтую папку, задумчиво глядя на Учиху.

– С чего ты взяла, что я буду что-то тебе платить? – фыркнул он. Как Фугаку не пытался сдержаться, но злость всё же подбиралась и уже начинала душить.

Девушка хмыкнула и протянула папку, которую он тут же выхватил из её рук.

– У нас есть копии. На двух флешках…

Фугаку нервно глянул на неё, но его внимание моментально было поглощено содержимым папки. Сердце билось где-то в висках, и дыхание противно сбивалось. Мужчина оттянул внезапно начавший душить галстук и всё же скользнул взглядом по фотографиям.
Его младший сын. Это было отчётливо видно.
И… какой-то блондин, который показался Учихе смутно знакомым.

Они… целовались…
В голове промелькнула вереница того, что могли бы вызвать эти фото. Какой скандал…
Какие последствия…
Какой позор.
Пальцы судорожно сжались на бумаге, комкая её, и девушка как-то понятливо хмыкнула.

– Тяжело, когда ваш отпрыск…

– Сколько? – прохрипел Фугаку.

– О, вижу, мы нашли общий язык…

***

Чем дальше от парка уходил Наруто, тем сильнее он понимал, насколько по-идиотски себя вёл.
Что за невидимая стена вырастала каждый раз, когда парень сталкивался с Учихой? Что за холод пробегал по жилам, мешая сердцу биться, а душе чувствовать?
Блондин тряхнул головой, стараясь не думать.
Так или иначе, со всем этим уже покончено.
Их… дружба… ускользнула из пальцев, чувства…
Чувства можно забыть и забить. Будет больно, но пока что Наруто справлялся. Только не мог понять, зачем он это делает – методично вырезает из себя всё, что отзывалось какой-то ноющей болью на любое прикосновение Учихи.
Это всего лишь привычка. А она пройдёт так же, как и желание врезать Саске по морде, если тот в очередной раз начнёт свою песню.
И желание обнять его и как прежде упрямо повторять, что он, Наруто, никуда не уйдёт. Будет рядом до конца.
Узумаки в очередной раз фыркнул своим мыслям, и проходящая мимо женщина странно покосилась на не в меру задумчивого молодого человека. Он бы поднял на неё глаза, но в этот момент в кармане завибрировал телефон. Если это опять Саске…

– Да?

Холодный пластик прижался к уху, и в груди что-то волнительно натянулось.

– Наруто? Я тут решила позвонить…

– А, Сакура, – как-то и облегчённо и одновременно огорчённо выдохнул парень, останавливаясь. Идти и разговаривать по телефону было неудобно – в последнее время, он и так все углы сшибал, находясь в странной задумчивости.

– Я тебя отвлекаю?

– Н-нет! Я ещё просто домой не добрался.

– Мммм, ты долго, – как-то сдавленно протянула девушка. – Слушай, Наруто… не хочешь сходить на вечеринку?

Узумаки поднял взгляд и вперился им в стенд с объявлениями. Потрёпанные листики едва-едва шелестели и казались совсем истлевшими.
А вот слова Сакуры заставили в памяти всколыхнуть что-то неприятное.

– Сакура, – тяжёлый вздох. – Ты меня уже приглашала… и я не хочу в очередной раз сопровождать тебя к какому-то…

– Нет! Нет, Наруто, – горячо выпалила девушка. – В этот раз… я просто хочу пойти с тобой. Честно.

– Мне проект надо делать…

– Я тебе потом помогу… пойдём, пожалуйста.

– Сакура, я не знаю.

Узумаки тяжело вздохнул, прислоняясь лбом к этому рекламному столбу и чувствуя себя последним идиотом. Его приглашает девушка пойти развеяться, а он настолько упрям, что не хочет выползать из своей скорлупы.

– Узумаки, тебе надо отвлечься. Я не знаю, что там в твоей голове происходит, но ты мне не нравишься! Хочешь ты того или нет, но нужно хотя бы попытаться.

Голос Сакуры стал громче и, кажется, девушка начинала закипать. Блондин вновь глубоко вздохнул, отлипая от столба, ибо на него опять начали коситься прохожие.

– Хорошо. Где и когда?

***

Стук в двери раздался неожиданно для Орочимару, хотя мужчина и не был удивлён. Он уже привык, что к нему иногда захаживали какие-то странные люди, предлагающие газеты, какие-то товары или же пустые разговоры о Боге. Поднявшись из кресла, мужчина неспешно направился к дверям, открывая их сразу. Он был готов привычно отказаться от всего, но проглотил уже заготовленную речь, когда увидел на пороге светловолосую женщину в кремовом пальто.

– Цунаде, – улыбнулся Орочимару, пропуская её в свое жилище. – Чем могу быть обязан вашему визиту?

– Не стройте из себя джентльмена, – усмехнулась женщина, останавливаясь напротив него. – Мы оба знаем, что вам мой визит, как ножом по стеклу.

Пожав плечами, Орочимару зажёг в коридоре свет, рукой указывая на гостиную:

– Проходите.

Просторная гостиная встретила неярким светом и запахом кофе. Кажется, Орочимару забыл открыть окно, и к этому аромату примешался ещё один – сигаретный дым.

– Вы предпочитаете проводить выходной в уединении? – улыбнулась Цунаде, снимая пальто и укладывая его на спинку

кресла. Сама же остановилась за ним, пристально наблюдая за мужчиной. Орочимару казался ей очередным пациентом, которого следовало разболтать. Только вот и она для него была чем-то вроде больной, которая до сих пор отказывалась признать свой недуг.

Они оба отгораживались от внутренней боли стеной из работы, кофе и сигарет.

– В уединении человек познаёт самого себя, – задумчиво произнёс мужчина, выставляя на журнальный столик вторую фарфоровую чашку и кофейник. – Желаете кофе?

– Благодарю.

Обойдя кресло, женщина плавно опустилась в него, поглядывая по сторонам. Орочимару жил в довольно дорогой квартире. И мебель здесь была хорошая, и ремонт удачный… но вот не было в этих стенах жизни. Его рабочий кабинет показался Цунаде более живым.

– Вы пришли поговорить о Саске?

Он отставил кофейник в сторону, сев в кресло напротив, и Цунаде сдержанно кивнула. Она не спешила говорить или пить кофе, сидя так непринуждённо, словно это он, Орочимару, пришёл к ней на приём выворачивать свою душу наизнанку.

– Я слышал, что он поправляется, – усмехнулся мужчина, откидываясь на спинку кресла и складывая руки на груди.

– И я слышу в вашем голосе иронию.

Орочимару пожал плечами.

– Саске не может выздороветь.

– Но факт в том, что он уже ходит… и зрение практически вернулось.

– Это упрямство. И оно до добра не доведёт.

Цунаде как-то резко подалась вперед, пристально вглядываясь в бледное лицо и щуря глаза. Её вид приобрел какие-то хищные черты, и всего лишь на миг Орочимару показалось, будто женщина видит его насквозь.

– Отчего вы так пессимистично настроены? Почему не верите в него?

– Я копался у него в мозгах, Цунаде. И я видел их.

– Но прошло уже достаточно времени…

– О чём вы хотели поговорить, – резко оборвал он её, поднимая со столика кружку. – Вам нужны советы, характеристики, выписка из его личного дела?

– Мне нужно знать, что у него было с тем парнем. Светловолосым.

– Наруто, – понятливо кивнул Орочимару.

– Кажется, он не называл его имени.

– Этот парнишка, – задумчиво произнёс Орочимару, отпивая горького кофе. – Привязался за Учихой и был с ним… достаточно времени, чтобы испытать на себе все прелести медленного угасания его разума.

– Но Саске сказал, что этот… – Цунаде поморщилась, пытаясь вспомнить имя. – Наруто… влюбился в него.

– Вполне может быть, – пожал плечами Орочимару. – Я не отрицал такого развития событий, учитывая обстоятельства.

– Обстоятельства? – вздёрнула брови женщина.

– Бросьте, не мне вам рассказывать, что многие из нас способны на глупости, когда речь заходит о смерти. Мы можем связать

себя узами, что покрепче дружеских, с умирающим лишь из-за жалости к нему и…

– И?

Орочимару многозначительно ухмыльнулся:

– Из-за осознания того, что… всё дозволено с этим человеком. А почему бы и нет? – он вновь пожал плечами. – Он умрёт, а в каждом из нас сидит тяга к… запретному плоду.

– Вы клоните к тому, что Наруто был с Саске только из-за… каких-то там желаний? – нахмурила лоб Цунаде. – Даже я, психолог, не верю в это.

– А вы представьте, – усмехнулся Орочимару. – Когда человек умирает, то вместе с ним уходят и воспоминания о содеянном, чувство вины перед собой, перед ним. Нет человека – нет проблем. Нет факта содеянного.

– Это очень цинично.

– Таковы люди. Скажите…

Орочимару отставил кружку в сторону и развёл руками.

– Они общаются сейчас?

– Нет… наверное. Саске пошёл в институт…

– Вернулся? – хмыкнул мужчина. – Это… это печально.

– Отчего же? Парень хочет вернуться к своей прежней жизни… – улыбнулась Цунаде, чувствуя, что против этого вечному скептику будет нечего сказать.
Но она ошибалась. Слишком хорошо Орочимару знал, что чудес не бывает. И силы нам зачастую даёт даже не желание вернуться, а желание исправить. Или уничтожить. Ведь нет человека – нет воспоминаний.

– Саске не из тех, кто захочет вернуться ради общества.

– Разве?

– Поверьте.

Орочимару поднялся, отходя к окну и отодвигая занавеску. Скорее машинальное действие, нежели ему стало интересно, что происходит на улице.

– Я был на его месте.

От такого признания Цунаде даже забыла нахмуриться. Она-то думала, придётся вытаскивать из доктора всё по крупицам, а тут…

– И я знаю, куда движутся его мысли. Но… это ни к чему хорошему не привело.

– В смысле… вы были на его месте? Вы были больны?

– Не я, Цунаде…

***

Ночь наступила так внезапно, что Саске даже заметить не успел, как вокруг всё стемнело. Собственно, он не успел заметить даже, как добрался по указанному адресу.

– О, Саске! – просиял Суйгетсу так, словно дожидался одного лишь Учиху.

Из двери за его спиной лилась громкая музыка, от басов едва не дребезжали стёкла и слышались громкие голоса людей. Саске попал туда, куда и шёл…

– Решил всё-таки зайти?

– Выпить есть? – хмуро спросил брюнет, проходя в просторную гостиную. От шума в голове слегка гудело, но Учиха решил

послать всё к черту. Наверное, и самого себя.

– Обижаешь! – хлопнул его по спине парень, подталкивая в сторону просторной гостиной. Здесь царил полумрак, какой бывает только в клубах, людей было так много, что никто и внимания особо на Саске не обратил. А брюнет просто прошёл к дальнему столику, схватив по пути бутылку чего-то. Кажется, виски… или ещё какая-то крепкая дрянь.

Музыка грохотала и теряла свой мотив, становясь бессмысленным шумом из ударных, рёва гитары и какого-то визга, который было принято считать пением. Оно действовало на нервы и заставляло сжимать горлышко бутылки в пальцах сильнее.
Саске опустился на диван, оглядывая танцующих. Зачем он сюда пришёл? Что хотел найти?
Спокойствия? Нет, здесь этим и не пахло.
Он хотел выбить из головы все нестройные мысли, которые роились и срывали рассудок в бездну чего-то чёрного и вязкого. Он хотел потерять способность слышать самого себя хотя бы на час. И ревущая из колонок музыка в этом могла бы помочь, если бы не замаячившие перед глазами тени. Они вплетались в ряды танцующих и множились, пока не заполнили собой всю комнату.
Учиха сморгнул, отпивая из бутылки. Горло непривычно обожгло огнём, и парень закашлялся.
Да… давно он не пил.
По спине заботливо похлопали, и Саске только сейчас понял, что Суйгетсу никуда не делся, а даже пытался что-то ему сказать, сидя рядом. Учиха скользнул по беловолосому странным взглядом и сделал ещё пару глотков, отворачиваясь. От басов внутренности, казалось, начали вибрировать и в висках запульсировало болью. Придти сюда, выпить, зная, что организм не выдержит ни алкоголя, ни громких звуков.
Саске улыбнулся, делая большой глоток и сгибаясь пополам от сухого кашля.
Плевать.
Если всё должно закончится вот так, то хотя бы напиться…
Что-то изменилось, и Учиха внезапно осознал, что стоит в узком коридоре, где то и дело проходят люди. Но его они не

замечают – задурманенные глаза, пустые движения, невнятная речь.
Саске нахмурился, совершенно не понимая, как он добрался сюда и почему в руках зажата уже другая бутылка.
Или эта же?
Да какая разница?
Он в очередной раз приник к горлышку, стукаясь лопатками о стену и понимая, что ещё пара глотков, и он повалится прямо здесь. Опьянение не заставило себя ждать, ровным счётом, как и тяжесть в затылке.
Кому какое дело?
Ему явно нет никакого.
Кривая улыбка, ещё глоток.
А тени очень даже неплохие собеседники, если не наваливаются с боков и не давят на грудь.
Или это не тени?

– Да ты меня вообще слышишь?!

Кажется, его тряхнули за ворот, заставляя поднять глаза.
Смутно знакомое расплывчатое пятно со светлыми вихрами.
Неужели Судьба настолько банальна, что даже галлюцинации принимают форму Узумаки?
Больной мозг, неужели ты не мог придумать чего-то нового?
От этого уже почти не больно.

– Учиха!

– Что с ним, Наруто? Оставь его. Пойдём…

Узумаки раздражённо глянул на Сакуру и, ругнувшись, поднырнул под руку парня, придерживая свободной за торс.
Сам этот идиот явно не смог бы отсюда выйти.
Протолкаться к выходу оказалось довольно трудно – люди заполонили собой всё, и Узумаки показалось, что они попали в какой-то очень странный ад, где все толпятся, орут и пытаются втянуть тебя в сумасшедший пьяный танец.
Дверь пришлось пнуть ногой, но она поддалась, выпуская их на улицу, где было тише и прохладнее.

– Наруто, куда ты его тащишь? Зачем?

Сакура, конечно, увязалась за ним, отказываясь просто прекратить маячить на границе раздражённого сознания.

– Оставь…

Она потянула его за руку, и Наруто зло глянул на девушку.

– Отстань, пожалуйста. Ты видишь… ему нехорошо.

– Да он пьяный! Пойдём. Брось тут. Проспится до утра…

– Бросить?

Учиха что-то невнятно проворчал, не поднимая головы. Зато Наруто уставился на девушку так, будто впервые увидел.

– Ну да, – неуверенно проговорила она, стушевавшись под неожиданно серьёзным взглядом.

– Сакура, лучше уйди, – выдохнул Узумаки, пытаясь сдержать злость. – Это была ошибка…

– Но мы ведь только пришли!

– Сакура! Отстань от меня. Я не брошу Саске… сейчас.

Наруто осёкся, поняв, как это прозвучало и что внутри всё отозвалось уже привычной болью. Только в этот раз… что-то изменилось.
Девушка смерила их непонимающим взглядом, фыркнула и, развернувшись, почти побежала обратно в дом. Наверняка, она считает Узумаки полным идиотом…
Только вот ему было плевать.

***

Поймать такси удалось не с первого раза, как и забрать бутылку из пальцев Учихи, который даже в таком состоянии

проявлял свою тупую упрямость.
Таксист, получивший деньги, довёз их только до остановки, потому что купюр было явно недостаточно. Но Наруто был рад и этому – отсюда до дома Саске всего несколько минут пешком…
Опустив свою ношу на деревянную лавочку, Узумаки устало провёл руками по лицу, отходя на миг.
Всё это казалось чем-то из прошлого. Только тогда у него был сломан нос, а Учиха вновь высмеивал что-то…
Блондин нервно усмехнулся, понимая, что не сможет выбраться из этого замкнутого круга. Всё будет повторяться… пока…

– Саске?

Наруто опустился на корточки напротив зашевелившегося брюнета. Пришлось опереться руками о его острые колени, чтобы не рухнуть носом в асфальт.
Учиха открыл глаза, хмуро глядя перед собой. Мутные и совершенно пьяные, но в них проскользнуло узнавание.

– Нахера ты попёрся туда, придурок?

– Отъебись…

– Саске, ты пьян… тебе нельзя пить…

– Да свали же…

Он попытался смахнуть руки блондина со своих колен, но ничего не вышло. Лишь откинулся назад, ударившись затылком о стену остановки.
Звёздное небо казалось таким тяжёлым, что могло вот-вот сорваться с невидимых нитей и придавить собою всё живое.
Наруто тяжело вздохнул, поднимаясь. Он посмотрел на брюнета сверху вниз, и рука сама собой легла на холодный белый лоб. Кажется, Саске был настолько пьян, что не почувствовал этого или же реакция придёт с запозданием.
Вокруг царила чернильная темнота, в которой иногда бывает по-особому неловко и неуютно. Словно за тобой наблюдают сотни глаз, а в идеале, слегка влажно поблескивающая

россыпью янтарных отблесков от одиноко горящего фонаря, дорога совершенно пуста. И только отдалённый лай собак, да шум ветра…
Наруто опёрся ладонями о ноги сидящего перед ним парня, загораживая собой тому небо. Взгляд Саске сфокусировался на внезапно возникшей преграде и, кажется, он даже узнал его, ибо брови сошлись над переносицей.

– Нам обоим конец, – тихо проговорил Узумаки. – И ты это прекрасно знаешь.

Учиха молчал, лишь глядел перед собой, и его ресницы забавно дрожали, когда веки начинали закрываться.

– Ты так и будешь преследовать меня, а я буду позволять тебе это.

Руки переместились с ног на холодную спинку лавочки. Так было удобнее и устойчивее.

– Мы оба умираем, Саске.

Лоб ткнулся в холодный чужой, и Наруто закрыл глаза, выдыхая. От Учихи пахло сигаретами и спиртным. Привычно. И это пугало.

– Ты будешь продолжать добивать меня, а я тебя. И в один из дней кто-то кого-то… прикончит.

– Ты несёшь херню…

– И ты её всегда нёс, Учиха.

– Ну тогда заткнись.

– Больно, да? – как-то мстительно ухмыльнулся Наруто, вновь поднимая голову и глядя в поблёскивающие глаза. Делать больно из мести он даже не думал, но всё-таки сделал.

– Идиот. Тебе нужно было свалить прежде, чем…

Язык Учихи заплетался, и речь была невнятной. Наверное, Наруто следовало беспокоиться о том, что парень выпил лишнего, а в его состоянии…
Но Узумаки беспокоился лишь о том, что ему нравится слышать хриплое дыхание так близко, ощущать его на своей коже и глядеть в пьяные глаза.

– Ты будешь делать больно мне. Всегда.

– А ты неженка… маменькин сынок…

Наруто тяжело вздохнул, прижимая одну холодную ладонь к губам дёрнувшегося было Учихи. Слушать этот пьяный бред вовсе не хотелось.

– Я не знаю, почему ты всегда делаешь мне больно. Почему не можешь общаться… как обычный человек. Но, – голубые глаза грустно блеснули. – Ты никогда не мог. И изменись ты, то это было уже другое. Я бы это не принял и не понял.

Губы под его ладонью дрогнули, но Наруто упрямо удерживал её на месте.

– Я устал, что мы ходим по этому грёбанному кругу. Но ты никогда не скажешь, чего хочешь от меня.

Наверное, Учиха бы сказал сейчас, что не хочет ничего, что ему вообще плевать и пусть Узумаки катится ко всем чертам. Но, вынужденный молчать, Саске смотрел неожиданно прямо и даже, кажется, трезво.

– А я не пойму, чего мне надо от тебя. И мы добьём друг друга… Я не смогу жить никак иначе. Ты не сможешь пытаться делать вид, что живёшь. Как бы я не хотел…

Наруто отнял руку от губ парня, вновь опираясь о спинку лавочки.

– Как бы я не хотел, моя жизнь – полное дерьмо. Она не станет

прежней, мой мозг не перестанет думать… обо всём этом. Я не смогу быть прежним, Учиха.

– Я сломал тебя.

Наруто удивлённо хмыкнул. Саске говорил так тихо, что это можно было бы списать на шум ветра или же собственные мысли.

– И никто меня не починит. Можно только выбросить на свалку… Я устал.

Наруто осознал это так ясно, что веки, налившиеся тяжестью, прикрылись. Парень с трудом выдохнул, словно на горле сжалась рука Учихи. Только вот она сжалась на его вороте, притягивая ближе и заставляя ощущать холодное дыхание явственнее.
Целовать его второй раз за день было так странно. Губы, пропитанные алкоголем, больно цепляли его собственные, заставляя пытаться отстраниться, но всё же отвечать. Нерешительно и как-то обречённо. Это не было осознанием, не было откровением. Просто… принятие. Это грёбанное принятие, которое заставляет делать и куда как более глупые вещи.
Только сейчас казалось, что на губах Саске есть яд. И чем дольше он прикасается к ним, чем сильнее, тем больше отравы входит в его собственное тело, и рано или поздно он рухнет замертво.

– Всё будет хорошо, – отстранившись прошипел в его губы Саске.

Слышать это от Учихи было настолько непривычно, что Наруто отпрянул, будто током ударенный. Он уставился в бледное лицо, поднявшегося с лавочки парня и непонимающе нахмурился.

– Саске?

– Мне нужно идти, – кивнул парень, запуская руки в карманы в

попытке найти сигареты. Измятая пачка нашлась в заднем кармане джинс.

– Ты… домой?

Отпускать его сейчас было практически страшно, и Наруто даже хотел заставить его сесть обратно, но внезапно осознал всю глупость своего поведения.
Этот разговор в одну сторону ничего не решал. Так же как и пьяный поцелуй.
В этой больной голове у Саске сотни мыслей и завтра, возможно, он даже ничего этого не вспомнит.

– Давай я тебя доведу до дома…

– Узумаки, это не свидание, – хмуро усмехнулся Саске. – Чтобы ты меня провожал.

Сизый дымок вырвался в воздух и Учиха махнул рукой, направляясь через дорогу.
Наруто осталось лишь замереть, а потом парень упрямо двинулся следом, отставая всего на несколько шагов.

– Ты опять за старое, – усмехнулся Учиха, слыша за своей спиной шаркающие шаги.

– Я никуда не денусь. Можешь не замечать меня… просто иди.

Саске сжал зубами фильтр сигареты, стараясь не думать…
Стараясь вновь провалиться в пьяный дурман.
Мысли… мысли… они говорили одно.
Но он не хотел слушать.
«Здесь безлюдное место… покончи с ним раз и навсегда».

***

Фугаку вернулся домой поздно вечером, но, обойдя комнаты сыновей, понял, что младшего не было. Итачи не знал, где шатается Саске, а расспрашивать Учиха не стал.
Он спустился в гостиную и уселся в кресло, дожидаясь

возвращения Саске.
Рано или поздно этот… он вернётся.

***

– Мы пришли, – зачем-то сказал Наруто, останавливаясь в трёх шагах от Саске, что уже взялся за ручку калитки. – Пока?

В голосе Узумаки скользили какие-то неуверенные нотки, словно что-то выбили у него из-под ног, и теперь парень боится сделать одно неловкое движение. Ведь тогда упадёт…

– Да. Пока, – кивнул Саске, вперившись взглядом в собственную руку.

– Ты завтра придёшь?

– Завтра воскресенье, Наруто. Пока.

С этими словами он толкнул калитку и оказался внутри двора. Быстрым шагом направился к тёмному дому, где горело лишь одно окно на первом этаже.

***

Фугаку услышал, что кто-то вошёл в дом, и медленно поднялся из кресла. Он вышел в коридор и клацнул выключателем. Помещение озарилось жёлтым светом и стоящий в дверях Саске подслеповато прищурился.

– Ты где был?

– Вспомнил про родительский контроль? – фыркнул парень, проходя мимо отца, но его легко толкнули в грудь, заставляя отшатнуться обратно.

– Я ещё не закончил.

– А ты уже начал? – вскинул на него глаза Саске.

Фугаку поморщился, учуяв запах алкоголя.

– Ты пьян.

– Как и ты. Сын в отца.

Ухмылка вышла кривой и какой-то жуткой. Саске на миг показался совершенно бледной куклой, которая только и делает, что скалится и смотрит своими чёрными провалами глаз.
Брюнет в очередной раз двинулся вперёд, но и в этот раз ему не дали пройти.

– Из-за тебя моя карьера чуть не рухнула!

– Что ж… жаль, что не рухнула.

Фугаку сам не понял, отчего его рука взметнулась вверх, отвесив сыну хлёсткую пощёчину. Саске отшатнулся, налетая спиной на стену и неловко зацепив рукой стоящую на столике вазу. Та, с громким звоном разлетелась осколками, упав на паркет.
Он молча поднял глаза на мужчину.

– Ты знаешь… слабые всегда били детей, больных и инвалидов. Мать… а ты бил её?

– Заткнись!

Фугаку чувствовал эту злость, что подогревала кровь, и заставляла руки сжиматься в кулаки.
С журнального столика была сорвана папка и брошена в лицо Саске. Фотографии рассыпались по полу, и парень опустил взгляд. Скользнул им по одному и понимающе усмехнулся.

– Стервятники узнали, что в семье Учиха не без урода?

Глаза поднялись на Фугаку и Саске осклабился:

– Точнее – не без двух уродов.

Очередной удар был таким же хлёстким.

– О, продолжай, – улыбнулся Саске, утирая с губы кровь. – Уверен, это будет замечательное завершение всего этого дерьма.

– Я заплатил кучу денег, чтобы…

– Чтобы заткнуть им рот?

– Да ты понимаешь, что ты едва не лишил нас всего?!

– Тебя. Тебя не лишил. У меня давно ничего нет.

– У тебя есть имя!

– Да пошёл ты…

Саске ринулся в сторону лестницы, за плечи ухватили цепкие горячие пальцы, отталкивая обратно на стену.

– Засунь свое имя…

– Заткнись! Ты… ты никогда не был нормальным ребёнком! – выпалил зло Фугаку, чувствуя, как теряет терпение. – Это всё гены… это всё её гены!

– Отец? – спустившийся на шум Итачи замер напротив них.

– Стой где стоишь!

Рука сжалась на вороте Саске, заставляя того посмотреть в глаза. Хотя во взгляде младшего сына не было и толики страха.

– Она всегда смотрела так же! Твоя дрянная мать!

– Микото…

– Ты не её сын. Не её. Только мой! Ты никто ей…

Слова сыпались злым шипением с губ Фугаку, и ему казалось, что ещё немного и…
Но за плечи ухватили, оттягивая от Саске и мешая завершить удар.

– Отец, прекрати.

Итачи удалось скрутить руки мужчины, удерживая на месте.

– Саске, иди к себе в комнату! – жёстко приказал старший брат.
– Быстро!

– Да… пошли вы все.

Саске с трудом выпрямился, цепляясь за стену рукой и слепо побрел в сторону лестницы.
Чудом, он не споткнулся… чудом же добрался до двери своей комнаты и, оказавшись внутри, замкнул её.
Рюкзак упал на пол, сам же он медленно направился в сторону ванной.
В голове было до ужаса пусто…
Микото…
Значит…
В груди заныло так больно, словно там ещё осталось чему-то ныть.
Холодный свет резанул по глазам, и из зеркала на него посмотрело бледное узкое лицо с тёмными провалами глаз.

– Ты никто…

Слова сорвались с губ против его воли.

– Пустое место.

Существо, которое своим существованием портит жизнь всем.
Фугаку. Микото.
Наруто…
Убивает.
Медленно и мучительно.

Звон разбившегося стекла отозвался тупым эхом в ушах, и Саске просто сполз по захлопнувшейся двери на пол.
Узумаки был прав. Они оба умирали. И чем дольше Саске здесь, тем мучительнее будет смерть Наруто.
Ведь этот придурок не сможет вернуться в обычную жизнь.
«Сделай это».
Что?
«Убей Наруто. Прекрати его страдания. Ты мог сделать это сегодня».
Я не хочу ему смерти…
«Но тебе придётся! Или ты или он. Вдвоём вы жить не сможете».
Саске опустил лицо в ладони, стараясь унять этот голос в голове, но, лишившись слушателя, она решила явиться лично.
Белокожая… она опустилась рядом с ним на колени, почти ласково проводя рукой по волосам.
«Ты должен».
От неё исходил привычный холод, и Саске не хотел поднимать лицо, зная, что увидит белки мёртвых глаз, спутанные чёрные волосы…
Микото не была его матерью? Но… она любила…
«Она врала. Как врёт и Наруто. Как врут все. Ты никому не нужен, мой мальчик. Никому, кроме меня».
Её руки запутались в его волосах, пуская по спине мурашки и холодок.
«Сделай это».

– Проваливай.

Саске вскинул голову, неожиданно понимая, что в руке зажимает осколок зеркала, а в двери кто-то стучится.
Реальность словно вернулась, пыльным мешком ударив по голове.
Она сидела напротив него и улыбалась, показывая короткие иглы зубов. Ей было плевать на всю ту боль, что копилась у Саске за рёбрами. Она питалась ею, ласково прикасаясь к его щекам своей худой рукою с длинными пальцами.
Саске полоснул перед собой осколком, зажатым в ладони, но она не пропала. Лишь пошла лёгкой рябью.

– Ты убьёшь его, – прозвучало как-то до ужаса ясно, когда она пошевелила синими губами. – Ты убьёшь его.

– Нет…

Саске зло улыбнулся.

– Нет! Ты не сделаешь этого…

Из горла вырвался какой-то тихий смех. Хриплый, похожий на скрежет металла…
Белая кожа запястья поддалась подозрительно легко, расцветая вдоль ярко-багровой полоской. Щипучая боль заставила пальцы моментально онеметь.
«Я тебя не отпущу», – выпалила Белокожая, цепляясь за его плечи.

– Да пошла ты…

Негнущимися и окровавленными пальцами он перехватил лезвие, проходясь по запястью ещё целой руки.
А затем пальцы разжались, и слабость накатила как-то слишком быстро, и под щекой почувствовался холодный белый кафель. Взгляд вперился в слабо мерцающую лампочку под самым потолком и Саске выдохнул.
Всё будет так… как и должно было быть с самого начала.
Всё к этому и вело
Он чудом сумел вытащить из кармана телефон и, едва чувствуя руки, набрать текст для единственного адресата.

***

Наруто медленно шагал в сторону остановки, понимая, что в очередной раз ему придётся дожидаться самого первого автобуса и объясняться перед отцом. Ведь старенький телефон вновь разрядился… и предупредить родителей не вышло.
Только теперь это было почти легко осознавать. Как и то, что всё, наконец, встало на свои места.
Он не сможет оставить Саске…

Глава 5. A new Hope.

"To your grave I spoke
Holding a red, red rose
Gust of freezing cold air
Whispers to me that you are gone

Always, always asking the question why
Life is overrated, but I
Never, never expected that I'd
Underestimated my love for you

Always, always just out of reach from my
Over frustrated, shameful hands, and I
Never, never expected that I
Would ever, no never, take for granted our precious time"
Broken Iris – A new hope

«С твоей могилой я говорил,
Держа красную-красную розу.
Порыв ледяного ветра
Прошепчет мне в ответ – тебя больше нет.

Всегда, всегда задавался вопросом: "Почему…
Жизнь так несправедлива?", но я…
Никогда, никогда не подумал бы, что я…
Недооценивал свою любовь к тебе.

Вечно, вечно не могу дотянуться до тебя
Своими недостойными руками, и я…
Никогда, никогда не ожидал, что я…
Когда-либо буду молить дать нам ещё немного драгоценного времени».

Она приходит каждый день.

Каждую ночь она рядом. Она не ждёт, пока ты позовёшь, для неё всё это пустые условности.
Зачем какие-то человеческие мерки для той, что была и всегда будет? Что переживёт твой конец и конец всех тех, кого ты считаешь друзьями или же врагами?
Все эти оправдания своей никчёмности оставь при себе. Они её не волнуют.
Она будет делать так, как надо, а не так, как хочешь ты.
Судьба?
Да неужели?

***

Рёв сирен скорой Наруто услышал ещё задолго до того, как бело-красная машина появилась на пустынной ночной дороге. Вздрогнув, Узумаки вперился взглядом в темнеющую даль, стараясь не думать и не верить своим мыслям.
Сердце как-то нехорошо ёкнуло, когда мимо промчалась скорая. Блондин даже подался вперёд за ней, но внезапно остановил сам себя. Ведь… ведь это всего лишь его панические мысли, и он выдумывает?
Но в душе трепетало беспокойство и, плюнув на здравый смысл, Наруто сорвался со всех ног в сторону хорошо знакомого дома.

***

Умирать на самом деле больно…
Нет. Это не та боль, к которой мы привыкли. И даже не душевная мука, сопровождающая нас всю жизнь.
Это что-то тихое, невозможно лёгкое. Оно заполняет наше тело жидким льдом, обращающимся в мгновение ока раскалённым пламенем, которое так трудно вдохнуть или выдохнуть.
Остаётся только лежать, смотреть в потолок и ждать.
Ничего, по сути, не меняется. Обычная попытка сбежать в ночной сон, как и всегда. Только вот сознание догадывается, что сон этот будет вечным, и оно судорожно цепляется за осколки реальности.
В голове промелькнула какая-то мысль про телефон, но почти сразу же она стала неважной. Ведь не может эта чушь сейчас

значить что-то…
А потом дверь толкнули, и она неприятно ударилась в бедро, заставив поморщиться. Или же ему только показалось, что лицо скривилось в болезненной гримасе.
Саске толком не мог понять – где правда, а где начинается его странный зыбкий сон…
В прошлый раз всё было иначе…
Чьи-то руки ухватили за плечи, заставляя вытянуться на полу.
Кто-то дёрнул за болезненно стрельнувшие огнём запястья…
Зачем?
Саске моргнул и, мысленно усмехнувшись, закрыл глаза.
Чего он пытался добиться?
Ведь знал, что не отпустят…

***

Двери их дома были открыты, и та самая скорая помощь тревожно замерла у распахнутой калитки. Внутренне холодея, Наруто вбежал во двор, а затем в прихожую.
На него никто не обратил внимания или же он сам никого не замечал на своём пути, пока ноги быстро поднимали какое-то обледеневшее тело по ступеням.
Наруто замер напротив двери комнаты Саске. Она тоже была непривычно распахнута настежь, и внутри было слишком много людей… в белых халатах. Так не должно было быть, ведь Учиха никогда не пускал кого-то в своё царство холодных серых стен.
А сейчас…
Взгляд зацепился за ярко выделяющуюся среди безликих врачей фигуру. Итачи стоял в стороне и казался высеченной из гранита статуей. Тряхнув головой, Наруто двинулся внутрь, уверенно приближаясь к парню.

– Итачи, что здесь происходит?! – выпалил Узумаки, останавливаясь рядом с парнем. Тот, странно вздрогнув, обернулся к блондину и нахмурился.

– Тебя здесь быть не должно! – только и смог проговорить он, прежде чем Наруто сам увидел причину всей этой суматохи.

Кто-то, кажется это был Итачи, вовремя удержал парня за

локоть, иначе бы он ринулся вперёд. Наверное, Узумаки был даже благодарен парню за этот жест, потому что приблизься он к Саске, то всё могло вновь рухнуть.
Отсюда, издалека, можно было просто смотреть на белый профиль и надеяться, что всё ещё можно поправить.
И лужа крови это… это простой пустяк. От этой красной вязкой жидкости никак не может зависеть чужая жизнь.
А врачи двигались так медленно. До ужаса неспешно.

***

Кажется, в какой-то момент его мозг просто отключился, отказавшись воспринимать эту информацию.
Наруто сидел на кровати своего друга рядом с Итачи и смотрел перед собой. На светлом ковре отпечатались подошвы обуви тех, кто забрал Учиху. Сказали, что ему всё равно нужно в больницу…
Наруто тряхнул головой, покусывая нижнюю губу. Всё это было до того нереальным, неправильным, что он отказывался в это верить.

– Выпей.

Ему в руки буквально сунули горячую кружку с чаем, и Итачи сел на стул напротив. Всё в фигуре этого парня буквально кричало об его усталости.

– Что они сказали? – немеющими губами проговорил Наруто, грея озябшие пальцы о тонкий фарфор. Реальность происходящего всё ещё не укладывалась в голове, ведь он почти уже вернулся, почти поверил в то, что всё будет как прежде. Но «как прежде» уже быть не могло. И каждый из них шагал по лезвию бритвы босыми ногами. Саске не удержался…

Вопрос был в другом – кто бы упал первым?

– Ничего особенного, – пожал плечами Итачи. – Говорят, стандартный случай.

– Почему ты не поехал с ними?

– Я поеду, – как-то заторможено ответил Итачи. Он проследил за взглядом Наруто, который был направлен в сторону распахнутой двери ванной комнаты. – И ты поедешь со мной.

***

– Ну и что за хмыря вы привезли на этот раз?

Саске поморщился. Голоса доходили до сознания, словно через вату, что забила уши. Он попытался открыть глаза, но веки лишь дрогнули, не спеша повиноваться сонному разуму. В этой темноте было уютно и тепло.

– Да суицидник очередной.

– Ещё один… что на этот раз? Баба ушла или родители игрушку дорогую не купили?

Голос этот принадлежал женщине, но в нём было достаточно много хрипотцы, чтобы он так же мог быть и мужским. Лишь определённые нотки выдавали настоящий пол его обладательницы. Саске сам не знал, но почему-то перед взором появился образ дородной бабы, с засаленным пучком на макушке…
Наверное, игры воспалённого разума.
Учиха бы улыбнулся, если бы не ужасная слабость, мешающая даже глаза открыть.

– Да хер его знает, – а этот голос был моложе и уж точно принадлежал парню. – Мы приехали на вызов, а там… это. Жгутами перетянули и сюда. Перекладывайте давайте, что встали?

На миг Саске показалось, что его земля сделала оборот, и всё перевернулось, а потом спина ударилась обо что-то жёсткое и веки в очередной раз дрогнули, но на этот раз открылись. Тусклый желтоватый и какой-то мерцающий свет ударил по глазам, выбивая слезу, что отвратительной холодной дорожкой пробежала из уголка глаза по скуле и затерялась где-то в

волосах на виске. Захотелось утереть ее, но руки не слушались.

– Ну поехали. Хернёй страдают, а мне потом штопай их…

Темнота как-то внезапно ударила по глазам.

***

Сознание возвращалось с трудом. Всё вокруг заволокла какая-то желтоватая дымка, которую и вдыхать-то не хотелось. Саске моргнул пару раз, пытаясь привыкнуть к этому тусклому больничному свету, но ничего не выходило – тот резал глаза лишь сильнее.

– Очухался.

Тот самый бесполый голос вырвал его из очередной попытки провалиться в сон. Учиха скосил глаза, но увидел лишь расплывчатый силуэт и не сразу понял, почему зрение отказывается работать нормально. Очки… на нём их не было.

– Г-где я?

Из горла вырвался странный хрип, и Саске облизнул потрескавшиеся губы. Легче не стало: во рту всё пересохло, и язык походил на сухую шершавую кору дерева.

– В раю, – рассмеялся хрипло голос. – В больнице ты.

Женщина поднялась и тяжёлой поступью прошлась по комнате. Тёмный силуэт оказался слишком близко, и Саске недовольно нахмурился, когда она потянула руки к нему. Было неприятно чувствовать себя полностью беспомощным, когда над тобой возвышается кто-то, чьего лица ты разглядеть не в силах.

– Если ты думал, что подохнешь быстро – ошибся, – грубые руки дёрнули за какие-то ремни, что опоясывали его запястья и, кажется, приковывали к этой плоской кровати. – Мучиться ты будешь ещё долго.

– Почему?

– А ты думал, что таких психов, как ты, после такого выпускают обратно с пожеланиями больше не хворать?

– Я не псих.

– О… вы все так говорите.

Очередной рывок, и запястье левой руки отозвалось болью, заставив Саске зашипеть, а голос довольно рассмеяться.

– Больно, да? Ну привыкай, мразь. Жить вообще больно.

Шаги, отвратительный скрежет и света в комнате будто бы меньше стало.
Было непонятно: ушла ли обладательница голоса или же она села где-то неподалёку, присматриваясь к своей «жертве», но Саске отчего-то не чувствовал, что в этой комнате он один.
Замерев ненадолго, спустя пару минут, брюнет всё же тихо выдохнул, прикрывая глаза и пытаясь избавиться от кругов перед ними. Очевидно, ему что-то вкололи или же поставили капельницу – отвратительное ощущение, которое может понять только тот, кто хотя бы раз побыл под этим аппаратом.
Но слабость ощущалась каждой клеткой тела. Казалось даже, что каждый вздох приходится отвоёвывать, а каждый удар сердца напрягает оное так, что оно вот-вот не выдержит нагрузки.

***

Наруто сразу не понравилось это место. Больница походила на идеальный старинный дом из фильма ужасов: трехэтажная, с высокими окнами. Снаружи она выглядела не так жутко, как изнутри. Здесь же их встретили сводчатые потолки, длинные коридоры. Пожелтевшая от времени плитка под ногами странно похрустывала, словно могла рассыпаться осколками от любого неосторожного шага. Тянущиеся тёмно-коричневые лавки вдоль обшелушивающихся стен были как-то безнадёжно пусты, и садиться на одну из них вовсе не хотелось. А ещё этот

ужасный жёлтый свет…

– Жуткое место, – выдохнул Наруто, двигаясь следом за Итачи.

Он не знал, как себя вести рядом с этим молчаливым парнем, который то появлялся рядом с Саске, то исчезал. Возможно, старший из братьев всё же испытывал какие-то чувства к младшему, но даже сейчас его лицо было спокойным. Лишь глаза тревожно блестели.

– Городская больница. Завтра нужно будет договориться о переводе Саске в клинику, – сухо и бесстрастно отчеканил Итачи, словно вопрос о том, переживёт ли младший Учиха эту ночь, не стоял вовсе.

А ночь предстояла долгой и тяжёлой.

– Садись. Я попробую найти кого-нибудь, – не без раздражения велел Итачи и, не дождавшись ответа, быстрым шагом двинулся вдоль коридора в сторону одной из дверей.

Неуверенно прикусив губу, Наруто проводил парня взглядом и, когда тот скрылся за створкой, осторожно опустился на холодную лавочку.
Он не любил больницы. Тем более такие… пустые, полутёмные и до ужаса тихие, словно все больные давно уже умерли. Хотелось услышать хоть что-то, но вместо этого на уши давила оглушающая тишина. Мозг от отсутствия звуков находил что угодно, за что слух мог бы зацепиться. И это были отнюдь не самые приятные звуки: какой-то тихий, будто и не существующий вовсе скрип, голоса. Отдалённо похожие на простой шум воды в старых трубах, размеренное тиканье невидимых часов…
Узумаки резко обернулся, заслышав что-то вроде тихих шаркающих шагов, но коридор был пуст – только лампа над головой слабо мерцала.
Впору было поверить в призраков и испугаться.
Только вот в голове давно уже царил леденящий душу ужас и связан он был не с детскими страхами…
Если Саске в этот раз…

Нет! Не думать об этом!
Наруто откинулся спиной на холодную стену и чувствительно стукнулся затылком о неё же. Нужно было запретить себе думать об этом ещё по дороге сюда. А сейчас пытаться убедить себя в очередном чуде, которое просто обязательно должно было произойти, как-то не выходило.

***

Здесь было до отвращения холодно. Этот липкий, мерзкий холодок медленно поднимался по ногам, выстуживая пальцы, заставляя икры покрываться мелкими мурашками.
Саске приоткрыл глаза, уставившись в темноту.
Ничего… ничего ровным счётом не происходило. Он даже не мог понять, где находится. То ли это палата, то ли его бросили в коридоре… то ли он уже умер, и это такое своеобразное наказание.
Неведение.
Ведь оно точно может стать одним из видов пыток.
Саске даже хрипло усмехнулся, удивившись, что из горла всё же вырвалось подобие звука.
А потом почувствовал на своей щеке холодные пальцы и привычно затаил дыхание. Рядом с ней оно казалось лишним.
«Я же говорила, что ты будешь жить…»

– Пошла отсюда…

Это вышло тихо и как-то до того неуверенно, что даже Саске не поверил в решительность своих слов. Словно ему хотелось, чтобы она была здесь, чтобы заполняла своим присутствием эту зыбкую тишину и расплывающуюся перед глазами темноту.
Белокожая здесь была на своём месте.
Логичном и законном.
«Ты будешь со мной, мой маленький мальчик, до тех пор, пока мне не надоест эта игра».
Пальцы двинулись ниже, скользя расплавленным железом по рукам, по венам…
«А я ещё не наигралась… ты не выполняешь мои условия».

– Какие условия?

Тихий смех раздался в голове, отзываясь стуком паровых молотов в висках.
Её пальцы впились в руки, пуская по ним острую боль, словно наложенные швы вновь разошлись. Саске сцепил зубы, закрывая глаза. Она не реальна. Всего этого нет…
«Ты будешь со мной до тех пор, пока я не прикажу тебе уйти!»
Злое шипение над самым ухом и дыхание с запахом речной сырости…
«А до тех пор, ты в моих руках».

***

Наверное, Наруто сам не заметил, как задремал прямо на лавочке. Или же просто мозг решил, что так для него будет лучше.
Очнулся парень лишь тогда, когда рядом послышался торопливый стук каблуков о плитку и женский встревоженный голос. Разлепив глаза, Узумаки с удивлением воззрился на ту самую светловолосую женщину, которая быстро шагала к замершему рядом Итачи.

– Цунаде, благодарю, что вы приехали, – кивнул Учиха.

Блондинка нетерпеливо махнула рукой, мол, оставьте свои сантименты при себе, и требовательно уставилась в какое-то посеревшее лицо Итачи.

– Состояние Саске?

Наруто даже поднялся, но его пока не замечали, словно он слился с этими стенами.

– Стабильное, но они не хотят…

– Конечно, они не хотят его отпускать, – даже не дослушав, фыркнула женщина. – С чего бы…

– И что же дальше? – робко спросил Наруто, поглядывая на Цунаде с некоторой осторожностью, словно эта волевая

женщина могла внезапно припечатать его своим тяжёлым взглядом к грязному полу.

– Оу, и вы здесь, – удивлённо вздёрнула она брови, поворачиваясь к Наруто. – Выхода два: или же его определяют в психиатрический стационар или же… всё же отпустят.

– Психиатрический? – нахмурился Наруто. – То есть…

– В дурдом, – коротко и ёмко пояснила Цунаде. – Но… для того, чтобы выяснить всё, мне нужно поговорить с вами Итачи… и кое с кем из персонала. Пойдёмте.

Подцепив старшего Учиху под руку, она потащила его в сторону широкой лестницы, и Наруто как-то остро почувствовал, насколько он здесь чужой.

***

– Ему нельзя здесь оставаться, – протараторила Цунаде, быстро шагая по мрачному коридору второго этажа. Здесь был такой же тусклый свет, как и внизу, обшарпанные стены повторяли одна другую, и могло показаться, что ты никуда и не поднимался. Больница – один большой обшарпанный монстр, готовый поглотить любого.

Цунаде не знала, отчего это здание, находящееся практически в центре города, до сих пор не привели в порядок. Очевидно, выделяемые на содержание городских заведений деньги понадобились кому-то больше, чем больным и персоналу. Действительно, это всего лишь больница. Сюда болеть ложатся, а не архитектуру рассматривать.
Кабинет дежурного врача Цунаде нашла безошибочно – слишком часто приходилось бывать здесь, и дряхлый монстр не мог обмануть опытную женщину.

– Добрый вечер, – сходу выпалила она, закрывая за собой дверь небольшой комнатки, утопающей в запахе кофе и тихом жужжании ночного радио.

Сидящая за простым столом светловолосая дама подняла глаза на Цунаде, щурясь и кривя обветренные губы в какой-то презрительной гримасе.

– Часы посещения закончились, – неприветливо каркнула она, закрывая тонкий сканворд и поднимаясь из-за стола. Очевидно, так она хотела показаться выше или значимее, но Цунаде лишь хмыкнула, глядя на дряхлеющую женщину сверху вниз.

– Я психолог одного из ваших пациентов. Учиха Саске. Мне сказали, что он поступил к вам…

– А, тот, – бросила женщина, подбочениваясь. – Ну, привозили.

– Я должна поговорить с ним.

– С чего бы?

– Я его врач.

– Психолог.

– Учитывая, с чем он к вам попал, тем более должна, – с нажимом произнесла Цунаде, глядя прямо в выцветшие глаза собеседницы. Она на миг показалась какой-то тонкой и бесцветной, словно… медуза. Цунаде даже представила на миг, как кожа медсестры становится прозрачной, как расплывается нелепым пятном и исчезает.

– Он сейчас всё равно не сможет с вами говорить…

– Я зрительно оценю его состояние, – не унималась блондинка. Казалось, что для местной «хозяйки» уступить в этом споре какому-то заезжему психологу было равно трагедии жизненного масштаба.

Борьба взглядов продлилась недолго.

– Хорошо. Недолго, – скривилась ещё больше медсестра и, обойдя Цунаде, двинулась к выходу. Встретившись в коридоре с

Итачи и едва не налетев на него, женщина недовольно фыркнула что-то себе под нос.

– Это кто ещё? – неприязненно бросила она, шагая к дальней двери.

– Это его брат.

– Ещё бы бабушку притащили и всех родственников.

Цунаде успокаивающе улыбнулась бледному, как полотно, Итачи. Этот парень казался каким-то растерянным, но пытался держаться стойко. Очевидно, нервы у него покрепче, чем у младшего будут.

– Недолго.

Дверь палаты скрипнула, впуская внутрь сначала Цунаде, а затем замешкавшегося на входе Итачи.

– Саске? – позвала женщина, подходя к стоящей у стены железной кровати. Здесь же была и капельница, и стул, и белая больничная тумбочка.

И Учиха, который, как и полагалось, находился где-то между сном и явью.
Оглянувшись на закрытую дверь, Цунаде тяжело вздохнула:

– Нужно забирать его отсюда. Завтра приедет местный… мозгоправ… и твоего брата упекут в то самое милое место.

– Разве его возможно… забрать?

Взгляд Итачи скользил по Саске и не находил, где бы остановиться. Брат казался прозрачным, словно он постепенно растворялся в этом полумраке.

– Если получится… то я смогу договориться и определить его… фиктивно в одну из закрытых больниц, – задумчиво постукивая кончиками пальцев по спинке кровати.

Она подняла взгляд на Итачи и твёрдо добавила:

– Только ему придётся уехать из города. Сам понимаешь…

– Почему вы хотите помочь ему? Ведь… ведь понимаете степень его состояния.

Прикусив губу, женщина кивнула. Она понимала и видела. Видела, что Учиха не очередной впавший в надуманную депрессию сын богатенького папочки, мучающийся из-за вседозволенности и слишком простой жизни.

– Я всё ещё верю, что его можно вытащить, Итачи. Не вылечить, – она усмехнулась своим мыслям. – Но помочь научиться жить с этим. Сдержать. Если он сейчас попадёт в дурдом, в ту среду, то его не спасти будет.

– У нас есть выход? Что… что вы хотите за эту помощь?

Итачи не понял этого странного взгляда женщины, который она бросила в ответ на его слова. Цунаде, казалось, улыбалась, но улыбка это была такой, будто бы перед ней стоял маленький глупый мальчик, а не взрослый высокий парень.

– Я хочу просто помочь, – передёрнула она плечами. – Да уж… представь, что и такое возможно в нашем подлунном мире. Пойдём. Нужно кое-что уладить с местным Цербером.

***

На место какого-то усыпляющего спокойствия пришло волнение. Наруто остался не у дел, где-то за стеной всей этой историей с больницей. Он чувствовал себя выброшенным за борт очень быстрой лодки, которая стремительно несётся по опасной реке. И теперь казалось, что он вот-вот утонет.
Цунаде и Итачи не было слишком долго.
Меряя коридор шагом, Узумаки был рад, что расстояние от первой двери до последней палаты было очень приличным. Пока дойдёшь с одного конца в другой – в голове успеют

пронестись мысли одна ужаснее предыдущей. А потом заново, когда ноги понесут в другую сторону.
Наверное, возникли какие-то проблемы, если их так долго нет? Может, с Саске что-то…
Да, конечно, с Саске «что-то», идиот!
Этот мысленный голос прозвучал в голове так ясно, что Наруто замер на середине своего пути, прикладывая ладонь ко лбу. Нужно было успокоиться. Это больница, тут могут помогать людям…
Для этого же она и существует, правда?

– Пф, – тяжело выдохнул парень, прислоняясь спиной к стене и больно стукаясь затылком об оную. Послышался едва различимый шелест осыпающейся штукатурки, которая и так тут почти не держалась за пропитанные мучительным ожиданием стены.

Если они задерживаются, значит на то есть причины. Но почему же ему не позволили пойти следом?!
А он пытался?
Ведь никто не приказывал ждать здесь, никто не останавливал. От очередного забега по коридору его спасли торопливые шаги и появившийся в коридоре Итачи. Глянув в сторону блондина, Учиха махнул рукой, и тот сорвался с места так резко, что кеды неприятно скрипнули по зеленоватому линолеуму.

– Как всё прошло? – выпалил Наруто, поравнявшись с парнем, и только сейчас заметил Цунаде, которая шла не так быстро, потому что придерживала за талию какого-то заторможенного Саске.

Узумаки буквально к месту прирос, вперившись взглядом в этих двоих. Итачи торопливо подхватил брата с другой стороны и так же молча кивнул Наруто на выход. Но парень будто бы и не заметил этого знака.

– Наруто, – с нажимом проговорил старший Учиха. – Идём. Объясню всё в машине.

Тряхнув головой и как-то судорожно кивнув, Узумаки двинулся

на выход, проходя в фойе первым и придерживая двери перед спутниками. Взгляд всё ещё возвращался к Саске, но парень упрямо старался не смотреть и не задавать вопросов. По крайней мере, сейчас.

– Завтра я свяжусь кое с кем и оформлю нужные бумаги, – проговорила Цунаде, занимая место рядом с водительским. Итачи лишь кивнул, заводя машину и взволнованно оглядываясь на заднее сиденье, где сидели Наруто и Саске. Хотя, сказать, что его брат «сидел» можно было с натяжкой.

За всё время, пока они выбирались из больницы, Саске не сказал ни слова, но это можно было понять. Только вот Итачи всё равно не переставал ловить себя на мысли, что лучше бы младший ругался, как обычно…

– Подождите, – выпалил Наруто, глядя на этих двоих совсем уж растерянно. – Вы хотите перевести его куда-то?

Цунаде повернулась к нему и как-то странно нахмурилась, окидывая блондина цепким взглядом.

– Орочимару говорил мне о тебе, – наконец, произнесла она, когда терпеть молчание уже не было сил. – Ты его друг?

Узумаки неуверенно глянул на откинувшегося на спинку сиденья Саске и неуверенно пожал плечами:

– По крайней мере, я считаю себя его другом.

– Ммм, – усмехнулась женщина. – Это типично для Саске. Да не дёргайся ты так – он спит.

– Ему не вредно… ну… уезжать отсюда?

Узумаки всё же вновь глянул на сидящего рядом парня. Вид у Саске был более чем отсутствующий. И дело даже не в закрытых глазах, бледных губах и перебинтованных запястьях.

– Риск есть, – кивнула Цунаде. – Но оставаться там ему ещё

опаснее. Итачи… – женщина обернулась к старшему, привлекая его внимание. – Ты говорил что-то про конфликт дома? С отцом?

– Да…

– Если ты намерен скрывать от меня что-то, то сразу предупрежу – без информации у меня ничего не получится.

– Это, – пробормотал Итачи. – Это дело нашей семьи…

– Итачи. Твой брат первый кандидат на койку в психушке, – поморщилась женщина. – Мне нужно найти достойное объяснение его поступку, кроме как поехавшая крыша.

– Крыша? – подался вперёд Наруто, цепляясь за сиденья пальцами. – Вы что имеете в виду?

Узумаки, конечно, знал, что с головой у Саске были определённые проблемы, но до последнего не хотел верить, что всё настолько серьёзно…
Цунаде лишь бросила взгляд на него и виновато улыбнулась, вновь обращая своё внимание на Итачи.
Тот молчал, вцепившись в руль руками, а взглядом следя за мелкими каплями, стекающими по лобовому стеклу.
На улице начался обычный осенний дождь. Его капли били по крыше машины, и их лёгкий стук складывался в забавную мелодию, словно подгоняющую Итачи сказать хоть что-то.

– Отец рассказал Саске… что наша мать… была не его родной, – тяжело проговорил парень. – И…

Итачи бросил странный взгляд в зеркало, ловя в нём отражение лица Наруто, и Узумаки как-то напрягся, подсознательно чувствуя нервозность.

– И ему пришлось заплатить большую сумму за ваши с Саске фотографии. Чтобы они не попали в газеты.

– Фотографии? – вздёрнул брови Наруто. – Что за…

– Поцелуй, – очень просто и твёрдо ответил Итачи, и по телу Узумаки будто волна жара прошла, отбрасывая его на сиденье.

Поцелуй…
Это…
Взгляд неуверенно скользнул к затылку старшего Учихи, потом на застывшее лицо Цунаде. Благо женщина не смотрела на блондина, внимательно слушая говорившего что-то Итачи. Наруто уже не мог разобрать слов, ощущая себя так странно, что хотелось провалиться под землю.
Поцелуй…
Они ведь и не думали тогда, что кто-то может заметить, что это вообще неправильно, что…
Ведь Узумаки тогда и не думал, что нужно оттолкнуть от себя Саске, пока кто-нибудь не заметил. А вышло как… заметили, сфотографировали и…
О, Небо…
Рука помимо его воли закрыла глаза, и в этой искусственной темноте стало только хуже. Значит, и отец Саске, и Итачи… знают. Да, конечно они знают, тупица!
Отняв руку от лица, Наруто вперился взглядом в окно машины, за которым клубилась ночная тьма, и размывались огни города в стекающих по стеклу каплях.
Отчасти в случившемся была его вина.
Получается так.

– Хорошо, – неожиданно услышал он голос Цунаде. – Повод у нас есть – семейная ссора, неприятие… отношений.

Отношений…
Внутри вновь заворочалось нечто, готовое съесть жаром стыда полностью.

– Теперь нужно найти место, где Саске мог бы переждать всё это… есть такое?

– Отец знает обо всех местах, – пожал плечами Итачи. – Есть загородный дом, но там он будет искать в первую очередь, если Саске пропадёт. И если он наведается в ту клинику и не найдёт

его там…

– Да уж, – кивнула Цунаде. – Им некоторое время лучше не видеться. Я бы могла взять его к себе… но не могу, сам понимаешь.

– Я, – голос показался излишне слабым и хриплым, и Наруто с трудом прокашлялся. – Я знаю одно место.

И вновь взгляды были обращены на него, а Узумаки радовался, что в машине было достаточно темно, чтобы эти двое не видели, как горят его уши и щёки.

– Это дом моего крёстного… он за городом и… только мы с Саске знаем о нём. Ну… да. Только мы.

Вымученно улыбнувшись, Узумаки скользнул быстрым взглядом по лицам заговорщиков, и вновь уставился к себе под ноги.

– Это неплохой вариант, – наконец заявила Цунаде. – Свежий воздух, природа… отсутствие стресса…

– И больницы, – отрезал Итачи. – Наруто, Саске болен… и если что-то…

– Но это «что-то» может случиться в городе гораздо с большей вероятностью, – перебила его Цунаде. – Если всё обстоит именно так, как ты сказал, то семейные разговоры это не то, что пойдёт во благо его выздоровления, Итачи.

В голосе женщины сквозила какая-то усмешка, и Наруто даже поднял глаза, чтобы посмотреть на её лицо, но то было удивительно спокойным.

– Я жил с ним несколько месяцев, – быстро проговорил Наруто. – Я знаю какие таблетки и когда он должен пить… и что делать, если…

– Наруто, ты не врач.

– Он его друг, – с нажимом произнесла Цунаде. – Иногда дружеская помощь гораздо важнее врачебной.

– Чушь! – горячо выпалил Итачи, оборачиваясь к этим двоим. – Их отношения… это не то, что должно быть. И это всё только ухудшает.

Наруто хотел было сказать, что никаких отношений в принципе и нет, но запнулся. Воздух встал поперёк горла, и парень лишь нервно прикусил губу, смотря то на Итачи, то на Цунаде. Отношения? Их не было. Но каждый раз, когда Саске мимолётно касался его руки, сердце замирало. Как назвать это?

– Я не отпущу брата с ним, – качнул головой Итачи. – Это слишком опасно…

– И что ты думаешь делать? – усмехнулась Цунаде. – Твои варианты.

Что? Она сдалась? Узумаки буквально вцепился в её лицо взглядом, внутренне борясь с желанием выпалить что-то против Итачи. Хотелось заставить старшего Учиху передумать, поверить в то, что так будет лучше.
И Наруто внезапно поймал себя на одной всё время ускользающей мысли – он хотел сейчас быть с Саске больше всего на свете.
Осознание было болезненным, словно удар по голове.
Он цеплялся за возможность этого времени вдвоём, не хотел отпускать. Всей душой желал, чтобы Итачи согласился.
Так было только в детстве, когда он выпрашивал у отца купить щенка. Разумеется, это не самое подходящее сравнение с нынешней ситуацией и Саске, конечно, не щенок…
Наруто тяжело вздохнул, понимая, что его мысли опять запутались и потекли не в том направлении.
Он просто знал, что именно так будет лучше.
А вот для кого ещё не решил…

– Мы снимем комнату в отеле… или квартиру.

– Ты забыл, кто твой отец, – качнула головой Цунаде. – Он найдёт тебя очень быстро.

– Нет. Я не оставлю Саске с… ним.

– Заебали.

Тихий и хриплый голос прозвучал так неожиданно, что всем в первую минуту даже не пришло на ум, что он действительно заговорил.
А потом Саске пошевелился, с трудом выпрямляясь и затуманенным взором окидывая спорщиков.

– Вы заебали, – отчётливее повторил он. – Я всё ещё жив, всё ещё здесь. Хватит говорить так, будто я… пустое место.

– Саске…

– Заткнись, Итачи. Я поеду с Наруто.

– Нет…

– Не тебе решать, – поморщился брюнет. – Я поеду с этим придурком в ту лесную лачугу. И только с ним. Или не поеду никуда вообще.

Тишина, воцарившаяся в машине, моментально ударила по ушам, заставляя прислушиваться к своему дыханию. Наруто нахмурился, запоздало осознав, что вообще-то зачем-то задержал дыхание…

– Х-хорошо, – сжав руль ещё сильнее, кивнул Итачи.

– Вот и хорошо, – буркнул Саске, откидываясь обратно на сиденье. – А теперь, будьте добры, заткнитесь и делайте, что вы там собирались делать…

***

Объяснив дорогу Итачи, Узумаки больше не подавал голоса,

предпочитая слиться с окружением и не выдавать своего присутствия в салоне вовсе.
Мягкое урчание мотора и тишина действовали убаюкивающе. Наруто ещё долго смотрел в окно, радуясь, что ночная темнота как будто скрывает его от Цунаде и Итачи, который то и дело поглядывал в зеркало, стремясь поймать отражение то ли брата, то ли Узумаки.
Смущение забилось куда-то глубоко под рёбра и теперь противно щекотало солнечное сплетение, стоило Наруто посмотреть на профиль Цунаде или ненароком взглянуть на спящего Саске. Блондин даже отодвинулся подальше от него, едва не вжавшись в дверь машины, чтобы уж точно никто ничего не подумал.
Но ведь Цунаде психолог.
Значит, она уже подумала и уже сделала выводы и…
Висок уткнулся в холодное стекло и Наруто вздохнул.
Это было слишком тяжело.
Кажется, он задремал, потому что, когда открыл глаза, то за окном уже серело. Играла лёгкая музыка, которая была явно никому не нужна и включена лишь по привычке.
Узумаки выпрямился, чувствуя, как от неудобного положения затекла шея и теперь по позвоночнику разливается противная сухая боль. А ещё пересохло во рту и, кажется, он неловко прикусил губу, что теперь неприятно саднила.
Он провёл рукой по окну, стремясь стереть лёгкий беловатый налёт влаги, но получились лишь мокрые разводы. Хотя по ту сторону стекла было однообразное пожелтевшее поле, да серый разделитель дороги. Иногда мелькали размытые силуэты проносящихся мимо машин и громады рычащих фур.
Смирившись со своим смущением, Наруто бросил взгляд на Саске. Тот всё ещё спал, неудобно склонившись к двери. Был ли вызван этот сон усталостью или же его чем-то накачали в больнице…
Тупица, Учиха потерял много крови, а ты…
Волнение за тот факт, что брюнету наверняка требовалась какая-то медицинская помощь, не давало покоя. Но твёрдая уверенность Цунаде в том, что так будет лучше, заставляла отбрасывать эти мысли в сторону.
Так будет лучше.
Учиха неожиданно пошевелился и, поморщившись, как-то

заторможено выпрямился, глядя перед собой. Было не понятно: проснулся ли он или же просто бредит…
Подняв руку на уровень лица, брюнет потёр лоб пальцами и вновь уронил конечность, поворачиваясь к Наруто. Мутный взгляд чёрных глаз показался каким-то рассеянным, а в следующий момент Саске с тихим и каким-то обречённым выдохом опустился головой на колени блондина, устраиваясь на боку и поджимая под себя ноги. Не самое удобное положение, но лучше, чем сидеть…
Наруто замер, бросив вновь тревожный взгляд на Цунаде.
Ну вот… Учиха, чёрт тебя забери, какого лешего?!
Услышав какое-то копошение сзади, Цунаде удивлённо обернулась, вовсе забыв, что позади них есть кто-то ещё. Наруто вёл себя так тихо, будто его здесь вовсе не было, а спящий Саске источником шума точно стать не мог.
Взору женщины предстала довольно забавная картина: улёгшийся на колени блондина Саске выглядел так, будто его вовсе ничего и не смущало, а вот Наруто…
Цунаде невольно улыбнулась, встретившись с ним взглядом. Блондин замер в нерешительности, отчего-то вглядываясь именно в её лицо, словно ища в нём поддержки или же одобрения. А, может, порицания?
Напряжённая и застывшая фигура Наруто была забавной, и Цунаде вздёрнула брови, мягко поджимая губы. Взгляд, не выражающий ничего из того, что он ожидал прочитать в её лице.
«Мальчик, ты уже не маленький. Решай сам», – мысленно проговорила женщина. Сказать что-либо вслух и не требовалось. Усмехнувшись, она отвернулась, украдкой скользнув взглядом по напряжённому и застывшему профилю Итачи.
А вот кто прямо-таки источал осуждение.

– Итачи, – мягко позвала женщина, и тот скосил на неё глаза. – Всё в порядке…

Чёрные брови сошлись над переносицей сильнее – отрицательный ответ.
Да уж…
Каждый из этой компании был по-своему любопытен, мысленно

ответила Цунаде, вновь откидываясь на спинку сиденья.

***

Ну… как это понимать?
Наруто печально выдохнул, медленно позволяя телу расслабиться. Собственно, он ведь не делал ничего плохого? Саске же просто лёг поудобнее… все так делают.
Иногда.
Покачав головой своим абсурдным мыслям, Наруто всё-таки опустил руку на плечо брюнета и тут же отнял её боязливо, когда тот неожиданно перевернулся на другой бок, уткнувшись лбом в живот Наруто. Поджав левую руку, Саске опустил её на бок парня и горячо выдохнул, кажется, моментально проваливаясь обратно в сон.
Наверное, в этот момент Наруто понял, что ему плевать на взгляды Итачи в зеркало, на своё смущение.
Какого чёрта, в самом-то деле?
Рука уже увереннее опустилась на острое плечо брюнета, и Узумаки как-то совершенно легко вздохнул. Сейчас было не время изматывать себя мыслями о будущем или прошлом. Всё застыло за покрытыми мелкими каплями стёклами мчащейся вперёд машины. Мира не существовало, как и условностей, всё поглотило собой серое туманное утро.
И впервые за долгое время было спокойно.
Да… потом будет хуже, возможно, но сейчас…
Наруто перевёл взгляд с бинтов на руке Саске и слабо улыбнулся.
Сейчас всё, кажется, вставало на свои места.
Вторая рука свободно легла на затылок Учихи, едва ощутимо поглаживая холодные жёсткие волосы.

"Can you still see the heart of me?
All my agony fades away
When you hold me in your embrace"
Within Temptation – All I need

«Можешь ли ты всё ещё видеть моё сердце?

Вся моя боль исчезает,
Если ты обнимаешь меня так крепко».

Всех читателей с Новым Годом.
Здоровья вам и веры в чудеса)
Спасибо, что вы с нами.

Глава 6. I love your soul.

"Am I a man who knows how to love
When you hate what you fear the most
I'll wash your feet as you spit in my face

Hey you, I love your soul
I'm going love you when you hate

You can't outrun or escape this liquid
My life poured out like water
I'm gonna drown you with maddening forgiveness
Hey you, I love your soul"
Skillet – Hey you, I love your soul

«Я человек, который знает, как любить,
Когда ты ненавидишь то, чего больше всего боишься.
Я омою твои ноги, когда ты плюнешь мне в лицо.

Эй ты, я люблю твою душу!
Я буду любить, когда ты ненавидишь.

Ты не можешь увернуться или сбежать от этой жидкости,
Моя жизнь льётся, как вода.
Я утоплю тебя в сумасшествии прощения.
Эй ты, я люблю твою душу!»

Машина замерла у невысокого дома, утопающего в огненно-красных кустах с мелкими листиками. Они раскинулись по всему периметру двора, почти скрывая за собой просторный двор.

– Приехали, – выдохнул Наруто, легко проводя ладонью по волосам Саске в последний раз. Сейчас Учиха проснётся и, возможно, больше никогда не прильнёт так доверчиво и

спокойно.

Саске, на самом деле, приподнялся на одной руке, непонимающе глядя перед собой, а затем поморщился от боли в запястье и торопливо сел.
Заглушив мотор, Итачи первым вышел из машины, открывая дверь и жестом предлагая брату помощь, но тот лишь скривился и буркнул что-то неразборчивое.
Саске бесила эта всеобщая попытка помочь ему, поддержать. Итачи так вообще светился каким-то лихорадочным огнём сочувствия, как будто не понимал, что всё сделанное было совершено руками Саске. И он полностью отдавал себе в этом отчёт.
Значит, был виновен. Тогда какого чёрта глаза старшего смотрят с такой виной и крупицами жалости?
Брюнет передёрнул плечами, наконец, выбираясь из машины и убирая руки глубоко в карманы накинутой кем-то на него толстовки. Удивление прошло быстро, стоило глазам различить этот до приторности ярко-оранжевый цвет.
Узумаки.
Взгляд сам собой скользнул к машине, из которой как раз вылезал блондин.
Картинка была несколько расплывчатой, но Саске был рад этому. Неожиданно. Не хотелось ловить в лице каждого эту сочувственную черту, которую можно заметить в особом изломе бровей или вот этой морщинке в уголке губы.

– Это то самое место? – спросила Цунаде. Женщина беззаботно потянулась и громко выдохнула. – Воздух свежий, думаю, вам обоим пойдёт на пользу…

– Ну… тут грибы есть, – пожал плечами Наруто, недоверчиво поглядывая на Итачи.

Если бы старшего Учихи не было рядом, то он испытывал бы гораздо больше спокойствия, которое прямо-таки навивало это место. Только вот Итачи был… и изредка бросал на него долгие задумчивые взгляды.

– Грибы! – весело подхватила Цунаде, подходя к Саске.

Брюнет, слушающий этот бессмысленный трёп, нахмурился и уставился на замаячившее перед ним лицо женщины.

– Ты как себя чувствуешь?

– Жив.

– Не рад? – вздёрнула брови Цунаде, загораживая Саске от взглядов Наруто и Итачи. Нужно было поговорить… но эти двое…

– А должен?

За неимением сигареты в зубах, Саске покусывал нижнюю губу, морщась от лёгкой боли и с каждым разом сжимая зубы сильнее.

– Редко совершившие попытку суицида рады спасению. Но редко так молчаливы.

– Куда вы клоните?

Расфокусированный взгляд наконец-таки остановился где-то между бровей психолога и Саске замер, ожидая ответа. Ему было плевать на то, что увидела в нём Цунаде, о чём кричали её профессиональные сигналы, почему её тревожная сирена в мозгу никак не хочет выключаться.
Просто плевать.
Поэтому он не пытался прятать взгляд, переводить тему или бездарно играть словами, в надежде, что ему удастся её запутать.

– Ты не хотел умирать на самом деле. И делать этого не хотел.

– Ошибаетесь.

Он хотел этого. Даже сейчас Саске отчётливо понимал, что сделал это не из-за того навязчивого голоса, а потому что иначе нельзя. Иначе Наруто…

Взгляд метнулся куда-то за спину Цунаде на блондина, что ковырял носком кед валяющуюся на дороге шишку. Задумчивый, сосредоточенный, словно не дурью мается, а решает какие-то очень важные вещи. Хотя… в голове Наруто «очень важных» вещей быть в принципе не могло.

– Ты это сделал из-за него?

Тон Цунаде стал серьёзным, и Саске попытался увидеть её глаза, но те выглядели таким же расплывчатым пятном марева, как и всё вокруг.

– Идём, – позвал Итачи. – Я должен вернуться в город и привезти его лекарства сюда.

Цунаде с трудом оторвала взгляд от лица своего подопечного и покачала головой. Сейчас явно не то время и не то место для таких разговоров.
Ничего не изменилось в дворе дома Джирайи – только кусты стали будто бы пышнее, а сбоку появился ещё один перекопанный квадрат. Старик то ли собрал что-то недавно, то ли готовил землю. Осенью?
Наруто тяжело выдохнул. Сегодняшний день взвалил на его плечи слишком много эмоций, которые было трудно терпеть. Вроде бы прошло смущение, как тут же накатил тяжёлый стыд. Ведь он почти не общался с Джирайей.
Узумаки печально вздохнул, следом за компанией подходя ближе к невысокому домику.
На этот раз старика не оказалось на пороге, и пришлось Наруто, как единственному «приближённому», стучать в дверь. Привалившись спиной к стене, Саске наблюдал искоса за блондином и мысленно проклинал всё на свете. Стоять было невыносимо трудно, руки начинали мелко дрожать, но присесть на ступеньки он не решился, стараясь сохранить как можно более независимый вид.
В обморок не падает и то хлеб.

– Может, он в лес ушёл, – задумчиво проговорил сбитый с толку долгим ожиданием Наруто. Но в ту же секунду дверь распахнулась резко, едва не долбанув парня по носу, и тот

запоздало отшатнулся в сторону.

– Кто тут…

– Джирайя! – выпалил Наруто, улыбаясь от уха до уха, хотя в этой радостной улыбке Саске отчётливо видел нотки вины и лишь хмыкнул. Значит, виной сегодня пропитан не только Итачи, что держится чуть поодаль, но всё равно ощущается незримым костылем. Конечно, последнего бы выкинуть давно, но как ж его выкинешь-то, если он прицепился к руке, мечтая заменить кость.

– Ох, Наруто, – ошарашено выдохнул старик, укладывая руки на плечи крестника и разглядывая его лицо. – Я тебя и не ждал!

Джирайя притянул к себе парня и, судя по округлившимся глазам Узумаки, довольно крепко сжал в объятиях, отпуская лишь спустя пару минут. Блондин выглядел довольным, но всё-таки слегка помятым, а старик всё же прошёлся тёплым взглядом по лицам незнакомцев. На Саске крёстный Наруто посмотрел лишь однажды и больше не поворачивался, наверняка считая бесплатным дополнением к своему блудному крестнику.

– А кто эти люди?

– Джирайя, – выдохнул Наруто. – Они… они…

– Цунаде, – улыбнулась широко женщина, пожимая руку Джирайи. – Я врач вон того хмурого невежды, который даже не поздоровался.

На лице отшельника расцвела понимающая улыбка, и он кивнул, легко накрывая руку Цунаде своей.

– Медицина, – как-то по-особому произнёс он. – Моя страсть.

Блондинка удивлённо вздёрнула брови, взглянув на нового знакомца как-то иначе.

– Учиха Итачи, – сдержанно кивнул старший, быстро пожимая руку отшельника.

Саске едва не прыснул со смеху, смотря на брата. Тот здоровался с лесным отшельником так, будто он был каким-нибудь главой фирмы или же человеком, приближенным к президенту. Вытянутый в струнку, в своих чёрных джинсах и лёгком чёрном же пальто, Итачи напоминал клоуна, решившего на детском утреннике рассказать последние сводки экономических новостей.

– Проходите, – пожал плечами Джирайя. – Толку на пороге топтаться.

– Я должен ехать, – неизвестно кого предупредил Итачи. – К вечеру вернусь… Цунаде?

– Да я тут, пожалуй, задержусь, – робко улыбнулась женщина. – Поговорю…

С кем именно говорить она собралась, Цунаде не уточнила, и Саске мысленно вздохнул. Только бы не с ним, а то вся эта игра в знатока души человеческой начала порядком утомлять.

– Итачи, – неожиданно подал голос Наруто. – Ты сможешь… мы сможем заехать ко мне домой? Мне нужно кое-какие вещи взять и… родителей предупредить.

Взгляд старшего Учихи надолго задержался на лице блондина, будто бы он искал в нём что-то новое, но никак не мог найти. Саске, наблюдающий за этой игрой в гляделки, захотел оказаться подальше от этих двоих… хотя бы под крышей дома Джирайи, куда и двинулся следом за Цунаде.

– Хорошо, – наконец кивнул Итачи. – Но нам нельзя задерживаться.

– Я знаю, – кивнул Наруто, поворачиваясь туда, где еще минуту назад стоял Саске, но брюнет уже скрылся за закрывшейся дверью. – Ну… поехали что ли…

***

Находиться в одной машине с Итачи было практически физически тяжело. Если Саске умел взглядом осадить любого, а словом вовсе заставить душу покрыться слоем льда, то вокруг старшего Учихи витала странная аура.
Заняв соседнее с водительским место, Наруто явственно ощущал эту тяжесть в воздухе. Вокруг них кто-то рассыпал гранитную крошку, которая становилась всё плотнее и плотнее, стоило Итачи искоса посмотреть на блондина.
Наруто тяжело вздохнул, побарабанив пальцами по ручке двери, и на одном дыханье выпалил:

– Итачи, я знаю, что тебе не нравится то, что я с твоим братом… нахожусь рядом.

Учиха мельком глянул на парня и молча вздёрнул бровь.

– Тебе не нравится… и я понимаю, почему, – продолжил Наруто, глядя перед собой и внутренне приказывая держать тон голоса достаточно уверенным.

– Неужели? – хмыкнул парень.

– Ты хочешь, чтобы с ним всё было хорошо, – продолжил Узумаки. – Но не думаешь, что рядом со мной ему будет лучше.

– Да, не думаю, – подтвердил Итачи, не отрываясь от дороги. – Ему будет лучше там, где есть медицинская помощь. А не в глухом лесу.

Мимо промчалась огромная фура, обдав машину мощным потоком воздуха, который будто бы оттеснил их в миг к обочине.
Наруто согласно, но неуверенно кивнул, следя за проносящимися мимо столбиками. Небо всё ещё было затянуто серыми облаками, и это давило ещё сильнее. Хотя куда уж…

– Наруто, ты слишком много на себя берёшь, – расценив его

молчание по-своему, начал Итачи. – В прошлый раз ты ходил за Саске, как привязанный. Я думал… думал, что в чём-то ты прав. Что моему брату лучше дать немного свободы. Но…

Ещё один косой взгляд.

– Во что всё вылилось? Он довёл себя до такого состояния, что врачам пришлось очень потрудиться…

Наруто молчал. Он слушал Итачи, прекрасно отдавая себе отчёт в том, что зерно правды в словах Учихи всё же было, но что-то внутри неприятно покалывало. Вновь Узумаки чувствовал себя каким-то нашкодившим школьником, и это ужасно задевало.

– Он едва не умер, Наруто. И его нынешнее состояние – это последствия его упрямости, которую ты подкреплял своей глупой верой.

Узумаки перевёл взгляд на парня, неосознанно хмуря брови. Редкий для него жест, но сейчас эмоции прямо-таки рвались наружу. Итачи обвиняет его? Да, судя по этому решительному холодному профилю, слегка поджатым губам… Учиха обвинял его и очень сильно.

– Если бы ты подумал головой, то всё могло быть иначе, Наруто.

– Иначе?

Голос, вырвавшийся из горла, ломающий все преграды и запреты, был тихим и хриплым. Злость предала ему металла, непонимание – въедливости, а едва ощутимая боль – горьковатых ноток.

– Иначе? Саске едва мог находиться дома. Вы обращались с ним, как с инвалидом.

– Мы пытались оказать ему помощь, – настаивал Итачи. – Отец нанял врачей, я был… рядом.

– Помощь? Да вы пичкали его морфием, надеясь, что с болью уйдёт и та правда, которую не хотели видеть! Которую он всегда говорит, не боясь. Вы хотели сделать его удобным!

– Что ты несёшь?! – шикнул Итачи.

Кажется, впервые за долгое время толстый слой льда старшего Учихи дал трещину. Она была тонкой, едва заметной, но сквозь неё повеяло настоящими эмоциями, а не показной сдержанностью и фальшивым желанием помочь всем и каждому.
Всепонимающий, всепрощающий мудрый старший брат стремительно ронял свою маску. И наружу проглядывалось что-то совсем уж непривычное.
Живое.

– Говорю, что Саске с вами лучше не было. Это не со мной он вены резал…

«Узумаки, что ты несёшь?!» – возопил внутренний голос.
Этот жестокий тон был не похож на Наруто. Блондин внутренне весь сжался от своих слов, но продолжал смотреть прямо и твёрдо.
В машине повисла тишина. Её сложно было назвать гнетущей, скорее, убивающая. Каждая секунда, каждый вздох и выдох забирали немного души из каждого.

– Посмотрим, как ему будет с тобой, – прошипел Итачи. – Эти ваши… чувства… ты ведь понимаешь, Наруто, что это неправильно. Что так не должно быть.

А… вот куда ты решил бить. Узумаки даже усмехнулся грустно. Все мы рано или поздно показываем свою истинную сущность, и сейчас, кажется, маска Итачи-таки пропала с его смертельно побелевшего лица.

– Не должно, – кивнул Узумаки. Зачем спорить? Зачем вступать в жаркие дискуссии… – Но между нами ничего нет, кроме того поцелуя, что ты видел.

Итачи скептически фыркнул.

– Саске для меня друг в первую очередь.

– Друг… а ты для него кто?

Ну вот…
Наруто отвернулся, нервно сжимая кулак. Этот вопрос… Достал.

– Мне всё равно. Итачи… это только наше с Саске дело.

– Оно перестало быть вашим.

– Итачи, – с нажимом повторил Наруто. – Я не оставлю Саске. Тогда не оставил, и сейчас. Даже, если ты отвезёшь меня в город и уедешь, то я всё равно вернусь. Если ты мне запретишь, я не послушаюсь. Можешь высадить меня посреди трассы… мне всё равно.

Итачи молчал несколько минут, после того, как прозвенело последнее слово Наруто. А затем нехорошо ухмыльнулся:

– И это ты называешь дружбой? Это слепая зависимость от человека, Наруто.

– Пусть я зависим, – мотнул головой Узумаки. – Но хотя бы от человека, а не от самого себя.

Это был слишком крупный камень в огород старшего Учихи, чтобы остаться незамеченным. Он и не остался.

– Я сделаю всё, – выдохнул Итачи, до побелевших костяшек пальцев сжимая руль. – Чтобы ты оставил Саске.

– Как пожелаешь, – передёрнул плечами блондин, откидываясь на спинку сиденья.

Этот разговор не должен был зайти так далеко. Ведь Наруто

знал, что нужно остановиться, пропустить мимо ушей слова Итачи, но продолжил дёргать за показавшиеся ниточки, стягивая с парня пелену спокойствия.
Это тоже оказалось подделкой. Интересно, неужели вся семья Учих насквозь фальшива? Неужели… и Саске такой?
Наруто удивлённо замер, всматриваясь в серое небо. Он осознал, что ему плевать на угрозы Итачи. Ему плевать на его обвинения, его осуждения. На всё…
Второй раз за день его заполнило какой-то утягивающей вглубь полной отрешённости дымкой. Стирая границы между своими и чужими моралями, она потихоньку уносила раздражение и злость.
Злиться было не на что…
Безразличие. Оно затопило Наруто.
Итачи был ему не важен. Его слова не задевали. Итачи не знал Наруто.
И не мог судить.
Все его слова осыпались рваными чёрными хлопьями под ноги и их можно было растоптать.
Узумаки удивлялся тем изменениям, что произошли в нём. Раньше он бы начал с пеной у рта оправдываться, спорить, а сейчас…
Сейчас он следил за проезжающими мимо машинами и понимал всю прелесть безразличия.

***

– Так вы тоже медик? – осматриваясь, спросила Цунаде.

Как и в прошлый визит, Саске сидел в самом углу стола, привалившись плечом к стене и вяло рассматривал комнату. Она ничем не изменилась за то время, что они с Наруто были в городе, разве что под потолком прибавилось пучков сухих трав. Терпкий запах бил в нос, но на удивление не был неприятным. Учиха вдохнул пару раз поглубже, ощущая на языке странную горечь, как будто способность чувствовать вкусы вернулась. Чудес не бывает.
Он мрачно усмехнулся своим мыслям, вновь переводя взгляд на Цунаде.
Его личная нянька номер два не без интереса осматривала

простое убранство лесного дома, ероша рукой вязанки трав и поднимая в воздух очередную волну одуряющего пряного запаха.

– Ну… официально карьеру я бросил, – рассеянно ответил Джирайя. Старик спешно заваривал чай и изредка терял нить разговора, уходя в свои мысли слишком далеко.

– И перебрались в лес?

Цунаде подошла ближе к столу и опустилась за оный. Она бросила взгляд на Саске, просто потянулась и приложила руку к бледному лбу. Очевидно. результат её не обрадовал и женщина укоризненно покачала головой.

– Можно сказать, что перебрался, – кивнул без особой радости в голосе Джирайя. – Иногда обстоятельства сильнее нас. Иногда мы сильнее. Но даже самая прочная сталь может сломаться.

Он опустил чайник в центр стола и подвинул каждому по кружке.

– Если знать, где надавить, – со спокойной улыбкой закончил отшельник, занимая место во главе.

С ленцой отлипнув от стены, Саске подцепил расписанную большими красными цветами кружку к себе, но пока не спешил отпивать или поднимать к губам. Чаинки, или что там намешал старик, плавали в зеленоватом отваре, закручиваясь причудливым узором в постепенно сужающуюся спираль. Этот размеренный танец успокаивал…

– Да. Правдивые слова, – кивнула Цунаде. – А вы… вы давно живёте в лесу?

– Прилично. Саске, ты пей. Не отравлю.

Учиха скосил на старика уставшие и покрасневшие глаза и послушно сделал глоток. Спорить сейчас он был не в состоянии, а руки болели так, будто бы их пытались оторвать.

Хм… ну не оторвать, а отрезать. Слегка…
Он вновь улыбнулся своим мыслям, понимая, что, наверное, смеяться над этим не очень правильно и попахивает истерикой, но… у него под боком есть психолог и лесной лекарь, так что…
Но Учиха всё равно тихо хохотнул в кружку, раздувая лёгкий пахучий дымок и всё-таки привлекая взгляд Цунаде.

– Ты в порядке?

– В полном.

– Вы хотите оставить Наруто и Саске у меня?

Джирайя не был дураком… или же просто оказался очень догадливым человеком.

– Если можно…

– Я не против, – пожал он плечами и смерил брюнета оценивающим взглядом. – Трудотерапия пока что откладывается, но как только твои руки заживут…

Саске лишь хмыкнул, поймав взгляд отшельника, который выразительно стрельнул в сторону топора.
Этот старик не вызывал злости. Пока что.
Вряд ли они задержатся здесь так надолго. Максимум – пара недель.

***

Дорога до дома Учих не заняла много времени. Да и Итачи не стремился задерживаться под сенью опустевшего дома, вернувшись спустя минут двадцать со знакомым Наруто чёрным рюкзаком, который бросил на заднее сиденье.

– Там таблетки, – сухо начал парень. – И его очки. Разберётесь…

Наруто лишь кивнул, отмечая, что Итачи вновь нацепил привычную маску «старшего брата». Словно слова Узумаки

ничего не задели, но нет. Задели и ещё как. Это было видно в самой глубине тёмных глаз.
Хотя повода для радости у Наруто не было, так же как и повода для злорадства.
Старший Учиха провернул ключ, но машина, буркнув пару раз, заглохла, вызвав на лице парня гримасу злости. Было видно, что он спешит, как старательно пытается завести своего «железного коня», но из-за спешки каждая новая его попытка терпела крах.

– Ммм… электричка? – неуверенно предложил Наруто.

Внезапно дверь с его стороны распахнулась, и Узумаки сам не заметил, как оказался снаружи, вытянутый за ворот толстовки. Кое-как упершись ногами в асфальт, парень вывернулся из чьей-то хватки и отпрянул.

– Ты, – улыбнулся Фугаку, который казался каким-то демоном, выпрыгнувшим из табакерки: глаза лихорадочно блестят, лицо бледное, искажённое злостью.

– Я…

Наруто рассеянно смотрел на застывшего перед ним мужчину и с трудом понимал, почему тот так разъяренно смотрит на него. А потом сознание озарило вспышкой.
Фотографии.
Поцелуй.
Скандал…
Блондин хотел было что-то выпалить, но не нашёлся. Просто выдохнул пустой воздух, не облекая его в слова.
Фугаку был близок к тому, чтобы разорвать его голыми руками. И даже не судорожно сжатые кулаки говорили о намерении мужчины, а глаза, полыхающие тёмным огнём. Только он сдерживался.
Значит, за ним следят репортёры? Значит, злость придётся придержать?
Или отложить…
Не то, чтобы Наруто почувствовал себя безопаснее или увереннее. Он просто выпрямился, стараясь смотреть на лицо

мужчины не очень вызывающе и дерзко. Зверю вообще в глаза не дело пялиться.

– Простите, если наше поведение с Саске доставило вам проблемы.

– Простить? – прошипел Фугаку.

Наруто кивнул.

– Ты, щенок, – бросил мужчина с презрением. – Не представляешь себе, что вы натворили.

***

Фугаку смотрел в лицо этого щуплого паренька, в его ярко-голубые глаза и, меньшее, что он хотел бы слышать сейчас – его извинения.
Его «простите» не вернёт денег.
А если репортёры оказались не очень честны и припрятали где-то копию, то щедро выписанный счёт можно считать выброшенным на ветер.
Если бы не опасность быть пойманным треклятыми репортёрами, то…
Фугаку шумно выдохнул.

– Ты прекращаешь общаться с моим сыном. Немедленно.

– Нет.

Этот паршивец даже подбородок вскинул. Едва заметно, но наглости ему хватило на этот машинальный жест превосходства.
Глупый упрямец!

– Я сказал, прекращаешь. Иначе я позабочусь о том, чтобы твоя жизнь превратилась в ад.

Стали в голосе мужчины хватало, чтобы напугать кого угодно, а от его взгляда веяло чуть ли не могильным холодом.

– Пф, – шикнул парень, опуская взгляд. – Хуже вы её сделать не сможете…

– Уверен? А ты подумал о своих родителях?

Фугаку хотелось вытрясти из этого заносчивого блондина всю душу, а не плести паутину из запугиваний. Всё, что ему нужно – тихое место, где не будет посторонних глаз и лишних объективов, готовых заснять чужую жизнь по секундам.

– Вы хотите сказать, что причините вред им?

– А что меня удерживает? Видишь ли…

Фугаку бросил взгляд на своего старшего сына, который стоял чуть поодаль безмолвной тенью.

– У меня есть власть. А ты – никто. Те, кто имеют власть, могут подмять под себя таких, как ты.

Парень странно вздохнул, словно хотел показать, насколько он устал. Покачав головой, блондин поднял глаза и… улыбнулся:

– А что есть у вас помимо власти?

– Да как ты…

– И надолго ли эта власть у вас?

Фугаку замер. Его прошило холодом, который до этого момента так усердно прятался в глубине голубых глаз. Нет… это они были почти прозрачными ясными хрусталиками льда, что сейчас внезапно обратились в этот обжигающий взгляд, которого и не ждёшь от юнца.

– Сколько ещё денег на вашем счету, чтобы выкупать компромат? – продолжал парень спокойным тоном, едва улыбаясь уголками губ. – Скольких вы готовы подкупить, чтобы те забыли о том, что видели?

– Ты… ты… тварь!

Фугаку сорвался, яростно толкая заносчивого юнца в грудь и тут же отходя в сторону, хватаясь за голову. Он не мог поверить… с ним… С НИМ! так говорят?!
ЕГО решили запугать?!
И кто?
Паршивый юнец, недоросль!
Ударившись спиной о ребро открытой двери, блондин с тихим шипением согнулся, привалившись коленями к асфальту. Боль отразилась на его лице, и Фугаку тихо рассмеялся.

– Ты – никто.

– Это вы… никто…

***

Саске проваливался то в сон, то вновь выныривал в эту реальность, которую глупые люди зовут жизнью.
Они всё ещё сидели на кухне Джирайи, и, кажется, Цунаде не спешила заканчивать затянувшийся разговор. А отшельник, видимо, соскучился по живому общению.
Учиха перестал вслушиваться в их диалог ещё час назад и просто пялился в одну точку, попивая отвар. Сон накатывал всё сильнее, и Саске показалось в один момент, что он вот-вот упадёт с лавочки и даже стена не поможет удержаться.
Наруто не было слишком долго…
Не отдавая сам себе в этот отчёт, Саске начал отсчитывать время отсутствия этого придурка, и с каждой минутой становилось всё хуже. В душе поднималось что-то неприятное и тянущее, словно Узумаки решил зло пошутить и уехать навсегда. Оставить.
Эти мысли вызывали усмешку и желание удариться головой об стол. Слишком много мыслей и все они сводятся к этому белобрысому. Отчего вдруг?
Саске отставил кружку в сторону, складывая осторожно руки на груди.
Ему не позволили умереть. Конечно, можно попытаться ещё

раз, благо местность располагает – кругом лес, болота… Уйдёшь и мало кто тебя найдёт.
Только вот что-то сдерживало.
Смерть уже давно ходила за ним, и он даже поворачивался к старушке лицом, улыбаясь и ловя её ответный оскал. И Учиха понимал, что жизнь – это один раз. Это сейчас, а не потом. Ведь… многие из нас думают и носят в сердце какую-то едва заметную надежду, что будет этот второй раз. Что вот сейчас я просто попробую жить, а потом обязательно сделаю всё правильно, попробую всё, что не успел.
Эту призрачную ниточку, окутывающую сердце и собирающуюся в клубок под ним, трудно заметить. Но достаточно лишь замереть, прекратить думать и вглядеться в себя. Тогда ты заметишь её. Она всегда с нами.
И ощущение – неправильно сейчас, но переделаю потом. «Переживу» во второй раз…
Но не будет второй попытки. Ниточка размотается и утечёт сквозь пальцы.

– Саске? – позвала Цунаде. – Ты как?

– Отстань.

– Сегодня ты мягче, – хохотнула женщина.

– Сегодня мне похуй.

– С-а-аске, – укоризненно протянула она, поглядывая на Джирайю. – Простите его. Он грубиян.

– Ничего. И это вылечим.

Взгляд Джирайи показался парню очень глубоким и очень… тёплым. Учиха даже ответил на него, понимая, что этот мимолётный диалог позволено видеть только им вдвоём.

– Если хочешь, то иди поспи. Та же самая комната… ну ты помнишь.

Фыркнув на это радушное разрешение, Саске действительно

поднялся, осторожно выходя из-за стола и направляясь в тесный коридор. Его пошатывало и он ощутимо чувствовал, как мелко дрожат руки.
Слабость…
Нужно было просто поспать.
Это просто слабость…
Пройдёт.

***

– Наруто, садись в машину, – бросил Итачи, обходя оную и забираясь на своё место.

– Я тебя уничтожу, – прорычал Фугаку.

В душе было паршиво, но Наруто с трудом сумел усмехнуться. Кто бы знал, что ради того разговора он собрал в кучу всю свою злость, всю усталость, накопленную за месяцы неведения, обиду за ложь и чуточку блефа. Гремучая смесь сработала как надо, ударив по Фугаку. А вот спина…
Боль была одуряющей, и сначала блондину показалось, что он уже не встанет, а если и подымется, то позвоночник тренькнет пополам, как стекольная палочка.
Но к его удивлению, забраться в машину удалось сравнительно легко. Разве что спину сковало болью, и пришлось закусить губу, выдыхая через нос.
Хлопок двери, и мотор завёлся.

– Больно?

– Жить буду.

Спустя полчаса машина остановилась рядом с домом Узумаки, и блондин, попросив подождать, кое-как добрался до входной двери. Чисто машинальная просьба. Даже если Учиха всё-таки уедет без него, то Наруто всегда сможет добраться до дома Джирайи на электричке.
Зайдя в гостиную, Наруто крикнул:

– Мам, па, я дома.

Ответом ему была тишина, и Наруто запоздало глянул на часы – половина третьего. Ничего удивительного в том, что он не застал родителей дома, не было. Рабочий день был в самом разгаре…
Скверно как-то получается, мысленно отметил Наруто, оглядываясь по сторонам и нерешительно теребя завязку толстовки. Придётся опять уехать чёрт знает куда, бросив учебу, а родители об этом какое-то время даже не узнают.
Печально вздохнув, Наруто поплёлся на второй этаж, подгоняемый мыслями о том, что всё необходимые лекарства Саске сейчас лежат на заднем сиденье машины Итачи.
Спину всё ещё пронизывало болью и даже идти было трудно, а уж по лестнице…
Но Наруто справился быстро, собрав свою сумку и оставив родителям записку на холодильнике, прилепив оную цветастыми магнитиками.
Да уж…
Всё равно ведь получит…
В машине Итачи вновь встретил гробовым молчанием, которое продлилось всю дорогу до дома Джирайи.

***

– Джирайя, могу я задать вам один вопрос? – прищурилась Цунаде.

– Валяйте, – просто ответил отшельник.

– Вы были врачом, да?

– Вполне возможно.

– То есть… я права?

Она улыбалась. Этот беловолосый мужчина с добрыми глазами был очень приятным собеседником, хотя и провёл очень много времени в одиночестве.

– Я был врачом, – сдался он и кивнул. – Да.

– Но почему бросили? С вашими знаниями…

– Мммм, я слишком люблю людей, Цунаде.

Джирайя улыбнулся, и от его глаз побежали морщины-лучики, которые делали этот взгляд лишь теплее, заставляя улыбнуться в ответ.

– Вы недолюбливаете докторов…

– Не переживайте. К вам моя нелюбовь не относится.

Цунаде не удержалась и тихо рассмеялась. Было легко и спокойно…

– А… откуда пошла ваша нелюбовь?

Джирайя неуловимо знакомо пожал плечами и пододвинул к женщине обновлённую кружку с чаем. Он не спешил с ответом, прибывая где-то в своих мыслях, но с лица его не сходила улыбка.

– Были причины.

– Вы из-за них уехали из города?

– Эти причины… – он тяжело вздохнул. – Раздули до небес, окрасив меня в чёрный цвет, а белые одежды… они никогда не останутся без хозяина.

Дверь комнатки открылась, и внутрь вошёл Наруто с сумкой на каждом плече и Итачи.

– Цунаде, вы готовы ехать? – сходу спросил он.

– Да… вроде бы.

Женщина как-то рассеянно поднялась из-за стола и улыбнулась своему собеседнику.

– Удачи, Джирайя. Спасибо за чай… и за беседу.

Седоволосый поднялся, пожимая протянутую тонкую ладонь и склонил легко голову:

– И вам спасибо. До встречи.

***

То, что в комнату вошёл Наруто, Саске понял почему-то сразу. Сначала по коридору кто-то прошёл, открылась дверь, вновь закрылась, шаги и… это ощущение присутствия.
Учиха приоткрыл глаза, садясь на кровати так, чтобы спина облокачивалась о стену, и было легко видеть лицо парня.

– Вот, – подойдя, Наруто протянул брюнету прозрачные очки в металлической оправе и бросил у кровати его же рюкзак. – Это твоё, кажется.

Хмыкнув, Саске нацепил очки и поморщился недовольно. Сначала мир резанул по глазам излишней резкостью и чёткостью линий, а затем во лбу отозвалась противная ноющая боль.

– Всё повторяется, усарантонкачи.

Узумаки взглянул на сидящего перед ним парня и скользнул рукой по ремню своей сумки. Здесь, в закрытой комнате царил полумрак, и глаза Учихи странно поблёскивали, словно их полностью затопила темнота.

– Что повторяется? – невпопад спросил он, складывая руки на груди.

– Ты опять бегаешь за мной нянькой, мы в этом доме… если всё закончится в КПЗ, то я поверю в Судьбу.

– А ты в неё не веришь?

Привалившись бедром к столу, Наруто внимательно следил за бледным лицом друга, ловя каждое его слово.

– Если бы она существовала, то я бы давно умер.

Безразличное пожатие плечами. Саске не знал, как ещё объяснить этому глупцу тот факт, что каждый волен выбирать свой путь. Но Наруто не поверит. Он, как и толпы тех сумасшедших, что верят в вампиров, оборотней, НЛО и чудеса, будет до последнего отстаивать существование Судьбы.

– Может, тебе просто не суждено. Ты об этом не задумывался?

Учиха усмехнулся, пересаживаясь боком и спуская ноги с кровати. Теперь Наруто был напротив него и не приходилось выворачивать шею, чтобы посмотреть в лицо собеседника.

– Снова твой глупый оптимизм.

– Он не глупый. Он… просто оптимизм, – пожал плечами Наруто, поднимая глаза вверх на потолок.

Этот разговор был другим. Узумаки не ждал от Саске агрессии, а тот не проявлял, пытаясь разговаривать по-человечески. Насколько Учихи хватит, было неизвестно…

– Почему ты сделал это? – спросил Наруто.

Этот вопрос Учиха ждал уже полдня, но сейчас в душе что-то оборвалось. Причина?
Чтобы не быть с Узумаки рядом.
В итоге всё это привело к тому, что они сидят в комнате лесного дома, где помимо сбрендившего от одиночества старика никого больше нет.

– Ещё немного… и я начну верить в судьбу, – внезапно рассмеялся Саске, игнорируя вопрос.

Опустив голову, Наруто нахмурился:

– Это не ответ. Почему?

Улыбка с худощавого белого лица сошла моментально, а глаза будто бы поблекли. Узумаки мог смело винить себя в столь резкой смене настроения Саске…

– Я не хочу рушить твою жизнь.

– Чем?

– А ты не понимаешь? Посмотри, где мы…

– Саске…

– Ты опять свалил с учёбы, разосрался с родителями… что?! – вздёрнул брови. – Хочешь сказать, они были рады отпустить тебя с психом в лес к ещё большему психу?

– Всё нормально, Саске.

– Да неужели. Как отреагировали твои родители? Скажи? Похвалили?

Наруто закусил губу, сдерживая немного нервную улыбку. Он закрыл глаза руками и всё-таки выдохнул:

– Они… они пока ещё не знают ничего…

– Ты ещё больший идиот, чем я думал.

– Сам ты придурок.

– Не убедил.

– Ну тогда давай… начинай…

– Что? – удивлённо усмехнулся Учиха.

– «Свали» и так далее…

Саске странно изменился в лице, словно все эмоции из него исчезли. От такого серьёзного и прямого взгляда Наруто неожиданно захотелось оглянуться, вдруг за спиной кто-то стоит, кому этот взгляд может быть адресован.

– Не буду…

Наруто слабо улыбнулся. Верить в то, что Учиха изменился так быстро, не выходило. Он просто не смог бы.
Словно отвечая его запутанным мыслям, спина отозвалась противной болью, словно кожа-таки лопнула, и вот-вот по ней потечёт кровь.

– Ты отдыхай, я попозже зайду…

Учиха, поджав губы, молча кивнул и улёгся обратно на кровать. Быть в одной комнате с Наруто было непривычно, и запас терпения с каждой минутой становился всё меньше и меньше, даже дно уже проглядывалось.
Дверь с тихим щелчком закрылась, и Учиха вновь остался один. Не то, чтобы ему хотелось чьего-нибудь общества. Даже наоборот – совершенно не хотелось и не виделось смысла.

***

Оказавшись в выделенной ему комнате, Наруто облегчённо выдохнул. Сегодня был сложный и очень долгий день, хотя сейчас ещё едва перевалило за три дня.
Наруто не удивился бы, если бы сон сморил его, едва голова коснётся подушки.
Комната была всё такой же небольшой и бедно обставленной – кровать, книжный шкаф и зеркало на стене.
Сбросив сумки, Узумаки кое-как стянул с себя толстовку. Между лопатками будто раскалённым хлыстом полоснули, и по всему телу побежали электрические разряды.
Наруто сдавленно охнул, упираясь руками в стол и пытаясь восстановить сбившееся дыхание. Предстояло ещё стянуть футболку и таки насладиться зрелищем собственной спины.
Когда верхняя одежда оказалась на кровати, Наруто всё-таки остановился напротив зеркала, выворачивая голову так, чтобы

было удобно рассмотреть повреждение.

***

Реальность с трудом удерживалась на тонкой подрагивающей ниточке. Саске хотел уснуть, но не мог. И даже не мысли были тому причиной, не их стремительный бег по запутанным коридорам его сознания.
Боль гремела где-то фоном, вызывая желание зажмуриться сильнее и дышать глубже. Всегда помогало.
А потом были тихие голоса…

– Ты один здесь.

– В нашей власти.

– Мы можем делать с тобой всё, что угодно…

Учиха открыл глаза, резко садясь и выдыхая. Перед ним была полутёмная комната и какой-то расплывчатый тёмный силуэт, что юркнул в угол, прячась от взгляда парня.

– Ты не уйдёшь.

– Не сбежишь.

Голоса не пропадали, продолжая нарастать. Они звенели теперь всюду и, спустя пару секунд, Саске осознал, что его пальцы сжимаются на крае бинта, уже готовые распустить перевязь.
Нет…
Он сжал пальцами переносицу, зажмуриваясь до белых кругов перед глазами. Нельзя этого делать…
Это не его мысли.
Этих голосов просто не существует.
Рука привычно зашарила сбоку по столу, но наткнулась лишь на пустое пространство, и Учиха запоздало осознал – он не дома.
Это осознание заставило замереть, оглядывая совершенно незнакомую комнату. Он здесь когда-то был… но когда?
И почему именно здесь?

Тяжесть пустой памяти давила ещё сильнее её наличия. Эти стены, лоскутное колючее покрывало, на котором он сидит, сжимая оное слабыми пальцами левой руки…

– Где я? – тихо выдохнул парень, уткнувшись взглядом в собственное колено, словно оно могло дать хоть какую-то подсказку.

Нужно было выпить таблетки… но…
Учиха схватился за голову, издавая что-то похожее на тихое рычание. Таблетки… где они? Раньше они всегда лежали… Лежали на столе…
Но это не его комната, не те серые стены и идеально выбеленный потолок.
Нужно было выйти и оглядеться. Возможно, тогда разум прекратит играть в прятки…
Учиха с трудом поднялся, стараясь не опираться на ноющие запястья.
Путь до двери показался ему каким-то сном, где стены колыхались странным маревом, а коридор представлял собой глотку невиданного зверя.
Прислонившись спиной к стене, парень тяжело вздохнул, уставившись на слабо мерцающую лампочку под самым потолком.
В глотке у зверей не может быть лампочек. Да и электричества тоже.
Это всё неправильно и не по-настоящему.
Картинка начала осыпаться сотней осколков, а за ними показалась настоящая реальность. Простой коридор уже знакомого лесного дома, где Саске был с Наруто.
Наруто… у него его рюкзак.
Резко отпрянув от стены, Саске направился к той двери, за которой в тот прошлый раз спал Узумаки. Толкнув оную, Учиха зашёл внутрь, щурясь от яркого электрического света.

– Ты забрал мой рюкзак, – заявил он, останавливаясь на пороге и щурясь.

Наруто, вздрогнув, как-то резко повернулся к вошедшему и затравленно улыбнулся:

– Прости… задумался.

С этими словами парень обшарил быстрым взглядом комнату, словно стремился как можно быстрее разделаться с незваным посетителем и остаться наедине с… чем он там занимался у зеркала?
Саске усмехнулся:

– Есть чем думать?

– Угу, – рассеянно буркнул Наруто, подхватывая с пола чёрный рюкзак друга и подходя к нему. – Представь себе.

– И о чём же ты так задумался?

Узумаки неуверенно зыркнул на брюнета и передёрнул плечами. Жаловаться в его планы не входило, но предупредить Саске по поводу его отца…

– Ну… я с твоим отцом разговаривал.

Наруто осторожно повесил рюкзак на плечо друга, чтобы тот не задел нечаянно запястья, и как-то виновато улыбнулся, словно это он провоцировал Фугаку на скандал. Узумаки поднял глаза, боясь встретиться взглядом с Учихой и найти на дне его тёмной радужки холод и отчуждение. Но там была затягивающая пустота и… настороженность.

– О чём вы говорили?

Судя по тону, Саске не собирался так просто пропускать эту тему мимо ушей, как обычно.

– Ничего особенного, Саске. Мы просто… не сошлись во мнениях.

– С моим отцом мало кто не сходится во мнении, но…

Взгляд Учихи невольно зацепился за отражающуюся в зеркале

спину блондина, и Саске нахмурился:

– Это он тебе оставил?

Конечно, Наруто понимал, что Саске имеет в виду отнюдь не паршивое настроение блондина, подаренной той беседой, а длинный и широкий синяк, проходящий от лопаток к самому крестцу разогнутым полумесяцем.

– Это пустяк, – отмахнулся парень. – Пройдёт.

– Это он? – твёрдо повторил свой вопрос Саске, и в его пустых чёрных глазах затлело что-то нехорошее. Вряд ли, конечно, Учихе вообще есть дело до того, что там сделал Фугаку. Скорее всего, проявляет простое праздное любопытство.

– Саске.

Наруто не намеревался отвечать на очевидный вопрос. Учиха и так всё для себя уже понял и без его подтверждений.
В спину брюнета толкнуло что-то, и он посторонился, пропуская в комнату Джирайю со стопкой белья в руках. Отшельник не то, чтобы удивился обнаружить Саске в комнате своего крестника, но смерил его крайне недовольным взглядом.

– Тебе бы лежать, – посетовал мужчина, протягивая Наруто постельное бельё.

– Вам бы не лезть, – шикнули в ответ. – За своим крестником смотрите.

Саске кивнул на отражение, и Наруто захотелось просто провалиться сквозь землю, когда Джирайя, проследив за взглядом брюнета, попросту ухватил Узумаки за плечи, разворачивая к себе спиной.
Да уж. Вблизи синяк показался Учихе ещё хуже, чем издалека – тёмный, уже налившийся нездоровой синевой вперемешку с багровыми вкраплениями. Наверняка болит адски…
А этот придурок строит из себя великого мученика и даже словом не обмолвился…

– Хорошо тебя, – цокнул языком Джирайя. – Хорошо, что позвоночник, судя по всему, не пострадал. Тебе повезло…

Мужчина несильно хлопнул Наруто по плечу, и тот затравленно повернулся к этим двоим, переводя взгляд с одного на другого.

– У тебя есть я и мои мази. Сейчас принесу… сойдёт всё дня через два. Ты…

Палец уткнулся в грудь Саске и Джирайя довольно улыбнулся, приоткрывая дверь.

– Раз уже не лежишь, как положено, пошли. Будешь мне помогать. А ты, Наруто, не дёргайся. Будь умнее своего друга и полежи.

– Хорошо, – устало согласился Узумаки.

***

– Это не то… это тоже… это…

Саске скучающе наблюдал, как Джирайя перебирает какие-то склянки, вытаскивая то одну, то другую из деревянного шкафчика на стене. Склянки приятно позвякивали и слегка блестели, привлекая внимание.

– А ты изменился – внезапно проговорил отшельник, разглядывая очередную находку.

– Да неужели.

– Не веришь?

Джирайя бросил взгляд из-за плеча на прильнувшего спиной к стене парня и криво усмехнулся.

– Не чувствую изменений.

– А тебе и не надо их чувствовать.

Он вновь вернулся к поискам и, наконец, довольно хмыкнул, закрывая шкафчик и оборачиваясь к брюнету.

– Изменения видны другим.

– Ну и что же видно вам? – усмехнулся Учиха, рассматривая морщинистое лицо человека перед собой. Отшельник был мудрым, если так можно назвать того, кто самолично отказался от благ цивилизации в пользу этого сырого лесного дома.

– Ты стал мягче, Саске.

– Да ну? – фыркнул Учиха. – Что вы понимаете, под «мягче»?

– Иглы твои… их нет.

Саске лишь покачал головой. Старик не знал его, чтобы делать такие выводы…

– Что же изменило тебя? – пытливо прищурился Джирайя, вертя в пальцах небольшой стеклянный пузырёк с чем-то светло-зелёным.

– Смерть.

***

Наруто унывал.
Джирайя взялся за его синяк с такой серьёзностью, будто это была страшная сквозная рана, а не какой-то пустяковый ушиб. Узумаки внутренне понимал, что крёстный просто изнывает от недостатка взаимодействий с живыми людьми и поэтому так прочно ухватился за возможность полечить хоть кого-нибудь. Его напоили травяным отваром, от которого мышцы будто расплавились приятной тёплой негой, затем велели съесть какую-то сушеную кору и запить горячей водой? Нет… это был корешок всё-таки, оставивший приторно-сладкий привкус на

языке.

– Эту мазь нанеси вокруг синяка, – коротко приказал Джирайя удивлённо вздёрнувшему брови Саске.

– Я?

– А что такого? – прыснул отшельник. – Невежество лечится заботой.

– Я не вижу смысла заботиться…

– Ну ты не видишь, а я вижу. Не спорь.

В руки Саске буквально впихнули стеклянный пузырёк и Джирайя весело улыбнулся:

– Лечить кого-то иногда помогает излечить и свою душу, Саске.

Учиха страдальчески закатил глаза, пытаясь не разразиться матом. Все это походило на горячечный бред, а старик был главным психом в этом нескладном видении.

– А я отойду… ужин сам себя не поймает…

Не успел Наруто возразить что-либо, как Джирайя, махнув рукой, покинул комнату. Наступившая тишина казалась какой-то неуютной, и от неё хотелось поскорее избавиться, но вот не получалось. Застывший у кровати Саске выглядел разозлённым и растерянным одновременно, а Наруто слишком устал за день, чтобы заводить очередной разговор, который перерастёт гарантированно в скандал.
Лимит спокойного общения на сегодня был исчерпан.
Наруто протянул руку:

– Давай я сам.

Учиха посмотрел на него так, будто бы впервые увидел, моргнул пару раз и нехорошо шикнул:

– Заткнись и повернись ко мне спиной.

– Саске, да я сам смогу…

– Я же сказал…

Вздохнув и поняв, что переубедить Учиху, который решил доказать себе что-то несусветное, Наруто послушно повернулся спиной к брюнету и замер, ожидая, если не боли, то явно не удовольствия в этой треклятой спине.
Лечить свою душу… Саске прыснул, откручивая крышку пузырька и вытряхивая на ладонь немного пахнущей травами субстанции. Скорее всего, Джирайя готовил эту мазь сам… чёртов псих.
Учиха неуверенно глянул на светлый затылок, поднося руку к выпирающим лопаткам парня, и покачал головой своим мыслям.
Ничего не изменилось в нём самом. Это люди хотят видеть что-то другое, думая, что пережитое могло каким-то образом повлиять на его сущность…
Люди не меняются.
Ладонь мазнула по загривку Наруто, оставляя на нём добрую часть мази.

– Тёплая, – сдавленно хохотнул Узумаки, которого всё это, признаться, немного смущало.

Саске не ответил. Он поджал губы, напряжённо следя за своими мыслями.
Наруто был едва ли больше его самого, но тело блондина не «красовалось» выпирающими костями и прозрачной кожей. Узумаки был… здоров. Его не съедало ничего изнутри, кроме собственной глупости, заставляющей поступать так тупо и опрометчиво.
Пальцы скользнули между лопаток, вычерчивая край синяка, и блондин как-то совсем тихо вздрогнул, почему-то вжимая в плечи шею. Загорелая кожа под шершавыми подушечками пальцев казалась гладкой и очень мягкой. Она послушно льнула к пальцам, блестя влажными разводами мази. Это действо затягивало, и Саске задумчиво следил за своими

движениями, стараясь надавливать не слишком сильно.

– Ты… правда не обязан, – выдохнул Наруто, радуясь, что Учиха не видит его лица.

Этот лесной дом словно снял остатки той ледяной скорлупы с тела Наруто. И сейчас приходилось сдерживать тепло, под натиском которого, рушились последние её крупицы.
Саске молча смазал ещё немного мази с загривка Узумаки, раскатывая её между пальцами. Она пахла травами и приятно щекотала нос свежестью, а пальцы слегка холодила. Хотя руки у Саске и так не отличались теплотой.
Наруто прикрыл глаза, позволяя ощущениям чужих прикосновений пробежаться по телу. Это было… приятно и подвоха, который может быть в любом из действий Учихи, блондин пока что не ожидал.
Саске чувствовал себя неправильно молчаливым. Возможно, Джирайя был прав и он изменился. Или же слишком вымотался за сутки, чтобы язвить?
Пальцы двинулись вниз с другой стороны длинного синяка, пробегаясь по лопатке, задевая какое-то место на боку парня, отчего тот странно дёрнулся.
Под кожей чувствовались твёрдые мышцы, которых у Наруто Учиха особо и не замечал. Да и не до этого, когда кулаки у обоих были достаточно твёрдыми, чтобы выбивать друг из друга дух.

– Надеюсь, – хрипло пробормотал Наруто, – мазь он эту делал не из каких-нибудь жаб.

Саске не отвечал уже в который раз, и это начинало настораживать. Узумаки даже хотел обернуться, но что-то удерживало. Его тело словно налилось свинцом и больше не слушалось робких приказов разума.
Нет. Эти мысли слишком… слишком самоуверенные. Саске молчит не потому что изучает, а потому что, как и всегда, не хочет без толку сотрясать воздух глупыми разговорами.
Наруто хотелось верить в это. Но первый вариант заставлял внутри дрожать все нити.
Усмехнувшись предположению Наруто, Саске едва ощутимо

задел короткие волосы на затылке парня, ощущая в подушечках пальцев приятную колкость. Мягкую и почему-то тёплую. А затем всё же провёл с нажимом вниз от затылка к загривку, стирая остатки мази.
Этот жест показался Наруто слишком уж… другим. Далёким от простого желания следовать инструкциям Джирайи. И одна из нитей лопнула, заставив закусить губу. Собственное тело показалось холодным, выстывшим и требующим напитаться теплом того, что стоял позади, хотя Учиха был едва ли горячее садовой статуи.
Цепкие, тонкие ладони заскользили вниз по спине, обдавая её огненными росчерками, и мурашки выступили по всему телу. Наруто ошибся – Саске изучал, не спеша тратиться на слова, и даже не думая о том, что Узумаки может его остановить. Блондин и не хотел. Он запретил себе подавать какие-либо признаки жизни.
Его руки замерли на боках. Такие невесомые и неожиданно нагревшиеся. Или же это мазь создаёт обманчивый эффект? Наруто терпеливо ждал, но Саске с решением не спешил, слегка сжимая пальцы и, кажется, подходя ближе.
Минута и он продолжил…
Его ладони отчётливо ощущали под собой чужое, полное жизни тело. Слегка выступающие ребра. Вверх – грудные мышцы, выступающие ключицы.
Одежда Саске ощущалась голой спиной чем-то шершавым, но не отталкивающим. Наруто было до одури приятно ощущать себя в этих нервных объятиях, которые были настолько хрупкими, что он боялся лишний раз вздохнуть. От недостатка воздуха или от ещё чего-то в голове начинало шуметь и, если бы не закрытые глаза, то перед ними бы всё плясало.
Главное – не думать.
Пальцы соскользнули ниже – грудная клетка, дрогнувший в лёгком спазме мышц живот. Руки застыли чуть ниже пупка, осторожно оглаживая плоский живот блондина.
Учиха придвинулся теснее, надавливая руками и будто приказывая Наруто опереться на него спиной. Узумаки бы сопротивлялся инстинктивно прильнувшему к груди Саске телу, если бы мысль была быстрее желания.
Отросшие иссиня-чёрные волосы пощекотали сгиб шеи, когда Саске, слегка наклонив голову, обдал прохладным дыханием

шею чуть пониже уха. Наруто сдавленно выдохнул через сжатые зубы и откинулся затылком на плечо парня, позволяя тому быть так близко, как ему хотелось бы.
Он опять поддавался железной решительности Саске, который, кажется, о всякой ерунде типа морали даже не задумывался. Он просто вёл руками ниже, пока пальцы не зацепили край джинс.
Наруто приоткрыл глаза, услышав тихий вздох и отозвавшийся приятным щекотанием на коже. Кончики пальцев Саске прохаживались по ремню туда-сюда, лишь подогревая внутри лёгкую истому, а его дыхание на коже ощущалось всё теплее.
Жёлтый электрический свет резал глаза, напоминая, что эта реальность далека от позволений так просто стоять, оглаживая чужое тело. Наверное, это и было тем фактом, что до сих пор удерживал сознание на грани дозволенного. Учиха прочертил носом линию от ключицы до уха блондина, разглядывая мелкие родинки, которыми были усыпаны смуглые резкие плечи. Очки мешали и вовсе норовили съехать с носа, но отнять руки от Узумаки значило прекратить это всё.
Всё-таки рука скользнула ниже, в тепло под джинсами, поддевая резинку нижнего белья. Саске скорее почувствовал, как Наруто напрягся, буквально вжимаясь затылком в его ключицу.
Мягкие волоски под пальцами одной руки и подрагивающий низ живота под ладонью второй.
Очередная остановка Учихи заставила Наруто выдохнуть даже громче, чем раньше. Тело налилось требующим хоть чего-то ожиданием, напряжение импульсом прошлось по нему, натягивая нервы канатами, и сворачиваясь клубком внизу живота.
Пальцы Узумаки подрагивали, и хотелось прикоснуться, сделать хоть что-то, а не стоять онемевшим истуканом, потерявшим контроль не только над своим телом, но и над своими мыслями, которые диктовали совершенно уж сумасшедшие желания.
Если его рука двинется ниже…
Тяжёлые шаги раздались будто из другого мира.
А затем и голос из коридора:

– Ребята, помогите мне с ужином!

Саске, насколько это было возможно, медленно отстранился, мазнув рукой вдоль спины Узумаки напоследок, и в этот момент дверь комнаты открылась.

– О. Вижу, ты справился, – довольно проговорил Джирайя, осматривая синяк крестника. – Ну как, Наруто, легче?

– Ммм, – выдохнул Узумаки. – П-пожалуй…

Пользуясь тем, что кровать находилась прям по курсу, он двинулся к ней, подхватывая сброшенную футболку и дрожащими руками пытаясь вывернуть её. Ничего не получалось и спина горела то ли от мази, то ли от пристального взгляда Джирайи.

– Саске, идём, – тронул тот Учиху за локоть легонько. – Нам есть чем заняться.

Учиха молча кивнул, недовольно поглядывая на отшельника, но всё же вышел следом за ним. Бороться с тем, что кипело внутри, было гораздо легче подальше от этого Узумаки. Наруто устало опустился на кровать, взъерошивая волосы руками и пытаясь восстановить дыхание. Тело била мелкая дрожь, отзывающаяся слабостью в ногах и какой-то отупляющей пустотой в голове.
Они опять перешли черту? Саске снова отдалится? Или же этого сегодня было недостаточно, чтобы Учиха вновь выставил свои защитные иглы?
Почему всё это вообще произошло, если ещё пару дней назад он, Наруто, и видеть физиономии брюнета не желал?
Или желал?
Всегда?

"I can't depend on your hate to define my love
Am I strong enough to love your soul?"

«Не твоей ненавистью я определяю свою любовь.
Достаточно ли я силён, чтобы любить твою душу?»

Глава 7. Need to believe.

"Tell me can you save me
From myself?
Am I all you need
And no one else?
You can’t be all that you seem
I just need to believe
Tell me is it safe to assume
I will always be enough for you?
I can’t be all that you need
I just need to believe

I don’t want forever
Only a moment that’s real
And I know that I am just pretending
Cause I don’t believe in happy endings"
Hypnogaja – Need to believe

«Скажи, сможешь ли ты спасти меня
От самого себя?
Тебе нужен я один
И больше никто?
Ты не можешь быть всем тем, чем кажешься,
Мне просто нужно верить.
Скажи, могу ли я уверенно утверждать,
Что меня всегда будет достаточно для тебя?
Я не могу быть всем тем, в чём ты нуждаешься,
Мне просто нужно верить.

Я не хочу вечность,
Лишь мгновение, которое будет настоящим.
И я знаю, что всего лишь притворяюсь,
Ведь я не верю в счастливые концовки».

Джирайя смотрел на этого черноволосого паренька, сидящего на его крыльце. На улице этим утром было довольно-таки прохладно, и не весь туман ещё ушёл в лес, и ненормально худощавая фигурка в джинсах и простой чёрной футболке на всём этом промозгло-осеннем фоне смотрелась очень уж жалко. Отшельник даже поймал себя на мысли, что ему захотелось выйти и накинуть на слегка подрагивающие плечи парня плед, но в ту же минуту он различил в его профиле нечто, заставившее сердце замереть на полпути.
Саске не нуждался в заботе. Он упрямо выпускал изо рта клубы пара, потирая руки друг о друга. Этот парень казался лезвием. Острым и серебристым, которое режет лист и кожу с равной лёгкостью. Только подойди, только тронь и будет больно.
Джирайя поджал губы и качнул головой.
Воспоминания нахлынули с ненормальной чёткостью, и мужчина поспешил занять голову другим. Только вот образ такого же хрупкого парня не лез из головы, словно острота Учихи вспорола защитный слой, что покрывал недозволенные воспоминания.

***

– Долбанный лес, – прошипел Учиха, скользя взглядом по однотипным высоким соснам. Они взяли старую деревню в плотное кольцо и синими тенями охраняли покой давно покинутого места. Даже туман, ластящийся к их корням, казался каким-то сизым. Как сигаретный дым.

Учиха прикусил палец. Курить хотелось просто невозможно и из-за этого постепенно всё начинало бесить. Даже тихий шелест ветра, даже необходимость торчать здесь.
А где ещё?
На этот раз возвращаться действительно было некуда. Дом, если его так можно до сих пор было называть, остался далеко позади и туда путь заказан. Нет, не потому что Фугаку будет пытаться исправить ошибку своей молодости путём убийства оной…
Приходит такое время, когда ты понимаешь – всё. Конец. Какая-то страница дневника твоей никчёмной жизни дописана до последнего клочка свободного места, а дальше только

истёртая обложка, по которой, в принципе, писать можно, но чернила быстро сотрутся.
Также он никогда больше не вернётся в институт.
В ту общагу.
Или на кладбище к могиле женщины, которая оказалась ему чужой, но самой близкой.
Абсурдно.
Из всей семьи у них с Микото была разная кровь, но она истинно любила его. До конца. Неужели обещание «быть до конца рядом» можно сдержать, лишь умерев первым?
Саске фыркнул, сжимая зубы сильнее до боли в подушечки пальца.
Сейчас, когда вокруг была какая-то вековая тишина леса, он смог наконец осознать до конца слова Фугаку.
Да, Микото не была его матерью по крови.
Но хотел ли Саске найти свою настоящую мать?
Вообще-то должен бы…
Ведь жизнь его и так висит на волоске, а поиск пропавшей родительницы в последние её месяцы может стать весьма драматичным и захватывающим сюжетом для любой голливудской мелодрамы.
Нервная улыбка растянула его губы.
Кажется, и без того его жизнь напоминала бездарный сценарий какой-то мыльной оперы, где Хуан Педро никак не мог почить вот уже триста вторую серию к ряду.
Нет. Докопаться до истины ему не хотелось.
Да. Была когда-то какая-то женщина, давшая ему жизнь.
Да, он был какое-то время в её утробе, а потом…
А потом каким-то образом он попал в семью Учих.
А дальше было неинтересно. Что стало с той женщиной, где она сейчас?
Более того, даже её решение оставить ребёнка отцу Саске совершенно не удивляло. Наверное, ещё в младенчестве он источал какую-то совершенно необыкновенную ауру, заставляющую всех от него отказываться.
А с возрастом эта аура лишь развивалась, превращаясь в острые иглы, ранящие любого.
Наконец, всё встало на свои места.
Саске провёл руками по лицу, взъерошивая волосы и улыбаясь чему-то своему. В голове было совершенно пусто, как и раньше,

но теперь он отчётливо ощущал себя. Словно бы, выпустив излишек крови, тело-таки почувствовало своего хозяина.

***

Орочимару вышел из небольшого магазина, что находился недалеко от дома. Купить сигареты, сока и немного еды – ежедневная рутина, которой заканчивается каждая рабочая смена именитого хирурга.
На улице была какая-то противная утренняя хмарь, но мужчина не спешил быстрее добраться до дома, шагая так медленно, как только мог.
В голове крутились картинки прошедшей операции, которую хотелось бы забыть поскорее. Ничего особенного. Завтра мозг будет чист, словно белый лист.
Взгляд Орочимару скользнул по окнам высотки, в которой он жил. Дорогой район, ничего не скажешь. И ни в одном из окон не горел свет. Утро же, действительно, зачем?
Орочимару, подивившись своим странным мыслям, уселся на холодную лавочку перед подъездом. Он устал за эту ночь так сильно, как не уставал уже давно. Рука сама собой скользнула в карман, и доктор достал новую пачку сигарет, любуясь её нетронутостью. Цельностью, которая спустя минуту была разорвана и в пальцах уже дымилась ментоловая палочка, полная желанного никотина.
Все люди одиноки.
И он не исключение. Возможно, он был самым настоящим отшельником в этих каменных джунглях. Почему не завести семью? Почему не завести друзей?
А смысл от этих людей в жизни? Орочимару не видел.
Или же он перестал видеть его тогда, когда его руки самолично забрали первую жизнь.
И с тех пор, одиночество стало единственным верным спутником.
Ведь так или иначе – тебя предадут.
Мы все слишком зациклены на своих чувствах, забывая прислушиваться к болезненным и молчаливым крикам чужих душ.
Рука скользнула во внутренний карман пальто, и он вытащил на тусклый утренний свет потёртую фотографию.

Трое улыбающихся молодых людей в больничных халатах.
Весёлые.
Полные жизни.
А что стало с ними теперь? Один давно изгнил, а два оставшихся сжигают свои души никому ненужными сожалениями.

***

Наруто проснулся рано.
То ли потому что на новом месте ему всегда спалось плохо, то ли потому что из кухни донёсся грохот кастрюль.
Парень резко сел, уставившись в стенку, и сонно потёр глаза. В комнате до сих пор было темновато, но за окном уже серело. Спустив босые ноги на пол, Узумаки порадовался, что заснул прямо в одежде, ибо пол оказался ледяным. Пришлось тут же нащупать кеды и, стаптывая пятки, просунуть в них стопы. Подхватив с кровати плед, Наруто замотался в него и, шаркая, направился на громыхающий звук.

– Джирайя, – хрипло позвал парень, останавливаясь в дверях прихожей-кухни и щурясь. – Что здесь произошло?

А здесь явно произошло «нечто». По полу были рассыпаны кастрюли, в углу покачивалось перевернувшееся набок ведро. Старик, пытающийся достать с верхней полки что-то, запоздало обернулся к крестнику и выпалил:

– Мыши.

– Мыши? – нахмурился Наруто, оглядывая дощатый пол. – Мыши перевернули кастрюли?

– Я перевернул, – отозвался недовольно отшельник, вытягивая руку и слепо шаря ею по верхней полке, до которой он не доставал. Почему бы было не встать на табуретку, Наруто так и не понял.

– Хотел прибить её метлой, но не попал… зараза!

– А, – глубокомысленно изрёк блондин, осторожно продвигаясь поближе к окну. – А Саске… встал уже?

– Не поверишь…

– М?

– Встал.

Наруто оглядел комнату и, не найдя хмурого брюнета, вопросительно уставился на крёстного.

– Да не дёргайся, – усмехнулся тот. – Во дворе он.

– Я и не дёргаюсь, – неуютно передёрнул плечами Узумаки и глянул в окно. Да. Учиха действительно сидел на крыльце.

– Я вижу.

– Джирайя, я не дёргаюсь, – с нажимом повторил Наруто.

– Ну как хочешь, конечно, – прыснул отшельник и отошёл от полки, крутя в руках какой-то пакетик. – Буду травить мерзавок, а то всё зерно перетаскают и будем кору глодать.

– Ну… удачи. Я пойду…

Наруто улыбнулся как-то натянуто и юркнул за дверь, пока не в меру активному с утра пораньше старику не взбрело в голову использовать бесплатную рабочую силу крестника для поимки грызунов.
Оказавшись на пороге, Наруто поёжился от моментально забравшегося под плед холодка. Он-то, посмотрев на лёгкую футболку Саске, подумал, что здесь не так уж холодно, но забыл, что Учиха склонен к странному самоистязанию.

– Эй, – тихо позвал блондин, усаживаясь рядом. – Рань какая…

– Пять утра.

– Кошмар, – зевнул Наруто. Словно испугавшись цифр, организм вновь начал впадать в липкую сонливость. – Ты почему не спишь?

– Курить хочу.

Наруто отвернулся от однообразного пейзажа тёмных сосен и взглянул на такое же тёмное от каких-то мыслей лицо друга.

– А у тебя нет? Странно…

Повернувшись к нему, Саске усмехнулся:

– Действительно. И почему же я, когда резал руки, не положил в карман запасную пачку. Было бы чем в морге заняться…

Нахмурившись, Наруто толкнул брюнета плечом в плечо, и тот как-то странно замер. Это было почти незаметно, но, пробыв с Учихой достаточное количество времени, блондин научился различать полутона его эмоций. Сейчас Саске показался ему человеком, по телу которого пропустили слабый, но раздражающий, разряд тока.

– Извини.

Наруто даже слегка отодвинулся от парня и вздохнул. Кажется, вчерашняя оттепель закончилась, и теперь опять придётся балансировать на тонком канате между скандалом и не таким сильным скандалом.
«Идиот», – мысленно вздохнул Саске, складывая руки на согнутых коленях и укладывая голову поверх них. Спина протестующе заныла, но мышцы вскоре привыкли к странному положению и расслабились, позволяя спокойно созерцать перемещающийся медленно туман.
Наруто напоминал преданного золотистого лабрадора, который вновь и вновь ластился к хозяйской руке, как бы сильно эта самая рука не била. Рано или поздно хозяин, конечно, избавится от надоедливой псины, устав чувствовать себя последней сволочью, глядя в эти большие глаза.

– Ты позвонил родителям? – спросил Саске, чтобы прогнать из головы странные мысли.

– Вчера, – выдохнул Наруто.

– Ну и как?

– Хех… в общем, они не рады. Сказали, чтобы я был дома к понедельнику.

– Послезавтра?

Это известие что-то дёрнуло в груди, и Саске невольно насторожился. Ему даже показалось, что появилась какая-то странная слабая злость, но он пока старался не обращать на это внимания.

– Угу.

– Поедешь?

Наруто всё же повернулся к нему и смерил непонятным взглядом. Молчание затягивалось, но Саске не стремился разорвать зрительный контакт, пытаясь разглядеть в глазах этого идиота остатки здравого смысла.

– Нет, – спокойно улыбнулся Наруто, и от этой улыбки Саске скривился, отворачиваясь.

Конечно, чего ещё можно было ожидать от Узумаки?

– Недоволен?

– Плевать, – буркнул Учиха, пожимая плечами. – Ты хочешь портить отношения с родителями, не я.

– Да уж… – хмыкнул Наруто, натягивая плед по самый подбородок и зябко ёжась.
Саске хохотнул мрачно. Портить отношения с Фугаку и дальше было просто невозможно. Их уже и так не было.

– Болит?

– Что? – встрепенулся начавший потихоньку дремать Наруто.

– Спина.

– А-а-а, – протянул блондин, сжимая края пледа. В лицо неожиданно прилил жар, и Наруто почувствовал, как предательски заалели его щёки, а потом и уши. – Не очень…

Какая-то слишком нелепая тишина повисла между ними. Саске был удивлён. Впервые за долгое время он сидел рядом с Наруто и не знал что сказать, а тот, в свою очередь, не пытался вытянуть из него хоть что-то, похожее на человеческий диалог. Наверное, что-то действительно изменилось, если они научились молчать рядом и при этом не испытывать неловкости. Учиха вообще не понимал, почему люди испытывают такое странное чувство рядом с другими. Так или иначе, мы являемся единственным главным героем нашей жизни, а это значит, что остальные играют роль или декораций, или же массовки. В жизни каждого есть такие люди. Люди-картонки. Они вроде бы и есть, вроде бы и рядом, но всегда где-то на заднем фоне бледнеют своими неровными гранями и фальшивыми улыбками, и пожеланиями доброго здравия. Картонки с искусственным интеллектом, созданные специально, чтобы заполнять пустоту наших жизней. Иначе нам было бы неуютно, иначе мы бы не поверили в эту иллюзорную реальность.
Саске поднял глаза к серому небу, где рваными полосами пузырились светлые облака. Возможно, всё это, окружающее их, на самом деле лишь игра воображения, а настоящая жизнь спрятана именно внутри, в чувствах и эмоциях. Раньше он об этом, если и задумывался, то одёргивал себя как только мысли начинали увязать в чём-то вроде ступора. Теперь же… теперь многое изменилось, и в голове было достаточно пусто, чтобы забивать её такими ерундовыми размышлениями об устройстве мира.
На плечи внезапно опустилось что-то тёплое и мягкое, вырывая Учиху из размышлений и заставляя повернуться к блондину,

удивлённо вскинув брови. На этот взгляд Наруто ответил какой-то несмелой улыбкой, но глаза парня горели решимостью.

– Раз уж ты решил помедитировать с утра, то делать это лучше в тепле.

– Мне не холодно, – передёрнул плечами Саске, но всё-таки плед скидывать не стал. Ощущения тела вернулись к нему, пусть и не в полной мере, но морозец уже начинал пощипывать голые руки, да и шея стыла нещадно. Так что он был вынужден признать свою слабость перед холодом. А упрямость… упрямость она всегда будет где-то рядом.

– Холодно, – уверенно кивнул Наруто, подцепив пальцами край пледа и притянув его к себе, таким образом замыкая этот пушистый кокон вокруг их тел. Пододвигаться Узумаки не спешил, буквально ощущая напряжение, исходящее от Саске.

Поразительно… Наруто никогда не был особо проницательным или эмпатичным человеком, но за последнее время научился понимать этого раздражительного идиота по взгляду или сжатым тонкой полоской губам. Наверное, все мы приобретаем какие-то навыки в особо опасных ситуациях. А тот факт, что находиться рядом с Саске всё ещё опасно, опровергать было глупо. Учиха из разряда тех людей, которых можно сравнить с затаившимся дворовым псом. Сейчас он машет тебе хвостом и заискивающе тыкается влажным носом в руку, а спустя секунду твою конечность уже прошивают длинные клыки.
Вздохнув, Саске смирился с решением Наруто поиграть в няньку и сложил руки на груди, сутулясь. Так было теплее, но не спокойнее. В голове в очередной раз роились мысли, и не давала покоя какая-то непонятная тревога. Слишком слабая, чтобы понять, откуда она исходит, но достаточно назойливая, чтобы надоесть.

– Почему ты не спрашиваешь, зачем я сделал это? – проговорил брюнет, глядя на усеянную листьями землю.

– Это? Что именно?

– Не прикидывайся идиотом, – шикнул он раздражённо.– Ты прекрасно понимаешь, о чём я.

Наруто понимал и тяжело вздохнул:

– Ты ведь всё равно не расскажешь… зачем лишний раз пытаться.

Долгий взгляд Учихи выдержать было сложно.

– Ты так просто сдаёшься? – иронично вздёрнул бровь Саске.

– Я просто слишком хорошо тебя знаю.

– Неужели?

– Представь себе.

Очередная игра в гляделки. Глаза в глаза. Так непривычно и так холодно, что Наруто поежился под пледом, мысленно костеря треклятого Учиху, решившего проветриться и поговорить «о высоком» именно на крыльце.
У него ничего не бывает просто. Если ругаться, то до драки, если говорить, то обязательно на морозе.

– Ни черта ты не знаешь, – фыркнул Саске, разрывая контакт и отворачиваясь.

– Например, – не отступал Узумаки. – Чего я не знаю о тебе?

Косой взгляд и вновь каменное лицо, обращённое к лесу.

– Микото не была моей матерью.

Это прозвучало тихо, но твёрдо. Саске не печалился, если судить по его голосу.

– Это… это отец тебе сказал?

– Да.

– А… а кто тогда?

Наруто чувствовал себя слегка неловко. Такие темы относились к разряду серьёзных, а Узумаки с трудом мог поддерживать, когда того требовалось. Всё, что он умел – находиться рядом, надеясь, что хотя бы это как-то поможет человеку. А уж Учиха не был тем, кому нужны были слова поддержки.

– Я не знаю.

– И не хочешь узнать?

– А смысл? – скривил губы Саске. – Мне это уже ни к чему.

– Почему это?

Саске не ответил, выпутавшись из пледа и поднимаясь с крыльца. Сидеть вот так под одной нагретой тряпкой было выше его сил. Все эти попытки Наруто согреть его не только физически, но и морально, проваливались под гнётом его, Учихи, мыслей, которые вовсе не располагали к подобного рода вещам.
Махнув рукой едва заметно, Саске двинулся в сторону калитки, засунув руки глубоко в карманы джинс. Хотелось пройтись и плевать, что холод вновь начал кусать за руки.

– Эй! – окрикнул Наруто удаляющуюся от него фигуру и поспешно натянул стоптанные кеды на пятки. – Подожди.

Едва не путаясь в пледе, Узумаки нагнал брюнета, который, естественно, даже притормозить не подумал.

– Куда тебя чёрт дёрнул?

– Пройтись.

– Саске, в чём дело?

Но Учиха лишь хмыкнул, предпочитая вновь окружить себя гробовым молчанием. Он даже смотреть на Узумаки перестал, словно бы это можно было тоже считать за подобие диалога. Они вышли за пределы двора Джирайи и медленно двигались по дороге в сторону покосившихся и поросших мхом домиков. Лес в этом месте казался особенно молчаливым. Если бы Саске был достаточно суеверным, то обязательно вспомнил бы какую-то легенду о проклятых и заброшенных местах, куда лучше не соваться.
Саске резко свернул в сторону более-менее сохранившегося дома. Крыша местами провалилась, но строение все ещё держалось под натиском сырости и времени.

– Ты хочешь зайти туда? – опасливо спросил Наруто, шагая за брюнетом и недоверчиво поглядывая на хлипкую хибарку.

Саске не просто хотел, он зашёл, дёрнув на себя дверь так сильно, что та печально скрипнула.

– Саске, прекрати. Туда нельзя.

Учиха передёрнул плечами и скрылся в чёрном нутре развалины, откуда пахнуло сыростью и грибами.
Замерев, Наруто неуверенно топтался на пороге, окружённый высоким бурьяном и какими-то торчащими из земли досками. Саске было не видно отсюда, и Узумаки начал злиться на своего не в меру глупого спутника.

– Учиха! – раздражённо позвал он. – Выйди оттуда. Он сейчас рухнет тебе на голову!

Или его не услышали, или же не захотели слушать, но никто из дома не вышел. Ругнувшись, Наруто подобрал плед и сам двинулся следом, осторожно ступая под сень покосившегося домика.

– Блин, Саске…

Учиха стоял у чудом сохранившегося обеденного стола, трогательно заправленного пожелтевшей от времени

скатертью. Местами на ней зеленели большие кляксы мха, а с другой стороны виднелось рыжеватое пятно от накапавшей с потолка воды. Этот стол смотрелся как-то жутковато в полностью пустой комнате, где прежнюю обстановку можно было угадать лишь по остаткам мебели, что давно превратились в истлевшие щепки.
Сквозь окно, ощерившееся осколками стекла, сюда попадал тусклый свет, и тени по углам из-за этого только чернее стали. Здесь было неуютно. Как в склепе.
Но Саске нравилось это ощущение давно оставившей это место жизни. Можно было додумать то, как и почему хозяева оставили свой обжитый домик в лесу. Возможно, они нашли что-то получше или же решили перебраться в город. Конечно, фантазия рисовала так же и самые страшные, нереальные картины, но Саске лишь усмехался им.

– Что мы тут забыли? – раздражённо проговорил Наруто, поглядывая в сторону темнеющего дверного проёма. За ним была ещё одна комната, но отсюда было совершенно не видно, сохранилась ли она или нет.

– Тут тихо.

– Снаружи тоже не особо шумно.

– Нет. Тут по-особому тихо.

Саске поднял голову, глядя на потолок и бурые разводы. Штукатурка, или чем он там был покрыт, давно осыпалась, и теперь виднелись полусгнившие балки и перекрытия. Дом должен был вот-вот рухнуть, и что-то внутри Учихи желало, чтобы это случилось именно сейчас.
Дешёвая могила в живописном месте…
Похороны без особой помпезности и долгих речей. Быстро и дёшево.
Но тогда ведь и Наруто сгинет под обломками?
Учиха повернулся к блондину, скользя по нему задумчивым взглядом.
Да. Узумаки был всё ещё жив, всё ещё полон энергии, которой в Саске больше никогда не будет. Да, этот факт до сих пор злил,

но теперь на душе оставалось совсем иное.
Горький осадок осознания того, что после тебя у этого человека всё ещё впереди. Печаль о том, что ты не будешь рядом с ним и постепенно тебя забудут, как бы не обещали помнить у могильной плиты.
У него будет своя жизнь.
А у Саске будет своя смерть.
Настоящая на этот раз.

– Почему ты не хочешь найти мать? – решив, что лучше заболтать Саске, пока тот не решил пойти осматривать дом дальше, спросил Наруто.

– Я умру.

Узумаки нахмурился, напряжённо вглядываясь в серьёзное лицо Саске.

– То есть?

– А ты думал, что я здоров на все сто? – усмехнулся Учиха, постукивая пальцами по столешнице. – Думал?

– Я…

Наруто внезапно осознал, что ему хотелось верить в это, и он даже не задумывался о том, полностью ли здоров Саске. То есть… он знал, что друг не в порядке, знал о необходимости принимать лекарства, но надеялся, что это просто какие-то меры предосторожности или средства для скорого выздоровления.

– Но почему? Операция ведь…

– Операция, – скривился Саске. – Они просто нажали на кнопку паузы.

– И ты… ты умрёшь? – с трудом проговорил Наруто, ощущая, как возвращается почти забытое чувство. Ему опять показалось, что он стоит у пропасти и вот-вот рухнет в неё. Это глупо. Всё

вновь повторяется, даже слова не особо другие.

Саске с присущей холодностью говорит о своей смерти, Наруто с тихим ужасом принимает эту новость и… ничего не может сделать, изменить. Беспомощность вновь легла на плечи, воскрешая своим прикосновением глупую веру в то, что всё ещё можно изменить.

– К моему счастью, у меня есть шанс двинуться раньше, чем это произойдёт. Так что…

Саске прошёлся по скрипнувшим доскам, провёл рукой по стене, сметая с неё мох, и остановился сбоку от Узумаки.

– Я буду рад, не осознавать своей смерти.

– Но почему ты…

– Умру? Просто рак похож на мох или плесень, а мой мозг, – тонкий палец упёрся в висок Наруто, словно дело было именно в нём.

Узумаки скосил глаза на брюнета.

– Мой мозг, – повторил парень. – Прогнил так же сильно, как и этот дом.
Палец надавил сильнее, коротким ногтем царапая кожу. – Перекрытия скоро не выдержат, балки почти истлели. И крыша скоро рухнет окончательно.

– А починить? – хрипло произнёс Наруто, глядя в это бесстрастное лицо, которое смотрит на него совершенно спокойными чёрными глазами. – Ведь в этот раз…

– В этот раз мне повезло, – не весело усмехнулся Саске, будто эта самая удача не принесла ему никакой радости. – В следующий раз легче будет просто вынуть мозг и оставить пустую черепушку.

Его рука легко прошлась по виску Наруто, зарываясь пальцами

в волосы на затылке и сжимая их до едва ощутимой боли. Узумаки опустил глаза, уткнувшись взглядом в район ключиц парня. Значит, всё начинается сначала. Или же продолжается. Боль осознания была настолько сильной, что парализовала, не давая даже вдохнуть полной грудью. Надежда, вера в лучшее – всё ощерилось острыми шипами и теперь терзало наивную душу, решившую довериться случаю.
Ведь чудес не бывает…
И Узумаки какой-то своей более рациональной половиной уже давно понял, что хорошим конец их истории не будет. Просто не сможет быть, ведь в реальности всё именно так и бывает. Жестоко, слишком больно, с горьким привкусом слёз на губах, которые нельзя показывать никому, тем более, себе. Потому что, тогда привыкнешь плакать, привыкнешь к этой солоноватой воде, которая, вытекая из твоих глаз, приносит мнимое облегчение.
Нет, Наруто даже не думал ударяться в слёзы. Бред. Он просто смотрел перед собой, вновь и вновь прокручивая в голове слова Саске.

– Моя смерть не будет самым ужасным, что ты увидишь, Наруто. Если останешься. Я… слышу голоса, вижу всякое. Эти голоса говорят мне убить… тебя.

Он нервно глянул на Наруто, но блондин так же молча смотрел перед собой. Прочитать что-либо по его застывшему лицу было невозможно, а разворачивать Узумаки к себе лицом Саске сейчас не хотел. Вдруг в голубых глазах всколыхнётся жалость?

– Я могу причинить тебе вред, идиот, – совершенно не зло пробормотал Учиха.

Кутаться в полог злости и отчуждённости сейчас было не нужно.
Он выдохнул, борясь с желанием послать всё подальше и свалить отсюда как можно быстрее. Зачем он затеял эту глупую игру с разговором? Объяснять что-то кому-то? Рассказывать и делиться?

– Теперь ты знаешь всё, – как-то совсем тихо продолжил Саске.

– И можешь выбирать сам – уходить или остаться.

Он опустил руку, понимая, что нелепый жест слишком затянулся, и не стоит позволять себе такого. Это сейчас ни к чему.
Но к удивлению брюнета его руку быстро поймали и сжали горячей ладонью.

– Если ты надеялся меня этим напугать, то ты придурок, – сухо процедил Узумаки, не поворачиваясь. – Самый настоящий придурок, Саске.

Наруто облизнул губы, слегка нахмурившись.

– Я могу убить тебя. Ты понимаешь? – бесцветным голосом проговорил Учиха. – Я не хочу забирать две души… я уже тебе это говорил.

В душе начала ворочаться та, почти забытая боль. Она звоном отдавала в ушах, и губы кривились в подобии оскала.

– Так что… проваливай, Наруто. Просто уходи. Я не спрашиваю тебя, хочешь ты этого или нет… Просто. Уйди.

Саске не успел заметить, когда в какой-то момент он оказался прижатым к стене. Пальцы блондина вцепились в его плечи, и голубые глаза искрились злостью. Узумаки не смущало ни то, что они в заброшенном доме, ни то, что стена за спиной Саске вот-вот провалится, не выдержав напора.
Его волновало лишь одно: непонимание в этих чёрных глазах.

– Ты угрожал мне пистолетом. Забыл?! – прорычал Наруто удивительно тихо, но твёрдо. – Мы с тобой дрались. Забыл?!

Саске помнил. Пока что помнил.
Он смотрел на лицо блондина и не мог говорить, лишь потому что Узумаки казался отделённым какой-то стеной.

– Ты предал меня, соврал мне. И я вернулся. Ты прогонял меня сотню раз, а я остался. Учиха, чёрт тебя побери! Прекрати это!

Пальцы сжались сильнее, комкая тонкую ткань чёрной футболки и едва не впиваясь в тело.

– Почему ты никак не поймёшь, что я никуда не хочу уходить?! – прошипел Наруто. На его странно побелевшем лице вспыхнул лихорадочный румянец, глаза озарились нехорошим светом.

– Потому что, – сквозь острые осколки оцепенения, что забили рот, проговорил Саске. – Ты рано или поздно уйдёшь.

– Ч-что?! Я же сказал…

Натуральный рык сорвался с губ блондина, но рук он не разжал.

– Вы все уходите, стоит вам доверить свою душу, – тяжело процедил брюнет. – Вы клянётесь, божитесь… а в итоге…

Он опустил голову, сильно зажмурившись.

– В итоге я остаюсь один. Я. Всегда. Один.

Пальцы дрогнули, и хватка Узумаки ослабла. Он смотрел на парня перед собой и не мог узнать в нём прежнего Саске, который скорее на хер пошлёт, чем будет выворачивать душу наизнанку.

– Ты мне до сих пор не веришь?

– Я никому не верю, – тряхнул головой Саске. – Даже себе.

«Потому что в моей голове много чужих голосов, и каждый из них говорит делать что-то одно», – мысленно заметил брюнет. Какая-то странная усталость и подавленность навалилась на него. Это всё копилось слишком долго, чтобы сейчас найти выход в простых словах. Не было возможности выразить свои чувства ничем: действия слишком скупы и трактуются по-разному, слова – пустышки. Так как же тогда?
Он устал пытаться.

Саске, игнорируя разжавшиеся руки Наруто, съехал спиной по стене, усаживаясь прямо на грязный пол. Перед глазами были ноги в джинсах, и за ними виднелась распахнутая дверь, сосны, пожухлая трава.

– Я устал, Наруто, – признался Учиха, поднимая глаза на блондина. – Я больше ничего не могу сделать. Я больше ничего не хочу делать. Я просто…

Он стукнулся затылком о стену, даже не пытаясь закрыть глаза, отделиться от этого мира тонкими перегородками век. Боль всё равно никуда не уйдёт: она остаётся в теле, пропитав его до последней косточки, клеточки. Поросшая мхом душа не очистится, а истлеет.

– Я никому не могу верить. Мне больно доверять.

Губы шевелились помимо воли хозяина, будто тело было больше не в силах держать эти слова за толстым слоем из грубости и усмешек.

– И как бы я ни хотел, я не смогу. Ты будешь повторять тысячу раз, что останешься со мной, а я скажу в тысяча первый, что это враньё.

Учиха прикусил губу, коря себя за болтливость. Зачем он рассказывает это? Ведь в итоге его откровения ничего не изменят – Наруто как был чужаком, так им и останется.
Или же он не чужак?
Душа дрогнула, посылая по телу болезненную волну. Чужак, свой, друг, враг! Да какая разница! Ни одно из этих слов не могло выразить полной картины. Всего лишь буквы!
Звуки.

– Знаешь, Наруто, есть такие псы, – со спокойной улыбкой сказал Саске, глядя в дверной проём мимо стоящего перед ним парня. – Они… никогда не станут домашними, добрыми и любящими, только потому что их много били в детстве. Они запомнили только боль и болью же могут платить за добро. Я не хочу… платить тебе так.

Учиха замолчал. Говорить больше было нечего, и в голове была такая привычная пустота.
Наруто медленно опустился на пол перед Саске, заглядывая в непривычно растерянное лицо. Взгляд Учихи утратил бывалую остроту, но смотрел по-прежнему колко, почти холодно, хотя губы больше не кривились в презрительной ухмылке. Он действительно устал и дело не только в изъевшей его болезни. Бороться с самим собой очень трудно. Когда не веришь никому вокруг, то как можешь поверить себе? Ежедневно доказывать себе что-то, не чувствовать ничего, кроме холода, злости. Обманываться и обманывать, потому что атаковать всегда нужно первым. Иначе будет больнее.
Поймав ворот футболки в свои руки, Наруто сжал её так крепко, будто Саске уже начал проваливаться сквозь эту дряхлую стену.

– Если ты можешь дать мне только боль, то боль я и возьму, – заглядывая в лицо парня, проговорил Узумаки и неуверенно улыбнулся. – Чем это не чувство?

Если этому дому суждено обвалиться, то пусть погребёт их обоих под своими замшелыми досками. Так будет лучше, так будет правильно.
Жизнь одного длится, пока жив другой, ведь без одного звена цепь не может быть целой, если только не спаять звенья насильно с другими.
Саске не понимал Наруто никогда. Он не знал, как так можно жертвовать своей жизнью для чужого человека: бросать учёбу, ругаться с родителями и уезжать куда угодно, будто дальше ничего и нет. Как можно добровольно рушить свою жизнь, сжигая мосты и развевая пепел…
Наруто слабо улыбнулся уголками рта, подползая ближе к Саске и укладывая руки у него на коленях. Нелепый лоскутный плед вновь закрывал их почти полностью, но холод Узумаки не замечал уже давно.
Время бежало так быстро, что от него оставались полупрозрачные шрамы на руках безумцев, пытающихся удержать его. Толстые нити обязательств, правил и принципов сковывали тело, въедаясь в кожу.

Устало вздохнув, Наруто ткнулся лбом в ключицу слегка вздрогнувшего от неожиданности Саске. Его футболка привычно пахла табаком, какими-то лекарствами и этот запах заставлял прикрыть глаза и глубоко втянуть воздух.
Узумаки не боялся того, что Саске сейчас начнёт издеваться в своей излюбленной манере. Учиха, казалось, вообще обратился в камень.

***

– Говоришь, дом в лесу? – поморщился Фугаку, теребя в руках ключи от машины.

Кусая губу, Итачи судорожно кивнул, не отводя взгляда от дороги. Мимо застывшей у тротуара машины проходили люди и бросали пустые взгляды на сидящих в ней мужчин. Если бы кто-то пригляделся, то наверняка бы узнал в одном из них будущего кандидата в мэры. Но по своему обычаю люди внимательнее разглядывают баннеры, нежели живые лица.

– И почему ты говоришь это мне сейчас? Ты же сам его увёз туда.

Жесткий тон голоса Фугаку подошёл бы больше для переговоров с конкурентами, нежели для разговора с сыном.

– Я не думаю, что это для него лучший выход, отец. Это лес… там нет врачей.

– Да, ты прав, – задумчиво постукивая пальцами по рулю кивнул Фугаку.

– Ему там не помогут, а сам Саске не захочет оттуда уехать. И меня не послушается.

– Ты прав, – повторил Учиха. – Остаётся только забрать его оттуда. С кем он там? Один?

– Н-нет, – тряхнул головой Итачи. – Там Наруто… и отшельник.

– Прекрасно, – безжизненная улыбка. – Лучше Саске ничего придумать не мог.

– Отец…

Итачи всё-таки воззрился на мужчину с непередаваемой смесью эмоций в глазах. Он нервно облизнул губы и, дождавшись пока Фугаку повернётся к нему, торопливо выпалил:

– Пообещай, что ты поможешь ему. Саске нужно лечение… а не всё это. Хорошее лечение.

– Конечно, Итачи, – выдохнул терпеливо Фугаку, похлопывая рукой по руке сына. – Я помогу ему. Он всё ещё мой сын.

***

Саске поднял глаза на Наруто, и блондин слишком поздно осознал, что в этом взгляде что-то изменилось. Он сверкнул бритвенной остротой, а в следующий миг уже Учиха хватал его за ворот футболки.

– Боль, говоришь, – прошипел брюнет.

– Саске?

– Ты хоть понимаешь, чем тебе это может грозить?! Ты хоть понимаешь, что ты рушишь свою жизнь?!

– Саске, – руки успокаивающе легли на скрытые бинтами запястья. – Я прекрасно понимаю… и меня это не пугает.

– Не пугает?! А что тебя может испугать, что бы ты ушёл?

Холодок волнения начал забираться под рёбра, но Наруто действительно не боялся. Он смотрел в искажённое злостью лицо Саске и не видел в нём ничего, кроме усталости и обречённости. Наверное, эти два чувства и доводили брюнета быстрее, чем могла довести болезнь.

– Ничего.

– Ничего? – выпалил Учиха, сдвинув брови.

«Он врёт», – отчётливо прозвучало в его голове, и Саске зыркнул в дальний угол комнаты. Да, Белокожая пришла как раз вовремя, чтобы начать диктовать свои правила игры. Сложив тонкие руки на груди, она наблюдала за ним своими большими водянистыми глазами и довольно улыбалась. По распущенным чёрным волосам будто вода стекала, но на пол капли не падали. Она выжидала чего-то, как ждут стервятники.

– Куда ты смотришь? – спросил Наруто, прослеживая траекторию взгляда парня, но натыкаясь лишь на пустой угол.

Дёрнувшись вверх, Саске перехватил Наруто за предплечье и потянул совсем не в сторону выхода, а, наоборот, вглубь дома. Узумаки запоздало дёрнулся, прихватывая плед, чтобы тот не свалился с плеч вовсе.

– Ты что делаешь? – выпалил Наруто, перехватывая второй рукой руку Саске и пытаясь его остановить. – Туда нельзя.

Учиха замер и резко обернулся к блондину, едва не столкнувшись с ним носом. Жёсткий холодной, но полный едва заметной надежды, взгляд вперился в глаза Наруто, и парень перестал сопротивляться.

– Ты сказал, что будешь со мной, что бы ни происходило.

– Да…

– Тогда пойдём.

Наруто настороженно взглянул за спину Саске. Там зияла чёрная пропасть, словно и дома-то не было, а сплошная мгла и хаос.
Отказаться значило разрушить всё, что было наспех выстроено, развернуться и уйти значило предать, а остаться – пойти на поводу у Учихи и рисковать своей жизнью.

– Пойдём, – твёрдо кивнул Наруто. – Раз по-другому я никак не могу доказать тебе… тогда пойдём.

Он с трудом высвободил свою руку из цепких пальцев и просто сжал их, как несколько минут назад.
И они двинулись вперёд по узкому, заваленному досками и черепицей коридору. Совсем скоро Наруто перестал видеть что-либо, но Саске упорно вёл куда-то, будто знал дорогу на ощупь. По ступенькам вниз едва не скатились, а когда в лицо пахнуло сыростью и холодом, Наруто понял – подвал.

– Что мы здесь делаем?

Пол одной из комнат бывшей над подвалом провалился, и теперь сюда попадало немного серого света, делая эту тьму не кромешной. Можно было разглядеть высокие полки с баллонами, полными мутной жижи, ящики с изгнившими овощами и какие-то тряпки, грудой сваленные в углу.

– Не знаю, – скрипнул Саске, разжимая пальцы и проходя вглубь подвала.

В голове у него всё плыло, и картинка перед глазами дрожала. Всё было нечётким, расплывчатым… излишне ярким или же слишком тёмным. Он не мог определиться – всё было слишком зыбким.
Кроме этих теней по углам, что принимали человеческие формы.
Кроме Белокожей, появившейся прямо в пятне света.

– Ну… хорошо, – неуверенно произнёс Наруто, настороженно оглядываясь по сторонам и следуя за Саске. На миг в голову забралась мысль о том, что если дом-таки рухнет, то их не найдут, а потом Узумаки отмёл её. Сколько уже стоит здесь эта хибарка? Год, два? Или ещё больше? И ведь ничего пока не рухнуло, так почему именно сегодня?

Потому что всё то время никто сюда не лазил и о стены спиной не бился…

Он опять играл в игру по правилам прежнего Саске. Опасная, глупая игра без призовых мест…

– Я никогда не смогу понять, где мне врут, а где я вру сам себе, – неожиданно сказал Учиха, протягивая руку к тонким белым лучикам света. – И поэтому никогда не поверю тебе.

– Но ведь мне незачем тебе лгать…

Наруто неуверенно опустил ладонь на плечо парня, и в ту же секунду его встряхнули за плечи, приложив к какому-то стеллажу. От боли в спине Узумаки зашипел, инстинктивно упираясь ладонями в грудь и пытаясь высвободиться.

– Ты готов терпеть боль, – прошипел Учиха. – А что о боли ты вообще можешь знать?

– Многое!

– Ни хера ты не знаешь!

– Я… знаю.

Руки Саске давили всё сильнее, и Наруто спиной почувствовал, как опасно пошатнулся стеллаж. Одна из банок не выдержала и свалилась с полки, тренькнула звонко и в воздухе разлился удушающий тухлый запах.

– Я знаю, что мне было очень херово, когда ты меня предал! – прорычал Наруто неожиданно зло даже для самого себя. – Ты думаешь, это не боль?!

Он раздражённо оттолкнул от себя руки Учихи и добавил лёгкий тычок в грудь раскрытой ладонью, чтобы Саске отступил на шаг назад.
Злость, сдерживаемая всё это время, окутала его с ног до головы горячим коконом, и Наруто не хотел больше сдерживать её.

– Ты поступил со мной так, как поступают с мусором или

вещью, Саске. Ты всё решил за меня. Ты слышишь?!

Учиха слышал, но не мог ничего ответить, поражённо глядя в побелевшее от злости лицо Узумаки.

– Ты сбежал, испугавшись ответственности. Ты требуешь от всех, чтобы они сдерживали свои обещания, а сам их даже дать не можешь!

– Нет смысла…

– Заткнись, Саске! Ты долбанный придурок! Ты… ты…

Дыхание неожиданно закончилось, и Узумаки сжал кулаки, вперившись горящим взглядом в застывшего Учиху. Брюнет не выглядел напуганным, да и что бояться какого-то щенка, который возомнил себя матёрым волком? Только вот Наруто не хотел кусать побольнее. Ему хотелось, чтобы этот упрямец наконец-то осознал, что без него хуже, чем с ним и со всеми его галлюцинациями.

– Ты хочешь держать всё под контролем, но чужими чувствами ты управлять не можешь, – уже тише, но так же яростно, прошипел Наруто. Слова сыпались из горла ядовитыми стрелами, что никак не могли достигнуть цели.

– Чувства? – прищурился Учиха. – Какие чувства? Твоё желание доказать себе, что ты чего-то стоишь?

– Моё желание доказать тебе, что ты мне важен!

– Почему? – громко проскрежетал Саске. – Зачем тебе всё это? Заигрался в ненормальные отношения? Понравилось думать, что ты особенный?!

Это случилось быстрее, чем Наруто смог дать себе в этом отчёт. Рука взметнулась вверх, и кулак прошёлся по скуле Учихи. Инерция протащила обоих вперёд, но лишь Наруто сумел удержаться на ногах, в то время как Саске ухватился за стеллаж, не позволяя телу завалиться на земляной пол.

Он поднял лицо на Узумаки и жутко улыбнулся, сплюнул кровь и кое-как принял вертикальное положение.

– Зачем? – упрямо повторил он.

Внутри Наруто бурлило самое настоящее пламя, костяшки правой руки горели, а из горла вырывался не простой воздух, а раскалённый. Он чувствовал себя огнём, а напротив него был до ужаса холодный Учиха. Растопить, показать, что можно греться, не обжигаясь.

– А зачем ты вернулся?! Почему дал мне знать, что жив?

Учиха моргнул недоумевающе. Эти слова выбили из тела всякий намёк на жизнь получше удара.

– Зачем, Саске? Ты ведь хотел мне другой жизни, а потом всё сам вернул назад. Разве не так было? Ты сам сказал, что… что не можешь без меня. Ведь так?

Чем больше Наруто говорил, тем сильнее успокаивался. Теперь слова походили не на жёсткие удары, а на обвинения очень уставшего человека и это бесило вновь. Обвинять Саске… в чём? Учиха же предупреждал с самого начала, чтобы Наруто и думать не смел оставаться с ним, привязываться. Узумаки не жалел. Ни разу. Так должно было быть…
Что-то протяжно заскрипело где-то наверху, и Узумаки быстро глянул на потолок. Дом явно был против незваных гостей…
Этот звук заметил и Саске. Брюнет широко и жутко улыбнулся, вздёрнув брови:

– Мы можем подохнуть здесь оба, Узумаки. Хорошая проверка твоих чувств, как думаешь?

Словно в доказательство его слов наверху ухнуло, и с потолка посыпалась пыль, послышался звук, похожий на осыпающуюся черепицу.
Наруто опустил взгляд на лицо Саске и улыбнулся, повторяя его сумасшедшую улыбку. Сжал руками его предплечья и решительно кивнул:

– Значит, так и будет. Значит, мы подохнем здесь вместе.

У Учихи было такое лицо, будто его стегнули кнутом по доверчиво подставленной спине. Брюнет застыл на миг, улыбка медленно сошла с его губ, как сходит дешёвая краска после дождя. Тёмные глаза опасно сверкнули, как сверкает червлёное серебро самого острого в мире клинка.
А потом эти глаза стали неожиданно близко, а на грудь легла холодная ладонь. Саске двинулся вперед, вынуждая блондина пятиться до тех пор, пока лопатки последнего не стукнулись о стену подвала. Наруто вопросительно поднял голову, но рука Учихи тут же оказалась у того на горле, и в душе парня колыхнулось вялое беспокойство. Если Учиха решит закончить всё здесь так, то…

– Я всегда знал, – прошипел ему прямо в лицо Саске. – Что ты говоришь правду. Я знал это… каким-то шестым чувством. Но не смел верить в то, что… сам привязался к тебе.

Наруто задрал подбородок, чтобы вцепившиеся в горло пальцы слегка разжались, но Учиха сам ослабил хватку, будто бы поняв, что причиняет боль. Его руки жили отдельной жизнью, не подчиняясь законам и желаниям разума. Они медленно соскользнули с горла на грудь, надавливая и не давая отлипнуть от холодной земляной стены.

– И я знал, что ты никуда не уйдёшь.

Узумаки вздёрнул брови, поражённый самоуверенностью, прозвучавшей в голосе Саске. Эта слепая вера в то, что он сумел подчинить себе чужую волю, практически обжигала, и Наруто захотел как можно скорее оказаться подальше отсюда или хотя бы в шаге от брюнета. Увы, тот лишь сильнее надавил на грудь, вынуждая возмущённо заглянуть в совсем чёрные провалы глаз.
Сердце сделало какой-то заполошный удар, и пришлось скривиться от колкой боли в груди, как раз под ладонями Учихи. Важность разговоров канула в Лету. Теперь можно было забыть про ненужные звуки, общаясь взглядами, едва

слышными под руками ударами сердца.
Стоять вот так перед Саске в полумраке холодного подвала было совершенно… странно.

– Я не твоя собственность, – попытался спасти остаток разговора Наруто и вновь предпринял попытку отстраниться. В этот раз его остановили не руки, а жёсткие губы, почти до боли впившиеся в его собственные.

От удивления Узумаки вновь забыл, как дышать и первые несколько секунд пораженно ловил на своей коже тёплое дыхание. Нужно было ответить, нужно было сделать хоть что-то иначе…
Поцелуй прекратился раньше, чем блондин успел совладать со своим обездвиженным в ступоре телом.
Саске смотрел на бледнеющее в полумраке лицо Наруто, и тот казался ему почти нереальным, сотканным из каких-то нитей. Вдруг Узумаки здесь не было, вдруг он уже сошёл с ума? Ведь в каждом углу Саске отчётливо слышал шёпот, видел силуэты… Но потом пальцы с нажимом прошлись по щеке парня, и тот не распался утренним туманом. Руки прижались к бокам Наруто сильно, лишая всякой возможности вырваться.
Саске прильнул ближе, склоняя лицо к шее блондина и замирая, пытаясь совладать с собственным быстро бьющимся сердцем. Наруто ощущался, как что-то близкое, но одновременно несуществующее до тех пор, пока сам блондин не опустил руку на спину Учихи, слегка сжав пальцами футболку.
Он говорил молча. Говорил, что будет здесь, рядом, что не оставит и не даст рухнуть в окружающую пропасть.
Это было так смешно и в то же время так странно, что в душе ворочались совершенно несочетающиеся чувства, но злости там больше не было. Она превратилась в нечто иное, как иногда мутируют некоторые формы жизни.
Саске прислушался к своим эмоциям, к мыслям, но в голове была такая каша, что он бросил это бесполезное дело, просто проводя носом по шее Узумаки. Кожа была такой же мягкой, как и вчера, только пахла теперь ещё и пылью, как и всё в этом подвале. Осознание того, где они находятся, заставило Учиху тихо усмехнуться под мочку уха блондина.

Бояться вспугнуть Саске своими действиями Наруто уже устал, поэтому слегка повернул голову, прикасаясь губами едва ощутимо к его виску, и тот всё же вздрогнул. Учиха воззрился на него так резко, что Наруто невольно оцепенел, ожидая, что угодно.
Чёрные провалы глаз смотрели странно. Слишком твёрдо, но недостаточно зло, чтобы за взглядом последовал удар.
Его и не было. А губы вспыхнули огнём от поцелуя, вырывающего из лёгких весь воздух и, кажется, всю жизнь из ставшего таким неповоротливым тела.
Учиха прикасался к губам не боясь ранить, не боясь слишком сильно прихватить зубами, потянуть. В этом была своя странная прелесть, ведь по-другому брюнет просто не мог, и Наруто этого не ждал. А эти грубые, в чём-то хаотичные движения, разжигали в груди огонь, заставляя сжимать футболку сильнее.
По нижней губе скользнул язык, и тело будто электричеством прошибло, заставив слегка приоткрыть рот и позволить сделать этот поцелуй ещё невыносимее, теплее.
От новизны, от того, что никогда так не было, дыхание, кажется, сбилось у обоих, и пришлось на миг отстраниться, глядя друг на друга.
Наруто слабо улыбнулся слишком серьёзному Саске, пытаясь сгладить случившееся. Это можно и нужно было завершать сейчас, остановиться, пока в голове есть хоть одна связная мысль.

– Нам… – выдохнул Наруто. – Нужно идти, наверное. Джирайя…

Саске слегка нахмурился, слушая сбивчивые слова Узумаки, так походившие на оправдания собственной слабости. Склонив голову набок, брюнет ухватил его за подбородок, заглядывая в глаза и вновь цепляя губы быстрым, почти невинным поцелуем.
Было интересно пробовать жизнь на вкус. Было приятно ощущать жизнь именно этого парня на своих губах, дышать чужим дыханием и заполнять себя бушующей огненной энергией.
Саске придвинулся ближе, зарываясь рукою в волосах Наруто и заставляя того слегка откинуть голову назад, открывая горло и

тут же впиваясь в него долгим поцелуем на грани укуса. Наруто не сдержался, зажмурившись и одной рукой цепляясь за земляную стену. Попытка удержаться позорно провалилась, стоило Учихе прихватить кожу ближе к ключицам, а затем сбоку, где пульсировала венка на шее. Тихий вздох, похожий на придушенный стон, сорвался с губ, и Узумаки боязливо прикусил губу, опасаясь, что сейчас Учиха отстранится и презрительно усмехнётся. А ещё хуже – просто молча уйдёт.
Но Наруто ошибся дважды. Саске не думал насмехаться, как и уходить. Он завёл руки под футболку блондина, прижимая ладони к его телу и впиваясь пальцами в мягкую кожу на боках. Тело отзывалось на эти прикосновения тягучим теплом, лёгкой дрожью и острым желанием прижаться сильнее, хотя сильнее было уже некуда. Наруто ухватился за брюнета, вынуждая того вновь вернуться к губам, что было привычнее, что было не так опасно. Но Узумаки ошибся. Новый поцелуй забрал остатки разума, оставив лишь горький привкус неизбежного на губах. Саске не станет.
Сегодня, завтра или через месяц. Но он уйдёт. И вновь останется ловить горьковатый дым его сигарет, сжимать в пальцах зажигалку и терзать душу воспоминаниями. Медленно убивать себя тем, что уже не вернуть, не ощутить и не забыть. Наруто впился пальцами в лопатки Саске, роняя голову тому на плечо, и Учиха остановился, словно понял. Он, конечно, всё понимал, по-другому и быть не могло. Ведь все эти порывистые движения, жадные поцелуи, короткие взгляды…
Саске пытался задержаться в этом мире, давно перестав принадлежать ему. Его рука совершенно непривычно спокойно провела по жёстким светлым волосам. Так успокаивают. Так он никогда не делал, потому что не считал нужным и правильным. И не сделал бы, если бы не горячее дыхание на плече, тихое дыхание, которое становится странным и прерывающимся. Касание холодных губ на виске, тонкая дорожка поцелуев к уголкам губ. Мягкий, близкий и не прячущийся за стеной из излюбленных шипов. Настоящий?
Наруто поднял голову, отвечая на короткий взгляд, а затем и на поцелуй. Спина вновь толкнулась в холодную стену, наверняка обдирая лопатки о выступающие камни, но боли, как и холода, Наруто не почувствовал. Он ловил чужое, пока ещё существующее дыхание и не мог открыть глаза. Зрение сейчас

не требовалось. Саске был рядом, касался тепло и одновременно опалял кожу холодом, скользил руками по животу, рёбрам.
Тело тянулось за этими ласками, хотело их больше застревающего в горле воздуха, упивалось бы ими, если хозяин позволил, отпустил поводок контроля. Под пальцами брюнета словно искры рождались, колко въедаясь в кожу и заставляя губы ныть от желания почувствовать чужие.
Что с ним творилось от близости холодного и всегда такого жёсткого Саске, Наруто не мог понять. Словно его долго-долго носило по ледяной улице, а потом тело, сжалившись, бросили в горячую ванную.
Сердце ухнуло в ушах – Учиха добрался-таки до губ, размыкая их языком и требуя большего, желая ответа. Почувствовать тепло, вдохнуть его… и разделить пополам, смешивая с холодом.
Стынущими руками Наруто обвил шею брюнета, пальцами взъерошивая короткие волосы на затылке, продвигаясь дальше и чувствуя, как холодные тяжёлые пряди приятно скользят по чувствительной коже. Он сжал пальцы, вызывая у Саске недовольный полу-рык полу-вздох. Потянул назад, припадая губами под подбородок и осмеливаясь попробовать бледную кожу на вкус. Было уже всё равно: пошлёт ли, ударит ли…
Все сдерживающие нити давно натянулись до тонкого звона, звучащего почему-то в ушах. Раскалённые они опоясали тело, заставляя разум забыть, что на улице середина осени, а в подвале сыро и промозгло.
Забыть обо всём.

***

Казённый кабинет был обставлен без лишних изысков: полка с книгами, стол, календарь на стене, цветы в напольных горшках и бежевое кресло. Мужчина, восседающий в нём, казался откормленным на убой хряком: пузо, затянутое в дешёвую светло-голубую рубашку, тёмно-коричневые штаны на подтяжках и коричневый же пиджак с нелепым уголком красного платочка в нагрудном кармане.

– Итак, господин…

– Давайте без имён, – поморщился Фугаку.

– Понимаю, – ухмыльнулся мужчина, и на его широком лице тонкие губы как-то затерялись, превратив ухмылку в жалкое подобие на мимику. – Так что привело вас в нашу скромную обитель?

– Я наслышан о вас, как о человеке, умеющем хранить тайны, – вкрадчиво начал Фугаку, поглядывая на поблескивающее лицо собеседника. Из-за появившихся залысин лоб мужчины казался неправдоподобно высоким.

– Любой каприз за ваши деньги.

Наверное, эта затасканная шутка показалась ему очень уж весёлой, потому что в следующую минуту кабинет наполнил совершенно неподходящий мужчине звонкий смех.
Внутренне морщась от отвращения, Фугаку сдержанно улыбнулся, вынимая из кармана тяжёлый конверт и укладывая его на стол. Толстяк тут же подобрался, не прекращая смеяться, он накрыл подачку жёлтой папкой и сложил на ней руки в замок.

– Мне нет дела до того, кого мы сюда помещаем, уважаемый. Если вы будете каждый месяц приносить столько же, то я вовсе забуду о том, что вы когда-то сюда приходили.

– Не сомневайтесь.

– Итак, – мужчина откинулся на спинку кресла. – Какое лечение для вашего сына вы хотите назначить? У мальчика депрессия? Неразделённая любовь или же разочарование в не оправдавших себя идеалах?

Фугаку вздёрнул брови и повёл рукой перед собой, словно отметая все предложенные варианты.

– Вы не поняли, доктор. Никого лечить не надо.

– То есть?

– Он не должен получать лечения, – терпеливо пояснил Фугаку. – По крайней мере, правильного лечения. Вы же знаете множество болезней разума?

– Конечно…

– Ну вот… лечите мальчика от чего угодно, но не от его недуга. И мы с вами прекрасно поладим. А лучше…

Фугаку едва заметно улыбнулся, придвигаясь ближе и вглядываясь в ставшее серьёзным лицо мужчины:

– Лечите его от адекватности. Это вы тоже умеете?

***

Горячий след дыхания на шее, руки под футболкой, так ощутимо прижимающиеся к коже, припухшие от поцелуев губы. Было ли так когда-то с ними? Вряд ли…
Саске втянул в себя воздух, стремясь успокоить рвущееся сердце, прекратить поддаваться, но в этот момент Наруто двинулся и прижатым к стене оказался уже сам Учиха. Он открыл глаза, опуская их на безумно поблёскивающие глаза блондина, и успел заметить, как тот потянул его футболку вверх, но остановить не сумел. Чёрная ткань полетела на пол, открывая голубым глазам бледную, практически прозрачную грудь, торс…
Раз уж сегодня всё было так, Наруто позволил себе замереть на пару долгих вздохов, обводя взглядом тело стоящего перед ним парня. Тонкое, с красивыми линиями выпирающих ключиц и чётко очерченными мышцами. В этом фарфоровом изваянии чувствовалась тёмная сила, которая уже однажды поглотила мир Узумаки и больше никогда не отпускала.
Загорелые пальцы Наруто чётким контрастом выделялись на груди Саске, когда парень решился всё-таки прикоснуться, понимая, что молчание и бездействие затягивается, а чёрные глаза смотрят спокойно, хотя и выжидающе.
Губы ткнулись в ямочку между ключицами, вынуждая Учиху

затылком откинуться на стену. Если бы пальцы сжимали предостерегающе, Наруто почувствовал, но ладони, соскользнувшие к его бёдрам, скорее придерживали рядом, без желания оттолкнуть.
Поддаваясь больше желанию, нежели разуму, Наруто поднял глаза на лицо парня, а затем и руку к нему поднёс, очерчивая пальцами острые скулы, упрямый ровный нос, приоткрытые бледные губы. Ему нравилось ощущать под пальцами их мягкость, податливость, когда он слегка надавил.
Пульс стучал в ушах и, хотя Саске не понимал смысла этой странной игры Наруто, но по венам потекла не кровь, а расплавленный свинец. Позволить себе прикасаться и целовать? Как будто завтра уже не будет?
Или это всё разрушит и без того странную хрупкую связь?
Саске перехватил скользящую по его лицу руку, обвивая пальцами горячее запястье и притягивая Наруто ближе. Так, чтобы парень практически навалился на него, согревая. Узумаки скользнул приоткрытым ртом по шее, давно избрав её в фавориты, по ключицам. Блондину казалось, что от этого всего его позвоночник начал тихо вибрировать, пуская по телу лёгкую дрожь, отзывающуюся покалываниями в пальцах и теплом в груди. А затем и пульсирующим комком внизу живота.
Когда-нибудь его не станет…
А сейчас он здесь, в руках. Дышит и перехватывает губы, сжимает запястье, скорее инстинктивно, нежели стремясь причинить боль. И в голове мутится, и на языке вкус самого сладкого дурмана, а в крови серебристые искры. Нужно только взять себя в руки, перестать дышать так тяжело и часто, перестать скользить руками вниз по напрягшемуся животу.
Саске подался вперёд за новым поцелуем, которые, кажется, для него были самой желанной ни к чему не обязывающей лаской, и его бедро неловко задело ширинку джинс Узумаки. Очередная волна выбивающей дух дрожи прошла по телу и, вместо того, чтобы отстраниться в попытке скрыть очевидное, Наруто придвинулся теснее, горячо выдыхая в шею брюнета. Если до этого они оба не понимали, чем грозят все эти неловкие ласки уставшим телам, то теперь всё стало ясным. И осознание этого только взбудоражило и без того кипящую кровь.

Прижавшееся к нему чужое тело ощутимой тяжестью прошлось по паху, словно желая услышать сдавленное дыхание в ответ, но Саске лишь сцепил зубы несильно на мочке уха Наруто, не желая даже сейчас подтверждать явное. Он чувствовал, его тело давно перевалило за тот рубеж, где каждое касание превращается в самую мучительную пытку. Сладко-горькую, почти как поцелуи, ставшие тягучими, томными и неторопливыми. Как будто и спешить некуда, как будто и дом уже не собирается рухнуть на их головы.
А если и рухнет, то что?
Пальцы зацепили за шлёвки штанов, потянув его на себя и больше не скрывая ничего. В груди сердце разорвалось на мелкие осколки от слишком громкого выдоха, который мог принадлежать как одному так и второму.
Наруто зажмурился, закусывая губу, подчиняясь чужим губам, обследующим горло, ключицы, рукам, что дёрнули футболку вверх. Разгорячённую спину похолодило лёгким дуновением воздуха, а потом сознание забыло обо всём. Пальцы Саске, такие жёсткие и привыкшие больно цепляться, дёрнули ремень джинс, но тот не поддался. Учиха как-то зло рыкнул на ухо, и от этого звука каждый волосок на теле встал дыбом. Пришлось упереться руками в стену по обе стороны от его плеч, чтобы не дать какому-то неловкому телу завалиться набок. Сбиваясь и едва не сбивая пальцы в кровь о железную бляшку кожаного ремня, Саске всё-таки справился с застёжкой и дёрнул повторно, удовлетворённо услышав шелест и звон упавшей на пол вещи.
Наверное, стоило притормозить, дать мозгу осознать всё происходящее, но руки сами забрались под грубую джинсу, сжимая ягодицы сдавленно охнувшего парня.
Трезвость окатила сознание, стоило почувствовать пальцы там, под одеждой. Наруто дёрнулся назад, но его вновь вернули на место, на этот раз вдавливая в стену так крепко, что спина печально заныла. Не вырваться.
Он хотел было сказать что-то, надеясь, что голос поможет вернуть разум им обоим, но Саске заткнул ему рот поцелуем, прихватывая губу зубами, будто предостерегая о последствиях остановки.
Так было неудобно, слишком тесно и это раздражало Саске. Он вынул руки, цепляясь отчего-то дрожащими пальцами за

пуговицу штанов блондина. Наруто отпустил его плечи, стремясь не мешать, а руки сами прошлись по предплечьям, по запястьям, ощущая неровность растрепавшихся бинтов. Опомнился лишь, когда рука Учихи скользнула по напрягшемуся паху, цепляя пальцами резинку белья.
Да что же это такое…
Безумие, услужливо подсказал внутренний голос. Таким бывает сумасшествие, разделённое пополам, впитавшееся в кожу вместе с рваными прикосновениями, нервными поцелуями. Наруто судорожно вздохнул, закидывая голову назад. Пальцы Саске прошлись в опасной близости с налившейся тягучей и приятной болью плотью.
Короткий взгляд чёрных глаз заставил бы тело вспыхнуть стыдом, если бы оно уже не горело совершенно от другого. Учиха отстранился было, стоило Наруто попытаться расстегнуть его джинсы. Недоверие… не верить… никогда. Но потом это всё ушло. Совершенно одурманенный взгляд Наруто поймал взволнованные глаза Учихи. Звук открывающейся молнии, и Узумаки прикусил губу, выдыхая носом шумно и долго.
Если Саске и касался его когда-то, будто в прошлой жизни, там, в небольшой общажной комнатке, то Наруто ни разу не ощущал под пальцами горячую пульсацию его тела. И теперь замер, кончиками пальцев едва касаясь затвердевшего органа. Первое прикосновение всегда вызывало нерешительность, но сейчас в душе Узумаки играло совершенно другое чувство. Дыхание замерло и он, обхватив Учиху за поясницу, потянул на себя, заставляя того толкнуться в раскрытую ладонь, прекратить сопротивляться тому, чего он сам хотел. А услышать его хриплый вздох оказалось так же приятно, как если бы он опять поцеловал.

– Я… тебя, – тяжело выдохнул Саске, замирая от смелости Наруто. – Ненавижу, Узумаки…

Сбивчивое признание, сказанное не со зла, вызвало шальную улыбку, и блондин всё же решился, запуская руку под бельё и обхватывая горячую плоть пальцами. Саске шипяще выдохнул. Тяжесть стала настолько осязаемой, что ноги будто бы хотели подогнуться, но Учиха сильнее вцепился в блондина. Волна

тепла прошла от пяток, ударив в затылок неожиданно колко и приятно. Так непривычно.
Это всё напоминало… хождение по кругу. Опять это, опять ни один из них не может сделать что-то, что разорвёт эту пустую пытку.
Сознание колыхалось где-то на грани, подвластное медленно двигающимся пальцам, собственные руки то скользили по спине, то сжимали бедра, то пытались удержаться лишь на груди. Он не мог решить, не мог совладать с бушующим в груди желанием большего, возможно, того, что прикончит их обоих.
Саске даже не сразу понял, что двигается в такт движениям руки Узумаки, прижимаясь к его паху и вытягивая из груди парня судорожные тихие вздохи. Пальцы нашли губы. Горячие, припухшие и податливые. Голову давно снесло из-за удовольствия, пробегающего по телу. Он едва мог нормально мыслить, прижимаясь губами к чужим и ловя языком язык парня.
Наруто резко вцепился обеими руками в лопатки Саске, прижимаясь так сильно, что волна удовольствия сшила оба тела толстыми нитями напряжения.
Ноги подкашивались, голова кружилась и Наруто, с трудом цепляясь за острые плечи, отстранился, выдыхая:

– Подожди…

Саске как-то недовольно ткнулся губами ему в висок, но не стал удерживать. Он привалился к стене плечом, пьяно смотря на опускающегося куда-то Узумаки, а затем в руках Наруто появился яркий плед, заставивший непонимающе нахмуриться. Откуда? До разомлевшего под напором возбуждения сознания туго доходили логические последовательности из реальности и, когда Наруто расстелил плед прямо на полу, Учиха не сразу понял, что на оный нужно опуститься вслед за уже усевшимся блондином.
Наруто, видя смятение на лице парня, ухватил его за шлёвки джинс, привлекая ближе и, приподнявшись на коленях, цепляя губами кожу чуть ниже пупка. Мышцы дёрнулись, но Саске не стал отстраняться. Было непривычно, но… приятно. Он не смог сдержаться, пройдясь рукой по волосам Наруто.

Под губами была холодная кожа, пальцы давили на выступающие бедренные косточки, а в душе металось странное чувство из смеси запретов с диким любопытством, диким желанием быть ближе. Хотя бы сегодня, сейчас.
Наруто потянул за джинсы Саске, стягивая их вместе с бельём, внутренне сгорая. Главное не заглядывать Учихе в глаза, не поднимать лицо, а сделать то, чего хотелось…
Саске вздрогнул всем телом, когда горячие губы так внезапно обхватили головку члена. Глаза закрылись сами собой, на чёрном фоне расползались красные и жёлтые пятна, по телу пробежали мурашки.
Наруто двигался неспешно, слишком неумело и скованно, едва касаясь, замирая от собственных же действий и желаний, порываясь прекратить всё это и сгореть от стыда. А второй частью своего сознания безумно желал продолжить всё это…
Земля вместе с остатками разума уходила из головы Саске. Он даже усмехнулся сквозь тихий вздох. Ему-то казалось, что с ума он сойдёт не из-за чужого языка, скользящего по плоти, не из-за плотно сжимающихся губ, не из-за тягучего удовольствия, разливающегося по телу.

– Узумаки, – выдохнул Саске. – Если ты продолжишь, то я…

Он всё-таки посмотрел вниз и судорожно втянул в себя побольше воздуха, отпрянув лишь на миг, чтобы в следующий оказаться рядом с Наруто, надавливая рукой на его грудь и заставляя растянуться поверх пледа. Руки беспорядочно стягивали с блондина джинсы, царапая кожу от неловкости и дрожи в неверных пальцах.
Чувствуя спиной каждый камушек, продавливающийся через плед, Наруто не испытал особого ужаса или стыда, оказавшись перед Саске совершенно без одежды. А тот и не дал задуматься, впившись в губы безрассудным поцелуем, кусая слишком сильно и слизывая капельку выступившей крови.
Сознание Узумаки потонуло в багровом мареве, и тяжесть чужого тела на миг пропала, а когда вернулась вновь, то блондин с удивлением осознал, что джинсы покинули не только его.
Близость чужого тела, чужой плоти разорвала почти сгоревшие нити контроля, и Наруто было плевать, что так быть недолжно.

Он приоткрыл глаза, плавясь в нетерпеливых руках Саске, и встретил его взгляд.

– То? – хрипло спросил блондин, проводя рукой по спине парня.

Вместо ответа Саске недвусмысленно качнулся вперёд, сжимая рукой ягодицу парня, и Наруто где-то в глубине себя осознал – доигрались.
Дальше или продолжать, или же прекращать всё это прямо сейчас. При любом из вариантов всё в равной степени могло рухнуть. Но ведь можно попытаться…
Наруто втянул в себя воздух и тихо выговорил:

– Ты… давай…

Стыд всё-таки вернулся, и Узумаки поспешил прикрыть глаза, доверяясь. Глупо, полностью и без остатка.
Саске привалился сильнее, горячее и влажное скользнуло по сжавшемуся колечку мышц, надавливая. Он качнулся вперёд, и пальцы Наруто до боли вжались в его плечи, а сам парень странно вытянулся, будто отползая в сторону.

– Стой, – выпалил Наруто. – Не… не так…

Учиха уронил голову ему на плечо, горячо выдыхая и коря себя за нетерпеливость и глупость.
Наруто попытался расслабиться и спокойно выдохнул, а влажный палец скользнул по тому же месту. Блондин закусил губу, нахмурившись. Это… выбивало, возвращая в реальность. Но, судя по всему, только его.
Учиха надавил и почувствовал, как тело парня под ним напряглось, а затем палец продвинулся дальше. Стоило не забывать, что всё это… было впервые для обоих. А с девушками всё бывает совершенно по-другому. Гораздо проще…
Когда в него вошёл второй палец, Наруто вновь попытался отползти в сторону, сам себя удерживая рядом, цепляясь за Саске. Если сейчас так неуютно, то что будет потом?
Долгая томительная полная ожидания минута. Ожидания, пока мышцы расслабятся, пока сердце вновь начнёт звучать в голове

ударами набата. И только потом Саске, едва сдерживаясь, осторожно придвинулся ближе. Рука легла сбоку от Наруто, и парень почувствовал, что внутрь него пытается войти нечто больше пальца. Одновременно жуткое чувство и такое же распаляющее костёр, сжигающее мысли о стыде и запретах.
Он хотел этого. Странно, но именно этого хотело тело.
И Узумаки потянулся к губам, подтверждая своё согласие поцелуем. Только удержаться у отвечающих губ не получилось, когда последовало первое движение. Наруто оказался на пледе, сжимая и комкая его пальцами. Потерпеть, дальше будет не так…
Наверное…
Откуда ему вообще знать?
Саске закусил губу до боли. Хотелось войти сразу, рывком, но что-то не давало возбуждению полностью диктовать свои первобытные желания. Поэтому он медлил, даже осторожничал. А Наруто под ним замер, превратившись в натянутую струну.
Нельзя быстрее.
И он подаётся вперёд медленно, забывая дышать от ощущений, охватывающих тело плотным коконом. Пульс бьётся внизу живота, пальцы, сжимающие плед, мелко дрожат от нетерпения.
Учиха приоткрыл глаза, ловя взгляд Наруто. Блондин пытается улыбнуться, но новое движение заставляет его закрыть глаза и спешно выгнуться. Руки Учихи ловят его под поясницей и скользят к ягодицам, сжимая их.
Наруто почувствовал, как Саске замер на полпути, давая привыкнуть. Кто бы мог подумать, что жестокий в общем-то Учиха позволит себе осторожность по отношению к другому. Это вызвало улыбку. Слабую, неровную, разрушившуюся под натиском хриплого стона, когда Учиха всё же пошевелился. Тихо покачиваясь, Саске перехватил Наруто за бока, придерживая и контролируя его движения. Терпеть больше не было сил, но напряжённые морщинки меж бровей говорили об одном – не спеши.
Было глупо делать всё вот так, в подвале заброшенного дома. Но разве у них могло быть по-другому? Правильно, подготовлено?
Нет.

Саске всё же качнулся вперёд и глухо простонал в ключицу Наруто, слыша такие же едва сдерживаемые вздохи. И разум снимает оковы осторожности.
Следующее движение было острее, увереннее. Наруто беззвучно приоткрыл рот, безуспешно ловя потяжелевший воздух. Внизу жгло, внутри горело, в голове было пусто…
Он перестал существовать, отзываясь лишь тихими прикосновениями к напряжённым предплечьям, короткими поцелуями, когда Саске склонялся достаточно низко. И говорил себе – боли нет. Её и не было, в прямом понимании этого слова. Она существовала совершенно в ином виде, в таком, в каком мы не привыкли видеть её. От этого чувства тело напрягалось, хотелось сжать зубы и глухо мычать, хотелось отстраниться и избавиться от этого чувства наполненности. Но… в другой момент с какой-то бесшабашной самоотдачей Наруто прижимался ближе, принимал и продолжал гореть.
Тяжёлое удовольствие навалилось на Саске. Он смотрел на выгибающееся под собой тело и не мог сдержать слишком порывистых движений, приносящих лишь ещё большее напряжение.
Тепло. Так тесно.
Сладкая волна прошла от груди к плечам, спине. Рука Учихи надавила на грудь Наруто, а вторая провела по низу живота. Не прекращая двигаться, он обхватил пальцами всё ещё твёрдый член блондина, помогая, скользя рукой в такт своим рывкам. Так будет лучше… наверняка. Должно быть лучше.
Остаться, остановить и не дать уйти. Цепляться пальцами за влажные плечи, зарываться волосами в жёсткие тёмные волосы, липнущие к напряжённой шее, и слышать хриплое дыхание. Всегда. Как сейчас.
Наруто стремился запомнить всё это. Каждый толчок приносил смесь боли и леденящего душу удовольствия, а сердце разрывалось на части. Узумаки понимал, что лучше бы их похоронило под завалами старого дома, лучше бы они оба в одночасье прекратили жить, дышать, чем мучительно долго ждать. Смотреть, как он угасает.
Бледное тело, такое тонкое и неожиданно сильное, двигающееся плавно, теперь неспешно. Наруто запоминал: бледное даже сейчас лицо, сверкающие серебристыми звёздами бликов чёрные глаза, приоткрытые тонкие губы и чёрные змеи

волос, пересекающие острые скулы. Одна прядка прилипла к губе Саске, и Узумаки потянулся рукой к ним, пальцами поддевая её и, прогибаясь в спине от очередного движения, чувствуя, как горячие губы Учихи обхватили палец. Прикусили, проводя неожиданно языком по подушечке и тут же выпустили, приоткрываясь для очередного глубокого вздоха.
Волна испепеляющего удовольствия накрыла Наруто с головой так неожиданно, что он забыл как дышать вновь. Рука Саске прошлась по подрагивающей плоти в очередной раз, пуская по телу колючие мурашки, как камень пускает по воде цепочку из рассеивающихся кругов.
А потом Учиха вошёл как-то особо резко, твёрдо, почти моментально придавливая Наруто собою к пледу. Его спина тяжёло вздымалась, подрагивая, руки вцепились в спину блондина, наверняка оставляя новые синяки.
Губы Саске неожиданно тепло и отчаянно прижались к губам Наруто, дыша его дыханием. Тело его казалось таким горячим, каким не было ещё никогда.

– Саске, – выдохнул Наруто, понимая, что готов наговорить самых последних глупостей, но брюнет предостерегающе прижал его губы, медленно выходя и так же неспешно отстраняясь.

Он рухнул на бок рядом, и Наруто с трудом, чувствуя саднящее неудобство и расплавленное расслабление одновременно, перевернулся следом, подкладывая руку под голову.
Глаза Учихи больше не горели тем безумным огнём, они просто блестели, когда тот разглядывал лицо Наруто. Саске не верил в произошедшее, но и отрицать было глупо.
Он опустил руку на сгиб шеи Наруто, поглаживая подбородок парня большим пальцем. Повинуясь странному желанию, Наруто придвинулся ближе, проводя носом по губе Учихи и зарываясь лицом ему в шею под подбородком.

– Нам обоим конец, – подрагивающим голосом проговорил Саске. – Ты понимаешь это?

Наруто понимал, запоминая запах горячей кожи.
Он понимал, что в тот же миг, когда Саске не станет, не станет

и его.

***

Из заброшенного дома выбирались медленно и молча. Не из-за неловкости, которая вполне логично могла бы настигнуть обоих после всего этого. Из-за осознания, придавливающего к земле тяжёлым грузом.
Саске оказался снаружи быстрее Наруто. Холодный воздух прошёлся по остывающему телу, и Учиха невольно поёжился, запуская руки в карманы. Тело до сих пор подрагивало, и остатки удовольствия забились глубоко в мышцы, делая их податливыми, как разогретый пластилин.
Привязался ли он к Наруто?
Учиха горько усмехнулся. Если это можно так назвать, то да. Взгляд прошёлся по убегающей к дому Джирайи дороге, и сердце внезапно пропустило удар. Остановившаяся у покосившегося забора машина определённо могла принадлежать только одному знакомому ему человеку.

– Саске, я тут подумал…

Голос Наруто заставил повернуться к нему, и Учиха поймал на себе беззаботный взгляд голубых глаз. При свете дня блондин выглядел слегка смущённым, и на губе предательски краснела отметина, оставленная то ли зубами Саске, то ли же его кулаком раньше.
Встретившись взглядом с Учихой, Наруто резко замер, словно на стену наткнулся. В чёрных глазах плескалось волнение и уже привычный холод.

– Ты почему так смотришь? Что-то… не так?

Саске отрицательно мотнул головой, спешно подходя ближе к Наруто и порывисто целуя его. Долгий, невыносимо тяжёлый поцелуй, пропитанный горечью, какая бывает только при расставании. Наруто, сначала опешив, вцепился в плечи брюнета, понимая, что это глупо и вряд ли Саске уйдёт куда-то посреди леса.

– Наруто, – выдохнул Саске, отстраняясь. – Что бы ни произошло, не лезь. Хорошо?

– Что ты несёшь? – нахмурился Узумаки, глядя прямо в глаза и ничего не понимая. Если бы по чёрным зеркалам можно было читать.

– Забей. Ничего, – покачал головой Саске, отстраняясь так же быстро, как и подошёл.

Учиха быстрым шагом направился в сторону дороги, Наруто не осталось ничего, кроме как пойти следом. И только выйдя из-за пышных кустов орешника, плотной стеной скрывающих покосившийся дом, Узумаки увидел впереди чёрную машину. Сердце пропустило удар, он затравленно глянул на решительный профиль Саске, который, кажется, вновь лишился всяких эмоций.

– Кто это?

– Угадай.

А гадать и не пришлось. Завидев их, из машины вышли двое. Один постарше, другой младше, но оба хорошо знакомые брюнеты.

– Саске, – окликнул Фугаку. – Я думал, мы уж тебя не найдём.

– Какого хера вы здесь забыли? – ощерился Саске, выходя вперёд Наруто и останавливаясь в нескольких шагах от машины.

– Мы приехали за тобой, – подал голос Итачи.

Наруто зло зыркнул на старшего Учиху и скривился:

– Ты сдал ему всё?

– Наруто, не лезь. Ты не понимаешь, – качнул головой Итачи. – Саске нужно лечение… а не это всё.

– Я сам решу, что мне нужно. Так что проваливайте.

Саске двинулся в сторону дома Джирайи, и Наруто последовал за ним, напряжённо поглядывая на отчего-то улыбающегося Фугаку.

– Прости, сын, но не тебе решать.

Двери машины щёлкнули, и оттуда вышли два высоких мужчины в спортивных костюмах. Они напоминали питбулей своими покатыми лбами и маленькими глазёнками, а ещё исходящей от них опасностью.

– Саске! – предостерегающе выпалил Наруто, бросая плед и разворачиваясь к приближающимся. Учиха зло выругался и непроизвольно сжал кулаки.
Один из бугаев двинулся к брюнету, а второй попытался оттеснить Наруто в сторону.

Саске схватили за руку, но тот ловко вывернулся, ударяя кулаком по скуле верзилы. Увы, запястья ещё толком не затянулись, и руку пронзило острой болью, словно швы вышли из мяса. Минутного замешательства прихвостню Фугаку хватило, чтобы схватить парня, заламывая руки за спину.

– Да отпусти ты! – выпалил Наруто, пытаясь обогнуть расставившего в стороны руки мужчину. – Какого чёрта вы себе позволяете?!

Он ринулся вперёд, но его ухватили за плечо и Узумаки саданул кулаком по физиономии верзилы, тут же ощутив на себе всю тяжесть его кулаков.

– Отец, – напряжённо выдохнул Итачи, смотря на согнувшегося и рухнувшего на колени блондина, что раскрытым ртом пытался поймать воздух. – Это слишком…

– У меня жестокие меры, да, – довольно кивнул Фугаку. – Мальчики, брюнета в машину, этого оставьте.

– Что здесь происходит?

Очевидно, Джирайя вышел на шум и быстро зашагал в сторону машины. Завидев Наруто, отшельник нахмурился, а потом скользнул взглядом по рвущемуся из рук бугая Саске.

– Кто вы такие?

Фугаку лишь лениво махнул рукой и приоткрыл двери тому верзиле, что тащил брыкающегося Саске к машине. Уперевшись ногой в дверцу, Саске оттолкнулся, затылком ударяя назад. Судя по звуку и разжавшимся рукам, попал. Моментально отскочил в сторону, подбирая с земли увесистый камень.

– Пошли вон от меня, – прорычал он, скользя взглядом то по одному, то по другому. – Это моя жизнь!

– Ошибаешься, – качнул головой Фугаку. – Ты чёрное пятно в нашей семье. И сейчас ты слишком опасен для моей… карьеры.

– Карьеры? – прорычал Наруто, сплёвывая кровь и поднимаясь на ватных ногах. – Вы думаете только о карьере?

– Отец, – вновь позвал Итачи. – Нужно ехать. Это уже слишком.

Отошедший от удара бугай двинулся вновь на Саске, и тот махнул перед собой рукой с зажатым в ней камнем.

– Не подходи.

Учиха пятился, пока не оказался рядом с Узумаки.

– Я не лезу в твою жизнь! – выпалил он, зыркнув на Фугаку. – Мне нахуй не нужна твоя карьера.

– Я не могу рисковать. Давайте уже… только по голове не бейте.

Мужчины двинулись на них вновь, и Наруто оттолкнул одного, запоздало осознав, что лучше бы так не делал. Его ухватили за руку и всё, что он успел услышать, прежде чем его лицо с размаху приложили к капоту машины, выкручивая руки за спину, это выкрик Джирайи.

– Он здесь не причём! – выпалил Саске, уворачиваясь от рук верзилы. Камень всё-таки проехался по туповатому лицу мужчины и тот, озверев, ринулся на Учиху.

Удар под рёбра Саске выдержать уже не смог, выронив свое «оружие» и получив новый удар туда же. Его согнуло пополам, на губах появилась кровь. В ушах звучал голос Итачи, который что-то там втолковывал отцу, а перед глазами плыло.
Он дёрнулся в сторону, его ухватили за шкирку. Треск ткани, вывернуться, махнуть кулаком перед собой. Попасть и ощутить удар в скулу.
Мир померк.

– Саске! – выпалил Наруто, дёрнувшись так отчаянно, что ворот футболки впился в горло, опаляя его огнём. Но сильные руки продолжали давить на спину, прижимая к холодному капоту сильнее.

– Грузите его, – тихий блёклый голос Фугаку. Хлопок дверью.

Наруто дёрнулся, и на этот раз руки его отпустили или, точнее, просто отшвырнули от машины, как зарвавшуюся шавку. Не удержав равновесия, Узумаки рухнул на землю, проехавшись по ней ладонями, сдирая их в кровь. Тут же на плечи легли руки Джирайи.
Хлопки дверей. Наруто поднял глаза, порываясь встать. Он успел заметить, как безвольное тело Саске затащили в салон машины, и запоздало рванул вперёд. К единственному, кто остался стоять на дороге.
Злость сковала тело, вырывая из горла звериный рык. Отчаяние и беспомощность сжали кулаки. Итачи не ожидал, а поэтому первые удары пропустил, повалившись на землю под напором чужого тела.

– Ублюдок!– выпалил Наруто, обрушивая на парня очередной удар. – Что ты наделал?!

А потом его вновь оттащили за шкирку, и Джирайя всё-таки ринулся в сторону машины.

– Старик, а ты не лезь.

Он и не думал слушаться.
Узумаки, наплевав на боль в теле, попытался встать, но его придавили к земле тяжёлым коленом. В висок впились мелкие камушки, но это только разогревало злость.

– Не дёргайся.

Итачи, выставив руку перед собой, медленно поднялся, утирая с губ кровь.

– Ему там помогут, Наруто. Вылечат, а потом, если захочешь, опять сможешь навещать его… в городе.

– Нет, не сможет, – пожал плечами Фугаку.

– То есть? – выдохнул Итачи, переводя взгляд на отца.

– Саске не покинет стен… лечебницы.

– Почему?!

Наруто отпустили, и верзила занял своё место на переднем сиденье.
Блондин хотел рвануть вперёд, но организм не позволил. Боль прошила череп и пришлось вновь осесть на колени, глотая воздух и борясь с приступом головокружения.
Саске…
Что с ним…
Его же нельзя… бить…

– Так будет лучше для нас всех.

Наруто хотел кинуться и на Фугаку, но руки Джирайи придержали за плечи.

– Тише, мальчик мой.

Итачи стоял поражённый и, даже когда машина тронулась, он не стал нагонять её.
Просто застыл, смотря перед собой.
А потом машина пропала из вида, будто бы и не было.
Ничего, никогда не было.
Боль затопила собой сознание Наруто. Он раскрыл рот, в попытке вдохнуть или выдохнуть, но ничего не вышло. Пальцы беспомощно скребли по дороге, в них впивались мелкие камушки, но ему было плевать.
Это… это был конец.
Куда они его увезли?
Что сделают?
Хотелось вскочить и броситься следом. Только вот под рукой не было даже жалкого велосипеда…

– Наруто, – успокаивающе проговорил отшельник, опускаясь рядом и поглаживая вздрагивающие плечи крестника. – Наруто, тише.

– Джирайя… ты… ты не понимаешь… они…

– Они запрут его, – безжизненно закончил за Наруто Итачи.

Кулаки Узумаки сами собой сжались, покрасневшие и разобранные костяшки пальцев ударили о землю, вызывая очередную волну острой боли.
Но не острее той, что была внутри.

Глава 8. The nurse who loved me.

"Say hello to the rug's topography
It holds quite a lot of interest with your face down on it
Say hello to the shrinking in your head
You can't see it but you know it's there, so don't neglect it"
A Perfect Circle – The nurse who loved me

«Поздоровайся с топографией ковра,
Она представляет для тебя большой интерес.
Поздоровайся со спазмом в голове,
Его не видно, но ты же знаешь, он там, так что не игнорируй его».

– Наруто, пойдём…

Тёплые руки подхватили его под плечо, приподнимая с земли. Узумаки раздражённо дёрнулся, поднимаясь самостоятельно и глядя на Джирайю странными, мутными глазами. Отшельник печально покачал головой, даже не пытаясь улыбнуться ободряюще. Глаза старика видели многое и как будто насквозь, а то, чтобы прочитать написанное на лице блондина особых усилий нужно не было.
Наруто зло глянул на застывшего чёрной статуей посреди дороги Итачи. Парень не смотрел по сторонам, уткнувшись взглядом в землю, и лишь зрачки его двигались, словно он читал что-то или пытался разглядеть.

– Что ты сделал? – прошипел Наруто.

– Я…

Итачи лишь выдохнул, чувствуя вставший в горле ком.

– Что ты сделал?! – твёрдо повторил Узумаки, сжимая кулаки.

Пальцы саднило, и было больно двигать ими, натягивая стянутую подсохшей кровью содранную кожу.

– Думал… что так будет лучше…

– Лучше?

Джирайя не узнал голос своего крестника, сжимая руку на его плече. Хриплый, едва слышный и полный раскалённого железа, что сыплется с губ крупными каплями.

– Наруто, оставь его.

Парень дёрнулся, скидывая с плеча руку отшельника. Немигающий взгляд уставился на бесстрастный профиль и, если бы мог, прожёг это ненавистное лицо.

– Куда они его увезли?

– Я… не знаю…

Это было уже слишком. Наруто хотел броситься на Итачи, вколачивая в его растерянное лицо кулаки, пока костяшки пальцев не превратятся в труху, пока с губ старшего Учихи не сорвётся последний вздох.
Опьяняющая злость накрыла с головой. Она была всем, она была тем единственным спасающим от Пустоты барьером. Злость помогала дышать, резкими толчками выбрасывая из лёгких воздух и тут же заставляя втягивать его носом.
Злость…
Ненависть…
Но чем он будет лучше?
Клокочущий выдох сорвался, он прикоснулся рукой ко лбу, прикрывая глаза, и его пошатнуло. Откинуло на вовремя подставленные руки отшельника, а дальше…
Дальше было какое-то разноцветное марево.
Кажется, его вели куда-то, кажется, усадили в кресло, накинув на плечи плед и всучив в руки горячую кружку.
А он не видел всего этого.
Наруто смотрел перед собой совершенно бездумным взглядом.

По щеке стекала тёплая капля крови, и Узумаки как-то отрешённо отметил, что, видимо, его хорошо приложили о землю.
Вытертый дощатый пол перед глазами пошёл рябью, и Наруто сморгнул, чувствуя, что глаза режет уже не первую минуту. Высохшие белки колкой болью прошлись по двинувшимся вниз векам, и Узумаки спешно распахнул их.
Пустота. Она окутывала тело холодным коконом.
Что дальше?
Это что? Конец?
Ведь… ведь это не дом, откуда Саске можно просто так увести и откуда он сможет уйти сам.
Это не то место, куда пускают посторонних.
Там, как и в больницах, близость меряется родством и часто эта мера ошибочна.
Саске…
Губы уткнулись в край кружки, и Наруто попытался вдохнуть аромат горячего напитка. Наверное, это был чай, но запах и вкус остались в другом мире.
Белая и мутная, как разведённое в воде молоко, пелена отгородила Наруто от всего остального. От Джирайи, суетливо выставляющим на столе ряд склянок, от вошедшего в комнату Итачи.

– Я не знаю что делать, – тихо произнёс Наруто. – Не знаю.

Джирайя обеспокоенно обернулся на крестника и укоризненно покачал головой. Присутствие Итачи не беспокоило отшельника, хотя и могло вызвать очередную вспышку злости у мелового Узумаки.
Ведь всё не могло вот так вот закончиться. Саске не мог так просто пропасть из его жизни прямо сейчас. Наруто ещё не был готов попрощаться, отпустить и смириться. Зная, что Учиха жив и что он не в лучшем месте, оставить всё это просто так блондин не хотел. Поверить в свою беспомощность, в закончившиеся вереницы вариантов…
Всегда есть способ что-то изменить.
Просто его не видно сразу.
Резко дёрнувшись, Наруто поднялся из кресла, роняя плед и кружку на пол. Он даже не заметил печального звона старого

фарфора и того, как несколько обжигающих капель попали на джинсы.

– Нужно… нужно что-то делать, – выпалил он и сделал шаг вперёд.

В груди больно ухнуло, словно сердце ударилось о рёбра, хотя показалось, что так оно и было. Рука сама собой прижалась к груди в нелепой попытке поймать обезумевший комок острой боли. Дыхание моментально перехватило, и оно застряло в горле, острой бритвой раздирая горло.
Наруто успел вскинуть глаза на Джирайю, а потом всё начало заваливаться набок.
Или же падал он…
Отшельник заметил это слишком поздно и успел лишь подхватить парня под голову, не давая тому удариться затылком о пол.

– Наруто! – выпалил мужчина.

Бледное лицо исказила гримаса боли, ответа не последовало, лишь судорожное дыхание и метающиеся под веками глазные яблоки.

– Что с ним?

Джирайя, с трудом отцепив руку Наруто от его же футболки, приложил ухо к груди парня, различая слишком быстрые удары сердца.
Дело плохо. Очень плохо.

– Подержи его голову, – металлическим голосом приказал отшельник, метнувшись к шкафу со склянками. В том, что Итачи последует его приказу, мужчина не сомневался и оказался прав. Когда он вновь опустился рядом с крестником, Учиха уже придерживал его голову за виски.

– Это должно помочь…

Разжать стиснутые зубы удалось не с первого раза и даже не со

второго. Ругаясь тихим злым шипением и проливая содержимое флакона, Джирайя всё-таки влил немного жидкости в горло крестника, предусмотрительно переворачивая того на бок и осторожно похлопывая по спине.

– Всё пройдёт.

Итачи, услышав этот тихий мягкий голос, поднял глаза на испещрённое морщинами лицо отшельника. Джирайя говорил будто с самим собой, а не с лежащим у его ног Наруто. Взгляд Учихи скользнул по дрожащему телу блондина.
Неужели этот Узумаки так переживает? Неужели?
Отставив флакон в сторону, Джирайя поднялся, подхватывая крестника под спину и направляясь в сторону узкого коридора.

– А ты позвони кому-нибудь, – сухо бросил отшельник, застыв на миг в дверях. – Кому-нибудь, кому можно доверять.

***

– Что же ты с собой сделал? – тихо спросил Джирайя.

Он сидел напротив кровати, в которой спал Наруто. Теперь просто спал. Только Небо знает, сколько нервов за последнее время потратил этот с виду крепкий и очень выносливый парень, отвечающий всегда такой яркой и лучистой улыбкой.
Оболочка…
С виду мы все сильные. Мы хотим таковыми казаться, уповая на ложную надежду о том, что так нас быстрее примут в стаю и там мы не будем изгоями.
Только вот Наруто ни в какую стаю попасть не стремился. Есть такой вид людей, которые остаются сильными лишь для других. Они с радостью раздают свой внутренний свет, делятся теплом, буквально окутывая оным чужие уставшие и израненные лезвиями жестокого мира тела. А сами, медленно угасая, даже не позволяют самим себе признаться, что давно уже пересекли грань своих возможностей.
За этой чертой их ждёт только пустота, усталость и холод.
Наруто не повезло родиться с какими-то устаревшими моральными принципами. И теперь они же стирали с его лица

улыбку, а глаза делали из ярко-голубых серыми.

– Ч-что со мной? – приоткрыв глаза, слабо спросил парень. Он потянулся рукой ко лбу и поморщился, потирая разодранный в кровь висок. На пальцах осталась влага и колкие мелкие камушки, которые, кажется, просто прилипли к коже.

– Наше тело не вечно, мальчик мой, – спокойной улыбнулся Джирайя. – И если не давать ему отдыха, то может произойти это…

– Но…

– Ты когда в последний раз ел?

Наруто, выдыхая и чувствуя неприятную натянутость в груди, словно мышцы задеревенели, поморщился и впервые осознал, что вовсе забыл о еде.

– Вот-вот. А нервничаешь сколько…

– Джирайя, я не могу тут лежать.

Узумаки с присущим ему упрямством попытался встать, но грудь вновь пронзило тянущей болью, забирающей всё дыхание. Закашлявшись сипло, он опустился обратно на кровать, легко подталкиваемый рукой отшельника.

– Лежи. Я хоть и был врачом, но мои травы это всего лишь травы, Наруто. Тебе бы в больницу…

Блондин с сомнением покосился на Джирайю, и тот понимающе усмехнулся:

– Тогда хотя бы отдохни до завтра. Всё что могло случиться, уже случилось.

– Нет… не всё.

– Ну а что ты сейчас сделаешь? – устало вздохнул Джирайя. –

Ты только себе навредишь, и тогда твоего друга точно никто не вытащит.

Узумаки сник, раздражённо закусив губу. Старик был прав во всём, кроме того, что хуже быть уже не могло. Какое-то вязкое отчаяние накатило на него, придавливая к кровати сильнее могильной плиты. Хотелось просто закрыть глаза и отрешиться хотя бы на час, перестать думать, слышать и укорять себя. Ведь мог же что-то сделать, пока было ещё не поздно. Мог же бить сильнее, двигаться быстрее. Хоть что-то, но мог же сделать!

– Наруто.

Тёплая рука легла на плечо, и парень вздрогнул, возвращаясь в этот мир. Забытье, пропитанное сожалением, оказалось ненамного лучше реальности.

– Не вини себя.

– Не могу.

Опираясь на руку, Наруто кое-как поднялся, стараясь не дёргаться резко, и тут же привалился спиной к стене. Усталость была настолько сильной, что казалось, будто бы он бежал за той треклятой чёрной машиной несколько часов кряду.

– Иногда, – очень серьёзно сказал Джирайя. – Мы не можем противостоять обстоятельствам.

– Почему? Я должен просто так взять и отпустить его?! – зло прошипел Узумаки, исподлобья глядя на невиноватого ни в чём отшельника. Но его слова вновь подогревали успокоившуюся было злость.

– Я не прошу тебя отпустить Саске. Я прошу тебя подумать о себе.

Опустив голову, Наруто отрицательно покачал ею. Как он может думать о себе, когда Саске неизвестно где.

Неизвестно живой ли.
«Узумаки, прекрати накручивать себя», – выпалил внутренний голос.
Конечно, Саске жив.
А в другое верить не хотелось. Даже в то, что Фугаку ничего не мешает прикопать тело собственного сына где-то в лесу…
Выругавшись, Наруто потёр лицо ладонями, и оно тут же вспыхнуло болью слева.

– Мне надо позвонить твоим родителям.

– Зачем? – настороженно встрепенулся Наруто.

– Чтобы они забрали тебя домой.

Их взгляды встретились, и блондин скорбно поджал губы.

– Ясно.

Резко откинув с себя плед, он поднялся кое-как и неверной походкой направился к выходу.

– Ты куда?

Джирайя было ухватил крестника за руку, но тот раздражённо отмахнулся, цепляясь за дверной косяк и притормаживая.

– Я не вернусь домой, Джирайя, – тихо заявил Наруто. – Я не буду сидеть под присмотром родителей и послушно глотать таблетки, пока Саске… где-то там.

Узумаки вскинул взгляд на отшельника и продолжил:

– И если ты попытаешься сбагрить меня им, то я уйду. Я разберусь сам, без твоей помощи. И без их сочувствия.

Старый отшельник замер. Перед ним стоял дрожащий, как осиновый лист на ветру, светловолосый парень, появившийся в его жизни не так давно, но успевший ещё до личного знакомства запасть в сердце. Ребёнок, каким он его помнил,

наивный подросток, которым Наруто показался ему в свой прошлый визит.
Взрослый, уставший от свалившегося на плечи груза молодой человек, из последних сил цепляющийся за лоскуты надежды.

– Я не брошу его. Я обещал. С твоей помощью или без… я найду способ. Найду.

***

Саске приходил в себя долго. В голове было до того муторно, что мозг казался горячей кашей, сваленной в изысканную костяную тарелку в виде черепа.
Он открывал глаза дважды, но каждый раз перед ними всё плыло, играло бликами и сливалось в разноцветную мешанину. Хотелось провалиться глубже в это жалкое подобие сна, но каждый раз сознание уходило недостаточно глубоко.
Голоса то звучали, то пропадали, оставляя после себя шум, словно шипение сломанного телевизора. А потом к горлу подкатил горький ком, и пришлось открыть глаза так резко, что мир вспыхнул белым.

– Какой-то он совсем зелёный, – проговорили над ухом басовито.

– Тебе говорили по голове не бить…

– Сам виноват.

Стараясь вдыхать воздух через рот, чтобы не чувствовать тошнотворного запаха освежителя для салона, Саске моргнул пару раз, оглядываясь с трудом.
Мир, заключённый в тёмно-серый салон дорогого авто, подрагивал и всё ещё грозился распасться на осколки от любого неверного движения. И Учиха не двигался, застывшее смотря в лобовое стекло. Они уже подъезжали к городу, если верить выросшим на горизонте высоткам и более облагороженной трассе.

– Останови, – прохрипел он, цепляясь пальцами за передние

сиденья, чтобы придать телу нормальное и устойчивое положение.

Чья-то горячая рука надавила на грудь, стремясь придавить обратно к сиденью, но Саске дёрнулся раздражённо, сплевывая ругательство. Теперь рук стало две, и его дёрнули назад сильнее. Изловчившись, брюнет с небывалым наслаждением двинул локтем назад и послышался смачный хруст, а затем и злой выкрик.
Минута, и его прижимают к креслу, будто в его собственном теле сил-то и не осталось.
Уткнувшись носом в шершавое сиденье, насквозь пропахшее приторно-сладким освежителем, сигаретным дымом и ещё чем-то вроде горячего пластика, Саске попытался выползти из-под привалившегося боком мужчины.
Учиха нашёл в себе силы, чтобы отрешённо отметить, что запахи вновь вернулись… это было даже забавно.
Голова кружилась, ком в горле становился всё больше, а желудок скручивало жгутом.

– Останови, – повторил он. – Иначе меня вывернет прямо… здесь.

– Отпусти его, – сухо потребовал голос водителя, и тяжесть неохотно отлипла.
Пара минут, и машина съехала на обочину, остановившись под каким-то раскидистым деревом.

Бугай, сидевший рядом с Саске, вылез первым, придерживая дверь и напряжённо следя за вяло передвигающимся парнем. Нос мужчины кровоточил, и тот постоянно утирал кровавую юшку, совершенно недобро поглядывая на брюнета. Саске на миг даже показалось, что под этим деревом его и прикопают, а потом нутро скрутило очередным спазмом, заставив скрючиться над землёй, выплёвывая, судя по ощущениям, свои же внутренности.
Нормально дышать он смог лишь спустя несколько минут. Желудок до сих пор крутило, и Саске порадовался, что не ел нормально уже несколько дней. Наверное, было бы хуже…
Выпрямившись и шаря по карманам в поисках зажигалки и

сигарет, он уставился в изрытое следами от оспы или угрей лицо своего «конвоира».

– Внутрь, – хмуро приказал тот.

– Я курить хочу.

– Да меня не ебёт…

Закончить свою, несомненно, информативную фразу ему не дал вышедший из машины Фугаку. Лицо мужчины не выражало ровным счётом ничего, а вот его взгляды на наручные часы говорили о многом. Наверняка этот дорогой тёмно-серый костюм, белоснежная рубашка под ним и начищенные туфли он достал из шкафа не просто так. А то и вовсе купил…
Фугаку мог позволить себе многое. Даже слишком.
Осторожно ступая по раскисшей обочине, мужчина остановился напротив Саске, осматривая его долгим ледяным взглядом, словно не видел несколько лет.
Только вот надеяться на тёплые отцовские объятия было бессмысленно.
Рука старшего Учихи скользнула во внутренний карман пиджака, и Саске на миг показалось, что в следующий момент он увидит в ней пистолет, но там оказался безобидный серебристый портсигар.

– Угощайся, – бросил Фугаку, протягивая оный сыну.

Пожав плечами и стараясь унять дрожь в пальцах, Саске с трудом сграбастал одну из сигарет, едва не ломая её тонкое тельце, обёрнутое в шершавую бумагу.
Стоять рядом с Фугаку было странно, если не сказать больше. Старший Учиха, глава крупной фирмы и кандидат в мэры города, умел давить своим величием. Всё: от дорогого костюма до чёрной печатки на его пальце, говорило о том, что данный человек поднялся на много ступеней выше других. Сейчас, стоя перед ним в изодранных пыльных джинсах и простецкой чёрной футболке, Саске ощущал это особенно явственно.
Но смотрел прямо, так же остро и с насмешкой.
Фугаку никогда не станет выше других людей. Его лестница –

насквозь прогнившая стремянка, перекладины которой рано или поздно рассыплются трухой под этими начищенными до блеска туфлями.

– Ты ненавидишь меня? – спросил Фугаку, чиркая зажигалкой рядом с сигаретой Саске.

Парень не спешил с ответом, делая глубокую затяжку спасительно горького дыма, чтобы выбить из лёгких сладковатую мерзость. Он взглянул на мужчину, ожидающего его ответа с интересом нетерпеливого ребёнка.

– Нет.

Дым, смешиваясь с паром изо рта, взвился вверх, окутывая голову Фугаку забавным облаком. Саске усмехнулся тихо, стряхивая пепел на пожухлую траву. Его глаза неотрывно следили за лицом мужчины.

– Почему? У тебя есть все причины…

– А ты ищешь моей ненависти? – вздёрнул брови парень. – Зачем она тебе? Что даст?

Мимо промчалась машина, обдав их тёплым воздухом с отчётливым запахом бензина. Саске проследил за ней взглядом. Здесь дорога не такая узкая и неподалеку есть пост полиции, контролирующий въезд в город.

– Это здоровая реакция человека. Ненависть, злость.

– Здоровая, – задумчиво повторил Саске, вновь затягиваясь. Хорошие сигареты, с терпким привкусом табака.

Наверное, этот серебристый портсигар и бумажные палочки в нём – единственное, что было хорошего в Фугаку. Его сигареты стали чем-то вроде недостающей сердцевины личности, которая есть у всех за редким исключением.
Хах, смешно даже. Портсигар на ножках…
Эта мысль и возникшая в воспалённой голове картинка

чрезвычайно повеселили Саске, заставив его засмеяться сначала тихо, а затем смех перешёл в совсем уж громкий и нервный.

– На ножках, – выдохнул парень, пытаясь закрыть рот очередной затяжкой, но слова так и сыпались с губ. – Ты… ты портсигар на ножках.

Фугаку смотрел молча. Даже его брови, часто сходящиеся над переносицей в крайнем знаке раздражения, были спокойны. Перед ним был уже не человек и мужчина это понимал, смотря на бледное, исказившееся в болезненной радости, лицо. На эти кривящиеся губы, выдыхающие то дым, то хриплый смех. Глаза Саске блестели, будто он готов был расплакаться, но вместо этого он вновь и вновь смеялся, не в силах остановиться.

– Грузи, – мрачно кивнул Фугаку, отворачиваясь от сына. Здесь было нечего ждать…

«Надсмотрщик» с явным удовольствием двинулся к Саске, расставляя руки в обманчиво приветливом жесте.
Старший Учиха не стал смотреть на это, уже зная исход. Обойдя машину, он открыл дверь водительского места и внезапно услышал пронзительный крик. Резко обернувшись, Фугаку заметил лишь то, как Саске рванул в сторону дороги, а верзила упал на колени, зажимая левый глаз и тихо воя от боли.

– Держи его! – прорычал Учиха второму верзиле, что грузно вываливался из машины.

Да, всадить горящую сигарету в глаз было умно, но вот кинуться на трассу – не очень. Это Саске понял, едва его ноги коснулись асфальта, а мимо, сигналя, промчалась серая иномарка.
Увернувшись от неё, он едва не попал под колёса ревущей фуры. Сердце билось в висках, паника охватывала разум. Парень почувствовал себя котом, выскочившим на проезжую часть.
Рвануть вперёд прежде, чем его собьёт эта милая красная

машинка.
Середина трассы… впереди ещё немного и…
Что-то тяжёлое ударило в спину, валя на землю и придавливая к ней. Тут же, не дав опомниться, схватили за шкирку, оттаскивая в сторону. Рёв, сигналы, перед глазами всё шло кругами как и прежде, но теперь было ещё и до омерзения больно дышать.
Пытаясь уцепиться за волочащую его руку, Саске вывернулся, опаляя горло воротом футболки и слыша истошные сигналы машин. Наверное, они каким-то чудом не попали ни под одну из них, вновь оказавшись у чёрной машины Фугаку.

– Зачем ты бежишь?! – выпалил Учиха, когда круговерть перед глазами Саске прекратилась, и он понял – шанс сбежать упущен.

– Иди к чёрту!

– Ты… ты…

Саске вновь попытался извернуться, но на этот раз его перехватили за руки, сводя локти за спиной и заставляя выгнуться, дабы уменьшить боль в конечностях.

– Ты рушишь жизни многих, Саске. Свою, мою и…

Фугаку внезапно плотоядно улыбнулся, смотря в полные ярости глаза сына.

– И жизнь того милого парня… Наруто Узумаки? Так ведь его зовут? – тихим елейным голосом проговорил мужчина.

– Только… только попробуй…

Злость теперь совершенно опьяняла, ударяя в голове уже не пульсом, а молотом.

– И что ты сделаешь? Там, куда я тебя закрою, ты не сможешь сделать ничего.

В следующую минуту взгляды всех приковала остановившаяся у обочины машина, из которой вышел пожилой мужчина. Наверняка, такая живописная сцена привлекала внимание многих проезжающих мимо, но остановился только этот.

– Эй, парень, – бросил старик Саске. – Они тебе досаждают?

– Уважаемый, – ответил вместо него Фугаку. – Это только наше дело.

– Я с парнем разговариваю.

Взгляд дедка вновь зацепился за лицо Саске, и тот попытался улыбнуться. Краем глаза Учиха давно заметил, как напряглись его надсмотрщики.

– Вам же не нужны лишние проблемы…

– Всё хорошо, – перебил Фугаку Саске. – Не волнуйтесь.

– Да не кажется мне, что всё хорошо, сынок…

– Мне просто стало плохо…

– Дед, вали отсюда, – бросил верзила. – Пока мы не помогли…

Один из прихвостней Фугаку недвусмысленно отвёл край олимпийки в сторону и Саске краем глаза заметил кобуру. Заметил это и дедок, сразу изменившийся в лице.
Редко кто-то пойдёт против вооружённого человека даже ради спасения другой жизни. Тем более, жизни совершенно незнакомого парня. И Саске не мог судить этого незнакомца… Какое право он имел осуждать простое желание выжить… Это свойственно всем людям, и замешательство на лице старика вызвало лишь тусклую улыбку.

– Вот и умница, – проговорил верзила, когда дедок начал пятиться обратно к своей машине.

Осталось дождаться, пока его машина вновь вольётся в

стройный ряд проезжающих мимо авто.

– Если ты, Саске, попытаешься сбежать, то я обещаю твоему другу устроить счастливую, но недолгую жизнь, – провожая машину взглядом, медленно проговорил Фугаку.

Вновь сухой кивок на машину, и в этот раз Саске буквально затолкали туда, как бы он не упирался. С двух сторон сели верзилы, один из которых всё ещё держал руку на глазу.

– Я убью тебя, Фугаку, – прошипел Саске. – Убью. Ты слышишь?

– Зато теперь ты меня ненавидишь, – улыбнулись чёрные глаза в зеркале.

***

Господин Канори никогда не был сторонником жёстких методов лечения. Наверное, именно поэтому он разрешил оборудовать на заднем дворе лечебницы небольшой парк с аллеями и прочим…
Правда, гулять там было некому, ведь больным зачастую случалось впадать в такое состояние, что выпускать их на свежий воздух было чревато последствиями. А персонал предпочитал небольшую комнатку-курилку на первом этаже, отчего-то недолюбливая разлапистые ивы и пышные кустарники. Даже аллеи никто не оценил…
За годы работы в лечебнице господин Канори уяснил, что люди по природе своей – не благодарны, и поэтому не обиделся. Так или иначе, теперь из окна его кабинета открывался прекрасный вид на пустующий парк.
Вот вроде бы ты и в психушке, как это место называли местные, а отвернёшься к окну и видишь высокие деревья и тенистые аллеи.
Господин Канори любил своё детище почти так же сильно, как деньги.
Видит Небо, он хотел сделать как лучше…
Да и махинацию с «чёрной» прибылью провернуть удалось весьма удачно.
Психиатрические лечебницы издавна были очень хорошим

местом, где можно было содержать ненужных людей. Тех, кто должен был пропасть навсегда.
Кто сунется с проверкой туда, куда могут упрятать любого, стоит лишь потянуть за нужные ниточки, назначить проверку и так далее и тому подобное. Рычажков управления господин Канори за свою практику создал множество и научился вовремя надавить или же ослабить хватку.
Сегодня был особенный день. Пополнение в их большой семье, так сказать.
Персонал был очень удивлён, когда директор лично спустился вниз и даже открыл двери подъехавшей чёрной машины, откуда вышли сначала мужчины, а затем вытащили из салона мрачного вида парня.
Медсестры, занимающиеся уборкой прилежащей территории, на своём веку повидали многое. Каждый второй или третий пациент не горел желанием попадать в лечебницу, свято уверовав в свою адекватность. Они упирались, кричали, ругались и даже пытались укусить. Так что вырывающийся из крепких рук мужчин черноволосый парень не вызвал никакого удивления, и женщины вскоре вернулись к своим занятиям.

– Добрый день, – расплылся в улыбке господин Канори, протягивая руку для рукопожатия. Однако мужчина в сером костюме предпочёл не отвечать на этот жест, и рука директора нелепо зависла в воздухе.

– Все условия в силе? – строго спросил тот, кто не хотел, чтобы его имя знали.

– Обижаете, – протянул господин Канори, всё же убирая руку в карман брюк. Он бросил взгляд на парня и отметил, что один из его санитаров довольно-таки жестоко поплатился: левый глаз распух и был закрыт. Директор укоризненно цокнул языком.

– Думаю, у нас возникнут проблемы с его… поведением.

– Делайте, что хотите, – махнул рукой мужчина. – Деньги я вам перечислил и…

– Каждый месяц ту же сумму, да-да, – довольно кивнул господин Канори и показал своим ребятам на двери. – Заводите его.

– Запомните, – очень нехорошо произнёс темноволосый, натягивая на руки чёрные перчатки. – О том, что я посещал ваше заведение, никто не должен знать. А они…

Взгляд его метнулся в сторону медсестер, и господин Канори тихо рассмеялся своим противным писклявым смехом, который его матушка находила весьма забавным и искренним.

– Они работают на меня. И знают, что мои дела касаются только этой лечебницы. Понимаете? Это всего лишь бесплатное приложение.

Очередной взрыв отвратительного смеха.

– Всего доброго, – сдержанно кивнул мужчина, возвращаясь к машине. Он бросил последний взгляд на санитаров и скрылся в салоне.

– Удачи, – махнул пухлой рукой господин Канори и направился обратно в здание.

***

– А ты молчаливый, – цокнул языком жирдяй, листая страницы замусоленного и пожелтевшего журнала.

Просторный, но тёмный, холл этого места напоминал собой самый настоящий зал с призраками из самых дешёвых фильмов ужасов, что Саске видел. Стены, старомодно обитые деревом, высокие арочные окна и даже чёрно-белая шахматная плитка на полу – всё здесь казалось стереотипным, хотя в таких местах Учиха ещё ни разу не бывал.
Вытянувшиеся вдоль стены стулья ждали посетителей, но оных отчего-то видно не было, пожелтевшие фотографии в тёмных рамочках должны были хоть как-то разбавить мрачность деревянной обивки стен, но лишь усугубляли ощущение

нелепости и блёклости зала. А этот дешёвый стол из ДСП, за которым сидела молоденькая медсестричка в пожелтевшем халате…
Она, покорно сложив руки на коленях, жадно скользила взглядом по лицу новоприбывшего, пытаясь наспех угадать диагноз. То, что его держали целых два санитара, говорило о буйности молодого человека, утомлённое истощённое лицо – о пристрастии к саморазрушению. Или же… о чём-то другом?
Девушка попыталась вспомнить, что им там диктовали во время лекций, но внезапно чёрные глаза парня встретились с её. Сердце дрогнуло, моментально окутавшись колким холодом, и по венам потекла ледяная жидкость вместо крови. Ей на миг показалось, что на неё смотрит покойник, оживший по странной прихоти судьбы. Вздрогнув всем своим естеством, медсестра спешно отвернулась, вперившись взглядом в слишком яркую настольную лампу. Её жёлтый свет показался девушке самым тёплым в мире…
После этих бездонных провалов глаз…

– Итак, номер две тысячи сорок восемь, – проворковал толстяк, отодвигая от себя журнал и поворачиваясь к парню. – Добро пожаловать домой.

***

Подъехавшую к дому отшельника машину, Наруто услышал раньше, чем фары мазнули по окнам, бросив на стены рыжие блики. Сорвавшись из-за стола и опрокинув табурет, парень ринулся к окну. Конечно, громкий возглас Джирайи Наруто проигнорировал, а тяжёлый взгляд Итачи вовсе не заметил. Прильнув к окну, он понял, что не увидит ничего в спустившихся на лес сумерках, и бросился к двери, распахнув её настежь.
Что он ожидал увидеть?
Но вот увидел Цунаде, спешно шагающую к нему. Женщина даже улыбнулась приветливо, взбегая на крыльцо.

– Ты как, Наруто?

– Я… нормально, – несколько растерянно отозвался Наруто. –

Что вы здесь делаете?

– Мне позвонил Итачи, – она кивнула на молчаливого Учиху, что сидел за столом и пристально смотрел в спину Узумаки. – Не возражаешь?

Наруто запоздало понял, что так и не ушёл с пути, отступил в сторону, придерживаясь за дверной косяк. Странная слабость всё ещё была в теле, не смотря на то, что Джирайя-таки умудрился заставить крестника съесть тарелку бульона. Узумаки уже хотел было закрыть дверь за ней, но раздался ещё один хлопок двери, и парень удивлённо уставился в сумерки. Высокая худощавая фигура могла принадлежать только одному человеку.

– Тебе нужен был доктор, – заметив эмоции на лице Наруто, бросил Итачи.

На этот раз Наруто сдержаться не смог. Показалось, что он лишь моргнул, а в следующий момент оказался рядом с Итачи, сжимая его ворот и упирая парня в стену.

– Ты знаешь, что нужно всем? – прошипел Наруто. – Ты хочешь решать за всех?

– Наруто, – мягко позвал женский голос, осторожно укладывая руки на плечи блондина. – Набить его лицо ты сможешь позже. Сейчас же я хочу знать, что у вас тут произошло?

Узумаки с трудом заставил себя разжать пальцы. Присутствие Итачи заставляло хотеть лишь одного – выбить из него всё самодовольство.

– Давно не виделись, Джирайя, – скупо улыбнулся Орочимару, прикрывая за собой дверь и протягивая руку поднявшемуся из-за стола отшельнику.

– Вы знакомы? – нахмурился Наруто, позволяя Цунаде отвести его от Итачи.

– Он мой старый друг, – сверля старика взглядом, проговорил доктор.

Но на бледном лице не было ни тени радости от этой встречи, впрочем Джирайя тоже был слишком напряжён для человека, увидевшего своего друга. Так встречают врагов. Или же пытаются пройти мимо кобры, готовой броситься в любую минуту.
Наруто бросил тревожный взгляд на застывшего Джирайю, но отшельник уже отошёл, выставляя на столе кружки.

– Ты же не против моего присутствия здесь, Джирайя, – с ухмылкой спросил Орочимару.

– Если ты нужен Наруто… то оставайся.

Беловолосый опустился за стол, сцепив руки в замок и предпочитая смотреть на Цунаде, нежели на старого друга.

– Ты такой же грубиян. Надо же. Совсем не изменился.

– Я надеюсь, изменился ты, Орочимару, – проскрежетал Джирайя.

– Так, – выпалила Цунаде. – Если все закончили выяснять отношения, то я предпочту узнать, что за апокалипсис случился у вас здесь.

***

Длинная комната, отделанная кафелем, казалась бесконечной и до жути холодной. Под босыми ступнями Саске отчётливо чувствовал мелкие камушки и что-то склизкое, но предпочитал не смотреть под ноги. Здесь было омерзительно: от пола поднимался желтоватый парок, стены в потёках ржавчины давили, а слабый электрический свет едва освещал углы.

– Мойся и на выход, – бросил чей-то голос, и скрипнула дверь.

Если Саске и надеялся, что его оставят одного хотя бы на

минуту, то жестоко ошибся – санитар никуда не делся, привалившись спиной к стене и уставившись немигающим взглядом на Учиху.
Пристальное наблюдение было возможно терпеть. Эти люди живо напоминали Саске пустых кукол, которых утром заводит кукольник, и те до позднего вечера выполняют свои обязанности, не имея за своей оболочкой ничего, кроме списка нужных дел. Учихи даже стало интересно – в чём заключается жизнь этих «кукол» за стенами лечебницы…

– Живее.

Голос эхом отразился от стен, и Саске свернул к первому же душу, положив жёсткое полотенце во что-то вроде ниши в стене.
Раздеваться под пристальным взглядом было… никак. Мысли были слишком далеко отсюда, пока пальцы быстро расстёгивали пуговицы и молнии, стягивали пыльную одежду и шарили по стене в поисках вентиля.
Нашли.
Скрип, и холодная вода полилась на макушку, заставив вдохнуть побольше воздуха. Конечно, кто будет тратиться на горячую воду, когда вокруг одни лишь психи…
А им всё равно…
Пальцы сводило, кожа покрылась мурашками, а волосы холодными щупальцами облепили голову и лицо. Только в черепе всё равно полыхал пожар, заставляющий дрожать от несоответствия температур.
Что будет дальше, его не волновало. Собственная участь давно перестала казаться чем-то значимым и тем, о чём следует беспокоиться.
Учиха сам не заметил, что его начало бить сильной дрожью под этими холодными струями. Кажется, санитар говорил что-то ехидное, но звуки сквозь вату проступали плохо.
Лоб ткнулся в скользкий кафель, и Саске попытался унять головокружение.
Наруто.
Как бы было хорошо, если бы этот придурок забыл о его существовании в одночасье. Просто выкинул из головы всё то, что…

Но нет. Это ведь Узумаки. Он не сможет просто так совладать со своими эмоциями, не сможет приказать сердцу. Да он даже с головой не в ладах, что уж там о чувствах говорить…
Он закрыл воду, нащупывая полотенце в нише, и принялся вытираться.
После этого душа Саске чувствовал себя ещё грязнее, а когда в лицо прилетела какая-то ткань, Учиха тяжело вздохнул. Рассыпавшийся от удара о пол свёрток оказался его одеждой: простые тёмно-серые штаны, такая же свободная рубашка и белые мягкие тапочки.

– Одевайся.

***

Наверное, отсюда можно было выбраться…
Длинный коридор убегал далеко вперёд, теряясь в темноте. Здесь было почти темно, если не считать холодного света оранжевых ламп под сводчатым потолком. Из-за закрытых дверей не доносилось ни звука, да и вообще казалось, что это место погрузилось в другую, приглушённую реальность. В ней можно было раствориться, если бы не подгоняющие толчки в спину.
Да, определённо отсюда можно было выбраться, если твои мозги не поджарятся в первую неделю. А уж они-то постараются, вряд ли Фугаку оплачивал этот «курорт» для любимого сына и забыл включить в список увеселительных мероприятий вип-развлечения.
Саске мог бы даже попытаться придумать, как выбраться из этого места, но обещание старшего Учихи сковывало раскалёнными цепями.
Ломать и без того давшую трещину жизнь Наруто таким образом Саске совершенно не хотелось.
Кто бы мог подумать, что простая встреча в беседке выльется для белобрысого в такие последствия…
Саске бы наверняка почувствовал себя виноватым, если бы всё внимание не надо было сосредоточить на ватных ногах и попытке удержаться на оных. Ведь, упав, будет бесполезно надеяться на руку помощи. Скорее всего, получишь сапог под рёбра и встанешь сам, чтобы не заработать второй.

– Стой.

Учиха остановился, уставившись взглядом в кафельный давно не мытый пол. Если в клинике Орочимару всё светилось казённым лоском, то здесь никто даже не думал наводить что-то подобное. Даже цветы, висящие в кованных настенных кольцах, практически завяли и истончились от недостатка света.
Дверь кабинета раскрылась, и его затолкали внутрь, а сам санитар безмолвной тенью остановился где-то сбоку, давя одним лишь своим присутствием.
Слишком яркий после тусклого коридора свет ударил по глазам, и Саске прищурился, инстинктивно делая шаг назад.

– А вот и ты.

Скрипнул стул и послышались лёгкие шлепки резиновой подошвы по кафельному полу. Саске до сих пор видел перед собой лишь размытые пятна, запоздало опомнившись, что очки свалились с него ещё у дома отшельника.
Пятно приблизилось, встав так близко, что Учиха смог почувствовать резкий запах духов. Впервые в жизни он жалел, что обоняние решило вернуться так внезапно… и так не вовремя.
По щеке прошлось что-то тёплое, опознанное сознанием, как слегка шершавый палец. По скуле чиркнул ноготь, и Саске мотнул головой, кривясь от отвращения.

– Жаль, – выдохнуло пятно. – Очень жаль. Такой милый мальчик…

Пальцы вернулись, но теперь они сильно сжали подбородок, заставляя слегка задрать голову. Учиха в очередной раз дёрнулся, сбрасывая с лица эту руку.

– Руки, – шикнул он.

– А уже такой запущенный. Жаль, – повторил женский голос, и пятно двинулось куда-то. – Ну ничего… Мне тут дали

ознакомиться с твоей картой… так что это мы решим быстро.

Шелест, звук отодвигаемого ящика.

– Вот. Кажется, эти…

Пятно вернулось, и ему на нос водрузили что-то тёплое и не особо тяжёлое. Саске дёрнулся, отмахиваясь от излишне задержавшихся на висках рук.
Стоило зрению вернуться, как картинка стала на порядок чётче, хотя всё ещё шла лёгким маревом, и глаза начинали потихоньку ныть.

– К сожалению, очки сделаны из тугоплавкого пластика. Для твоего же блага.

О, он понимал и усмехнулся, переводя взгляд на обладательницу этого ядовитого голоса. Странно, но без очков он принял её за тридцатилетнюю, хотя при более чёткой картинке женщина выглядела на все пятьдесят.

– М, – неопределённо хмыкнул Учиха, поправляя очки. – А звучите вы моложе.

Её худое и вытянутое лицо слегка изменилось, но вряд ли из-за едкого замечания о возрасте. Таких, как она, вообще не волнуют слова психов. Вряд ли каждый второй осыпал её комплиментами, так что Саске явно не выделялся на их фоне. Но с ним разговаривать больше не стремились. Взгляд женщины прошёлся по его лицу, и её безобразно намазанные красной помадой губы растянулись в улыбке.

– Наши пациенты редко бывают… такими.

К горлу вновь подкатил горький ком. Но теперь не из-за скрученного спазмом желудка, а из-за её ядовитого голоса, цепкого взгляда. Саске почувствовал себя никем. Манекеном, которого разглядывают придирчивые покупатели. Товаром или же простым куском мяса.

– Что ж, – кивнула женщина и её пышные светлые волосы колыхнулись, словно горка мыльной пены. – Над тобой придется поработать, но…

Она отвернулась, вынимая из ящичка белой тумбы какие-то ампулы.

– Средств у нас достаточно.

– Что это? – выпалил Саске.

– Надеюсь, мне это не понадобится, – пробормотала себе под нос женщина, откладывая упаковку на стол и задумчиво постукивая себя пальцами по подбородку. На Саске она не смотрела, растерянно бегая взглядом по столу, словно искала что-то, и на миг Учихе показалось, что женщина ушла глубоко в себя.

Здесь все психи.
«А ты?» – раздался в голове поразительно чёткий и узнаваемый голос.

– Итак. Начнём осмотр, пожалуй.

Женщина обернулась, уставившись куда-то в горло Саске, будто бы избегая смотреть в глаза. Её руки потянулись к вороту больничной рубашки парня и недвусмысленно дёрнули вверх. Но Саске отшатнулся, отмахиваясь яростно. В голове отчего-то вспыхнула единственная мысль – не давать притронуться.

– Пациент проявляет агрессию, – выдохнула женщина и кивнула санитару. – Увы, мы ведь не можем рисковать… нужно быть осторожной, да. Подержи его.

***

Боль не приходит одна, как и не приходит одиночество. Это могло случиться раньше или позже, это могло вообще не произойти, но, так или иначе, настоящее уже составлено, нити судеб переплетены. Остаётся лишь скользить безразличным

взглядом по мерцающим тонким струнам, слушать их лёгких звон и надеяться, что они не запутаются.
А если и запутаются, то никто не разорвёт.
Наруто сам попал в эти нити. Упал с огромной высоты своей прежней спокойной жизни, позволил темноте заполнить сознание, а нитям – оплести не сопротивляющееся тело. Ему было хорошо в этих путах…
Ему было хорошо в тех руках…
Пальцы крепче сжались на чашке, и Узумаки судорожно выдохнул в неё, пуская по светлому чаю лёгкую рябь. В ответ из неё пахнуло теплом, и оно осело на губах приятным привкусом трав.
Наруто поднял глаза от кружки, оглядывая сидящих за столом людей. На лице каждого была печать самых разных эмоций, и только Орочимару, сидящий рядом с ним, казался отрешённым и, как всегда, холодным. Его желтоватые глаза странно мерцали в свете неяркой лампы, горящей под потолком. Конечно, в ней особой нужды не было, но Джирайя отчего-то решил, что так будет лучше. Словно это слабое электрическое сияние могло выжечь тени, залёгшие не только по углам, но и в душах у некоторых.

– Значит, ты рассказал своему отцу, что Саске здесь, – подытожила короткий рассказ Итачи Цунаде. Психолог выглядела крайне задумчивой, но её глаза нехорошо сверкали, будто бы она безрезультатно пыталась скрыть подкатывающие эмоции.

Наруто перевёл взгляд на Итачи. Старший Учиха был молчалив и смотрел себе под ноги, изредка бросая взгляд лишь на Орочимару. Однако доктор не отвечал ему, предпочитая витать где-то в своих мыслях. Было ли это попыткой вызвать на личный разговор или же просто желанием зацепиться за единственного не осуждающего человека Наруто не знал.

– Итачи? – позвала Цунаде излишне задумавшегося парня, и тот как-то едва заметно вздрогнул, поднимая лицо на неё.

– Да. Я рассказал.

Наруто крепче сжал край стола.

– Зачем?

– Он обещал помочь Саске, – всё тем же механическим голосом продолжил Учиха. – Ведь ему нужна помощь…

– О, Небеса, Итачи, – выдохнула Цунаде, устало потирая лицо рукой. – Ты знал, кто твой отец, знал об его отношении к Саске… и?

– Я попытался поверить.

– Ты бы мог позвонить мне, Итачи, – выпалила раздосадовано женщина.

Учиха вновь опустил взгляд. Казалось, он давно осознал всё, что натворил и теперь мучительно пытался решить – виноват ли он, что просто доверился отцу. Родителям стоит доверять, все мы хотим верить в их исключительно благие намерения.

– Ладно, – махнула головой Цунаде. – Вы пробовали связаться с Фугаку?

Её взгляд прошёлся по лицам мужчин, замирая на пустых глазах Наруто. Цунаде внутренне похолодела. Захотелось прижать к себе это растерянное существо, утешить и сказать, что все будет хорошо. Но женщина прекрасно понимала, что нет гарантии на счастливое завершение дела. Даже «дела» самого ещё нет.

– Он не отвечает, – отозвался Итачи.

– Хорошо. Телефон Саске?

– Выключен, – буркнул Наруто, машинально вынимая из кармана свой сотовый и ложа перед собой. Прикусив губу, блондин решил попытать счастье в очередной раз, набрав знакомый до боли номер, и поставил на громкую связь. Писк и голос женщины сообщает, что дозвониться до абонента

невозможно. Раздражение накатило новой волной, и Наруто слепо ударил по клавишам, выдыхая. Он внезапно почувствовал себя на необитаемом острове, отрезанным от людей. Не было даже малейшего шанса связаться с Саске…

– В городе пять психиатрических лечебниц, – следя за Наруто, проговорила Цунаде. – В трёх из них у меня есть хорошие знакомые, две же… там я ни разу сама не бывала.

– Почему?

– Не приходилось, – развела руками Цунаде.

Орочимару хмуро усмехнулся:

– А откуда такое желание вытащить его оттуда?

Все как один повернулись к мужчине, и тот вновь широко улыбнулся, польщённый таким вниманием.

– Зачем? Может, ему там будет лучше? Вы же знаете, что Саске недолго осталось. Что его разум умрёт быстрее, чем тело.

Раскалённые гвозди его слов входили глубоко в тело, и с каждой минутой Наруто отчётливо ощущал привкус иллюзорной крови на своих губах. Орочимару всегда говорил правду, всегда не страшился высказать свои мысли, разбивая тем самым розовые очки, ломая своей ледяной безразличностью к чувствам посторонних их песочные замки. А потом он прохаживался огнём по руинам, чтобы надежда не обрела очертания вновь…

– Сейчас он там, – медленно произнёс Орочимару. – Где должны быть такие, как он. Там всё оборудовано как раз для психов.

– Он не псих, – тихо выдохнул Наруто.

Орочимару замер, будто услышал совершенно неожиданное. Он медленно повернулся к Узумаки, вперившись желтоватыми

глазами в его лицо, и скупо улыбнулся:

– Что, прости?

– Саске не псих, – громче повторил Наруто, до боли сжимая свой сотовый.

– Разве? – чёрные брови взметнулись вверх. – А я думаю иначе. Цунаде…

Насмешливый взгляд коснулся лица женщины.

– Как считает наш дорогой психолог?

– Орочимару, прекрати, – предостерегающе пророкотал Джирайя. – Ты не видишь, что делаешь ему больно?

– Наруто? – усмехнулся доктор. – Больно? Новая боль, старая боль… какая разница, Джирайя? Мальчик не хочет принимать реальность, как и ты в своё время.

– Орочимару, мы здесь не для выяснения отношений, – поморщился отшельник. – Речь сейчас о другом.

– Да ну. А мне кажется, что история повторяется, – ощерился Орочимару. – Не находишь эти совпадения забавными, отшельник?

Взгляд Джирайи стал холодным и острым. Какая-то почти незримая перемена произошла в его лице, и Наруто показалось, что старик вот-вот кинется на черноволосого, но тот лишь шипяще выдохнул, отворачиваясь.

– Я давно признал за собой ответственность. Я виню себя. Только себя. Тебе этого достаточно?

– Мне никогда не будет этого достаточно, – прошипел Орочимару, неожиданно поднимаясь из-за стола и выходя прочь из комнаты. Дверь за ним слишком громко хлопнула, став жирной точкой в этой непонятной беседе.

– У меня внезапно появилось желание, – философски проговорила Цунаде. – Развести вас всех по разным комнатам и дать побеседовать. А мы с Наруто продолжим искать способ спасти Учиху. Вы не против?

В её голосе не было раздражения, но Узумаки отчётливо понимал, что ещё немного и женщина сорвётся. Даже её спокойная улыбка не могла скрыть подлинных эмоций.

– Я… выйду подышать, – тихо попросил Наруто.

– Пожалуй, тебе бы не помешало, – кивнула психолог и положила руку на локоть Джирайи, который хотел было подняться следом.

***

Орочимару сидел на крыльце, как совсем недавно сидел Саске. Недавно? Прошло около пяти часов, а события утра казались всё ещё реальными. Наруто мог поклясться, что чувствовал на своей коже пальцы Учихи и мог ощущать его запах совсем рядом. Только тепла не было…
Наруто опустился на пыльную деревянную ступеньку, обхватывая себя руками и склоняясь туловищем к своим же коленям. Дышать всё ещё было трудно, но сердце, кажется, больше не пыталось пробить в грудной клетке дыру.
Рано или поздно мы примиряемся со всем. И как бы ни хотелось бунтовать, идти против жестокой системы, людей, против своей природы – ничего не выйдет. Система рано или поздно расплющит тебя своим катком, люди высмеют твои идеалы, а собственная сущность окажется полным заблуждением.
Ведь Наруто никогда не думал, что сможет испытать что-либо к… парню. Что все стереотипы, все рассказы и все осуждения станут неважным хламом, который будет валяться бесформенной кучей где-то на границе сознания.
Все предрассудки давно уже были похоронены.
Никаких опасений.
Никаких надуманных мыслей по поводу своих отклонений.

Только осознание, что есть Саске, что есть он, Наруто. Два человека.
Просто люди, а другое – не важно.
И сейчас Учихе плохо. Намного хуже, чем самому Наруто, в стократ тяжелее физически, а, может быть, и морально.
И это осознание заставляло уставшее, почти умершее тело двигаться. Жить, ради чужой жизни, как бы пафосно это не звучало. Наруто всеми клетками своего тела ощущал, что он сможет помочь, что он сможет вновь встретиться с чёрными глазами и увидеть презрение, злость, ненависть. Да что угодно…
Лишь бы увидеть.
Сбоку что-то зашевелилось, и Наруто запоздало заметил, что Орочимару протягивает ему сигарету. Недоумевающе посмотрел на доктора, но тот изучал лишь высокие сосны впереди.

– Это, конечно, убивает и всё такое…

– Спасибо, – неуверенно пробормотал Наруто, принимая сигарету и подкуривая от протянутой следом зажигалки.

Мужчина, убирая зажигалку, повернулся к блондину, смерив его раздражённым, но безгранично усталым, взглядом. Забавно, значит, даже этот идеальный и непроницаемый во всём человек может испытывать эмоции. И, более того, существует вещь, заставляющая его терять стальной самоконтроль.
Наруто уставился на слегка дымящуюся сигарету в своих пальцах, будто не понимая, что делать с ней. Тонкая, пахнущая ментолом, она была совершенно не похожа на те, что курил Саске.

– Это курят, Наруто.

– Я знаю…

Узумаки прихватил губами шершавый фильтр и втянул в себя едкий дымок. Горло обожгло почти забытым ощущением и захотелось закашляться, но блондин лишь фыркнул, пытаясь сдержаться.

– Я завидую твоей надежде, – неожиданно тихо признался Орочимару.

– Ч-что?

Он всё же закашлялся от таких слов и уставился во все глаза на мужчину.

– Ты веришь, что снова увидишь Саске.

– Да, – уверенно отчеканил парень.

– Мне бы твою веру в своё время.

– О чём вы?

Орочимару, отщелкнув в сторону бычок, потянулся за новой сигаретой. Пока его тонкие пальцы ловко доставали тонкую палочку, губы кривились в подобии болезненной улыбки. Он скосил глаза на Наруто, и тому показалось, что радужки мужчины слабо светятся. Хотя это было лишь иллюзией воспалённого и уставшего сознания.

– О том, что иногда мы совершаем большие глупости только из-за отсутствия веры. В себя, в друзей, в… судьбу, если хочешь.

– Иногда, – передёрнул плечами Наруто, делая очередную затяжку уже не такого противного дыма. Сигарета в собственных пальцах казалась до ужаса непривычной и неправильной. Нет, всё-таки Узумаки никогда не мог понять этого странного дымного ритуала…

– Я не верил. Никому и ничему.

«Как и Саске», – мрачно отозвался внутренний голос, и Наруто усмехнулся мыслям, скатывающимся лишь к Учихе.

– Даже в себя, – выдохнул Орочимару и замолчал, вновь возвращаясь к разглядыванию сосен.

Он был уже немолод и далеко не здоров. Душа, истерзанная многими годами безжалостной работы, разъедающим чувством вины и наигранным безразличием, стремилась вырваться из ненавистного тела. А тело хотело уничтожить тот внутренний свет, который религиозные люди считают искрою Бога. Вечная борьба с самим собой. Это так выматывает…

– Я сорвался и перестал верить, Наруто. И это привело к…

Орочимару осёкся, комкая в пальцах так и не подожжённую сигарету.

– Возможно, и тебе лучше отпустить Саске сейчас, чем потом винить себя всю жизнь.

– Винить в чём? – нахмурился Наруто. Слова доктора пока что не достигали цели, да и вообще вряд ли он сможет понять туманные намёки. Сейчас мозг отказывался работать так, как следует. Он просто принимал информацию, а обдумывать её и разбирать на смыслы было слишком трудно.

Повернувшись к Узумаки, Орочимару пристально посмотрел в глаза парня и выдохнул дым.

– В его смерти.

– Смерти? Я хочу вытащить его оттуда, а не убить, – фыркнул Наруто.

– Когда он превратится в подобие человека, и в его глазах ты будешь читать лишь мольбу о смерти, ты ответишь на эту немую просьбу.

– О чём вы вообще…

– Заставляя Саске жить, чем ты лучше Итачи? – скривился Орочимару, позволяя эмоциям вновь показаться на лице. – Ты также привязываешь его к этому миру. Только не так явно, как это делает его брат.

– Но… ему нужно жить, – опешил Наруто. – Он же… не хочет…

Непонимание нахлынуло внезапно. Холод сковал мышцы, заставил кровь остыть в жилах, и по телу вновь потекли мелкие колкие осколки. Наруто смотрел на безмолвного мужчину перед собой и читал в его глазах Пустоту. Горечь на губах, едва заметный блеск в глазах. Орочимару сожалел и был готов в своей вине доходить до крайности, закрываясь щитом профессиональной вежливости и сарказма.
Наруто опустил глаза, разжимая пальцы и роняя сигарету под ноги. Он, как и Итачи, изо всех сил цеплялся за Саске, мешая тому двигаться, мешая тому закончить свою жизнь. Он просто эгоист…
Мысли путались в голове, болью отзываясь в висках. Цветные картинки одна за другой сменяли друг друга, слова, сказанные и подуманные, звучали эхом ушах.

– Ты хочешь спасти его, – кивнул Орочимару. – Это понятно. Это так по-человечески. Я тоже хотел спасти своего друга, а в итоге мне пришлось его убить.

– Вы…

Орочимару отряхнул руки от табака и ошмётков бумаги. Он спокойно улыбнулся и встал.

– Подумай о том, что я тебе сказал. Возможно, это шанс дать Саске уйти.

– Как вы можете такое говорить?!

Наруто вскочил на ноги следом, зло уставившись в глаза мужчины. Только вот его эмоции вновь лишь веселили мужчину, успевшего натянуть на лицо очередную маску.

– Я знаю, что говорю. Саске рано или поздно станет овощем, Наруто. Без разума, без эмоций. И он будет умолять тебя о смерти, а ты не сможешь ему отказать.

– Это ваша жизнь, а это моя!

– Различия не так велики, – пожал плечами желтоглазый. – Ты зря думаешь, что с тобой это никогда не случится.

– Заткнитесь, просто заткнитесь, – прошипел Наруто, не в силах сдерживать внутри злость и отчаяние. – Всё будет не так… не так…

Сердце сделало мучительный толчок, и Узумаки вновь схватился за грудь, широко распахивая глаза.

– Поразительно, – хмыкнул Орочимару. – Поразительно, как быстро боль вытесняет из головы все мысли. Не так ли, Наруто?

Он склонился слегка, чтобы их лица были на одном уровне – спокойное его и искажённое болью и злостью лицо блондина. Очередной болезненный удар заставил сжать зубы.

– Скажи мне, сейчас в твоей голове есть мысли о Саске? Когда твоё сердце думает – биться ли ему дальше, ты думаешь о нём?

Наруто с трудом выдохнул, поднимая на Орочимару глаза. Хотелось сказать что-то злое, едкое, но язык будто онемел.

– Когда есть боль – нет мысли. Нет чувств и любви, дорогой мой Наруто, – ядовито прошелестел голос совсем рядом. – Единственное различие тебя и Саске в том, что он чувствует боль постоянно.

Холодная рука легко похлопала парня по плечу, затем зацепила пальцами за подбородок.

– Вы все – лишь декорации для его жизни.

Орочимару смотрел в его глаза долго, слишком пристально, чтобы отвести прилипший взгляд или попытаться вздохнуть. А потом, усмехнувшись, перехватил поперёк туловища и медленно двинулся в дом.

– Тебе нужно принять кое-что. Иначе твоё глупое сердце решит закончить этот спектакль.

– Вы… вы омерзительны, – едва слышно прохрипел Наруто.

Двери открылись, и в лицо ударил свет, а потом и голоса.

– Что с ним? – выпалила Цунаде, подбегая к ним и поддерживая Наруто под другую руку. Блондин раздражённо дёрнулся, стремясь оторваться от чужих рук, и его отпустили, позволив соскользнуть на стул.

– Глупость, – пожал плечами Орочимару. – Глупость губит нас всех. И вера.
Взгляд застыл на взволнованном лице Джирайи.

– Отшельник, расскажи ему нашу историю. Может быть, это поставит его мозг на место.

***

Саске сразу понял, что люди здесь сделают всё, чтобы лишить его личности, уважения к себе, мыслей и желания думать. Он смотрел на женщину перед собой и видел лишь пожелтевший остов, который всё ещё продолжал двигаться и скалить свой безобразный алый рот в улыбке.
Она была местным призраком, одной из сотни. Возможно, когда-то у этой женщины была жизнь внутри её тогда ещё молодого тела, а потом лечебница высосала из неё всё, оставив лишь оболочку. Как паук, что, поймав свою жертву, сначала разжижает её внутренности, а потом с упоением наслаждается ужином. На выходе лишь хрупкая шкурка.
Так будет и с ним.
Его мозг разжижат и вытянут через трубочку местные божества, местные призраки. Их холодные костлявые руки он уже чувствовал на своих плечах и не хотел оборачиваться, зная, что, однажды обернувшись, назад вернуться не сможешь.
Осмотр прошёл быстро, и Учиха пытался уходить как можно глубже в себя, пока руки женщины быстро и жадно ощупывали его кожу. Наверное, она была ещё более мёртвой, чем он, раз

позарилась на те едва тлеющие искры внутри тела Саске.
Когда он вновь оказался в одежде, желание посетить тот затхлый душ стало просто невыносимым. Увы, никто такой роскоши предоставлять не собирался.
Боль пришла внезапно. Она никогда не предупреждает о своём визите, накрывая с головой.
Виски проткнули железным штырём. Он был ледяным, проламывая хрупнувшую кость и выходя с другой стороны.
Кажется, его всё-таки вывернуло на пол, прямо под ноги брезгливо отшатнувшейся женщины. За ворот дёрнули, заставляя выпрямиться, но тело всё ещё клонило к земле непреодолимой силой.

– Полагаю, это то, о чём говорил господин Канори, – деловито проворковала женщина, приближая своё лицо к его и внимательно рассматривая. – Интересно, весьма…

Саске выдохнул. Её духи резали нос, спиртовым привкусом оседая на языке.
Боль в черепе становилась сильнее, будто стремясь наказать его за своё долгое отсутствие.

– Стой ровно! – рыкнул санитар, вновь выпрямляя клонящееся к полу тело.

– Наверняка, ты должен принимать какие-то таблетки… посмотрим-посмотрим.

Саске не видел, решив закрыть глаза, но отлично слышал шелест бумаги и то, как женщина тихо бормочет себе под нос что-то. Все его мысли пульсирующим клубком собрались лишь вокруг одного – не упасть. Сжать зубы, дышать носом… Терпеть.

– Нет. Указаний не поступало.

Конечно, никто и не думал помогать ему…
Учиха криво улыбнулся, разлепляя глаза и глядя на женщину. Все её кости внезапно отчетливо проступили, являя истинную сущность. Страшную, жёлтую с чёрными потёками вместо глаз.

– Отведи его в общую. Пока там, а потом решим.

То, что нужно двигаться, Саске понял лишь по толчку в спину.
Давай же, Учиха. Стой ровно, сделай шаг. Второй, третий.
Вот.
Молодец.
Его бросило на стену в коридоре, и сильная рука вновь дёрнула в сторону, сопровождая это ругательством.
«Я с тобой, мой мальчик», – ласково проворковали рядом.
Саске скосил глаза на звук и даже не удивился, увидев рядом с собой размытый силуэт Белокожей.
«Только я всегда буду с тобой», – улыбнулась она, протягивая к нему тонкую руку, и Саске вновь отшатнулся, ударяясь плечом о стену.

– Иди! – рыкнул санитар.

Толчок в спину.
«Только я».
Только…
Цепляясь пальцами за гладкую стену, Учиха мерно брёл вперёд.
Мысли, мысли, мысли…
Они исчезали и появлялись, сгорали от огня, полыхающего внутри черепа. Ещё чуть-чуть…
Наверное…
А потом ноги всё-таки не выдержали, роняя тело на шершавую ковровую дорожку, которой была устлана эта часть коридора.
Перед глазами мелькнул потолок: тёмный, жёлтый с потёками.
Просто так их не заметишь, нужно задрать голову. Но кто смотрит вверх?
«Только я», – повторила Белокожая, опускаясь рядом.
Учиха криво улыбнулся, чувствуя, как в носу привычно засвербело. Боль окутывала, укрывала и уносила на своих жгучих волнах. Ещё немного и всё померкнет…
Холодные пальцы забрались в волосы, перебирая их и распутывая. Она была здесь, он видел её худое лицо над своим.
Её потрескавшиеся бледные губы, улыбающиеся самой жуткой из улыбок.
А потом пришло другое ощущение. Холод её прикосновений

сменился знакомыми касаниями горячих пальцев, которых здесь и не могло быть. Разрывающийся от боли разум играл в странные игры, подсовывая в гаснущее сознание воспоминания. Наивный.
Какой же ты наивный глупый идиот, Узумаки.
Какой же ты…

***

– Эй! Эй! Эй!

Звонкий голос пробивался в мир без света, вытаскивая его на поверхность из забытья. Саске не хотел просыпаться, но оклики становились всё громче, и пришлось всё-таки открыть глаза. Лишь чтобы она заткнулась, прекратила…
Холод прошёлся по телу обжигающей волной. Что-то шершавое и колючее под щекой оказалось пледом, а потом парень понял, что лежит на кровати.

– Эй!

Он вскинул болящие глаза на обладательницу звонкого голоса. И замер, забыв как дышать.
Перед ним сидела она.
Худощавая до истощения, с огромными светло-зелёными глазами, так выделяющимися на её до синевы бледной коже, длинными нечесаными чёрными волосами, убранными в неряшливую косу, тонкими потрескавшимися губами.

– Эй! – в очередной раз выпалила девушка, улыбаясь.

– Ты…

Саске с жадностью вперился взглядом в её губы, надеясь увидеть там иглы зубов. Но нет… самые обычные человеческие зубы.
Белокожая была совершенно живой и невозможно реальной…

***

– Да осторожней ты!

– Будешь орать, сам ящики таскать будешь, – проворчал в ответ Нагато, выставляя на пол очередной коробок. – Какого чёрта они вообще своих костоломов не послали нам помогать.

– Пф, – фыркнул молодой паренёк, спрыгивая на землю из кузова небольшого грузового фургона. Пошарил по карманам, вытаскивая сигареты. – У них дела важнее…

– Какие? – недовольно нахмурился Нагато.

Его взгляд прошёлся по высокому старинному особняку, окна которого глядели очень уж неприятно и недружелюбно. Почти так же, как и окна детского дома, в котором он провёл часть своей жизни.

– Психов лечат.

– Лучше бы о жратве подумали, – шикнул красноволосый, поднимая с земли два ящика. – Таскать ящики по их долбанной психушке мы не подписывались.

– Не ворчи. Деньги не пахнут.

Нагато лишь скептически тряхнул головой, вбегая по высокой каменной лестнице, которая вела к входу на склад лечебницы для душевнобольных.

"I'll be the one to protect you from
A will to survive and a voice of reason"
A Perfect Circle – Pet

«Я буду тем, кто защитит тебя от
Желания выжить и голоса разума».

Глава 9. My body is a cage.

"My body is a cage that keeps me
From dancing with the one I love
But my mind holds the key

My body is a cage
We take what we're given
Just because you've forgotten
That don't mean you're forgiven

You're standing next to me
My mind holds the key
Set my spirit free"
Peter Gabriel – My body is a cage

«Моё тело – клетка, которая удерживает меня
От танца с тем, кого я люблю,
Но в моей голове есть ключ.

Моё тело – клетка,
Мы берём то, что нам дают.
Только то, что ты забыт,
Не значит, что ты прощён.

Ты стоишь рядом,
В голове моей есть ключ.
Отпусти мой дух на свободу».

Эта большая комната была полностью уставлена однотипными железными кроватями, застеленными дешёвыми колючими пледами. Под ними виднелись простыни и подушки в жёстких наволочках со стандартной чернильной печатью, оповещающей психов о том, что даже подушка здесь им не принадлежит. Большие арочные окна, зарешеченные с двух сторон толстыми

прутьями, пропускали сюда слишком много света, и глазам было даже больно от этой яркости.

– Ты не должен подавать вида, что тебе плохо, – заговорщицки прошипела девушка. Она боязливо глянула в сторону стоящих у двери санитаров и тут же вновь уставилась на Саске. – Иначе будет хуже.

– Почему? – проговорил всё ещё ошарашенный Учиха, кое-как садясь на кровати. Взгляд всё ещё прожигал её тонкую белую кожу, а раскалённый разум пытался понять, когда закончилась реальность и внутренние демоны проступили в этот мир.

– Тех, кому всё равно, они запирают на третьем этаже, – ещё тише прошептала черноволосая.

– А что там, на третьем?

– Истлевшие…

Учиха нахмурился. Эта девушка производила впечатление самого настоящего психа, но он не мог отделаться от мысли, что она та самая тварь, поселившаяся в его голове. Он подолгу смотрел на её лицо, пока она несла какую-то околесицу. Знакомые движения губ, знакомые глаза, пальцы…
Нет. Это просто не может быть она.
Саске прикрыл глаза в тщетной попытке уснуть. В уши назойливым жужжанием лез её звонкий голос. От него было не скрыться. Он обволакивал холодным коконом, и от всего этого становилось только хуже.

– А потом тётушка сказала, что садовый шланг это не змея и мне всё мерещится. Ты представляешь?! Мерещится! Но я уверена, что эта змея хотела убить меня! Задушить!

Открыв глаза, Учиха уставился на болтливую девушку самым недобрым взглядом, жалея, что она слишком реальна, чтобы рассеяться.

– Представляешь? – выпалила она, распахнув свои зелёные

глазищи так широко, что белки едва не вываливались из орбит.

– Заткнись.

– Что? Ты что-то сказал?

Она с интересом подалась вперёд, готовая зацепиться за любую фразу, дабы продолжить этот бессмысленный трёп.

– Отъебись от меня! – уже громче прорычал Саске, поднимаясь с кровати. Его пошатнуло и пришлось ухватиться рукой за железную спинку жёсткого ложа.

Взгляд сам собой стрельнул в сторону безразличных ко всему санитаров, но Саске тут же ругнулся. Он поверил в сказку о зловещем третьем этаже, которую рассказала девушка, увидевшая в садовом шланге змею.
Ты безнадёжен, Учиха…
Он сделал шаг вперёд, обхватывая себя руками. Взглядом отметил свободный клочок стены у окна. Там хотя бы можно будет посмотреть наружу, скоротать время.
Скоротать время?
До чего?
Чего ты ждёшь?

– Хех, – усмехнулся своим мыслям Саске, осторожно двигаясь к своей цели.

Зазоры между кроватями были настолько узкими, что приходилось приложить все усилия, чтобы не потерять равновесие и не запнуться о собственные же ноги.
Он говорил себе не смотреть на тех, кто лежал на этих кроватях. Но взгляд всё равно цеплялся за пациентов. Большинство из них спало или же притворялось, а другие смотрели в потолок пустыми застывшими глазами.
Саске приказал себе отвести взгляд от сухонького старичка, кожа которого была до того смуглой, что казалось, будто мужчина провёл под открытым небом большую часть своей жизни.
Наконец он добрался до выбранного клочка стены и, прильнув

к ней плечом, прикрыл на миг глаза. На чёрном полотне закрытых век взрывались разноцветные искры, расходясь постепенно потухающими кругами.
Теперь это твой дом.
Когда головокружение слегка улеглось, Саске вновь открыл глаза, обводя взглядом зал. Нужно было привыкать к этим безобразным серым стенам, к железным холодным кроватям с их колючими зелёными пледами, к людям с пустыми глазами и трясущимися руками.
Не все в зале были такими. Многие пребывали в каком-то оцепенении, сидя на кроватях и тихонько раскачиваясь, другие читали. Очевидно, это место что-то вроде местного чистилища. Здесь происходит отбор тех, кто может ещё вернуться в общество и тех, кому суждено сгнить за каменными стенами лечебницы.
Взгляд искал хоть что-то, за что можно было зацепиться. И нашёл. Она всё ещё сидела напротив его кровати и раскачивалась, набирая скорость. Она не пропала, как думал Саске.
Нет. Она не может быть реальной…
Учиха провёл рукой по лицу, стирая липкий холод, льнувший к коже.
Пора было привыкать к этому всему.
Всё закончится именно так, именно здесь. В этой лечебнице. Нужно научиться ждать…
Саске впервые порадовался, что осталось ему недолго. Он был благодарен своей болезни за то, что она вскоре избавит его от скуки, от медленно тянущихся секунд в месте, где совершенно нечем себя занять, кроме как мыслями.
А без нужных лекарств это лишь вопрос недели. Двух?
А, может быть, и нескольких дней.
Двери общей комнаты открылись, и внутрь ввели ещё одного пациента. Одежда его была такого же грязно-серого цвета, как и у Саске, но на лице парня отчего-то красовалась довольная ухмылка, словно он был рад попасть в это место.
Санитар отпустил руки, и обладатель пепельных волос как-то картинно поклонился в спину уходящему мужчины. Когда двери захлопнулись, он обернулся, обводя шальным взглядом комнату.
Кто-то из пациентов смотрел в ответ на него, но большинство

предпочли уткнуться в пол и не подавать признаком жизни. Это сразу насторожило Саске, и он подумал, что на ближайшие несколько часов нашёл себе занятие. Наблюдать за этим странным парнем.
Тем временем тот двинулся вдоль кроватей, останавливаясь напротив каждого и заглядывая им в лица. Что там искал этот придурок, Саске понять не мог, но, очевидно, тому это доставляло большое удовольствие, потому что улыбка становилась всё шире и шире, пока не переросла в жутковатый оскал.
Он замер напротив читающей пожилой женщины, склонив голову в сторону.

– Что читаем-с? – пророкотал беловолосый, двумя пальцами забирая из её рук книгу. Женщина было подалась вперёд, но, встретившись взглядом с парнем, осела обратно на скрипнувшую кровать. А он тем временем вертел в руках книжку, разглядывая её так, будто это была самая настоящая безделушка. Забавная, но не больше.

– Библия?! – наконец скривился парень. – Ты веришь в это?

Он вывернул книгу так, что её страницы веером разошлись в разные стороны. Женщина печально опустила голову, предпочитая не ввязываться.

– Этот ваш Бог, – засмеялся беловолосый. – Оооо, ты молишься ему даже здесь?

Заведя руки с книгой за спину, он наклонился к женщине.

– И как? Слышит?

Ответ женщины Саске не услышал. Этот тип определённо пытался задирать её, но, бросив взгляд на санитаров, Учиха понял, что им глубоко плевать. На их каменных лицах лишь проступил едва заметный интерес. Конечно, торчать там, где абсолютно ничего не происходит, со временем надоедает и будешь рад самому простому безумному спектаклю.

– Слышит, я тебя спрашиваю?!

Его рука вцепилась женщине в плечо, и он заметно тряхнул её, вызвав у той какой-то глухой всхлип.

– Ахахахах! – засмеялся жутким хрипловатым смехом парень, выпрямляясь и отходя от своей жертвы, а затем резко кинулся к ней: – Бу!

Несчастная вздрогнула и обхватила себя руками, ссутулившись так сильно, что почти уткнулась лбом в колени.
Все наблюдали. Кто-то жадно, кто-то безразлично, кто-то боязливо.
Развлечение. Жестокое и рискующее перекинуться на любого, кто привлечёт внимание беловолосого.

– Твой Бог глух, тупая ты курица! – выпалил парень и, замахнувшись, со всей силы запустил книгой в конец комнаты. Послышался тихий вскрик, а затем в наступившей тишине Библия со звонким шлепком упала к ногам Саске.

Новоприбывший, всё ещё скалясь, перевёл взгляд на Учиху и выжидающе замер, заметив, что брюнет следит за ним.
Учиха опустил взгляд на валяющуюся в ногах книгу.

– Только подбери!

Усмешка на губах Саске была почти незаметной, когда он начал медленно опускаться, чтобы, подцепив книгу, выпрямиться и двинуться в сторону женщины. Нет, он никогда не горел желанием защищать слабых и убогих, но также не любил и тех, кто выбирает себе противников не по силе.
Эта худая, измождённая своей болезнью женщина, вряд ли могла постоять за себя. Вряд ли её больной разум вообще позволил бы ей как-либо ответить нахалу.

– Ты охуел?! – расширив глаза выпалил беловолосый, замирая от такой наглости.

– Да, – просто ответил Саске, бросив книгу на кровать рядом с

вздрогнувшей женщиной. – Тебя это ебёт?

– Я же сказал тебе не трогать!

Кажется, тот факт, что кто-то осмелился противиться его приказу доводил парня до неистовства и просто не укладывался в его гнилом мозгу.
Саске скользнул безразличным взглядом по его лицу, пытаясь отыскать то, что со временем могло появиться на его собственном. Какую-то особую черту, знак, говорящий, что вот оно – сумасшествие. Но ничего, кроме яростно блестящих тёмно-вишнёвых глаз, разодранного уха и печати высокомерия Учиха не заметил.
Неужели сумасшествие никак не отражается? Неужели он сам так и не заметит его прихода?
Очевидно, взгляд беловолосому тоже не понравился. На него не смотрели, никто не смел. Все боялись.
А тут…

– Отвечай мне!

Саске растянул губы в усмешке.

– А ты задал вопрос?

– Что?!

– Прости, диалог наш с тобой не клеится…

Саске, развернувшись, было двинулся в сторону своей кровати, но в этот момент его схватили за предплечье, разворачивая так резко, что перед глазами на миг всё смазалось. Какой-то внутренний инстинкт позволил телу Учихи вовремя уклониться от кулака этого психа.
Тёмно-вишнёвые глаза опасно блеснули.

– Сейчас склею…

Всё произошло так быстро, что Саске сам не заметил, как инстинктивно перехватил руку нападающего за запястье,

выворачивая и заводя за спину. Беловолосый был выше него, что делало его несколько неповоротливым, но безумие наделяло своего хозяина воистину железным упорством. Даже в этом захвате парень попытался вывернуться, но рука Саске сильнее сжала его запястье.

– Давай не будем, – прошипел Саске в разодранное ухо противника, но тот вновь дёрнулся, и на этот раз пальцы брюнета всё-таки разжались. Вывернувшись, беловолосый тут же получил кулаком в скулу и, отлетев в сторону, наткнулся спиной на изголовье кровати. На его бледной коже показался едва-едва наливающийся синяк.

– Ну ты и сука, – прошипел он, прикасаясь пальцами к скуле и кривя губы в оскале.

– Давай закончим, – бросил Учиха, не имея никакого желания устраивать местным потеху. А санитарам и подавно…

– Хер тебе.

Беловолосый, оттолкнувшись от кровати, ринулся вперёд. Саске пришлось увернуться. Вот только боль в голове, вспыхнувшая новой вспышкой, не дала это сделать. Пальцы психа перехватили его за запястья, впечатывая спиной в стену. Боль из висков моментально переместилась в руки, туда, где постепенно расходились толком незажившие раны.

– Оооо, – протянул псих прямо в лицо Учихи. – Больно?

Рвано выдохнув, Саске дёрнулся, пытаясь вырваться, но пальцы противника сильнее надавили на запястья, пуская по телу электрический разряд. Пришлось замереть, пытаясь отдышаться и чувствуя, как по руке начинает стекать тёплое и вязкое. Тёмно-вишнёвые глаза на миг показались кровавыми, оскал практически плотоядным.

– Не любишь боль?

Большие пальцы парня подцепили края растрепавшегося бинта,

а затем и нитку шва. Очередная колкая волна, делающая руку неспособной пошевелить даже пальцами.

– А я люблю. Чужую, – доверительно прошипел псих, придвигаясь ближе. За его спиной виднелись размытые силуэты наблюдающих, но никто не спешил разнимать противников.

Оскалившись, Саске со всей оставшейся силы ударил лбом в нос беловолосого. Хватка ослабла, и Учиха пинком отправил парня на пол, сам отлипая от стены.
Пошатываясь и дрожа всем телом, он отошёл в сторону, наблюдая за скрючившимся и слегка подвывающим беловолосым. Сквозь его пальцы, зажимающие лицо, на пол капала вязкая почти чёрная кровь, худая спина ритмично вздрагивала, глаза бездумно шарили в пространстве.
Поясница уперлась в холодную спинку кровати, и Саске поднёс запястье к глазам. Бинт уже начал пропитываться кровью.
Резко распахнувшиеся двери общей комнаты пустили по столпившимся пациентам лёгкий возглас ропота. Опустив руку, Саске уставился на вошедшего. Тот самый жирдяй, встречавший их на входе, деловито и по-хозяйски огляделся, зыркнул на Учиху, перевёл взгляд на скорчившегося на полу беловолосого и ухмыльнулся:

– Так-так-так, Хидан, ты вновь с нами и вновь дебоширишь?

Беловолосый приподнял голову, щурясь и зло глядя на мужчину, а затем выпалил:

– Моё появление всегда должно быть эффектным, Канори.

Эти двое общались так, будто знакомы уже не первый день. Что ж, очевидно этот Хидан настоящий псих.

– А ты, – Канори смерил недовольным взглядом Саске. – Решил тоже стать… эффектным?

– Пошёл на хер, – прошипел Саске.

– Что там у тебя?

Мужчина потянулся к руке Учихе, но тот одёрнул её:

– Съеби!

– Ну-ка.

Короткий кивок, и санитары легко ухватили Саске за плечи, мешая дёргаться и уворачиваться от пухлых пальцев Канори, что сцепили его руку чуть повыше перепачканного кровью запястья.

– Оу, – протянул мужчина. – Да ты у нас ещё и суицидник. Как мило…

Саске ощерился, испытывая просто-таки невыносимое желание зашипеть или зарычать в это сальное от жира лицо. Да даже лицом этот безобразный круг с тремя вторыми подбородками назвать было нельзя. Морда. Свиное рыло.

– К Катрин его. А потом в карцер.

Канори брезгливо отпустил запястье Саске и вернулся к Хидану. Что там мужчина говорил медленно поднимающемуся беловолосому, Учиха уже не слышал.
Его вновь вели по длинному тёмному коридору.
Что ж… теперь хотя бы не так скучно.

***

Они всегда кричали.
Его жертвы.
Кричали. Так громко, так неистово, так тонко.
Так сладко.
Этот сладкий звук навсегда засел в его ушах, возвращаясь эхом в снах. Эти крики… О-о-о, он бы отдал многое, лишь бы услышать их сейчас.
Здесь. В этом мире без звуков и цветов.
Без багряной жидкости. Вязкой, тёплой, так приятно окутывающей руки.

Смолянистой, солоноватой…
Он бы отдал многое своему богу, чтобы вновь принести ему жертву. Ради него, ради его одобрения, ради его благодати он был готов на всё.
Резать, кромсать, рубить.
Пилить, рассекать.
Убивать.
Хидан улыбнулся, отнимая руки от лица. Его кровь всё ещё струилась из носа, перепачкав руки и заляпав рукава. Она была другой, она не вызывала того жгучего желания, тяжести и жжения в теле. Она была пустой, проклятой.
Бог навсегда отвернулся от него.
Возможно, не стоило рубить голову той, последней. Ведь Он просил её целиком, а Хидан ослушался. Не смог противиться животному желанию услышать хруст её перерубаемого позвоночника, увидеть, как из артерии брызнет эта благословенная жидкость.
И с тех дней, он был лишён Его гласа. Он был один, совершенно один. Как ребёнок, отрезанный от матери, как младенец со слишком рано перерезанной пуповиной.
Он был один.
Голос покинул его.
И больше не возвращался.
А потом пришли люди. Они всегда приходят, да. Они всегда возвращаются за ним, требуя чего-то, желая объяснить ему, что он болен.
Это они больны!
Глухие, слепые невежды. Мрази, которым не дано познать настоящего Бога, не дано почувствовать его Света, его Любви.
Не дано.
Он их не любит.
Он любит только Хидана.
Любил.
А потом жестоко оставил.
Но Хидан не злился. Он понимал, что ослушался и теперь придётся заслужить его благое расположение, вернуть, умолять о прощении.
И…
Дрожь прошла по его телу, вырывая из глотки хриплый тихий смех.

И он вернулся! Он вновь коснулся его своей тёплой рукой. Он вновь заговорил с ним через чёрные глаза этого парня, через его кровь…
Разжав стиснутую до этого левую руку, чистую от его собственной проклятой крови, Хидан уставился с благоговением на красное пятно чужой. Она ярким пятном сверкала сотней бликов на его бледной ладони. И в голове вновь рождался голос. Его Глас.
Хидан жадно прильнул губами к своей руке, слизывая горячим языком уже начавшее подсыхать пятнышко.
Дрожь усилилась, тело отозвалось привычным жжением.
Это оно. Это Знак!
Его Божество вновь с ним.
И оно хочет себе новую жертву.

***

В кабинете местного хирурга уже горел тусклый желтоватый свет. Кажется, на большее здесь не стоило и надеяться, ибо жадность для кого-то – первое счастье.
За большим окном, зарешеченным с внешней стороны, уже смеркалось, и ужасные рыжие отсветы и чёрные тени залегли на лице-маске женщины. Кэтрин, кажется, так её звали. Она отчаянно пыталась выглядеть моложе, но ни её косметика, безобразной штукатуркой лежащая на лице, ни духи не могли вернуть ей былое. Своей морщинистой, словно сначала намоченная, а затем высушенная бумага, кожей она живо напоминала какое-то потустороннее создание. И Учиха даже понял какое, когда она приблизилась ближе. Баньши – древняя мифологическая тварь…

– Руки.

Сидя на плоской медицинской кушетке, Саске привалился спиной к холодной стене и молча наблюдал за женщиной. Она выкладывала на железный столик рядом с ним устрашающего вида приспособления, подходящие для камеры пыток больше, нежели для кабинета врача. Хотя здешняя атмосфера как раз подходила для съёмки фильма про средневековую инквизицию.
Саске вскинул глаза на ужасно сосредоточенное лицо Кэтрин и

невольно усмехнулся.
И ведьмы здесь тоже были.

– Ты меня не слышишь? – вздёрнула она свои тонкие светлые брови, почти сливающиеся по цвету с кожей из-за чего её лоб казался неправдоподобно высоким, а голова слегка вытянутой.

Она подняла на него глаза и уже твёрже повторила:

– Руки.

Вздохнув, Саске протянул ей свои многострадальные конечности. Криво ухмыльнувшись, Баньши резко развернула их запястьями вверх, укладывая на железный стол между ними и придвигая ближе лампу неонового света.

– Сначала режетесь, а потом ваши жизни спасай.

– Я никого не просил и не прошу, – упрямо ответил Саске, наблюдая, как медленно её костлявые пальцы распутывают свалявшиеся бинты.

Скептически хмыкнув, Баньши подцепила край бинта небольшими ножницами и пару раз сжала руку, отчего бинт вскоре развалился на две части. Взору предстали действительно распустившиеся швы, и женщина мрачно покачала головой.

– За твоё поведение обезболивающее не получишь.

Саске отвечать не стал, понимая, что его слова здесь ничего не значат, а разговаривает Кэтрин, скорее всего, ради собственного удовольствия.
Шершавые пальцы неприятно прошли по коже вдоль линии шва, и женщина в очередной раз хмыкнула. Саске даже показалось, что она ведёт какой-то немой диалог внутри себя. Ножницы и тонкие щипцы подцепили первую нитку, медленно вытягивая её из мяса.

***

– Джирайя, – позвал Наруто, лежа в тёмной комнате и глядя перед собой. Вскоре в углу вспыхнул трепещущий огонёк свечи, выхватывая из тьмы лицо отшельника. Мужчина как раз зашёл в комнату блондина с очередной кружкой какого-то ароматного отвара.

Поёрзав, Наруто сел в кровати, вглядываясь в молчаливого крёстного. Тот словно чувствовал, что от неприятного разговора ему не отвертеться, и был непривычно подавленным. Опустив кружку на тумбочку рядом с кроватью, Джирайя пододвинул стул ближе и опустился на него, напряжённо вглядываясь в лицо парня.

– Ты хочешь знать историю?

– Нет… то есть, да. Но… попозже, – замешкался Наруто. – Джирайя, что там? Что решили?

По решению Цунаде его лишили возможности присутствовать на дальнейшем обсуждении, отправив в спальню, предварительно напоив каким-то очень горьким лекарством, от которого Наруто моментально сморил тяжёлый сон. Чувствовать себя отрезанным от мира было нелегко и даже противно, а неизвестность, стоило разуму проснуться, опустилась раздражающей пеленой.

– Решили завтра начать искать в тех больницах, где у Цунаде есть знакомые, – ответил Джирайя.

«Завтра». Это слово прозвучало приговором, словно бы оно значило «никогда» или же «опоздал». Слишком медленно, слишком…
Заметив тень волнения на лице Наруто, Джирайя со вздохом сказал:

– Сегодня уже слишком поздно. В такое время там вряд ли будет кто-то нужный…

– Такое время? Сколько сейчас?

– Двенадцать.

Прикусив губу, Наруто удручённо опустил голову, уткнувшись лбом в согнутое колено. Он проспал практически весь день, а ведь мог потратить это время на что-то полезное…
«На что?» – разумно спросил внутренний голос.
И Узумаки не мог найтись с ответом.
Непонятное, безликое чувство вины разливалось по лёгким, склеивая их ледяным ужасом.

– Не волнуйся. Это всего лишь день… ничего с ним не будет.

Блондин недоверчиво зыркнул на Джирайю, невесело усмехаясь. Конечно, не будет. Ведь это не у Саске до отвращения отвратительный характер, ведь это не Учиха рвётся бить морду каждому второму, кто ему просто не приглянулся, ведь это не он не может держать язык за зубами.

– Хорошо, – выдохнул Наруто, беря себя в руки. – Завтра так завтра.

– Тебе же нужно вернуться к родителям.

Узумаки так выразительно посмотрел на отшельника, что тот лишь тяжело вздохнул. Наруто был поразительно упрямым и было легче связать парня во сне и в таком виде доставить его приёмным родителям, нежели пытаться докричаться до здравого смысла.

– Джирайя, я думаю, что я не имею права заставлять Саске жить… если он не хочет.

Наруто сказал это, сам не заметив, что слова льются тихим потоком. Будто бы кто-то заставил выплюнуть эту сидевшую в горле фразу, но легче от избавления не стало.

– А ты заставляешь?

Парень передёрнул плечами:

– Я не знаю.

– Саске мне показался человеком, которого трудно заставить что-то сделать.

Выдохнув, Наруто отвернулся, вперившись немигающим взглядом в дрожащее пламя свечи. Почему отшельник не включил свет было не ясно, но Узумаки не возражал. Он всегда любил открытый огонь. Он грел, забираясь в душу своими тёплыми нитями и разрушая скопившийся там лёд. А запах подогретого воска успокаивал даже лучше, чем травы.

– Ты подумай о себе давай, – мягко тронул его за руку отшельник. – Ты забыл, что свою жизнь тоже нужно прожить.

– Мне сейчас не до своей жизни.

Институт, рутина, будущее – всё стало каким-то неважным, и Наруто понимал, что в чём-то поступает неверно, отгораживаясь от собственной реальности. Возможно, это сулит ему большие проблемы и они, наверняка, не заставят себя ждать. Но в данный момент голову забивало другое.
Жить одним днём. Так часто он слышал эту фразу, но никогда не понимал всего её смысла. До этого дня. Да, Наруто пытался жить одним днём, словно за ним ничего не будет. Он не думал о том, что когда-то всё это закончится и придётся проснуться от этого кошмара, который дарил в равной степени как и ужас, так и тепло. Придётся продолжить обучение, найти работу, устроить свою жизнь.
Придётся жить.
Наруто не мог это представить, не мог даже думать о том, что всё когда-то подойдёт к своему логическому завершению. Что будет тогда? Пока что будущее представлялось даже не туманным, а чёрным обрывом, которым закончится эта история.
Или же часть его уже решила, что этого будущего не будет?
Наруто тряхнул головой, поражаясь своим мыслям. Откуда это всё в его вечно весёлой голове? Откуда появилось ужасное сосущее чувство в груди, будто жизнь потихоньку откачивали

из него?

– Расскажи мне, – тихо попросил Наруто, всё ещё следя за пламенем свечи.

***

– Орочимару, – позвала Цунаде. – Можно вас?

Пребывающий в несколько мрачном настроении мужчина, поднял на нее глаза и послушно двинулся следом во двор. Опустившиеся сумерки выкрасили лес в чёрный, и отходить далеко от дома Цунаде не решилась, остановившись у крыльца.

– Что вы сказали Наруто?

– Правду, – скупо отозвался он.

– Зачем?

Орочимару посмотрел на неё так пристально, что женщине захотелось или улыбнуться, сбрасывая напряжение, или же заслониться чем-нибудь от пронизывающего взгляда. Но Цунаде, привыкшая и не к такому, выдержала его.

– Он уже не маленький. Должен понять, что такое ответственность.

– Думаю, – усмехнулась она. – Наруто достаточно точно понимает определение этого слова.

– Сомневаюсь.

– Почему?

– Он не должен пытаться заставить Саске жить.

Женщина не выдержала и тихо засмеялась. Слова Орочимару звучали как-то странно и нелепо даже в этой ситуации.

– Если бы моих пациентов никто не заставлял жить, то большинство из них сейчас бы лежало на кладбище.

– Возможно, так им было бы лучше, – пожал плечами Орочимару и прислонился спиной к стене дома. – Вы же понимаете, что это не жизнь. Учиха просто… доживает. Потому что уже нацепил на себя ответственность за чужие чувства.

– Вы его так хорошо знаете или же это пустые домыслы?

Цунаде сложила руки на груди – становилось холодно с каждым мигом, и темнота заползала внутрь. Женщина пожалела, что оставила куртку в кухне и теперь вынуждена покрываться мурашками от малейшего дуновения ветра.

– Я хорошо знаю больных его типа.

– Все люди разные, Орочимару. И, если вам доводилось встретить кого-то с таким же диагнозом, то это совсем не значит, что Саске его копия.

– Истории иногда повторяются.

– Истории? – вздёрнула она брови, прохаживаясь взглядом по мужчине. Эти его вечные недоговорки, тоска в голосе были слишком очевидными, чтобы их пропустить мимо ушей. Заметил бы даже безалаберный студент первого курса психологического факультета, что уж тут говорить о ней.

Орочимару тяжело вздохнул, выбрасывая из лёгких ошмётки застрявших в теле чувств.

– Мы с Джирайей знакомы уже очень долгое время. Часть этого времени мы считались лучшими друзьями. Считались, – он усмехнулся, – Или же были… кому как казалось. Сейчас я даже сам не могу с точностью сказать, кем мы были друг другу. Скорее всего, это было выгодно нам обоим…

Так случается, что более слабый часто прибивается к сильному. Это закон природы, закон существования людей вместе. Мы

часто выбираем того, кто может нам помочь, кто может поддержать падающее на голову небо, пока мы спасаем свой зад. Джирайя был из разряда тех людей, который не очень-то и заботились об учёбе, но всегда помнили о друзьях. Такие люди быстрее обрастают компанией, нежели репутацией прилежного студента.
Так и случилось. Открытость и дружелюбность нынешнего отшельника стала светом фонаря для нелюдимого и замкнутого Орочимару, который предпочитал общество книг шумным компаниям и исследования – дружеским беседам.
Они никогда не были друзьями в том понятии, в котором мы приняли понимать это слово. Не было задушевных бесед, клятв в вечной дружбе. Ничего. Мерное сосуществование рядом в качестве соседа по комнате, человека, с которым можно пройтись по городу, выпить и расслабиться после долгих занятий.
Взаимовыгодная дружба, как её привык называть Орочимару, устраивала их обоих.
Пока в ней не появился третий человек, разрушивший мирное течение дел.

– Значит, ваша дружба развалилась из ревности? – спросила Цунаде, слушавшая слова Орочимару с присущей каждому психологу внимательностью.

Орочимару тряхнул головой, усмехаясь. Почему он решил рассказать всё это именно ей? Сейчас?
Была ли причина в том, что Цунаде, по сути, посторонний человек? Ведь всем известно, что незнакомцам мы открываем душу намного охотнее, выбалтывая то, за что перед друзьями будет стыдно.
Или же это её профессиональная аура спокойствия и умение расположить к себе даже такого покрывшегося толстой чешуёй человека, как Орочимару?

– Нет. Не ревность, – отрезал он. – Для нас это было бы… странно. Хотя мы с Джирайей и общались, но всё равно имели какие-то свои компании, в которых так же проводили время. Так что… нет. Мы не ревновали…

Ревновать не было смысла, ведь никто никому не был чем-то обязан.
Тот парень, что стал камушком, брошенным в застоявшуюся воду, был младше их обоих. Он едва поступил на первый курс и казался неуверенным в себе, затюканным ботаником, который остервенело желал покончить со старой репутацией. Начать жизнь в институте с чистого листа, но ничего так и не вышло. Он стал белой вороной: слишком умный, чтобы прибиться к самым последним разгильдяям и бездельникам в группе, слишком безрассудный, чтобы стать частью местной элиты, тянувшей на красный диплом.
Наверное, поэтому он выбрал двух странных пятикурсников, купившись на их непосредственность и какую-то непохожесть на остальных.
Так и дружили. Втроём.
А потом…

– А потом Орочимару, – тяжело вздохнул Джирайя, решаясь сказать чужую тайну.

Он посмотрел на притихшего Наруто и качнул головой. Блондин слушал с неподдельным вниманием, но его взгляд то и дело становился пустым, будто мысли возвращались куда-то. К кому-то.

– Потом Орочимару признался, что ему нравится этот парень, – резко выпалил отшельник. – Ну вот… нравится и всё тут.

– То есть, – наморщил лоб Наруто, поражённый тем фактом, что Орочимару вообще когда-то умел испытывать тёплые чувства. – Он в него что? Влюбился?

– Называй это как хочешь, – махнул рукой Джирайя. Ему было заметно неудобно говорить обо всём этом. – Влюбился… скорее заинтересовался. Привязался, как ни странно бы это звучало.

– Странно слышать…

– Вот и мне было странно. Ведь Орочимару уже тогда с головой ушёл в учебу и редко выныривал из своего мирка терминов и

книг. А тут – привязанность. Меня тогда как громом ударило… я даже поверить не мог.

– И что было дальше?

– Дальше было хуже…

Всё иногда заканчивается.
И институт стал одним из того, что, кажется, длится целую вечность, а потом кончается слишком резко.
Орочимару не понимал своих чувств, но и не отвергал. Ему были чужды моральные терзания, а Джирайя вроде бы и не осуждал странные наклонности друга.
Время шло. Экзамены закончились, и компания троих друзей разошлась по своим реальностям. Хотя для кого-то две реальности стали одной.
Джирайя не вникал во взаимоотношения Орочимару с тем парнем, зная, что у них всё вроде бы нормально, а остальное было не его делом.
Конечно, сначала было трудно вот так резко оказаться без двух друзей сразу, но со временем грусть стёрлась прочими заботами. Джирайя закрутился в родном городе, всё больше и больше поглощаемый рутиной. Он и сам не заметил, как юношество прошло, как ветер практически ушёл из головы, оставив в ней лишь лёгкие сквозняки.
Первое время они с Орочимару пытались поддерживать связь, но вскоре обоим стало ясно, что их реальности теперь слишком разные. Учёба была тем, что держало парней вместе.
Или же оба не хотели признавать, что дружба втроём стала бы чем-то лишним для отношений Орочимару.
А потом Судьба вновь свела их, но теперь роли поменялись. Джирайя и Орочимару к тому времени были уже начинающими хирургами, у которых за плечами числилось по несколько спасённых.
А вот третьему другу…

– Он был болен, Цунаде, – жёстко сказал Орочимару, глядя в пространство своим пугающим стеклянным взглядом. – Конечно, с самого начала я замечал какие-то признаки, но мне было плевать. А когда этот человек стал мне не безразличен… я

пытался не придавать значения симптомам, которым находил подтверждение в книгах. Я был слишком хорошим студентом…

Орочимару горько усмехнулся, опуская голову и вынимая из кармана пачку сигарет.
Цунаде молчала. Она давно перестала чувствовать себя обычным психологом, которому пациент вновь решил излить душу. Сейчас она была простой женщиной, подкупающей своей мягкой энергетикой, своим присутствием. А Орочимару – простой уставший мужчина, который молчал слишком долго.

– Знаешь, – подкуривая, проговорил Орочимару. – Нам с ним пришлось даже переехать в этот город. В моём небольшом городишке слухи распространяются слишком быстро, а люди слишком злые и ограниченные, чтобы дать таким, как мы, жить спокойно…

Орочимару поморщился, словно вместо ментолового дымка втянул в глотку зловонный душок тлена.

– Мы переехали сюда, и стало просто невыносимо игнорировать симптомы. Они становились сильнее… Тогда-то я и заставил его пойти в больницу…

– Его? Ты не хочешь говорить имени? – перебила Цунаде, и Орочимару лишь отрицательно качнул головой:

– Имя – это прах. Просто звук. А я не хочу…

– Понимаю…

– Я тогда уже работал вместе с Джирайей в одной из больниц. Признаюсь, я был рад встретить друга, который, кажется, был единственным человеком во всём мире, не желающим смерти мерзким извращенцам. Он был. Это казалось главным…

Голос мужчины стал блёклым и вовсе механическим, словно история подходила к своей самой неприятной части.

– У каждой болезни есть лицо…

И зачастую оно безобразно. Орочимару много читал, много видел, но никогда не испытывал на собственной шкуре всего того ада, через который ему пришлось пройти в следующие полгода.
Его друг, человек, к которому он испытывал то, что в обществе называют однобоким словом «любовь», увядал на глазах.
Каждый приступ забирал его, разбирал по кусочку, пока не остался лишь каркас прежнего человека.
Тогда-то он и рассказал, что такая же болезнь была и у его отца. Стало ясно желание этого странного парня жить на всю катушку, так, будто бы завтра и не будет…

– Когда его отец умер, он понял, что и ему жить не долго, – мрачно кивнул Джирайя. – И привык жить с этой мыслью, как будто так оно и должно было быть…
Наруто прикусил губу. Он даже представить не мог себе, как это – жить с таким тягостным ожиданием. Смотря на Саске, он не мог даже представить себе, что может испытывать Учиха, стоящий перед пропастью, на самом краю рассыпающейся под ногами земли.

– То есть… он знал и скрывал это от Орочимару?

– Да, – кивнул вновь Джирайя. – Ото всех. Насколько это можно было скрыть. А потом начались приступы, и всё стало ясно. К тому времени Орочимару уже перебрался в этот город, и мы несколько лет работали вместе. Когда Орочимару привёл его ко мне на приём, то я сначала не понял, чего от меня хотят…

А потом всё стало на свои места. Орочимару боялся. Он был напуган тем, что творится с его близким человеком. И хоть тот признался в своём диагнозе, Орочимару всё равно не мог поверить в это. Хотя сам всё видел ещё задолго до того, как дружба переросла в нечто… большее.
Увы, анализы всё подтвердили.
Кроме одного – можно было сделать операцию и остановить рост болезни.
Слишком рискованно.
Опасно и непредсказуемо.

Тогда Орочимару и тот парень отказались и ушли.
Кажется, с того момента Джирайя не видел своего друга в больнице в течение двух месяцев. Говорили, что Орочимару взял больничный или же отпуск, а разъяснить ситуацию не получалось – мужчина выключил телефон. Телефон его друга так же был мёртв.
А потом этот самый парень заявился к Джирайе сам. Он сильно сдал, став очень бледным и слабым, то и дело озирался по сторонам. Но одно он знал точно – ему нужна операция. Ради Орочимару…

– Он хотел пойти на риск ради меня, – сцепив сигарету в пальцах слишком сильно, проскрежетал Орочимару. – Зная, во что это может вылиться, зная, что ему это противопоказано… Слишком большой риск, Цунаде.

Психологу казалось, что побледнеть ещё больше и так не блещущий загаром мужчина не мог, но она ошиблась. Узкое лицо будто бы заострилось, и его глаза в наступающей тьме страшно сверкали, отражая то ли огонёк сигареты, то ли какое-то сжигающее его изнутри чёрное пламя.

– И Джирайя, зная, что операцию делать было нельзя, всё равно… послушался его. Наш общий знакомый был слишком мягкосердечным, слишком наивным чёртовым сыном.

Недокуренная сигарета искрой полетела в ближайшие кусты, и Орочимару отвернулся, убирая руки в карманы плаща.

– Каким-то чудом ему удалось договориться об операции…

И в один из дней операция была проведена.
Орочимару успел лишь под конец оной, влетев в кабинет своего друга в надежде, что ещё успеет, удержит и не даст свершиться непоправимому.
Но всё было кончено…
Нет, тогда Джирайя не сообщил о смерти пациента. Всё оказалось так, как и предсказывал Орочимару.
Его близкий превратился в овощ. В оболочку для души. Такую же неподвижную и тихую, как и пластиковая кукла.

Тогда Орочимару казалось, что он сможет убить Джирайю голыми руками. Ему хотелось разорвать бывшего друга на куски, хотелось сжечь больницу, кричать и ругаться. Всё, чтобы выплеснуть всю ту внутреннюю боль.
Ему хотелось упасть и умереть на месте. Слишком невыносимы были эмоции.
И тогда их не стало. Больше никогда в жизни он не чувствовал ничего, словно перегорев однажды…

– Но ведь твой друг остался жив.

– Цунаде, я был готов к его смерти. Он был готов умереть ещё задолго до нашей встречи, – устало проговорил Орочимару. – И я бы принял его смерть. Не знаю, наверное, было бы также больно, но… я бы знал, что нет больше мучений.

– А они были, – поджала губы психолог.

– Были. И его, и мои. И, наверное, даже Джирайя мучился так сильно, что ушёл сюда.

Орочимару обвёл взглядом тёмный двор и шикнул:

– Тогда я уничтожил его карьеру. И уничтожил всё, за что он мог бы зацепиться. Я отомстил. А потом…

Когда смотришь в глаза куклы всегда жутко, когда смотришь в лицо маникена тело обхватывает немым ужасом. Кажется, что застывшая пластиковая маска вот-вот дрогнет, но она остается неподвижной. Они только смотрят и безграничная грусть в их глазах…
Орочимару с лихвой познал все эти ощущения, наблюдая и ухаживая за своим близким. Он долгие ночи думал о том, узнаёт ли его это существо, может ли мыслить, чувствовать? И пришёл к выводу, что может.
Глаза – вот что остаётся у нас от души. И было нестерпимо видеть, как эта, заключённая в отмершее и ненужное тело, душа мечется в своей клетке из костей и плоти, связанная жилами и венами.
Слёзы… их Орочимару утирал с бледных заострившихся скул

слишком часто, не смея даже показать свою боль, запирая её внутри. Его тело стало тоже чем-то вроде оболочки для эмоций. Он пытался улыбаться, пытался…
Но видел лишь боль в глазах этого человека, а потом он начал отказываться от еды. Орочимару сначала пытался заставить его есть, но вскоре понял, что заставляет жить.
И боль в глазах приобрела совершенно другую глубину. Это была мольба об смерти. О таком желанном, но до сих пор не пришедшем.
Это было сделать до ужаса просто. Двойная доза морфия, который раньше спасал от болевых приступов, спасла и в этот раз от пустого существования.
Сидя рядом с остывающим телом и чувствуя, как грудь вновь разрывают чёрные шипы, Орочимару впервые за много дней выпустил свои эмоции. И они бежали по щекам, разрезая фарфоровую маску, размывая её.
Злость на себя, злость на Джирайю, злость на Судьбу переросла в нечто большее. В желание закончить всё здесь и сейчас, в желание прекратить боль, что росла в сердце с каждым вздохом.
Но он заставил себя существовать. Со временем сознание нашло выход – работа, исследования. Это стало единственной целью, единственным способом наполнить свой пустой кокон хоть чем-то.
Только вот всё уходило в Пустоту.
Слишком слабый, чтобы убить себя…

– Он убил его, – выдохнул с трудом Джирайя.

– И его не поймали на этом?

Отшельник отрицательно качнул головой.

– Медицина, Наруто, слишком запутанное дело, чтобы в него так просто влезть и найти виновных в смерти.

– Но ведь…

– Я убил этого человека так же, как это сделал Орочимару. Я нарушил просьбу друга, нарушил то, что должно было случиться…

– Ты винишь себя…

– И никто не переубедит меня.

– Я не хочу тебя переубеждать.

Джирайя почти благодарно улыбнулся, протягивая Наруто уже остывший отвар и поднялся со стула.

– Ты поспи. Завтра рано утром поедете с Цунаде в город.

Узумаки торопливо кивнул, отпивая из кружки.
Рассказанное старым отшельником оставило в душе осадок, совершенно не облегчив внутренних метаний блондина.
Мы всегда хотим сделать так, чтобы было лучше. Но не всегда понимаем, что для кого-то наше «лучше» может вылиться в ад. А, когда речь заходит за человеческую жизнь, то и последствия становятся на порядок тяжелее.
Отставив чашку на тумбочку, Наруто опустился на кровать.
Если бы только сон пришёл так же быстро, как и понимание собственной глупости.
Но ему хотелось верить.
Просто слепо верить, что их с Саске история закончится по-другому…

"Set my spirit free"

«Отпусти мой дух на свободу».

Глава 10. Time is running out.

"I wanted freedom
Bound and restricted
I tried to give you up
But I'm addicted

Now that you know I'm trapped
Sense of elation…
You'd never dream of breaking this fixation
You will squeeze the life out of me

You will be the death of me"
Muse – Time is running out

«Я хотел свободы,
Связанный и скованный,
Я пытался отказаться от тебя,
Но я зависим.

Теперь, когда ты знаешь, что я в ловушке,
Испытываешь восторг…
Ты даже и не думаешь о том,
Чтобы положить конец этой одержимости.

Ты будешь моей смертью»

Баньши криво улыбнулся, медленно продевая в кожу изогнутую иглу, а затем и нить. Саске давно перестал обращать внимания на боль, уходя как можно глубже в свои мысли, чтобы не слышать слабого треска кожи.
Или же ему это казалось.
Щелчок, и нить оборвалась, а женщина откинулась на спинку стула, осматривая Учиху поблескивающими глазами.

– Тебе у нас понравится.

– Пошла ты, – шикнул Саске.

Она цокнула языком и принялась перебинтовывать руки. Вторую «перешивать» не пришлось – шов на ней более-менее сохранился.
Откинувшись на спинку стула, женщина вперилась в Саске немигающим взглядом.

– Значит, ты у нас из золотой молодёжи?

– С какого? – хмыкнул Саске, проводя пальцами по бинтам и мысленно морщась от лёгкой боли.

– А по тебе видно. Замашки у тебя… сына, за которым бегали с золотыми тарелочками, – скривила губы в презрительной усмешке.

Саске молчал, смотря на её исказившееся лицо.

– А теперь ты здесь, – довольно припечатала женщина. – Теперь ты среди отбросов. Ты сам отброс.

Должны ли были её слова вызывать злость, раздражение или же горечь? Возможно, она и делала на то расчёт, кривя свои алые губы и извергая изо рта всё новые и новые хриплые карканья. Но Саске ничего не чувствовал. Он смотрел в провалы её глаз, очерченных тёмными синяками, и ощущал холодную пустоту у себя в черепе. Все мысли куда-то делись, просто перестали существовать. Наверное, это было к лучшему, наверное, так будет легче. Человек вообще забавное существо – ему нужен двадцать один день, чтобы привыкнуть к любому дерьму. Эту ненужную информацию Учиха вычитал в каком-то научном журнале, которые так любил Итачи, и как водится она засела в голове.
Было ли у него это время?

– Ты здесь сгниёшь.

Вынырнув из своих вязких мыслей, Саске придвинулся ближе, чтобы между их лицами осталось расстояние в палец. Глаза женщины удивлённо сверкнули, но отодвигаться она и не подумала, с вызовом глядя в ответ.

– Как и ты, – шикнул Саске тихо. – Ты уже сгнила, но не замечаешь своей вони.

Ей потребовались долгие три минуты, чтобы среагировать – белёсая бровь иронично изогнулась, уголки губ дрогнули.

– Хм.

Медленно поднявшись, она задвинула стул и под пристальным взглядом брюнета взяла со своего стола наполненный чем-то шприц.

– Мы держим это на случай, если больные начинают буянить, – проворковала она, любуясь поблёскивающей иглой. – Это помогает им принять реальность быстрее. Канори просил меня подобрать тебе… препараты. Думаю, я справилась.

С тихим воркованием какой-то незамысловатой мелодии, она открыла двери кабинета, впуская внутрь санитара, и кивнула на Саске. Дважды повторять мужчине не пришлось, подойдя, он ухватил Саске за загривок, резко вжав того в жёсткую кушетку. Ухватившись руками за края оной, Учиха попытался оттолкнуться и подняться, но за локоть тут же схватили второй рукой и прижали его к туловищу.

– Вы все ведёте себя одинаково, – выдохнула Баньши, вновь подтягивая стул к кровати и усаживаясь на него. – Брыкаетесь, ругаетесь и кричите, что вы не сумасшедшие.

– Свали, – прошипел в кушетку Саске, выгибая спину и пытаясь вывернуться из рук. Получилось лишь согнуть ноги в коленях, но толку от них не было. Рука на загривке надавила сильнее, и в шее будто что-то хрустнуло.

Кэтрин приблизилась, задумчиво рассматривая нахмуренное

бледное лицо, и неожиданно тепло улыбнулась. Её сухая рука прошлась по холодной щеке парня, убирая разметавшиеся волосы тому за ухо и открывая бьющуюся жилку на напряжённой шее.

– Тшшш, мальчик мой, – почти ласково выдохнула она. – Это совсем не больно.

Игла приблизилась к коже, и Саске в очередной раз дёрнулся, почувствовав возросшее давление на шею. Нет… не выйдет.

– Как комарик укусит…

Это действительно было не больно. Лёгкий укол, и будто огонь полился по венам, выбивая из лёгких всё дыхание.

– Тш-тш-тш, – зачастила она, медленно вводя жидкость и поглядывая на словно бы застывшего Учиху. – Всё хорошо, вот видишь? Ещё немного… я подую.

Саске показалось, что внутри разгорается пламя. Оно пробежало по рукам, засело в пальцах липкой слабостью, наполнила ноги горячей тяжестью. А потом на шею подули, а шприц оказался на столе перед его глазами.

– Вот и умница, – выдохнула женщина, поднимаясь и отходя к тумбочке. – Можешь отпустить его.

Тяжесть пропала, и санитар показался рядом с кроватью. Вдох-выдох. Главное – потушить пламя.

– Завтра мы попробуем с тобой кое-что, – не оборачиваясь, пообещала Баньши.

«Хер тебе», – выпалил внутренний голос. Дрогнув, рука потянулась к забытому всеми шприцу, и пальцы даже удалось сомкнуть на его пластиковой трубке.
Поднявшись кое-как, Саске из последних сил бросил тело вперёд, замахиваясь шприцом, и в последний момент его перехватили поперёк туловища, отбрасывая обратно на

скрипнувшую кушетку. Рука разжалась сама собой, и огонь в теле добрался-таки до головы, окутывая мозг усыпляющей дымкой.

– Ай-ай-ай, – только и услышал он, закрывая глаза. – Какой плохой мальчик.

Руку дёрнули, заставляя поморщиться. В сгибе локтя вновь укололо, и к пламени внутри примешался ужасающий холод.
А потом была темнота…

***

Карцер.
Это место можно было сравнить с небольшой коробкой, где от стены до стены пять шагов, железная дверь и не закрывающееся окошко в ней.
В нём иногда появлялось лицо санитара, и эти вытаращенные глаза с превосходством смотрели на того, кого здесь и человеком считать было не принято.
Саске сидел на холодном полу, поджав под себя ноги. Конечно, между ним и плиткой была прослойка чего-то напоминающего ткань, но подстилка эта до того истлела, что стала пергаментно-тонкой.
Как он попал сюда, парень вспомнить не мог. Наверное, его просто приволокли в эту зловонную каморку, когда тело отказало сопротивляться влитым в него веществам. Сколько он проспал?
Утро сейчас или день здесь было определить до омерзения трудно. Тёмные стены, жёлтый, слегка мерцающий, электрический свет – всё это стирало ощущение времени и заставляло барахтаться в каком-то тепловатом киселе из собственных одурманенных мыслей.
Нужно было просто дышать, заставлять лёгкие работать. Пытаться не уснуть, прогоняя от себя этих невидимых монстров. Иначе конец.
Они затянут, заберут, обнимут своими костлявыми лапами, вопьются в кожу ядовитыми когтями.
И не отпустят.
Больше никогда…

Саске тяжело вздохнул, прикасаясь пальцами ко лбу. Этот бред – последствия отравы или же мозг начинал сдаваться и верить? Если столбу долго твердить, что он дерево, то вскоре и на нём появятся молодые листочки…
Просто дышать.
Зацепившись пальцами за стену, Саске с трудом поднялся, тут же ударившись боком, и вновь съехал на подстилку.
Если всё должно закончиться вот так…
Учиха приподнялся, предавая телу более удобное положение, хотя голова всё равно упала на грудь. В шее поселилась предательская слабость, разжижающая позвоночник.
Если всё так закончится, то это к лучшему. Рано или поздно так и должно было быть. Безумие бы забрало его разум, а вскоре стало бы без разницы, что вокруг каменные стены, а окна забраны решёткой.
И Узумаки сможет жить нормальной жизнью. Без всего этого: без разъедающих душу обещаний, без попыток прыгнуть выше головы. Этот придурок, конечно, будет себя винить…

– Добе, – выдохнул Саске, кривя губы. Улыбка или же подобие болезненного оскала растянуло подсохшую кожицу и та лопнула, подарив языку солоноватый привкус.

– Папа! Папа!

Он вскинул голову на этот звонкий детский голос. Откуда здесь дети? Откуда?
Глаза уставились на стену, которая внезапно пошла лёгкой рябью, и Саске потянул руку к ней.
Вмиг картинка переменилась – пропал карцер, пропала лечебница. Теперь вокруг был огромный зал, заполненный недвижимыми животными.
И среди их рядом медленно прохаживались двое: один высокий в чёрном деловом костюме, а другой совсем ещё ребёнок в синей футболке и бежевых бриджах. Почему звери вместо того, чтобы атаковать обнаглевших людишек, стоят на нелепых постаментах, Саске понял не сразу. А потом взгляд зацепился за пластмассовые глаза животных.
Чучела…

– Папа!

– Саске, не кричи, – одёрнул ребёнка мужчина, убирая в карман пейджер. – Здесь нельзя шуметь.

– Но тот медведь! – выпалил мальчишка, отбегая от родителя на несколько шагов и останавливаясь лицом к нему. На детском припухлом личике читался неподдельный восторг, и глаза блестели так радостно, словно Новый год наступил намного дней раньше.

– Что с медведем?

Мужчина бросил скучающий взгляд на огромное чучело слева. Хозяин леса, раскинув свои лапы с огромными чёрными когтями, встал на задние лапы и скалил морду, показывая длинные желтоватые клыки. Будь эта махина живой, то спастись от её ярости не было бы никакой возможности.

– Я когда вырасту стану как он! – припечатал малец, раскидывая руки в стороны и скрючивая пальцы на манер когтей.

– Да ну? – усмехнулся мужчина, убирая руки в карманы.

– Я стану большим и сильным!

Взгляд мальчишки неуверенно стрельнул в сторону приглянувшегося чучела, и он опустил руки. Поджав губы, ребёнок недоверчиво покачал головой:

– Но… я же не покроюсь шерстью?

– Люди не покрываются шерстью, Саске. И люди не становятся медведями.

Мальчишка, сложив руки на груди, резко повернулся к отцу, с вызовом глядя снизу вверх.

– Почему?! Я же хочу!

– В жизни не бывает всё так, как ты хочешь.

Картинка дрогнула…
Вновь перед глазами выросла тёмная стена, и Саске запоздало осознал, что забыл дышать. Вздох получился хриплым и трудным, но лёгкие благодарно опалило теплом и по телу будто бы вновь побежала кровь.
Люди не становятся медведями…
И никогда не бывает так, как ему хочется…
Учиха прикрыл глаза, слабо улыбаясь темноте.
Никогда…

***

Наруто никогда до этого осеннего утра не знал, что такое хвататься за ускользающий сон. Это размытое видение, переполненное частыми чёрными дырами, стремительно покидало его, так и не принеся полного успокоения. Тело до сих пор ощущалось каменным сосудом, набитым мелкой галькой, глаза отчего-то горели, и хотелось одного – вновь попытаться провалиться в сон. Увы, однажды уйдя, Морфей больше не желал возвращаться.
Парень медленно поднялся, уставившись в дальнюю стену. Комнату заполнил сероватый свет, какой бывает только на рассвете, по босым ногам стелился лёгкий холодок, и хотелось поскорее поджать их и спрятаться под одеялом. Вместо этого Наруто медленно поднялся и нашарил ногой затолканные под кровать кеды. Стало немного теплее, хотя всё равно тело наполнилось липким ознобом и Узумаки потянулся к брошенной на стул ветровке. Спасёт от холода? Или же эта напасть сидит глубоко внутри?
Наверное, он слишком сильно дёрнул за рукав, и из кармана вывалился телефон. Стукнувшись о пол, многострадальный аппарат пикнул, упав кнопками на доски.

– Сломайся ещё, – проворчал Наруто, раздражённо поднимая кусок пластика и осматривая целый экран. Лишиться сотового сейчас в планы совершенно не входило.

Казалось, добить может любая мелочь, но Наруто усиленно ругал себя за то, что начал ощущать эту пустоту внутри и свою, словно бы истончившуюся, оболочку, что раньше спасала от всех невзгод наивным оптимизмом. Прятаться за ней больше не было никаких сил, но и позволить себе полностью лишиться оной Узумаки не мог.
Что будет тогда с ним?
Что будет тогда с Саске?
Парень вздохнул и всё-таки опустил взгляд на загоревшийся экран. Пусто… ничего. Наруто даже открыл меню, чтобы проверить – не было ли какого сообщения, которое могло не отобразиться. Конечно, техника так никогда ещё не подводила, но чем чёрт не шутит…
Сообщение было.
Сообщение с ошибкой, присланное лишь наполовину.

– Саске, – холодеющими губами прочитал имя отправителя Наруто и торопливо открыл небольшой порванный конвертик из пикселей. Белый лист. Ничего, только дата отправления и номер, с которого прилетела эта поломанная весточка.

Дата…
Это тот день, когда Саске порезал руки.
Это осталось в прошлом, как и многое. Навалившиеся тяжёлые мысли прервала звонкая электрическая трель, заставившая Наруто вздрогнуть и на автомате нажать кнопку приёма вызова.

– Да?

– Наруто, – звонкий голос Сакуры был приветом из другой реальности, и Узумаки даже передёрнул плечами от того осадка, что невольно всколыхнулся внутри.
Это было даже не удивление, а ступор. Что-то вроде: «А разве тот мир и его люди всё ещё существуют?»

– Сакура?

– Твои родители в институте, Наруто.

– Что?

Вот теперь внутри всё похолодело, когда эти два мира сошлись в один. Родители? В институте?
Сегодня понедельник?!

– Они ищут тебя, – взволнованно выпалила девушка.

– Почему они мне не позвонили?

– Я сама к тебе еле-еле пробилась! Ты где там? В бункере что ли?!

Но Наруто уже не слушал её, отнимая телефон от уха и устало закрывая глаза рукой.
Было такое ощущение, что над головой на тонкой шелковой ниточке повесили наковальню, и та в любой момент может сорваться, раздавив череп в крошки.
Звонок родителей не заставил себя ждать.

– Наруто? – строгий голос отца пустил по спине холодок, и Узумаки понял – проблемы будут.

Они уже есть.

– Я все объясню…

– Дома. Через час.

– Я не…

– Я сказал – дома.

И короткие гудки.
Захотелось со всей дури швырнуть телефон в стену и порвать навсегда с той реальностью, где от него требовали больше, чем он мог дать.
Но осознание нужности этого электронного зверя была выше овладевших парнем эмоций.
Сунув сотовый в карман, Наруто раздражённо двинулся к двери. Пора было что-то делать. Время уходило, а благодаря

травам Джирайи он проспал целый день.

***

Господин Канори закрыл затёртый журнал приёма и отложил в сторону. Последние два дня выдались слишком тяжёлыми и насыщенными на всякие события, которые никоим образом не были спланированы в ежедневнике мужчины. Это отхождение от планов нервировало и заставляло делать всё новые и новые записи.
У господина Канори сложилось даже мнение, что его испытывают на прочность – то туалет на третьем этаже засорился, то в кухне нашли тараканов, то на складе обнаружилась недостача. Как сердцем чуял, что нельзя было связываться с этой непроверенной фирмой…
Мужчина устало выдохнул и отпил из стакана приторно-сладкий чай с молоком. Любимый вкус детства. Матушка всегда готовила его и эклеры…
Было время, да. А теперь что?
Он хмуро уставился на сидящего перед ним пациента. Обычно в кабинет господина Канори последних не пускают, но этот случай был особенным. Хотя бы из-за того, что за него каждый месяц отстёгивали крупненькую сумму.

– Итак, Саске… так ведь тебя зовут?

Сидящий перед ним парень смотрел перед собой. Господин Канори знал этот взгляд, знал эту слегка ссутуленную позу, в которой больные частенько сидят на своих кроватях, знал эти синяки под запавшими глазами. Конечно, пациентов кормят. Но вот проблема в том, что следить за всеми практически невозможно…
Не с ложечки же их кормить.

– Эй!

Щелчок пухлых пальцев перед острым носом брюнета, и тот запоздало поднял на господина Канори мутные глаза.

– Что?

– Вот, – довольно хмыкнул мужчина, укладывая руку на стол и тихонько барабаня пальцами по столешнице. – Слышишь, значит. Но не хочешь слушать?

Парень слабо нахмурился, и взгляд его стал будто бы острее, но господин Канори знал – всего лишь иллюзия. Под такими препаратами, под которыми держали этого юнца вот уже второй день кряду, сохранять ясность сознания было трудно. А ещё труднее выдавливать из себя какие-то эмоции или мимику.

– Нам с тобой предстоит провести много увлекательных дней вместе в этом гостеприимном доме.

Взгляд брюнета вновь расфокусировался, и мужчина предпочёл в очередной раз щёлкнуть перед его лицом.

– И я бы был благодарен, если бы ты не пытался повторить то, о чём мне рассказала наша хирург.

– Пф…

– Ты кинулся на неё, угрожая её жизни, – укоризненно пробурчал Канори, глядя на Саске, как на провинившегося ребёнка. Конечно, учительской теплоты в глазах директора лечебницы не было. За это ему не платили.

– А эта милая женщина всего лишь привела в порядок твои запястья…

Брюнет скривил запёкшиеся губы и опустил голову, позволяя чёрным волосам скрыть лицо от внимательного взгляда господина Канори.

– Я решил, что одного дня в карцере тебе будет достаточно. Надеюсь, ты осознал всю глубину своего проступка, и мне не придётся запирать тебя там вновь…

– Иди ты.

– К сожалению, к взаимовыгодному сотрудничеству мы так и не пришли, Саске. Санитары!

Когда мужчины вывели паренька из кабинета, господин Канори устало вздохнул. Вот отчего все юные психи настолько упрямы? Почему просто не согласиться и пытаться жить в этих урезанных условиях? Зачем обязательно показывать характер, ведь позже всё равно сломаешься?
Как бы сейчас хотелось того самого чая с эклерами…
Взгляд упал на наручные часы, и мужчина удручённо вздохнул. Только начало дня, а впереди столько работы, столько всего.

– Господин Канори, – тихо проворковала секретарша, приоткрывая дверь и осторожно заглядывая внутрь. – К вам из вчерашней фирмы по поводу доставки продуктов.

– Впускай, – раздражённо кивнул мужчина, подтягивая к себе тот самый журнал, в котором работники склада фиксировали всё, что попадало на полки оного.

– Добрый день, – сказал вошедший в кабинет молодой человек.

Он сразу не понравился директору лечебницы: высокий, какой-то даже на вид слишком резкий, а эти красные волосы…
Вот как можно с такими вести дела?!

***

Зачем психам парк?
Зачем эти аллеи, скамейки и ухоженные газоны?
Большинство из них стоит на месте и раскачивается, другая половина прибывает глубоко в своём иллюзорном мире.
Раздражало даже не пристальное внимание санитаров и медсестёр, а то, что во всей этой мычащей, порыкивающей и тараторящей белиберду толпе, Саске ощущал себя никак.
Пустым местом, одним из кустов, если пожелаете.
Он поднял свою ладонь к глазам, рассматривая непривычно тонкие пальцы, оплетённые заметно проступающими венами.
Может быть, дело в том, что по этим самым подкожным трубочкам течёт вместо крови разрушающий волю яд? Или

голод не даёт сознанию понять, где и среди кого он находится? Или же болезнь всё-таки добралась до самого вкусного, поглотив его личность полностью?
А, может, он уже сошёл с ума?
Ведь никто не знает, как себя ощущают настоящие психи, кроме них самих. Но они не смогут рассказать, потому что считают себя полностью нормальными.
Вот такой вот забавный каламбур.
Взгляд вновь скользнул по замшелому парку, по пациентам, которые в своих серо-голубых одеждах напоминали теней, по каменным лицам персонала.
Были ли они все живы? Или же это место можно считать порогом Смерти?
Живые мертвецы, которые ещё слишком полны жизни, чтобы лежать в могилах, но уже начавшие гнить изнутри.
И он здесь был на своём месте.
Кладбище живых.
Осталось только найти место под яму…
Хотелось курить.
Нужно было заставить себя подняться и пройтись хотя бы вон до той скамейки, но Саске, как стоял, привалившись плечом к дереву, так и остался. Двигаться совершенно не представлялось возможным. Оставалось лишь ждать, пока дурман выветрится из организма и надеяться, что ему позволят побыть хотя бы несколько часов в земном мире.

– Эй!

За плечо тронули, но тело отозвалось на это ощущение запоздало и, когда он повернулся посмотреть, причина беспокойства уже стояла перед ним, радостно улыбаясь.
Нет. Скалясь.
Она умела только скалиться.

– Ты, смотрю, побывал в карцере, – проговорила девушка в неестественно быстром темпе. Или же это Саске медленно соображал?

– И, дай угадаю, ты из неразговорчивых!

Темноволосая вперилась в него долгим, немигающим взглядом, пытаясь сохранить серьёзное выражение на бледном лице, но уголки её искусанных губ всё же подрагивали.

– Угадала! Угадала! – захлопала она в ладоши. – Как тебя зовут?

Вмиг она вновь стала спокойной, и её взгляд Саске показался слишком уж напряжённым.

– Без разницы.

Была ли эта девушка обманом зрения, была ли она галлюцинацией уставшего разума? Учиха не понимал. Так похожая на Белокожую, его давнюю подругу, и такая… другая. Живая. Без этих синих вен по всему телу, без варёных белков глаз и запаха тины.

– Ну, – удручённо выдохнула она. – Я вот имя своё тебе назову. Хочешь? Хочешь?!

– Отвянь, – поморщился парень. От её слишком быстрой речи начинало ломить виски.

– Сион. Я.

Прикрыв глаза и стукнувшись затылком о шершавую кору высокой ивы, Саске глубоко вздохнул. Усталость, голод и этот голос словно слились в одно. Они стали обозначать совершенно новое состояние души. Новый виток болезненного безразличия, химией разливающейся под кожей.

– А ты к Хидану не лезь. Он тут уже не первый раз.

– Как и ты?

– Я… ну… нет… наверное.

– Да или нет? – прошипел Саске, не открывая глаз. Отчего-то ответ на этот вопрос показался сейчас очень важным.

– Я не знаю. Может быть.

– Ответь.

– А ты знаешь, что эти ивы поражены термитами? Термиты тут повсюду! Я даже в овсянке их видела. Терпеть не могу овсянку. А вот лето люблю. Хотя оно и напоминает мне овсянку…

«Да когда же ты заткнёшься?!» – мысленно выпалил Учиха, морщась и прикладывая руку к виску.

– Я летом в пруд упала. И чуть не утонула. Тётушка говорит, что я сама прыгнула, но я не могла! Я и плавать не умею! Говорит, я пыталась… утопиться! Представляешь!

Это был его личный ад.
Ад, в котором Белокожая не могла исчезнуть. И не исчезала.

– Слушай, – выпалил Саске, открывая глаза и смотря на девушку. Та захлопнула рот так резко, что показалось, будто она попыталась откусить большой кусок от невидимого куска пирога.

– Мне нужен телефон.

– Телефон?

– Да. Звонить. Разговаривают по нему.

– Нам не положено…

– Поэтому и спрашиваю, – раздражённо прошипел Саске. – В таких местах обычно есть тот, кто может достать всё. Это же как в тюрьме…

Откуда он это знал, Учиха не понимал. Осознание всей важности связаться хоть с кем-то из мира «живых», приказать этому придурку Узумаки не лезть, не пытаться его искать… Зачем приказывать? Зачем вообще выходить на связь?

Только лишь затем, чтобы предупредить и пригрозить? Как будто сам Наруто не понимает, что игра стала слишком опасной.
Может быть, чтобы услышать голос?
Учиха тряхнул головой, прогоняя от себя эти мысли.
Он вновь уставился на девушку, что усердно морщила лобик и что-то тихо бормотала.

– Я… знаю. Наверное.

– У кого?

– Х-хидан.

Ну конечно.
По-другому просто и быть не могло.
Саске окинул взором поляну и неожиданно для себя наткнулся на такой же внимательный взгляд беловолосого, что вальяжно развалился на скамейке.
Тот, кого Сион назвала Хиданом, следил за ним с очень сосредоточенным выражением лица, которое бывает только у людей, в чьих головах относительно пусто.
Заметив внимание Саске, парень вздёрнул бровь и усмехнулся.

– Не ходи к нему.

Фыркнув, Саске с трудом отлип от дерева и, покачиваясь, двинулся к беловолосому.

***

Проклятый боров…
Нагато выругался в очередной раз, быстро шагая по мрачноватому коридору лечебницы. Следом шёл то ли охранник, то ли санитар и мрачно пялился в затылок. Этот каменной силы взгляд Нагато мог чувствовать, даже не оборачиваясь. А обернуться хотелось и врезать тоже хотелось, ибо сегодняшний день стал просто рекордсменом по неудачам.
Недостача…
Да не было там ничего! Сам же проверил накладную несколько

раз, зная, что в это дружелюбное место возвращаться второй раз очень уж не захочется. И что? Пришлось.
Скорее всего, кто-то из местных решил пригреть пару-тройку ящиков с товаром…
Так почему бы, чёрт его дери, не поискать среди своих?!
Нагато провёл рукой по лбу, тяжело выдыхая. Нужно было прийти в себя и спокойно поговорить с шефом, который уже с утра разразился гневной тирадой в сторону нерадивых работников.
Они свернули в очередной раз и толкнули дверь, ведущую на задний двор, где и был подъезд к складу.
Лечебница живо напоминала Нагато о детдоме, в котором он провёл детство. Всё такое же искусственное, холодное и отчего-то серое. Воспоминания, которые не хотелось бы оживлять в сознание, робкими ростками начали пробиваться сквозь выставленные им же преграды. Детство не было для Нагато тем временем, которое можно было вспомнить с улыбкой.
Красноволосый, убрав руки в карманы, остановился у закрытых внутренних ворот, позволяя санитару отпереть их. Хотелось поскорее убраться отсюда и машина, стоящая за территорией лечебницы, казалась спасительным кругом в этом холодном море.
Взгляд скользнул по металлической сетке, которая отгораживала проход от больничного парка – даже эта стальная проволока напоминала ему о прошлом.
Взгляд скользнул по пустым лицам «гуляющих». Конечно, детдомовцы были куда активнее психов, но…
Нагато сначала даже не поверил своим глазам, когда недалеко от сетки увидел черноволосого парня. Нет, это, конечно, мог и не быть друг Наруто, но уж очень был похож. Даже осанка и гордый взгляд, которого у психов-то обычно и не бывает. Не то, чтобы Нагато общался со многими из них, но кое-какие представления всё же имел.
Это определённо был Учиха.

– Эй, – крикнул санитар. – Пошевеливайся.

Нагато с трудом заставил себя перевести взгляд с Саске на мужчину и рассеянно кивнул.
Как такое вообще может быть?

***

– Джирайя! – резко выпалил Узумаки, заходя на кухню, где уже сидела вся компания. Он замер в дверях, сбитый с толку серьёзными и какими-то потерянными лицами. Если Орочимару никогда и не страдал излишним проявлением эмоций, то на Цунаде было страшно смотреть.

Комкая в руках листок бумаги, женщина нервно постукивала пальцами другой руки по боку кружки и смотрела перед собой.

– Что-то случилось? – уже тише спросил Наруто.

Он всё-таки решился и подошёл ближе к столу, вглядываясь в лицо женщины. На Итачи и Орочимару даже оборачиваться не хотелось, хотя между лопаток ощутимо жгло из-за чьего-то взгляда.
Тот факт, что он, Наруто, проспал целый день, выбивал из колеи. Казалось, что за это время могло произойти всё, что угодно, и нервы неприятно щекотали под ложечкой, когда разум подкидывал самые мрачные картинки.
Что, если Саске уже не требовалась их помощь?
Они опоздали?

– Вчера мы объехали все три больницы, где у меня были знакомые, – тихо начала Цунаде. – Никто не поступал.

– А что если Саске не под своим именем?

Женщина подняла глаза на Наруто и усмехнулась:

– Поверь, мне бы про это сказали.

Узумаки нервно прикусил губу и кивнул:

– А что насчёт последних двух?

– Туда очень трудно пробраться, а работающий там персонал вымуштрован не хуже псов. Посторонних не пустят.

Наруто опустился на табуретку, уронив голову на руки. Значит, осталось всего две больницы, куда Фугаку мог бы отвести Саске и там у Цунаде нет знакомых.
Ладонь легла ему на плечо, слегка сжав оное. Этот жест мог бы значить попытку успокоить, молча поддержать, но Наруто было до того отвратительно ощущать собственную беспомощность, что любое проявление жалости вызывало в душе желание выругаться. Злость на себя, злость на окружающих, которые всего лишь пытаются помочь.
Пытаются – главное слово. Хотя никто из этих взрослых, безусловно, занятых людей, не обещали ему своей помощи. Они вообще не были обязаны сейчас находиться в доме лесного отшельника и забивать свои головы чужими проблемами. Узумаки внезапно осознал, что требует слишком много от Цунаде, от Джирайи и даже от Орочимару. Итачи… про него Наруто старался не думать.

– Наруто, мы что-нибудь придумаем. Всегда есть выход.

Он не поверил.
Такие слова чаще всего говорят в кабинете врача за плотно закрытой дверью.
«Вы умираете, но мы что-нибудь придумаем», – говорят в таких случаях. И держат валерьянку наготове.
Отчаяние накатило второй волной. И она была сильнее, яростнее первой. Сметая выстроенные наспех хлипкие каркасы надежды, холодные воды прошлись по телу, пуская по коже мурашки и озноб.
Конечно, Цунаде не скажет, что шансов нет, но эти слова повисли над столом, и каждому было понятно, насколько ничтожна их вера в счастливый финал. Поэтому и молчали.
Наруто хотел сказать самому себе, что ничего ещё не потеряно, что что-то да можно предпринять, но слова не лезли из горла. Его скрутило болезненным спазмом, лишающим голоса и желания шевелить языком.
Он посмотрел на Джирайю, но отшельник разглядывал что-то на столе, прибывая глубоко в своих мыслях.

– Нужно съездить туда, – заявил Узумаки единственное, что

пришло на ум.

– И что ты там будешь спрашивать, Наруто? – покачала головой Цунаде. – Нас даже на порог не пустят.

– Но должно же быть хоть что-то! – в сердцах выпалил Узумаки.

Раздавшаяся телефонная трель едва не заставила парня всё-таки запустить сотовый в стену, но он терпеливо поднёс трубку к уху и произнёс:

– Да?

Он ожидал услышать взволнованный голос Сакуры, нетерпеливые слова отца, но не Нагато. Красноволосый остался где-то далеко, как и все институтские друзья, как и родители. Наверное, то была другая реальность, куда Наруто должен был вернуться по первому же требованию.

– Наруто, я по поводу Саске.

– Саске? – нахмурился блондин. Сердце неприятно сжалось в очередной раз.

– Я видел его. Ты в курсе, что он в психиатрической лечебнице?

***

– Так-так-так, кто ко мне пожаловал, – протянул Хидан. На его лице появилась злорадная ухмылочка, и парень задрал голову, смотря на Саске снизу вверх с нехорошим прищуром. – Ты извиниться или продолжить?

– Мне сказали, что ты можешь достать телефон, – сходу начал Саске.

Хидан вздёрнул брови, поднимаясь со скамейки и убирая руки в карманы. Он был выше Саске и сознательно пользовался этим превосходством, смотря с таким выражением, будто Учиха был грязью под ногами.

– Соскучился по родственничкам?

– Не твое дело, – отрезал Саске. – Можешь или нет?

– Хм, – склонил голову набок Хидан.

Учихе нестерпимо захотелось стереть эту нагловатую ухмылку с губ психа. Желательно кулаком, желательно в кровь…
Но приходилось молчать и смотреть перед собой, стараясь не качаться слишком сильно и позволяя себе лишь раз за разом прокручивать в голове кровожадные картины.

– Да если и так?

– Достань его мне.

– О, я смотрю, ты привык командовать? – ощерился парень, обходя Саске вокруг.

Остановившись, Хидан слегка склонился над ухом Саске, чтобы отчётливо прошипеть:

– Только это не то место, где твоё слово может значить что-либо.

Учиха резко развернулся, перехватывая парня за грудки.

– Не обольщайся, – прорычал Саске. – Я и врезать могу.

– Вперёд, – оскалился ещё шире Хидан. – И ты останешься без телефона.

Руки, сжимающие ворот рубахи беловолосого, неохотно разжались и Саске выдохнул, пытаясь успокоиться. Бить морду этому типу совершено не входило в планы, а перспектива наведаться в карцер вновь вовсе не радовала.
Казалось, что этот раз может стать последним для и без того истрепавшегося организма. И Саске отошёл в сторону, продолжая сверлить ненавистное лицо взглядом.

– Здравый смысл из тебя ещё не выбили, – прохрипел Хидан, картинно поправляя сбившийся ворот больничной рубахи. Отряхнув невидимую пылинку с плеча, беловолосый подошёл к Учихе и сложил руки на груди.

– Ну так что? Тебе нужен телефон?

Саске на минуту показалось, что Хидану самому была жизненно необходима эта его просьба. Это всё походило на какую-то ловушку, в которую Учиха добровольно шагал, забив на все предупреждения чудом уцелевшего разума.
Или же не уцелевшего, если он позволил себе связаться с таким типом, как Хидан. Ведь по нему видно – псих с прогнившей насквозь душой, что давно перестала отражаться в багровых глазах.

– А ты сможешь его достать? – вздёрнул брови Учиха.

– Сомневаешься во мне? Зря, – протянул он. – Я здесь почти как дома.

– Тогда вперёд, – пожал плечами Саске.

– Э, нет. Ты думаешь, что всё так просто?

Саске не думал, а смотря на вновь заулыбавшегося Хидана понял, что простотой тут и не пахнет.

– Я попрошу тебя кое о чём взамен, – протянул он, цедя каждое слово с таким удовольствием, будто это звуки были слаще мёда.

Саске поднял напряжённый взгляд на своего собеседника. Одна часть его уже жалела о том, что он вляпался в эту игру по чужим правилам, другая же требовала немедленно заполучить треклятый телефон.
Наруто должен услышать, что его нужно оставить в покое. Что всё стало слишком серьёзно.
Пора забыть Учиху Саске. На этот раз действительно и

бесповоротно.
И брюнет хотел верить, что его слова всё-таки перевернут в белобрысой башке хоть что-то и поставят на место отсутствующий инстинкт самосохранения.

– Достань мне кое-какие колёса, – тихо пролепетал Хидан. – На ночь меня запирают в карцере. Понимаешь… я опасен. Действительно опасен.

Багровые глаза сверкнули ненормальным светом, и парень гортанно засмеялся.

– Как я выберусь из палаты? – раздражённо шикнул Учиха.

– В твоей палате неисправен замок. Мало кто знает о его секрете… Прижми дверь плечом и дёрни ручку вверх до упора. Щёлкнет – ты свободен.

– Так просто?

Хидан, пожав плечами, пробормотал:

– Если тебе не нужен телефон…

– Где они хранят лекарства?

***

– Нагато, это точно был он? – выпалил Наруто.

Руки начинали подрагивать, и пришлось опуститься на стул под внимательными взглядами присутствующих. Цунаде даже подалась вперёд, напряжённо вглядываясь в меняющееся лицо парня, а Итачи склонил голову ниже, будто бы отгораживаясь ото всех.

– Я не мог ошибиться, – отозвался красноволосый. – Только… Наруто, я не понимаю. Он же мёртв.

– Потом всё объясню, – торопливо выпалил Узумаки. – Что это

за лечебница? Где она?

– За городом. Кажется, то ли имени Луки, то ли ещё кого. Сейчас по накладной гляну… подожди…

В трубке послышалось шуршание, и Наруто всё-таки ответил на взволнованный взгляд Цунаде.

– Ну что там?

– За городом, – повторил слова Нагато блондин.

Цунаде опустила глаза, выдыхая:

– Лечебница Якова.

И ей эхом вторил голос Нагато в трубке.

– Мерзкое место, если честно.

Даже по телефону Наруто показалось, что красноволосый нервно передёрнул плечами и поморщился.

– Только не говори мне, что ты собрался туда…

– Спасибо тебе, – быстро выпалил Узумаки. – Я тебе попозже позвоню…

Наверное, Нагато хотел что-то ещё сказать, но Наруто уже нажал кнопку отбоя и жадно вперился взглядом в Цунаде.

– Наруто, – неожиданно окликнул его молчащий до этого Орочимару. – Подумай над моими словами. Ты точно хочешь, чтобы Саске был здесь?

– Орочимару, – перебил его Джирайя. – Это не твоя жизнь, не вмешивайся.

– Ты же когда-то вмешался в мою, – бесстрастно парировал доктор.

– Вот и не совершай моей же ошибки. Дай парню думать своей головой.

– Его голова не создана для мыслей, – фыркнул Орочимару, поднимаясь.

Он нервно прошёлся по комнате и остановился напротив стула Наруто.

– Саске сейчас там, где должен быть. Специально или же нет, но Итачи оказал ему и тебе, – длинный палец ткнул блондина в плечо, – большую услугу. А ты хочешь изменить ход событий.

– Хочу, – твёрдо выпалил Наруто. – И я сам буду ответственным за свои ошибки. Если… если это будет неправильно, то виноват буду я…

– Это будет чертовски неправильно, – вздохнул Орочимару. – Ты имел дело с психами, Наруто?

Голос мужчины стал тихим и вкрадчивым, как змеиное шипение. Он склонил голову, чтобы впериться взглядом в глаза Наруто, но Узумаки упорно избегал зрительного контакта.

– Ты знаешь, как человек сходит с ума и что он способен сделать с собой и с окружающими? Ты готов?

– Я давно готов ко всему. И Саске не сходит с ума.

Надежда, хлынувшая в вязкое болотце опустившейся было безнадёги, заставила судорожно уцепиться за эту информацию, игнорируя не только Орочимару, но и едва слышный внутренний голос. Он твердил, что с Саске давно что-то не так, что его психика давно дала течь, и с каждым днём она лишь сильнее и сильнее расшатывается. Наруто, поймавший нить шанса, не хотел вспоминать те моменты, когда ему казалось, будто за чёрными глазами Учихи уже давно нет разума.
Он хотел видеть только то, во что верил.

– Не всё так просто, Наруто, – печально произнесла Цунаде.

Узумаки осёкся и облизнул губы. Что ещё?

– Эта лечебница находится за городом. Она закрытая… то есть психов там держат вполне себе буйных и опасных. Просто так, за попытку суицида, человека туда не упекут.

– Но, – бесцветным голосом проговорил Наруто. – Что нам делать тогда?

Надежда вновь ускользала, и на душе становилось до того омерзительно и грязно, что захотелось вывернуть себя наизнанку и промыть с хлоркой.

– Я могу устроить кое-что, – спустя несколько минут вновь воцарившегося молчания, кивнула Цунаде. – Ты снова увидишь Саске…

– Но? – затравленно выпалил Наруто.

Он не мог оставить Саске. Только не сейчас.

***

Время в лечебнице тянулось до омерзения медленно. Здесь ничего не происходило, и Саске кожей ощущал, как по ней скатываются мелкие крупицы секунд.
Обед проходил в просторном зале, заполненном светом и не очень-то приятными запахами. Пластиковая посуда, пластиковые ложки.
Здесь не было вилок – слишком опасно. Вдруг это овощное рагу, больше похожее на уже побывавшую в чьем-то желудке зеленовато-бурую смесь, разочарует какого-нибудь страдающего депрессией пациента, и он решит заколоться прямо посреди трапезы? Ведь зрелище вспоротого горла явно не стимулирует аппетит, а вот желание последовать примеру несчастного у некоторых психов вызвать точно может.
Саске уныло ковырял ложкой это отвратное месиво, но заставить себя поднести ко рту даже кусочек чудом

сохранившей свой вид морковки он не мог. Дело было даже не в брезгливости.
Он не видел смысла есть. Зачем насиловать свой организм, когда через несколько дней его уже не станет?
Психи же ели. Кто-то безобразно, кто-то меланхолично, а кто-то строил из еды причудливые холмики.
Саске следил за ними взглядом, мысленно прикидывая, как ночью лучше пробраться до места хранения лекарств. Сегодня он проходил мимо того кабинета, где хранились нужные Хидану колёса, но на двери висел внушительных видов замок. А это значило, что ключ нужно будет ещё раздобыть. Беловолосый даже знал, где взять оный…
Всё было готово и казалось до одури простым. А если его поймают?
Очередная инъекция? Разговор по душам с директором или карцер?
Саске даже усмехнулся, переваливая ложкой рагу и создавая видимость того, что он всё же ест. Как Учиха уже успел заметить, не желающих оценить шедевр кулинарного мастерства местного повара, заставляли есть насильно. И зрелище то было ещё отвратительнее, чем этот самый «шедевр».
После обеда пациентов гнали к небольшому окошку как раз той комнаты, куда Саске сегодня предстояло прогуляться. Выстроив больных в ряд, санитары по одному подталкивали к окошку, откуда пышной комплекции женщина выдавала по небольшому стаканчику с таблетками.
Саске хмуро следил за тем, как санитары тщательно контролировали процесс приёма таблеток. Они даже заставляли открывать рот и поднимать язык то вверх, то сдвигать его сначала к одной щеке, а затем к другой. Стаканчик вновь возвращался в окошко и подходил следующий.
Очередь Саске подошла спустя пятнадцать минут. Смерив его полностью безразличным взглядом, женщина сунула в руки брюнета стандартный стаканчик и замерла, словно робот, ожидающий продолжения операции.
Учиха опустил взгляд на три разноцветные таблетки, которые очень-то не хотелось пить.

– Что это? – спросил он у женщины.

– Пей без вопросов, – отозвалась та, и даже её голос показался механическим.

– Я не хочу пить то, чего не знаю, – фыркнул Саске. – Что это за дрянь?

– Пей давай, – злее шикнула медсестра. – Не устраивай проблем себе, парень.

– Что это за таблетки? – с нажимом повторил Саске, уставившись ей в глаза.

– Ты задерживаешь очередь.

– Я просто хочу знать…

Его дёрнули за руку в сторону, и стаканчик едва не упал на пол. Санитар хмуро уставился на Учиху, повторяя тот же самый приказ:

– Пей.

Усмехнувшись, Саске медленно перевернул стаканчик, и таблетки бусинами заплясали по плитке пола. Очередь из психов взволнованно забубнила.
Руки уже почти привычно скрутили за спиной, а скула тесно познакомилась с холодной стеной, тут же вспыхнув горячей болью.

– Ты сам напросился.

Саске дёрнулся, кривя губы в злой усмешке. Пить эту дрянь он не хотел, но совершенно выпустил из виду то, что при таком условии в него эту дрянь зальют насильно.
Так и случилось – шею укололо, и под кожей вновь разлился жидкий огонь, моментально расслабляющий мышцы и стирающий из головы желание сопротивляться.

***

– Цунаде, вы уверены, что нет другого выхода? – прошептал Наруто, уткнувшись лбом в спинку переднего сиденья машины Итачи. Мотор железного коня уже давно замолк, а за окнами был высокий лес, серая дорога и жёлтое поле с другой стороны.

– У нас практически связаны руки и… чем быстрее мы это сделаем, тем меньше Саске пострадает. Я не хочу, чтобы этот упрямец мучился… а, зная его характер…

– Это ведь опасно…

Цунаде согласно кивнула.

– Но как…

– Наруто, это единственное, что мы можем сделать для него…

Узумаки до боли сжал челюсти, закрывая глаза.
Цунаде была права – у них не было других вариантов…

– Хорошо. Сделаем так.

***

Потолок.
Странно. Даже в психушке он был почти таким же, как и дома, хотя его родной дом мало чем отличался от этой лечебницы. По крайней мере, психов под его крышей оказалось достаточно. Его палата оказалась не такой уж ужасной. Разве что холод тут стоял зверский, но тело почти ничего не чувствовало. Или же чувствовало, но отдалённо. Оно просто знало, что сейчас должно быть холодно, а, когда прикусываешь губу – больно. Дышать. Главное вновь сосредоточиться на дыхании.
Вдох. Выдох. Вдох…

– Ты.

Дверь открылась раньше или позже того, как прозвучал этот голос. Саске попытался нахмуриться, но лицевые мышцы плохо

слушались. С трудом приподнявшись на локтях, он перевёл взгляд на приоткрывшуюся дверь. Ну конечно. Санитар.

– Вставай. К тебе пришли.

– Пришли? – заторможено переспросил Саске, кое-как поднимаясь.

Но больше слов из хмурого мужчины вытянуть не получилось. Он мрачной и молчаливой тенью провёл пошатывающегося Учиху в дальнюю комнатку и буквально затолкал внутрь, тут же захлопнув за ним дверь.
Первое, что увидел Саске, ослепляющий неоновый свет. Здесь не было окон, значит, он лился из вон тех длинных светящихся лампочек под самым потолком.
Едва проморгавшись, Саске попытался разглядеть стоящего у дальней стены гостя.
По жилам побежал холод.

– Наруто?

– Привет, – как-то нелепо выдавил из себя стоящий напротив блондин. Он даже, кажется, улыбнулся. – Херово выглядишь.

– Почему ты здесь? – выпалил Саске поражённо. – Какого хера тебе надо?!

– Успокойся.

Наруто, поджав губы, сделал пару шагов к Саске, но Учиха отпрянул, ударившись лопатками о дверь.

– Ты не понимаешь, придурок. Мой отец тебя в порошок сотрёт, если узнает. Ты этого хочешь?

– С каких пор ты за меня волнуешься? – странно усмехнулся блондин. – Теперь ты у нас нянька?

– Да пошёл ты, – рыкнул Саске, во все глаза пялясь на знакомое до боли где-то за рёбрами лицо. Видеть Наруто здесь, на фоне

этих обшарпанных стен, было дико. – Почему ты пришёл?

– А не должен был? – пожал плечами Узумаки. – Мы не попрощались.

– Херня.

– Называй, как хочешь.

– Как ты вообще попал сюда?

Усмехнувшись, Наруто неожиданно уткнулся лбом в грудь Саске и тихо пробормотал:

– Ты забыл, что у нас есть Цунаде.

– Она…

– Тш…

Рука парня легла ему на плечо, осторожно сжимая его.

– Я должен отпустить тебя, Саске.

Затылок стукнулся о дверь. Брюнет узнавал собственные же слова, которые Наруто решил в кои-то веки подтвердить. Но он не ожидал, что, услышав это от Наруто, ощутит эту неприятную пустоту за рёбрами.

– Я должен забыть и жить дальше.

– Да, – хрипло подтвердил Учиха. – Неужели дошло…

– Тише, – рука сильнее сжала плечо, комкая рубашку и впиваясь пальцами в кожу. – Я пришёл попрощаться.

В горле появился горький ком, и Саске поспешно сглотнул, прикрывая глаза.

– Да. Так будет лучше.

– И для тебя и для меня, – подтвердил Наруто. – Я должен был оставить тебя раньше. Я должен был сделать это раньше… кто, если не я?

Рука, потянувшаяся к Узумаки, замерла в нерешительности, но затем всё-таки легла на его макушку.

– Прощай, Саске.

Острая боль под ребрами заставила пальцы в чужих жестких волосах сжаться. Дыхание сбилось, вырвавшись из горла резким хрипом, брюнет опустил голову, широко распахивая глаза. Наруто отшатнулся, когда рука Учихи разжалась и безвольно повисла вдоль тела.

– Что…

Взгляд скользнул по спокойному лицу Наруто, а потом рука нащупала рукоять ножа, торчащего точно из груди. Нащупала и сжала, пытаясь вытянуть. Ему это даже удалось сделать раньше, чем ноги подогнулись и колени больно ударились о плиточный пол.
Окровавленный нож со звоном упал где-то сбоку, а тело начало заваливаться вперёд и пришлось выставить руку, облокачиваясь об оную, чтобы не рухнуть вовсе.
Почему?
Это ведь…
Кровь жирными кляксами капала из раны и под ним уже образовалась небольшая лужица, холод будто бы усилился и его начала бить крупная дрожь.
Саске недоумевающее поднял глаза на стоящего перед ним Наруто, но блондин уже подёрнулся лёгкой рябью и картинка почти плыла перед глазами.
Наверное, это и есть смерть?
Если так… то…
Додумать Саске не успел, всё-таки рухнув на спину.
Это должно было закончиться именно так…
Саске попытался втянуть в себя последний глоток воздуха, но в лёгких заклокотало, и на губах появился привкус крови.

Болезненный толчок сердца.
Второй.
Третий…
…и последний.
Потолок.
Странно. Даже в психушке он был почти таким же, как и дома…

Глава 11. Counting Bodies Like Sheep

"Don't fret, precious, I'm here
Step away from the window and go back to sleep
Safe from pain and truth and choice and other poison devils
See, they don't give a fuck about you, like I do

Count the bodies like sheep…
Count the bodies like sheep…"
A Perfect Circle – Counting bodies like sheep to the rhythm of the war drums

«Не волнуйся, дорогой, я здесь.
Отойди от окна и иди спать,
Не опасаясь боли, правды, выбора и других ядовитых демонов.
Видишь, им плевать на тебя, как и мне.

Считай тела, как овец…
Считай тела, как овец…»

Раз, два, три, четыре –
Ты один в жестоком мире.

Голос резал уши острым сверлом, ввинчиваясь в самый мозг и наматывая на себя мозги. Хотелось открыть глаза, но веки сшил какой-то злой безумец и теперь шершавые нити драли кожу, впивались в белок.

Три, четыре, раз, два –
Ну же, выйди из окна.

Он попытался сглотнуть, но в горло будто песка насыпали. Пришлось прокашляться, но и этого не вышло.

Пять, шесть, семь, восемь –
Взгляд голодный крови просит.

Голос. Этот голос. За него нужно цепляться, чтобы попытаться вытянуть себя из этого омерзительного затхлого погреба, в которое погрузилось сознание. Тянуть приходилось за собственные жилы, и каждая клеточка тела отзывалась ноющей болью. Не резкой, не выбивающей из лёгких воздух.
Она патокой разливалась по венам, булькала в горле и хлюпала в лёгких при каждом тяжёлом хриплом вздохе-выдохе.
Ну же, цепляйся.

***

Считалочка оборвалась, и Хидан тихо засмеялся, заметив на лице своего молчаливого собеседника подобие эмоций. Этот бледный парень хмурился, размыкал губы и будто бы что-то пытался произнести, но из его горла неизменно вырывались тихие хрипы.
Беловолосый едва не подпрыгивал на стуле от нетерпения. Он всматривался в парня и наслаждался каждой минутой.
Редко, очень редко Хидану удавалось вырваться из лап своих личных «смотрителей» и вот так просто наблюдать за людьми. Конечно, ведь эти люди считали его настоящим психом, угрозой для общества, тем, кто убьёт легко и без лишних мук совести.
Был ли он таким? Возможно.
Но вот что на самом деле испытывал Хидан, когда ему говорили о том, что он убийца. Хладнокровный и, если верить слухам, очень кровавый.
Испытывал ли он вообще что-то?
Жалость. Это чувство пропитало всё его существо, оно им дышало, когда парень смотрел на очередного врача, выносящего свой приговор – недееспособен. Так было с самого детства, когда он ещё будучи ребёнком был пойман за крайне ненормальным делом – препарирование кошки. Соседской пушистой Леди, которую хозяйка кормила только качественным кормом и редко выпускала на улицу.

Но однажды кошка просто выпрыгнула из оставленного по невнимательности приоткрытым окна. Тогда-то мальчишка и почувствовал присутствие Высшего создания рядом, а потом услышал его голос.
Выросший в набожной семье, Хидан с детства знал, что Всевышний существует и даже слышит наши молитвы. Его приучали к этой мысли.
Только отчего-то ни мать, ни отец не были рады, услышав, что их сыну посчастливилось получить ответ. Может быть, всё дело было в растерзанной кошке и окровавленных руках мальчишки?
Но с каждым годом Хидан понимал, что его родители слепы, глухи и немы. Они говорят только то, что требуют от них правила морали, общество и телевидение. Они закрыли своё сознание от Голоса, отказались от Истинной Веры, принимая за правду какую-то искорёженную и насквозь пропитанную ядом подделку.
Родители всегда ходили в церковь. Они молились там, просили о чём-то, возможно, о прощении своих грехов, но им не отвечали. С каждым годом денег становилось всё меньше и меньше, а в церковь ходили всё чаще и чаще. Они бегали к этому своему Всевышнему, в то время как Божество Хидана всегда было с ним.
И всегда ему отвечало.
И тогда мальчик понял – у них разные Боги.
Один требует безоговорочного самопожертвования, а другой не требует ничего. Да, убитых кошек и собак на счету Хидана стало больше, но парень сам был не против очищать мир от этих блохастых тварей.
Ему это нравилось. А потом, когда его вера окрепла, было первое испытание оной.
Божество потребовало их кровь.
И Хидан дал её.
Всё равно родители уже давно превратились в пустые оболочки, наполненные своей глупой безответной верой…

– Проснись и пой, – проворковал Хидан, выскальзывая из нахлынувших воспоминаний и с сожалением осознавая, что крики в ушах постепенно угасают.

Его горячие пальцы ухватили черноволосого за подбородок и повертели лицо того в разные стороны, разглядывая. И хотя Хидан уже вдоволь насмотрелся на эти резкие черты, он продолжал испепелять тонкую кожу взглядом.

– Наруто…

– Что-что?

Он придвинулся ближе, прислушиваясь.

– Как ты меня назвал?

Веки парня дрогнули, и он всё-таки приоткрыл мутные глаза.

Наконец ему удалось выпутаться из вязкого небытия и вернуться в этот мир. Или же это и есть смерть, а белый потолок перед глазами – это то самое единственное, что он заслужил в мире после смерти за свою безлико прожитую жизнь?
Потолок и боль во всём теле.
Ничего совершенно не изменилось.
Рука машинально скользнула по животу вверх, к груди, намереваясь нащупать там липкую рану, но наткнулась лишь на рубашку. Пальцы нервно сжались, комкая ткань, впиваясь в кожу, чувствуя сочленения рёбер и глухие удары за ними.
Раны не было.
Учиха широко распахнул глаза и только сейчас заметил перед собой отвратительно скалящееся лицо Хидана. Что произошло? Если он мёртв и это тот самый загробный мир, то что здесь делает этот придурок?
А если жив…
Но как он может быть живым?

– Что… что ты здесь делаешь? – голос поддавался с трудом, но Саске всё-таки сумел совладать со своими связками и выдавить из себя этот очень важный вопрос. Только понять не мог, где «здесь»?

– Наблюдаю, – проговорил Хидан. – А ты?

Ужасно издевательский тон.

– Можешь не отвечать. Вижу, что за порчу их таблеток тебе вкатили двойную дозу. Счастливчик…

Беловолосый, облокачиваясь локтями о собственные же колени, мечтательно вздохнул.

– Счастливчик?

Саске нахмурился, пытаясь хотя бы сесть, но рука Хидана тут же надавила ему на грудь, укладывая обратно.

– Тссс. У тебя в голове сейчас всё перевернётся. Ты же не хочешь вывернуть свой желудок на кровать? Тебе тут ещё спать.

– Какого хера ты тут забыл?

Раздражённо спихнув его руку со своей груди, Саске был вынужден признать, что этот урод прав – в голове действительно всё шло кругом.
Наверное, эта самая круговерть в мозгах не давала пока полностью осознать случившееся. Ощущение собственной ограниченности ставило в тупик и злило, но оставалось только надеяться, что со временем мысли перестанут расползаться липкой слизью.

– Ты такой нервный. Я бы на твоём месте радовался – столько в тебя влили… мне бы так.

– Так пойди врежь в морду санитару, – фыркнул Саске, прикрывая глаза, чтобы не видеть этой гнусной физиономии.

– Для меня здесь другие правила.

– Особенный?

– Избранный.

Учиха даже приоткрыл глаз – так самодовольно прозвучало это заявление и хотелось посмотреть в глаза Хидана, убедиться, что это всего лишь самоирония.
Но нет. Парень говорил на полном серьёзе.

– Ты тоже Избран, – доверительно прошипел беловолосый.

– Кем?

– Моим Божеством.

– И мы должны вместе спасти мир? – хохотнул вяло Учиха, вновь закрывая глаза и погружаясь в прохладную тьму.

В черепе постепенно начинало проясняться, и теперь можно было хотя бы уйти в себя, а не слушать бредни этого психа.
Вот кто настоящий сумасшедший.
И, смотря на Хидана, Саске отчётливо начинал ощущать тонкую ниточку тревоги у себя в груди – а что, если и он со временем станет таким же? Кровожадным ублюдком, готовым делать всё, что ему велит безликий голос?

– Нет. Этот мир уже не спасти, – задумчиво отозвался Хидан.

– Тогда для чего ты Избран?

– Кормить Божество.

– Мммм, – многозначительно протянул Саске и скривил губы в улыбке. – Великая миссия по обслуживанию чьей-то божественной задницы. Классика.

Открыв глаза, Учиха уставился в недовольно поблескивающие глаза Хидана. На дне его зрачков плескалось нечто невнятное, необъяснимое.

– Смейся, – зло усмехнулся беловолосый. – Они тоже всегда смеялись надо мной. Смеялись-смеялись, а потом…

Бледные губы раскрылись, показывая на удивление ровные и

белые зубы, поблескивающие влажно и даже немного хищно, как показалось Саске.

– А потом кричали. Они забывали о своём Боге. Я становился для них новым Всевышним. В моих руках была их жизнь! А мой нож был для них распятием.

Багровые глаза сверкнули особенно ярко, когда Хидан резко шикнул какое-то непонятное слово.

– Они целовали его! Они падали на колени передо мной. Я был Им! Я и есть Он!

– Ты больной сукин сын, – брезгливо сплюнул Саске, всё-таки приподнимаясь и кое-как садясь.

Лежать беспомощным перед этим идиотом совершенно не хотелось, хотя он и понимал, что в своём нынешнем состоянии на подвиги совершенно не способен.
Но если придётся драться…

– А чем ты лучше меня? – прохрипел Хидан, глядя исподлобья.

Мучительно долго длился этот зрительный контакт. Горели нервные клетки, плавились и дымились натянутые струны. Ещё чуть-чуть, ещё минута и кто-то бросится, вцепится зубами в горло, вырывая оттуда по куску мяса…
Но нет.
Хидан, резко поднявшись, направился к выходу из палаты:

– Не забудь. Я жду.

С этими словами парень спокойно вышел, забыв закрыть дверь. Тяжёлый вздох вырвался из груди, и Саске уронил голову на руки, цепляясь пальцами за волосы. Он надеялся, что боль вернёт его в привычную реальность, поможет ему вспомнить, построить новые логические цепочки, ибо старые проржавели насквозь и уже рассыпались рыжеватой трухой на пальцах.
Это было так реально.
Та боль, что была сильнее физической, засела красной точкой в

голове. И, возвращаясь в её огненный плен, Саске раз за разом слышал свой глухой, беспомощный вопрос:
«Почему?»
Так странно… угасающее уже сознание изо всех сил пыталось понять суть того предательства. Было ли оно? На самом ли деле Наруто всадил в его грудь невесть откуда взявшийся нож или ему это почудилось?
Если же это и был плод фантазии одурманенного разума, то почему этот делирий принял столь странную форму? Почему в его голове даже сейчас, даже здесь есть место этому Узумаки?
Не цепляйся за прошлое – главное правило счастливой, беззаботной жизни.
Саске тихо рассмеялся. А что ему ещё осталось, запертому в этих мрачных холодных стенах?
Какие образы должны были приходить в минуты помрачения сознания? Чьи лица он должен был видеть?
Учиха бы предпочёл не видеть вовсе. Просто раз и навсегда ускользнуть в мир безумия и положить конец этому затянувшемуся прыжку в никуда.
Тряхнув головой и выпустив из волос пальцы, Саске поднялся. Пришлось ухватиться за стену, но со временем мир перестал плыть перед глазами, и сделать шаг стало гораздо легче.
Нужно было занять своё тело чем-нибудь, чтобы мысли перестали роиться в трезвеющем мозгу беспокойной стайкой.
Выйдя в длинный коридор, Саске огляделся, замечая, что другие пациенты свободно бродят туда-сюда. Были и те, кто, жутковато скрючившись, сидели у стен и тихонько раскачивались. Они привлекали к себе больше внимания, нервируя лишь одним своим видом. Если Хидан был предсказуемым психом, то такие вот тихони могли кинуться в любой момент.
Нервный смешок вырвался у Саске, когда он поймал себя на мысли, что начал здорово походить на параноика, ожидающего нападения от каждого столба.
Шаги утопали в мягкой болотно-зелёной ковровой дорожке, что тянулась до просторной комнаты, где играла навязчивая мелодия.
Когда Саске зашёл в эту светлую, по меркам остальных помещений в этой лечебнице, залу, то в глаза сразу бросился потрёпанный коричневый диван и два кресла, а также

работающий тихо телевизор, стол, за которым сидели два мрачных мужчины и смотрели на столешницу оного. Молча, бездумно, что и пугало.
Хмурого вида пышнотелая медсестра встретила Саске недобрым взглядом и проводила брюнета до самого кресла, где Учиха и решил осесть. Ноги тряслись от долгого перехода, а желудок вновь сводило противными спазмами.
Безумие – вот, что правило всем в этом затхлом месте. Оно было даже на лице той самой медсестры-надсмотрщицы, что, как гарпия, обводила острым взглядом свои охотничьи владения. В её тёмных глазках-буравчиках засело мучительное ожидание. Да, она была на охоте, она ждала, пока кто-то из психов сорвётся, поведёт себя против правил. И уж тогда-то она проявит свою власть.
Будто почувствовав на себе взгляд, женщина повернулась к Саске и вопросительно вздёрнула тонко выщипанные брови. Учиха привычно отвернулся, лениво приваливаясь щекой к шершавой спинке кресла.
Значит, его перевели из общей палаты в одиночную. Что это могло значить?
Хотя парень догадывался – Фугаку, скорее всего, потребовал упрятать его подальше и, будь воля местного директора, Саске бы посадили в подвал. Увы, здравый смысл и жадность до чужих денег, не позволила Канори поступить так с новеньким.
Саске тихо усмехнулся в пропахнувшее лекарствами покрытие кресла. Из него пытаются вытянуть как можно больше пользы и, скорее всего, уже знают, что долго он не продержится.
Какого же состояния отцу стоило нанять столь профессиональных нянек?
Парень сам не замечал, но его губы подрагивали, едва сдерживая кипящий внутри нервный смех. Усталость лишь подбрасывала деревяшки в разгорающийся очаг подступающего безумия, но Саске не пытался дёрнуть за поводок, призывая своё личное сумасшествие подождать ещё пару деньков.
Теперь было незачем. Он на своём месте. О нём забыли.
Или забудут, на что он очень надеялся.
Осталось достать колёса для Хидана.

***

– Наруто, ты всё запомнил? – в сотый раз переспросила Цунаде, нервно теребя в руках личное дело какого-то психа. Заявившись к себе в кабинет, женщина около часа копалась в бумагах, подыскивая подходящую папку с нужным ей диагнозом. А затем ещё два объясняла Наруто все тонкости и опасности предстоящего дела.

– Да, – устало отозвался Узумаки, проводя рукой по лбу и стирая неуверенность. Ему казалось, что Цунаде замечала его волнение, и от этого хотелось улыбаться больше, говорить громче, но Наруто сдерживался, понимая, что это всего лишь нервы.

– Я надеюсь, – выдохнула женщина. – Если нас поймают…

– У вас будут большие проблемы, – проворчал Орочимару, сидящий на заднем сиденье. Цунаде бросила на него раздражённый взгляд и покачала головой:

– Нас не поймают.

Желтоватые глаза иронично сощурились.

– Ты готова рискнуть своей карьерой ради парня, которому осталось…

– Да, готова, – резко перебила Орочимару Цунаде. – Тем более, если всё пойдёт так, как надо, моя карьера не пострадает.

Орочимару печально вздохнул, отворачиваясь. На его лице не было и тени волнения, а глаза были спокойными. Наруто очень завидовал этому человеку, желая впитать в себя хотя бы небольшую крупицу его выдержки, чтобы потушить уже разгорающийся в душе пожар.
Узумаки бросил взгляд в боковое зеркало, сжимая до побелевших костяшек дверную ручку машины. Цунаде не поторапливала его, позволяя свыкнуться с мыслью о предстоящем.
Наруто приподнял брови, будто бы подбадривая своё собственное слегка размытое отражение. Будь, что будет. Если

у них всё получится, то Саске будет рядом. Если не получится…
Узумаки резко выдохнул, открывая дверь и выходя из салона. Об этом можно подумать позже, сейчас же главное прекратить трястись внутренне лишь от одного взгляда на серую махину лечебницы.

– Наруто, – голос Итачи был тихим, и Узумаки мог бы сделать вид, что не услышал парня, но всё-таки повернулся.

За последние дни старший Учиха превратился в молчаливую серую тень, всегда находясь поодаль от всех и храня молчание. Он лишь изредка бросал на Наруто или Цунаде пустые взгляды, а потом вновь будто растворялся в пространстве.

– Что?

И Наруто был рад, что до сих пор Итачи не подавал признаков жизни, кажется, сознательно дожидаясь, пока буря стихнет.

– Прости…

Если бы Итачи сказал это день назад, то Наруто бы ему врезал. А сейчас, стоя в нескольких метрах от высокого кирпичного забора, Наруто хотел лишь поскорее оказаться по ту его сторону. Окунуться с головой в их безумный план.

– Пойдём.

Цунаде, подцепив парня под руку, медленно направилась в сторону ворот, прижимая к животу жёлтую тонкую папочку.

– Наруто, – тихо сказала она. – Запомни, как только мы переступим порог, только от тебя зависит, сможем ли мы вытащить Саске.

– Я понял.

– Вот и отлично. Вперёд.

Это место не нравилось Наруто, но сердце забилось чаще, как только их провели в просторную приёмную. Всё утопало в каком-то полумраке, хотя на время едва-едва перевалило за полдень, да и день не был таким уж хмурым.
Цунаде о чём-то беседовала с санитарами, а Наруто послушно смотрел перед собой, благо сделать это было легче, чем он думал.
Узумаки никогда не видел психов, никогда не общался с ними. А считать Саске одним из тех пугающих существ, он не хотел, несмотря на все слова Орочимару. Доктор мог говорить всё, что угодно, мог обещать самые страшные картины будущего, но Наруто знал – он должен. Пусть это будет ошибка, пусть ему за это потом влетит от Вселенной, но он увидит Саске.
Это было осознанным желанием, осознанной зависимостью, в которую Наруто сам себя ввёл. Он позволил серебряным нитям вновь оплести его тело. Сознательно впутался во всё это, хотя обещал себе не лезть. Забыть.
А забыть не получилось.
Блондин сильнее сжал зубы, понимая, что удары сердца становятся всё сильнее, а щёки практически горят.
«Успокойся, придурок. Просто успокойся».
Взгляд украдкой метнулся к высокому мужчине в белом халате. Если судить по огромным плечам и напряжённому взгляду, то это местный вышибала. Практически такие же грузили Саске в машину, пока Наруто пытался отойти от ударов массивных кулаков.

– Я к господину Канори, – ответила на какой-то вопрос, который Наруто, видимо, пропустил мимо ушей, Цунаде.

– Вам назначено?

– Я вчера договаривалась с его секретарем о приёме. Проверьте.

Голос женщины звучал уверенно, и Наруто незаметно для себя прекращал нервничать. Сердце успокаивалось. Ведь рано или поздно он всё равно добьётся своей цели.
Молодая медсестра за простым столом, раскрыв журнал, прошлась тонким наманикюренным пальчиком по строчкам и согласно кивнула:

– Да, госпожа Цунаде. Можете пройти.

Санитар, словно цепной пёс, дожидающийся приказа, указал своей крепкой рукой на чёрную лестницу, убегающую далеко вверх.

– Он у вас не буйный? – настороженно спросил мужчина, когда они уже шагали по железным ступеням.

Наруто хотел было ответить сам, но вовремя вспомнил предостережение Цунаде – молчать и делать вид, что ты не здесь.

– Иногда, – уклончиво ответила женщина. – Но сегодня он хорошо выспался и получил свои конфетки. Ведь так, Суно?

«Суно… смирись, Узумаки. Теперь тебя зовут так», – мысленно вздохнул Наруто и глуповато улыбнулся, цепляясь пальцами за железные витые перила.

– Ну ничего… у нас тут с буйными разговор короткий, – хохотнул санитар, останавливаясь у входа в коридор и взглядом показывая на первую же дубовую дверь с золотистой табличкой.

Цунаде сдержанно улыбнулась и тихо постучалась в дверь, затем потянула на себя и заглянула в узкую щелочку.

– Господин Канори? – пролепетала женщина, и Наруто подивился, как быстро её голос меняет тональности. – Можно?

– Да-да, заходите. Госпожа Цунаде, полагаю.

– Угадали, – совсем уж нелепо захихикала женщина, цепляя Наруто за плечо и буквально затягивая в кабинет, сильно сжав пальцы.

Этот тип сразу не понравился Узумаки. Он старался не смотреть на мужчину, но это было проблематично, казалось,

что его полное тело заполняет собой всё пространство небольшого кабинета и вскоре тут станет попросту нечем дышать. Странный бархатный костюм грязно-коричневого цвета, подтяжки и не первой свежести рубашка – всё это будто бы подбиралось в тон местной унылой гамме цветов. И этот… господин Канори сливался с местной атмосферой, становясь практически незаметным. С его-то габаритами…

– А это ваш мальчик, – проворковал мужчина, вглядываясь в отрешённое лицо Наруто. – Присаживайтесь.

– Суно, – пальцы на плече сжались ещё сильнее, и Наруто почувствовал давление. – Садись.

Зацепившись пальцами за подлокотник кресла, Наруто сел, сгорбился и уставился взглядом в ножки стола. Изображать из себя психа, когда в голове творится полная неразбериха, оказалось даже легко.

– Итак, что с ним?

Мужчина, пожав руку Цунаде, уселся обратно за стол и сложил перед собой пухлые руки. Он очень напоминал разжиревшего на мухах паука…
Если такие бывали.

– Шизоморфное расстройство. Бедняга потерял отца и на фоне резкого стресса случился сбой, сами понимаете, – с какой-то деловой горечью в голосе начала Цунаде. – Мальчик спокойный, но бывает… очень трудное время.

– Понимаю, – сочувственно кивнул Канори. – Но чем мы вам можем помочь?

– Его мать – очень занятая женщина, – веско заявила Цунаде, интонацией намекая, что у этой самой женщины в силу её занятости водятся крупные деньги.

Паук будто бы раздулся от предвкушения, но тут же взял себя в руки и поджал сальные губы:

– Простите, но даже если и так, мы не можем брать всех. Лечебница и так переполнена.

– О, я наслышана о вашей популярности. Ваши методы… это нечто. Я как психолог, ознакомилась с вашими работами, господин Канори.

От такой неприкрытой лести, вылитой на его лысеющую башку, директор важно нахохлился и откинулся на спинку стула, готовый поглотить новую порцию комплиментов.

– Я была поражена, – с придыханием проговорила Цунаде, убирая длинную прядь светлых волос за ухо. – И я считаю, что нет места лучше для Суно, чем ваша лечебница.

– С такими заболеваниями место можно найти и в городских…

– Но нам не подходят городские.

Да что ж это такое!
Наруто мысленно разразился ругательствами. Жирный ублюдок кривил нос и явно набивал себе цену. Неподдельная злость начала рывками пробиваться наружу, отражаясь в голубых глазах стальным блеском.
Цунаде успокаивающе погладила парня по руке, что, в принципе, было довольно нормально для психолога и её пациента, а поэтому подозрений не вызвало.

– Вы говорите, что он бывает буйным? – задумчиво потёр подбородок мужчина.

– Увы, – скорбно подтвердила Цунаде. – Моих методов не хватает. Мальчику нужна ваша лечебница, господин Канори. Иначе… иначе его бедная мать просто не справится.

– Она так занята?

– Бизнес – суровое бремя для хрупких женских плеч, – жеманно улыбнулась Цунаде, передёргивая этими самыми плечами и

привлекая тем самым взгляд директора отнюдь не к своим глазам.

– Ритм современной жизни сводит с ума, – рассмеялся Канори.

Его смех резанул по ушам и Наруто нахмурился, понимая, что ещё немного и ему даже прикидываться не придётся буйным – попросту бросится на этого хмыря и дело с концом.

– Вы – наша последняя надежда.

В кабинете повисла гнетущая тишина, в которой Наруто отчётливо мог представить шуршание воображаемых купюр в толстых пальцах-сосисках директора.
Будущая выгода могла закрыть его глаза даже на нехватку мест…

– Лечение будет дорогостоящим… боюсь, мест всё же нет.

Ему было плевать на состояние пациента. Главный критерий отбора больных в эту лечебницу – степень набитости кошелька родственников.
Интересно, за сколько Фугаку продал своего сына?
Рука сжала подлокотник, и Наруто шумно выдохнул, привлекая к себе ненужное внимание.
Жёлтый шуршащий конверт лёг поверх тонкой папки с личным делом некоего Суну, и во взгляде Канори явственно показались алчные искры.
Его расплывшаяся ладонь моментально сграбастала конверт и папку в ящик стола, и его толстое лицо расплылось в уродливой улыбке:

– Добро пожаловать, Суно.

– М-м, – глухо промычал Наруто, едва удерживаясь, чтобы не выругаться.

«Ну вот ты и в дурке, Узумаки. Гордись».

***

Саске сам не заметил, как задремал в этом побитом молью кресле.
Сначала он изучал топографию мелких трещинок на дешёвом дерматине, прочерчивал новые ногтём, а затем провалился в сон.
Очнулся лишь от грубого толчка в плечо и тут же заметил перед лицом зелёные глаза Сион. Девушка, присев рядом с креслом, тихонько скребла поломанными ногтями по его обивке, будто бы и не замечая Саске. Её спутанные чёрные волосы казались вороньим гнездом, да и сама девушка напоминала своей скрюченной тонкой фигурой хищную птицу.

– Мама всегда говорила, что я хорошая девочка, – проговорила она, поднимая на Саске свои большие блестящие глаза. – Я сама знаю, что я хорошая девочка.

С какого чёрта она сидит у его ног и несёт этот бред? Саске нахмурился, потирая подбородок, на котором наверняка остался след от обивки кресла.

– Я хорошая. Я никогда никого не обижала, я всегда всё делала правильно. Веришь?

Сион как-то доверчиво вскинулась, жадно ловя взгляд Саске, словно он мог стать спасительной ниточкой самооправдания. Но Учиха не спешил спасать утопающую, прекрасно понимая, что конкретно этой спасительного круга будет уже маловато.

– Я… я, – её взгляд потерянно забегал, ногти заскребли интенсивнее. – Хорошая. Я хотела только добра… и я не виновата, я не виновата, что ушла.

– Слушай, – нетерпеливо поморщился Саске, украдкой бросая взгляд на окно, за которым уже начинало потихоньку темнеть. – Мне… некогда…

«Угу, там в углу стоит мой воображаемый друг, и мне нужно помочь ему переловить овец-аллигаторов. Я очень занят», – фыркнул внутренний голос.

Но Сион словно бы не замечала. Она продолжала беззвучно шевелить губами, повторяя лишь одно:

– Я не считаю себя виноватой. Я не виновата, не виновата. Он сам… он не из-за меня… А та шланга на самом деле была змеёй. Я хорошая девочка.

Саске устало закатил глаза, поднимаясь. Слушать это всё больше не было никаких сил, тем более, местная гарпия начинала созывать психов.
Ужин. Очередная пытка.
Её придётся выдержать.

***

Это ощущение походило на то, если бы Наруто попал в открытый океан во время крупного шторма. Всюду зловещая серая вода, бурлящая высоченными волнами, а он один едва держится на поверхности посреди этого ужаса.
Когда Цунаде попрощалась с ним, тревожно заглядывая в голубые глаза парня, Наруто всей своей шкурой ощутил всё то дерьмо, в которое ввязался. Это были не шутки. Он стоит посреди коридора настоящей лечебницы для душевнобольных, из которой ещё предстоит выбраться вместе с одним не очень-то податливым бараном.
Это не игра. И чем больше времени он проводил здесь, тем острее чувствовал, как дорога назад зарастает колючим кустарником.
Узумаки медленно стягивал с себя одежду, показавшуюся до ужаса родной в этих холодных стенах. Хотелось закутаться в неё, вжаться всем телом и не отдавать, но руки санитара уже были требовательно протянуты, а футболка небрежно скомкана. Оставалось лишь повиноваться, не выдавая свои истинные мысли.
Нужно во всём искать положительные стороны. Во всяком случае, помыться ему, Наруто, не мешало. Возможно, это поможет вернуть телу ощущение реальности происходящего, а в голове перестанут сновать беспокойные мысли.
Ведь теперь он один.
Рука потянулась к ржавому вентилю, и холодная вода бешеным

напором ударила в грудь, заставляя отскочить на шаг назад под смех санитара. Узумаки затравленно оглянулся на мужчину, пытаясь справиться с отвращением к чужому пристальному взгляду.
Этот хмурый человек просто делает свою работу, а искорка интереса в его глазах всего лишь игра взволнованного воображения.
Решив, что нужно побыстрее разделаться с водными процедурами, Наруто шагнул под ледяные струи и закрыл глаза, сцепляя зубы до боли в челюсти.

***

Ужин здесь был не лучше обеда или завтрака: сероватая каша с мясным запахом, но без мяса, и компот, который Учиха почти сразу же выпил. В горле до того пересохло, что он ощущал привкус крови на корне языка, словно слизистая пошла трещинами и начала кровить. Или же это вновь игра воображения?
Каша отставала от ложки слипшимися комками. Даже на вид они производили удручающее впечатление, а ощутить на языке эту слипшуюся слизь вовсе не хотелось.

– Ты должен есть, – тихо прошептал голос напротив него, и Саске только сейчас заметил, что Сион сидела перед ним.

Девушка стала достойной заменой Белокожей, редко пропадая из его жизни дольше, чем на пару часов.
Перед ней стояла такая же тарелка, как и у Саске, только вот Сион не брезговала клевать потихоньку свой ужин.

– Не жуй. Просто глотай.

– Почему ты здесь? – спросил Саске.

Общаться с кем-то, кроме внутреннего голоса, было необходимо так же, как и двигаться. Без слов язык становился деревянным, а горло сжимало спазмом. А эта странная девушка куда как лучше, чем Хидан, сидящий за дальним столиком и прожигающий тяжёлым взглядом висок Саске.

Не от этого ли взгляда в голове начала пульсировать боль?

– Я же рассказывала, – потерянно улыбнулась девушка. – Ты забыл?

– Я и не запоминал, – жёстко отрезал Саске. – Почему?

– Все говорят, что я пыталась утопиться. Но я не пыталась. Я бы не смогла. Это же жизнь! Её нам дали…

– Прошу, – нахмурился Учиха. – Одного проповедника с меня уже хватило. Почему ты пыталась утопиться?

– Они говорят, что из-за него.

– Кого?

Сион тяжело вздохнула, набирая полную ложку каши и без особого энтузиазма запуская в рот. Брюнет проследил за её движением и все же попытался повторить манёвр, зачерпывая не так много, но достаточно, чтобы сероватая слизь на языке показалась самыми настоящими помоями. Но вкуса не было. И Саске запоздало порадовался за неработающие рецепторы, торопливо проглатывая тепловатый ком.

– Я не виновата. Он сам…

– Сам? Что он сделал? – прищурился Учиха, помешивая ложкой кашу. В месиве оставались широкие борозды, тут же затягивающиеся вновь.

– Умер, – очень просто ответила Сион. – Доверял, доверял и… умер.

– Почему умер?

Она мотнула головой, и её спутанные чёрные волосы разметались по плечам. Девушка прикрыла рот рукой, испуганно глядя на Саске и едва заметно трясясь.

– Я хорошая девочка. Это был его выбор. Он сам, я не причём!

– Что ты сделала? – с нажимом спросил Саске.

Не то, чтобы ему было очень интересно…
Пауза, а потом она вцепилась своими худенькими ручками в столешницу, дрожа теперь всем телом.

– Я ушла. Я бросила. Я предала.

Учиха, хмыкнув, вернулся к поеданию своей каши, пока следующие слова не пустили по телу нервный заряд холодных мурашек.

– Я обещала быть рядом до конца.

Он недоверчиво поднял на неё глаза, сжимая тонкую пластиковую ложку.

– Я хорошая, я не виновата! Я не могла… Он должен был быть рядом всегда, а если его не было – он… его не существовало! Он должен был быть рядом для меня!

Саске усмехнулся, откладывая ложку в сторону. Есть больше не хотелось, а желудок и без того сводило.
Сион смотрела на него цепко, не мигая. Чего эта девушка могла ждать от него? Неужели ей действительно хотелось услышать оправдание своего подлого поступка от незнакомого психа? Хотя, судя по её состоянию, она ищет оправдания своих действий у каждого встречного.

– Я хорошая девочка… хорошая…

***

Зачем здесь так много коек?
Наруто остановился у той, на которую указал санитар, жадно вглядываясь в лица людей. Ему стало на самом деле жутко от их пустых взглядов и лиц, лишённых всяческих эмоций. Хотя некоторые из них носили на себе вполне заметную печать

печали.
Решив не привлекать лишнего внимания, Наруто опустился на кровать, цепляясь пальцами за колючее покрывало.
Сколько он не оглядывался – в глаза бросались лишь покачивающиеся под высоким потолком лампы, другие пациенты и санитары. А знакомого лица не было.
Сердце отбивало совершенно сумасшедший ритм, больно ударяясь о рёбра. Наруто прижал руку к груди, пытаясь успокоиться, сделал глубокий вдох и медленно выдохнул горьковатый воздух.
Наверное, Саске уже перевели в палату, как и думала Цунаде. Если повезёт, то Учиху можно будет найти завтра днём. Наруто очень сомневался, что ночью ему позволят бродить по пустым коридорам, заглядывая в одиночные палаты.
А что, если он уже опоздал?
Парень бессильно повалился лицом в подушку, тяжело выдыхая в её перьевое нутро. Эта мысль про время стала практически маниакальной, и Узумаки уже начинал сомневаться, так ли ему не место в психушке?

***

Рутина. Даже в лечебнице она пропитала собой каждый шаг, каждый метр. Ужин, окошко, таблетки в небольших пластиковых стаканчиках и молчаливые санитары, неизменные, словно мраморные атланты, на которых держится спокойствие этого места.

– Не пей таблетки, – тихо шепнули на ухо знакомым голосом «кормильца» несуществующего Божества.

– И куда я их дену? – в ответ огрызнулся Учиха, делая шаг вперёд.

– Да куда хочешь. Но не пей. И вот ещё…

Чужая рука отвратительно крепко прижалась к плечу, прошлась с нажимом до ладони и там в пальцы ткнулось что-то холодное. Саске сжал кулак почти сразу, как только рука Хидана исчезла.

– Я бы и сам мог… если бы они это не знали. И не запирали меня на ночь в карцере.

Учиха молча сунул тонкую отмычку за резинку больничных штанов, надеясь, что та не вывалится и его махинации останутся незамеченными.

– Удачи. И не перепутай…

Скривив губы, Саске шагнул к окошку, встречая совершенно недобрый взгляд женщины. Очевидно, она ещё не забыла первую их встречу и ожидала очередного спектакля. Увы, к её удивлению Саске спокойно забрал стаканчик и, не отрывая взгляда от её глаз, высыпал три таблетки на язык. Было довольно трудно не проглотить их, но вот спрятать во рту ещё сложнее. Заложив кругляшки между щекой и десной дальних зубов, Саске послушно продемонстрировал пустой рот санитару и, получив кивок, направился по коридору в сторону своей палаты. Чёртовы таблетки во рту начинали таять, и пришлось ускорить заплетающийся шаг, чтобы, свернув за угол, выплюнуть их в руку. Остановившись рядом с кадкой какого-то пышного растения, Саске бросил лекарства в землю и слегка припорошил оной же. Отмычка из-за пояса штанов перекочевала в руку и Саске продолжил свой путь по тёмному коридору.

***

Божество ждало крови. Свежей, тёплой, пахнущей.
Оно было готово утолить свой вечный голод, испить из источника чужой жизни, почувствовать на своём языке металлический привкус, усладить слух криками и треском ломающихся костей.
Оно хотело, чтобы грудная клетка его жертвы проломилась, чтобы рёбра, треснув, торчали острым частоколом сквозь красную плоть, чтобы можно было разглядеть ещё бьющееся сердце. Заглянуть в наполненные липким страхом глаза, прежде чем вырвать бьющийся орган и впиться в него зубами.
Хидан проводил взглядом удаляющуюся фигуру темноволосого парня. На его губах плясала улыбка.

– Иди. Иди. Скоро мы сожрём тебя.

***

Ночь в психушке наступает поразительно быстро, если не считать тех мучительных часов, проведённых в её ожидании. Это как пытаться уснуть битые три часа, а потом, махнув рукой, просто смотреть в потолок. И вот, когда ты совсем отчаялся, сон всё-таки приходит. И ты вроде бы рад отправиться в это путешествие, но всё же не понимаешь – почему бы было не придти на три часа раньше?!
Наруто перевернулся на спину, закладывая руки под голову. Спать мешало абсолютно всё: храпы, тихое сопение, даже чьи-то стоны, похожие на скулёж брошенного всеми щенка. Узумаки мог поклясться, что расслышал даже тихое бормотание и ничего хорошего в нём не было.
Спать в таких условиях было просто невозможно. Наруто ожидал, что с минуты на минуту на него набросится кто-нибудь, решив прирезать или что-то в этом духе. Ведь это же лечебница для душевнобольных! Что ещё может ожидать совершенно нормальный человек.
Блондин усмехнулся. Да уж, нормальный. Сначала бросил учёбу, затем всех друзей. Если это и тянуло максимум на жёсткое порицание со стороны общества, то тот факт, что сейчас Наруто находится в самой настоящей психушке с целью каким-то неведомым образом вытащить отсюда друга, можно было смело считать диагнозом.
А приговором то, что от мысли об этом человеке сердце опять больно билось о рёбра.
Что бы сказали родители…
О, Небо.
Родители…

***

Ночью лечебница походила на морг: тишина, холод окутывает тело, где-то впереди мерцает слабая неоновая лампа, оставленная для охраны и ночной дежурной медсестры.
Хидан не обманул – замок палаты поддался, стоило Саске

прижать дверь и дёрнуть вверх. Свобода была так рядом, она просто плыла ему в руки – открой дверь и попытайся выбраться из лечебницы. Хотя бы попытайся, ведь почти ничего не стоит на пути, а перелезть через забор сил ещё хватит.
Пока хватает.
Просто попробуй.
Но Учиха упрямо следовал каким-то своим целям, спускаясь по лестнице на второй этаж, где была столовая и комнатка с лекарствами.
Гулкая пустота уже не настораживала, она стала привычной спустя пару минут, а шорохи, которыми она оказалась полна до краёв, были созданиями собственного разума.
Услышав лёгкий шепоток рядом, Саске было обернулся, но потом напомнил себе, что он вообще-то признан психом и имеет право на некоторые привилегии в виде незримых собеседников и их голосов. А, если бы это была медсестра или охрана, то их шаги были бы куда как более громкими, нежели это едва слышное шипение на ухо.
Пройдя мимо пустого обеденного зала, Учиха внезапно увидел впереди скользнувший по стене луч света и резко остановился, вжимаясь спиной в стену. Надеяться, что его не заметят, было глупо. Оставалось лишь уповать на то, чтобы охранники пройдут мимо по коридору.
Саске не испытывал волнения или страха. Он просто будто бы перестал существовать на пару минут, слившись с этой холодной стеной и став частью лечебницы.
Мог ли он волноваться или испытывать другие чувства? В этом Учиха уже начинал сомневаться – с каждым вздохом в этом месте внутри, будто что-то отмирало и лоскутами выходило наружу, окутывая кожу коконом безразличия ко всему.
Идеальное состояние для психа.
Охранники, позвякивая ключами и негромко переговариваясь вопреки надеждам Саске не пошли дальше по коридору, свернув как раз в его сторону. Луч небольшого фонарика скользнул в опасной близости от затаившегося парня, и Саске инстинктивно сильнее вжался в стену.

– Жрать охота, – внезапно довольно громко пожаловался один охранник, поглаживая своё явственно выпирающее в униформе пузо.

– Так ужинали же…

– Там ужина этого, – отмахнулся мужчина и посветил фонариком в сторону обеденного зала. – Пошли поищем чего.

– Ты хочешь жрать ту ерунду, что психам дают? – брезгливо возопил второй. – Совсем рехнулся?

– Да заткнись ты. Я тайник Мойра знаю. Он там жратву хорошую для себя откладывает, а дерьмо всякое этим.

И тут Саске порадовался, что не стал доедать ни кашу, ни рагу. Отсутствие аппетита показалось просто манной небесной.

– Ну пошли, – устало вздохнул напарник. – Смотри, если Мойр поймает…

– Скажем, крысы. Как будто в первый раз.

Охранники медленно двинулись в сторону столовой, расчищая себе путь от кое-как расставленных стульев. Коридор наполнился скрипами деревянных ножек по плиточному полу и тихими голосами мужчин. Щёлкнуло и хлопнуло, а затем пугающая тишина вновь опустилась на второй этаж.
Саске выдохнул, запоздало осознав, что забыл дышать.
Отлипнув от стены, парень побрёл в сторону уже виднеющейся коморки с лекарствами, как вдруг из-за угла показался ещё один человек, заставив Саске вновь юркнуть ближе к стене и затаиться.
Этот не был похож ни на охранника, ни на санитара.
Учиха непонимающе нахмурился.
Ещё один псих что ли? Лунатик или тоже пожрать припёрся?
Силуэт тем временем, мягко и неуверенно ступая, вышел на мерцающий свет неоновой лампы. Единственной в длинном коридоре, но и её бликов оказалось достаточно, чтобы выхватить из мрака светлые растрёпанные волосы, большие глаза и такое знакомое лицо.
Спина моментально вжалась в стену ещё сильнее, пальцы сжали отмычку до лёгкой боли, а дыхание остановилось само

собой.
Какого чёрта?
Это что? Опять галлюцинация?
Но ведь он не был под лекарствами, даже таблеток не пил. Неужели собственный мозг начал всё-таки сдавать, и его вымышленные картинки стали настолько реальными.
Тем временем фантом застыл посреди коридора, оглядываясь. Остановиться в пятне света посреди ночной лечебницы мог только Узумаки. Такая глупость для него была обычным делом…
Сильно зажмурившись, Саске прижал одну руку к виску, стараясь унять нарастающую в нём пульсацию. Мозг не желал принимать эту действительность за обман, проводить параллели, и все нити сходились в поразительно логичный узор.
Он бодрствовал.
Но видел Наруто там, где его быть просто не могло.

– Ты…

Галлюцинация резко вздрогнула, поворачиваясь на голос и замирая.

– Саске?

***

Наруто смотрел перед собой, и из темноты ему отвечали таким же долгим взглядом. Он не видел лица, но узнал Учиху по тихому голосу, по хрипотце в нём и по манере одним словом выражать все эмоции, всю злость.
Узумаки двинулся к парню, но тот внезапно вытянул руку вперёд, призывая остановиться.

– Тебя не существует, – проговорила тень, поблескивая глазами.

– О чём ты? – нервно выпалил Наруто. – Я здесь.

– Тебя здесь быть не может. Это всё… всё галлюцинации.

Голос стал ещё более надтреснутым, едва различимым.
Его наверняка чем-то накачали…
Наруто, протянув руку, коснулся белой ладони, и Саске одёрнул её, вновь полностью скрывшись в темноте.

– Давай… доставай нож.

– Ты о чём? – нахмурил лоб Наруто. – Слушай, Саске, я пришёл тебя отсюда вытащить. Давай поговорим… потом?

– Заткнись.

– Да ты…

– Просто заткнись и сделай то, что хочешь.

– Я вытащить тебя хочу, идиот!

Саске в очередной раз окинул озадаченное лицо блондина долгим взглядом, стараясь разглядеть подвох. Хотя в прошлый раз ничего необычного в Наруто не было. Самый обычный, без сумасшедшего света в глазах или ещё чего-то, что полагается иметь галлюцинациям.
Но этого просто не может быть…
Из столовой донёсся хлопок двери, и оцепенение горячей волной сошло с тела, вынуждая Учиху схватить свою галлюцинацию за руку и дёрнуть в сторону комнаты с лекарствами.
Наруто, послушно направившись за Саске, остановился рядом, вглядываясь в сосредоточенное лицо парня. Конечно, Узумаки тоже услышал подозрительные звуки из какого-то просторного зала, но придать им значения не успел.

– Что происходит?

Не отвечая, Саске вставил в замок тонкую полоску железа и, прикусив губу, принялся осторожно поворачивать её из стороны в сторону. Теперь уже и Наруто слышал шаги и тихие голоса, а по стене, где они только что стояли прыгали белые «зайчики» фонарей.

– Саске… – взволнованно прошипел Наруто, понимая, что вот-вот и…

«Вот-вот» так и не наступило. Щёлкнуло и Учиха, ухватив блондина за руку, буквально втолкал его в помещение, осторожно, но плотно закрывая за ними двери. Замер, прислушиваясь и вжимаясь лбом в шершавое дерево. Рука лежала на замке, но провернуть его сейчас, значило сдать себя слишком резким щелчком, который вполне реально услышать. Напряжённая тишина давила на плечи, липкой капелькой пота скользя меж лопатками. Шаги совсем рядом – удар сердца мимо. Голоса.
Охранники остановились, обсуждая прошедший футбольный матч, чем-то щёлкнули и, засмеявшись, пошли дальше.
Как только шаги стихли, Саске провернул замок. Тихий щелчок действительно сдал бы их.
Их?

– Учиха, блин!

Рука легла на плечо, и Саске резко развернулся, скидывая её и впиваясь немигающим взглядом в бледноватое в свете неоновой лампы лицо. Большие голубые глаза, смотрящие с прежней наивной верой в лучшее, но уже покрывшиеся пылью реальности и утратившие свой лучистый блеск, взъерошенные волосы, больничная, слегка великоватая ему в плечах, одежда грязно-серого цвета.

– Ты здесь? – нахмурился Саске.

– А где мне ещё быть?! – горячо выпалил Наруто. Неужели Учиха всё-таки лишился своей драгоценной крыши и путает реальность с вымыслом?

Блондин прошёлся взволнованным взглядом по лицу друга, ища те самые признаки безумия и пытаясь успокоиться. Он на самом деле нашёл его…

– Саске, я правда здесь, – выдохнул Наруто, отлипая от стены,

чтобы неуверенно коснуться пальцами плеча брюнета. – Не знаю, что тебе там мерещилось…

Договорить Узумаки не успел – удар в скулу оказался слабоватым, но очень обидным, а от этого ещё более болезненным. Его пошатнуло, и парень налетел рукой на какой-то стеллаж в попытке схватиться хоть за что-то, дабы не упасть.
Повалиться на пол ему не дали – Саске оказался рядом в считанные секунды, хватая парня за ворот и прикладывая спиной теперь уже к стене.

– Ты конченный придурок, Узумаки! – выпалил Саске достаточно громко, чтобы проходящие мимо охранники его услышали. Но на счастье парней в коридоре никого не было.

– Отпусти!

– Ты хоть представляешь где ты?! – рычал Учиха прямо в лицо блондина, сжимая руки на его рубашке всё крепче и крепче.

Хотелось тряхнуть его, приложить головой о стену, чтобы там, наконец, начали шевелиться мозги, чтобы Наруто начал думать.

– Представляю! – выпалил Наруто зло, цепляясь за руки Саске. – Я пришёл за тобой! Мне Цунаде помогла.

– Вы идиоты! – гаркнул Саске.

– Мы твои друзья, – в ответ как можно спокойнее прошипел Наруто. – По крайней мере, я – твой друг, Учиха.

– Да пошёл ты! Ты припёрся в дурку, Наруто. Это не дом моего отца, не общага. Это, чёрт тебя дери, дурдом! Где мне и место!

– Не ори. Нас услышат.

– Да плевать! – в запале выпалил Саске. – Ты же смелый! Ты решил идти против всего, против моего отца. И почему? Ради

чего?!

– Ради тебя, придурок, – закипая, шикнул Наруто. – Я пришёл сюда за тобой. И мне плевать на последствия.

Повисла тишина, в которой диалог продолжался разве что взглядами. Нет, за эти дни в этом месте Саске не изменился. Наруто с облегчением ловил его цепкий взгляд, ставшие ещё холоднее чёрные глаза смотрели привычно прямо, губы кривились в такой знакомой злой улыбке.
Но что было внутри него?

– Нас обоих нужно было закрыть здесь, – скривился Саске, разжимая руки и отпуская Наруто.

– Вот мы и здесь. И если ты не прекратишь вести себя как истерик, то мы здесь и зазимуем. Понимаешь? Выбираться надо.

– У тебя есть шапка-невидимка?

Саске раздражённо растёр лицо. Он был готов придушить Узумаки собственными руками. Наруто переплюнул самого себя в безрассудности своего поступка.

– Ковёр-самолёт, – фыркнул Наруто. – Нет у меня ничего. Будем своим ходом. И желательно сегодня…

Учиха, покачав головой, прошёлся вдоль комнаты, взглядом цепляясь за незнакомые названия лекарств на ящичках. Искать колёса для Хидана уже было ненужно, если только этот Наруто не очередная галлюцинация.
За ровным рядом стеллажей показалась покрашенная в коричневый дверь. Кивнув Наруто на оную, Саске направился к ней.

– Может, это чёрный ход? – с надеждой выдохнул Узумаки, следя, как Саске безрезультатно дёргает за ручку.

– Закрыто.

Отойдя от двери, Саске запустил руки в волосы и сжал голову, разрывающуюся от противоречивых мыслей. Он был рад… рад, чёрт дери, видеть этого белобрысого придурка здесь. Но знал, что все надежды выбраться – не более чем иллюзии.
Из таких мест не уходят по своей воле.

– Надо попробовать другой путь… Я по пути видел ещё одну дверь и, кажется, там было что-то про выход написано. Пойдём.

Тёплая рука осторожно коснулась его пальцев и тут же пропала, когда Наруто двинулся к выходу.
Реален?

– Не так быстро, мальчики.

Учиха моментально вскинул взгляд на затаившегося в дальнем углу Хидана. Неудивительно, что они его не заметили: парень сидел в темноте, а в первые минуты голова была забита совершенно другим и было не до оглядывания комнаты.

– Это ещё что за хмырь? – бросил Наруто, останавливаясь.

«Хмырь», поднявшись, вальяжно приблизился и посмотрел на блондина сверху вниз.

– Вы знакомы?

– Пошёл нахер, Хидан. Ищи свои таблетки сам.

– Прости, Саске, но я тебя обманул, – совершенно безумно улыбнулся беловолосый, продолжая скользить взглядом по лицу Узумаки. – Никакие таблетки мне не нужны.

– Вот и прекрасно. А теперь мы уйдём.

– Подожди. Я не закончил.

– Я закончил.

Саске, потянув Наруто за руку, направился к выходу, но Узумаки внезапно странно дёрнулся, вынуждая брюнета обернулся и похолодеть от увиденного.
Тонкий скальпель был приставлен к горлу блондина, а Хидан улыбался так довольно, что было понятно – его Божество сегодня не уснёт с пустым желудком.

***

Он был близко к своей цели. Очень близко.
И эти двое… у них была ароматная кровь.

– Испугался? – прошелестел его собственный голос, исходящий отнюдь не изо рта, а словно льющийся со всех сторон. Божество вновь было с ним – пока в его пальцах зажат серебристый скальпель, а в грудь упиралась чужая тёплая спина, оно не покинет его.

– Брось отмычку на пол, – твёрдо приказал Хидан.

– Отпусти его, – прорычал темноволосый.

И Хидан мог поклясться, что в чёрных глазах видел знакомый с детства огонь.

– Зачем? Зачем отпускать то, что само пришло к тебе в руки? – пожал плечами парень и, хохотнув, добавил: – Признаться, я рассчитывал только на тебя. Но… вас двое. И Он простит меня быстрее! Ваши жизни полностью искупят моё непослушание…

– Ты псих, – шикнул его пленник, вытягивая подбородок так, чтобы избежать прикосновения острия к коже.

– Что ты ожидал от психушки? – рассмеялся Хидан.

– Отпусти его, – вновь повторил тот, чьё имя беловолосый расслышал далеко не с первого раза. Трудно вычленить из хора потусторонних голосов один реальный, но, кажется, этого брюнета звали Саске.

– Я тебе уже объяснил, что твои приказы здесь не играют роли.

Резкое движение. Привычное и довольно-таки машинальное, если так можно назвать удар кулаком в висок.
Хидан с довольным видом проследил, как к его ногам медленно опал светловолосый и перевёл взгляд на метнувшийся в его сторону силуэт. Увы, сегодня всё играло против этого паренька, потому что Божество вновь было с Хиданом, вновь направляло его руки, вновь помогало победить. Увернуться, перехватить за волосы и одним слитным движением вынуть из кармана заранее заготовленный шприц. Конечно, на двоих бы не хватило, но кто же знал, что Судьба будет так щедра, и придётся использовать грубую силу?

– Ну же, Саске, не дёргайся.

Игла воткнулась в шею парня, и Хидан сжал шприц.

– Тебе придётся немного поспать. Но не переживай… я позабочусь, чтобы ты не проспал начало нашего спектакля.

***

– Глупо, – выдохнул Орочимару небольшое облачко пара.

С наступлением ночи стало довольно прохладно, а в этой рощице, откуда открывался прекрасный вид на лечебницу, можно сказать, вовсе кожу щипал морозец.

– Нужно делать глупые вещи. Хотя бы раз в жизни, – улыбнулась Цунаде.

Женщина, не отрываясь, смотрела на тёмную махину старинного особняка, в темноте напоминающего древний готический замок. Постепенно окна оного гасли, и теперь здание, укутавшись одеялом тьмы, полностью уснуло.

– Эта твоя глупость может стоить тебе всего.

– А я не боюсь потерять всё, – безразлично пожала плечами

женщина. – И тебе не советую беспокоиться за мои потери.

Орочимару, повернувшись к ней, смерил улыбающееся лицо зимним взглядом и хмыкнул:

– За тебя не беспокоюсь.

Почувствовав внимание, Цунаде поймала взгляд доктора.

– А за кого? За себя?

– Я тоже в деле.

– Скажешь, что мы взяли тебя в заложники, – отмахнулась Цунаде, отходя от мужчины и направляясь в машину, где их ждал Итачи.

Предстояла долгая ночь…

***

Наруто открыл глаза, ожидая увидеть перед собой знакомую комнату лесного дома или же общую палату, но никак не лицо незнакомого психа. Почему психа? Да потому что здоровый человек не может смотреть ТАК. С таким плотоядным желанием в глазах, с такой кровожадной усмешкой.
Все маньяки и убийцы, которых Наруто посчастливилось увидеть в дешёвых триллерах, меркли по сравнению с этим человеком очень болезненного вида.
Узкое лицо с ярко выделенными скулами словно бы засветилось особым сиянием, полным тёмного огня, глаза сверкнули красноватым отблеском и псих убрал со лба грязновато-серые лохмы.

– Доброе утро, – пролепетал он, упираясь руками в колени Наруто. – Надеюсь, тебе удобно.

Словно по команде Наруто только сейчас заметил, что его руки связаны за спиной, а лодыжки примотаны чем-то к ножкам стула. Стало жутко. Нет, не просто жутко, а страшно.

– Ты что собрался делать? Где Саске?! – выпалил парень чужим хрипловатым от волнения голосом. Он дёрнул руками, но в запястья больно въелась грубая верёвка, а узел так и не поддался.

Хидан, с выражением крайнего восторга на лице, отпрянул от парня, открывая ему вид на сидящего на стуле напротив Учиху. Руки его были также связаны за спиной, но на ноги, очевидно, психу не хватило верёвки. Саске прибывал в бессознательном состоянии, и Хидан решил поскорее исправить эту оплошность, медленно подойдя и ухватив парня за подбородок.

– Проснись, душа моя.

– Отойди от него, ублюдок! – прорычал Наруто, вновь пытаясь вырваться из пут. Ничего не вышло и это разозлило лишь сильнее.

– Саске, просыпайся. Твоё место в первом ряду.

– Ты больной урод! Какого чёрта ты…

Наруто осёкся, ловя себя на мысли, что по коридору ходит охрана, что в любой момент можно закричать, и его услышат.

– Тише, мой маленький друг, – пролепетал Хидан, увидев проблеск осмысления в глазах Наруто. Потрепав начавшего тихо приходить в себя Учиху по волосам, псих отошёл к письменному столу и выдвинул ящик.

– Криками ты не поможешь, – задумчиво пробормотал парень, разгребая одной рукой что-то в ящике. – Охране требуется ровно час, чтобы обойти соседнее крыло и вернуться в это. Так что…

Хидан извлёк из ящика тонкое кольцо скотча и довольно улыбнулся, разматывая оный и отрывая небольшой кусок. Его взгляд метнулся с Наруто на поднявшего голову и открывшего глаза Учиху. Хидан словно выбирал, стоя меж двух

огней. Он даже нервно облизнул губы, продолжая оглядывать то одного, то другого.
Наруто явственно почувствовал себя куском мяса на прилавке, который придирчиво оглядывают, прежде чем купить.

– Ты…

Саске, кажется, тоже уже успел оценить обстановку, хотя глаза парня были до ужаса мутными. Брюнет поморщился, переводя дыхание и вновь раскрыл рот в попытке сказать хоть что-то.

– Тебе не жить.

– Не зли меня, Саске, – усмехнулся Хидан. – Твоя шкура в моих руках.

– Мне плевать на мою шкуру, – отрезал Учиха.

– Хм. А как насчёт его шкуры?

Кивок в сторону Наруто ужасно не понравился Саске. Парень было рванулся вперёд и запоздало понял, почему запястья так саднят, а пальцы немеют. Этот ублюдок связал их…

– Прекрати это, – предостерегающе выпалил Саске, наблюдая, как скотч легко закрывает губы белобрысого. Внутри всё неприятно сжалось и похолодело. С каких пор он из своей дрянной жизни переместился в убогий фильм ужасов? Нереальность происходящего просто-таки давила на сознание всей своей чугунной дланью.

– Моё Божество будет довольно.

– Твоё божество – это болезнь, придурок.

– Ты не веришь в него, – как-то спокойно проговорил Хидан, проводя большим пальцем по скотчу на губах Узумаки, и Наруто брезгливо отклонил голову. – Я уже смирился. Вы слишком ограничены… хотя…

Он повернулся к Саске, шаря по карманам.

– Мы похожи с тобой, Саске. Я вижу тебя.

– Заткни свою пасть и развяжи меня!

– Глупый мальчик, привыкший командовать, – ощерился беловолосый, наконец, находя то, что искал. В тусклом свете неоновой лампы блеснуло острие скальпеля. – Каково это знать, что ситуация выходит из-под твоего контроля?

Наруто нервно сглотнул, втягивая носом воздух, показавшийся до омерзения вязким. Он моргнул, сгоняя с глаз какую-то застывшую пелену, и перевёл взгляд на скальпель. В руках психа этот предмет, часто спасающий жизни, казался хорошо наточенной секирой. Такой же опасный и смертоносный. Хидан отошёл к столу, осторожно опуская на него оставшийся скотч.

– Да, пожалуй, начну с него.

Острие скальпеля указало на Наруто, и Саске рванул вперёд, едва не падая со стула.

– Отвали от него…

– Предложишь мне себя? – вздёрнул брови псих.

Наруто замычал, яростно впериваясь взглядом в лицо Саске. Если бы не заклеенный скотчем рот, то Узумаки наверняка бы попытался выкрикнуть, что-то глупое, геройское, чтобы переубедить Учиху.

– Предложу, – ледяным голосом подтвердил брюнет.

– Мммм, – задумчиво протянул псих. – Прости, но ты и так у меня в руках, а ночь длинная…

Неконтролируемая злость пополам с отчаянием накрыла с головой. Саске сдавленно выдохнул, смотря на человека,

стоящего перед собой. Человека, который сделал то, что никому не удавалось раньше – он связал не только его руки этой грубой верёвкой, но и опоясал волю липким страхом. Страхом за другого.
Поигрывая скальпелем, Хидан медленно направился к Наруто, тихо напевая:

Пять, шесть, восемь, семь –
Гуще стала рядом темь.

– Хидан! – выпалил Саске. – Прекрати!

Наруто глубоко вздохнул. Теперь было по-настоящему страшно, а реальности происходящего он до сих пор не мог ощутить. Конечно, заявиться в лечебницу за другом уже попахивало дурным сном, но попасть в руки к самому настоящему маньяку…

– Хидан! – зло прорычал Саске, но Наруто видел лишь улыбающееся лицо беловолосого, которого любые обещания и ругательства Учихи совершенно не трогали. Багровые, почти чёрные в полумраке, глаза парня залила жажда убийства, крови. И Узумаки понимал – крови не чей-то, а его.

Беловолосый остановился за его спиной. Можно было ощутить его запах, наверное, так пахнет смерть…
Но ведь откуда Наруто знать, как пахнет смерть?! Он же никогда не был на грани…
Это не может быть правдой, только не с ними…
Рука Хидана почти ласково прошлась по скуле парня, вынуждая Узумаки вновь брезгливо одёрнуть голову. Жёсткие пальцы тут же сменили милость на гнев, сжав волосы на затылке и фиксируя голову ровно.
Тихий голос почти на ухо:

Семь, восемь, шесть, пять –
Хочет тьма тебя обнять.

Саске сжал зубы до скрежета, цепляясь пальцами за едва торчащие концы верёвки. Если постараться, то можно будет расплести узел, но на это потребуется время, а так и не зажившие запястья пронизывает болью, заставляющей пальцы неметь.
Время. Ему нужно только время, чтобы высвободить хотя бы одну руку.
И Учиха понял, что времени ужасно мало, когда Хидан приложил острие скальпеля к щеке блондина. Голубые глаза расширились, но дёргаться Наруто не решился – слишком близко была бритвенная опасность.

– Наруто, – твёрдо выпалил Саске, буквально вцепляясь взглядом в глаза парня. – Смотри на меня.

Брови Узумаки дрогнули, словно бы он соглашался, а сам никак не мог отстраниться от удушающего трепета в груди и ощущения полной бредовости происходящего.
Это могло случиться с кем угодно, но только не с ним.
Саске успел заметить лишь тень, мелькнувшую на лице психа, прежде чем рука последнего пришла в движение.
Наруто показалось, что в лицо плеснули кипятка. Он думал, что боль будет в одном месте, но она разлилась по телу покалывающими осколками, почему-то острее чувствуясь в кончиках пальцев.
Смотреть. Нужно было смотреть на Саске и перестать закрывать глаза, ведь в этой темноте за веками не спрячешься.

– Наруто, – хрипло позвал Учиха.

Хидан тихо захихикал, поднося окровавленный скальпель к своим губам. Багровые всполохи в его глазах будто бы стали явственнее, реальнее, когда он довольно провёл пальцами по лезвию, собирая капельки крови.

– Мой Бог доволен твоей кровью.

– Я засуну твоего Бога тебе в глотку, – зло пообещал Саске, цепляясь пальцами за кончики верёвки, но те соскальзывали. Никак не согнуть руку так, чтобы зацепиться сильнее и

потянуть…

– Мммммм, – улыбнулся псих, растирая кровь между пальцами. – А у тебя злое сердце, Саске. Мне интересно попробовать его на вкус.

Наруто вздрогнул. Боль постепенно отступала, и к коже возвращалась чувствительность. Что-то тёплое скатывалось вниз от пульсирующей полоски на щеке.
Голову вновь зафиксировали, и Наруто нашёл взглядом глаза Саске. Холод, плескавшийся на дне чёрных провалов, будто бы успокаивал…
До того момента, пока очередная вспышка боли не резанула по лицу.
Кричать бы и не получилось, но радовать этого ублюдка даже мычанием, от которого, безусловно, стало бы легче, Наруто не собирался. Он упрямо сжал зубы, шумно выдыхая через нос обжигающий воздух.
Пальцы всё-таки зацепили кончик верёвки, и Саске потянул его, чувствуя, как лишь сильнее затягивает путы.
Это неправильно. Почему достаётся этому наивному идиоту вместо него? Почему все шишки вечно сыплются на Узумаки, словно Судьба насильно пытается убедить парня в неправильности его пути.
Заблудился – очередной тумак от капризной Фортуны направит на нужную, правильную дорожку. Но как же нужно было отклониться от курса, чтобы встретить это?
Пальцы второй руки нащупали конец верёвки как раз в тот момент, когда Хидан начал делать третий надрез.
Наруто сжал руки в кулаки, пытаясь сосредоточиться на дыхании. Воздух проталкивать в лёгкие было трудно: то ли от вони, исходящей от стоящего рядом психа, то ли от сковавшего всё тело подергивающего спазма.
Всё не должно закончиться здесь…

– Никто никогда не верил мне, – проговорил Хидан, проводя по разрезу ещё раз и углубляя его, чтобы по меловой коже побежала тёмная струйка крови. – Никогда. Все те, кто был рядом, считали меня психом.

Саске хотел было сказать, что на самом деле все ошибались, и Хидан куда как хуже банального сумасшедшего, но слова застряли в горле, стоило встретиться взглядом с затуманенными глазами Узумаки.
Будет только хуже…

– А потом я доказал им, что мой Бог существует. И он гораздо реальнее вашего…

Хидан встал напротив Наруто, заслоняя собой Саске. Потеряв чёрные глаза, Узумаки будто бы ощутил всю ту боль, от которой раньше получалось как-то заслоняться. Он поднял глаза на психа, впервые желая живому существу смерти.

– Ты видишь Его? Видишь моего Бога?

Хидан улыбался, поигрывая скальпелем. Он ждал ответа, но как его мог дать Наруто, чей рот был всё ещё закрыт скотчем?

– Молчишь, – страшно прошипел парень.– Они тоже молчали… но не бойся… ты сможешь заговорить, когда я закончу. Мой Бог готов принять тебя. Ты увидишь его, поверишь мне…

Скальпель прижался к горлу, и Наруто прекратил дышать на секунду, понимая, что последнее, что он увидит в своей жизни, будет перекошенное лицо этого маньяка…
А затем беловолосый странно дёрнулся, отпрянув назад.
Точнее, его оттащили, опоясав горло верёвкой.
Он наугад ткнул скальпелем себе за спину, но тут же его тело мотнуло в сторону, и железка выпала из пальцев, печально зазвенев по полу.
Саске едва мог удерживать концы верёвки, но злость придавала ему сил, наполняя тело расплавленным огнём.
Лоб Хидана врезался в стену, и парень будто бы обмяк, а в следующий момент залился противным смехом, цепляясь пальцами за верёвку.
Саске натянул её сильнее, и смех перешёл в хриплое бульканье.
Ещё чуть-чуть и…
Нет.
Пальцы разжались, перехватывая психа за волосы, и Учиха

ударил его головой о стену достаточно сильно, чтобы, наконец, выбить гнилое сознание из разжиженных мозгов.
Позволив телу съехать на пол, брюнет крепко связал запястья беловолосого и резко повернулся к Узумаки, смотрящего на всё это бездумным взглядом.

– Тварь, – сплюнул Учиха, подходя ближе и с ужасом смотря на покрасневшее с одной стороны от крови лицо блондина. – Тварь…

Неужели всё закончилось?
Наруто попытался выдохнуть, и у него это даже получилось, а вместе с воздухом пришла свинцовая усталость, разорвавшая натянутые нервы. Узумаки почувствовал, как разум начинает накрывать дымком близкого обморока, и изо всех сил сжал пальцы. Нет, терять сознание сейчас было просто нельзя.
Они ещё не в безопасности.
Руки тряслись, но Саске упрямо цеплялся ими за путы, сковывающие запястья Узумаки. А потом осознал, что для начала неплохо бы убрать скотч с его рта и дёрнул тонкую плёнку.

– Сейчас, – выпалил брюнет, непослушными пальцами распутывая узел, отбрасывая верёвку в сторону и переходя к привязанным к стулу щиколоткам.

Собственный голос дрожал так же, как и Наруто, но Учиха пытался совладать с накатившей нервозностью и всё-таки развязать треклятые верёвки.
Дышать стало легче, и Наруто глубоко вдохнул, облизнул пересохшие губы, на которых остался противный привкус клея.

– Ты… ты его убил? – смотря на чёрную макушку, спросил парень.

– Нет, – глухо отозвался Саске, заканчивая с последней верёвкой и поднимаясь.

– Это хорошо, наверное, – потерянно согласился Наруто, поднося руку к щеке, но Саске перехватил её резко.

– Не трогай.

Узумаки послушно кивнул, замерев и вглядываясь в лицо Учихи. Он был похож на призрака с этой своей почти прозрачной кожей, хотя блондин сам подозревал, что смотрится трупом.
Хорошо, что только смотрится, а были все шансы им сегодня стать.
Он осторожно поднялся, не отводя взгляда от лежащего в углу Хидана. Даже сейчас от его фигуры исходила опасность.
Тихий нервный смешок сорвался с губ Наруто, как бы сильно он не сжимал их. Он вздрогнул, когда холодная рука схватила его затылок, притягивая и заставляя уткнуться лбом в тяжело вздымающуюся грудь.
Саске позволил себе дышать, сжимая пальцами светлые волосы, поглаживая их и пытаясь впитать ладонью исходившее от Наруто оцепенение. Сейчас не было времени даже на это, но если Узумаки не вывести из этого состояния, то выбраться из лечебницы им точно не удастся.
Наруто рвано выдохнул в рубашку Учихи, закрывая глаза и пытаясь свыкнуться с мыслью, что самые страшные несколько минут его жизни миновали. Они казались долгими часами, когда острие скальпеля вспарывало кожу.

– Нам нужно идти, – тихо сказал Саске, и его голос вибрацией отозвался в груди. Наруто молча кивнул, виновато отстраняясь. Теперь он чувствовал себя самой последней размазнёй, расквасившейся после каких-то там порезов.
Пустяки. Просто не думай.

Саске кивнул на дверь, первым отходя и проворачивая замок. По крайней мере, они теперь знали, что пока охранников в этом крыле не будет, и не воспользоваться этой информацией было бы глупо.

Ублюдок. Хоть что-то полезное…
Саске первым вышел в коридор, оглядываясь по сторонам. Мнимая безопасность раздражала и настораживала даже больше висящей над головой реальной опасностью быть

пойманными.

– Идёшь? – бросил он Наруто, оборачиваясь. В свете мерцающей лампы лицо Узумаки показалось страшной окровавленной с одной стороны маской.

Наруто неуверенно кивнул, сам не понимая, как ещё держится на ногах. Адреналина в крови слегка поубавилось, и парень будто бы вспомнил, что его приложили по затылку. Отзываясь на это воспоминание, голова загудела, и к горлу подкатил ком.

– Ты знаешь куда нам? – спросил блондин, чтобы хоть как-то отвлечься от подкатывающей тошноты.

– Вниз.

Саске шёл быстро, и Наруто пришлось подстраиваться под его стремительный темп. Тормозить здесь было нельзя. Каждая минута была на счету, и из-за любого угла могли появиться охранники.
Они остановились у двери со светящейся зелёной табличкой «Выход», но Саске, вопреки ожиданиям, двинулся к той, что была рядом.

– Сюда.

Это оказался пожарный выход, хорошо освещаемый бледным неоновым светом.
Выбраться из лечебницы казалось почти возможным, если бы не тот факт, что впереди их ждал забор и охраняемые ворота. А ещё камеры, из-за которых их уже наверняка заметили. Это Саске отчётливо понимал, поэтому ускорил шаг, переходя на бег. Шумно, но таиться было уже бесполезно – краем глаза брюнет заметил чёрные точки камер.
Бежать оттуда, откуда бежать было невозможно.
Наруто, зацепившись за перила, свернул в очередной раз и едва не натолкнулся на спину остановившегося Учихи.

– Что?

– Вниз нельзя, – проговорил парень. – Они знают, что мы будем там. Камеры.

– А если свернём куда-то, то тоже заметят, – понятливо кивнул Наруто.

– Нас уже заметили, – кивнул он уходящую вниз лестницу. Оттуда доносились голоса и звуки быстрых шагов, которых Наруто сначала не услышал из-за грохочущего в висках пульса.

– Пошли.

Наруто дёрнул Саске за рукав, увлекая за собой в дверь, табличка над которой гласила о третьем этаже.
Всюду за ними следили безмолвные чёрные пластиковые коробочки, мигая своим мелким красным глазком. И скрыться от этого наблюдателя было практически невозможно. Оставалось рассчитывать только на скорость и на удачу, подводившую в последнее время слишком часто, чтобы подставить подножку и сегодня.
Безликий длинный коридор, шаги, утопающие в ковровой дорожке, и бег, от которого болит в черепе. Саске с трудом заставлял тело бежать вперёд, когда хотелось упасть прямо здесь.
Выбраться.
Или помочь выбраться Узумаки.

– Стоять!

Крик за спиной заставил наоборот поднажать, и парни влетели в просторную комнату, закрывая за собой двери и, не сговариваясь, приваливаясь к небольшому креслу, чтобы пододвинуть его к створкам.

– Задержит ненадолго, – выдохнул Наруто, отходя и оглядываясь. Столы, стулья, телевизор… кажется, это комната отдыха.

Увы, других дверей здесь не было.

– Нам не сбежать, – мотнул головой Саске, прислоняясь бедром к креслу и прикладывая руку ко лбу.

– Заткнись, – шикнул Наруто, подходя к окнам и открывая одно из них. Не так уж высоко, а внизу ещё никого не было.

– Наруто, это дохлая затея. С самого начала…

Узумаки резко развернулся к брюнету, подлетая к нему и хватая за грудки.

– Ты вздумал сдаться?!

– Я и не боролся. Это ты пришёл за мной!

– И уйду вместе с тобой, – выпалил в это бледное лицо блондин и разжал руки. – Или останусь тут.

Саске тяжело выдохнул. С Узумаки станется сдержать обещание…
И от понимания этого становилось только хуже.

– Придурок.

– Идиот, – расплылся в нервной улыбке Наруто и кивнул на окна. – Можно попробовать спуститься.

– Решётки, – отринул эту идею Саске. – Не заметил?

Наруто на самом деле только сейчас осознал, что протиснуться через эти прутья не сможет даже худощавый до невозможности Саске…

– Мы загнали себя в ловушку, – улыбнулся Саске. – Всё очень просто.

Наруто вцепился в треклятые решётки, дергая их и ругаясь. Нельзя было просто так сдаваться. Взгляд судорожно метнулся по комнате, замечая пропущенную дверь в стене.

– Смотри.

Саске первым подошёл к оной и дёрнул за ручку. На удивление та поддалась, и тут же послышался глухой удар.

– Быстро!

Они залетели в эту комнату, даже не разобравшись, куда собственно попали. Оглядеться Саске не успел – пошатнуло и лопатки ударились о стену.

– Не смей, – зло шикнул Наруто, цепляя друга за руку и утягивая за собой.

Учиха попытался разглядеть, куда его тащат, но перед глазами всё начало плыть, и дело было даже не в слетевших очках. Тело уже не могло выдержать столько всего.
Это был коридор или же просто цепь смежных комнат… Учиха не мог разобрать. Зато он отчётливо видел тени, скачущие по стенам, видел их красные и зелёные глаза, слышал тихий смех, засевший назойливым звоном в левом ухе.

– Саске, не отключайся, – выпалил Наруто, крепче переплетая свои пальцы с холодными чужими.

Наверное, это был переход между двумя крыльями лечебницы…
Узумаки резко замер – впереди показались чёрные тени охраны.

– Чёрт, – ругнулся он, судорожно оглядываясь.

Решать нужно было быстро. Или лестница или очередной коридор.
И Наруто выбрал первое, понимая, что, так или иначе, придётся спускаться по лестнице, потому что все окна были забраны решётками.
Холод лестничной площадки встретил их нелюбезно, резанув по глазам неоновым светом. Ноги несли быстро, грохоча по железным ступенькам, свободная рука цеплялась за перила и

кое-как удерживала тело, которое на поворотах начинало заносить.
Наруто даже не думал отпускать руки Учихи, понимая, что тот, скорее всего, остановится или отстанет посреди пути.
Наконец лестница закончилась, и Саске заметил, как Узумаки юркнул в одну из трёх дверей. Темнота здесь пахла жаренным луком, палёным мясом и почему-то сыростью, а под потолком можно было разглядеть чёрные силуэты многочисленных сковородок.

– Мы на кухне, – выпалил Наруто, отпуская руку Саске и поворачиваясь к нему, чтобы удостовериться, что Учиха до сих пор соображает.

Но, судя по мечущимся глазам того, брюнет видел что-то сокрытое от глаз Наруто.

– Саске? – позвал он.

«Ты покидаешь меня?» – прозвучал в голове Учихи отчётливый голос Белокожей. Потянуло привычным запахом тины.

– Я должен уйти, – выдохнул он.

– Да, чёрт тебя дери. Ты должен уйти!

Наруто непонимающе смотрел на застывшего Саске, но разум подсказывал – нужно рвать когти, некогда отдыхать.

– Здесь должен быть ход на склад или что ещё есть на кухнях?!

Нервозность заставляла Наруто нервно болтать всякую чушь, в надежде, что хоть так ему удастся справиться с внутренней дрожью.
Оглядевшись, он дёрнул Саске в сторону чёрного провала в стене. Натыкаясь на столы и роняя с них забытую посуду, парни кое-как добрались до очередной двери.

– Неужели, – выдохнул Наруто с трудом.

Ноги вывели их на склад. Действительно: коробки, деревянные ящики, запах гнилых фруктов…
Узумаки ещё никогда не был рад этому всему так сильно. Блондин ринулся к воротам и замер, уставившись на закрывающий их небольшой навесной замок.
«Только без паники», – мысленно выпалил Наруто, судорожно обшаривая склад взглядом. Темнота разбавлялась здесь лишь тусклым голубоватым светом, льющимся из зарешёченного окна под самым потолком, и разглядеть что-либо было весьма проблематично. Но Наруто упрямо вглядывался во мрак, и вскоре его старания были вознаграждены – красноватый бок огнетушителя слегка бликовал, привлекая к себе внимание.
Саске, почувствовав, что его руку отпустили, накрыл ею лоб, закрывая глаза и мерно покачиваясь из стороны в сторону. Ему казалось, что тело вот-вот завалится куда-нибудь, но оно будто зависло на вибрирующих нитях, врезавшихся глубоко в мозг.
«Не оставляй меня», – жалобно простонал голос рядом. – «Нам было так хорошо рядом. Здесь».

– Пошла прочь… свали…

– Саске, что?

Этот голос не принадлежал ей, и Учиха удивлённо открыл глаза, замечая перед собой Наруто. Сознание колыхнулось недоверчиво, но блондин не растаял дымкой лекарственного бреда, а довольно-таки резво замахнулся огнетушителем и опустил его вниз. Звон, ещё удар. Звон.
Удар и скрип.

– Есть, – выпалил радостно блондин, улыбаясь так широко, словно выиграл в лотерею.

Он вновь схватил Учиху за руку, и бег продолжился.
Ноги ударились об асфальт, когда они спрыгнули с эстакады. Со стороны к ним уже приближались люди в чёрной форме, и надежда вырваться начала стремительно гаснуть.

– Бежим.

Наруто свернул с дороги на мягкий газон, расползающийся под ногами скользкой грязью. Тащить за собой Саске было сложно, но бросить его руку Узумаки не мог себе позволить.
Когда до забора осталось всего несколько метров, Саске внезапно замер, дёрнувшись назад. Голоса звали. Они не отпускали.

– Саске! – отчаянно выпалил Наруто. – Бежим!

– Уходи…

– Да иди ты!

Наруто крепче сжал руку друга, потянул, но тот будто корни пустил.
Учиха взглянул за спину блондина.
Сион.
Она улыбалась неуверенно, тянула к нему руку и просила остаться. Это было приглашение войти в этот подходящий ему мир, где он не станет вторым Хиданом, не сделает больно кому-то, не позволит голосам взять верх. А если они всё же победят, то рядом будет достаточно того, что можно пустить по венам, сдерживая желание убить.
Голоса принадлежащие далеко не эфемерным сущностям, а вполне реальным охранникам, приближались, и Наруто уже мог разобрать отдельные слова.

– Саске, – почти умоляюще позвал он. – Давай… пойдём отсюда.

Узумаки потянул за руку, и парень сделал один неуверенный шаг.

– Моё место здесь, – резко выпалил он.

– Я тоже останусь, – выпалил упрямо Наруто, сжимая его ладонь крепче. – Я обещал быть рядом.

Стоящая позади Узумаки Сион засмеялась пробирающим до костей смехом. Она указывала пальцем на блондина и

буквально плакала от смеха.

– Ты обманываешь.

– Саске!

Наруто с силой потянул брюнета на себя, понимая, что ещё чуть-чуть и их схватят. Расстояние между охранниками и ними стремительно сокращалось.
Учиха поморщился от назойливой боли в висках и моргнул.
Что он делает?
Он рискует двумя жизнями.
Своей и второй, права на которую он не имеет.
Саске резко тряхнул головой, пытаясь не смотреть в варёные глаза Белокожей.

– Уходим.

Они подбежали к кирпичному забору и замерли.

– Саске… давай подсажу.

– Нет. Ты первый, – мотнул головой Саске.

– Но…

– Блядь, Наруто, не спорь.

Блондин вперился взглядом в глаза Учихи и судорожно кивнул:

– Только попробуй обмануть.

Саске, сцепив руки в замок, подставил шею, чтобы Наруто было удобнее схватиться за него, и парень упёрся подошвой в его ладони.
Узумаки зацепился пальцами за край забора, радуясь, что поверх него не натянуто колючей проволоки. Оседлав кирпичный забор, он пригнулся и протянул руку застывшему внизу Саске.
Учиха смотрел на руку долго, и сердце Наруто тревожно

дрогнуло. Всего несколько метров и охрана схватит замешкавшегося парня.

– Хватайся!

Саске потянулся к руке, и чужие пальцы сами схватили его ладонь, не рискуя доверить этот выбор. Наруто потянул вверх, а Учиха, упираясь носками мягкий тапочек в стену, зацепился второй рукой за выступающий кирпич и кое-как подтянулся. Они перемахнули через забор как раз вовремя: внизу уже появился первый охранник, разразившийся гневным матом, когда добыча буквально ускользнула из их рук.
Ноги мягко ударились о рыхлую землю, в лицо ударило ветками кустов, что были высажены вдоль забора.
Саске привалился на миг спиной к кирпичам и утёр кровавую дорожку под носом.

– Ты как? – взволнованно спросил Наруто, цепляясь за плечи парня и слегка встряхивая его. Он понимал, что после такого забега Учихи явно не сладко, но времени перевести дыхание у них не было даже сейчас. Обманчиво близкая свобода могла помахать рукой им в любой момент, так как охранники тоже наверняка умели лазить через заборы.

– Вперёд, – качнул головой Саске, первым срываясь на неровный бег.

Бежали вдоль кустов в обратную сторону от ворот. И были правы – вскоре послышался рёв моторов.

– Куда нам? – набегу бросил Саске, оборачиваясь на Наруто.

Блондин молча указал на небольшую рощу впереди, и они ускорились. Соревноваться в скорости с машиной было глупо, поэтому нужно было как можно быстрее оказаться рядом с целью.
Ноги утопали в вязкой земле, за спиной слышался звук мотора, но парни решили не оборачиваться, припустив так, что комья земли отлетали от подошв. Сердце загнанной птицей билось в клетке из рёбер, в висках пульсировало, а лёгкие обдавало

огнём.
Ещё чуть-чуть.
Саске чувствовал, что сил осталось совсем немного, но упорно продолжал переставлять ноги. Кровь из носа залила губы и капала с подбородка, на языке появился её солоноватый привкус, рощица плясала перед глазами.
Он едва не врезался в первое же дерево, но Наруто вовремя дёрнул его за руку, уводя куда-то в сторону, хотя ветки всё равно хлестнули по лицу.

– Сюда!

Куда «сюда» Саске практически уже не видел и поэтому очень удивился, когда перед ним, будто из-под земли выросла чёрная машина Итачи.
Двери оной распахнулись, и к ним на встречу вышла перепуганная Цунаде.

– Заводите! – выпалил Наруто, распахивая задние двери машины и пропуская первым внутрь Саске, а затем уже и сам залез следом.

Орочимару, сидящий там же, потеснился, а Итачи торопливо завёл двигатель. Когда Цунаде захлопнула за собой дверь, машина тронулась.
Саске, почувствовав под собой что-то твёрдое и явно не собирающееся убегать, уронил голову на руки, сгибаясь к коленям. Голова просто расскалывалась, и поэтому Учиха сжал виски ладонями в пустой надежде не дать черепу треснуть. Он только и мог, что хрипло дышать и издавать совершенно нечленораздельные звуки. Боль ослепляла, тело, получившее команду «вольно», избавлялось от напряжения, перерабатывая его в сильную дрожь.

– О, Небо! – выпалила Цунаде, поворачиваясь к ним. – Что с вами произошло?!

Уронивший голову на спинку кресла Наруто неопределённо махнул рукой в воздухе, чувствуя, что ответить внятно всё равно не сможет.

– Оро… Орочимару, Саске, – только и смог выдохнуть Узумаки. Сбившееся от сумасшедшего бега дыхание никак не выравнивалось, сожжённые морозным воздухом лёгкие горели и саднили.

Орочимару, сухо кивнув, ухватил Саске за плечи, осторожно разгибая подрагивающего парня.
Учиха, морщась от боли, скосил глаза на Наруто, и хотел было слабо улыбнуться, но в этот момент в висок загнали раскалённую спицу, заставив тело выгнуться дугой.
Ругнувшись, Орочимару достал из-под ног свою сумку и, вытащив оттуда уже набранный шприц.

– Что это? – взволнованно выпалил Наруто, хватая мужчину за запястье.

– Ему это нужно, – решительно заявил Орочимару. – Или хочешь, чтобы его мозг поджарился?

– Но…

– П-пусть, – прошипел Саске сквозь сжатые зубы, прикасаясь к руке блондина.

Узумаки неуверенно кивнул, разжимая пальцы и обеспокоенно следя за тем, как Орочимару легко ввёл иглу в будто бы набухшую вену на руке брюнета.
Саске обмяк почти сразу, расслабленно выдыхая и закрывая глаза.

– С ним всё будет нормально?

– С ним не может быть «нормально»! – раздражённо прорычал Орочимару, убирая пустой шприц.

Свет в салоне погас, и Наруто откинулся на сиденье. Он повернул голову, вглядываясь в виднеющийся профиль Учихи.
Брюнет дышал.
И это было сейчас главным.

Удивительно, но они сумели оторваться от погони, если та и была. Хотя Итачи не заметил «хвоста», он предпочёл избегать главной дороги, свернув в какое-то село.
Наруто изо всех сил пытался оставаться в сознании, смотря на Саске, но вскоре его сморил сон. Тело и разум слишком многое вытерпели за этот напряжённый день, что бы сознание задержалось в нём ещё на несколько минут.
Всё получилось. Это казалось практически невероятным, но всё получилось. Они сбежали из лечебницы, и теперь Саске здесь, рядом. И пока никто не пытается этому помешать.
Сон постепенно полностью забрал Наруто в свой плен, лишив способности даже на столь вялое течение мыслей.

***

Саске проснулся из-за того, что машина остановилась. Он открыл глаза и обнаружил, что салон утопает в блёклом утреннем свете.
Сев ровно, Учиха почувствовал боль во всех мышцах, будто бы его вчера хорошенько отделали. Он провёл рукой по лицу, стирая остатки липкого сна, и наткнулся пальцами на подсохшую корочку крови на губах и подбородке. Мысленно представил, как сейчас выглядит, и хмуро улыбнулся.
Рядом стопкой лежала какая-то одежда, и Саске, расправив тёмно-синюю футболку, понял, что, скорее всего, это оставили для него. Как и чёрные джинсы. Не хватало только обуви, но Учиха не стал воротить носом от этой подачки, кожей чувствуя, как всё тело покалывает из-за треклятой больничной формы.
Справившись с одеждой и кинув на сиденье бесформенный комок серого цвета, Саске прильнул к окну, замечая несколько размытых силуэтов. Чтобы узнать в них давних знакомых и очков не требовалось.
Открыв дверь, он выбрался наружу, и в нос ударил свежий запах лесной сырости. Прохлада приятно обняла так и не отдохнувшее тело, и Саске выпрямился, закрывая двери за собой.
Силуэты обернулись на хлопок.

– Ты как? – спросил Орочимару.

– Жив, – мрачно ответил Саске.

Его взгляд был прикован лишь к стоящему рядом с Цунаде Наруто. Блондин, что до этого пил из прозрачной бутылки, странно выпрямился, будто бы ожидая очередного удара. Сказать по правде, Наруто думал, что Учиха вновь захочет съездить ему по физиономии, но тот подошёл очень даже спокойно и просто взял за подбородок. Пальцы слегка надавили, заставляя повернуть голову вправо, подставляя изрезанную щёку под острый взгляд.

– Всё в порядке, Саске, – мягко улыбнулся Наруто, отнимая руку парня от своего лица. – Заживёт всё это.

– Заживёт, – тихо повторил Учиха, и в его голове послышалась плохо сдерживаемая холодная злость.

Раны заживут, затянутся даже шрамы, со временем превратившись в едва заметные белёсые полоски. Но воспоминания так просто не исчезнут. Это не очередная пустяковая драка или перепалка, это не падение с велосипеда. То, что произошло с ними в той каморке, не сотрётся из памяти.
Оно будет сидеть в голове разъедающей искрой, прожигать доверие и рождать кошмары.
Однажды побывав в шкуре того, кто потерял контроль над своей жизнью, отдав её в руки психу, нормальным не станешь.

– Саске.

Этот голос, раздавшийся сзади, заставил медленно повернуться.
Итачи.
Саске даже не потребовалось стопроцентного зрения, чтобы рвануть вперёд, безошибочно впечатывая свой кулак под рёбра брату.

– Саске! – выкрикнула Цунаде.

Ухватив старшего за ворот кожаной куртки, Саске вдавил его

спиной в бок машины и заехал в очередной раз, теперь уже по скуле.

– Это. Всё. Из-за. Тебя, – отрывисто прорычал в лицо он.

Итачи, вцепившись в руки брата, попытался отвести их от себя и у него это даже получилось.

– Итачи, – выпалил Саске, испепеляя старшего взглядом.

Хотелось сказать многое, хотелось кричать на него, бить его. За чужую боль, за чужой страх. Но губы не размыкались, кривясь в злую полоску, кулаки безжалостно сжимались.
Боль болью не сотрёшь.
Не заменишь.
Это Саске понял, не почувствовав и толики облегчения, когда его костяшки встретились со скулой Итачи.
Это ничего не исправит.
Всю злость в душе выжгло так же быстро, как она там и появилась. Пустота.

– Прости, – выдохнул Итачи. И в его глазах действительно было что-то похожее на раскаяние. – Я думал, что он действительно поможет…

– Он помог. Очень даже…

– Саске, я не…

Младший покачал головой, отходя на шаг назад. Стоящий перед ним человек со своими картонными принципами, картонной однобокой моралью сам казался сделанным из бумаги.
Из тлеющего куска пожелтевшей бумаги.

– Я не знал что делать. Я должен был спасти тебя, помочь… чтобы тебя вылечили, – отчаянно выпалил Итачи. – Ты же… мой брат.

– Помочь? – скривился брюнет. – Посмотри, во что твоя помощь

вылилась. Посмотри!

Взгляд старшего виновато скользнул по Наруто.

– Я не знал…

– Я не хочу тебя видеть. Я не хочу тебя знать. Идите вы к чёрту. Оставьте меня!

Саске сам не понимал, откуда у него взялись силы говорить, почему его голос такой тихий, такой пустой.

– Дайте мне спокойно подохнуть. Вы с Фугаку…

– Саске, я хочу, чтобы с тобой всё было хорошо…

– Тогда не лезь! Исчезни!

Итачи беспомощно опустил руки и лицо. Он будто бы лишился всех красок и почти растворился в утренней дымке, а затем мелко кивнул:

– Хорошо. Я довезу вас до города и… исчезну из твоей жизни.

– Прекрасно, – шикнул Саске, отходя в сторону и обхватывая голову руками.

Эмоции, они рвали эту воцарившуюся было внутри пустоту.
Он уткнулся лбом в шершавую кору дерева и глубоко вздохнул, чувствуя на себе пристальный взгляд.
Учиха не знал, сколько он так простоял, но вскоре послышались хлопки дверей и тихие шуршащие по опавшей листве шаги.

– Саске, – тихо позвал Наруто, боясь даже прикоснуться к напряжённому парню. – Ты… ты как?

– Я устал.

Тяжёлый вздох:

– Я тоже.

Глава 12. Quiet.

"I'd like to slip into the quiet (just to try it)
And watch the whole world pass me by

If I should take from my own existence
If I should stop it all just for an instant
Will I finally rest inside?
Is peace so hard to find?

Don't let me slip into the quiet"
Hypnogaja – Quiet

«Я бы хотел упасть в тишину (просто попробовать)
И смотреть, как мимо меня проносится мир.

Если я только прекращу своё существование,
Если я остановлю всё это хотя бы на мгновение,
Упокоюсь ли я внутри?
Неужели покой так сложно обрести?

Не дай мне упасть в тишину».

– Раны глубокие, – сухо заявил Орочимару, – но швы накладывать нет смысла.

Мужчина убрал от лица Наруто смоченную в терпко пахнущей жидкости ватку, которой стирал засохшую кровь. Теперь три ровные царапины на левой щеке выглядели воспалённо-красными и сразу бросались в глаза, но лицо хотя бы перестало напоминать окровавленную маску из фильма ужасов.

– Что с вами там произошло? – спросила Цунаде, протягивая Саске смоченное водой полотенце, чтобы тот убрал с лица кровь.

– Хех, – нервно хохотнул Наруто, удивляясь, что всплывающие перед глазами картинки прошлой ночи разум воспринимает как кадры какого-то неудачного фильма, где так и тянет прокричать – не верю! Реальности добавляли только эти порезы на лице.

Саске также не спешил отвечать, не видя смысла в пустых разговорах. Что было, то было, а ворошить старое как-то не очень-то хотелось.

– Наверное, завтра меня вызовет этот Канори и скажет, что мой подопечный сбежал, – вздохнула женщина, догадавшись, что рассказа от парней не дождёшься.

– А Фугаку свяжет это всё с Наруто, – подсказал Орочимару, и Саске скривился от одного лишь звучания имени отца.

Учиха бросил взгляд на притихшего блондина, которому тоже выдали сменную одежду. Даже оранжевая футболка не добавляла красок в бледное лицо, на котором голубые глаза сейчас казались ещё больше.

– Мне нужно позвонить родителям, – печально произнёс Узумаки.

– Проклятье, – выдохнул Саске.

– Что такое?

– Твои родители в опасности.

– Почему? – поражённо округлил глаза Наруто.

– Потому что кое-кто полез в психушку спасать меня.

– Мог бы и поблагодарить!

– О да. Я благодарен за то, что теперь на мне лежит ответственность ещё и за твою семью.

– Да нет на тебе никакой ответственности! – выпалил Наруто. – Кто сказал, что Фугаку вообще исполнит это.

– Он.

– Я разберусь с этим.

Тихий голос Итачи не сразу услышали, поэтому он повторил вновь, заставляя всех уставиться на него.

– Делай что хочешь, – буркнул Саске, заканчивая вытирать лицо от засохшей крови.

***

Чёрная машина остановилась напротив небольшой смотровой площадки в самом начале города. Из неё вышло двое парней весьма хмурого вида, а затем двери захлопнулись, и машина, выпустив облачко из выхлопной трубы, медленно покатилась дальше по трассе.
Слишком ранний час для праздношатающихся прохожих, которые могли бы заметить этих двух застывших посреди смотровой площадки парней. И это будто бы было им на руку. Тяжесть чужих взглядом прошлась бы слишком реальной болью по их коже, вызывая желание содрать несчастную, израненную шкуру вовсе.

– Что теперь? – тихо спросил Наруто, глядя перед собой, но не на Саске.

Ощущение собственной пустоты не покидало парня, и тот с трудом мог поверить, что всё на самом деле закончилось. Эта сумасшедшая вереница, слишком сильно натянувшаяся пружина, наконец, выстрелила. Удар был сильный, выбивший из них обоих весь дух, который теперь придётся собирать по крупицам.
Саске, не ответив, медленно подошёл к перилам и окинул взглядом распластавшийся перед ним город. Безликие серые махины небоскрёбов, небольшая гроздь боязливо жмущихся к

земле частных домов на самой окраине и невнятные не очень высокие, но и не низкие дома, заполняющие пустоты между первыми двумя видами.
Отсюда, со смотровой площадки, этот оживлённый пятак сосредоточия человеческой жизни казался таким жалким и мизерным, что его можно было закрыть ладонью, будто бы никогда и не существовало.
Опустив руку, Саске сжал железные перила, собирая пальцами мелкие капельки. Он повернулся к подошедшему Наруто, замечая на лице блондина такую густую усталость, что сам почувствовал на своих плечах ничуть не полегчавший груз.

– Спасибо.

Узумаки даже вздрогнул и резко повернулся к парню, открывая глаза широко от удивления.

– Мне не показалось? Ты поблагодарил меня? – усмехнулся он, хотя внутри начало гореть то ли от смущения, то ли от неловкости. Саске вообще не был щедр на такие слова, поэтому они имели эффект удара молнии прямо в темечко – пройдёт по телу электрическим разрядом и оставит лишь пепел.

– Не ёрничай, – поморщился Учиха, отворачиваясь вновь. – Курить хочу.

– То есть… ты действительно благодарен, что мы вытащили тебя из психушки?

Саске скосил глаза на блондина, и этого короткого взгляда хватило, чтобы Узумаки, прикусив губу, сник. Его попытка перевести всё это в безобидную шутку потерпела фиаско, и теперь между ними повисла тишина.
Она никогда не напрягала Наруто, так же как её не замечал и Саске. Это молчаливое общение было ещё с первых минут их знакомства, и никто из них не мог даже предположить, что когда-нибудь простого взгляда хватит, чтобы показать то, что язык и губы не в силах произнести.
Наруто, оперевшись локтями о перила, опустил голову и тут же резко отпрянул, словно холодное железо раскалилось за

считанные секунды добела.
Запустив руки в карманы толстовки, Наруто замер на несколько шагов позади Саске, разглядывая невидимую точку как раз между лопаток Учихи.
Молчаливый диалог длился даже сейчас, и Саске был уверен, что Узумаки прекрасно понимает, где они. На каком рубеже стоят, готовые перешагнуть эту невидимую линию или же остановиться и разойтись по ней в разные стороны.
Саске поднял голову, вглядываясь в хмурое небо и надеясь найти там хотя бы намёк на жемчужное желтоватое свечение типичная для ранних осенних часов. Но на него смотрела сплошная серая пелена, которая останется неизменной в течении дня и лишь начнёт темнеть в его конце.

– Решай, – тихо сказал Саске, сжимая холодные перила.

И Наруто не спросил «что».
Смысл в этом вопросе отпал несколько минут назад, когда оба отчётливо ощутили, что впереди стремительно разрасталась пропасть, в которую упадут или оба или по отдельности.
Шелуха ненужных свидетелей медленно осыпалась с тела, и её уносил неощутимый ветер. Тяжесть взглядов, вынужденность пустых разговоров и натянутость слишком громкого молчания – всё это пропадало.
Наруто разрушил свою жизнь и потоптался по дымящимся руинам. Это не было жертвой, каким-то вычурным способом заявить о своей взрослости, независимости. Это не было пафосными заявлениями о готовности пожертвовать собой ради другого.
«Если ты в пропасть – я за тобой» – слишком громкие слова, чтобы говорить их шёпотом, чтобы вообще произносить их.
Такое обычно читается во взгляде, где постепенно гаснут столь яркие раньше лучики, где лазурь всё чаще и чаще отдаёт металлическим блеском.
Чем громче кричат эти слова, чем яростнее повторяют, тем дешевле они стоят. И чаще всего носят за собой лишь пустое желание выделиться из толпы.
«Смотрите, я такой особенный! Я жертвую собой ради кого-то!» – вопят они на публике, а когда дело доходит до необходимости помочь человеку – исчезают.

Да, Узумаки прекрасно осознавал, что нет дороги назад. Даже, если учесть статистику, многие юноши и девушки когда-то испытывали что-то подобное, а в будущем забывали, как «забавный опыт».
Наруто не знал, когда это всё перестало быть этим самым «забавным опытом».
В тот момент, когда он прыгнул за Саске с моста?
Когда Саске приставил к его лбу пистолет?
Когда там, на балконе мёртвой высотки, Учиха зло коснулся его губ?
Или же когда тот умер?
Всё это никогда не было нормальными отношениями, дарящими радость. Только грусть и разные оттенки печали. Сегодня цвет не такой безрадостный, а завтра вновь канет в тёмную и беспроглядную черноту.
И это было нормально.
Он привык.
Саске не ожидал, но спустя столь затянувшееся молчание в спину ткнулся лоб, а чужие руки легли по обе стороны от его собственных, также сильно сжимая перила, как и он.

– Решил.

***

– Так и будем стоять здесь? – устало спросил Саске, продолжая вглядываться в раскинувшийся внизу город. Словно это могло бы помочь выбрать тот самый уголок, куда не доберутся посторонние с их желанием направить на путь истинный или же прочитать очередную душеспасительную речь.

Сколько времени прошло после ответа Наруто, определить было сложно. Происходящее вымотанным разумом воспринималось, как часть какого-то сна, меняющегося каждую секунду.

– В общагу можно попробовать заселиться, – отозвался Наруто, чей лоб всё ещё покоился между лопаток тёплым грузом. Блондин не стремился отстраняться, словно бы и не боялся больше ничего. Заметят, осудят – плевать на них. Эта

реальность перестала существовать, он сам сжёг мосты, чтобы больше никогда не перебраться на ту сторону.

– Нужны деньги, – отрезал Саске. – У меня ничего с собой нет.

– Мда.

Наруто тяжело вздохнул в тонкую кожу осенней куртки брюнета. Идти было действительно некуда, разве что вернуться в лесную хижину Джирайи, но туда тоже нужно было как-то добраться. Жаль, что сразу не сообразили попросить Итачи отвезти именно туда, а теперь не пешком же по рельсам идти… Было странно ощущать оторванным себя от всех прежних миров, компаний. Раньше можно было позвонить другу и напроситься на ночёвку, если не успевал на последний автобус, а теперь-то и друзей не осталось.
Мир сузился до размеров игольного ушка.

– Можем ко мне домой, – всё-таки выдохнул нависшее предложение Наруто. – Правда, не гарантирую, что отец не попытается меня прибить на месте…

– Нет.

Голос Саске был холодным и таким резким, что Наруто даже вздрогнул, приподнимая лицо и недоумевающее пялясь в чёрный растрёпанный затылок.

– Почему?

– Это твой дом, Наруто, – вздохнул Учиха. – Твои родители.

– Мои. И что? – не совсем понял блондин, но на всякий случай отстраняться не стал.

– Мама, папа, это Саске. Вчера я из-за него попал в психушку, но вы не волнуйтесь! Мы выбрались, правда, попали в лапы к одному маньяку, но вы всё равно не волнуйтесь!

Учиха странно засмеялся: тихо и сдавленно, словно сам понял

всю бредовость своих слов. Удивительно, но Наруто понял, что и сам смеётся, вновь уткнувшись лбом в подрагивающую спину. Странное безнадёжное и немного истеричное веселье затопило сознание, вытеснило оттуда накопившуюся тяжесть, что теперь сыпалась с губ градом хриплых смешков.

– Думаю, детали можно будет умолчать.

Наруто всё-таки не выдержал, перемещая замёрзшие руки на торс Учихи и забираясь под полы расстёгнутой куртки. Саске напрягся, моментально прекратив смеяться. Всё веселье будто бы выбило из тела, оставляя лишь ощущение холодных рук на груди.

– Ты осмелел или обнаглел?

– И то и то, – буркнул в ответ Наруто.

– Я на тебя плохо влияю, – усмехнулся Саске, выпутываясь из рук и поворачиваясь к блондину лицом.

Не ожидая этого, Наруто удивлённо вздёрнул брови, слегка отстранившись. Одно дело пялиться в спину, другое, когда чёрные глаза смотрят так странно. Непривычно спокойно. Непривычно – это лучшее слово, которое может описать ощущения, возникающие от Саске сейчас. Учиха никуда не пытается убежать, не пытается доказать какую-то очередную свою переломанную истину, навязать искажённую личными страхам правду.
Страхи? Могут ли они вообще быть у этого человека?
И, глядя ему в глаза, можно сказать почти с уверенностью – Саске живой. Он тоже может боятся, как и любой другой.
Учиха нахмурил брови. Взгляд сам собой приковало к воспалённо-красным порезам, и пальцы непроизвольно потянулись к ним, оглаживая самыми кончиками. Наруто слегка поморщился, но не из-за лёгкой боли, которую холодные пальцы наоборот гасили, а из-за внимания. Не хотелось, чтобы картины прошлой ночи вновь расцветали перед глазами. Это прошло. Это нужно постараться забыть.

– Саске, все хорошо.

– Ни черта не хорошо, – отрицательно мотнул головой Учиха, перемещая пальцы на шею блондина. – И никогда не будет хорошо.

– Почему ты так в этом уверен?

– Это ты. Это я. У нас просто не может быть всё хорошо.

Наруто грустно усмехнулся и безразлично пожал плечами, подаваясь вперёд и осторожно касаясь упрямо сжатых губ. Кажется, в голове Саске опять начали роиться какие-то беспокойные мысли, и нужно было помешать ему состроить цепочку из ядовитой логики.

– Не может и не надо.

Поджав губы, Саске тихо кивнул, прикрывая лицо руками и растирая холодную кожу. Хотелось поскорее избавиться от этого странного заторможенного состояния и прийти в норму. Только вот что он имел в виду под словом «норма»?
Возможно, начать спросить с Узумаки?
Или почесать друг о друга кулаки?

– Мы пойдём ко мне, – твёрдо решил Наруто, – Хотя бы на этот день, а там решим, что делать дальше. Не спорь.

Он и не пытался спорить. Отнял руки от лица и вперился немигающим взглядом в улыбающееся лицо Узумаки.

– Почему ты улыбаешься?

– А почему бы нет?

– Ты точно идиот, Узумаки.

– Пф. Удивил.

Тихо рассмеявшись, Наруто нехотя отлип от парня и потянулся

всем телом. Болящие от ночного забега мышцы благодарно заныли, в голове зашумело и показалось, что ещё немного и перед глазами запляшут цветные точки.
Наблюдая краем глаза за пытающимся казаться беззаботным Наруто, Саске сунул руки в карманы. Он был почти уверен, что оставлял в этой куртке мелочь и если та не выпала где-то, то вполне возможно, что до дома Узумаки им не придётся добираться на побаливающих ногах.
Заметив, что Саске увлечённо шарит по карманам, Наруто решил повторить его манёвр и радостно улыбнулся, наткнувшись в кармане на завалявшуюся монету. Вытащив её, блондин уложил поблескивающий кругляш на ладонь и протянул Саске с довольным видом. Учиха его радость не разделял, вывернув пустые карманы.

– Придётся пешком, – печально подытожил Наруто, сжимая уже бесполезную монету и тяжело вздыхая. Перспектива пилить до самого дома на своих двоих совершенно не радовала.

– Необязательно.

Сказав это, Саске решительно двинулся к обочине, и Наруто даже показалось, что парень решил броситься под машину, не выдержав перспективы долгой пешей прогулки. Но Учиха, замерев рядом с бордюром, просто вытянул руку перед собой, жестом пытаясь остановить хоть какую-то из машин.

– Думаешь, сработает? – недоверчиво спросил Наруто, подходя ближе и останавливаясь рядом. Он повернулся лицом к убегающей вдаль дороге и отметил, что машин-то негусто.

– Проверим.

Первые три машины пролетели мимо, четвёртая зачем-то просигналила, но не остановилась, вызвав недоумение. Зато с пятой повезло.
Небольшой грузовичок, груженный сеном, с громким урчанием остановился у обочины, и из окна выглянул усатый мужчина в потёртой кепке. Окинув парней долгим взглядом, он вопросительно кивнул:

– Голосуете?

Саске хотел было ляпнуть что-то ироничное по поводу того, почему они могут стоять у обочины, но Наруто вовремя опередил его:

– Да. А вы случаем не в пригород?

Усатый хохотнул и кивнул на сено сзади:

– А ты наблюдательный.

– Подвезёте? – прервал их разговор Саске, и мужчина нехорошо посмотрел на него. Да, голубоглазый блондин вызывал у людей намного более тёплые чувства, чем бледный и хмурый парень, похожий, если не на маньяка, то на какого-нибудь отморозка уж точно.

– Ну садитесь.

***

Итачи сидел за столиком небольшого кафе, что славилось своей выпечкой и кофе. Сюда заходят многие, желающие с утра подразнить свои вкусовые рецепторы сахаром. Только вот старший Учиха будто бы в противовес сложившейся системе выбрал из меню самый горький и несладкий кофе.
Отвернувшись от стойки, парень прошёлся взглядом по пока ещё не очень заполненному залу, утопающему в янтарных и оранжевых цветах. Сквозь большие витрины в кафе лился хмурый утренний свет, но здесь всё равно было как-то солнечно.
Взгляд, наконец, поймал нужное полное лицо, и Итачи решительно двинулся к нему, под вопросительным взглядом уселся перед мужчиной и поставил свой стаканчик между ними.

– А вы пунктуальны, – улыбнулся господин Канори, придвигая к себе свою тарелку с тремя щедро сдобренными сахарной

пудрой эклерами.

– Я предпочитаю разобраться с нашей проблемой побыстрее.

– С нашей? Проблемой?

– Сегодня вы узнаете, что из вашей лечебницы был совершён побег.

Канори даже в лице изменился, откладывая так и не укушенный эклер. В его мелких глазках появился ужас пополам с недоверием, губы нервно затряслись.

– Побег? Откуда вы…

– Учиха Саске, – продолжил спокойно Итачи.

– Что?

– Не отпирайтесь. Я знаю, что мой отец заплатил вам.

– Но откуда?

– Я один из нашей семьи, – нехорошо улыбнулся Итачи, делая глоток. Горькая до кислоты жидкость потекла по горлу, добавляя если не бодрости, то желания поскорее встать и уйти отсюда.

– И что? Я должен сообщить ему!

– Зачем? – вздёрнул брови Итачи. – Мой отец слишком занят, чтобы приезжать к вам с проверкой. Хотя бы в ближайшие несколько месяцев, а деньги вам будут поступать исправно. Уж поверьте.

– Вы хотите, чтобы я обманул Фугаку? – нахмурил свой сальный лоб Канори.

– Да.

– Вы в своём уме?! – возмущённо проворчал Канори. – Он очень влиятельный человек!

– Ненадолго, поверьте.

Итачи, отставив от себя стаканчик, пристально посмотрел в глаза Канори.

– Вам всего лишь нужно забыть про существование моего брата и получать свои деньги. Остальное на мне.

***

Усатый оказался неплохим мужчиной. Он живо напомнил Наруто дедушку, которого у парня никогда не было.
После всех этих Орочимару, Итачи и Фугаку, этот мужчина казался до приятной теплоты внутри простым. Только сейчас Узумаки понял, как ему не хватало простого общения, без завышенных эмоций, без напряжения и холодных взглядов. Простого человеческого под хриплое пение каких-то допотопных песен из приёмника, под мерное жужжание старенького мотора.
Мужчина много рассказывал про свою семью, про работу, которую пришлось оставить из-за пенсионного возраста и глупых взглядов государства на его способность работать и дальше. Теперь он занимался домашним хозяйством. Фермерство или что-то вроде того.
Наруто слушал, раскрыв рот. Такая простая, правильная жизнь казалась парню чем-то далёким и почти невозможным для него самого. Или для Саске.
Представить Учиху за рулём такого раздолбанного грузовичка, рассказывающим про свою семью без ругательств и злости в глазах, было очень странно. От этой картины блондин даже засмеялся громче чем прежде на очередную простецкую шутку водителя.

– А вы сами откуда такие потрёпанные?

Наруто запоздало вспомнил, что его лицо «украшает» довольно-таки забавный подарок от того психа и сразу стушевался.

– От друзей…

– Что ж это за друзьям такие-то, – покачал головой мужчина, сворачивая на дорогу поуже.

– Бывшие, – хмуро отозвался до этого молчавший Саске.

Учиха не участвовал в разговоре, чувствую себя здесь не то, чтобы лишним, но уж точно ненужным. Он краем глаза наблюдал за тем, как Наруто оживает, как медленно вновь наполняется жизнью и постепенно будто бы начинает светиться изнутри.
Узумаки был из той породы людей, что быстро забывают плохое, предпочитая судорожно цепляться за хорошее. Он будет до последнего верить, что доброты в мире намного больше какими бы жестокими способами Судьба не пыталась бы сбить с его глаз розовые очки.
Иногда Саске казалось, что ему всё-таки удалось раскрыть глаза Наруто на реальный мир, в котором нет места чудесам, а спустя пару минут Узумаки вновь уже рассказывал про чудесных единорогов и фей.
Ну так ли важно было доказать этому упрямому ослу, что мир наполовину состоит из чёрных красок, а белые вкрапления это всего лишь оголившиеся клыки, которыми общество тебя схватит, пережуёт и выплюнет такую же чёрную жижу.
Пусть верит. Пусть носит свои треклятые очки и строит песчаные замки.
Саске устал, смертельно утомился топтать их, забирать надежду и доказывать свою правоту. Узумаки достаточно увидел сам, чтобы измениться. И он изменился. Это было видно, это чувствовалось в каждом слове, движении. Однако, изменившись, Наруто не потерял способности улыбаться клыкастому чёрному миру также широко и солнечно.
Саске фыркнул своим мыслям, вновь упираясь виском о холодное стекло и следя за тем, как по ту сторону окна медленно проплывают редкие прохожие, машины и дома. Яркие рекламные плакаты безобразными пятнами лезли в глаза, и вскоре Учиха решил смежить веки.
Сон, если это забытье можно было так назвать, был

беспокойным, но не из той серии, что заставляет вскакивать каждую минуту, судорожно пытаясь понять – а не стал ли этот кошмар реальностью.
Мысли лениво текли в голове, перемежаясь с едва слышными голосами. Саске пытался не вслушиваться в их требовательные приказы.
Он на один шаг приблизился к безумию, но пока еще упирался лбом в закрытую дверь. Перешагни порог и всё закончится. Просто сделай чёртов шаг.

– Малец, а куда вам? А то я дальше к заводу.

– Да можете нас тут высадить. Дальше мы дойдём.

– Уверен? А то твой друг…

– Он крепче, чем выглядит, – усмехнулся Наруто, и машина начала останавливаться у обочины. – Спасибо.

– Не хворай, – улыбнулся в усы мужчина и крепко пожал протянутую руку. Ладонь этого человека была такой тёплой, шершавой и до невозможности реальной, что Узумаки невольно позавидовал.

– До свидания.

Улыбнувшись напоследок, Наруто осторожно потормошил заснувшего Саске за плечо, и брюнет резко открыл глаза, словно и не спал. А затем также молча вышел из машины, спрыгнув в пожухшую траву.
Захлопнув двери, Наруто поднял руку, прощаясь с уезжающим грузовичком и, когда тот скрылся за поворотом, обернулся к Саске.

– Отсюда пешком минут двадцать, – пояснил блондин.

– Ясно.

Учиха медленно двинулся вдоль указанной дороги, глубоко засовывая руки в карманы. Местность напоминала

деревенскую, хотя пригород находился не так уж и далеко от города. С одной стороны жёлтое поле, с другой стороны низкие домики, летом наверняка утопающие в сбросивших сейчас листву деревьях.

– Ты как вообще?

Саске повернулся к Наруто, прожигая того взглядом и не зная что ответить.

– Не могу понять.

– То есть?

Учиха покачал головой, усмехаясь спокойно. Он действительно не мог определить своё состояние. Хотелось просто шагать вперёд, молчать или разговаривать о чём-то незначительном. Душа устала от высоких тем, но на язык всё ещё просился один вопрос:

– Ты хотел бы, как тот мужчина?

– В смысле? Возить сено?

– Прожить жизнь, баран, – скупо улыбнулся Саске.

Наруто, поджав губы, запустил руки в волосы, ероша свою вечно растрёпанную копну. Хотел ли он?

– Вряд ли.

– Почему? У него неплохая жизнь.

– Моя тоже не дерьмовая.

– Да ну, – прищурился Учиха. – То есть ты доволен?

Узумаки повернул голову к своему собеседнику и нахмурился:

– Ты хочешь убедить меня в обратном?

– А я смогу?

– Нет.

– Потому что ты упрямый идиот.

– Нет, Саске, – качнул головой парень и почувствовал на себе внимательный взгляд. – Потому что я не сожалею. Ты сам говорил, что глупо сожалеть.

– Это я.

– А я чем отличаюсь?

Учиха резко замер, пристально глядя в спокойное лицо парня. Захотелось схватить его за грудки и хорошенько встряхнуть, но брюнет сдержал привычный порыв. Пора было учиться объяснять не тумаками, а словами.

– Ты не умираешь. У тебя впереди долгая жизнь.

– Откуда ты знаешь? – фыркнул Наруто. – Может, мне завтра на голову кирпич упадёт или наступит зомбиапокалипсис? Или машина там собьёт, не знаю. А… ещё я могу попасть под электричку или вообще поперхнуться и задохнуться… Саске, ты что?

Наруто резко осёкся, когда лицо Учихи резко потемнело от невесть откуда взявшейся тени. Тёмные глаза опасно сверкнули и показалось, что брюнет вот-вот врежет ему.
Драться не хотелось совершенно.

– Саске? – повторно позвал блондин. – Что такое?

– Забей.

Развернувшись, Учиха побрёл вперед.

– Вообще-то, нам здесь сворачивать, – растянул губы в улыбке

Наруто.

***

Внутри волнительно кололо, когда двухэтажный дом становился всё ближе и ближе. Вот этот раскидистый ясень, низкий аккуратный забор и машина отца у гаража.

– Будет весело, – выдохнул Наруто неуверенно, пытаясь улыбаться не так нервно.

– Волнуешься?

– Не то, чтобы очень, – передёрнул плечами блондин. – Отец дома.

– И?

– Он редко бывает дома в такое время.

– Это плохой знак?

– Очень, – печально выдохнул Узумаки и первым вошёл в скрипнувшую калитку.

Остановился, глядя на замешкавшегося Саске. В другой момент Наруто обязательно бы посмеялся над смятением друга, ведь увидеть на лице Учихи растерянность стоило многого. Только не теперь.

– Я здесь подожду, – предупредил Саске.

– Нет. Пойдём.

– Наруто, вам нужно поговорить, – устало проговорил парень. – Я там буду лишним.

– Не ерунди. Пошли.

Наруто резко схватил его за руку и потянул в сторону двери.

Учиха поддался, что было также удивительно. Наверное, он сильно устал…
Другого объяснения такой покладистости Наруто придумать не мог.
Однако на пороге Саске резко высвободил свою ладонь из крепкой хватки и на всякий случай убрал руки в карманы, отходя на шаг назад за спину блондина.
Он не хотел входить в этот милый чужой дом. Даже от стен оного веяло теплом, а войти значило принести свой холод в чужую жизнь.
Наруто толкнул двери, и ему показалось, что это уже когда-то было, словно в прошлой жизни.

– Па, – крикнул он, закрывая за Саске двери и ногой стягивая кеды. Из кухни доносился звук кипящего чайника, и парни двинулись вперёд по коридору.

– Ну, всё, – тихо выдохнул Наруто, прежде чем войти в комнату.

– Ты ещё помолись, – иронично усмехнулся в спину блондина Саске, продвигаясь следом.

Ирука, сидевший за обеденным столом и листавший газету, резко вскинул на вошедших глаза и поднялся.

– Наруто.

Ничего в этом доме не изменилось с момента его прошлого сюда визита: те же бежевые шторы на окнах, светлые диван и два таких же кресла, дешёвый телевизор и старенький кофейный столик.
Всё это дышало какой-то спокойной стабильностью, о присутствии которой в своей жизни Саске оставалось лишь мечтать.
Брюнет на праве второстепенного героя этой семейной драмы сидел на кресле и в разговоре не участвовал, наблюдая за Ирукой и Наруто. Саске пытался сосредоточиться на звуках дождя за окном, но всё равно ловил обрывки их слов.
Отец блондина словно бы постарел за этот год, но в его тёплых

глазах злость на чадо то и дело сменялась непониманием и неприкрытым волнением.
Ирука был тем отцом, который примет сына каким бы он ни был, как поздно бы не вернулся домой.

– Что у тебя с лицом, Наруто? – выдохнул мужчина.

Наруто, нервно комкая в руках край своей футболки больше всего сейчас напоминал нашкодившего ребёнка, а не достаточно взрослого юношу, умудрившегося ввязаться в такое дерьмо, которое многим даже и не снилось. Учиха мысленно решил, что Ируке лучше и не знать о том, что происходило в жизни его сына в последние дни.

– Упал, – выдохнул Наруто.

Ложь, судя по лицу Ируки, была до такой степени глупой, что в неё не поверил бы даже ребенок.

– Не ври мне.

– Па, это… это только мои проблемы, – устало вздохнул Наруто. – Я правда не хочу рассказывать.

– Сын, во что ты ввязался? Это тебя ещё мать не видит…

Стоило упомянуть её, как входные двери открыли, и внутрь вошла уже знакомая Саске аккуратная женщина.
И всё.

– Сузу, – только и смог выдохнул Ирука, когда женщина, всплеснув руками, прижала их к губам, уставившись на Наруто блестящими от слёз глазами.

Саске захотелось раствориться, исчезнуть, но… он не мог поступить, как в прошлый раз. Не мог свалить всё на плечи Наруто, заставляя парня получать за двоих.

– О, Наруто, – всхлипнула женщина, порывисто прижимая к себе сына, который вырос уже выше неё. – Что с тобой

произошло, где ты был?

– Он был со мной.

Семья резко обернулась на Учиху, и в глазах Наруто сверкнуло непонимание. Неужели Саске решил ввязаться, взять на себя ответственность?

– С тобой? – нахмурилась женщина. – С тобой?!

– Сузу, – позвал жену Ирука. – Тише.

– Саске… иди ко мне в комнату, – предостерегающе попросил Наруто, понимая, что сейчас будет жарко.

– Нет. Пусть останется. Я хочу знать, почему на лице моего сына… это!

Наруто тонул в этом болоте вопросов, ответов на которые дать просто не мог. Слишком крепко была сплетена эта нить из мелких волосков. Они переплетались так плотно, что, потяни за один, придётся вытягивать и другой. А это значило рассказать всю правду, к которой родители Наруто явно были не готовы. Блондин тонул, да. Он раскрывал и закрывал рот, словно рыба, выброшенная на берег, смотрел то на отца, то на мать, пытаясь рассказать всё одним лишь взглядом. Но они не понимали. Родители – существа, желающие слышать всё, но не желающие читать по глазам.

– Потому что ваш сын держит свои обещания, – твёрдо произнёс Саске, глядя преимущественно на Ируку. – Всё, что случилось с ним – случилось из-за меня. Из-за его желания сдержать свои слова.

– Ты виноват во всём! У него проблемы на учёбе!

Саске мрачно кивнул, переводя взгляд с одного на другого. Он чувствовал себя за какой-то чертой, что обычно разделяет очень разных людей.
Вот он. Мир Наруто.

Вот граница, за которой сейчас стоит Саске.
Наруто забыл, как дышать, глядя на до ужаса серьёзное лицо друга. Что он несёт?! Зачем?
Лучше бы винил его, лучше бы как тогда, в первый их визит в его, Наруто, дом.
Смерив лица спокойным взглядом, Саске улыбнулся сдержанно.

– Только вздумай уйти, Учиха, – неожиданно прошипел Наруто, отпуская руку матери. Учиха хмыкнул, удивившись, что этот белобрысый смог уловить ход его мыслей.

– Давайте успокоимся, – подытожил Ирука. – Наруто, Саске, вам нужно отдохнуть. Так или иначе, Сузо, это друг нашего сына. И наш гость.

Женщина было открыла рот, готовая разразиться новой обличающей тирадой, но Ирука устало поднял руку:

– Я слишком устал волноваться, гадая, что случилось с тобой, Наруто. И я хочу знать правду. Всю.

Узумаки ещё никогда не видел, чтобы тёплые глаза отца внезапно стали такими твёрдыми, словно расплавленный янтарь наконец-то затвердел. В душе стало как-то совсем уж гадко от осознания собственной вины, и блондин неуверенно кивнул.

– Хорошо.

– Сузу, мы все поговорим вечером.

Саске перевёл взгляд на бледное лицо женщины и подумал, что вечером ей потребуется много валерьянки.

– А сейчас вы идёте наверх и отдыхаете. На вас смотреть жалко. И ещё.

Ирука вышел в коридор. В повисшей звенящей тишине скрипнула дверца шкафа и мужчина вернулся с чёрным рюкзаком, который он перекинул Учихе. Саске успел поймать

оный и вопросительно поднял брови.

– Приезжал какой-то парень. Сказал, что ты почти наверняка придёшь сюда с Наруто, – твёрдо ответил Ирука, ловя взгляд брюнета. – Сказал, что тебе это нужно.

– Понятно.

– А теперь отдыхайте.

***

– Твой отец любит командовать, – хохотнул невесело Саске, опускаясь на кровать Наруто.

Комната Узумаки тоже не изменилась, разве что яркие роботы пропали, заменившись книгами. Странно, с чего бы это Наруто решил внезапно повзрослеть.

Узумаки тяжело вздохнул, прислоняясь спиной к двери. Ему было трудно представить, что будет за ужином, если этот короткий разговор уже вывернул всю душу наизнанку.

– Я никогда не видел родителей такими взволнованными. Даже тогда… в первый раз… они были спокойнее.

– Пф.

Саске, достав из рюкзака флакон с таблетками, потряс ими над ухом и высыпал на ладонь три кругляшка. От вида оных желудок скрутило спазмом, но Учиха усилием воли заставил себя проглотить лекарства, зная, что без них уже начавшаяся головная боль только усилится.

– Почему ты вступился?

– Потому что должен был.

– Но ты ведь до сих пор считаешь только меня виноватым во всех моих бедах, – иронично вздёрнул брови Наруто.

– Да, считаю.

Сказав это, Саске рухнул спиной на кровать, закладывая руки за голову и скидывая с ног больничные тапочки. Неплохо было бы найти адекватную обувь…
Наруто задумчиво смотрел на притихшего Учиху, не зная даже, что сказать и что спросить. Наверное, все вопросы кончились уже давно, да и Саске как будто бы поставил жирную точку в их разговоре, закрыв глаза.

– Я в душ. Потом вернусь, – невесть зачем предупредил Наруто. Ещё бы добавил «Лежи здесь и никуда не ходи».

Смешок вышел нервным и издевательским. Да, Узумаки, влип ты по самые уши, если не по макушку.
Не дождавшись от Учихи какой-либо реакции, Наруто вытащил из шкафа стопку чистой одежды и вышел из комнаты.
В доме было неправдоподобно тихо, словно родители внезапно перестали существовать до того самого разговора за ужином. Наверное, это было и к лучшему, что он не встретил никого в коридоре, юркнув в ванную и замкнувшись.
Скинув одежду на тумбу, Наруто, наконец, тяжело выдохнул. Домашняя обстановка действовала, как всегда, умиротворяющее. Можно сказать, она дарила новую кожу, вместо той, изодранной.
Тишина ванной комнаты вскоре наполнилась журчанием воды, а Наруто прильнул к зеркалу, впервые за много дней разглядывая свое осунувшееся лицо. Если бы не смуглая от природы кожа, то выглядеть ему самым настоящим умертвием, ничуть не лучше Саске.
Сначала ему даже показалось, что у него жар – слишком ярко блестели глаза, но, приложив руку ко лбу, Узумаки понял, что показалось. Рука медленно соскользнула к левой щеке, под подушечками пальцев появилась первая неровность. Саднящая от одного лишь прикосновения, но уже успевшая затянуться слегка.
Ужас накатил так ярко, словно всё это произошло всего несколько минут назад. Кожу сковало льдом, сердце болезненно ткнулось в рёбра, а пальцы мелко задрожали.

Ведь там всё могло закончиться.
Ведь всё это происходило ни с кем-то, а с ним, с Наруто. С мальчишкой, который никогда не верил печальным сводкам новостей.
А теперь… он сам стал жертвой самого настоящего психопата.
Но…
Рука твёрдо упала на раковину, сжимая её керамический край.
Если бы Наруто жалел, то лукавил бы перед самим собой. Он не думал, что свечи на эту игру были потрачены впустую. Они вспыхнули и догорели до конца так, как должны были.
И на этом всё. Все кошмары той ночи теперь будут надолго похоронены в самом далёком уголке разума, куда Узумаки вернётся лишь по собственному желанию, но не позволит этому ужасу просочиться сквозь толстую стену запретов.
Нет.
Это прошло.
Не вспоминай.
Отражение смотрело на него непривычно. Наруто даже не сразу узнал сам себя, разглядывая странное, слишком жёсткое лицо.
Он расскажет всё отцу. Говорить ли всё матери – вот в чём вопрос. Не хотелось подвергать её нервы очередной проверке, а Ирука всегда понимал сына.
Всегда.
Но поймёт ли теперь?
Наруто, тяжело вздохнув, скинул с себя пропитавшуюся запахом лечебницы одежду. И не смотря на то, что она была чистой, но эту удушливую вонь Наруто чувствовал так явственно, словно она исходила от его собственной кожи.
Что ж…
Взгляд упал на горячие струи воды, жёсткую мочалку и различные пузырьки с пеной, мылом и шампунями.
Пора было смыть с себя воспоминания и отправить их туда, где им самое место – в канализацию.

***

Саске провёл руками по мягкому, оранжевому покрывалу. Каждым сантиметром ладони он чувствовал мягкий ворс и почему-то не хотел открывать глаза. Говорят, что, когда человек лишается зрения, то все его остальные чувства

обостряются. Учиха был слепым достаточно, но ничего подобного не заметил, а теперь, лежа с закрытыми глазами в чужой комнате, он отчётливо понимал – дело не в потере зрения.
Мы чувствуем, когда хотим этого.
Запах. Запах в этой комнате был совершенно другим. Сейчас Учиха мог вдохнуть полной грудью и различить слабые нотки апельсинового аромата, но был уверен, что мир запахов может пропасть для него в любой момент.
Так же резко, как и появился мир с этими голосами.
Наверное, сходящий с ума человек не осознаёт этого. Саске где-то слышал, что сумасшедшие никогда не считают себя таковыми, но кем тогда является он, если без труда признаёт себя психом?
Нормальным?
Вряд ли.
Зачем он об этом вообще думал?
Чтобы не дать другим мыслям пробиться в разум. Такой простой ответ, объясняющий всё.
Он изменился и то, что заставило его стать практически другим человеком, вызывало оторопь и желание закрыться в своей раковине поплотнее.
Всё это бред.

– Люди не меняются, – вслух произнёс Саске, словно эти слова имели больший вес, нежели мысли.

Лекарства начали действовать, прогоняя боль, но руки до сих пор трусились. Нужно было дотянуться до рюкзака и принять ещё таблетку, но сон навалился так быстро, что Саске даже не успел понять.
Наверное, так сознание спасалось от лишних мыслей.

***

Одевшись в чистое, Наруто взъерошил подсушенные полотенцем волосы и вышел из душной ванны. Кожу приятно пощипывало, в теле поселилась странная лёгкость и обманчивая бодрость. Но Узумаки знал, что стоит голове коснуться подушки, и он заснёт. Поэтому он не стал заходить в

комнату, быстро спустившись по лестнице, привычно перепрыгивая две последние ступеньки.
Казалось, что всё хорошо. Нормально.
Мать на кухне, отец, скорее всего, или в небольшом саду или же в гараже. Будто ничего и не было.
И только Учиха в его собственной комнате был приветом из другой жизни.
Тряхнув головой, Наруто понял, что мысли опять возвращаются к брюнету, и так быть не должно. Можно расслабиться: ничего плохого сегодня не случится. Просто не должно.
Махнув рукой Сузу, Наруто выбежал на улицу, безошибочно угадав, где находится Ирука.
Мужчина, закатив рукава серой рубашки, стоял над открытым капотом машины и смотрел на внутренности железного коня немигающим взглядом. Ирука прибывал в глубокой задумчивости и не сразу заметил подошедшего сына, даже когда тот его окликнул.

– Наруто?

– Па, нужно поговорить.

– Так договорились же вечером? – напрягся Ирука, выпрямляясь.

– Лучше сейчас… я с тобой хочу. Наедине, – чуть-чуть стушевался Узумаки, опуская взгляд. Тяжёлая рука отца легла за плечо и потянула в сторону открытого гаража.

Стоило войти внутрь и Наруто будто бы перенёсся в далёкое детство, когда жарким летним днём он забегал сюда с улицы, чтобы посмотреть чем же занят Ирука. Или выбирал это прохладное помещение убежищем во время игры в прятки, когда все «злачные» места были уже заняты.

– Я так понимаю, ты не хочешь рассказывать всего матери, – прозорливо заметил Ирука.

– Угу, – кивнул блондин. – Есть такое.

– Это по поводу твоих порезов?

– Ну, нет. Не совсем. Это по поводу Саске.

Брови мужчины сошлись над переносицей, и во взгляде показалась напряжённость.

– Ты так долго возишься с этим парнем. Все ещё обещание?

Наруто всё-таки поднял глаза, стоически выдерживая взгляд отца.

– И да, и нет.

– Говори.

Наруто думал, что сделать это будет куда как проще. По крайней мере, ему так казалось, когда он продумывал что и как скажет отцу. Ирука должен был понять… или хотя бы попытаться.
Тяжёлый вздох, и Ирука решает попытаться разговорить сына.

– Я видел, что у него в рюкзаке.

Острый взгляд голубых глаз выглядел почти осуждающе, но мужчина развёл руками:

– Я должен был посмотреть, что в этом рюкзаке. Что бы ты сделал на моём месте? Незнакомец передаёт тебе какую-то сумку, говорит какой-то бред и уезжает.

– Ну…

– Саске болен. Серьёзно. Ты это знаешь?

– Знаю.

– Поэтому ты рядом с ним?

– Не только, – мотнул головой Наруто, проходя вдоль стеллажа

с различными инструментами. Пыльные, в мазуте, но такие… домашние. И даже запах пыли вперемешку с бензином кажется приветом из детства.

– Тогда что?

Тяжёлый вздох.

– Он мне нравится, – на одном дыхании выпалил Наруто и почувствовал, как внутри внезапно стало пусто. До боли, до дрожи. – Он мой друг. И, если тебе не понравится то, что я скажу, то мы просто уйдём. Я не отступлюсь от своих слов и того, что чувствую…

– Наруто, – настороженно произнёс Ирука. – Ты хочешь сказать, что…

– Да, хочу, – резко выпалил Наруто, оборачиваясь и глядя отцу прямо в глаза. Такие вещи не дело говорить отвернувшись. Раз уж смелый такой, чтобы решиться вывернуть всю свою душу перед близким, то будь добр сделать это лицом к лицу. – Я… люблю Саске.

Лицо Ируки не изменилось. Ни капли шока или удивления. Он просто стоял и смотрел на сына долгие минуты, пока Наруто внутренне сгорал то ли от стыда, то ли от своей наглости. Ему казалось, что сейчас отец заедет ему хорошую оплеуху, чтобы мозги встали на место. Но Ирука никогда не был сторонником физического насилия.

– Любишь? – хрипло переспросил мужчина.

Наруто молча кивнул, закусывая губу так сильно, что выступила кровь.

– Как друга?

– Больше.

– Но это ведь…

– Ненормально. Я знаю.

– Но… почему? – наморщил лоб мужчина, изо всех сил пытаясь понять своего ребёнка.

Наруто всё же отвёл взгляд и пожал плечами:

– Не знаю.

– А он?

– Не знаю, – с тяжёлым вздохом повторил Наруто, опуская голову и тут же вновь вскидывая взгляд на отца. – Если вы с мамой решите запереть меня в доме, а его прогнать, то я всё равно уйду…

– Наруто, – Ирука прикоснулся пальцами к переносице, прикрывая глаза. – Ты серьёзно думаешь, что любишь… парня.

– Я не думаю. Я люблю.

«Да, а иногда бы следовало подумать», – засмеялся внутренний голос обидно.
Зачем он вообще решил открыть эту тайну отцу? Почему бы не продолжать делать вид, что они просто друзья, ведь это куда как легче, чем сейчас стоять под этим испепеляющим непониманием взглядом и ощущать, как внутренности медленно тлеют.
Надоело врать. Надоела ложь.
Вся эта мишура осточертела Наруто. Захотелось быть честным хотя бы перед кем-то, если ни перед собой, ни перед Саске честным быть не получалось.

– Это отклонение, – устало выдохнул Ирука. – У тебя проблемы в институте, у тебя проблемы везде, Наруто. Из-за твоего этого… Саске.

– Он не мой, – грустно усмехнулся парень.

Действительно. Учиха никогда не будет его полностью, одной своей частью принадлежа тем теням, с которыми он иногда разговаривает. А Наруто и не требовал. Ему хватало того, что можно было иногда разглядеть в тёмных глазах.

– Наруто… это ведь… парень.

– Да какая разница?! – взмахнул рукой блондин. – Парень, девушка…

Ирука иронично поднял брови, и Наруто почувствовал, как щёки заливает краской.

– Я всё тот же, па. Тот же. Просто… мне не безразличен человек, а кто он – это вопрос второй. Ты не понимаешь…

– Не понимаю и не пойму, – пожал плечами Ирука.

– И… ты из-за этого станешь считать меня ненормальным? – недоверчиво проговорил Наруто, вглядываясь в лицо мужчины с немой надеждой. Он представлял, как отец может отнестись к этой новости. Ведь сын, который предпочитает мальчиков, вряд ли то самое желанное, что хотел видеть Ирука в своём повзрослевшем отпрыске. Не те надежды он возлагал на него.

– Нет, не стану. Я просто не смогу тебя понять. Никогда, Наруто.

Блондин опустил голову, облизывая губы.
Тёплая рука легла ему на волосы и взъерошила их. Совсем как раньше.

– Я боюсь не того, что происходит с тобой сейчас, Наруто. Я верю, что мы воспитали хорошего человека. Но… я боюсь, что с тобой случится что-то, когда его не станет. Ты же знаешь это… Что будет с твоей жизнью потом?

Наруто поднял глаза и попытался выдавить лёгкую улыбку:

– Всё будет хорошо.

***

В свою комнату Наруто вернулся опустошённым. Разговор с отцом, в результате которого решили матери не портить нервы таким резким заявлением. Сузу и так с трудом терпела все выходки сына, и за это Наруто было особенно совестливо. Наверное, Ирука не осуждал сына. По крайней мере, этого в глазах отца блондин не увидел. И надеялся, что мужчина не стал бы заслоняться от него маской.
Выдохнув, Наруто предпочёл не задумываться хотя бы сейчас об ещё одном разговоре. Он провёл рукой по всё ещё влажным волосам и подошёл к кровати, на которой мирно спал Учиха. Спокойный.
Усмехнувшись, Наруто подошёл ближе.
Чтобы Саске не нёс, но он изменился. Какой бы бред не пытался вбить ему, Наруто, в голову, но что-то в Учихе поменялось.
Его обычно плотная маска слегка истончилась, показывая самый краешек полотна истинных мыслей.

– Какого пялишься?

Наруто так сильно задумался, что не сразу заметил поблескивающие чёрные глаза, наблюдающие за ним из-под слегка приоткрытых ресниц.
Саске не спешил подниматься, позволяя Узумаки какое-то время смотреть на него сверху вниз.

– Картину писать собрался.

– Руки у тебя не из того места, Узумаки, – усмехнулся Саске, всё-таки поднимаясь.

И даже этот его вечный сарказм и ирония не были больше пропитаны таким убийственным ядом. Это волновало и даже немного напрягало. Что стало с прежним Учихой, почему он сейчас такой?

– Иди помойся, натурщик, – весело фыркнул Наруто,

усаживаясь на кровать и вытягивая ноги. По мышцам разлилось приятное тепло и Узумаки блаженно поморщился. – Сам знаешь, где ванна.

***

Вода смывала усталость, боль, но не могла унять странного тянущего ощущения в груди. Саске поймал взгляд Наруто там, когда тот, как всегда зазевавшись на ворон, думал, что Учиха до сих пор спит.
И брюнету не понравилось то, что он увидел в поблескивающей лазури.
Саске зажмурился сильно, заставляя разноцветные круги вспыхнуть перед глазами, а потом по губе заструилось тёплое, капающее красными кляксами на белое дно ванны.
Ну вот.
В последнее время всё чаще.
Вздохнув, Саске провёл рукой по лицу, стирая кровавую дорожку и закрывая глаза, чтобы подставить лицо горячим струям воды.
Главное помнить, что всё это… другая реальность.

***

Ужин начался в очень напряжённой обстановке. Наруто и Саске сидели рядом, но между ними будто выросла ледяная стена, и Узумаки отчётливо чувствовал на себе напряжённый взгляд отца.
Иногда Ирука подолгу смотрел на Саске, и в этот момент Наруто становилось вовсе не по себе. Ведь Учиха ловил этот взгляд и, не стесняясь, пялился в упор, пока отец не отворачивался.
А потом пришла Сузу.
Ели молча, переглядываясь.

– Итак, – выдохнул Ирука. – Наруто, мы с матерью слушаем.

Узумаки, быстро зыркнув на Саске, что перекатывал вилкой тефтелину по тарелке, неуверенно поджал губы. С чего начать?

– Ты думаешь возвращаться в институт? – начала за него мать.

– Д-да, – неуверенно протянул Наруто.

Институт – что-то такое далёкое и будто бы совсем ненужное. Там забивают голову какими-то знаниями, а сейчас мозг был словно бы забит камнями. И не поймёшь, что тяжелее – гранит науки или же булыжники непонятных чувств и эмоций.

– Тебя отчислили, – безжалостно припечатал Ирука.

– М…

– Но ты сможешь восстановиться, если захочешь.

– Захочет, – строгий голос отца.

– Хорошо.

Весь разговор, которым Наруто пугали, свёлся к вопросам о его будущем. Саске сидел молча, предпочитая смотреть перед собой и тихо пережёвывать безвкусную, но очень аппетитную на вид еду. После больничной кормёжки стряпня Сузу казалась просто верхом эстетического вкуса. Что там было с вкусом реальным, увы, Саске знать не мог.
«Саске».
Тихий голос вынудил парня поднять глаза и уставиться перед собой.
Белокожая, улыбаясь бескровными губами, ковыряла пластиковой ложкой бесцветное варево из… червей и крупных кусков земли. Она показала свои перепачканные в чёрном зубы и звонко, заливисто рассмеялась, откидываясь на спинку стула. Смех раздваивался и теперь лился изо всех углов, оглушая.
«Мой Саске», – проворчала она недовольно, словно кто-то мог оспорить её права владения этим отмирающим телом.
Ощерившись, Белокожая медленно поднялась из-за стола, обошла его и остановилась за спиной рассказывающего что-то Наруто. Она вновь посмотрела на Саске, поднимая чёрные брови. В ее руке появился скальпель.
«Только мой Саске. Мой».

Она склонилась над блондином, и её длинные черные волосы упали тому на плечо, но он продолжал говорить с отцом. Он не видел, не чувствовал, когда скальпель прижался к его уже затянувшемуся порезу, делая новый. Углубляя, расширяя.
Учиха почувствовал, что изо всех сил сжимает что-то в руке, но не мог отвести взгляда от толстых маслянистых полос крови, бегущих по загорелому лицу.
Нет.
Нет.
«Саске будет со мной».
Боль резанула ладонь, и Белокожая пропала, оставив после себя в воздухе запах тины.
Учиха моргнул и внезапно поймал на себе взгляд всех троих.

– Что? – выдохнул он.

– Саске, – напряжённо проговорил Наруто, протягивая руку к руке брюнета и касаясь судорожно сжатых пальцев, по которым бежала тёмная кровь. Собственное лицо Узумаки было совершенно чистым от иллюзорных красных разводов.

– О, Боже! – выпалила Сузу. – Я сейчас принесу аптечку.

– Мам, я сам. У меня в комнате есть, – сказал Наруто, поднимаясь из-за стола.

Он смотрел на ошарашенное лицо Саске. Учиха выглядел… растерянным?

– Ты уверен? – спросила Сузу, замирая в дверях.

– Да. Пойдём. Саске.

Учиха, наконец, разжал нож, за острие которого он каким-то образом схватился, и медленно поднялся.

– Извините.

***

– Что ты увидел?

– Ничего.

– Но я же заметил, Саске.

– Ничего, – повторил Учиха, смотря поверх плеча парня, и внезапно опустил голову: – Я… я не знаю, Наруто.

Узумаки, протирающий глубокий порез, что пересекал ладонь брюнета, вопросительно посмотрел на него, замирая на миг.

– Что это было?

– Я часто вижу её. Женщину.

– Женщину? – нахмурился Наруто, вытаскивая из аптечки бинт.
– Кто она?

– Я её не знаю. Она приходит… иногда…

– То есть… тебе это видится?

– Нет, блядь! Она реально сидела сегодня за вашим столом, Узумаки, – раздражённо прорычал Саске.

– Я просто спросил, не злись.

Наруто затянул бинт и сделал небольшой узелок. Вспышка злости между ними так же быстро погасла и повисла тишина. Залитая неоновым светом от настольной лампы комната Наруто казалась ещё меньше, чем была на самом деле. Но в ней было… уютно.
Пальцы Узумаки прошлись по бинтам на ладони Саске осторожно.

– Она что-то вроде галлюцинации?

– Что-то вроде, – лаконично отозвался Саске, смотря на опущенное лицо парня.

– Ты рассказал отцу?

– Угу.

– И что?

– Не знаю.

Какое популярное сегодня слово.

– Что ты сказал ему?

– В смысле?

Наруто поднял глаза на брюнета, понимая, что этот чёрный взгляд поймал его в ловушку, из которой не выбраться.

– Не прикидывайся. Ты знаешь, о чём я.

Слова Учихи были такими острыми, почти как и боль под рёбрами. Что он сказал отцу? Он сказал, что любит…
Но он никогда не скажет это самому Саске.

– Я сказал, что мы вместе.

– Вместе? – ирония. – Вместе – это как? Что мы с тобой переспали или что мы просто ночуем в одной комнате?

– Вместе – это вместе, – раздражённо буркнул Наруто, отпуская руку брюнета и усаживаясь к нему боком на кровати. Он сгорбился, упираясь взглядом в светлый ворс ковра на полу.

– То есть, ты просто сказал, что ты по мальчикам? – усмехнулся Саске, откидываясь на спинку кровати и вытягивая ноги.

– Зачем ты опять? – поморщился Наруто.

– Я просто хочу знать, как ты это всё объясняешь себе и другим.

– Я никак не объясняю, – сквозь зубы процедил Наруто.

Иногда Учиха бывает похуже пиявки…
Узумаки резко повернулся к нему и выпалил:

– А ты? Как ты себе объясняешь всё это?

Чёрные глаза кажутся практически матовыми и будто бы забирают остатки души, которая для удобства разбита уже на мелкие осколки.

– Просто.

– Как?

– Я тоже тебя люблю.

Глава 13. 33 и 32.

Глава 13.
33 и 32.

«Человек 33 черты
любовь или ненависть ты…
хотелось бы знать
остаться мне или бежать
спасаться или продолжать.

Я 32 шипа
шипы поступки, шипы слова,
попробуй понять
остаться или убегать
спасаться или продолжать

Я 32 борьбы.
драться лучше, чем хныкать и ныть.
побеждённых легче простить.
издержки судьбы».
Флёр - человек 33 черты.

Воздуха как-то сразу стало не хватать, а сделать вдох было слишком больно, словно в лёгкие насыпали толчённого стекла. По телу пробежал холодный импульс, напрягший разом все мышцы, скрутивший сердце в шипастые тиски.

- Ч-что?

- Я не стану повторять. Ты прекрасно расслышал.

Голос. Холодный, жёсткий, словно Учиха признавался в ненависти, а не…в любви. Взгляд…такой отрешённый…

- Саске…

- Успокойся, Узумаки, - усмехнулся бесцветно брюнет. - Я сказал это. Не делай из моих слов событие.

Не делать событие? Как же…как будто он, Учиха, каждый день бросается такими признаниями, как будто этого от него легче дождаться, чем удара.
Да Саске бы себе язык откусил скорее, чем произнёс «люблю».
Наруто понял, что нужно попытаться вдохнуть хотя бы чуть-чуть воздуха и перестать пялиться на него такими большими глазами.

- Почему…почему ты это сказал?

В горле пересохло, и Наруто сам не узнал свой голос. Это вот воронье карканье действительно вырвалось из его глотки?
Учиха странно передёрнул плечами, словно замёрз или его пробрала нервная дрожь, а затем поднял глаза на блондина.

- Разве не это ты хотел услышать?

- Ты…сказал это только, потому что я хотел это услышать?

Наруто сжал руки, до этого спокойно лежащие на коленях. Собственные пальцы показались ледяными отростками и больно впились ногтями в ладони. Внутренняя дрожь стала вполне себе реальной.
Саске молчал, но лучше бы он говорил. Ведь взглядом Учиха мог выражать куда как более точные эмоции…

- Ты…

Наруто задохнулся собственным же возмущением, пополам со злостью, горькой и какой-то совершенно детской обидой. Такое бывает, когда тебе сообщают, что твой любимый пёс на самом деле умер неделю назад, а ты всё это время ходил и расклеивал объявления о пропаже питомца. Просто они не хотели тебя расстраивать сразу.
Будто бы боль со временем утихнет.
Узумаки взвился с кровати так резко, что перед глазами

побежали чёрные точки. Холод от пальцев распространился по всему телу, сковывая движения и лишая возможности здраво мыслить. Он вспылил, но вспылил не ударив Учиху, а ведь так хотелось…
Блондин и сам не заметил, как налетел на стол и резко упёрся в него руками. Наверное, он зря позволил эмоциям взять над собой верх: Саске не упустит шанс проехаться ещё и по этому. В груди вновь заболело, заныло противно до новой волны злости, вынудившей крепко сжать зубы.
«Узумаки, успокойся, придурок. Никто не умер…», - прошипел внутренний голос. Но успокоиться не получилось.

- Наруто, это лишь слова. Не принимай так близко…

Лучше бы он молчал. Лучше бы исчез.

- Заткнись.

Шорох, кажется, этот ублюдок поднялся с кровати. Пусть только подойдёт…
Наруто, резко развернувшись, вперился взглядом в стоящего напротив Саске. Слов просто не было, в голове поселилась пульсирующая пустота, а лёгкие обжигало каждым вздохом. Смотреть в это спокойное белое лицо, на эту маску, не было никаких сил, но отчего-то взгляд будто бы пристыл.

- Неужели ты действительно хотел это услышать так сильно?

- Заткнись…

Рука инстинктивно метнулась к груди, сжимая футболку. Но пальцы хотели бы пронзить эту кожу, кости и сжать ноющее сердце, чтобы чёртов кусок мяса навсегда остановился прямо сейчас.
Удар и колкая боль сковывает всё тело, словно осколки льда в крови всё-таки добрались до цели, пронзили, прошили и остановили. Перед глазами потемнело всего лишь на миг, а показалось, что они больше никогда не увидят. Что-то сильно вцепилось в плечи, не давая согнуться пополам, и темнота начала рассеиваться.

«Ну же, Узумаки, дыши ровно. Он и так увидел лишнего», - раздражённо потребовали в голове, и Наруто упрямо выдохнул через нос. Не замечать боли в груди было сложно, но под пристальным взглядом это стало делом чести.
Руки Учихи крепко сжимали плечи, то ли удерживая от падения, то ли брюнет решил добить…

- Отпусти, - тихо попросил Наруто, смотря куда-то на переносицу парня.

- Ты решил подохнуть?

- Если и решил, то тебя это не касается.

Наруто дёрнул плечами, пытаясь сбросить с себя эти ужасно холодные руки, но Саске лишь крепче вцепился, буравя лицо блондина странным взглядом.

- Что с тобой?

- А с тобой что?! - прорычал Узумаки, запоздало разжимая пальцы на своей груди и опуская руку. Получилось вцепиться в край стола, удерживая себя на ногах ещё и этим. Увы, этот жест не остался незамеченным чёрными провалами глаз, и брови сошлись над переносицей.

- Я сказал то, что сказал. Ты делаешь из этого трагедию.

- Зачем ты это сказал? Ты ведь не веришь в слова.

- Не верю.

Стало ещё хуже. Значит, он и правда в это не верит…

- Вот и прекрасно. А теперь отпусти.

- Я спросил - что с тобой? - с нажимом повторил Саске.

- Я не обязан перед тобой отчитываться.

Наруто отвернулся. Стена может быть прекрасной заменой этого застывшего лица. Тем более, она кажется гораздо теплее…
Сердце успокаивалось, но билось ещё слишком сильно о рёбра, и Наруто казалось, что его стук можно было услышать из соседней комнаты. Он действительно пытался успокоиться, не хотел показывать ещё больше. Спрятаться за беззаботную улыбку уже не получится, свести всё это в шутку тоже, раз не уклонился с самого начала. Раскрылся. Как полный идиот вспылил, требуя чего-то от того, кто может дать только пустоту и боль.
Ведь…таков Учиха.
Узкая ладонь легла на то место, где ещё несколько минут назад была рука Наруто и он, вздрогнув, всё-таки вновь повернулся к Саске, напряжённо следя за его лицом. Спокойный, непривычно спокойный, будто бы спящий с едва лишь прикрытыми веками. Он смотрел точно на его грудь, где под длинными пальцами тяжело бился комок из боли, грусти и непонимания. Обсидиановые глаза совершенно точно могли видеть сквозь кожу и кости. И с таким же мастерством могли заставить сердце замолчать навсегда.
Наруто тяжело выдохнул, чувствуя, как боль только усиливается.
Как будто Саске есть дело…
Как будто он мог за него испугаться.
Чушь.
Учиха на это просто не способен. В него не заложена такая программа, нет инстинкта страха за других, как и за себя.

- Отпусти.

- Ответь, - хрипло и в пустоту.

Взяв Учиху за запястье, Наруто легко отвёл его руку в сторону, и она тут же вновь вцепилась в локоть, а Саске двинулся вперёд, прижимаясь губами к губам блондина.
Ещё один болезненный удар, который вполне мог бы добить, но…
Узумаки застыл, покрылся тонкой корочкой льда. Он упрямо сжал губы, даже и не собираясь отвечать на этот поцелуй,

который значил для Учихи ровно столько же, сколько и его «просто слова». Уперевшись руками в грудь брюнета, парень оттолкнул его от себя. Благо Саске то ли не ожидал этого, то ли сам едва держался на ногах, но от Наруто он отшатнулся. Узумаки с долей какого-то мрачного удовольствия отметил на лице того лёгкое замешательство, почти сразу же сменившееся уже привычной усталой злостью.

- Значит, хотел. Хотел услышать.

- Иди к чёрту, Учиха.

Наруто опустил голову, пытаясь отдышаться и протолкать, наконец, этот треклятый горький ком, но воздуха для этого отчаянно не хватало. Нужно было спасаться, потому что стены начинали давить со всех сторон, словно ловушка должна была вот-вот захлопнуться, расплющив его.
Спасительной соломкой стала тихая вибрация телефона в кармане, заставившая парня судорожно вздрогнуть, выныривая из странной вязкой полутьмы. Пластиковое тело телефона в руках не предало им твердости, и пальцы продолжали мелко дрожать, обледенев, кажется, до кости.

- А ты любишь?

Не отвечай, не слушай его даже.
Глаза зацепились за имя на дисплее, и Наруто резко нажал кнопку приёма.

- Да?

- Наруто, - послышался голос Нагато. - Ты мне не перезвонил.

- Прости, - поморщился блондин. - Я…не было времени. Всё хорошо, Нагато.

- Я у твоего дома.

- Что? - встрепенулся Узумаки, отчего-то глядя на стоящего перед ним Саске.

По лицу Учихи можно было прочитать лишь одно желание: выхватить сотовый и разбить о стену, поэтому Наруто двинулся к окну, стремясь уйти с траектории этого тяжёлого взгляда. Да и просто…не хотелось на него смотреть.
Красная машина на самом деле стояла у низкого забора, и в окне виднелся профиль Нагато.

- Я не знал где тебя искать, а на телефон ты не отвечал…

- Он на вибро. Я…я сейчас. Подожди, пожалуйста.

- Жду.

И отбой.
Наруто, убрав телефон в карман, подхватил со стула свою толстовку и ринулся к двери. Айсберг в виде мрачного до ужаса Саске вырос на пути так внезапно, что Узумаки едва не столкнулся с ним, запоздало отступая на шаг назад.

- Кто это?

- Какая разница…

- Наруто.

- Дай пройти.

- Нет. Ответь.

У Наруто всё-таки хватило смелости поднять на него глаза и позволить заточенным иглам чужого взгляда вновь вонзиться в сердце. Они, проходя через зрачок, мучительно медленно ползли по венам, раздирали их в клочья, втыкались и застревали.

- На что?

- Ты любишь меня?

О, Небо, пусть бы он онемел, пусть бы его язык больше никогда не шевелился. Зачем всё это? Зачем какие-то вопросы, если ему всё равно?

- Слова ничего не значат, - мстительно проговорил Наруто, разрывая такой тяжёлый и такой необходимый зрительный контакт.

Холодная ладонь на груди вновь. И теперь она усеяна мелкими-мелкими серебряными кинжалами…

- Любишь?

«Просто возьми и уйди».
Впервые за долгое время повиноваться голосу разума было так легко. Отпрянув резко и вильнув в сторону, Наруто выскользнул из своей комнаты так быстро, словно за спиной полыхало пламя и было просто необходимо поскорее выйти на свежий воздух, чтобы отплеваться от осевшей в глотке гари. Но не только он бежал от несуществующего огня - хлопнула дверь, за руку потянули назад, вынуждая остановиться и повернуться лицом.

- Куда ты?

- Саске, отпусти. Давай не будем…

Устраивать скандал посреди коридора родного дома Наруто категорически не хотел. Но, судя по лицу Учихи, тому было глубоко плевать, где выяснять отношения.

- Неужели ты такая нежная фиалка?

- Оставайся, пожалуйста, здесь. Я вернусь чуть позже.

- Наруто! - рык.

- Я скоро.

Руку высвободить удалось со второго раза, но, получив

долгожданную свободу, Наруто припустил по лестнице вниз, наткнувшись там на вышедшего на голоса отца.

- Куда это ты? - выпалил Ирука, поймав странно бледного сына.

- Да…там…по поводу института, - не глядя в лицо мужчине, соврал он.

- Вечером?

- Одногруппник хочет поговорить, па. Присмотри, пожалуйста, за Саске, чтобы он никуда не ушёл. Хорошо?

- Наруто, всё нормально?

- Да. Хорошо?

- Ладно, присмотрю. Ты только недолго…

Кивнув, Наруто отошёл от отца и быстро натянул кеды. Бежать из дома, оставляя в нём бомбу по имени Саске, было глупо, но парень ничего не мог с собой поделать. Остаться значило выслушать ещё тонну далеко не самых приятных догадок Учихи, а затем, сорвавшись, врезать ему. Наруто слишком хорошо помнил, чем закончилась их драка в доме Саске, когда брюнет от слабого удара повалился на пол и ещё долго приходил в себя.
Жалел.
Фыркнув, Наруто всё-таки вышел из дома, стремительно направляясь к машине. Завидев его, Нагато завел мотор, и блондин юркнул на переднее сиденье.

- Наруто…

- Просто поехали, - выпалил Узумаки, закусывая до боли губу.

Нагато был идеальным другом, не задающим много вопросов. Он знал, что сможет получить свои ответы позже, когда Узумаки перестанет колотить эта странная дрожь и когда к его лицу вернутся краски.

***

Саске показалось, что он вновь попал в карцер. Он был заперт. Своими же словами помещён в эфемерную клетку, откуда можно выбраться, да вот только ноги не идут.
Стоять посреди чужого коридора было не очень-то и умно, а Наруто действительно ушёл.
Шаги по лестнице будто бы вернули его в реальность.

- Наруто попросил тебя никуда не уходить, - оповестил его Ирука, осматривая странно и будто вскользь.

- Куда он пошёл?

Брови мужчины удивлённо дрогнули.

- С другом пообщаться.

- С другом, - медленно повторил Саске и провёл рукой по лицу.

- Что-то случилось?

В вопросе мужчины так и читалось невысказанное «Какого чёрта тебе надо от моего сына?!», но Ирука был слишком добр или сдержан, чтобы спросить это в лоб.
Учиха заторможено качнул головой, впервые не зная куда себя деть. Даже в лечебнице не было такого ступора…

- Можешь спуститься вниз. Там по телевизору…

Он не дослушал Ируку, развернувшись и, будто утопая в патоке, побрёл обратно в комнату. Осознание мелкими уколами проходило по телу, но не приносило в голову ясности.
Ведь это просто слова.
Пальцы подхватили куртку.
А словам верить нельзя.
Рюкзак занял привычное место на плече.

- Саске, он просил подождать, - напомнил заглянувший в

комнату Ирука.

- Не вижу смысла.

- Саске, - мужчина перегородил ему дорогу, заставляя взглянуть в глаза. - Я не понимаю, что там у вас с моим сыном, но я бы не хотел, чтобы он думал, что это надолго.

- Не переживайте, - сквозь зубы процедил Саске. - Это быстро пройдёт.

- Уверен?

Напряжения в голосе Ируки хватило бы, чтобы вить стальные канаты. Отец…конечно же он будет переживать за сына, конечно будет надеяться, что эта блажь пройдёт и его мальчик женится, заведёт детей. Всё как у всех, а не так. Не так неправильно, глупо и беспросветно.

- Да, - сухо отозвался Саске, чувствуя огонь внутри. Это обязательно пройдёт, когда его гроб закопают. Осталось за малым - дождаться. Ведь нельзя быть привязанным к мёртвому.

- Я переживаю, что Наруто воспринимает это слишком серьёзно.

- С чего бы? - вялая усмешка и взгляд за спину мужчины. - Это случается. Вы же знаете…любопытство и всё такое. Становление личности. А вам такая личность Наруто не нужна, так?

- Нам нужен любой Наруто.

- Но удобнее было бы, если б он был как все? Обычным?

Ируке не понравился этот прищуренный полный злого сарказма взгляд. Саске производил впечатление змеи, которой нужно ужалить как можно сильнее.

- Мы любим его любым.

- Да?

- Да.

- Тогда почему завели этот вопрос?

- Я волнуюсь, хотя это всё несерьёзно, - Ирука тихо хохотнул, будто бы они разговаривали о простой игре в песочнице. - Ты, он… вы найдёте себе хороших девушек и создадите семью. Ячейку общества.

Учиха едва сдержался от очередной усмешки. К чему этот разговор?

- Несерьёзно…так и есть. А теперь дайте мне пройти.

Смерив Учиху долгим взглядом, Ирука всё же посторонился, пропуская брюнета в коридор. Конечно, Наруто будет не в восторге из-за невыполненного обещания отца, но мужчина не мог удерживать этого странного парня силой. Не цепями же его к батареи приковывать. Смотря в гордо выпрямленную спину, Ирука внезапно понял, что этого бы и цепи не удержали. Есть такой род людей - перегрызет себе руку, но из пут выберется.

- Знаешь, Саске, он сказал, что любит тебя.

Это было похоже на выстрел в затылок, без глушителя.
Из дробовика.
Любит?

***

Пустынное жёлто-коричневое поле убегало далеко вперёд, заканчиваясь синеватой полоской лесопосадки. Где-то там, за деревьями, проносятся машины, увозя своих «всадников» в их уютные замки.
Сейчас, в это странное время, когда солнце уже упало за горизонт, разбившись, а его кровь до сих пор медленно тлеет на облаках, воздух казался практически осязаемым. Протяни

руку, сожми его, уничтожь…
Наруто опустил голову, утыкаясь лбом в согнутые колени. Он сидел на поваленной бетонной плите. Когда-то давно она должна была стать частью какого-то так и недостроенного здания, но так и осталась бесхозной, а постройка за его спиной медленно превратилась в пристанище любителей одиночества или толпы подростков, ищущих уединения.
Сероватые бетонные руины, пустые и холодные. Они охраняли свою чёрную пустоту столько, сколько себя помнил Наруто. Ещё маленьким мальчиком он с Ирукой приходил в это поле. Летом здесь одуряющее пахло травами и цветами, весной прохладой и дождём, а осенью…осенью здесь всё замирало, чтобы окончательно умереть зимой. И это недостроенное здание ждало, пока его болезненно-голый костяк укроет пушистый снег, спасёт от пронизывающих ветров и чужих взглядов.
Узумаки тихо хмыкнул. Ведь он никогда не был философом, а теперь что-то накатило…
Да какого хрена собственно?!
Злость уже привычно смешалась с обидой. Ледяной, тягучей и ядовитой. Такую может вызывать только Саске своими словами, брошенными будто бы невзначай.
Как вообще можно признаться в любви невзначай?!
А признавался ли Учиха?
Или это была какая-то особо изощрённая шутка?
Нет…было непохоже. Он редко говорит с таким взглядом.

- Я взял тёмное. Светлого не было.

Усевшийся на плиту рядом, Нагато протянул парню холодную бутылку пива, и Узумаки, не глядя, сжал её в руке.
Значит, это было сказано просто ради…ради очередного спора? Или как это понимать?
«Потому что ты хотел это услышать», - услужливо подсказали воспоминания голосом Учихи.
Хотел?

- Эй, Наруто, вернись на землю. Что случилось?

Вздрогнув от лёгкого прикосновения к руке, парень посмотрел

на Нагато и вымученно улыбнулся:

- Саске случился.

- Опять? - наморщил лоб Нагато. - Слушай, я совсем запутался во всём этом.

- Я тоже.

Узумаки сник, покусывая губу. Если там, в комнате, ему хотелось сначала просто перестать существовать, разорваться от боли, то теперь нахлынуло какое-то непонятное раздражение. И даже не Учиха был тому виной, а сам Наруто. Ведь знал же, что показывать свои эмоции Саске - это как ходить по минному полю. Один раз повезёт, и ты перешагнёшь мину, а в следующий момент тебя разнесёт в фарш.
Видя, что друг вновь начинает уходить куда-то вглубь себя, Нагато терпеливо выдохнул:

- Рассказывай.

Делиться чем-то, что ноет в груди огромной раной, трудно. Ты всегда ждёшь подвоха, что тебя остановят, скажут, мол, твои проблемы никого не интересуют или что-то вроде «не парься, чувак!».
Но Нагато был не таким. Красноволосый слушал, молча потягивая своё пиво. Наверное, парень понимал, что говорить Наруто трудно, но выговориться жизненно необходимо. Это было видно по лицу блондина, по его потускневшим глазам и по тому, что за весь свой рассказ он ни разу не притронулся к бутылке.

- Ты сунулся за ним в психушку, - обречённо проговорил Нагато, когда Узумаки закончил свой рассказ.

- Да.

- И вытащил его.

- Угу.

- А потом он признался тебе в любви.

Наруто сдавленно простонал, уткнувшись лбом в колени.

- И в чём проблема?

- В Саске. И во мне. В нас…

- То есть?

- Иногда я его ненавижу.

Красноволосый грустно улыбнулся, допивая и отставляя бутылку в сторону.

- Какие сложные отношения.

- Если бы отношения…

Наруто замолчал вовсе, уставившись на горизонт. В воздухе заметно похолодало, а вокруг начинало темнеть и над полем повисла какая-то зловещая атмосфера. Но монстров, что могли прятаться в ней, Узумаки уже не боялся. Вообще весь страх будто выкачали из тела вместе с желанием двигаться, идти домой и что-то говорить родителям.
Говорить Саске.
Ведь тот не отстанет, придётся вновь ввязаться в спор, ругань. Другого от Учихи ждать не приходилось.

- Тогда оставь его.

Это было так дико слышать, что Наруто даже повернулся к Нагато, пытаясь угадать, а действительно ли красноволосый сказал это или же галлюцинации не заставили себя долго ждать?

- Брось его, - фиалковые глаза сверкнули. - Он причиняет тебе столько боли, а ты терпишь. Ты разве не видишь, что зависим, а Учиха - это не тот человек, от которого можно быть зависимым.

- Я не смогу бросить, - пожал плечами Наруто. - Я обещал.

- Ты подсел, друг, - мрачно хохотнул Нагато.

- Я? Подсел?

- А разве нет?

Узумаки облизал губы, разглядывая лицо своего собеседника. Нагато всегда говорил дельные вещи, к этому человеку стоило прислушиваться, но…
Сейчас Наруто просто не мог себе представить, что придётся отвернуться от Саске. Уйти, зажить…
Зажить.
На самом деле своей жизни блондин вовсе не мог представить. Привык ходить по тому самому минному полю, ожидая боли. Ожидая смерти. Своей, его…их.

- Это добром не кончится, Наруто.

- Я знаю.

- Тогда спасайся, пока не поздно. Почему ты терпишь?

- Потому что…

Он закрыл глаза, выдыхая через нос медленно. Боль достигла своего пика. Она ударила в виски, залепила глаза тёплой ватой и прошлась по нервам тупой пилой. Кулак свободной руки бессильно сжался, и Узумаки поднялся на ноги. Щелчок - бутылка всё-таки откупорена и горьковатая жидкость полилась в горло, заставляя заткнуться на долгие несколько минут. Захлебнуться в пиве, потушить им же огонь внутри не получилось. Оно оставило горечь на корне языка.

- Потому что я тряпка, Нагато. У меня нет воли…

Злые слова обжигающим воздухом вырвались изо рта. Учиха ведь так всегда говорил? Так?

- Потому что я обещал! Потому что привык. Подсел!

Пустая бутылка со злостью полетела в стену, рассыпаясь мелкими осколками с таким звоном, что где-то в близких гаражах пискляво залаяла шавка.

- Чёртов Учиха! Ненавижу!

Хотелось рычать, бить, ругаться. Вместо этого он подхватил вторую пустую бутылку и запустил её в ту же стену. Очередной звон, лай.
Бутылки кончились, а злость нет. Она обхватывала полностью, душила.
Зарывшись руками в волосы, Узумаки шумно выдохнул сквозь зубы. Если бы можно было разорвать себя пополам, если бы можно быть вытащить сердце и скормить той собаке в гаражах. Если бы можно было не любить Саске.
Просто. Приказать себе. Забыть его.
Забыть и не вспоминать. Вырезать из мозга тот сегмент, который заняли эти чёрные глаза, длинные нервные пальцы, тонкие упрямые губы и ужасный, отвратительный характер. Ведь Учиха никогда не полюбит. Никогда не поверит и будет дальше медленно вытягивать по жиле, наслаждаясь чужой болью.
Тот, кто был изранен, не сможет понять, что ранит своими руками.
Пальцы до боли потянули за волосы, словно бы тело пыталось вернуть своего хозяина в этот мир. А потом на спину легли тёплые руки, прижавшие к себе крепко и успокаивающе.

- Тише…

Омерзение к собственной жалости окатило с ног до головы, и Наруто опустил руки, просто утопая в собственных глупых эмоциях.
Его жалеют…
Пальцы Нагато мягко поглаживали по затылку, словно ребёнка. Он пытался успокоить, а от этого становилось только хуже. Оставалось только уткнуться лбом в куртку красноволосого и

мерно вдыхать незнакомый запах. Может, действительно получится успокоиться.

- Если бы, - глухо начал Наруто, понимая, что его слышат. - Если бы я отказался от него сразу, когда он мне сделал больно, то…кем бы я был тогда?

Нагато тяжело вздохнул, замирая.

- Кем? Трусом, который бежит при первой же сложности? Трусом, который отказывается от человека, если с ним трудно?

- Наруто…

- Да, я зависим. Но…это моя зависимость. Мой выбор. Я обещал, я заставил его поверить, Нагато. Хоть немного, но заставил. И…

Наруто замолчал на миг, переводя дыхание и отстраняясь слегка, чтобы вглядеться в лицо друга.

- И он изменился. Нет, Саске не стал лучше, с ним не стало легче, - кривая изломанная улыбка. - С ним так же больно, как и раньше. Но без него…

- Тоже больно?

Кивок, потому что горло сдавливает спазмом.

- Это сплошная боль, Нагато.

Наруто поднял руки, проводя ими по лицу, будто бы это могло помочь.

- Но я не прячу её и не прячусь от нее. Это моя боль.

Красноволосый добро улыбается. Так мягко, словно эти слова напомнили ему о чём-то давно забытом, будто бы с его губ когда-то срывались такие же. Наруто едва не вжал шею в плечи, когда Нагато прижал палец к одному из порезов на его щеке.

- Любовь причиняет боль и страдания, а если ты знаешь истинную боль, ты её уже ни с чем не перепутаешь.

Моргнув, Узумаки попытался улыбнуться, но маска не липла к лицу, обваливаясь мокрой штукатуркой. Почти тёмные в сумерках глаза Нагато смотрели необычайно грустно, словно и его вторая личина на миг развеялась.

- Так или иначе, - вздохнул парень, и наваждение осыпалось осколками. - Ты сделал свой выбор.

Наруто кивнул, поджав губы и низко опустив голову. Теперь, когда Нагато всё-таки удалось остудить его злость, стало стыдно за эту вспышку.

- Нагато, - пробормотал Наруто, чувствуя, как щёки заливает огнём. - Я ужасный друг…

Усмешка, и пальцы ерошат волосы. Так легко и беззаботно.

- Прости, что вечно тебя впутываю.

- Не переживай. Просто…поговори с Саске. Серьёзно поговори.

- Я…поговорю.

***

Это невыносимо, когда верхний слой отваливается от тебя, обнажая твою суть, показывая то, кем ты являешься на самом деле. Все надуманные барьеры, все запреты и правила начинают осыпаться крошевом. Бесполезность.
И тебя заполняет отвращением к тому костяку, который оголяется из-под всего этого слоя лжи самому себе. Попытки самообмана никогда хорошим не заканчиваются. Ведь это тоже побег от ответственности, побег от себя в толпу безликих лжецов, которых ты считаешь хуже. Почему? Лишь потому что нашёл в себе что-то показавшееся тебе не таким уж и гнилым? Потому что подумал, будто бы у других этого нет?

Любит…

- Придурок, - сквозь зубы процедил Саске, обхватывая себя руками и пробегаясь взглядом по улице.

Саске сжал пальцы до боли, до мнимого хруста в суставах. Получается, он всё-таки сломал Наруто. Разрушил его светлую жизнь окончательно и бесповоротно, отравил всё то светлое, что было и могло быть. Ведь вокруг Наруто всегда были только хорошие люди. Притягивало их к нему что ли его беспросветной наивностью, часто граничащей с детской глупостью?
Родители, Джирайя, Нагато…
У Саске и половины не было. Да что уж там - у него вообще никого не было.
Только…
…Узумаки.
Словно реагируя на это имя, голова вспыхнула ослепляющей болью…

***

Стало намного холоднее, и в воздухе явственно запахло дождём. И Наруто отчего-то подумал, что очень соскучился по грому и грозе…

- Тебе, наверное, ехать нужно, - проговорил Наруто, глядя на совсем уж потемневший горизонт. Нагато сбросил уже два звонка, и Узумаки чувствовал, что вот-вот последует третий.

- Шеф. Он мне смены поменял…сегодня в ночь.

Красноволосый печально поджал губы, нервно теребя в руках телефон.

- Ну…тогда пока? - смущённо улыбнулся блондин.

- Давай я тебя довезу до дома.

- Не, - отмахнулся Наруто. - Я ещё пройтись хочу.

Лицо Нагато изменилось, и в фиалковых глазах прочитался немой протест этому решению.

- Не переживай, - тихо рассмеялся Наруто. - Я тут каждый угол знаю, да и до дома недалеко.

- Тебе напомнить, как мы познакомились? - иронично вздёрнул брови красноволосый.

- Спасибо, помню. Серьёзно, спасибо…ты езжай.

- Не грусти, Наруто. Если что ты всегда знаешь - я рядом.

Узумаки усмехнулся и ткнулся лбом в плечо друга. Говорить в третий раз «спасибо» было бы верхом глупости и нелепости, а Наруто и так сегодня слишком долго красовался в виде полного идиота.
Взъерошив светлые вихры напоследок, Нагато поднялся с плиты и направился к машине.

- Звони, - бросил он.

Махнув рукой на прощание, Наруто отвернулся. Включились фары, на миг осветив клочок поля и сделав его тень длинной, неестественной и очень зловещей. Словно демон какой.
Узумаки тряхнул головой, стараясь не забивать мозг ещё большей ерундой, что уже была там. Как будто ему недостаточно всего…
Жужжание мотора начало потихоньку смолкать, и вскоре повисла странная тишина. Наруто забыл, что такое быть одному. Собственно, он никогда и не знал, всегда находясь в обществе, если не друзей, то товарищей. Одиночество было ему незнакомо. Горький привкус тишины внутренней и наружной никогда не ощущался так явственно, словно все нити были разом перерублены, а сознание потихоньку засыпало.
Нужно было подняться и идти домой. Этот влажный холод, оседающий мелкими капельками на волосах, совершенно не нравился Наруто, как и собственное настроение.
Нагато будто бы забрал всю тьму, впитав её своими

фиалковыми глазами. На душе было непривычно легко, но от этого даже как-то пусто, что и пугало. Эмоции ушли, будто Наруто запретил себе чувствовать, хотя и знал, что эта отрешённость продлится ровно до первого взгляда в чёрные глаза, до первых слов.
А потом опять в омут с головой. Опять умирать, позволять сердцу разрываться на части.
Пальцы сжались на второй бутылке пива, которую Нагато купил прибитому жизнью другу, чтобы тот хоть немного забыл про свои проблемы. Конечно, не очень умно было спаивать «страдальца», но, когда слова не помогают избавиться от всего мусора внутри, то его может размыть алкоголь.
Допив остатки пива, Наруто поднялся, закинув бутылку куда-то далеко. Теперь уже без злости…

***

День просто не мог закончиться иначе.
Никак.
Наруто явственно почувствовал себя самым последним неудачником, когда на середине пути припустил самый настоящий осенний ливень. С пузырями на дороге, с оглушающим шумом и сковывающим тело холодом.
Вода лилась сплошной стеной, быстро вымочив парня до нитки. Тело начинало легонько подрагивать и, ещё немного - простуды будет не миновать.
До дома Наруто добрался изрядно дрожащим, зато вновь было начавшие собираться в груди эмоции, замёрзли вместе с ним и прекратили пускать свои ядовитые отростки в сердце.
Толкнув дверь, Наруто сразу понял, что родители уже спят.
Едва не ломая ноги из-за царящей в доме темноты, он медленно поднялся на второй этаж, на ходу приказывая себе терпеть любые издёвки Учихи.
Вообще терпеть Учиху стало лозунгом вечера.
Но, толкнув дверь, Наруто вошёл в совершенно пустую комнату, и сердце неприятно пропустило удар. Ни рюкзака, ни куртки.
Ушёл…
Влажная рука соскользнула по косяку и повисла безвольной плетью.

Мечтая всё утро избавиться от Саске, убегая от него, как от пожара, сейчас Наруто готов был проклясть себя за необдуманные желания. Ведь они сбываются. А глупые имеют дурную особенность воплощаться в жизнь с большей охотой и вероятностью.
Он не мог уйти…
На ватных ногах Наруто двинулся вниз по лестнице, надеясь увидеть Саске в зале…
Гостиная была пуста так же, как и кухня.
Узумаки замер у окна, нащупывая в кармане сотовый, вытаскивая его и глядя на тёмный дисплей. Был ли у Саске телефон с собой? Ведь он не видел, чтобы Цунаде или Итачи возвращали оный Учихе.
И почему всегда что-то с этими треклятыми пластмассинами не так?!
Замёрзшие пальцы, с трудом попадая на кнопки, набрали номер, но из динамика полился стандартный женский голос, от которого Узумаки захотелось избавиться путём выстрела в лоб.
Увы, ни пистолета, ни пули у Наруто не было.
Убрав телефон, парень уставился в окно, где за ним покачивались голые ветви кустов, и лился дождь.
Так странно потерять человека только из-за того, что тот оставил где-то свой телефон. Глупо и обидно.
Ведь…Саске мог пойти куда угодно.
Повинуясь странному желанию, Наруто двинулся к выходу и, поразмыслив, вышел на улицу, напряжённо вглядываясь в пелену из дождя. Если Учиха ушёл сразу, как он, Наруто, сбежал, то быть мог уже далеко, а если он поймал попутку, то тем более…

- Чёрт! - зло выпалил Узумаки, пиная невиновный в его проблемах столбик.

И тут взгляд зацепился за то, что сразу не заметил.
Чёрная фигура, сгорбившись, сидела на лавочке в саду.
И принадлежать она могла только одному человеку.
Выдохнув, Наруто медленно двинулся в сад, не обращая никакого внимания на пронизывающий холод.
Учиха даже не пошевелился, когда блондин встал напротив него. То ли не заметил, то ли не хотел замечать.

Отросшие волосы завешивали опущенное лицо, и по ним крупными каплями стекала вода, бледные даже с синевой руки лежали на коленях расслабленно, будто бы Учиха спал. Он был каким-то настолько неподвижным, что нехорошее предчувствие зашевелилось за рёбрами.
А что если?
Подрагивающая рука зависла над макушкой Саске, едва касаясь её пальцами, даже на таком расстоянии чувствуя буквально зимний холод, исходящий от этого изваяния.
А затем Учиха вскинул на него лицо, и Наруто быстро одёрнул руку.
В этой темноте брюнет очень здорово напоминал призрака. Мокрые чёрные волосы, облепившие словно бы застывшую в немой злости фарфоровую маску, казались мелкими трещинками, что испещрили оную так безжалостно. Чёрные глаза были непривычно матовыми, но так знакомо злыми, что Наруто выдохнул совсем уж безнадёжно.

- С кем? - тихо спросил призрак.

- Что? - не понял сразу Наруто связи. Нахмурился, глядя на парня сверху вниз и пытаясь проследить за такой запутанной логикой Учихи.

- С кем ты был? - терпеливо повторил Саске.

Его взгляд буравил тяжело, но уже не ранил. Тело отучилось чувствовать боль или же просто очень сильно замёрзло, а выпитое пиво стало слабым обезболивающим для эмоций.

- Саске…

- С кем?

- Блин, - выпалил Наруто. - Да какая тебе разница?!

- Я задал вопрос.

Саске был обманчиво спокойным, но от него исходила та самая чёрная, пугающая аура, которая всегда заставляла, будто бы

барахтаться в разом загустевшем пространстве. Ты попадаешь в эту паутину, а она своими тонкими шёлковыми ниточками разрезает тебя на мелкие кусочки.

- Это ведь только слова…

«Браво, Узумаки, ведёшь себя как сопливая девчонка», - похвалил внутренний голос, но Наруто решил, что сегодняшний полностью дурацкий день и закончиться должен подобающе.
Он отошёл на шаг назад, рассматривая сгорбленную фигуру с лёгкой улыбкой. Чему улыбаться он не знал, но нервы догорели, оставив после себя тлеющие головёшки. Они уже не грели, и оставалось смотреть, рассматривать и ждать очередного удара. Была ли это та самая Пустота, в которую он падал всё это время? Сорвался ли он?
Саске очень медленно повернулся, вглядываясь в лицо парня. Учиха скользнул взглядом по потемневшим глазам, по кривой линии губ, что складывалась в странную усмешку, по едва заметным сейчас порезам.
Это ведь из-за него?

- Почему ты ушёл?

Саске сделал какое-то странное движение, и Наруто только сейчас заметил, что парень вертит в руках свой неизменный складной ножик. Нервы, Саске?

- Потому что ты придурок.

Ну же, Учиха, покажи хоть что-то!
Вызвать у этой кладбищенской статуи хоть какие-то эмоции стало жизненной целью. Пусть она и попахивала самоубийством, но так просто сдаваться Узумаки не хотел. С Саске плохо, без него ужасно - этот круг нужно было разорвать, расставив все точки вместо многоточий.

- Почему ты ушёл с Нагато?

- Тебя это волнует?

Всё произошло так резко, что Наруто невольно вздрогнул, когда лопатки врезались в стену. Тело придавили с такой силой, которой в принципе не могло быть в этих тонких руках, но иногда Учиха способен черпать силы из собственной злости. Значит, он зол? Значит, у Наруто получилось.
Мрачное ликование затопило всё его существо, и Узумаки довольно улыбнулся, догадываясь, что это лишь подольёт масла в огонь.

- Отвечай мне на вопросы, - прошипел Саске.

- Зачем? Ты не веришь словам.

Учиха шипяще выдохнул, становясь похожим на большую змею, что и укусить хочет, да всё не решается.
Наруто только сейчас заметил, что в одной руке у брюнета всё также зажат нож. Это заставило вопросительно вздёрнуть брови, ловя полный тёмного огня взгляд. На миг показалось, что они не выбрались из психушки, что перед ним всё тот же псих со скальпелем, каким-то чудным образом принявший облик Учихи.

- Ты хочешь закончить всё сейчас? - сухо спросил Узумаки, кивая на нож. - Ну так вперёд. Чего ждёшь?

Маска на лице Саске всё же дрогнула, и парень недоумевающее посмотрел на оружие в своей руке. Он будто бы не замечал его, а сейчас открылись глаза на действительность. Учиха растерялся, и этого хватило, чтобы, перехватив его руки, Наруто дёрнулся в сторону, меняясь с ним местами.

- Саске, - устало выдохнул блондин. - Это не может так продолжаться.

- Как? - зло трепыхнулся Учиха, но в любом случае Наруто сейчас был сильнее.
- Твоё терпение наконец-то дало трещину, да, Узумаки? Ты теперь понял, что имеешь дело с психом? Что зря вытащил меня?

- Я понял лишь одно, - передёрнул плечами Наруто, проводя рукой по сжатому кулаку Саске. Взгляд всё ещё цеплялся за поблескивающее лезвие ножа, но Наруто заставил себя взглянуть в глаза парня.

- Что? - зло прошипел попавшийся в свою же паутину паук.

Да, она резала. Но теперь, опутав двоих, пускала кровь из обоих тел.

- Что ты любишь меня.

Это было последней каплей. Дёрнувшись, Учиха отпихнул от себя парня и сам вновь отшатнулся назад, стукнувшись о стену. Чёрные глаза ещё никогда не выражали столько удивления, столько злости и одновременно растерянности.

- Нет.

- Нет? - вздёрнул брови Наруто. - Ну тогда вперёд. Нож у тебя есть.

Узумаки замер, чувствуя, как в груди всё ходит ходуном. Даже рёбра и те дрожали, поддаваясь какой-то странной вибрации, наполнившей тело. Наверное, это был алкоголь, а, может, усталость и злость, которую так и не удалось выкорчевать из тела со всеми её ядовитыми корешками.
Хмыкнув своим мыслям, Наруто подошёл ближе, игнорируя буквально осязаемую стену, которую Саске пытался наспех выстроить между ними. В этом бою ты, Учиха, проигрываешь. И знаешь это…
Ухватившись за судорожно сжатую руку, Наруто дёрнул её на себя, упирая кончик лезвия в ямочку между ключицами.

- Если ты так ненавидишь, как хочешь показать, то лучше сделай это сейчас…

- Ты идиот.

Наруто грустно улыбнулся, крепче сжимая руку Саске.

- А ты любишь этого идиота.

Вскинув на Наруто глаза, Саске тихо выдохнул. Сейчас он был скован собственными же словами и поражался, как так произошло, что Узумаки научился строить из букв и звуков такие прочные клетки. Эти прутья не могли удержать то, что так стремительно разгоралось. Взгляд Учихи метался от кончика ножа, приставленного у самой шее, к спокойным голубым глазам. Разве можно быть таким безразличным, когда горло обжигает лезвие? Разве можно не бояться смерти? Саске узнавал эту безразличность. И она его пугала. Наруто нечего терять. Мир уже рухнул, покрылся пылью и теперь возвращаться некуда - пепелище и холодные руины. Было странно, практически невыносимо видеть в глазах напротив собственное же отражение.

- Катись к Нагато, - прошипел Саске, пытаясь отпустить руку, но пальцы Узумаки сильнее сжались на запястье, больно впиваясь в кость. Саске зашипел зло, упираясь свободной рукой в грудь блондина.

- Ты ревнуешь, - припечатал Наруто.

- С хера ли?!

- Ты сам назвал причину, - пожал плечами парень. - Нет? Ненавидишь меня теперь. За то, что почувствовал, да? Я угадал?

Наруто приподнял брови. В висках стучал пульс, и руки мелко дрожали, но он не покажет это волнение. Хватит.

- Ненавижу.

- Ненавидь, а я…я полный дурак, потому что люблю за твою ненависть.

Холод пробежался по спине Саске.

- Люблю, - с ядовитым удовольствием повторил Наруто, вперившись немигающим взглядом во вновь ставшие какими-то матовыми глаза Учихи. Он всё-таки задел его, сковырнул маску, вытаскивая настоящие эмоции.

- Тебя. Слышал?

Учиха дёрнулся, вжимаясь спиной в стену, рука с ножом дрогнула и брюнет с силой оттолкнул от себя парня. Молчание огрело обоих пыльным мешком, раскрыв глаза на то, что происходит. Осознание всегда болезненно…

- Мы убиваем друг друга, - пробормотал Наруто, поднося руку к ключицам и прижимая пальцы к небольшой кровящей ранке, к которой взгляд Саске буквально приковало. - Рано или поздно добьём.

- Придурок, - тихо выдохнул Саске, роняя треклятый нож в грязь. - Долбанный придурок…

- Я знаю…

Саске сам не заметил, как медленно съехал по стене, усаживаясь прямо на мокрый асфальт неширокой садовой дорожки. Дрожащие пальцы пробежались по лицу, словно пытаясь удержать размываемую этими холодными потоками воды маску. Больно вцепились в волосы, желая хотя бы болью вернуть себя прежнего.
Но не получалось. И не получится.
Шкура уже сошла с тела, оголив костяк. Так бывает даже там, на поле, когда снег тает, и безобразная серая конструкция из бетона вновь подставляется всем ветрам. Вот кем был Саске - чёртов карточный домик из гранитных плит, который укрывается толстым слоем льда. Дунешь - выстоит, но стоит растопить этот лёд, прикоснувшись, как на руках остаётся гранитная крошка.
Учиха опустил лицо, ища спасения от этого тёплого взгляда за последним укрытием - мокрыми волосами. Только было бесполезно.

Вздохнув, Наруто опустился на колени рядом с Саске, осторожно протягивая руку и касаясь этой чёрной пелены. Пряди были тяжёлыми, холодными, но отвести их в сторону не составило труда, и взгляд, открывшийся парню, был не теплее льющейся с неба воды.
Последние льдинки таяли, и Саске хотел сохранить их, спасти от чужих эмоций и не дать своим-таки пробиться наружу.

- Саске…ты же знаешь…

Учиха не собирался так просто сдаваться. Рванув вперёд, он толкнул Наруто в плечи, придавливая к земле и зло шипя. На миг блондину даже показалось, что Учиха сейчас всё-таки ударит или ножом или кулаком, но тот просто завис над ним, блуждая взглядом по лицу.

- Что ты делаешь с собой, Узумаки? Зачем всё это?

- Что?

- Зачем ты рушишь свою жизнь?

Вода, капая с волос Саске, заливала глаза, но Наруто старался моргать чаще, чтобы картинка не расплывалась. Болезненно нахмуренный лоб Учихи, блестящие глаза говорили лишь об одном - он всё-таки пробился, сорвал последние кусочки маски. Теперь осталось выдержать последнюю волну и…

- Я умру, Наруто. Скоро.

Пальцы на плечах сжались сильнее, толстовка на спине начала напитываться водой, но Наруто было уже плевать. Так или иначе, он уже замёрз…

- Почему ты…сказал всё это мне? В комнате, - проговорил Узумаки. - Зачем говорил, если так не считаешь.

Нервная улыбка-оскал исказила лицо брюнета, и он как-то сипло выпалил:

- А что ты будешь делать со своей любовью, с моей любовью, когда меня не станет?

- Ты хочешь казаться хуже, чем ты есть, Саске.

Наруто тряхнуло, словно Саске отчаялся докричаться до него при помощи простых средств и решил немного растрясти мозг непонимающего блондина.

- Нет. Не пытаюсь…зачем, Наруто? Почему тебе было недостаточно просто быть рядом?

Блондин нашёл в себе силы улыбнуться и поднять руку, пальцами проходясь по холодной щеке. Саске мотнул головой, пытаясь уклониться от прикосновения.

- Пойдём в дом. Иначе мы утонем.

Наруто потянулся вверх, пытаясь добраться до губ Учихи, но тот отпрянул, поднимаясь. Он провёл руками по лицу. Всё это потихоньку вбивало в кожу по гвоздю. И гранитное крошево сыпалось во все стороны.

***

Саске сидел в комнате Наруто.
Тело била то ли нервная, то ли обычная дрожь. Он замёрз? Учиха не понимал и не хотел понимать. Всё катилось в пропасть с удвоенной скоростью, и цепляться было уже не за что, потому что катились вдвоём.
Утопающее в неоновом полумраке помещение казалось нежилым. Хозяин давно покинул это место и потерял всякую связь с родным домом, как когда-то это было и с Саске. Только здесь Наруто ждали родители. Любили его.
А за спиной Учихи остались лишь светло-серые стены насквозь холодной комнаты.
Дверь скрипнула, впуская в комнату блондина с тёмной бутылкой в одной руке и двумя стаканами в другой.
Поймав вопросительный взгляд Учихи, Наруто широко и нелепо улыбнулся:

- Думаю, нам нужно согреться. Да и выпить не помешает.

Саске не ответил, отводя взгляд и рассматривая настольную лампу. Белые блики практически слепили, создавая впечатление нереальности происходящего.
Поставив свою ношу на письменный стол, Наруто окинул неодобрительным взглядом Учиху, что забрался на кровать прямо в мокрой одежде.

- Вставай, - подошёл к тому Узумаки, протягивая руку. - Нужно найти сухое, иначе…

- Прекрати.

Саске молча поднялся, подходя к бельевому шкафу и выжидающе замер там, смотря себе под глаза. Нет, это был не стыд из-за своих слов. Это было нечто большее - оголённая кожа под чужими глазами горела огнём.

- Сейчас найду что-нибудь нам.

Смахнув с лица мокрую чёлку, Наруто распахнул створки шкафа и спустя пару минут поисков протянул Саске рубашку и светлые джинсы.

- Чёрного нет, прости, - усмехнулся блондин, отходя со своими сухими вещами к кровати. - Думаю, не смертельно.

Саске заторможено смотрел на стопку пахнущего чистым белья в своих руках.

- Почему ты ведёшь себя так? - тихо спросил он, сжимая светлую ткань рубашки.

Удивлённо вскинув брови, Наруто повернулся к парню:

- Как так?

- Будто ничего не произошло?

- А как мне надо себя вести?

Наруто с наслаждением выпутался из мокрой футболки. Погреться бы под душем, но тело настолько устало, что все водные процедуры парень решил отложить на завтра.
И вздрогнул, когда холодные руки легли на плечи, поворачивая к себе лицом.

- Ты блефовал, - спокойно припечатал Учиха.

- То есть?

- Там…с ножом. Ты блефовал.

Саске говорил так, будто пытался уговорить сам себя, заставить поверить в свои же слова. А Наруто хотелось одновременно и смеяться, и перестать существовать.
Опять.

- Нет, - серьёзно ответил он.

- Нет?

Пальцы Учихи задумчиво прикоснулись к слегка саднящей ранке между ключицами. Неужели этот придурок действительно…

- Давай снимем это.

Наруто ловко подхватил край футболки Саске и потянул вверх.

- Я сам.

Учиха отшатнулся, раздражённо сдёргивая с себя противную ткань и бросая её к футболке Узумаки. Выдохнув, подхватил со стола бутылку и налил в стакан терпко пахнущей жидкости. Под удивлённым взглядом Узумаки выпил залпом и вновь повернулся, жутковато сверкнув глазами.

- Неужели тебе так хочется сдохнуть?

Узумаки пожал плечами, тоже подходя к столу и наливая себе вина. Родители вряд ли заметят пропажу, а нервы требовали чего-то покрепче чая. Тем более, Наруто казалось, что, если не выпить, то они точно убьют друг друга к утру.

- Саске, просто прими это. Смирись, - усмехнулся блондин, усаживаясь на стол и задумчиво глядя на застывшего посреди комнаты парня. В холодном неоновом свете Учиха вновь начал напоминать призрака или статую: такой же белый, ледяной и неподвижный. Разве что глаза странно блестят.

И тут Саске двинулся вперёд, прикладывая руку к груди Наруто так стремительно, что блондин дёрнулся назад, цепляя стакан с ручками. Звон и звук рассыпавшихся пластмассовых палочек, подрагивающие на груди пальцы и самое громкое в мире молчание.
Губы Учихи были холодными, но каким-то образом моментально успокоили лёгкую боль между ключиц. Словно к пропитанному бензином факелу поднесли спичку, в груди вспыхнули уже было погасшие головёшки. Наруто хотел было отодвинуться, но внезапно понял, что именно этого не хватало всё это время. Все те ужасные, долгие дни не хватало именно этих жёстких пальцев, что впиваются в рёбра, доставляя какую-то жуткую смесь из боли и удовольствия. Наверняка с ним, Наруто, что-то действительно не так, если он, сначала позволив приставить к своему горлу нож, теперь жадно ловит каждое холодное прикосновение. А губы Учихи медленно двигаются по шее вверх, осторожно прихватывая кожу и обдавая её теплым дыханием.
Наруто сам не заметил, как придвинулся ближе, подставляя горло. И было плевать, если бы Саске сейчас решил воспользоваться упущенным шансом и покончить со всем раз и навсегда.
Учиха оторвался от шеи парня, удерживая голову на уровне его лица и внимательно рассматривая. Почему?
Заметив замешательство на лице Саске, Наруто запустил пальцы в его волосы, притягивая ближе и впиваясь в губы. Собрать сладкий яд, разделить его пополам и почувствовать,

как отравление охватывает тело колкими искрами. Кончики пальцев, ощупывая скулы, шею, ключицы, запоминали, чтобы можно было воспроизвести с закрытыми глазами, но ничего не получалось. Этот образ не желал переходить на внутренний экран, он словно тоже стремился исчезнуть из мира, ускользнуть сквозь пальцы дождевой водой.
Саске пришлось разорвать поцелуй, который был каким-то иным. Прикосновение тёплых губ рождало в голове совершенно неконтролируемые эмоции, хотя бояться уже было нечего. Завтра можно будет починить все маски, нарисовать новые и вживить их в кожу. Ведь так?
Голубые глаза, ловя неоновый свет, слабо блестят, а внутри уже горят треклятые нити. И Саске понял - нельзя. Всё равно не получится скрыться полностью, Узумаки всё равно найдёт и расковыряет трещину, чтобы добраться до сердца своими тёплыми пальцами.
Пальцы…Саске прикусил губу, медленно выдыхая. Уставшее тело предательски сильно реагировало на прикосновения…
…И когда Узумаки успел согреться?
И так обнаглеть, чтобы, обхватив его бедра ногами, прижаться ближе, грея своим телом озябшую грудь и живот. Что он вообще…
Учиха потянулся за бутылкой, делая глубокий глоток и отставляя её в сторону, чтобы прильнуть к губам Наруто и разделить хмельной вкус на двоих. Опьянеть одновременно, чтобы не было победивших или проигравших, чтобы пальцы одинаково дрожали, а дыхание сбивалось. Казалось, было просто необходимо приблизиться ещё плотнее, надавливая на грудь и заставляя парня слегка откинуться назад, чтобы поцеловать шею, скользнуть губами к ямочке между ключицами и языком лизнуть ранку, чувствуя металлический привкус. Но этого показалось мало, и губы соскользнули туда, где теплилась чужая жизнь - к солнечному сплетению. Поцелуй-укус, шипящий вздох Наруто и его пальцы, вцепившиеся в лопатки. Узумаки то ли пытался удержать от излишне поспешных действий, то ли не давал отстраниться. Хотя Наруто понимал, что, если Саске сейчас остановится, то мир просто пойдёт трещинами.
А зачем эти треклятые руины, зачем ветер, гуляющий по пустырю?

Но Саске отстранился, отходя на шаг назад и глядя на Наруто, следом спустившегося со стола. Как во сне Учиха услышал тихий щелчок дверного замка, и Узумаки подошёл ближе, укладывая свои ладони поверх его плеч.
Слегка нажал, заставляя опуститься на кровать и придвинуться спиной к стене, следом усаживаясь на ноги и позволяя придвинуть себя ближе рывком за поясницу.
Хмельное дыхание, но совершенно трезвый взгляд…
Наруто почувствовал, что задыхается от каждого прикосновения, что сердце болезненно сжимается, но теперь не боль приносит это, а тягучее тепло.
Саске зачем-то медлил, изучая загорелое тело, как взглядом, от которого Наруто привычно становилось не по себе, так и жадными пальцами, желающими забрать с собой каждую черту, каждый изгиб, каждую каплю тепла.
Учиха поглощал его, заставлял тонуть в своей Бездне. И это было оглушающее приятно. Саске жарко прильнул к губам Узумаки, ухватившись пальцами за затылок того, чтобы притянуть ближе, а второй рукой подцепил за край джинс.
Лёгкая борьба с пуговицей, и нервная дрожь прошлась по телу Наруто. Он бы отпрянул чисто инстинктивно, не привыкнув к такой раскованности своего…своего Учихи, но что-то удерживало. Наверное, те самые серебряные нити…
Саске, не почувствовав сопротивления, скользнул рукой по бедру парня, сжимая пальцами кожу и наверняка оставляя отметины. И неожиданно вздрогнул, когда чужие руки добрались до его пуговицы на джинсах.
Распахнув глаза, Учиха уставился на блондина, и тот как-то странно улыбнулся:

- Передумал?

Вместо ответа Саске провёл рукой по заметно напрягшемуся тёплому бугорку под боксерами Наруто. Блондин, уткнувшись лбом в сгиб шеи Учихи, жарко выдохнул, подался вперёд, неосознанно требуя ласки.
Дрожь словно поселилась в кончиках пальцев, но Узумаки всё же справился с молнией.
Что-то говорило перехватить его руки и остановить, но Саске прошила настолько острая волна жара, что тело отозвалось

жгучим желанием продолжить всё это не смотря ни на что.
Учиха отклонился в сторону, укладываясь на кровати и заставляя Наруто нагнуться ближе, чтобы прижать того к себе.
Много ли слов нужно, когда все они уже сказаны, когда большая часть из них обратилась острейшими лезвиями, впившимися и изрезавшими тело, наивно открывшуюся душу?
Короткие, скомканные и слишком быстрые поцелуи Наруто были похожи на точные удары тонким стилетом. И с каждым ударом жизни становилось всё меньше, она просачивается в другого, но ты готов отдать её полностью.
Рука Наруто, протиснувшись между ними, плотнее обхватила горячую плоть, и Саске пришлось закусить губу, чтобы подавить желание выдохнуть громче. Рыкнув, он приподнялся, ловя губы и укладывая уже Узумаки на лопатки.
Руки дёрнули за джинсы, стягивая их, губы прильнули к подрагивающему животу, прочертили дорожку быстрых ударов-поцелуев к горлу и, наконец, впились в приоткрытый рот, позволяя языку найти другой.
С этого момента больше не существовало ничего, кроме пропасти. Огромной, чёрной и затягивающей. Она забирала душу, выжимая её вместе с каждым тихим сдержанным вздохом.
В какой-то момент Саске стянул с себя джинсы, и руки белобрысого легко прошлись по холодным бёдрам, желая согреть.
Эта пытка затягивается. Ты готов подставить грудь для последнего, выверенного удара стилетом, но лезвие лишь вскользь царапает кожу, пуская по ней чёрные капли крови.
Саске потерялся в ощущениях, совершенно запутался в своих действиях и в касаниях Наруто, которые в какой-то момент стали сплошным водопадом из горячих искр, осыпающих тело то тут, то там. Узумаки пах дождём, его волосы пропитались влагой и приятно холодили щёку, висок под губами отозвался быстрой пульсацией.
Чужое сердце за рёбрами рвалось и обливалось кровью, замирало в ожидании и срывалось в быстрый ритм от очередного поцелуя.
Хмеля было недостаточно много, чтобы причину и оправдания всему этому можно было искать в опьянении.
Ответственность…даже она сейчас казалась удовольствием,

которого телу так не хватало.
Наруто как-то нетерпеливо вздохнул, привлекая к себе взгляд: слегка покрасневшие щёки, блестящие глаза. Опьянел ли Узумаки от вина или же?
Додумать Учиха не успел, его притянули к себе, поцеловав так жарко, что вопрос отпал за ненадобностью. Наруто ответил…

- Здесь? - хрипло спросил Саске, прикусывая нижнюю губу парня и слегка отстраняясь, чтобы вопросительно вздёрнуть брови. Наруто как-то странно покосился на замкнутую дверь и уверенно кивнул, проводя рукой по низу живота Саске, отчего позвоночник того ощутил на себе будто все двести двадцать вольт.

- Подожди… - вывернувшись, Узумаки потянулся за брошенными на пол штанами.

Откуда у этого придурка внезапно взялась такая рельефная спина с мелкой россыпью тёмных веснушек по плечам и лопаткам. Выдохнув, Саске прильнул к загривку парня, обдавая прохладную кожу горячим дыханием. Наруто понял всё без слов, перевернувшись на живот и подставляя спину для поцелуев, похожих на прикосновение расплавленного металла. Саске потянул на себя, заставляя подняться на коленях и откинуться спиной на его грудь. Узкая ладонь провела линию от груди к низу живота и пальцы зацепили напрягшийся орган. Пришлось извернуться, вцепившись в губы Учихи, чтобы подавить громкий вздох, когда рука всё-таки пришла в движение.
Наруто был вынужден напоминать себе, удерживаясь на грани здравого смысла - родители.
А закрытая дверь ещё не делает комнату звуконепроницаемой. Как так выходило, что, не смотря на всю боль, что Саске дарил ему, рядом с Учихой Наруто был готов провалиться в любую Бездну?

- Вот, - с трудом выдохнул он, ловя вторую руку Саске и вкладывая в неё небольшой тюбик. - Я не планировал…но…

Учиха усмехнулся в затылок парня, прихватывая вкусно

пахнущую кожу зубами и вызывая очередной тихий стон.
Не планировал…
Наруто почувствовал, что некоторая доля смущения всё-таки трепыхнулась внутри, когда пальцы Саске с нажимом прошлись по линии позвоночника вниз и надавили на вход в его тело.
Неприятно, непривычно…
Но разве можно к такому привыкнуть?
И нужно ли?
Переждать, перетерпеть и, возможно, попытаться найти в этом что-то…
И Наруто с удивлением понял, что находит это действо, если не приятным, то любопытным, а любопытство подогревает разгорающееся внутри желание.
Тугая цепочка из логических последовательностей медленно осыпалась, оставляя в голове лишь требовательный голос, говорящий о том, чтобы Учиха не вздумал остановиться на полпути.
На некоторое время пришлось выпустить Узумаки из своих рук, жарко дыша между лопаток. Потому что ожидание было уже невыносимо, внизу живота болезненно ныло, а все сдерживающие нити уже давно лопнули под напором огня.
Тягучая субстанция без запаха была прохладной, но, покрыв собой орган, в котором, кажется, собралась вся тяжесть и всё тепло тела, слегка потеплела.
Поведя носом по шее Наруто, Саске осторожно надавил тому на спину, а когда парень лёг, то перевернул того на спину.
Удивлённый взгляд голубых глаз вызвал усмешку, и Учиха быстро коснулся губами подбородка парня, а затем и губ, когда головка члена толкнулась в плотное кольцо мышц.
Наруто сдавлено простонал в поцелуй, крепко цепляясь пальцами за предплечья брюнета и пытаясь не выгибаться.

- Тсс, - шикнул Саске, продвигаясь вперёд.

Тёплая теснота обхватила его, пьянящая волна разлилась в груди, заставляя качнуться сильнее, с большим напором, но тут же вновь застыть, открывая глаза.
Ещё один толчок, и Наруто всё же выгнулся. Ощущение растягивающей боли и внезапное движение руки на плоти едва не унесли голову далеко в какую-то пьяную дымку. Но Узумаки

заставил себя остаться в этом мире, следить за глазами Саске и запоминать…
Запоминать…
Саске судорожно выдохнул, медленно ускоряя темп. Отчего-то было больно где-то за рёбрами. Осознание давило, оно не давало покоя.
Ведь скоро…
Учиха сильно зажмурился, двигаясь быстрее и увереннее. Выбить из своего тела эти мысли удовольствием, заставить себя поверить, что этот момент единственно существующий во всей жизни. Реальный.
Утопать, захлёбываться и задыхаться. Ловить чужие вздохи на губах и ронять свои тихие, сдавленные стоны, цепляться руками за мягкий плед, вдыхать знакомый, такой ненавистный запах.
Ненавидеть.
Ненавидеть всем сердцем.
Душой.
И хотеть эту жизнь, желать.
Чтобы она продолжалась, не обрывалась никогда.
Откуда в груди горечь? Её там быть не должно. Ей там не место.
Слишком отчаянный толчок, словно это сможет помочь, прикусить губы до боли, до рваного стона, полного удовольствия. Ему нравится? Или же…
Нравится…
Нравится до мурашек, до холодных тисков, сжимающих сердце так приятно, до волн безумия, охватывающих разум. Наруто притянул к себе брюнета, вновь деля вздох на двоих. Рука Саске двигалась быстро, так же как и он сам. Боль ушла, оставив после себя странные ощущения, которые нельзя описать, сравнить или понять до конца. Горячие, обволакивающие, уносящие…
Саске прикусил кожу на плече Наруто, чувствуя, что вот-вот упадёт в пустоту. И ничего больше не будет…
Ни горячих пальцев, ни рваного тихого дыхания, ни едва сдерживаемых стонов.
Он исчезнет, заберёт с собой…
Волна удушающего удовольствия прошла по телу Наруто, заставляя прижаться сильнее, обхватывая руками Учиху за

талию и почувствовать, как тот внезапно напрягся каждой мышцей, вцепился в плечи сильнее.
Внизу стало так горячо, что почти нестерпимо. Сознание всё-таки унесло куда-то, а затем вернуло, приятной дрожью бросив в тело.
Повисла тишина.
Мир замер, наполненный лишь тяжёлым дыханием двоих.
Саске упал рядом на бок, подрагивая и не отпуская. Взгляд пьяный, блестящий и до ужаса глубокий.
Наруто показалось, что если бы ему сейчас сказали отдать душу, он бы отдал.
Бледная ладонь с длинными нервными пальцами легла на грудь, отмеряя каждый удар загнанного сердца.
Саске потянулся вперёд, легко касаясь горячих губ, забирая очередной вздох. Отстранился, стукнувшись лбом о лоб блондина, пальцами второй руки впиваясь в спину. Наруто, облизнув губы, спокойно улыбнулся, глядя на слегка окрасившееся живыми красками лицо Саске. Он никогда не видел, как Учиха улыбается. Точнее, видел…нервные, злые усмешки, оскалы…но так…
Саске улыбался тихо, словно ничего его не беспокоило. Бледная улыбка, с примесью горькой грусти, но такая…его.

- Ты улыбаешься.

- Если меня не станет…ты…

Холодная подушечка пальца брюнета медленно прошла по нижней губе парня:

- Улыбайся вместо меня.

- Саске…

- Пожалуйста.

Глава 14. Exodus.

Глава 14.
Exodus.

«My black backpack stuffed with broken dreams
Twenty bucks should get me through the week
Never said a word of discontentment
Fought it a thousand times but now
I'm leaving home

Here in the shadows
I'm safe, I'm free
I've nowhere else to go
But I cannot stay where I don't belong».
Evanescence - Exodus.

«Чёрный рюкзак переполнен разбитыми мечтами.
Нужно прожить на двадцать баксов в неделю.
Никогда не говорил слов недовольства,
Боролся с этим тысячу раз, но сейчас
Я покидаю дом.

Здесь, в тени,
Я в безопасности, я на свободе.
Мне больше некуда идти,
Но я не могу оставаться там, где мне не место».

Холодное небо падало, грозясь проткнуть редкой россыпью светлых облаков. Сердце билось где-то в горле, отдавая тяжёлыми ударами в висках. Саске нехотя открыл глаза, хотя, кажется, он не переставал видеть даже через тонкую плёнку век.
Холодный гравий под руками зашуршал, стоило Учихи подняться. Это место было ему незнакомо, но здесь ему было

уютно и спокойно.
Осторожно поднявшись, Саске огляделся по сторонам, замечая у своих ног едва горящий костёр. Он не грел, но освещал собой странное, будто бы сумрачное пространство.

- Что за…

Он посмотрел на тёмную стену леса позади себя, и парню показалось, будто на него смотрят в ответ. Это ощущение чужого, тяжёлого взгляда осело на теле противной бензиновой плёнкой. Проведя руками по лицу, Саске выдохнул облачко сизого пара, словно бы в его лёгких поселился сигаретный дым. Впереди была вода. Он мог слышать её и видеть светло-серое холодное зеркало, которое едва-едва шло мелкой рябью, стоило подуть ветру. А последний здесь отчего-то не имел запаха. Он был сухим и неприятно бил в нос, и шершаво лизал кожу.

- Эй!

Звонкий девичий голос ударил по ушам, заставив Саске поморщиться. Эхо от её зова расходилось во все стороны кругами по воде, по этому сизому туману, что так льнул к телу. Холодная дымка мелкими каплями оседала на волосах, просачивалась под кожу и холодила жилы, заставляя кости становиться ледяным каркасом.

- Иди ко мне, - вновь позвал голос.

Саске невольно поднял глаза на стену тумана перед собой, который всего за считанные секунды закрыл от него воду. Он сделал шаг, костёр предостерегающе щёлкнул, и Учиха замер. Туман колыхался перед ним, словно живое существо. Хотелось вытянуть руку и погладить его дымчатую шкуру, впиться ногтями в неё и почувствовать тепло живого существа.
Но было ли здесь хоть что-то живое?

- Иди ко мне.

Туман дрогнул, расступаясь и образуя узкий коридор, в конце которого Саске увидел спину девушки. Её чёрные волосы

тяжёлой пеленой закрывали спину, а светлое короткое платье едва заметно шевелилось на ветру…

- Иди сюда, Саске.

***

Наруто открыл глаза от того, что где-то громко хлопнула дверь машины. Вздрогнув, Узумаки едва не свалился с кровати, на которой и одному-то было спать тесно, а уж делить её на двоих…
Воспоминания прошлого вечера пришли внезапно и свалились на голову тугим комком. Нет, не то, чтобы Узумаки слишком уж охмелел от выпитого или испытывал приступ стыда. Ничего подобного.
Просто…
Наруто, прикусив губу, посмотрел на спящего рядом Учиху. Во сне Саске был очень спокойным. Таким, каким не мог быть бодрствуя. Будто бы сон снимал все запреты, обязательства и прочие глупости, которые Учиха так любил себе придумывать. Наверное, от падения на пол Наруто удерживала тонкая рука, перекинутая через его бок и даже во сне впивающаяся в кожу цепкими пальцами. То ли брюнет почувствовал, что грелка вот-вот покинет его, то ли что-то увидел в иллюзорном мире.
Во сне Учиха выглядел совершенно другим человеком, хотя привычная морщинка между тёмных бровей всё никак не хотела разглаживаться. Уговорить полностью расслабиться Саске не мог даже всемогущий Морфей.
Упрямец. Он даже во сне проявляет твердолобость осла.
Наруто, подвинувшись ближе, уткнулся лбом в плечо спящего и спокойно выдохнул. Было странно пользоваться этим временным затишьем. Он уже давно уяснил, что нельзя надеяться на лучшее. Проснувшись, Учиха может стать прежним холодным грубияном со злыми глазами и острым языком. И тогда все надежды, которые Наруто успеет себе создать, ударят по нему же. Да и зачем всё это?
Узумаки смирился, как смирялся и раньше. Так или иначе, по-другому быть уже не может.
Губы осторожно коснулись сжатых губ спящего, и Наруто вновь занял своё место рядом, совершенно не желая подниматься.

***

- Иди ко мне, Саске.

Мелодичный голос. Такой приятный, успокаивающий горящие нервы. Прозрачная нить оплела руки, мягко увлекая за собой вперёд по этому коридору. Высокие туманные стены едва колыхались от каждого его шага, и в лицо дышало речной свежестью.
Учиха обернулся на слабый костёр и замер, не решаясь следовать дальше. Там, где неярко горели поленья, было тепло, а впереди его ждала лишь холодная вода. Искры сыпанули в серый, пропитанный влажностью воздух, будто если бы они звали парня обратно. Нити на запястьях натянулись, вынуждая сделать ещё пару шагов. И этого было достаточно: туман за спиной Саске сомкнулся плотной стеной и начал надвигаться, подталкивая его вперёд, поторапливая.
Ничего не оставалось, как медленно шагать, чувствуя и слыша, как под ногами шуршит гравий, как всё ближе и ближе плещутся волны о берег.
Нити ослабли, когда он остановился рядом с девушкой. Саске был уверен, что увидит уже знакомое лицо, когда она обернётся, но черноволосая не спешила, будто позволяя разглядеть её пышную гриву воронового крыла в мельчайших подробностях.

- Саске, - позвал её голос почему-то со всех сторон.

Учиха хотел было сказать что-то, но губы не слушались, да и голоса не было. Он просто пялился в её затылок, ожидая неизвестно чего.
Медленно, очень медленно, она повернулась, скользнув по нему на удивление живыми зеленовато-болотными глазами. Тонкие губы искривила нежная улыбка, словно девушка видела перед собой своего запоздавшего любимого.

- Ты пришёл ко мне, - выдохнула она, подаваясь вперёд и укладывая свои узкие руки на его груди. Белокожая или Сион была ниже его, и ей приходилось задирать голову, чтобы

смотреть в непонимающие глаза совершенно запутавшегося Учихи.

«Куда пришёл», - мысленно спросил он, а губы вновь не слушались.
Белокожая понимающе кивнула и провела тонкими пальчиками по его лбу, убирая с лица разметавшиеся волосы.

- Ты такой же, как и я, Саске, - пролепетала она. - Я так давно тебя ждала…Оставайся.

Остаться? Учиха сделал шаг назад, сбрасывая её руки с груди и колко вглядываясь в слишком правильные черты лица. Безупречная маска, скрывающая гниль, которой уже начинает тянуть.
Он повернулся, но руки схватили его за лицо, вновь поворачивая обратно. Зеленоватые глаза ожесточились, брови сошлись над переносицей и Белокожая проворковала:

- Не смотри туда. Тебе не вернуться. Оставайся.

Ладони девушки соскользнули на его шею, обхватывая крепче и не давая отшатнуться вновь. Саске перехватил её тонкие запястья, сдавливая, но в руках не было силы. Все мышцы стали ватными, а под пальцами была не кожа и кости, а переплетение нитей из тумана.
Белокожая тихо улыбнулась, двигаясь спиной вперёд и утягивая Саске за собой.

- Оставайся.

Он дёрнулся назад, вырываясь из её объятий, и всё-таки сумел раскрыть рот. А вот голос вернуть не получилось.
Губы обожгло болью, и на языке почувствовалась кровь. Саске поднёс пальцы ко рту и с удивлением нащупал шершавые нитки, что прошили его кожу. Они торчали из губ, осыпались трухой в пальцах, когда парень потянул несколько на себя, пытаясь избавиться. Какая-то чёрная кровь пачкала руки, капала изо рта и хотелось прокашляться, будто это маслянистая жидкость залилась и в горло.

- Саске, - тихий голос, холодные руки на щеках и зелёные глаза.
- Перестань сопротивляться. Оставайся.

***

Наруто не понял, что произошло. Он скорее почувствовал, как напрягся Саске, и подумал, что тот начинает просыпаться. Но, отодвинувшись и приподняв голову, понял, что Учиха всё ещё находится во сне.
Брюнет дёрнулся, переворачиваясь на спину и буквально спихивая Наруто с кровати.

- Так бы и сказал, что места мало, - фыркнул Наруто, спускаясь на ковёр и подтягивая к себе штаны. Если Учиха заворочался, то, скорее всего, вот-вот проснётся, и нужно будет всё-таки начинать этот день. Нацепив на себя джинсы, Наруто обернулся. Учиха всё так же спал, только теперь странно подрагивал. Едва заметно, как от холода.

- Саске? - позвал блондин, опускаясь на кровать рядом с парнем и довольно чувствительно толкая того в плечо. Реакции не последовало, зато Учиха болезненно поморщился, шипяще выдыхая через сжатые зубы.

Когда рука Наруто легла на бледный лоб, Саске вцепился пальцами в одеяло, комкая его. Тонкая струйка крови от носа потянулась по щеке, густыми каплями падая в разметавшиеся по подушке волосы.
Это было ненормально. Совершенно точно - ненормально. Подскочив с кровати, Наруто кинулся к рюкзаку и вытряхнул содержимое оного на пол. Разные пузырьки с таблетками и пластины с ними же рассыпались по ковру разноцветным мусором, и Узумаки понял, что не имеет представления о том, какие из них сейчас нужно дать Саске.
Паника охватила его, связала по рукам и ногам. Дыхание забилось колючим комом где-то в горле. Наруто, вскинув голову на всё сильнее и сильнее дрожащего друга, выругался, вновь подлетая к кровати. Пальцы схватили Саске за плечи, сжимая так сильно, чтобы брюнет наверняка почувствовал боль

в этом своём бреду.

- Учиха! Открывай глаза!

Хотелось трясти его, ударить по щекам, но руки онемели, не слушались.

- Чёрт тебя дери, Учиха! Какие таблетки?!

***

- Зачем тебе куда-то спешить? Зачем?

Голос звучал в ушах, а её губы продолжали кривиться в нежной улыбке, пока она уводила за собой. Холодная вода уже вымочила штанины, стопы увязли в илистом дне, а руки всё не отпускали. Взгляд Белокожей гипнотизировал, а от её улыбки в голове неприятно гудело. Хотелось зажать виски пальцами, унять стучащий там пульс, но руки были полностью во власти её тонких пальцев.
Шаг, ещё шаг.
Вода холодит колени, а туман обступает всё плотнее.

- Со мной тебе будет хорошо…

Белокожая приникла ближе, обвивая руками шею и приподнимаясь на носочках, чтобы легко коснуться губ. Запах гнили, крови и тины ударил в нос, заполнил эту оболочку из кожи и пропитал кости. Саске попытался отпрянуть, но зацепился ногами за что-то под водой и рухнул. Вода поглотила тело парня без единого всплеска, словно масло, словно смола.
Над головой сомкнулось чёрное небо, оно шло лёгкой рябью и размывало всё перед глазами, заползая в них, выжигая белки. Саске протянул руку, в надежде зацепиться хоть за что-то, но пальцы сомкнулись лишь на этой вязкой чёрной жиже.
Она втекала в горло, обволакивала лёгкие и тянула на дно.

- Просто перестань бороться, - пропел голос Белокожей. - Тут тебе будет легче. Оставайся.

***

- Я тебя убью, Учиха! Слышишь?! - выпалил Наруто, хватая первый попавшийся пузырёк. Вроде бы он…вроде бы из него Саске всегда берёт по три таблетки…

Надеясь, что не сделает хуже, Наруто сел на кровати, сжимая в похолодевшем кулаке три кругляшка. Страшно побелевшее лицо Саске пугало своим неестественным спокойствием. Оно не должно было быть таким гладким, расслабленным. А эти красные разводы…
Наруто пальцами разжал судорожно сдавленные челюсти Саске, проталкивая через сжимающиеся губы по одной таблетке, надеясь, что он не поперхнётся…что не будет хуже. Схватив с тумбочки стакан с водой, Узумаки приподнял голову брюнета, укладывая её к себе на колени, и влил немного в приоткрывшиеся губы, чтобы протолкнуть таблетки. Вода тонкой струйкой потекла по щеке Учихи, смешиваясь с кровью.

- Ну же! Глотай! - прорычал Наруто, с трудом размыкая вновь сжимающиеся зубы парня и вливая ещё немного воды.

Саске вздрогнул, фыркнул странно и всё-таки сглотнул, тут же закашлявшись. Узумаки, выронив стакан, перевернул его на бок, придерживая за плечо. Руки тряслись не хуже самого брюнета, в голове было пусто.
А если это не те таблетки?

***

- Останься…

- Не…нет…

- Зачем? Зачем тебе всё это? Будь со мной, Саске.

- Нет.

***

- Н-нет, - прохрипел Учиха, складываясь едва ли не пополам и сжимая себя руками, будто в попытке сдержать дрожащие кости в теле.

Он хрипло дышал, едва в силах разлепить горящие глаза. Смутно знакомая комната прыгала перед глазами, шла рябью, но была реальной. Здесь нет тумана…

- Туман, - выдохнул Саске, и Наруто резко наклонился, прислушиваясь к этому тихому надтреснотому голосу.

- Что?

Облегчение холодной волной прошлось по телу, и Наруто внезапно понял, что сам дрожит, как кленовый лист. Рука прошлась по лбу Саске, стирая испарину и убирая налипшие на лицо волосы. Учиха выдохнул шумно, переворачиваясь на спину и укладывая голову на коленях блондина. Чёрные глаза лихорадочно блестели, под ними появились глубокие тени, мелкие вены, налившись кровью, посинели, и теперь его лицо казалось странно испещрённым мелкими трещинами.
Он всё ещё подрагивал, всё ещё был где-то не в этом мире.

- Туман…везде был туман, - бормочет сбивчиво, но до ужаса чётко. Слова, как лезвия врезаются в кожу. Будет трудно их вытянуть, и Наруто совершенно не понимает от чего сейчас так больно?

Ведь Саске очнулся.
А если бы нет?
Узумаки прикрыл глаза, пытаясь сдержать рвущийся наружу слишком загнанный выдох. Подтянув одеяло, Наруто укрыл Учиху и вновь провёл пальцами по его лбу, привлекая внимание.

- Ты…тебе лучше?

Саске только сейчас ощутил, осознал, что в комнате он не один, а это тёплое под головой - чьи-то ноги. Нахмурившись, он

перевёл взгляд на нависающее над ним лицо. Ну конечно. Узумаки…

***

- Господин Фугаку, я не рассчитывал на нашу встречу, - сухо проговорил Орочимару, впуская в свой кабинет мужчину.

- Признаться, я не горю желанием видеть вас, - поморщился Учиха. - Но вопрос очень важный и срочный?

- Слушаю вас, но поторопитесь, если можно. У меня через двадцать, - короткий взгляд на часы, - через девятнадцать минут операция.

- Почему Саске до сих пор жив?

Орочимару, прикрыв дверь, в лёгком удивлении уставился на мужчину. На сильное доктор был уже давно не силён: сталкиваясь каждый день со смертями, быстро учишься обрастать непробиваемым для эмоций панцирем.

- То есть? Вы этим недовольны?

- По вашим прогнозам Саске должен был стать овощем после операции, - твёрдо выпалил Фугаку. Мужчина выглядел напряжённо, если не сказать загнанно: его лицо пожелтело, мелкая сосудистая сеточка окрасила белки глаз в странный розоватый цвет, на фоне которого почти чёрные радужки казались слегка расплывчатыми кляксами.

Бывает, что за спиной кого-то ощущаешь тепло домашнего очага, кипу проблем на работе и какую-нибудь мирную отдушину. Но за такими, как Фугаку, ты не чувствуешь ничего. Это словно в пропасть упасть, словно видеть за статными плечами мужчины едва подрагивающую Бездну.
Орочимару знал двоих с такими же «крыльями». Себя и…Саске. Наверняка юный Учиха унаследовал это от отца.
Но их глаза…такие одинаковые и такие разные.
Чистый лёд против замёрзшей, уже начавшей подгнивать

водицы в небольшой луже. Ночное зимнее небо и осенняя хмарь. Саске ещё не покрылся этой тонкой пеленой гнили, что переходила от отца к сыну вместе с громкой фамилией.

- И?

- Он им не стал, - развёл руками Фугаку.

- Радовались бы, - усмехнулся Орочимару, продвигаясь вглубь кабинета и останавливаясь у окна. Привычное место, откуда можно было наблюдать за вяло копошащейся жизнью во дворе. Медсестры, работники клиники, больные и пришедшие на консультацию люди. Муравейник, окуренный сладковатым дымком морфия.

- Орочимару, - нетерпеливый выдох. - Вы прекрасно понимаете, что Саске…само его существование ставит под угрозу всю мою карьеру и репутацию.

- Фугаку - вы страшный монстр, - горькая усмешка. - Вы готовы превратить собственного сына в растение лишь в угоду своим планам?

- Вы не лучше меня, Орочимару. Ты взял мои деньги, твоими руками была проведена операция. Ты сам монстр!

- Я орудие в ваших руках, - спокойно пожал плечами мужчина. - Я делаю то, за что мне платят. А вы…делаете то, что вам позволяет ваша душа.

Фугаку зло прищурился, всматриваясь в поразительно спокойное лицо доктора.

- Ты думаешь, что тебе нечего терять? Ты думаешь, что мне не за что тебя схватить?

Тихий смешок. Орочимару напоминал флегматичного кота, перед которым в истерике бьётся особо крупная крыса. Мужчина, не спеша, прошёлся по кабинету и остановился напротив Фугаку, вглядываясь в лицо того с лёгкой усмешкой.

- У каждой болезни своё лицо, - задумчиво проговорил Орочимару. - Я уже вижу лицо вашей…

- Ты несёшь чушь, - поморщился Учиха. - Ответь мне, почему мой сын до сих пор вменяем?!

Если бы Орочимару был другим, если бы встретил Фугаку на десять или пятнадцать лет раньше, то поразился той ненависти, с которой говорил мужчина. Он бы почувствовал, как по коже стекают эти чёрные слова, превратившиеся в самую настоящую кислоту. Он бы удивился человеческой жестокости, чёрствости и гнили.
Но…то было бы пятнадцать лет назад. А сейчас, все эти годы превратили его кожу в драконью чешую, сделали сознание пустым. А когда ты пуст - не за что зацепиться. И даже самая чёрная мерзость пройдёт сквозь тебя. Ты - призрак.
Тебя уже нет.

- Ваш сын жив благодаря его упрямости и воли случая.

- Ты говорил, что операция…

Золотистые глаза доктора опасно сверкнули, и он улыбнулся:

- Операция? Ты уверен, что она была?

***

Потолок своей комнаты.
Потолок в доме у Джирайи.
Потолок к психушке…
…и вот потолок комнаты Наруто.
Ровный, качественный. Даже он пропитан теплом.
Саске закрыл глаза, выдыхая и пытаясь унять всё ещё бьющую его дрожь. Тело казалось невесомым сосудом, тонкой плёнкой, наполненной слишком тяжёлыми эмоциями. Боль…какая-то нереальная боль заполнила его полностью. Она отрезала от этого мира, заставляла погружаться всё ниже и ниже, пока тело не ударялось о дно.

Нет надежды выплыть, нет надежды зацепиться.
Даже дышать и то тяжело.
Саске поднял глаза, болезненно долго всматриваясь в лицо блондина. Да, он не из этого мира, и смотреть на него практически больно. Это как долго глядеть на солнце, как на блестящую в его лучах воду. Именно этим были глаза Наруто - яркие, живые, сейчас вновь наполнившиеся жизнью и блеском. Надолго ли он наполнился светом? Насколько его хватит? Протянув руку, Саске легко зацепил парня за скулу, притягивая его лицо ближе к своему и осторожно касаясь губ, будто в страхе обжечься о чужую жизнь.

- Саске…ты меня пугаешь, - слабо улыбнулся Наруто, отстраняясь. Чёрные глаза не могут смотреть так мягко. Это не его Учиха…

Усмехнувшись, брюнет сел, сгорбился, роняя лоб на согнутые колени. Наруто, как завороженный, смотрел на тонкую кожу, сквозь которую отчетливо проступил гребень позвоночника. Одинокая тёмная родинка под левой лопаткой казалась неаккуратной точкой на белом листе бумаги.

- Она приходила опять, - глухо донеслось до Наруто. - Звала за собой.

- Та девушка?

Кивок.

- И что ей было нужно?

- Я не знаю.

Спина Саске вздрогнула, и брюнет подцепил пальцами валяющуюся на полу одежду. Потребовалось несколько долгих минут, чтобы совладать с джинсами и с рубашкой, которую любезно пожаловал ему Наруто. Светлая ткань так непривычно легла на тело, и Саске усмехнулся…траур стал второй его натурой. Только вот по кому или чему он его носит? Оттолкнувшись от кровати, Саске поднялся и пришлось

опереться рукой о стену, чтобы не завалиться на пол.

- Если бы я мог запретить ей приходить.

Наруто напряжённо следил за этой пошатывающейся фигурой. Саске словно ещё не отошёл ото сна полностью. Он бредил, находясь в каких-то своих мыслях, и от этого взгляд Учихи становился пугающе пустым.

- Она зовёт за собой, Наруто. И я иду…

- А ты не иди! - зло выпалил блондин, ударяя кулаком по кровати. - Ты вообще рехнулся верить всяким глюкам?!

Глаза лишь вскользь мазнули по лицу парня и вновь устремились в пространство. Нос защипало. Поднеся руку к лицу, Учиха стёр пальцами кровавую влагу и мрачно усмехнулся.

- Мне нужно…в ванную.

- Да…

Наруто не рискнул предложить помощь. Слишком хорошо помнил, как Саске реагирует на оную, как остро относится к жалости.
Но Узумаки не жалел его, отучившись испытывать это чувство к Учихе. Жалеть нужно тех, кто сдался, а Саске сдаваться отказывался.
Или же Наруто хотелось в это верить.

***

Безумие смотрело на него из зеркала. У него были картонные шарики глаз, выкрашенные в чёрный гуашью, неровная полоска губ, прорезанная в бумажном лице. Бумажная поделка, кукла с омерзительным нутром. Без радости, без чувств, без надежды. Ненависть.
Вот та чёрная жижа, что заполнила его, которой он наглотался сполна. И теперь она бурлит в груди, выдавая своё бульканье за

быстрые и тяжёлые удары сердца. Если ему суждено замолчать сейчас, то это будет смешно…
Саске оскалился своему отражению.
Боль…
Она всюду.
Хотелось сжать пальцы, вцепиться ими в свою шкуру и сдёрнуть, выкинуть, сжечь. Но выходило лишь царапать ногтями…
Бесполезная обёртка…

- Ну же, Саске, иди ко мне.

Этот голос заставил крутануться на месте так резко, что перед глазами всё на миг померкло. Саске, схватившись за какую-то трубу, попытался удержать тело от падения. Если он рухнет, то эта жижа вновь затянет его…
А так быть не должно…
Нет. Только не так.
Что значит сойти с ума?
Саске поднял глаза. Его отражение скалилось окровавленными губами и беззвучно шевелило ими. Слова…какие слова?

- Иди ко мне…

Всё перестало существовать. Только её зовущий голос и её холодные руки на плечах, каменной тяжестью тянущие на дно.
Теперь ты, кажется, знаешь, что значит сойти с ума?
Зацепиться за эту реальность! Да хоть за что-то зацепиться...
Наруто вошёл в ванную как раз вовремя, чтобы успеть подхватить парня под руку и, не дав упасть, медленно опуститься с ним на пол. Саске выглядел потерянным, он смотрел в пустоту и шевелил глазами, в которых плескалось что-то очень похожее на страх.

- Что такое?

Учиха сильно зажмурился, будто звук чужого голоса причинял боль.

- Саске?

Брюнет поднял на него бледное осунувшееся лицо и непонимающе моргнул. Наруто разрезал лишь одним своим появлением эту густую пелену из бреда и галлюцинаций. Мелкими крючками цеплял за кожу, вытягивая к электрическому свету мерцающей лампочки.

- Ты здесь, - понимая, что Учиха стремительно теряет связи с реальностью, прошептал Наруто. Он поймал парня за затылок и прижал его лоб к своему, впериваясь в обсидиановые омуты.

- Я здесь.

Тонкая ладонь судорожно зацепилась за ворот футболки Наруто, стискивая его так сильно, что кромка оного впилась в шею сзади. Узумаки зашипел, но отстраняться не стал, сжимая жесткие волосы парня. Саске выкарабкается, он сможет найти путь из этого треклятого иллюзорного мира…
Ведь всегда умел.
Вдох, выдох…Учиха пытался терпеть подступающий к горлу горький ком и держаться, хотя всё под пальцами расползалось и оседало на них липкой трухой. Только потемневшие от беспокойства голубые глаза…чьи они? Он ведь знает этого парня.
Нет. Нужно…нужно собраться.
Он зажмурился, рвано выдыхая и резко поднял веки. По радужкам ударил свет, лицо Узумаки расплылось, но тут же собралось и стало выглядеть как плохо нарисованная мозаика.

- Какого…отпусти.

Хриплый, но его голос. Наруто улыбнулся неуверенно, напоследок проводя ладонью по взъерошенным волосам на затылке, и отстранился. С Саске любая задержка рядом была равносильна чечётке на бомбе.
Учиха поднялся, придерживаясь за стены. Он хмурился, недовольно глядя на всё ещё сидящего на полу парня.

- Ты так и будешь здесь сидеть?

- Тебе жалко? - глуповато усмехнулся Наруто, но всё-таки поднялся.

Саске пожал плечами, поворачиваясь к раковине и тяжело глядя в своё отражение. Наруто на миг показалось, что друга вновь затянет омут иллюзорного мира, но Учиха сморгнул и включил воду, опуская взгляд.

- Твоя ванная. Можешь валяться где хочешь.

- Вот именно. Умывайся…я завтрак сделаю.

Дверь, скрипнув, закрылась, а Саске криво усмехнулся, набирая пригоршню воды. Наруто поверил во что-то хорошее, что никогда не наступит. Вновь нацепил свои треклятые очки давно пошедшие трещинами.
Или же пытается заставить себя верить, что всё будет нормально?

***

- Её не было, Фугаку, - безжалостно припечатал доктор. Его длинные пальцы пробежались по стопке бумаг и ловким жестом фокусника выудили оттуда тонкую жёлтую папку. - Учиха Саске был переведён в палату интенсивной терапии после проведения операции. Ты веришь этому?

- Но…

- Посмотри на подпись.

Папка была сунута под нос, и Фугаку в замешательстве уставился на витиеватую закорючку, которая должна была быть по всей видимости той самой подписью.

- Я не понимаю…

- Ты, Фугаку, решил придушить зверя в его же норе, - самодовольно усмехнулся Орочимару, с громким хлопком закрывая папку и убирая её. Учиха вздрогнул, выходя из

странного оцепенения, и уставился на мужчину.

- Ты забыл, что зверь тоже может укусить тебя за пальцы.

- Ты угрожаешь мне?

- А смысл? - пожал плечами Орочимару, убирая папку в стопку. - Здесь, Фугаку, моя территория. Я мог сделать операцию или же нет…

- Но медсестры видели всё!

Черноволосый иронично фыркнул, взглянув на взволнованного мужчину.

- Эти послушные овечки? Знаешь, мне достаточно взглянуть на любую из них, чтобы её сердце перестало биться. Женщины…

- Ты обманул всех, - поражённо выдохнул Фугаку.

- И за это мне ничего не будет. Медицина…да, я сделал операцию тяжело больному парню. Да, он даже пришёл в себя. Но за то, что он будет жить дальше я не в ответе.

- Мне не нужно что бы он жил!

- Тебе нужно, чтобы Саске стал куклой, да, Фугаку? - ощерился Орочимару, и Учихе впервые за всё общение с этим странным доктором стало как-то не по себе. - Ты хочешь, чтобы он просто доживал своё время в оболочке? Запертый, молчаливый и такой послушный…

Фугаку смотрел на разозлившегося мужчину во все глаза. От черноволосого исходили упругие волны злости, ненависти и засасывающей горечи. Жёлтые глаза сверкали, губы кривились в подобии оскала. Он должен был вот-вот броситься на него, впиться зубами в горло и разорвать артерию, но Орочимару стоял неестественно прямо - его тела не коснулись эти разрушающие эмоции. Оно так и осталось каменным сосудом для них и только глаза жили, кипели яростью и норовили

прожечь дыру во лбу.

- Я всегда винил Итачи в том, что парень слишком цепляется за брата, - мотнул головой доктор. - Думал, что он не прав, виноват. Но единственный, кто разрушает Саске - ты, Фугаку.

- Он сам себя разрушает! - упрямо махнул рукой мужчина.

- Ооо, - рассмеялся Орочимару. - Ты всё ещё слеп, Фугаку. Прости, но…время.

Доктор выразительно посмотрел на висящие над дверью часы и двинулся в сторону неё, но его тут же поймали за руку, заставляя резко обернуться и впиться взглядом в глаза-кляксы.

- Ты должен исправить свою ошибку, Орочимару.

- Я не допускал никаких ошибок.

- Ты не провёл операцию.

Орочимару, хмыкнув, двумя пальцами, словно беря за лапку жабу, отцепил руку Фугаку со своего запястья и брезгливо отпустил, едва не вытерев руку о халат.

- Что ж, - почти солнечно улыбнулся он. - Все имеют право на ошибку.

***

Наверное, вина разъедает получше выпитой на голодный желудок кислоты. Стекая по горлу, она разъедает связки и лишает тебя способности не только говорить, но и дышать. Итачи, как никому другому, было очень знакомо это чувство оцепенения, охватившее его, стоило парню вернуться домой. Хотя разве можно это называть домом?
Опустевшие комнаты, наполненные никому ненужной мебелью, стены с этими безвкусными картинами, каминная полка, на которой стоят фотографии в красивых рамочках. И всё это покрывает пыль, холод вьётся в воздухе, сплетая свою

вычурную паутину.
Итачи остановился у камина, вглядываясь в лица, когда-то запечатлённые специально приглашёнными фотографами. Семья…
Отец, нежно улыбающаяся мать, они с Саске. Брат хмурится, как всегда.
Спокойная улыбка тронула губы Итачи, и парень внезапно понял, что горло сжимает спазмом, а глаза горят.
Этот дом стал напоминать старый особняк, превратившийся в общую могилу. Здесь даже призраки свои есть и, если прислушаться, то можно услышать их тонкие голоса.
Рука вцепилась в одну из рамочек, где по требованию фотографа все нацепили на свои лица подобия улыбок. Виноватая у Микото, сухая у Фугаку. Мужчина даже на фото выглядел так, словно своими мыслями был далеко от семьи. Его собственная улыбка была отчего-то извиняющейся, словно Итачи просил прощения у незнакомого человека или зрителя, что позднее увидит этот портрет, за то, что все члены его семьи не хотят выдавить из себя хотя бы подобие искренней эмоции. Хотя бы на пару минут…
Саске…
Саске почти никогда не улыбался лет с десяти. Он стал мрачным, тихим и озлобленным. Эти чувства окутывали младшего, пропитывали и постепенно делали его взгляд темнее, холоднее. Даже в тот день, когда пришёл фотограф, никто не смог заставить брата улыбнуться. Он смотрел в объектив своими пронизывающими глазами, словно хотел сжечь это фото одним лишь усилием мысли.
Ненависть. Она поселилась в этом доме.
Он стал клеткой, куда поместили столь разные души, желающие поскорее вырваться на свободу. Его семья была полностью искусственной, картонной. Даже актёры на стоматологических брошюрах куда как искренне обнимают друг друга и улыбаются, строя из себя счастливую ячейку общества.
Отставив фотографию, Итачи рухнул на диван, откидывая голову на его спинку и закрывая глаза. Когда всё начало катиться под откос?
Когда всё стало «не так»?
А было ли оно когда-то «так»?

Рука наткнулась на чёрную папку, которую он принёс из своей комнаты. Его собственные фотографии. Да…было время, когда Итачи пытался найти свою собственную лазейку из этого серого мира под дорогой черепицей.
Фотографии в хаосе рассыпались по полу из-за неловкого движения, и Итачи подцепил пальцами одну единственную, что привлекла его внимание.
Саске и он сидят за кухонным столом и что-то живо обсуждают, если верить увлечённым лицам и вскинутым рукам брата. Наверное, Микото, улучив момент, щёлкнула фотоаппаратом, пока вечные соперники не видели.
Входная дверь хлопнула, заставив Итачи вздрогнуть и повернуться на звук.

- Ты, - резюмировал Фугаку, останавливаясь у вешалки и неспешно сдёргивая с плеч чёрное пальто. - Решил вернуться?

- Зачем ты это сделал?

- Сделал что? - нахмурился мужчина, оставляя кожаный портфель в сторону и проходя в гостиную. Его пальцы привычно пробежали по стоящим на кофейном столике бутылкам, и Фугаку выбрал янтарную жидкость, заключённую в хрустальный плен.

- Ты знаешь. Отвёз Саске в клинику.

- Потому что твой брат - псих.

Налив себе виски, Фугаку с тяжёлым вздохом опустился в кресло напротив Итачи.

- А психам там самое место. Ему там помогут.

- Ты прекрасно знаешь, что ждёт его там, отец.

- А ты прекрасно знаешь, что ждёт его здесь.

- Он бы тебе не помешал. И твоим планам.

- Да? - вздёрнул брови мужчина, отпивая из стакана. - А ты уверен? Он с этим своим…Наруто…

- Они бы не стали выставлять это на всеобщее обозрение.

- Ты так уверен в своём брате, - скривился Фугаку, протягивая руку за графином и наливая себе ещё. - Ты знаешь, что он способен на убийство?

- Каждый из нас способен, - проговорил Итачи и горько усмехнулся: - Мы же Учихи. Это у нас в крови.

Тёмные глаза отца опасно блеснули, и он замер, так и не опустив графин на стол. Тяжёлый взгляд был встречен с таким же каменным спокойствием.

- Даже ты?

Стук донышка графина о лакированную столешницу будто всколыхнул пространство, испугав нависших над ними призраков.

- Я твой сын.

Призраки подобрались ближе, укладывая свои костлявые руки на плечах мужчин, испепеляющих друг друга взглядами. Телефонная трель раздалась неожиданно, прервав этот немой диалог. Фугаку, отставив стакан, вынул из кармана пиджака телефон и поднёс к уху.

- Да?

Итачи проследил за отцом, изменившимся в лице так резко, что в душе что-то ёкнуло. Неужели Канори решил проболтаться? Поднявшись из кресла, мужчина прошёл к окну и остановился у него. Кажется, голос по ту сторону трубки сообщал что-то крайне неприятное, потому что Фугаку хмурился всё сильнее и сильнее, а потом, резко глянув на Итачи, бросил в телефон:

- Наблюдай пока что. Позже скажу, что делать.

И убрал телефон обратно.

- Кто это? - пытаясь скрыть волнение в голосе, спросил Итачи.

- Мадара.

***

- Твои родители явно не в восторге, - проговорил Саске, взгромоздившийся на кухонную тумбу с чашкой кофе. Ужасно крепкий и несладкий. Как можно пить эту отраву, Наруто не понимал. По ошибке отпив из стакана Учихи, блондин едва не слёг с отравлением, вызвав у Саске приступ мрачного превосходства.

- Особенно отец.

В доме царила тишина, разбавляемая тиканьем часов. От этого звука Саске становилось как-то мерзко скучно, словно в нутро заливали патоку этой размеренной семейной жизни. Сначала он принимал эту ауру благополучия за тепло, за любовь, но теперь, пробыв под крышей дома Наруто сутки, Саске понял, что это всё его постепенно отравляет. Каждая вещь здесь дышала надёжностью, верностью, светом. И, прикасаясь даже к этой большой чашке, Саске ощущал разрушительный жар на пальцах.

- Он с тобой говорил? - осторожно отозвался Наруто, усаживаясь за стол и хватая гренку с тарелки. Ругнувшись, выпустил слишком горячее лакомство на стол и по глянцевой поверхности заплясали мелкие крошки.

- Пытался объяснить, что всё это неправильно.

- Хм, - пожал плечами Наруто, чувствуя, как щёки начинают алеть. Только ли это говорил Ирука Саске. - И что ты думаешь?

Подняв глаза от своего напитка, Саске вздёрнул брови:

- А я должен что-то думать?

- Ну…люди обычно что-то думают, - как-то заторможено отозвался Наруто, пытаясь подцепить гренку кончиками пальцев, чтобы вновь не опалить их.
Саске в очередной раз пожал плечами, допивая кофе одним большим глотком и оставляя кружку в сторону. Наруто даже замер, напряжённо всматриваясь в друга. Там же был…кипяток.

- Саске, - отложив так и не надкушенную гренку, Узумаки поднялся, вытирая руки о салфетку. - Ты…ты сейчас ничего не почувствовал?

Чёрные брови удивлённо дрогнули, и Учиха покачал отрицательно головой, следя за тем, как блондин осторожно подходит к нему, словно боится подорваться на растяжке. Остановившись напротив парня, Наруто протянул руку и осторожно коснулся ею запястья Учихи. Тот лишь нахмурился непонимающе.

- Что ты делаешь?

- Кофе…почти кипяток, - как-то сразу севшим голосом напомнил Наруто. - И ты не обжёгся?

- Остыл, - безразлично смотря во взволнованное лицо блондина. - Не придавай этому большое значение.

Наруто закусил губу, осторожно сжимая перебинтованное запястье Саске. За слоем растрепавшейся ткани были еще толком незажившие раны. Так быстро не проходит, и порез взрывается болью каждый раз, стоит к нему прикоснуться даже вскользь. Узумаки сам знал это - его левая щека ныла болью, стоило забыться и провести руками по лицу слишком сильно, хотя его порезы и рядом не стояли с тем, что сделал Саске со своими руками.
А сейчас Учиха даже не замечал, как пальцы Наруто крепко сжались на его запястье.

- Да, остыл, - кивнул блондин, разжимая хватку и опуская руку. Если Саске не хочет замечать или же показывать это, то и ему, Наруто, не стоит заострять на этом внимание.

Оба ведь знали, что когда-то всё вновь вернётся к этому.

- Не забивай себе голову, - тихо проговорил Саске и стало ясно: всё понимает, всё осознает, но не хочет произносить вслух. - Иногда мысли - это просто мысли.

- Я не забиваю, - упрямо фыркнул Узумаки. - Вот ещё…

- Наруто, - требовательно позвал Саске, вынуждая парня поднять на него лицо.

Что бы там не хотел сказать Учиха, он не успел. Щелчок замка входной двери заставил брюнета оттолкнуть от себя Наруто и напряжённо уставиться на вход, игнорируя непонимающий взгляд Узумаки. Если блондин был так решительно настроен демонстрировать их отношения своей семье, то Саске понимал, что ни во что хорошее это не выльется, а этот придурок и так уже устроил себе весьма весёлую жизнь.
Ирука, вошедший на кухню, замер на пороге, словно не ожидая увидеть здесь парней, но какая-то напряжённая тишина заставила мужчину нахмуриться, переводя взгляд с одного на другого.

- Наруто, Саске, - кивнул он, ставя свою сумку на стул у стола.

- Привет, па, - как-то нелепо улыбнулся Наруто, делая неловкость между этими тремя ещё более ощутимой.

Саске показалось, что воздух наполнился мелкими осколками раздробленных лезвий. Вдыхать его было неприятно, но и не дышать - невозможно. Ирука ничего не говорил, а его взгляд добавлял порезов.
Оставалось только ждать, пока плотина этого затянувшегося ожидания прорвётся.

- Ирука, - позвал Саске, спрыгивая с тумбы. - У вас будет

сигарета?

Наруто, судя по его тяжёлому вздоху, предпочёл, чтобы Учиха на некоторое время потерял дар речи. И так было опасно для нервов сходиться с отцом в одной комнате втроём, а этот ещё и наглости набрался…
Мужчина, смотря на Саске, медленно достал из кармана пачку сигарет вместе с зажигалкой и протянул их парню. Скупо улыбаясь, Учиха вытянул пару бумажных трубочек, взял зажигалку и благодарно кивнул.
Махнув рукой Наруто, брюнет под не одобряющим взором Узумаки направился прочь из комнаты и вскоре вообще вышел на улицу.
В лицо ударил ватный ветер, отбрасывая впившиеся в кожу осколки чужого взгляда. Саске, убрав одну сигарету за ухо, а вторую зажав во рту, опустился на крыльцо. Чиркнула зажигалка, и обидно безвкусный дымок наполнил рот, выходя через нос.
Ирука рано или поздно захотел бы поговорить с ними обо всём дерьме, что заполнило жизнь его сына по вине некоего Учихи. Родители зачастую совершенно забывают, что дети уже выросли и готовы совершать собственные ошибки, за которые потом придётся страдать всю жизнь. Ирука будет до последнего пытаться оградить своё чадо, веря в свою правоту и неразумность первого. Людям привычно верить, что максимум, на что способен их ребёнок - напиться до невменяемого состояния и приползти домой на четвереньках. А про то, что сын может полюбить парня…многие даже не хотят задумываться. Страшно, мерзко, неправильно.
Саске усмехнулся, выпуская дымок и машинально чиркая зажигалкой. Улица перед глазами не плыла благодаря очкам, которые он нашёл в рюкзаке. Заботливый Итачи собирал его сумку точно так же, как и пять лет назад, когда Саске приспичило отправиться в летний лагерь. Точнее, то была попытка сбежать из-под крыши пропитанного нервозностью дома, но и она не увенчалась успехом. Фугаку решил, что его младшему отпрыску будет лучше отправиться на лето в другую страну изучать язык и прочую важную для развития личности ерунду.
Это было словно в другой жизни, где у него ещё могло быть

будущее. Где он мог бы стать кем-то, кто будет просиживать свой зад в душном офисе, обдуваемый пропахшим пылью воздухом из кондиционера, слушать разговоры коллег, пытающихся блеснуть остроумием.
И постепенно выгорать, превращаясь в безликое ничто. Ёжиться от каждого осточертевшего слова, сказанного вызывающим приступ тошноты голосом, от каждого взгляда покрываться нервными мурашками, сжимать в руках мышку и пытаться не сорваться на очередное замечание.
Терпеть и превращать свою жизнь в бесконечный цикл смирения, цепь, которой окутываешь себя рано утром и держишь в ней до позднего вечера, пока твоя переполненная чужой болтовней голова не коснётся подушки. А с утра вновь глядеть в зеркало и не узнавать того истлевшего мертвеца, который двигается только из-за необходимости кормить свой кожаный мешок, держать кости в тепле и снабжать навязанными обществом безделушками.
Жизнь. Обычная жизнь, которую ведёт большинство людей, но для Саске она казалась хуже смерти. Было ли у него преимущество перед всем этим стадом, которому придётся досмотреть этот чёрно-белый фильм о своей никчёмной жизни до конца? Проигрывал ли он им в том, что никогда не сможет познать всего горько-кислого вкуса этой рутины?
Хотел бы он окунуться в омут обыденной жизни, пропитаться ядом семейной жизни, стать обычным лжецом, который говорит слово «люблю» на ночь лишь потому что так надо?
Саске затянулся и отщелкнул окурок в облетевшие кусты.
Мы никогда не узнаем, как было бы лучше, если бы мы свернули на другую тропинку. В том и ужас человеческой жизни - винить себя до конца дней из-за того, что выбрал такой путь, а не другой. Вдруг там, во второй реальности, было бы лучше, теплее?
Вторая сигарета легла в губы, обжигая их шершавостью.
Было бы лучше, если бы Саске не встретил Наруто?
Маленький огонёк впитывается в бумагу, дым взметается вверх.
Представить свою жизнь без белобрысого сейчас было так же трудно, как и оказаться на месте простого работника в сером офисе.
Лучше…лучше жуткий конец, чем бесконечная жуть. Не так ли?

***

- Когда Саске уезжает?

Ирука деловито щёлкнул электрическим чайником, достал новую кружку и повернулся к сыну.

- Я буду ехать с обеда и могу подкинуть его, если нам по пути.

- Саске не уезжает, - тихо отозвался Наруто, опустив голову и комкая пальцами клеёнчатую скатерть на столе.

- То есть? Он не может остаться у нас.

- Почему?

Наруто всё-таки поднял глаза на отца. Ирука выглядел растеряно, но тёплые глаза блестели стальной уверенностью.

- Как ты себе это представляешь? Тебе нужно думать об институте, а не о…

- Я же сказал, что с институтом решу, - с нажимом проговорил блондин. - Саске некуда идти.

- И поэтому он должен остаться у нас?

- Ты же сам всегда говорил, что нужно помогать людям…

Надежда найти общий язык с отцом таяла так же быстро, как и паутина сладкой ваты на солнце.

- Да, если помощь идёт не в ущерб тебе, Наруто.

- Бояться за себя? Лицемерить?

- Наруто, это не лицемерие, а здравый смысл. Я волнуюсь за твою жизнь, за твоё будущее…

- Это из-за наших с ним отношений? - шикнул Узумаки,

хмурясь. - Поэтому ему нельзя остаться?

Ирука замолчал.

- Наруто…

- Понятно, - кивнул парень. - Я думал, что могу доверять тебе… что ты не начнёшь думать, будто бы я…

Отчаявшись найти нормальные слова, Наруто махнул рукой и быстро направился прочь из кухни. Ирука что-то говорил вслед, но парень уже не слушал, быстро взбегая по лестнице и залетая к себе в комнату. Сгрёб таблетки Саске в рюкзак, подхватил его и свою куртку и также молниеносно спустился вниз. Родной дом будто бы выталкивал его своим неприятием…

- Наруто…

- Па, всё нормально, - обуваясь, пробубнил Наруто. - Я просто не могу оставить его.

Его ухватили за плечо, заставляя повернуться и выпрямиться.

- Сын, это не будущее, - очень тихо проговорил мужчина. - С ним - не будущее.

- А с кем будущее? С Сакурой?

Ирука бессильно выдохнул, опуская голову.

- Это неправильно…то, что между вами.

Наруто нервно усмехнулся, отходя на шаг назад от отца. Он рассчитывал на что? Что мужчина поймёт его чувства, что хоть где-то в этом море серости и холода можно будет найти островок спокойствия?
Подхватив вещи, Узумаки качнул головой и вышел из дома, слыша, как отец идёт следом. Увидев их, Саске поднялся и вопросительно посмотрел на блондина.

- Пошли, - прошипел Наруто, отдавая Саске рюкзак.

- Наруто!

Ирука вновь схватил сына за руку, разворачивая к себе лицом и болезненно остро вглядываясь в глаза парня.

- Что с тобой не так? Зачем ты всё это делаешь?

- Я выполняю обещание. Вы с мамой не волнуйтесь…я вас люблю, правда. Буду звонить.

- Куда ты собрался?!

- К другу, - тихо буркнул Узумаки, высвобождаясь и рук отца и стараясь не смотреть на того. - Не переживайте. Всё будет хорошо.

***

- Ты решил вывалиться из гнезда? - усмехнулся Саске, шагая вслед за раздражённым Узумаки. Блондин выглядел непривычно задумчивым и злым одновременно. Учиха вообще сомневался в способности парня испытывать какие-то негативные эмоции, но сегодня определённо был необычный день.

- И к какому же другу мы идём? - не получив ответа, усмехнулся брюнет. - Опять к Джирайе?

- Нагато.

- Опять Нагато, - хмыкнул брюнет, засовывая руки в карманы и привычно сутулясь. Идти ровно было не особо приятно, и от каждого шага в виски стукала резкая боль, которую становилось всё труднее вытерпеть.

Пустынная улица убегала вперёд, теряясь в серых красках опускающегося на пригород тумана. По обочинам яркими кляксами стояли забрызганные грязью машины, где-то лаяли

собаки.

- Есть варианты лучше?

Саске передёрнул плечами, выдыхая пар. Жизнь превращалась в своего рода рутину: некуда идти - ищешь крышу, нечего есть - забиваешь на голод и продолжаешь искать, где бы переночевать.
Жизнь, какой бы она не была, рано или поздно становится рутинной.

***

- Мог бы позвонить, и я вас забрал, - недовольно пробормотал Нагато, пропуская парней в небольшую прихожую, захламлённую какими-то коробками. То, что Нагато, наконец-то, нашёл свой угол, было громко сказано. Эту квартиру можно было сравнить с конурой для пса - одна комната, санузел и кухня, куда их и провёл красноволосый.

- Извини, опять мы тебя беспокоим, - виновато сказал Наруто, усаживаясь на табуретку.

Саске, остановившись у стены, прижался к ней спиной, отрешённо оглядывая кухню. Небольшая, с ободранными обоями. Наверное, Нагато готовился к ремонту, но что-то отвлекло его от этого ритуала.
Цокот когтей по полу, тихий рык и вот чёрный монстр вбегает в кухню, замирая на пороге и оглядывая гостей. Пэйн, осмотрев всех, фыркнул, сочтя Учиху недостойным своего внимания, и уселся у ног хозяина, поглядывая на Наруто. Большой чёрный доберман смотрелся очень внушающее, словно адское отродье, чудом попавшее в этот мир.

- Наруто, я же говорил, что всегда буду рядом, - улыбнулся Нагато, проходя мимо блондина и похлопывая его по плечу. Наруто выдохнул и выпалил:

- У меня есть деньги. Летом заработал…и…нам только на первое время где-то остановиться. Ну…дальше мы сами.

- Не переживай, - бросил парень из прихожей. Судя по звуку, он доставал из коробки чашки. - Мне не трудно.

- Я с тобой не расплачусь, - виновато улыбнулся блондин, встречая взглядом Нагато, а тот лишь рукой махнул. - Если что помочь по дому, ты только скажи! Я мигом!

- Ещё я с тебя оплату трудом не брал, Узумаки.

Хмыкнув, Нагато поставил на старенькую газовую печку такой же потёртый чайник и вопросительно уставился на Саске.

- Садись.

- Мне и здесь неплохо.

Не нужно было обладать особыми способностями, чтобы заметить, как между этими двумя сверкнула искра неприязни. Нагато не нравится Саске, а Саске не нравится Нагато, но оба терпели друг друга. Всё было до ужаса просто.

- Курить в подъезде, - предупредил красноволосый, вспомнив давнюю привычку Учихи.

- Боишься заработать рак? - иронично вздёрнул брови Саске и криво усмехнулся.

- Не люблю вонь.

- Ребята, - предостерегающе позвал Наруто, заставляя двоих повернуться к нему.

Встретившись с блондином взглядом, Нагато кивнул, вновь возвращаясь к приготовлению обеда, а Саске просто уставился в пространство, сложив руки на груди. Наверное, теперь так и будет стоять истуканом посреди кухни, раз уж Нагато предложил сесть. Чертова упрямость…

- Наруто, - внезапно позвал Нагато, демонстрируя пустой кулёк.

- У меня хлеб кончился. Сходишь?

- А…да! Конечно!

Блондин подорвался с места так быстро, словно всей мечтой его жизни было снабдить Нагато буханкой хлеба. Едва не налетев на коробки в слишком узком проходе, Наруто быстро обулся, и хлопок двери стал началом гнетущей тишины.

- Зачем ты хотел остаться со мной наедине? - спросил Саске.

Нагато вопросительно глянул в его сторону, разливая воду по кружкам.
Учиха кивнул на хлебницу, в которой в силу своей невнимательности Узумаки не заметил не распакованную еще даже упаковку хлеба.

- Ты так хочешь о чём-то со мной поговорить. О чём?

- Ты должен оставить его, Саске.

- То есть просто взять и уйти?

- Нет. Ты не просто исчезнешь, ты заставишь Наруто поверить, что тебе дела до него нет.

- Зачем мне это делать? - засмеялся Учиха. - Ты положил глаз на Узумаки и теперь в стиле печальной драмы благородно просишь соперника удалиться?

- Не вижу повода для смеха, Саске.

Нагато был сдержан. Его спокойствие разливалось в воздухе, наполняя эту маленькую кухню зимним холодом. Фиалковые глаза внезапно вперились в чёрные, и красноволосый покачал головой:

- Ты не знаешь, что с ним творилось, когда ты пропал.

- Так расскажи мне.

- Наруто умер. Умер вместе с тобой, Саске, - говорил парень. - Я видел, как он каждый день заставляет себя существовать, видел, как ему хочется уйти за тобой.

- Теперь ты хочешь меня разжалобить?

Пальцы Нагато резко впились в воротник куртки Саске, прижимая того к шершавой стене спиной. Пэйн низко зарычал.

- Ты должен его оставить.

- Почему?

- Потому что любишь Наруто. Это будет самый умный поступок в твоей жизни.

- Я не могу решать за него, - очень серьёзно произнёс Саске, даже не думая перехватить руки красноволосого. - Он сам выбрал этот путь.

- И ты видишь, куда всё идёт. Ты же видишь, Учиха.

Саске молча выдохнул, стукаясь затылком о стену. Конечно… Наруто убивает себя, впитывает всё то зло, которое может дать Саске, травит себя ядом…

- Он сам решил быть рядом…

Его тряхнули, и пришлось всё-таки рефлекторно вцепиться в руки Нагато, что непривычно зло и горячо прошипел:

- Он умрёт вместе с тобой, придурок. В тот же день, когда тебя не станет, не станет его! Ты не видишь? Только скажи, что не понимаешь этого!

Сбоку появилась чёрная тень пса, что напряжённо следил за своим хозяином, готовый сорваться в атаку при первой же команде.

- Поэтому ты не должен уходить сейчас. Причини ему боль, Саске. Ты же умеешь это, - уголки губ Нагато слабо дрогнули. - Это единственное, что ты умеешь делать и что можешь дать ему.

- Боль…

- Да. Заставь его ненавидеть себя, разорви все связи и тогда, возможно, Наруто будет жить. Сделай хоть что-то хорошее, Учиха.

Саске, опустив голову, выдохнул, борясь с желанием приложить красноволосого как можно сильнее. Хотелось разбить его физиономию, выбить зубы, чтобы этот рот больше не издавал звуков. Ведь…ведь он был чертовски прав и слова, безжалостным потоком правды сыплющиеся на Саске, вонзались в сердце длинными иглами.

- Убей его чувства или они убьют его. Не будь эгоистом.

Дверь щёлкнула, послышалась возня в коридоре и звонкий голос Наруто.

- Там был только ржаной!

Долгий взгляд глаза в глаза, и Нагато всё-таки отпустил Саске, отпрянув к закипевшему чайнику. Ещё до того, как Наруто вошёл в кухню, атмосфера терпеливого безразличия была вновь восстановлена, а осколки спокойствия перестали хрустеть под ногами.

Глава 15. War of Change

Глава 15.
War of Change.

«It's a truth that in love and war,
World's collide and hearts get broken,
I want to live like I know I'm dying,
Take up my cross, not be afraid».
Thousand Foot Krutch – War Of Change.

«Правда, что в любви и войне,
Слова, сталкиваясь, разрушают сердца.
Я хотел бы жить, будто зная, что умру,
Возьми мой крест, не бойся».

Кровь медленно стекала по руке, маслянистой паутиной опутывая слишком белую кожу.
Чёртовы швы, чёртовы раны.
Саске опустил голову, стукнувшись лбом о белый холодный кафель чужой ванной. Здесь всё пропахло человеком, которого тело воспринимало, как чужака и инстинктивно напрягалось, готовое атаковать или защищаться.
Нагато…он не был другом, он не был врагом. Простой картонный персонаж в жизни. Очередная роль, которую кому-то выпало сыграть для чего-то.
Возможно, чтобы стало больнее или легче.
Возможно, всё это и есть театр.
Мигающая лампочка, слегка жужжащее электричество…такая обыденность, но она не укладывается в голове привычной картиной бытия.
Оставить Наруто…уйти.
Как там это называют добрые люди? Жест благородства, бескорыстный поступок во имя чужой жизни?
Улыбка сама собой появилась на губах, но имела она до того

горький привкус, что горло сковало стальным ошейником, сдавливающим, мешающим дышать.
Раздражённо стерев кровь с руки - чёртовы раны всё никак не хотели заживать. Саске обмотал запястье чистым бинтом и выключил воду. Взгляд упал на собственное отражение, смотрящее какими-то диковатыми глазами. Усмешка. Чужая и непривычно острая, как осколок стекла.
Уйти - оставить и попытаться представить, что так будет лучше. Ведь для Узумаки это действительно будет лучше.

***

День тянулся до безобразия долго, и Наруто устал поглядывать на часы, ожидая непонятно чего. Как будто вот-вот придётся вновь сорваться с места и искать крышу, искать ночлег или скрываться от кого-то.
Хотя Нагато и не прогонял, был готов поселить их у себя на неопределённый срок, Наруто чувствовал некоторую скованность. Неловкость пришла следом за ощущением собственной никчёмности и беспомощности. Выступив перед серым монстром реальности, Узумаки оказался полностью безоружным, а его меч внезапно обратился букетом цветов. Разве можно победить эту жестокость яркими красками эфемерных иллюзий? Выступить против треглавого чудища из своих детских кошмаров безоружным и полностью обнажённым. Вот они - места для самых верных, самых болезненных ударов.
Наверное, стоило опять вернуться к Джирайе, но там есть шанс вновь встретить Фугаку, если тот всё-таки прознает обо всём.
Хлопок двери вывел Наруто из состояния странной задумчивости, заставив посмотреть на вошедшего на кухню Саске. Брюнет был всё таким же настороженным, словно Пэйн в любой момент мог схватить его за ногу. Но, стоило Учихе поймать на себе взгляд парня, как лицо его вновь стало непроницаемым и все эмоции моментально испарились. Оболочка с тем, что спрятано глубоко внутри. Настоящий Саске не выглянет из своей раковины, не покажется, пока рядом есть Нагато. На последнего брюнет бросил недовольный взгляд и опустился за стол с таким независимым видом, словно это у него дома какой-то красноволосый хмырь стоит у плиты.

- Что с рукой? - рискнул подать голос Наруто.

- Отваливается, - мрачно отозвался Саске, убирая конечность со стола и откидываясь на стену спиной.

- Может, к врачу?

Саске, скептически фыркнув, отвернулся к окну.
Шипение раскалённого масла привлекло внимание Пэйна, что до этого спокойно спал в ногах у Узумаки. Видимо зверю чем-то понравился парень ещё в общаге. Подняв узкую морду, пёс насторожил острые уши, принюхиваясь.
А пахло на самом деле вкусно, и Наруто со стыдом почувствовал, как протяжно загудело в желудке. Показалось, что этот звук услышали все…

- Наруто, подойди, - позвал Нагато, помешивая что-то в сковороде под пристальным взглядом Учихи.

Этот тип всё больше и больше не нравился Саске. Если раньше Нагато маячил раздражающим бельмом где-то на краю зрения, то теперь стал красной тряпкой перед глазами.
Взгляд брюнета прошёлся по парню, что как раз зачерпнул в ложку какое-то исходящее паром месиво и, улыбаясь, протянул её к губам Узумаки.

- Попробуй.

Блондин, подув на предложенную еду, аккуратно взял немного и довольно замычал.

- Вкусно!

- Фирменное. Как думаешь, что тут?

Нагато, доев остатки угощения, вернулся к помешиванию своего месива.
Странно…вроде бы ничего необычного.
Саске почувствовал, как пальцы впиваются в ладонь

практически без его ведома. Что-то противное, маслянисто-чёрное заползло в лёгкие.

- Мясо? - неуверенно предположил Наруто.

- Овощи, - с гордостью заявил красноволосый, зачерпывая из другой сковородки и вновь протягивая ложку к губам Узумаки.

Саске отвернулся, понимая, что ещё немного и запустит чем-то в парней. Вот она - обычная жизнь, обычный Наруто, который интересуется тем, чем его кормят, разговаривает, смотрит в глаза с улыбкой. Настоящей, а не забитой какими-то мыслями. Узумаки, не боящийся рассказывать свои глупые шутки, стоять рядом и…
Живой.
Не как с ним.
Взгляд вновь вернулся к парням, что обсуждали какую-то ерунду - снисходительная улыбка на лице Нагато, радостный оскал оголодавшего по эмоциям вампира у Наруто.
Ревность?
Скорее, осознание, что так Узумаки будет лучше, и лишь один короткий взгляд красноволосого на него, Саске, стал немым вопросом:
«Видишь?»
Саске опустил глаза, складывая руки на груди и предпочитая смотреть в покрытый затёртостями линолеум.
«С тобой он никогда не будет живым».
Встав так резко, что вновь было задремавший Пэйн вздрогнул, Саске ухватил Наруто за руку и потянул в сторону выхода.

- С-саске, куда? - выпалил блондин.

- Одевайся.

Натянув куртку и надев кеды, Саске выжидающе уставился на Наруто, и Узумаки по этим матовым глазам понял, что в этот раз лучше послушаться. Слишком много тёмного огня плясало на дне зрачков…
Одевшись, Наруто виновато улыбнулся выглянувшему из кухни Нагато и недоумевающе спросил:

- Мы же вернёмся?

- Пошли.

Не сказав больше и слова, Саске толкнул входную дверь, выходя в светло-зелёный подъезд и быстро сбегая вниз по лестнице. Узумаки плёлся за ним, и даже не нужно было оборачиваться, чтобы проверить это.

- Может, ты объяснишь, в чём дело? - выпалил Наруто, когда они оказались во дворе. Здесь было практически пусто из-за накрапывающего дождика и промозглого ветра.

- Нужно кое-куда сходить, - накинув на голову капюшон, пробормотал Саске. - И купить сигарет.

- Я не сдвинусь с места, пока ты мне не объяснишь!

- Узумаки, не истери.

За неимением сигареты, Саске покусал нижнюю губу и, кивнув на тротуар, первым двинулся к аллее. Она, проходя неподалеку от дома, находилась рядом с пустующей сейчас детской площадкой и терялась где-то в небольшом парке. Район был довольно приятным, если не брать в расчёт трехэтажный дом, в котором и поселился Нагато. Эта нелепая старая постройка уродовала всю картину, составленную из новых пятиэтажек цветастого кирпича. Словно какой-то шалаш посреди королевского сада, трехэтажный обрубок привлекал к себе внимание своими выкрашенными в синий и зелёный облезлыми балконами, деревянными рассохшимися рамами и обшарпанным кирпичом. Почему это пятно на светлом лике района до сих пор не стёрли - загадка.

***

Быть частью семьи - всегда значило выполнять всю грязную работу. Ведь, когда твой род достаточно велик и знатен, то кляксы на нём появляются, так или иначе. Кто из нас без греха?

Наверное, так захотела Судьба или же сошлись звёзды, но именно Мадара стал тем, кому было суждено вечно подчищать за Учихами. Хорошую репутацию нужно было поддерживать, а для его семьи она стала просто-таки навязчивой идеей.
Иногда Мадаре выпадал случай организовывать благотворительную выставку, иногда кто-то из семьи загорался идеей проспонсировать операцию очередного бедного больного ребёнка из низших слоёв населения, а иногда…
Чёрные глаза неотрывно следили за двумя парнями, что стремительно удалялись от дома. Первого - черноволосого и высокого, мужчина узнал сразу. Видел ещё нескладным подростком и с какой-то присущей Учихам тёмной гордостью отметил, что парень вырос весьма складным. Если бы ещё не такой худой…
А вот второй, если верить описаниям и фотографиям, Узумаки Наруто - палка в колёсах, дамоклов меч, который навис над репутацией Фугаку.
Иногда приходится забыть и про благотворительность, и про больных детей.

***

- Куда мы? - спросил в очередной раз Наруто, едва поспевая за шагающим чуть впереди Саске. Учиха был подозрительно быстрым и это как-то совершенно не вязалось с его утренним состоянием.

Спешка казалась практически лихорадочной, и это нервировало Наруто, вынужденного идти следом. Проскользнула даже мысль, что у Учихи опять что-то замкнуло в голове, но взгляд того был очень осмыслённым.
Хотя…психи ведь тоже иногда могут казаться вполне вменяемыми, а потом, после затишья, ты осознаёшь себя с ножом у горла.
От сравнения Наруто нервно усмехнулся. И нож у горла был, и дуло пистолета недвусмысленно холодило лоб, но он всё ещё отказывался считать Саске сумасшедшим.

- Увидишь.

Саске вновь свернул на оживлённую улицу, лавируя между людьми, словно бы и не замечая недовольных возгласов. Толпе не нравилось, что какой-то юнец идёт не в своём «ряду», да ещё и расталкивает плечами. Устав извиняться, Наруто нагнал его и, вцепившись в рукав куртки, потянул назад.

- Сбавь обороты.

- Некогда.

- Отчего это?

- Нужно успеть к ужину, а то твоя наседка обидится, - процедил сквозь зубы Саске и на радость Узумаки свернул в переулок, едва не столкнувшись с очередным прохожим.

- Нагато что ли? Саске…

- Заткнись и иди за мной, - прервал его брюнет.

Наруто лишь тяжело выдохнул, отпуская рукав друга и послушно шагая за ним. Если Учиха что-то вбил себе в голову, то остаётся только ожидать неминуемой развязки и надеяться, что Саске не решит вновь проверить свои нервы и разрушить нервы Узумаки.
Узкий переулок между домами закончился, и парни вышли на площадь. Громкая музыка, смех людей - всё это ударило по ушам, заставляя Наруто остановиться так резко и неожиданно, что Саске не сразу заметил его отсутствие рядом. Обернувшись, брюнет вопросительно вздёрнул брови.

- Ярмарка? Серьёзно? - выпалил Наруто, обводя площадь взглядом. По её бокам разбили разноцветные палатки, которые на фоне осеннего неба смотрелись особенно нелепо, подчёркивая всю безысходность поздней осени.

- Что не так? - вернувшись назад, спросил Саске. Кто-то прошёл мимо и нечаянно задел его плечом, заставив вспомнить свою нелюбовь к шумным местам. Тёплая смуглая ладонь неожиданно легла на лоб, опаляя холодную кожу жаром.

- Вроде бы температуры нет, - усмехнулся Наруто, завершая жест прежде, чем кто-то из прохожих успел бы обратить на них внимание. - Зачем мы здесь?

- Не знаю, - передёрнул плечами Учиха. - Что люди делают на ярмарках.

- Мммм, - протянул Наруто, осматриваясь задумчиво. - Покупают что-то, гуляют. О! Пошли.

Напомнив себе, что сам заварил эту кашу, Саске двинулся следом за врезавшимся в толпу Наруто. Узумаки двигался решительно, словно внезапно его осенила какая-то совершенно гениальная идея и её как можно скорее нужно воплотить в жизнь.
Светлая макушка быстро затерялась в толпе, и Саске показалось, что вот он - конец. Парень замер, вызывая бурное недовольство у тех, кто был вынужден обходить его.
Застыть, дождаться, пока толпа растворит тебя полностью. Пока ты смешаешься с ними, с этими людьми, пропахшими табаком, духами и жизнью. Тогда тебя не станет - пустое место в чужой памяти, которое так легко заполнить чем-то новым. Значимым.
Вот он шанс, Саске, просто позволь этому потоку из людской мешанины унести тебя отсюда подальше. И не будет больше Узумаки Наруто в твоей жизни, а тебя в его. Потерять человека в большом городе легче лёгкого - просто избавься от мобильника, оборви все связи.
И ты ноль.
Безликое нечто.
Легко заменимая переменная, печаль по которой будет сильна лишь первые месяца. А потом смирятся, привыкнут.
Саске даже сделал шаг назад, но тут толпа впереди начала расходиться и показалось довольное знакомое лицо. Светло-голубые лучистые глаза встретились с его, и все выстроенные надежды разлетелись детскими кубиками.
Не смирятся и не привыкнут.
И Саске не знал, что было больнее - осознавать свою значимость или то, что от твоего существования зависит чужое.

- Держи, - с широкой улыбкой проговорил Наруто.

Саске удивлённо опустил взгляд на протянутое ему, судя по всему, лакомство и невольно нахмурился.

- Это всего лишь яблоко в карамели, Учиха.

- Яблоко?

- Да. На деревьях такие растут. Бери.

Саске недоумевающе принял из рук Наруто лакомство на длинной тонкой ножке и, проследив за кивком парня, направился следом к освободившимся лавочкам.
Зачем столько людей в такую дрянную погоду выбрались на улицу, он до сих пор не мог понять. Неужели нашлись любители промозглости, серости и сырости?
Усевшись на «насест», Наруто задумчиво лизнул глянцевую поверхность яблока, прищурился, словно выискивая что-то в толпе и, наконец, выпалил:

- Ты странный.

- Откровение, - фыркнул Учиха, забираясь на лавочку. Он осмотрел свое яблоко, совершенно не испытывая желание его съесть.

- Всё-таки, зачем мы здесь, Саске?

Наруто споро откусил от яблока, жмурясь от удовольствия. Он-то и забыл, насколько важное место сладкое занимало в его жизни. Не было времени пить чай с конфетами, грызть плитку шоколада. И, даже работая в кофейне, где пирожные были на завтрак, обед и ужин, Наруто не испытывал желание попробовать и крошки от оных.
Голод, вместе с другими разумными потребностями организма, постепенно сошёл на нет, заместившись куда как более яркой болью. В груди.
Где раньше билось сердце.

- Просто.

- Не ври. Чтобы ты, Учиха Саске, потащил меня на ярмарку…

- Я не знал, что мы на неё наткнёмся, - так же безразлично смотря на своё лакомство, проговорил Саске и опустил руку. Яблоко опасно накренилось к земле, и Наруто с громким окриком перехватил его запястье, препятствуя падению сладости.

Удивлённо уставившись на блондина, Саске слегка нахмурился, но вырывать руку из хватки не стал. Мягкие пальцы на запястье вновь ощущались ватной тяжестью. Но от этого по жилам пробегал колючий лёд.

- Забери.

- Ты должен попробовать! - упрямо заявил Узумаки, разжимая руку. Наруто боялся наступить на мину. В чёрных глазах и без того натянулись нити, звенящие от напряжения. Ещё чуть-чуть, и Саске сорвётся…

Просто наверняка сорвётся.

- Я не люблю сладкое.

С этими словами Саске положил на лавочку сначала салфетку, а затем сверху лакомство. Мир в какой-то момент вновь превратился в картонный замок без дверей и окон. Сюда не проникает свежий воздух, солнечное тепло - только едва мягкие стены грязно-жёлтого цвета давят на глаза. Их можно потрогать, пробежаться пальцами по шершавой бумаге, но почувствовать лишь собственное мясо, трущееся о кости. Мир декораций, где каждый очередной манекен.

- Саске, а что ты любишь?

Голос Наруто с трудом пробивался через этот мягкий гул шатающейся туда-сюда толпы, залепивший уши тёплой ватой.

- Кофе.

- И всё?

- Сигареты.

- Как-то…невкусно, - сморщил нос Узумаки, отворачиваясь и вновь откусывая от яблока. - А я вот люблю сладкое, оказывается. Представляешь…так давно не ел ничего такого и только сейчас понял, что не могу жить без него.

Как много раз они разговаривали обо всём, но всё не о том. Какие-то неправильные слова, глупые придирки, издёвки, подколки. Попытки сделать друг другу больно, с каждым разом становящиеся всё изощрённее. Мастерство, оттачиваемое долгими днями общения, наконец достигло своего пика. Теперь достаточно просто знать, что другой жив, слышит твои слова. Он может не отвечать на них вслух, но взгляда будет достаточно, чтобы твоё сердце разлетелось к чертям от боли. Искусство убивать молча.
А поговорить о банальностях…
Нам никогда не хватает времени на такие простые разговоры. Мы всегда стремимся говорить о высоком, о сложном и непонятном. Заходим своими размышлениями в такие дебри, что, переплетаясь, они становятся тупиком из прутьев собственных же высокопарных слов. И тогда уже нет пути назад - только дальше углублять эту яму, в которой будут лежать все громкие слова, все философские темы.
Но у нас никогда нет времени говорить о жизни.

- Саске, - вдёрнул его из задумчивости Наруто. - Ты молчишь…

- Я знаю.

- Давай…поговорим.

- Наруто…

- Просто поговорим, - остановил его парень. - Скажи мне…что тебе нравится. Кроме кофе и сигарет.

Это отчаянное желание Наруто вытащить из него хоть пару слов, заставило Саске внимательно посмотреть на Узумаки. Кажется, блондин думал примерно в том же русле, что и он. И это было странно…
Это желание во что бы то ни стало обменяться парой пустяковых фактов друг о друге, судорожная жажда ненужной информации.

- Помидоры.

- Ч-что?

- Черри.

- Просто помидоры? - как-то нервно улыбнулся Наруто, поворачиваясь к Саске и окидывая его смеющимся взглядом.

- Ты спросил - я ответил, - пожал плечами Учиха.

- Я думал…

Брюнет так резко повернулся к нему, что Наруто невольно сбился и пропустил удар сердца. Чёрные глаза буквально пронзили насквозь, показывая истинную сущность этого пустякового разговора. Саске прощался. Поэтому ярмарка, поэтому разговор ни о чём, которых Учиха так сторонился, считая мусором. Поэтому толпа, чтобы не оставаться наедине и не говорить лишнего. Как будто наличие чужих ушей спасёт…
Но нет…
Даже чужие глаза, вскользь прохаживающиеся по двум парням, не могли спасти то, что уже падало.
Саске придвинулся так быстро, что Наруто не успел отпрянуть или же выставить перед собой руку. Почувствовал, как тело цепенеет, а потом губы разжались под напором чужих, позволяя теплу ударить в голову.
Если бы он мог чувствовать вкус…
Не этой жжёной карамели или яблока, а тот самый вкус…
Краем сознания Саске осознал, что сейчас прохожие заметят, осудят.

Но нельзя остановить падение.
Холод чужих взглядов прошёлся по телу, замораживая до последней клеточки. Наруто мигом почувствовал, как вспотели ладони, но не от того, что их видят, а от того, как сильно забилось сердце. Как захотелось обнять, вжаться лицом в шею, вдохнуть этот горький запах и почувствовать жёсткие волосы под пальцами. Непослушные, как леска, впивающиеся в кожу при малейшей попытке ласково по ним провести.
Как и сам Саске - холодный, жёсткий и чужой. Он сам состоит из лезвий, режет, пронзает, пускает кровь. Но эта боль…
Наруто потянулся ближе, цепляясь пальцами за его кожанку, впиваясь в неё отчаянно. А в ответ на его плече также сильно сжалась худая рука, обжигая холодом даже через куртку.
Это было так…странно.
Ничего не мешало кому-то поднять камень и бросить в них, повинуясь тому тоненькому голоску в голове, что шепчет: «Так нельзя, так неправильно, извращенцы».
Саске отстранился раньше первого удара. Учиха выдохнул, будто бы всё это время находился под водой и уже почти успел захлебнуться.

- Ты…

Взгляды действительно были. Но какие-то затравленные, косые. Люди боялись, увидев грязь, испачкаться в ней лишь просто посмотрев. А другие спешили изменить направление своего движения, словно увидели перед собой очаг чумы и слабый ветер может перенести на их кожу эти тлетворные споры болезни.
Уголки губ Саске дрогнули, словно бы он хотел улыбнуться, но потом Учиха поднялся, рассеивая это наваждение.

- Пойдём.

Забыв про яблоки, про взгляды, Наруто двинулся следом за Саске, зацепившись за рукав его куртки.
Разговоры…
Они были не нужны.
Падая, трудно перекричать шум ветра.

***

Орочимару, поставив на стол бокал с виски, устало откинулся в кресле. В последнее время его жизнь начала напоминать американские горки, а это совершенно не вписывалось в размеренное существование. Привычное, как по графику.
В его ежедневнике были расписаны все встречи, их время, телефоны и имена тех, с кем мужчина должен был поговорить в тот или иной день. Но там не было пометки о сожалении, разочаровании или грусти.
Эмоции - слишком сложное явление, чтобы Орочимару мог позволить себе тратить душевные силы на эти трепыхания в груди.
Вся эта история с Учихами слишком затянула его, сделав невольным участником спектакля, которого приковали к сцене цепью. Она достаточно длинная, чтобы позволять своему пленнику время от времени скрываться в тени занавеса, но слишком прочная, чтобы он сумел разорвать её и освободиться.
Придётся досмотреть представление до конца, выйти на поклон и не забыть забрать цветы.
Если они будут.
Спасая чужие жизни, Орочимару не понимал, каким образом столькие хорошие люди получают этот ядовитый подарок - болезнь. Почему они, а не он? Почему тот, кто не имеет сил закончить всё своими руками, но заслуживает мучений больше всех пациентов этой клиники, продолжает жить? Сколько не трави себя алкоголем - печень здорова. Сколько не кури - рак лёгких всё ещё есть лишь на буклетах больниц. Сколько не проси смерти - никто не ответит.
Потому что некому.
Жизнь - трамвай, а смерть - конечная станция. За ней ничего, только безликая пустошь.
А он всё стоит в очереди за билетом, но она слишком длинная. А касса, как всегда, работает только до пяти вечера…

***

К дому Нагато путь показался в двое дольше. И не из-за того, что Саске пошёл совершенно другой дорогой, а просто…они не спешили.

Наруто удивлялся, откуда Учиха знает этот район, ведь даже он, Узумаки, любитель погулять в компаниях, не знал и половины тех переулков, которыми шёл Учиха.
Пару раз Наруто хотел было заговорить с Саске, но тот, словно чувствуя это, слегка поводил рукой, за рукав которой блондин вцепился намертво. Лицо Саске было спокойным, близким. Он был рядом, но…
У подъезда Узумаки всё-таки потянул за рукав, вынуждая брюнета остановиться и посмотреть на него из-под глубокого капюшона куртки. Глаза парня странно бликовали, ловя свет уже начавших зажигаться уличных фонарей.

- Всё нормально? - осторожно спросил Наруто.

- Узумаки, прекрати, - поморщился парень, отстраняясь и усмехаясь. - Насколько может быть в порядке один умирающий псих и второй здоровый идиот?

Наруто сдавленно хохотнул и прошёл следом за Учихой в тёмный подъезд.
В квартире Нагато было непривычно ярко, и жёлтый свет резанул по глазам Саске, заставив зажмуриться и едва не налететь спиной на вошедшего следом Наруто. Только потом Учиха услышал звуки музыки и чьи-то голоса.
Выбежавший из зала Пэйн радостно бросился к замешкавшемуся в дверях Узумаки и едва не вытолкал того обратно в подъезд, но вовремя подоспевший красноволосый резко выкрикнул:

- Фу!

От властного окрика застыл даже блондин, придерживая так и не закрытую до конца дверь.

- Заходите, - поторопил их хозяин квартиры, придерживая пса за ошейник. - Ко мне тут с работы пришли…

- Мы не помешаем? Можем пойти ещё походить, - промямлил Наруто и Саске резко закрыл дверь за него. Громкий хлопок заставил блондина вздрогнуть и неожиданно посмотреть на

парня, от которого буквально-таки осязаемо веяло раздражением.

Бросив на Нагато взгляд, Саске скинул кеды и прошёл в комнату, из которой доносились голоса и тихая музыка.

- Наруто, - улыбнулся Нагато. - Проходи уже…они такие же друзья, как и ты.

«Как и ты…», - мысленно усмехнулся Саске, оценив, как тонко красноволосый выделяет голосом все границы и своё отношение к конкретным людям.
На застывшего в дверях брюнета обратили ровно столько же внимания, сколько и Пэйн на пробегающую мимо кошку. Мужчина и две девушки не без интереса уставились на новое действующее лицо, и Саске отметил, что уровень хмеля в их глазах уже достиг нужной отметки. После этого рубежа беседы по умолчанию становятся интереснее, а собеседник приятнее. Светловолосая девушка невысокого роста жалась к крепкому парню, который с равным успехом мог быть как спортсменом, так и простым грузчиком. Покатый лоб, маленькие глазки и слишком большой рот, кривящийся сейчас в приветливой улыбке. Саске она показалась похожей на оскал акулы. Неприятный тип. А вот девушку, что так доверчиво льнула к нему, можно было бы назвать славной, если бы Саске было дело до её внешности. Блондиночка, большеглазая, с пышными ресницами и взглядом куклы.

- Ребята, это Саске, - хлопнул его по плечу Нагато. Преувеличенно бодрый жест вызвал у Учихи желание низко зарычать, копируя Пэйна. - А это Наруто.

Пропихнув Узумаки в комнату, сам красноволосый опустился на пуфик, обводя всех довольным взглядом.

- Эки, - кивок на блондинку, затем на парня: - Джен. И Айви.

Наруто смущённо махнул всем рукой. Не то, чтобы он был тем самым застенчивым малым, который в больших компаниях всегда теряется где-то на заднем ряду, но сейчас отчего-то было

неловко. Врываться в чужую жизнь, путать планы и навязываться…

- Привет, - проговорил он излишне громко, и девушка, сидящая на диване, засмеялась. Смех её был звонкий, под стать внешности. Наверное, Нагато состоял в какой-то секте красноволосых, ибо та, которую назвали Айви, щеголяла ярко-красным оттенком шевелюры. Весьма дерзкая внешность, но очень приятная: большие хитрые глаза, густо подведённые чёрным, припухлые губы и тонкий нос. Девушке не надо было прибегать к крайним мерам, чтобы выделить свою природную красоту, но Айви предпочла естественности яркий макияж.

Улыбнувшись свободнее, Наруто уселся на диван, рядом с пустым стулом, и выжидающе уставился на Саске. Учиха как обычно был чёрной тучей, грозившей испортить солнечную погоду. Он, обведя людей взглядом, отлип от косяка и медленно двинулся к небогатому столу, чтобы усесться по другую сторону оного.
Наруто решил не заострять на этом внимание…так или иначе, Саске всегда был очень переменчивым. Хорошо хоть в кухню не ушёл, коротать вечер в гордом одиночестве.

- Ну…давайте за знакомство?! - выпалил Джен, поднимаясь и разливая девушкам вина. Его взгляд вопросительно скользнул по Наруто, и блондин торопливо накрыл свой стакан рукой:

- Не-не-не. Я потом буянить буду.

- Так успокоим! - рассмеялся Джен.

- Да куда там! - весело фыркнул в ответ Узумаки, но парень всё-таки не стал настаивать и пододвинул к блондину пакет сока с таким видом, будто едва-едва сдерживается от очень смешной подколки.

- А ты? - вздёрнул брови «бармен», кивнув Саске.

Пожав плечами, Учиха пододвинул тому свой стакан, и Джен, оживившись, быстро наполнил тот почти до краёв.

- Саске, - тихо позвал Наруто, пользуясь тем, что девушки рьяно отказывались пить, но их столь же бодро уговаривали уже в два голоса. - Ты уверен?

- Пф, - фыркнул брюнет, пододвигая к себе стакан. - Приступ заботы?

- Просто…тебе нельзя…

- Кому тут что нельзя? - выпалила Айви. - Всем всё можно!

Алкоголь.
Он притупляет истинные чувства, делая мир похожим на забавную мозаику из разноцветных осколков. Каждый глоток дарит тебе новые эмоции, словно они были упрятаны неведомым мастером в бутылку ранее.
Грусть, злоба, отчаяние, похоть, любовь, счастье - всё это можно найти на дне. Только, ныряя глубже, рискуешь больше никогда не вдохнуть полной грудью.
Саске, отставив от себя пустой бокал, выдохнул. Наверняка, это дешёвое пойло было ужасным на вкус и, если бы не «подарок» его болезни, то пришлось бы закусывать. Тогда бы опьянение пришло с запозданием, а хотелось сейчас. Быстро, резко, немедленно.

- Я тебя где-то видела, - проговорила подсевшая ближе Айви. - Ты…в газеты не попадал?

Девушка пытливо прищурилась, наставляя на Саске вилку.

- Ты могла видеть моего отца, - ответил Саске. - Он большая шишка и часто светится в газетах.

- Отца? - нахмурила лобик она. - А кто он? Актёр?

- А тебя интересуют актёры? - усмехнулся Учиха, чувствуя, что слова приходится вытаскивать из себя буквально клещами.

Потянувшись за бутылкой, Саске наполнил вновь свой бокал и

плеснул немного Айви. Девушка, недовольно нахмурилась, но всё же сделала глоток.

- Я учусь в актёрском…

- Мммм…

Наруто, прикусив губу, краем глаза наблюдал, как Учиха стремительно надирается. Захотелось даже выпить самому и заткнуть этот тихий голос в голове, говорящий, что эта Айви подсела слишком близко, что Саске разговаривает с ней непривычно долго.
Что Учиха улыбается ей.
Да, чёрт возьми, Узумаки! Кто сказал, что он должен общаться только с тобой?
Но ведь…ведь так оно и было на протяжении долгого времени. А сейчас какая-то угроза нависла над этим хрупким миром временного взаимопонимания.

- Эй, Наруто, - окликнул его Нагато. - Всё нормально?

Поняв, что пялится на Учиху уже некоторое время, блондин вздрогнул и перевёл взгляд на красноволосого. Нагато, к его удивлению, был совершенно трезв, и взгляд друга источал ту спасительную твёрдость, которой сейчас так не хватало. Всё нормально, всё на своих местах.
Да?

- Вполне, - как можно беззаботнее пожал плечами блондин, отпивая апельсинового сока.

- У тебя такой вид…

Договорить Нагато не успел. Джен, услышав какую-то песню, сделал громкость почти на всю и, вскочив из-за стола, ухватил Эки под руку, утаскивая в какой-то совершенно сумасшедший танец. Улыбаясь, Нагато поднялся из-за стола, отходя, чтобы не мешать парочке.

- Саске! - выпалил Наруто, заметив краем глаза, как брюнет

стремительно начал белеть. Парень скосил глаза на Узумаки и поморщился, словно от зубной боли.

- Чего тебе? - с трудом перекрикивая басы, спросил Учиха.

- Ты…

Но и его постигла участь Нагато. Айви, вскочив с дивана, направилась в центр комнаты, присоединяясь к танцующим, а Саске проводил её взглядом.
Что?
Затем поднялся сам.
Наруто было последовал его примеру, надеясь улизнуть из этой комнаты, ставшей слишком шумной, на кухню вдвоём, но Учиха направился к девушке. Узумаки почувствовал, как медленно оседает обратно на диван.
Взгляд приковало к этим двоим клейкой лентой.

- Позволь,- склонил голову Саске.

- Я думала, такие, как ты, не танцуют, - улыбнулась она, закидывая руку ему на плечо.

- Иногда.

- Алкоголь, да? - понятливо улыбнулась Айви.

Саске лишь искривил губы в том, что было принято за улыбку.
К нему придвинулись ближе, захотелось отпрянуть. Исчезнуть. Раствориться.
Главное не смотреть на Узумаки.
Не встречаться взглядом.
Наруто почувствовал, как кулаки вновь сжимаются.
Поразительное своеволие.
Саске. Танцует.
Мир, ты сошёл с ума.
Саске танцует с девушкой.
И он вместе с миром.
Апельсиновый сок почему-то начал отдавать горечью на языке, а руки странно похолодели. Было уже плевать, что взгляд был

устремлён лишь на этих двоих. Плевать, что каждое движение Саске резало по телу раскалённым ножом.
Какая-то плавная мелодия, какие-то приятные звуки…
Всё это показалось адской какофонией, когда девушка придвинулась ближе к Учихе, обвивая его шею руками.
И…
Саске устроил свои ладони у неё на талии, слегка проводя пальцами.
Словно из другого мира пришло ощущение прикосновения к плечу, и Узумаки вздрогнул. Поднимаясь, Нагато нечаянно зацепил блондина, вырвав того из странного оцепенения.
Заметив, что красноволосый начал собирать грязную посуду, Наруто взвился со своего места, хватая первую попавшуюся тарелку.

- Я помогу.

Добравшись до кухни на ватных ногах, Наруто сгрузил стопку тарелок на тумбу и, упёршись в неё руками, низко опустил голову.

- Эй, что с тобой?

Нагато, сгрузив свою ношу в раковину, осторожно тронул парня за плечо.

- Ты не видишь?

Конечно, Нагато видел. Это было видно в его фиалковых глазах, которые сожалели без слов. Наверное, это был второй человек, который мог разговаривать взглядом.
Первый сейчас обжимался в танце с какой-то разукрашенной куклой.
Наруто неожиданно для себя саданул тумбу кулаком, и костяшки вспыхнули болью. Закусив губу, парень мысленно ругнулся.
Развёл тут драму на пустом месте.
Подумаешь…
Танец…

***

…Танец помогал потерять опору под ногами, взбалтывая алкоголь в пустом желудке. Отвратительный горький ком подбирался к горлу, но Саске удавалось сдержать своё мелко подрагивающее тело.
Разноцветные блики плыли перед глазами, спирт тёк по венам. В какой-то момент он понял, что торопливо прижался губами к стакану, чтобы избежать чужих губ. Так было легче - прикрываться выпивкой, улыбаться расплывающемуся лицу и думать, что всё пройдёт.

- Нужно…нужно покурить, - с трудом проговорил Саске, цепляясь пальцами за спинку стула и сграбастывая со стола чужую пачку вместе с зажигалкой. Чьи-то руки с сожалением скользнули по спине, и Учиха быстро направился прочь из комнаты.

В прохладном тёмном коридоре он замер, хватаясь рукой за уплывающую куда-то стену. Она шла рябью, расслоилась, сворачиваясь и сминаясь. Как бумажный листок.
А тени в углах потянулись ближе.
Сумасшествие и алкоголь - не самые лучше ингредиенты для коктейля, проглоченного залпом.
Отлипнув от стены, Саске нетвёрдой походкой направился в кухню. Перед глазами практически перестало плыть, и на кухню Учиха зашёл более-менее твёрдой походкой.
Прильнув спиной к стене, Саске обвёл комнату взглядом. Наруто, опирающийся на тумбу, заметив присутствие брюнета, медленно повернулся, Нагато же остался стоять у окна.

- Ты что делаешь? - тихо проговорил Наруто, поражённо вглядываясь в мелового парня.

- Курю, - продемонстрировал Саске ему в ответ сигарету.

- Ты напился…

- Это трагедия?

Зажав фильтр губами, Учиха пару раз щёлкнул колёсиком на зажигалке, но огонёк упорно не зажигался. Ругнувшись, откинул пластмассовое тельце и, оттолкнувшись от стены, подошёл к кухонной тумбе, едва не стукнувшись грудью о грудь Наруто.

- Ты, придурок, это добьёт тебя, - упрямо подняв на него глаза, заявил блондин.

Саске улыбнулся, потянувшись рукой к коробку спичек, что лежал за спиной Узумаки. Тепло от его тела было то ли иллюзорным, то ли Учиха вновь научился чувствовать…
Но оно притягивало. Хотелось обнять, сказать, что всё будет хорошо. Извиниться за боль.
И за то, что будет только больнее.
Но вместо смуглой кожи под пальцами оказался небольшой коробок спичек, и Саске отпрянул, вернувшись обратно к стене. Взгляд Наруто мучительно долго скользил по пошатывающейся фигуре Учихи, по его разметавшимся волосам, что сейчас отливали почему-то синевой, по мелко дрожащим пальцам, которыми он безуспешно пытается зажечь спичку.

- Что происходит, Саске? - вновь спросил Наруто, сжимая край тумбы до боли в пальцах. - Почему…почему ты с той девушкой?

Спичка всё-таки поддалась, вспыхивая, и Учиха посмотрел на блондина исподлобья. Большие, неестественно блестящие глаза на белом лице отразили рыжеватый огонек пламени, и Саске выпустил сизый дымок, что моментально запутался в его волосах.

- Ревнуешь, темэ?

Взгляд Учихи едва метнулся в сторону Нагато, но тут дверь кухни скрипнула и красноволосая Айви ввалилась на спасительный островок никотинового рая. Вдохнула, взъерошивая волосы на своём затылке и повисла на едва успевшем её поймать Учихе.

- Я тоже хочу курить.

Сердце Наруто пропустило удар.
Зачем он это делает?
Больно.
Непонимание ледяной крошкой осыпалось на плечи.

- Есть идея получше, - проговорил Учиха, зарываясь пальцами в её выжженные краской волосы. А затем Наруто показалось, что сердце вынули из груди, проломив кости.

Короткий поцелуй, почти целомудренный, и парочка уходит из кухни.
Парочка?
Дверь ванной, скрипнув, закрылась. Щелчок замка стал выстрелом в лоб.
Наруто застыл, глядя перед собой.

- Нагато, какого хера только что произошло? - не своим голосом проговорил парень.

- Не знаю.

- Что это…я не понимаю.

Боль практически разрывала всю грудную клетку. И не только из-за осознания, что этого просто не может быть, что Саске при всей его жесткости никогда не был с ним по-настоящему жестоким. Но что изменилось сейчас? Почему чёрные озёра глаз вновь замёрзли и покрылись льдом, стали такими холодными, чужими.
Рука скользнула по груди, сжимая футболку, а хотелось сжать сердце вновь.
Реальность никак не доходила до разума, стукаясь о стену из обыденности.
Ведь так никогда не было?

- Наруто…

- Я…я в порядке, - выдохнул парень, нервно усмехаясь. Взгляд всё ещё прожигал дыру в стене напротив. - Можно я один

побуду здесь?

- Лучше не стоит.

- Нет, Нагато. Я тут буду. Иди.

Наверное красноволосый попытался сказать ещё что-то, но вскоре кухня всё же опустела. Наруто пропустил момент, когда парень покинул его, осторожно прикрыв за собой дверь. Звуки музыки будто отрезало, зато хорошо был слышен плеск воды в ванной. И в этом журчании можно было разобрать голоса.
Наруто сам не понял, как оказался на линолеуме, а спина ударилась о дверцы тумбы.
Это ведь нереально?
Саске так поступить не мог…
Как «так»?
Ведь Наруто был достаточно взрослым, чтобы понять, зачем уединяются в ванной двое. Это и есть реальность? Реальный мир?
Жгучее желание исчезнуть, ощущение полной потерянности, опустошённости навалилось с такой силой, что придавило грудь.
Да и зачем дышать, когда сердце разорвалось?

***

- Саске, а ты…

- Заткнись, - шикнул Учиха, усаживаясь на край ванной и ногами упираясь в стену напротив. Сигарета в губах мелко дрожала, выдавая внутреннюю дрожь.

- А как же… - руки девушки соблазнительно скользнули вверх по его предплечью, по шее, зарываясь омерзительными пальцами в волосы, и брюнет тряхнул раздражённо головой.

- Не трогай.

- Ты же хотел, - поражённо выдохнула Айви, уставившись на него большими глазами.

- Нахер ты мне не нужна.

Тонкие брови девушки сошлись над переносицей.

- Так что просто заткнись и постой тут. Иначе я тебя вырублю.

Она бы могла сопротивляться, высказать наглецу всё, но внезапно поймала взгляд и поняла - молчи, слушайся, подчиняйся. Иначе убьёт.
А жить хотелось.
Саске не видел стену перед собой. Он видел того, кто стоял за ней, едва дыша. Потому что сам не мог вдохнуть. То ли сигаретный дым, быстро наполняющий тесную комнатку, мешал, то ли сердце билось слишком сильно и быстро. Разорвать себя своими же руками, вынуть внутренности и развесить их вместо новогодних украшений…это было бы даже гуманнее.

***

На смену злости пришёл леденящий душу ужас. Как теперь? Что делать дальше?
Как жить?
Это не трагедия, Узумаки. Такое иногда случается…
Но…но…
Это ведь Саске.
Его долбанный Учиха, который…просто не способен на такое. Руки, подрагивая, сжались в кулаки и бессильно разжались, когда щелчок замка вернул миру движения и звуки. Как будто кто-то с паузы всё снял.
Шаги, открыл дверь, зашёл.

- Вы быстро, - не поднимая глаз, проговорил Наруто.

- С ними всегда так, - безразлично.

От этого голоса внутри всё рвётся. От этой интонации хочется поднять глаза, но понимаешь - нельзя.
Просто умрёшь.

- Понравилось? - немеющие губы с трудом выговаривают каждую букву. Но предельно сосредоточены на этом, чтобы не подрагивать нервно.

В звуках весь смысл жизни теперь. Говорить - отчётливо, увесисто, тяжело.
Дышать.

- Вполне.

Наруто всё-таки поднял глаза, чтобы встретиться с насмешливыми бликами в чёрном яде.

- Зачем, Саске?

Собственный голос был хриплым, надломленным, чужим.

- А почему бы нет? - улыбка. - Я так захотел.

- Захотел, - бессмысленно повторил Наруто.

- Тебе бы тоже не помешало. Всё-таки женщины…попробуй. Вдруг понравится.

Наруто резко вскочил, в груди отозвалось болью, но руки упрямо сжали ворот рубашки Саске, тряхнули, прикладывая лопатками о стену.

- Попробуй?!

- Эй, тише-тише, темэ. Это всего лишь секс.

Насмешка. Наруто словно током ударило, заставив отстраниться и сделать круг по кухне, закрывая глаза рукой и медленно выдыхая.
А потом замереть напротив него, вглядываясь в эту бесстрастную маску с поблескивающими провалами глаз.

- Лишь секс? Ты…зачем?

- Я же сказал - просто захотелось.

- И со мной…просто захотелось?

- В жизни нужно попробовать всё. Тем более, - Учиха потушил бычок прямо о столешницу. - Ты такой податливый мальчик.

- С-саске…что ты говоришь?

- Но…вынужден признать, всё было большой ошибкой. Конечно, - пожал плечами как-то дёргано, озябшее. - Если ты захочешь повторить, милости прошу. Но…на большее не рассчитывай.

Звук удара вышел оглушающим или же это лопнула последняя нить, держащая над головой наковальню? Всё рухнуло, придавило, размазало, оставило кровавое месиво.
Захотелось ударить ещё раз, и ещё. Пока из этой головы не вылезет вся та дрянь, извращающая мозг, превращающая Учиху в хладнокровного монстра, режущего без ножа.
Тихо засмеявшись, Саске выпрямился, утирая кровь, выступившую на губе. Взгляд метнулся к Наруто, и Учиха покачал головой:

- Ты поверил…ты такой наивный, Наруто. А знаешь в чём дело?

Брюнет, сплюнув кровь на пол, криво улыбнулся, обнажая окровавленные зубы.

- Ты мне безразличен. И всегда был.

Ещё один удар. Саске на удивление не сопротивляется.

- Всегда, Наруто. Безразличен. Представляешь?

Узумаки, разучившись дышать, схватил его за ворот, прижимая к стене и глядя прямо в глаза.

- Повтори.

- Безразличен.

- Я не верю!

- Ноль. Никто.

- Врёшь!

- Я играл с тобой, придурок! Прихоть больного мозга! Ты для меня никто.

- Не верю. Я. Тебе. Не. Верю!

- Почему? - Учиха перехватил его за запястья, мешая рукам впиваться в кожу. - Почему ты мне не веришь? Потому что я сказал, что люблю тебя? Да ложь это всё! Игра, Наруто. А сейчас…сейчас мне надоело! Отцепись уже от меня!

- Нет. Не могу!

- Она…эта девушка…в сотню раз лучше тебя. От неё хотя бы польза.

Наруто резко разжал руки, отпрянув. На боль больше не было силы.
Уставившись на Учиху, блондин внезапно понял, что боль в груди не только из-за искорёженных чувств, но и из-за сердца, что как-то болезненно сжимается.

- Безразличен, - тихо проговорил он.

- Да.

- Игра…

- Самая настоящая.

- Саске…я…ты…

- Хватит мямлить.

Злость пришла второй волной. Она накрыла раньше, чем Наруто осознал, что руки сомкнулись на чём-то, а потом ринулись вниз. Только вот тут же сильно дёрнули, останавливая движение. Пелена дрогнула, спадая с глаз, и Узумаки осознал, что зажимает в руках нож. Кого он хотел пронзить им - запутавшееся сознание понять так и не смогло. Да и какая уже будет разница?
Будто бы протрезвевшие на миг чёрные глаза сверкнули, и руки разжались, выпуская запястья и забирая оружие. Саске, отбросив оное на стол, медленно отошёл к стене, прожигая взглядом.

- Успокойся. И живи дальше.

Наруто отрицательно покачал головой.
Жить…
Как это?
Проведя рукой по лицу, он резко ринулся в сторону двери, потом к выходу, забыв напрочь про куртку.
Нужно было уйти отсюда…куда-нибудь. Быстро, как можно скорее.
Ноги, заплетаясь, кое-как преодолели лестницу,потом короткий коридор подъезда, и Наруто оказался на улице.
Холодный ночной воздух ударил по лицу, замораживая предательские дорожки по щекам.
Чёрт…только этого не хватало.
А потом перед самым носом появился какой-то чёрный микроавтобус, высветивший жёлтым светом фар облезлые кусты на клумбе.

***

Саске успел лишь осознать, что так или иначе должен последовать за Узумаки. Одно дело - растоптать, другое дело позволить человеку бродить по городу в таком состоянии. Самого била дрожь, руки немели, а в голове случалась небольшая война, в ходе которой пострадал мозг.
Сердце и душа давно исчезли. Теперь только пустота.

Но…он всё сделал верно.
Теперь Узумаки забудет.
Выйдя на улицу, Саске успел заметить лишь то, как перед лицом что-то сверкнуло, а затем наступила темнота.

***

Мадара нажал кнопку отбоя вызова, убирая тонкий, как лезвие, телефон в карман. Он прошёлся туда-сюда по комнате, разглядывая заколоченные досками окна, обшарпанные стены, потрескавшийся потолок, с которого бахромой свисала отстающая штукатурка. Слабый неоновый свет лился от поставленного в углу большого фонаря и в этих холодных бликах два тела, лежащие на полу, выглядели особо жалко. Мужчина никогда не знал сочувствия или сожаления. Это простая работа, так должно быть. Предназначение служить своей семье.
Стоящие за спиной Мадары двое людей в чёрной одежде как-то с сомнением покосились на спину Учихи, явно не считая, что ради этих двух юнцов стоило поднимать такой кипишь. Но что поделать - пока тебе платят деньги, ты должен держать рот на замке.
Подойдя ближе, черноволосый пнул брюнета в бедро, чтобы тот наконец-то проснулся. Издав непонятный хрип, парень перекатился на спину и нахмурил брови, медленно приходя в себя. Наверное, получил неплохо. Эти молодчики никогда не умели рассчитывать силу удара.
Второй парень удостоился такого же лёгкого пинка, но просыпаться, пока не спешил.
Сделав ещё один круг по комнате, похрустывая мелкими камушками под тяжёлыми сапогами, Мадара остановился рядом с темноволосым отпрыском Учих. Парень открыл глаза, удивлённо моргая и пытаясь сфокусировать взгляд. Очевидно, у него с этим были проблемы.

- Здравствуй, Саске, - тихо проговорил Мадара, с интересом разглядывая лицо парня. Да, он определённо принадлежал их семье, только вот глупости в нём было как-то подозрительно много. Не пропитался жестокостью до костного мозга, не отравился жаждой власти. А это был изъян.

- Кто ты? - прохрипел юнец.

- Тебе это важно знать?

Присев рядом на корточки, Мадара подцепил пальцами чёрную прядку волос, прилипшую к острой скуле Саске. Осторожно, даже бережно как-то убрав её в сторону, мужчина довольно вздохнул.

- Какого…

- Тише, Саске. Ты лучше не дёргайся.

Кивок, и двое головорезов легко подхватывают парня под руки, оттаскивая к стене, чтобы он мог облокотиться об неё спиной. Поднявшись, Мадара вопросительно посмотрел на скривившегося брюнета, что даже в таком плачевном состоянии всем своим видом умудрялся выказывать пренебрежение ко всем. Словно он сделал им большое одолжение, притащившись в этот заброшенный дом.

- Кто вы такие? - стрельнув глазами в сторону блондина, быстро спросил Саске.

- Какого хера вам нужно от нас?

- Не вникал, - развёл руками Мадара. - Твой отец не стал посвящать меня во все детали.

- Отец?

- Видишь ли, Саске, ты забыл, что вся твоя семья - очень важные люди.

Мадара задумчиво глядел на валяющегося у его ног второго паренька и, кивнув своим ребятам, отошёл на шаг назад.

- И все мы связаны.

Блондина тоже отволокли к стене и брезгливо отпустили. Тот мешком съехал по оной, уткнувшись носом в пыльный пол.

- Что вы с ним сделали?

- Без понятия, - безразлично пожал плечами Мадара, задумчиво оглядывая этих двоих. - Не делай глупостей, Саске.

С этими словами мужчина, махнув рукой своим людям, вышел из комнаты.
Саске тряхнул головой, сбрасывая с себя остатки оцепенения. Алкоголь выветрился из головы вместе с уверенностью, что сегодняшний день закончится хорошо. Трудно верить в положительный исход, когда на тебя смотрят двое сурово настроенных мужчин, а в их глазах читается полнейшая скука. И понимаешь - они привыкли к этому. Ты для них очередная работа, и их рука не дрогнет, если всё нужно будет завершить прямо сейчас.
Тот факт, что в его семье хранятся такие скелеты по шкафам, Саске не знал, но…уже ничему бы не удивился. Власть и деньги обычно замешаны на очень грязных дрожжах и тухлом молоке. Упершись ногой в пол, он кое-как уселся удобнее, замечая, что руки всё-таки связаны, а взгляды надзирателей стали острее, стоило ему пошевелиться. Неужели эти хищники реагируют на движения?
Повернувшись к Узумаки, Саске хотел было дотянуться до плеча того связанными руками, но тут же получил несильный пинок в ногу.

- Не рыпайся.

Благо пытаться дотянуться до блондина вновь не пришлось. Наруто, вздрогнув, открыл глаза, уставившись сначала перед собой бессмысленно, а потом всё-таки полностью вернулся в реальный мир. Голова парня мотнулась из стороны в сторону, он дёрнулся, но тут же, найдя взглядом Саске, как-то обречённо расслабился.

- Ты как? - тихо спросил Учиха.

- Разговоры!

Наруто, нахмурившись, неуверенно кивнул и стрельнул глазами в сторону пустого дверного проёма. Взгляд парня был мутным, лицо перепачкано в пыли, но движения постепенно приобретали былую резкость. Значит, просто вырубили.
Саске с удивлением почувствовал, что волнение ушло. Если этот придурок в порядке, то ещё не всё потеряно.
Надзиратели, переглянувшись, отошли в сторону и, привалившись к дверному косяку, задымили.
Яркий свет неонового фонаря бил в лицо, приходилось морщиться и сжимать зубы, чтобы хоть как-то унять нарастающую боль в голове. Саске шипяще выдохнул, пропуская ощущения через лёгкие и выдувая их из тела. Легче не стало. Дыхание никогда не помогало…

- Это конец?

Хриплый голос Наруто мог принадлежать человеку, который с трудом находит в себе силы даже для таких простых задач.

- Нет, - упрямо процедил Саске, поворачиваясь к парню. - Всё будет…

- Хорошо? - нервно усмехнулся блондин.

- Не так херово, как сейчас, - также криво улыбнулся Саске, и Узумаки неожиданно резко повернул к нему своё лицо. Потемневшие глаза с сеточкой красных сосудов было видно даже в этом блёклом свете.

- Зачем ты это сделал?

- Что?

- С той девушкой…

- О, Небо, Наруто, - выдохнул Саске и откинулся затылком на стену. Боль вспыхнула в голове и пришлось пожалеть за своё излишне порывистое движение. - Нас хотят прикончить, а ты

думаешь о той…девушке.

- Именно потому что нас прикончат. Я хочу знать.

- Ты опустил руки, Узумаки? - вздёрнул брови брюнет, вновь повернувшись к собеседнику.

Приподняв сцепленные шнуром запястья, Наруто скривился:

- Мне их связали.

- Нас не прикончат, - твёрдо произнёс Саске.

В такой конец верить не хотелось.

- Я тебе безразличен?

Когда ты падаешь с крыши высотки, ты всё никак не можешь поверить, что вот она - смерть. Твой мозг будет строить планы на выходные, по привычке подсчитывать калории в завтраке, думать о всякой ерунде кроме стремительно приближающегося асфальта.
Второго шанса не будет.
Опустив голову, Саске провёл руками по лбу, стирая боль и мелкие капельки пота. Когда падаешь, можно раскинуть руки и представить, что это крылья - как-то улучшить этот дрянной момент. Представить, что свободное падение под твоим контролем.
Обмануть самого себя в последний раз.
Только вот как не обманывайся - асфальт будет таким же твёрдым, а боль оглушающей.
Руки - не крылья.
Если бы Учиха ответил сейчас, если бы Наруто-таки получил свою правду, то принял бы грядущую смерть как неизбежное. Ведь всё самое важное нужно говорить только перед лицом костлявой. Не страшно, не больно. Завтра не будет, и можно не бояться за последствия.
Сказать, значило, уничтожить тонкую нить надежды.

- Значит, да, - решил всё сам Наруто и с тяжёлым вздохом

отвернулся. - Обидно, Учиха. Обидно, даже не то, что я умру за тебя…а…то, что я готов умереть вместо тебя.

- Чушь…

Блондин поджал губы.

- Думаешь, мне страшно? Нет. Я просто не знаю…как это - умирать. Больно ли. А, может, наоборот.

- Наруто, заткнись.

- А для тебя всё это игра. Только я тебе не верю. Даже сейчас не верю. Из тебя херовый лгун.

- Ничего не было, - тяжело выдохнул Саске, роняя голову на колени.

- Что?

- С девушкой. Ничего не было…

- Я же говорю - херово врёшь. Зачем тогда?

Саске не ответил, всё сильнее сжимая зубы. Казалось, что ещё чуть-чуть и эмаль сыпанёт крошевом, а боль в голове так и не прекратится.
Шаги, хруст камней.
Саске, подняв глаза, ухмыльнулся, узнав этот расплывчатый силуэт даже сейчас. Фугаку.

- Здравствуй.

Вместо приветствия был удар, заставивший согнуться пополам и разразиться хриплым смехом под злым взглядом. На губах появилась кровь, но почувствовать её вкуса Саске не мог, просто понял. Рука, вцепившись в волосы, заставила задрать голову. Улыбка в ответ на яростный оскал, холодное дуло пистолета страстно прижимается под подбородок.

- Надо было придушить тебя ещё в колыбели, - прорычал Фугаку. - Ошибка. Ты - ошибка!

- Твоя ошибка, - поморщился Саске, продолжая улыбаться.

Только бы Узумаки не лез.

- Ты переспал с той женщиной. Ты.

- Хочешь обвинить меня во всём?!

- Ты и так виноват, Фугаку. Ты - ничтожество.

Старший Учиха, отпустив его волосы, резко отпрянул, крутанулся на месте, прижимая руку ко лбу. От мужчины терпко пахло алкоголем, и эта хмельная аура распространялась вокруг него чёрной кляксой.
Наруто покосился на Саске и внезапно понял, что тот смотрит в ответ. Не на меряющего нервными шагами комнату Фугаку, у которого в руке зажат пистолет, не на застывших в дверях амбалов.
А на него.
Глаза вновь говорили.
А в следующий момент Фугаку замер, направляя пистолет прямо на Наруто.

- Зачем тебе всё это? – прошипел Саске. - Ты хочешь доказать себе, что у тебя есть яйца?

Пистолет в руке старшего Учихи плясал, но Саске не сомневался, что когда придёт время - он не промахнётся. Фугаку бросил взгляд на сына, кривя губы в презрительной усмешке.

- Я убью вас. И вас не найдут. Я смою этот позор с лица нашей семьи.

Наруто не слушал эти слова, он смотрел на Саске и жалел лишь об одном – стянутые запястья. Хотелось прикоснуться, взять его за руку и банально подохнуть вот так. Глупо, по-детски наивно.

А страха не было.
В следующий момент Саске бросился вперёд, каким-то чудом сбивая Фугаку. Выстрел, штукатурка с потолка, ругань. Наруто, вместо того, чтобы зажмуриться, широко распахнул глаза, уставившись на два чёрных силуэта, что отпрянули друг от друга. Никто из них не упал…

- Глупо, Саске, - сплюнул Фугаку, перезаряжая пистолет и направляя теперь уже на брюнета. – Ты всё равно никого не спасёшь.

Саске шипяще выдохнул, уставившись в это ненавистное лицо. Осознание того, что часть его была…была передана от этого человека вызывало желание разорвать себя на мелкие кусочки, по крупицам выбрать из тела то, что принадлежало Учихам. Омерзение. Воздух пропитался запахом давно умершей души, и это воняло похуже разлагающейся плоти.

- Таких, как вы, нужно вырезать. Вы – болячка. Нарыв.

- Стой! – выпалил Узумаки, и Саске мысленно ругнулся. Тянуть время, надеясь, что произойдёт хоть что-то теперь уже не получится. Взгляд Фугаку переместился на блондина и дуло пистолета дрогнуло, вновь указывая в лоб Наруто.

- Это же твой сын, Фугаку, - проговорил Наруто, кое-как поднимаясь. – Как…как ты можешь?

- Ты, ничтожество, хочешь читать мне лекции?

Все были готовы услышать звук выстрела, но вместо этого Саске оглушил гомон ворвавшихся в комнату голосов. Показалось, что этот бредовый сон вовсе принял какие-то сумасшедшие очертания, когда всё вокруг пошатнулось. Наруто, ожидающий неминуемого конца, во все глаза уставился на тех самых надсмотрщиков, которые с громкими криками скрутили Фугаку, забирая у него пистолет. Тут был ещё кто-то, ворвавшийся так стремительно, что Саске не успел разглядеть их. Люди в чёрном, с чёрными же масками на лице. Пошатнувшись, брюнет ударился спиной о стену. Хриплый

вздох сорвался с губ, в голове всё-таки что-то щёлкнуло.

- Что происходит? – тихо спросил Наруто, плечом подпирая плечо Саске, чтобы тот не завалился.

- Прости, - с трудом выдохнул парень, чувствуя, как мелко начинают дрожать ноги, потом руки. Вот дрожь электрическим разрядом проходит по позвоночнику и бьёт в затылок, пронизывая мозг длинными иглами.

- Я…хреновый лгун, - сухая усмешка.

- Тише, - прошептал Наруто, поднимая связанные руки и утирая с губ Саске пальцами каплю крови. – Всё нормально.

Итачи, вошедший в комнату заброшенного дома, вместе с Мадарой, обвёл людей взглядом.

- Итачи! – взвился Фугаку, но его тут же утихомирили, скрутив руки сильнее.

- Что происходит?!

- Прости, отец. Но ты проиграл, - безжизненно проговорил парень, стаскивая с рук чёрные перчатки.

- Что всё это значит?!

- Ты перестал быть частью семьи, - глубокий голос Мадары разнёсся по комнате, и стало как-то тише. – Человек, потерявший всё, слишком большая угроза.

Кивнув, Итачи медленно прошёл к стоящим у стены парням и замер напротив Саске. Брат был бледным, глаза сверкали и будто бы ничего не видели перед собой, но Саске всё ещё был в этом мире. Мог слышать, понимать. Наверное, поэтому он так привычно нахмурился, вызвав у Итачи улыбку.

- Итачи, в чём дело? – выпалил Наруто, когда парень легко принялся распутывать их руки. Стоило шнуру упасть под ноги,

как Узумаки подхватил Саске под плечо, не давая тому завалиться.

- Простите, - виновато и очень скупо улыбнулся Итачи. – Извините, что вновь подставил вас. Вы рисковали. Вас могли убить.

- Заметили, - хрипло каркнул Саске. – Так какого чёрта?

- Нужно было найти, как прижать Фугаку, - просто ответил Итачи. – Зная, что его слабое место – ты, Саске, и что он наверняка свяжется с Мадарой…

Старший Учиха развёл руками, предлагая оставшиеся пазлы составить самим.

- И что теперь будет с ним? – боязливо спросил Наруто.

- Крах.

- То есть? Тюрьма?

- Нет. Он лишится всего уже завтра и сможет вдоволь насладиться этим, пребывая на свободе. Он мой отец…я не могу убить его, но я могу обречь его на заключение.

- Ты рехнулся, - тяжело выдохнул Саске, сверля взглядом кобуру на поясе брата. – Он при первой же возможности…

- Он ничего не сделает, Саске. Запись разговора, фотографии, свидетели и пострадавшие. У нас есть всё, чтобы Учиха Фугаку перестал существовать.

- Итачи, - тихо позвал Мадара. – Мы оставим вас?

- Да, дальше мы сами.

Странный член семьи Учиха сдержанно кивнул, и люди в чёрных масках медленно удалились вслед за ним. В комнате остался всего лишь один его человек, что легко удерживал

слишком покладистого Фугаку.
Тишина наполнила старый дом, когда стихли моторы отъезжающих машин.

- Ты хочешь оставить его в живых, - проговорил Саске. – После всего, что он сделал.

- Саске, смерть – это не наказание. Это избавление.

Поджав губы, Итачи отошёл в сторону, в упор смотря на отца.

- А ты не заслуживаешь такой чести, - прошелестел старший Учиха. – Не после всего, что ты сделал, сколько боли причинил.

Саске, отлипнув от стены, пошатнулся, налетая на брата. А в следующий момент в его руке появился тот самый револьвер. И дуло его теперь смотрело на Фугаку.

- Саске! – выпалил Наруто, быстро оказываясь рядом. – Не надо!

- Я не хочу для него мучений. Я просто хочу, чтобы все закончилось.

Рука дрожала, голоса в голове требовали крови.
Как говорил Хидан? Божество проголодалось?
Белокожая – его Божество алкала напиться смертью.
Рябь перед глазами, глухой шум в ушах и картинка странно колыхнулась.
Держащий своего пленника мужчина с коротким вскриком отпрянул, Фугаку выхватил небольшой пистолет. Выстрел. А потом его вновь скрутили.
Саске замер, ожидая почувствовать боль, увидеть на руке кровь…но…
Звук падения сбоку, светлые волосы в пыли, удивлённо распахнутые глаза.
«Кровь», - ощерилась Белокожая, припадая на колени рядом с телом. Она провела пальцами по смуглой коже, по подрагивающему горлу, по ране на груди.
Револьвер выпал из рук. Саске медленно осел следом,

вперившись взглядом в стремительно стекленеющие глаза парня.
Что?

- Наруто? – позвал он. – Узумаки!

Люди вокруг куда-то пропали, словно их пожрала пустота, стремительно раскрывающая свою холодную пасть. Зловонное дыхание чужой смерти прошлось по коже, обдирая её лоскутами с костей.
Рука легла на грудь парня, в нелепой попытке закрыть рану, сквозь которую толчками выходила кровь. Белые пальцы моментально окрасились почему-то в чёрный.
Разве кровь не красная?
Эти же перепачканные пальцы вцепились в скулы, в шею, нащупывая пульс, пачкая кожу маслянистыми разводами.
Холод. От тела исходил холод.
От губ исходил холод.
Сорвать дыхание смерти, вдохнуть тепло.
Мёртв.
Бесполезно пытаться, бесполезно давить на грудь, желая почувствовать хотя бы один толчок.
Мёртв.
Уткнувшись лбом в грудь тела Наруто, Учиха шумно выдохнул.
Куда делись звуки?
Люди?
Почему тело под пальцами рассыпается песком? Почему лучистые голубые глаза неподвижны, покрыты белесой пеленой.
Почему он сам до сих пор жив?

***

В тот момент, когда Фугаку выхватил пистолет Итачи оттолкнул Саске в сторону, чтобы брат не успел выстрелить. Этого хватило, чтобы человек Мадары ударом по ногам повалил мужчину на пол и, придавив его к доскам, выхватил из рук пистолет.
Наруто, отпрянувший в первый момент, вмиг оказался рядом с налетевшим на стену Саске.

- Эй! Ты как?

Взгляд Учихи был направлен куда-то мимо, губы что-то беззвучно шептали, а пальцы цепко ухватились за края футболки блондина.

- Саске!

Наруто сначала подумал, что Фугаку всё-таки попал. Прошёлся руками по груди парня, даже куртку расстегнул, шаря по рубашке. Но раны нигде не было. Только Саске продолжал смотреть перед собой, и в глазах его плескался жгучий ужас.

- Итачи! – крикнул Наруто. – Саске!

На большее Узумаки сейчас был не способен. Он не понимал, был выбит из колеи.
Все эти угрозы жизни показались сущим пустяком, стоило взглянуть в пустые глаза брюнета.

- Что с ним? – выпалил Наруто, уже зная ответ.

Итачи, подцепив брата за подбородок, долго всматривался в его глаза. Мучительная тишина повисла, а затем старший просто уткнулся лбом в плечо Саске.

- Итачи? – взволнованно проговорил Наруто, чувствуя, как сердце вновь сковывает льдом. – Что с ним?

- Наруто…он…его сознание…

- Нет, не говори этого! Просто…так не может быть. Почему сейчас?

- Нам нужно к Цунаде, - чужим жёстким голосом сообщил Итачи, отрываясь от парня и глядя на блондина. Чёрные глаза спокойные, смирившиеся. – Мне жаль.

Глава 16. Sleep, sugar.

Глава 16.
Sleep, sugar.

«Day after day
Fickle visions messing with your head
Fickle, vicious
Sleeping in your bed
Messing with your head
Fickle visions
Fickle, vicious».
Poets Of the fall - Sleep, sugar.

«И снова каждый день,
Тень видений…В голове твоей
Тень видений…
Сны наполнит вновь.
И всему виной
Тень видений…
Тень видений…».

Взгляд женщины почти ласково пробежал по лицу сидящего напротив неё парня.
Саске казался потерянным ребёнком, напуганным до немого шока, но его спокойное лицо резко контрастировало с этой аурой страха вокруг него.
Протянув руку, Цунаде легко коснулась лихорадочно горячего лба парня, убирая с него налипшие волоски. Даже этот, слишком личный, жест оказался без внимания. Саске просто смотрел перед собой, видя не янтарные глаза женщины, а что-то иное.

- Он ударялся головой? – тихо спросила Цунаде, осматривая затылок, виски и макушку Саске. Ловкие тёплые пальцы

женщины легко пробежались по его волосам и всё-таки наткнулись на небольшую шишку. Светлые брови её сошлись над переносицей, и Цунаде тяжело вздохнула, отпуская брюнета из своих рук. Тот, как сидел на кресле, так и продолжал сидеть.

Наруто, услышав вопрос лишь со второго раза, неуверенно кивнул, не в силах оторвать взгляда от Учихи.
После затхлого пыльного старого дома светлая квартира психолога казалась другим измерением. Наруто сам был словно пришельцем здесь: воздух ощущался по-другому, сердце билось как-то иначе. Всё изменилось, оставшись прежним. Наверное, что-то всё-таки сломалось, но какая из запчастей его организма дала сбой – блондин до сих пор не мог понять.
Рука Итачи легла на плечо, сжимая едва-едва, и сейчас не хотелось кричать на старшего Учиху за его прошлые ошибки, не хотелось даже благодарить его за спасение. Ничего не хотелось.
Мир рухнул, и его осколки остались торчать где-то за спиной. Впереди был только Саске, сидящий на кресле. Спокойный, тихий, неправильный.

- Наруто? – позвала Цунаде, протягивая парню кружку.

Блондин, вскинув на женщину глаза, осторожно взял кружку в руки, не чувствуя, как горячие её бока обжигают подушечки пальцев.

- Что с ним? – тихо спросил парень.

Цунаде устало провела рукой по глазам и скривила губы. Слова здесь были лишними, ведь Наруто сам всё прекрасно видел.

- Полагаю, вам сегодня досталось. Какого чёрта с вами происходит, ребята?

- Цунаде, - тихо позвал её Итачи. – Саске не в себе?

Женщина, быстро взглянув на прильнувшего к кружке Наруто, перевела взгляд на старшего Учиху и кивнула:

- Мягко сказано. Его психика-таки не справилась, и теперь…

- Что? Это лечится?

Узумаки сморщился от звука собственного голоса. Он показался до того ужасным, до того пустым, словно все эмоции, всю веру выкачали огромным шприцом.

- Это не корректируется и не лечится. Прости, Наруто.

- Спасибо.

Отставив от себя кружку, блондин подошёл к другу, сев на кофейный столик напротив. Наруто провёл рукой перед затуманенными, словно выцветшими глазами.

- Пойдём.

Мягко взяв Итачи под руку, Цунаде вывела его из кабинета, напоследок оглянувшись на парней. Женщина никогда никого не осуждала – не в её привычке, не для её профессии. Цунаде видела ещё не те драмы, но эта отчего-то засела в сердце слишком большой занозой.
Дверь с тихим щелчком закрылась.

- Саске, - позвал Наруто. Его рука, перепачканная в пыли, с содранными костяшками, прошлась по скуле брюнета. Осторожно обвела пальцами ссадину на ней и застыла рядом с уголком губ. Учиха просто обязан был почувствовать хоть что-то. Он обязан был увидеть и очнуться.

По-другому ведь не бывает.
Привстав, Наруто потянулся вперёд, касаясь чуть приоткрытых сухих губ. И замер, чувствуя горечь. Ему не ответили, Саске даже не вздрогнул, его дыхание не изменилось.
Резко сев обратно на столик, Наруто опустил голову, поддерживая её руками.

- Так нечестно, - выдохнул парень, уставившись в тёмно-

коричневый ворс ковра. – Ты жив, я жив. Почему так произошло? Так нельзя. Ты должен был…остаться.

Говорить с пустотой было ещё труднее, чем если бы в этих чёрных глазах вместо болезненной пелены безразличия плескалась насмешка, издёвка. Да пусть бы Саске смеялся над его словами, пусть бы повторил всё то, что сказал там, на кухне у Нагато.
Всю ту ложь.
Резко вскинув голову, Наруто вцепился в плечи парня и тряхнул его.

- Да очнись ты! Прекрати!

Пальцы сжались сильнее.

- Идиот!

А потом руки бессильно разжались, и Узумаки вновь опустился на столик, сгибаясь пополам. Саске просто не слышит.
Он не с ним.

***

Холод. Он здесь был повсюду. Оседал на ресницах инеем, путался в волосах мелкими снежинками, превращая их в чёрные сосульки. На губах же оставался какой-то горечью, тонкой ледяной коркой.
Саске осмотрелся, не узнавая тёмно-синюю комнату совершенно. Холодный неоновый свет с потолка моргнул, отвоёвывая у холодной мглы металлически блестящий стол на высоких ножках, и тело, лежащее на нём. Где-то совсем рядом стояла женщина и мужчина, придерживающий её за плечи. Грубую серую простыню сдёрнули с тела, открывая его здешнему искусственному морозу. Женщина издала какой-то неровный всхлип, мужчина слишком шумно выдохнул, а Саске опустил глаза.
Если живые люди бывают бледными, то Наруто уж точно не относился к их числу. Кожа, словно покрытая белой пудрой в избытке, в некоторых местах казалась синеватой. Закрытые

веки наоборот же странно покраснели, а под глазами залегли сиреневые круги.
Рука Саске дрогнула, когда пальцы коснулись выцветших светлых волос. Золотистые блики пропали из них, и Саске только сейчас осознал, что очень хотел бы увидеть Наруто летом у воды. Когда солнце будет играть на загорелой коже, путаться в волосах.

- Это он, - твёрдо сказал Ирука, и наваждение пропало.

***

Наруто, которого Цунаде всё-таки затолкала в ванную, чтобы парень снял хоть какое-то напряжение в горячей воде, большую часть времени бездумно просидел на бортике, глядя на белый в чёрную точку кафель.
Получается, что всё вот так и закончится. Лишившийся разума Саске будет доживать свой век в непонятном состоянии, а он, Наруто, будет всегда рядом.
Потому что обещал.
И сейчас Узумаки понял, что это обещание нисколько не тяготит его. Он будет с Саске ровно столько, сколько понадобится. Как бы ни тяжело было смотреть в кукольные матовые глаза.
Он должен быть рядом, верить…
Хоть во что-то верить.

- Саске, - позвала Цунаде. - Возьми.

Она, пододвинув к Учихе стакан с соком, внимательно посмотрела в глаза того. Моргнув, брюнет взял в руки напиток и сделал пару мелких глотков. Только в его глазах при этом не появилось и капли понимания.

- А теперь это.

Шоколадная конфета оказалась зажата в длинных пальцах Саске, и он замер, словно бы выжидая следующих команд.

- Съешь, Саске.

И парень действительно съел конфету.
Цунаде, с сокрушительным вздохом, повалилась головой на стол, что было так нетипично для взрослых, опытных психологов.
Саске ушёл глубоко в себя, став послушным психом, но кто знает, что в этой голове может замкнуть. Во что обернётся эта покладистость?

- Как он? – спросил вошедший Наруто. Узумаки искоса глянул на Саске и поспешил отвести взгляд, словно боялся видеть его таким.

- Я не хочу сыпать медицинскими терминами, Наруто, - глухо пробурчала женщина, подняла голову и сощурилась. – Ты вряд ли их поймёшь.

- А если человеческим языком?

Подтянув к себе табуретку, Наруто уселся всё же ближе к Саске, нежели к психологу. Блондин словно ощущал, что Учиха мёрзнет, что его надо согреть.

- Болезнь прогрессирует, давление на мозг усилилось, а удар стал спусковым крючком. Ему надо было лежать, а он…что вы вообще делали?

- Долгая история, - отмахнулся парень. – Просто связались не с теми людьми.

- Полагаю, Саске просто родился не у тех, - фыркнула женщина, пододвигая шоколадные конфеты в центр стола. – Угощайся. И ты, Саске. Бери.

Наруто, поражённо хлопая глазами, наблюдал, как Учиха принимает из рук Цунаде лакомство.

- Он понимает?

- Разум сохранил возможность распознавать простые команды.

Он послушный.

Наруто упорно слышал в её голосе «но», и Цунаде не стала томить слишком долго:

- Но период затишья у таких больных иногда заканчивается.

- И что тогда? – разглядывая, словно выточенный из кварца профиль брюнета. Даже сейчас в его лице было что-то неуловимо острое, будто Саске просто задумался и вот-вот пошлёт всех нахер, сорвётся с места и закурит, усевшись на подоконник.

Наруто сам не заметил, как на губы легла улыбка, и поспешил спрятать её. Нечему улыбаться…а воспоминания можно будет перебирать потом.

- Тогда тебе нужно будет быть очень осторожным. Одно слово – приступ агрессии. Даже движение или действие может вызвать ужасную вспышку ярости.

Наруто горько усмехнулся, опуская голову.

- Значит, ничего не изменилось.

- Что ты думаешь делать? – спустя паузу спросила женщина, пододвигая Саске стакан с чаем.

- Не знаю, - пожал плечами Узумаки. – Домой не вернусь. К Нагато…друг мой…тоже не стоит. Поедем к Джирайе.

Кивнув, Цунаде опустила рядом с блондином стакан с какой-то травянистой настойкой, и парень вопросительно вздёрнул брови. Улыбнувшись как-то смущённо, женщина махнула рукой:

- А Джирайя ко мне заходил.

- Он выбрался из своей хижины? – с неподдельным удивлением спросил Наруто, хотя, казалось, эмоций не осталось вовсе.

- Потихоньку перебирается. Нечего в лесу киснуть, - строго, но мягко ответила женщина.

- Тогда нам к нему никак, - поджал губы Наруто.

- Поговори с Итачи.

- Итачи…у него дел и так хватает…

- Наруто, - строго перебила психолог. – Саске Итачи не чужой. И уж найти вам угол он всегда поможет.

- Ну…Итачи против меня…и, - Наруто осёкся, затравленно глянув на Саске. – Нас.

Улыбка женщины стала ещё шире:

- Ярое отрицание – это подсознательное принятие.

***

Фугаку сидел в своём кабинете перед окном. Толстая свеча мерно мерцала на столе, и тени плясали свой дьявольский хоровод на стенах.
Завтра всё будет кончено, материал уже отдали в газету, а с полицией много проблем возникнуть не должно.
Контроль уплывал из рук мужчины, привычная система ломалась и засыпала его руинами.
Больше не было ничего: ни денег, ни власти, ни семьи.
А ведь он всего лишь хотел, чтобы его семья была примерной, чтобы всё было правильно. Так хотел…
Что перестарался.
«Ты проиграл, Фугаку», - пропел нежный женский голос прямо над ухом.
Проиграл.
«Теперь ты никто. Теперь ты пустое место, Фугаку».
Он повернулся к ней, и женщина отпрянула, улыбаясь бескровными губами. Она казалась эфемерной, полупрозрачной, но до ужаса реальной.

Длинные перепутанные чёрные волосы и большие светло-зелёные глаза.

- Уходи.

«Проиграл», - издевательски засмеялась она, кружа по комнате, сливаясь с тенями в простом гипнотическом танце.

- Прочь!

Тени запели вместе с ней:
Никто.
Ноль.
Пустое место.
У тебя ничего нет!
Ты один!
Один.
…Один?
Фугаку, схватив свечу со стола, со всей злости запустил её в тонкий силуэт женщины, и та со смехом развеялась, оставив после себя рыжие всполохи огня на шторе.
Только её смех кружил, отражался от стен, путался под ногами. Сводил с ума.

- Уйди, - провыл мужчина, хватаясь руками за виски. – Проваливай!

«У тебя нет никого, милый мой Фугаку. Ты мог бы быть любящим отцом, мог бы быть верным мужем, но ты предпочёл это…одиночество. Меня. Своё личное безумие».

Холодные руки легли ему на плечи, и Фугаку только сейчас осознал, что стоит посреди комнаты, объятой пламенем. Жар отовсюду уже обжигал кожу, в воздухе было полно гари, мешающей дышать.
Ринувшись к двери, он дёрнул ручку на себя, но та не поддавалась. Тени заслонили собой выход. Они обнимали, льнули и улыбались беззубыми ртами.

- Ты будешь со мной, - протянула женщина, повиснув у него на

шее. – Ты всегда был только мой, милый Фугаку. Я ждала тебя. Не бойся…

Огонь полыхал всё сильнее и сильнее.
Она будто потянула назад.

- Останься. Огонь тебя не тронет.

Дверь содрогнулась от удара, затрещала и поддалась. В комнату ввалился Итачи, прикрывая рот от дыма.

- Отец!

Тени бросились врассыпную, Она пропала, оставив на коже только гарь.
Оставив жизнь.
Но лучше бы забрала.

***

Наверное, та травяная настойка Джирайи была особой. Весь оставшийся вечер Наруто не чувствовал вообще ничего, прибывая в странном состоянии между сном и явью.
Он разговаривал с Цунаде, которая совершенно «случайно» всегда оказывалась рядом, всегда находила отвлечённые от всего этого темы. И делала она это так мастерски, что одна часть Наруто даже поверила в желание женщины поговорить, вспомнить детство или юношество, но вот вторая часть понимала – она хочет его отвлечь. Любыми способами.
Узумаки явственно ощущал что-то внутри себя, что окутало настоящие эмоции плотным коконом, не давая их росткам пробиться наружу. Они едва-едва стукались в твёрдую преграду, но по той не шли даже трещины.
И эта двойственность вводила в ступор, отвлекая тем самым ещё сильнее.
А потом Цунаде отправила их спать, сказав, что с Итачи поговорит сама и завтра попросит его заглянуть. Хотя Учиха так или иначе приедет проведать брата, как и обещал, но услышать это Наруто не мешало. Уверенность хоть в чём-то была необходима мальчишке, как и сваи дому во время

паводка.

Аккуратная комната напоминала собой спальню родителей. Бежевые обои, спокойный свет, двуспальная кровать. Поддерживая Учиху под руку, Наруто провёл его к оной и усадил на край. Было непривычно, было просто невозможно. И действие настойки заканчивалось, поэтому руки дрожали. Вот так запросто стать хозяином чужой жизни. Жизни человека, который за простое лишнее прикосновение, за случайно проскользнувшую жалость в глазах мог раньше превратить тебя в отбивную.
А теперь он послушно идёт за тобой, ест то, что ты ему скажешь.
И этим расслабленным губам сейчас так не хватает той изломанной упрямой линии, сигареты. Наруто был бы готов мириться даже с едким ненавистным дымом…
Парень усмехнулся, проводя пальцами по спутанным волосам Саске, а затем улыбка сама собой сползла с его лица.

- Сделай хоть что-нибудь.

Но Саске так и остался недвижимым.

- Я тебя ненавижу, - выдохнул Наруто, цепляясь пальцами за пуговицы на рубашке брюнета. – Ненавижу, потому что ты ушёл, не попрощавшись.

Дёрнув слишком резко за пуговицу, Наруто услышал, как та с треском оторвалась от ткани.

- Опять, Саске. Ты снова сбежал, понимаешь?!

Раздражение затопило собой всё сознание, выметая те жалкие крохи успокаивающей настойки, что всё ещё оставалась в нём. Реальность навалилась тяжёлым грузом, но забыться вновь, запереть свои эмоции, Наруто не хотел. Это значило бы бежать от себя, от Учихи.
А к боли нужно было привыкнуть.
И к пустым глазам Саске.
И к тому, что рубашку с кедами приходится стягивать с него

самому.
Теперь всё будет так.
Сейчас.
А про будущее Наруто старался не думать, укладывая Учиху в постель и ложась рядом.
Вытянутая фигура поверх одеяла казалась какой-то неправильной, омертвелой и, выдохнув, Наруто торопливо накрыл его одеялом.

- Спокойной ночи, Саске.

Такие простые слова…

***

Боль. Чёрная, вязкая.
Она заполняет собой всё, превращая мир в комнату с выключенным светом. Саске шёл, натыкаясь на невесть откуда взявшиеся предметы, на что-то острое, тяжёлое или же мягкое. Он чувствовал рукой шероховатости, грани и зазубрины. Но никак не мог понять, где находится.
Этот странный совершенно чёрный мир.
Наверное, он ослеп.
Наверное, всё перестало существовать.
Саске тряхнул головой, пытаясь проснуться от этого иллюзорного сна, и действительно картинка перед глазами начала проясняться. Словно капнутые в воду краски, цвета расползались длинными разводами, образуя нечто, похожее на мир.
Вот вытянулись деревья, зашелестели жёлтыми листьями, вот под весом ноги из набухшей земли выступила влага. Пожухлая трава путалась между кед и мешала идти.
Это место было знакомо. Эти холмики, покосившиеся каменные надгробия.
Саске, вздрогнув, поднял глаза, с удивлением узнавая стоящих перед ним людей. Родители Наруто, Джирайя. Они молчат и смотрят в чёрную яму, куда медленно опускают блестящий гроб.
Сколько раз Саске обещал себе не приходить на кладбище, сколько раз просил Наруто не смотреть на его похороны, а сам

припёрся, да ещё и стоит в первых рядах.
Виновен – говорят взгляды, изредка скользящие по его лицу.
Больше всего обвинения в застывших глазах Ируки.
Мужчина смотрит прямо, игнорируя треклятый гроб. Ирука испепеляет, прошивает насквозь немым обвинением.
Интересно, он, наверное, думает, что лучше бы в тот день запер сына, пристегнул к батарее. Пойманный, лишённый свободы и выбора, взбешённый, но живой.
Саске опустил глаза.
Гроб, стукнувшись дном о землю, замер и его начали закидывать землей, а когда Саске взглянул на него вновь, то его уже не было видно.
Горка из бурой земли и каменное надгробие.
Вот и всё, что осталось от тебя, да, Наруто?
Тишина, разбавляемая мрачным карканьем воронья над головой. Зачем они собрались здесь? Кого хотят клевать, чьи глаза забрать из глазниц?
Саске, опустившись на землю, облокотился спиной о холодное надгробие, затылком чувствуя его острую грань.

- Ты обещал быть рядом, - тихо проговорил Саске, не обращая внимания на то, что его могут услышать.

Хотя люди исчезли.
Плевать.

- Ты обещал оставаться со мной до конца.

Пальцы сжали влажную землю, комкая мёртвую траву.

- И где ты? – усмехнулся брюнет. – Какого чёрта ты в этой долбанной земле, Узумаки?

Трава с треском отделилась от почвы.

- Знаешь, ты не справился. Потому что ты придурок, Узумаки.

Ярость ударила в голову, но не отозвалась болью. Это даже не удивило, словно так и должно было быть.

- Слышишь?! – зло выпалил Учиха каменному надгробию с аккуратными буквами. – Ты не выполнил своё обещание!

Горько, слишком горько.
И влажно на щеках.
Уткнувшись лбом в колено, Саске глубоко вздохнул, закрывая глаза и прекращая зарываться пальцами в холодную землю. До Наруто всё равно не добраться…

- Спокойной ночи, Наруто.

***

Блондин проснулся от того, что его горло больно сжимают словно тисками. Первым, что он увидел, открыв глаза, злые чёрные омуты, искажённое белое лицо.

- С-саске, - задушено прохрипел парень, перехватывая руками Учиху за запястья. Ни грамма узнавания…ничего.

Наруто попытался его сбросить, но в парне появилось откуда-то столько упрямой силы, что даже пошевелиться под его весом было проблематично.
Сознание в панике вопило, что вот он – конец, и нужно что-то сделать.
Потянувшись почти вслепую куда-то в сторону, Наруто нащупал пальцами тонкий провод. Сжать.
Пальцы вдавились в его горло сильнее, воздуха было всё меньше.
Наруто изо всех оставшихся сил дёрнул за провод, надеясь, что на образовавшийся грохот придёт Цунаде.
Перед глазами замелькали чёрные и ярко-белые точки, рука, сжимающая провод, ослабла…
А потом тяжесть чужого тела пропала, зато взволнованный голос Цунаде и холодные руки женщины.

- Наруто!

Узумаки с трудом открыл глаза и закашлялся, обдирая горло мощными толчками воздуха. Пришлось перекатиться на бок,

чтобы спазм наконец-то отпустил глотку. Взгляд упал на Учиху, что спокойно сидел в стороне и смотрел перед собой всё тем же пустым взглядом.

- Слышишь меня?

Блондин кивнул, не уверенный, что сможет выдавить из себя и слово.

- Вот об этом я и говорила. Пойдём…я постелю тебе в гостиной.

- Нет, - прохрипел парень. – Я не могу…

- Наруто, это уже не шутки, - разъярённо выпалила женщина. – Саске – не тот, кем ты его привык знать. Он убьёт тебя и не вспомнит. Вставай.

- Цунаде…

- Быстро!

Она едва его за шиворот не вытащила из комнаты, но Наруто всё-таки послушно пошёл за женщиной и услышал, как та быстро отдала распоряжения Учихе, как скрипнула кровать, щёлкнул замок спальни.

- Это не игры, Наруто. Чужая больная психика очень опасна, - быстро проговорила она, проносясь мимо и живо напоминая своей внезапной порывистостью ветер. Наверное, поэтому почти все разрушительные ураганы названы женскими именами?

Ураган в пижаме.
Узумаки слегка нервно усмехнулся.

- Это Саске.

- Не Саске это, Наруто! – почти выкрикнула Цунаде, разворачиваясь к нему и замирая. Качнув головой, она слегка задрала шёлковую ночную кофточку. - Видишь?

Стройный женский живот пересекал ужасный рубец. Он безобразно блестел, выпирая из нежной кожи, пересекая её от правого бока, до левой тазовой кости.

- Это…

- Это мне оставил тот, кто потерял свой разум. А я, как дура, веры в него не лишилась, - улыбнулась женщина, опуская верх. – Меня еле спасли, Наруто. А он, когда я пришла к нему после больницы, всё также лепил из глины человечков и улыбался мне.

Янтарные глаза вспыхнули старыми воспоминаниями, и Узумаки поджал губы, отводя взгляд. Видеть, как перед ним раскрывается чужая душа, было практически больно – её свет ранил привыкшие к полутеням глаза.

- Не обольщайся, Наруто, - голос её прозвучал с нотками металла. – Саске сам себя не помнит. Прости, что делаю больно этими словами…но…лучше я, чем он.

- Я понимаю, - кивнул парень, а внутри вновь был какой-то могильный холод. Словно его уже закопали в новеньком гробу.

- Ложись спать. Завтра…завтра будет новый день.

Она легко потрепала его по волосам, проходя мимо, и от этого нежного, почти материнского жеста в груди что-то заныло. Стало тепло и одновременно так омерзительно от самого себя, что Наруто кулем повалился на диван, ощущая под щекой его шершавую поверхность.
Не хватало тепла…
«Беги к мамочке, Узумаки», - издевательски рассмеялись в голове отчего-то голосом Саске.

- Я не уйду, - упрямо сжал кулак и ударил им по дивану Наруто. – Пошёл ты, Учиха.

***

Итачи приехал ближе к обеду. Парень скупо улыбнулся Цунаде и тут же прошёл на кухню, где уже сидели Саске и Наруто. Увидев, что ничего не изменилось с его ухода, Итачи положил на стол перед Узумаки ключи.

- Я нашёл вам квартиру недалеко от больницы. Однокомнатная, - как-то устало сообщил парень.

- А…это же центр, - удивился Наруто. – Я не смогу за неё платить. Может, лучше что-то подешевле?

- Платить буду я, - отрезал Итачи. – Саске нужен покой и…ты.

Наруто едва не поперхнулся соком и бросил затравленный взгляд на уставившегося в столешницу брюнета. Как-то сразу заныли оставленные им метки на шее, но Наруто тут же выкинул эти глупые ощущения из головы.

- Что с Фугаку? – спросила вошедшая на кухню женщина.

Цунаде остановилась у стола, поглядывая на младшего Учиху с одной ей присущим тёплым интересом.

- Назначили суд и…

Открыв плоскую сумку, Итачи вынул оттуда толстую газету и положил на стол. Наклонившись ниже, Цунаде разглядела знакомые лица, пистолеты и невольно ругнулась.

- И это всё было затеяно ради чего? – вздёрнула она брови.

Итачи пожал плечами, разглядывая застывшее лицо брата.

- Я так и не смог понять мотивов отца. Он лишился всего, но всё ещё говорит про какую-то честь семьи. Мадара клянётся, что у отца что-то с головой…

- Кто этот ваш Мадара? – буркнул Наруто. – Он действительно был на нашей стороне?

Итачи как-то едва заметно изменился в лице: поджал губы, опустил взгляд.

- Не полностью. Мне удалось связаться с ним в последний момент перед приездом отца. Тогда-то мы и договорились.

- То есть мы уже были в том доме? – уточнил Наруто с несвойственной ему серьёзностью.

Кивок.

- Понятно.

Благодаря людям Мадары Саске получил тот самый последний удар по голове, который спустил с поводка его безумие.
Рано или поздно это должно было случиться, но отчего-то хотелось отдалить это «поздно» и остаться в «рано».
Провалявшись на диване всю ночь, Наруто полностью потерял счёт времени, но так и не смог уснуть. Боль раздирала не только горло, но и грудь. Осознание в одиночестве навалилось сильнее, вышибая из глаз влагу, а из горла немые крики, которые тонули в мягкой обивке дивана.
Тогда хотелось просто умереть, сейчас нужно было жить.
Нужно.
А ночью…вновь бессонница, беззвучные крики…

***

Здесь пахло сыростью.
Наверное, он в подвале? Или в каком-то затхлом подъезде?
Люди-тени проходили мимо него, обдавая колючими взглядами и запахом дешёвых духов.
Зачем теням духи?
Саске замер посреди пустой площадки, засыпанной щебнем.
Здесь так ничего и не начали строить, и мелкие камушки уже практически втоптали в землю, растащили за ногами или за колёсами.
Захотелось до боли увидеть старую беседку, увитую диким виноградом, ржавые качели и высокую колючую траву,

скрывающую покосившуюся оградку.
Кажется, когда-то она была жёлтого цвета.
Саске моргнул, не веря своим глазам – всё то, что только что пронеслось в его голове, возникло в реальности.
Только теперь было лето, трава зеленела, а виноград колыхался едва-едва на ветру. Запах дождя пропитал воздух, а потом и сам ливень не заставил себя ждать.
Спасаясь от холодных ударов, Саске забежал под виноградную сень, отряхивая с головы крупные капли. Здесь, под виноградом, было душновато, но зато практически сухо, приятно пахло летней прибитой пылью и травой.

- Эй! Вот это ливень!

Учиха, услышав этот голос, похолодел, но всё же обернулся на него. Взгляд вонзился в загорелое лицо, выхватывая голубые глаза, намокшие светлые волосы, что липли к щекам парня.
Но…ты ведь мёртв.

- Я – Наруто.

Протянутая рука, широкая улыбка.
Саске отшатнулся, натыкаясь спиной на железный стол. Он смотрел на это явление и не понимал – откуда, почему? Ведь сам видел, как кровь хлестала из раны, как закопали землёй гроб.

- Я тут мимо шёл…и вдруг дождь! Давно такого не было…и я, кажется, ноги промочил. Ну а зонта у меня с собой нет! Кто ж его летом носит?! С утра ясно было…и тут…

Всё это уже когда-то было. Громкий голос вызывал злость вперемешку с раздражением, на улыбающееся лицо смотреть было противно. И хотелось поскорее остаться одному.
А Наруто всё продолжал и продолжал тараторить, изредка поглядывая на него, словно слыша ответ, и вновь начиная говорить.

- Ты мёртв…

***

Квартира, которую Итачи подобрал для них, была… нормальная. Ничего особенного, ничего необычного. Даже мебель уже имелась, да и посуда.
Всё готово к жизни.
Но при одном взгляде на Саске смысл этой жизни терялся. Быть рядом, пока жив другой – цель, но не смысл.
Бросив сумку с лекарствами и кое-какой едой на диван, Наруто стащил куртку с себя, а затем с Учихи. Последний выглядел спокойно, но Цунаде предупредила, чтобы Наруто был готов в любой момент отбиваться. Конечно, женщина думала о том, чтобы отправить Саске в подобающее место. Это было видно по её отчаянным взглядам, но вслух она этого так и не сказала, позволив Наруто выбирать самостоятельно.
Три таблетки на ладонь, потом попросить открыть рот и дать запить водой. Проверить, чтобы проглотил.

- Ты умер, - отчётливо произнёс Саске.

Наруто даже замер, поражённый неожиданностью.

- Ты умер.

- Кто умер? – как можно осторожнее спросил Узумаки, вглядываясь в больные глаза Саске.

- Ты умер.

А потом брюнет замолчал.
Наруто затаил дыхание в надежде услышать его тихий, хрипловатый голос, пусть несущий и такую чушь, ещё раз. Было невыносимо больно смотреть в холодные глаза, видеть, что Саске живёт где-то в своём мире и не иметь способа достать его оттуда.
Саске никогда не хотел становиться овощем. Он никогда не позволил бы этому случиться. Стать обузой, пустой оболочкой. Он бы попросил всё это закончить.
Но Наруто просто не мог. Он ждал, пока с бледных губ сорвётся какой-нибудь пусть и болезненный бред, пока матовые глаза

сверкнут. Злостью, яростью, желанием убить. Хоть чем-то, что сможет напомнить ему прежнего Саске.
Даст почувствовать, что Учиха всё ещё рядом.
Но Саске молчал.
С каждым днём он спал всё больше, реагировал на просьбы и указания всё меньше. Наруто звонил Цунаде, она объясняла, что делать и парень делал. Становилось лучше, но ненадолго.
А потом пришла она – боль.
Проснувшись ночью от тихих хриплых стонов, Наруто не сразу понял, откуда они исходят – так привык к тому, что брюнет обычно молчалив. А потом резко подорвался с кровати, включая свет и бросаясь к Саске.
Парень сидел в углу комнаты, обхватив голову руками и тихо покачиваясь.

- Ты мёртв. Мёртв. Мёртв.

- Саске, - выпалил Наруто, хватая его за давно зажившие запястья и пытаясь заставить отнять руки от лица.

- Тебя нет.

***

Сколько времени прошло, Саске не знал. Он пытался запомнить цифры на своих часах, но те каждый раз почему-то переворачивались, рассыпались…
Все менялось и перетекало, иногда принимая до того забавные и нелепые формы, что всё это можно было легко отнести к лихорадочному бреду.
Наверное, он простыл там под дождём. И ещё что-то случилось под тем ливнем, но что именно, Учиха вспомнить не мог.
Каждый день он, возвращаясь в свою общажную комнату, покупал те же самые сигареты, что и неделю назад, ел всё те же продукты. Жизнь была скучной чередой обыденности, липкой паутиной, в которой было так легко запутаться.
Вот и запутался, приняв бред сознания за желаемое. Увидеть Наруто вновь, очутиться в той беседке, почувствовать запах мокрых виноградных листьев.
После этого случая Саске ещё пару раз ходил туда проверить,

но его встречал лишь пустырь и мелкий щебень под ногами. Слишком хотел всё изменить, вот и привиделось.
Три таблетки перед сном, укол утром, три сигареты перед завтраком, четыре в обед и оставшаяся пачка в бессонную ночь. Скудный рацион, но он помогал хоть как-то поддерживать жизнь в организме. Или её подобие. Отравленные сигаретным дымом лёгкие не работали в полную мощь, и часто Саске просыпался от осознания того, что задыхается. Тело, практически лишённое пищи, истощало и двигалось только благодаря этой загадочной силе духа.
Собственно, Саске не мог вспомнить, что было между его пробуждением и сном. Все дни тянулись какой-то странной цепью, где не хватает половины звеньев.
Телефон молчал, а позвонить кому-то Учиха всегда отчего-то забывал и тут же просыпался уже в следующем дне.
Вереница.
И только на кладбище всё было реальным.
Только тут он мог признаться себе, что не хватает.
Что болит.
Что любил.
Любит.

- Забери меня.

***

Наруто проснулся раньше будильника на пять минут и просто отключил его, перевернувшись на спину. У стены тихо лежал Саске, в последнее время переставший реагировать даже на просьбы. Трудности, которые возникли из-за этого проходили в каком-то смазанном сером режиме, и Наруто не заострял на этом внимание, радуясь, что может иногда смотреть в чёрные глаза.
Иногда он понимал, что ночью обнимает Саске, что зарывается пальцами в его волосы и вдыхает такой привычный запах тела. Только вот сигаретного дыма, что всегда пропитывал его волосы, не хватало.
Вот так, лежа рядом с ним, можно было забыть, что Учиха сошёл с ума, что с каждый днём ему нужно всё больше и больше лекарств, а от приступов боли всё труднее и труднее

избавиться.
Можно просто думать, что они оба живы.
Обнимать, прикасаться губами к виску и засыпать на миг.
А потом день. Серый, хмурый зимний день, отражающийся в некогда голубых глазах Узумаки какой-то болотистой тиной. Замерев у зеркала в ванной, Наруто взглянул на себя, провёл пальцами по левой щеке, чувствуя шероховатости порезов. Раны зажили, но рубцы остались и они до сих пор краснели, а на морозе наливались ненормальной синевой. Наверное, так со всеми шрамами, но люди пялились.
Людям вообще только дай волю поглазеть…
Включив воду, Наруто плеснул ею в лицо и зажмурился из-за крупных капель, что больно саданули по глазам.
Боль…
Хотелось физической боли вместо душевной. Сущность, изъеденная страданием, едва теплилась за этими костями, укрытая тонким покрывалом кожи. Она только и ждала, чтобы вырваться из осточертевшего плена.
Но, пока жив один…
Наруто выпрямился. Отражение сверкнуло стекающими с отросших волос каплями, притянуло пустым, почти таким же, как и у Саске, взглядом.
Матовый.
Бездумный.
С едва заметным блеском на дне зрачка. Там лежат скрытые эмоции. Им нет пути в этот мир.
Закрыться, забыться.
Почему-то своя собственная серая радужка блеснула и стала желтоватой, а потом наваждение резко пропало.
Орочимару.
Тряхнув головой и отогнав от себя воспоминания, Наруто прошёл по коридору в спальню и едва не врезался в Саске, что стоял посреди комнаты.

- Блин, Саске! – скорее по привычке возмутился Наруто, отталкиваясь от груди брюнета и застывая в нескольких шагах. Взгляд скользнул по лицу парня.

Надежда робко забилась в грудине.
Может быть?

Но нет.
Саске не очнулся от своего странного сна.
Горечь волной поднялась за рёбрами. Ну зачем, зачем обманывать себя ожиданиями? Чтобы потом было больнее?
Наруто понял, что просто уткнулся лбом в грудь парня. Дыхание тяжело вырывалось из горла.

- Ты ненавидишь меня, Саске. Ненавидел бы…если бы знал, что я заставляю тебя жить.

Наруто закусил губу до боли и покачал головой.

- Но я не могу иначе. Я хочу верить, что ты придёшь в себя, что наорёшь на меня, и мы подерёмся. Ты не слышишь, да…

За окном сильный порыв ветра поднял жутковатое завывание.

- Ты не живёшь. Это я…я заставляю тебя существовать. Но ты ведь так не хотел.

Слова Орочимару, тогда так ранившие и надолго засевшие в голове, вернулись и ударили в стократ сильнее. Откат. Он всегда приходит.

- А я не хочу тебя отпускать…

Слепая вера в то, что всё наладится. Что Саске ещё придёт в себя.
Учиха странно вздрогнул, отшатнувшись и начал падать. Наруто успел подхватить его у самого пола, смягчая падение и садясь рядом. Всё тело брюнета вытянулось струной, задрожало, вены на шее и висках вздулись.
Наруто схватил со стола охапку таблеток, мельком замечая, что от носа парня потянулась кровавая дорожка.

- Чёрт!

Шприц, укол. Судороги слабеют, но не прекращаются.

- Ну же!

Мелкая дрожь пробежала по телу Учихи, и он приоткрыл глаза, выдыхая одно единственное слово:

- Мёртв.

- Хер тебе!

***

Приехавший по первому звонку Джирайя, что так удачно задержался у Цунаде, со знанием дела осмотрел всё ещё подрагивающего Саске.

- Болевые приступы, Наруто. Опухоль растёт, и давление всё сильнее.

- Но я же даю ему таблетки, ставлю уколы, - устало и взволнованно протянул Наруто, сидя рядом с брюнетом. – Что не так?

- Ты всё правильно делаешь. Даже иные врачи так не стараются, - мягко улыбнулся Джирайя. – Время пришло, Наруто. В такой фазе болезни ему нужно быть на стационарном лечении, где есть доступ к сильным обезболивающим.

- Например? – скрипнул Наруто, уже зная, о чём идёт речь.

- Морфий.

- Я не смогу его достать.

- Только попробуй, - строго выпалила стоящая в дверях Цунаде. – Обычно за такое потом по головке не погладят.

- Нелегально, - виновато развёл руками Джирайя. – Так что… его только в больницу.

- И что там? Там будет лучше? – потерянно пробормотал Наруто, комкая в пальцах край рукава футболки Учихи.

- Ему сейчас нигде не лучше, - выдохнула психолог, подходя ближе и укладывая свою руку на плече отшельника. Под взглядами этих людей Наруто внезапно почувствовал себя маленьким мальчиком, который заигрался в песочнице.

Возможно, так оно и было.
И он заигрался.
Пора было заканчивать и выходить из затянувшейся игры.

***

Саске медленно перебирал в голове воспоминания, удивляясь, что и тут ничего цельного нет. Что произошло с ним?
С каждым днём ощущение того, что его заперли в этом бетонном кубе, усиливалось. Здесь всё было такое же, как и тогда, когда они жили вместе с Наруто. Даже эти нелепые гирлянды, что Узумаки притащил в надежде провести новый год.
Осенью.
А на столе лежала пачка сигарет и зажигалка, к которым Саске отчего-то никогда не притрагивался.
Иногда он не мог подняться с постели. Иногда не мог даже проснуться. В такие моменты казалось, что он действительно завис где-то между.
Только чем и чем?
Лучистые голубые глаза не шли из головы…
И хотелось просто прекратить существовать.
Умереть.
Но всё длилось и длилось…

***

- Итачи сказал, что тебе нужен морфий, - с порога заявил Орочимару, проходя в коридор и ставя на пол саквояж, чтобы скинуть с плеч пальто.

- Не мне, а Саске, - хмуро пробормотал Наруто.

Находиться рядом с этим человеком было отчего-то неприятно,

будто бы доктор давил своей тёмной аурой, сжимал и оплетал.

- Слышал, Фугаку посадили.

- Знаю. Проходите.

Небольшая комната насквозь пропахла лекарствами, на разобранном диване то ли спал, то ли находился без сознания Саске. Всё такой же, только совершенно спокойный.
Почти мёртвый.

- Сколько он вам заплатил? – сложив руки на груди, спросил Наруто, наблюдая, как Орочимару деловито открывает саквояж и вынимает оттуда колбы.

- Достаточно. Ты думал, я буду работать за идею?

- Нет, - качнул головой блондин. – Всё логично. Вам платят – вы помогаете.

- Помогаю, - скептически усмехнулся Орочимару, набирая шприц. – Он в таком состоянии уже давно?

- Около месяца.

В желтоватых глаза появилось что-то похожее на удивление, а затем Орочимару тихо рассмеялся.

- И ты до сих пор не решился его убить.

- Что?

- Убить, Наруто, - ответил мужчина и поставил укол. После этого выпрямился, отбрасывая шприц на столик. – Это уже не Саске.

- Это он.

- Ты упрямый. От него заразился?

- Я буду ждать, пока он…

- Умрёт сам? – вздёрнул брови Орочимару.

- Пока не очнётся, - отчётливо произнёс Наруто. – Спасибо. Как этим пользоваться? Сколько?

Кивок на ампулки.

- Я напишу тебе, сомневаюсь, что запомнишь. Это серьёзная вещь, Наруто, - растянул губы в улыбке доктор, став похожим на какую-то гадюку. – Увеличишь дозу, и Саске умрёт.

Это прозвучало как намёк, как подсказка на немой вопрос Наруто о том, что же дальше. Только от осознания этого блондина передёрнуло, и он отрицательно качнул головой:

- Я не вы. Я не могу убить…любимого человека.

- Значит, недостаточно любишь, - фыркнул Орочимару и закрыл свою сумку. – Если бы любил, то чувствовал его боль, страдания.

- Он очнётся!

Наруто поднялся, пытаясь оттеснить мужчину к дверям, хотя его роста и внушительности явно не хватало – Орочимару так и остался стоять на месте.

- Он не очнётся, Наруто. Он останется овощем.

Янтарные глаза прищурились, и мужчина вновь улыбнулся:

- Он бежал от этого состояния, а ты…ты держишь его здесь, ведь так?

- Потому что я верю!

- Ты идиот! – взорвался неожиданно мужчина. – Ты веришь в то, что оболочка вновь наполнится жизнью? Что Саске,

очнувшись, проживёт долгую и полную счастья жизнь?! Даже, если бы я провёл ту операцию, ему было бы суждено сдохнуть в течение года!

Наруто было открыл рот, чтобы ответить на этот выпад очередной упрямой фразой, но внезапно вся шелуха злых и ненужных слов отсеялась, оставив лишь то, что резануло по сознанию лезвием:
«Если бы я провёл ту операцию».

- Вы…операции не было?

Орочимару, отшатнувшись, прижал руку ко лбу и шипяще выдохнул, отрицательно покачивая головой.

- Я обманул всех, - печально рассмеялся мужчина. – Я думал, что исправлю ошибку, подарю вам с ним время, которое Джирайя и его благодетель забрали у меня и…

- Вы хотите выйти из всего ангелом? – нахмурил лоб Наруто. – Почему вы не сказали этого раньше! Саске был шанс помочь!

- Нет у него шансов! А я не ангел! Я…пустая оболочка.

Орочимару, обхватив голову руками, сел на диван.

- Скажи, Наруто, лучше бы было, если бы Саске этот год провёл вот так?

Кивок на расслабившегося брюнета.

- У тебя теперь хотя бы есть, что вспомнить. Проведя операцию…я бы убил Саске. Как это сделал Джирайя.

- Джирайя никого не убивал! - горячо возразил Наруто. – Это сделали вы своими руками.

- Твой любимый отшельник убил душу, - ядовито прошелестел доктор. – Я добил тело.

- Это был человек. Вы убили человека, - настаивал на своём Наруто. – И теперь хотите, чтобы из-за вас умер ещё и Саске!

Орочимару подскочил, неожиданно хватая Наруто за плечо и разворачивая лицом к спящему.

- Саске уже мёртв! Посмотри на него. Внимательно!

Голос мужчины сорвался на какой-то придушенный хрип.

- Разве это тот Саске?! Где он? Ты задавался вопросом, что он сейчас чувствует, запертый в этом теле?

Раздражённо дёрнувшись, Узумаки вырвался из рук мужчины и уставился на того тяжёлым немигающим взглядом.

- Значит, всё то, что Саске пережил…это для вас пустяк? Это из-за вас он потерял зрение и…

- Опухоль прогрессировала, Наруто. Она влияла на него. Саске – крайне странный случай. Настолько нетипичный, что я…

- Вы вспомнили своего парня, - закончил Наруто. – Это всё… напомнило вам прошлое, и вы решили, что Саске ждёт та же участь.

- Он бы стал овощем, - покачал головой Орочимару. Его глаза блестели, а губы слегка дрожали.

Эмоции вновь пробивали плотину отчуждённости. И это было больно.

- Он мог бы им стать, а мог бы жить дальше! Почему?

Орочимару вновь опустил голову, провёл рукой по лбу и резко выпалил:

- Стать как Джирайя, Наруто. Я видел всё это своими глазами, я смотрел на Учиху и вновь вспоминал. Раз за разом. Все те пациенты…

Мужчина поднял голову, усмехнулся нервно и махнул рукой:

- Стандартные, обычные. Они проходили мимо меня, я латал их мозги. И не запоминал. А потом…появился ты и Саске. И я вспомнил всё…Саске…

Наруто слушал, затаив дыхание, хотя от злости хотелось рычать.

- Вы сравнили нашу историю с вашей. Но все люди разные, Орочимару!

- Нет, Наруто. Ты – это я, Саске – он. А я…я не хотел стать Джирайей. Операция должна была быть сложной. Опухоль… чёртова доброкачественная опухоль, Наруто…

Орочимару грустно улыбнулся и покачал головой, поднимая брови в подобии недоумения.

- Эту дрянь люди пытаются лечить сыроедением, как будто клубника с грядки им поможет.

- Саске можно было оперировать? – немеющими губами спросил Наруто.

- С огромным риском, я же говорил.

- Так можно или нет?

- Да.

Наруто, развернувшись, со всей силы пнул ящик, и нога отозвалась болью. Он сделал круг по комнате, растирая лицо, и остановился напротив сникшего доктора.

- Я смотрел в его карту, Наруто, - тихо продолжил Орочимару. – Видел проценты риска и удачи, видел его мозг. Вспоминал. И… я просто испугался.

- Испугались?

Орочимару кивнул:

- Я мог совершить ошибку, которая даже не убила бы его тело, а обрекла на это. Муки. Самые страшные в мире муки.

Мужчина поднял на Наруто меловое лицо, и весь его облик показался Узумаки до ужаса простым: растрепавшиеся волосы, растерянный взгляд. Не было больше умудрённого жизнью гения скальпеля, был просто запутавшийся человек.

- Вы не имели права бояться, пока был хотя бы один процент, - произнёс Наруто, удивляясь, что не испытывает злости.

- Слишком много процентов было против.

- И что? – вздёрнул брови Наруто. – Вы ведь так не хотели становиться Джирайей, но всё равно им стали.

Орочимару непонимающе нахмурился.

- Саске в этом состоянии из-за вас. Вы не провели операцию, испугались. И теперь он такой же, как и тот, кого вы любили.

Наруто неожиданно приблизился к засмотревшемуся на правильные черты спящего Саске мужчине.
Нагнувшись, Узумаки тихо выдохнул:

- Вы проведёте операцию.

- Нет. Я отказал Фугаку, откажу и тебе.

- Хватит бояться, Орочимару, - жёстко отрезал Наруто. – Прекратите прятаться. Исправьте то, что сами сделали. Ведь… вы же хотели, чтобы Джирайя исправил свою ошибку?

Желтоватые глаза согласно сверкнули.

- Тогда вы исправите свою.

***

Почему он мог приходить только в некоторые места, Саске понять не мог. Эта остановка недалеко от его дома не занимала особого места в его душе. Она просто была, стояла тут столько лет, но отчего-то ноги вели сюда всё чаще и чаще.
Действительно, когда выбирать приходится из трёх пунктов, то идёшь в тот, где эмоции не будут резать сердце на тонкие ломтики.
Сев на лавочку, парень закурил. Терпко-горький дым наполнил рот, прошёлся по языку горячим воздухом и вырвал сухой кашель из горла.

- Ну здравствуй, Саске.

За всё время, Учиха привык, что с ним практически никто не разговаривает, и был очень удивлён услышать приятный женский голос рядом. А затем медленно обернулся, встретившись со светло-зелёными глазами.

- Ты?

- Не ждал? – улыбнулась Белокожая и склонила слегка голову набок. – Может, так тебе будет привычнее?

Её образ пошёл рябью и будто бы помолодел лет на десять. Теперь рядом с ним сидела та девушка из психушки по имени Сион. Хохотнув, она махнула рукой, вновь возвращаясь к своему привычному образу взрослой женщины.
Только вот мёртвой она больше не казалась: светлая кожа, почти как у самого Саске, аккуратно убранные назад чёрные волосы лишились водорослей и запаха тины, большие глаза аккуратно подведены. Даже одежда на ней была другая – чистая и опрятная.

- Кто ты?

Она вновь улыбнулась, как-то тепло и спокойно. Её пальцы невесело коснулись его лба, проводя от центра до виска тёплую

дорожку.

- Я всё, что у тебя есть.

Отмахнувшись от её руки, Учиха недоверчиво покосился на женщину. Хотелось встать и уйти, но что-то не пускало – ноги налились какой-то странной ватной тяжестью.

- А они хотят забрать тебя у меня…

***

Орочимару никогда ещё не готовился к операции так тщательно. Он дважды вымыл руки, вытер их и взглянул на себя в зеркало. Ему показалось, что по ту сторону зеркальной глади стоит неопытный хирург, которому предстоит первая в его жизни серьёзная операция.
Морщинки, блеск в глазах, побелевшее лицо – всё говорило о волнении, которого мужчина не знал уже много-много лет.
Риск слишком велик – прописная истина.
Саске может умереть прямо на операционном столе.
В любом случае…терять уже нечего. Он и так овощ…
Вздохнув глубоко, мужчина быстрым шагом направился в операционную, стараясь не касаться ничего руками. Там, в комнате, заполненной ярким белым светом, привычно встретила медсестра.
На операционном столе лежал Саске, и на миг что-то в чертах его лица изменилось, замещаясь знакомыми, родными, всколыхнувшими в душе какие-то совершенно ненужные эмоции.
Нет.
Орочимару прикрыл глаза на несколько секунд и глубоко вдохнул.

- Приступим.

***

Белокожая смотрела почти ласково, и в какой-то миг её пальцы вновь прошлись по волосам парня, убирая их с лица.

Дёрнувшись, Саске недовольно скривился, поднимаясь с лавочки и отходя к доске объявлений. Совершенно чистые листики трепыхались на тёплом, затхлом ветру.

- Как живётся тебе без него?

- Я не хочу с тобой разговаривать, - отрезал Саске, комкая и выбрасывая сигарету. Потянулся за новой, поджог и с удовольствием втянул дым.

- Больше не с кем, - широко улыбнулась женщина, и на миг лицо её дрогнуло, становясь всё той же посмертной маской с видимыми уже следами разложения. Но затем наваждение прошло, и вот она – живая, страшно красивая в том смысле, что от правильных черт её лица мозг замирает. Так не должно быть. Таких людей не бывает.

Дьявольская красота, привязывающая, уничтожающая.

- Тебе плохо, милый мой Саске, - с сожалением проворковала Белокожая, поднимаясь. Её каблучки звонко цокали по асфальту, когда она прошлась вдоль остановки, словно бы высматривая вдали транспорт.

- Ты кого-то ждёшь? – против воли задал вопрос Учиха.

- Я? – она повернула голову к нему и сверкнула глазами. – Мы ждём.

Саске фыркнул, отворачиваясь, чтобы избежать холодного взгляда.

- Ты поедешь со мной.

- Никуда я не…

Она оказалась рядом так быстро, что Учиха отпрянул назад. Спина стукнулась о доску объявлений, и показалось, что эти пустые листочки начали цепляться за его одежду.

- Ты останешься со мной, - зло прошипела она. Удивительно сильные пальцы Белокожей вцепились в виски, сдавливая и царапая кожу острыми ногтями.

Саске почувствовал острую боль и внезапно услышал какой-то писк. Откуда он здесь?
Голову наполнили голоса, словно из другого мира.

- Саске, оставайся с нами! – выпалил откуда-то взявшийся мужской голос.

Учиху дёрнуло, словно от разряда электричества, а пальцы на висках давили всё сильнее.
Лицо Белокожей кривилось, менялось.
Оно быстро шло трещинами, повеяло запахом тины и вмиг картинка изменилась.
Каменный берег, Саске стоит по колено в серой воде.

- Я не дам им забрать тебя, - прошипела стоящая перед ним девушка. Всё те же длинные чёрные волосы, свободное белое платье, мёртвое лицо.

***

Наруто думал, что после встречи с самым настоящим психопатом, после шанса быть застреленным в лучших традициях дешёвого боевика, чувство страха атрофировалось.
Как глупо он ошибался.
Комната ожидания в этой клинике выглядела слишком хорошо. Такие Наруто видел только на буклетах каких-то дорогих гостиниц, а попасть в ожившую картинку было очень непривычно. Даже неприятно.
Всё, от мягкой бежевой мебели до матовых светильников на стенах, говорило о спокойствии, благополучии, а разлапистые цветы в напольных кадках поражали своей свежестью. Это была ширма, которой врачи пытали скрыть то, что происходило в глубине их логова на самом деле. Кровь, боль, лекарства и приторный запах смерти, что висел здесь над каждым. Наруто даже попытался сесть у приоткрытого окна, чтобы не чувствовать это едва заметное зловоние, но вскоре понял –

бесполезно. Надоедливый запах забился глубоко в лёгкие, повис в носу и теперь выдрать его оттуда будет проблематично. Ему представилось, как все эти тёплые стены рушатся, словно декорации, а за ними появляется настоящее, неподдельное. Чёрная глотка этого монстра поглощала медсестёр и тех, кого заводили в кабинеты.
Где-то там был и Саске.
Наруто, чувствуя, что руки начали мелко дрожать, обнял себя за плечи, ссутулившись в этом слишком удобном кресле.
Всё здесь было «слишком».
Только не помогало, не оттесняло от той пропасти, что образовалась внутри и заполнилась страхом.
А что, если он зря убедил Орочимару помочь им. Наверное, не нужно было так наседать и…
А вдруг доктор специально допустит какую-то ошибку, чтобы доказать свою изначальную правоту? И как быть тогда? Кого винить?
Винить придётся только себя. И жить с этим разъедающим чувством.
Ведь вот он – Саске. Был рядом, пусть ему было плохо, но…
Ему было плохо.
Наруто, выпрямившись, уставился в пол.
Саске было плохо из-за желания Узумаки сохранить то подобие жизни в нём.
И что он делает сейчас? Опять пытается зацепить Учиху за что-нибудь. Продлить его…мучения.
Наверное, в своих размышлениях Наруто бы дошёл до крайней точки самобичевания, но этому помешала подошедшая Цунаде. Она пришла сюда, чтобы поддержать блондина и первой узнать результаты, но вскоре заметила, что Итачи молчаливой скульптурой сидит на диване чуть подать от Наруто. А Джирайя…
Отшельник предпочёл не заходить в клинику. Этот рубеж в себе он пока ещё не мог преодолеть, а Цунаде не стала давить.
Всему своё время.
Как смерти, так и жизни.

- Ты уверен, что хочешь быть здесь? – тихо спросила Цунаде, проводя рукой по волосам парня, дабы выдернуть его из мира переживаний. Тактильный контакт всегда лучшее средство

унять расшалившиеся нервы.

- Да, - скупо кивнул Узумаки, подпирая подбородок сцепленными руками. – Я же сказал, что зазимую тут, если нужно.

- Джирайя, кажется, палатку прихватил, - усмехнулась женщина и опустилась в соседнее кресло. – Наруто, ты сделал невозможное…достучался до махрового социофоба.

- Вы про Саске?

- Про Орочимару, - качнула головой она. – Но тебя что-то грызёт. Это не волнение за Саске…не только оно.

Наруто, чувствуя какую-то странную смесь из желания встать и уйти, сказать банальное «всё нормально», медленно повернулся к женщине. Слегка тронутое загаром лицо Цунаде в обрамлении светлых волос можно было назвать располагающим. Сейчас женщина не пыталась вести себя так, как на очередном приёме. Наруто не был её пациентом, и дело было отнюдь не в работе. Это было видно по светло-карим глазам, ставшим такими тёплыми.

- Я боюсь, - дрогнувшим голосом признался Наруто. – Боюсь, что зря всё это…зря с Орочимару, Саске…

- Наруто, - вздохнула женщина. - Это естественный страх. Все мы ошибаемся. Даже этот хладнокровный питон.

Усмешка была такой заразительной, что блондин невольно повторил её.
Но потом также быстро скис.

- Иногда нужно бороться за того, кто бороться не хочет.

***

- Прекрати сопротивляться, Саске, - прорычала Белокожая. В её руках появилась серебряная чаша, доверху наполненная серой

водой.

Учиха попытался отшатнуться, но ноги оплетали водоросли.

- Останься со мной.

Она протянула чашу, замирая выжидающе. Светло-зелёные глаза требовательно искрились, губы сжались в упрямую полоску.

- Тебе не за что бороться! Ты один! Ну скажи мне, куда тебе возвращаться?

Тон Белокожей внезапно стал ласковым, обволакивающим и она придвинулась ближе. Край чаши настойчиво царапнул подбородок.

- Выпей. Ну же, Саске, останься со мной.

Видя, что её старания игнорируются, Белокожая зло откинула от себя сосуд и вцепилась пальцами в плечи, наваливаясь всем телом. Учиха, взмахнув руками, начал заваливаться на спину. Последний судорожный вдох, и вода приняла в себя два тела, резанув по лицу мелкой металлической стружкой. Водоросли, вырастая из илистого дна тёмно-зелёными лентами, оплели запястья, шею, пересекли грудь и спутали ноги. Облачко пузырьков поднялось туда, где плясали блики тусклого серого неба, и Саске попытался дотянуться до него рукой. Но давление на грудь усилилось, водоросли потянули вниз настойчивее. «Зачем тебе возвращаться в тот мир? Там будет только хуже. Столько вранья, боли, ненависти», - голос, звучащий в голове с каждой минутой набирал силу. – «Там ты будешь один. Такой особенный. Там никто тебя не поймёт, а здесь я буду всегда рядом. Я не брошу, не оставлю. Обещаю».
Слова…кто-то их уже говорил…
Но кто?

***

- Орочимару, пульс.

- Вижу.

- Он слабеет, - взволнованный голос медсестры.

- Вижу! – нетерпеливо, с жаром. – Продолжаем.

- Но риск…

- Мы должны успеть!

***

«Зачем жить в этом мире, где всё покупается и продаётся? Где рутина обыденности сожрёт твой мозг быстрее яда болезни? Зачем пытаться прыгнуть выше головы? Ведь ты знаешь, что никогда не захочешь жить. Никогда не сможешь работать, никогда не заведёшь семью. Не легче ли просто позволить себе уйти? Избавиться от груза проблем, обязанностей, требований и чужих ожиданий? Уйди со мной, Саске, и ты никогда больше не будешь испытывать боль. Ты освободишься. Смерть – это свобода».
Такие прохладные водоросли, такая мягкая вода, что упорно лезет в нос, заливается в рот и отчего-то имеет привкус крови.
Зачем оставаться?
Вопрос, который, так или иначе, мы задаем себе. Всегда наступает тот момент, когда хочется просто исчезнуть, чтобы проблемы перестали давить на плечи.
«Ну же, Саске. Вдохни эту воду…и ты останешься со мной. Боль уйдёт».
Бледные губы дрогнули, взгляд упёрся в небо, которым стала гладь воды. Там, за её тонкой плёнкой, совершенно другой мир.
Протяни руку, коснись…
Увидеть бы солнечные блики в золотистых волосах.
Но где смысл жить, если это так и останется всего лишь желанием?
Того человека уже нет. Смысл бороться? Не за что держаться.
Саске разомкнул губы, позволяя холодной жиже политься в горло.
Светло-зелёные глаза победно вспыхнули.

***

- Разряд! - выпалил Орочимару, прижимая к груди парня «утюжки».

Кровь на перчатках, кровь на тампонах, кровь…
Везде…

- Разряд!

Тело вздрагивает от сильной судороги, противный писк наполняет комнату.

- Не сможем…

Орочимару зло взглянул на побелевшую медсестру.
Исправить ошибку. Чего бы это ни стоило.
Писк…
Неужели?

***

Наруто не мог больше сидеть на месте. Сколько времени прошло – он не знал, но на улице уже начали зажигать фонари, а сумерки подкрасили воздух сиреневым. Посторонних в комнате ожидания стало меньше, и всё чаще на глаза попадались лишь медсестры.
Кто-то принёс ему стаканчик горячего кофе из автомата, кто-то накинул на плечи плед. Странно, но Наруто и сам не заметил, как сильно его бьёт дрожь. Пару раз милая медсестра предлагала успокоительное, но Узумаки с упорством отказывался, продолжая прожигать взглядом дыру в начищенном полу.
Что если всё давно кончилось, а у Орочимару не хватает духу прийти и признаться в этом?
Блондин резко встал, но, наткнувшись на подошедшего человека, опустился обратно в кресло. Итачи, с каменным лицом, стоял напротив него и пристально вглядывался в глаза. На миг Наруто показалось, что Учиха сейчас произнесёт то,

после чего можно будет умереть на месте, но парень не спешил начинать разговор вообще.

- Что-то случилось? – подал первым голос Узумаки.

- Не знаю, - передёрнул плечами Итачи. – Я хотел поговорить.

- Со мной?

Кивок, и парень сел на то место, где раньше сидела Цунаде. Женщина, пообещав вернуться через десять минут, убежала на перекур. Кажется, она прикончила уже вторую пачку… Наруто закурил бы и сам, наплевав на тошнотворный дым, но боялся покидать комнату ожидания. Вдруг, пока он будет глотать никотиновый яд, что-то произойдёт, прояснится?

- О чём?

- Ты должен понимать, Наруто, что я против ваших… отношений.

- Сейчас глупо говорить об этом, - мотнул головой блондин. Лишь одно упоминание этой темы вызывало сейчас холодную дрожь.

Саске сейчас не был предметом любви, страсти. Он был другом. Другом, который нуждался в близком человеке. А всё остальное…

- Но всё же…

- Итачи, - прикрыл глаза Наруто. – Я не могу ничего тебе сказать сейчас.

- То есть…хочешь сказать, что ты решил оставить его?

- Никогда.

Вернувшаяся Цунаде выглядела озябшей. Подойдя к ним так стремительно, что Итачи даже оборвал уже заготовленную

речь, женщина остановилась рядом с Наруто и вопросительно кивнула.

- Ещё ничего не говорили, - понятливо отозвался блондин.

От психолога веяло уличным морозом, кажется, к ночи похолодало. И этот приятно пахнущий, зимний холодок успокаивал.
Но, не успело разгорячённое тело перестать трястись, как двери комнаты ожидания открылись, пропуская Орочимару. Это пустило по позвоночнику очередную волну дикого электричества, вздёрнувшую Наруто на ноги. Но Итачи поспешил к доктору первым, а Цунаде нажала на плечо парня, призывая того сесть обратно.

- Наруто. Стой, - тихо проговорила она, напряжённо всматриваясь в изнеможённое и словно бы выцветшее лицо мужчины.

Узумаки не стал противиться, послушно осев. Взгляд, блуждая по Орочимару, выхватывал всё новые и новые детали: пятна крови на халате, растрепавшиеся волосы, залёгшие под глазами тени, слишком резкие нервозные движения.
И сердце противно заныло, закололо.
Орочимару что-то говорил, Итачи кивал, стремительно меняясь в лице. Наверное, с его бледной кожей нельзя было потерять цветность ещё сильнее, но всё-таки это произошло. Бесцветный Учиха прижал руку ко лбу, отворачиваясь, Орочимару опустил голову, тяжело вздыхая.

- Тш, - шикнула Цунаде, когда Наруто было рванул вперёд. – Сиди.

Сердце билось в горле. Нет. Оно не билось, оно давно развалилось на осколки. А там, в глотке, пульсировал острый спазм.
Хотелось вдохнуть сильнее, но лёгкие стали тяжёлыми.
Кивнув, Итачи медленно повернулся к ним и также неспешно стал приближаться.
Наруто был не уверен, хочет ли он услышать голос парня.

***

Холодные руки скользили по лбу.
Она плакала.
Тихо, едва заметно.

- Ты мой, - повторяли бескровные губы.

Голос полный сожаления.

- Ты только мой, - жёстче сказала она, сжимая стремительно тающую в руках оболочку. – Я всегда буду…

Последние искры опали, растворились в воде, оставляя вокруг пустоту.

- Ждать тебя.

The end…

… is where we begin.

«I'm an alien, Cause I'm not of this world.
I have a name, But I've been changed.
And now i can't stay the same.
And i'm a loser, if that means I've been lost before.
But now i've found it, I'm surrounded.
Cause you could hear the way it sounded».
Thousand Foot Krutch – The End Is Where We Begin.

«Я пришелец, я не из этого мира.
Имя осталось, но сам я изменился,
И теперь я не могу оставаться прежним.
Я неудачник, если это значит, что я уже проигрывал.
Но сейчас я нашёл это, я окружён,
Потому что ты мог услышать его».

Вокзальная площадь утопала в предрассветном тумане. Весенний воздух холодил лицо, обнимал за плечи и Наруто внезапно понял, что зря надел такую тонкую куртку. Наверное, стоило послушаться внутренний голос и поддеть хотя бы тёплую водолазку…
Безлюдно.
За последнее время Узумаки научился находить пользу в вынужденном одиночестве. Дни, когда он оставался один, случались всё реже и реже, но всё-таки больно давили на нервы. Наверное, что-то поломалось в нём. Какая-то шестерёнка заменилась другой, диктующей любовь к покою и тишине.
Или же сознание за всё то время, что в жизни парня творилась сплошная околесица, слишком устало от чужих взглядов, каким бы добрым людям они не принадлежали.
Да, в одиночестве были свои плюсы.

Боль прошла, сменилась ноющей пульсацией, словно от заживающей раны. Но стало ли легче?
Спать, видеть все те кошмары.
Лица.
Глаза.
Холод…

***

…Холод больничной палаты затягивал в свой маленький мирок. Наруто, стоя в дверях, никак не мог решиться сделать шаг вперёд и, наконец, оказаться по ту сторону границы.
Блёклый свет ночника освещал кровать, кучу аппаратов, трубочек…
Размеренный писк бил по нервам.
Но это была странная, приятная боль.
Он всё-таки сделал шаг вперёд и вновь наткнулся на невидимую преграду у кровати, вперившись взглядом в лежащую поверх одеяла руку.
Три дня его не пускали сюда. Не пускали к Саске.
А сегодня всё-таки разрешили…
Наверное, ему стало лучше.
Ведь так?
Рука на этом казённом одеяле казалась неживой. Слишком тонкие пальцы, выпирающие костяшки, жилы, кварцевая белизна.
Ещё шаг и собственные ладони легли поверх прохладной ткани.
Всё было напичкано барьерами, которые так трудно преодолеть, как будто ни разу не касался его.
Осторожно, словно боясь сломать, Наруто притронулся к ледяным пальцам. Саске впитал в себя весь холод этого места, став с ним одним целым.
Нужно было согреть, не отдавать.
Потому что угроза всё ещё висела над ним.
Над ними.
Сердце вновь забилось, но с какими-то нерешительными толчками, готовое в любой момент остановиться.
А потом Наруто всё-таки поднял глаза на лицо парня и встретился с задумчивым чёрным взглядом.

- Ты мёртв, - беззвучно прошелестели бледные губы.

***

Выпутаться из водорослей было очень трудно. Но в какой-то момент они просто вспыхнули и рассыпались пеплом, а потом в глаза ударил неживой белый свет. Саске потребовалась целая вечность, чтобы понять – огромная лампа над головой. А потом сознание померкло.
И вот теперь он проснулся.
И показалось, что это часть затянувшегося дня, но монотонный писк, какие-то трубочки и стоящий у кровати Наруто развеяли эту иллюзию.
Это просто сон.

- Ты мёртв, - спокойно сказал парень жестокому двойнику Узумаки, решившему явиться ради забавы.

- Саске? Я…я тут, - сдавленно проговорил он.

- Ты умер.

В горле было до омерзения сухо, и чувствовался яркий вкус лекарств. А ещё всё тело налилось слабостью, голова тихонько ныла. Было омерзительно и хотелось вновь провалиться в спасающий сон.
Только…если он уже спит, то как можно вернуться в другой кошмар?
От излишних мыслей всё заныло ещё сильнее.

- Исчезни, - поморщился Саске. – Тебя нет.

***

Наруто сжал руку Учихи, закусываю губу. Он его не узнаёт или что?

- Саске, я здесь, и я реален. Ты в больнице. Тебе сделали операцию.

Слова бились словно о невидимую преграду – Учиха морщился, отказывался открывать глаза. И Наруто надоело видеть, как его попытки достучаться до парня разлетаются сухим горохом. Решительно шагнув ближе, он как можно аккуратнее, чтобы ничего не зацепить, приблизил свое лицо к чужому.
Застыл.
Вдох. Выдох.
И быстро коснуться сжатых губ, снимая с них вкус лекарства и холода.
А потом также быстро отстраниться.

- Я не знаю, что ты себе выдумал, но реален и жив. И ты жив, Саске, - быстро затараторил Наруто, видя, что Учиха всё ещё упрямо делает вид, что веки приклеило клеем. – И ты будешь жить.

- Ты мёртв, - хрипло, тихо.

- Я жив. И ты поверишь в это. Со временем.

***

Горечь съедала изнутри. Вот он – живой Саске. Пусть и с перебинтованной головой, пусть и со всеми этими трубочками, приборами.
Живой.
Но не принимающий. Зависший где-то между своим бредом и реальностью, запутавшийся.
И больно от того, что никак не помочь ему поверить, не заставить.
Наруто тяжело и тихо простонал, пытаясь хоть этим унять невесёлые мысли. Саске не овощ. Саске видит, он его узнал. Он реагирует.

- Наруто.

Блондин резко встал, уставившись на возникшего будто из-под земли Орочимару.

- Что с ним? Почему…

- Тише, - предупреждающе шикнул мужчина. – Здесь нельзя кричать. Больные.

- Извините, - съёжился Узумаки, чувствуя себя последней истеричкой. – Саске думает, что я мёртв.

- К моему сожалению, вместе с опухолью мы не можем удалить его…проблемы с психикой. Давление пропало, но процесс восстановления…

- То есть он может не восстановиться полностью? – на одном дыхании протараторил Наруто.

- Он почти точно полностью не восстановится, - кивнул Орочимару. – Более того, нужно будет проходить обследования. Есть шанс повторного возникновения.

- Что с ним будет? – мёртвым голосом проговорил Наруто.

- Лечение, - пожал плечами Орочимару. – Реабилитация. Жизнь…

- Долгая?

Орочимару, поджав губы, выдохнул через нос. Он выглядел очень усталым, измученным и выжатым. В его глазах плескалась отрешённость, но он нашёл в себе силы, чтобы поговорить с загнанным в угол парнем.
Был ли это жест благой воли или же доктор действительно изменился, Наруто не знал.

- Ты не дашь ему пропасть, Наруто, - спокойно улыбнулся Орочимару. – А года…года это всего лишь цифры. Вам, на двоих, хватит.

***

Разговор с этим простым мальчиком с ужасно живыми лучистыми глазами…

Это не изменило его жизнь, не заставило ценить её больше, чем жизнь любого из пациентов. Лечат не людей, а болезни. Зачем же привязываться к этим кускам плоти?
Тем более, ненавидя себя, это сделать гораздо сложнее.
Орочимару отщелкнул окурок. Здесь, под разлапистой ивой на заднем дворе клиники, было холодно, но прохлада помогала справиться хотя бы с горячей головой. Требовалось немедленно найти хоть какой-то способ вновь затолкать эмоции и воспоминания за непроницаемую пелену отчуждённости. Ведь он не живёт, он просто делает свою работу.
Доживает.

- Переживаешь, что поступился своими принципами?

Этот голос Орочимару узнал бы из тысячи. Джирайя подошёл бесшумно, словно годы в том замшелом лесу научили крупного мужчину ступать легче зверя на охоте.

- Переживаю, что сделал это так легко, - усмехнулся мужчина, не оборачиваясь.

Видеть отшельника было необязательно, чтобы знать выражение его лица - спокойное, уравновешенное.

- Наверное, просто пришло время…

- Время никогда не придёт, Джирайя. – И я никогда не смогу простить тебя.

- Ты хотя бы винить себя перестал.

Повисла тишина, в которой каждый думал о своём. Как так получилось, что история двух посторонних парней таким хитрым образом переплелась с их жизнями, заставила выползти из своих укрытий, перестать прятаться за нагромождением из ненависти, обвинений и жалости к самим себе?

- Перестал, - облегчённо вздохнул Орочимару, откидываясь затылком на шершавую кору дерева. – Ты знаешь…

- Только не говори, что рад меня видеть, - усмехнулся отшельник.

Орочимару, пожав плечами, скупо улыбнулся:

- Сейчас не рад. Но…может, через месяц или два…я смогу хотя бы посмотреть тебе в глаза.

- Я буду ждать.

***

Саске сидел в просторной комнате. Здесь обычно отдыхали и на уютных диванах расположились те пациенты, которые могли самостоятельно выползать из своих палат.
Ползать самостоятельно Учиха начал недавно и подивился, как чертовски трудно заново учиться держать равновесие. Голова шла кругом, всё двоилось в глазах. Даже сейчас, спустя несколько дней после пробуждения, ему всё ещё невозможно было долго находиться в вертикальном положении.
Но лежать…лежать было невыносимо.
Взгляд то и дело убегал к высоким окнам, а сознание мечтало поскорее вырваться из этой клиники. Сбежать! Только вот сбежать не получилось бы.
И дело даже не в слабых ногах или руках.
Бежать было некуда.
Весь этот картонный мир с каждым днём наполнялся красками, голосами. Саске чувствовал, что постепенно просыпается от слишком долгого сна.
Это состояние…неразберихи. Что было сном, а что явью? Где кончилась его реальность и начался делирий?
Цунаде говорила, что он был вне себя, что в его голове что-то замкнуло и перенесло на другую частоту. Ну или как-то так более заумными словами, что часто используют психологи.
Наруто…
Он умер.
А здесь он живой.
Здесь он приходил навещать каждый день, сидел до позднего вечера, даже если Саске молчал. А молчал Учиха теперь часто. Говорили, что это связано с мозгом. Ему казалось, что он

говорит, а на самом деле даже губы не двигались. Обещали, что пройдёт.

- Саске, - позвал знакомый голос усевшегося напротив блондина.

Чёрные глаза больно обожгли лицо той же самой настороженностью, недоверием.

- Ты…

- Жив, - торопливо вставил Узумаки, укладывая руки на столешнице и борясь с диким желанием притронуться к пальцам брюнета.

«Больше прикосновений. Но осторожно, Узумаки», - советовала Цунаде.

- Как ты можешь быть живым, если ты умер у меня на руках?

- Я не умирал, - качнул головой Наруто.

- Заткнись, - поморщился Саске и притронулся пальцами ко лбу. Все эти процедуры, всё это лечение…разжижало мозг.

- Саске, тебе привиделось…

- Я…нет…не привиделось. Тебя закопали, Узумаки. Закопали!

- Ты пошёл на мои похороны? – вздёрнул брови Наруто, нервно усмехаясь. – Зачем? Сам же просил на твои не приходить.

Саске закрыл глаза, выдохнул. Если он сидит и разговаривает сам с собой, видя Наруто, то его хотя бы в дурку не заберут. Он в клинике, после операции, а здесь и не такое возможно.

- Тебя нет.

- Тебе так хочется в это верить?

Рука накрыла ладонь Учихи, согревая эту тонкую кожу, пропитанную болью.

- Ты умер.

- Саске, - пальцы сжались сильнее, заставляя его открыть глаза и посмотреть в упор. – Эта реальность наша. Я жив в ней. Разве призраки могут это?

Перегнувшись через небольшой стол, Наруто взял в руки подбородок парня и быстро прижался к его губам своими. Порывисто, так, как хотелось. Под всеми этими взглядами, на которые стало наплевать, как и тогда на ярмарке.
Учиха отстранился первым, отъехав на скрипнувшем стуле так стремительно, что его покачнуло. Обсидиановые глаза горели смесью непонятных эмоций.
А потом он медленно поднялся и, пошатываясь, попятился в сторону двери. Наруто встал следом, но идти за ним не решился, позволив Саске покинуть комнату.
«Не наседай, не дави», - советовала Цунаде.
Чтож…раз так…

***

- Ты опять пришёл, - прошипел Учиха.

Брюнет стоял у окна, сложив руки на груди и рассматривая пасторальный пейзаж заднего двора.

- Смирись.

Саске повернулся к нему. Повязку с головы сняли, и заметно укоротившиеся волосы забавно торчали в разные стороны. Удивительно, что в такой дорогой клинике не нашлось каждому пациенту по стилисту.
От этой мысли Наруто едва не усмехнулся, но слишком серьёзное бледное лицо Саске выбило из груди всякую нервозную радость.

- Подойди сюда, - тихо, жёстко.

Не ослушаешься.
Опустив свою сумку на заправленную кровать Учихи, Наруто приблизился. Под пристальным взглядом ноги сразу стали какими-то ватными, потому что в чёрных провалах не плескалось и капли радости, успокоения.

- Что? – как можно спокойнее спросил Наруто, а сердце ухало оглушающее.

Саске пошевелился, облокачиваясь спиной о стену и глядя на Узумаки сверху вниз.
От прикосновения холодной ладони к щеке всё в груди болезненно заныло, но Наруто приложил все свои силы, чтобы не отвести взгляд, не разорвать этот контакт.
Немой диалог.
Чуткие пальцы прошлись по лбу, по линии носа, знакомясь заново или же запоминая.

- Если ты призрак…

Подушечки проследили линии шрамов, и Наруто показалось, что во мгле взгляда Учихи что-то колыхнулось.

- То мне плевать…

Очертил контур губ, задел подбородок и опустил ладонь на плечо. Вторая рука легко опустилась на затылок парня, зарываясь в светлых лохмах.
Наруто дрожащее выдохнул. Он узнавал эти прикосновения, и все нити, связывающие их, начинали звенеть.
Собственнические, резкие и одновременно такие же плавные.

- Если я сошёл с ума, - Учиха приблизился, опуская лицо и едва ощутимо проводя носом по виску Наруто. Втянул в себя знакомый запах – смесь весеннего дождя и почему-то кофе. - То мне плевать.

- Саске…

Наруто хотел сказать, что он не призрак, что Учиха не сошёл с ума, а наоборот только-только начинает обретать разум, но его заткнули. Холодные губы скользнули по его собственным, всё-таки останавливая сердце и забирая дыхание.
Учиха вновь пил его жизнь этим поцелуем. Осторожно, не торопясь.
По капле.
А потом возвращал, позволяя целовать его в ответ. Мучительно осторожно, когда хотелось вцепиться в него, заставить поверить в эту реальность.
Жизнь, зависшая между двумя, едва раскачивающаяся на звенящей нити.
Как шарик из горного хрусталя, она перекатывается то к одному, то к другому. Но, если внезапно пропадёт один, то нити будет не за что держаться, а шарик, просто соскользнув, разобьётся.

***

Воспоминания…
Они приступами охватывали разум. Иногда это было больно. Иногда волнительно.
Избавиться от них не удастся ещё очень долго.
Наруто тяжело вздохнул, выпуская облачко пара. По утрам всё ещё ощущался натиск мороза…
Мысль уехать в старый домик Джирайи, который отшельник покинул, пришла внезапно. Честно сказать, старик променял свои многолетние сосны и травы не на цивилизацию, как он пытался объяснить Наруто, а на некоего психолога с янтарными глазами и дурным пристрастием к шоколаду.
Узумаки невольно улыбнулся, вспоминая, как забавно отнекивался от этих отношений Джирайя и как хитро подмигивала Цунаде.
Всё уже было решено.
Как и с его жизнью.
И Наруто действительно жил дальше, хотя в какой-то момент показалось, что не сможет…
Тень, выросшая слева так бесшумно, очень напугала парня и тот едва не отшатнулся. Но вот вздрогнуть всё же пришлось.

- Боишься?

- Да иди ты, - фыркнул Наруто, отворачиваясь. – Зачем подкрадываться?

- Меньше в облаках витать будешь.

Короткий взгляд на осунувшееся лицо:

- Ты знаешь, что это странно?

- Да.

- Тогда зачем мы это делаем?

- Я так захотел.

- Только поэтому?

- А тебе нужны другие причины?

- Нет…

- Или ты не хочешь?

- Хочу я всё.

- Всё?

Наруто, уткнувшись лбом в ладошку, печально выдохнул. Спорить с этим упрямым ослом было себе дороже – заведёт в такие словесные дебри, что не выберешься. А начнёшь барахтаться – запутаешься ещё больше, и собственные же ответы потянут на дно.
Благо хоть твердить что-то о смерти его, Узумаки, прекратил. И вроде бы как принял эту реальность, разобрался со своими разжиревшими на благодатной почве тараканами.
Этот мир был здесь. В этом мире Наруто жив.
Тот, другой, иллюзорный, остался картонкой где-то далеко в памяти. Осталось только закрасить его в чёрный цвет и забыть.

***

Небольшой отсек между вагонов для курящих встретил ярким солнечным светом, льющимся через окна, и лёгким запахом сигарет.
Прислонившись спиной к стене, Наруто наблюдал за Саске, пытаясь поймать в его движениях что-то неправильное. Привычка, навязанная пережитым диким страхом.

- Хватит пялиться, - коротко бросил Учиха, вновь зажимая между губ сигарету и продолжая смотреть в окно. – Если всё время бояться, то можно рехнуться, Наруто. Я-то знаю.

Брюнет ухмыльнулся, поворачиваясь к своему собеседнику:

- Я тебе не хрустальная ваза. Прекрати трястись.

- Это электричку трясёт, - буркнул Наруто, упрямо отворачиваясь и говоря себе не реагировать на пристальный взгляд.

«Угу, конечно», - мысленно усмехнулся Саске. Солнечные блики в светлых волосах Наруто, которые давно нужно было подстричь, превращали некоторые пряди в золотую проволоку. Она блестела особенно ярко и завораживала своими переливами.
Странное старое желание увидеть именно это. Оно обдало всё тело теплом, и Саске невольно ругнулся мысленно. Что за херня, Учиха? Тебе пересадили мозг пятнадцатилетней девчонки.

- Хватит пялиться, - в тон ему отозвался Наруто.

- Я изучаю.

- Изучаешь что? – вздёрнул светлые брови парень и всё-таки повернулся к нему. Выдержать такой взгляд было просто невозможно.

Вместо ответа Саске, потушив сигарету о стену, отбросил бычок. Он быстро ухватил Наруто за руку и дёрнул на себя. Узумаки сначала хотел отстраниться, но потом как-то забыл обо всём, уткнувшись носом в нагретую солнцем чёрную кожанку Учихи.
Тёплая, пахнущая сигаретами и…лекарствами.

- Своего призрака.

«The end is where…
…broken hearts mend
And start to beat again
The end is where we begin».

«Где склеивают разбитые сердца
И заставляют их биться снова».

Осколки. Глава 1. Осторожнее, не порежься

Часть третья.
Осколки.
Глава 1.

«Снова совладать с собой
Ты стремишься вновь и вновь
Всё равно это мгновений вопрос.
В верном курсе жизни сбой
Впрыснутый когда-то в кровь
Как на дно каравеллу ведёт ржавый трос.

Осторожнее, не порежься
Об края острых осколков
Моей вечной лжи.
Всё тревожнее бьётся сердце,
Прячась в потёмках
Твоей безнадёжной души
Бедной души
Чистой души».

Холодный лесной домик уже успел остыть за время, которое Джирайя в нём отсутствовал. Так часто бывает: когда теряешь свою привычную часть, плоть остывает, и костяк начинает медленно покрываться инеем.

- Тебе холодно? - тихо спросил Наруто, вглядываясь в темноту перед собой, в тщетной попытке разглядеть чёрные глаза. Увы, зрение ловило лишь едва заметный силуэт тонкого тела, усевшегося на подоконнике.

- Нет. С чего взял? - тихо отозвался Саске.

Разговаривать с ним после всего случившегося было непривычно. Трудно поверить, что всё прошло и на душе вместо камня остался лишь его след. Но он вскоре выровняется, и всё наладится.
В это хотелось верить.

- Ты дрожишь, - также едва слышно отозвался Наруто.

И хотя они были в доме одни, отчего-то хотелось шептать, словно бы кто-то мог услышать, прийти и нарушить хрупкое спокойствие между этими двумя.

- Наверное, - как-то безразлично отозвался Саске, укладывая голову подбородком на согнутом колене.

Вздохнув, Наруто медленно поднялся, ёжась от лёгкой прохлады, что заполнила оставленное жилище лесного отшельника.
Не смотря на всё случившееся между ними, теперь всё было… иначе.
Саске - вот он и никуда не уходит, не прогоняет.
Наруто постепенно начинал привыкать к тому, что брюнет всё чаще и чаще отвечает на его слова не агрессией, а едва заметной улыбкой. Иногда даже получалось разговаривать чуть больше десяти минут…
Узумаки не спешил. Он понимал, что Саске надо привыкнуть к этому миру, что в его голове ещё не всё встало на свои места.
Рука блондина осторожно зависла над сгорбленной белой спиной, и, резко выдохнув, Наруто опустил ладонь на лопатку парня. Внутри сразу всё оборвалось, словно он прыгнул в пропасть без дна.
Саске медленно повернул голову в его сторону, и чёрные глаза поймали синеватый отблеск луны, заглядывающей в окно.
Выпрямившись, Учиха внезапно потянулся к Наруто всем телом и как-то нервно зацепился руками за смуглую шею.
Холодные губы накрыли губы Узумаки.
Замёрз.
Медленно, словно боясь, что от его собственного тепла этот Саске, сделанный из тонкого льда, разлетится осколками, Наруто касался его губ, ощупывал кончиками пальцев

заострившееся лицо, осторожно гладил взъерошенные короткие волосы.
Не поцелуй, а рваные всполохи пламени свечи, на которую дует едва заметный сквозняк. Она может погаснуть в любой момент, а может и загореться уверенным огоньком в окружающей ледяной тьме.
И станет не так страшно, что вместо янтарного тепла останется лишь одинокий сизый дымок.
Отстранившись, Саске неожиданно грустно улыбнулся:

- Оно того стоило, Наруто?

Блондин вздрогнул. Имя, которое сопровождало его всю жизнь, с этих искусанных губ звучало совершенно иначе. Даже не так, как несколько месяцев назад.
Иногда было страшно, что это не тот Учиха, за которого был готов умереть, за которого был готов убить…
Но потом понимал - тот. Ничего не изменилось, просто… просто…
Вместо ответа Наруто прильнул ближе, обвивая холодный торс руками и зарываясь лицом в сгиб плеча. Алебастровая кожа под губами на удивление не пошла мелкими трещинами, но Саске как-то странно вздохнул, и его пальцы едва царапнули спину Наруто.
Ключица, бьющаяся жилка, упрямый подбородок, уголки губ - всё осталось прежним. Даже эти невыносимые глаза смотрят по-прежнему.
Ничего не изменилось.
Но ничего уже не будет так, как прежде.
Саске повернулся к Наруто лицом, заставив парня отстраниться на некоторое время. А затем длинные ноги легко обвили его бёдра, прижимая к себе ближе, и губы в очередной раз наугад впились куда-то в скулу. Учиха до сих пор плохо видел, а уж в темноте был и вовсе слеп. Наруто, улыбнувшись в висок и спокойно выдохнув, потянул парня за руку. На подоконнике сквозь рассохшиеся рамы хорошенько сквозило, но Саске упрямо взбирался туда, словно бы вознамериваясь поскорее подцепить простуду.
Или же застудить почки.
Узумаки мысленно усмехнулся, понимая насколько

осторожным стал. Это и не удивительно: любой бы на его месте превратился в параноика.
Хотя не любой бы на этом месте оказался бы.

- Куда ты меня тащишь? - слегка ворчливо спросил Учиха, но всё же послушно последовал за блондином.

- Спать.

- Я не хочу.

Рука в ладони напряглась, и брюнет попытался вытащить свою конечность из несильной хватки. Чисто из упрямства.

- Уже почти утро. Нужно спать.

- Узумаки…хватит нянчиться.

Фыркнув, Наруто забрался в кровать, накрывшись пледом с головой. Он подумал даже отвернуться от брюнета, но в следующий момент тот с тяжёлым вздохом опустился рядом, нагло забираясь под тот же самый плед и стягивая на себя большую половину.

- Оборзел? - прошипел Наруто, цепляясь за край ткани.

- Заткнись и давай спать.

- У тебя есть своя кровать, между прочим, - недовольно пробубнил Наруто, придвигаясь ближе, чтобы пледа хватило обоим.

- Мне уйти?

- Заткнись и спи, - в тон Учихе отозвался Наруто.

***

Холодные руки на удивление умели хорошо греть, а во сне Саске казался практически обычным человеком. Уставшим за

день, вымотанным и истощённым. Но живым и готовым проснуться с началом нового дня.
Наруто, приоткрыв глаза, осторожно выдохнул, и от его дыхания упавшие на лицо спящего тёмные прядки слегка зашевелились, соскальзывая ниже.
В бессоннице есть свои плюсы: можно вот так наблюдать за Учихой, когда он не пытается отгородиться истончившейся стеной из тонкого металла. Хотя в последнее время Саске почти забыл о существовании оной.
Наруто нервно облизнулся, понимая, что мыслит как какая-то глупая четырнадцатилетняя девочка. Да, сердце приятно ёкает каждый раз, когда Учиха берёт за руку, да за рёбрами приятно щемит, когда ночью он придвигается ближе, то ли замёрзнув, то ли ища за что зацепиться.
Но это не повод…
И бессонница не из-за внезапно взбурливших в теле гормонов.
Наруто, прикрыв глаза, как можно тише выпустил из лёгких воздух и попытался набрать в него чуть больше, но не вышло. Казалось, что на грудь давило, хотя рука Саске была практически невесомой. На пути воздуха стояло что-то странное, обо что он спотыкался, и сердце делало один мощный толчок вхолостую, от которого по телу пробегала холодная дрожь.
И вот опять.
Осторожно сев, переложил руку Учихи на подушку и также тихо перелез через него, стараясь не зацепить. Старая кровать на удивление даже не скрипнула, хотя иногда издавала такие протяжные стоны, что кровь в жилах леденела и сразу вспоминались все истории про призраков.
Ступая босыми ногами по холодным половицам, Узумаки вышел в коридор и прикрыл за собой дверь. Пришлось замереть по ту её сторону, переводя дыхание и ощупывая покрывшийся холодными капельками лоб. В ногах засела странная вялость и острое покалывание, словно на полу рассыпали разбитый лёд.
До кухни Наруто добрался, опираясь на стенку и изо всех сил цепляясь за неё пальцами. Когда впереди показался горящий оранжевым дверной проём, Узумаки буквально ввалился туда, толкнув стеклянную дверь так сильно, что та печально звякнула.

- Чёрт, - ругнулся парень через зубы, надеясь, что Саске спит достаточно крепко для такого грохота. Замерев посреди комнаты и вслушиваясь в звуки ночного дома, блондин пришёл к выводу, что его не услышали, и медленно двинулся к полке с травами Джирайи.

Мужчина, покидая дом, забрал половину своих настоек, но кое-какие лекарства всё-таки оставил. А позже приезжала Цунаде и впихнула Узумаки целую аптечку и ещё пару пакетов со всевозможными таблетками, о необходимости которых Саске благополучно забыл.
Взгляд, путаясь в почти стёршихся и выцветших названиях, бежал по различным склянкам. Некоторые из них были пустыми, другие же даже не распакованы.
Наруто не знал, что нужно пить в таких случаях. Он не знал, что именно с ним происходит. Понять, что творится с обезумевшим сердцем, спрятанным за рёбрами, иной раз было сложнее, нежели понять, что творилось с собственными чувствами. Сердце то ли разгонялось, то ли слишком тормозило, иногда судорожно ударяясь о грудную клетку. Нервно облизнув губы, Наруто всё-таки схватил флакон излюбленного бабушками корвалола и, отпрянув от ящика, подцепил со стола простую железную кружку.
Если верить собственным ощущениям, то иногда ему становилось лучше. Только вот бессонница никак не желала уходить, сменяясь липкой тревогой, подбрасывающей ночью на кровати так сильно, что приходилось пару минут ловить собственное же дыхание.
Двадцать капель должно было хватить, думал Узумаки, тряся флаконом над кружкой с уже набранной ледяной водой. Выдохнув, осушил залпом и поморщился от горечи, сковавшей судорогой горло. Резкий холод разлился на языке, дыхание стало пахнуть этими треклятыми каплями и пришлось выглушить ещё две кружки, чтобы заглушить лекарственный запах.
У всех есть свои секреты.
А секретов от любимых гораздо больше. Мы оберегаем их так рьяно, что иногда забываем, как сами обижаемся на недоговорки. Мы строим вокруг этих людей хрустальные замки, зачастую оборачивающиеся клетками, и верим, что так будет

лучше.
Наруто тоже верил.
А ещё он надеялся, что это всего лишь нервы. Ведь пережито было многое. Пляски на краю бездны бесследно не проходят. Отставив от себя кружку, Наруто выпрямился и вытер влажные губы. Запах лекарства практически рассеялся, но осталось что-то другое: вязкое, неприятно переплетающееся где-то под рёбрами. Это даже не боль и не спазм. Трудно дать имя тому, с чем сталкиваешься впервые.

- Не спится?

Конечно, Саске проснулся. Он не мог быть настолько глухим, чтобы не услышать хлопка двери или того, как Наруто скрипел дверцами шкафа, разыскивая хоть что-то.
Тогда почему не пришёл сразу?

- Воды захотелось, - вяло улыбнулся Наруто, поворачиваясь к застывшему в дверном проёме парню. В свете натужно горящей жёлтой лампы короткие волосы Саске отливали тёмной медью, а глаза казались матовыми. Истлевшее тело ещё не успело восстановиться, да и вряд ли когда-нибудь смоет с себя эти невидимые следы, печати объятий Смерти.

Их не видно, но их можно почувствовать. Лёгкий холодок, пробегающий по запястьям, когда прикасаешься, учащающийся пульс, когда целуешь.

- Вместо лимона корвалол? - вздёрнул брови Саске, кивая на забытый на столе пузырёк. - В чём дело, Наруто?

Усмехнувшись и поразившись тому, что Учиха бывает не в меру зрячим в совершенно ненужные моменты, блондин подошёл ближе.
Саске, с трудом различающий перед собой черты лица парня, прищурился, желая хотя бы силуэт его разглядеть, но всё тщетно. Чёртовы очки он забыл в спальне, по привычки вскочив с кровати, услышав какие-то звуки из кухни. Нервы всё ещё шалили, душа не могла привыкнуть к тому, что все разом потеряли к ним интерес и можно просто жить.

Жить. В кои-то веки.

- Говорят, он помогает заснуть.

Врёт. Узумаки никогда не умел врать, да и не обманывал никогда, поэтому в тихом голосе скользило что-то настолько острое и зазубренное, что цепляло за душу и вытягивало из неё нити, делая узор растрёпанным и некрасивым.

- Заснуть, - задумчиво повторил Саске и почувствовал, как на голое плечо легла рука. Неуверенно, едва ощутимо. Наруто до сих пор боялся прикасаться к нему, как и Саске боялся, что в какой-то момент не почувствует прикосновения.

Страх стал фундаментом, корнем. А вверх тянулись тонкие, сгибающиеся под ветром реальности, веточки. Чёрные, без листьев, без цветов.
Только такие и могут выжить в этом поле, усеянном камнями, булыжниками и осколками.

- Саске…всё хорошо.

- Не верю.

- Всего неделю назад ты считал меня призраком, - усмехнулся Наруто, стараясь сгладить острые углы их разговора. - А месяц назад…

- Не надо, - тихо попросил Учиха, сжимая руку парня на своём плече. - Я прекрасно помню, что было месяц назад и без тебя.

Чёрные глаза, пусть и не различая ничего перед собой, посмотрели пронизывающе, и Наруто показалось, будто бы скрыться не получится. Его вновь видели насквозь, вновь рёбра были не костями, а рисовой бумагой: прозрачной и тонкой, за которой ничего не скроешь.

- Я хочу знать, что происходит сейчас?

- Я просто встал попить воды, - с нажимом произнёс Наруто,

улыбаясь. - Всего лишь. Или теперь ты будешь нянчиться со мной?

- Иди нахер, Узумаки, - поморщился Саске. - Я с тобой не нянькаюсь. Я спрашиваю: какого хера с тобой творится?

- Мой друг едва не умер, слетел с катушек, я сам едва не был убит его отцом, - начал перечислять Наруто, видя, как лицо Саске медленно превращается в маску. - Это нервы. Просто нервы. Из-за них бессонница…

Вместо слов, в которые оба уже давно не верили, Саске опустил свою руку на грудь блондина. Под пальцами смуглая кожа показалась ещё теплее.
Вряд ли Учиха мог по биению сердца понять, говорит ли Наруто правду, вряд ли Саске мог узнать, болит ли чужое сердце, лишь прикоснувшись. Но Узумаки всё равно почувствовал напряжение, скользнувшее вверх по позвоночнику. Скрывать что-либо от этих проницательных глаз, иногда смотрящих слишком дерзко, было просто невозможно. А сейчас…Наруто не знал, как себя вести.
Он вообще не знал, как быть, каким быть рядом с тем Учихой, который несколько недель назад приехал вместе с ним в дом Джирайи. Стоило ли как и прежде оставаться напряжённым, нужно ли было следить за каждым своим словом, действием? Вроде бы Учиха остался прежним, но всё-таки в нём неумолимо что-то изменилось, обросло новыми гранями и теперь нужно было понять: достаточно ли они острые, чтобы порезать. Или же по ним можно безопасно скользить пальцами и кожа останется целой?
Потянувшись вперёд, Наруто зацепился за губы брюнета, осторожно скользя по ним своими.
Саске ответил не сразу. За всё время он успел отвыкнуть от таких прикосновений, и сейчас всё произошедшее с ними ранее казалось слишком затянувшимся сном. Ладонь легла на тёплую щёку Узумаки, большой палец подушечкой прочертил по неровности шрамов и губы Саске ответили, как и ответил он сам. Прижался ближе, обнял крепче, впиваясь пальцами в лопатки. Губы ткнулись в сгиб шеи, а затем Учиха шумно выдохнул.

- Мне странно, - тихо и глухо сказал он.

- Что? - неуверенно подал голос Наруто. Он давно не чувствовал этого человека так близко. От Саске исходил самый приятный в мире холод, хотя иногда от него становилось слишком больно и казалось, будто бы сцепленное ледяной корочкой сердце уже не забьётся вновь.

Сердце. Оно поразительно успокаивалось.

- Я не знаю…я ничего не знаю, темэ.

Наруто молчал, не рискуя вмешиваться. За все те дни и недели, проведённые под одной крышей, они вряд ли и ста слов сказали друг другу. Молчание стало лучшим спутником, а тишина самой приятной музыкой. Уставшие тела, истерзанные разумы и обратившиеся в колючий бурьян чувства требовали времени.
Время и было всем тем, что у них осталось.
Саске тяжело вздохнул, закрывая бесполезные глаза. Он не знал…он не верил и не мог понять, где правда, а где тот затянувшийся кошмарный сон. Вроде бы всё уже прошло, вроде бы мозг потихоньку начал воспринимать реальность не в искажённом её виде, но иногда…
Иногда Учихе мерещилось, что теней слишком много, что затылок странно ноет. И тогда рука тянулась к голове, ощупывала короткие волосы, натыкалась на линию шрама и замирила. Он застывал, превращаясь в кладбищенскую статую, горюющую над закопанными в землю костями прошлого.

- Давай… - сбивчиво проговорил Наруто. - Давай пойдём спать, м? Уже поздно…и…

Вздох застрял в груди Наруто, а Саске напрягся раньше, чем Узумаки успел понять, что опять наступил на старые грабли. Сказал глупость.
Руки скользнули по спине, как-то бессильно опускаясь, брюнет, выдохнув, отошёл на шаг назад, смотря перед собой. Совершенно потерянные глаза, смотрящие в пустоту, которая

давно поселилась за зрачками.

- Спать, - отстранённо кивнул Учиха. - Доброй ночи.

- Саске, ты не понял…

Но было уже поздно. Махнув рукой на прощание, Саске развернулся и, как-то разом ссутулившись, направился в сторону коридора. Темнота постепенно скрыла, сожрала тонкий белый силуэт, а Наруто стоял посреди комнаты, не зная куда деть себя. От осознания собственной глупости нутро расползалось горячими лоскутами, а ноги наоборот холодели. Прикусив губу, он низко опустил голову.
Всё казалось песком, медленно ускользающим сквозь пальцы. А потом послышался хлопок двери, и Узумаки, сорвавшись с места, рванул в сторону их комнаты, твёрдо намереваясь объяснить Учихе всё, чтобы больше не было таких невысказанных обид, недопонимания. Толкнув дверь, он выпалил:

- Саске, я не то имел в виду!

И осёкся, замерев. Кровать была пуста, как и подоконник. Значит…

***

В этой комнате Учиха бывал редко. С самого их приезда пришлось выбрать какую-то одну из коморок Джирайи, чтобы коротать прохладные ночи. Словно на улице не лето было, а середина осени.
Прислонившись спиной к тонкой фанерной двери, Саске смотрел перед собой и понимал: его охватывает страх.
Жить, зная, что завтра может не быть, оказалось на проверку легче, чем знать, будто бы будет и завтра, и послезавтра…
Он разучился. Разучился спокойно дышать, спокойно разговаривать, спокойно…чувствовать.
Любить?
Слово, произнесённое даже мысленно, больно резануло по сердцу, оставляя очередной рубец.

Руки мелко дрожали, хотя причин не было. Разве что холод здесь действительно был намного сильнее, нежели в других комнатах. Поднеся пальцы к губам, Учиха подышал на них, но легче не стало.
Наруто действительно был с ним до конца. До того самого треклятого конца, когда всё в один миг закончилось, перевалив за черту, перестав существовать. Тогда Саске практически умер, и Узумаки исполнил своё упрямое обещание быть рядом.
До конца.
До последней капли.
И теперь…а теперь они ничем не связаны.
Руки сжались в кулаки, короткие ногти впились в ладонь, опаляя кожу лёгкой болью.
Никаких нитей, что связывали раньше, никакого страха показаться трусом, который даже за свои слова не может быть в ответе. Наруто выполнил свой долг перед ним, перед собственной совестью и теперь волен…
…Волен идти куда угодно.
Мысли вспыхнули в голове ярко-жёлтым огнём, заставив вскинуть глаза на синий проём окна, в который едва слышно стучались голые ветви тонкого дерева.
Всё закончилось, Учиха. Смирись. Ваша история была жива, пока она была завязана на чьей-то жизни, а теперь эта такая же паршивая страница в книге Судеб, как и миллионы других. Только извращена она странными желаниями, которые не принимают в обществе.
Больше ничего нет.
Обхватив себя руками, Саске на ватных ногах прошёл к кровати и опустился на неё, чувствуя себя если не психом, то где-то близко. Сознание вновь дробилось на осколки, только теперь уже без боли, а с какой-то отупляющей апатией и омерзительной готовностью принять новый виток судьбы.
Наруто, добланный Узумаки может теперь валить на все четыре стороны и никто, даже Саске, не сможет упрекнуть его в этом. Ведь…
Жизнь блондина продолжается. В институте можно восстановиться, работу найти. А что может сделать бывший больной, у которого за плечами только история болезни и справка о прохождении лечения в психиатрической больнице? Какие шансы выжить, какие шансы подстроиться под это

общество и стать его частью?
Какие шансы остаться рядом с тем, кого раньше гнал?
Никаких.
Рухнув на кровать, терпко пахнущую пылью и сыростью, Саске подогнул колени к груди, продолжая обхватывать себя руками.
Холод был уже не только снаружи, но и внутри.
Он столько времени провёл с этой дрянью в голове, что почти забыл, каким был до этого. Забыл, какие эмоции позволять себе можно, а какие нужно гнать от себя.
Поэтому сейчас он просто закрыл глаза, позволяя чувствам свалиться на него мощным водопадом.

***

- Вы знаете, - доверительно проговорил коренастый мужчина, что сидел напротив Цунаде и слегка покачивался. Взгляд его, слегка затуманенный, скользил по комнате, будто бы несчастный видел что-то, чего не видела женщина.

- Я вас слушаю, - терпеливо выдохнула она. Шариковая ручка постукивала по пустой страницы блокнота, взгляд её был привычно спокойным, как того требовал сеанс, а на губах едва заметная улыбка, которую можно принять и за сочувствующую и за ободряющую.

- Я никогда прежде не видел таких снов, - продолжил господин Янг. - Я всегда…спал так, будто бы…в черноту нырнул. Ну…вы понимаете?

- Конечно.

- У вас были такие сны?

Взгляд господина Янга стал внезапно осмысленным и острым, когда он зыркнул на Цунаде.

- У всех бывают такие сны, господин Янг, - мягко сообщила женщина. - Вас волнуют только они?

- О, нет! Что вы! - рассеянно махнул он рукой. - С моего первого

визита к вам я сплю, как младенец.

- Хм, - склонила голову Цунаде, - Тогда что же волнует вас на этот раз?

- Понимаете…я вроде бы и проснулся, - Янг нервно облизнул губы и вновь скользнул взглядом по дальнему углу кабинета. - Но до сих пор вижу сон.

- Сон? - нахмурилась психолог, делая первую пометку в блокноте: галлюцинации.

- Да-да. Сон. Я вижу что-то…но, если это побочные эффекты от того чая, что мне дали здесь, то я готов их терпеть. Я никогда прежде не спал так хорошо…

Улыбка пропала с губ женщины, а взгляд резко вперился в господина Янга.

- Чай?

- Ну да…он ещё пах так хорошо. Знаете…

- Кто вам его дал? - перебила Цунаде, поднимая руку.

Господин Янг даже осёкся от столь резкой перемены в своём психологе. Из расслабленной и понимающей женщины она в мгновение ока обратилась в приготовившуюся к удару кобру.

- В-ваш коллега…

- Коллега, значит, - нехорошо усмехнулась она. - Одну минутку.

- Джирайя! - выпалила Цунаде, разъярённым вихрем вырываясь из своего кабинета. Приёмы она начала устраивать дома, когда начались проблемы с арендой городского здания, но это ничуть её не огорчило. Так было даже удобнее.

Проносясь по коридору, она резко замерла у распахнутых дверей кухни.

Отшельник стоял у стола и заваривал…чай.

- Джирайя, - рычаще выдохнула Цунаде.

- Вы уже закончили, а я вот…

Она не дала договорить, влетев в комнатку фурией. Остановилась напротив, буравя взглядом, а рука схватила со стола мешочек с травами.

- Значит, чай.

- Ну…чай, - рассеянно кивнул мужчина.

- Ты его дал моему клиенту?

Глаза её опасно прищурились, пышная грудь тяжело вздымалась, несколько прядок выбилось из заколотых волос. Цунаде была прекрасна даже в гневе, и Джирайя бы засмотрелся на неё, не опасаясь так за собственное здоровье.

- Какому?

- Их было несколько?!

- Н-нет…

Цунаде приблизилась, укладывая свою ладонь на широкую грудь отшельника. Её губы растянулись в слишком ласковой улыбке, и Джирайи показалось, что за ними скрыты ядовитые клыки. А затем палец психолога больно тыкнул в грудь.

- Не ври мне, Джирайя, - проворковала Цунаде. - Господин Янг страдает сильной формой бессонницы.

- Да, - кивнул мужчина, отходя на шаг назад, но Цунаде двинулась следом. - Он пожаловался мне…

- И ты дал ему свой чай?

- Не совсем…

- Джирайя.

А вот это было почти угрожающе.

- Хорошо, хорошо, - пошёл на мировую отшельник. - Я дал ему немного трав. Они помогли?

- Помогли.

- Тогда почему ты злишься?

Палец намеривался в очередной раз довольно чувствительно упереться ему в грудь, но на этот раз Джирайя перехватил тонкое запястье женщины и успокаивающе улыбнулся:

- Если ему помог мой сбор, то…

- У него галлюцинации, олух! - возопила Цунаде. - Понимаешь?! Галлюцинации!

- Хм, - отвёл взгляд Джирайя. - Наверное я нечаянно смешал сборы.

Цунаде тихо, но весьма отчётливо зарычала.

- Но ему же помогло! - пытаясь хоть как-то оправдать свой поступок, сказал Джирайя. - Он уснул!

- Я убью тебя, отшельник. Честное слово, убью!

- Но-но! Давай без насилия.

- Ах, без насилия?!

Наверное, Цунаде всё-таки прикончила бы его прямо на месте, но в этот момент Судьба сжалилась над отшельником, и по комнате разлилась писклявая мелодия телефона.
Но Цунаде не двинулась с места, продолжая пилить Джирайю

тяжёлым взглядом и впиваться пальцами в грудь, словно бы хотела добраться до сердца и сжать. Мужчина тряхнул головой, прогоняя эти кровожадные мысли и кивнул на разрывающийся телефон:

- Отвечать будем?

Шипяще выдохнув, Цунаде всё же отступила в сторону, раздражённо срывая трубку с аппарата.

- Да? - выпалила она жёстко, но тут же её лицо разгладилось и Цунаде бросила взгляд на Джирайю. - А, Наруто…

Отшельник, моментально забыв про прекрасную ярость своей «коллеги», внимательно вгляделся в её лицо.

- Да, Джирайя рядом. Сейчас.

Протянув ему трубку, Цунаде погрозила пальцем:

- Разговор ещё не закончен. Учти.

С этими словами она развернулась и стремительно покинула комнату. Послышался хлопок двери её кабинета, и только тогда Джирайя прижал трубку к уху.

- Привет, Наруто.

- Привет, - отозвались на том конце провода. - Как вы там?

Взгляд отшельника в очередной раз скользнул по коридору до закрывшейся двери кабинета психолога.

- Чуть не подвергся физическому насилию, - усмехнулся он. - А вы?

- Насилию, - озадаченно повторил Узумаки, и голос его показался непонимающим, но затем парень прокашлялся и резко выпалил: - Мне нужно с тобой увидеться.

- Что-то случилось? - моментально насторожился Джирайя.

- Ну…и да, и нет. Я не знаю.

- Это связано с Саске.

Волнение стало ещё сильнее.

- Со мной.

***

Маленькая комнатка, выполняющая в доме лесного отшельника роль кухни, была единственным местом, куда не попадал солнечный свет. Наруто ещё в первые дни их переезда заклеил стёкла здесь газетами, чтобы глаза Саске не болели ещё сильнее. Брюнет тогда усмехался на все попытки Узумаки сделать всё как можно более пригодным к жилью, но молчаливо терпел: и компрессы, от которых веки переставало жечь, и уколы, позволяющие мышцам тела прекратить обращаться в камень.
Боль от судорог стала привычной.

- Ты, - неуверенно начал Наруто, глядя перед собой на уставившегося в чашку с кофе Саске. - В город не хочешь?

- Соскучился по цивилизации? - монотонно спросил Учиха, не поднимая глаз.

- Я говорил с родителями, но отец хочет встретиться лично.

- Зачем?

- Наверное, опять будет убеждать, что…

- Что ты извращенец, и это не лучшая жизнь для их любимого чада? - хмуро усмехнулся Саске и всё-таки взглянул на блондина.

- Пусть и так, - безразлично пожал плечами тот. - Я уже выбрал,

как мне жить.

- И как же?

Чёрные брови приподнялись, Саске едва заметно улыбнулся. Только вот улыбка была пустой.

- С тобой. Здесь.

- Какие мы решительные.

Хмыкнув в кружку, Наруто отставил её и, вздохнув, всё же спросил:

- В чём дело, Саске?

- Всё хорошо.

Он опустил голову, уткнувшись подбородком в согнутое колено. Учихе очень не хватало своих волос, которыми можно было раньше закрыть глаза, а значит и эмоции.

- Теперь ты избегаешь меня, - напомнил Наруто и поднялся из-за стола. Аппетит пропал совершенно. Осточертевшая стена между ними покрывалась льдом обыденности, но вряд ли это волновало Узумаки. Он ведь и хотел спокойно остаться с Саске, куда бы их не закинул случай. Чем плох домик Джирайи?

На запястье сомкнулись холодные пальцы, удерживая на месте.

- Ты поедешь в город.

- Ну…придётся. Иначе родители приедут сюда, - невесело усмехнулся Наруто, но на Саске глядеть стал с некоторой опаской.

- И не вернёшься.

Язык ошпарило кипятком от одних лишь этих слов, и Саске закрыл глаза. Он сказал это, и всё словно бы в пропасть

рухнуло.

- Вернусь. С чего ты взял?

- Теперь…теперь у тебя нет твоего обещания.

- Саске?

Но пальцы уже разжались, и брюнет вновь сложил руки на столе перед собой, немигающим взглядом буравя кружку. Это было похоже на паранойю, на отравляющий страх, что своими побегами пробирается всё глубже и глубже в душу, комкает её, перетягивает и превращает в исполосованное ядовитыми нарывами нечто. Каждое слово больно бьёт по сознанию, высекая искры в черепе.
Наруто смотрел на друга и с трудом мог прочитать эмоции на этом застывшем лице. Раньше было легче. Раньше, когда Саске не терзал себя глупыми мыслями, а сразу бил. Так было понятнее и можно было ударить в ответ. Не то, чтобы Наруто скучал по их потасовкам, но сейчас очень уж хотелось настучать Учихе по голове. Ради профилактики.
Вздохнув, Наруто подошёл ближе, останавливаясь сбоку от парня и пристально вглядываясь в растрёпанную макушку. Отросшие волосы торчали, как чёрные иглы, и Узумаки потянулся к ним, проводя рукой и не боясь пораниться.

- Я никуда не уйду.

Саске, мысленно выругавшись, дёрнул головой, но рука Наруто никуда не делась. Тогда он повернулся, перехватывая её и убирая в сторону. Эти прикосновения должны были успокоить его, а на деле растеребили волнение ещё сильнее.
«Идиотизм», - прошипел внутренний голос, когда его обладатель медленно поднялся и отстранил Узумаки к стене. Тот не стал спорить, лишь подбородок упрямо вздёрнул, как делал каждый раз, чувствуя что-то вроде смущения. Наверное, подсознательно Наруто хотел казаться выше, хотя они были практически одинакового роста, строже и сильнее, но рядом с Саске это не всегда получалось. Тот умел давить своей аурой, заставляя верить, что так оно и должно быть.

- Ты никуда не поедешь, - тихо заявил Саске. Он долго вглядывался в лучистые глаза, что вновь обрели цвет, ища за радужкой ответ на мучающий его вопрос. Но не находил.

Пальцы вновь прошли по едва заметным шрамам на щеке Узумаки, и подушечки обожгло болью, словно бы это его руки искромсаны до кости.

- С чего бы это? - фыркнул Наруто.

- Я не хочу.

Тяжёлый вздох, и вихрастая голова уткнулась Саске в грудь, руки Узумаки собрали тёмную ткань футболки в горсть, комкая и притягивая парня ближе.
Наруто вдыхал запах человека, который вновь поражал его своей упрямостью и горькой глупостью. Вдыхал и не мог надышаться, словно бы эта едва тёплая футболка, чуть вздымающаяся грудь вот-вот пропадут.
Но ведь Саске не может пропасть?
Всё хорошо, он остался. А все те таблетки…подумаешь.
Но отчего на душе было так тоскливо, словно бы они вновь прощались, но теперь уже навсегда?

- Поехали со мной, - глухо пробормотал Наруто и только тогда решился поднять лицо на парня. - Подождёшь меня снаружи, пока я буду разговаривать с родителями. А потом вернёмся сюда.

- Я буду лишним, - скривился Саске.

- С каких пор тебя это волнует? - попытался отшутиться Наруто, но улыбка так и не получилась.

- Меня не волнует.

Саске теперь старался смотреть на стену за спиной Наруто, но тот, поймав его лицо в ладони, заставил всё же ответить на взгляд.

- Я вернусь.

Конечно, можно было пошутить на тему «Учиха боится», но шутить не хотелось. Наруто прекрасно знал, что сейчас опасно перегибать палку. Поэтому просто потянулся к нему.
Комната сузилась до игольного ушка, когда брюнет почувствовал тепло на своих губах. Опущенные руки дрогнули и всё же осторожно легли на плечи Наруто, ладонями прижимаясь так близко, будто бы желая впитать воспоминания о тепле чужого тела.
Наруто понял, что Саске…его Саске изменился, когда он поцеловал так спокойно, медленно. Когда его губы не пытались терзать, а пальцы не вжимались в кожу до боли. За рёбрами протяжно и сладко заныло, принося что-то иное, нежели банальное желание этого тела.
Саске зарылся пальцами в жёсткие волосы. Они словно бы напитались солнцем и приятно грели вечно холодную кожу. Срывать дыхание с чужих губ было приятно, а затем лишать возможности дышать, приникая ближе. Словно бы не поцелуй, а вялая борьба за право жить дальше. И здесь не будет побеждённых или победителей. Здесь все равны, хотя губы Наруто цепляются сильнее, огонь начинает опалять, но пока ещё не ранит.
Саске ждал, когда же пламя испепелит его полностью, но оно медлило, слабым лепестком свечи скользя по раскрытым губам.

- Я правда вернусь, - шепчет Наруто в губы, отрываясь лишь на миг, а затем вновь прижимаясь и позволяя продлиться этому молчаливому поединку.

«Ты проиграешь, Саске», - гудит в голове, и Учиха отстраняется, проводя напоследок носом по щеке блондина, задевая короткие волоски на виске и выдыхая щекочуще.
«Ты проиграешь», - бьёт осознание набатом.
Саске смотрит прямо. В глазах цвета червлёного серебра блестит что-то, но Наруто никак не может разгадать эту эмоцию. Он просто смотрит, позволяя темноте окутывать его прохладной шалью. Узумаки подходит ближе и порывисто обнимает.

- Не глупи только, - шепчет в шею.

А Саске молчит, словно уже смирился со своим проигрышем.

***

Электричка тронулась, искажённый и едва слышный голос из динамиков оповестил пассажиров, что следующая остановка станция…
Какая там станция была следующей Наруто так и не понял. Смысл нанимать диктора, если и половины слов не разобрать из-за гула и помех?
Выдохнув, блондин прижался виском к холодному стеклу, неотрывно следя взглядом за удаляющейся тёмной полоской леса.
Чем дальше он уезжал от дома Джирайи, тем печальнее ныло в груди, какая-то странная нервозность охватывала его, пеленая в полупрозрачную ткань нечёткого страха.
Наверное, нужно было позвонить Итачи и попросить приехать, а не оставлять Саске одного. Кто знает, что там в голове Учихи.
Пальцы уже нашли в телефоне нужный номер, но замерли над кнопкой вызова. Саске вряд ли будет рад тому, что в его няньки вызвали старшего брата. Что-то в нём всё же осталось прежнего.
Да и этот жест будет выглядеть, как недоверие, как сомнения в том, что он уже достаточно оправился, дабы несколько часов побыть в одиночестве.
«Ничего с ним не случится», - мысленно выпалил Узумаки, раздражённо сбрасывая номер Итачи и убирая телефон в карман.
Ничего не случится.
Узумаки сжал кулаки до побелевших костяшек и, чтобы отвлечься, буквально силой заставил себя отвести взгляд от леса. Он даже отвернулся к противоположному окну, за которым виднелся кусок залива и зеленовато-жёлтые выгоревшие на летнем солнце поля.
Он так привык всегда находиться рядом с Саске, волноваться за него, что совершенно забыл, как это - быть одному. Взгляд прошёлся по длинному вагону. Дачный сезон был в самом

разгаре, и в город стремилось мало народа, а поэтому большинство мест пустовало.
Два студента дремали напротив Наруто, пожилая женщина с ведром картошки читала дешёвый журнал, да шумно переговаривались трое мужчин, ехавшие в город по каким-то своим делам.
Жизнь продолжалась. Она не крутилась вокруг того замшелого дома в лесу.
Понимая, что мысли опять возвращаются к Саске, Наруто раздражённо шикнул, привлекая внимание той самой бабушки с журналом. Она, скользнув по парню цепким взглядом, очевидно восприняла его вид, как неподобающий и чуть скривилась. Ну да…за последнее время Наруто забыл, что раньше выглядел куда как более здоровым, но вряд ли ей не понравилась чистая и обычная одежда Узумаки. Скорее всё дело было в отросших и торчащих во все стороны вихрах.
Или же в шрамах.
«Да их уже почти не видно!», - посетовал на мнительность внутренний голос.
Пальцы неосознанно дёрнулись к щеке, проходясь по неровностям и замирая на полпути. Взгляд бабульки стал пристальнее, и Наруто, скрепя сердце, ответил на него, не таясь.
Глаза в глаза, как обычно это делал Саске.
«Чёрт возьми, Учиха! Выйди у меня из головы уже!».
Чувствуя, что близок к тому, чтобы сойти на следующей станции и вернуться обратно, Наруто откинулся на жёсткую спинку сидушки и прикрыл глаза. Нужно просто добраться до города, сходить к Джирайе и…
Тот факт, что он соврал, песком скрипел на зубах. Ни о каком визите к родителям и речи не шло…
Наруто слишком хорошо помнил угрозу матери, которую та высказала, когда парень в спешке паковал свои вещи. Расстроившаяся женщина обещала закрыть его в комнате и забить окно досками, и отчего-то Наруто верил: так и сделает. Отец тогда молча смотрел на его спешные сборы, но, кажется, в голове Ируки были те же самые мысли.
Этот взгляд Наруто не забудет никогда. Сожалеющий, грустный. Будто бы Ирука извинялся перед сыном за то, что не доглядел, не смог вовремя заметить изменений в своём

ребёнке. Как будто мужчина винил себя за то, что позволил Наруто связаться с этим Учихой.
«Чёрт», - простонал внутренний голос, понимая, что отвернуть мысли от Саске будет не так уж просто.
Зажмурившись до белых кругов перед глазами, Наруто выдохнул и твёрдо собрался проспать до нужной станции.
От греха подальше…

***

Джирайя снимал небольшую комнатку недалеко от трамвайных путей. Наруто, стоявший у окна, внимательно следил за этими доисторическими железными монстрами, что с грохотом ползли внизу, иногда останавливаясь и заглатывая новую порцию пассажиров.
В трамваях была какая-то своя прелесть, и Наруто внезапно понял, как сильно скучал по ним в тихом лесу. Сразу захотелось прокатиться до конечной, рассматривая знакомые улицы в большое окно.

- Ну что там? - спросил парень, проводя пальцами по холодному стеклу.

Время уже перевалило за полдень, когда они с Джирайей вернулись из больницы. Все эти процедуры и анализы заставили Наруто чувствовать себя какой-то лабораторной крысой, живущей в клетке.
Он хотел даже уйти, бросив всё, но присутствие крёстного за дверью останавливало. Узумаки знал, что Джирайя не позволит остановиться на середине. Наверное, Наруто думал, что не сможет посмотреть в глаза мужчины и честно признаться - струсил.
Испугался перед тем, что предстояло узнать.
Испугался за то, что это не только нервы.

- Ну…

Это его «ну» прозвучало настолько странно, что Наруто отвернулся от окна, впериваясь немигающим взглядом в мужчину. Джирайя, держа в руках листки с результатами

обследований, задумчиво скользил по ним взглядом, затем зачем-то прочерчивал пальцем линию и покусывал губу. Он будто бы пытался разобраться в том, чего не понимал, но Наруто был уверен: Джирайя знает все эти названия, все эти линии. Только зачем-то тянет время.
В больнице Узумаки не нервничал, будто бы отключившись от окружающей среды. Сейчас же под ложечкой противно засосало, и совершенно странное чувство поселилось в нём. Хочет ли он слышать то, что уже говорят глаза Джирайи? Хочет ли он перешагнуть за черту, где будет правда, но не будет спасительного заблуждения?
Хочет ли он знать?

- Джирайя, - твёрдо позвал Узумаки, понимая, что незнание будет нервировать ещё сильнее прозвучавшего приговора. - Что со мной?

Мужчина, оторвав взгляд от листком, посмотрел на крестника и улыбнулся. В уголках его глаз залегли мелкие морщинки, что тут же расправились, когда Джирайя увидел насколько сильно побелел Наруто.

- Без паники. Жить будешь.

- Но?

Наруто не нравилось то, что крёстный зачем-то тянет время. Ему не нравилось вообще всё. Очень сильно захотелось вернуться в лесной дом, отгородиться от всего какими-то мелочами, самообманом и…
«Нет, Учиха, я не буду думать о тебе. Не сейчас».
Но мысли уже вели к хмурому парню, которому стоило бы позвонить несколько часов назад.
Но в больнице телефон пришлось выключить и отдать его Джирайе…

- Наруто, - выдохнул тот, опуская листы на потёртое кресло и подходя ближе к парню. Тяжёлая, налитая солнечным теплом ладонь мужчины опустилась на плечо и чуть сжала. Наруто медленно поднял глаза на спокойное лицо Джирайи, ища его

взгляд.

- Ты был прав - это от нервов.

- Джирайя, что со мной? - сипло выдохнул парень. - Я знаю, что нервы. Знаю. Но…всё остальное…

- ИБС, Наруто.

Парень поднял брови, ни черта не поняв из тех трёх букв. Джирайя, видя замешательство на лице крестника, чуть поморщился и принялся расшифровывать с таким видом, будто бы говорит с одним из интернов:

- Ишемическая болезнь сердца.

- Звучит как болячка какого-то старика, - хрипло хохотнул блондин. - Теперь давай вспомним, что я ни черта не понимаю во всём этом.

Рука Джирайи скользнула к груди Наруто, слегка надавливая как раз над замирающим сердцем.

- Это лечится, - первым делом предупредил мужчина. - Успокойся. В твоё сердце поступает мало крови. Следовательно, кислорода ему тоже не хватает.

- И…что с этим делать? Мы живём в лесу - воздуха там достаточно.

- Не в том дело, Наруто. Я бы мог сказать, что происходит закупорка коронарных артерий, но тебе это мало что скажет.

- Ты прав, - невесело усмехнулся парень. - Разве…разве это могло быть только от нервов?

- Наследственность, - пожал плечами Джирайя. - Эта болезнь могла быть или у твоего отца…или у твоей матери. Она передалась тебе, а из-за эмоциональных стрессов развилась до нынешнего состояния.

- То есть…а ты знал, что кто-то из них болен?

Джирайя отрицательно покачал головой, опуская руку и внимательно вглядываясь в потемневшие из-за волнения голубые глаза.

- Значит…

- Тебе выписали лекарства. Принимай их и не нервничай зря. А через месяц обследуемся ещё раз.

- Не нервничай, - поджал губы парень.

Живя с Саске трудно не нервничать. Из-за него, за него… Наверное, что-то отразилось в лице Узумаки, и Джирайя проговорил:

- С Саске всё хорошо. Ну…насколько это может быть. Не переживай по его поводу.

- Не могу, - просто пожал плечами парень, отходя обратно к окну и приваливаясь поясницей к подоконнику. - Орочимару сказал, что опухоль удалена. Но последствия…

- Наруто, последствий может и не быть, - попытался успокоить крестника мужчина. - Сейчас тебе нужно думать о себе, понимаешь?

- Не могу, - мотнул головой Наруто.

Где-то в мозгу всегда была ниша, отведённая для Саске. Точнее не так: ниша принадлежала самому Наруто, а вся остальная часть его серого вещества была пропитана мыслями об Учихе. Это было неправильно, это было глупо, но Узумаки ничего не мог с собой поделать и вряд ли когда-нибудь справится с этим страхом.
Пальцы невольно сжались, впиваясь короткими ногтями в ладонь.

- Месяц, значит, - повторил он и поднял глаза на крёстного. - Через месяц начинается учёба, и нам всё равно придётся вернуться.

- Итачи заберёт Саске?

- Саске не захочет пойти к нему. А я не захочу…оставлять его.

- И что тогда?

Наруто пристально посмотрел на крёстного и слабо улыбнулся:

- Почему ты не осуждаешь меня?

Повисшая в комнате тишина напиталась тихим звоном стекла в рассохшихся рамах: внизу вновь проехал трамвай. Не нужно было уточнять смысл этого вопроса, судя по глазам отшельника, он всё уже понял.
Вздохнув, Джирайся прошёлся по комнате, вновь поднял с кресла листы и зачем-то бегло пробежался по ним взглядом, словно бы там мог найти ответ на вопрос крестника.

- Мне не за что тебя осуждать, - наконец сказал он.

- Ты ведь давно понял, что я отношусь к нему не как к другу, - сказав, Наруто задумался ненадолго и тут же поправился: - Не только как к другу.

- Наруто, - выдохнул Джирайя. - Я упустил то время, когда мог говорить тебе, что чувствовать, с кем дружить, а с кем нет. Ты взрослый уже.

Узумаки рассеянно пожал плечами.

- Ты сам можешь решить с кем тебе быть. И это только твоё дело. Но…

Листы зашуршали, когда руки отшельника как-то бессильно опустились.

- А как к тебе относится Саске?

Неожиданный вопрос поставил в тупик. Наруто, вскинув лицо на крёстного, слегка нахмурился, пытаясь вспомнить. Месяц назад Учиха говорил, что он - призрак, а тогда, в доме Узумаки, Саске вроде бы как признался, но затем превратил всё это в очередную игру на нервах.
Странный ступор пробежался по телу холодным ветерком, заставившим поёжиться и поискать взглядом источник сквозняка. Или же Наруто просто не хотел встречаться взглядом с Джирайей.

- Мне нужно идти, - кивнул он решительно. - А то на электричку опоздаю.

Мазнув неуверенным взглядом по крёстному, Узумаки двинулся к входной двери, но за плечо тут же поймали.

- Наруто, просто береги себя. Осторожнее…и звони, если что.

- Хорошо. Я позвоню, - пообещал парень, смотря мимо лица Джирайи. - Пока. Привет Цунаде.

Он улыбнулся преувеличено весело и поспешил схватиться за ручку входной двери. Желание сбежать из однокомнатной квартиры крёстного стало настолько сильным, что Наруто едва не сорвался на бег, но заставил себя спокойно выйти и только тогда спешно кинулся к лестнице, игнорируя лифт.
В голове током билась мысль о том, что нужно как можно скорее добраться до лесного дома. Оказаться под его прохудившейся крышей, отгородиться тонкими стенами и глотнуть очередную пилюлю самообмана.
Учиха никогда не признается, даже если это будет вопрос жизни и смерти.
Схватившись за перила, Наруто неожиданно резко замер, качнувшись вперёд и чуть не оступившись мимо ступеньки.
Только вот чьей жизни.
И чьей смерти?
Взгляд упёрся в пожелтевшую стену, на которой кто-то ключом по побелке выцарапал монументальное: «К + Я = … ». Остаток

надписи стёрся, и Наруто моментально потерял интерес к «наскальной живописи».
Ноги медленно двинулись вниз по ступенькам.
Не о том нужно было волноваться.
Запустив руки в карманы, Наруто коленом пнул скрипнувшую дверь и, протиснувшись в образовавшийся зазор, остановился, вдыхая разогретый солнцем воздух.
Волноваться нужно было о том, что за рёбрами сейчас спокойное сердце не получает достаточно кислорода и что-то там с артериями. Полную формулировку Наруто так и не запомнил, да и не хотел.
С ним что-то не так.
Организм, эта отлаженная система из мяса, костей и мышц дала сбой.
Пальцы в кармане наткнулись на гладкий бок телефона, и Наруто вытащил оный на свет. Нажал кнопку блокировки и, щурясь, вгляделся в тёмный экран, не сразу поняв, почему тот не загорается.

- Чёрт, - шикнул парень, запоздало включая аппарат.

Заставка мучительно долгие несколько секунд приветствовала Узумаки, ещё пара минут на загрузку сим-карты и вот в верхнем правом углу появились четыре столбца, информирующие о том, что телефон готов принимать вызовы.
Саске не звонил.
Найдя нужный номер, Наруто, не задумываясь, нажал кнопку вызова, надеясь, что телефон Учихи лежит на том месте, где чудом обнаружится сеть.

- Саске, привет, - выпалил Узумаки, как только вызов приняли.
- Ты как?

- Где ты? - спросил спокойный голос.

- Я… - Наруто обвёл взглядом двор перед собой. - Уже еду на вокзал.

- Поговорил с родителями?

- Да-а-а.

- Неужели? - усмехнулись в трубке. - И как?

- Ну… - замешкался Узумаки. - Давай я приеду и расскажу.

- Давай…а нет. Подожди. Я сам узнаю.

- М? То есть?

- Твой отец сейчас здесь.

***

Саске, отложив телефон на край стола, выдохнул и поднял глаза на Ируку. Мужчина сидел напротив, неестественно выпрямив спину, словно гордость не позволяла ему ссутулиться и расслабиться. Или же напряжение эмоциональное переросло в физическое?
Не став гадать о душевном состоянии незваного гостя, Учиха откинулся на стену и сложил руки на груди, внимательно вглядываясь в лицо мужчины. Тот словно бы постарел. Так резко и стремительно, что в глазах всё ещё теплился живой огонёк, но морщинки вокруг них стали намного глубже и заметнее. Ирука хмурился под пристальным взглядом брюнета.

- Зачем вы здесь? - заговорил первым Саске, продолжая буравить взглядом тёмные глаза собеседника.

- Я не могу приехать к своему сыну?

Голос Ируки был тихим, чуть хриплым, будто бы он боялся разговаривать в полную силу.

- Можете, - безразлично пожал плечами Саске. Протянув руку к пустой кружке с недопитым утренним кофе, парень скользнул по её краю пальцами, ногтем поддевая мелкую выщерблину.

О чём можно разговаривать с человеком, который смотрит на тебя, как на виновника всех неприятностей? Ирука ещё не

опустился до банальных обвинений в духе: «ты испортил моему сыну жизнь, из-за тебя у него проблемы», но этот живой взгляд мужчины говорил о многом, пока бледные губы были плотно сжаты.
Поняв, что разговор дальше не пойдёт, Ирука повернулся и осмотрел комнату. Взгляд Ируки оценивал всё: обклеенные пожелтевшими обоями стены, простой дощатый пол, из-под которого несёт подвальной сыростью, вязанки забытых трав под потолком, паутину по углам и заткнутые газетами щели на стыке оконной рамы и стены.
А потом мужчина повернулся к нему, задумчиво рассматривая сначала лицо, затем руки. Казалось, что вся внешняя убогость их с Наруто временного жилья вызвала в Ируке меньше презрения, нежели сам Саске.

- Почему именно здесь?

- А чем это место плохо? - поднял брови Учиха.

- Оно в лесу. Слишком далеко от города.

- Вас это не устраивает?

Саске лениво подтащил к себе кружку, устало прикрывая глаза от яркого света. Луч любопытного солнца всё же проник в комнату, будто бы силой отклеив угол защитной пленки.

- Меня не устраивает, что мой сын бросил всё…

Сделав глоток отвратительно холодного, а от этого ещё более сладкого напитка, Саске поморщился. Вместо кофе в кружке был чай, который Наруто не допил с утра и не удосужился вылить.
На корне языка моментально поселилась отвратительная кислота, и Учиха бросил взгляд в сторону графина с водой, что стоял на подоконнике. Вроде бы и смыть эту дрянь быстрее хотелось, но вставать и идти…

- Из-за меня, - запоздало закончил фразу Саске. Ирука, уже не ожидавший продолжения разговора, вскинул на парня лицо и

слегка нахмурился. Тёплые, цвета крепкого чая глаза, сверкнули льдистой корочкой.

- Что «из-за меня»?

- Вы считаете, что Наруто губит свою жизнь из-за меня, - услужливо пояснил брюнет, рассматривая скол на кружке, от которого вниз уже тянулась длинная трещина. Кружка ещё не протекала, но всё равно была хламом. Как и всё в этом доме, собранном из всевозможных осколков.

- И я прав, - металлической тяжестью прозвучал голос Ируки.

Из-за какой-то мазохистской тяги прильнув к чаю, Саске поднял глаза на мужчину и задумчиво прошёлся языком по сколу, царапая нежную кожу. А затем резко отставил кружку между ними. Словно обозначил границы.

- Правы, но это его жизнь.

- А он мой сын.

- И…

Внезапно телефон на краю стола завибрировал, привлекая внимание обоих. Саске, взяв в руки аппарат, посмотрел на вызывающий номер и спокойствие медленно осыпалось с него. Он давно понял, что Наруто не с родителями.
Только не давал себе повода думать, чувствовать.
А сейчас…
Половина разговора прошла как в бреду. Учиха, не отрываясь, смотрел на Ируку и отчего-то улыбался. А когда Наруто отключился, парень осторожно положил телефон рядом с изуродованной кружкой.

- Наруто сейчас приедет, - пояснил он, вновь пробегаясь пальцами по трещине в керамике.

- А…куда он ездил?

Рука замерла, пальцы впились в неровность на кружке и словно бы укололись о неё.
Всё рушится.
Когда-нибудь эта керамическая безделушка разлетится на две части.
И хорошо, если эти половины не обратятся в осколки.

***

Как Наруто не спешил на вокзал, он не успел.
Все было против него: денег на такси не было, а трамвай шёл слишком медленно, останавливаясь на каждой остановке. Три минуты, в течении которых, железный монстр терпеливо заглатывал спешащих пассажиров, превратились в три часа. Стоя у поручня и крепко сжимая оный, Наруто напряжённо следил за тем, как один за другим люди проходят в железное нутро, как протягивают мелочь водителю через маленькое окошко. Кто-то из них, не успев подготовить деньги на остановке, бесконечно долго копался в карманах, затем лез в сумку и, наконец, извлекал из её недр кошелёк. Доставал крупную купюру, протягивал, ждал сдачу…
И всё это тянулось. Тянулось и тянулось.
Наруто чувствовал, как внутри него надувается огромный горячий шар. Он уже был готов лопнуть, но в этот момент трамвай тронулся. Дёрнуло и застукало, под какими-то ватными ногами ощущалась вибрация.
Люди, проходя в конец вагона, иногда толкались, иногда извинялись, но зачастую смотрели на него так, будто бы видели всю подноготную. Наруто было плевать: он отвечал на взгляды, но никогда не бросал слова в ответ. Язык присох к нёбу и отодрать его можно было только с мясом. А захлебнуться кровью парень был ещё не готов.
Очередная остановка. Старушка с клюкой осторожно взбирается по высоким ступенькам, цепляясь натруженной рукой за поручень, а второй перехватывая свою трость. И все стоят, ждут, пока она поднимется. А женщина всё оступается, всё никак не может примеряться к последнему решающему рывку…
Не выдержав, Наруто рванул к ней, протягивая руку:

- Давайте, помогу.

Бесцветные глаза устремились вверх, к застывшему наверху вихрастому парню. Старушка, недоверчиво спустилась на первую ступеньку, прижимая к себе клюку так плотно, будто бы в ней были запрятаны несметные сокровища.

- Вы проходить будете?! - гнусаво спросила водитель. - Решайте уже. Туда или сюда!

- Бабушка, руку.

И старушка, протянув руку, подалась вперёд. Наруто вцепился в её тёплую сухую ладонь так крепко, словно бы боясь выпустить. Бабулька потянулась вперёд, кряхтя и надсадно дыша, и всё-таки оказалась наверху, а Наруто в этот момент скользнул взглядом по уже проплывающей за окнами остановкой.

- Стойте! Мне выходить! - выпалил он, стремительно наклоняясь к маленькому окошку.

- На следующей выйдешь, - неприязненно буркнула водитель.

- Но мне здесь надо!

- На следующей! - громче выпалила она. - Не помрёшь.

И трамвай двинулся по рельсам, а Наруто внезапно почувствовал на своём предплечье руку и опустил взгляд.

- Спасибо, милок, - улыбнулась старушка. - Совсем плохая я стала…

- Не за что, - на автомате ответил он, отходя и пропуская женщину к пустующему месту.

Достав из кармана телефон, он посмотрел на время и сердце больно защемило. Не успевает.
Номер Саске будто бы всплыл сам собой. Быстро набранная смс о просьбе не глупить улетела, и только затем Наруто понял, что

не стоило ему писать…
Ведь можно было придумать что-то, а сейчас Учиха получит сообщение и уж точно удостоверится, что Наруто совершил что-то ужасное за его спиной.
А он ведь и совершил. Соврал.
Чугунная тяжесть в голове заставила парня опереться плечом о стенку трамвая. Он облизнул разом пересохшие губы и посмотрел за окно, где проплывали цветастые ряды раскинувшегося рынка. А за ним вокзальная площадь.
Трамвай ещё толком не остановился, двери приоткрылись лишь слегка, а Узумаки уже сорвался в бег, едва не пропахав носом землю, когда спрыгнул со ступеньки.
Ноги несли вперёд, игнорируя вопящий что-то о светофорах разум.
На перрон Наруто влетел как раз чтобы посмотреть в след отъехавшей электричке.
Ругнувшись, парень пнул ногой воздух под удивлёнными взглядами прохожих. Но Наруто было плевать. Он уже мчался в здание вокзала, чтобы посмотреть расписание.

Следующая электричка через полтора часа.
Это осознание окончательно выбило воздух из лёгких, и Узумаки вышел на улицу, бессильно опускаясь на разогревшуюся под солнцем лавочку.
Всё летело в Бездну.
Она уже открыла свою зубастую пасть прямо под подошвами выцветших кед. Осторожно цепляла за развязавшиеся шнурки и тянула, тянула пока Наруто не сморгнул, упрямо прогоняя ощущение липкого страха.
Ничего не кончено.
Он доберётся до дома, объяснит всё Саске и…
Нагнувшись, Узумаки раздражённо затянул шнурки и завязал их аж на два узла. На всякий случай.
Если отец там, то оставлять их наедине с Саске слишком опасно. Наруто прекрасно изучил Учиху и давно уже понял, что злость у него совсем иного рода. Он предпочитает бить не кулаками, хотя и этим иногда не чурается, а словами. И эти слова ранят не хуже ножей или пуль.
Они пронизывают собой всё и надолго застревают в теле, мешая дышать, жить.

А Узумаки не хотел, чтобы отцу было больно. Во всём этом виноват только он, Наруто.
Достав из кармана телефон, парень быстро набрал номер и взволнованно прикусил губу.

- Нагато, привет. Прости…я тебя отвлекаю?

- Наруто? - переспросили в трубке. - Нет…у меня выходной. Недавно поднялся…ты что-то хотел?

- Я…

Волнение подорвало его на ноги, протащив туда-сюда вдоль лавочки, а рука зарылась в волосы на затылке, сжимая их.

- Ты сможешь меня…подвезти.

***

Красная машина Нагато гудела мотором так натужно, слово бы готовясь развалиться посреди трассы.
Устав от разглядывания однообразного пейзажа за окном, Наруто повернулся к другу и скользнул по нему взглядом. Нагато изменился: лицо осунулось, красные волосы выцвели на жарком летнем солнце, а под фиалковыми глазами залегли тени. Заметив на себе взгляд, парень повернулся и коротко улыбнулся:

- Давно не виделись.

- Прости…я…

- Да забей, - слегка махнул рукой Нагато. - Друзья же нужны затем, чтобы выручать…

- Ну…да, - кивнул Наруто, переводя взгляд на уже виднеющийся вдалеке лес.

Нагато не расспрашивал о его жизни в те месяцы, что они не виделись. Просто спросил с Саске ли он и, получив

утвердительный кивок, замолчал, предоставляя Наруто его мыслям и тревогам.
А тревоги, будто бы того и ожидая, впились в парня своими длинными жёлтыми зубами, кромсая кожу, пронизывая мясо. И боль засела на удивление не за рёбрами, а где-то в левой руке. Машина свернула на узкую дорогу, и над головой сомкнулись ветви деревьев. Темноты разом стало как-то больше, и она сыростью заползла в глотку, выстуживая лёгкие.
Когда они остановились у дома, Наруто понял, что его руки ледяные, а дыхание странно медленное, как у спящего.

- Спасибо.

- Я зайду с тобой…воды бы, - внезапно сказал Нагато, и Узумаки на время замер, а затем всё же согласно кивнул. Отказывать другу в стакане воды было невежливо.

Кухня встретила их тишиной. И хотя дом прогрелся за день, и здесь было тепло, Наруто даже спрятал покрывшиеся инеем бледности руки в карманы джинс.
Он чувствовал себя так, словно бы заложил родную мать за пачку сигарет. Словно бы своими же руками вонзил Учихе кинжал в спину.
Наруто не любил врать. И не врал…а сейчас…
Он остановился на пороге и лишь затем запоздало посторонился, пропуская Нагато. Саске и Ирука спокойно сидели за столом, разделённые своеобразной границей: из кружки, телефона, солонки и перечницы. В застывшей руке Учихи как раз была зажата новая деталь для этой «стены»: чайная ложка, которую он опустил не в ряд, стоило Узумаки войти внутрь.

- Привет, - вымученно улыбнулся Наруто, проходя в кухню и протягивая руку отцу. Тот пожал её и непонимающе посмотрел на Нагато.

- Па, это Нагато. Мой друг. Он подвёз меня…

- Электрички внезапно отменили? - тихо спросил Саске, и Наруто повернулся к нему, всё-таки упираясь взглядом в

макушку. Лицо брюнета было опущено, а пальцы теперь щёлкали по кнопкам телефона так, если бы он был очень занят прохождением уровня в какой-то глупой игре.

- Я опоздал, - пожал плечами Наруто.

Он отошёл от стола, прихватив кружку и тем самым окончательно разрушив импровизированную границу. Успел поймать на себе недовольный взгляд её «строителя» и выплеснул чайную жижу в раковину.
Меловой рукой парень ухватился за ручку графина и плеснул немного воды в кружку, совершенно не замечая, что из-за остатков чая та стала светло-жёлтой.

- Держи.

- Спасибо, - кивнул Нагато, забирая кружку.

- Где ты был?

А это уже отец. Наруто повернулся, внимательно посмотрел на лицо Ируки и заметил, что Саске всё ещё занят своим телефоном.

- Я…

Все оправдания застряли где-то в горле лишь потому, что Наруто не хотел раскрывать истинное место назначения своего визита.
А врать он хотел ещё меньше.
Саске всё же оторвался от своего телефона и посмотрел прямо на него. Огонёк, отсвечивающий от горящего дисплея телефона, отразился в его глазах, заменяя скрытый чернильной темнотой зрачок. И от этого взгляд стал ещё острее, невыносимее.
Под таким нельзя соврать. Просто не получится, потому что Саске видит его насквозь. Он уже понимает, что с ним, Наруто, что-то не так, просто ещё не знает, что именно.

- Что с тобой? - спросил Учиха, подтверждая догадки блондина.

Почти решившись сказать правду, Наруто открыл рот и в этот момент прозвучал совершенно чужой голос.

- Он был у меня, - выступил вперёд Нагато.

Глава 2. In your shadow…

Глава 2.
In your shadow.

«I hate my life,
I can't sit still for
One more single day.

I've been here waiting for,
Something to live and die for.
Let's run and hide.

Out of touch, out of time.
Just get lost without a sign.
as long as you stand by my side,

In your shadow i can shine.

You see my soul,
I'm a nightmare.
I'm out of control,
I'm crashing,
Into the dark, into the blue,
Into the world of our cocoon.

You're the sun and i'm the moon».
Tokio Hotel - In Your Shadow.

«Я ненавижу свою жизнь,
Я не могу просидеть на месте
Ещё один день.
Я ждал здесь
Повод жить или умереть…
Давай убежим и скроемся?
От прикосновений, от времени,
Просто пропадём без вести.

До тех пор, пока ты будешь рядом со мной.

В твоей тени я могу сиять.

Ты видишь мою душу.
Я ночной кошмар.
Я выхожу из-под контроля.
Я падаю
Во тьму, в небо,
В наш мир из кокона.

Ты солнце, я луна».

Саске медленно поднялся, подхватывая пачку сигарет и зажигалку. Он осторожно выбрался из-за стола, стараясь не задеть острый угол бедром, и направился к выходу.
Что-то внутри неприятно звенело, словно бы натянутая струна. Нужно было поскорее скрыться с их глаз, чтобы не заметили, как стальная нить ударит по доверчиво подставленной плоти.

- Куришь? - усмехнулся Учиха, замирая напротив Нагато. Тот казался намного старше него сейчас: высокий, какой-то весь металлически-твёрдый.

- Бросил.

- Молодец. Завидую.

Нагато посторонился, и Саске вышел на улицу.
Еловый запах, разбухнув в нагретом за день воздухе, стал практически одуряющим и каменным мешком ударил в нос, перебивая нюх лишь на миг.
А потом горечь табака привычно поплыла по венам, ударила в голову лёгким головокружением: слишком глубоко вдохнул.
Дом за его спиной будто бы застыл. Его не существовало, как и людей, что скрылись в нём. Наверное, так лучше. Принять то, что все эти куски мяса - всего лишь декорации.
Но сигаретный дым забивался в нос всё сильнее и сильнее,

перебивая хвойный запах, а осознания нереальности не приходило.
Наруто вышел на минуту позже, перед этим суетливо попросив не ходить за ним и украдкой глянув на отца. Тот казался застывшим и совершенно растерянным, Ирука будто бы не мог понять, как попал на сцену этого совершенно странного спектакля.
Он здесь был лишним.
Плотно закрыв за собой дверь, Наруто замер на пороге, вглядываясь в прямую спину Саске.

- Он соврал, - просто сказал парень, подходя ближе. - Нагато соврал.

- Зачем?

В этом его ответе звучала привычная пугающая пустота, и Узумаки, тяжело вздохнув, подошёл ближе. Замер в нерешительность и, наплевав на всё, как и раньше, вжался лбом между острых лопаток.
От Саске веяло холодом, и он снежной пеленой обнял зашедшееся сердце, успокаивая.

- У вас с Нагато странная дружба, Наруто.

- Как будто у нас с тобой она…нормальная.

- А у нас дружба?

- Саске, я был…

- Не говори.

Саске медленно выпустил тошнотворный дымок. Выбросить бы недобитую пачку и попытаться бросить курить. А что? Чем он хуже тех идиотов, которые после чудом миновавшей смерти начинают жизнь с нового листа? Кто-то ударяется в религию, веря, что это Всевышний дал им второй шанс.
Кто-то отказывается от мяса и начинает интересоваться йогой. Другие же становятся чуть ли не мудрецами, постигшими всю

суть жизни.
Только вот он ничего не получил, вырвавшись из томительно-сладких объятий Костлявой. Мудрости не прибавилось, религия также казалась бредом, способным объединить пугливое стадо ради их излюбленного самообмана.
Он резко повернулся, отбрасывая бычок в сторону. Пришлось поднять голову, заглядывая в глаза стоявшего на ступеньку выше парня.
Светлые волосы трепало лёгким ветерком, глаза Узумаки блестели, но теперь искрило там не от смеха, не от эмоций. Что-то, что засело серебряной иглой под кожей, что-то не дающее покоя каждую ночь, подрывающее с кровати.

- Не говори, - сипло повторил брюнет, протягивая руку и осторожно касаясь пересохших губ. Тёплые под пальцами, но искусанные. Наруто нервничал. Но из-за чего?

Узумаки тепло выдохнул в поднесённую ладонь и слегка прикрыл глаза, ластясь к прохладной ладони, как кот. От Саске можно было ожидать всего, но не спокойствия. Значит, буря затаилась и ждёт.
Наруто даже посмотрел в его глаза сквозь прикрытые ресницы, но тёмная радужка была спокойной. Никакого червлёного серебра.
Решившись, блондин ухватил его за запястье, проводя подушечками пальцев по гладкой коже, под которой жизнь билась в тонких венах.

- Я был в больнице, - разом выдохнул Наруто.

Пульс под пальцами рвано дрогнул. Показалось?

- Зачем?

Просто вопрос, простой взгляд.

- Обследование.

Саске легко вытянул свою руку из обхвативших её пальцев и уложил на грудь Наруто. Ткань светло-голубой футболки под

ладонью приятно грела и, прислушавшись, Учиха различил один сильный удар. Затем второй.
Сложить один плюс один он всё ещё был в состоянии, даже со своим прогнившим мозгом. Для этого не нужно обладать способностями Эйнштейна.

- Сердце?

Наруто скользнул рукой в свою сумку, перекинутую через плечо. Зашуршало, и одинокий листик оказался у Саске перед глазами. Учиха посмотрел на сплошь сливающиеся чёрные строчки и отрицательно покачал головой:

- Знаешь же, не вижу ни хера.

- Это из больницы. Результаты.

- И зачем ты показываешь мне их? - криво усмехнулся Саске, отступая на шаг и шаря по карманам в поисках пачки сигарет. Привычка. - Думаешь, что я пойду и прикончу Нагато в приступе ревности?

- А ты можешь?

Лист с шелестом был вновь спрятан в сумку, а Наруто, наклонившись, подобрал с покосившихся ступенек пачку сигарет и протянул её Саске.
Учиха, замерев на секунду, прищурился и быстро забрал находку, вытащив из оной зажигалку вместе с тонкой палочкой. Зажал сигарету зубами, оценивающе окидывая взглядом Наруто.

- Доказать?

Наруто насторожился, следя как медленно белёсыми лоскутами сигаретный дым отрывается от бледных губ и тлеет где-то в воздухе. Саске опять говорил свои серьёзные шутки-обещания.

- Не глупи, Учиха.

Он и не собирался, устало прикрывая глаза.
Значит, сердце.
Сигарета вновь показалась безвкусной, а Наруто подошёл так близко, что табачный дым жадно впился и в его загорелое тело.

- И что будешь делать?

- Не знаю, - пожал плечами Узумаки, опускаясь на ступеньки. - Может, само пройдёт.

Блёклые искры сыпанули на повядшую на солнце траву.

- Не пройдёт, - тихо.

Наруто поднял глаза, наверное впервые за этот короткий разговор посмотрев на Саске по-другому. Или же тот всё-таки позволил себе сбросить чешую сейчас никому ненужной выдержки. Его побелевшие ещё сильнее пальцы сжали сигарету слишком крепко, и тонкое никотиновое тельце переломилось, брызнув табаком-кровью. Лицо стало напоминать восковую маску с острой прорезью рта, а глаза подернулись странной пеленой, будто бы сигаретный дым каким-то чудным образом попал в радужку.
Саске волновался. Наверное, слишком сильно, чтобы суметь скрыть своё волнение за привычной остротой и сарказмом. От этого не получалось злиться на Нагато, от этого красноволосый до сих пор не щеголял разбитым носом, а спокойно сидел в доме, даже не догадываясь какой бури удалось миновать.
Нет, буря не затаилась. Её просто не было. Холодные ветры жадно лизали выстуженную землю, перекатывая мелкие камушки-осколки. Сухие кусты и облетающий вереск трепетали под его пронизывающими пальцами, но этот ветер жил лишь в тугой оболочке из серого неба. Он не выходил за границы и постепенно разбивался о них, исчезая.
Оставалась лишь каменистая земля и сухой вереск.
Саске услышал, как Наруто поднялся, как под его ногами зашуршала трава, как медленно начала опускаться рука парня на его плечо.

- Не…не волнуйся.

Сказать это было так же трудно, как и заставить себя когда-то перестать вздрагивать от каждого шороха. Рука всё-таки легла на острое плечо, сжимая и заставляя Саске повернуться. Он был спокоен: ветер давно перестал гонять по его полю мелкие острые камушки. И дымка из радужки пропала, будто и не было.
Тонкие пальцы шелестящим вереском прошлись по подбородку Наруто, цепляя кожу иссохшими побегами.

- Придурок, - прорвался ветер через границы.

Вереск тронул губы, и Саске осторожно прильнул к ним, сжимая дыхание и почти сразу же отстраняясь, чтобы вновь закурить.
Бури не было.
Была пустота.

***

Обратно на кухню вернулись спустя пять минут, и ещё две сигареты. Наруто не противился желанию Саске набрать полные лёгкие гари, уже догадываясь, что разговор предстоит не из лёгких и без допинга Учиха просто сорвётся.
Странно, но что-то заставляло Саске сдерживаться. Он спокойно прошёл за стол, опустился на прежнее место и вновь принялся выкладывать мелкие предметы в ряд.
Сдерживался ли?

- Что-то случилось? - спросил Ирука, поднимаясь из-за стола и подходя к сыну.

Саске краем глаза видел, как мужчина нахмурился и остановился всего в одном шаге от блондина, так и не решившись ни обнять, ни протянуть руку. Чего опасался? Что зараза его, Наруто, ненормальной любви перекинется и на него? Изгрызёт, заставит поменять уютную жену на неизвестно что?
Саске усмехнулся, привлекая внимание опустившегося на стул по ту сторону стола Нагато.

- Да не, па, - отмахнулся Наруто, снимая с плеча сумку и опуская её на столб вешалки. Рука его машинально прошлась по ней, проверяя: застёгнуты ли замки, не выглядывает ли откуда кусочек листа.

Наруто тоже не протянул руку для рукопожатия.
Не попытался обнять отца.
Боится? Чувствует себя испачканным?
И не хочет пачкать собой воспоминания о детстве, о тех отеческих объятиях, что никогда уже не станут прежними?
Телефон, упав слишком громко на стол, закончил линию границы, и Саске поднял глаза, встречаясь с внимательным фиалковым взглядом.
Нагато оценивал, как делал это несколько вечностей назад и Ирука.
Чего они все от него ждут?
Все эти настороженные взгляды, словно бы мужчины находятся перед распахнутой клеткой с опасным хищником, больно скользили по коже. Особенно по голове и растрёпанным волосам, будто бы ощупывают острыми скальпелями, полосуя на лоскуты.
Они ждут, что Саске поведёт себя как псих? Сделает что-то?
Но Учиха оставался поразительно вменяемым. Лишь вновь и вновь поправлял границу посреди стола, отчего-то раздражаясь, если один из «кирпичей» выступал слишком сильно за невидимую линию дозволенного.

- Ты…ты как? - всё-таки решился Ирука, явно желая поговорить с сыном без лишних ушей.

- Да не стесняйтесь вы, - громко сказал Саске, поправляя телефон и придирчиво осматривая край границы. Ровно ли? - Говорите как есть. Все свои…

И, бросив взгляд на Нагато, ухмыльнулся:

- Кроме этого.

Наруто нервно облизнул губы, понимая: общество людей всё-

таки довело Саске. Или начинало раздражать.

- Да всё хорошо, - улыбнулся он, вновь поворачиваясь к отцу и пытаясь выглядеть полностью счастливым. - Вы с мамой как?

Так и разговаривали, застыв посреди комнаты. Нелепо, как разговаривают внезапно столкнувшиеся бывшие друзья на вокзале за три секунды до отправки поезда. Оба поменялись: один не хочет принимать нынешнюю жизнь сына, а второй просто не может вернуться назад, пришпиленный к новой реальности. И нет интереса, как там всё на самом деле по ту сторону баррикад.

- Скучает, - ответил Ирука.

И за рёбрами у Наруто протяжно заныло. Нет, не сердце, что-то зыбкое, что не схватить руками. Она скучает…
Конечно, скучает! Ведь её мальчик чёрти где, чёрти с кем и звонит раз в месяц. Ей мало, Сузо просто хочет обхватить его вниманием полностью, огородив от всех ветров.
Вот только от того, что с запахом вереска, защитить уже не может.

- Ты знаешь, у неё день рождения скоро. Она зовёт…

Ирука осёкся, бросив быстрый обжигающий взгляд на Саске.

- Тебя.

Жестоко. Учиха улыбнулся, наслаждаясь идеальной ровностью линии.
Ждут Наруто, светлого мальчика, а не чёрную тень, что вечно таскается за ним, как пришитая. И правильно делают, нечего теням делать рядом со светом. Тут или она пожрёт его или же свет истончит первым.

- И ты должен приехать. Она твоя мать. Она скучает.

И опять это «скучает».
Что-то внутри Саске нехорошо натянулось, пальцы зависли над

кружкой и парень облизнул пересохшие губы.
«Скучает».
Слово-то какое. От него веет всем: и теплом материнских объятий, и нежностью её взгляда, и невысказанными, но давящим упрёком.
Посмотри, Наруто, ты заставил мамочку скучать! Страдать в неизвестности.
Приложив пальцы к переносице, Саске прикрыл глаза, выдыхая через нос.
Тоненький подлый голосок в голове утих также внезапно, как и появился, погребённый под лавиной обрывочных мыслей. Его и не было.
Тебе показалось.
И стало лучше.
Ну да. Мать скучает. Она же…мать.
Наруто устало улыбнулся отцу в очередной раз. На лице Ируки застыло ожидание ответа и нежелание принимать отказ.
«Ты должен», - говорили его тёплые глаза.

- Да, па. Я знаю.

- Приезжай.

- Я попытаюсь…

В душе у Наруто кошки медленно снимали слой за слоем. Почему-то цеплялись они за мясо, оставляя эфирную субстанцию нетронутой. По мясу было больнее, да и смотреть на отца стало тяжело.
Наруто думал, что со временем какая-то придавленная неловкость исчезнет, но она ожила, даже под напором весомого аргумента:
«Мне всё равно».
Ему действительно было всё равно, что подумают о нём другие и даже отец. Но…от боли никуда не денешься.

- Наруто, - позвал Нагато. - Я, наверное, поеду. Вас подкинуть?

Взгляд на Ируку, и тот, стараясь не смотреть на Саске, рвано кивнул.

Красноволосый поднялся, задевая коленом ножку стола и тот пошатнулся. Телефон на оном двинулся, нарушая идеально ровную границу, и Саске поднял глаза на Нагато.

- Извини, - улыбнулся тот, протягивая руку и замирая. Учиха посмотрел на широкую ладонь, на загорелые пальцы в мозолях. Много работает.

И всё-таки протянул свою руку, пожимая достаточно крепко, но быстро, чтобы не успеть почувствовать отвратительного тепла и не захотеть врезать по улыбающейся физиономии.

- До свидания, Саске, - бросил Ирука.

- Уж лучше, прощайте.

Наруто ничего не оставалось лишь как вымученно улыбнуться отцу, будто бы извиняясь за поведение Учихи, и выйти следом за ними. Стоило хотя бы проводить…

***

Оставшись наедине со своей границей, Саске устало уронил лоб на столешницу. Стукнуло, кость отозвалась лёгкой болью… или же это кожа?
Да плевать.
Руки безвольно повисли по обе стороны от тела, и Учиха протяжно выдохнул весь воздух из лёгких. До ломоты за рёбрами.
Наруто болен.
Осознание.
Волнение. Какое-то блёклое, пока ещё не оформившееся.
«Пустяки», - скажет Узумаки.
Конечно, скажет.
Рука сама потянулась к телефону, щёлкнула клавишами, набирая забитый зачем-то в память номер.
Вот и пригодился.
Позвонить Джирайе и договориться о встрече с ним, чтобы прояснить насколько эти «пустяки» серьёзные. Ведь сам Наруто никогда не признается, чтобы не волновать, чтобы не

жаловаться. У этого идиота хватит мозгов, чтобы забить на всё вокруг и наслаждаться «раем в шалаше».
Но пальцы зависли над вмятыми кнопками, так и не опустившись.
Встретиться с лесным отшельником и окончательно разрушить все песочные замки? Ведь…что узнает Саске? Правду. А нужна ли она сейчас?
Холодное и отвратительно липкое скользнуло за шиворот, прочерчивая дорожку по груди к сердцу. Кольнуло нехорошо, тягуче и Саске отодвинул телефон от себя.
Поднявшись, он прошёл к графину и отпил воды, чтобы протолкнуть странное ощущение забивших глотку лезвий.
С этим придурком просто не может быть что-то серьёзное.
Не может.

***

- Мразь, - тихо прошипел Ирука, сжимая кулаки лежащих на коленях рук до побелевших костяшек. - Ублюдок.

Нагато, бросив короткий взгляд на мужчину, понятливо хмыкнул. Уточнять о ком так нелестно отзывался Ирука нужды не было. Красноволосый сам несколько месяцев назад мысленно наградил Саске куда более грязными титулами, вознеся его в ранг тех существ, которых хотелось бы выжечь огнём. Хотелось бы, да не получалось.
Наруто мешал, мешали наивные голубые глаза, которые по сей день смотрят с каким-то затаённым ожиданием боли. Словно бы Узумаки знал, что его рана едва-едва затянулась подсохшей корочкой, а любое движение приведёт к тому, что вновь выступит кровь и было начавшие срастаться края вновь разойдутся. Так смотрят смертельно раненные, но всё ещё надеющиеся на выздоровление люди.

- Ты друг Наруто? - спросил Ирука, отвлекая Нагато от его мыслей.

- Да, - твёрдо ответил тот и заметил, что мужчина повернулся к нему, недоверчиво скользнув взглядом.

- Не как тот…надеюсь?

- Нет, - усмехнулся парень. - Я просто друг.

Тихий вздох облегчения и горький смешок:

- А то я запутался во всём этом. Когда твой сын…

Ирука недоговорил, наверняка порезавшись этим простым словом. Плотно сжав губы в бледную линию, он вновь отвернулся к окну. На смуглом лице заходили желваки, кулаки сжались и разжались.

- До сих пор думаю, - сипло произнёс он. - Почему я не схватил его и не затолкал в багажник? Почему не заставил уехать со мной? Я ведь мог. Я ведь его отец.

- А толку?

Вновь острый взгляд Ируки, но в глубине зрачка плещется понимание, которое мужчина боится принять.

- Наруто упрямый, - продолжил Нагато. - Даже если его привязать к батарее, он скорее отгрызёт себе руку и сбежит.

Ирука замолчал. Этот парень с яркими волосами слишком хорошо знает его сына. Наруто уже когда-то пообещал сбежать из дома, если они с матерью попытаются вмешаться, но…вот они не вмешиваются, а он всё равно живёт в лесу.
Разговор с незнакомцем, попытка выплеснуть всё то, чего не скажешь Сузо. Ирука не знал, почему завёл эту тему с незнакомцем. Было ли это что-то вроде отчаяния или усталости, накопившейся за всё то время, что Наруто не появлялся дома?

- Я никогда не пойму…его.

- Любовь трудно понять, - спокойно улыбнулся Нагато. - Тем более…такую.

- Любовь? - шикнул Ирука резко. Слово полоснуло неприятно по душе, подняв с её глубины какую-то муть. - Да какая к чёрту любовь…

- А что тогда?

Он не ответил, сжимая зубы так сильно, что заболели челюсти. Ирука думал, что со временем смирится, что всё же поймёт своего сына, но время шло, а понимание не приходило. Пропасть между миром Наруто и миром его родителей только росла, углублялась. Даже хлипкий мостик меж двумя краями начал гнить и осыпаться деревянным крошевом.
Мостик, который Ирука так отчаянно хотел сохранить. Ведь он пообещал не отказываться от Наруто.
Но не обещал понимать его.
Его сын любит парня. Абсурд!
И уже что-то тише в голове шепнуло:
Позор…

***

Саске услышал хлопок двери и опустил графин обратно на подоконник. Взгляд скользнул мимо застывшего на пороге Наруто, который с видом полной опустошённости смотрел перед собой.
Видимо визит отца стал той последней каплей, из-за которой из стакана полилось лишнее.

- Уехали, - подытожил Узумаки, садясь за стол и опуская голову подбородком на сложенные руки.

- Круто, - сухо кивнул Саске и, прислонившись поясницей к подоконнику, посмотрел на Наруто. Внимательно посмотрел, так, как никогда раньше.

Перед ним сидел повзрослевший уставший парень со своими проблемами, со своими мыслями. Красивая обёртка скрывала то, что происходило у него внутри. Узумаки весь поблёк: глаза казались скорее серыми, нежели голубыми, кожа утратила своё золотистое сияние, став матовой, едва тронутой солнцем,

волосы казались белёсыми.
Повисшая тишина в комнате разбавлялась лёгким тиканьем часов, которые давным-давно не показывали правильного времени. Взгляд блондина скользнул по стене и зацепился за белый кругляш, висящий напротив.

- Батарейку надо бы заменить, - пробормотал Наруто, задумчивым взглядом следуя за размеренно дёргающейся секундной стрелкой.

Саске сморгнул и убрал руки в карманы:

- Зачем?

- Они время неправильное показывают.

Учиха, усмехнувшись, посоветовал:

- Попроси своего лакея привезти батарейки.

- Лакея? - не понял Наруто.

- Нагато, - подсказал парень. - Ты ему платишь или он так… девочка по вызову?

Взгляд Наруто метнулся с циферблата на застывшее лицо собеседника. Глаза Саске светились тем призрачным светом, который всегда бывал, когда парень застывал на грани. Брюнет, увидев интерес Наруто, фыркнул и чуть опустил глаза, сжимая руками подоконник. Он пытался сдержаться, цеплялся за все нити разом и безжалостно кромсал ими ладони. Кто же знал, что некогда шёлковые, они в мгновение ока обратятся режущей леской.

- Он друг, - мягко поправил Наруто, не имея никакого желания ругаться. - Я попросил - он помог.

- Друг, - хмыкнул Саске. - Друг, который всегда придёт на помощь. Прямо спаситель какой-то.

- Обычно друзья так и поступают, - пожал плечами Наруто.

Нити натянулись.

- А что ещё делают друзья? - вскинув голову, резко спросил Саске.

- Ты к чему это?

Наруто напрягся, кожей чувствуя, как в комнате похолодело градусов на пять. Он даже хотел поднять голову и посмотреть не клубятся ли под потолком снежные тучи, но взгляд приковало к бледному лицу.
Отлипнув от подоконника, Саске медленно пересёк комнату, останавливаясь у стола и опираясь об него руками.
Он нависал над Наруто, как та самая туча, только вот не снег в ней клубился, а сверкали пока ещё незаметные за серой хмарью молнии. Пока ещё безобидные, но вскоре грозящиеся испепелить всё или причинить боль. И непонятно, что было бы лучше: сгореть сразу или тлеть вечность.

- Ну же, Наруто, что ещё делают друзья? - прищурившись, прошипел Саске.

- Саске, - растерянно поднял на него лицо блондин. - Ты…

- Отвечай!

Наруто нахмурился:

- Друзья всегда рядом. Что за чушь, Саске?!

- Ещё.

- Они…они поддерживают.

- Ещё!

- Я не хочу играть в это…успокойся.

Тряхнув головой, Наруто поднялся и было обошёл стол, но тут же холодные руки сомкнулись на предплечьях, прижимая к стене. Тучи над головой отозвались раскатом грома, что-то сверкнуло…

- Что ещё делают друзья? - практически по слогам прошипел ему в лицо Саске. - Ну же. Ты же умный мальчик.

- Я…я не знаю. Перестань.

- Не знаешь, - печально кивнул Учиха. - Тогда я тебе скажу. Друзья не врут, Наруто. Друзья не пытаются прикрыть свой зад родителями, не обманывают.

- Я не хотел…

- Нравится мне врать, Наруто?

Узумаки упёрся руками в грудь парня, пытаясь оттолкнуть его от себя, но Саске в порыве злости становился удивительно сильным. Откуда только всё это в его теле? Неужели эмоции способны превратить тонкие руки в цепкие зажимы?

- Я просто…хочу, чтобы ты прекратил это всё.

И всё действительно прекратилось.
Пальцы разжались, с шуршанием съехав по рукавам футболки, взгляд опустился вниз, скрыв испепеляющие радужки за полотном век.

- Ты соврал. Мне.

Это прозвучало, словно выстрел. Ударом впечатало лопатками в стену.
Наруто приоткрыл рот, словно бы пытаясь набрать воздуха, но в миг забыл, как это - дышать.
«Я никому не верю», - вспомнились слова, которые Саске выговаривал тогда, у старого почти завалившегося дома.
Не верит.
Буря, наконец, вышла за свои границы. Подняла в воздух

мелкие камни, взметнула сиреневое облако вереска, безжалостно ломая хрупкие стебельки и увлекая в смертоносный танец в свинцовом небе.
Наруто сам не понял, как резко обхватил Саске руками, прижимаясь и слушая, как быстро дышит тот.
Доверие, выстраиваемое так бережно, по крупицам… разлетелось зеркальными осколками. Слишком мелкими, чтобы собрать и не загнать половину из них под кожу.

- Прости.

- Отпусти.

- Саске…

- Я же сказал, отпусти.

Толчок в грудь, и лопатки вновь врезались в стену, а Учиха быстрым шагом направился прочь в комнату.

***

Захлопнув за собой дверь, Саске привалился к ней спиной и несильно стукнулся затылком об эту фанерку. Мысли в голове метались озверевшими пчёлами, и было слишком больно пытаться выстроить их в привычный ровный ряд. Пчёл не поймать руками, да и клетка из чувств их не удержит: они будут вырываться и жалить других своими ядовитыми жалами. Остаётся лишь посадить в баллон, закрыть крышкой и следить за их медленной смертью.
Как не хотел бы Саске, но его пчёлы рано или поздно находили свободу.
Он закрыл глаза, чувствуя странное раздвоение, которое будто бы надкололо личность на две части.
«Если тебя обманули один раз, то обманут и второй…и третий», - бесновались пчёлы, жужжа и атакуя тонкое стекло. Их жала превратились в металлические иглы. Звон от ударов стал сильнее, они стремились на свободу.
«Он соврал».
Устало выдохнув, Саске отлип от двери, прошёлся по комнате

туда-сюда, прижимая руку ко лбу, пытаясь унять взбудораженный улей. Но легче от этого не становилось.
Нагато…
Нагато всегда появлялся в жизни Наруто очень вовремя. Всегда был готов предложить руку помощи, долбанную жилетку утешения. Он и сам был одной сплошной жилеткой, которая просто алкала чужих слёз, горя и обиды.
А ещё…
А ещё красноволосый был действительно хорошим другом. Таким, каким Саске никогда не станет. Ведь Учиха не знал как утешать, он не умел слушать, он не умел быть терпеливым. Всё в жизни для него было просто: если врёт, значит предаст, если сделал ошибку, то самому за неё расплачиваться. И никакие слёзы не помогут, а жилетки можно выбросить на помойку, где им и место.
Но Наруто нужно было тепло…
Он сел на кровать, опуская голову и упираясь локтями в колени.
Ничего не изменилось, Саске. Люди как были людьми, так и остались. В них с детства заложен инстинкт вранья и они разрушат всё, чтобы удовлетворить его. Они будут врать тебе, будут заискивающе смотреть в глаза, а потом точить острые ножи за твоей спиной.
Тихий щелчок двери.

- Уходи.

Наруто, замерев на пороге, нерешительно куснул губу. Он не любил врать, а после всегда чувствовал себя вывалявшимся в грязи. Она, стекая с тела, пачкала всё вокруг.
Портила.
Он осторожно зашёл внутрь, прикрывая за собой дверь и также тихо приблизился к кровати.
Кто из них был больше раздавлен этим пустяком, не понять. Был ли это ссутулившийся, прячущий лицо Саске или же он, Наруто, решившийся сунуться в клетку с опасным зверем, желая погладить его и убедить, что руку отхватывать необязательно.
Застыв над парнем, Узумаки осторожно выдохнул, будто бы каждый звук мог призвать тучу вновь. Он было протянул руку,

чтобы коснуться макушки Саске, но затем передумал. Опустился на колени рядом, лбом утыкаясь в эту самую макушку.
Застыл, выжидая, но зверь не кинулся и тогда Наруто заговорил.

- Я не хотел тебе говорить. Я боялся. Не тебя, не твоей реакции. Боялся себя, как последний идиот…

- За свою шкуру ты боялся, - фыркнул Саске, но головы не поднял.

- Не знаю…может. Это ведь впервые со мной. Раньше, - Наруто усмехнулся и вновь куснул губу. - Раньше ведь только ангина, да вот…руку сломал как-то раз.

«Сломал руку», - подумал Саске. А ведь он не знал этого, он вообще мало чего знал про жизнь Узумаки «до». А сейчас, услышав такую мелкую подробность, внезапно осознал, что хочет знать больше, хочет послушать историю о том переломе, которая наверняка будет глупой, как и все истории Наруто. Внутри заныло, и пчёлы с удвоенной силой принялись атаковать это внезапно проклюнувшееся чувство. Жала били больнее, оставляя мелкие отметины - кровоточащие ранки. Но вместе с красным выходило и зелёное - яд обиды.

- А сейчас…я не знал, что это такое. Я испугался, как последний придурок. Понимаешь?

Саске понимал, ещё сильнее сжимая зубы. Показалось, что ещё немного и эмаль треснет.
«Испугался», - мысленно произнес он. Светлый парень с лучистыми глазами, столкнувшийся со страшным словом «болезнь». Именно в том понимании, в котором никто из нас не хочет его принимать. Не простуда, не недомогание, а Болезнь. Именно с большой буквы.

- Думал, это простые нервы. Ведь…ну в общем, не верил, - сбивчиво объяснял Наруто. Хотелось заглянуть Саске в глаза, но он боялся увидеть там потухшие угли, разбитое доверие и

злость. Наверное, последнее ударило бы сильнее и сердце всё-таки бы не выдержало.

- Я бы тебе сказал. Правда, сказал бы, - сказал блондин резко. - И про родителей и про больницу. Просто…не успел.

Он глубоко вздохнул, чувствуя клокочущее в горле. Отчего-то говорить всю эту правду было трудно, а облегчения произнесённое не приносило. Лучше бы Саске кричал, лучше бы вновь посмотрел так, что захотелось бы умереть в следующую минуту.

- Просто испугался. Саске…я же… - тихая усмешка. - Как ты там меня называешь?

- Темэ, - тихий рык.

- Да, темэ, - кивнул парень. - Прости…

Саске поднял голову, и Наруто чуть отодвинулся, чтобы не стукаться лбом о лоб. Пчёлы практически оглушили своим жужжанием.

- Почему ты извиняешься? - прищурившись, спросил он. Стеклянная преграда в мозгу дала трещину и насекомые навалились. - Почему ты оправдываешься?

Наруто разом стал каким-то растерянным, словно бы получил удар под дых и теперь не знает как впихнуть в лёгкие воздух. Он смотрел на Саске какими-то мутными глазами, чуть приоткрыв губы и, кажется, вовсе не дыша. Да, он был виноват, но до Узумаки только сейчас дошло, что он сделал своей глупой ложью.
Пальцы судорожно вцепились в ворот футболки брюнета. Наруто хотел схватить то, что ускользало песком. Доверие. Плевать, что оно разлетелось и он порежет руки…
Просто плевать.
В чёрных глазах лёд. И, кажется, уже нет шанса пробиться.

- Ты же сделал так, как хотел, - продолжил Саске. - Ты хотел

обмануть - ты обманул.

- Я…

- Прекрати это, Наруто, - поморщился Саске. - Это не смертельно. Все врут.

- Но…

- Хватит мямлить. Ты хочешь, чтобы я тебе грехи отпустил? Чтобы сказал, что прощаю? По глазам вижу, хочешь.

Наруто, вздрогнув, сел на пятки, глядя на Учиху. Тот не был зол и наполовину опустошён, измотан всем этим - да, но прежней ярости в нём уже не было. И Узумаки не знал, что лучше.

- Я ошибся один раз, - проговорил он бессильно. - Всего один раз, Саске.

- Будет второй и третий и…

Наруто, резко подавшись вперёд, зацепился руками за бледную шею и рьяно мотнул головой:

- Не будет. Теперь ты знаешь. Теперь…

- А чего я не знаю? Что ты скрываешь?

- Ничего. Правда. Я…

Запутавшийся, потерянный.
Испуганный.
Саске захотелось обнять его, успокоиться и поверить. Поверить в очередной раз, но улей мешал. Трещина стала больше…

- Уходи.

Руки на шее показались лихорадочно-горячими. Огненными. Этот огонь выжег всю лазурь из глаз Наруто.

Мотнув головой, Саске высвободился из ослабевших рук и, забравшись на кровать с ногами, отвернулся к стенке, прерывая этот зрительный контакт и зашедший в тупик разговор.
Нельзя было продолжать…иначе стало бы только хуже.

- Значит, не хочешь прощать.

Учиха сильно зажмурился.

- Хорошо.

Скрип половиц, когда Наруто поднялся, и тихий хлопок двери, когда наконец-то покинул комнату.
«Пусть идёт», - шептали пчёлы. - «Не останавливай».
И Саске крепче сжал кулаки, пытаясь найти спасение в той темноте, которая пестрила белыми взрывами, красными точками и мерным гулом быстро стучавшего сердца.
Пусть Наруто идёт.
Не держи.

***

Холодная вода приятно билась о ноги, выстуживая отчего-то горящую огнём кожу. Оплетённые нитями вен руки тянулись к этой зеркальной глади, чтобы набрать пригоршню, но замерли, едва касаясь кончиками пальцев.
Отражение, что застыло в чёрной глубине, казалось знакомым, но одновременно пугало новыми чертами. Не те глаза - слишком чёрные, не те губы - слишком бледные. Кто этот парень, что без эмоций смотрит на тебя?
Саске выпрямился, обводя взглядом холодное озеро, что раскинулось вокруг. Он был здесь, но тогда рядом всегда была та, чья рука казалась холоднее этой чёрной воды.
А теперь пустота…и лишь туман стелется низко-низко.
Он сделал пару шагов вперёд. Под ногами рассыпалась острая галька и, впиваясь в кожу стоп, она разрезала мясо, жадно впивалась в него. Тонкие струйки ярко-красной крови поднимались со дна, кровавыми водными лилиями расцветая на чёрном зеркале.
Саске остановился, удивлённо смотря на цветок. Он сорвал его,

укладывая в ладонях и рассматривая сочные, гладкие лепестки насыщено-красного цвета. Они липли к пальцам и испускали дурманящий запах, напоминающий смесь карамели и цветущего винограда.
«Ты остался один даже здесь».
Руки дрогнули, сминая нежный цветок с лёгким шелестом рушащихся надежд. Лепестки комкались, окрашивая белые пальцы красными кляксами, с них капало и вода из чёрной вскоре стала багровой. Колыхнулась, и в сомкнутых руках парня что-то толкнулось, ударилось.
Саске раскрыл ладони.
Это было сердце. Тёплое, человеческое сердце, которое билось очень медленно. С каждым ударом оно обливалось тёмной кровью, что вязкими карамельными нитями повисала на пальцах брюнета, цепляясь за кожу так, будто бы не хотела растворяться в холодной воде.
Эта кровь была разумной?
Большой палец прошелся по глянцевой глади сердца, вытирая набухшие кровяные капли. Тепло.
В груди что-то заныло и, прислушавшись, Саске понял: его собственное сердце будто ножом пронзило от этого прикосновения.
Озеро колыхнулось, и мелкие камушки вновь резанули по ногам, только лилий больше не становилось, а те, что успели появиться, грязными лохмотьями почерневших лёгких оседали на дно.
Саске крепче сжал сердце, понимая, что если он его уронит, то больше никогда не найдёт в этой чёрной Бездне, готовой принять его тело в свои холодные объятия.
Озеро будто бы раскачивало, камни попадались всё острее. В какую-то минуту Саске внезапно понял, что двигается к середине озера, а вода поднимается всё выше и выше. Вот холодные сырые удары коснулись живота, затем рёбер и, наконец, грудной клетке.
Он поднял руки с сердцем выше, сжимая сильнее, чтобы то не упало. Саске хотел остановиться, но почему-то не мог, будто бы его ногами двигали неподвластные этому телу и миру силы.
Вода перед ним сверкала металлическими отсветами, впитывающими в себя багрянец поднимаемой со дна крови.
И внезапно он замер.

- Саске?

Парень, появившийся перед ним, сначала был похож на сотканный из тумана призрак, но с каждым вздохом он набирался всё больше и больше жизни, кожа его становилась плотнее, со светлых волос медленно скатывались ртутные капли, глаза наливались голубым - чужим цветом в этом серо-багряном мире.

- Наруто, - проговорил Саске, удивляясь звучанию своего голоса.

Вода коснулась сжатых ладоней, и парню пришлось поднять руки к лицу, чтобы обезопасить часто бьющееся сердце.

- Где мы? - озираясь по сторонам, спросил блондин. - Тут так холодно.

- Это…

И Саске запнулся, не в силах подобрать слова. Что это за место?

- Почему тут так холодно? - вновь спросил Наруто и нахмурился. А с губ его внезапно сорвалась тягучая капля тёмной крови.

Замирая, Саске проследил за её скольжением по белому подбородку, по горлу и по ямочке меж ключицами. А потом капля слилась с ужасным красным пятном на груди у Узумаки, смешиваясь с кровью. Саске опустил глаза ниже, туда, где зияла чёрная дыра и виднелись осколки проломленных желтоватых рёбер.
Боль была настолько оглушительной, словно это его собственную грудную клетку проломили ударом каменного молота.

- Потому что ты мёртв, Наруто, - немеющими губами произнёс Саске.

- Мёртв? - неверяще повторил блондин. Его красивые глаза расширились в каком-то детском удивлении, рука потянулась к груди и зависла над ужасающей раной, из которой торчали оборванные провода-артерии.

- Человек не может жить с вырванным сердцем, - проговорил Учиха.

Вода добралась до его рук, и очередной толчок заставил пошатнуться. Сердце, перепачканное в крови, легко соскользнуло с пальцев, будто бы Саске не сжимал его так сильно, будто бы это была самая важная вещь в мире. Оно упало в воду бесшумно, его просто поглотило вновь ставшим чёрным зеркало.

- Моё сердце, - донёсся до него голос Наруто.

- Я достану, - выпалил Учиха и опустился под воду.

«Иди ко мне. Ниже…ниже…».

Он крутанулся на месте, высматривая красный комок чужой жизни, но вместо этого видел лишь рваные чёрные лоскуты. Они липли к его коже, покрывая её новым, тёмно-багровым слоем склизкой чешуёй. Забивали рот, становясь новым языком, забирались в лёгкие, впитывая весь воздух.
А потом вода будто бы подкинула его вверх, когда Саске заметил лежащее на дне красное сердце. Протянул руку, но картинка переменилась и он оказался на поверхности.
Озеро иссохло. Пропало моментально, и под ногами оказались лишь те самые острые светло-серые камешки.

- Моё сердце, - повторил Наруто, закрывая рукой рану на груди.

Пошатнулся и с шуршанием упал на камни, раскинув руки так, словно хотел обнять всё это свинцовое небо.
Колени ударились о камни, новые кляксы боли, новые лилии, что полезли прямо из земли. Они раскрывались с тихим звоном, будто бы их листики состояли из тончайшего горного хрусталя.

- Нет, - выпалил Саске, подхватывая Наруто под плечи и накрывая его рану своей рукой. По их сцепленными пальцами толчками плескалась кровь, заливая не только грудь парня, но и его живот.

- Моё сердце, - белыми губами повторил Наруто.

Лазурь из глаз уходила - это нависшее над ними небо выпивало запрещённый здесь цвет.

- Я достану его. Я найду!

- Моё…

Саске отпустил его холодеющую руку, хватаясь за собственную грудь, пальцами впиваясь в кожу, чувствуя под ними прочные дуги рёбер. Зацепился и рванул. Странно, но боли не было, а осколки костей поднялись в воздух медленно исчезающими искрами.
Саске сжал собственное сердце, не позволяя ему сделать положенный удар. Замер, безумно вглядываясь в застывшее лицо. Наруто шевелил губами, повторял одну и ту же фразу, но слишком тихо, чтобы Учиха смог её разобрать.
Да и не важно.
Рванул, и новые искры, теперь не серебристые, а ярко-красные, поднялись в воздух. Закружились вокруг них, разгораясь сильнее.

- Вот…возьми моё.

Дрожащая рука уронила бьющееся сердце в чёрную дыру на груди парня, и загорелая кожа тут же затянулась, словно и не было страшной раны.

- Моё сердце, - улыбнулся Наруто, укладывая руку поверх. - Моё.

А потом вновь налившиеся лазурью глаза взволнованно взметнулись на Саске.

- Человек не может жить с вырванным сердцем, - сказал Наруто.

«Просыпайся».

***

Саске подскочил на измятой кровати. Его била дрожь, словно был тело оставили на морозе на несколько часов. В горле стоял горький ком, а глаза отчего-то щепало, грудь ходила ходуном, норовя проломиться взаправду.

- Наруто, - выпалил он, вскакивая с кровати и бросаясь к двери.

Сон принёс в тело ощущение вязкого страха, чего-то, что потом уже нельзя будет вернуть.
И это было не разлетевшееся доверие.
Дверь в комнату Наруто была открыта, а само помещение пусто. В окно лилось лунное свечение, кровать не расправлена, а поверх неё тот злосчастный лист из больницы.

- Узумаки, - выкрикнул Саске, но дом отозвался тишиной, давая понять:
Ты здесь один.

Учиха ринулся в кухню, не останавливаясь, вылетел на улицу и сделал круг по двору, удивляясь, что разум после такого дурного сна мыслит предельно чисто, ясно.

- Наруто!

Но блондина нигде не было.

«Уехал», - пронеслось в голове, но что-то звенело внутри, заставляя выбежать со двора и быстрым шагом направиться вниз по дороге. В душе билось странное чувство, влекущее за собой красной раскалённой нитью, что опутывала горло и сбивала дыхание.
Саске сам не знал, куда и почему идёт. Ощущение сверхъестественной силы, что передвигала его ноги во сне,

ворвалось в реальность. На миг перед ним вновь раскинулось чёрное зеркало озера, а по бокам вспыхнули кровавые лилии, но наваждение растаяло, стоило ему остановиться на крутом спуске к воде. В лицо повеяло холодом, запахло сыростью. Выдохнув и не понимая, почему он пришёл именно сюда, Саске начал медленно спускаться вниз, цепляясь за торчащие из земли корешки. В последний раз, когда он был на этом берегу с Джирайей и Наруто, они спускались по выбитым в земле ступенькам, но сейчас Учиха в этой кромешной темноте скорее свернет себе шею, чем найдёт оные.
Нога съехала по земляном склону, и пришлось изо всех сил вцепиться рукой в корешок, сдирая кожу и опаляя ладонь колкой болью.
Оказавшись внизу, Саске застыл, осматривая берег. Бледный свет луны, отражаясь бликами на чёрном полотне реки, делал песок практически серебристым и казалось, что всё вокруг покрыто снегом. Из леса, что недружелюбно чернел на другой стороне, доносились гулкие крики какой-то ночной птицы, а из прибрежных камышей кваканье лягушек.
Два серебристо-сизых дерева, которые подмыло весенним паводком, искорёженными трупами лежали посреди берега. Их корни торчали из земли тёмным комом спутанных нитей, а некоторые из них всё ещё судорожно цеплялись за песок. Эта связь давала немного жизни умирающим деревьям: с одной стороны на длинных ветвях зеленели листья, а с другой стороны голые ветви тянулись в чёрную воду, будто бы желая скрыться в ней и поскорее закончить эту полу-жизнь.
На одном из этих деревьев сидел Наруто. Саске сразу узнал его взъерошенные волосы, высветленные лунным светом практически до белизны. Парень, согнувшись, неотрывно смотрел в воду, то ли разглядывая что-то в ней, то ли вовсе заснув.
Приблизившись к Узумаки, Саске остановился рядом, и блондин поднял на него лицо. Глаза его сверкнули глубокой синевой, впитавшейся из ночного воздуха, приоткрывшиеся губы слегла дрогнули.

- Не вижу камня, - нахмурился Саске.

- Ч-что?

- Если ты собрался топиться, то лучше повесь камень на шею, - пояснил парень, оседлывая бревно. - Иначе включится инстинкт самосохранения, и ты не сможешь.

Наруто молчал недолго, странно блестящими глазами рассматривая лицо собеседника.

- Верёвку не нашёл, - наконец ответил он и вновь уставился в воду.

Саске, проследив за его взглядом, удивлённо наткнулся на круглый диск луны, отражающийся в реке, как в чёрном зеркале.
В том самом чёрном зеркале…
На миг показалось, что он вновь спит, и из воды вот-вот начнут показываться кровавые лилии.

- Неудачник, - хмыкнул он. - Даже утопиться не можешь.

- Ты тоже не смог.

- Из-за тебя.

- Ну извини. В следующий раз мешать не буду.

Саске вздохнул, опуская голову и покачивая ей. Ругаться вновь в его планы не входило, да и не хотелось. Он забрался на бревно с ногами и, повернувшись к блондину, чуть прищурился, разглядывая профиль парня.
Футболку это ходячее несчастье повесило на ветки, и теперь кожа обнажённого торса налилась холодной белизной лунного света, вместо солнечных тёплых красок. Начавшие подсыхать волосы торчали во все стороны, а на затылке окрасились в тёмный, набравшись влаги, и прилипли к шее.
Молчание никогда не было тягостным, но сейчас в воздухе повисло ожидание. Саске вновь опустил голову, вглядываясь в трепещущее отражение лунного диска. Оно будто бы смеялось над двумя людишками, которые с их проблемами на фоне всего великолепия летней ночи казались жалкими и слишком

хрупкими.

- Ты как чёртова луна, - нарушил молчание Наруто.

От такого сравнения Саске удивлённо вскинул лицо на говорящего и вопросительно поднял брови. Узумаки, оторвавшись от водной глади, повернулся к нему и смерил этим своим странным взглядом.

- Всегда вижу только одну твою сторону.

Саске хотел было заметить, что Наруто вообще ничего не видит, но отчего-то промолчал. Он просто смотрел на парня, на залёгшие под глазами нездоровые тени, на переливающиеся глянцевостью шрамы на щеке…
…И не знал, нужно ли говорить вообще.

- Я хочу видеть все твои стороны, - выдохнул Наруто. - И хорошую, и плохую. Я просто хочу видеть тебя целиком, Саске.

- Разуй глаза тогда, - беззлобно хмыкнул Учиха. - И поймёшь, что видеть нечего.

- Не ври, - мотнул головой блондин и поморщился, цепляясь пальцами за скользкие ветки, чтобы не свалиться. - Ты вечно отворачиваешься, когда тебе больно. Вечно пытаешься прикрыться злостью…

- Ничего я не…

- Как ты ко мне относишься, Саске? - прямо задал вопрос Наруто, поворачиваясь всем телом и перекидывая одну ногу через бревно, оседлав оное. - Что чувствуешь?

И только сейчас Учиха понял, откуда Узумаки набрался такой смелости и дурости. По традиции два этих качества люди частенько ищут на дне бутылки, а от Наруто явственно тянуло настойкой, которую им оставил лесной отшельник. Джирайя объяснил, что принимать её нужно при ангине по столовой ложке в день. Но, видимо, боль Наруто оказалась сильнее

какого-то там саднящего горла, и он осушил её до того самого дна, где и нашёл бредовые мысли.

- Ты пьян, - заметил Саске.

- Да плевать, - махнул рукой Наруто и чуть покачнулся. Учихе пришлось схватить его за плечи, не давая свергнуться в радостно подставленную пасть тёмной Бездны. Вода разочарованно плеснула о бревно и вновь стала гладкой и загадочно-чёрной.

Схватил за плечи и понял, что больше не хочет отпускать. Руки будто бы приросли к холодной, слегка влажной коже. Саске, подняв взгляд на лицо Наруто, повёл пальцами по его плечам, одновременно и удерживая, и собирая мелкие капельки.
Но Узумаки словно бы и не заметил, ища ответ только в глазах напротив.

- Я хочу знать, чёрт тебя дери, - прошипел он. - Я устал гадать, ты понял?

- Успокойся, - тихо попросил Саске и повторил слово-оправдание: - Ты пьян.

Потому что перед пьяным легко. Пьяный забудет на утро. Перед ним не больно обнажать ту сторону, которую никогда не видно, которая всегда в тени и холоде. В вечной мерзлоте легче держать чувства: тогда они не ударят в голову и не сожгут все нити, без которых нет личности, без которых нельзя остаться собой. Подчинившись чувствам, будешь уже другим, изменённым и извращённым.
Учиха скользнул рукой вверх, очерчивая чёткий контур плеча, затем напряжённой шеи и останавливаясь пальцами на скуле. И куда подевалась вся колкость, весь яд, который так приятно впрыскивать в чужую доверчивую душу? Учиха посмотрел в глаза-блюда блондина и понял: не сегодня. Пчёлы ночью спят, забыв про свои жала.

- Хоть и пьян, - упрямо заявил Наруто. - Хочу знать.

- Много хочешь, - улыбнулся Саске и всё-таки провел пальцами по шрамам. - Тебе мало?

- Мне всегда мало, - вновь тряхнул головой, и непослушные волосы упали на глаза, закрывая их. - Мне всегда мало…тебя.

Пальцы поднялись выше, убирая чёлку со лба и проводя по горячей коже, собирая нездоровый жар.

- У тебя температура, - нахмурился Саске.

- Плевать.

Наруто, зацепившись за его плечи, закинул ноги на ноги парня и придвинулся ближе.

- Ты достал меня, Учиха. Достал быть чёртовой луной. Хватит уже.

- Ты идиот, - выдохнул Саске, прижимая ладонь ко лбу Наруто и убеждаясь, что тот не только пьян, но ещё и с температурой. - Как давно ты здесь сидишь.

- С обеда. Да иди ты.

Он дёрнул головой, сбрасывая руку брюнета, и опустил оную.

- Я знаю, что виноват…

- Опять ты… Забей.

Руки Наруто жили отдельной от своего хозяина жизнью. Потянувшись, они обхватили Саске за талию, переплетаясь пальцами в замок на его спине.

- Никто не верит мне. И в меня. Ни отец, ни Джирайя, ни ты. Никто, Саске, - горько перечислил парень. - Отец твердит, что всё это…блажь. И пройдёт.

- А оно пройдёт? - выдохнул тихо в светлую макушку, и Наруто

внезапно резко вскинулся на него. Голубые глаза блеснули, словно хорошо заточенная сталь, губы сложились в одну тонкую линию, а брови чуть сошлись над переносицей. Практически детская обида на взрослом лице.

- Не пройдёт, - твёрдо заявил Наруто. - Доказать?

- Не…

До говорить Саске не успел. С присущей ему порывистостью, Наруто двинулся вперёд, прижимаясь сухими и горячими губами к губам Учихи, моментально захватывая контроль над этим пьяным поцелуем. Руки на спине брюнета напряглись, и Наруто оказался совсем близко, поёрзал, обхватывая его ещё и ногами.
Словно бы Саске мог в любой момент исчезнуть или убежать. Брюнет улыбнулся в горячие губы и тоже обнял этого придурка, чтобы тот не свалился в воду, утаскивая за собой и его.
Наруто внезапно дёрнулся, отстраняясь и в глазах его появился страх. Саске недоумевающе нахмурился, совершенно не понимая этой перемены.

- Тебе же нельзя тут быть, - сипло проговорил блондин. - Твой иммунитет…

- Заткнись и целуй, раз уж начал.

Минута потребовалась Наруто, чтобы осознать, что его-таки подпустили. Пусть не к скрытой стороне, но всё же…
И он поцеловал. Впился в губы так, как хотел уже давно, без неуверенных касаний и опасений, что оттолкнут, что не время. Быть пьяным - свой плюс. Всё можно списать на действие алкоголя, заставляющего кровь бурлить. Но вряд ли Наруто хотел прикрываться этим зелёным пологом самооправдания. Он просто скользил по холодным губам своими и понимал, что ему отвечают. Это рождало в душе что-то приятно-колкое, обвивающее в тугие кольца тепла, смешавшегося с влажной прохладой. Она шёлковым пологом льнула к обнажённым плечам, холодила спину и запутывалась длинными пальцами в волосах. И Наруто знал, что не тьма прикасается к нему, а

Саске скользит руками, вычерчивая лишь ему понятные линии, руша лишь для него существующие рамки.
И было не страшно находиться на берегу тёмной реки, что раскинулась посреди леса. Не пугали даже тёмные провалы там, где днём зеленели деревья, не страшили даже вымышленные в детстве монстры, что смотрели своими горящими глазами прямо в душу.
Были лишь прикосновения. Его прикосновения, собирающие холод с тела и дарящие новый: приятный и забивающийся приятной истомой под сердце.
Саске понял, что его начинает уносить куда-то далеко. На лёгких волнах покачивающееся сознание желало лишь одного: прикасаться к губам, вдыхать запах, который пробивался даже через явный дух настойки.
Запах цветочного луга, нагретого летним солнцем. Казалось, что скользящие по волосам Наруто пальцы вот-вот наткнутся на колосок пшеницы или вытянут оттуда травинку, а сам парень рассыплется в руках солнечными бликами.
Идиот ты, Наруто.
Самый настоящий.
Луна не может светиться без солнца. Без него она никчёмный булыжник, висящий в абсолютной пустоте, холоде и вечной ночи.
«Без тебя я - никто».
Саске прижался сильнее, впиваясь пальцами в спину парня, размыкая его губы и углубляя поцелуй. Хотелось быть настолько близко, насколько это было возможно. Лихорадочное тепло, которым напитался блондин, передалось рукам Учихи, и теперь он делил его поровну. Не той испепеляющей силой, а лёгкими прикосновениями чуть опаляя кожу то на лопатках, то на боках, и застывая на ключицах.
А потом пальцы уловили едва заметную дрожь, которая била Наруто.
Саске отстранился, но его вновь притянули ближе, целуя в шею и горячо выдыхая на озябшую кожу. Руки Узумаки, так и оставшиеся в замке на его спине, дрогнули, размыкаясь, и забрались под футболку. Пальцы пробежались по линии позвоночника, посылая по телу, если не электрические разряды, то нечто близкое к ним, отчего волосы на затылке чуть зашевелились, а дыхание сбилось.

- У тебя температура, - выдохнул Саске, прикрывая глаза и пытаясь удержаться на тонком канате, когда по шее прошлись поцелуем. Это было приятно. Чувства будто обострились.

- Плевать, - в очередной раз послал всё Наруто, захватывая губами его мочку уха и прикусывая её. - Мне плевать.

Здесь, посреди леса, нет чужих взглядом. Здесь можно просто быть рядом, обнимать и не бояться камней, которые вот-вот полетят в спину.
Пальцы зарылись в жёсткие чёрные волосы, заставляя откинуть голову назад, губы очертили острый контур выгнувшейся шеи, замерли на впадинке меж ключиц и Наруто прихватил осторожно зубами кожу. Саске шумно выдохнул, выпрямляясь и вновь ища губами губы.
А потом замер, чувствуя на лице горячечное тепло, исходящее от лица блондина.

- Пойдём, - тихо позвал он, хотя тело призывало остаться здесь и продолжать целовать и собирать жар с его тела.

- Н-не хо-ч-чу, - простучал зубами Наруто, прижимаясь ближе и зарываясь лицом в сгиб шеи.

Саске, положив руку ему на затылок, легко погладил, будто бы успокаивая.
Нет, кровавые лилии не распустились.
Пока ещё.

- Пойдём, - твёрдо повторил он, выпутываясь из рук блондина и спрыгивая вниз. Не рассчитал и угодил ногами прямо в воду, уйдя туда по колено. Холод тут же обнял конечности, и Саске мысленно ругнулся.

Наруто упёрся руками в бревно и сгорбился, смотря на свои пальцы.

- Ты мне так и не ответил.

- Пошли.

Ухватив его за руки, Саске потянул на себя, и Узумаки не оставалось ничего, кроме как подчиниться и спуститься вниз. Обдало брызгами, но холод хоть как-то успокоил разгоревшееся тело и Учиха кивнул в сторону выбитых в земле ступенек.

***

До дома добирались босиком. Наруто посеял где-то на берегу свои кеды, а искать их по темноте, когда один ни черта не видит, а другой из-за опьянения и температуры только их и считает, было бессмысленно. Свою же обувь Саске скинул моментально, ибо в ней хлюпало и плескалась вода.
Иголки и мелкие камни кололи стопы, и тот треклятый сон всё сильнее цеплялся за тело своими тонкими лапками, заставляя раз за разом вспоминать те кровавые лилии и опускать глаза на дорогу, ища ярко-красные пятна.
Когда они оказались дома, озноб Наруто из лёгкого перерос в крупный. Парень дрожал всем телом, обхватывая себя руками и тщетно пытаясь сдержать цокот зубов. Прислонившись спиной к стене, Наруто покорно ждал, пока Саске достанет из комода пушистое полотенце и набросит оное ему на плечи. А потом также послушно пошёл за ним следом в спальню, оставляя на полу грязные следы из осыпающихся с ног еловых игл и песка.

- Я неудачник, - прошелестел Наруто, когда они вошли в комнату. Саске, замерев напротив, скользнул руками, показавшимися до ужаса ледяными, под полотенце и зацепил пальцами ремень. Узумаки удивлённо поднял на него глаза, но Учиха не выглядел желающим продолжить то, что в миг снесло головы там, на бревне.

Ремень упал на пол, и Саске бросил:

- Штаны сам снимай. Я поставлю чайник.

С этими словами Саске вышел из комнаты. Он пытался припомнить, как лечить перегрев, но кроме подсоленной воды в голову ничего не лезло. В том, что Наруто получил несильный

солнечный удар сомнений не было: дрожь, слабость, озноб. Пока на электрической плите пыхтел чайник, Саске уставился в окно, превратившееся в зеркало. Его собственное лицо, отражающееся в нём, превратилось в белую маску с чёрными штрихами-тенями. Хотелось ударить по стеклу, увидеть рябь и то, что лицо исчезло.
Но наваждение разбил тихий свист закипевшего чайника. Набрав полный стакан воды и добавив туда чай, Саске вернулся в комнату. Вопреки его ожиданиям, Наруто, нахохлившись и закутавшись в плед, сидел у стены и мрачно поглядывал на дверной проём. Мокрые джинсы валялись у кровати рядом с полотенцем, и Учиха едва не споткнулся о них, ругнувшись. Стакан с чаем опустился на тумбочку, а сам Саске сел рядом с Наруто, пробуя его лоб ладонью и недовольно морщась.

- Выпей таблетку.

Пришлось вложить в сухие губы горький кругляш и поднести к ним же уже другой стакан с водой. Узумаки сглотнул и тихо закашлялся.

- Чай.

В дрожащие руки блондина была опущена тёплая кружка с дымящимся напитком, и он недоверчиво сделал маленький глоток.

- Без сахара…

- Замолчи и пей.

- Ты волнуешься?

- Пей, а то сейчас сам залью.

Наруто молча сделал ещё несколько глотков и протянул кружку обратно, едва не промахнувшись мимо тумбочки.

- У тебя тоже мокрые джинсы, - недовольно пожаловался парень, закутываясь в плед сильнее.

- Я переоделся, - потянул за штанину спортивных штанов Учиха. - Ложись и спи.

- Мне холодно.

Тяжело вздохнув, Саске стянул с него плед под удивлённым взглядом. Наруто тут же начал дрожать всем телом ещё сильнее, и цокот зубов стал до ужаса отчётливым. Накинув нагретую тряпку на свои плечи, Саске облокотился спиной о стену, и Наруто понятливо перебрался поближе к нему, опускаясь горящей спиной на едва тёплую грудь Учихи. Ноги пришлось подобрать, чтобы пледа хватило на двоих. Закрыв их в своеобразный кокон, Саске уткнулся подбородком в сгиб шеи Наруто и прикрыл глаза. Спать пока не хотелось, и он решил дождаться, пока Узумаки не вырубит лекарство.

- Ты мне так и не ответил, - откинувшись головой на плечо парня, напомнил Наруто. - Я хочу знать.

- Спи.

- Хватит командовать. Я не твоя собственность.

Не смотря на возмущение в голосе, Наруто не попытался отстраниться, лишь удобнее устраиваясь в руках Учихи и прикрывая глаза. Тело расслаблялось то ли под влиянием таблетки, то ли же получив так необходимые сейчас тёплые прикосновения.

- Моя.

Усмешка.

- Да иди ты…

- Спи.

Глава 3. By Myself

Глава 3.
By Myself.

«What do I do to ignore them behind me?
Do I follow my instincts blindly?
Do I hide my pride from these bad dreams
And give in to sad thoughts that are maddening?
Do I sit here and try to stand it?
Or do I try to catch them redhanded?
Do I trust some and get fooled by phoniness,
Or do I trust nobody and live in loneliness?
Because I can't hold on when I'm stretched so thin
I make the right moves but I'm lost within
I put on my daily fasade but then
I just end up getting hurt again».
Linkin Park – By Myself.

«Что мне делать, чтоб не слышать это?
Поддаться инстинктам слепо?
Скрыть гордость от этого страшного сна
Или поддаться грусти, сводящей с ума?
Смириться, пытаться всё выносить
Или бороться, пытаясь врасплох их застичь?
Доверяю, зная, что опять обманусь
Или не верю никому и один остаюсь?
Мне слишком тяжело так жить продолжать,
Я знаю, что прав, но теряюсь опять.
Я вновь одеваю маску свою-
Я так не могу - я опять предаю».

Наруто чувствовал, как жар окутывает его тело, принося с собой цветастые и бредовые сны. Большинство из них показывали сумасшедший бег по лесу, а остальные являли

собой чёрную пропасть забытья. Узумаки был рад проваливаться в неё, наслаждаясь лёгкой прохладой, а потом понял, что её дарит не царство Морфея, а невесомые прикосновения.
Вместе с ними приходило и узнавание.
Саске.
Он всегда касался осторожно, когда не знал, что Наруто давно проснулся и просто лежит с закрытыми глазами, пытаясь растянуть то время, когда Учиха из заносчивой заразы превращался в простого человека. Чуть сонного, с холодными руками и внимательным взглядом.
Но сейчас раскрывать свою уловку не хотелось. Веки всё ещё были тяжёлыми, а температура окутывала плотным коконом бреда.
Если его ложь стала последней каплей, то нужно было впитать в себя воспоминания без остатка. Наруто знал, что иначе не сможет, что рано или поздно сердце сожмёт болью и без того странного диагноза, название которого он так и не удосужился запомнить.
Сейчас это было не важно.
В этом лесном доме время останавливается, и ничего не существует за его пределами.
Перед глазами появился вечно серый город, по запутанным улицам которого ходили несуществующие люди. Где-то далеко был его несуществующий дом, с несуществующими родителями. Наверное, мать ещё спала, а отец собирался на работу. И всё это сливалось в сплошную серую массу, которая ютится где-то на краю сознания.
Реальность существует до тех пор, пока мы её видим, а стоит ей скрыться за углом, как даже самые настоящие вещи покрываются пеплом и исчезают.
Прикосновение ко лбу вновь вырвало его из опускающейся пелены бреда. Этим рваным сном нужно было дорожить, потому что можно было наслаждаться холодом пальцев, тяжестью ладони на груди. Просто лежать и слушать, как тихо дышит Учиха, как иногда шелестит его одежда, стоит ему повернуться или вновь двинуть рукой.
И ловить рассыпающиеся песком ощущения, цепляться за них, потому что потом этого не будет. С пробуждением вновь перед ним будет Учиха Саске, не позволяющий себе нежности, не

дающий другим тепла.
Но Наруто понимал, что требовать большего от друга бесполезно. Он научился находить в поступках Саске какой-то смысл, хотя иногда казалось, что брюнет действует по приказам полностью отключившегося мозга.
Даже в его злости Наруто видел то, что Саске так усердно пытался скрыть.
Он волновался.
Он чувствовал.
И маска его шла трещинами, когда злость сверкала в глазах, когда губы кривились в презрительной улыбке. И сквозь эти прорехи, в идеально белом и тонком мраморе, можно было увидеть настоящего Саске.
Со всей его немой болью, с его страхами, с его эмоциями.
Учиха говорил, что он не умеет любить.
И Наруто слепо надеялся, что это всего лишь упрямство и нежелание сталкиваться с собственными слабостями.

***

Утро принесло с собой облегчение. Саске, в очередной раз проведя рукой по лбу Наруто, довольно хмыкнул, не опалив пальцы болезненным жаром.
Температура спала ценой бессонной ночи.
Пальцы зацепили за прилипшую к коже светлую прядку, отвели её в сторону и Учиха отнял руку от лба парня, словно бы всё-таки обжёгшись.
Где-то внутри Наруто засела треклятая заноза болезни, и её не вытащить, не подцепить. Собственное бессилие раздражало, сковывая руки тяжёлыми цепями, царапая кожу и заставляя злиться. Только вот адресата своей ненависти Саске так и не мог найти.
Или просто не хотел находить, зная, куда приведут красные нити.
Зная, что придётся взглянуть в свои собственные же глаза и осознать - из-за тебя.
Отвернувшись от Наруто, он ссутулился и опёрся локтями о согнутые колени. Пальцы зарылись в волосы, легко нащупывая выпуклый шрам, к которому раньше и прикасаться-то страшно было. А сейчас хотелось разорвать его, забраться под кожу

пальцами и пробить череп, чтобы коснуться мозга и вытащить оттуда засевшую мысль.

- Доброе утро, - послышался тихий голос из-за спины.

- Лучше? - буркнул Саске, поворачиваясь к блондину и окидывая его бледноватое лицо оценивающим взглядом. Волосы местами слиплись от пота, под глазами залегли тени, а на болезненно-бледных губах проступили ярко-алые трещинки. Жар иссушил их, но всё-таки не добрался до лучистой лазури, что сейчас светилась внимательной осознанностью.

- Д-да, - неуверенно кивнул Наруто, приподнимаясь на локтях и оглядываясь. Комната была прежней, и все тени, что показались на больную голову, исчезли, сменившись тусклыми бликами на стенах.

До одури хотелось пить и Наруто потянулся за стаканом, но его пошатнуло и вновь отбросило на подушки. Потолок над головой опасно накренился.

- Не дёргайся, - шикнул Саске и, под смущённым взглядом блондина, быстро набрал в стакан воды из почти опустевшей бутылки.

- Прости, - устало выдохнул Узумаки, вновь приподнимаясь, чтобы забрать стакан из рук Учихи. Пальцы сомкнулись на прохладном боку, а затем парень взглянул на лицо своей «сиделки».

И в горле появился ком, а от неловкости сковало где-то в груди. Саске, судя по потухшим глазам и бледности, не спал всю ночь. Эта мысль заставила выпрямиться, увереннее ухватиться за стакан и преувеличенно бодро улыбнуться. Однако поймав странный взгляд брюнета, Наруто осёкся и спешно прильнул к стакану.

- Не захлебнись, - усмехнулся Учиха, забираясь на кровать и усаживаясь в ногах больного.

- Я не такой неудачник, - фыркнул Наруто.

- Ты умудрился получить солнечный удар, - напомнил брюнет, складывая руки и упираясь в них подбородком. - Потерять кеды и простыть. И всё в один день.

Он внимательно следил за тем, как по мере перечисления лицо Наруто приобретает слегка пунцовый оттенок.

- Я случайно.

Саске лишь кивнул, забирая протянутый стакан и оставляя его на пол.

- Почему ты напился? - прямо спросил он.

- Я…

Наруто запнулся, опуская взгляд и нервно прикусывая губу. Шикнул от тут же стрельнувшей боли и слизнул выступившую из трещинки кровь.
Что он может сказать?
Было так хреново, что захотелось исчезнуть из реальности?
Испугался, потому что думал, будто бы уже ничего нельзя вернуть?
Испугался.
«Как ты ко мне относишься, Саске?», - прозвучал собственный голос в голове, и щекам стало вовсе невыносимо. Получается, он выглушил бутылку настойки только потому, что запутался в их отношениях?

- Захотелось, - буркнул Узумаки.

Пальцы, зацепив за подбородок, подняли его голову, и глаза встретились с чуть прищуренными чужими. Саске смотрел с таким выражением, с каким удавы смотрят на кролика, прежде чем проглотить.

- Если хочешь подохнуть, - тихо произнёс он. - Скажи. Помогу.

Очень спокойно, вкрадчиво, но Наруто даже не захотелось спорить или отворачиваться.

- Ты уже и так похерил свою жизнь, - продолжал Саске.

- Как?

Пальцы надавили на подбородок сильнее, глаза сверкнули.

- Связался со мной.

Долгий взгляд глаза в глаза, и тишина разлилась холодом по комнате. Так бывает после дождя или грозы: природа ещё помнит жгучий страх перед молниями, но всё постепенно успокаивается.

- Я не похерил свою жизнь, - тихо ответил Наруто. - Я просто живу так…как мне того хочется.

Саске лишь хмыкнул и качнул головой в ответ на знакомое упрямство, вспыхнувшее в глазах напротив. Поднявшись, он прошёл к аккуратно сложенной на стуле одежде, и взгляд зацепился за сваленные рядом вещи. Они представляли собой кипу разноцветной ткани, от которой пахло сыростью и речной водой.
Наруто до сих пор в чём-то был всё тем же неряшливым ребёнком, для которого нормой было забыть то, что мокрую одежду лучше вывесить просушиться, иначе потом не избавиться от запаха затхлости. Наивная душа, запертая в поджарое, повзрослевшее тело, свет которой иногда можно увидеть в глазах. Как бы Узумаки не пытался соответствовать картонному миру Саске, у него не получалось. Он тянулся, как тянутся новички-альпинисты, и неизменно соскальзывал, не падая в пропасть лишь благодаря тонкой нити страховки.
Но когда-нибудь она оборвётся.
Стащив с себя футболку, Саске повесил её на спинку стула, зябко поводя плечами. Он чувствовал на себе взгляд, что тёплым прикосновением блуждал по его спине.

- Не пялься, - буркнул он, находя новую футболку

отличающуюся от первой лишь более тёмным цветом.

Взгляд пропал так резко, словно бы Наруто устыдился собственного интереса.

- Ты куда?

- В город.

Саске натянул джинсы и, застегнув последнюю пуговицу, обернулся к парню. Узумаки так и сидел на кровати: взъерошенный, чуть сгорбившийся и какой-то весь несчастный.

- На тебя извёл все наши лекарства, - пояснил Учиха и усмехнулся: - Ты дорого обходишься.

- Не лечил бы, - с вызовом фыркнул Наруто.

- В следующий раз не буду.

Растерянности во взгляде Узумаки стало чуть больше, и он повалился на кровать, накрываясь одеялом чуть ли не с носом.

- Ты там не задерживайся долго…хорошо? - донеслось до Учихи глухое.

Он кивнул, зная, что Узумаки следит за ним сквозь чуть опущенные ресницы.
Как делал всегда, думая, что Саске не видит.

Выйдя на кухню, Саске замер у стола, разглядывая так и не разобранную «стену». Пальцы уже было потянулись поправить один из выехавших «кирпичиков», но в этот момент лежащий рядом телефон Наруто коротко пискнул, привлекая внимание Учихи.
Смс.
Сопротивляться желанию было практически невозможно, и вскоре глаза уже смотрели в блёклый экран, пробегаясь по буквам, складывая их в слова и наделяя голосом.
Отвратительным знакомым голосом.

- Нагато, - тихо проговорил Саске, вновь читая ничего не значащую смс с самым глупым вопросом на земле.

«Как дела?».
Нажав кнопку блокировки, Саске раздражённо бросил телефон на стол и поспешил выйти из дома.

***

Просторный офис в серых тонах дышал холодом. Даже вода в хрустальном графине, кажется, давно превратилась в кристально чистый кусок льда.
У огромного окна во всю стену стоял мужчина. Он тоже был похож на ледяную глыбу, и от него исходили тугие морозные волны.
Всё в его образе казалось идеальным: чёрный деловой костюм, блестящие ботинки и белая рубашка под чуть приталенным пиджаком. Выбивался только галстук. Красный, словно от его горла по груди тянулась широкая полоса крови. В нём всё было взвешенно: каждый взгляд наносил точнейший удар по собеседнику, тонкие губы размыкались неспешно, словно бы мужчина ленился извлекать из себя звуки, а резкие, но аккуратные черты его лица казались почти аристократичными. Весь его облик застыл на грани. Чуть-чуть в сторону, и падение неизбежно: костюм покажется излишне официозным, лицо грубым, а голос из бархатистого превратится в карканье ворона.
За столом сидел парень, похожий на ледяного истукана лишь цветом волос, да глазами. Этот был живее, хотя лицо его застыло наподобие маски, а из тела будто бы выкачали силу. Усталость читалась в каждой его черте.

- Мадара, - позвал Итачи, проводя пальцами по тонкой папке с дорогим именем.

Он невольно расположил руку так, чтобы ладонью прикрывать его. Желание защитить, скрыть стало практически инстинктивным.

- Я не передумаю, - качнул головой тот. Мужчина, оторвав взгляд от окна, повернулся к старшему Учихе и смерил его тяжёлым взглядом. Мало кто мог знать, но сейчас в голове его шла самая настоящая борьба с логикой и семейными ценностями, которые иногда ей не поддавались.

- Ты ведь знаешь, что Саске не согласится. Это ведь…

Итачи беспомощно хватанул воздух ртом и развёл руками.

- Это ведь Саске.

- Упрямство у вас в крови.

- Дело даже не в этом, Мадара.

- Твой брат - часть семьи, - внезапно резко и жёстко оборвал мужчина. - Это и причина, и следствие, и ответ на все твои вопросы. Саске такой же Учиха, как и я.

Рука вновь накрыла папку, и Итачи отвернулся к окну. Там, внизу, по тонким рекам дорог плыли металлические корабли, а вместо шума волн был рёв мотора и редкие гудки. Люди-чайки ютились на берегах под светофорами, боязливо косясь на особо крупных железных монстров.

- Саске должен вернуться, - приказом прозвучало в кабинете. - Бежать от своего будущего невозможно.

***

Третья сигарета дымилась в пальцах.
Если так пойдёт дальше, то придётся выскребать мелочь по карманам и идти к табачному ларьку в надежде, что на курево хватит.
Зажав сигаретный фильтр зубами, Саске засунул руки в карманы и прошёлся по небольшой площадке. Здесь, рядом с парком, было немноголюдно, но и те прохожие, что редко останавливались, дабы сфотографироваться на фоне небольшого медного памятника, нервировали.

Отойдя в тень раскидистой акации, Учиха прислонился спиной к шершавому стволу, игнорируя укоризненный взгляд сидящих на лавочке мамочек с детьми. Им не нравилось, что какой-то мрачный тип отравляет воздух сизым дымом, но для прогулки они отчего-то выбрали место рядом с проезжей частью.
Нервов не было. Скорее всего это что-то отдалённо похожее на нетерпение, когда поскорее хочется поставить жирную точку в некотором затянувшемся деле.
В какой-то момент Саске не заметил, как прекратил следить за прохожими. Взгляд, расфокусировавшись полностью, подарил совершенно сюрреалистичную картину из ярких красок и солнечных бликов. Захотелось стянуть тонкие квадратной формы очки, но что-то в голове подсказывало - не поможет. Рука вновь потянулась к голове, в инстинктивном порыве нащупать тот шрам, который стал немым доказательством - ты жив, ты в этом мире.

- Саске?

Голос сбоку вернул парня в эту реальность. Повернувшись, Учиха моргнул пару раз прежде, чем картинка приобрела чёткость. Перед ним застыл Джирайя. Старик выглядел так, словно прибыл с другой планеты. Даже обычная одежда, которая на других смотрелась совершенно серым фоном, на нём выглядела чуждо. Тёмные джинсы, вместо его потёртых светлых с вытянутыми коленями и обшарпанным поясом, просторная светлая рубашка сменила цветастую футболку и в завершении аккуратно стянутые в недлинный хвост седые волосы.
Но, не смотря на все старания Цунаде, Джирайя всё равно выглядел, как старый индеец посреди цивилизации. Он иногда косился на прохожих, а люди откровенно пялились на бывшего лесного отшельника, словно нутром чуя его отличие от большинства.

- Старик, - хмыкнул Учиха.

Он никогда не испытывал к Джирайи злости или чего-то вроде того. Скорее, лёгкую настороженность, но в последнее время это чувство стало сквозить всюду.

- Ты один?

Джирайя, подойдя, огляделся, словно бы ожидая, что Наруто вот-вот выпрыгнет из-за дерева в его глупой манере позволять себе детские шалости. Но как не надеялся беловолосый увидеть крестника, перед ним продолжал стоять лишь Саске, пристально смотря в глаза мужчины.

- Я по поводу Наруто, - без обиняков начал парень. - Он приезжал сюда вчера.

- Узнал всё-таки, - сощурился Джирайя и, отвернувшись к играющимся у клумбы детям, добавил: - Всё узнал?

- Думаю, да, - кивнул Саске. - Или есть что-то, что мне ещё нужно знать?

- Если тебе не сказал Наруто, то не думаю, что разумно пытаться выведать это у меня.

От Джирайи повеяло почти осязаемым холодом. Саске показалось, что ему дали ощутимый щелчок в нос, поставили невидимую стену между ним и всем, что касается Узумаки. Склонив голову, брюнет окинул отшельница спокойным взглядом и неожиданно улыбнулся:

- Почему вы ненавидите меня?

Услышав такое заявление, Джирайя даже перестал наблюдать за умильно смеющимися детьми и вновь повернулся к нему. В некогда тёплых карих глазах сверкнуло нечто отдалённо похожее на неприязнь вперемешку с недоумением. Такое бывает, когда человек изо всех сил пытается натянуть на себя привычную шкуру доброжелательности, но внезапно осознаёт, что она уже давно мала и теперь трещит по швам, показывая то, что раньше скрывала.

- Вам было бы лучше, если бы меня не стало тогда, - продолжил Саске, с неким странным удовольствием наблюдая, как лицо

Джирайи всё сильнее и сильнее теряет краски. - Тогда…у Наруто был бы шанс стать…каким? Нормальным?

Внутри начинало подрагивать, хотя привычной злости всё ещё не было. Саске испытывал что-то вроде удовлетворения, вытаскивая по одной нитке из спутанного клубка правды. И видел, что прав, видел, как отшельник опускает глаза, избегая его взгляда. Когда шкура добродетели становится маленькой, становится стыдно: голую сущность уже нечем прикрыть.

- Тогда он бы вернулся домой, - с жёсткой улыбкой продолжил парень. - Восстановился бы в институте, нашёл девушку и забыл свою тягу к мальчикам?

- Не говори так, - чуть нахмурился Джирайя. - Я принимаю его выбор…

Шкура затрещала ещё сильнее. Отшельник поднял глаза, безбоязненно встречаясь ими с чёрными провалами.

- Только не принимаю тебя. Будь на твоём месте кто угодно - я бы и слова не сказал.

- Вот, значит, как, - хмыкнул Саске и достал из кармана чуть помятую пачку сигарет. Задумчиво прижал губами выдвинутый из рядка фильтр и хмыкнул.

- Вам плевать, с кем будет спать ваш крестник. Но лишь бы это был не я.

- Ты убиваешь его, Саске, - устало вздохнул Джирайя. - Ты довёл его сердце до…до того состояния, в котором оно сейчас.

- Как высокопарно, - фыркнул Учиха, чиркая зажигалкой, но пальцы на удивление мелко дрожали.

«Сердце»…
Перед глазами вновь вспыхнули кровавые лилии, а по пальцам заструились багряные полосы. Зажигалка чиркнула, и маленький огонёк торопливо ухватился за сигарету.

- Наруто очень переживал и переживает за тебя.

Переживает…
Дымок вырвался на свободу под неодобряющими взглядами мамочек, которые Учиха буквально чувствовал на себе. Наверняка, почувствовав свою силу умудрённого жизненным опытом старца, Джирайя словно бы выпрямился и раздался в плечах. На миг Саске показалось, что отшельник заслоняет собой всё пространство. Его стало слишком много.

- А ты…

- А я? - раздражённо шикнул брюнет, вскинув глаза на мужчину. - Что я? Наруто не маленький ребёнок. Я к себе его наручниками не приковывал и не держал. Не заставлял таскаться за собой. Он сделал свой выбор. Смиритесь уже.

Джирайя слушал молча, лишь чуть прищурившись, будто бы сигаретный дым неприятно лез ему в глаза.

- Слушайте, - выдохнул Саске, рукой проводя по лбу и стирая холодную паутину злости. - Я хочу знать - что с ним, насколько это опасно и чем грозит.

- Сердце у него не в порядке, - ровным тоном сказал отшельник. - Болезнь противная, но не смертельная, если не запускать и избегать сильных стрессов и больших физических нагрузок.

- Это лечится?

Теперь уже Саске смотрел на клумбу. Ребёнок во всю обдирал оранжевые ромашки, и их лепестки яркими бабочками поднимались невысоко над тротуаром.

- Со временем болезнь может затихнуть.

- Нет, значит, - кивнул Саске, стряхивая с сигареты пепел. - Значит, ему с этим жить.

Отлипнув от акации, Саске вновь убрал руки в карманы и медленно зашагал прочь от Джирайи.

- Ты его хотя бы любишь?

Вопрос ударил в спину выстрелом из пистолета.
Разрывным патроном.
Внутренности дрогнули, сердце замерло и ухнуло где-то в затылке.
Саске до боли в челюсти сжал зубы, изо всех сил стараясь не обернуться.

- Учиха? Ответь.

- Если вам этого не рассказал Наруто, то бессмысленно пытаться разузнать это у меня, - не поворачиваясь, проговорил Саске.

- Я думал ты изменился, - грустный смешок. - Я думал, ты стал мягче, лучше…

- Люди не меняются.

***

К вечеру город напоминал огромного издыхающего от летнего зноя монстра. Развалившись посреди пустынного берега, этот выброшенный из океана исполин тихонько умирал: кирпичные бока его рассыпались красноватой трухой, высокие гребни небоскрёбов вот-вот грозились обрушиться на головы прохожих, а в огромных блестящих витринах-глазах постепенно потухала жизнь. Ещё немного и его тело разлетится рыжими, жёлтыми и неоновыми огоньками, искрами. Поднимется высоко в небо, отразится в пролитой чёрной крови океана и с рассветом истлеет без остатка.
И тогда начнётся новый виток жизни.
Неизменный цикл.
С залива повеяло сыроватой прохладой, что запуталась в волосах. Усевшись на ажурное ограждение, что отделяло песчаный берег от набережной, Саске бездумно крутил в

пальцах последнюю сигарету.
Сейчас, когда дождевое небо потемнело, напитавшись сумеречной темнотой, оно слилось с заливом и стёрло линию горизонта. Перед Саске раскинулась бескрайняя жемчужно-серая гладь, словно ртутное зеркало, словно стальная пустыня. Можно было упасть в неё и перестать существовать или же крепче зацепиться за бортик замерзающими пальцами.
Вместо этого Учиха вновь закурил.
Наверное, от него будет нести дымом, когда он вернётся в лесной дом.
Наверное, Наруто опять будет обвинять его в том, что кто-то совершенно не бережёт оставшееся здоровье.
Наверное…
В небе загрохотало, будто бы умирающий монстр издал свой последний клич, полный воли к жизни и сожаления о чём-то упущенном. Он сожалел, как никогда раньше. Вдалеке сверкнуло, на миг вычерчивая острую линию горизонта, и тяжёлые, крупные капли начали падать с неба.
Тряхнув головой, Саске поднёс к зажатой в губах сигарете зажигалку и чиркнул ею. Огонёк вспыхнул, но порыв поднявшегося ветра тут же потушил его. Учиха шикнул проклятие, вновь чиркая зажигалкой, но в этот раз прикрывая слабое пламя ладонью.
Жёлтый блеск ослепил, вырывая из глаз влагу. Очки бы спасли, не убери Саске их в карман.
Ладони было тепло от трепещущего огонька, и, хотя сигарета давно уже тлела красноватым на конце, Учиха не спешил убирать зажигалку. Он, не отрываясь, смотрел на пламя, испытывая странное желание ухватить его пальцами, как это делали дети на клумбе с яркими лепестками оранжевой ромашки.
Защищать огонёк зажигалки было просто. Всё, что нужно, чтобы тот продолжал существовать - ограждать его ладонью от капель начавшегося дождя и ветра. И взамен получать тепло. Но вскоре кожу начало щипать лёгкой болью. И чем дольше Саске хотел продлить жизнь этого дрожащего лепестка огненной ромашки, тем больнее было и невыносимее удерживать ладонь рядом.
Рано или поздно мы не справимся с выставленными для себя рамками. Нас раздавит или обожжёт.

Наруто не справлялся, но и уйти не мог, зная, что тогда ветер и дождь обязательно погасят пламя.
Учиха резко опустил руку и убрал зажигалку в карман.
Дым вместе с паром сорвался с губ.
Он ненавидел чувствовать себя огоньком.

***

Смена вышла ужасной. Стоило сразу отказаться от сверхурочных и просто наслаждаться положенным выходным, но пустой бумажник наводил на мысли о том, что отоспаться можно и после смерти, а вот кушать хочется уже сейчас.
Когда вечер перевалил далеко за черту, разделяющую лёгкие сумерки от глубокой темноты, Нагато добрался до дому. По крыше и лобовому стеклу его машины сначала начали барабанить мелкие капли, к концу дороги превратившиеся в сплошной поток.
Кажется, осень посылала первых гонцов оповестить о том, что вскоре настанет её время.
Красная машина остановилась у бордюра старой этажки, что на фоне новомодных высоток казалась нелепым расплющившимся по земле толстяком. Не спасали даже пластиковые окна, пришедшие на замену потрескавшихся рам.
Жёлтые лучи фар выхватили из промозглой мглы ссутулившуюся чёрную фигуру, восседающую на лавочки у подъезда. Нагато сразу узнал парня: не по вымокшим чёрным волосам, не по белой коже и пронизывающему взгляду чуть прищуренных тёмных глаз, а по тому чувству, что при виде Саске неприятно заныло под рёбрами.
Есть такие люди, встреча с которыми чем-то похожа на прямой удар ножом. Так вот Учиха был не из таких. Его удар был медленным, лезвие по миллиметру входило в плоть, рассекая её и не давая сразу ощутить боль в полной мере. Сначала даже непонятно, что тебя режут и смерть уже заглядывает тебе за плечо.
Заглушив мотор, Нагато неспешно вышел из машины и замкнул дверь. На его развалюхе не было даже сигнализации, но вряд ли бы кто из ночных воров позарился на такой кусок железа.
Хотя дождь и лупил по нему изо всех сил, парень не спешил забежать под козырёк подъезда. Из-за чужого взгляда время

будто бы замедлилось, и все движения стали чересчур плавными.

- Здравствуй, - кивнул Нагато, останавливаясь напротив Саске. - Что-то случилось?

- Да, - кивнул тот и поднялся.

- Ну, пойдём, - настороженно проговорил Нагато.

Он знал, что Саске давно не в ладах с собственной головой, но отчего-то именно страха перед съехавшей крышей и её непредсказуемым хозяином не испытывал.
Не боялся он и когда они вошли в сырой и тёмный подъезд, в котором кто-то в очередной раз выкрутил лампочку. Страха не было даже тогда, когда Нагато вставил ключи в замок, спиной чувствуя тяжёлый взгляд.
Дверь щёлкнула, доверчиво открываясь вовнутрь и впуская парней. Послышался счастливый цокот когтей по подранному паркету, и в грудь Нагато толкнулись сильные лапы, отстраняя его на шаг назад.

- Пэйн, - улыбнулся парень. - Место.

Доберман в темноте казался сплошным сгустком мглы, но загоревшаяся одинокая лампочка на потолке быстро наполнила комнату рыжим светом и очертила линии поджарого тела, кинула блики на лоснящуюся чёрную шкуру и сделала рыжие подпалины ярче.
Пэйн, оставив своего хозяина в покое, опустился на все четыре лапы и уставился на Учиху.

- Он настороженно относится к людям, - пояснил Нагато, стягивая с ног кроссовки и убирая их под низкий комод. - Вы с ним похожи.

За его спиной лишь хмыкнули.

- Ты поговорить хотел, - напомнил красноволосый. - Идём, чайник поставлю.

- Не нужно. Я ненадолго.

Они прошли в небольшую кухню, и Нагато заметил, как Саске прикрыл за ними дверь, оставляя Пэйна в коридоре. Многих гостей нервировал огромный пёс не самой дружелюбной породы, и парень не был против человеческой осторожности.

- Садись.

В комнате повисла странная атмосфера ожидания. Оба прекрасно понимали, что Саске пришёл не чай пить за дружеской беседой о днях минувших. Оба знали, но никто из них не спешил озвучивать то, что висело на тонкой паутинки и должно было вот-вот сорваться без чьей-либо помощи.
Под пристальным взглядом Нагато наполнил железный чайник и поджёг конфорку да так и остался стоять спиной к парню, упёршись руками в столешницу и чуть опустив голову.

- Зачем ты пришёл?

- Поговорить.

- О чём?

- Больно ли любить Наруто?

***

Губы растянула злая улыбка. Сдерживать яд стало трудно, а собственная шкура давным-давно разлезлась под его тлетворным натиском. А пытаться казаться другим перед Нагато никогда не хотелось.
Спина красноволосого дрогнула, и он выпрямился, но поворачиваться не спешил, словно слова Саске содрали с него последнюю защитную оболочку и теперь тому было стыдно явить своё настоящее лицо.

- Ты ведь любишь, - тихо прошипел Учиха. Слова полосовали губы. Ещё чуть-чуть, и на них выступит ядовитая кровь. - Ты

ведь привязался к нему…

- Разве привязанность сейчас под запретом? - глухо спросил Нагато.

- А зачем тебе играть в одни ворота?

Хотелось посмотреть в треклятые фиалковые глаза, хотелось увидеть растерянность на всегда спокойном лице…
А потом Нагато всё-таки повернулся, и в его глазах не было и тени растерянности, смятения или непонимания.
Красноволосый прекрасно осознавал, почему Учиха заявился к нему с этим вопросом и почему сейчас смотрит так, будто бы хочет вытащить душу по лоскутам.

- А какое тебе дело до моей игры? - чуть вздёрнул он брови. - Наруто с тобой - радуйся, цени.

- Ты играешь на моём поле, - бросил Саске. - Проваливай и оставь его в покое.

Фиалковые глаза чуть сузились, неосознанно повторяя взгляд за Учихой. Наверное, Нагато стоило многих усилий скрыть своё истинное лицо за маской дружбы и железной готовности всегда прийти на помощь. Ведь красноволосый каждый раз оказывался рядом, всегда помогал Наруто и не отказывал ему, если тот просил приехать даже самой поздней ночью.
А Узумаки бездумно этим пользовался, словно не понимая.
Или же действительно не видя?

- Зачем ты пришёл, Саске? - приподнял голову Нагато. - Ведь Наруто выбрал тебя. Или…ты боишься?

Кулаки сжались, и Саске шипяще выдохнул, разглядывая настоящее лицо собеседника. Где-то за дверью тихо рыкнул Пэйн, уловив царящее на кухне настроение.

- Боишься? - переспросил парень. - Ведь…ты тоже заметил, что когда Наруто плохо и больно, он идёт ко мне. Скажи…

Под омертвевшим взглядом, Нагато сделал пару шагов в сторону Учихи, и между ними оказался метр заполненного ядом воздуха.

- Доверяет ли он тебе полностью, когда старается скрыть свою боль?

- Тебя используют как жилетку, - усмехнулся Саске, хотя в горле засел ком из лезвий. - Девочка по вызову. Не хватает смелости, Нагато?

- А ты хочешь чтобы её хватило? И что тогда, м? Наруто сравнит, а вдруг ему понравится жилетка? Что ты будешь делать тогда?

Паутинка лопнула, как и терпение Саске. Его обдало холодным жаром, и кулак врезался в скулу чуть подавшегося вперёд Нагато. Красноволосый, не ожидая, что у Учихи всё же сорвёт последние предохранители, увернуться не успел, а поэтому от боли на миг потемнело в глазах.
Руки Саске сжали ворот футболки парня, толкая того спиной на кухонную тумбу. В оной звякнуло, когда Нагато больно приложился поясницей об её край, но ещё сильнее зазвенело в ушах, когда он пропустил очередной удар.
Злость выжигала, заставляя наносить удар за ударом, но в какой-то момент её стало слишком много, желчные волны захлестнули его с головой, мешая дышать и в ответ пришёл не менее сильный удар. Отшатнувшись, Саске согнулся пополам, жадно ловя ртом воздух. Тот горчил и отдавал полынью.

- Ты боишься потерять его, Учиха, - тяжело отдуваясь, сказал Нагато и вытер кровь с разбитых губ. Языком провёл по зубам, поморщился и тряхнул головой.

Наверное, Саске впервые видел его таким: глаза сумасшедше блестят, брови сведены к переносице, маска спокойствия хрупнула и осыпалась кровавыми осколками к ногам.

- Потому что ты никто без него. И ты это знаешь.

Боль в животе постепенно прошла, позволяя вновь распрямиться и броситься на Нагато, впечатывая его теперь в стену. Кулак прошёлся по вовремя выставленному блоку, и костяшки пальцев опалило болью, руку свело судорогой и пришлось отпрянуть, пригнуться, пропуская ответный удар над головой.
Нагато умел драться. Его сила будто бы накапливалась годами вместе с той чёрной злостью, которой хватило бы на двоих. От которой становилось трудно дышать.
И от боли. Ужасной душевной боли, которая напоминала глубокую пропасть, забирающую в себя все другие эмоции. Саске выпрямился, и тут же лопатки прижало к кафельной стене. Предплечье Нагато надавило на горло, мешая двигаться и заставляя задрать голову, кривя губы в оскале.

- Рано или поздно Наруто поймёт, что любит по инерции, - рыкнул Нагато. - И тогда увидит, что его больше ничего не держит рядом с тобой.

- Заткнись, - сплюнул Саске и дёрнулся, пытаясь вырваться. - С-сука!

- А я буду ждать, - зло улыбнулся красноволосый. - Я подожду и вновь приду ему на помощь. Ведь ты же у нас не можешь отдавать. Ты можешь только брать, ломать и извращать. Да, Саске?

Удар головы по носу Нагато не выдержал. Отшатнувшись, налетел спиной на стол, зажимая рукой лицо. По дрожащим пальцам, со сбитыми костяшками, уже бежала тёмная кровь. Второй удар Саске нанёс в висок, повалив противника на пол. Дыхание сдавило где-то за рёбрами, и оно хрипами вырывалось из горла. Нагнувшись, брюнет ухватил парня за воротник и заставил посмотреть в глаза.

- Засунь свои чувства поглубже, - прошипел он в перепачканное кровью лицо.

Наверняка удар в висок стал решающим в этой драке, и Нагато вот-вот должен был вырубиться. Но кулаки сжимались раз за

разом, когда в ушах гудели недавно произнесённые слова.

- Наруто уйдёт, - тихо выговорил Нагато. - И ты останешься один. Поверь мне…

Хотелось ощутить привычное затмение в голове, но мысли были до ужаса чистыми. Только тело дрожало от злости. Складной нож щёлкнул, раскладываясь и зависая над горлом Нагато.

- Оставь его, - вновь повторил Саске.

- Или ты убьёшь меня? - как-то странно усмехнулся Нагато. - Саске, ты жалок. Ты чувствуешь, что Наруто отдаляется…и цепляешься…

Красноволосый не договорил, ногой ударив по ногам Саске. Учиха покачнулся, чувствуя как опора пропадает, а затылок встречается с твёрдым полом. Сверху сразу навалились, хватая за запястье и ударом о жёсткий паркет выбивая из руки нож. Тот с печальным стуком отлетел куда-то в сторону, кажется, закатился под пол, но точно Саске сказать бы не смог: был слишком занят тем, чтобы сбросить Нагато с себя. Удар по скуле мотнул голову в сторону.

- Если бы ты не любил только себя, то оставил бы его ещё тогда, - почти выкрикнул красноволосый, прижимая запястья противника к полу. Саске дёрнулся, лбом пытаясь дотянуться до уже разбитого носа Нагато, но ничего не получилось.

- А ты печёшься только о том, чтобы тебе было комфортно. Тебе нравится, когда тебя любят.

- Да пошёл ты на хер!

Саске всё-таки удалось скинуть Нагато с себя. Кое-как поднявшись, парень добавил пинком под рёбра и ухватился за стол. Шатало, в голове звенело, а рот то и дело наполнялся кровавой слюной.
Учиха застыл над сжавшимся на полу телом, разглядывая

скорчившееся в гримасе боли лицо.
Такие, как Нагато верят в жертвенность любви.
Если любишь - отпусти.
Бред. Чёртов бред подростков, страдающих максимализмом. На самом деле в этом чувстве нет ничего пафосного, великого. Оно разъедает, превращает в слабого, боящегося остаться наедине с самим собой.
Хотелось сказать что-то. Наверное, нужно было поставить точку в этом разговоре, но язык словно присох к нёбу. Если бы Саске заговорил, то изо рта полилась бы кислота вместо крови из разбитой губы. Если бы Нагато ответил, то одним придурком этим вечером стало бы меньше.
Но красноволосый был умнее или же просто никак не мог справиться с охватившей его болью.
Лучше бы второе.
Шикнув, Саске раздражённо толкнул двери кухни, пропуская мимо юркнувшего к хозяину Пэйна.
И из пропитавшейся горечью и болью квартиры Саске вышел удивительно спокойно. Лишь дверь раскатом грома хлопнула за его спиной, и эхо разнесло звук по тёмному подъезду.
Саске пошатнуло, и он остановился, приваливаясь спиной к стене и прижимая слабо подрагивающую руку к холодному лбу.
За черепом не было ни одной цельной мысли: все они дробились, словно разноцветные стекляшки некогда чистого разума. Теперь же всё слилось перед глазами в сплошную мешанину, наполненную синими, рыжими и красноватыми бликами.
Нагато знал, куда бить. Он будто видел его насквозь.
Кулаки вновь сжались, и Саске, чувствуя, что вот-вот вернётся в квартиру красноволосого, чтобы совершить очередную глупость, спешно спустился по лестнице и вылетел на улицу.
Холодный дождь ударил в лицо так сильно, что на миг выбил из головы все глупые желания, все погребённые под злостью мысли. Грудную клетку будто спазмом сводило - обливалось ли там треклятое сердце или же удары у Нагато были слишком точными…
«Я устал».
Руки пошарили по карманам, но наткнулись лишь на мелочь и обёртку из-под мятной конфеты. Хотелось курить, а ещё сильнее: напиться. Горло, как и душа, требовали спиртовой

горечи, которая способна хотя бы до утра унести мысли прочь, забрать чувства или же довести их до пика, за которым уже ничего. За которым Пустота и спокойствие, похожее на смерть. И шанс жить дальше.
Усталость оседала на плечи, тянула вниз и хотелось просто скорчиться под первым же деревом, надеясь, что тело превратится в кусок камня или просто исчезнет вместе со всем этим…
Со всеми этими чувствами.
Саске зло пнул кусок кирпича, и тот, врезавшись в стену, отлетел обратно, едва не попав по ноге. Злость. Горечь.
Всё это охватило его плотной сетью, что резала и без ножа.
Схватив камень, Учиха со всей злости запустил его в стену, и тот разлетелся мелкими осколками.
Эгоист. Чёртов эгоист, Учиха.
Следом за камнем в стену ударил кулак. Боль раздирающей волной ободрала тело, сняла с него кожу, оставив голое мясо с воспалёнными нервами.
«Ты никогда не умел любить».
«Просто оставь его».
Кулак второй, третий раз впечатался в стену. Наверное, завтра рука опухнет…
Обессилив, Саске ткнулся лбом в шершавые кирпичи, тяжело дыша и позволяя каплям дождя скользить по изуродованному, искорёженному болью телу.
«Наруто болен из-за тебя».
И всё-таки он заглянул в свои собственные глаза. Увидел там ответ на терзающий вопрос, который боялся задать вслух, которого боялся, словно за ним нет больше жизни.
Плевать на эту жизнь, в которой не знаешь: где правда, где ложь. В ней не разобраться. Саске чувствовал, что начинал увязать в странной, непонятной паутине из тонких серебряных струн. Это была та самая жизнь, ради которой Наруто отдал половину своего огня. Стоила ли она того? Стоило ли жертвовать половиной себя, ради того, кто разучился быть живым, Узумаки?
Тихий рык сорвался с губ, Саске сжал зубы едва ли не до скрипа, впился пальцами в стену. Если дать волю своим чувствам, то можно вернуться обратно. Разбить лицо того, кто больно бил по самому сокрытому.

Но возвращаться было нельзя.
Единственный выход - позволить разорванной в лоскуты шкуре соскользнуть с тела вместе с холодными струями. Позволить себе быть собой под этим серым куполом из дождя и ночного воздуха.
Потому что, когда сумеречного укрытия не будет, придётся вновь стать тем, кем тебя все хотят видеть. Спрятать свою слабость поглубже, натянуть лоскуты и продолжать пытаться вписаться в жизнь.
Саске с трудом оттолкнулся от стены. Пришлось несколько минут простоять, привыкая к грохочущему сердцу, к трещащим от его напора рёбрам.
Рука в очередной раз зарылась в карман, но сигарет не было. Ничего не было.

***

Люди в последней электричке смотрели на забившегося в самый угол парня. Мокрая чёрная футболка облепила стройное тело, правая рука окрасилась в синеватый, и с неё то и дело капала кровь, но черноволосый, кажется, не обращал на ту никакого внимания, свесив вниз. Он смотрел в тёмное окно, и хотя за ним из-за горящего в вагоне света, ничего видно не было, его глаза неотрывно следили за чем-то.
К такому бы никто не подошёл, и лишь контролёр проверила билет, держась на безопасном расстоянии. Кто знает эту молодежь: обкурятся или оборжутся чего, а потом кидаются на людей.
Мрази.
И куда только родители смотрят.

***

Когда электричка остановилась на нужной станции, Саске, пошатываясь, вывалился из вагона и остановился, прислонившись спиной к хлипкому ограждению.
Электричка, вздрогнув, загудела и вскоре вновь побежала по рельсам, оставляя после себя странный гул в пропитанном сыростью воздухе.
Саске проводил её поблескивающие золотым окна странным

взглядом человека, который начал путать сон с реальностью. Сейчас, когда на мир опустилась темнота, спутать было не мудрено. Грань истончилась до шёлковой нити, и перешагнуть её стало легче лёгкого. Саске знал, что будет за ней, знал, что его там ждут, но отчего-то до сих пор шёл лишь по острому краю.
Тело начало бить ознобом, и это был верный знак того, что завтра можно проснуться с температурой.
Взгляд был устремлён на тёмный лес. Ни огонька, ни звука. Только ветер чуть шелестит листвой, да путается в траве, пугая притихших после грозы и неуверенно оживающих сверчков. Нужно было возвращаться.
Изодранная шкура никак не хотела ложиться обратно на плечи. Первый шаг было сделать труднее всего, но затем Саске всё быстрее и быстрее начал приближаться к лесу.
Завтра всё будет по-другому.
Может, этого самого завтра не будет вовсе.
Под ногами хрустели мелкие веточки. Иногда ночной лес можно принять за устрашающую декорацию к фильму ужасов, но сейчас он для Саске был лишь картонными декорациями плохого спектакля в средней школе. Страшнее было то, что сидело внутри него. Это нечто, заевшей пластинкой, то и дело повторяло слова Нагато.

***

Наруто проспал до обеда и, проснувшись, чувствовал себя чуть живее, чем ночью. Не было бреда, озноб не бил и состояние было расценено как приемлемое. Скорее всего большую часть неприятных ощущений добавляло накатившее похмелье. Всё-таки пить настойку Джирайи на пустой желудок под палящим солнцем было не очень умно.
Пройдясь по дому, Наруто не нашёл Саске, выхватив взглядом лишь брошенную брюнетом на стул куртку. Машинально взял её в руки, сжимая и расправляя, поглядывая за окно, где совсем потемнело от набежавших тучек.
Повесив куртку на вбитый в стену гвоздь, Наруто зачерпнул воды и шаркающей походкой ещё толком не проснувшегося человека направился обратно в спальню. Саске ещё не вернулся. Оно и понятно: время едва перевалило за полдень, а

электрички иногда имеют свойство задерживаться.
Второй раз Узумаки проснулся из-за чего-то холодного, что пробежало по рукам неприятной дрожью, змеёй забралось под рёбра и сжало почему-то желудок. Открыв глаза, Наруто долго смотрел перед собой, совершенно не понимая, почему глаза не видят ничего, кроме едва подсвеченных синим контуров полки и кресла. Он прислушался, но с кухни не доносилось ни звука, зато снаружи вновь завывал ветер.
Холодок усилился, когда Наруто поднялся, опуская босые ноги на пол и кое-как вставая. Из-за долгого сна тело налилось отвратительной тяжестью, что превратила его в неповоротливого деревянного болванчика, которому забыли правильно расположить шарниры.
Пол под ногами мелодично поскрипывал, наполняя будто бы выстывший домик звуками и надеждой, что сейчас с кухни донесётся такой же скрип. Но, войдя и щёлкнув выключателем, Наруто увидел только пустоту и сиротливо покачивающуюся из-за сквозняка чёрную куртку на вбитом в стену гвозде.
Саске ещё не было.
Взгляд на настенные часы. Перевалило за двенадцать ночи, и если Учиха не успел уехать на последней электрички, что отходила ровно в девять, то застрял в городе до утра.
Но что заставило его задержаться так долго?
Наруто вновь подошёл к графину и машинально налил полный стакан воды, выпил одним махом, чувствуя как отвратительно потяжелело в желудке.
В голове метались какие-то странные мысли о том, что Саске мог не найти нужной аптеки, но потом подключалась логика и отметала этот бред. Чтобы купить лекарств много времени не потребуется. Час или два и ещё час на то, чтобы добраться до вокзала из центра, где находится парочка дешёвых аптек. В том, что Саске направится именно туда, Наруто не сомневался: их сбережения оставляли желать лучшего.
Отставив от себя стакан, Наруто вновь взглянул на часы в надежде, что ему показалось. Но нет, стрелки неумолимо сдвинулись ещё на пять минут вперёд.
Змея из желудка переместилась на лёгкие, и блондин распахнул форточку, впуская внутрь пахнущий дождём воздух и пару одурелых от внезапно упавшей температуры комаров. Кровопийцы сразу же метнулись куда-то на потолок, где и

спрятались между широких щелей.
Решение проблемы пришло само собой.
Взяв со стола свой телефон, Наруто быстро набрал знакомый номер и выжидающе уставился на ряд из выставленных предметов. Странная у Саске привычка…

- Аппарат абонента выключен…

Дослушивать Наруто не стал, удивлённо уставившись на экран, где отметилось время завершившегося звонка. Волнение ударило в голову, заставляя вновь взглянуть на часы.
А потом по окну резануло рыжим светом фар подъехавшей машины. Наруто ринулся к двери, ожидая увидеть всё: и машину скорой, и полицейских, и даже Итачи.
Но он совершенно не ожидал увидеть знакомую красную иномарку, из которой быстро выбрался Нагато. Парень, завидев блондина, буквально подбежал к нему, и Наруто невольно отшатнулся, увидев ссадину на скуле, разбитые губы и чуть припухший нос.

- Что случилось?! - выпалил Наруто, отступая ещё на шаг назад.
- С Саске что-то?

Змея лизнула сердце своим раздвоенным язычком.

- Собирайся, - выпалил красноволосый. - Мы уезжаем.

- Уезжаем? - непонимающе повторил Наруто. - Почему? Нагато, что с тобой случилось?

- Тебе нельзя здесь оставаться, - решительно выпалил парень.

Наруто ещё никогда не видел его в таком состоянии: красноволосого буквально трясло, его глаза блестели нездоровым светом, руки впились в плечи Узумаки, то сжимаясь, то чуть расслабляясь.

- П-почему? - опешил Наруто, сбитый с толку всем этим. Казалось, что это всё сон.

- Тебе нельзя быть рядом с Саске.

- Нагато! - выпалил блондин. - Почему? Объясни!

- Он…

- Ты.

Слишком спокойный голос за спиной заставил Нагато отшатнуться в сторону, напряжённо уставившись на застывшего на дорожке Учиху. Наруто, выйдя из-за заслонившей его спины, спустился на ступеньку, чтобы лучше видеть лицо Саске.

- Что здесь происходит?

Белеющий пакет с шелестом выпал из руки брюнета, а сам он ринулся вперёд. Наруто на миг показалось, что от Учихи сейчас долбанёт волной тёмного огня: настолько больно было находиться рядом, но ударило другим.
Схватив Нагато за воротник, Саске всей своей массой толкнул красноволосого на дверь. Та со скрипом распахнулась внутрь, едва не слетев с петель, и до Наруто донёсся звук удара.

- Эй! - выпалил он, влетая следом и останавливаясь на пороге, не в силах решить за что хвататься, кого оттаскивать первым.

Узумаки не раз видел, как Саске выходит из себя, часто чувствовал на себе его злость и болезненность ударов, но никогда не думал, что со стороны это выглядит так ужасно. Пугающе.
Нагато отвечал, быстро и как мог жестоко, но было видно, что в злости парень намного проигрывает будто бы озверевшему Учихе.
Они налетели на полку со склянками. Нагато вовремя пригнулся, и кулак Саске со всей силы познакомился со стеклянными дверцами. Те печально хрупнули, и Учиха тряхнул рукой, чтобы вновь сжать её в кулак с упрямством камикадзе. А в следующий момент Наруто метнулся вперёд, хватая этих двух идиотов за плечи и пытаясь растащить.

- Да стойте вы! - выкрикнул он, вклиниваясь между ними и разводя руки в стороны. Взгляд на одного, на другого, и Саске попытался броситься в атаку вновь, но раскрытая ладонь Узумаки несильно, но отвлекающе, ударила в его грудь.

- Прекратите! - выпалил Наруто. - Какого хера?!

- Пошёл отсюда, - прошипел Саске, глядя только на Нагато. - Я тебя предупреждал.

- И что ты сделаешь? - ощерился тот.

Саске дёрнулся, но Наруто повернулся к нему, стараясь зацепиться взглядом за злой взгляд Учихи. Со стороны Нагато не исходило такой злости и ненависти, как от брюнета, поэтому Узумаки опустил руки, поворачиваясь к Саске.

- Успокойся, - тихо попросил он. - Какого тут вообще происходит? Что на вас нашло?

Учиха не отвечал, но взгляд опустил, удивлённо моргнув, будто бы не видел Наруто до этого и не замечал, что между ними выросла белобрысая преграда.
А Наруто вдруг стало по-настоящему страшно и холодно от бездумного взгляда.

- Саске, расскажи ему, - хрипло усмехнулся Нагато.

- Проваливай, - повторил тот.

- Саске!

- Или что?

Они вновь начали напирать друг на друга, и Узумаки пришлось в очередной раз развести руки в стороны.

- Да прекратите вы! - выкрикнул он в отчаянии. - Нагато, Саске! Хватит!

В душе всё рвалось, гудело, и змея во всю упивалась кровью из сердца, запустив в него свои длинные клыки без яда. Яд и не нужен, когда они так прекрасно справляются без него.

- Ты не можешь оставаться рядом с ним, Наруто, - твёрдо произнёс Нагато, найдя в себе силы подавить желание броситься на Учиху.

Наруто, уставившись на друга во все глаза, от удивления едва не отступил в сторону, отпустив вновь было двинувшегося вперёд Саске.

- Это опасно и…

- Нагато, - выдохнул Узумаки. - Я похож на маленького ребёнка?

- Наруто…

- Я похож на идиота?

«Да», - мысленно заметил внутренний голос. А кто ещё, если не полный кретин будет пытаться удержать Учиху на расстоянии вытянутой руки от человека, которого тот желает сравнять с землёй по каким-то своим неясным причинам.

- Я хочу быть здесь, - с нажимом сказал Наруто. - Я здесь только по своей воле, если ты не заметил.

От этих слов Нагато даже отступил на шаг назад, опуская руки и смотря на блондина во все глаза. Фиалковая радужка потемнела, морщинка между тонких бровей разгладилась.

- Когда же вы все поймёте, - устало выдохнул Наруто. - Я на своём месте.

Лицо Нагато стало неестественно бледным, и только капли крови вызывающе алели на тонкой коже. Он сделал ещё шаг назад, будто бы человек столкнувшийся со стеклянной стеной, которую не заметил раньше, а теперь удивляется острой боли

после удара.

- Наруто…или ты едешь сейчас со мной, - могильным голосом начал Нагато. - Или остаёшься здесь и…и я обещаю больше не влезать в ваши отношения.

Наруто нахмурился. Чувство нереальности затягивало.
Он почувствовал, как с другой от него стороны напрягся Саске, как тёмный огонь начал превращаться в колючие искры, готовые вновь обрушится сплошным испепеляющим потоком, если хоть кто-то из них подкинет дров.

- Нагато…ты мне друг…

- О котором ты вспоминаешь лишь тогда, когда…тебе плохо, - правильно поняв ещё не прозвучавший ответ Наруто, кивнул красноволосый. - Друг…по вызову.

- Что ты такое…

Наруто осёкся, рука опустилась сама собой, но Саске остался стоять на месте.

- Ты был прав, Учиха, - только и смог проговорить Нагато, разворачиваясь и неровной походкой направляясь к чудом удержавшейся в петлях двери.

- Нагато! - крикнул блондин и оказался рядом с выходом. Вот только переступить порог не посмел: тяжёлый взгляд в спину был той самой нитью, которая держала. Если она лопнет сейчас, то новую сплести не удастся, какие слова не вкладывай.

Проследив за тем, как машина Нагато скрылась в темноте, Наруто бессильно опустил голову.

- Ещё успеешь догнать, - бросил Саске, проходя мимо и чуть задевая плечо.

Учиха громко спустился по ступенькам, останавливаясь рядом с разлапистым кустом сентябринок.

- Я не собираюсь никого догонять.

- Я бы на твоём месте подумал дважды. Такого друга теряешь.

Наруто молчал, сжимая дверь и желая хлопнуть ею посильнее, отгородиться от наступающей темноты и холода. Но пальцы будто парализовало.

- Кому жаловаться будешь?

- Тебе, - тихо ответил Наруто.

- А что я? Я Учиха Саске, который по мнению большинства махровый эгоист, существующий только для себя, любящий только себя и то…под вопросом.

Голос Саске страшно дрожал, ломался и рассыпался нервными нотками, превращающимися в шипучие искры.

- Ты не такой.

Наруто всё-таки отпустил дверь, и, к его удивлению, земля не ушла из-под ног. Он осторожно спустился, подходя ближе к неестественно выпрямленному Саске, протянул руку, не решаясь пока коснуться плеча.

- Ты другой, - упрямо произнёс блондин, и рука сжала холодную и влажную ткань футболки. - Ты приносишь много боли, Саске, но…я знал, что так будет.

- Так какого хера…какого чёрта, Наруто, ты до сих пор мучаешься? - едва слышно выдохнул Учиха. - Тебе нравится боль? Тебе правда она нравится?

- Мало кому нравится боль.

Саске повернулся так резко, что Наруто пришлось отшатнуться. Не от неожиданности, а от того, каким он увидел Саске. Лицо, полное эмоций, блестящие глаза, разбитые губы, искажённые

болью черты. Если бы она была физической, ему бы было не так паршиво, но это чувство исходило откуда-то из глубин его странной души.

- А ты?! Чем ты такой особенный?!

Саске положил руки на его плечи, не сжимая, но сдавливая так, что не вырвешься. Но Наруто и не хотел, не собирался даже.

- Ничем. Я обычный, - пожал он плечами.

- Обычный.

Губы Саске скривились, словно бы он пытался улыбнуться, но не получилось.

- Ты придурок, Узумаки. Ты был им и остаёшься. Ты идиот, чёрт тебя дери. Какого…какого чёрта…

Он обнял его так сильно, что на миг Наруто показалось, будто бы Саске захотел переломать в нём все кости. Саске вцепился пальцами, уткнулся лицом в сгиб шеи, цепляясь и прижимая к себе.

- Я… - тихо выдохнул Учиха. - Я разрешаю тебе уйти, Наруто.

- Саске?

- Не перебивай. Ты можешь уйти, если хочешь. Правда, можешь. Я больше не могу быть в ответе за твою жизнь, я больше не смогу…и ты не сможешь. Мы…

Саске задохнулся собственными же подступившими к горлу чувствами. Они были слишком яркими для того, кто отвык от них, кто привык видеть только чёрное и белое, наплевав на ненужные оттенки. И сейчас они мстили, накрывая с головой, забивая глотку и пронзая лёгкие битым стеклом.

- Мы убиваем друг друга, ты знаешь. Это всё неправильно. И все они правы, Наруто. Чёрт их дери! Они правы!

На спину неуверенно легли едва весомые руки, и Учиха отпрянул от блондина, словно кипятком ошпаренный. Он прошёлся до куста сентябринок, ударил по ним ногой, поднимая в воздух блёклые лепестки и зарываясь пальцами в волосы.
Наруто следил за парнем, что, кажется, совершенно потерялся в своих чувствах. Он впервые за долгое время не знал, что делать, как успокоить и как успокоиться самому. Рядом с Саске было страшно, рядом с ним было больно, невыносимо и Учиха был прав: закончится всё это чьей-то смертью. Но…
Как может быть по-другому.

- Решай, - каркнул брюнет. Его спина мелко подрагивала, руки сжимались в кулаки.

- Саске, - позвал он. - Перестань, а то я тебе врежу. Я ведь тебе уже говорил. Что изменилось?

- Наруто! Твоё сердце изменилось! - прокричал Учиха, резко поворачиваясь. - Из-за меня! Как ты не поймёшь?!

Столько эмоций во всегда спокойном голосе ставили в тупик, заставляя непонимающе таращиться на то оголившееся своими чувствами существо, что тревожно вглядывалось в его лицо, что сжимало кулаки и зло хмурило чёрные резкие брови.

- Моё, - спокойно кивнул Наруто. - Ничего с ним не будет. Это ведь лечится…

- Да как ты…

- Ты волнуешься? - неожиданно понял Узумаки и едва не улыбнулся. Для улыбок было совершенно неподходящее время: казалось, ещё чуть-чуть, и Саске всё-таки ударит.

Учиха замер.

- Ты испугался, - догадался Наруто, и Саске сделал шаг назад. - Из-за меня.

Но не смотря на попытку брюнета отдалиться, Узумаки приблизился, протягивая руку и опуская её на дрогнувшее плечо.

- Всё хорошо, Саске, - тихо произнёс он. - Я не уйду. Я просто не смогу…

Парень лишь отрицательно покачал головой.

- Только ничего не говори, - поморщился в ответ блондин. - Ты умеешь портить всё…

- Ты прав. Портить.

- Ну вот, - примиряюще улыбнулся Наруто, подходя ближе. Осторожно, словно к раненному зверю, который из-за собственной боли может ударить в ответ. Он просто будет защищать то, что уже открыл. Не смог сохранить в тайне.

Скользнул рукой по предплечью вниз, стирая капли, грея лихорадочным жаром и смыкая пальцы на судорожно сжатом кулаке. Саске шикнул, и Наруто запоздало вспомнил: ударился, разбил кулак о стекло.

- Пойдём в дом, - тихо позвал он, перехватывая за запястье. - Я замёрз.

Потому что не скажешь: «Саске, тебе холодно».
Потому что из упрямства останется снаружи встречать рассвет.
Потому что это Саске.
Он всегда будет прогонять, боясь подпустить слишком близко.
И это будет повторяться.
Раз за разом.
И только слабак скажет, что они ходят по кругу. Только слепой не увидит, что жизнь этих двоих превратилась в две параллельные, которые всё-таки пересеклись в одной точке, вопреки всему.
Поэтому - мне холодно.
Поэтому - я замёрз.

Саске всегда ценил чужую жизнь больше своей. И Наруто внутренне сгорал от стыда, потому что не понял этого раньше, требовал каких-то слов, требовал от Учихи того, что тот всегда считал мусором.
Был слишком глуп, слеп, чтобы просто посмотреть в глаза.
Глух, чтобы прислушаться к биению любимого сердца.
Хотел слов.
Придурок.

***

Он сидел перед ним опустошённый.
Выжженные эмоциями глаза жадно следили за лицом напротив.
Уставший.
Наруто протянул руку, касаясь бледного лица свёрнутой марлей и утирая выступившую на скуле кровь. Саске следил за ним почти не отрываясь, бездумно, и Наруто было страшно.

- Не смотри так, - попросил он.

- Как?

Подцепив пальцами руку Учихи, Наруто положил её к себе на колени, с ужасом смотря на посиневшую конечность. Было такое ощущение, что Саске положил кисть на проезжую часть и по ней проехался грузовик. В ранках поблескивали стекляшки, и Узумаки надеялся, что те залегли не очень далеко и не придётся примерять на себя роль хирурга. В больницу Саске поехать откажется…

- Ты так смотрел тогда… - нехотя сказал парень. - Когда был не в себе.

Подцепив чудом найденными небольшими щипчиками один из осколков, что засел между костяшек, Наруто потянул его осторожно. Саске тихо зашипел и попытался сжать кулак, но пальцы блондина предостерегающе сжали, не позволяя. Осколок упал в подставленное блюдце, и из ранки потекла яркая кровь.

- Не нравится мне это, - выдохнул Наруто, прикладывая к ней вату в перекиси. Зашипело, запенилось.

- Что я ещё тогда делал? - неожиданно спросил Саске, не обращая никакого внимания на ноющую боль в кисти. Раньше было хуже.

- Да ничего толком, - пожал плечами Наруто как можно беззаботнее, но внутри похолодело. - Сидел, лежал. Ходил иногда…

Ещё один осколок звякнул по блюдцу.
Саске замолчал, вглядываясь в сосредоточенное лицо напротив. Наруто был взъерошенным, как и утром, но произошедшее оставило странный холодный след в его глазах.

- Сейчас будет больно, - предупредил Наруто и дёрнул особо глубоко засевший осколок, а следом тут же прижал ватку. - Хорошо, что костяшки не выбил.

- Выбил, - качнул головой Саске. - Кажется.

- Идиот, - беззлобно выдохнул блондин, принимаясь заматывать пострадавшую ладонь. Когда узелок был затянут, Наруто поднял голову, ища взгляд Саске, руками накрывая его руку.

- Что вы не поделили с Нагато? - всё-таки задал он давно мучающий его вопрос. И понял - зря.

Глаза Саске из дымчато-серых вмиг вновь стали чёрными и холодными. Он снова закрылся, а потом его руки дрогнули.

- Тебя.

Сказано, как отрезано. И Учиха замер, ожидая реакции. Наруто почувствовал себя сапёром-новичком на минном поле. Один неверный шаг, и…

- Меня? - облизнул он губы и подсел ближе. Лавочка

протестующе скрипнула, и перекись вместе с бинтами пришлось отложить на стол. - Саске, я ведь не твоя собственность.

Учиха прищурился.
И Наруто поспешил поцеловать его, прежде чем Учиха сделает выводы, подберёт слова побольнее и ответит.
Осторожно прикасаясь к разбитым губам, зализывая ранки и ощущая чужую ядовитую кровь на своём языке. Он отстранился, позволяя Саске вдохнуть. Опустил голову, смотря на перевязанную руку, что сейчас казалась чуть больше второй ладони из-за бинтов. Пальцы заскользили по выпирающей костяшке, очерчивая её острые границы, по набухшей венке. Учиха позволял рассматривать свою руку или же вновь думал над болезненным ответом. Наруто не знал, переворачивая его ладонь. Длинные тонкие пальцы чуть дрогнули, когда Узумаки заскользил подушечками пальцев по побелевшему, но всё ещё заметному шраму вдоль запястья. На втором был такой же, только чуть короче и забавно расходящийся тонкими росчерками в стороны. Словно бы молодое дерево с тонкими веточками.
Саске, прислушиваясь к ощущениям, прикрыл глаза, выдыхая через нос.
Злость уходила.
«Наруто уйдет. И ты останешься один», - голос Нагато поднимал в душе тихую бурю из острого стеклянного песка.
Учиха зажмурился сильнее, ловя рассеянно блуждающую по его запястью руку и сжимая. Он не хотел открывать глаза, не хотел сталкиваться взглядом с застывшими лучистыми глазами. В темноте было уютно, почти как тогда, под струями дождя, что нежно укрывают изодранное тело, лишившееся своей защиты.
«Больно, Саске? Слова ранят, не правда ли?», - издевательски усмехнулся внутренний голос, и вновь в душе поднялась горечь. Вновь стало больно и душно рядом, вновь захотелось сорваться с места и уйти.
Но тёплая рука, греющая раны через бинты, не давала.

- Останься.

Саске опустил голову, чувствуя себя, если не мёртвым, то

опустошённым сегодняшним днём. Лоб уткнулся в светлую макушку, и Учиха тяжело вздохнул.
Пальцами по виску к затылку.
К шее и выступающему седьмому позвонку.
Надавить на него слегка, а губами найти чужие и увлечь в новый поцелуй, не обращая внимания на боль в своих.
Поцелуи бывают разные, но для себя Саске давно избрал именно тот, что сродни расплавленному воску. Он тягуче капает на губы, даря боль, а следом странное холодное удовольствие, заставляющее кожу покрываться мурашками и тянуться за новым витком ощущений.
Но в этот раз потянулся Наруто. Обхватил шею ладонями, прижался губами и чуть привстал. Не размыкая поцелуя, он заставил Саске сесть ровно и следом опустился на его ноги, поджав свои и упираясь коленями в лавочку. Так было ближе, так было удобнее скользить пальцами по заострившемуся лицу, срывать дыхание поцелуем.
Пальцы Саске теми самыми вересковыми веточками пробежались по спине, расчерчивая её и останавливаясь на пояснице, придерживая.
Учиха поднял веки, ловя приоткрытые губы и вновь отпуская.
Пальцы Наруто пробежались по груди парня, и блондин недовольно нахмурился. Футболка была насквозь мокрой и уже начинала неприятно холодить его собственное тело. Подцепив её за край, Наруто потянул чёрную тряпку вверх и небрежно отбросил на пол. Склонился под внимательным острым взглядом, целуя белую точёную шею, укладывая руки на спокойно вздымающейся груди парня, принимая ответные почти болезненные поцелуи.

- Шшш, - тихо выдохнул он в шею Саске, прикусывая ключицу в отместку, когда холодные губы случайно или намеренно задели сосок.

Наруто сразу прижался к нему, зацепился, сбиваясь с ровного дыхания и как-то смущённо улыбнулся, двинувшись вперёд так, чтобы животом Саске почувствовал его заметно очертившееся сквозь тонкую ткань спортивных штанов возбуждение.
Они давно не позволяли себе быть настолько близко. Что-то мешало, что-то не давало толчка к этому. Всё прошедшее,

казалось, осталось в другой жизни и сейчас придётся начинать с нуля.
Вновь изучать доверчивое и податливое тело, его изгибы. Находить что-то новое и не бояться, что времени не хватит. Теперь время стало всем, что у них осталось.
Саске провёл пальцами под резинкой спортивных штанов, заглядывая в посветлевшие от возбуждения глаза. Наруто закусил губу, ощущая, что всё это очень странно, но этого давно хотелось. По-новому взглянуть в чёрные глаза, которые сейчас не гладкий холодный камушек, а бархатная Бездна, тепло обнимающая за плечи.
Всё то, что Наруто хотел услышать словами, Саске передавал своими действиями, прикосновениями.
Не будет легко.
Будет больно.
Всегда.
Но потом, следом за болью, придёт тягучее удовольствие. Расплавленный воск, стекающий по напряжённым мышцам, дарящий остроту лезвия и мягкость бархата.
И будет Саске.
Холодная ладонь кое-как чуть стянула штаны, освобождая напрягшийся член. Наруто застыл, уткнувшись лбом в лоб Саске и, кажется, даже дышать перестал.

- Я как-то…

Саске быстро поднял на него такие же помутневшие глаза, и смущение куда-то делось разом. Быть рядом не всегда значит делить боль. Быть рядом иногда позволять другому дарить удовольствие.
Быть настолько близкими, чтобы смущаться той самой близости - глупее и не придумаешь. Обнажать душу раз за разом и бояться показать тело.
Пальцы Саске провели вдоль ствола, и Наруто сильнее сгорбил спину, упираясь лбом в ключицу парня. Тело было напряжено до такой степени, что каждое прикосновение приносило сладкую дрожь. Нетерпеливую, зудящую и выворачивающую всю душу.
Сдвигая тонкую кожицу, Саске не без интереса следил за меняющимся лицом парня. Учиха подался вперёд, срывая с губ

удерживаемый изо всех сил стон. Прижался к ним своими, а рукой обхватил напряжённую плоть.
Наруто резко дёрнулся, обхватывая его ногами и прикусил холодную мочку уха брюнета, носом проводя по виску парня. Хотелось чего-то выходящего за рамки простых объятий. Хотелось Саске, чёрт возьми.
Словно почувствовав это желание, Учиха прихватил Наруто за поясницу, теснее прижимая к себе. И больше не захотел отпускать. Не захотел прекращать чувствовать горячее дыхание в висок, ощущать сжимающиеся пыльцы на плечах.
Наруто впился поцелуем в шею, оставляя на тонкой коже заметный след, провёл языком по напряжённой мышце. Тёплые, чуть шершавые ладони легли на острые лопатки Саске, грея. Узумаки хотел взять и дать больше, чем все эти робкие касания. Поправив штаны, он выпрямился, целуя грудь, касаясь напряжённого живота, и поднялся, отходя от Саске на несколько шагов.
Учиха, проследив взглядом за блондином, поднялся следом, непонимающе смотря на смуглое лицо с красивыми плавными чертами. Даже неаккуратно торчащие в разные стороны волосы казались привлекательными. В них хотелось запустить руку и погреться об их солнечный свет. Саске это и сделал, подойдя ближе и зарываясь пятернёй в волосы Наруто, притягивая его к себе и следуя за ним. Поцелуй вновь затянул этих двоих в водоворот из рваных прикосновений и быстрых ласк.
До спальни добирались натыкаясь на стены и останавливаясь, чтобы передохнуть и вновь найти горячие губы. Руки скользили по телу, сжимали кожу, тянули на себя, прижимали ближе. Бёдрами поводили по напрягшемуся паху, срывая с губ тихие нетерпеливые стоны.
И наконец ввалились в тёмную комнату, спиной открывая дверь. Чьей так и не поняли, но лопатками на стену налетел Саске, когда под колени ударила кровать, заставляя осесть на неё со всего размаху.
В тусклом синеватом ночном свете фигура застывшего напротив Наруто казалась ещё тоньше, ещё гармоничнее. Широкие плечи и узкие бёдра, впалый живот и тонкие мышцы. Рыжеватый свет, что пробивался из кухни в комнату сквозь неплотно прикрытую дверь, пытался отвоевать тело Узумаки от бархатно обхватившей его мглы, но блондин шагнул вперёд,

натыкаясь коленями на колени Учихи. Саске, ухмыльнувшись, потянулся к нему руками, зацепил за штаны и потянул их вниз, помогая освободиться от ненужной тряпки.

- Подожди.

С этими словами Наруто отошёл от него и ненадолго пропал из поля зрения. Саске был способен видеть лишь чуть размытый силуэт, а когда Узумаки закрыл дверь комнаты и всё погрузилось в темноту, то всякое зрение стало бесполезным.

- Узумаки, - шикнул Саске, но не успел подняться следом, как за пуговицу на джинсах дёрнули, чиркнули замком и потянули за штанины. Джинсы упали сбоку от кровати, и тёплые руки погладили согнутые колени.

- Я ничего не вижу, - возмутился Учиха тихо.

Желание контролировать ситуацию было необходимым как воздух, а темнота давила на него, мешая связно мыслить. Казалось, что глаза вновь…

- Просто…чувствуй…

Наруто провёл руками по гладкой внутренней стороне бедра, цепляя короткими ногтями тонкую кожу, опускаясь коленями на шершавый коврик у кровати и придвигаясь ближе.
Саске напряжённо вглядывался в темноту. Ему не нравилось чувствовать себя беспомощным. Ему не нравилось не видеть…
А потом низ живота коснулись влажные губы, и цепочка поцелуев пробежала до пупка, нервными импульсами пронизывая тело. Внизу потяжелело ещё сильнее, и влажное и горячее прошлось вдоль члена, упругое сомкнулось вокруг головки и Учиха откинулся головой на стену, сжимая зубы и пытаясь рукой найти жёсткие светлые волосы. Но его запястье сжали, придавили к кровати, не позволяя и лишая последнего способа управлять.
Наруто вновь обхватил горячую плоть не менее обжигающими губами. Внутри боролось странное чувство. Оно не было похоже на что-то поныне испытываемое. Держать Саске за

запястья. Саске, который не против получать ласку. Саске, который дрожаще выдыхает, напрягаясь всем телом от каждого движения губ.
Саске, который есть здесь и сейчас.
Учиха зажмурился, и внезапно ощущения пропали. Вместо них на коленях вновь появилась привычная тяжесть чужого тела, а руки легли на плечи. Горячие, прожигающие кожу насквозь и достающие до самых костей.
Он обнял Наруто. Больше не в силах терпеть всё это мучительное наслаждение, затянувшуюся игру с оголившимися нервами друг друга.

- Чёрт, - досадливо рыкнул Саске в плечо. - Забыл…

Ведь было не до этого…

- Держи, - со смешком вложил в ладонь небольшой тюбик.

На пальцы легло влажное и прохладное. Саске, прикусив губу блондина, осторожно провёл ими меж ягодиц и надавил на вход в это замершее тело. Наруто напрягся, чуть привставая и шумно выдыхая на ухо брюнета.

- Ничего, - предостерегающе пробормотал он, почувствовав, что Саске остановился. Опустился, раскачиваясь и позволяя пальцам вновь войти в себя. А потом, когда мышцы чуть привыкли, подался вперёд, наваливаясь грудью на грудь Учихи. В кольцо мышц уперлась горячая головка, и Наруто, зацепившись за одурманенные глаза Саске, качнулся.

Брюнет замер, превратившись в натянутую струну. Первое ощущение обдало кожу холодком подбирающегося удовольствия. Второе, уже увереннее и глубже, заставило вздрогнуть, цепляясь за плечи и едва не надавливая на них. Ждать, поддаться этой слепой игре. Терпеливо вглядываться в темноту, ловить дрожащие губы, осторожно придерживать руками, сжимая бока и не позволяя причинить боль этому тяжело дышащему существу.
Острый жар внутри сначала мешал движениям, наполняя тело ощущениями, граничащими с болью и желанием прекратить

всё разом. Но Наруто лишь сильнее сжимал острые плечи, позволяя Саске поддерживать его, раскачивался. И чем дольше, чем тяжелее и чаще становилось их дыхание, тем сильнее срывались в сумасшедшую гонку обезумившие мысли. Боль, удовольствие - всё смешалось в одно. Так всегда с Саске.
И больно и затягивающе.
И не только сейчас…
Движения резче, жар от тел сильнее.
И вновь кажется, что потолок вот-вот обрушится им на головы.
Вновь прикосновения вырывают из груди хриплые стоны, вновь пальцы впиваются в спину, перестав поддерживать, доверяя.
Доверяя и доверяясь.
Саске потянулся за приоткрытыми губами и понял: ему мало.
Недостаточно.
Всегда будет мало. Всегда будет хотеться больше.
До помешательства, до безумия.
Всегда чувствовать тепло прикосновений и плевать, что воспоминания о них вскоре померкнут под пронизывающим осенним ветром.
Есть только сейчас. Только здесь.
Перехватив Наруто под спину, Учиха опустил его лопатками на кровать, нависая сверху и целуя взмокшую солоноватую шею.
На этот раз войти было легче, но сердце сорвалось в настолько бешенный ритм, что могло запросто выбить в груди дыру размером в кулак. Наруто изогнулся под ним, всё-таки срываясь на долгий протяжный стон, в котором удовольствие смешалось с болью.
Вересковое поле вспыхнуло дурманным огнём, его заволокло сизым дымом, что лип к обнажённой коже, к переплетённым телам. Путался в волосах и делал поцелуи мучительно-сладкими. Пряными и одновременно горькими.
Саске, отклонившись назад, упёрся коленями в поскрипывающую кровать и обхватил одной рукой согнутое колено, а второй напрягшуюся плоть Наруто.
Толкнулся вперёд, поводя по нему рукой, и блондин внезапно слишком громко выдохнул, выгибаясь дрожащей дугой.

- Больно? - загнанно выдохнул Саске, приостанавливаясь. Но его тут же схватили за запястье, и он услышал сбивчивый голос в ответ:

- Ты…там…задел что-то. Но не больно…

Учиха вновь качнулся вперёд и вновь тихий стон, вновь напряжённое тело.
Наруто потерялся в ощущениях, проваливаясь в ту самую бархатную Бездну, позволяя её сильным рукам ловить тело, сдавливать лёгкие, мешая дышать. Ведь зачем сейчас ему воздух?
Но он был нужен. Горели лёгкие, горело тело, горело всё вокруг, а искры сыпали на грудь. Он падал бесконечно долго, пока спину не пронзило прикосновением от впившихся в неё пальцев, а шею не куснули чувствительно, заставив дёрнуться то ли от сладости, то ли от горести. Движения Учихи стали быстрее, и вспыхнуло всё. Сплошной комок огня осветил Бездну, выявляя все её неровные грани, все её светящиеся стороны, крытые мраком.
Вспышки одна за одной ярко взрывались за закрытыми глазами, и, повинуясь руке брюнета, тело выгнулось в последний раз, выплёскивая скопившееся напряжение. Наруто бессильно повалился на смятую простынь, цепляясь за неё пальцами, а взглядом за лицо Саске.
Красивый.
Именно сейчас…
Правильный, точный. Острый.
Настоящий?
Чёрные глаза поймали его, резкие росчерки бровей дрогнули, меж ними залегла тонкая морщинка, влажные губы чуть приоткрылись, притягивая, заставляя желать вновь одарить их укусом.
Саске не мог видеть внимательного взгляда. И не только из-за темноты. В голове шумело, в висках било, всё плыло. Но не от боли. А от накрывшего удовольствия. Внутри Наруто стало горячо, невыносимо. Учиха сжал бока парня, входя ещё и ещё раз.
И исчез. Пропал. Растворился.
Больше ничего не существовало и можно было отпустить, забыть. Можно было наконец насладиться тишиной в голове, ударами чужого сердца под рукой, чужим пульсом, чужим дыханием.

Его губами, упав рядом.
Его запахом, потянувшись к виску и проводя по коротким волосам носом.
Его руками, обхватившими за плечи и притянувшими ближе.
Его.
Его Наруто.

***

Холодное утро не спешило будить этих двоих, что спали под одним пледом. Цветастые лоскуты ловили солнечные блики, нагревались, согревая прижавшиеся друг к другу тела.
Им не было холодно, но никто не хотел разжимать плотно сцепленных рук. Никто не хотел просыпаться, хотя Морфей давно покинул эту комнату.
Наруто открыл глаза первым, больше не в силах удерживать ускользающий от него сон.

- Саске, ты спишь?

Он потянулся и пальцами убрал съехавшие на бледное лицо пряди. И не удержался, проводя подушечками по прохладной коже, осторожно минуя подживающую скулу и касаясь губ, что из-за вчерашней драки казались слегка розовее обычного.

- Уже нет, - не открывая глаз, ответил Учиха.

- Помнишь…ну…я…

- У твоей матери сегодня день рождения.

Наруто даже на локте приподнялся, глядя на Учиху удивлённо.

- Ты помнишь?

- Заткнись и не мешай мне спать.

Саске, всё также не открывая глаз, обнял блондина, подтягивая к себе и пряча холодный нос в изгибе шеи того.
Наруто, замешкавшись на миг, всё же спокойно улёгся рядом,

наслаждаясь теплом и временным спокойствием. Правда мёрзли вылезшие из-под перевернутого немыслимым образом пледа ноги, но сейчас это волновало в последнюю очередь. Ради такого пробуждения он мог пожертвовать не только ногами.
Удобно уложив голову на предплечье брюнета, Наруто тихо проговорил:

- Я хочу, чтобы ты пошёл со мной. И не спорь. Я без тебя не пойду…не хочу без тебя. Вообще.

- Вообще? - сонно усмехнулся Саске.

- Да.

- И я без тебя не хочу.

Глава 4. Skin.

Глава 4.
Skin.

«Paint yourself a picture of what you wish you looked like
Maybe then they just might feel an ounce of your pain
Come into focus step out of the shadows it's a losing battle
There's no need to be ashamed.

Cause they don't even know you all they see is scars
They don't see the angel living in your heart
Let them find the real you buried deep within
Let them know with all you've got that you are not your skin».
Sixx:A.M. – Skin.

«Нарисуй свой портрет, такой, каким ты себя видишь,
Может, тогда они смогут понять чуточку твоей боли.
Будь в центре внимания, выйди из тени,
Это проигрышный бой, незачем стыдиться.

Потому что они тебя не знают, они видят лишь шрамы,
Но не видят ангела в душе.
Позволь им узнать тебя, похороненного внутри,
Пусть они знают, что ты не только оболочка».

Наруто тревожно взглянул на своего спутника, когда они подошли к двухэтажному частному дому, почти скрытому за разросшимися розовыми кустами и огромным разлапистым деревом. Сузо всегда любила природу, поэтому настояла на переезд в пригород.

- Саске, всё нормально? - спросил Наруто, заметив, что лицо Учихи приобрело какое-то странное, отрешённое выражение. Будто бы брюнет пытался заслониться от предстоящего

очередной маской.

Они остановились у калитки. Отсюда прекрасно были видны большие окна дома и можно было представить, как вечерами они загорались уютным янтарным светом.
Брюнет невольно поднял голову на то окно, что находилось на втором этаже. Комната Наруто даже отсюда дышала холодом опустевшего жилья.

- Саске? - вновь позвали его, и Учиха взглянул на блондина.

- Всё нормально, - кивнул он, чувствуя, как его руку сжимает чужая. Тёплая. Наверное, нужно было улыбнуться или показать, что его ничего не волнует, но в этот момент двери дома открылись, заставив Наруто вздрогнуть и невольно выпустить ладонь Саске.

- Наруто!

Сузо, очевидно завидев сына через одно из окон, не стала дожидаться, пока её чадо само постучится в двери. Слетев с порога, женщина очень быстро оказалась рядом с ними, обхватила руками блондина и порывисто прижала к своему тонкому телу. Наруто, неуверенно обняв мать в ответ, внезапно ощутил бешенное тепло, стремительно окутывающее его.
Это чувствуют все повзрослевшие дети, которые самовольно провозгласили себя независимыми, которые посчитали, что родители им уже не нужны. Нацепили на сердце ледяные оковы, мешающие тянуться домой, под крышу места, где всегда чувствуешь себя защищённым. И лишь просто объятие матери, которая всё ещё пропитана тем духом детства, заставляет эти оковы рассыпаться в труху. Болезненно и очень тепло.
Саске даже отошёл на шаг, будто бы сбитый мощной волной, которую вынести просто не мог. Он засунул руки в карманы и понял, что очень хочется курить.
Или уйти.
Уже сейчас оказаться подальше и дать Узумаки право быть сегодня тем, кем он привык быть. Ребёнком.
Сузо, наконец, отпрянув от сына, положила свои руки ему на плечи, пристально разглядывая, хмурясь и недовольно

покачивая головой.

- Похудел, - грустно сказала женщина.

- Всё нормально, мам, - выдавил из себя Наруто, неловко улыбаясь под взглядами двух далеко не безразличных людей. Ему казалось, что он застыл между молотом и наковальней и в любой момент один из них сорвётся.

Налюбовавшись изменившимся сыном, Сузо всё-таки осознала, что нечто чёрное и хмурое слева от Наруто далеко не его тень, принявшая объёмное изображение. Повернувшись к Саске, женщина чуть прищурилась, будто бы без очков не могла разобрать того, кто застыл перед ней.

- Ты с другом, - улыбнулась она, но Учихе её улыбка показалась пластиковой: гладкая, красивая, но до ужаса безжизненная.

- Ага, - как можно беззаботнее ответил блондин.

- Отец не предупреждал, - хмыкнула Сузо, и улыбка сползла с её лица, зато глаза приняли какое-то обеспокоенное выражение. - Мы думали посидеть семьёй…ладно. Поставлю на стол ещё приборы.

Саске лишь чуть вздёрнул брови, но почему-то удержался от комментариев. Он проследил за тем, как Сузо, поймав Наруто под руку, буквально потащила его к входной двери. Узумаки обернулся, взглядом ловя его взгляд, и Саске сдвинулся с места. Ему показалось, что в глазах парня он прочитал тусклый страх перед семейным сборищем…
…Такой же страх когда-то обуревал и его. В десять лет он стал свидетелем первого семейного ужина, на котором было много бледных и черноволосых людей, смотрящих на забившегося в угол кресла мальчишку с выражением бульдогов, что оглядывают чужих щенков.
Внутри дома Узумаки пахло едой. Саске даже остановился на пороге, не решаясь закрыть дверь и отрезать себя от более привычного чуть прохладного и дождливого мира, но вместо него это сделал Наруто. Блондин, что выпутался-таки из рук

Сузо, спешно ушедшей добавлять на стол приборы, уставился на Саске во все глаза.

- Даже не думай свалить, - прошипел Наруто, стаскивая с ног кеды. - Я знаю, где ты живёшь.

- Очень смешно, - фыркнул Саске и повесил ветровку на вешалку.

- Пошли.

Наруто было потянулся за его рукой, но брюнет демонстративно убрал их в карманы джинс и вяло усмехнулся, встретившись с колким взглядом.

- Так будет лучше.

Сузо выглянувшая из кухни, улыбнулась и сказала:

- Проходите в гостиную.

- Слышал? - усмехнулся Саске, и Наруто всё же двинулся в сторону просторной арки.

Посреди комнаты стоял небольшой стол, уставленный едой, хрустальными бокалами. Здесь была даже ваза с фруктами, но всё это моментально поблёкло, превратившись в чёрно-белый рисунок.

- Сакура? - поражённо выдохнул Наруто, уставившись на девушку, выставляющую дополнительную тарелку. Она, вздрогнув, выпрямилась и лучезарно улыбнулась, неловко разглаживая светлый передник в нелепую клубнику.

- Привет, Наруто.

- Ты что здесь делаешь? - чуть нахмурился Узумаки. Удивление пока перебило воспоминания об их последней встречи.

- Твоя мать попросила помочь, - пожала плечами девушка. - Я

же недалеко здесь живу. Забыл?

Она тихо засмеялась, но смех быстро оборвался, когда в дверях появился Саске. Он, скользнув по девушке взглядом, буквально стёр с её лица всякие эмоции, а в глаза плеснул напряжённостью. Она смотрела на него так, как смотрят на призраков…

- Привет, Сакура, - ровным тоном поздоровался Учиха и сложил руки на груди. - А тебе идёт.

Саске оглядел тот самый передник и усмехнулся, отворачиваясь к окну. Да, в доме Узумаки ничего не изменилось. Всё будто бы застыло в ожидании чего-то.

- Садитесь-садитесь, - выпалила Сузо, подталкивая застывших в проходе парней.

- Наруто, сядь рядом со мной.

Она улыбнулась, указывая сыну на стул и, когда тот послушно кивнул, повернулась к Саске.

- Тебе придётся сесть рядом с Ирукой, но он не кусается.

Сакура тихо рассмеялась на это подобие шутки, но отчего-то вскоре затихла, переключая всё внимание на сильно затянутый узел передника.
Учиха, безразлично пожав плечами, опустился на предложенный стул.
Он не любил все эти сборища людей, потеряв интерес к жизненным историям и вымученным анекдотам в самом детстве.
Не любил оставаться среди родственников больше десяти минут, но сейчас сбежать не получится. Саске чувствовал на себе взгляд Наруто и мысленно усмехался. Узумаки, должно быть, уже пожалел, что позвал его с собой.
Вернувшаяся в комнату Сузо поставила в центр стола очередное блюдо, пахнущее мясом и сыром.

- А где папа? - подал голос Наруто, поглядывая на мать.

- Сейчас будет, - улыбнулась она. - Послала в магазин за шампанским. Представляешь! Забыла! Хорошо, что Сакура мне помогла…

Рука женщины благодарно накрыла руку девушки, и та чуть засмущалась, опуская глаза и улыбаясь. Саске же захотелось громко фыркнуть.

- Что бы я без неё делала, помощница.

- Да ладно вам, - отмахнулась Сакура.

- Одной нелегко, а ты мне помогла. Так что не отнекивайся, - твёрдо произнесла Сузо, и Наруто внезапно почудилось, что эти слова имеют совершенно другое назначение, нежели похвалить пришедшую на помощь соседку. Его упрекали, не сказав ни слова.

- Я…

Вошедший и принёсший с собой запах дождя Ирука остановился в дверях. Он нахмурился, посмотрел сначала на Саске, затем на Наруто. Недовольство в глазах мужчины вспыхнуло огнём, и он туго сжал губы в одну полоску. Опустив на стол бутылку шампанского, Ирука стянул с себя куртку и небрежно опустил её на кресло.

- Ну…все дошли, все здесь? - зачем-то спросила Сузо.

Саске, подвинулся ближе к столу, пропуская позади себя Ируку, от которого исходит уже далеко не дождевой холод. Мужчина был зол, но старался скрыть свои эмоции за молчанием и острыми взглядами, который буквально впился в макушку брюнета. Скрипнул стул, и Ирука шумно опустился за стол, поднимая глаза на жену.

- Мужчины, угостите дам, - улыбнулась она.

***

Казалось, что всё вокруг начинает постепенно расплываться, принимая всё новые формы: люди, лица и голоса.
Оторвав взгляд от своей всё ещё пустой тарелки, Саске прошёлся взглядом по тем, что сидели напротив него.
Учихи. Они ели с таким видом, будто присутствовали на приёме у какого-нибудь из монарших, а не сидели на обеде в честь дня рождения старшего сына Фугаку.
Саске до сих пор помнил их кислые лица, помнил их тонкие пальцы и тихий смех. Глаза, полные льда и безразличия. Всё в жизни этой семьи было для галочки: удачный брак, пара-тройка детей-наследников, хороший дом, хорошая работа. Встреча с роднёй - очередная галочка в ежедневнике обязательных дел. Счастливая семья - галочка.

***

Отвечая на расспросы матери, Наруто украдкой бросал взгляд на Саске. Брюнет, так и не притронувшись к предложенному салату, задумчиво смотрел перед собой, словно бы в пространстве лишь для него транслировали какой-нибудь фильм.

- Наруто, ты когда вернёшься домой? - внезапно спросила Сузо, чуть склоняясь к сыну.

- Ну… - Наруто задумчиво стукнул пальцами по столу. - Я думал, что мы переберёмся в общежитие.

«Мы», - ехидно передразнил внутренний голос, и блондин почувствовал, как слегка заалели щёки. Надеясь, что Сузо не заметила этого, он торопливо отпил из бокала.
Но заметил Ирука. Голос отца прозвучал над столом, как тихий раскат грома:

- Мы?

- Будем снимать комнату с Саске, - твёрдо кивнул Наруто, бросая взгляд на Учиху, но тот лишь поднял на него глаза,

сохраняя молчание.

- А родители Саске не против, милый? - неловко улыбнулась Сузо, укладывая свою руку на плечо сына. - Наверняка, ему стоит с ними посоветоваться.

- У меня их нет.

Ещё один раскат грома, за которым последовала молния: за столом стало тихо и взгляды обратились к брюнету.
Саске, ощущая себя чуть ли не на арене цирка, откинулся спиной назад и сказал, уставившись на хрустальный графин:

- Мать умерла, а отца посадили.

За столом повисла странная тишина, словно кто-то нажал на кнопку выключения звука. Саске почувствовал всю тяжесть взглядом, но, подняв глаза, внезапно наткнулся лишь на один: Наруто чуть хмурился, наверняка ожидая подвоха. А вот его родители, да и Сакура тоже, уставились к себе в тарелки, внезапно заинтересовавшись пресным салатом и жирным мясом.

- У тебя больше нет родственников? - неожиданно прямо спросил Ирука, откладывая вилку.

- Старший брат, - кивнул Саске. - Но он последний человек, у которого я бы просил разрешения.

- Да уж, - многозначительно хмыкнул Ирука. - Не удивительно…

Саске повернулся к мужчине, прямо вглядываясь в тёмные глаза. Ирука казался волком, который стремится защитить своё логово от чужака. От такого яркого сравнения, Учиха даже усмехнулся, покачав головой.
Ирука видит в нём угрозу. И всегда видел. Наверняка, то, что творится с Наруто, мужчина тоже давно повесил виной на Саске.
Так легче. Убегать, скрывать для самого себя истину за

бесчисленными ширмами красивого и безопасного вранья. Если твой сын влюбился в парня - виноват не он, а этот треклятый парень.
Ведь так, Ирука?
Кажется, мужчина понял взгляд Саске и отвернулся к жене.

- Наруто, - выпалила Сузо. - Ты почему не ешь?!

- Я…ем, мам, - вяло отозвался Узумаки.

- Вижу, как ты ешь! Чем вы там в лесу этом своём питаетесь?!

Алкоголь окрасил её щёки в розоватый, глазам добавил чуть истеричного блеска. Ещё немного, и женщина, скорее всего, затронет ту тему, которую все откладывают, но в каждом слове явственно чувствуется упрёк.
«Ты должен вернуться домой, Наруто», - это говорят её жесты, прикосновения, глаза.
«Ты должен забыть его», - эти дышит каждое движение Ируки, каждый его резкий взгляд.
Саске, взяв бокал, отпил из него. Приторное кисло-сладкое шампанское разлилось по языку отравой, стекло по горлу и опалило пустой желудок.
Напиток праздников, напиток болящей головы после короткого всплеска веселья.

- Ох, у нас было прекрасное вино!

Сузо было встала, но Сакура положила руку на её плечо и проговорила:

- Я принесу…

Скрипнул стул, и девушка спешно вышла из гостиной.

- Какая милая девушка, - улыбнулась Сузо. - Вы же с ней дружили раньше, да, Наруто?

- Ну, когда-то… - замешкался Наруто, хватая бокал и делая большой глоток. То, в какую сторону клонила его мать, ему не

нравилось. Общаясь с Саске, Узумаки научился прослеживать подобие логических цепочек в словах и знать, к чему человек хочет привести.

- И что произошло? - вздёрнула тонкие брови женщина. - Почему вы перестали общаться, дорогой?

Ирука слишком громко хмыкнул, чтобы это осталось незамеченным. Но его удостоили лишь взглядом: Сузо, наконец, подобралась к той самой теме, которую так хотела поднять с прихода сына.
Наруто, пожав плечами, едва не взглянул в сторону Саске, но, припоминая об не в меру внимательном отце, вновь отпил из бокала. Вряд ли запивать нервозность - лучшая идея…

- Не знаю, - пожал парень плечами. - С институтом не заладилось, и…

- Ты восстановишься на учёбе, - непреклонно отрезал Ирука.

- Конечно! - горячо подтвердила мать. - Конечно, восстановится. Ведь так, Наруто?

Блондин всё-таки бросил взгляд на Саске, и увиденное ему не понравилось. Учиха показался человеком, сидящим в ванной из серной кислоты, где каждое движение может причинить боль и разъесть кожу до костей. Он застыл, смотрел только перед собой, но, почувствовав внимание, вновь поднял глаза на Наруто и чуть вздёрнул брови.

- Мы уже говорили об этом. Помнишь, Наруто? - почти умоляюще проговорила Сузо. - И Сакура на тебя не в обиде…вы ведь с детства дружили!

- Да, мам. С детства, - устало выдохнул парень, опуская глаза. По спине гулял холод, и казалось, что сверкающая люстра вот-вот рухнет на стол. По крайней мере, это было бы отличным спасением от неудобных разговоров.

- Она мне нравится, - авторитетно заявила Сузо, совершенно не

замечая потяжелевшего воздуха, налившегося свинцом и молчанием. - А тебе…

Её аккуратный пальчик упёрся в плечо сына.

- Давно пора завести девушку. Не маленький уже…и подумать о будущем.

Наруто медленно убрал руки под стол, укладывая их на коленях и крепко сжимая кулаки.

- Я думаю, мам.

- Ничего ты не думаешь! - хмельно махнула на него рукой Сузо. - Если бы думал, то…Саске!

Её чуть расплывающийся взгляд упёрся в брюнета, и тот был вынужден посмотреть в окрашенное увядающей красотой лицо женщины.

- Вот скажи, у тебя есть девушка?

Усмешка. Холод на спине Узумаки превратился в длинные иглы, достающие до самых лёгких.

- Вот видишь! - не дождавшись ответа, хлопнула ладонью по столу Сузо. - Вы такие славные парни! У вас просто обязаны быть девушки!

- Мам…давай не будем…

- Мы с отцом хоть и не старики, но…нам бы хотелось, чтобы у тебя всё было хорошо, - чуть всхлипнула женщина. - А как…как может быть хорошо человеку, когда он один?

- Ну, я же не один, - выпалил Наруто и осёкся, понимая, что мать вряд ли услышит в этих словах то, что хочет. Точнее, ничего не услышит, продолжая гнуть свою линию. Как это было всегда…

- Дети…дети это прекрасно, - мечтательно выдохнула Сузо. - Я так хочу, чтобы у тебя, Наруто, была большая семья!

- Саске, - позвал Ирука, прерывая жену. - Какие планы на будущее у тебя?

Учиха, прибывая до этого в каком-то странно отсутствующем состоянии, поставил опустевший бокал на стол и натянуто улыбнулся:

- Я не планирую.

- То есть?

- Не вижу смысла, - пожал плечами парень.

- Почему же? - ввязалась в разговор Сузо, на время забыв про сына.

- В любой момент человек может умереть, - хмыкнул Саске. - И тогда его планы не оправдаются.

- Ты хочешь сказать, что ничего не хочешь от жизни? - нахмурил лоб Ирука.

- Нет.

- Но…человек без желаний не может! - воскликнула Сузо, и в этот момент в комнату вошла Сакура с бутылкой красного вина. Опустив оную на стол, девушка заняла своё место и внезапно поймала на себе взгляд женщины.

- Спасибо, дорогая.

- Не за что.

- Сакура, ты же не обижаешься на Наруто?

Ирука, поднявшись, потянулся за бутылкой и досадливо буркнул:

- Кто бы ещё штопор принёс.

- Сейчас, па.

- Нет, Наруто. Ты сиди, - моментально отрезала Сузо и подняла лицо на Саске.

- Сможешь принести? Верхний ящик…

Кивнув, Учиха поднялся из-за стола, радуясь возможности сбежать из этой наполненной чужими голосами комнаты. Ему всё давно начало казаться сплошным фарсом или плохо поставленной пьесой, где все диалоги давно отрепетированы и любое отклонение от сюжета ведёт к неминуемому краху и гробовому молчанию.
Оказавшись на кухне в тишине, Саске упёрся руками о тумбу и склонил голову. Здесь было тише, но обрывки каких-то слов всё ещё долетали до слуха, однако они были слишком разрозненными, чтобы сложить их в одну линию.
Желания. Мечты. Планы.
Чушь.
Он резко выдвинул ящик тумбы и, зацепив пальцами штопор, сунул его в карман джинс. Возвращаться за стол так скоро не хотелось, и поэтому Учиха прошёл мимо гостиной, успев услышать взрыв женского смеха. Наверняка следом Сузо достанет альбом и примется показывать детские снимки своего обожаемого сына.
Фыркнув, Саске толкнул дверь, и в лицо ударила дождевая свежесть, убивая запахи еды и сладковатых духов.
Улица утопала в сером свете, жемчужное небо низко нависло над городом, осыпав всё кристаллами недавно прошедшего дождя.
Опустившись на сухие ступеньки, Саске вынул из кармана пачку сигарет и положил её рядом с собой.
Каждый раз, когда он оказывался в доме Наруто, ему хотелось бежать отсюда, словно бы эти стены были пропитаны ядом. А сейчас хотелось просто исчезнуть.
Семья. Дети. Сакура.
Чушь.

Он закурил, сильно сжимая в пальцах зажигалку.
Наруто не маленький, и это логично, что Сузо хочет видеть в перспективе его большую семью, что будет собираться по выходным на лужайке за таким же бестолковым семейным обедом. Есть мясо, пить дешёвое красное вино и рассказывать о том, что произошло за неделю. В этих рассказах лидером будет история о том, как кто-то кому-то отдавил ногу в общественном транспорте, а ещё, возможно, кто-то будет сетовать на политику и каждый хотя бы попытается вникнуть в тему, натянув на себя шкуру именитого философа.

- Почему ты пришёл с ним?

Ирука даже не пытался сохранить хотя бы частицу вежливости или терпимости по отношению к тому, кто был виноват во всех бедах его сына. Опустившись рядом, мужчина уставился на Саске долгим пронизывающим взглядом, словно бы пытаясь увидеть его сущность.

- Он позвал, - просто ответил Учиха, стряхивая с сигареты пепел.

- Но ты мог не приходить.

«И не портить всё своим присутствием», - повисло в воздухе.

- Мог бы, - согласился Саске.

- Тогда…зачем?

В ответ брюнет лишь пожал плечами, вдыхая ароматный дождевой воздух вперемешку с горьким дымом. Он мог бы не приходить, да, но почему-то поплёлся следом за Наруто, как будто так оно и было нужно.
Как будто боялся, что Узумаки, однажды попав под нежное материнское крыло, больше не вернётся в простывший от лесной сырости дом.

- Если хотите читать мне лекции о том, что я порчу вашему сыну жизнь - не стоит. Я знаю.

Саске, опустив руку, положил зажигалку рядом с сигаретной пачкой. Ровная линия. Ровная, но короткая. Захотелось достать сигареты и выстроить их в границу, в стену.

- Если хотите сказать, что наши с ним отношения неправильные - не стоит. Это я тоже знаю.

Ирука внимательно следил за нервно подрагивающими над пачкой пальцами, а Саске смотрел на него.

- Сузо хочет, чтобы Наруто был с Сакурой, - сказал мужчина. - Это ты тоже знаешь?

Учиха кивнул.

- И что всё это дурость, а в итоге он заведёт семью. Знаешь?

- Вам хочется в это верить, - хмыкнул Саске, закусывая сигарету. - Это вы знаете?

- В отличие от тебя, Наруто строит планы на жизнь.

- Возможно, в его планах не обзаводиться семьёй, - безразлично пожал плечами Учиха. - Откуда вам знать, что у него в голове.

- Значит, ты знаешь? - опасно прищурился мужчина. - Думаешь, всё это серьёзно. Думаешь, это его…увлечение…

Ирука скривился, будто бы хлебнул прокисшего шампанского.

- …не пройдёт?!

- Спросите у Наруто, - выдохнул парень. - Думаю, он единственный, кто может дать точный ответ.

- Мой сын, - задохнулся от возмущения Ирука. - Не такой. Он… не один из…вас!

- Да я как-то тоже, - безразлично признался Саске.

- Тогда зачем?! Найди себе девушку, двух…сколько там тебе надо! А его оставь в покое.

- Не могу.

- Бред! - зло выпалил Ирука. - Это болезнь!

- Вся наша жизнь - болезнь.

С этими словами Саске поднялся со ступенек, выкидывая окурок в специально подставленную к лестнице урну.

- И некоторые из них не лечатся.

***

В гостиной было душно. Запах еды усилился, а от выпитого алкоголя в голове начинало шуметь. Сузо что-то быстро говорила, то и дело подливая шампанского Наруто, а сам парень машинально осушал бокал за бокалом, потому что на душе скребли кошки. Наверное, он в какой-то момент попросту захотел утопить усатых негодниц, чтобы те прекратили полосовать его внутренности, но кошки оказались очень живучими.
В какой-то момент Наруто почувствовал, что на его плечо опустилась знакомая прохладная рука, а в затылок пахнуло дождевой прохладой. Обернувшись, парень заметил лишь скользнувшую по стене тень, а следом чуть поодаль скрипнул стул. Саске вновь оказался на своём месте. Сам потянулся за бутылкой вина и принялся откупоривать её под одобрительные возгласы женской половины.
Всё это могло бы показаться милыми семейными посиделками, если бы Наруто не видел в чёрных глазах Учихи отражение притаившейся боли. Если бы ему не хотелось прикоснуться к холодной щеке, на которой осталось дыхание уличной свежести. Если бы не хотелось уткнуться носом в чёрную футболку, вдыхая горький дым его сигарет.
Наверное, тогда бы он протрезвел.

- Наруто! - позвала Сузо, переключая внимание своего сына на себя. Узумаки пропустил момент, когда в комнате заиграла тихая музыка.

- Потанцуй с Сакурой! - требовательно выпалила женщина и поднялась сама, пытаясь поднять сына на ноги за предплечье. - Она мне так помогла, а сейчас скучает.

- Не скучаю, - было возразила Сакура, но Сузо резко шикнула на неё.

- Потанцуй с девушкой!

- Мам…

- Наруто! Я так редко тебя вижу, а ты хочешь отказать мне в единственной просьбе?

Блондин, выдохнув и понимая, что ещё немного и мать начнёт картинно рыдать, поднялся. Подойдя к Сакуре, протянул руку, и та моментально вцепилась за неё, забыв про своё нежелание танцевать.
Всё это напомнило другую квартиру. Ту, где под диваном был Пэйн, а Саске отчего-то вздумалось пообниматься с какой-то девушкой, лица которой Наруто так и не запомнил. В душе закопошилось что-то напоминающее совесть, но руки Сакуры уже легли на плечи.
Во всяком случае он не может отказать, потому что тогда придётся объясняться с матерью. Но…он же не скажет, что всё это из-за Саске?
Или скажет?

- Извини, - шепнула Сакура.

- За что? - не сразу понял Наруто.

- Твоя мать явно решила нас сосватать, - смущённо улыбнулась девушка. - Но…это не моя идея! Правда!

- Верю…

- Наруто…а…

- Нет, Сакура, я не обижаюсь за то, что было, - тряхнул головой Узумаки, и в ней загудело шампанское.

- А Саске…он…

Она неловко замолчала, будто бы так и не найдя подходящего определения для Учихи.

- Он со мной.

- А… - так толком и не поняв, что значит это, кивнула Сакура. Её щёки тоже чуть окрасил пьяный румянец, но вот в глаза взглянуть не получалось: она постоянно смотрела куда-то вниз.

- Ты на мать не обижайся, - улыбнулся Наруто. - Она…просто хочет мне семью и всё такое.

- Я не обижаюсь. А ты…захотел бы встречаться со мной? - очень тихо проговорила Сакура и, кажется, смутилась ещё сильнее из-за своей пьяной смелости.

- Как же хорошо вы смотритесь! - выпалила Сузо, поднимаясь из-за стола и прикладывая руки к груди. Судя по её глазам, женщина уже планировала будущую свадьбу и была готова искать чёрный костюм для своего сына. Но Наруто отошёл от девушки и пожал плечами. Танцевать расхотелось, быть в центре этого спектакля тоже.

Он взглянул на мать, чувствуя странное раздражение. Весь этот вечер был устроен ради единственной цели: свести его к Сакурой, показать, что дома хорошо, что ему пора бы остепениться.
Заставить принять ИХ решение, как единственно верное.
Наруто был удивлён этой вспышкой ещё не оформившейся в слова злости.
Избежав материнских объятий, он подошёл к Учихе и забрал стоящую рядом с ним бутылку вина. С сомнением посмотрел на

свой бокал, на застывшего в дверях Ируку и плеснул в хрустальную оболочку немного терпкой виноградной крови. Если уже напиваться, то полностью, чтобы завтра не помнить и половины этого фарса. Но его удержали за запястье пальцы Саске, и тихий голос сказал:

- Тебе уже достаточно.

- Я хочу выпить, - прошипел Узумаки, рассматривая болтающую с Сакурой мать.

Да…возраст стал заметнее, но…

- Хватит.

Бокал звякнул о стол, и Наруто раздражённо опустил рядом с ним бутылку.

- Ладно, - шикнул он.

И не сразу заметил внимательный взгляд Сузо, которая даже разговаривать с Сакурой прекратила. Уставившись на сына, женщина спокойно улыбнулась:

- Саске, ну хоть ты скажи ему, что нужно поумнеть уже. Он же тебя слушается.

- Да, Наруто, - омертвевшим голосом проговорил Учиха. - Поумней уже.

Узумаки, нервно облизнув губы, посмотрел на брюнета недоумевающе.

- Восстановись в институте.

Учиха поднялся, осторожно складывая салфетку и опуская её на стол рядом с так и не тронутыми приборами.

- Получи диплом.

Рядом с салфеткой встал бокал, чуть покачнувшись на тонкой ножке.

- Найди девушку.

- Саске, - прошипел Наруто, поймав во взгляде парня нечто, что не предвещало ничего хорошего.

- Твоя мать права, Наруто, - усмехнулся он. - У человека должны быть в жизни желания. У человека должна быть семья.

Саске говорил спокойно, поглядывая то на Сузо, то на Ируку. Внутри ледяное спокойствие рвалось под напором осознания собственной пустоты, чуждости этим людям. Каким бы живым он не был сейчас, но, слишком долго пробыв в мире мёртвых, заразился тем холодным безразличием.

- Слушай друга, - наставительно усмехнулась Сузо и внезапно встретилась глазами с Саске. Улыбка мелкой штукатуркой осыпалась с её лица, сильнее проступили морщины, будто бы часть жизненной силы пожрала эта чёрная Бездна.

- Друга, - хмыкнул Саске и посмотрел на Сакуру. - Встречайся с ней, Наруто.

Он усмехнулся, видя, что блондин хочет что-то сказать, но слишком боится сказать нечто неверное, наступить на мину и подорваться.

- Это ведь правильно. Делай всё так, как диктуют тебе родители, Наруто.

Учиха всё-таки повернулся к парню и веско выпалил:

- И не живи.

- Что ты такое говоришь? - спохватилась Сузо, наконец, понявшая, что разговор зашёл в какой-то не тот угол и в комнате чересчур тихо, а все, даже Сакура, не смеют даже двинуться с места.

- Кажется, кому-то пора, - с нажимом рыкнул Ирука.

- Или, - не обращая на них внимание, продолжил Саске. - Расскажи им всё сейчас.

Лицо Наруто моментально побелело, глаза вспыхнули тревожным огнём и странно погасли, рука сжала спинку стула.

- Скажешь? - вздёрнул брови брюнет. - Найдёшь в себе смелости? Или продолжишь плясать под мамочкину дудку?

- Саске! - грозно рявкнул Ирука. - Тебе пора.

- Н-нет, - моментально выпалил Наруто, поднимая взгляд на отца. Одна его часть понимала, что пора закончить это нелепое сватовство, пора прекратить врать и, наконец, взглянуть правде в глаза.

А вторая…
Вторая до жути боялась увидеть в глазах матери так хорошо знакомый ледяной отблеск.

- Говори, - повторил Учиха. - Иначе я скажу сам.

Узумаки бросил быстрый взгляд на брюнета и отрицательно покачал головой. Наруто словно бы в бреду, повернулся к матери лицом, нервно сжимая спинку стула. Он чувствовал себя человеком, застывшем на краю пропасти, которому в спину бьют сильные порывы ветра. Отступить назад уже не получится: там иссохшая земля, а впереди - бездна.
Парень словно бы в бреду почувствовал, как Саске, проходя мимо, скользнул рукой по его судорожно сжатому кулаку.
Учиха опустился на кресло позади Сузо, сойдя со сцены, где грозила разыграться самая настоящая драма.
Тишина упала внезапно. Тросы лопнули, не выдержав веса этой зыбкой тяжести. Сакура отошла на шаг назад, наверняка чувствуя себя здесь лишней.

- Что ты должен рассказать нам, Наруто? - выдохнула Сузо

дрожащим голосом. -Ты не хочешь продолжать обучение?

- Мам, - поморщился Наруто, прижимая пальцы к переносице и прикрывая глаза. Спиной он чувствовал взгляд отца, и от этого в груди больно ухало. Тот разговор с Ирукой дался легче, но сейчас…

- Наруто, - строго произнёс отец. - Ты…

Парень поднял глаза на лицо матери, борясь с желанием провалиться под землю. За её спиной он видел размытую тень брюнета и мог поклясться, что Учиха улыбается. Но, на удивление, Саске был серьёзен. Он смотрел только на него, даже не моргая и не шевелясь. Превратился в ту самую треклятую кладбищенскую статую - только воронов не хватало. Наруто до боли закусил губу.

- Мам, я, - горло забило металлической стружкой и пришлось прокашляться, чтобы выдавить из себя ещё хотя бы звук. - Я рад тебя видеть…

- Я тоже, мой милый, - улыбнулась Сузо, но всё её тело говорило о волнении.

- Но я не смогу остаться дома.

«Давай же, наберись смелости», - прошипел внутренний голос.

- И я не…хочу встречаться с Сакурой, - добавил Узумаки. - Я вообще не хочу встречаться с кем-то ещё…

- Почему?! - выпалила женщина. - Тебе не нравится Сакура? Она же такая милая…постой.

Сузо чуть поморщилась, прикладывая руку ко лбу и неуверенно улыбаясь:

- Ты сказал «с кем-то ещё»? У тебя уже кто-то есть?

- Д-да.

- Наруто, - окликнул его отец, но парень даже не повернулся, зная, что увидит на лице мужчины.

- Ох, - всплеснула руками Сузо. - Но почему ты ничего нам не сказал? Кто она? Почему ты никогда не приводил её к нам?

«Ну вот и всё», - траурно каркнуло внутри, и сердце сжало холодными пальцами. Ощущение сна усилилось, и Наруто до одури хотел верить, что вот-вот проснётся и день будет всё ещё только в самом начале.
И что тогда?

- Сынок? - позвала задумавшегося парня Сузо. - Что случилось?

- Мам, я…встречаюсь не с девушкой…

- С женщиной? Она старше тебя?

Наруто увидел, как заалела Сакура, опускаясь на диван и зачем-то обхватывая голову руками, будто бы хотела отгородиться от звуков.
Увидел побелевшее лицо Саске, и его сжатые в одну бледную линию губы. Глаза Учихи блестели ненормальным огнём, брови чуть сошлись над переносицей, но этих эмоций было достаточно, что бы вся его тёмная фигура внезапно напиталась жизнью.
И Наруто увидел то, за что боролся. Желание быть свободным, желание быть собой. Плевать на то, что для кого-то это неправильно, плевать на то, что для многих естественнее нажираться алкоголем в тёмных подворотнях или бросать жену с детьми.
«Мужик», - скажет общество, закрывая глаза на все грехи этого самого альфа-самца. Общество найдёт тысячу и одну причину его поступкам, оправдает его и возведёт в ранг святых.
Потому что этот «мужик» любит так, как предписано. Его любовь понятна и не кажется чем-то инопланетным, грешным или чужим. Пусть бьёт свою жену, пусть его дети голодают из-за пристрастия главы семьи к алкоголю.
Пусть.

Главное - он живёт по правилам общества.
Главное - он такой, как все.

- Я встречаюсь с Саске, - на одном дыхании выпалил Наруто.

- Ч-что?

- И я люблю его.

Кажется, в окружающей их тишине что-то звонко лопнуло, будто бы натянутые до предела струны. И опять стало тихо, вновь опустилась чуть ленивая дымка, делающая всё происходящее похожим на сон. Ещё немного, и Наруто проснётся…
Обязательно проснётся.
Он бы посмотрел на Саске, но взгляд до боли зацепился за лицо матери. Она побледнела, свела тонкие брови над переносицей и, кажется, тоже не верила в реальность происходящего. Сакура, медленно поднявшись, осторожно вышла из комнаты, но никто даже не заметил её ухода. Все взоры были устремлены на Наруто, а мысли заняты лишь одной простой и относительно безобидной фразой:
Люблю.
Его.
Относительно, потому что скажи Наруто «её» и Сузо послала бы Ируку за второй бутылкой шампанского. А сейчас…

- Я не понимаю, - дрожащим голосом выдохнула женщина. - Что значит…

- Это значит, что наш сын - гей, - жёстко сказал Ирука, сжимая спинку стула.

- Значит, что…

- Пап, - поморщился Наруто. - Давай не будем…

- Неприятно? - как-то зло выдохнул Ирука. - Называй вещи своими именами, Наруто.

- Пап…

Узумаки смотрел на мужчину и не верил своим глазам. Разве могут чайные глаза быть такими холодными, разве может быть лицо таким бледным? Ирука мелко трясся, словно бы дрожащий фантом.
Это ведь сон. Родители ведь ненастоящие.

- Это правда? - как-то тихо спросила Сузо, отворачиваясь от мужа.

- Правда! - прорычал Ирука.

Опустивший голову Наруто был уверен, что вот-вот разлетится стеклянными осколками. В него бросали камни, а истончившееся тело звенело от душевной боли. За прозрачными оковами медленно умирала душа. Тонкий хрусталь не мог защитить её, и хотелось быстрее исчезнуть мелкой стеклянной крошкой.
«Никогда не сожалей», - тихо прошелестел чей-то голос в голове, и Узумаки выпрямился, с трудом поднимая голову и встречаясь взглядом с матерью.

- Наш сын…любит парней, Сузо. Это…болезнь. Наш сын болен.

- Он здоров.

Про четвёртого участника этого спектакля все давно забыли, поэтому, когда прозвучал ровный и отвратительно спокойный для такой ситуации голос, они вздрогнули, поворачиваясь к Саске. Брюнет продолжал сидеть в кресле, облокотившись локтями о колени. Зритель, который заскучал…

- Я просто… - промямлил Наруто. - Не хотел тебя расстраивать.

- Может быть…может, это пройдёт? - с надеждой в глазах спросила Сузо. - Наруто…это ведь…неправильно.

Кресло скрипнуло, и Наруто увидел, как Саске поднялся, не спуская с него взгляда. Наверное, Учиха мог сказать что-то,

наверное даже хотел…но слова не помогут и оба знали это слишком хорошо.

- Нет, мам. Это не пройдёт.

Странно вздрогнув всем телом, Сузо прижала ладонь к губам и всхлипнула. Ирука, резко ринувшись в её сторону, обхватил жену за плечи и бросил испепеляющий взгляд на Учиху. Если бы Саске был из тонкого картона, а мужчина обладал колдовской силой - от брюнета не осталось бы даже пепла.

- Идём…

Наруто не смотрел, как родители покинули комнату, ставшую похожей на место прощания с покойником. Поджав губы, он, словно бы во сне, вышел прочь из комнаты.

***

Сознание пошатывалось тонким слоем запылённой ткани. Время изодрало её и превратило в какое-то извращённое и ужасное в своей неправильной красоте кружево.
Наруто начал ощущать себя живым только тогда, когда они оказались далеко от его дома. Ноги сами вели в сторону недостроенных гаражей, и вскоре глаза вновь цеплялись за белёсые остовы.
Дующий с поля ветер сыпал в лицо мелкие капли срывающегося дождя. Разросшийся бурьян низко стелился к земле, и казалось будто бы перед ним раскинулось бескрайнее зелёное море.
Лето умирало и, кажется, никто этого не замечал так ярко, как он.
Вместе с летом за плечами оставалось что-то важное, что-то такое, отчего нельзя отказаться махом. Казалось бы нельзя.
А он отказался.
Перерубил все нити, связывающие с домом, оборвал все связи, растоптал веру родителей в себя. И…
…не сожалел.
Он чувствовал себя живым, потому что только живые могут понимать боль и находить в ней спасение. От неё устаёшь, но

если нет её, то нет и человека. Остаётся только пустая оболочка, двигающаяся по инерции, живущая потому что вроде бы надо жить.
Руки мелко дрожали, но убрать их в карманы что-то не позволяло. В какой-то момент дрожь стала настолько сильной, что Наруто сжал кулаки, но убрать их в карманы так и не смог. Ветер утих, но вокруг что-то завывало. Или же это завывало внутри?
Каждый из нас уходит из детства по-своему.
Нервная улыбка исказила губы Наруто. Он ушёл громко хлопнув дверью, перед этим демонстративно швырнув ключи в лицо своему прошлому. Замок щёлкнул, запечатывая вход навсегда. Шанса вернуться не будет.

- Ты не имел права, - сказал Наруто выросшей рядом тени. Она пахнула знакомым горьковатым запахом дыма, и Узумаки повернулся, скользнув взглядом по лицу Саске. Учиха, скосив на него глаза, отщелкнул пепел с сигареты и пожал плечами:

- Ты сказал правду.

- Она была не готова, - зло прошипел блондин.

- Ты собирался слать ей открытки с намёком? - вздёрнул брови Учиха.

Внезапно пространство дрогнуло. Наруто всё же поднял на брюнета глаза и прищурился, ожидая хоть какой-то реакции. Но Саске молчал, и эта тишина закручивала внутри какую-то ржавую пружину. С неё осыпалась рыжая труха и налётом ложилась на язык, делая его неподъёмным.
А ещё злость.
Сцепив зубы, он внезапно даже для самого себя подался вперёд, нанося несильный удар. Но вышло с чувством: кулак угодил в ещё не поджившую скулу, Учиха отшатнулся и замер. Его рука накрыла ссадину, стирая пальцами выступившую кровь, взгляд чуть блестел, но отчего-то Саске не стал отвечать ударом на удар.

- Полегчало? - просто спросил он, отнимая руку от лица.

- Нет, - тряхнул головой блондин и уселся на плиты, обхватив голову руками, прикрывая глаза. Внутри всё ещё выло, но зато теперь Наруто точно знал, что это не ветер.

Саске сел рядом, свесив ноги в зелёное неспокойное море.

- Ты мог врать ей и дальше, - пожал он плечами. - Тебе было бы лучше?

- Мне и сейчас херово, - резко отрезал Наруто, сжимая пальцы в волосах сильнее.

Чиркнуло, и в воздухе вновь запахло табаком. Выпрямившись, Узумаки повернулся к собеседнику, цепляя взглядом за чуть тлеющую сигарету в белых пальцах. Наруто резко выхватил оную, едва не опалившись красноватым огоньком и под удивлённым взглядом Саске, спешно затянулся. Будто бы это был единственный источник кислорода.

- Я не жалею, - качнул головой блондин.

Дым резал горло и глаза.

- Это должно было произойти…когда-нибудь, - пожал он плечами, задумчиво рассматривая сигарету. Она в его пальцах смотрелась чужой и нелепой, больше подходя рукам Саске: тонким и белым.

- Не успокаивай себя, Наруто. Не поможет.

- Я знаю.

Новый глоток горького воздуха.

- Не поможет, - повторил он. - Знаешь…

Узумаки, не взирая на прохладу, растянулся на бетоне, раскинув руки в разные стороны. Сигарета выпала из пальцев, и он будто бы послышал осуждающий вздох Саске.

- Отец ещё тогда сказал, что никогда не поймёт меня.

Жемчужно-серое небо над головой матово светилось, рождая совершенно неповторимый свет, который бывает только в самом конце лета. По дымчатому куполу медленно тянулись лоскуты тёмных облаков, иногда складываясь в причудливые узоры.

- Я и не жду от него понимания. Я вообще ничего не жду.

На грудь легла холодная рука, отмеряющая новые удары сердца. Непрерывный цикл.

- Я просто хочу жить.

Глава 5. Я сделаю это

Глава 5.
Я сделаю это.

«Приятна дорога в ад
Маршрут бесконечно долог.
Один проникающий взгляд,
Твой мир безвозвратно расколот.
Возможно ли прорасти,
В снегу без тепла и света?
Я знаю мне нужно уйти,
Чтобы спасти
Я сделаю это».
Fleur – Я сделаю это.

Вещи уместились в рюкзак и дорожную сумку Наруто. Больше брать здесь было нечего: всё остальное принадлежало Джирайе или не имело смысла ни для одного из них. Новую кружку можно купить, отколовшаяся сбоку пепельница, которой Саске так и не воспользовался, почему-то предпочитая простые банки, осталась стоять на подоконнике, лоскутное одеяло расправлено на кровати и забыто.
Учиха закрывал дверь за собой без особого сожаления. Очередная страница в жизни, которую можно перелистнуть с облегчённым вздохом или же с желанием взглянуть на уже прочитанные строки вновь. Только вот зачем? Каждая буква выучена наизусть, любое слово мозг угадывает раньше, чем его коснутся глаза.
С каждым годом на полке памяти книжек будет становиться всё больше и больше. Половина из них станет затёртыми до тряпичного состояния томами, а другая так и будет блестеть глянцевостью новых обложек. Книгу, в которую Саске спрятал воспоминания о лесном доме, вряд ли можно было назвать объёмной: тонкая, больше похожая на журнал, с засохшими

листьями-закладками между страниц.

- Кажется, всё, - сказал Наруто, перекидывая сумку через плечо и выжидающе глядя на Саске.

С того разговора с родителями, Узумаки изо всех сил пытался показать, что всё в порядке. Будто бы ничего и не было, но Саске отлично понимал - было.
Каждую ночь было: Наруто подолгу смотрел на телефон, не выпускал его из рук и дёргался каждый раз, когда приходило сообщение. И каждый раз тень разочарования ложилась на его лицо, когда смс гласила о необходимости пополнить счёт.
Учиха молчал, пытаясь не вмешиваться, видя, что ему не дадут шанс вмешаться.
Как же. Наруто и дальше хотел играть сильного. С больным сердцем, усталым разумом и кучей проблем за спиной.
Зато без перспектив впереди.
Надев рюкзак, Саске притянул дверь и провернул длинным чуть ржавым ключом в скважине. Щёлкнуло.
Вот и всё.
Все воспоминания закрыты до прибытия нового постояльца.
Наруто, проследив за какими-то неспешными, словно бы нарочито затянутыми, движениями брюнета, поджал губы, так и не решаясь задать главный вопрос.
«Что будет дальше, Саске?», - без конца крутил он у себя в голове, и мысли давно превратились в старую заезженную пластинку. Скоро она потеряет свой цвет и начнёт заедать, а потом её можно будет выбросить на свалку прочих незаданных вопросов. И она займёт своё почётное место где-то между: «кто я тебе?» и «ты меня любишь?».
Учиха, протянув Наруто ключ, замер. В воздухе повисло какое-то ожидание, незавершённость сладковатым налётом легла на язык.

- Ты уверен, что хочешь вернуться в институт? - спросил Наруто.

Это решение было спонтанным, словно последняя попытка ухватиться за промасленный канат жизни. Саске знал, что всё равно соскользнёт, но попытаться стоило.

Только вот зачем? Ответ прост - люди так живут.

- Какая разница, - пожал он плечами, сбегая по ступенькам покосившегося крыльца. - Рано или поздно…

- Но ты не хочешь, - возразил Наруто. Узумаки даже сейчас чувствовал, как Саске весь напрягается от предстоящей перспективы оказаться на людях. Он и сам, проведя в лесу целое лето, отвык от скоплений народа и сейчас немного нервничал, чего раньше с ним никогда не бывало.

- Я не вижу смысла.

- Но всё равно делаешь.

Саске остановился на миг, окидывая взглядом синеватую полоску сосен. Местами пушистые ветви были выжжены солнцем и сменили свой благородный глубокий цвет на желтовато-оранжевый.
Учиха может жить в лесу, как Джирайя. Провести здесь всю жизнь и не задуматься о том, что когда-то не воспользовался шансом на что-то лучшее, большее. Никогда не сожалеть о бездарно прожитой жизни. А вот Наруто…
Ирука сказал, что его сын из тех, кто строит планы на будущее. Будущее…
Саске усмехнулся не зло, разворачиваясь к Наруто спиной и выходя с опустевшего двора.
Как будто оно у них когда-то было это будущее.

***

Заселение в общежитие редко проходит гладко. Люди так трясутся над всякими глупыми формальностями, словно это продлит их никчёмную жизнь. Каждая мелкая сошка, почувствовав власть, пытается выкачать из этой ситуации всё, насладиться каждой крупинкой времени, проведённого в ранге Важного.
И пусть эта самая сошка - всего лишь комендант общежития. Все эти: бесконечные очереди, бесконечные люди со своими эмоциями, смехом и разговорами - давили на Саске. Он

терпеливо отвечал на вопросы и протягивал документы каждый раз, когда это требовалось. К концу дня Учиха чувствовал себя самой настоящей марионеткой, кукловод которой отчего-то помешался на бюрократии.

- Мы официально без денег, - сказал Наруто, толкая дверь выделенной им комнаты. Та, скрипнув, всё-таки открылась, хотя Саске уже показалось, что прошлые жильцы запечатали в комнате древнее зло, которое не хотели выпускать в этот мир.

Дверь, стукнувшись о шкаф, едва не отскочила назад, но Учиха вовремя придержал её рукой, заглядывая в небольшую комнату. Это не было приветом из прошлой почти забытой жизни для Наруто. Узумаки не видел в этой комнате то, что оставил в общежитии, когда ушёл под родительское крыло. Здесь не было ни застарелых воспоминаний, ни несуществующего сизого дыма. Совершенно чужие стены, не пережившие ещё ничего. Пройдя внутрь, парни уронили сумки на пол и замерли, оглядываясь. Саске показалось, что то самое древнее зло поползло по стенам, шурша отошедшими желтоватыми обоями и колыша развесистую паутину по углам.
Застарелое чужое зло приглядывалось, принюхивалось к ним и раздумывало: а впускать ли? Позволять ли жить в своём древнем храме?

- Я уже отвык, - выразил общую мысль Наруто, поворачиваясь к брюнету. - Кажется, и не был студентом никогда.

- Привыкнешь, - фыркнул Саске, перекидывая свой рюкзак на кровать и выкладывая на стол пачку сигарет с зажигалкой. Сразу стало как-то по-другому…привычнее что ли. Словно бы на место встал недостающий пазл, и мозаика перестала раздражать своей неряшливой незавершённостью.

- Наверное, - пожал плечами Узумаки. Взгляд зацепился за сигареты. Да…теперь почти как раньше.

В повисшей тишине было слышно, как за стеной переговариваются и стучат чашками соседи. Замершее пространство было пронизано мелкими льдинками, которые

Наруто последние несколько дней непрерывно ощущал на своей коже.
Отвернувшись от Саске, блондин принялся перекладывать свои немногочисленные вещи на устланную газетой полку шкафа. Родители так и не звонили. Даже мать, которая всегда связывалась с ним хотя бы раз в пару дней. Сейчас Наруто чувствовал себя полностью отрезанным от брошенного им мира. Если раньше туда можно было возвращаться хотя бы мыслями, то сейчас тайные тропки оказались перекрытыми. Он сам вывалил на них кучу камней, запретив себе даже оборачиваться назад.
Было холодно, но не так, как могло бы быть. Каким бы Саске ни был, каким бы не становился, но с ним было теплее. Словно погреть свою душу у врат ада, не пересекая черты и не закрывая за собой их створки.

- Она не позвонит, - заметив застывший на телефоне взгляд Наруто, сказал Учиха.

- Откуда тебе знать?

- Она хотела внуков, а не сына с…особыми пристрастиями.

Наруто не ответил, но брюнет увидел, как тот сильно прикусил нижнюю губу, цепляясь пальцами за ворох футболок. Узумаки словно прирос к этому шкафу. То ли он опасался встретиться с ним, Саске, взглядом, то ли опасался случайно поймать собственный в висящем на стене зеркале.
Усмехнувшись, Саске поднялся с кровати и, подойдя ближе к Наруто, взял его за плечи, чтобы развернуть к отражающей искажённую реальность стекляшке. Узумаки сначала удивлённо дёрнулся, но потом послушно застыл, опустив голову.

- Посмотри туда, - тихо проговорил Учиха, сжимая его плечи. - Хватит бегать от себя, Наруто.

- Я не бегаю, - упрямо было заметил он, но душу кольнула иголочка.
Бегает. Ещё как бегает…

Взгляд неуверенно поднялся, скользя сначала по полу, затем по плинтусу, по куску обоев и только затем по зеркальной глади. Долго задержавшись на собственной груди, Наруто всё-таки резко посмотрел на своё лицо.
Отражение смотрело как загнанный в угол волк: глаза ненормально поблескивали, в них читались одновременно и страх, и желание защищаться. Так бывает у зверей, которым больше нечего терять, кроме собственной жизни, но ради свободы они отдадут и её. Лишь бы не оказаться за толстыми ржавыми прутьями клетки.
Увиденное Наруто не понравилось. Совершенно.
Это был не он.

- Они считают меня уродом, - немеющими губами процедил Наруто.

Отражение дрогнуло, и с него поползла оболочка-кольчуга, обнажая беззащитную плоть и натянутые нервы.

- Это так важно? - спросил Саске, кажущийся сейчас галлюцинацией.

- Да…не знаю, - сник Наруто. - Это ведь родители.

- Посмотри ещё лучше.

И Узумаки вновь поднял взгляд на отражение. Кольчуга распадалась звеньями, осыпалась на пол с тихим звоном.

- Ты ни хрена не изменился, Узумаки, - поморщился Саске. Ему было прекрасно видно борьбу во взгляде парня, а встретиться глазами со своим отражением он почему-то опасался.

- Твои родители хотят видеть только ярлык. Им не хочется читать содержание. Им нужен послушный Наруто, который будет являться домой в девять, засыпать в одиннадцать.

Наруто сжал кулаки. С одной стороны слышать, как Учиха поносит его, пусть и отказавшихся от сына, отца и мать было

тяжело. А, с другой стороны, Саске был прав. С его жестокой реальностью, с его бьющими кнутом словами…он всегда был прав.

- Им нужен шаблон идеального ребёнка, - продолжил брюнет, и его руки переместились на бока Наруто. - Даже какой-нибудь отморозок сойдёт, лишь бы спал с бабой. Ему всё простят.

Всё дело только в этом?

- Ты можешь вернуться к ним. Возвращайся и скажи, что взялся за ум и всё это было блажью. Они поверят, - жутковато улыбнулся Саске. - Знаешь, что с тобой будет тогда?

- Ч-что? - сдавленно спросил парень.

- Ты предашь себя. У тебя будет счастливая жизнь под чужую дудку, но ты сам счастлив не будешь.

Отражение вздрогнуло или же это был сам Наруто? Чем дольше он смотрел на себя, тем сильнее разделял то, что было здесь и что было за стеклом.
Саске отошёл, отпуская парня, и потянулся к сигаретам. От собственного отражения мутило и захотелось разбить зеркало, чтобы больше не встречаться с тёмными неживыми глазами. Как будто бы там поселился его злой двойник, способный убить словом, способный пустить по венам не кровь, а жидкий лёд.

- Не кури, - перехватил его руку Наруто. - Здесь, по крайней мере, не кури.

Удивлённо вздёрнув брови, Саске застыл с сигаретой в губах, смотря на повернувшегося к нему Наруто. Уверенности этот разговор ему не добавил, но из взгляда ушла та странная отрешённая обречённость, которая бывает у приговорённого к смерти через расстрел. Больно и страшно.
Узумаки, забрав сигарету, потянулся к губам парня и легко зацепил нижнюю своими, зарывшись пальцами в жёсткие волосы.
Поцелуй-точка. Попытка провести черту между теми мыслями,

которым в голове не место, и будущим, которое обязательно наступит. Наруто хотел верить, что всё будет по-другому. Уж теперь-то, когда нет никаких секретов, никаких недоговорок. Когда они с Саске, наконец, по одну сторону баррикад, а за этими стеклянными нагромождениями весь другой мир.
Ну и пусть. Ну и к чёрту.
Пальцы запутались в чёрных волосах, наслаждаясь прохладой гладких прядей, кончиками нащупывая заметный шрам. И застывая на нём, хотя раньше боялся прикоснуться, а Саске не позволял. Ничего не изменилось, просто ушёл какой-то гнетущий страх, всё время оттягивающий на пару шагов назад. А в их отношениях даже лёгкий сдвиг обратно, в прошлое, мог стоить многого.
Саске увлёкся тёплым поцелуем достаточно, чтобы пропустить момент, когда дверь их комнаты открылась и на пороге появился кто-то. Первым отстранился Наруто, переводя напряжённый взгляд на незваного гостя, который, кажется, уходить не спешил.

- Я не вовремя? - поинтересовался как ни в чём не бывало высокий парень с длинными чёрными волосами, убранными в хвост.

- Да, - просто ответил Саске, забирая из руки Наруто сигарету.

Учиха отошёл в сторону, подхватывая со стола зажигалку, но не спеша выходить из комнаты. Упёршись поясницей в стол, он уставился немигающим взглядом на новоприбывшего. Комнату буквально наполнило что-то холодное, выталкивающее. Даже Наруто стало неуютно.

- Я составляю списки заселившихся, - игнорируя Саске, сказал незнакомец.

- А имя у тебя есть? - усмехнулся Учиха, и Наруто недовольно нахмурился.

Когда Саске начинал дерзить, он делал это с особым удовольствием мазохиста, вынуждающим собеседника рано или поздно ввязаться в драку.

- Нейджи Хьюга, - процедил гость. - Так вот…я составляю список заселившихся…

- Скажи, - Саске крутанул зажигалку в пальцах. - А стучаться тебя не учили, Нейджи Хьюга?

Узумаки был готов сгореть со стыда. Мало того, что их застали не в очень-то подходящий момент, так ещё и Саске начал свою любимую песню…

- Что от нас надо? - быстро выпалил Наруто, заметив, что Нейджи уже собрался ответить Учихе. Ещё пара слов могла вылиться в непрекращающийся спор или мордобой, что было бы не самым удачным началом на новом месте.

- Имя, фамилия, телефон, - скучающе перечислил Хьюга, протягивая Наруто бланк и ручку.

Саске подвинулся от стола, чтобы взявшийся за бумагу Наруто смог написать их номера и всё остальное, что потребовал этот тип.
Сигарета привычно легла в губы, но Саске не закурил, просто прижимая фильтр зубами и продолжая сверлить взглядом брюнета. Хьюга, почувствовав внимание, повернулся к нему и вопросительно поднял брови.

- Всё, - быстро выпалил Наруто, вставая между парнями и протягивая бланк Нейджи. Блондин широко и виновато улыбнулся, спиной ощущая взгляд Саске.

- Благодарю, - кивнул Хьюга и, забрав бумагу, направился к двери. Лишь взявшись за ручку, он остановился и повернулся к Наруто, сказав: - Замыкайтесь. За это могут выселить.

- Х-хорошо, - выдохнул Наруто.

***

Общага вечером никогда не нравилась Узумаки. Как бы он не

пытался, но это место то и дело навевало воспоминания, хотя общего ничего с той высоткой, в которой они когда-то жили с Саске, здесь не было. Обычное девятиэтажное здание, которых великое множество по стране. Серое, безликое, с пропахшими кошатиной подъездами и неработающими лифтами.
Держа в руках сковородку со скудной едой, Наруто сонно шагал в сторону общей кухни. В коридоре было тихо, не смотря на вечер субботы, когда студенты обычно устраивают шумные гульбища в честь ещё одной пережитой недели. Но сейчас, в самом конце лета, жители этой серой свечки ещё доживали последние свободные деньки, и в воздухе повисла пропахшая извёсткой тишина.
Он свернул в просторную кухню, пропахшую зажаркой и куревом. От такого букета ароматов начавший пробиваться голод быстро увял и тяжёлым камнем лёг в желудке. Опустив сковороду на стол, устланный затёртой некогда цветастой скатертью, Наруто подошёл к газовой печи, окидывая её взглядом.
Удалось выяснить, что три из четырёх конфорок не работали, а оставшаяся зажглась далеко не с первого раза. Раздражённо бухнув сковороду на плиту, Наруто отошёл в сторону и внезапно наткнулся плечом на кого-то.

- Извини, - отшатнулся Узумаки, резко поворачиваясь к вошедшему на кухню Нейджи. В руках парень держал кастрюлю и, едва не расплескав её, недовольно посмотрел на Наруто.

- Ничего, - сказал он так, словно бы всем своим тоном хотел показать насколько неуклюжим в его глазах стал Узумаки.

Блондин, вяло улыбнувшись, отошёл к окну, смахнул с подоконника палёные спички и опёрся о него руками, выглядывая наружу.
Там, в соседнем доме, уже зажглись разноцветные огни в окнах, прорезая собой светло-сиреневые сумерки. За второй высоткой тянулась дорога, по которой быстрым потоком двигались размытые оранжевые и жёлтые блики.

- Ты - Наруто? - спросил неожиданно подошедший Нейджи, и Узумаки пришлось повернуться к нему.

- Ну, да…

- Узумаки, правильно? - наморщил белый лоб парень.

Недоверчиво смотря в светло-голубые, почти прозрачные, глаза Хьюги, блондин кивнул.

- Значит, второй…Учиха Саске, - задумчиво протянул Нейджи.

- Правильно, - быстро кивнул Наруто. - А что?

- Я - староста этажа, и мне надо запоминать вас.

Нейджи отвернулся, выразительно посмотрев на сковороду Наруто, в которой что-то отчаянно шипело и стреляло. Узумаки тоже скосил на неё глаза, но открывать не стал.

- Не буйные?

- Прости? - не понял Наруто.

- Вы с Саске не шумите? - пояснил парень терпеливо, хотя его глаза сверкнули крайне недовольно. - Алкоголь, наркотики, музыка?

Наруто честно задумался, но мысли почему-то свернули в другое русло. Музыка…за всё то время, что он провёл рядом с Саске, ему даже в голову не пришло спросить, какую музыку любил Учиха. А ведь это стандартный вопрос при знакомстве… один из глупых и банальных, но отчего-то задаваемых до сих пор.

- Наруто? - позвал Нейджи.

- А, - вздрогнул парень и резко уставился на Хьюгу, словно бы выпав из дрёмы.

- Нет. Не буйные.

- Это хорошо.

Нейджи кивнул и вернулся к столу, открывая свою кастрюлю. Что было в ней, Наруто разглядывать не стал. В сковороде щёлкнуло особо громко, привлекая внимание Узумаки.
Он даже не знал, что из еды любит Саске.
Какую погоду.
День недели.
Время года.
Наруто ничего не знал об Учихе того, что положено знать о том, с кем живёшь и к кому питаешь чувства. У него не было списка, который загружается в голову каждого при новом знакомстве. У него не было ничего, кроме самого Саске, его ехидства и острого взгляда.

- Значит, вы вместе?

Задумавшись так сильно и не заметив, как Хьюга вновь проявил интерес к его персоне, Наруто вздрогнул и уставился на черноволосого недобрым взглядом. В последнее время любой вопрос о его личной жизни воспринимался в штыки, потому что люди не понимали и норовили ударить по тонкому стеклу отношений дубовыми битами.

- Да.

- И ты так просто это говоришь? - усмехнулся Нейджи.

- А чего мне бояться? - с вызовом спросил Наруто, снимая сковороду с плиты.

- Тех, кто не понимает…

- Это их проблемы.

Узумаки крепче сжал едва тёплую ручку, пытаясь выдержать взгляд Хьюги. После игр в гляделки с Саске это получилось довольно легко. Не было во взгляде Нейджи того червлёного серебра и горячего холода.

- Не боишься, что однажды тебе за это проломят голову?

- Не боюсь, - твёрдо ответил Наруто.

- Ты смелый, - хмыкнул Хьюга.

«А Учиха говорит, что глупый», - усмехнулся внутренний голос, и Наруто невольно улыбнулся.

***

Саске вяло ковырялся вилкой в какой-то мешанине из тушёнки и чего-то похожего на рис. Жаренный рис.
Шедевр кулинарного искусства от Наруто он не оценил, поэтому, поворошив вилкой свою порцию, с сожалением отодвинул несостоявшийся ужин в сторону и взялся за чашку с терпким кофе.

- Что? - поморщился он, вдыхая горьковато-сладкий дымок.

- Что? - в тон ему спросил Наруто.

- Какого хрена пялишься? - повернулся к нему брюнет и ехидно осклабился: - Влюбился?

Наруто, сглотнув сухой ком в горле, который всегда появляется от таких вопросов, фыркнул:

- Было б в кого.

Саске лишь качнул головой, вновь отпивая из кружки и, сощурившись, разглядывая противоположную стену. Завтра предстоял тяжёлый день: чего только стоил поход в деканат, где ему надо было убедить этих пыльных снобов в том, что он не просто хочет, а горит желанием продолжить обучение и на этот раз твёрдо намерен довести дело до конца.
Всё это надо было сказать спокойно и преданно глядя в глаза тем высокомерным тварям, что будут тянуть нервы, давить на совесть и говорить о том, какой он плохой и несобранный человек. А Учиха даже слова против сказать не сможет, и

придётся лишь кивать, соглашаясь со своей ущербностью. От такой перспективы на языке стало горько и захотелось заранее подготовить автомат, чтобы сократить тот глупый разговор ровно на час.

- Саске, - внезапно позвал Наруто, откладывая вилку в сторону. Получив вопросительный взгляд, блондин спросил:

- А ты какую музыку любишь?

- Что за вопросы, Узумаки? - прищурился Учиха.

- Да, обычные вопросы…нормальные.

Наруто было стушевался, но лишь прямее посмотрел в чёрные глаза. Ведь действительно - он просто спрашивает.

- Ненормальные.

Саске поставил кружку рядом с отвергнутой тарелкой. Поразмыслив, добавил к линии вилку и замер, разглядывая скатерть.

- Почему?

- Ты раньше такие не задавал.

Саске потянулся за солонкой, чтобы добавить её к уже выставленным предметам, но в этот момент его схватили за запястье, придавливая руку к столу и заставляя поднять взгляд.

- Что ты делаешь? - спросил Наруто, глядя прямо в глаза.

- В смысле?

- Ты всё время выстраиваешь вот это.

Палец Узумаки ткнул в стол, рядом с кружкой кофе, и Саске вопросительно поднял брови.

- Линии эти строишь.

- Бред, - шикнул Саске, поднимая кружку и делая глоток. - Зачем тебе знать, какую музыку я люблю?

Наруто, проследив за тем, как кружка опустилась ровно в то место, где стояла раньше, укоризненно покачал головой. Линия опять была непрерывной, а взгляд Учихи рыскал по столу в поисках того, что можно было бы ещё к ней добавить.

- Интересно стало. Вроде бы люди так делают…знают, что слушают другие.

- Зачем люди так делают? - усмехнулся брюнет, всё же ставя ближе к вилке солонку.

- Не знаю, - замешкался Наруто. - Потому что им интересно. Важно это знать.

- Но зачем?

- Да, не знаю я!

- Я тебе расскажу, - хмыкнул Саске и одним глотком допил кофе. Поставив чашку на её место в линии, он откинулся спиной на стену и положил руки на согнутые колени.

- Ну и зачем же?

- Чтобы соответствовать.

- Чему? - поморщил лоб Узумаки.

- Шаблону приятного собеседника.

- Что-то у тебя всё на шаблонах…

- Потому что вся наша жизнь - шаблон.

Наруто, хмыкнув, поднялся из-за стола и забрал буквально из

рук Саске вторую кружку, которую брюнет хотел уже приткнуть к своей странной черте из разношёрстных предметов. Получив убийственный взгляд, Узумаки принялся собирать посуду со стола и относить её на низкий холодильник, крышка которого служила чем-то вроде рабочей поверхности.

- Что такого в том, что я спрошу тебя о твоей любимой музыке? - чуть раздражённо выпалил Наруто.

- Скажи, - улыбаясь иронично, продолжил Саске. - Вот скажу я тебе про свою любимую песню. И ты побежишь её слушать? Сразу?

- Ну… - честно задумался Наруто. - Если буду свободен или…

- То есть вряд ли, - закончил за него брюнет. - Большинство людей никогда не послушают то, что нравится их собеседнику. Но обязательно спросят про музыку.

- И при чём тут шаблон этого…приятного собеседника?

- Тебя спросили, тобой поинтересовались, - презрительно бросил Саске. - Ты якобы не пустое место.

Наруто уставился на Учиху с таким видом, что впору было ещё и пальцем у виска покрутить. Саске в очередной раз красил мир в чёрный цвет, забыв про остальные краски.

- Ты безнадёжен, - устало вздохнул Наруто.

***

Женщина за сорок сидела в своём идеальном кабинете. Здесь всё было вымерено по сантиметру, подготовлено для того, чтобы радовать её подслеповатые глаза фальшивой идеальностью.
Даже стол, что стоял у большого окна, был неприлично блестящим, а бумаги на нём были выложены в чёткой последовательности: документы справа, заявления слева, а личные записи внизу, ближе к середине стола.

Весь её мирок мог поместиться в этом кабинете захудалого института, который особо престижным и не назовёшь. Но вот её мирок…его она считала уникальным и всеми своими увядающими силами облагораживала, ограждала от влияния извне, выстраивала хрупкую пирамиду своего величия в глазах подчинённых.
Но сегодня утром декан поняла, как шатка её власть, как эфемерны защитные стены, которые она возводила с такой старательностью, годной для девочки-отличности.
Стоило высокому темноволосому мужчине войти в её мирок-кабинет, как вся хрупкая защита разбилась о его темно-стального цвета деловой костюм, а всякая надежда на добрый разговор о непроницаемые тёмные глаза.
Декан ещё тогда, с первого взгляда, испугалась его взгляда. Так смотрят те, кто убивал. Конечно, женщина вряд ли когда-нибудь встречалась с настоящими убийцами, но по всем книгам, которые она прочитала, этот незнакомец здорово подходил под описание самого настоящего хладнокровного убийцы.
Следующий шок постиг её, когда мужчина вальяжно сел в кресло перед столом той. Он делал всё с таким видом, будто бы давно стал хозяином мира и каждая, даже самая захудалая вещь, принадлежит ему.

- Вы…вы по какому вопросу? - замешкалась женщина, зачем-то начиная перекладывать на столе ручки из одного угла в другой.

- По вопросу Учиха Саске.

Голос мужчины был глубоким, даже чарующим, если бы не вся его холодность. Наверное, женщины таким любовались издалека, предпочитая не приближаться к дышащему опасностью мужчине и на метр. А почему бы не любоваться? Высокий лоб, белая кожа, резкие черты лица - всё это создавало образ какого-то благородного древнего воина…

- Учиха…Саске… - задумчиво повторила женщина, пытаясь понять, откуда ей знакомо это имя. Оно оставляло какой-то неприятный осадок на корне языка, словно бы она съела самый горький шоколад.

- Он учился у вас, а затем ушёл в академический отпуск, - пояснил мужчина.

- Ах, Саске, - наконец, вспомнила женщина, и тело её прошило холодком.

Теперь, взглянув на своего незваного гостя, она могла заметить некоторое сходство с тем непутёвым, грубым студентом, на которого жаловались практически все преподаватели, а потом он ушёл. К счастью всех.

- Вы его родственник?

- Крёстный, - кивнул черноволосый. - Учиха Мадара.

- Рада знакомству, - дежурно улыбнулась декан. - Но…чем я могу вам помочь? Саске у нас уже не учится…

- Я не хочу, чтобы он учился у вас.

И, прежде чем женщина успела сказать хоть слово, мужчина быстро пояснил:

- Он болен. Психически. И…

Перед деканом легла ксерокопия какой-то справки, в которую та уткнулась, надев очки. Женщина сощурилась, вглядываясь в незнакомые слова, но всё же выцепляя то, что могло быть понятно не медику:

- Тут сказано, что Саске…опасен? - прищурилась она, поднимая глаза на Мадару.

- Его болезнь повлияла на мозг, - кивнул мужчина. - Его психическое состояние оставляет желать лучшего.

- Что вы хотите от меня? - непонимающе тряхнула головой женщина, отодвигая от себя копию справки, что тут же оказалась в руках у пришедшего.

Учиха никогда не был нормальным студентом, но что бы буйность, галлюцинации…

- Он недееспособен. Он придёт к вам, но вы должны отказать ему.

- Он хочет восстановиться? - поражённо ахнула женщина. Вновь мучиться с таким студентом, который ещё и опасен для окружающих, ей очень уж не хотелось.

Мадара кивнул.

- Сами понимаете, что с таким студентом вам не справиться. Вы поставите под угрозу других, если…если примете его обратно.

Учиха поднялся, убирая справку в свой кейс и оглядывая кабинет цепким взглядом. Он словно выискивал что-то…и декану становилось не по себе.

- Он хотел отрезать одному из ваших студентов пальцы, - сказал мужчина в пустоту. - А другому приставил пистолет к виску…

- О, Боже! - воскликнула женщина, прикладывая руку к губам в порыве наигранного ужаса. Только ужас был не в том, что какой-то парень хотел убить других, а в отсутствии страха в глазах декана. Эта информация прошла мимо неё, но тело среагировало, как отлаженный механизм - споро выдавило наружу ту эмоцию, которую ждал Мадара.

Довольно хмыкнув, Учиха подошёл ближе к ней и, навалившись руками на столешницу, навис над деканом.

- Вы понимаете, что Саске опасен для общества?

Она мелко закивала, почему-то откидываясь на спинку дешёвого кресла и пытаясь отодвинуться подальше от стола.

- Он ни при каких условиях не должен быть зачислен обратно.

***

Стоя у дверей деканата, Саске бесцельно скользил взглядом по полутёмному закутку и двери соседней аудитории. Оттуда доносились голоса и смех, но никто до сих пор не вышел. Зато дверь деканата открылась и из-за неё показался бледный, замученный Наруто.
Из Узумаки будто бы всю душу вытрясли те тридцать минут, что он провёл в коморке с главным вампиром института.

- Восстановили, - выдохнул Узумаки. - Теперь…документы.

Кивнув, Саске молча прошёл мимо парня, открыл уже захлопнувшуюся дверь и остановился в узкой комнатушке со столом секретарши.
Женщина, с пушистыми белыми волосами, посмотрела на него и, кажется, узнала, но сказать толком ничего не сказала.

- К декану, - сухо пояснил Саске, и секретарша кивнула на смежную дверь.

- Учиха? - удивилась женщина в тёмно-бардовом деловом костюме. Она спустила с напудренного носика очки в тяжёлой роговой оправе и удивлённо подняла брови, вглядываясь в застывшего у дверей парня.

В ней ничего не изменилось - всё также пытается казаться молодой, нужной и любимой. Только вот одиночеством и холодом от неё несёт посильнее, чем приторно-сладкими духами.
Сколько не заливайся ты этой ароматной водой, но вонь от гниющей души не заглушишь.
Окинув его взглядом, она указала на кресло перед столом и вновь вернулась к просмотру каких-то бумаг.
Опустившись на предложенное место, Саске уставился на толстые пальцы декана. Аккуратный ярко-красный маникюр на этих грубых отростках смотрелся нелепо, как и тонкие золотые кольца.

- Я хочу восстановиться в вашем институте, - сказал он, поднимая глаза на её очки.

- Оу, - женщина вздёрнула густо подрисованные брови.

Саске ждал чего-то более информативного, но в ответ слышал лишь размеренное тиканье часов, да шум проезжающих за окном машин. Декан отчего-то молчала, продолжая невидяще скользить взглядом по листу бумаги, словно надеясь, что тот сможет отгородить её от Учихи.

- И всё? - спросил парень.

Она всё-таки отложила документ в сторону и, сложив руки на столе, подалась вперёд, разглядывая парня с какой-то ленивой цепкостью.

- Я не могу восстановить вас.

- Почему?

Декан вздохнула с таким видом, словно маленький ребёнок не понимал, что тыкать ножом в кошек - неприлично.

- Ваше состояние…

- Я здоров, - жёстко отрезал Саске.

Женщина даже вздрогнула, поймав его взгляд стёклами съехавших на нос очков, и поспешила вернуть оные на место. Хмыкнув, она достала из ящика стола какой-то бумажный прямоугольник размером с ладонь и протянула его Учихе. Забрав его, Саске непонимающе уставился в убористый, но всё же непонятный подчерк, который был опознан, как медицинский.

- Вы проходили лечение в психиатрическом стационаре, и, насколько мне известно, оно не дало результатов.

Пробежавшись взглядом по диагнозу, Саске отбросил копию

справки на стол и усмехнулся:

- Откуда это у вас?

- Не могу сказать, - самодовольно развела руками женщина, буквально раздуваясь от собственной важности. - С вашим диагнозом…я не понимаю, как вы всё ещё не в подходящем для вас месте.

- Не в дурке? - подсказал Учиха, посмотрев женщине в глаза.

Та, вздрогнув, вновь откинулась на спинку кресла и неуверенно кивнула.

- Ушёл. Не понравилось, - поморщился парень и, жутковато улыбнувшись, добавил: - Кормят паршиво и…убивать мешают.

Декан стремительно побелела, наблюдая за тем, как парень медленно поднимается.
Саске чувствовал её взгляд меж лопаток, когда выходил из кабинета, а пыльный налёт не пропал с кожи даже на улице.

***

Значит, в институт ему дорога заказана. Учиха без особого сожаления окинул взглядом жёлтое трехэтажное здание, похожее на старинный особняк, будто бы прощаясь с ним раз и навсегда. Здание он любил, как и узкие коридоры, как и просторные лекционные залы и какую-то непередаваемую атмосферу, что царила в аудиториях. Кирпич, эти массивные колонны и окна ведь не виноваты, что внутри поселились такие люди, готовые поверить какому-то клочку бумаги без особых попыток разобраться и проверить самостоятельно.
Трель телефона раздалась неожиданно, и Саске неспешно достал трезвонящий прямоугольник из кармана, прикладывая к уху и выдерживая привычную паузу.
Кроме Наруто звонить ему никто не мог, а тот давно привык к своеобразному молчаливому учиховскому приветствию.

- Саске? - подал голос Узумаки. - Ты где?

- У института, - бросил парень и, зажав трубку ухом, достал из кармана пачку сигарет. Огляделся, ловя на себе осуждающие взгляды прохожих, которым почему-то не нравилось, что он стоит посреди тротуара.

- О, я сейчас к тебе подойду. Не уходи только…

Взяв телефон в свободную руку, Саске нажал отбой и убрал оный в карман. Сигарета легла в губы и, когда парень уже собирался чиркнуть зажигалкой, его кто-то толкнул в плечо, проходя мимо.

- Смотри, куда прёшь, - прорычал Учиха, едва не выронив сигарету вместе с зажигалкой.

Туша, которая едва не сбила его с ног, медленно остановилась, повернулась и Саске узнал этот оранжевый ирокез, маленькие глазки и хамоватую усмешку на одутловатом лице.

- Какие люди, - протянул Джиробо, подходя ближе. - Какими судьбами?

Саске не ответил. Бросил быстрый взгляд на амбала, что ничуть не изменился за прошедшее время, и всё-таки закурил.

- Молчишь, да?

- А ты внимательный, - прыснул Учиха.

Джиробо, нахмурившись, изо всех сил пытался понять: ему уже нахамили или же собирались?

- А я видел сегодня твоего дружка, - наконец, заявил он. - Наруто этого.

Саске недобро посмотрел на Джиробо, но вновь молча выпустил дым из носа. Говорить с этим недоразумением в растянутой грязной футболке не хотелось ровно так же, как и находиться рядом. От Джиробо несло чем-то жаренным и,

кажется, луком.

- Все ещё пялите друг друга? - прищурился амбал, откровенно потешаясь.

- Все ещё ебёшь свою правую руку? - в тон процедил Саске.

Джиробо был слишком тяжеловесным, чтобы его движение Учиха не заметил. Толстяк горой двинулся на него, толкая в плечо на стену института и придерживая за него, сжимая пальцы.

- Больше страсти, - усмехнулся Учиха.

- Да я тебя сейчас…

Сигаретный дым, который Саске выпустил прямо в блестящее от пота лицо, стал последней каплей. Кулак Джиробо взметнулся, но так и не долетел до цели.

- Если я вас увижу, - прошипел амбал и многообещающе сверкнул глазами: - Убью на хер.

Флегматично проводив взглядом как ни в чём не бывало проходящую мимо них женщину, Саске отрешённо подумал, что эти люди скорее будут читать тебе нотации по поводу курения, но даже не попытаются разнять драку прямо у них перед носом.

- Сомневаюсь, - бросил Саске, переводя взгляд на Джиробо. Маленькие глазки толстяка удивлённо расширились, но разум его так и не смог обработать информацию.

- Это почему вдруг? - туповато пробасил он.

- Без пальцев убивать проблематично, - пожал плечами Саске, и хватка Джиробо как-то ослабла. Он отпустил Учиху, отступая на шаг назад, сверля взглядом, в котором читалось осознание. Наверное, впервые за свои двадцать с копейками лет, Джиробо начал думать и сопоставлять.

Когда-то Саске пообещал отрезать ему пальцы, если тот тронет Наруто.
Оба хорошо помнили этот разговор.
А Джиробо прекрасно помнил охвативший его тогда липкий страх.

***

Обзорная площадка перед лестницей, ведущей к морю, пустовала. Усевшись на бетонный бортик, Саске свесил ноги в пустоту, смотря на кроны деревьев под ними. Одно движение, и можно упасть. Умереть не умрёшь, конечно, а вот что-то сломать - запросто.
Море вновь окрасилось в пасмурный цвет неба или же небо впитало в себя серость чуть колыхающихся вод. Где-то вдалеке белела одинокая лодка, а на верфи вновь гремели, разгружая причалившую баржу. Только отсюда, с обзорной площадки, можно было разглядеть уродливые железные конструкции, заваленные ржавым железом площадки и суетящихся людей. С пристани этого видно не будет: прохожим не нравится видеть изнанку этого мира даже в таких мелочах.
А Саске с удовольствием смотрел на верфь, словно бы устав от ровных кустиков по обе стороны от мощёных плиткой дорожек, от витых чёрных фонарей и ярких цветов рядом с аккуратными лавочками.

- Ты меня не дождался.

Голос Узумаки из-за спины прозвучал так, будто бы в голове у Саске поселился свой собственный Наруто. Брюнет, повернувшись к нему, перемахнул ногами через бортик и опустился на асфальт, внимательно вглядываясь в лицо парня. Наруто выглядел возмущённым, но слишком усталым, чтобы затевать спор или выяснять отношения прямо здесь.

- Восстановили? - спросил Саске, игнорируя высказывание Узумаки.

- Да, - кивнул тот. Наруто устало провёл рукой по лицу и

опустился на бортик рядом с Саске, ссутулившись и тяжело выдохнув.

Ему казалось, что вся эта волокита с восстановлением никогда не закончится и к концу дня его можно будет просто вынести из института. Доказывать всем, что ты действительно хочешь учиться и что академический отпуск пошёл тебе на пользу оказалось той ещё морокой.
Особенно учитывая, что большую половину дня мозг был занят мыслями об Учихе. Ещё стоя в кабинете декана, Наруто внезапно поймал себя на том, что без присутствия Саске рядом ему всё время хочется говорить быстрее, чтобы освободиться и набрать вызубренный номер. Сердце тревожно билось, будто бы ожидая, что, пока Учиха предоставлен самому себе, с ним обязательно что-то случится. И сейчас, увидев брюнета в целости и сохранности, Наруто облегчённо вздохнул. Украдкой, конечно. Ведь не скажешь же Саске о такой ерунде? О том, что невозможно даже час находиться без него. Посмеётся…

- А у тебя что? - запоздало вынырнув из своих мыслей, спросил Наруто, поворачиваясь к собеседнику.

Увидев новую сигарету в губах Учихи, блондин даже не удивился.

- Диагноз, - скосил на того глаза Саске.

- В смысле?

- Они откуда-то выдрали мою справку из дурки.

- Но ведь ты…был принят туда не под своим именем, - наморщил лоб Узумаки. - Значит…

- Значит, Фугаку позаботился о том, чтобы справка всё же была выписана на меня. На всякий случай.

Саске, усмехнувшись, закурил. Хитрость собственного отца иногда поражала, а способность причинить вред, даже выйдя из

игры, заслуживала уважения.
Тишина и один единственный вопрос:

- И что теперь?

Саске поднял глаза на проезжую часть. По дороге пронеслась красная машина, люди замерли на пешеходном переходе, дожидаясь, пока железные монстры всё-таки пропустят их. Будущее помахало ручкой. Только сейчас Саске отчётливо ощутил, как между ними с Наруто вновь разводят мосты, оставляя одного на левом берегу, а второго на правом.
Учиха повернулся к блондину, окинув взглядом и зацепившись за полные растерянности голубые глаза. Выход в люди подействовал на Наруто, как вода на увядающий цветок: радужка вновь засветилась жизнью, кожа словно бы напиталась солнечного света, а волосы теперь не казались блёкло-белыми, скорее, платиново-золотыми.
Как бы они не пытались, но они всегда будут на разных берегах, в разных мирах и даже умри они в один день разлетевшись на ошмётки, их соберут, разделят и положат в разные гробы. А их могилы будут находиться в разных частях планеты.

- Живи, - пожал плечами брюнет, отворачиваясь. - Выбора у тебя нет, Узумаки.

- А ты? Может, попытаться подать документы в другой институт? Или училище?

Наруто заметил, как Саске иронично приподнял брови. Нет, он даже пытаться не будет, наперёд зная, что ничего не получится. Иногда хотелось взять Учиху за шкирку и выбить из его головы весь этот пессимизм.
Но сейчас Наруто боялся себе признаться, что отчасти тоже верил в провал всех начинаний. Тонкие ростки чего-то чёрного начали прорастать в его душе. В будущем они оплетут душу в плотный кокон из шипастых побегов, в такой же, как и у Саске. Шипы будут мешать его душе верить в лучшее, будут пронзать её и постепенно превращать в рваную тряпку.

- Ни хера не получится, - отбросил в урну окурок Саске. - У меня нет будущего.

- Не говори так, - упрямо возразил Наруто, придавливая поднявшие головки ростки кирпичом веры. - Мы что-нибудь найдём, придумаем. Это ещё не конец!

Саске, повернувшись к нему, вперился колким взглядом в глаза и усмехнулся:

- Мы?

- Да.

- В тебе опять взыграла мать Тереза?

- Ты думал, я перестану помогать тебе, когда с твоей…головой всё будет нормально? - поднял брови Наруто и, по молчанию поняв, что так оно и было, выпалил: - Ты идиот что ли, Учиха?

От возмущения Узумаки аж поднялся на ноги, вставая напротив брюнета и глядя на эту безразличную физиономию сверху вниз.

- Я не бросил тебя, когда в твоей голове была эта херня, а сейчас ты предлагаешь мне…забить?

- Памятник себе поставь, - привычно огрызнулся Саске, поднимаясь. - И не рви зад за мои проблемы.

Сунув руки в карманы, Учиха направился прочь от смотровой площадки, но Наруто ухватил его за предплечье и дёрнул, разворачивая к себе лицом.

- Что на тебя нашло?!

Что нашло? Саске прикусил нижнюю губу, с усмешкой глядя на такого злого и взъерошенного Наруто. Такие яркие эмоции делали парня живее и…привлекательнее.

- Тебе достаточно твоего сердца, - всё-таки начал Учиха.

«А я буду обузой. Буду тянуть тебя вниз», - подсказал внутренний голос.

- Да, ты задрал! - вспылил Наруто. - Моё сердце в порядке. А ты…я хочу помочь тебе. Разве это плохо?

- Плохо, что ты не хочешь помочь себе.

- А что со мной? Зачем мне помогать?

- Ну, да, - протянул Учиха. - У тебя всё отлично в жизни…

- Нет, - мотнул головой парень. - Не отлично, но меня устраивает, а на остальное плевать.

Наруто даже вздрогнул, когда Саске внезапно ухватил его за плечи, чуть наклоняясь и впериваясь в глаза. Учиха в миг стал каким-то ледяным шипом, пронзившим его насквозь.

- А не должно быть, - прошипел брюнет. - Не должно быть плевать, Наруто.

- Саске…

- Ты должен двигаться вперёд.

- Я буду двигаться вперёд только с тобой.

Наруто, сощурившись, смотрел в глаза друга и не понимал, что на того нашло. Саске и до этого часто начинал перепалку на пустом месте, но сейчас…
Сердце болезненно кольнуло, и Узумаки показалось, что это их последний разговор, что Учиха сейчас вспылит и разорвёт к чертям их и без того подранные нервами отношения.
Вздрогнув всем телом, Узумаки вцепился руками в ворот футболки Саске, словно бы тот уже уходил. Какой-то страх прошил его не хуже того самого ледяного шипа, дыхание застряло в горле.
Не отдавая себе отчёта в том, что делает, Наруто ткнулся лбом

в грудь Саске, игнорируя то, что они стоят на виду у всех. Было плевать. На самом деле, по-настоящему насрать на мнение всех прохожих.

- Наруто? - непонимающе позвал Саске, чувствуя, как блондин мелко дрожит.

- Подожди…сейчас пройдёт, - глухо пробормотал в его футболку тот.

Саске замер истуканом, глядя в растрёпанную светлую макушку, в которую тянуло уткнуться носом и закрыть глаза. Он зацепился пальцами за бок блондина, совершенно не понимая что на того нашло.
Два разных мира. Они держатся только на тонкой красной ниточке, что тянется от одного сердца к другому. Разорви ниточку - ничего не станет. Миры погибнут без подпитки друг другом.
Тяжело вздохнув, Учиха покачал головой, сжимая плечи Наруто, когда парень отстранился. Узумаки странно посмотрел на него и вяло улыбнулся, вновь проводя рукой по лбу и прикрывая глаза.

- Пойдём домой. Я устал…

- Езжай. Я буду позже. Надо кое-куда заехать.

- Куда? - сразу напрягся Наруто.

- К Итачи.

***

- Они заселились? - спросил Мадара, останавливая свою машину у продуктового склада. В трубке раздался какой-то треск и, наконец, ответ:

- Да. Вчера днём.

- Отлично, - улыбнулся мужчина. - Следи за ними.

Короткие гудки, и Учиха откидывает сотовый на сиденье. Спокойный взгляд пробегается по контейнерам, по ящикам и скучающим водителям небольших грузовичков, в которые обряженные в ярко-оранжевые комбинезоны сотрудники склада быстро грузят товар.
Назначенная встреча могла бы состояться и в месте получше этого, где хотя бы нет застарелого запаха гнилых фруктов и овощей, а под ногами не снуют облезлые кошки.
Но сейчас каждая минута была на счету, а Мадара и без того не привык расшвыриваться временем.
Заметив быстро идущего к его машине красноволосого парня, Учиха довольно вздохнул.
Хорошо хоть вовремя.

***

Наруто не стал дожидаться ни маршрутки, ни трамвая, чтобы добраться до общежития. Отчего-то захотелось пройтись, вдыхая пахнущий гарью вечерний воздух, понаблюдать за людьми, которые спешили домой, проводить взглядом проезжающий мимо трамвай.
Сейчас, когда чернильная темнота ещё не укрыла собой город, всё казалось до ужаса тонким, словно сделанным из бледно-сиреневого стекла. Хрупким и подсвеченным янтарным сиянием витрин и окон трамваев.
Здесь, в переулке, в который забрёл Наруто, было тихо и до одури пахло какими-то вечерними цветами. По обе стороны от дороги тянулись частные дома, за высокими заборами лаяли собаки. Надо было сворачивать и возвращаться на тротуар, пока не заблудился вовсе.
Саске не хотел, чтобы он поехал с ним к Итачи, а Наруто в очередной раз ощущал кожей нехватку яда, что распространял вокруг себя Учиха. Связывающая их нить натянулась и тихо зазвенела, норовя разорваться. Волнение неприятной волной прошлось по телу, заставляя в очередной раз достать из кармана телефон и посмотреть на дисплей.
Наруто замер, нервно облизывая губы. Сколько всего в их жизни произошло из-за треклятых сотовых, из-за невозможности связаться друг с другом…

И сейчас было страшно набрать знакомый номер и услышать, что абонент недоступен. Тогда сердце заболит, заноет, а душа будет рваться из тела…
Но и звонить Саске без причины, для которого разговоры с Итачи никогда не были приятными и лёгкими, он не решался. «Я просто узнаю, как он», - придумал отговорку Наруто, и его палец завис над кнопкой вызова.

- Эй, Наруто.

Подняв глаза от телефона, Наруто не успел ничего понять, как в лицо врезался чей-то кулак.
Отшатнувшись, Узумаки уставился перед собой, пытаясь понять, чего ждать дальше.
Перед ним стоял Джиробо и двое каких-то невзрачных парней, лица которых в сумерках Наруто не смог бы различить друг от друга.

- Не в тот район зашёл, - буркнул Джиробо, разминая свои лапищи. - У нас здесь педиков не любят.

Узумаки, поняв, что пытаться поговорить с этими отморозками бесполезно, огляделся по сторонам. Да, их было всего трое, но он всё ещё был один.
Начав пятиться, Наруто инстинктивно сжал кулаки, готовый к драке.
Толстяк бросился первым, занося руку для удара, но Узумаки оказался достаточно проворным, чтобы, поднырнув под неё, избежать очередного удара. Когда-то он уже познакомился с кулаками Джиробо и больше этого делать не хотелось.
Двое остальных ринулись на него без замешательства, словно бы для них это было нормальным вечерним развлечением. Один, правда, тут же получил в нос и отшатнулся, а второй всё-таки успел всадить кулак под рёбра Наруто.
Едва не согнувшись пополам, Узумаки отшатнулся, чтобы видеть всех троих и отдышаться.

- Где ж твой дружок? - протянул Джиробо, приближаясь. - Кинул тебя? Не проводил до дома?

И вновь Наруто не стал отвечать, поглядывая то на амбала, то на его прихвостней.
Трое против одного - всегда проигрышный вариант, если ты, конечно, не супер-герой. Взгляд метнулся к телефону, что выпал из рук и сейчас сиротливо лежал на асфальте. Вряд ли он кому-то мог успеть позвонить…а если бы и позвонил, то никто бы не добрался сюда вовремя.
А потом драка забурлила с новой силой, обдавая тело чужой и своей злостью. К этому чувству примешивались удары, но Наруто хотелось верить, что и его собственные долетали до адресатов.
Кажется, он заехал кому-то в нос. Раздался хруст и крик, а потом его схватили за руку, упёрлись коленом в спину и поймали предплечье второй руки, заламывая их. Узумаки дёрнулся, но удар в живот выбил весь дух. Зато злости добавил. Сцепив зубы, парень ударил головой назад. Лёгкий вскрик, отпустили…и опять удар. Теперь в висок, и земля ушла из-под ног.

- Ну что, сука, где тебя прикопать?

***

В голове Итачи было слишком много мыслей, чтобы заметить, что дверь его кабинета приоткрыта. Толкнув оную, парень вошёл внутрь и сразу же наткнулся взглядом на чёрную тень, сидящую за его столом. Тень на проверку оказалась Саске, и сначала старший Учиха даже подумал, что ему померещилось.

- Не ждал? - спросил Саске, покачиваясь на кресле.

- Рад видеть, - кивнул Итачи и осторожно закрыл за собой дверь, будто бы громкий хлопок мог вспугнуть видение.

Ироничная усмешка исказила бледное узкое лицо, которое ничуть не изменилось с их прошлой встречи. Только льда в глазах прибавилось, а сами радужки будто бы стали ещё темнее.
Старший Учиха скользнул взглядом по чёрным волосам брата, что, отрастая, торчали иглами и были не в силах скрыть от

любопытных взглядов шрам.

- Ты хотел что-то? - выдохнул Итачи, чувствуя, как от одного лишь взгляда на узкую белую полоску сердце в груди нехорошо замирает.

- Угадай.

Саске, улыбнувшись, медленно поднялся из-за стола и, пройдясь по кабинету, остановился напротив брата. Младший смотрел прямо, не пытаясь скрыть свою брезгливую холодность за мишурой из вынужденных улыбок, которыми мы так часто прикрываемся на всех этих семейных встречах.
Не было семьи больше, и причины надевать маски исчезли вместе с нею.

- Тебе нужны деньги? - спросил Итачи.

От Саске всё также веяло отрицанием всего того, что он мог ему предложить, но всё же…
Младший брат изменился. Раньше он был похож на разрывную бомбу, которая может детонировать от любого неосторожного движения, вздоха. Теперь же Саске напоминал пулю снайперской винтовки: будет бить точно, прицельно и в самое уязвимое место.
Итачи не знал, можно ли это назвать взрослением, но брат будто бы действительно стал старше.
Терпеливее.
Холоднее.

- Засунь их себе в зад, - ухмыльнулся парень. - Там им самое место.

- Тогда зачем ты пришёл? - игнорируя выпад, спросил Итачи.

- Я пытался восстановиться в институте, но мне отказали…

- Тебе помочь? Я могу заплатить…

- Я же сказал, где место твоим деньгам, - вздёрнул брови Саске.

- Мне отказали. И знаешь из-за чего?

Итачи только сейчас понял, насколько его брат зол. Он скрывал свои эмоции хорошо, но чем больше говорил, тем больше шипящих ноток появлялось в голосе.

- Из-за чего? - послушно пошёл по уже натянутому канату Итачи.

- Справка. Из дурки.

Канат дрогнул, но Итачи каким-то чудом устоял. Правда, удивление всё же тянуло на дно прикрепленным к одной руке камнем.
- Ты не знаешь, - вкрадчиво начал Саске, обходя брата по кругу.
- Кто бы мог достать её и передать декану?

- Зачем мне это?

- Тебе?

Саске остановился сбоку, и Итачи почувствовал тяжёлый взгляд на себе. Пришлось повернуться, чтобы вновь оказаться лицом к лицу с братом.

- А я говорил про тебя?

- Саске, - терпеливо выдохнул Итачи. - Я догадываюсь, куда ты клонишь. Но зачем мне это?

- Чтобы я вернулся, - пожал плечами парень. - Вновь стал частью этой вашей семьи.

- Тебя ведь это не заставит передумать, - сказал Итачи. Горечь всё-таки пробилась в голос из-за плотной стены спокойствия.

Саске, словно натасканная ищейка, отлично чувствовал эмоции, цепляясь за них и принимаясь вытаскивать раскалёнными щипцами тонкие нити из души. И грусть в голосе брата он тоже почувствовал. Моментально. Курок был

спущен, пуля устремилась в цель.

- А так хочется? - прищурился парень. - Хочется опять поиграть в братскую любовь?

- Не начинай…

- Мы никогда не были братьями, Итачи, - жёстко отрезал Саске. - Мы были…соседями по дому.

Старший Учиха опустил голову, невольно давая волю эмоциям. Больше сдерживаться было невозможно: щипцы вытащили последнюю нить и узелок распался, разрушая всё плетение. Узор, что Итачи выводил столько лет, стремительно разрушался, оставляя после себя гнилые ошмётки и дыры от невидимой иглы в полотне души.

- Разве? - хрипло каркнул он. - Никогда не были?

- Никогда.

Итачи закусил губу. Под жгучим взглядом, он внезапно ощутил себя самым настоящим ребёнком, который в чём-то провинился перед старшими и теперь его наказывают. Наказывают всю жизнь, потому что…
Потому что отец любил его больше.

- Я не сделал тебе ничего плохого.

Саске скептически хмыкнул, вновь начиная бродить по кабинету, словно его ноги не могли стоять на одном месте.

- Я всегда хотел тебе помочь всем, чем мог…

- О, да. Это я помню…

- Саске, - резко вскинул на него лицо Итачи. - Ты не можешь обвинять меня в том, что я хотел, чтобы ты жил. Это нечестно.

Парень застыл у большого окна. Его плечи странно опустились,

голова упала на грудь, а руки сжались. От Саске пахнуло холодной злостью, и вот он уже резко развернулся, хватая брата за ворот белой рубашки, впериваясь горящим взглядом в глаза.

- Нечестно?! - прорычал он. - Что такое честность, Итачи?!

Рука старшего Учихи успокаивающе легла на костлявое плечо брата, чуть сжимая. Холодный…

- Честно, что я проживаю не своё время? Честно, что ломаю чужие жизни, потому что меня здесь быть не должно?! Это честно?

- С каких пор тебя волнует чужая судьба? - тихо спросил Итачи.

Ответный выстрел. Такой же точный, быстрый. Попавший в цель.
Саске вздрогнул, разжимая руку и отходя от брата на шаг. Его бледное лицо выражало такую растерянность, какой Итачи ещё никогда не видел. Ему показалось, что своими словами он раз и навсегда разрушил всё то, что так бережно возводил его брат все эти годы. Эту защитную оболочку из злости и боли. Жестоким быть легко. Жестокостью отвечать на жестокость ещё проще.

- Я не забирал твою справку, - спокойнее сказал Итачи, совершенно не желая добивать подстреленную жертву. - Мне это ни к чему.

Саске не отвечал. Он просто смотрел.

- И я не хотел тебе зла.

Он ненавидел. Саске ненавидел его так сильно, что даже блеск из глаз ушёл и они сделались матовыми, неживыми. Итачи торопливо сморгнул эту пугающую картину, но ничего не изменилось. Брат стоял перед ним, готовый наброситься и разорвать собственными руками, словно бы Итачи был источником всех его бед.

Ненависть окутывала тонкую фигуру, пока не сменилась безразличием, вернувши в глаза жизнь. Саске выпрямился, убрал руки в карманы и, покачав головой, резко направился к выходу.
Итачи также быстро преградил ему дорогу, выставляя руку перед ним и получая за это ещё один пронизывающий взгляд.

- Уйди, - шипение.

- Останься.

Толчок в грудь был практически болезненным. А хлопок двери стал жирной точкой.
Почему-то Итачи твёрдо осознал: Саске больше не придёт.

***

Наруто вяло почувствовал, что его подняли, придерживая под руки. Мысль о том, что это какой-то добрый прохожий решил нарушить кредо о невмешательстве, быстро рассыпались осколками, разбитые гнусавым смехом.
Узумаки, разлепив веки, увидел перед собой лицо Джиробо, что, скалясь, примерялся к новому удару.
Очевидно, двое дружков толстяка держат его, превратив в своего рода боксёрскую грушу. Только живую, у которой внутри не песок, а кровь, органы и кости.

- Сейчас выбьем из тебя это дерьмо, - прошипел Джиробо. - Станешь нормальным.

Наруто скривился:

- Нормальным? Как вы?

Маленькие глазки амбала сузились, становясь вовсе щелочками.

- Нет уж, - усмехнулся Узумаки, подписывая себе смертный приговор. - Лучше уж сдохнуть, чем, как вы…

А дальше всё смешалось в сплошную волну боли, ударов, судорожных вздохов и выдохов. Наверное, на губах выступила кровь. Наверное, она же стекала из разбитого носа. Наруто мало что различал: небо начало мигать над головой в такт ударов. Уши залепило ватой, сквозь которую едва пробивался тот самый смех.
Он считал удары, чтобы хоть как-то отвлечься от боли, но рычать, вырываться и пытаться закрыться Узумаки перестал после десятого. Тело налилось тяжестью, пульсируя горящими точками, куда врезались кулаки.

- Это у тебя откуда? - прошипел внезапно голос, когда всё замерло.

Его ухватили за подбородок, приподнимая голову. Жёсткие пальцы надавили на левую щёку, прочерчивая въевшиеся в кожу шрамы.
Новый повод для смеха?
Новый повод для удара?
В руке Джиробо блеснуло лезвие, и Наруто понял, что дальше стоять просто так нельзя, хотя ноги уже не держали. Дёрнувшись, он изо всей силы потянулся вперёд, выскальзывая из хватки уже переставших так крепко удерживать ослабевшее тело парней. Джиробо отскочил в сторону от неожиданности, а Наруто по инерции протянуло вперёд и ударило в ворота чьего-то дома. Грохот железа разнёсся по погружающемуся в дрёму переулку, собаки зашлись лаем, а Узумаки изо всех сил цеплялся пальцами за железо, чтобы не съехать вниз.
Картинка всё ещё прыгала перед глазами, но парень сумел различить, как Джиробо и его дружки, боязливо озираясь, рванули прочь по переулку.
И только спустя пару минут, когда всё более-менее стихло, Наруто съехал по воротам на землю, выдыхая. В груди всё ломило, и каждый вздох отдавал болью где-то в рёбрах, а ещё что-то ужасно хрипело и крови на языке становилось всё больше.
Узумаки поднял глаза на темнеющее небо, пытаясь понять - меркнет ли его сознание или же начинается ночь. Так и не разобравшись, парень поднёс к разбитым губам подрагивающую руку, утирая кровь и морщась от колкой боли.

Нужно было подняться. Заставить ноги двигаться. Добраться до общаги или хотя бы до телефона, что остался лежать на дороге. Теперь-то повод позвонить Саске есть, потому что сам он вряд ли дойдёт до дома.
Наруто даже тихо посмеялся. Вселенная подкинула ему повод для звонка, но какой ценой?
Щёлкнуло, по воротам прошла гулкая дрожь, и какая-то тень мелькнула сбоку. Парень поднял на неё глаза, щурясь.

- Ты что здесь делаешь?! - рыкнул вышедший мужчина. Наверное, его вытащил из дома шум, что подняли псы.

- П-простите…

- А ну пошёл быстро отсюда! - зарычал хозяин дома, одним рывком за шкирку поднимая Наруто на ноги. Узумаки был даже благодарен ему, потому что самостоятельно бы не встал. А вот толчок в спину, дабы предать блондину ускорения, едва не повалил его на землю вновь.

- Щас полицию вызову! - гаркнули вслед.

Наруто хотел было ответить что-то, но сил на слова не было. Нужно выбрать - или добраться до телефона, или же огрызаться с разбушевавшимся мужчиной.
Узумаки выбрал первое, наклоняясь и пытаясь ухватить негнущимися пальцами пластмассовый прямоугольник. Когда он нагнулся, в голове зашумело и на асфальт закапало тёмным. Лай псов эхом разносился по черепу, и казалось, будто бы чьи-то шаги торопливо приближаются к нему.
Выпрямившись и сунув сотовый в карман, Наруто оглянулся на враждебно настроенного мужчину и, утерев струйку крови из носа, шаркающе пошёл по дороге.
Оставаться рядом с этими воротами было нельзя: попадать в КПЗ как-то очень не хотелось.
Ведь никто не будет разбираться и даже слушать не станут. Закроют, обвинят и дело с концом. Никому ведь в голову не придёт, что ему просто больно от всё ещё чувствующихся тупой пульсацией ударов. Легче решить, что он пьян или ещё чего. Саске был прав…

Это мир состоит из чёрных красок, и сейчас они подстывающей кровью сочились из разбитых губ.
Этот мир состоит из боли, которая напитала собой каждую косточку, каждый орган и вот-вот всё тело разлетится от неё.
Этот мир состоит из холода. Он обнимает своими цепкими лапами почти нежно, почти убаюкивающе.
«Нет, не спи. Ты должен…добраться…», - приказывал сам себе Наруто, с трудом различая дорогу.
Обхватив себя руками, парень понял, насколько бьёт его дрожь. И как ему повезло, что прохожих в этом районе почти нет. Хотя был шанс не нарваться на очередную шайку, жадную до лёгкой наживы.
Наруто даже усмехнулся. Брать у него было нечего, кроме поцарапанного сотового. Наверное, это разозлит грабителей ещё сильнее и…
«Телефон!», - сверкнуло в голове, и рука соскользнула в карман джинс. Остановившись, Наруто выудил из тесного плена грубой ткани сотовый и, щурясь, уставился на мерцающий экран. Глаза резало болью от этого белого света.
«Саске…Саске…», - твердил мозг, пока палец безуспешно пытался найти нужную кнопку. Нашёл, нажал.
Гудки…
Тишина.

- Саске?

- Говори, - грубовато откликнулся Учиха на том конце невидимого провода.

- Я… - голос сорвался на хрип, и Наруто повело в сторону, плечом бросая на пыльный ствол тополя у дороги. - Встреть меня…я, кажется, заблудился.

Наруто только сейчас понял, что совершенно не знает, куда забрёл. Перед глазами уже всё плыло, и разглядеть таблички с адресами на домах он не мог.

- Где ты? - тихо, резко.

- Не знаю, - нервно хохотнул Узумаки и тут же поморщился от

боли под рёбрами.

- Тут дома…собаки…

- Узумаки, что с тобой?

- Н-ничего, - выдохнул парень.

- Ты шёл к общаге?

Голос Саске стал ещё суше, ещё жестче. Он злится? Конечно, злится. Учиха и так считает его неспособным ни на что ребёнком, а тут ещё Наруто угораздило заблудиться в родном городе.

- Да, потом свернул…

- Ты в частном секторе?

- Да.

- Вернись обратно. К трамвайным путям. Понял?

- Д-да…

Саске сбросил звонок, и Наруто убрал телефон в карман, провозившись несколько драгоценных секунд, пытаясь протолкнуть оный в карман и убедиться, что всё-таки попал. Единственная ниточка, что сейчас могла связать его с Саске, это этот безжизненный кусок пластика. И уж очень не хотелось вновь лишиться её.
Отлипнув от тополя, Наруто повернулся обратно и, обхватив себя руками, медленно побрёл в сторону откуда пришёл. Трамвайные пути…
Они пронизывают город нитями. Горячими, пульсирующими… Как Наруто выбрался из переулка, он не помнил, но резко остановился, когда мимо промчался размытый вихрь дребезжащего трамвая.
Найдя взглядом остановку, парень кое-как добрался до неё, считая последние силы. Они ушли на то, чтобы опустить тело

на лавочку и прижаться плечом к тонкому железному столбику, поддерживающему ярко-синюю крышу.
Саске придёт. Во всяком случае теперь Учиха знает, где его искать. И плевать, что весь город пронизан трамвайными путями…
Он придёт.
Наруто прикрыл глаза, выдыхая.
Темнота мягко укрыла его собой, забирая измученное сознание.

***

Наруто очнулся от того, что его резко тряхнуло. Дёрнувшись, он резко рухнул спиной на что-то мягкое.

- Тише.

Голос не принадлежал Саске, и это стало причиной, почему в голове вдруг прояснилось. Повернувшись на него, Наруто уставился взглядом в точёный профиль мужчины, которого он где-то видел. Воспоминания расцветали в гудящей голове багровыми всполохами, а вместе с ними приходило и осознание того, что они находятся в машине.

- Мадара? - вспомнил Узумаки. - Где я…почему вы…

Мужчина, довольно улыбнувшись, повернул машину куда-то, и мотор заревел чуть сильнее.

- Это…это Саске попросил вас за мной приехать? - бредово предположил Наруто, цепляясь за единственную ниточку, которая могла быть верной в этой ситуации. В другом случае, что ему делать в этой машине с этим человеком?

- Нет, - ответил Мадара. - Это моя инициатива.

- Но откуда вы знали, где…

- Я как раз ехал к вам в общагу, а тут ты. Я хотел поговорить с тобой, Наруто.

- Со мной?

Узумаки попытался сесть удобнее в кресле, но тело налилось противной болью, напоминая хозяину, что побои всё ещё адски ноют.

- Не дёргайся, - предупредил Учиха. - Кто-то хорошо поработал над тобой…

- А…это, - заторможено пробормотал парень, и в просыпающийся мозг раскалённым болтом въелась одна единственная мысль: он не дождался Саске.

Рука метнулась к карману в поисках телефона, но звучный голос опередил его:

- Не стоит.

В руке Мадары появился сотовый Узумаки.

- Саске лучше не знать об этом разговоре.

Наруто внезапно почувствовал, что всё это очень напоминает очередную ловушку, в которую его любезно толкнула жизнь. Напряжение электрическим импульсом прокатилось по телу, обдавая спину холодом, улеглось под ложечкой и отвратительно заныло.

- О чём поговорить? - резко спросил Наруто, как завороженный следя за своим сотовым, что пропал в кармане пиджака Мадары.

- О тебе, о твоей жизни. О жизни Саске.

Машина вновь свернула, и желтоватый свет фонарей перестал бить в окна. Узумаки почти болезненно увидел чёрное ночное небо. Значит, едут они уже около часа.
И Саске наверняка давно прошёл все трамвайные пути от института до общаги, так и не найдя его.

- Послушайте, мне надо вернуться…

- Успеешь.

Машина остановилась, а вот паника Наруто начала нарастать.

- Я всего лишь хочу показать тебе кое-что, - улыбнулся мужчина, и ночные тени сделали его лицо жутковатой маской. - Идём.

Когда они вылезли из салона, Наруто первым делом почувствовал морской прохладный воздух и слабость во всём теле. Вот почему Мадара не пытается даже держать его или заставлять идти рядом: просто знает, что Узумаки сейчас едва держится на ногах.
Злость придала сил, и Наруто зло выпалил, шагая за мужчиной:

- Мне надо позвонить.

- Я сказал, успеешь.

- Это важно!

- Это тоже.

Они двигались по какому-то раздолбаному тротуару. С одной стороны была дорога, а с другой высокий железный забор, из-за которого лилась тишина и шелест волн. Наруто не сразу понял, что они приехали на верфь, и, лишь когда Мадара открыл перед ним узкую калитку, запуская внутрь, до Узумаки дошло - здесь может быть опасно.

- О чём вы хотите со мной поговорить? - выпалил парень, проходя на территорию верфи и нервно глядя на идущего следом Мадару. Наруто остановился, но лёгкий толчок в спину заставил идти дальше, едва не рухнув на асфальт.

- О Саске. Иди.

Верфь ночью казалась ещё зловещее, чем при свете дня. Утром

Наруто видел её лишь издалека, но и тогда она производила какое-то угнетающее впечатление. Она походила на огромного железного кита, выброшенного на берег какой-то слишком мелкой для него лужи. Рыбина разлагалась, топорщась рёбрами, громыхая отваливающимися кусками и источая запах гниющего железа, покрывшегося ржавчиной и солевыми белыми пятнами.
К счастью Наруто, долго они не шли. Мадара остановился и приказал остановиться Узумаки, когда впереди показались тёмные силуэты людей. Их было около семи, и они выстроились полукругом рядом с восьмым, положение которого весьма удивило Наруто.
Мужчина стоял на коленях, с заведёнными за спину связанными руками. Он ссутулился, опустив голову и глядя в разбитый асфальт. Его плечи мелко дрожали, а грудь ходила ходуном, словно у испуганного зверя.

- Что здесь происходит?! - выпалил Наруто, отшатнувшись и налетев спиной на чьи-то руки, что любезно поддержали слабеющее тело, сжавшись на плечах.

Узумаки попытался вырваться, но пальцы больнее впились в мясо.
Сегодня было слишком много боли. Новая её порция парализовала.
Мадара, выйдя перед ним заслонил собой сгорбленного человека и мрачно улыбнулся. Жёлтый свет, раскачивающегося на солёном морском ветре фонаря, сделал его глаза похожими на тёмные стеклышки.

- Всего лишь конец обычного рабочего дня, - проговорил он. - Знаешь, Наруто…на его месте…

Кивок назад.

- Мог оказаться и ты.

- Что? Что я сделал?! - выпалил Узумаки, всё-таки дёрнувшись.

- Тише.

Пальцы сжали плечи так сильно, что едва не прорвали мясо.

- Скажем так, ты находишься не на своём месте. И лучше тебе поспешить вернуться в привычный тебе мир.

- Ты знаешь, что такое семья, Наруто, - задумчиво произнёс Мадара. - Ты знаешь, что такое долг, честь семьи, предназначение?

- О чём вы?

- Это самое важное, что может быть в жизни любого, - доверительно сообщил Учиха. - Это самое важное, что есть в моей жизни. Я служу своей семье.

Голос Мадары стал жёстче, глубже. Если бы мужчина умел гипнотизировать, то мог бы обойтись только этим отзывающимся вибрацией в груди звуком.

- И моя семья не терпит ошибок. Она не прощает.

Наруто догадывался, что все Учихи немного с приветом, но чтобы настолько…

- Ты должен оставить Саске, - прямо произнёс Мадара, и его слова лезвием полоснули по незащищённой груди Наруто.

Блондин, перестав вырываться, уставился на мужчину долгим немигающим взглядом, не веря услышанному. Что? Опять?

- Знаешь, что ты сегодня сделаешь, Наруто?

- Ни черта я не сделаю!

- Сделаешь, - тихо, наслаждаясь своей властью, протянул Мадара. - Ты вернёшься к нему, чтобы попрощаться. Но не скажешь и слова о нашем разговоре. Идёт?

- Или что?! - с вызовом выпалил Наруто. - Убьёте меня? Так

вперёд…

Мадара, хмыкнув, отошёл от Узумаки, делая небольшой круг рядом со связанным человеком. Тот задрожал ещё сильнее, и звонкий удар Учихи повалил несчастного на землю.
Они пытаются запугать его. Беда в том, что Наруто не было страшно.
Он разучился бояться.

- Тебя я не убью, - с сожалением покачал головой Мадара, возвращаясь к Наруто. - И твоим родителям угрожать я не стану.

Узумаки следил за белым лицом, чьи грубые черты вновь исказила фальшивая улыбка. Наверное, Мадара наводит страх и ужас на людей одним лишь своим взглядом.
Но Наруто знал взгляд и пострашнее. Жуткий, пустой взгляд дорогого человека, который смотрит на тебя и видит призрака.

- Фугаку просчитался, - внезапно сказал Мадара. - Он недостаточно хорошо видел тебя, Наруто. Недостаточно хорошо просчитал тебя. Но мне интересно…

Учиха приблизился, упираясь длинным пальцем в грудь Наруто. За рёбрами стало больно, и выдох вышел хриплым.
Их взгляды встретились, Наруто показалось, что его затягивает в какой-то холодный омут.

- Насколько сильно ты любишь Саске, что готов был пожертвовать родителями ради него.

Холод ворвался в душу парня, сметая собой все воспоминания о недавней боли. Узумаки замер, даже дышать перестал.

- Мы с Фугаку хотели одного - чтобы Саске вернулся, чтобы он перестал быть угрозой, чёрным пятном на истории нашего рода. Только его отец недооценил тебя, Наруто.

Палец перестал давить на грудь, зато в тиски сжали подбородок, который Узумаки тут же попытался освободить от

чужих холодных пальцев, от которых по телу растекался яд.

- Ты не ценишь даже свою жизнь, даже жизни тех, кто воспитал тебя. Ты ведь действительно любишь так, как никто из нас не способен любить.

Мадара прищурился, сжимая пальцы сильнее. Сердце Наруто забилось сильнее.

- Я даже завидую тому, что ты испытываешь. Но ничего не длится вечно.

Мадара резко отошёл, отпустив его и вынимая из кобуры чёрный пистолет. Наруто, как завороженный следил за бликами на глянцевом стволе, за тем, как Мадара нежно проводит пальцами по рукояти.

- Если я убью тебя, - резко выпалил мужчина, направляя пистолет на Узумаки. - Саске последует за тобой. Ты ведь знаешь, что он тоже умеет любить?

- Пошёл ты к черту, - зло сплюнул Наруто, смотря в тёмные глаза, но не направленное на него дуло.

- Если я убью твоих родителей, ты всё равно не отстанешь от Саске. Потому что ты зависим.

Ещё один болезненный удар сердца. Оно бьётся слишком быстро.

- Но я могу убить Саске.

Удар в груди. Тишина.
Холод жидким огнём пробегает по телу.

- Да, я тоже проиграю в этом случае. Наша семья понесёт потерю…а я не хочу терять никого из своих.

Мадара повернулся к нему боком, направляя пистолет теперь в скорчившегося на земле мужчину.

- Поэтому ты бросишь его.

Выстрел, тело упало на асфальт.
Даже растекающаяся под головой трупа тёмная лужа, ловящая рыжие отблески фонаря, не притянула взгляд Наруто так сильно, как совершенно сумасшедшие глаза Мадары.

- Просто скажешь, что…оставляешь его. Что говорят в таких случаях? Отношения изжили себя, мы не сошлись характерами, дело не в тебе, а во мне? Что-нибудь из этого бреда.

Мадара вновь убрал пистолет, подходя ближе, пока за его спиной люди начали упаковывать тело в чёрный мешок.

- Я ведь убью его, Наруто, - прошипел мужчина, теряя всю свою показную холодность. - И его смерть будет на твоей совести.

- Зачем вам это? - рыкнул Узумаки.

В том, что над Саске нависла настоящая угроза, он не сомневался ни на миг. Успел за эти годы прочувствовать всё их семейство с этими их принципами, жестокостью и одуряющим холодом.

- Саске должен вернуться к нам. Перестать позорить род. Перестать быть изгоем и занять своё место.

- А что, если он не хочет?

Вызов в голосе Наруто позабавил Мадару, и тот тихо рассмеялся.

- Никто не хочет выполнять возложенные на него обязанности. Поэтому иногда нужно подтолкнуть человека в правильном направлении.

- Зачем ты лезешь в его жизнь?

- Не злись, Наруто. Эта его жизнь…она пуста. А семья подарит

ему смысл.

- Или заберёт его…

Мадара улыбнулся. Мужчина внезапно стал похож на плоскую картинку в телевизоре, у которого выключили звук и убрали цветность. Наруто тряхнул головой, пытаясь вернуться в этот мир, но сердце стучало в ушах и от гула грудная клетка начала тихо вибрировать.

- Я убью его, Наруто, - очередной гвоздь в истекающий кровью орган. - Я смогу сделать это, поверь.

Наруто верил. Глядя в эти выцветшие глаза, он видел за радужкой мужчины все те жизни, которые Мадара отнял. Вот почему от Учихи веяло холодом: его окружали духи. Они цеплялись за него и тянули в мир мёртвых, но Мадара не поддавался, оставаясь здесь, чтобы отправить за черту ещё немного душ.

- Если ты меня обманешь или расскажешь ему о нашем разговоре, я узнаю, - пообещал Мадара. - Я увижу.

Наруто не опускал взгляд. Один чёрт, перед глазами уже всё плыло.
Его отпустили, подтолкнув в спину, а Мадара ухватил за предплечье, волоча за собой онемевшее тело.
Чужие худые пальцы впились в горящее сердце, выламывая из него кусок мышцы. Волокна расходились медленно, тяжело. Сердце сопротивлялось, но руки были слишком сильными, а вместо ногтей у них были острейшие лезвия.
Сознание вспыхивало проблесками.
Забор.
Скрипнувшая калитка.
Противно-тёплый салон машины, блёклый свет тухнет и рычит мотор. За окном какие-то тёмные дома, чьи-то светящиеся жизни в окнах.
Все это казалось Наруто дурным сном, иллюзией, врезавшейся в разум холодными иглами. Ведь его били…ведь попали в висок, значит, это всё могло присниться. Да, скорее всего, его

вырубило и…
Но реальность слишком сильно сжимала сердце в свои шипастые тиски.

- Если я его брошу, - не слушающимся губами произнёс Наруто.
- Он будет жить?

- Будет.

Слово, проведшее черту под всем сказанным ранее.
Саске будет жить.

- Мои условия…

- Условия, - грустно усмехнулся Наруто, опуская голову.

- Вы разговариваете на улице. Мой человек следит за вами, и если ты не выполнишь свою часть, то…

Наруто молча кивнул. Ошейник чужой воли сдавливал горло всё сильнее.
А потом машина остановилась у небольшой тёмной посадки, что разделяла железнодорожные пути от трёх высоток.
Жизнь от смерти.

- Вперёд, Наруто, - кивнул Мадара, поворачиваясь к Узумаки. - И помни, я слежу за тобой.

Наруто молча вышел из машины, едва не вывалившись на землю. Ноги начали мелко дрожать.
Чёрное блестящее тело машины с тихим шипение покатилось по узкой дороге, оставив его в мнимом одиночестве.
Наруто поднял взгляд на посадку. Там, за ней будет уже другая жизнь, где костлявые пальцы всё-таки оторвут часть сердца.
Трясущейся рукой вынув телефон из кармана, Узумаки щёлкнул кнопкой блокировки и белый свет ударил в глаза.
Даже на номер Саске смотреть было больно…
Но он набрал его, прикладывая пластмаску к уху и судорожно вслушиваясь в тягучие гудки.
«Не отвечай. Только не отвечай», - проносилось в голове.

- Наруто?! Блядь, где тебя носит?! - взорвалась трубка знакомым голосом, в котором сквозило плохо сдерживаемое волнение пополам со злостью.

Лучше бы он просто злился.

- Саске…нам нужно поговорить.

Голос был придавленным, чужим и безжизненным. Он отлично подходил для марионетки, которую дёргали за ниточки чужой жизни. Дёрнут чуть сильнее - нити оборвутся.
И Саске умрёт.

- Где ты?!

- Под общагой.

Наруто первым положил трубку, не став дожидаться ответа или новой порции испуганно-злых обвинений. Саске умеет чувствовать. Саске умеет любить.
Выключив телефон, Узумаки неверной поступью пошёл в сторону посадки, радуясь, что её темнота может хотя бы на несколько минут скрыть его от пристального взгляда неизвестного соглядатая.
Мозг, как ему и полагается, с чудовищной скоростью тасовал варианты выхода из этой тупиковой ситуации, подкидывал всё новые и новые решения. Разум отказывался плясать под чужую дудку, посылая по телу горячие волны, заставляя сердце вспыхивать огнём.
Но осыпаться холодным пеплом.
Мадара - не тот человек, которого можно легко обмануть.
А жизнь Саске слишком дорога ему, Наруто, чтобы пытаться ею рисковать.
Ведь Учиха останется жить…сможет пережить всё это.
Он сильный.
Справится.
Наруто поднял взгляд, с сожалением понимая, что посадка почти пройдена. Впереди в прорехах меж тонких акаций замаячил жёлтый свет фонаря, освещающий одинокий ларёк и

площадку перед общежитием.
Разум сгорел. Он не смог справиться одновременно и с верой в то, что всё может быть хорошо, что они найдут выход и с обречённым следованием чужой воли.
Посадка кончилась, свет фонаря обжог освободившееся от спасительной тьмы тело.
Руки похолодели, голова закружилась и Наруто замер, вглядываясь в нервно курящую фигуру под разлапистой акацией.
Волнуется.
Сердце сжало так больно, что Наруто пришлось умолять собственный кровяной насос подождать ещё немного. Нужно было сказать, выполнить требование кукловода, а затем уйти подальше и позволить сердцу разорваться на осколки.
Исчезнуть.
Саске заметил его. Резко выбросил недокуренную сигарету - непозволительное расточительство его обожаемых никотиновых палочек.
Узумаки пришлось собрать всю волю в кулак, чтобы приблизиться к брюнету, и ещё немного, чтобы посмотреть ему в глаза.
Взгляд Саске заметался по его лицу, рука поднялась и тонкие пальцы стёрли с губы подсохшую капельку крови.

- Кто? - просто спросил Учиха, опуская руку.

- Нам нужно поговорить, - произнёс Наруто.

- Это я уже слышал. Что случилось?

Наруто опустил голову, чтобы избавиться от едва ощутимого прикосновения узкой ладони. Саске руку убрал, но смотреть продолжал практически испепеляюще. Потому что горел сам… Сгорал.
Наруто отвернулся, вглядываясь в полоску деревьев в слепой надежде, что тьма вновь окутает его, скроет от слишком проницательных глаз Учихи. Но взгляд наткнулся лишь на одинокую фигуру широкоплечего мужчины, который смотрел точно на них, но стоял в стороне, будто бы кого-то ожидая.
Так вот кто будет палачом, если Наруто не сможет…

Пришлось вновь посмотреть в чёрные глаза, потому что это надо говорить вслух.
Бледное лицо, тронутое бликами от фонаря, застыло, но в чуть раскосых чёрных глазах бушевала буря. Червлёное серебро резало взглядом. Едва розовые губы сжимались в плотную линию, а чёрные разводы волос казались слишком густой тенью.
«Как хочется поцеловать», - грустно признался себе Наруто.
От этого желания сводило скулы, сжимало и иссушало вены. Даже у приговорённого к смерти больше прав, чем у него. Им разрешено последнее желание…
Последний поцелуй…
Что бы запомнить.
Но Наруто не мог позволить себе этого, зная, что тогда точно не сможет. Что Саске почувствует его боль, его дрожащую душу, его желание остаться рядом.
И ту руку, что отрывает от сердца кусок.

- Говори, - хрипло выдохнул Учиха.

Пришлось заставить голос не дрожать.

- Я ухожу.

Ровно, без пауз. Как прямой удар ножом под рёбра.
Саске, как и любой раненный, застыл, ещё толком не поняв, что в теле теперь есть кровоточащая дыра.
Рука потянула кусок сердца. Волокна поддались…осталась лишь одна единственная нить.

- Уходишь? - безжизненно.

Ему больно.
Наруто понял это по взгляду. По дрогнувшим губам, по тому, как Саске вцепился в пачку сигарет, сминая её в попытке достать одну из них.
Ему больно.

- Ухожу, - кивок.

«Смотри ему в глаза», - рыкнул внутренний голос.
Смотри!

- Всё кончено, Саске.

Ну вот и всё. Осталось подождать…ещё немного…
Саске, так и не достав сигарету, выронил пачку. Его рука потянулась к груди Наруто, но тот отшатнулся, продолжая смотреть в глаза.
Белые пальцы дрогнули, застыв в воздухе.
А потом резко метнулись к нему, хватая за затылок и привлекая к себе. Узумаки изо всех сил упёрся в грудь парня, сопротивляясь тому, чего сам желал больше воздуха. Больше следующего удара сердца.
Саске ткнулся холодным лбом в лихорадочно-горячий чужой.
Наруто поднял на него глаза.

- Не верю, - прошептал Учиха. - Скажи это.

- Отпусти.

- Скажи!

Он повысил голос, что никогда раньше не делал.

- Я не люблю тебя.

Рука на затылке дрогнула, сжав волосы в последний раз.
Разжалась, почти ласково соскальзывая по волосам, по шее, по плечу…
Наруто, глубоко вдохнув, попытался впитать в себя это последнее прикосновение. Запомнить его.
Потому что другого не будет.
Узумаки отступил назад первым.
Саске так и остался стоять: прямой, с опущенной головой, опустошённый.
А потом как-то совершенно потерянно принялся искать что-то по карманам.
«Сигареты», - догадался Наруто.

- Не любишь, - надколото усмехнулся Саске. - Значит, врал.

Узумаки промолчал.

- Прости.

Лучше бы он его ударил. Добил и без того растоптанное, бесполезное тело. Но Саске лишь вперился взглядом, как только он умеет.
Учиха слишком гордый, чтобы показывать свою боль.
Учиха слишком сильный, чтобы позволить глазам блестеть.
Наруто было легче придумать этому мерцанию оправдание - блики от света, огоньки злости.
Но только не слёзы.
Потому что Саске выдержит. Справится.
«Уходи», - шикнул разум.
Правильно, нужно уходить.
Иначе он останется.
Развернувшись, Наруто, не видя дороги, побрёл в сторону тёмной полоски деревьев. Он бы побежал, если бы не ватные ноги.
Саске смотрит, провожает взглядом. Но скоро его зрение подведёт. Ведь он ночью…без очков. Значит, ещё немного и Наруто исчезнет для него. Станет размытым силуэтом.
Темнота обняла Узумаки так крепко, что парень едва не упал, обманутый поддержкой её рук.
Лоб уткнулся в дерево, из горла вырвался хриплый стон, пальцы вцепились в кору, раздирая её, царапая собственную кожу, ломая ногти.
Всё кончено.
«Не стой здесь. Иди…куда-нибудь», - посоветовал разум, и Наруто пошёл.
По щекам бежала отвратительная влага, которую нельзя видеть никому. Но тьма ведь не расскажет? Она не выдаёт секреты.
Саске так и не спросил: «почему?».
Рука оторвала сердце. Теперь одна половина думала: «а биться ли ему дальше?».

Глава 6. Кто-то.

«Близка неизбежность
Так мало любви, так много слов.
Совершенная нежность
Превращается в совершенное зло.
Отвергая законы природы,
Стоит у перил моста,
Безумно глядя на воду
Совершенная красота.

Кто-то мчался, падая с ног, плыл против течения, ехал на красный.
Просто чтобы сказать, что всё будет хорошо, что всё не напрасно,
Но ошибся дорогой и не рассчитал траекторий полёта.
И мне снова приходится быть для тебя этим "кто-то"

Любить - это так глупо,
Всё получилось не так, как хочется.
Лезут холодные,
Скользкие щупальца в мир одиночества.
Калечат и ранят, и сердце сжимают вежливой ложью,
Но мы же не станем холодными, скользкими тоже.

Так хочется остановиться
Сказать своим светлым порывам - хватит.
Легко заблудиться
В мире хитрых стратегий и тактик.
Душа трепещет и плачет
От того, что творится в уме,
Но я твержу, что всё будет иначе
Ах, кто бы твердил это мне!»
Fleur – Кто-то.

- Ты сказал ему? - спросил Мадара в трубку, где на том конце

далеко не сразу ответили.

- Да, - выдохнули голосом Наруто.

- Молодец.

Сброс. Улыбка. И новый номер.

- Нагато? Следи за ним. Не дай умереть, если захочет, - сухие приказы человека, который привык, что ему подчиняются.

- А что с Саске?

- Я дал тебе Наруто. Займись им.

- Ясно.

Сброс. Взгляд в тёмную дорогу.
Мадара знал, что его план не имеет изъянов, но также Учиха догадывался, что чувства достаточно сильно бьют, если их разорвать. И Наруто, потеряв всё то, ради чего изменил всю свою жизнь, запросто может променять оставшееся ему время на спокойное забытье смерти.
А Саске действительно шагнёт следом за ним.
Допустить этого Мадара не мог, поэтому продолжал плести узор своей совершенной паутины, в которую угодили две души.
Придётся, конечно, подёргать за ниточки некоторое время, благо клубок отношений Наруто и Саске оброс теми, кто остался не удел.
Но в итоге всё будет так, как спланировал он, Мадара.

***

Ночной воздух никогда не был ещё таким сухим, болезненно бьющим плетьми по лицу. Перила моста ещё никогда не были такими тонкими лезвиями, что впивались в руки.
Наруто сжимал их так сильно, что ладони уже налились ноющей болью.
Отсюда он когда-то прыгнул за Саске, ещё не понимая, что этот прыжок был не в воду, а в чужую жизнь, которая так и не

выпустила. В которой он увяз и утонул.
Но смерть та была приятной, тёплой, не смотря на всю боль, что щедро дарил Учиха.
Каждый удар был оплачен поцелуем.
И вот чем всё закончилось…
Узумаки бездумно смотрел на чёрную воду. Она текла мимо, огибая колонны моста, совершенно не догадываясь о том, кто стоит наверху. О том, чьё сердце осталось на асфальте безобразным комком мяса.
Что дальше?
Пустота.
Потому что нет дальше без…
Отдать свою жизнь за жизнь другого…это так банально, но так правильно.
Отрешённость заполнила его, подталкивая всё ближе к перилам, пока нога не встала на него, а рука, зацепившись за столб, не подтянула тело выше.
Отсюда, с этой высоты, казалось, что нет границы у раскинувшегося внизу покрывала, играющего белыми бликами. Даже на боль сил не было. Сердце на асфальте не может биться, оторванное от тела.
Наруто невольно улыбнулся, крепче сжимая столб.
Когда-то здесь стоял Учиха. Он рассказывал о том, что ему осталось время лишь до весны. А Наруто уговаривал слезть. Глупо, слишком наивно и в итоге у него ничего не получилось. Совсем другой мир. Совсем другой он.
А сейчас хотелось исчезнуть поскорее.
«Если я убью тебя, Саске последует за тобой. Ты ведь знаешь, что он тоже умеет любить?».
Голос Кукловода в голове прозвучал так отчётливо, что Наруто даже вздрогнул, выдыхая с каким-то хрипом.
Его лишили даже этого - права покончить со своей никчёмной, пустой жизнью.
Спустившись с перил, Наруто обхватил себя руками.
Нельзя умирать…просто нельзя.
Ещё не время…нужно выждать.
Сердце, слышишь? Нужно потерпеть.
Но отчего-то оно не желало медлить. Жестокий кровяной насос сделал сильный удар, больно толкнувшись в рёбра. Те лишь чудом не проломились.

Наруто, согнувшись пополам, вцепился пальцами в грудь, комкая футболку и падая коленями на асфальт. Перед глазами всё поплыло, размываясь дешёвой акварелью, стекая чернилами на глаза.
Он не услышал, как рядом остановилась машина. Не понял, почему человек окликает его по имени.
Было плевать на всё. Даже на чужие руки, поднявшие с асфальта и затолкавшие в знакомо пахнущий салон.
Было плевать…

***

Что делают люди, когда их бьют по больному? Когда их выворачивают наизнанку и полосуют внутренности лезвиями? Напиваются.
Саске бы тоже напился, но в голову не пришло даже купить бутылку чего-то горячительного. Всё, что он смог - отойти от акации и пойти…просто пойти.
Асфальт ложился под ноги рваными кусками, свет фонаря то появлялся, то пропадал, а потом вовсе наступила темнота, в которой Учиха не мог разглядеть даже носков собственных кед.

- Придурок, - зло выдохнул Саске, останавливаясь посреди совершенно чужого двора.

С лавочки под деревом испуганно спрыгнула кошка, где-то пикнула и затихла сигнализация машины.
В голове вертелись слова Наруто. Они не желали выходить из головы совершенно. Бились о череп, впивались в мозг, застревали в глотке, когда Саске пытался повторить их в надежде, что ему откроется тайный смысл.
Но смысла не было.
Учиха пошатнулся и всё-таки опустился на лавочку, чиркая зажигалкой у сигареты.
«Я не люблю тебя».
Неужели Узумаки был настолько жестоким, чтобы сказать это вот так? Неужели он…
Не любил.
От непонимания голова начала раскалываться на две части, и пришлось зажать её с двух сторон ладонями, понимая, как

предательски те дрожат.
Злость, горечь, боль - эти эмоции сменяли друг друга, ударяя с каждым разом всё сильнее и сильнее.
Но почему?
Саске поднялся так резко, что вновь вспугнул успокоившуюся было у его ног кошку. Злость заставила выхватить из кармана телефон и, не глядя, набрать номер.

- Возьми трубку, Узумаки, - сквозь сцепленные зубы прошипел Учиха. - Ну!

Но на том конце провода тишина. Даже голоса женского нет, чтобы сообщить о недоступности чёртова абонента.
Саске уставился на телефон.
Наруто как будто перестал существовать. Может, его и не было? Может, это затянувшийся сон, а Узумаки действительно всё это время был призраком?
Пальцы сжали сотовый крепко, пластик затрещал и от смерти его спас лишь входящий звонок, заставивший выпасть из злого оцепенения.

- Да, - резко выпалил Саске, только сейчас вспомнив, что на экране высветился незнакомый номер.

- Наруто со мной.

- Нагато, - скрипнул зубами Учиха. - Зачем мне это знать?

Стоило догадаться - преданный мальчик по вызову подобрал свою обозу вновь.

- Чтобы ты не делал глупостей. Он жив.

- А мне похер, - рыкнул в трубку парень и сбросил вызов, посылая телефон в долгий полёт. Ошмётки пластика с грохотом разлетелись по улице, а Учиха быстрыми шагами направился прочь.

***

- Ты как?

Когда Наруто проснулся, то понял, что его подобрал Нагато, каким-то чудом оказавшийся на мосту. Думать о том, почему красноволосый, словно джин из лампы, вдруг оказался в нужном месте в нужное время не хотелось. Или же не получалось, что более вероятно.
Все мысли собрались вокруг одной пульсирующей точки в груди. То, что он сидит в больничной палате, Наруто тоже не сразу понял.
Было плевать где находиться. Всё это не имело значения.

- Сойдёт, - тихо ответил парень, укладывая руки по обе стороны тела.

- Я могу позвонить кому-нибудь, кто присмотрит за тобой?

Узумаки отрицательно покачал головой. Видеться с кем-то совершенно не хотелось. Если бы он мог, то зарылся бы в землю и терпеливо ждал, пока можно будет развалиться на куски. А сейчас приходилось вдыхать пропитанный полынью воздух, выдыхать и так по кругу.
Наруто никогда не задумывался о том, как утомляет простое дыхание.

- Что случилось?

- Не хочу об этом, - излишне резко выпалил Узумаки и тут же виновато посмотрел на Нагато. Срывать злость на нём было неправильно.

- Прости, - поморщился блондин. - Я просто…просто нарвался на кого-то.

- Бывает, - спокойно кивнул Нагато. - Мне позвонить Саске?

Боль пронзила сердце, и Наруто едва не сложился пополам. Раньше он и представить не мог, что одно единственное имя может причинить столько боли. Раньше не хотелось повторять его вновь и вновь, пока тело не устанет и не рухнет изломанной

куклой.

- Наруто!

Руки осторожно легли ему на спину, помогая выпрямиться и лечь на кровати ровно. Но это не действовало.
Сердце вновь сковало холодной судорогой, и тело попыталось свернуться в клубок. Вернувшаяся было осознанность вылетела из головы с новой порцией жгучей боли.

***

В следующий раз Наруто пришёл в себя утром, если верить свету за окном. Он лежал всё в той же палате, укутанный тишиной и унизанный какими-то проводками.

- Наруто, - позвал мягкий голос, и блондин осторожно повернул голову. На стуле рядом с кроватью сидел Джирайя.

- Привет, - выдохнул Узумаки.

Лицо отшельника будто бы посерело. Под глазами мужчины залегли глубокие тени, а сами радужки странно поблескивали.

- Меня твой друг вызвал. Меня и Цунаде…

- Странно, - Наруто попытался принять сидячее положение, но рука мужчины предостерегающе сжала его собственную. - Я думал в таких случаях вызывают родителей.

- Они приедут позже.

Наруто, как сквозь вату, ощутил вялое беспокойство, а потом понял, что это не истинная эмоция, а просто отголосок. Привычка что-то чувствовать, в которой теперь парень не нуждался.

- Как так случилось, что ты довел себя до приступа? - спросил Джирайя.

В его голосе не было ни обвинения, ни злости. Он не ругался, а просто хотел знать.

- Это Саске? - прочитал по глазам отшельник.

Второй раз имя услышать было легче.

- Н-нет, - неуверенно качнул головой Наруто. - Это я.

- Что произошло?

- Я…ушёл.

Подняв глаза на мужчину, Наруто прикусил губу. И хотя в глазах Джирайи сверкнуло удивление, ответить он не успел: двери палаты открылись, пропуская внутрь взволнованную Сузо, а следом за ней, мрачный как тень, вошёл Ирука.

- Я попозже зайду, - тихо сообщил Джирайя и, кивнув отцу Узумаки, покинул палату.

- Наруто, - печально вздохнула женщина. - Что же ты…

Узумаки опустился на подушку, будто бы отрезая себя от этого мира, в котором мать что-то говорила о том, что всё будет хорошо, что он поправится, что обязательно придёт в норму.
А отец молча смотрел мимо. В окно.
Сузо пыталась разговорить сына, но язык Наруто прилип к нёбу, а сил хватало только на поддержку дыхания.
Чудовищно трудная штука, если задуматься.
Вдох-выдох.
Выдох.
Вдох.
Он провалился в странное вязкое забытье, из которого вынырнул только из-за опустившейся тишины. Чужое присутствие Наруто ощутил сразу и резко повернулся, надеясь увидеть холодные чёрные глаза, услышать знакомый хлёсткий комментарий его состояния…
Но увидел лишь Нагато.

- Я хочу уехать отсюда, - решительно заявил Наруто.

- Ты не в том состоянии, - отрезал парень. - Полежи здесь хотя бы пару дней.

- Нагато, я хочу уехать отсюда. И я уйду. Или с тобой или без тебя.

***

Саске открыл глаза, когда ночь внезапно закончилась. Он сам не понял как, но отчего-то почувствовал выползшее из-за горизонта солнце. Его бледные лучи, проскользнув в окно, ударили по глазам, наполняя комнату каким-то потусторонним светом, сгодившимся бы для мира мёртвых.
Хотя почему он до сих пор считает собственный мир живым?
Поднявшись с кровати, Учиха поморщился от боли в голове, какая бывает у каждого, кто перебрал с алкоголем ночью. Мутный взгляд прошёлся по комнате, чтобы убедиться в своём полном одиночестве.
Наруто так и не пришёл.

- Ну и к чёрту, - выдохнул Учиха, поднимаясь с кровати.

Надежда дождаться Узумаки ночью умерла вместе с нею же. А теперь лучи солнца жадно слизывают её с кожи.
Саске потянулся за чайником, едва не споткнувшись о перевернувшуюся пустую бутылку кагора.
И замер посреди комнаты.
Всё закончилось так нелепо.
Хотя как ещё это могло произойти? Все слова, все нагромождения обещаний рушились под гнётом реальности.

- Почему? - спросил он у пустоты, опуская чайник обратно на стол и машинально вытаскивая из рюкзака бутылку. Кажется, выпивку он покупал на последние деньги, не озаботившись даже закуской.

Глоток.
Почему? Потому что ты стал не нужен. Потому что обещание

было сдержано, долг самому себе уплачен, а свобода оказалась слишком манящей.
Потому что у Наруто есть будущее.
И ему не захотелось его терять, стирая неровные штрихи собственной жизни, чтобы набросать новые линии. Ровные, правильные.
Потому что ваши отношения никогда не были тем, что нужно. Тем, что правильно.
Глоток. Горечь на языке и саднящая боль в прокушенной губе. Наруто правильно расценил перспективы, просчитал всё, когда по его рёбрам прошлись чьи-то кулаки. Боль отрезвляет? Видимо, в случае с Узумаки ещё и мозг на место ставит.
Саске опустил бутылку на стол, понимая, что ещё немного и она полетит в стену. Рука машинально метнулась к карману, но телефона там не было и память услужливо подбросила разлетающиеся по асфальту осколки пластика.
Да и кому ты собрался звонить? Наруто?
Зачем?
Саске, облизнув губы, уставился на дверь. Даже подошёл к ней, проверяя замок, открывая и вглядываясь в узкий небольшой коридор-тамбур. Нет, Наруто действительно не возвращался домой.
Хлопок вышел сильным, оглушающим.

***

Квартира Нагато стала обжитее. На стенах появились небольшие картины, а у Пэйна собственный коврик у двери. Погладив проснувшегося пса по голове, Наруто прошёл следом за Нагато к единственной комнате.

- Я у тебя ненадолго, - пояснил Узумаки. - Несколько дней…

Он опустился на диван, чувствуя, как земля вновь начала уходить из-под ног.
Красноволосый, повернувшись к парню, покачал головой:

- Оставайся, если надо. Меня не бывает по утрам, а иногда смена длится сутки.

Наруто слабо кивнул, вновь не найдя в себе силы для ответа. Кажется, Нагато прошёл мимо него, сказав что-то про чай. Слушая отголоски, доносящиеся в кухни, Наруто мысленно прокручивал тот вечер. Ведь запрещал себе возвращаться воспоминаниями туда, под акацию. Вспоминать потухшие от боли глаза, дрогнувшие губы…
Холодные пальцы на шее, в волосах.
Наруто повалился на диван, подтягивая колени к груди и прикусывая костяшку пальцев.
Не хватало рук на плечах и самого приятного в мире холода.
Узумаки закрыл глаза, понимая, что только терзает себя понапрасну.
А по-другому не получалось…
Каждый миллиметр кожи чувствовал прикосновения человека, который сейчас далеко. Даже дальше, чем в другом доме. На другом конце реальности.
Нагато, войдя в гостиную, хотел было окликнуть Наруто, но тот поднялся сам, молча забирая протянутую ему чашку и опускаясь обратно.

- Расскажешь?

- Мы разошлись. С…Саске.

Губы пронзило иглами, и Узумаки поспешил отпить чая, вкуса которого не почувствовал.

- Совсем?

Нагато смотрел на друга и не знал, как поступить. Каждый жест, каждый вздох Наруто делал будто через силу. Его что-то заставляло жить, но с каждой минутой это давило на парня всё сильнее и сильнее, норовя переломить позвоночник.
Сухой кивок, и большие голубые глаза смотрят прямо в ожидании чего-то. Наруто и сам не понимал, что хочет услышать от Нагато, но душа заметалась внутри, словно бы у того были нужные ответы, советы и системы поведения.
Блондин опустил чашку на пол и провёл руками по лицу, поморщившись от боли. Наверное, губы превратились в месиво, а на скуле налился синяк.

- Я не знаю…как дальше, - через силу выдавил из себя он. - Я ничего совсем не знаю.

- Тише, - мягко посоветовал Нагато. - Тебе нельзя волноваться.

- Один чёрт волнуюсь! - зло выпалил Наруто, подскакивая с дивана и запуская пальцы в волосы. Хотелось ощутить физическую боль, чтобы выбить из груди другую, разъедающую.

- Тебе нужно перетерпеть. Пройдёт.

- Не пройдёт, Нагато.

Он повернулся, встретившись с красноволосым взглядом.

- Это никогда не пройдёт, - помотал головой Наруто. - Неужели…неужели всё должно быть именно так?!

Нагато тяжело выдохнул, протягивая руку и задирая рукав чёрной футболки. От удивления Узумаки даже замер, не понимая, зачем друг делает это, но взгляд всё же приковала к себе внутренняя сторона руки. Бледная кожа была испещрена мелкими и толстыми шрамами, нанесёнными явно в порыве чувств. Такие бывают только на теле тех, кому не справиться с тем, что творится внутри и, смотря на эти белёсые отметины, страшно представить их душу.

- Помнишь, я говорил, что любовь причиняет страдания? - слабо улыбнулся Нагато. - Иногда…иногда их слишком трудно выдержать.

Парень вновь опустил рукав и убрал руку в карман, поджимая губы. Взгляд его стал глубже, и Наруто почудилось, словно бы Нагато видит все причины без вопросов.

- Но ты выдержишь, - уверенно кивнул он. - Твоя боль…она иного рода.

- Я не за себя переживаю, - качнул головой Наруто. - Я сделал больно Саске.

- Саске…

Красноволосый как-то поник, отворачиваясь и поднимая с пола чашку Узумаки.

- Саске всем вокруг делает больно, - очень сухо проскрежетал хозяин квартиры. - Он идёт по головам людей, топчется по их чувствам. Такие люди не испытывают боль. Они забыли.

- Он помнит, - упрямо прорычал Наруто.

Фиалковые глаза иронично сверкнули.

- Если бы он помнил, то не делал бы тебе больно так много раз.

***

Время тянулось безрадостной чёрной полосой, похожей на траурную ленту. Только на ней не было написано ничего, сплошная чернь.
Минуты могильными цветами опадали на сухую землю, прорастая странными изогнутыми лозами, испещрёнными острыми шипами. Лепестки секунд на потрескавшейся почве казались застывшими каплями крови, которые земля попросту не в силах впитать.
Нагато пару раз заходил в комнату, где Наруто всё также лежал на диване, уставившись в одну точку. На вопросы парень не отвечал, предложения поесть игнорировал.
Иногда красноволосому казалось, что его гость ушёл глубоко в себя и уже не вернётся, но потом к Узумаки подходил Пэйн, и парень легко трепал его по голове, смотря в янтарные глаза зверя.
Это успокаивало Нагато. Если Наруто принимает такую своеобразную поддержку, то не всё потеряно.
Тени разорванными крыльями тянулись по комнате, когда солнце начало клониться к горизонту. Наруто вряд ли заметил, что прошло уже достаточно часов. Просто перед глазами стало

темнее, и тело обрадовалось фальшивой смерти.
Но и тут обман.
Дышать приходилось всё также глубоко и тяжело.

***

Наруто так и не пришёл: ни утром, ни днём, ни вечером, когда в комнате стемнело.
Саске смотрел перед собой, рассеянно водя пальцами по горлышку почти пустой бутылки. Удивительно, но алкоголь брал его сильнее, словно что-то в голове отщёлкнуло и позволило зелёному змию таки влить в вены свой яд.
Тени залегли по углам, выползли на вытертый коврик перед столом, а Саске всё смотрел на противоположную кровать, словно видя там кого-то. Призрачный силуэт, навязанный алкоголем, зыбко клубился, перетекая из формы в форму.
Призрак того, кто обещал быть рядом.
«Разве он не выполнил своего обещания?».
Саске отпил из бутылки.
Выполнил.
Призрак рассмеялся, смотря на него своими большими глазами, цвет которых стёрся из памяти, почти забылся. Или же Саске уверял себя в том, что небесная лазурь никогда больше не воскреснет в его разуме?
У них теперь разные жизни.
Совершенно новые.
Теперь у них разные пути.
Но всё же…почему?
Осушив бутылку одним большим глотком, Саске поднялся, чуть пошатываясь и едва не падая обратно. Алкоголь, вкупе с практически бессонной ночью и пустым желудком, действовал убийственно.

- Таблетки, - произнёс Саске, припоминая, что где-то в прошлой жизни кто-то с голубыми глазами каждый вечер заставлял пить одну или две.

Теперь в этом не было смысла. Призрак ушёл…
Но почему?
Бутылка выпала из разжавшихся пальцев. Подхватив со стола

оставшиеся деньги, Саске вышел из комнаты, кажется, даже забыв закрыть за собой дверь.
Он знал, где искать этого лживого призрака.

***

Стук в дверь раздался так внезапно, что Наруто вздрогнул, а Пэйн, встрепенувшись, сорвался с места. Этот звук вырвал Узумаки из его привычного странного оцепенения, в степени которого он дошёл до крайней точки - дышать стало не важно. Сердце тревожно забилось, как будто оно уже знало, кто стоял в подъезде.
Нагато, пройдя мимо гостиной, отрезал небольшую комнатку деревянной доской, показавшейся Наруто крышкой гроба, и подошёл к входной двери, в которую стучали без остановки. Парень, взглянув в глазок, почти не удивился увидеть там высокую чёрную фигуру, с бледным безжизненным лицом.
Кто бы сомневался, что Саске придёт сюда…
Минутная растерянность сменяется холодной решимостью, и Нагато открывает дверь резко, едва не заехав Учихи по физиономии.

- Что тебе надо?

- Иди на хер, - пьяно рыкнул Саске, толчком в грудь заставляя Нагато отшатнуться с прохода и заходя следом. Дверь за собой он даже не подумал закрыть, направившись сначала в кухню, а затем к гостиной.

- Стой.

Нагато преградил ему путь, встав между дверью и Саске. Взгляд брюнета нехорошо полыхнул тёмным, если только мрак может сверкать.

- Я не к тебе. Свали.

- Ты в моём доме.

Где-то низко зарычал Пэйн.

- Свали, - шипяще повторил Учиха. - Иначе я тебя убью.

Дверь распахнулась сама собой, и парни повернулись к взъерошенному Наруто. Он стоял, чуть пошатываясь, держась за косяк, словно утопающий за последнюю соломинку. Взгляд Узумаки попал в плен чёрной сети, которая упала на его тело, стоило Саске посмотреть на него. Сеть сдавила лёгкие, мелкими шипами впилась в искромсанное сердце и потребовалось ужасно много сил, чтобы не поморщиться от боли.

- Что ты здесь делаешь? - молясь, чтобы голос не дрожал, спросил Наруто.

- Пришёл поговорить.

- Не о чем.

Нет, Саске не оправился от боли. Ему всё ещё плохо, его всё ещё рвут на части запертые внутри тела чувства. Просто он пьян. Просто он пытается убежать от себя, но не знает, что алкоголь - топливо для боли.
Толчок в плечо Наруто почти не почувствовал. Он отошёл назад, а Нагато резко вцепился в руку Учихи, не давая продвинуться ему в комнату ни на сантиметр.

- Стой.

Голос красноволосого наполнился металлом. Неужели он может так говорить?

- Руку убрал, - выдохнул Саске, внутренне дрожа. Это даже не дело чести. Это дело жизни - разбить наглую физиономию и по возможности выдавить фиалковые глаза.

Наруто с ужасом увидел, как кулаки Учихи сжались, как побелели острые костяшки, напряглись тонкие мышцы. Ещё минута и…

- Прекратите, - выпалил блондин, оказываясь между двух огней вновь. - Хочешь поговорить, давай поговорим.

Ухватившись за дверь, Наруто виновато посмотрел на Нагато, но красноволосый лишь хмуро кивнул и, прислонившись спиной к стене напротив двери, сложил руки на груди. Будет следить и ждать.
Каким же Узумаки был идиотом, если думал, что Саске просто так проглотит его уход. Ведь это чёртов Учиха, которому нужно всё разложить по полочкам, забить все гвозди, уничтожить все нити. Ведь это он сейчас горит тёмным огнём…

- Значит, побежал к мальчику по вызову? - прошипел Саске, когда Наруто закрыл дверь.

- Это моё дело, куда идти.

Голос был ровным. Уже хорошо.
А рвущееся в груди сердце - пустяк. Главное не смотреть в глаза, не давать прикоснуться.

- Не твоё.

- А чьё же?

- Почему он?

- Если ты думаешь, что я променял тебя, на Нагато, то ошибаешься.

Наруто подпёр собой дверь, складывая руки на груди. Так удержать сердце было легче, да и поза не такая разбитая… усталая.
Саске медленно повернулся, полосуя пространство злым взглядом. Он пытался зацепиться за голубые глаза, но Наруто смотрел куда-то мимо.

- А на что ты меня променял?

«На твою жизнь», - беспомощно ответил внутренний голос, а

вслух Наруто выдавил:

- Ни на что.

- То есть…просто так?

- Саске, - усталость. - Я не хочу повторять…

Учиха подлетел к нему быстро. Кулак впечатался в дверь всего в сантиметре от лица Наруто, но даже это не заставило парня поднять глаза на нависшего над ним брюнета.

- А ты повтори, - гортанно прорычал Саске. - Повтори.

Наруто тяжело вздохнул, унимая разошедшееся сердце. И проклял себя: дышать рядом с Учихой было непозволительной роскошью. Его запах, такой холодный, такой знакомый, что хочется уткнуться лицом в шею, почувствовать под губами гладкую кожу и крепко сжать руками тонкий торс.

- Молчишь, - презрительно шикнул Саске, хватая Узумаки за подбородок и поднимая его голову, но веки всё равно остались опущены, хотя ресницы и подрагивали.

- Я тебе всё сказал.

- Не всё.

- Что ещё?

«Отпусти меня», - простонал внутренний голос.
Следили ли за Саске? А что, если по выходу из подъезда его…
Нет. Не думать об этом.
Учиха приблизился почти вплотную к его губам и выдохнул:

- Почему?

Ноги Наруто вновь стали ватными от желания податься вперёд ради этого треклятого последнего поцелуя. Но он выдержал, закусив губу до боли, до кровавого привкуса на языке.

- Я скажу тебе сам. Хочешь? - ненормально усмехнулся Саске.

- Скажи…

«Только не отходи от меня», - мысленно попросил Наруто, глядя в ключицы брюнета.

- У тебя новая жизнь, Узумаки. Ты сдержал своё обещание. И всё.

- Говори…

Пока его губы были так близко, Наруто был готов вытерпеть любой удар, любые слова, сочащиеся болью. Пока его губы едва-едва касались, когда Саске говорил, было не страшно. Не одиноко.
Не холодно.

- Тебе захотелось свободы, Наруто. Ты устал возиться с обузой, которая…который ни на что не годен. Я тянул тебя вниз.

Когда Наруто уже был готов податься вперёд и впиться в эти губы, что несли такой бред, Саске резко отшатнулся. Он остановился напротив Узумаки, если судить по перепачканным в грязи кедам.

- Тебе ведь хочется жить, да, Наруто? Полной жизнью. Ты ведь исчерпал…доказал себе всё и теперь просто надоело это. Быть рядом? Зачем?

- Просто уйди, Саске.

- Ты устал. Признай это. Ты врал мне…врал постоянно.

- Я не…

- Даже в доме у Джирайи? Там ты тоже врал?

Наруто всё-таки поднял на него глаза, встретившись с горящим

взглядом. И по телу прошла холодная волна.

- Почему, Наруто? - как-то беспомощно выдохнул Саске, теряя всю свою злость, всю пьяную ярость.

Представить, насколько больно было Учихе, насколько сильно его ранили слова…
Наруто видел эту сидящую в самом сердце занозу. Чёрную, большую…острую.
Хотелось вытащить её и закрыть рану руками, но подойти ближе к нему Узумаки не решался. Он видел, как мелко дрожат плечи, как кожа стремительно белеет, а на прокушенной губе выступает капелька крови. Слишком яркая для этого неживого лица.
Добей. Скажи одно лишь слово.

- Врал? - хрипло, слабо, но Саске это произнёс.

Сердце сделало один мощный удар, и вновь та же самая знакомая боль. Она обняла тело, притягивая к себе и призывая провалиться в холодную бездну. Наруто тяжело вздохнул, сделал шаг вперёд и…

- Ты, как все, - жёстко ударил Саске. - Лучше бы ты был призраком.

Комната пошла тёмными пятнами, как сгорающая плёнка чёрно-белого фильма.
Всё, что успел сделать Наруто, распахнуть дверь и, едва не повиснув на ней, сипло выдохнуть:

- Уходи. Всё.

- Всё? Я ещё не закончил, - упрямо мотнул головой Саске.

Узумаки поднял мутный взгляд на напрягшегося Нагато, что уже подался вперёд, застывая в дверях.

- Саске, уходи, - сказал красноволосый. - Тебе здесь нечего делать.

- А тебе? - прищурился Учиха, подходя ближе. - Тебе есть что делать здесь?

- Это мой дом.

- Тогда Наруто идёт со мной. Из твоего дома.

- Я не пойду.

Саске лишь бросил на него косой взгляд и вновь повернулся к Нагато.

- Он не хочет, - произнёс тот. - Оставь нас в покое.

- Нас?

Это стало последней каплей. Наруто понял это сразу и попытался ухватить Саске за руку, по тот оказался проворнее и со всего размаха приложил Нагато кулаком в лицо.
Узумаки хотел что-то сделать, как-то прекратить весь этот фарс, но его сильно пошатнуло, отбрасывая от двери спиной на звякнувший шкаф.
Всё плыло разноцветными пятнами, откуда-то доносились звуки ударов, но всё заглушал собственный пульс.

***

Саске толкнул Нагато на стену.
Наруто выбрал жилетку, которая была удобной.
Удар по незащищённым рёбрам красноволосого отозвался болью в едва заживших костяшках.
Нагато перехватил кулак раскрытой ладонью и надавил, удерживая.

- Больно, Учиха? - прошипел он. - Он выбрал меня.

- Заткнись.

Удар под дых, но Нагато ловко увернулся, саданув кулаком

куда-то по почкам. А Учиха уже и забыл, что он умел драться.

- Вот и вся твоя любовь, - сплёвывая кровь, процедил Нагато. - Она закончилась.

Боль разодрала пальцы, вцепившиеся в чужое горло, рёбра опалило огнём, а за ними разлился холод. Учихе показалось, что в запястье с рыком вцепилось что-то, но он лишь дёрнул рукой, вновь вкладывая в удар всю свою злую силу.
Нагато умел драться, да.
Но он никогда не желал убивать. Он не мог позволить себе этого. У него были предохранители.
А всё, что сдерживало Саске, погибло, упало в рыхлую землю и сгнило. Теперь ничего не держит.
Никто не держит.
Горло под пальцами поддавалось, красноволосый хрипел, а кулак раз за разом ударял по рёбрам, пока рука не разжалась, странно дрогнув.
Нагато упал на пол, не в силах подняться, сжавшись и пытаясь прокашляться.
«Убей его», - ласковый голос в голове.

- Нет, - слабый голос у двери.

Саске, подняв глаза, встретился с голубыми озёрами, подёрнутыми туманом слабости, и, рванув к Наруто, схватил его за руку.
Он тащил его за собой, пнул дверь, выходя в подъезд и спускаясь по лестнице.
Нужно было бежать отсюда, пока тело не повернуло обратно.
Нагато оставался в живых вот уже второй раз и…ему везло.
Везло, чёрт его дери.

***

Наруто, кажется, плохо понимал, что происходит. Но сейчас он по-настоящему испугался Саске. Испугался того, что сделал с ним. Самый любимый в мире холод стал шипами, чёрные глаза - провалами в бездну, а окровавленные пальцы на запястье - металлическими щипцами.

Узумаки не понял, как оказался внутри салона. Эта машина, судя по треску рации, была такси, а водитель, судя по его пустому взгляду, одним из безразличных.
Привалившись виском к холодному стеклу, Наруто отсчитывал натужные удары сердца и думал, что вот-вот оно замолчит.
Так бездарно…
Так бесполезно.
Спустя вечность его выдернули из машины и куда-то повели. Закрывающиеся глаза, застланные тёмным маревом, ничего не различали, и Наруто был благодарен холодным рукам, потому что они не бросали его, поддерживали и задавали направление. Сам бы он сейчас не смог.
Саске толкнул дверь. Зашёл сам, а затем затащил внутрь вялого Узумаки, который практически сразу споткнулся о низкую спинку кровати и повалился на неё.
Хлопок двери, щелчок замка.

- Саске, - поднимаясь, позвал Наруто. - Зачем?

- Потому что ты…ты…

Саске, запустив руки в волосы, шипяще выдохнул. Он прошёлся по комнате, зло пнув шкаф и замерев посередине.

- Ты не мог…

- Мог, Саске, - кивнул Наруто и сел на кровати. Вздох получился тяжёлым, но болеть в груди немного перестало.

- Я не понимаю, - потерянно сказал Саске. - Не понимаю, почему.

Наруто с трудом поднял на него глаза, обжёгся о тёмное пламя и сморгнул непрошенную влагу. Ну какого чёрта, Узумаки? Саске, не в силах стоять просто так, ударил кулаками по столу, упираясь ими, замирая с низко опущенной головой. Острые лопатки, сломанными остовами некогда бывших на их месте крыльев, изломанной линией исковеркали силуэт.

- Ты…такая же лживая тварь, - клокочуще выдохнул Саске. - Ты

один из них…а я…а я идиот.

Его взгляд заметался по скатерти. Замер на двух кружках, что стояли ещё со вчерашнего утра: в одной кофе, а во второй недопитый чай. Приторно сладкий. Только Узумаки сыплет в кружку четыре ложки сахара и жалуется, что чай горький. Только он оставляет напитка на самом донышке, видимо, отчаиваясь вытерпеть ту приторную сладость, которой так желал.
Кружки со звоном полетели на пол, а Саске, сильно зажмурившись, выпрямился. Дрожащая, перепачканная в крови рука коснулась белого лба, нажимая пальцами в попытке унять хаос в черепе.

- Саске…я хочу уйти отсюда, - сдавленно выдохнул Наруто. - Правда…хочу.

- И ты в это веришь?

- Верю.

- А во что ты ещё веришь, Узумаки?

- Я…

- Своим словам ты веришь? - хрипло усмехнулся надтреснутый голос.

- Саске…

Наруто вздрогнул, когда Учиха резко повернулся к нему, отталкивая к шкафу и упираясь руками по обе стороны от лица. Но дрожь стала сильнее, стоило увидеть совершенно больные чёрные глаза.

- Почему? - едва слышно прошипел Саске, смаргивая. - Почему, Наруто?

Душа разлетелась. Узумаки не должен был этого видеть. Блестящая влага, собравшись в уголке глаза Саске, дрогнув,

соскользнула вниз, разрезая белую кожу своей хрустальной остротой.
Тело показалось чужим, рука дрогнула, пытаясь подняться, чтобы вытереть эту влажную дорожку с лица, где её недолжно было быть. Но Наруто не смог.
«Саске умрёт», - прозвучал в голове голос Мадары.

- Потому что родители были правы, - сухо сказал Узумаки. - Потому что это ненормально. Это блажь. Я…я понял всё.

- Блажь?

- Я не могу любить парня, - всё-таки набрался жестокости, чтобы всадить занозу поглубже в чужое сердце.

Наруто опять не смотрел ему в глаза, и Саске ухватил парня за подбородок, поднимая голову. Голубые глаза блеснули настоящим льдом.

- Эти отношения ведут в тупик. Они ничего не дают, - договорил Наруто на одном выдохе. - Я понял, что…мне нравится девушка, Саске.

Узумаки мысленно поздравил себя. Он нёс такую чушь, в которую сам не верил. Чувство омерзения к самому себе накатило волной, обдало холодом и заехало звонким ударом в скулу. Хотя это мог быть и застывший напротив Саске, что так и не пошевелился.
Глаза Учихи вновь были сухи, а губы плотно сжаты.
Наруто на миг показалось, что самым лёгким выходом из ситуации будет то, что Саске сам убьёт его. По крайней мере, так будет справедливо…
За всю боль Узумаки уже отплатил с лихвой.

- Значит, ты по девочкам? - страшно прошипел Саске.

- Значит.

- И…всё это для тебя ничего не значит.

- Это? Ты имеешь в виду себя? Нет, - мотнул головой Наруто. - Не значит. Совсем.

Пауза.

- Не верю.

Саске резко прижался к нему, удерживая за подбородок и впиваясь губами в губы.
Застыв, Узумаки вцепился в плечи брюнета, пытаясь то ли оттолкнуть его от себя, то ли удержать, если тот решит отстраниться.
Искусанные холодные губы. Горячее дыхание со вкусом спирта. Рычащие нотки и болезненный укус.
Наруто не отвечал: он может врать сколько угодно, он может нести какую угодно чушь, но тело не обманет. Саске почувствует, как бешено бьётся сердце за рёбрами, как жадно Наруто ловит это чужое, так необходимое сейчас дыхание, как пытается ладонями впитать любимый холод.

- Не верю, - отчаянно прошипел в губы ему Саске, отстраняясь и целуя шею, зарываясь руками под футболку.

- Перестань, - сквозь желание забыться в этих руках, проговорил Наруто. - Саске, прекрати.

Зубы властно сжали кожу на ключице, горячий язык унял боль. Блондин упёрся ладонями в грудь Учихи и понял, что лучше бы этого не делал: за тонкими рёбрами бешено ухало сердце. Так, как ещё никогда. Пальцы напряглись, через силу отталкивая Саске от себя.

- Я сказал, нет, - выпалил Наруто. - Я ухожу. Всё, Саске.

На ватных ногах он пошёл к двери. Душу разрывало: одна её часть хотела остаться, а вторая понимала, чем это закончится. Можно сразу будет позвать Мадару и попросить пристрелить обоих.
Его грубо дёрнули назад за плечо, прижимая грудью к стене и разводя ноги коленом.

- Ты врёшь, - горячо прошипел голос в ухо.

Наруто дёрнулся, отчаянно и одновременно безнадёжно. Он понимал, что тело не хочет двигаться, тело не хочет жить без этих прикосновений, без сладкой дрожи, разливающейся по телу от одного лишь полного боли голоса рядом.

- Отпусти, - тихо выдохнул Наруто, когда рука брюнета забралась под футболку и прижалась к дрогнувшему животу. В этом месте под кожей разлился жидкий огонь, ухнувший вниз и застывший там тугой пульсацией.

«Не уходи», - просил внутренний голос вновь. Если бы Наруто мог, он бы вцепился в тонкие руки, вжался бы в дрожащую грудь, уткнулся бы в белую шею и не отпускал. А так оставалось подпирать стену лбом и сжимать руки в кулаки, сдерживая себя и свои мысли.

- Я не верю ни единому твоему слову.

Руки дёрнули за ремень, и Наруто вновь попытался вырваться. Слишком фальшиво, слишком медленно. Саске каким-то шестым чувством улавливал фальшь, как и всегда…
Узумаки, набрав побольше воздуха в лёгкие, резко оттолкнулся от стены, ударяя локтём куда-то в ребро Учихи. Тот отшатнулся, но со злым рыком вновь навалился на него, получая очередной удар, но теперь в другое ребро.
Слишком слабо…

- Можешь бить, - сказал Саске. - Но я чувствую…

Его рука с нажимом прошла вниз по животу, задевая звякнувший ремень и заметно напрягшуюся плоть Наруто. Узумаки прошило электричеством, и он неосознанно прижался ближе к парню.
«Мне конец», - разнеслось в голове блондина.
Одна рука Саске перехватила запястья рук Наруто, прижимая их к стене над головой. Он ужасно быстро справился с ремнём, что, печально звякнув, упал на пол вместе с джинсами.

Быстрым рывком Учиха подался вперёд, целуя загривок. Так нежно, тепло, шумно вдыхая запах. Наруто до боли закусил губу, опуская голову и сутуля спину.
Почему именно сейчас? Почему сейчас так хочется получить свои последние объятия? Остаться, раствориться и исчезнуть?

- Ты врал, да, Наруто?

В голосе Саске звучали какие-то странные, нервные нотки. Наруто бы вырвался, если бы уже не распался осколками в любимых руках, раня их не хуже лезвий.
Узумаки вздрогнул, выгнувшись, когда болью пронзило всё тело.
Саске вошёл без подготовки. Резко, сильно.
Замер, вслушиваясь в рваное дыхание сжавшегося Наруто. И внезапно вышел, потянув его на себя.
Узумаки ощутил под спиной шершавый ковёр, а на себе почти невесомое тело. Он попытался отвернуться, чтобы не видеть глаз, губ. Чтобы скрыть свой взгляд от Саске.
Иначе смерть. Иначе он поймёт.

- Смотри на меня.

- Зачем ты это делаешь?

Учиха не ответил, зажал рот поцелуем и толкнулся вперёд, посылая по телу колкие мурашки. Лопатки проехались по застарелому ворсу, прижатые к ковру руки сжались.
Наруто чувствовал его взгляд даже сквозь закрытые веки, которые поднимать не хотелось. Будет больно, даже больнее, чем сейчас.
Хотя эта боль, пополам со странным удовольствием давала надежду, что тело до сих пор живо, что оно может забыть об уже подготовленной холодной могиле на эти минуты. Временно…
Пусть стынет гроб, пусть вянут цветы в вазе у покрывающегося пылью надгробия.
Сейчас Наруто жив…пусть и не смеет дышать, не смеет показать, как быстро, загнанно стучит сердце.
Не смеет ответить на поцелуй.

Рука Саске отпустила запястье, прикасаясь к напрягшейся плоти Наруто. По бледным губам скользнула странная улыбка: всё, что смог разглядеть Узумаки через опущенные ресницы. Нельзя смотреть на него. Запоминать.
Резкие движения Саске сменились более плавными, словно бы он почувствовал.
Наруто сковало страхом. Он вновь дёрнулся, понимая, что вот-вот всё раскроется, что он не сможет сдержаться.
Удовольствие било сильнее, чем доводы разума. Узумаки, дрожа всем телом, в забытье потянулся к холодным губам, которые поймали его с таким же рвением, как и раньше.
С отчаянным, горьким вкусом деля поцелуй на двоих, боль на двоих и эшафот на двоих.
С желанием дождаться смерти вместе, как раньше. Подозвать костлявую поближе, показать ей билет в один конец и терпеливо дожидаться поезда на пустынной станции.
Впиться в шею, руками вывести линию позвоночника, запоминая все эти штрихи, чтобы потом собрать в голове, когда будет нечего больше касаться, некого целовать.
Когда не будет воздуха, чтобы надышаться, потому что весь воздух уйдёт вместе с ним.
И плевать на боль, плевать на Мадару, на всех.
Сейчас. Плевать.
Устали. Смертельно устали.
Прижаться губами к скуле, чувствуя кровь на свежей ссадине. Зализывать её, унимая боль, забирая с собой. Впиться пальцами в волосы, оттягивая голову назад, заставляя открыть горло для смертельного поцелуя укуса. Потому что за ним только судорожный стон и судорога прижатого к ковру тела.
Лопатки свезены к чёрту о жёсткий ворс.
Но кому какое дело? Боль пополам с сумасшедшей радостью, за которой только моментальная остановка сердца.
И жить больше незачем.
Саске вздрогнул, прижимаясь близко, обхватывая руками и зарываясь лицом в шею. Он дышал тяжело, словно бы слишком долго провёл под водой. Его спина то поднималась, то опускалась, ломая контуры острыми лопатками.
Наруто разлепил глаза, уставившись в потолок. Тишина, нарушаемая хриплыми вздохами.
«Только не отпускай», - мимолётное касание пальцев к белой

спине.

- Отпусти.

Саске поднялся, и Наруто стало холодно. Моментально. Его начала бить дрожь, тело не могло справиться с такими перепадами…
Перевернувшись на бок, парень кое-как подцепил пальцами джинсы и принялся надевать их. Ноги дрожали от слабости, пальцы соскальзывали, а за спиной появился какой-то отвратительный стеклянный звон, словно бы кто-то очень долго пытался найти среди стаканов нужный.
Застегнув ремень, Наруто привалился спиной к стене, запуская руки в волосы и горбясь.
Получив свой последний поцелуй, разум не успокоился.

- Ты всё ещё будешь врать мне? - неживой, механический голос с едва заметной ноткой надежды.

Наруто, резко выдохнув, поднял на Саске глаза. Учиха застыл перед ним, сжимая руки в кулаки.

- А что ты хочешь услышать?! - почти зло выпалил Наруто и от омерзения к самому себе едва не впился пальцами в собственное же горло. - Хочешь слышать, что я тебя люблю?

- Хочу знать, что тебе не всё равно.

Такая забытая фраза.
Сказанная давно-давно.

- Мне. Всё. Равно, - отчеканил Наруто.

Он нашёл в себе ещё чужой жестокости, чтобы смотреть Саске в глаза.

- Всё равно, - повторил Учиха. Он скользнул взглядом по Наруто, задержал взгляд на синяках, что дорогими браслетами украсили запястья парня, по укусу на ключице, по блестящим лихорадочным светом глазам. Узумаки дрожал, и Саске

хотелось набросить на его плечи плед.

Или обнять.
Или убить.
Он сделал это с ним. Разрушил, уничтожил. А сейчас? Добил. Утолил свою жажду? Завладел податливым телом?
Убил?
Пальцы сжали шершавые кругляши таблеток.

- Всё равно, - вновь повторил парень. - Прекрасно.

Наруто медленно, скользя спиной о стену, поднялся. Он следил за Саске, который, отвернувшись, принялся зачем-то копаться в своём рюкзаке.

- Отдай мне ключ, и я уйду.

Учиха лишь мрачно усмехнулся, наливая в кружку из тёмной бутылки. По комнате сразу же разлился горьковатый запах коньяка.

- Саске, - громче позвал Наруто. - Я хочу уйти.

- Мне всё равно, - как-то мстительно отозвался Учиха и залпом осушил стакан. Убранные за щёку таблетки, царапая горло горькой сухостью, лавиной прокатились вниз.

- Ты игрушка, Наруто.

- Зачем ты держишь меня? Не наигрался?

Саске, бросив на него быстрый взгляд, достал из ящика стола ключ и подошёл к двери. Быстрое движение, щелчок и дверь распахнута перед Наруто, который, пошатываясь, неловко стоит рядом.

- Уходи, - глухое. - Проваливай.

Не сказав ни слова, Узумаки опустил голову и быстро вышел из комнаты. Холодный коридор показался практически зимним, а

хлопок двери за спиной - выстрелом.
Светло-зелёные стены, холодный кафельный пол и одинокая куцая лампочка под самым выбеленным потолком.
Неужели это всё, что осталось?
Наруто опустил глаза с покачивающегося провода. Тусклый свет даже не походил на утренний или летний, будто бы зима наступила много раньше.
Тонкая колючая нить странно натянулась, вытягивая из ослабшего тела душу. Наруто обернулся, щурясь от яркого света, который с этой стороны коридора был ближе.
Что-то было не так…
Совершенно.
Он слишком быстро отпустил.
Наруто развернулся, быстро заходя обратно в блок, разделяющий две комнаты. Толкнул дверь, и та оказалась не заперта.

- Что забыл? - выпалил Саске, едва услышав, как в комнату кто-то вошёл.

Он стоял спиной к входу, упёршись руками в стол и слегка покачиваясь.

- Я спрашиваю: какого хера ты тут забыл?

Саске резко повернулся. Его повело в сторону, и парень начал падать.
Наруто оказался рядом быстрее, чем Учиха успел приложиться затылком о пол. Уложив его, Узумаки сел рядом, обеспокоенно вглядываясь в бледное лицо.

- Саске! - крикнул Наруто, не понимая то ли брюнет всё-таки допился, то ли ещё что. - Воды…сейчас…

Подскочив, Узумаки трясущимися руками схватился за графин и, выплеснув из стакана остатки коньяка, быстро наполнил его прозрачной водой. Но тут взгляд упал на выпотрошенную пачку таблеток, а пальцы подцепили её, переворачивая названием вверх.
Мозгу не потребовалось много времени, чтобы просчитать

случившееся: пустая бутылка коньяка, пустая упаковка из-под обезболивающего.
Ледяная паника сковала его. Ухватив стакан с водой, Наруто рухнул рядом с Саске, поддерживая его под голову и пытаясь заглянуть в приоткрытые глаза.

- Сколько ты выпил их?! - не своим голосом выкрикнул блондин. - Придурок! Сколько?!

- Иди на хер, Узумаки.

- Ненавижу суку, - прорычал Наруто, вставая и с трудом поднимая Саске на ноги. Пришлось поддерживать съезжающее тело рукой и в таком шатком виде выходить из комнаты.

Им повезло, что студенты ещё не приехали к началу занятий, и ванна была не занята, а блок свободен от чужих ушей и глаз. Руки Наруто дрожали, Саске внезапно показался слишком тяжёлым, а воздух горьким. Поддерживая Учиху за пояс, Узумаки заставил того согнуться над раковиной и, разжав челюсть, запустил два пальца парню в рот, нажимая на корень языка.

- Я тебя убью, идиот, если ты умрёшь тут.

Наруто почувствовал, как тело Саске дрогнуло, и торопливо отнял пальцы ото рта парня, перехватывая его под плечи. Когда Учиху перестало скручивать над раковиной, Наруто позволил себе оттащить его обратно в комнату и буквально влить в рот стакан воды. Затем второй. Он уже думал набрать третий, как брюнет приоткрыл глаза, закашлялся и, поднявшись кое-как, он забрался на кровать, обхватывая себя руками. Плотно закрытые веки подрагивали, жилка на шее билась быстро-быстро.
Закрыв лицо руками, Наруто шумно выдохнул.
Он ненавидел всё это. И себя больше ядовитого воздуха.

- Ты придурок, Учиха. Самый настоящий…

Подцепив с соседней кровати плед, Наруто накрыл им

дрожащего парня и, вытащив из кармана джинс телефон, с сомнением набрал тот номер, абонент которого вряд ли согласится помочь.
Но звонить кому-либо из Учих Наруто не хотел.
Даже Итачи.
Особенно Итачи.

- Да? - раздалось в телефоне.

- Орочимару?

***

Он не стал спускаться в лифте. Не хотел замкнутых пространств, где будет нечем дышать, некуда двигаться и придётся остаться наедине со своими мыслями.
Не хотелось.
Пыльные серые ступеньки скатывались вниз бетонным оползнем. Наруто не держался за перила, видя в них только что-то лживое, неустойчивое, что всё равно не сможет удержать от падения, если ноги всё-таки откажут.
Темнота лестничных пролётов сейчас была бы кстати, но сквозь маленькие окошки у самого пола лился серый свет. Наверное, на улице пасмурно…
Он вышел из общаги, изрядно напугав своим видом вахтёршу. Снаружи было прохладно, но не холоднее, чем внутри. Возможно, это из-за тёмной невидимой для других тени, которую отбрасывает эта серая высотка…
Узумаки увидел припарковавшуюся неподалёку хищную чёрную машину. Он уже знал, кто сидит за рулём и поэтому спокойно спустился с крыльца, отдавая свою смену высокому мужчине с длинными чёрными волосами, который его даже не заметил.
Правильно, люди не видят призраков.
А дальше были холодные тела трамваев, чужие лица, серые глаза прохожих и бесцветные жизни.
Быть шаблонным хорошо?
Наруто хотел бы попробовать.

***

- Наруто, ты в порядке? - перепугано выпалил Нагато, когда Узумаки оказался у дверей его квартиры. Блондин выглядел так, словно из него выкачали всю жизнь, а вместо крови в вены налили соляной кислоты.

Наруто неуверенно кивнул, и красноволосый посторонился, пропуская парня в квартиру.
Узумаки был благодарен тому, что Нагато не лезет в душу и не вытаскивает оттуда ошмётки некогда красивого кружева. И даже не пытается выгнать…потому что куда идти ещё Наруто не представлял.

- Я…

Наруто молча ткнул на дверь ванной комнаты и, зайдя туда, закрылся на замок. Спина ударилась о дверь, глаза уставились в большое потёртое зеркало над раковиной.
Отражение не показало ничего нового, кроме налившейся синевой ссадины на лице, тёмного круга на шее и совершенно сухих глаз. Дрогнув, пальцы притронулись к отметине, оставленной чужими губами. Из горла вырвался болезненный стон, как будто шею пронзило ножом в том месте, куда надавили подушечки пальцев.
Забыть бы…
Вода зашумела, падая в светло-зелёную ванну и разбиваясь серебристыми каплями. Скинув одежду, как ненужную шелуху, Наруто забрался внутрь, включая душ и даже не замечая, что вода ледяная.
Струи жестко били по коже, но не так, как собственные мысли по разуму. Получается, он стирает всё, что осталось от Саске: запах, ощущение прикосновений, что въелись в кожу не только синяками, следы поцелуев и тяжёлое горячее дыхание того, кто всегда холоден.
Получается всё вот-вот пропадёт?
Наруто закусил губу, впиваясь руками в заострившиеся колени. Если пытаешься начать сначала, то нужно избавиться от всего, что будет напоминать.
А если пытаешься начать с конца? Или вообще не начинать? Трупы тоже омывают перед похоронами…

Эта мысль, блеснув в голове, выдавила на истёрзанные губы рваную улыбку.
Кран скрипнул, закрываясь. Нога опустилась на тёмный кафель, роняя капли, и вскоре под ним натекла небольшая лужица.
Чужой дом, чужое место, но…Наруто забыл о такой вещи, как пространство. Он просто пытался быть, хотя быть уже и не хотелось.
Они всё-таки уничтожили друг друга.
Взгляд вновь упёрся в отражение.
Молодой парень. Наверное, красивый. Наверное, у него могло быть будущее.
Кто этот человек?
Пальцы надавили на левую щёку, ногтями пытаясь соскрести с кожи белые полосы шрамов. Единственное воспоминание о Саске, которое не сотрёшь. А вот эти синие синяки на тонких резких запястьях вот-вот пропадут. Завтра уже пожелтеют.
На нём всегда все быстро заживало.
И Сейчас Наруто ненавидел себя за это.
Поднёс запястье к носу, вдохнул. Ничего. Запах воды.
«Отпустил», - сверкнуло в голове, и руки ухватились за край раковины.

***

Пусть они говорят, что хотят, Саске. Пусть говорят, что это не любовь, что я подсел. Пусть…
Я не хочу спорить, я устал доказывать. Я никогда не смогу сказать тебе это в лицо, но и не сказать не могу. Пустоте, ветру, тяжёлым облакам.
Мне больно, Саске. Знаю, что и тебе не сладко.
Пусть говорят, что я слаб. Мне всё равно. Не быть эгоистом ведь сегодня значит быть слабым, да? Хех, наверное так и есть. Силён тот, кто останется рядом с любимым, поставив под угрозу его жизнь? Силён тот, кто тут же побежит заглушать любимый холод чужим огнём? Ведь это сейчас называют жизнью, Саске?
Пусть говорят, что ты слаб. На это мне тоже наплевать. Я знаю, сколько сил нужно, чтобы не разлететься на осколки, когда так хочется исчезнуть. Я знаю, как трудно забрать у собственного тела жизнь, потому что она уже не нужна.

Жить трудно.
Быть шаблонным легко.

***

Взгляд дрожал, мечась между собственных глаз и левой щекой. Его била дрожь, но не от холодной воды, а от ненависти к самому себе.
Саске будет жить.
Но…забудет ли? Сможет ли?
С его-то отсутствием веры…
Станет таким же холодным, как Мадара? Таким же ведомым, как Итачи?

- Ненавижу тебя, - процедил Наруто собственному отражению. - Ненавижу.

Рука почти автоматически схватила новую пачку лезвий, распечатала и высыпала содержимое в раковину.
Память не сотрёшь.
В ней останется отголосок его рук.
Его губ.
Наруто поднёс лезвие к правой щеке, надавил. Боль он не почувствовал. Понял, что попал лишь по тонкой струйки крови, что потекла по бледной коже.
«Саске будет жить», - повторил себе Наруто.
Попытка обмануть себя.
Если Саске любил…
Тонкая глубокая линия. Кровь потекла моментально.
Если Саске действительно любил, то обозлится, возненавидит.
Второй порез под первым - щека окрашивается в красный.
Пусть лучше ненавидит.
Ненависть сожжёт все остальные чувства. И ему будет легче.
Третья налившаяся красным ядом линия, рука бессильно опадает, роняя лезвие из дрожащих пальцев на белое тело раковины. Красные кляксы капают слишком быстро, слишком часто, но боли нет.

- Прости…

Глава 7. Черные крылья.

Глава 7.
Чёрные крылья.

«Я стою на краю у непрочных перил,
Позабыв о жестокой ноябрьской стуже.
Темнота, что дремлет где-то внутри,
Говорит с темнотою снаружи.

Как наивно бесстрашны мои новые чёрные крылья…

Твоё фото на всех погасших экранах,
Твоё имя повсюду бегущей строкою.
Тают слабые отзвуки прежних желаний,
Рвётся тонкая нить между миром и мною.

Непреодолимо притяжение тёмных планет…

Какая сила не знаю против воли влечёт меня к краю,
И кажется ближе, ты всё ближе,
И между нами лишь шаг с крыши».
Fleur – Мои новые чёрные крылья.

Бездна не отпускала.
В её плену было спокойно.
Холодные взгляды теней медленно скользили по коже, сдирая её лоскутами, чтобы добраться до напряжённых нервов и пройтись по ним своими острыми коготочками. Мелкие прихвостни Бездны утягивали всё глубже, а убаюкивающий женский голос просил остаться. Задержаться всего на несколько секунд, которых можно и не заметить. Они пройдут, холодным туманом лягут на кожу, будто бы успокаивая её.
В этом мире фальши всё казалось до боли настоящим и притягательным. Или же хотелось верить, что чужие лица, чужие руки - реальность. Но, стоило пошевелиться или сделать

шаг, как зыбкий чёрный туман под ногами приходил в движение и его прорезали тонкие истлевшие руки, опутанные венами и жилами. Они, хватая за ноги, заставляли остановиться, не пуская.
На самой границе наполненного зыбкой хмарью круга внезапно появился размытый женский силуэт. Он стоял ровно, смотря перед собой блёклыми глазами.
Саске попытался сделать шаг назад, но руки вновь вцепились в щиколотки.

- Посмотри на меня, - прошептал тихий голос. Эхо разнеслось по этому странному месту, вплетаясь в туман. Стало намного холоднее, если здесь существовало такое понятие, как холод.

- Посмотри.

В голосе появились властные нотки, и Саске внезапно понял, что сопротивляться ему нет сил. Он поднял голову, вглядываясь в приблизившийся силуэт, но ничего не видя. Полупрозрачная рука поднялась в воздух, опускаясь на его плечо холодным дыханием Бездны.

- Останься со мной, - улыбнулся призрак.

Туманный саван слетел с плеч. Иссиня-чёрные длинные волосы разлетелись в стороны, открывая узкое женское лицо с большими светло-зелёными глазами, подёрнутыми перламутровой пеленой.
Узнавание толкнуло в грудь, удерживающие руки рассыпались прахом.

- Тут будет лучше, - улыбнулась Белокожая. - Тут не будет больно.

Ещё один шаг назад, и опора под ногами пропадает. Саске нелепо взмахнул руками в тщетной попытке удержать равновесие, но тело уже начало камнем падать вниз.

***

Он вздрогнул, просыпаясь. Глаза открылись сразу, хотя разноцветные круги перед ними всё ещё продолжали вспыхивать. Помещение, расплывающееся пёстрой дымкой, было знакомо, но в памяти всплывали лишь смутные очертания прошлого.
Которое лучше бы было забыть вовсе.
Поморщившись и перевернувшись на спину, Саске приложил руку ко лбу.

- С возвращением.

Холодный голос подействовал, как ведро колодезной воды на голову. Обернувшись на него, Учиха подслеповато прищурился, пытаясь сложить раздробленный тёмный образ во что-то напоминающее человека.

- В следующий раз прыгай с крыши.

Кто-то протянул ему небольшой светлый прямоугольник, который на проверку оказался сложенными очками. Скривившись, Саске всё-таки принял подачку и не спеша надел их. Картинка приобрела ненужную чёткость, неизвестная рука нанесла последние штрихи, чтобы образ стоявшего перед ним человека стал узнаваемым.

- Орочимару? - нахмурился Учиха. - Какого хера?

- Я задался тем же вопросом, когда мне позвонил Наруто, - ответил мужчина, отходя от него. - Но, судя по голосу твоего друга, причины у него были…и вот.

Орочимару развёл руками, ухмыляясь.

- Наруто?

Саске, опустив голову, мрачно улыбнулся. Значит, этому придурку не всё равно настолько, насколько он силился показать. Влезать в шкуру безразличного отморозка Узумаки никогда не умел, но…зато весьма успешно примерил на себя роль невинного агнца, и та внезапно пришлась в пору,

прилипнув второй кожей.
Поднявшись с кровати, Учиха захватил со стола сигареты, и только потом тело странно повело в сторону, а в желудке поселилась навязчивая боль.

- Курить я бы тебе не советовал, - пожал плечами Орочимару. - Твой организм и так…

- Слушай, - поднял на него глаза Саске. - Я запомнил твой совет про крышу. Спасибо. А теперь можешь валить отсюда.

Хищное лицо доктора исказила улыбка, будто бы он в открытую потешался над ситуацией.

- Вижу, ты не изменился.

- Да как-то срать, что ты там видишь.

Отлипнув от стула, за который пришлось схватиться, дабы не упасть, Саске прошёл мимо Орочимару, дёргая дверь и выходя в коридор.
Из комнаты хотелось бежать, потому что по углам её всё ещё пряталось эхо недавно сказанных слов, а в воздухе витал едва ощутимый запах. Его Саске ощущал каждой клеточкой тела и хотелось расщепить себя на атомы.
Он вышел на балкон. Удушливо-жаркий ветер ударил в лицо, смазывая с кожи прохладные поцелуи Бездны.
Последние дни лета наполнились отвратительным влажным теплом. Воздух стал тяжёлым и неповоротливым, на лихорадочно-голубом небе застыли кучевые белые облака. Они увязали в этом мареве и почти не двигались, нависая над городом белым куполом. Казалось, что именно из-за них воздух потерял свою свежесть, а на затылок сразу начало давить.
Прислонившись спиной к нагревшейся стене из белёсых кирпичей, Саске поднёс сигарету к губам, едва касаясь фильтром сухой тонкой кожи.
Значит, Наруто оказался одной из картонок. Плоской, покрашенной дешёвыми красками, которые стекли после первого дождя. Наверное, Узумаки пытался нанести новый слой, но он пузырился, облазил шелухой и в итоге открывал

изъеденный картон.
«Чучело», - прыснул Учиха, прижимая к губам пальцы вместо сигареты. Набитое фальшивыми эмоциями, обтянутое фальшивой оболочкой с голубыми стекляшками вместо глаз. Вот почему они не светились. Вот почему лучистое сияние пропало из них.
Под жаркими лучами солнца стекло постепенно выцветает и становится прозрачным, но шкура слетела слишком рано и Учиха не успел заглянуть в полностью прозрачные глаза, за которыми должна была проступить душа. Если верить в то, что у человека она вообще есть.
Где-то в районе солнечного сплетения скручивался тугой горячий комок. От него тонкими пульсирующими ручейками расползалось что-то едкое, колючее. Пальцы сжали сигарету, ломая её пополам, табак трухой осыпался на бетонный пол балкона.
Фальшивая дрянь.
А ты, легковерный идиот, повёлся на эти цветные стекляшки, на золотистую проволоку, на шершавый картон и лживые обещания. Миры были разными. Слишком. Они не смогли прижиться рядом, почти уничтожив друг друга.
Попробовал, почувствовал себя жертвой, получил заверение в собственной уникальности, в своей доброте и верности…
Лишь от осознания того, что чужой яд приносил телу удовольствие, что каждый день рядом была тряпичная кукла, становилось отвратительно, тошно. Злость душила. Ненависть ломала.
Яркие чувства, которые вполне могут стать заменой тому, что когда-то жило под рёбрами и о чём сейчас вспоминать было противно.
Только вот ненависть к кому?
К фальшивке?
Или к себе?
Собрать бы маску обратно. Сцепить бы осколки вновь, и приложить её к лицу, закрывая то изуродованное, что осталось. Только ошмётки былого разнесло слишком далеко, а что-то вовсе рассыпалось трухой под давлением времени.
Руки вцепились в ржавые перила, сжимая их. Пачка сигарет упала, но было не до рассыпавшихся белых палочек.
К чёрту.

Внизу в расплавленном воздухе медленно барахтались люди, под тенью дерева лежали псы.
Взгляд прошёлся по пальцам. Они касались этой фальшивки. И теперь их хотелось отрезать.
Багровая кровь на потемневшем бинте показалась сначала очередной галлюцинацией, остаточным сном, но, подняв глаза на предплечье, Саске ругнулся: полумесяц засохшей крови на чуть припухшей и покрасневшей коже.
Саске усмехнулся. Пэйн был куда как более опасен, нежели его хозяин.
Он притронулся к бинту, чувствуя его шершавость и странное чужое тепло, будто бы вместе с его рукой по перевязке скользила и чужая. Загорелая, обвитая переплетениями вен, с резкими линиями и цепкими пальцами.

- Ненавижу, - хрипло выдохнул Саске.

Жизнь может появиться везде. Жизнь может появиться из чего угодно. Хрупкий росток ненависти пробивается даже сквозь серые камни безжизненной пустоши. Он тянется к красному солнцу своими тонкими побегами, что крепнут день ото дня и, в конце концов, превращаются в терновые кусты. Вместо плодов на чёрных ветвях - длинные шипы. Их можно собрать и букетом вонзить в спину любого.
Ненависть, в отличии от любви, будет плодоносить круглый год. Ей не страшны дожди, ветра или лучи убивающего всё живое солнца.

***

Он вернулся в комнату так и не покурив. Дыма внутри хватало и без сигарет.

- Ты ещё тут, - мрачно заметил Учиха.

Сидевший на кровати Орочимару кивнул на стол, где были разложены бинты и какие-то флаконы.

- Что это?

- Твоя рука. Знал, куда еду и решил взять с собой.

- Наруто сдал свою вахту тебе? - поднял брови Саске. - Теперь ты моя нянька?

Орочимару не ответил, поднимаясь и принимаясь распаковывать бинт под пристальным взглядом Учихи. Мужчине было глубоко плевать на мнение парня. Как и на его слова.

- Руку.

Саске фыркнул, но изодранную конечность с выбитыми костяшками всё-таки протянул. Если расценивать это как помощь, то, конечно, легче было бы послать Орочимару и выставить того за дверь, но доктор не спрашивал, а просто делал.

- Вижу, всё произошло так, как я и говорил, - хмыкнул доктор, развязывая свалявшийся узелок старой повязки.

- Мы живы. Так что ты ошибся.

Орочимару поднял глаза на Саске, и желтоватые радужки мужчины недоверчиво сверкнули. Он усмехнулся, вновь возвращаясь к своему занятию, за которым Саске следил с какой-то странной тянущей болью.
Этот пожелтевший и заляпанный кровью бинт накладывал Наруто. То немногое, что было сделано его руками, скоро полетит в мусорную корзину и станет очередным призраком.

- Живы, - как-то недоверчиво повторил Орочимару, откладывая старый бинт в сторону. - Таких живых я вскрываю каждый день.

- Этим ты и занимаешься, - хмыкнул Саске.

Рука выглядела ужасно: припухшая, с разбитыми костяшками, выше отмеченная укусом… Саске захотелось отрезать эту несчастную конечность. Обрубок и то будет лучше.

- Уколов от бешенства у меня с собой нет, - странно улыбнулся Орочимару.

- Плевать.

Новый бинт на кисти лежал плотно, совсем не так, как слегка распустившийся старый. И этот был намного холоднее…

- Теперь займёмся укусом, - выдохнул Орочимару.

***

- Зачем? - печально выдохнул Нагато, прикладывая к щеке сидящего перед ним блондина смоченную в перекиси ватку.

Наруто поднял на парня глаза, не найдясь с ответом. Что он мог сказать? Зачем…этот странный вопрос ему задавали в последнее время слишком часто. И вместо ответа в голове образовывалась пустота, расползающаяся по телу холодным отрешением.
Кому какое дело, что происходит с этим телом?

- Ты теперь и разговаривать не будешь? - поджал губы Нагато.

- Буду, - неуверенно кивнул Наруто. - Но не знаю о чём.

- А о чём хочется?

Красноволосый отложил ватку в сторону, подтянул поближе упаковку пластырей и ватный диск.

- Я не знаю, - передёрнул плечами парень.

Он смотрел на вытертый линолеум кухни, прослеживая за замысловатыми переплетающимися линиями. В некоторых местах они обрывались, стёршись подошвами прошлых жильцов, и приходилось возвращаться обратно, чтобы поискать другие непрерывные нити узора.

- Это не конец света, Наруто.

Узумаки вновь поднял на Нагато глаза. Конечно, это не конец, если стоять и смотреть из зрительного зала. Странная волна раздражения прошлась по телу, заставляя опустить голову и отвернуться от застывшего с ватным диском в руках Нагато.

- Не конец, - глухо согласился Наруто.

- Дай. Нужно закрыть их.

- Зачем?

Наруто поднялся из-за стола, ловя на себе усталый взгляд, и отошёл к двери.

- Я пойду, наверное…

- Куда? - удивлённо двинулся за ним следом Нагато. - Можешь остаться здесь.

- Разве? - усмехнулся Наруто. - После того, что я наговорил тебе…и вообще…после того, как я выбрал Саске.

Тяжёлая рука легла на плечо, вынуждая заглянуть в фиалковые глаза.

- Я не скажу, что мы все делаем ошибки, - мягко улыбнулся Нагато. - Просто…просто так сложилась жизнь. Так получилось.

Наруто покачал головой, вновь принимаясь разглядывать пол под ногами.

- Тебе нельзя обратно в общагу, - твёрдо подытожил Нагато. - Ты же знаешь, что Саске не прощает…

Наруто кивнул. Учиха никогда не простит его. Да и не нужно это.
Пусть злится, пусть ненавидит. Главное, чтобы не подходил ближе.

- Я не боюсь, - нахмурился блондин. - Если он решит набить мне морду.

- Не в этом дело. Ты уверен, что выдержишь?

- А что ещё остаётся? - хмыкнул блондин. - Ты не знаешь… многого не знаешь.

Его пошатнуло, и спина налетела на гладкий кафель, рука прижалась ко лбу, глаза закрылись. В темноте плясали красные круги, всполохи и резкие росчерки.

- Расскажи.

- Не могу, - мотнул головой Наруто, и темнота всколыхнулась. - Это опасно.

- Я не боюсь, - повторил его же слова Нагато.

Наруто открыл глаза, прикусывая губу. Внутри распирало от необходимости поделиться, потушить этот огонь осознанием того, что не одному приходится нести всё это дерьмо в наплечном мешке. Но и пачкать другого тоже не хотелось.

- Наруто.

Нагато подталкивал к краю незаметно и ненавязчиво, но душа постепенно теплела, понимая, что тут её примут. Или хотя бы попытаются услышать.
К чёрту то, что Узумаки чувствовал себя какой-то бабой, решившей воспользоваться первой попавшейся жилеткой.
Тело пронзило холодом.
Жилеткой.
Получается, что и сейчас он рядом с Нагато лишь потому что больше некуда идти и некому без опаски заглянуть в глаза.
Значит, он просто использует парня…
Саске был прав.
В сотый раз.

- Прости, Нагато, - посмотрел прямо в глаза Наруто. - Это

только моё. Я пойду…

- Стой, - тяжело вздохнул красноволосый. - Сегодня ты никуда не пойдёшь. Сегодня ты - мой гость.

Он улыбнулся ободряюще и чуть сжал пальцы на мелко дрожащем плече.

- Тебе нужно отдохнуть и решить, куда идти, если ты не захочешь остаться у меня.

- Спасибо, - вяло кивнул Наруто. - Я…прости меня за…

- Перестань. Всё нормально.

***

Нормально ничего не было.
Нагато отбросил докуренную сигарету в сторону, нервно переминаясь с ноги на ногу и оглядываясь в поисках чёрной машины. Мадара не опаздывал, это он пришёл слишком рано и, кажется, зря волновался, что не успеет.
Нормально…
Наруто сколько угодно мог врать себе и своему отражению, но люди не режут себя, если у них всё «нормально». Нагато прекрасно знал эту закономерность: чем сильнее боль душевная, тем глубже порезы на теле, чем безвыходнее ситуация - тем их больше.
Путь Наруто начался с малого, но Нагато не хотел видеть, к чему придёт его друг.
Узумаки жгло изнутри, ломало и корёжило. Он всё ещё держался ровно из-за упрямства, которое постепенно начинало отдавать безрассудством самоубийцы, раз за разом бьющегося о безупречно гладкую стену в надежде всё-таки налететь на единственный острый шип и закончить свои метания.
Но всё рано или поздно кончается, а смывать со своих рук и совести кровь очередного близкого человека Нагато не хотел.
Рёв подъехавшей машины привлёк его внимание, и, когда та остановилась, Нагато моментально оказался рядом, дёргая за дверь и забираясь в салон.

- Что-то случилось? - сухо спросил Мадара, окидывая ледяным взглядом парня.

- Это слишком жестоко, - выпалил тот. - Наруто не выдержит.

- Он сильный мальчик, - криво усмехнулся Учиха. - Ты недооцениваешь его.

- Мадара, - с нажимом произнёс Нагато, теряя терпение. - Он не продержится и недели. Ты не понимаешь… Вы загоняете парня в могилу.

- А ты не с нами? - ядовито усмехнулся мужчина и повернулся к нему. В чёрных глазах читалась плохо скрытая правда, видеть которую Нагато не желал.

- Разве не ты согласился подобрать бедного и несчастного Наруто в надежде, что тот изменит свои приоритеты?

- Я хотел помочь, - возразил красноволосый, но его голос прозвучал как-то неубедительно против этой монолитной стены уверенности, с которой говорил Мадара.

- Не обманывай хотя бы себя, - покачал головой Учиха. - Наруто не пришёл бы к тебе и не остался рядом, если бы Саске ничего не угрожало. Ты не нужен Узумаки.

Слова капнули на кожу серной кислотой: запенились, зашипели.
Нагато отвернулся, устремив взгляд на приборную панель.

- Ты просто удобен для него сейчас, - безразлично продолжил заколачивать шипы в тело Мадара. - Добрый, понимающий друг, который не возьмёт денег за проживание, да и…другими способами оплатить не потребует.

- Заткнись, - прошипел Нагато. Кулаки на коленях сжались, нить терпения натянулась.

Сиденье автомобиля скрипнуло, и в ухо пахнуло горячим дыханием:

- Или что? Убьёшь и меня?

Нагато дёрнулся, словно от пощёчины, впечатываясь плечом в дверь машины.

- Ты забыл, кто помог выкрутиться тебе из той передряги? Забыл, кто подчистил за тобой все следы?

Парень опустил голову, впиваясь пальцами в джинсы и закусывая губу.

- Ты будешь делать то, что я хочу, Нагато, - властно прошипел Мадара. - Так долго, как мне это понадобится. И то, что мне будет нужно.

- Ты мразь.

- Я? - прыснул со смеху Мадара, вновь усаживаясь прямо и постукивая пальцами по рулю. - Я не меньшая мразь, чем ты, Нагато. Посмотри на своего друга…посмотри на Наруто. Он готов свести себя в могилу ради того, кого любит.

Нагато неуверенно повернулся к мужчине, пристально следя за его лицом.

- А ты? Ты готов подставить Наруто ради своей шкуры.

Мадара широко улыбнулся:

- Все мы мрази. Только такие и выживают, запомни.

Красноволосый отвернулся. Правда в чёрных глазах стала резать ножами, и парень бы с радостью подставил ей сердце, если бы всё ещё был смысл. Оно не билось уже много лет, камнем вися в груди и выполняя функцию накопителя холода. Липкий страх осел на плечи. Омерзение.

- Если мы разобрались с твоими моральными порывами, - совершенно другим, деловым тоном продолжил Мадара. - То вот решение проблем Наруто.

В протянутой руке появился небольшой пакетик с чем-то желтоватым.

- Что это? - напрягся Нагато.

- Наркотик, - просто ответил Мадара, словно речь шла о леденцах. - Способ отвлечь мысли Узумаки от Саске, и шанс на то, что он сможет прожить чуть дольше.

- Н-нет…

- Да, Нагато. Поздно…твой друг уже тонет, и вопрос только в том, когда он опустится на дно и что поможет ему продержаться на плаву чуть дольше недели.

- Ты хочешь, чтобы я подсадил его? - поднял брови Нагато. - Но…

- Месяц или два. Саске забудет о нём.

- Но что потом будет с Наруто?

Мадара, пожав плечами, бросил пакетик на колени красноволосого.

- Если сможет слезть - будет жить. А если нет…без Саске он и так долго не протянет. Эта ваша любовь…

Учиха тяжело вздохнул, опуская руки на руль.

- Она калечит.

Нагато сжал пакет в кулак.

- Если ты понял, как поступить, то не смею задерживать.

***

Итачи вышел из машины. Очередной день, очередная рутина на фирме, у которой дела и без него идут в гору. Но что поделать, если отпустить контроль на самотёк парень просто не мог. Вот и тянулись дни безликими серыми часами, осыпались секундами на мраморную плиту.

- Итачи.

Молодой человек обернулся, моментально замечая двигающуюся к нему знакомую тень. Саске, одетый в свою неизменную чёрную футболку и вытертые джинсы, в окружении подземной парковки казался членом одной из шаек, что орудовала в городе. Ему не хватало лишь биты, унизанной длинными гвоздями да жадного до чужих денег взгляда.

- Ты пришёл, - не без удивления отметил Итачи, поворачиваясь к брату и зачем-то перекладывая кейс в другую руку.

- Не обольщайся, - усмехнулся младший, останавливаясь напротив брата. - Ты последний человек, к которому бы я пошёл.

- Но? - взгляд Учихи скользнул по перебинтованному предплечью Саске, но Итачи ничего не сказал, прекрасно зная, что бесполезно. Это вызовет очередной приступ злости, и младший уйдёт, уязвлённый чужим небезразличием.

- Нет другого выхода, - скрепя сердцем, признал Саске.

- Идём поговорим в моём кабинете?

- Нет. Я ненадолго.

Итачи пришлось постараться, чтобы скрыть удивление. Впервые за многое время они разговаривают так…спокойно.

- Что ты хотел?

Саске замолчал, опуская голову и криво улыбаясь. Старший Учиха мог представить какая нешуточная борьба развернулась внутри худощавого тела: нужда против гордости. Конечно, Итачи мог бы отказать, припомнить, сколько раз младший поступал как полная тварь, сколько раз швырял предложенную помощь в лицо…
Но ему всё ещё был дорог брат, и вот так вот оттолкнуть того, кто явно нуждается в раньше отвергаемом, Итачи не мог себе позволить.

- Помоги с институтом, - всё-таки решился Саске, резко вскидывая тёмные глаза на брата.

Удивление всё-таки не получилось скрыть до конца, и оно сквозняком промелькнуло в голосе:

- Хочешь восстановиться?

- Хочу.

- Почему?

- Так надо.

Итачи с сомнением окинул брата взглядом. Тот не выглядел человеком, которого внезапно потянуло к свету знаний.

- Ты поможешь или нет? - раздражённо рыкнул Саске.

- Помогу, - кивнул Итачи. - Но…хочу знать, какие причины стоят за твоим желанием.

Саске посмотрел на него. Долго, неотрывно, с затаенной злостью, которая вот-вот могла вырваться наружу, но брюнет изо всех сил сдерживал её. Неужели ему так понадобилась помощь? Что могло подтолкнуть младшего брата?

- Какое тебе дело?

- Не хочу, чтобы ты влез в очередные неприятности.

- Значит, так, - резко выдохнул Саске и, развернувшись, направился прочь от брата, но тот ловко поймал его за плечо.

- Стой.

- Я пришел не твои лекции слушать, - сквозь зубы процедил Саске. - Если можешь помочь - помоги.

- Я же сказал…

- Это ничего не меняет, Итачи. Между нами.

Старший Учиха опустил руку, не решаясь задержаться рядом с братом подольше. Прикасаться к Саске было так же опасно, как к жалящему растению: красивый, завораживающий, такой близкий, но…ядовитый до самых своих корней.

- Я разберусь с деканом, - с горечью выдавил из себя Итачи. - Будь…будь осторожен.

Саске лишь хохотнул, продолжив свой путь.

***

Ближе к вечеру город попал в плен адской жаровни. Казалось бы, сумерки не за горами, и воздух должен постепенно остывать, но за день напитавшийся солнечными лучами асфальт щедро делился теплом с прохожими. Колыхающееся марево поднялось над проезжей частью, и машины неслись через него, как размытые сгустки красок.
Саске остановился, чтобы закурить.
Вернуться в институт было самой малой из жертв. Прийти к Итачи - всего лишь одним из нужных ходов.
Разыграть эту партию чёрными было не так трудно, как могло оказаться.
Отбросив спичку в сторону, Саске убрал руки в карманы джинс и двинулся дальше по разбитому тротуару.
Район здесь был глухой, далеко от центра. По одну руку - дорога, а за ней какой-то завод, откуда несло горелыми

покрышками, по вторую руку - трехэтажный дом, на первом этаже которого расположилось похоронное бюро.
Чёрный автобус жирной кляксой выделялся на сером асфальте, а в высоких витринах можно было разглядеть расставленные гробы.
Саске пригляделся к большому окну. Из дымной темноты выставочного зала проступала лишь часть ящика, от вида которого любого человека охватил бы суеверный ужас. Люди вообще не любят смотреть на атрибутику смерти.
Длинный гроб, тёмно-синего цвета с какими-то позолоченными завитушками был настолько нелеп в своей нарядности, что Учиха невольно улыбнулся.
Верно поступали те, кто сжигал тела погибших, не упаковывая их в эти деревянные ящики почему-то превращённые какими-то мастерами в дорогие шкатулки для гниющих трупов.
Стряхнув пепел с сигареты, Саске пошёл дальше.
Змея, залёгшая под сердцем, пришла в движение, оплетая орган в два кольца.
Люди пытаются сохранить всё. Учиха не понимал, что движет теми, кто закапывает тела своих близких в землю и каждый раз приходит «проведать» разложившиеся кости. Как будто это поможет…
Сжечь, уничтожить и развеять по ветру - самый лучший выход. Саске был бы рад сказать, что сжёг, что уничтожил, что ничего не осталось. Саске был бы рад поверить, что разлюбил в одночасье…
Некогда робко пробивающееся, теперь же вырванное с корнем - это нечто лежало под сердцем и медленно гнило. Но он не собирался прятать свои разлагающиеся чувства в дорогую коробку и хоронить их. Ядовитый дух, которым исходило умирающее, отравлял сердце, заставляя чувствовать ненависть пополам с болью.
Больно, потому что до сих пор чувствуешь.
Ненавидишь, потому что до сих пор не безразличен.

***

Четыре дня Нагато наблюдал за своим другом, не решаясь заговорить на болезненную тему или же предложить волшебное средство решения проблем, которым поделился Мадара.

Пакетик так и лежал в кармане джинс, а совесть истекала трупным ядом.
Наруто спал на раскладушке, отказавшись пускать на неё хозяина квартиры, чтобы самому занять место на диване. Хотя Нагато сомневался, что Узумаки спит: каждый раз, когда красноволосый просыпался на работу, парень уже был на ногах, а с каждым днём синяки под глазами Наруто всё сильнее напитывались синеватыми тенями.
К исходу четвертого дня Наруто выглядел бледной тенью, очень неудачной копией себя старого. Кажется, всё время парень проводил где-то глубоко в своих мыслях, и чем глубже он погружался, тем страшнее становилось смотреть в его глаза. Нагато знал, что Наруто выжигает себя воспоминаниями. И ничего не мог с этим поделать…

***

День закончился быстро.
Или же Наруто всё-таки провалился в сон, пробыв в подобии забытья половину из оного? Узумаки открыл глаза и понял, что не помнит. Он вообще потерялся во времени, лёжа здесь, в небольшой комнате Нагато на старой раскладушке, которую красноволосый поставил у окна.
Узумаки надоело чувствовать себя опустошённой, сломанной вещью. Хотелось встать, сделать что-то…хотя бы выглянуть в окно…
Раскладушка жалобно скрипнула, когда парень поднялся и всё-таки подошёл к окну. Умирающий красноватый свет упал на лицо, заставляя прищуриться и смотреть на мир сквозь пелену ресниц.
Нужно было заставить себя дышать дальше.
Нагато сказал, что конца света не произошло.
Кивнув своим мыслям, блондин вышел из комнаты, плотно закрыв за собой дверь.
Хозяин дома нашёлся на кухне, где приятно пахло гренками и кофе. Странно, что красноволосый всё ещё пытается расшевелить его, но Узумаки вспомнил, как сам пытался заставить Саске съесть мороженое однажды.
Под рёбрами скрутило, и это был далеко не голодный желудок. Пришлось закусить губу, чтобы хоть как-то отвлечься от

накатившей боли.

- Наруто, - заметил его Нагато. - Тебе нужно поесть.

- Я не голоден, - пожал плечами парень, опускаясь на стул и внимательно следя за тем, как красноволосый двигается по комнате. В последние дни Наруто часто приходил сюда, чтобы посмотреть на чужую жизнь, которая была настолько незамысловатой, что было даже завидно.

Нагато просыпался рано утром, делал себе кофе, кормил и выгуливал Пэйна. Вернувшись с прогулки, он брал дорожную сумку и, не позавтракав, уходил, звякнув напоследок ключами в прихожей. Этот ритуал повторялся изо дня в день и стал привычным, даже успокаивающим и отвлекающим от мыслей. Каждое утро Наруто с замиранием сердца ждал, когда за Нагато захлопнется дверь. Тогда квартира погружалась в полную тишину, и холодная пустота медленно выползала из углов, укутывая мягким саваном. Оставалось растворяться в ней и ждать, пока в подъезде вновь звякнут ключи и можно будет опять следить за чужой жизнью.

- Эй…ты слышишь, что я тебе говорю? - Нагато помахал у него перед лицом рукой, привлекая внимание.

- Прости, - вяло улыбнулся Узумаки. - Я задумался…ты что-то говорил?

- Ты не ел четыре дня. Вот что. Или ты ешь или я связываю тебя и кормлю с ложечки.

Угроза прозвучала вполне убедительно, но желания забросить в желудок хоть что-то не прибавилось.
Нагато, опустив перед ним тарелку с гренкой и стакан с чаем, сел напротив, требовательно уставившись на блондина.

- Ты должен поесть.

- Ты считаешь это всё бредом, - как-то внезапно горько усмехнулся Наруто.

- Что именно? - вздёрнул брови красноволосый.

- Моё состояние, - пожал плечами тот. - Многие бы посчитали… ведь я…я же не должен быть таким.

- Это пройдёт. Все имеют право на грусть.

- Это не грусть, - передёрнул заострившимися плечами Наруто. - Я не знаю что это.

- Что бы то ни было - пройдёт.

Поджав губы, Наруто молча кивнул, проводя пальцами по горячей кружки в нелепый синий цветок. Наверное, раньше этот узор показался бы ему красивым и даже забавным…но сейчас вместо цветов усталые глаза видели большие кляксы.

- Поешь.

Наруто кивнул, неуверенно отпивая сладкого чая. Тёплая волна пробежала по горлу и ухнула камнем в пустой желудок.

- Я завтра в институт пойду, - сообщил он, отставляя кружку. - И…попробую найти работу.

- Не спеши с работой. Разберись с расписанием, и я попробую подыскать тебе что-нибудь у нас.

- У вас?

- Да, - кивнул Нагато. - Вроде было что-то на фирме. Ешь давай.

Гренка оказалась солёной и неприятно царапнула нёбо, а затем и горло, но организм уже почувствовал еду и заставил Наруто съесть её полностью.

- Мне надо в общагу, - внезапно вспомнил он. - Вещи забрать…

- Там будет Саске.

- Я знаю, - приложил руку ко лбу Узумаки и сильно зажмурился.

Встречаться с Учихой вновь не хотелось. Тело, едва поняв, что есть шанс вновь оказаться рядом с любимым холодом, покрывалось мурашками, а губы сохли. Странные пятна воспоминаний появлялись в голове, и Наруто спешил избавиться от них.

- Но там все мои вещи.

- Хочешь, я поеду с тобой?

- Н-нет, - мотнул головой Наруто. - Я…сам должен.

Он вновь сник, забравшись на стул с ногами и обхватив их руками. Сидеть в таком положении было не очень удобно, но захотелось внезапно сжаться под чужим взволнованным взглядом.
Рука задумчиво скользнула к щеке, на которую всё ещё был наложен ватный диск и пластырь. Хотелось снять, но Нагато не разрешал.
Телефонная трель, словно привет из другого мира, оборвала внутри всё. Звонить могла или мать, которая за последние дни, наверное, извела весь баланс на смс и звонки, или…
Нет. Учихе незачем ему звонить.
Повернувшись, Наруто взял со стола сотовый, пробежался взглядом по веренице незнакомых цифр и поднёс аппарат к уху.

- Наруто, добрый вечер, - холодный механический и ужасно знакомый голос.

Поднявшись из-за стола, Наруто подошёл к окну, вслушиваясь в тишину и ожидая дальнейшего. Что ему хотел сказать Мадара? Что ещё ему нужно было от него?

- Ты готов слушать, как я понимаю.

- Говори.

- Ты хорошо справился.

- Что ещё?

Рука сжала сотовый сильнее, невидящий взгляд вперился в оранжевое марево заката за окном.

- Но ты ведь помнишь, что не должен прекращать играть свою роль?

- Помню.

- Молодец, - усмехнулся Мадара и тише добавил: - И ты можешь гордиться собой. Саске жив только благодаря тебе.

Короткие гудки. Наруто, сцепив зубы, резко повернулся, со всей силы запуская телефон в стену. Пластмасса поддалась натиску кафеля, и аппарат разлетелся на несколько крупных осколков.

- Наруто! - выпалил Нагато, подлетая к схватившемуся за грудь парню. Вцепился в плечи, удерживая, помог привалиться поясницей к подоконнику.

- С-сука, - прорычал Наруто, сжимая руку сильнее. - Тварь…

- Кто это был?

Блондин отрицательно тряхнул головой, морщась и оседая ещё сильнее. Пришлось помочь ему сесть на стул, чтобы ноги вовсе не подогнулись.
Сердце тяжело билось, сопровождая каждый удар болью. Наруто попытался вдохнуть, но мелкие иголки впились в лёгкие, не давая им раскрыться на полную.

- Нагато, - хрипло позвал Наруто. - Я хочу…хочу сдохнуть. Но мне нельзя…

- Тише…

Тишина разлилась по кухне. В ней было слышно лишь хриплое дыхание Узумаки да жужжание старого холодильника. Минуты уходили кровавым песком сквозь пальцы.

- Наруто…я…у меня есть кое-что…

Узумаки поднял пустой взгляд на друга, который говорил как-то непривычно неуверенно.

- Что?

Красноволосый взял его руку, развернул ладонью вверх и вложил в неё небольшой тёплый пакетик. Наруто нахмурился, совсем не понимая, что ему предлагает Нагато. Если это был яд, то друг как-то слишком быстро согласился закончить его страдания. Хотя, может, оно и к лучшему…

- Что это? - спросил блондин.

- Ты…тебе поможет.

- Как?

Нагато поднял на него полные вины и сожаления фиалковые глаза и скупо улыбнулся:

- Заберёт боль…на время.

До Наруто начало доходить, как сквозь ватную прослойку. Уставившись на друга, он нахмурился:

- Ты предлагаешь мне наркотики?

- Наруто…

- Нет, - твёрдо отрезал блондин, отодвигая руку друга. - Я сам…без этого.

Он поднялся, шаткой походкой пройдя к стене и опускаясь там на корточки, чтобы собрать бедный телефон. Починить уже не

получится…

- Ты не сможешь сам, - как-то неожиданно жёстко бросил в спину Нагато. Слова прокатились холодным росчерком по позвоночнику, обернулись вокруг него прозрачной леской и дёрнули, заставляя встать. Наруто, сжимая осколки телефона, медленно повернулся к другу, понимая, что злится не на него, а на себя.

Позволил увидеть, как плохо.
Открылся, выпуская наружу то, что нужно бы прятать внутри.
Нужно было быть сильным, Узумаки, а ты расклеился.

- Со мной. Всё. Хорошо, - чётко выговорил он.

- Не уверен.

- Поверь.

Выйдя из кухни, Наруто натянул на ноги кеды и вышел из квартиры. Находиться в четырех стенах он не мог, будто бы его что-то гнало подальше от скоплений чужих жизней.
Наркотики…
Парень фыркнул. Неужели Нагато думал, что он согласится?
Проходя мимо какого-то небольшого магазина, Наруто краем глаза увидел в высокой витрине собственное отражение.
Ну и куда он пошёл? Зачем?
Пришлось преодолеть ужасное желание позвонить Орочимару и узнать, как там Саске. Нужно было выбросить из головы тот день, но память упорно нарезала круги вокруг случившегося.
Наруто остановился у небольшого латка с сигаретами, и взгляд его зацепился за знакомую бело-синюю пачку.
Это сумасшествие. Помешательство.
Так существовать невозможно, когда в каждой вещи видишь прошлое, когда вместе с каждым вздохом в грудь пробираются мелкие частицы того, кто тоже сейчас дышит. Наруто почувствовал, как постепенно его разум начинает выключаться: он больше не хотел задумываться, заставлять себя останавливать мысли, хватать их за крылья и ломать тонкие кости. Пусть летят…ведь хуже уже не будет.

Последняя мелкая купюра ушла на пачку ненужных сигарет. Ведь Наруто никогда не мог курить: слишком уж тошнотворный дым получался. Совсем не тот, которым пропахли волосы Учихи.
«Что б тебя!», - рыкнул мысленный голос, заставляя парня пойти быстрее.
Мысли, вспугнутыми воронами, метались по черепу, но неизменно возвращались на привычную жёрдочку.
Ощущение присутствия Саске было настолько реальным, что пару раз Наруто оборачивался, ожидая увидеть чёрный силуэт хмурого парня.
Отчаявшись заставить себя не думать, он рухнул на лавочку, распаковывая пачку сигарет и вытаскивая одну. Небольшой коробок был уложен обратно в карман, а пальцы нервно прошлись по шершавой и словно уже тёплой бумаге.
Нет…это всего лишь сигареты. Без бледных губ, без чёрных глаз, в которых отражался краснеющий огонёк, без холодных белых пальцев…они ничего не значили. Простая бумага и дешёвый табак…
Узумаки смял хрупкую палочку и выбросил в урну.

- Забудь, - приказал себе Наруто и поймал недоумевающий взгляд проходившей девушки.

В голове тут же всплыла слабая, забитая другими мысль - родители.
Он разбил телефон, и теперь вряд ли мать сможет связаться с ним.
В груди заныло, но не настолько сильно, чтобы Наруто решил наведаться в некогда родной дом. Сейчас неподходящее время…хотя он и чувствовал себя последней сволочью.
Совесть не давала покоя…
Но покой теперь был ему чужд.

***

Комната в общаге встретила Наруто холодом и тишиной. Парень остановился в дверях, оглядывая пустые стены и заправленные кровати, словно бы подозревая, что зрение обманывает своего хозяина и Саске всё же здесь.

Но Учихи не было.
Наверное, это даже к лучшему.
Зайдя внутрь, Наруто нашёл свою не разобранную сумку и пошатнулся. В грудь ударило чем-то тупым и, судя по ощущениям, каменным. Вещи, которые покоились в сумке, были очередным приветом из прошлого. Они ещё хранят запах лесного дома, хвои и долгих летних вечеров.
Резко перекинув ремень через плечо, Наруто решительно развернулся, не желая оставаться здесь больше. Риск встретиться с Саске отдавал горечью за рёбрами, и хотелось поскорее убраться отсюда.
Тёмный коридор, гулкие шаги и оклик:

- Уже съезжаешь?

Нейджи.
Наруто, стараясь звучать как можно обычнее, повернулся на голос и заметил парня, закрывающего балконную дверь. Он подошёл к нему, протягивая руку и пожимая вытянутую в ответ, скользнул прохладным взглядом по сумке, по щеке Наруто и темные брови чуть дрогнули, выражая толику удивления.

- Временно…наверное, - почесал в затылке Наруто.

- Что-то случилось?

- Н-нет, - ещё шире улыбнулся блондин.

Улыбка впивалась в кожу и с трудом держалась на осыпающейся маске. Непривычно было надевать её…очень.

- Платить за комнату придётся вне зависимости от того живешь ли ты тут или нет, - деловито отчеканил Нейджи. - Надеюсь, ты это понимаешь.

Наруто понимал и был рад, что парня не интересует ничего, кроме денег, общежития и собственных обязанностей.

- Хорошо, - кивнул блондин. - Ну, пока.

- До свидания.

***

Учиха вернулся в общежитие, когда, по сути, никого впускать туда уже не должны были. Но то ли вахтёрша оказалась доброй, то ли ещё не успела уснуть. Во второй вариант верилось больше, потому что его проводили таким испепеляющим взглядом, будто бы у Саске на спине было написано, что он убивает котят.
Свет уже выключили, и парень догадался, что давно перевалило за двенадцать. Кое-как дойдя по тёмному коридору до своей комнаты, Учиха остановился, пытаясь попасть в скважину ключом. С его-то зрением даже утром это было трудно сделать, а что уж говорить за ночь…

- Саске, здравствуй.

Нейджи умел подкрадываться, как убийца или же возникать из воздуха, как призрак. Другого объяснения бесшумному появлению парня у себя за спиной Учиха не видел.

- Что надо? - буркнул он, всё ещё пытаясь разобраться с дверью.

- Ты в курсе, что твой сосед временно съехал?

Ключ с нажимом впился в дверь, кажется, оставив вмятину в фанере. Опустив голову, Саске шипяще выдохнул и передёрнул плечами, сбрасывая колкое оцепенение.

- В курсе.

Он закрыл глаза, спрашивая:

- Наруто был сегодня здесь?

- Заходил вечером, - отметил Нейджи и торопливо добавил: - Вы договорились, как будете платить за комнату?

- Нет.

Ключ всё-таки вошёл в скважину, и Учиха, быстро провернув его, вошёл внутрь.

- Но…

Дослушивать он не стал, захлопнув дверь перед носом Нейджи и на всякий случай провернув замок. Выяснять ничего, что могло хоть как-то пересекаться с Узумаки, сейчас Саске был не настроен.
Стукнувшись лбом о дверь, Учиха медленно выпустил из лёгких воздух.
Совсем скоро ненависть успокоится…
Хотя, кого он обманывает?
«Ты будешь со мной. Только со мной», - навязчиво пел в голове тонкий женский голосок.

- Пошла к чёрту.

***

Просторный зал аудитории медленно наполнялся голосами. На первом занятии в этом учебном году были, кажется, все студенты. Наруто никого не знал в лицо, но людей было много. Он занял вторую парту, предпочтя отсесть от шумных компаний, которые так и норовили затянуть его в беседу. Разговаривать не хотелось…
Наруто не понимал, зачем пришёл сюда, зачем всё ещё пытается жить так, как живут шаблоны. Наверное, это была глупая попытка продлить свои предсмертные конвульсии…
Устало вздохнув, парень провёл руками по лицу и шикнул, сетуя на свою забывчивость: правую щёку, с которой он всё-таки снял своеобразную повязку, обожгло болью. Оторвав пальцы от лица, Наруто посмотрел на них, замечая тонкую розоватую полоску крови.

- Привет!

Тычок в плечо заставил вздрогнуть, быстро отнимая руки от

лица, и повернуться.
Стоящий перед ним парень, просияв, плюхнулся за парту так, что стул заходил ходуном и ему пришлось хвататься за край столешницы, чтобы не упасть.

- Я Киба!

- Наруто, - неуверенно кивнул блондин, протягивая руку, которую тут же быстро пожали и вновь широко улыбнулись.

Такой резкий, громкий и до ужаса простой парень вызвал оторопь. Отвыкнув общаться с кем-то, кроме Саске, Узумаки уже не представлял рядом с собой кого-то ещё. Ужасная привычка, выматывающая модель поведения…

- Ты перевёлся к нам? - спросил Киба, любопытно сощурив карие глаза.

- А…восстановился…

- О! - выпалил парень. - Если бы я свалил отсюда, то уже бы не вернулся.

Наруто лишь хмыкнул, едва заметно улыбнувшись. Он и сам с каждой секундой всё больше и больше сомневался в правильности своего выбора. Высшее образование стало неважным. Очередная никому ненужная галочка.
Можно попросить Нагато помочь с работой…ведь тот что-то говорил об этом. И не строить из себя социально-правильное звено общества.
Внутри нагнетало. Его буквально выдавливало из аудитории, заставляя нервно озираться и машинально отвечать на вопросы Кибы. Кажется, у парня были проблемы с общением…в том плане, что его ему было нужно слишком много и половина группы при его приближении устало закатывала глаза.
Нить лопнула. Всё…

- Прости, - прервал словесный поток Наруто, поднимаясь.

- Ты куда это? - встал следом Киба.

- Пройтись хочу…

- Прогулять первую пару? - уставился на него во все глаза собеседник и, получив неуверенный кивок, неожиданно широко улыбнулся: - Вот это по-нашему! Пошли! Составлю тебе компанию.

Его ухватили за предплечье и совершенно бесцеремонно потащили к выходу из аудитории. Наруто не сопротивлялся, по себе зная, что отделаться от лишнего попутчика будет крайне трудно.
Киба чем-то напоминал ему себя…
Но параллели проводить не хотелось.
Они вышли за двери аудитории, и странный толчок заставил остановиться.

- Осторожнее.

Голос.
Наруто поднял глаза, зная, кого увидит.
Саске…от него пахнуло дымом и холодом, когда убитое зрение Учихи позволило ему сложить расплывающуюся картинку в целое изображение.
«Опять забыл очки», - как-то машинально подумал Наруто, и его обожгло взглядом. Пришлось спешно отвернуться, чтобы не показывать искромсанную щёку…
Незачем.
Саске прищурился, отпуская какого-то шатена, который налетел на него на лестничной площадке. Сердце неожиданно быстро забилось, когда Узумаки как-то затравленно зыркнул на него, чтобы тут же широко улыбнуться и, схватив незнакомца за запястье, дёрнуть его в сторону аудитории.
Улыбнуться?
Учиха так и остался стоять посреди лестничной площадки, глядя на закрывшуюся за знакомой спиной дверь аудитории.
Он улыбался.
Рука сжала перила, и пальцам стало больно.

***

В аудиторию Саске вошёл вместе с преподавателем, который выловил его всё на той же лестнице. Пришлось занять то место, что осталось свободным, но с него как назло прекрасно проглядывался край ряда, на котором сидел Узумаки.
Парень расплывался пятном, но Саске прекрасно узнавал очертания тела, светлые вихры и иногда звучащий чуть хрипловатый голос.
Лекция шла мимо.
Всё, что говорил преподаватель было фоном.
А в ушах бешено колотилось сердце, но тут же останавливалось, когда злость сковывала его так сильно, что дышать становилось невозможно.
Наруто сковало, вынудив застыть и лишь поворачиваясь к Кибе, когда тот говорил что-то. Сидеть стало холодно, словно бы взгляд Учихи превращал воздух вокруг него в морозный сквозняк.
Что здесь делает Саске? Он ведь…ему ведь не разрешили восстановиться…
Значит, он всё-таки сходил к Итачи?
Или же Мадара уже приложил свои руки к судьбе строптивого родственника?
Улыбка в очередной раз появилась на губах, и Наруто удивлённо понял, что это не он улыбается. Это истёрзанная оболочка пытается подстроиться под ритм текущей мимо жизни. Она не цепляла и не рождала в душе ничего, кроме вялого сквозняка каких-то отдалённых ощущений.
Необходимость быть шаблонным.
Показать Саске, что всё действительно кончено…
Улыбаться и не смотреть в глаза, потому что Учиха поймёт.
Оболочка тихо засмеялась в ответ на какую-то шутку Кибы, а Наруто внутри неё захотел повернуться и поймать испепеляюще-ласкающий взгляд.
Сидеть в этой аудитории становилось практически физически невозможно. Тело горело, будто бы провалившись в ад, но кожа оставалась мертвенно бледной и Наруто в удивлении пялился на свои руки. Куда делся весь загар, куда делось то, чем его обласкало солнце?
Едва дождавшись звонка, Узумаки осторожно вышел из-за парты, хлопнув Кибу по плечу, мол, жди здесь. Парень и не

стал спорить, мигом увлёкшись болтовнёй с подошедшей девушкой.
На ватных ногах, стараясь держать спину прямо, Наруто спустился на первый этаж и, пройдя по холодному заполненному людьми коридору, толкнул дверь уборной. Та, скрипнув, пропустила парня в небольшую стерильно-белую комнатку, пропахшую хлоркой и водой.
Здесь было пусто, и Узумаки позволил себе выдохнуть. Пальцы крутанули ржавый вентиль, руки уперлись о пожелтевшую от времени раковину, взгляд метнулся к маленькому квадрату зеркала.
Кожа действительно белела.
И он знал почему…
Чёрный взгляд в спину выпил из него всю краску, всю жизнь. Наруто медленно исчезал, как стираемый мягкой резинкой контур так и несостоявшегося рисунка. Вскоре от него останется только пыль, которую чьи-то руки стряхнут с белого листа, готового принять новый сюжет.
А его не станет.
В груди защемило той особой болью, которая походит на укол в самое сердце. От неё перехватывает дыхание, но она всё ещё слишком слабая, чтобы скрутить тело пополам.
Дверь скрипнула, и Наруто моментально выпрямился, засовывая руки под мощную струю воды. Кто бы то ни был показывать себя расклеившегося парень не намеривался.
И угадал.
Сначала повеяло холодом, потом чуть заметно - жаром. Его Наруто почувствовал, когда узнал в безликой тени Учиху. Тот был такой же бледный, словно по нему тоже елозил невидимый ластик.
Саске бросил косой взгляд в зеркало на Наруто, что усердно мыл руки, будто бы испачкал те в мазуте. Так странно…вроде бы и знакомое лицо, вроде бы и касался его, а пальцы до сих пор помнят мягкость кожи, но…
Что-то изменилось.

- Значит, навёрстываешь упущенное, - хрипло спросил Саске, прорезая шум воды голосом.

Узумаки непонимающе глянул на него и вновь опустил глаза на

кран. Закрыл его, отвернулся и попытался пройти мимо, но Учиха вовремя поймал его за предплечье, останавливая.

- Отпусти, - не глядя на него, попросил Наруто.

- Сначала я, потом Нагато, теперь этот… - нахмурился Саске.

- Я же сказал, отпусти.

Но рука сильнее сжалась, и сердце Узумаки замерло. Он почувствовал себя воском, который таял от прикосновения раскалённого прута.
Саске чуть пригнулся к уху блондина, вдыхая ядовитый и такой знакомый запах. Ухмыльнулся:

- Нравится менять их? Нравится ложиться под любого?

Взгляд Узумаки полоснул, как лезвие, когда он всё-таки вскинул на Учиху лицо. В голубых глазах плескалось удивление, словно бы Саске сказал что-то из ряда вон выходящее. Только вот Учиха улыбался, понимая, что попал верно.
А потом улыбка схлынула, когда он увидел свежие раны на щеке Наруто. Сердце ёкнуло, злость и ненависть вымело из тела так быстро, что брюнет поспешил прижать Узумаки к стене, впиваясь пальцами в его подбородок и чуть поворачивая вихрастую голову.

- Что это? - сухо спросил Саске.

- Не твоё дело, вот что, - буркнул Наруто и дёрнулся.

Руки держали крепко, а сердце заходилось в бешенном ритме. Саске думает о нём…такое… Что ж, наверное, так будет легче…
Учиха ведь никогда не примет то, что его бросили просто так. Его должны были променять…и никак иначе.

- Кто это сделал?

Пальцы прошлись по свежим глубоким порезам. Саске шипяще выдохнул, понимая, что вот-вот пошлёт всё к чертям и… простит, прижмёт к себе и не отпустит. Но…

- Даже, если и скажу, то что? - с вызовом вздёрнул подбородок Наруто. - Убьёшь или покалечишь?

И по холодному чёрному взгляду, что метнулся с порезов к его глазами, понял: убьёт.
А ведь он действительно ненавидит. Так сильно, что дышит быстро, хрипло…едва сдерживается.

- Отпусти, Саске.

- Я спрашиваю, кто?! - зарычал Учиха, больно впиваясь в плечи.
- Отвечай!

Наруто услышал, как дверь скрипнула раньше, чем успел оттолкнуть от себя странно улыбнувшегося Саске. Он заметил, как за спиной Учихи появились люди, а потом холодные губы впились в его собственные, размыкая и целуя жадно, собственнически.
Оцепенение холодной волной прошло по телу. Под рёбрами заболело сильнее…
Не от того, что их увидели, а от того, что все ночи только и делал, что мечтал вновь почувствовать вкус дыма, вкус его губ.
На остальных было плевать…
И поцелуй прервался.

- Я уничтожу тебя, Наруто, - прошипел на ухо Саске, выпуская блондина из рук и отходя в сторону.

Он даже спиной чувствовал тяжёлые взгляды застывших в дверях людей. Спокойно отошёл к раковине, включил воду и сунул под неё подрагивающие руки.
Наруто поднял глаза, встречаясь с удивлёнными глазами Кибы, который просто не мог оказаться где-то ещё, кроме этой злосчастной уборной. С новым знакомым были ещё какие-то парни, но их Наруто уже не разглядел, вылетая из комнатушки, чтобы больше не чувствовать запаха сигарет. Знакомого…

***

Как легко друг может стать врагом?
Захлопнул за собой дверь квартиры Нагато. Красноволосого ещё не было дома, но Узумаки этого даже не заметил.
Как быстро любовь может мутировать в ненависть?
Пальцы надавили на изуродованную щёку…
Ты ведь знаешь, что так будет лучше. Что, возненавидев, Саске уйдёт навсегда, перестанет думать о тебе…
Ты ведь знал…
Пальцы впились в волосы, сжимая их и даря спасительную острую боль.
Ты ведь понимал…
Нужно было уходить оттуда, как только Учиха появился в аудитории. Не ждать и не надеяться, что опять не захочется успокоиться в белых руках. Не ждать того, что Судьба подкинет счастливый случай, который поможет решить это всё, выйти из ситуации вместе…
Глупый, наивный ребёнок! Судьбе нет дела до тебя. Она просто…просто забила, взяла отпуск и махнула рукой, мол, делайте, что хотите. Умирайте, как хотите.
Наруто показалось, что он умирает.
Глупости всё это. Ведь нельзя умереть от чужого взгляда, от злого поцелуя, от душащих эмоций. Нельзя ведь…
Где-то в дверь скрёбся Пэйн. Наверное, пёс чувствовал почти покойника.
Нужно было стереть воспоминания о прикосновениях…
Пусть останутся только шрамы.

***

Наруто не знал, сколько так просидел в полном молчании на холодном кафельном полу. Время текло мимо. Секунды били по телу крупными осколками льда, а минуты стягивали вены и мешали крови течь по ним.
Вернувшийся домой Нагато первым делом заметил, что Пэйн не отходит от двери ванной. Красноволосого прошило волнением, и он бросился к ней, открывая. Взгляд панически скользнул по густой темноте, а потом выхватил бледный

силуэт, что сгорбился на полу, обхватив колени трясущимися руками.

- Наруто? - выпалил парень, опускаясь рядом с блондином и укладывая руку ему на плечо. Узумаки, дрожа, повернулся на голос, и Нагато мысленно ругнулся: почти поджившие царапины на лице Узумаки словно бы расширились и из них вновь сочилась яркая кровь, что уже накапала на футболку парня.

- Что ты делаешь? - выдохнул красноволосый, беря в руку ладонь Наруто и разжимая холодные пальцы. Из них выпало лезвие и с печальным звоном опустилось на кафельный пол.

- Нагато, - дрожащим голосом выдохнул Узумаки. - Я, кажется, сломался. Я…тряпка. Я не могу так…

- Всё будет хорошо…

- Я согласен, - уверенно кивнул Наруто.

Нагато замолчал, зло уставившись в голубые глаза. Он всё понял.
Но…Наруто, чёрт тебя дери, почему ты согласился?!

- Я хочу не чувствовать.

Глава 8. Кома.

Глава 8.
Кома.

«Есть в близости каждой предвестники смерти:
Увядшие листья, поникшие ветви,
Погасшие взгляды, безвольно упавшие руки.
Ты ещё говоришь, но теряется ясность.
Меня поглощает тяжёлый и вязкий
Туман, сквозь который с трудом пробиваются звуки».
Fleur - Кома.

Странный сон, не менее странное пробуждение. Наруто показалось, что он и не засыпал вовсе: усталость ударила по расшатанным нервам. Или не усталость?
Узумаки с тяжёлым вздохом перевернулся на спину, прикладывая ладонь ко лбу в тщетной попытке унять жар. Больными, горящими глазами он обвёл пустую комнату. Лежащий на полу Пэйн заинтересованно поднял морду, смотря на проснувшегося парня.
Вяло улыбнувшись псу, Наруто встал со скрипнувшей раскладушки. Обхватив себя одной рукой, он медленно направился прочь из комнаты. Ему показалось, что где-то на кухне он слышал голос Нагато и звон кружек, но, войдя в небольшую комнатку, пропахшую кофе, парень увидел лишь пустоту и записку на столе под тарелкой с бутербродом.
От одного лишь взгляда на еду чуть не замутило, и Узумаки торопливо отошёл к окну, выглядывая на хмурую улицу. Там срывался дождь. Пока мелкие, но частые капли стучали по стеклу, делая его похожим на инкрустированный кристаллами хрусталь.
Он ничего не чувствует…
Пальцы прошлись по стеклу, стирая холод и делясь собственным. В голове была полнейшая каша из пережёванных горячих мыслей, в ушах звенело, а сердце странно ухало в

груди, будто бы Наруто перепил кофе.
Но он ничего не чувствовал, кроме нарастающей внутренней дрожи.
Пришлось вновь отойти от окна, потому что пасмурный свет начал больно резать глаза. Остановившись у стола, Узумаки опустил взгляд на оставленную записку и подтянул её к себе пальцами, пробежался взглядом по ровным буквам.
Нагато сообщал, что вышел в магазин и вернётся через час.
Смяв бумажку, Наруто запустил пальцы в волосы, ероша их и пытаясь проснуться. С каждым днём это было сделать всё труднее и труднее, а мозг в голове упорно превращался в кашу.
Неделя.
Неделя прошла с того момента, как он в последний раз видел Саске.
«Ну, вот…опять», - пронеслось в голове.
Он опять думал об Учихе, и спастись от этих мыслей можно было только одним способом.
Отбросив скомканный в шарик листок, он, шаркая тапками по полу, направился в ванную. Потребовалось несколько секунд, чтобы дрожащие пальцы сумели отодвинуть щеколду и дверь открылась. В лицо пахнуло запахом сырости и порошка, руки ухватились за раковину, удерживая наполняющееся дрожью тело.
Наруто включил воду, стараясь не смотреть в зеркало, зная, что там увидит. Он чувствовал свой собственный взгляд, будто бы отражение, застыв навеки, смотрело на него из-за этой тонкой границы.
Оно смотрело и требовало ответить на взгляд. Оно хотело, чтобы Узумаки встретился с тем страшным, поселившимся на дне его зрачков.

- Я не буду, - тихо выдохнул блондин, в который раз намыливая руки. Зачем, если они и так были чистыми? Мыло, повинуясь неведомой силе отражения, выскользнуло и запрыгало по раковине, легко перемахивая через её бортик и исчезая где-то во тьме под ней.

Смыв пену с рук, Наруто тяжело выдохнул, выключая воду и наклоняясь, чтобы достать мыльный кусок. Не удержался на ногах и, привалившись спиной к стене, обессилено съехал по

скользкому кафелю.
Рука зашарила под раковиной, натыкаясь на крышки из-под зубных паст, на какие-то выстроенные в ряд флаконы очистительных средств и пальцы внезапно сомкнулись на тонком пластмассовом тельце. Сердце застыло, по коже побежали мурашки.
Было страшно подносить руку к лицу, страшно смотреть на зажатый в пальцах шприц, словно бы реальность стеганула по глазам.
Вот оно, Наруто. Это то, что ты делаешь с собой.
Ты, а не чужой человек с улицы, которого можно осудить за то, что он спускает свою жизнь в унитаз.
Ты, Узумаки, подсевший на это варево…
Затылок стукнулся о стену, и Наруто тяжело вздохнул, следя за бликом, что побежал по тонкой игле. Кто бы знал, что жизнь сделает такой кульбит и, не сумев справиться с инерцией, разобьётся о серый асфальт?
Отбросив шприц обратно под раковину, он резко поднялся, с вызовом глянув на своё отражение. То, кажется, довольно оскалилось, добившись всё-таки своего.

- Что? - зло выпалил Наруто.

Вряд ли зеркальный двойник мог осуждать его. Вряд ли мог сказать что-то в оправдание. Его ведь вовсе не существовало. Зато бледное лицо, на котором залегли тёмные синяки под светло-серыми глазами, спутанные волосы и всё ещё припухшая от порезов щека - существовало. И оно было его…не одной из масок, а настоящей плотью и кожей на костях и мышцах.
Тряхнув головой, Наруто резко отлип от раковины, буквально вылетая из комнатки.
Ему было словно жутко находиться в этих стенах, что давили на него своей серостью. Тело то и дело содрогалось от начинающегося озноба, но то, что залегло внутри, было гораздо страшнее.
Натянув куртку и кеды, Узумаки вышел из квартиры, закрыв её ключом. У Нагато была копия, но сейчас это было не важно.
Улица встретила его всё тем же мелким дождём. Здесь пахло прохладой, мокрой землёй и выхлопами машин. И всё казалось до ужаса реальным.

Не было Саске. Не было того иллюзорного мира, в который Учиха так плотно втянул его. Не было людей-картонок…все казались настоящими и даже прохожие, что иногда толкали слишком медленно бредущего парня, были из плоти и крови. Призраки, на которых наплевать, пропали.
Его мир рухнул, погребённый под обломками реальности. Противный, беспокойный голосок внутри продолжал повторять: ты, Узумаки Наруто, взрослый парень, любящий другого настолько сильно, что готов подохнуть ради его жизни. Ты на самом дне из-за своих чувств.
Блондин сам не заметил, как оказался в трамвае. Он сел на самое последнее место, прижавшись плечом к окну и глядя в макушку сидящей впереди него женщины. Высветленные волосы тонкими перепутанными паутинками забавно покачивались, когда трамвай дёргало. На её оттянутых мочках висели крупные шарики серёжек из какого-то зеленоватого камня, лёгкая бежевая курточка была усыпана мелкими каплями. Наверное, она бежала, спасаясь от дождя. Отсюда и сбившаяся причёска, и капли…
Наруто прикрыл веки. Они почему-то горели, и хотелось спать, но, как он уже понял, это желание было ненастоящим. Его тело отказывалось погружаться в пучину сна, окутываемое странным беспокойством. Как будто что-то вот-вот должно было произойти, но всё не спешило падать на голову гранитным камнем.
Трамвай, свернув, проскрежетал своим железным нутром, останавливаясь и впуская внутрь поток пассажиров. Кто-то встал рядом с ним, нависая и дыша перегаром, слева пахнуло резким ароматом женских духов, в спину ударил звонкий смех. Наруто вновь прикрыл глаза, желая отрезать себя от всех этих слишком реальных людей. Он до безумия хотел вновь почувствовать их картонками, очутиться по другую сторону границы и не переживать о том, что придётся стать одним из них. Рано или поздно.
Трамвай вновь остановился, и, кажется, половину остановок Наруто провёл в странном состоянии, близком к полудрёме. Бросив быстрый взгляд в окно, Узумаки поднялся и протиснулся сквозь набившихся в вагон людей к открывающейся двери.
Конечная остановка.

Он замер, провожая взглядом сине-красный вагон, осыпаемый мелкой моросью, пока тот не скрылся из виду, став размытым пятном. Пришлось обнять себя руками, унимая холод, который пробирался даже под его ярко-оранжевую ветровку.
Неделю назад лето умерло, вспыхнув напоследок самым жарким днём-агонией. Это было похоже на прощальный выстрел в затылок, это было похоже на последний горячий глоток чужого воздуха. И вот…страница перевёрнута, перед тобой совершенно новый лист и чернила. Что хочешь написать в этой книге новой осени?
Одинокая остановка из новомодных, экологически чистых тонких железных прутьев и светло-жёлтого стекла, была приглушённо-ярким островком в океане хлынувшей со всех сторон серости. Не смотря на прозрачные стены, её всё равно пробивал отвратительно холодно-тёплый ветерок. Он превращал ветровку в остывающий кусок ткани, который до сих пор таил в себе тепло и почему-то запах сигарет.
Наруто сильнее сжал кулаки в карманах, чувствуя уже подступающую заунывную боль в сердце. Ещё час, и он не сможет ничего с собой поделать: вновь вспомнит.
Чёрные глаза.
Холодные пальцы.
Тонкие, изломанные презрительной улыбкой губы.

- Эй, пацан, прикурить не найдётся?

Наруто даже вздрогнул, подняв глаза на говорившего. До этого ему казалось, что он один на остановке, но сейчас перед ним, словно из-под земли, вырос высокий худощавый мужчина. Он смотрел на Узумаки прищурившись каким-то знакомым взглядом. Или же ему просто показалось…

- Я не курю…

- Спорт, лыжи, здоровье? - хмыкнул мужик.

- Что-то вроде, - пожал плечами Наруто, отворачиваясь от него и вглядываясь в серую хмарь. Вот-вот её должно было прорезать светло-голубое тельце автобуса.

- А я вот спортсменом был, - как-то мечтательно начал мужчина и подошёл ближе. От него тянуло едва заметным коньячным духом.

Блондин скосил глаза на него. Одет тот был прилично: деловой костюм, тёмное осеннее пальто, начищенные ботинки и вовсе не заляпанные грязью лаковые туфли. Значит, приехал сюда на трамвае…или на машине.

- А потом меня погнали…просто взяли и выкинули из команды, - цокнул языком мужчина. - Предали, понимаешь?

Узумаки медленно кивнул. Ну, вот…разговоры из вежливости. Был бы рядом Саске, он бы послал этого…мужчину ко всем чертям. Но Саске нет. И не будет.

- И спрашивается…в какой херне мы живём, Наруто?

Парень аж вздрогнул, резко повернувшись к мужчине лицом и уставившись на него так, будто бы кожа того вдруг начала просвечиваться.

- Мы знакомы?

Тот улыбнулся шире, опуская руку на плечо блондина и заглядывая в глаза.

- С тобой хочет поговорить Мадара.

Наруто отшатнулся было, но пальцы сдавили сильнее.

- Не дёргайся, пацан. Говорю ж, спортсменом был…догоню.

- Что ему надо? - с вызовом выпалил Узумаки, краем глаза замечая, как к остановке вместо автобуса подъезжает чёрный джип. - Я больше не общаюсь с Саске…

- Да? - вздёрнул тёмные брови мужчина и, подтолкнув его в сторону джипа, резко хохотнул у парня за спиной.

Наруто нервно посмотрел на открывшуюся дверь, на мужчину, что сидел на сиденье и приглашающе похлопывал по нему. На переднем месте сидел широкоплечий охранник, а водитель тоже был размером с типичный шкаф, что не вылезает из спорт зала.
Сердце сделало бешенный удар.
Но это был не страх…волнение.
Что-то случилось с Саске?

- Залезай, - бросил Мадара. - Помоги ему, Спортсмен.

Наруто подтолкнули в спину, заставляя забраться в салон. Тут же двери за ним закрылись, и всё погрузилось в какую-то жужжащую тишину.

- Поехали, - кивнул Учиха, легонько хлопнув водителя по плечу.

Мужчина вновь повернулся к Узумаки, оглядывая его лицо, задерживая пронизывающий взгляд на глазах и безразлично усмехаясь:

- Вижу, ты не полностью понял моё предупреждение.

- Я бросил Саске, - раздражённо выпалил Наруто. - Что с ним?

А это было спрошено слишком резко, слишком взволнованно.
Ну, и чёрт с ними! Они говорили бросить, но не перестать думать… Мыслей ему не отнять.
Или же и это в его силах?
Захотелось отодвинуться, словно бы невидимые щупальца могли присосаться к его мозгу, выкачивая все воспоминания, стирая всё о тех днях, что они с Саске провели вместе. И, хотя Наруто запрещал себе думать о нём, он всё равно хранил эти воспоминания ближе к сердцу. Они грели…как будто бы он забрался в печь крематория и закрыл за собой тяжёлую дверцу.

- С ним всё в порядке. Он жив.

Узумаки с трудом сдержал вздох облегчения. Ведь Саске тогда

не шутил…он был готов умереть, выпив столько таблеток разом…

- Тогда зачем…

- Ты всё равно продолжаешь пересекаться с ним, - перебил его Мадара. - Это недопустимо. Он должен забыть тебя. А для этого не видеть.

- На что вы намекаете?

- Ты должен прекратить встречаться с ним…даже случайно, - с нажимом посоветовал Учиха, поворачиваясь к нему.

Машина двигалась неспешно по полупустой дороге, но у Наруто сложилось такое впечатление, что они мчали во весь опор и внутренности поджимало от скорости. Узумаки судорожно вцепился в дверную ручку, глядя в спинку кресла перед собой.

- Я закрыл глаза на те ваши встречи лишь потому что знаю… как трудно зависимому бросить всё разом.

Его словно током прошибло. Позвоночник мелко затрясся, и Наруто уставился на Мадару исподлобья. Только спустя пару вздохов дошло, что он говорит не о том…

- Ты ведь зависим, - улыбнулся Мадара. - Такие, как ты…очень быстро теряют волю и не могут сказать себе «нет». Такие, как ты…мусор.

- Заткнись, - шикнул Узумаки. - Я оставил его. И встречаться больше не собираюсь…

- Поэтому ты едешь к нему домой? Или маршрут твоей прогулки случайно так совпал?

Слова в очередной раз оставили на неприкрытом лице красную отметину, порезы на щеке запульсировали болью. Наруто только сейчас осознал, что та тревога внутри была первым

звоночком. Сознание, утопающее в наркотической неге, не могло поймать ускользающую из-под подрагивающих пальцев нить. А она, горя красным, вела его по осколкам памяти к дому, который стал пустым много времени назад. Зачем? Чтобы вдохнуть знакомый запах сырости, коснуться пальцами каменного забора, остановиться у кованной калитки и поднять взгляд на приоткрытое окно вечно холодно-серой комнаты.
Как тогда, когда в груди зияла дыра.
Она и по сей день в ней, только теперь прикрыта тончайшей мембраной, дрожащей от одного лишь воспоминания.

- Саске там? - безжизненным голосом спросил Наруто.

- Вероятность того, что вас, идиотов, притянет в одно место…

Мадара многозначительно замолчал, давая понять, что догадки Узумаки верны. Сердце тревожно забилось: что понадобилось Саске в доме, от которого он так упорно бежал? Почему он пришёл туда? Неужели у Учих получилось затянуть в свои прозрачные сети выбившегося из-под гранитного контроля отпрыска?
Наруто тяжело выдохнул. Он чуть сам не пришёл к Саске…

- Поверь, ещё раз мои люди увидят тебя рядом с ним, ему не жить. Ты понял?

Короткий кивок, хотя руки сжимаются. Эта злость беспомощна…

- Хорошо.

Хлопок по плечу водителя, и джип медленно останавливается на обочине.
Наруто толкнул дверь, выбираясь наружу.

- Береги себя, Узумаки. Иначе Саске…

Наруто не стал дослушивать, зло захлопнув дверь за собой. Хлопок вышел здравым, словно бы выражая всю накопившуюся злость. Презрительно рыкнув мотором и насмешливо сверкнув

фарами, тот съехал с обочины обратно на трассу и быстро покатился вперёд.
Всё возвращалось.
Наруто запустил руки в волосы, сжимая их и сцепляя зубы до боли в челюсти.
Пришлось прикрыть глаза, втягивая и выпуская из себя отравленный воздух. Пришлось дышать рвано, чтобы сердце успокоилось, но его всё равно сковало спазмом, заставившим покачнуться. Ухватившись рукой за грудь, Узумаки открыл рот, пытаясь пропихнуть внутрь побольше воздуха, но боль была настолько ошеломляющей, словно чёртов орган разрубили пополам.
Сгорбившись, парень сильно зажмурился до белых кругов перед глазами. Колени ударились о колющий даже сквозь джинсы гравий, ладонь второй руки упёрлась в эти каменные иглы, сцарапывая кожу, высекая кровь.
«Только бы…не вырубиться», - с трудом подумал Наруто, кое-как разлепляя глаза и глядя на неровную насыпь, быстро покрывающуюся мелкими каплями вновь припустившего дождя.
Сердце сделало один удар о рёбра. Он отозвался болью в левой руке и странной вязкой слабостью в ногах. Хотелось опуститься на гравий, хотелось почувствовать его колкую холодность под щекой и просто раствориться в воздухе.
Ещё один удар - дышать становится легче.
Заставлять своё сердце биться, ради чужого. Вытягивать из уставшего комка плоти последние жилы, заводя его каждый раз, когда оно собирается замолчать навсегда. Оно готово, нужно только согласие.

- Не дождёшься, - прорычал блондин, поднимаясь.

Приступ отступил. На этот раз…
А взгляд прошелся по вроде бы знакомой, но очень смутно, местности. Эта трасса определённо вела к его пригороду, где жили родители.
С которыми он не выходил на связь очень давно…
Если бы он мог чувствовать что-то помимо боли…то испытал бы приступ совести. Ведь он поступал, как самый последний эгоист, отрезавшись от всего, кроме своей боли, кроме своих

чувств и проблем. Забыл о том, что помимо него есть куча людей, которым важно знать, что он, Наруто, в порядке.
Узумаки никогда не хватало циничности признать, что всем глубоко наплевать на какого-то там парня, ступившего на очень скользкую дорожку. Ему не хватало разочарования в людях, чтобы увидеть в чужих глазах безразличие и поверить - пока ты вне поля зрения человека, тебя для него не существует и о тебе не думают.
Дорога делила раскинувшееся перед ним поле на две части: одну серо-жёлтую, другую - рыхло-чёрную. Вороны радостно скакали по обеим из них, собирая то, что не успели убрать. Вороны - падальщики…
Дорога не пускала то умирающее буйство жёлтого перекинуться на траурно перепаханное поле слева. Она выжженной артерией делила эти две половины одинаково догнивающих лёгких на две части, в каждой из которых смерть проявлялась по-своему.
Низко стелющиеся, забытые всеми колоски пшеницы почему-то признали негодными для сбора, оставив их догнивать под осенними дождями и ветрами. Если бы поросль получила новое место, то смогла бы уронить свои семена в чистую почву, дать новую жизнь тонким росткам и уже к весне вспыхнуть ярко-жёлтым огнём.
Но эта высохшая артерия…

***

- И какого чёрта тебе надо? - тихо спросил Саске.

Хотя он уже битый час задавался другим вопросом: «Какого чёрта мне здесь надо?».
Он пришёл в их старый семейный дом после звонка Итачи. Брат, как всегда, отказывался объяснять причины по телефону, закончив разговор тем, что посоветовал не задерживаться. Мол, это было так важно, что можешь оставить свою учёбу и притащить свою задницу домой.
Саске усмехнулся, проводя пальцами по запылённой кухонной стойке. Мать редко позволяла пыли в таком количестве собраться на ней…

- Уволь на хер гувернанток, - процедил Учиха и растёр пыль между пальцев. - Почему ты вообще не продашь эту рухлядь?

Итачи сидел за столом и смотрел перед собой на чёрный плоский телефон. По лицу брата было невозможно угадать тему предстоящего разговора, но, зная того, она будет из длинного занудного списка тем, на середине которых хочется уснуть или вырубить собеседника.
В голове немного шумело, а движения были нескладными, но Саске упорно пытался удержать своё тело в более-менее нормальном положении.

- Ты пьян, - заметил Итачи, переводя взгляд на брата.

- О, да ты что? - прыснул младший. - А я и не заметил…

Он открыл ящик тумбы, но тот был пуст. Недовольно скривившись, Саске дёрнул новые дверцы и непонимающе уставился на пустую банку из-под сахара. Она смотрелась в совершенно свободном от вещей отсеке глупо, как и они с Итачи в этом остывшем доме.

- Отец где-то держал виски…

- Оно в гостиной, - подсказал Итачи, и, усмехнувшись, Саске двинулся туда.

Прошёл по пыльным коврам, едва не налетел на изогнутое тело софы и всё-таки остановился рядом с мини-баром, который почему-то до сих пор не опустошили те, кто остался приглядывать за домом. Бутылка виски легла в руку приятной тяжестью, обещающей, как минимум, несколько часов без мыслей.
Он вернулся на кухню, дёрнул ручку посудного шкафа и достал оттуда два стакана. Итачи смотрел за действиями брата с плохо скрываемой грустью, будто бы и в этом была его вина. Старший вообще любил брать себе на плечи все грехи человечества, словно бы стремясь стать одним из тех бессмысленных святых, чьи рожи украшали не менее бессмысленные стены храмов.
Янтарная жидкость плеснулась в два стакана, и один из них

Саске со стуком опустил перед братом.

- Не хочу и тебе бы не советовал.

- Поздно советовать, - хмыкнул парень, делая большой глоток.

Виски было хорошим, моментально высушивающим всё во рту. Саске никогда не понимал прелести дорогих алкогольных напитков. Пьянеешь одинаково быстро и от дешёвого кагора, купленного в круглосуточном магазинчике под общагой, и от баснословно дорогого пойла, привезённого с Кубы. Да и голова расскалывается от них одинаково на утро, а способность глушить чувства вообще сомнительная у обоих.

- Твоя голова…

- Болела, болит и болеть будет, - веско заметил Саске наливая себе ещё. - И алкоголь не причина.

- Ты знаешь, что тебе с этой болью теперь всю жизнь, так зачем…

- Оу, Итачи, - улыбнулся младший Учиха. - Мне с этой болью, не тебе. Так что…заткнись, а? Я сюда пришёл за твоими лекциями?

Итачи замолчал, опуская голову и сжимая кулаки. Иногда хотелось дать Саске затрещину, чтобы он начал думать не только о своей боли, но и о своём будущем.

- С тобой хотел кое-кто поговорить.

- Кто? - тяжело выдохнул Саске. Горло, кажется, уже сгорело.

Словно в ответ на его вопрос входная дверь открылась, пропуская внутрь высокого мужчину в чёрном костюме. Учиха без труда узнал в нём Мадару и невольно удивлённо поднял брови.

- Это он хотел со мной поговорить? - указал Саске на того

рукой, с зажатым в ней стаканом. - Я же ясно выразился…

Мадара, улыбнувшись, встал напротив него, рассматривая, словно неизвестный экземпляр собственной коллекции.

- Вижу, ты топишь проблемы в алкоголе?

- Откуда тебе знать о моих проблемах? - фыркнул Саске, опуская стакан на стойку.

- Ты хочешь, чтобы они продолжались?

- Я хочу, чтобы вы не лезли в мою жизнь, - зло прошипел парень.

- Я хочу нанять тебя на работу.

Саске уставился на Мадару, удивлённо поднимая одну бровь. Иногда этот мужчина производил впечатление полного психа.

- У тебя ведь нет шанса устроиться на любую из работ. Думаю, ты уже понял это.

- Тебе какое дело? - прищурился Саске.

Мадара вновь спокойно улыбнулся, оглядывая его.

- Понимаешь, я берегу нашу семью от…глупостей.

- Херовый из тебя хранитель, - прыснул парень. - Мой отец в тюрьме, брат не отличается стальными яйцами, а я…а я…

- А ты эгоист, который думает только о себе, хочет делать только то, что диктует ему разум. Более того, твой мозг не воспринимает половины информации. Он повреждён, и возможно развитие шизофрении.

- Так много обо мне знаешь, - прошипел Саске, приближаясь к нему. - Фанат?

- Родственник, - всё так же невозмутимо пояснил Мадара. - Я должен знать о членах семьи всё.

- Тогда ты пропустил кое-что обо мне.

- Что же?

- Мне похер.

Саске отпрянул, вновь беря в руки бутылку и наполняя стакан. Он бросил короткий взгляд на сидящего за столом Итачи, который как-то странно побледнел и сжал пальцами край столешницы.

- У тебя скоро кончатся деньги. Тебе придётся жить на вокзале.

- Ага.

- Но те таблетки, что ты пьёшь, не выдаются бесплатно.

- Тогда не буду их пить.

- И лишишься своего мозга, - голос Мадары стал вкрадчивым и тихим. - Сколько ты протянешь без них?

- Мне…

Пальцы сжались на хрустальном боку стакана. Лишиться разума - самое страшное, что может произойти с тем, у кого остался только мозг и мысли.
И месть.

- Я не предлагаю тебе лёгких денег. Я предлагаю тебе работу.

- Засунь себе её в зад.

Осушив стакан полностью, Саске двинулся к выходу, бросив на поднявшегося было брата предупреждающий взгляд. Разговаривать и с Итачи тоже не было желания. Вся его семья казалась болотом, которое даже убить быстро и ярко не может:

будет засасывать, пока едва колыхающаяся жижа не сомкнётся над головой.

***

Он вышел из дома, будто бы сбросив с плеч мешок с чем-то тяжёлым. В голове колыхалось марево, но алкоголь худо-бедно заглушал все мысли, что пытались пробиться через него. Толкнув ногой кованную калитку, Саске вытащил из кармана пачку сигарет.
Зачем он пришёл? Ведь не хотел видеть ни Итачи, ни это место…
Ноги привычно шагали по уже заданному в голове маршруту: до остановки, а там в бледно-голубой автобус и до конечной. В общагу.
Двигался по инерции, жил по инерции, желая утолить свою месть.
Наруто больше в институте не появлялся, и Учиха мог поздравить себя с этим. Только весело не было, не было того привычного злорадства, которое рождалось, когда рушил планы другого.
Было пусто.
Каждый день, приходя к первой паре, Саске садился в аудитории и ждал, пока в двери войдёт улыбающийся своей беззаботной улыбкой Узумаки. Он ждал его, ненавидя себя за это ожидание.
Но Наруто не приходил…
Неделя тянулась шипастой линией по позвоночнику, раздирая его. Дни били по вискам пульсом. Когда неделя подошла к концу, Учиха понял: бессмысленно ждать. Наруто не вернётся. Наверное, так было лучше, потому что видеть эту физиономию больше не было сил. Саске прекрасно понимал, что в любой из моментов может сорваться разбить к чертям лицо этой лживой твари, которая не то, что прошлась, а проехалась по нему.
И теперь кости отказывались срастаться.
Сначала не верилось, что Наруто может так резко похерить всё. Ведь он так старался, вытачивая доверие, вытягивая опорные нити по одной, пока те не сложились в хрупкий паутинистый узор. Зачем ему было рвать всё это? Учиха сначала не понимал…

А сейчас пришло осознание, что нам не нужно выстраивать прочную стену из причин, чтобы потом об неё же и разбить старые ценности. Достаточно просто проснуться утром, оглядеть и понять - закончилось. Всё закончилось.
Чувства ушли, мысли погасли, а тело хочет оказаться подальше, помогая мозгу забыть обо всём этом.
То же самое произошло и с Узумаки. Наигрался в неправильную любовь.

- Ну, и чёрт с тобой, - шикнул Саске, отбрасывая окурок и ловя грозный взгляд какой-то старушки, что сидела на остановке рядом с ним. Белёсые глаза лучились осуждением, губы её подрагивали, уже готовые пролить на голову парня нравоучительную тираду.

- Да, я мудак, - внезапно ответил Учиха, глядя ей прямо в глаза.
- Мудак, потому что сорю на улице.

От удивления старушка даже отвернулась, выпрямившись так, будто бы ей в спину вогнали кол.

- А ещё я пьяный, - продолжал Саске с ядовитой улыбкой. - И сплю с парнем.

Взгляд старушки стал вовсе затравленным. Она отошла от него на шаг.
Ведь неправильно, думает она. И, что самое странное, пропускает мимо ушей «сплю с парнем». Её мозг зацикливает на выброшенном мимо урны окурке, что возмутительной белеющей палочкой лежит сейчас на мокром асфальте. Потому что так легче вклинить информацию об очередном отморозке в стройную систему координат, который напился ещё до обеда и теперь дебоширит. И вот в её глазах высокий худощавый парень превращается в шкафоподобного лысого детину, что уставился на неё своими залитыми алкоголем зенками и требует отдать последнюю пенсию. Стройная история, которую не стыдно рассказать на лавочке своим товаркам.
А потом авторитетно добавить, что молодёжь нынче уже не та.
Саске хмыкнул, поймав её взгляд и отворачиваясь.
Люди сейчас не те, а не молодёжь.

Подъехавший автобус он проводил скучающим взглядом и, сунув руки в карманы, побрёл прочь от остановки и уставившейся ему в спину бабки.
Все хотят выставить себя рыцарями. Все без исключения. Даже тот же самый Наруто нацепил на себя сверкающие доспехи, которые отвалились, заржавев.
Уступая место в транспорте мы думаем не о том, что пожилой человек рад усадить свои дряхлые кости на затёртое сиденье. Мы думаем о том, какие мы хорошие. Раздуваемся от гордости за самих себя, питая свою мелкую душонку таким же мелким поступком. Даже оглядываем остальных пассажиров, мол, посмотрите на меня, на героя. Я ведь уступил место!
Проводя слепого через дорогу мы ведём его так, как будто над нашей головой горит нимб, а за плечами топорщатся крылья. Только вот не замечаем, что нимб этот давно потускнел и осыпается рыжей ржавчиной, а крылья - куриные обрубки без перьев.
Выбрасывая окурок мимо урны, мы не прикрываемся маской героя или порядочного человека. Мы остаёмся собой: слишком задумчивыми, слишком уставшими, чтобы обращать внимание на траекторию полёта высосанной никотиновой палочки. И поэтому становимся чуть ли не детоубийцами в глазах тех, кто всё ещё не содрал со своей кожи фальшивые доспехи.
Ноги зашуршали по гравию, и Саске вынырнул из размышлений, останавливаясь. Он специально шёл на это место, чтобы стало ещё хуже, чтобы боль всё-таки пересилила ещё большую боль.
Засыпанная серой галькой площадка, на которой раньше была беседка, изменилась. Сейчас здесь суетились рабочие, возводя что-то ужасное из каменных плит, топорщащихся железными прутьями.
Пустырь застраивали…
И, смотря на эту уродливую форму будущего здания, брюнет видел, насколько нелепо оно будет здесь смотреться. Построенное впопыхах, лишь бы заполнить пустующее место, которое кто-то выкупил и теперь страстно желает окупить свои затраты.
Застраивать абы чем лишь бы не пустовало…
Заполнять выжженную душу любыми из эмоций, лишь бы не чувствовать той…единственной.

Роешь для неё яму, заливаешь бетоном и ждёшь, пока тот прорастёт ржавыми побегами металлических штырей.

- Чего надо? - спросил подошедший к нему мужчина в ярко-оранжевой каске и такой же жилетке.

- Что строите-то?

Рабочий кивнул на испачканный в цементе стенд, на котором красовалась компьютерная модель будущего…торгового центра.

- Ещё один, - усмехнулся строитель. - Солить скоро будем их.

Саске лишь вяло кивнул, внезапно опускаясь на корточки и беря серый камешек под удивлённым взглядом мужчины. Скоро эту гальку закатают в асфальт…

- Парень, с тобой всё нормально?

Учиха не ответил: его взгляд приковал едва заметный виноградный побег, пробивающийся в глубине стройки. Светло-зелёный, трепещущий на ветру…и растоптанный чужим тяжёлым сапогом.

- Нет, - честно ответил брюнет, выпрямляясь и убирая камень в карман.

Нужно было уходить. Здесь больше ничего не осталось.

***

Наруто остановился у двухэтажного загородного дома, с одной стороны прикрытого разлапистым деревом. Названия его Узумаки не знал…просто помнил, что оно тут было с самого его детства. Вроде бы даже ещё до того, как их семья заселилась сюда, дерево росло у забора, свешивая свои ветви на крышу и закрывая окна его бывшей спальни. Из-за этого летом только в комнате Наруто было прохладно, а весной пахло чем-то вроде вишни, когда дерево покрывалось мелкими розовыми

цветами. Только вот плодов никогда не было, сколько они не ждали…
Вздохнув, Наруто всё-таки подошёл к двери, постучал и замер, опуская руки. Дрожь внутри он так и не смог успокоить, а беспокойство привело его домой: вдруг что-то случилось, а он не знает.
Но ему открыла мать. С виду она была в порядке, только резко побледнела, увидев его. Наруто показалось, что Сузо вот-вот захлопнет дверь перед его носом, но та внезапно повисла у сына на шеи, судорожно выдыхая и сжимая горячими пальцами простывшую ветровку.
Его буквально втащили в дом, заставили стянуть кеды и провели на кухню, усадив за стол. Наруто не сопротивлялся, сбитый с толку таким приветствием и особым, домашним запахом, который ударил в голову стоило ему переступить порог.
На кухне закипал чайник, Наруто неловко ютился на табуретке, уложив руки на колени и смотря за тем, как мать выставляет на стол нарезку, хлеб и варенье. Клубничное - его любимое. Парень даже удивился тому, что забыл этот факт.
Что он любил? Кроме…
Дома было непривычно тихо, а Сузо даже радио выключила, тихо болтающее на кухне, когда они зашли внутрь. Парень огляделся - здесь ничего не изменилось. Всё те же занавески на окнах, холодильник облепленный магнитами и…фотография, на которой они с отцом и матерью улыбаются. Это был выпускной в школе, и его тогда заставили надеть деловой костюм, который никак не хотел смотреться прилично с растрёпанными белыми волосами. Уложить их правильно так и не получилось…

- Отца нет дома, - заметив взгляд парня, сказала Сузо и налила в их чашки горячей воды. - Чай или кофе?

- Кофе, - неожиданно даже для себя ответил Наруто и тут же, поморщившись, поправил: - Чай…с сахаром…

- Я помню, - улыбнулась Сузо и, поставив перед ним сахарницу, села напротив. - Тебе не жарко? Может, снимешь её и я постираю?

Узумаки было кивнул и даже к замку потянулся, но тут же одёрнул руку, вспомнив, что напялил футболку с короткими рукавами, а показывать матери следы его слабости совершенно не хотелось.

- Мне…нормально, - запоздало ответил он и, чтобы скрыть неловкость, отпил из кружки. Чёрный чай с сахаром - вкус из детства…

- А что у тебя с лицом? - всё-таки спросила Сузо. Она не могла не заметить, хотя изо всех сил старалась не спрашивать. Не получилось.

- Пустяк, - отмахнулся блондин. - Заживёт…

- Наруто…я волновалась…

- Прости, ма, - выдохнул он, отставляя от себя кружку. - Я немного…потерялся.

Заблудился, и до сих пор не можешь найти выход.

- Ну, ничего, - преувеличенно весело выпалила женщина, улыбнувшись. - Ты жив…пришёл.

- Я телефон сломал…он упал и разбился, - нехотя пояснил Наруто. - Поэтому не мог позвонить…извини.

- Сейчас, - выпалила Сузо, поднимаясь из-за стола и отходя к кухонной тумбе. Выдвинула ящик с какими-то пультами, зарядками и проводами, а спустя пару минут положила перед сыном простенький телефон и смотанное зарядное устройство.

- Старый отца. Он им уже не пользуется. Бери…

Сердце ёкнуло, пальцы дрогнули над телефоном, но всё же сжали, убирая его и зарядку в карман. Раньше, когда не было этой пластиковой коробки, не было и соблазна набрать впечатавшийся в подкорку номер, услышать голос…

А теперь дрожь аж усилилась, и пришлось вновь отпить обжигающего чая, надеясь согреться изнутри.

- Ты…учишься?

«Ну, давай, соври ей», - усмехнулось внутри.

- Д-да, - неуверенно кивнул Наруто. - Всё нормально, мам.

- А…

Взгляд Сузо стал каким-то рассеянным, радужки чуть потемнели и она посмотрела почему-то на цветастую салфетку, придавленную вазочкой с конфетами.

- Тот парень…Саске.

Сердце сжало. Опять это имя из чужих уст звучало, как удар ножом.

- Мы поругались, - тихо, сквозь забивший горло ком, ответил Наруто. Пальцы сжали кружку до побелевших костяшек.

- Что-то произошло, милый? - неожиданно ласково спросила Сузо, опуская ладонь на его запястье и поглаживая тёплыми, шероховатыми пальцами.

Наруто буквально почувствовал, как заболели ранки на сгибе его рук. Ему почудилось, что она увидит даже через обманчиво яркую толстовку, что заметит по глазам… И парень опустил взгляд на глянцевую поверхность стола, видя своё размытое отражение.

- Он тебя обманул, да?

- Нет, - пожал плечами Наруто. - Я…его обманул.

- Даже так…

- Я…у меня не было другого выхода, - словно бы оправдываясь

перед самим собой, процедил Наруто. Рука матери сжала его запястье сильнее. - И…он…теперь ненавидит меня.

- Он тебе угрожал?! - выпалила Сузо, заставляя сына поднять глаза и отрицательно затрясти головой.

- Нет, нет…я сделал ему больно.

- На то были причины, - всё также взволнованно попыталась успокоить женщина, но сама как-то странно побелела. - Значит, ты…передумал.

- Передумал? - нахмурился Наруто.

Сузо в очередной раз отвела взгляд, тяжело выдыхая, и Наруто сказал за неё:

- Нет, мам. Я всё ещё люблю его. И ничего не могу с собой поделать.

Тишина, наполненная разлетевшейся в осколки надеждой. Рука Сузо дрогнула, но она не отпустила его, лишь успокаивающе проведя по ладони и мягко улыбнувшись:

- Отец никогда не поймёт. Но…ты наш сын. Мой сын, и я… верю, что ты уже взрослый…

- Мам…

- Ты можешь сам выбирать, с кем быть, - твёрдо продолжила Сузо, глядя прямо в глаза Наруто. - Это ведь не так важно… главное, что ты хороший и мы любим тебя. Даже отец любит. Просто…просто он мужчина и…

- Я понимаю, - тихо выдохнул Наруто. - Мам, не говори ему, что я приходил. Я не хочу…

- Он тоже переживает за тебя.

- Я верю, - кивнул парень, опускаясь лбом на тёплую руку

женщины и прикрывая глаза. Её пальцы накрыли его макушку, распутывая волосы, поглаживая затылок, как в детстве, когда Наруто снились страшные сны и он всё никак не мог успокоиться.

- Всё будет хорошо, мам, - глухо пробормотал Наруто. - Будет…

***

Он ушёл из дома, когда стрелки часов перевалили за пять вечера. Встречаться с отцом он действительно не хотел, понимая, что тот запросто увидит в нём то, чего не хотела видеть Сузо: расширившиеся зрачки, мурашки, бледность и синяки под глазами. А ещё слишком выпирающие скулы и истончившиеся запястья.
Клубничное варенье он так и не попробовал.
Отойдя от дома на приличное расстояние и усевшись на скамейку остановки, Наруто прошёлся руками по карманам, выискивая прямоугольник симки. Достал, вставил в телефон и включил. Тот, сверкнув приветственно заставкой, высветил светлый дисплей.
Пальцы почти любовно прошлись по клавишам, касаясь тех, которые могли помочь ему услышать голос с нотками рычания. Саске, когда злился, говорил именно так. А звонки с неизвестных номеров злили его всегда.
Но телефон сам завибрировал, пустив по телу нервный ток. Недоумевающе посмотрев на высветившийся ни о чём не говоривший набор цифр, Наруто нажал кнопку и поднёс аппарат к уху.

- Узумаки? Ты?

- Да…а кто это?

- Ну, ты и чудак. Совсем там со своей ангиной мозгом тронулся?

Недоумение ударило в голову ещё сильнее. Наруто поднял глаза на серое небо, хмуря брови и перебирая в памяти голоса знакомых, которым мог бы дать свой номер. Но память почему-

то подсказывать не собиралась, увиливая.

- Киба это, - сдались на том конце. - Ты мне номер давал свой… помнишь?

- Д-да, - неуверенно выдохнул блондин, нервно облизываясь. Зачем Кибе звонить ему, после того, что он увидел в уборной своими же глазами. Странное смущение сковало…

- Ты вообще пропал.

- Болею.

Вновь враньё, хотя…всё это можно назвать болезнью. Иссушающей, вытягивающей душу…

- Ну, понятно, - быстро протараторил Киба. - А я уж думал ты из-за того придурка…

- А…да, нет…

- Вот и ладушки. Учиха двинутый, и это все знают. Слушай…

В трубке зашуршало, и спустя пару секунд вновь раздался жизнерадостный голос.

- Все наши собираются сегодня на пристани. Давай и ты к нам. Слышал, что горло хорошо лечить спиртом. Или мёдом…но спирт тоже покатит.

- Я…не…

- Ты не? - фыркнула трубка. - Ты сейчас берёшь свой зад и едешь на пристань, здесь мы ужираемся в хлам, творим полную херню, за которую нам утром будет или стыдно, или нет и лечим твоё горло. Ну и всё, что у тебя там болит. Всё. Жду.

Короткие гудки, и Наруто отвёл трубку от уха, смотря на мерцающий экран.
Пальцы пробежались по кнопкам, набирая тот самый номер, но

тут же сбрасывая. Нет…звонить Саске даже с новой симки было опасно. Учиха не дурак и…может понять.
Убрав телефон в карман, блондин двинулся к подошедшему автобусу, забираясь в него и садясь на одиночное сиденье. Нужно было поехать на пристань. Забить голову, а потом вернуться в квартиру Нагато и забить чувства.

***

Орочимару посмотрел на телефон в руке, всё-таки принимая вызов.

- Да, Мадара.

- Значит, ты решил соскочить, - усмехнулся искажённый голос.

- Нет…просто я взял отпуск.

- Ты ведь знаешь, что в нашей работе нет отпусков. Ты связался с Саске?

Орочимару, прикрыв глаза, растёр холодный лоб, кривя губы. Разговаривать с этим Учихой было даже тяжелее, нежели с Фугаку или Саске. Если те давили своей темнотой, то Мадара пронизывал ею насквозь, заставляя внутренность захлёбываться в кровь.

- Да. Мы разговаривали.

- Тогда убеди его вернуться. Ты знаешь как…

- Это ведь Саске. Упрямый идиот…

- Он всё делает назло, - усмехнулся голос. - Так убеди его, что, вернувшись, он пойдёт наперекор мне.

- Может, оставишь парня в покое?

- Орочимару, - спустя короткую паузу сказал Мадара. - Не советуй мне. Я не просил твоего мнения. Сделай свою работу, и

я уничтожу твою папку.

Учиха положил трубку, а Орочимару устало выдохнул.
Как так получается, что за ошибки молодости приходится расплачиваться всю жизнь? Как так вышло, что он, осмотрительный, расчётливый и такой осторожный юный хирург попал в лапы к этому огромному пауку, что вплёл его в свою паутину очередным коконом, из которого можно сосать силы и выгоду, пока не останется лишь одна тонкая оболочка? Перед глазами замелькали почти забытые образы, в уши врезался выцветший голос и Орочимару закрыл глаза, откидываясь на спинку кресла, позволяя воспоминаниям захлестнуть его.

Он запомнил её такой, какой она была в свой первый визит в клинику: высокая, излишне худощавая, но всё равно красивая. В разум Орочимару надолго впечатались правильные, острые черты её лица, чуть раскосые миндалевидные глаза такого насыщенно-чёрного цвета, какого мужчина не видел ещё никогда в своей жизни.
Она была монохромной: белая кожа, иссиня-чёрные волосы. Это контраст делал её какой-то неживой иллюстрацией к чёрно-белому произведению.

- Фугаку сказал, что вы хороший доктор, - задумчиво проговорила она, проводя тонкими пальцами по столешнице его рабочего стола.

Её глаза, иронично блеснув, посмотрели на Орочимару, меж тонких бровей залегла лёгкая морщина и она произнесла по слогам:

- Перспективный. Так он вас назвал.

- Будем надеяться, что ваш муж не ошибся, - скупо улыбнулся Орочимару, открывая личное дело этой пациентки.

«Рак головного мозга», - прочитал он приговор и вскинул взгляд на женщину. Та, заметив блеснувший в его глазах страх, мягко улыбнулась:

- Он мне не муж. И вряд ли им станет.

Орочимару кивнул.

- Значит…вы хотите операцию?

- Он хочет, - пожала плечами женщина, отворачиваясь к окну и теряя весь интерес к беседе. - Потому что я пообещала отдать ему на воспитание сына, если меня не станет. А кому нужен чужой ребёнок?

- То есть…вы отказываетесь от операции?

- Доктор, - она скосила на него сначала глаза, а потом повернула лицо. - Операция должна состояться, но…я не должна выжить.

Она поднялась из кресла, вынимая из сумочки серебристый портсигар и сжимая бледными губами тонкую сигарету. Чиркнула зажигалкой и вновь убрала всё это в сумку.

- Посмотрите внимательно на диагноз, - прищурилась женщина, отходя к окну и выпуская дым. - И скажите честно, какие у меня шансы.

Орочимару, с трудом оторвав взгляд от этой красивой, но такой…ненастоящей посетительницы, пробежался взглядом по сухим медицинским строчкам, взглянул на результаты обследований, на снимок головы…

- Видите, - усмехнулась женщина. - Шансов нет. Но он не хочет верить, что ему придётся воспитывать ненужного ребёнка.

- Вы…

- Дальше будет только хуже, - выдохнула она, и её голос впервые дрогнул. - Я едва могу соображать…и не хочу, чтобы мой сын был в опасности рядом со мной. Ему нужна нормальная семья, нормальная мать. А мне…покой.

И он сделал так, как она просила. Сначала месяц проживания в клинике, пока собирали все нужные анализы, стабилизировали состояние, чтобы больная перенесла операцию…
Но Орочимару видел: ей уже всё равно. Пустой взгляд, безразличная улыбка. Взгляд женщины светлел лишь тогда, когда нанятая нянька приносила ей ребёнка с такими же чёрными, бездонными глазами.
Месяц прошёл в пустом ожидании.
А потом…
Операция пошла запланировано не так.
Пациентка не выдержала…
Скончалась на столе.
Три месяца разбирательств. Разъярённый Фугаку тянул из этого дела все соки, подсылая всё новых и новых адвокатов. Орочимару думал, что с карьерой хирурга можно попрощаться, проводя больше времени в суде, нежели в своём кабинете.
А потом пришёл Мадара. Бросил на стол папку, сказал, что есть доказательства…
И они были. Просто этот Учиха копал глубже и разбирал дело по мелким косточкам. Не так, как опьянённый злостью Фугаку, которому пришлось заняться усыновлением, заметанием следов, чтобы все эти махинации с чужим ребёнком не всплыли на поверхность и их не растащили журналисты.
Доказательства были. Да такие, что Орочимару мог легко загреметь за решётку, а не просто лишиться лицензии.
Вот тогда-то паутина и сплелась вокруг него. С каждым годом кокон становился всё теснее, а его кожа всё тоньше…

Воспоминания выдохлись, как старые духи. От них осталась лишь отвратительная спиртовая горечь на корне языка и тупая боль в затылке.
Орочимару открыл глаза, медленно выдыхая.
Всё было не так просто, как хотелось бы.
Выпутаться из паутины невозможно, попав туда однажды.

***

Саске впервые за долгое время нашёл что-то хорошее в этом массовом сборе желающих напиться. Здесь так громко играла музыка, что все мысли выбивало из головы и, кажется, это было

к лучшему, а дешёвое пойло, на которое у него всё-таки хватило денег, обжигало горло.
Люди танцевали, смеялись и некоторые даже пытались пригласить его в это сумасшествие, но у брюнета было своё личное безумие, в котором он предпочитал находиться один. Музыка била по ушам, череп начал ныть где-то в затылке и Учиха поморщился, закуривая. Никотин не снимал боль, но отвлекал хорошо.
Отойдя от импровизированной стойки, которую активисты установили в пустом складе, парень вышел на улицу, больше не в силах вдыхать запах чужих разгорячившихся тел и слушать бездарные вопли солиста какой-то новомодной группы.
Студенты каждый год закатывали на пристани праздник по случаю начала учебного года, словно бы прощаясь с беззаботными каникулами и желая оторваться напоследок перед бессонными ночами перед учебниками.
Когда-то Саске едва не убил здесь, на пристани, Карин… Блёклое воспоминание исказило губы горькой усмешкой, а затем они выдохнули сизый дым.
На пристани было прохладно: с залива дул сырой ветер, гоня по тёмно-серой воде мелкие пенистые волны, рассеянный жёлтый свет фонарей низко стелился по неровному асфальту, с верфи доносились жалобные стоны искорёженного металла.
Убрав озябшие руки в карманы, Учиха двинулся к дальнему контейнеру, за которым начинался спуск к воде. Чем ближе он подходил, тем сильнее в лицо бил холодный ветер, слизывающий с тлеющей сигареты быстро тухнущие искры.
Залив был обезображен начинающимся лёгким штормом. Вода, покрытая рваными шрамами, то и дело набегала на серо-жёлтый берег, облизывая его с яростью самого настоящего врага, желая растворить в себе этот грязный песок, унести и добраться до бетонных плит пристани. Но сил не хватало…
Стёкла очков запорошило мелкими каплями срывающегося дождя и, ругнувшись, Саске стянул их с носа.
Иногда парень совершенно забывал об этих тонких, едва весомых стекляшках на своём лице. Он привык, что зрение никогда не подводит его, а сейчас, сняв очки, он увидел перед собой неаккуратно смешанную палитру. Неправильные цвета, перемешавшись, стали грязью, которую уже не разберёшь на чёткие оттенки, и можно лишь выбросить.

Хотелось отправить очки в урну и притвориться, что всё в порядке и глаза видят исправно, но картинка не поддавалась самовнушению, продолжая расползаться дешёвой акварелью по глянцевому листу реальности.
Водрузив очки обратно на место, Саске выдохнул дым, отнимая сигарету от губ и стряхивая трубочку пепла. Его глаза, прищурившись, прошлись по берегу, замечая на плитах двух парней. Наверное, если бы не ярко-оранжевая ветровка и светлые лохмы, Учиха бы отвернулся и поехал в общагу, но сейчас его взгляд приковало к этой фигурке.
Выбросив сигарету, он спустился на берег, стараясь не утопать кедами в вязком песке. Чем ближе он подходил, тем лучше узнавал этого блондина.
Наруто, как ни в чём не бывало, сидел на плитах и о чем-то переговаривался с парнем, которого Саске, кажется, видел в институте.

- Нагато тоже надоел? - спросил Учиха, останавливаясь сбоку Наруто. Тот, вздрогнув, повернулся к нему, и улыбка медленно сползла с лица.

- Саске?

- Чем Нагато не устроил? Жилетка порвалась? - ядовито усмехнулся парень.

***

Наруто непонимающе смотрел перед собой, пытаясь разобраться: то ли Саске ему мерещится, то ли Судьба в очередной раз подложила свинью и свела их в одном месте. Но Учиха казался до ужаса реальным, и даже слабо соображающий сейчас мозг воспринял его, как кусок настоящего.

- Опять он, - мрачно буркнул Киба, поднимаясь. - Слушай, Учиха, что тебе надо?

Саске посмотрел на парня тяжёлым взглядом и вновь повернулся к Наруто, игнорируя третьего лишнего так же успешно, как люди обычно игнорируют мелких мошек.

- Ты что-то хотел?

Голос, которым это спросил Узумаки, вызвал в Саске волну раздражения. Спокойный, словно бы Учиха подошёл попросить закурить, а у него не оказалось. Брюнет нахмурился, делая шаг вперёд, и блондин поднялся, заслоняя собой Кибу. Наруто не нравился этот взгляд, в котором плескалась ледяная злость. Сдерживать её Саске с каждым вздохом становилось всё труднее.
Учиха не ответил, пристально глядя в потемневшие из-за сумерек глаза. Они, словно этот мутный залив, ловили блики фонарей и казались почти стеклянными.

- Киба, - позвал Наруто, оборачиваясь к парню, что вопросительно и несколько взволнованно кивнул. - Иди…я тебя догоню.

- Но…

- Надо поговорить, - поджал губы Узумаки.

Кибе оставаться рядом было просто опасно: Наруто прекрасно помнил, как Саске отделал Нагато…и не хотелось, чтобы этому парню перепадало из-за ничего. Из-за пустой ревности Учихи. Кивнув, Инузука, неуверенно оглядываясь, побрёл прочь с берега, а Наруто вновь посмотрел на брюнета, утопая в той чёрной ауре, что раскинулась вокруг него.

- Ты хотел поговорить? - спросил он, стараясь не втягивать воздух слишком глубоко: шанс почувствовать тот самый запах был слишком велик.

Саске молчал. Он смотрел на осунувшееся лицо, гадая, чьи губы касались этих искусанных губ, чьи руки сжимали скрытые под потрёпанной ветровкой бока, кто зарывался пальцами в непослушные светлые волосы. Был ли это Нагато…или тот ушедший паренёк…
Холод, поднимающийся внутри ударил по голове. Темнота окутывала тела плотным коконом, притягивая Наруто к этому

холодному, острому, словно игла, телу. Чёрный шип…засевший в сердце, мешающий дышать.

- Ты будешь молчать? - чужим, хриплым голосом спросил Узумаки. Выдавливать из своего горла звуки стало ужасно трудно, а видеть в любимых глазах злость…невыносимо.

- Мне нечего тебе сказать, - просто ответил Саске, делая шаг вперёд и удивлённо видя, как Наруто отшатывается от него. - Назови свою цену.

- Что? - нахмурил лоб парень. - Ты рехнулся? Какую цену?

- Хочу снять тебя на ночь. Нам вроде бы было хорошо.

Саске ненавидел себя, ненавидел его. Всё это ненавидел. Он цеплялся за промасленный канат, карабкаясь вверх, но съезжая всё ниже и ниже. Не сможет удержаться…будет глупо цепляться, ломать пальцы и падать…

- Нет у тебя таких денег, - клокочуще выдохнул Наруто, находя в себе силы, чтобы исказить губы улыбкой. Как трещина по зеркалу.

- Значит, ты…

Саске запнулся, понимая, что сейчас из горла польётся чистый яд. Что-то ударило по внутренностям, разрушая неприкосновенный запас…и теперь он отравлял не только чужих, но и его.
На пустыре не прорасти винограду.
Пальцы сжали в кармане острый камушек, он втянул в себя воздух, глядя на Наруто. Взгляд помимо его воли почти ласково скользил по острым скулам, запинался о порезы, о искусанные губы в бардовых трещинках. Ласкал и ненавидел, желая изрезать эту кожу в лоскуты. Сознание разделилось на две половины…одна хотела убить, другая хотела прижать к себе и упрямо повторять, что не отпустит не смотря на весь тот бред, что Наруто будет нести. Если надо будет, посадит на цепь, свяжет, закроет, пока дурь не выветрится, пока опять не

посмотрит так, как раньше, пока не прикоснётся.
Блондин дрогнул, поймав в чёрных глазах непонятный отблеск, которому там не было места.
«Нет, Саске, не подпускай меня так близко, не думай…».

- Я тебе уже всё сказал. И не единожды, - сухо выпалил Наруто.
- Зачем ты ходишь за мной, Учиха? Тебе делать больше не хер?

Брюнет в очередной раз молчал, сжимая камень всё сильнее.

- Хватит за мной бегать, - ударил по последнему открытому месту Узумаки.

Этого Учиха просто не выдержит, ответит…хлёстко, больно, но, чёрт его дери, не будет просто стоять и смотреть этим чужим взглядом.

- Имей самоуважение. Я…не хочу тебя видеть.

Чуть не запнулся, чуть не прогнулся под блеснувшим ярче взглядом.
Наруто судорожно втянул в себя воздух, удерживая руку от того, чтобы прижать ладонью к груди. Всё дрожало, било холодом и болью, что постепенно заползала в мышцы.

- Всё. Я ухожу, Саске.

Он действительно отвернулся от него. Ошибка. К хищникам никогда не поворачиваются спиной…
Брюнет дёрнулся вперёд моментально, хватая за руку, разворачивая к себе и впиваясь в губы, а руками в плечи.
Наруто показалось, что он умер в тот же момент, сердце, лопнув, развалилось на две половины.
Он отшатнулся, толкая Учиху в грудь и вытирая губы сгибом руки.

- Какого чёрта? - выпалил блондин, как можно злее.

- Он целует тебя лучше? - прошипел Саске, вновь оказываясь рядом, но Узумаки выставил перед собой руки, упираясь в

холодную грудь, оттесняя от себя.

- Уймись, Учиха!

- Чем он лучше?!

Не отдавая себе отчёта в том, что делает, Саске притянул Наруто к себе за поясницу, прижимая и удерживая, не смотря на попытки того оттолкнуть.

- Да, достал уже! - выпалил Наруто. - Отстань!

- Говори!

Удар получился хорошим. Узумаки не ожидал от себя такого, но брюнет, пошатнувшись, отпустил его, припадая рукой на плиты.

- Я не собираюсь отчитываться перед тобой, - тяжело выдохнул Наруто, всё-таки прижимая руку к груди лишь на миг, чтобы проверить нет ли там дыры. - Я просто ушёл. Смирись!

- Не верю, - всё также упрямо прошипел Саске, вытирая с губ кровь и неожиданно бросаясь вперёд, сбивая Наруто с ног.

Они прокатились по холодному песку, чудом не достав до линии прибоя. Небо мелькнуло перед глазами, цепкие руки ухватились за ворот, подтягивая вверх и резко вниз. Затылок ударился о песок, но Наруто, не почувствовав особой боли, извернулся, пропуская удар мимо скулы. Рука Саске ударила мимо, костяшки вспыхнули болью, но Учиху это совершенно не волновало. Ярость, поднявшаяся внутри, сковала разум горячим пленом, а когда блондин оттолкнул его, перед глазами всё померкло от злости.

- Идиота кусок, - прорычал Узумаки, поднимаясь. - Отпусти меня.

Брюнет поднялся следом за ним, щурясь и медленно покачивая головой отрицательно. Он не мог поверить, не хотел верить…

Знал, что поступает, как последний помешанный придурок… знал.
Нити зазвенели, готовые порваться. Так легко разрушить всё, что строили так долго, возводили вместе…кирпич за кирпичом. А потом у кого-то в руках появилась кувалда…

- Не будет так, как ты хочешь, Саске, - выдохнул Наруто. - Я не буду с тобой. Что мне сделать, чтобы ты отстал? Уехать из города? Да?

И вновь молчание.

- Смирись с тем, - тяжело проскрежетал Наруто. - Что я могу полюбить кого-то…кроме тебя.

Нити порвались.

- Полюбить? - хрипло выдохнул Саске и поднял на него глаза. Радужки брюнета хрустально лопнули, заливая белок расползающимися чернилами. Наруто даже показалось, что чёрные подтёки потянулись по смертельно-белой коже…

Учиха медленно выпустил воздух сквозь нос, пытаясь отогнать накатившую на него слепую ярость. Наруто действительно… полюбил? Как такое возможно? Это не укладывалось в голове, этому просто там не было места. Узумаки был только его, и обладать им мог только он, Саске.
Его мыслями.
Телом.
Жизнью…
Рука выскользнула из кармана.

- Живи дальше, - безразлично сказал Наруто, сам не представляя, как будет жить теперь, когда всё…всё до последнего моста сожжено и даже его остовы раздроблены в каменную пыль.

Узумаки заметил, как Саске бросился к нему. Успел подумать, что сейчас тот опять поцелует, а потом ударит, но…
Брюнет ухватил его за плечи одной рукой, притягивая к себе,

уткнувшись носом в висок, выдыхая:

- Ненавижу.

Это ли хотел сказать? Учиха зажмурился, выпуская парня из крепких объятий и удивлённо следя за тем, как тот отшатывается.
«Снова сердце», - пронеслось в голове у Наруто, но болело почему-то в боку. Отпрянув от брюнета, он прижал руку там, где болезненно пульсировало и поднял на Учиху большие от удивления глаза.

- Саске?

Брюнет вздрогнул, услышав надломленный голос. Опустил взгляд на свою руку, разжимая пальцы. Небольшой складной нож упал в песок, воткнувшись в него вызывающе острой чёрной линией. Следом за ним на песок рухнул и Наруто, а Саске в мгновение ока оказался рядом, вглядываясь в побелевшее лицо.

- Узумаки! - выпалил он, обшаривая взглядом тело и с ужасом натыкаясь на тёмное, стремительно разрастающееся пятно на ветровке. Оттолкнул холодную руку, прижал к ране свою ладонь, чувствуя лихорадочный жар под кожей.

Он…ударил его ножом? Саске шипяще выдохнул, разом теряя все остатки ярости… она осколками сцарапывала с кожи слой за слоем, добираясь до натянутых нервов.
Наруто слабо выдохнул, разлепляя глаза. Странное облегчение накрыло его с головой - ну вот и всё. Больше не нужно врать. Никому.
Он посмотрел на склонённое над ним лицо, потянулся рукой, цепляясь пальцами за острые белые скулы, оставляя на них кровавые росчерки. Улыбнулся.

- Спасибо…

- Наруто! - выпалил Саске так громко, что у самого в ушах резануло. Жгучая паника накрыла тело с головой, разъедая

кожу и ломая кости. Он вцепился в блондина, тряся его. Голубые глаза медленно закрылись, словно бы Узумаки просто уснул.

- Идиот! Я тебя…

В голове пульсировало. Учиха, отняв руку от раны зарылся пальцами в свои волосы, резко выдохнул, потянулся к блондину, прижимая пальцы под шеей.
Пульс есть.
Телефон…
Руки прошлись по своим карманам - пусто.
Скользнули по карманам Наруто. Облегчённый вздох, телефон в руке и быстро листать справочник. Он же вызывал его…
Нашёл.
Сердце сделало судорожный удар и замерло до тех пор, пока по ту сторону не ответили спокойным голосом.

- Орочимару! - выкрикнул Саске. - Я…я…

- Успокойся, - жёстко оборвал его мужчина. - Что ты сделал…

- Я… - взгляд метнулся к Узумаки. - Наруто…

- Где вы? - тихо спросил доктор.

- Пристань…склад…

- Звони Итачи. Езжайте домой…

- Но скорая?

- Саске! Звони Итачи!

***

Наруто слышал отдалённые голоса, чувствовал, как прохладная рука Саске давит на рану, зажимая её и не позволяя крови литься на песок.
Как будто это поможет.

Сейчас было спокойно, хотя с каждой минутой всё холоднее. Ему хотелось провалиться уже во мглу, что разверзлась перед глазами, но его всё время удерживал голос Учихи.
Он говорил…так, как никогда не говорил.
А потом, кажется, подтянул, укладывая головой на свои колени, запуская руку в волосы и касаясь лбом лба. Сейчас кожа Саске казалась горящей огнём.

- Придурок, - знакомый голос над самым ухом, пальцы давят на щёку, но не больно. - Какой же ты придурок, Узумаки.

Наруто было хотел ответить, что Саске сам особым умом не отличается, но в этот момент по губам прошлись чужие - горячие, сухие. Он потянулся к нему, но не смог зацепиться. Треклятая слабость мешала.
Этим всё должно было закончиться.
Невозможно любить…так.
И ненавидеть тоже невозможно.
Остаётся только позволить яркому пламени сжечь крылья мотылька, который паяльную лампу принял за свечу.
Саске хрипло выдохнул, вновь ловя холодные губы, желая поделиться своей никчёмной жизнью. Чувства били оглушающе. Не так, как раньше…совсем по-другому. Они хватали сердце и выворачивали его, пока то не пронизывалось сквозь рёбра кровавыми лоскутами.
Наруто дышал тихо. Он был холодным, но всё ещё цеплялся за рукав его куртки. Губы его подрагивали, и Учиха всё время касался их лёгкими, нервными поцелуями, будто бы проверяя: тёплые ли, дышит ли.
Ловить чужое дыхание стало смыслом…
А вокруг клубились голоса. Пришлось зажмуриться, чтобы не видеть её водянистых глаз, чёрных волос, потому что Белокожая опустилась по другую сторону от Узумаки, ласково проводя истлевшей рукой по искромсанной щеке блондина.

- Он пойдёт со мной, Саске, - нежно пропела она, улыбаясь. - Потому что ты тогда отказался.

- Пошла к чёрту, - прошипел он, прижимаясь к губам вновь.

- Смерть заберёт одного…всё равно заберёт…

Брюнет лишь сильнее сжал плечи Наруто одной рукой, второй зажимая рану. Пошла к чёрту эта смерть…
А потом плеча мягко коснулись, позвали по имени и, кажется, что-то спросили про нож. А Саске спросил про скорую, но в ответ промолчали. Помогли поднять Наруто и захлопнули чёрную дверь машины, заставив Учиху сесть на переднее сиденье.

- Хер тебе, - рыкнул Саске, забираясь следом за Узумаки и вновь укладывая вихрастую голову у себя на коленях.

Машина тронулась.

Глава 9. Колыбельная для Солнца.

Глава 9.
Колыбельная для Солнца.

«Солнце, мне кажется, ты устало светить.
Солнце, мне кажется, ты просто устало.
Ляг скорей в облака, отдохни,
Я поправлю тебе одеяло
Солнце, забудь обо всём,
Я отменю все метеосводки
Хочешь, я буду беречь твой сон -
Самый сладкий и самый короткий».
Fleur - Колыбельная для солнца.

Жизнь не игра. Хотя многие считают её таковой.
Здесь нет ничего весёлого или интересного: сплошная череда случайностей, закономерностей и того, что заслужил ты сам. Всех с детства учат, что нас кто-то оберегает: ангел-хранитель, крёстная-фея или же какие-то там духи предков. Нас с самого детства учат воспринимать эту жизнь, как очередную сказку, где ответственность за свои поступки можно переложить на злой рок, коварную Судьбу или же на планы Господа. В головы наши вдалбливают, что каким бы козлом и отморозком ты ни был, это не ты виноват. Жизнь такая.
Жизнь сделала тебя жестоким, злым, холодным, злопамятным. Жизнь. И никто другой.
Но стоит задаться вопросом: а кто управляет этой жизнью? Та самая крёстная-фея? Бог? Или зелёные человечки с Марса, что давно поработили наш разум и теперь ставят на нас опыты?
Во всех своих бедах виноват только ты, тот маленький мальчик, который привык перекладывать вину на других, на мифических или не очень существ.
Только ты закрываешься в себе, выстраивая стены-границы, только ты покрываешь кожу острейшими шипами и смотришь на людей зверем. А люди, как зеркала. Они показывают тебе в

ответ то, что видят сами.
И ты гордишься тем, что ты вырос моральным ублюдком. Ты на каждом шагу заявляешь, что не умеешь общаться, что злой, что жестокий и вообще имеешь редкую степень социофобии. А на самом деле…
…Ты просто ребёнок, которому слишком часто рассказывали сказки.

***

Саске, согнувшись над Узумаки, прикрыл глаза, вдыхая мягкий запах его кожи, задыхаясь им. Жизнь не игра…
Не поставишь на паузу, не перемотаешь назад.
Руки мелко дрожали, сжимая чужую ветровку, пока машина неслась по ночной дороге, утопающей в желтоватом свете фонарей.
Когда понимаешь, что жизнь утекает сквозь пальцы чужой кровью, начинаешь сбрасывать с себя маски. В них нет нужды, потому что страх обнажает. Страх не за себя, не за то, что останешься один.
А за то, что он там будет один.
Наруто…
Пальцы сжали светлые, жёсткие волосы.
И отвечать за этот поступок придётся самому, потому что не свалить на злой рок. И даже крёстная-фея тут не при чём.
А уж Бог…
В него брюнет никогда не верил.
Разве что в Дьявола, который живёт в душе каждого из нас, но и его винить Учиха не мог.

- Что произошло, Саске? - голос Итачи доносился сквозь заполнивший голову монотонный гул.

Парень поднял на него глаза, но ответить так и не смог, понимая, что слова застряли в горле битым стеклом. Рядом пахнуло холодом, и плеча его коснулась невесомая рука.

- Отдай его мне, - нежно прошептала на ухо Белокожая. - Ему будет хорошо со мной…

Белые, тонкие пальцы девушки переплелись с его собственными, проходя сквозь и накрывая рану под его рукой. Саске дёрнулся, отмахиваясь от неё, и внезапно поймал взволнованный взгляд Итачи в отражении.
Нахмурившись, парень вновь опустил глаза на бледное лицо Наруто.

- Узумаки, - позвал он тихо, скользя пальцами по порезам. - Открой глаза.

Словно услышав его, блондин сделал глубокий вдох, но приходить в себя не спешил. Пришлось сильнее сжать рану, не пропуская кровь. Учиха кожей чувствовал, что убери он руку и они не довезут Наруто…

***

Холод окутывал. Небольшая комната виделась как-то со стороны. Звуки доносились с хрипом и помехами, словно кто-то сунул испорченную пластинку в патефон.
Наруто помнил это место. Более того - он жил здесь…
И знал этих двух парней, что застыли друг напротив друга…
Они разговаривали: один пытался унять дрожь от боли, а второй пытался казаться беззаботным и не напуганным.

- Тебе лучше уйти отсюда, - сказал темноволосый.

- Почему? - резко спросил второй.

- Я могу тебя убить.

- Кишка тонка.

Усмешка на его собственных губах.
Тогда Наруто не знал, не верил, что Саске способен убить его.
А сейчас…был благодарен.

***

Итачи пропустил брата, что тащил на себе Узумаки в дверь их

старого дома, закрыв её за ними. Был ли блондин жив до сих пор парень не знал, но хотелось верить, что тот хотя бы дождётся Орочимару, который прозвонил старшему Учихи перед этим и предупредил не вызывать ни полиции, ни скорой. Итачи и сам понимал, чем это может грозить его младшему брату, который, кажется, вновь наделал глупостей.
Не прошло и несколько минут, как двери открылись, едва не толкнув Итачи в спину, и в комнату вошёл Орочимару. Подмышкой мужчина зажимал аптечку, в руке нёс увесистую сумку, а лицо его было настолько спокойным, словно бы его вызвали смерить температуру.

- Где он? - сухо спросил тот, скидывая пальто и вновь поднимая свою ношу.

Прижав руку ко лбу, Итачи кивнул в сторону открытой двери и поспешил следом за доктором.

- Уведи Саске отсюда, - быстро приказал Орочимару. Тон голоса мужчины разительно изменился. Раньше он был вкрадчивым, тихим, а сейчас плескался раскалённым железом и больно бил по телу, заставляя беспрекословно следовать приказам. Разве что Саске опять не желал быть как все.

- Я останусь здесь, - упрямо выпалил младший. Он стоял рядом с кроватью, на которую положил Узумаки.

Итачи, тяжело вздохнув, подошёл к нему, заглядывая в тусклые чёрные глаза. Саске был настолько бледен, что старшему подумалось, будто парень вот-вот и сам потеряет сознание.

- Тебе здесь делать нечего, - процедил Орочимару, склоняясь над Наруто и расстёгивая ветровку. Он буквально силой отцепил от раны на боку руку Учихи, и тот зло посмотрел на него.

- Я останусь.

- Саске, - мягко позвал Итачи. - Ты будешь мешать…идём.

- Так, - холодно начал Орочимару. - Или ты выходишь, или мы спорим, и он умирает. Выбирай.

Шикнув, брюнет бросил взгляд на спокойное лицо Наруто, куснул свою губу и резко вышел прочь из комнаты.

- Ты не вызывал полицию? - спросил Орочимару, включая верхний свет и закрыв дверь, вернулся к постели. Судя по тому, что мужчина был предельно собран и спокоен, жизнь Узумаки была не под серьёзной опасностью, но Итачи не стал делать поспешных выводов, прекрасно понимая, что тот привык к операциям и по его эмоциям понять степень риска почти невозможно.

- Нет. Я забрал нож и…Орочимару, что…

- Я предупреждал вас, - неожиданно зло прорычал тот, задирая футболку Наруто и цепким взглядом ощупывая плоский живот. Рана под ребром была небольшой, но кровила достаточно сильно, чтобы перепачкать тёмным одежду и вызвать у парня обморок.

- Вы меня не послушались, - продолжил мужчина, вынимая из сумки бинт, вату и какие-то флаконы. - Теперь один почти труп, а второй почти псих.

- Псих? - нахмурился Итачи, пропуская часть с трупом. Страх за своего брата был куда как сильнее.

Желтоватые глаза больно резанули по совести, и старший Учиха понял, что Орочимару насмехается над этой его эгоистичностью.

- А как ты думаешь, что чувствует Саске, едва не убив его? Иди к нему. Ты мне здесь не нужен.

Итачи, отрывисто кивнув, без лишних вопросов вышел из комнаты.

***

Саске стоял у окна, выкуривая вторую сигарету. И хоть воздуха в лёгких давно не было, он предпочёл травить вакуум едким дымом.
Радужку заволокло сизым туманом, разбавляя её чернила и делая глаза похожими на подёрнувшееся ледком зимнее озеро. Холодное, тёмное, но стянутое морозным пленом.
Всё было кончено?
Взгляд опустился на перепачканные в чужой крови руки, и из пальцев выпала сигарета. Учиха только сейчас понял, что натворил…и это болью отозвалось во всём теле.
На ватных ногах брюнет прошёл к дивану и рухнул на него. Взгляд бесцельно блуждал по комнате, цепляясь за то, что когда-то было важным: картины на стене, фото в рамках над камином, корзина с вязанием и клубками Микото, которую почему-то до сих пор не убрали.
Атмосфера этого места давила на плечи. Было такое впечатление, словно Саске забрёл в самый настоящий склеп, и чем дольше он сидел в нём, тем ближе становился к застывшим в воздухе призракам прошлого.

- Ты убил его… - тихий довольный шёпот на ухо, и её руки нежно касаются плеч. - Ты, мой мальчик, ты сделал так, как я хотела…

- Пошла отсюда…

- Теперь ты будешь один…совсем один. А я буду рядом.

Пальцы вновь вытащили из кармана пачку сигарет, но, дрогнув, рука выпустила её из судорожной хватки, рассыпая белые палочки по ковру. Нагнуться, собрать, но Саске бездумно смотрел на разрозненные, валяющиеся хаотично сигареты.
В мозгу что-то щёлкало, требуя немедленно выложить их ровно, чтобы не было неразберихи, путающего беспорядка, но руки так и не двигались. Вместо них жил взгляд, мечущийся, тяжёлый. Он скользил по сигаретам, а мысли плыли куда-то далеко…
Мы ненавидим, презираем. И что из этого? Все эти чувства: сплошная шелуха, которая потом с болью отваливается от тела,

оставляя лишь одну верную суть - ты любил. Больше ничего не важно.
И как только последняя чешуйка отвалится, затерявшись в ворохе уже начавших тлеть, станет холодно под пронизывающим ветром холодной правды. Придётся посмотреть своему страху в глаза…
Саске поднял взгляд. Перед ним, у дальней стены, стояло тёмное зеркало в красивой витой оправе. Мать любила эту вещь, а Фугаку всегда хотел выбросить…вот и поставили в гостиной, где оно никому не мешало.
Но только не сейчас…
В нём отражался худощавый парень. Простой, живой и с мерцающими в темноте глазами. Ничего особенного, даже лицо сейчас у этого незнакомца было обычным, посредственным: слишком бледным, чтобы острые черты были приятными, а чёрные волосы стали куском окружающего его сумрака.
Без масок мы все обычные, а в глазах грусть…или пустота.
У отражения в глазах не было ничего. Да, и их тоже не было: сплошные чёрные провалы, в глубине которых что-то слабо блестит.
Ведь ничего не осталось…
Учиха не выдержал. Схватив с журнального столика пепельницу, он с рыком запустил её в зеркальную гладь. Во все стороны сыпанули искры-осколки, блеснув синим и зазвенев по полу, кто-то схватил его за плечо, дёргая назад и прижимая к себе.

- Тише, Саске, - прошипели голосом Итачи.

- Отпусти, - рыкнул он.

- Успокойся…всё будет хорошо.

- Отпусти!

Он упёрся руками в грудь брата, всем телом пытаясь вырваться из обманчиво успокаивающих объятий. От рук Итачи было слишком жарко, слишком душно, слишком больно. Брат не понимал, что эти подачки в виде жалости, сочувствия никому не нужны. От них становится только хуже, больнее,

безразличнее. И двигаться не можешь, парализованный чужим глупым желанием успокоить. Зачем успокаивать? Что успокаивать?

- Это…это не твоя вина…

Итачи провёл рукой по напрягшейся спине брата, чувствуя, как под кожей проступает позвоночник, острые лопатки. Такой худой…что же тот делает?! Он даже подумал, что младший всё-таки затих, но молчание это было ошибочным. Оно внезапно взорвалось хриплым смехом, разнёсшимся по комнате глухими хриплыми звуками.

- Не моя вина? - прошипел Саске, поднимая на лицо Итачи глаза. - Не моя?!

Он резко оттолкнулся, и Учихе пришлось разжать руки.

- А чья? Кто держал нож?!

Брюнет говорил громко, и голос его, отражаясь от стен, камнем возвращался в старшего брата. Итачи смотрел на него, не зная, что сказать. Он ловил невидимые удары, как всегда молча.

- Виноват только я, - резко подытожил Саске. - Только.

- И что теперь? - неожиданно резко выпалил Итачи, поднимая голову. Он смотрел на брата так, как смотрел лишь однажды: в детстве, когда младший разбил любимую вазу матери.

- Что?

- Что теперь делать будешь? Злиться? Ломать всё вокруг? Орать на меня?

- Иди на хер, Итачи! Я не просил лезть ко мне!

Саске отвернулся, запуская руки в волосы и сжимая кулаки. Он резко выдохнул, опускаясь перед рассыпанными сигаретами на одно колено и собирая их в ладонь.

Одну за другой. Нужно было разобраться с этим хаосом… нельзя оставлять их лежать вот так. В беспорядке.

- Не просил? - тихий шелест. - Ты дважды приходил ко мне за помощью.

Рука сжалась, ломая бумажные обёртки.
Парень застыл. Табачная кровь въедалась в холодную кожу.

- Я нужен тебе, Саске, - продолжил Итачи. - Если не как брат, то как человек, способный поддержать.

- *Ты всегда будешь один…*

- И глупо отрицать это…тебе не к кому больше пойти.

Младший Учиха медленно поднялся, разжимая руку. Табак и ошмётки тонкой бумаги посыпались на пол вместе с последними кусочками маски.

- Почему, - хрипяще прозвучал голос. - Почему вы все считаете, что знаете, как жить? Знаете лучше меня?

Он не поворачивался к Итачи, но тот, видя напряжённую спину, мог запросто угадать выражение лица брата: безжизненное, с нотками холодной ярости.

- Почему не можете оставить в покое? Итачи, я просто хочу, чтобы вы отстали. Со всем вашим…кланом, семьёй…

- Мы…я не могу тебя бросить.

- Я не прошу меня бросать, - криво улыбнулся брюнет, сжимая кулаки. - Я просто прошу дать мне шанс жить.

Их разговор прервал скрип двери, и парни, как один, повернулись к вышедшему Орочимару.

- Что с ним? - резко спросил Саске.

- Ты… - задумчиво протянул мужчина. - Или полный идиот или самый колоссальный везунчик…

- Орочимару!

- Нож не задел внутренние органы. Я остановил кровотечение, но…он ослаб.

Саске почувствовал, как его дёрнуло назад. Пришлось пошатнуться, чтобы не упасть, в голове загудело. Жив…

- Тебе лучше туда не ходить, - остановил двинувшегося было к двери Учиху. Рука с растопыренными пальцами впилась в грудь ржавыми ногтями, останавливая его. Парень поднял глаза на Орочимару, встречаясь буквально с железной решимостью не пускать его в комнату.

- Я хочу его видеть, - прошипел Саске. - Я должен.

- Нет. Не сейчас.

Итачи поймал взгляд Орочимару и встал за спиной брата.

- Отойди, - клокочуще выдохнул брюнет, начиная нервно подрагивать от накатившей злости. Ему захотелось размазать это аристократичное лицо в плебейскую мешанину из крови и костей. Но внезапно стало до одури душно.

- У тебя сейчас будет эпилептический приступ, - спокойно проговорил Орочимару, надвигаясь на Саске чёрной тенью. Брюнет не двигался с места, хрипло дыша и глядя исподлобья на мужчину.

- Или же ты думал, что твоя болезнь исчезнет, как простой грипп? - жёлтые глаза сверкнули.

Учихе показалось или же вокруг заметались тени, зашипели голоса. Он бы отвёл взгляд от доктора, но уже не мог пошевелить глазными яблоками.

- Про…пропусти…меня…

Темнота. Жаркая, сдавливающая внутренности, сковывающая мышцы болезненной судорогой.

***

- Сколько он не спал? - спросил Орочимару, когда приступ удалось погасить и вырубившегося парня уложили на диван.

- Я не знаю, - потерянно выдохнул Итачи. - Он…он пришёл ко мне пьяный, и…

- Ясно. Оставь его здесь…пусть проспится. И идём.

Итачи, бросив последний взгляд на брата, послушно зашёл следом за доктором в небольшую комнатку, где на кровати лежал Наруто.

- Не знаю, что задумал Мадара, - начал мужчина, и Учиха вздрогнул, прикрывая дверь. - Но он всерьёз взялся за этих двоих.

- С чего ты взял?

Орочимару, подойдя к кровати, показал на руку Узумаки.

- Подойди, посмотри.

Итачи, непонимающе нахмурив брови, подошёл ближе, опуская взгляд на место, куда указывали длинные пальцы. Синие ранки на сгибе локтя.

- Сначала Наруто бросает Саске. Это тот, кто за ним в психушку пошёл…и внезапно он уходит, - продолжал Орочимару так беззаботно, словно бы Узумаки с ними не было. Хотя отчасти это было правдой: блондин выглядел человеком, которого окутал слишком крепкий сон, чтобы он мог разобрать тихие голоса над собой. - А потом вот это…мальчишка на опиатах, Итачи.

- Откуда ты знаешь про Мадару? - внезапно спросил Учиха.

Орочимару, пожав плечами, отошёл от кровати к закрытому плотными шторами окну.

- Скажем так, Саске не первый член вашей семьи, с которым мне пришлось поработать, - уклончиво ответил мужчина, усмехаясь своим явно не высказанным вслух мыслям.

- Мадаре не нравится, что Саске с Наруто, - признался Итачи.

- Это я уже понял.

- Он…думаешь, он добьётся своего?

- Посмотри, чего он уже добился…

***

Саске проснулся глубокой ночью. От сна на жёстком диване мышцы превратились в деревянные куски, а от выпитого накануне трещала голова и двоилось в глазах. Проведя рукой по лицу, Учиха понял, что двоилось далеко не из-за алкоголя, а, скорее, из-за того, что очки свалились с носа.
Он даже не стал их искать, поднявшись и неверной походной направившись к тёмной приоткрытой двери. Казалось, будто бы оттуда несёт медикаментами, но Саске упорно отметал от себя эту мысль. Таблетками пахнет смерть. А здесь…здесь её не должно было быть.
Дверь со скрипом ввалилась в тёмную комнату, а следом за ней темноту мягко разрезал Учиха, входя и практически на ощупь добираясь до кровати.
Рука наткнулась на спинку, съехала вниз, тронула грубую джинсовую штанину и брюнет осторожно перелез через лежащее тело к стене.
Он двигался будто бы на автомате, но каждое движение было выверенным и точным, словно бы тело знало лучше ослепших глаз, как будет правильно.

- Наруто? - тихо позвал он, опуская свою голову на согнутую в локте руку.

Рядом слышалось тяжёлое дыхание, и промежутки между вдохами и выдохами были слишком большими, но цепочка не прерывалась. Несколько минут Саске просто вслушивался, а затем опустил руку на грудь Узумаки.

- Прости, - выдохнул Учиха.

Наруто что-то бессвязно пробормотал во сне, вздрогнул и неожиданно поднял руку, опуская её на свою грудь и неспешно находя запястье Саске. Брюнет опустил глаза, переплетая их пальцы, чувствуя, как его руку сжимают в ответ. Узумаки попытался перевернуться на бок, но Учиха не дал, надавив на плечо, и придвинулся сам. Он не знал, что будет с раной, если Наруто вздумает улечься так, как ему удобно. Если Орочимару не сказал об опасности, то это не значило, что её нет…
Саске опустил голову, утыкаясь лбом в острое плечо, обтянутое мягкой тканью ветровки. Почему её не сняли?
Учиха было поразился глупости своих мыслей, но не успел даже понять, как моментально провалился в сон. Казалось, что он даже не просыпался, а просто бродил в этой зыбкой тьме, которая даже в кошмар не могла оформиться.

***

Наруто почувствовал, что на него смотрят. Это нельзя было спутать с чем-то другим или же выдумать самому. Чужой взгляд ощущался, как мелкие льдинки, скользящие по лицу, но не тающие.
Он открыл глаза, уже зная, кто будет перед ним. В кресле напротив сидел Саске, забравшись в него с ногами и лениво откинувшись затылком на спинку. Лицо Учихи можно было назвать даже расслабленным, если бы не тонкая морщинка между чёрных бровей.
Брюнет молчал, а Узумаки не знал, о чём с ним можно заговорить. Он просто наслаждался тем, что может смотреть в колючие глаза и дышать, подстраиваясь под чужой ритм.

- Я чуть не убил тебя, - жёстко проговорил Саске.

Наруто это прекрасно понимал: боль под рёбрами не давала забыть о том, что случилось вчера. Из-за неё всё это нельзя было свалить на дурной сон или наркотический бред. Но её постепенно вытесняло другое отвратительное чувство… Всё тело делалось похожим на желе и едва заметно подрагивало, кажется, изнутри.

- Я знаю.

Если бы Узумаки мог, то заставил Саске застыть, замолчать. Слова всегда всё портили.
Усталое сожаление стучало в рёбра, напоминая ему, что всё ещё не кончено, что даже тут Судьба не смогла не сделать подлянку и перенести удар чуть повыше. Тогда бы точно не спасли…
Больной, уставший чёрный взгляд, сухие губы, тонкие пальцы, сжимающие подлокотники. Брюнет только на первый взгляд был расслаблен: на самом деле его эмоции вырывались наружу, и парень едва мог сдерживать их. Наруто даже показалось, что Учиха вот-вот сорвётся с места и наорёт на него за то, что сам провоцировал, сам довёл до всего этого. И будет прав. Тогда, ночью, Наруто прекрасно знал, куда ведёт этот разговор. Иногда не нужно знать, какую музыку любит человек. Не важно: зиму или осень он предпочитает. Кофе или чай. Достаточно знать тончайшие нити, которые опутывают человека, знать, за какую потянуть, чтобы узел распался или же наоборот затянулся. Блондин видел всё это, он видел Саске таким, каким его никогда не получится узнать. Не покажет.

- Ты…ты должен ненавидеть меня.

Как же безнадёжно это прозвучало. Все внутренности сжались, словно бы нож из раны забыли вынуть.
Наруто отвернулся, уставившись в потолок. Ненавидеть…

- Ну, - выдохнул Учиха, всё пристальнее вглядываясь в Узумаки. - Скажи что-нибудь. Скажи, что ненавидишь…

Брюнет смотрел, как медленно Наруто садится, а затем, прижимая руку к боку, поднимается. Саске было поднялся следом, чтобы уложить этого идиота обратно на кровать, но вытянутая рука остановила его.

- Не трогай меня, - чётко, холодно.

Учиха невольно отшатнулся, натыкаясь ногами на кресло и застывая.

- Не подходи.

Широкий зрачок сожрал своей темнотой серый цвет, в котором и не было намёка на прежнюю лазурь. Наруто был бледным, мелко дрожащим с какими-то слишком заострившимися, чужими чертами лица. Не его чуть приоткрытые губы рвано ловили воздух, не его брови сошлись над переносицей, не его тонкие пальцы застыли в воздухе, создавая между ними преграду.
Незнакомец стоял перед Учихой.
Вязкую тишину разрезала открывшаяся дверь и вонзившиеся в неё голоса.

- Саске, - позвал Итачи, пропуская в комнату знакомую чёрную фигуру, от которой веяло холодом и неприятностями. Мадара, скупо улыбнувшись старшему Учихе, прошёл в комнату, застывая напротив них.

Наруто внутренне похолодел, когда тёмные глаза царапнули его лицо. Быстро, так, как смотрят на незнакомцев, что проходят мимо. А потом Мадара посмотрел на Саске. Долго, пронизывающе. И Узумаки понял, что не выполнил свою часть сделки. Это было, как удар под дых, как нож в спину.

- Значит, ножевое, - холодно начал мужчина.

- Что он здесь делает? - моментально ожил брюнет, переводя взгляд на Итачи.

- Подчищаю за тобой, - ответил вместо него Мадара. - Ты

думаешь, что скрыть факт преступления так легко? Ты, мальчик мой, напал на человека, нанёс рану и скрылся с места преступления…

- Я не подам заявление, - быстро выпалил Наруто, сильнее прижимая руку к боку. Под одеждой чувствовался толстый слой бинтов и ваты, но всё равно было такое ощущение, что этот ядовитый взгляд видит рану. И отравляет кровь.

- Я не могу быть уверен в тебе, - сказал Мадара. - Сегодня ты не хочешь подавать на него заявление, а завтра…

- Нет, - отрезал блондин, мотнув головой. Его едва не пошатнуло, но парень чудом удержался на ногах.

- Мадара, - процедил Саске, отводя взгляд от Узумаки. - Ты ведь не за этим сюда приехал.

Мужчина довольно улыбнулся, закладывая руки за спину и медленно обходя их кругом.

- Я устал ждать, Саске. У тебя было достаточно времени, чтобы рассмотреть моё предложение. Но ты не ответил.

- Ты не понял мой ответ? Повторить? - вздёрнул брови парень. - Иди на хер. Ты и твоя семья.

Брюнет не понимал, зачем Мадара появился в их доме сегодня, но гадать, кто рассказал о том, что он здесь, долго не пришлось. Итачи смотрел со своей обычной чуть горьковатой виной, застоявшимся, словно вода в мелком озере, сожалением. Младший Учиха краем глаза заметил, как Наруто съехал на диван, садясь и чуть горбясь. С каждой минутой Узумаки становился всё белее и белее, а под глазами наливались синяки.

- Я ожидал этого, - пожал плечами Мадара и отошёл от кресла.

Блондин скорее почувствовал, нежели увидел, как над ним выросла холодная тень, а опустившаяся на плечо рука была

такой же тяжёлой, как и кусок льда.

- Через десять минут сюда приедет полиция, - посмотрев на наручные часы, деловито сообщил Мадара. - Они найдут в доме нож, на котором наверняка остались и твои отпечатки, Наруто.

Аристократичное лицо мужчины светилось каким-то злорадством, что наполняло его низкий бархатистый голос острыми гвоздями.
Пальцы на плече сжались, напоминая Узумаки, что он по голову окутан этой липкой паутиной чужой угрозы.

- И им станет ясно, - голос стал тише. - Что наркоман решил напасть на некоего Учиху Саске, а тот был вынужден защищаться его же оружием, которое выбил.

- Что? - нахмурился Саске. - Наркоман?

Внутри Наруто всё похолодело, и он закусил губу до боли, поднимая глаза на Учиху.

- Что за херню ты несёшь?

Мадара лишь хмыкнул, легко закатывая рукав ветровки и выразительно кивая на руку Узумаки, которую тот попытался одёрнуть, но её властно сжали.
Саске качнул головой, запнувшись взглядом о характерные отметины. В голове загудело, но он отчётливо осознавал, что происходит вокруг. Хотя…хотелось, чтобы всё оказалось бредовым сном.
От взгляда Учихи стало физически больно: сердце сжалось в ледяной комок, натягивая вены и заставляя кровь в них обратиться в стылое железо. Блондин ответил на этот не верящий взгляд, понимая, что глядеть в пол или искать на потолке невидимую точку будет очень глупо.

- Наруто? Что это?

- Не лезь в это, Саске, - грубо оборвал его Узумаки, дёргая рукой и раздражённо опуская рукав. Он до смерти устал быть

мелкой картой в этой колоде, которую Мадара тасует так, как ему вздумается, оставляя себе козыри и даже не пытаясь спрятать их по рукавам.

- Ну, так что? Я могу позвонить и отменить вызов, но…у тебя осталось восемь минут.

Вновь взгляд на часы, а внутри у Саске всё переворачивается… он не хочет верить…не может.

- Я дам показания о том, что сам напал на него, - выпалил парень. - Я скажу правду.

- Прости, мой мальчик, - широко улыбнулся Мадара. - Ты, видимо, забыл о том, что тебя признали недееспособным. Твоя справка у меня как раз с собой. Хочешь взглянуть? Освежить память.

Саске зло выдохнул. Нити стягивались вокруг него, но он упрямо смотрел Мадаре в смеющиеся глаза, не желая играть по чужим правилам. Он никогда не желал подчиняться.

- Я сдам Наруто полиции, - серьёзно произнёс мужчина, теряя всю свою насмешливость. - Или же ты возвращаешься в семью.

- Почему ты решил шантажировать меня им? - вздёрнул брови брюнет.

Наруто нервно прикусил губу, бросая быстрый взгляд на Мадару. Часть его желала, чтобы всё сейчас открылось и этот кошмар кончился, а другая половина подсказывала, что даже с таким исходом Саске ждёт смерть. Мадара не отступится от своих слов и доведёт всё до конца, который удобен для его истории.

- Откуда ты знаешь о наркотиках? О его руках? - сощурился Учиха, подходя ближе.

Их взгляды встретились. Саске показалось, что железо чиркнуло по железу, но искр почему-то не было, словно любой

огонь давно погас в этих холодных, острых телах.
Мадара молчал несколько томительных секунд, пока время безжалостно кромсало нервы острыми лезвиями. А потом улыбнулся самыми краешками губ:

- Я знаю дилера, который продаёт ему… Он работает на меня…

- Так вот в какую семью ты хочешь втянуть меня, - прошипел Учиха.

- Это то, что даёт нам власть, - в ответ веско ответил Мадара. - Деньги, уважение.

- Вы пируете посреди грёбанной чумы.

- Саске…пять минут.

- Кто этот дилер? - зло выпалил тот.

- Ты согласен?

- Саске… - позвал Наруто, но на него даже не посмотрели. Под рёбрами заболело, и в ногах появилась отвратительная слабость.

- Кто. Этот. Дилер.

- Четыре минуты… Ты согласен?

Мадара дожимал. Вся его чёрная воля сейчас собралась вокруг одного конкретного человека, сдавливая его, уничтожая, но трудно было стереть с полотна реальность того, кого уже не существовало.
Саске посмотрел на Наруто, и лишь этого взгляда было достаточно, чтобы Узумаки понял - конец.

- Согласен.

Договор с дьяволом подписан…кровью. Пафосно, банально, но действенно.

- Нагато.

- Что?! - выпалил Узумаки, резко повернувшись к Мадаре. В боку стрельнуло, и пришлось, закусив губу, медленно выдохнуть через нос. Холодный взгляд мужчины лишь подбросил дров в костёр боли, стирая все попытки восстановить дыхание.

- Он работает на меня очень давно, - пожал плечами тот. - Так уж вышло, что сирота не смог найти ничего лучше, чем продажа наркотиков…печально.

Мадара отошёл от блондина, и Узумаки втянул в себя внезапно кончавшийся воздух, но и он был с привкусом крови и гари. Мужчина, достав из кармана телефон, быстро набрал чей-то номер и сказал пару фраз, которых никто из них не расслышал. Саске вновь смотрел на Наруто, а последний не знал, как бы так раствориться в сгущающемся пространстве, чтобы сердце перестало предательски ныть, а тело - дрожать. Ведь Учиха видит…видит и теперь сводит концы с концами.

- Жду тебя завтра. В своём офисе, - коротко бросил Мадара, одарив Учиху довольной улыбкой, получившего свой кусок мяса каннибала.

Дверь тихо захлопнулась, но не все зрители покинули сцену. Повернувшись к Итачи, Саске качнул головой:

- Уходи.

Наруто, опустив голову, услышал, как щёлкнул замок. В голове всё перемешалось: Нагато - дилер, работает на Мадару…Саске согласился с тем, от чего бегал последние полгода…
Это была странная, запутанная жизнь. Не его. В своей жизни: Наруто привык быть рядом с Учихой, поддерживать его, терпеть выходки Саске, разбавляя его злобу собственной верой в лучшее, обнимая, когда тот злился, зля, когда брюнет впадал в апатию. Принимать удар на себя.
Но…сейчас всё было слишком запутано. Он заблудился…

И лучше бы Саске начал возмущаться, начал кричать и ругаться, а не смотрел так. Его взгляд проникал под кожу, сдирал её с обледеневших костей длинными лоскутами, иссушал отравленное мясо. Учиха был всюду: в каждом вздохе, в каждом выдохе. Брюнет был битым стеклом, что случайно попало в кровь, осколками лезвий, впившихся в лёгкие. Ещё немного, и с губ закапает очередная порция жижи, в которую превращаются все лживые слова Наруто. Саске достаточно лишь потянуть за нить, сказать хоть что-то.
Но Учиха выбрал другую пытку: молчание.
А когда заговорил, обманчивого облегчения не пришло.

- Значит, - тихо начал Саске, поворачиваясь к блондину и окидывая его подрагивающую фигуру тяжёлым взглядом. - Ты решил разобраться со всем этим так.

- Это только моё дело, - оборвал его Наруто. - Я живу так, как хочу…

- Да ни хера, - прорычал парень, подходя к нему и останавливаясь на расстоянии вытянутой руки. Мог бы и ближе, но в мозгу засело опасение, что не выдержит - сорвётся и тогда Узумаки точно придётся отправить в больницу. Вместо этого чёрный взгляд скребёт по бледному лицу, касается опущенных ресниц, упрямо сжатых губ. Почти болезненно.

- Можешь презирать.

- М? - едва не рыча, выдохнул Саске. - Ты решил похерить свою жизнь, придурок? До чего ты докатился?

- Отстань.

- Зачем это всё, Наруто?

Учиха всё-таки не выдержал, схватив его руку и сжав запястье. Узумаки пришлось приложить максимум усилий, чтобы выдернуть её из этой властной хватки и отшатнуться. Дышать рядом с Саске становилось невозможно: запах сигарет, запах злости, запах его жизни…

Но брюнет не стал дожидаться ответа. Смерил странным взглядом, качнул головой:

- Я не верю, что у тебя хватило ума, чтобы подсесть на эту дрянь.

- Верь во что хочешь, - холодея, прошептал Наруто. Пространство закрутилось вокруг него в плотный кокон из запаха сигарет, тяжести чужого взгляда. Оно давило на плечи, на грудную клетку и будто бы клонило к земле уставшие, подрагивающие ноги. Наруто чувствовал, как бешено бьётся сердце. Загнанный зверь всё-таки встретился лицом к лицу с жестоким охотником, который обязательно спустит курок уже смотрящего в лицо дула.

- Мне надо уйти отсюда…пусти.

- Хер тебе, - зло перебил его Саске. - Будешь сидеть здесь. Или в больнице. Выбирай.

Как и следовало догадаться, Учиха был слишком зол, чтобы предоставить это самое право выбора. Едва сдержавшись, чтобы не врезать этому идиоту, решившему покончить с жизнью особо изощрённым способом, брюнет вышел из комнаты, закрыв за собой дверь, и почти сразу же наткнулся на Итачи.

- Нужно поговорить, - сказал тот и, пока Саске не успел вновь отмахнуться от него, быстро добавил: - О Мадаре и Наруто.

***

В стакане поблескивал янтарём виски, а перед Саске стояла кружка с кофе. Он не стал спорить с Итачи, позволив брату зачем-то предать их разговору что-то вроде семейного уюта, но на самом деле всё пропиталось холодом и фальшью.

- Говори, - даже не взглянув на чашку кофе, сказал парень.

- Во-первых, не думай, что сможешь поехать к этому…Нагато, и…

- Это не твоё дело, - тряхнул головой Учиха. - Мадара и Наруто.

Итачи, сев за стол перед ним, сложил руки на столешнице, крепко переплетая пальцы. Взгляд старшего был спокоен, хотя он то и дело сжимал руки и костяшки белели.

- Мадара приходил ко мне…ещё летом, - всё-таки начал он. - И говорил, что ты должен вернуться в семью.

- Зачем?

Саске был похож на лезвие, что бьёт прямо в сердце, избегая ненужных тем.

- Потому что твоё поведение…твоя связь с Узумаки подрывает всю нашу репутацию, - с тяжёлым вздохом признался Итачи. - О вас ещё никто не узнал…стараниями Мадары.

Услышав скептический смешок и подняв на младшего брата глаза, Итачи взял в руки свой стакан с виски и сделал маленький глоток. Вряд ли Саске понимал, на что он сейчас идёт: выступить против нынешнего главы семьи, поставить его под удар и, возможно, лишить всяческой власти. А она была единственным, ради чего жил Мадара.

- Наша семья, как ты заметил, не занимается только белыми делами. Отец…отец имел связи, и бизнес с такими людьми, что не потерпят в своих партнёрах кого-то, кто…имеет пятна на репутации.

- То есть вы ангелы? - вновь каркнул Саске. - И все в белых одеждах?

- Саске…это другое. Мы не должны иметь слабости.

- Значит, мы с Наруто - ваша слабость?

«Мы с Наруто», - эти слова как-то странно завибрировали за рёбрами, и парень всё-таки отпил кофе. Странное чувство:

тянущее, больное, изматывающие. Мы. Двое…
А сейчас?
Ты один.

- Мадара боится потерять власть, деньги. Это серьёзные люди, Саске. Большинство из них - преступники. И…ты понимаешь, как они относятся к таким, как вы…

- К таким «как мы»? - удивлённо вздёрнул брови брюнет. - К извращенцам?

- Не начинай…они…живут по другим понятиям, и в их системе координат нет места подобному.

Саске опустил голову, чтобы тут же исподлобья взглянуть на Итачи. Нет места подобному…звучало это так, словно он был безногим инвалидом, который записался в турнир по бегу и теперь все остальные участники брезгливо смотрят на этот человеческий обрубок.

- Я думаю, что это дело рук Мадары. Ваш разрыв.

Саске сжал кулаки на коленях. В мозгу щёлкало: на место вставали пазы.
Наруто, который так резко отказался от него, не дав внятных объяснений.
Мадара, начавший проявлять к нему самому всё больший интерес.
Наркотики.
Злость, ненависть - они ушли вчера, когда нож вошёл в тело Узумаки. А сейчас…сейчас сознание представляло собой белый лист, на которой звено за звеном ложилась чернильная цепочка совпадений.

- Наруто не мог уйти просто так, - как будто в трансе проговорил Саске. Взгляд остановился на кофе, что давно перестал исходить лёгким дымком.
Уверенность крепла, а вместе с ней и злость.

Он медленно поднялся из-за стола под траурный

аккомпанемент скрипнувшего по полу стула. Словно в каком-то дурном, ватном сне, брюнет вошёл в комнату, опустив взгляд на понуро сгорбившегося на диване Узумаки. Светлые отросшие волосы полностью закрывали лицо, но когда Наруто услышал щелчок замка, он поднял голову. Большие, красивые серые глаза, которые Учиха навсегда запомнил ясно-голубыми. Как в тот день, когда взъерошенный, мокрый от дождя блондин влетел в беседку, нарушая её хмурое спокойствие одной лишь своей виноватой улыбкой.
Той улыбки Саске не видел уже давно. Кажется, эти искусанные, бледные губы её давно забыли, разучившись, потеряв необходимость.
Мы помним мёртвых такими, какими они были при жизни: улыбающимися, яркими, громкими. Был ли Наруто мёртв? Был ли Саске жив?

- Мадара.

Узумаки даже не вздрогнул. Лишь плотнее обхватил себя руками.

- Он приходил к тебе.

Саске ударился спиной о дверь, прижав ладонь к своему лбу. Кожа была холодной и чуть влажной, но боли он не чувствовал.

- Мадара сказал тебе что-то и…ты решил уйти. Что он сказал, Наруто?

Учиха всё-таки посмотрел глаза в глаза.

- Это не имеет значения, - мотнул головой блондин. Тело прошило лёгкой судорогой, и пришлось невольно вытянуть шею, судорожно вдыхая через чуть приоткрытые иссушенные губы. Было всё хуже и хуже…

- Ломка, - кивнул Учиха. - Наслаждайся.

- Заткнись уже, - беззлобно шикнул Наруто.

- Чем тебе угрожал Мадара?

- Это не важно.

- Узумаки.

- Я всё равно к тебе не вернусь, - горячо прошипел блондин, находя в себе силы, чтобы посмотреть на Учиху прямо. Саске был похож на догоревший фитиль свечи: однажды ярко вспыхнув, он теперь исходил сизым дымком, укутавшись чёрным снегом.

- Потому что так сказал Мадара? - криво улыбнулся брюнет.

- Потому что тебя убьют, придурок.

Наруто ожидал любой реакции, но не этого. Тихий, хриплый смех разлился по комнате, ударяясь о стены. Саске смеялся страшно: без блеска в глазах, без чувств. Это было больше похоже на предсмертный хрип…

- Мне дорога твоя жизнь, - прошипел Узумаки. - Дороже своей.

Смех оборвался, а руки Учихи внезапно надавили на плечи, прижимая тело к кровати. Бледное лицо нависло над удивлённым чужим.

- Дороже?

- Да.

Кулак врезался в матрас совсем рядом с головой Наруто, а Саске склонился ниже. Мазнув по лицу прохладными чёрными прядями, он ткнулся лбом в грудь.
Узумаки втянул в себя воздух, понимая, что украдкой запоминает запах, словно бы восполняя иссякший запас воздуха в тяжёлом баллоне за плечами.

- Нагато давал тебе наркотики?

- Саске…

- Нагато? - глухо повторил парень, поднимая на него глаза.

Тот молчал, прекрасно зная, что Учиха и сам уже всё понял, сделал выводы и врать ему бесполезно. Даже услышав правду, Саске поступит так, как уже решил.

- Ясно.

Короткое слово-убийца.
Саске рывком поднялся, выходя из комнаты, и едва не натолкнулся на Орочимару, что стоял под дверью и наверняка слышал их разговор.

- И теперь ты хочешь убить его, - спокойно подсказал доктор. - Нагато…того, что давал Наруто дозу.

- Отъебись.

Учиха попытался обойти Орочимару с другой стороны, но мужчина, выставив руку, ухватил его за плечо, сжимая.

- Если ты сделаешь это, то не сможешь себя простить.

- С чего ты взял? - с вызовом бросил брюнет. - До хера умный? Мудрый самый? Свали, я сказал!

- Я убил, Саске.

- Не нужна мне твоя исповедь.

Парень дёрнулся, но его сжали крепче и попытались заглянуть в глаза.

- Ты не должен делать этого. Это поставит крест на тебе.

- Иди на хер, Орочимару, - едва не дрожа от накрывшей его злости, прошипел Учиха. - Я просто поговорю с ним.

- Ври другим. Прости, Саске, тебе нужно остыть.

Быстрый укол в шею, и брюнет резко ухватился рукой за саднящее место, отшатнувшись от Орочимару, налетая спиной на стену и тут же съезжая по ней, расслабляясь.

- С ним всё будет нормально? - взволнованно спросил Итачи, поднимая брата.

- Через час очнётся. Но не факт, что не попытается пойти туда вновь.

***

Наруто сидел в этой комнате долго. К нему даже Орочимару зашёл, и Узумаки впервые был благодарен этому мужчине за его молчаливость. Доктор спокойно осмотрел его рану, поменял повязку и также тихо вышел, оставив после себя в комнате лёгкий запах ментоловых сигарет, что тут же вытравил запах Учихи.
Блондин потянулся за телефоном, сжимая его крепко, едва не ломая пластик. Тело вновь скрутило судорогой, а на лбу выступила холодная испарина. Саске обо всём догадался…
Что будет теперь?
С одной стороны с души буквально камень упал, но этот же камень мог стать надгробной плитой, на которой высекут сразу два имени. Искушение поддаться слабости было настолько сильным, что Наруто впервые за всю свою жизнь подумал, что в нём живёт две сущности: одна до ужаса хочет оставить утопать во лжи дальше, а другая рвётся наружу, тянется к черноволосому придурку, оказавшемуся слишком умным, чтобы так легко купиться на этот обман.
Саске верил, пока злился. Пока туман ненависти закрывал ему глаза, пьянил разум болью. А сейчас…сейчас Учиха был предельно трезв. Пугающе трезв.
С таким холодным взглядом уходят убивать. Наруто не знал, как выглядят убийцы, но догадывался, что смотрят теми же чуть прищуренными ледяными глазами, что и брюнет двадцать минут назад.
Узумаки нажал на кнопку телефона, сквозь нарастающую

дрожь догадываясь, что нужно позвонить Нагато и предупредить его…
Нагато…
Пальцы застыли на середине списка, взгляд упёрся в бардовый ковёр, повторяя замысловатые извилины. Отупение било в голове сильным пульсом, а ему вторило срывающееся сердце, под рёбрами саднила рана, к горлу подкатывал горький ком. Нагато обманул его…предал. Но почему нет боли? Как будто этот человек превратился в картонку.
Нужно было уходить…бежать отсюда. Саске…Саске не должен приближаться к нему или он к Учихе…
Предупредить Нагато…
Пальцы скользнули по кнопкам, выбирая нужный номер, нажимая и дожидаясь гудков.

- Н-нагато? - прохрипел Узумаки, кожей чувствуя, что больше не сможет находиться в этом месте. - Ты дома? Хорошо… оставайся там. Я скоро буду. И…не открывай никому.

- Уже уходишь?

Отключив телефон, Наруто поднял глаза на застывшего в дверях Итачи.

- Вы же не думали, что я останусь тут, - немного нервно усмехнулся Узумаки и поднялся. - Ты тоже в курсе про Мадару?

Итачи сдержано кивнул.

- Тогда тебе ясно, что я не могу остаться с твоим братом даже сейчас.

Узумаки сам подивился тому расчётливому тону, с которым он всё это произносил. Подводил только дрожащий голос.

- Поэтому я и не буду тебя останавливать.

Учиха посторонился, пропуская мимо себя Наруто. Идти было тяжело, но, прижав руку к ране, он всё-таки смог сделать несколько шагов, прежде, чем наткнулся на лежащего на

диване Саске. Брюнет выглядел спящим, но внутри что-то нехорошо ёкнуло.

- Он спит. У тебя полчаса на то, что ты задумал сделать.

Наруто кивнул, ласково скользнув по худощавому лицу взглядом, и направился к выходу из дома.

***

Когда Узумаки подошёл к двери в квартиру Нагато, прошло уже больше выделенного ему времени.
«Наверное, Саске уже проснулся», - пронеслось в голове, и парень просто уткнулся лбом в холодную поверхность двери, поднимая дрожащую руку к звонку. Нажал и чуть не съехал вниз, когда ему открыли сразу же.

- Наруто! - выпалил красноволосый, подхватывая парня и помогая ему войти внутрь. Узумаки едва не спотыкнулся о какие-то женские туфли, неряшливо брошенные на самом пороге.

- У тебя гости? - зачем-то спросил парень, прислоняясь спиной к стене в тщетной попытке сдёрнуть с ног кеды.

- Оставь, - буркнул Нагато, проводя его дальше по коридору в зал. - Что с тобой случилось?

- Подрался… - глухо выдохнул парень, опускаясь на диван и без сил откидываясь спиной назад. Всё тело теперь било так сильно, словно бы вместо позвоночника ему вставили включённый отбойный молоток. Было холодно, и хотелось постоянно кутаться в собственные руки, но на лбу то и дело появлялась испарина.

- Нагато? Кто это?

В комнату вошла невысокая женщина, придерживаясь за дверной косяк. Судя по всему, она была из того же круга, в котором вращался и сам хозяин квартиры, потому что её

волосы имели странный светло-сиреневый оттенок. Хотя и убраны были в подобие деловой причёски-пучка.

- Наруто. Мой друг. Это Конан…

- Привет, - рассеянно махнула рукой женщина и тяжело рухнула в серое кресло.

- Вижу, твоему другу плохо…

- Нагато, - перебил её Узумаки. - Саске знает про тебя и Мадару. И про меня тоже знает.

Лицо красноволосого смертельно побелело. Он отшатнулся, замирая напротив Наруто, глядя на того напряжённым взглядом.

- Ч-что?

- Ты давал мне дурь по требованию Мадары? - тяжело выдохнул парень. Его скрутило спазмом, и очередной горький комок подкатился по горлу. Пришлось застыть, мелкими глотками выпивая сухой воздух, пока желудок не отпустило.

- Что ты знаешь? - механическим голосом спросил Нагато.

- Немного.

Наруто отрицательно покачал опущенной головой и сел ровно.

- Я был вынужден…

На Нагато было жалко смотреть: в миг из уверенного в себе, умного мужчины он превратился в испуганного юнца, у которого в карманах родители нашли не только сигареты, но и презервативы. Узумаки хотел что-то сказать, но его едва не скрутило в три погибели. Кое-как поднявшись, он с трудом бросился мимо красноволосого в ванную, где его всё-таки вывернуло.
Пустой желудок скрутило болью…

Кажется, последовавший за ним Нагато сказал что-то о таблетках…
Умывшись, Наруто вывалился из ванной и, словно сомнамбула, пробрёл обратно в зал, рухнув на раскладушку. Мозг плохо соображал. Хотелось только тепла и чтобы эта дрожь исчезла из тела…

- Заботится, - тихо заметила Конан, что словно приведение до сих пор сидела в кресле. - О Яхико он тоже заботился…а потом…

Женщина выглядела нетрезвой, а её речь звучала смазано и также доходила до мозга.

- А потом он убил его, - выдохнула она разом. - Сегодня день, когда умер Яхико…ты знаешь? Нет…откуда тебе знать-то.

Убил…

- Нагато, - позвал Наруто, стоило красноволосому показаться в комнате. - Саске может прийти сюда…он знает.

Хозяин квартиры медленно опустился перед раскладушкой на колени, наблюдая, как Узумаки с трудом садится. Это был новый уровень боли, который не имел ничего общего с эмоциями и чувствами. Сейчас болело только тело, только мышцы, только кости…

- Возьми.

В его руку опустилось пластиковое тельце, наполненное мутной жидкостью. Наруто вопросительно посмотрел на Нагато.

- Почему?

- Потому что тебе больно, - просто и как-то безжалостно ответил мужчина. - А эту боль ты вытерпеть не сможешь.

- Сюда может прийти Саске…

- Что будет с тобой, когда он придёт? Ты сможешь сказать ему «нет»? Вряд ли…и тогда Мадара получит то, что хотел. Его жизнь. А ты - тело в гробу.

Наруто до боли в пальцах сжал шприц, впериваясь немигающим взглядом в лицо напротив. Почему-то всё сейчас казалось таким нереальным, отстранённым. Картонным.
Он даже хотел протянуть палец и надавить на белую щёку, чтобы посмотреть, как та мелко рассыпается бумажными стружками, но поднять руку не смог. Кости медленно вибрировали, покрываясь мелкими иголками, впивающимися в плоть изнутри. Каждое движение отдавало болью. Ему даже дышать было больно, будто бы лёгкие находились под сто килограммовым прессом.
Плечо передавило чем-то, и Узумаки понял, что несколько минут выпали из его реальности. На его грудь надавили, укладывая обратно на раскладушку. Тёплые руки на раскалённой коже чувствовались металлическими штырями. Они хватали кожу и надавливали, а потом укололо. Остро и болезненно. Наруто даже шикнул и…по венам побежала не кровь. А вязкое осознание того, что они поступают глупо, потому что Учиха может прийти, ушло на второй план. Саске…

***

Он открыл глаза и резко сел, словно бы внутри что-то оборвалось. Это отвратительное чувство походило на крючок, которым поддели его и подняли на ноги. Покачнуло, но Саске удержался.
Он поднял глаза на распахнутую дверь комнаты, двинулся к ней, но уже на подходе остановился, услышав спокойный голос.

- Он не здесь.

Брюнет медленно повернулся к Итачи, стоящему у стены. Брат был похож на хамелеона, который стал таким же серым, как и обои здесь.

- Где он?

- Я не знаю.

Почти безразлично, но взгляд цепкий и тревожный. Он переживает о нём, а для Саске эта забота скальпелем по коже.

- Ты отпустил его? - прищурился парень. - Зачем?

Руки сами собой сжались в кулаки, перед глазами заскользили обваливающиеся осколки этой реальности. За её стеклянной стеной открывалась новая: тёмная, прожжённая и пропахшая горьким дымом. В ней даже близкие люди, желающие добра, поступают так, как выгодно им. И этим самым добродетельным инвалидам наплевать на то, что их добро бьёт молотом, кроша череп в кровавое месиво.

- Тебе небезопасно находиться с ним.

Саске, низко опустив голову, тяжело вздохнул, сжимая челюсти. Ему казалось, что ещё немного и он не выдержит, разлетится и вновь почувствует ту острую пустоту под рёбрами. А ещё хорошенько врежет Итачи.
Ногти впились в ладони, костяшки напряжённо загудели, но он не сдвинулся с места, медленно вдыхая и выдыхая.
Это была точка.
Жирная точка, которую давно стоило поставить в их с братом отношениях. Посмотреть друг на друга без розовых очков, без оставшихся ещё где-то под коркой семейных норм, принятых обществом. Брат может быть чужим, как и тот прохожий, что с утра наступил тебе на ногу.
И с этим ничего не поделать.
Виноват не отец. И не мать.
Даже они с Итачи не виноваты.
Просто…
Просто разошлись и никак не могут спуститься на одну траекторию.
Также молча, шумно выдохнув, Саске развернулся и вышел из дома, получив в спину понимающую тишину.

***

Учиха хлопнул дверью дешёвого такси, что остановилось у обшарпанного дома. Высыпав на сиденье скомканную купюру пополам с мелочью, он вылетел из салона, услышав в спину возмущённый окрик водителя.
Саске даже не обернулся, потянул тяжёлую железную дверь, лязгнувшую, словно ворота в Преисподнюю, и вбежал в прохладный подъезд. Местный цербер за одной из дверей истошно залаял, когда парень пронёсся чёрной тенью по лестнице вверх.
В том, что Наруто поехал к Нагато, Саске практически не сомневался. Эта мысль единственным ясным островком пульсировала в голове, толкая вперёд.
Дверь, конечно, оказалась закрытой. Зло рыкнув, Учиха пнул её со всей силы, и по подъезду разнёсся глухой удар.

- Нагато! - выпалил парень, ударяя кулаком по звонку. Где-то там, за стенами, разнеслась оголтелая трель.

Злость медленно поднимала свою уродливую голову за стенками покрывшегося трещинами сознания. Эта клетка из мелких осколков прежнего себя не сможет выдержать напора и рано или поздно разорвётся.
Ещё пара ударов в дверь, и та распахнулась. На пороге стоял удивительно спокойный хозяин квартиры, который словно был готов увидеть его.

- Проходи, - сухо сказал парень, но Саске особых приглашений было не нужно. Ухватив красноволосого за ворот рубашки, он затолкнул его в коридор.

Он не говорил ни слова, прижимая Нагато к стене, заглядывая в его выцветшие глаза и сжимая ткань в кулаке всё сильнее. Если бы Учиха мог, то обратил бы этого человека в пепел.

- Ты пришёл за Наруто? - сухо спросил красноволосый, даже не пытаясь вырваться из рук парня. - Он там…

Саске проследил за взглядом Нагато и, брезгливо отпустив его

картонное тело, вошёл в уже знакомую комнату.
Это всё уже когда-то было. В другом, безумном сне…
В самом углу дивана сидела какая-то женщина, на которую брюнет внимания не обратил, уставившись на лежащего на раскладушки Наруто. Блондин даже на вид казался холодным и каким-то безжизненным. Выброшенная на свалку реальности сломанная игрушка, которая когда-то была красивой, а сейчас стала ненужной, выцветшей, серой.
Таким ли он помнил своего Наруто?
Таким ли был образ в покалеченных воспоминаниях?
Саске медленно подошёл к нему, глядя сверху вниз. Блондин казался несуществующим, почти стёртым воспоминанием. Как забытый между страниц тяжёлой книги клиновый лист. Он яркий, когда ты только-только сорвал его с осеннего дерева и решил засушить между бумажных обрывков чьих-то мыслей. А со временем, без света, он становится всё темнее и темнее, пока не выцветает до состояния полупрозрачной плёнки, в которой только прожилки и остались.
И одно лишь прикосновение может развеять его в пыль.
Так же было и с Узумаки.

- Я поступил так, потому что у меня не было другого выбора, - ударился в спину голос Нагато. - И у Наруто его не было.

- И ты решил сделать из него послушную подстилку? - презрительно шикнул Саске, чуть повернув голову. - Подсадить на наркотики?

- Это не я решил.

- Но ты сделал.

- Я…

- Ты слаб, - повернулся к нему лицом Учиха. Смерил взглядом, подошёл ближе, щурясь и склоняя голову набок. Он смотрел на Нагато, как на забавный экспонат дешёвой выставки всякого мусора, который горе-творцы считают шедевром. - И это не я останусь один.

Глаза Нагато сверкнули непониманием, но тут же вновь стали тусклыми бутылочными стекляшками.

- Я бы мог убить тебя прямо сейчас, - ядовито прошипел Саске в ответ на внимательный взгляд. - Но…ты и так мёртв.

Отвернувшись от красноволосого, он подхватил Узумаки под руку и с трудом поставил его на ватные ноги. Наруто повис на нём тяжёлым каменным мешком, находящимся где-то между двумя пластами реальности.
В полной тишине Саске вышел из комнаты и из квартиры. Нужно было уходить, пока отчего-то замолчавшая злость не ввинтилась в череп острым болтом. Нагато стал очередной картонкой, сминать которую нет смысла, потому что скоро её размоют осенние дожди.
И ничего не останется от былого человека. Только раскисшие ошмётки.

Солнце, мне кажется, ты устало светить.
Устало быть справедливым и мудрым.
Я гляжу на твой негатив
И твержу монотонные сутры.
Стихнет шёпот песочных часов,
Выскользнут в море алмазные чётки
Ты - мой самый несбыточный сон,
Самый сладкий и самый короткий
Сон…

Глава 10. Рай на полчаса.

Глава 10.
Рай на полчаса.

«Мы с тобой будем пить
Отравленный воздух,
И в ответ на удар мы лишь рассмеёмся.
Мы превысили скорость, мы обречены.
Нас уже не спасти, мы не вернёмся.

Это плата за рай
На полчаса.
Нам на встречу в машинах летят
Изумлённые лица.

Ты меня научил
Не бояться страданий,
Уходить, не дождавшись,
Аплодисментов.
Пусть взрываются звёзды
За преступность желаний,
Лишь бы ты был со мной
За секунду до смерти».
Fleur - Рай на полчаса.

Иногда смотреть на стену интересно. Можно подумать о чём-то важном, можно помолчать и попытаться отдохнуть от суеты и пляшущих картинок перед глазами. Можно представить, что за кирпичами ничего нет, а место, в котором ты находишься, зависло где-то между бытием и Бездной. Раскачивается на тонкой цепочке, готовое сорваться вниз и разлететься от удара о землю. Можно просто представить…
Саске прикрыл глаза, проводя по лицу холодной рукой. Усталость не хотела отступать даже после четвёртой кружки горького кофе, из-за которого язык превратился в горьковатую

наждачку, а сердце начало выстукивать совсем уж сорванный ритм.
Если верить часам, то уже перевалило за девять вечера, а шум в общажном коридоре всё не стихал. Что-то внутри дёргало от каждого приглушённого голоса, губы кривились в оскале, пальцы крепче сжимали виски. Если верить себе, то время умерло, замерев на чуть подрагивающих ресницах спящего на кровати парня.
Учиха потянулся за пустой кружкой, но замер, бесцельно водя пальцами по острому сколу.
Вчера он едва не убил Наруто.
Сегодня приволок его в общагу, хотя знал, что лучше идти в больницу.
Эгоизм?
Чёрный, ядовитый.
Тяжело выдохнув, Саске вновь откинулся на спинку стула, так и не взяв кружку в руки. Всё равно пустая.
Он пытался отгородиться от реальности штакетником оправданий: не повёл в больницу, потому что будет трудно объяснить следы от уколов, да и колотую рану тоже. А потом… потом могут начаться вопросы и…
Учиха зарылся пальцами в волосы, сжимая их и закусывая губу.
«Ты не отвёл его в больницу, потому что боишься потерять опять».
Голос раздался над левым ухом, и парень невольно перевёл взгляд, но уставился лишь на стену.
«Потому что знаешь, что они вызовут его родителей и тогда… тогда его заберут».
Взгляд упал на Наруто.
«Ты ведь сделал с ним это. Положил этот лист в книгу и забыл о нём», - проворковал голос, постепенно обрастая плотью. Она вновь пришла и откровенно наслаждалась его растерянностью.

- Уйди, - прошипел брюнет.

Он зажмурился так крепко, что перед глазами пошли белые круги. Нужно было прекратить слушать её, нужно было отгородиться. Но чем? Стена реальности давно разрушена, а граница пошла крупными дырами.

- Саске?

Тихий голос заставил открыть глаза, выдыхая холодный воздух. Учиха перевёл взгляд на парня.

- Проснулся?

- Д-да, - неуверенно выдохнул Наруто, оглядываясь.

Перед глазами всё шло кругом, и пришлось пару раз вдохнуть поглубже, чтобы предметы перестали перескакивать с места на место. Постепенно к нему пришло узнавание, а вместе с ним и странное ощущение, что он попал в прошлое. А ещё волнение.

- Почему я здесь? - поднял брови блондин и посмотрел на сжавшегося на стуле парня. Тот напоминал взъерошенного ворона, взгромоздившегося на дряхлый столб. Ветер ерошил чёрные перья, заставляя мёрзнувшую птицу горбиться и зло смотреть на окружающий мир.

- Потому что я так захотел.

- Ты? Саске…

- Заткнись, Наруто, - поморщился Учиха и подхватил со стола пачку сигарет. Обвёл взглядом комнату, задержался на датчике дыма, что мигал красным глазком на потолке, и ругнулся. Пришлось просто мять сигарету в пальцах, рассыпая табак на коленку.

- Я же сказал, что не хочу возвращаться.

- Потому что Мадара тебя припугнул, и ты струсил?

- Потому что тебя убьют, придурок.

Наруто сел, с трудом облокотившись спиной о стену и приложив руку к стрельнувшей болью ране. Ему казалось, что он вот-вот должен развалиться на части, но вместо этого Узумаки прожигал взглядом Саске. Тот, словно старая чёрно-

белая киноплёнка, шёл крупными оплавленными дырами и исчезал с белого фона. Пришлось тряхнуть головой, прогоняя из мозга эту болотную муть.
Странно, но сейчас всё было безразлично. Обняв поджатые колени руками, Наруто повалился обратно на кровать, прикрывая глаза. Ничего не хотелось. Апатия мерзкой тёплой смолой заползла под кожу и отвратительно булькала в лёгких. Саске, нахмурившись, поднялся, подходя к нему и останавливаясь над кроватью. Попытка заглянуть в глаза провалилась, потому что Наруто попросту закрыл их, решив отгородиться от мира этой тонкой пеленой.

- Почему наркотики?

Блондин поморщился от слишком громкого голоса и приоткрыл глаза.

- Потому что.

- Узумаки, - угрожающе прошипел Саске. - Ты…

- Потому что без тебя я…

Наруто замолчал, прикусив губу и вновь закрывая глаза. Блаженное состояние безразличия откатывало, словно волны с берега, оставляя после себя острые зализанные булыжники боли.

- Что? - угрожающе опёрся рукой о кровать Учиха. Желание залепить этому глупцу хорошую оплеуху, чтобы мозги встали на место, показалось просто-таки ужасающе насущным.

- Я не хочу без тебя.

- Ты мог рассказать всё мне, и ничего бы этого не было.

- Да? - как-то с вызовом выпалил Наруто, так резко садясь на кровати, что Саске пришлось отпрянуть. - Рассказать? Они бы убили тебя!

Брюнет, покачивая головой, отошёл от него на шаг.

- Ты решил всё за меня.

- Потому что не было другого выхода! Ты меня вообще слышишь?

- Выход есть всегда, Наруто.

- Да. В окно, - зло усмехнулся блондин, сверкнув больными глазами. - Ты…я не хотел, чтобы ты умер из-за меня.

Саске замолчал, опустив голову. Прикусывать губу было уже совсем не больно, тело налилось отрешённым холодом, что сковывал пальцы. Злость вновь медленно брала своё, отгрызая по куску сердца.

- Ты тряпка, Узумаки.

- Ч-что?

- Херов слабак.

Всё произошло слишком быстро. Саске услышал скрип кровати, а потом в лицо врезался кулак и его отбросило спиной на дрогнувший шкаф. Он удивлённо уставился на вцепившегося в ворот его футболки Наруто.

- Слабак? - прохрипел Узумаки. - Ты…ты хоть понимаешь, что… он бы убил тебя! Он действительно мог прикончить тебя!

- И что? - спокойно спросил Учиха.

- И что?! Но…

- Ты эгоист…

- Саске…

Наруто почувствовал, как всё внутри мелко задрожало, как

руки похолодели и разжались, выпуская тёмную ткань футболки. Его пошатнуло, и поясница стукнулась о стол, а в боку заныло.

- Ты выбрал за меня.

- Я выбрал твою жизнь, - потерянно произнёс Узумаки.

За рёбрами всё переворачивалось, глаза бездумно шарили по облезлому ковру.

- Я всегда выбирал твою жизнь, - жёстче выдохнул он и всё-таки уставился на Саске. - Я бросил всё…чтобы быть рядом. Это мой выбор. И я о нём не жалею, но…я не могу жить так. Поэтому… поэтому…

Рука безвольно закрыла сгиб локтя, сильно сжимая кожу, чтобы синеватые отметины не было видно этим пронизывающим чёрным глазам.
Брюнет оказался рядом раньше, чем Наруто успел отпрянуть в сторону. Такая близость с пышущим злобой Учихой была опасной, как и любая другая. Было ощущение, что у стен появились не только уши, но и глаза, а окно за его спиной слишком большое и весь мир может видеть, что Саске стоит рядом с ним, заглядывая в глаза. И выглядит… Потерянным.

- Ты придурок, - очень тихо сказал брюнет. - Я был готов убить тебя собственными руками.

Пальцы зацепили складку футболки над раной, и Узумаки вздрогнул, вжимаясь в стол сильнее, смотря мимо.

- Лучше бы ты убил меня, чем они добрались до тебя.

- Наруто, посмотри на меня.

Саске потянулся к бледному лицу, но блондин отклонился, всё ещё избегая взгляда. Это был не стыд. Учиха прекрасно понимал, что движет этим белобрысым придурком. Потому что

тоже самое засело и у него в голове: один взгляд и будет плевать на всё. Слишком близко.

- Мадара - слишком крупный зверь, Саске, - горько усмехнулся Наруто. - Это уже не шутки и не пустые угрозы.

- Не делай этого…

- Он опасен. И я…верю ему. Поэтому…

Прохладная рука чуть сжала его горло, но Наруто не отстранился. Даже не вздрогнул. Он всё-таки посмотрел в глаза напротив, потянулся к нему, тронув пальцами острую скулу. Холодная белая кожа под подушечками…
Блондин улыбнулся, придвигаясь ближе и втягивая в себя запах его волос, его темноты, его злости. Всего этого так не хватало. Потому что добровольно лишил себя свободы, позволил жить другому. Стал слабаком. Не шаблонным героем, который готов убить любимого человека, который готов пожертвовать его жизнью, чтобы от приступа эгоистичности умереть рядом с ним, как в дешёвых романах.
Реальность в другом.
Любовь редко бьёт так, как мы ожидаем, а в её колчане не тонкие стрелы, а китобойные гарпуны с зазубренными наконечниками. Если она однажды попала в тебя, то выдрать из сердца получится только вместе с рёбрами, оставив огромную дыру. И реальность в том, что сделаешь всё, чтобы другой не почувствовал этой боли. Будешь врать, будешь мучиться, но не позволишь умереть. Потому что так неправильно. Кто-то должен остаться в живых, а гарпун в сердце постепенно растворится в океане времени. Так всегда бывает…
Больно лишь первые секунды, потом накатывает безразличие, которое и правит миром.
Пусть Саске считает его кем угодно. Главное - Учиха до сих пор жив, до сих пор дышит и курит свои отравленные сигареты.
Лоб уткнулся в выступающую ключицу. Шея устала держать голову, мозг устал думать, а сердце биться.
Брюнет застыл, как истукан. Дыхание на его груди подтапливало и без того треснувшую ледяную оболочку, и она истекала кровавыми каплями, крошась и ломаясь. Он разжал

руку, осторожно перемещая её на плечо. Пальцы дрогнули, словно от удара током.
Это было то самое прощание, которого не хватало, чтобы поставить точку. Наруто уходил медленно, нерешительно. У него действительно не хватало сил, чтобы захлопнуть дверь раз и навсегда. Он растерял их…
Вот что изменилось в Узумаки.
Он с упрямостью камикадзе тратил свою душу на то, чтобы поддерживать чужую. Всё то время, что был рядом, он держал его, держал себя и был той самой тонкой соломинкой, протянутой над бездной. Они с ним прекрасно знали, что рано или поздно соломинка сломается, не выдержав холодного ветра или камнепада. И кому-то придётся упасть…
Чёрт его дери. Он выбрал своё падение, отдав последние крупицы души, чтобы холодные руки превратить в крылья, способные удержать Саске. И ему было наплевать на то, что крылья вышли херовыми: перья были острейшими лезвиями, что полосуют так тщательно оберегаемое Наруто тело, кости стали ледышками, превращающими нанизанное на них мясо в камень. На таких крыльях далеко не улетишь, да и продержаться можно лишь до ближайшего уступа, но…
Наруто знал, что Саске продержится. Конечно, Учиха попытается ринуться за ним в пропасть, но крылья слишком широкие, они застрянут в этом ущелье и он всё равно будет жить.
Пусть запертый в этой тёмной Бездне, пусть ненавидящий, но живой.
Дышащий.
И за это биение за рёбрами Наруто был готов принять на себя любые ярлыки этого картонного мира. Суд бумажек, готовых вспыхнуть и рассыпаться под первым же натиском проблем. Суд тех, кто давно упал в пропасть.

- Просто отпусти меня, - тихо прошелестел он куда-то в ключицу. - Пошли на хер, скажи, что я тебе не нужен. Соври мне.

- Нет.

Пальцы на плече сжались.

«Это ты заложил этот лист в книгу», - напомнил голос.
Учиха уткнулся губами в белобрысую макушку. Взъерошенная выгоревшая на солнце солома пахла знойным летом, травами и горечью.

- Я не буду с тобой, Саске, - сильно зажмурился Наруто. - На этот раз действительно нет выхода.

Сердце сжалось и забилось мелкими частыми ударами. Пришлось зацепиться за плечи брюнета, чтобы не съехать на пол, но в ту же минуту Наруто понял, что лучше бы упал. Острые косточки под пальцами, напрягшиеся мышцы, когда Саске подхватил его осторожно, чтобы не придавить рану, тихая ругань, когда он, Учиха, опустил это тело на кровать и, кажется, упёрся руками по обе стороны от него.

- Посмотрим.

Наруто отрицательно качнул головой, хотел сказать, что всё уже решил, но темнота накрыла слишком быстро. Вместе с ней губам стало почему-то холодно. Он попытался вырваться из плена забытья, но это было слишком трудно. Оно не отпускало.

***

- И какого хера я должен пускать тебя сюда?

- Потому что я староста этого этажа, и…

Зашуршали какие-то листы.

- У вас трёшка по документам.

- И? - голос Саске злой, едва сдерживается, чтобы не послать подальше. Но почему не пошлёт? Или уже пробовал, но безрезультатно?

Наруто вяло приоткрыл глаза, но перед ними всё плыло и раскачивалось, так что пришлось вновь опустить веки.

- Завтра я заезжаю в вашу комнату.

- Почему ты?

- Так решил комендант. На моё место заселят новенькую девочку.

- У нас две кровати.

- Завтра занесут третью.

Дверь тихо скрипнула, закрываясь, и Наруто попытался провалиться в сон, плохо уловив суть разговора. Нейджи заселяют к ним? Зачем?
Телефон слабо пикнул, информируя о том, что пришла смс, но Узумаки даже не проснулся, чтобы прочитать её.

***

Саске выставил на стол горячий чайник, пакетик с чаем и кружку. Подумав, сыпанул в неё несколько ложек сахара. Наруто спал весь день, просыпаясь лишь изредка, чтобы сделать несколько глотков воды, но и тогда, кажется, вряд ли он понимал, что вообще вернулся в реальность.

- Эй, - бросил Учиха, тронув плечо. - Проснись.

Блондин открыл глаза далеко не сразу, а когда тонкие потемневшие веки поднялись, то белок показался болезненно розоватым, а бирюза слишком яркой, нездоровой.

- Я не хочу чай.

- Мне плевать.

Саске потянул его за плечо, помогая сесть и опускаясь рядом с кружкой в руках.

- Ты будешь пить чай, есть еду и мне насрать на твои желания. Понял?

- Я не хочу.

- Тебе повторить ещё раз? - нахмурился Учиха, поднося кружку к пересохшим губам Наруто.

Тот нехотя вцепился в неё, на всякий случай отодвигаясь подальше от брюнета. Узумаки казалось, будто бы Саске вот-вот примется насильно заливать в него чай, но этого организм, судя по ощущениям, просто не выдержит.
Делая небольшие глотки, он смотрел поверх края кружки на Учиху, который коршуном уставился в ответ, будто бы опасаясь, что его подопечный не будет пить злосчастный чай. Тот получился излишне горьким, но Наруто не подал виду, практически не обращая внимания на вкус: ему хотелось быстрее протолкнуть в себя питьё и вновь растянуться на кровати.

- Зачем ты это делаешь? - спросил Узумаки.

- Делаю что?

Чёрные брови вопросительно изогнулись, когда Саске услышал этот странный вопрос. Наруто не казался сейчас тем человеком, который мог проследить логические связи его поступков. Узумаки, скорее, напоминал едва ли проснувшееся нечто с путанными мыслями и мутными глазами.

- Чай и всё это…

- Мне нельзя сделать тебе чай? - усмехнулся Учиха и достал из кармана сотовый Наруто. Блондин заметно оживился, будто бы готовый потянуться за телефоном и выхватить его из холодных рук. Только вот прыти не хватит. Это понимали оба.

- Мадара запретил? - новая усмешка, а пальцы легко нажимают кнопки, чтобы через несколько секунд повернуть сотовый экраном к Наруто.

Последний, сощурившись в тщетной попытке сфокусировать

расплывающееся зрение, ухватился за телефон, удерживая его так, чтобы тот не плясал на месте. Стало немного легче.
«Мой человек будет жить с вами до тех пор, пока Саске не разочаруется в тебе окончательно. Продолжай жить так, как живёшь, Наруто. Но помни: если что-то пойдёт не так…».
Эти многозначительные точки в конце были красноречивее слов. По спине Узумаки прокатился ледяной ком, и парень сделал торопливый глоток, всё ещё прорезая взглядом внезапно потухший экран.

- Мадара, - кивнул Учиха. Его пальцы, сжавшие пластиковое тельце, ощущали на себе лихорадочный жар чужих. Это было приятно, но пришлось опустить руку, потому что она стала затекать, а вот телефон никто из них не отпустил. Учиха внезапно понял: они оба цепляются за сотовый, как за предлог, чтобы коснуться друг друга, и раньше Саске бы съязвил по этому поводу, но сейчас…сейчас он старался не показывать виду, что вообще это заметил.

Наруто поднял на него глаза, едва касаясь пальцами холодных костяшек. Они белые, гладкие, а на правой руке сбитые и покрытые мелкими белёсыми росчерками - напоминание о ссоре с Нагато и разбитой стеклянной дверце. Узумаки ссутулился, опуская взгляд на тонкое запястье, увитое канатами вен. Ядовитый плющ, тянущийся по белому, холодному дереву. Такому тонкому, что ветер не способен сломать его пополам, а лишь гнёт к земле, заставляя своими ветвями подметать пыль.
Сидеть вот так в комнате, допивая чай в полной тишине, когда за дверью кипит общажная жизнь и кто-то гремит кастрюлями на кухне, было физически невыносимо. Это как нырнуть в раскалённое железо, выстудив себя на арктических ветрах до колкого льда в венах. Сначала приятно: кровь оттаивает, вновь бежит по жилам к бьющемуся сердцу. А потом больно, потому что с тебя слезает мясо и остаётся оголённый костяк, который уже не прикрыть за нагромождением лживых сухожилий. Это как в прошлом, когда был наивным идиотом, желающим спасти всех, а напротив сидел не меньший придурок со стеклянным взглядом и холодной усмешкой. В прошлом. Всё осталось там. за тонкими стеклянными дверями прожитых жизней.

Саске потянулся ближе, но Наруто отпрянул, выпуская телефон и вжимаясь спиной в стену.

- Ничего не изменилось, - глядя на колени Учихи, выпалил блондин. - Я…когда мне станет лучше, я уйду. А ты…будешь жить.

Саске тяжело вздохнул, убирая телефон в карман и поднимаясь. Его кружка с кофе гулко стукнула о стол, и половицы скрипнули, когда парень в полном молчании покинул комнату. Учихе хотелось ругаться, хотелось заехать по этой физиономии так, чтобы нос треснул, но приходилось сдерживаться, сжимая скрипящий телефон.
Он раздражённо толкнул лязгнувшую расшатавшимся стеклом в раме дверь на балкон. В лицо ударил вечерний воздух, уши заложило от шума проносящегося мимо поезда. Вцепившись во влажные перила, Саске зло выругался, глядя на колыхающуюся тёмную полоску посадки, за которой начинался вокзал и железнодорожные пути.
Ему осточертело барахтаться в этих сетях, утягивая на дно не только себя, но и Узумаки, который оказался хреновым рыбаком. Если бы можно было развернуть всё вспять, то Саске с радостью бы поджог сети и они никогда бы не вернулись из лесного домика, где не было всех этих крючков и лесок.
Дрожащими пальцами Учиха вытянул из пачки сигарету, сразу же зажимая её зубами так сильно, что челюсти заныли. Нужно было придумать выход из всего этого дерьма. Нужно было вырваться…
Взгляд зацепился за красную полоску горизонта, что рваной линией проглядывался в прорези меж домов. Завтра будет новый день. День, когда ему придётся идти к Мадаре…
Только вот кто сказал, что он обязан.
Саске даже усмехнулся, чиркая зажигалкой и затягиваясь. Мадара закинул свой невод, который покрыл собой всё это беспокойное море, но и представить не мог, что у некоторых рыб зубы поострее его собственных и тонкие лески им не преграда. Бег всегда был смыслом жизни - пока ты двигаешься, ты живёшь, а если сложил руки и смирился с судьбой, то можно копать яму.
Оставалось только придумать, как выбраться так, чтобы

лопнувшие путы не стеганули по другому.
Нарастающая боль в виске отвратительно стрельнула во всю голову, и пришлось приложить к пульсирующей точке пальцы, морщась. Саске совершенно забыл о том, что его собственный организм стал походить на треклятую марионетку, что двигается только на таблетках. Они стали его топливом. Сжирая круглые горьковатые колёса, оболочка продолжает функционировать, двигаясь, разговаривая и пытаясь вытащить чужой зад из проблем. Нити, что поддерживали марионетку, провисли и теперь едва ли не волоклись по земле, потому что Кукловод устал их держать, сдавшись. Приходилось жить на химии.
Сколько он не спал? День? Два? А не ел…
Желудок отвратительно заныл, напоминая, что оболочка требует хоть чего-то, кроме кофе, что продержит её функционирующей ещё немного.
Телефон в кармане завибрировал так неожиданно, что Саске едва не выронил сигарету из пальцев. Это взбесило ещё сильнее, и пришлось, ругнувшись, доставать сотовый и отвечать на звонок, надеясь, что на том конце окажется Мадара и можно будет попытаться выместить на нём свою злость. Однако трубка заговорила совершенно другим голосом…

- Наруто? - выпалил Нагато. - Это ты?

- Что ты хочешь? - сухо спросил Учиха, щурясь от едкого дыма.

- Я так и знал, что нарвусь на тебя… - разочарованный смешок.

- Говори.

- Я хочу помочь вам…

Саске недоумевающе приподнял бровь. Если этот придурок вдруг решил стать матерью Терезой, переняв эстафету у Наруто, то все его благие намерения казались сплошь пропитанными каким-то лживым желанием выгородить самого себя. Нагато изо всех сил пытался влезть в белые одежды, которые были для него слишком просторными и, волочась по земле, всё равно окрашивались в пыльно-чёрные.

- С чего бы вдруг? - едко спросил Учиха.

- Наруто - мой друг.

- Друг? Значит, в твоём понимании нормально травить друга наркотиками?

- А ты хотел бы, чтобы он повесился на ближайшей ветке? - раздражённо прорычала трубка. - Ты не видел его тогда, не знаешь, что с ним было…

- Зато его видел ты, - пожал плечами Учиха. - Наш взрослый, мудрый Нагато, к которому идиот Узумаки бежит при первом же случае. Разве ты не нашёл ничего лучше…

- Не тебе меня судить, - резко перебил его красноволосый, и в трубке послышался тяжёлый вздох, будто бы парень боролся с самим собой, чтобы не повысить тон. - Ты угрожал ему пистолетом…

- И это он тебе рассказал, - хмыкнул Саске, облокачиваясь спиной о стену и отщёлкивая окурок. Рука полезла в карман, но он вовремя вспомнил, что и эту сигарету пришлось просить у прохожего. Раздражённо скривив губы, брюнет постучал пальцами по ржавым балконным перилам: - Что ещё он тебе рассказал? Давай, обвиняй меня, Нагато. Может быть, на моём фоне ты будешь казаться лучше…

- Это сейчас не важно, Саске. Мы оба…оба в своё время натворили глупостей. Но сейчас я действительно хочу помочь. И глупо отказываться…

- А я вообще не умный, - усмехнулся Учиха, сбрасывая звонок и убирая телефон в карман. Пнув дверь, он вышел в коридор, подгоняемый прохладным сквозняком.

Кто-то, кто шагал с кухни в свою комнату, недовольно окликнул о чём-то вроде запрета курения в общежитии, но удостоился лишь оттопыренного среднего пальца и

безразличного взгляда. Сейчас было не до всех этих дурацких правил.
Сотовый в кармане завибрировал вновь, когда Учиха вернулся в их с Наруто комнату. После уличной прохлады здесь казалось очень жарко и душно. Оглядевшись, Саске подошёл к окну, дёргая за ручку и со скрипом открывая его, дабы впустить внутрь немного свежего воздуха.

- Холодно. Закрой, - проворчал свернувшийся в три погибели на кровати Наруто, заставив удивлённо поднять брови и отрицательно качнуть головой:

- Тут дышать нечем.

С этими словами Учиха стянул с соседней кровати плед и набросил на странно вздрогнувшего блондина. Наруто зацепился пальцами за ткань, натягивая её до самого подбородка и будто бы специально смотря только на пол. Брюнет даже сейчас видел, что парня бьёт мелкая дрожь, а губы побелели и ссохлись.
«Он сам виноват», - резко отозвался внутренний голос на желание убрать с бледного лица налипшие пшеничные пряди. Саске ненавидел, когда чужая слабость так сильно бросалась в глаза. И не потому что считал, что каждый из людей должен быть из камня, а потому что не хотел признаваться себе в том, что иногда и сам выглядит не лучше. Видеть в отражение другого собственную боль было отвратительно. Хотелось взять за плечи, поставить на ноги и хорошенько встряхнуть.
Он вперился взглядом в Наруто, ища в нём эту треклятую червоточинку, которую так хотелось вырвать, чтобы парень вновь стал собой.
Телефон вновь завибрировал, и пришлось раздражённо сбросить звонок и удалить, не читая, несколько назойливых смс от Нагато. Кажется, тот сделал своей жизненной целью доставать его предложениями о помощи.
Хотя Саске понимал, что других возможностей спастись из этой паутины у них нет. Оставалось только просить помощи у Итачи, чего он делать категорически не хотел, или же принимать уже протянутую.
Наруто сонно поморщился, накрываясь пледом сильнее и,

кажется, проваливаясь в сон, судя по расслабленному лицу. Оно перестало напоминать гримасу боли, став безликой ровной картонкой.

- Видишь, он такой же, как и все…

Тихий голос над самым ухом, затем мягкое касание ледяных губ к виску и колкие мурашки по позвоночнику, дробящие кости.
Она отошла от него, склоняя голову набок и улыбаясь губами, в глубоких трещинах которых залегла подсохшая кровь. Длинные чёрные волосы, спутанные вместе с блестящими водорослями, тонкая кожа и проступающие линии вен…

- Он стал для тебя такой же картонкой, как и все остальные.

- Только не он, - резко отрезал Саске, тут же прикусывая язык: разговаривать вслух с самим собой было не особо приятно.

Странный липкий страх пробежался по телу траурным саваном, когда она подошла ближе, обнимая за дрогнувшие плечи и заставляя посмотреть на Узумаки.

- Ради него ты остался здесь, а он оказался ненастоящим…

Саске дёрнулся, сбрасывая с себя руки Белокожей, ударился бедром о стул, неловко взмахнув рукой перед собой. Неясный образ тут же рассеялся, но лёгкий мелодичный смех ввинтился в уши, усиливаемый очередной вибрацией телефона.
Ухватив его, Учиха резко выпалил в трубку:

- Приезжай.

***

Наверное, вахтерша была несколько удивлена, увидев парня, который едва тащит другого, накрытого пледом. Саске не обратил на неё никакого внимания, едва удерживаясь на ногах со своей не особо тяжёлой ношей.
Отсутствие еды и нормального сна давали о себе знать: голова

кружилась всё сильнее, руки мелко дрожали, а ноги отказывались идти. Поэтому, уложив заснувшего Наруто на заднее сиденье и захлопнув дверь, Учиха без сил повалился на сиденье рядом с водительским.

- Он спит? - спросил Нагато, но удостоился лишь косого взгляда и безразличия.

Машина с тихим шелестом отъехала от общаги.

***

- Наруто…

Кто-то звал его, но Узумаки никак не мог увидеть лица этого человека. Руки и ноги стягивало отвратительными холодными жгутами, по которым струилась красноватая жидкость с крупными багряными сгустками. Здесь было холодно, но мёрзли почему-то только кончики пальцев и ноги… Ноги просто отваливались, если быть точным. Но боль приходила будто бы из-за туманной завесы, почему-то пахнущей знакомым сигаретным дымом.
Вокруг кружились неясные силуэты: тёмные, красные, искрящиеся. Но ни один из них не был знаком.

- Наруто!

Узумаки попытался подняться, но жгуты сдавили сильнее и боль оказалась попросту оглушающей. Она взорвалась в груди и пронзила всё тело мелкими осколками, изрезавшими его в лоскуты. Ему показалось, что посмотри он на свою руку, то увидит кровавые ошмётки вместо кожи и белёсое крошево заместо костей.
Но он так и не смог посмотреть: его дёрнуло и…сон кончился. Блондин открыл глаза и тут же глухо застонал, обхватывая себя руками. Что-то жёсткое под щекой неприятно ободрало кожу, а в нос въелся запах бензина.
«Бензин?», - удивлённо подумал парень.
Наруто приподнял голову в попытке оглядеться. У него даже получилось разглядеть два сиденья перед собой, и мозг

запоздало понял, что он находится в салоне какой-то машины. Второй мыслью было, что Мадара всё-таки решил увезти его подальше в лес и закопать, и Узумаки даже усмехнулся этому внезапному концу всей данной истории, но…

- Нагато? - удивлённо спросил он, заметив выгоревшие на солнце красные пряди.

Резко дёрнул головой в сторону соседнего сиденья, из-за спинки которого на него в упор смотрел Саске. Разум отказывался воспринимать этих двоих в одной машине, а себя не хотел видеть третьим, потому что логика расплавленным железом стекала сквозь пальцы. Что он тут забыл? Почему они куда-то едут?
Болезненная судорога, скрутившая тело, выбила последние попытки догадаться о происходящем. Наруто уткнулся лицом в колючую обивку, едва ли не прихватывая её зубами, впиваясь пальцами в поролон. С телом что-то происходило: его корёжило, скручивало и дробило. Хотелось вылезти из него и оставить этот корчащийся кусок мяса. Выждать. Но как ни пытался Наруто выбраться из него, у него ничего не получалось.
Сбившийся плед, скрутил его ноги, став слишком жарким. Дышать внезапно стало нечем, и парень поднял раскалившиеся глаза на тёмное окно. Попытался дотянуться до ручки, чтобы открыть оное, но очередная судорога вновь завязала морской узел из его болевых окончаний.

- Наруто? - позвал Саске, замечая, что блондину явно стало хуже.

Нагато, сворачивающий на трассу, бросил на Учиху обеспокоенный взгляд и притормозил:

- Пересядь к нему.

Но Саске и без его подсказок толкнул дверь, как только машина остановилась. Усевшись сзади, брюнет подхватил Узумаки под плечи, укладывая того себе на колени и захлопывая дверцу. Машина вновь тронулась, вливаясь в общий ночной поток.

Холодный лоб под ледяными пальцами был слегка влажным, а взгляд Наруто казался ровней тому, которым обычно смотрят умирающие от старости псы: они не могут уйти сами и, мучаясь, всё чаще и чаще кладут свою голову на колени хозяина, молча надеясь, что завтра уже не будет. Получить последнюю ласку, уснуть и не проснуться.

- Терпи, - прошипел Саске, сжимая пальцы на вороте футболки парня. - Иначе сам врежу.

- Врежь, - дрожащим голосом попросил Наруто. - Может, вырубит.

- Я сказал, терпи, - раздражённо рыкнул Учиха.

Дотянувшись до пледа, он скинул его с запутавшихся ног парня и вновь приложил ладонь ко лбу. Машина вильнула, мимо пронеслась гудящая фура, и Саске недовольно посмотрел на Нагато:

- Долго нам ещё?

- Час…или полтора.

- Охереть.

- У него ломка.

- Вижу, - шикнул брюнет, раздражаясь ещё сильнее от очевидных замечаний. - Жми давай.

Рука забралась под футболку Узумаки, опускаясь на солнечное сплетение, согревая бешено бьющееся сердце своим холодом, желая проникнуть глубже и успокоить, унять.
Или же сжать, чтобы хотело бороться дальше.
Наруто перевернулся на спину, сжимая пальцами обивку.

- Не гони, - выпалил Саске. - Если нас остановят менты, то…

Нагато отрывисто кивнул, сбавляя скорость.

- Учиха, куда мы едем? - отдышавшись от очередной судороги, спросил Наруто.

- Подальше от Мадары.

- Ты…с ума сошёл?

Меж светлых бровей залегла болезненно-глубокая морщинка, и Наруто попытался подняться, но его возмущения хватило лишь на недовольный блеск в глазах.

- Давно уже, - передёрнул плечами Саске, надавливая на грудь парня и опуская его обратно к себе на колени. - Если ты не заметил.

- Идиот.

Наруто резко сел, обхватывая себя поперёк живота руками и сгибаясь лицом к коленям. Болела голова, болело всё, а внутренности наматывали на огромный вал с шипами. Они рвали их, и горькое месиво подступало к глотке.
Приходилось дышать мелкими глотками, сгибаясь всё сильнее, пока гудящий позвоночник не затрещал предупреждающе.
Наруто казалось, что весь он состоит из сухих веток, которые с одной стороны жгут огнём, а с другой выстуживают льдом. Посередине же было непонятное, отрешённое и отвратительно спутанное, как и его мысли. Машина двигалась, а вместе с ней и тело будто бы разлеталось на атомы, чтобы собраться вновь, чувствуя каждую кочку в ровном асфальте.

- Останови, - выдохнул он.

Судя по тому, что машина медленно съехала к обочине, его вид говорил сам за себя. Кое-как вывалившись из салона, Наруто едва не рухнул в мокрую траву, но чья-то рука вовремя удержала его за плечи. Узумаки даже поблагодарить не успел, как его вывернуло наизнанку той самой чёрной желчью, что давно уже колыхалась где-то под рёбрами.
На миг дышать стало легче, но только на миг. Прохладный

осенний воздух стеганул по лицу набирающим силу ураганом. Его дёрнули назад, поднося к губам пластиковое горлышко бутылки, и в глотку полилась безвкусная вода. Наруто с трудом сделал первый глоток, проталкивая осевшую во вру горечь обратно. Сжал пальцы на груди Учихи, комкая его футболку и предостерегающе мотнул головой, отстраняясь. Выдохнул-вдохнул, находя взглядом чёрные глаза.

- Как?

- Не знаю, - мотнул блондин головой, с сомнением косясь на бутылку и на открытую дверь.

Желудок саднило, будто бы вместе с водой он наглотался разбитого стекла и закусил лезвиями. Неуверенно кивнул в сторону выхода и, дождавшись, пока Саске вылезет первым, вышел следом, игнорируя протянутую руку. Слишком хорошо Узумаки успел узнать разум брюнета, который помощь предлагает в самых крайних случаях. А считать это всё таковым очень не хотелось.
Цепляясь за влажный металл машины, Наруто выпрямился, но тут же ссутулился, почувствовав укол под рёбра.
Только сейчас, когда первый приступ чуть утих, парень понял, что давно уже стемнело и те белые круги перед глазами были отсветами фонарей, тянущимися вдоль трассы.
Он сошёл с обочины, едва не навернувшись, но вовремя выровняв своё тело. Высокая трава, цепляясь за джинсы, поддерживала его, выступая чем-то вроде своеобразного костыля, но и от настоящего он бы не отказался.
Узумаки повернулся на хлопок двери, заметив, что Нагато предпочёл остаться в машине, а Саске смотрит на него тем самым тяжёлым взглядом, который не предвещает ничего хорошего.
Лучше бы правда врезал.
Иногда глаза Учихи становятся чем-то вроде зеркала, в котором можно увидеть всю собственную глупость. Даже когда Саске не тыкает его носом в оную лично, Наруто видит свои ошибки или то, что сам брюнет считает таковыми. Сейчас же было действительно неловко за то, что показал, как плохо. Привык, подстроился.

- И как тебе? - хмыкнул Саске, подходя ближе и склоняя голову.
- Нравится?

- В восторге, - прохрипел Наруто.

- Ммм, вон оно как…

Дрожь вновь начала подниматься от щиколоток по ногам. Впилась в позвоночник, и стоять стало трудно. Наруто уже пожалел, что решил выйти подышать ночным воздухом, потому тело отказывалось держаться вертикально.

- Тебе обязательно…всё это…

- Обязательно что?

- Издеваться.

Саске не ответил, усмехнувшись и резко обхватывая Наруто за плечи, чтобы притянуть к себе.

- Если ты ещё раз сделаешь это, я сломаю тебе руки, - прошипел он на ухо, ощущая, как тело Узумаки почти благодарно опирается на него своей лихорадочной тяжестью. - А потом и ноги, если не подействует.

- Договорились, - устало выдохнул блондин.

Он прикрыл глаза, всё ещё не решаясь…
Но ведь это же трасса. Здесь не может быть чужих взглядов. Здесь не может быть Мадары.
Вздохнув, Наруто уткнулся лицом в сгиб шеи Саске, чувствуя под губами холодную кожу, пропитанную горьким сигаретным дымом. Руки несмело двинулись вверх по спине, дрожа каждым суставом. Не от вновь накатывающей боли, а от того, что слишком долго хотел обнять, забыв о страхе за чужую жизнь за клеткой из рёбер.
Саске поднял голову, вглядываясь в ночное небо. Нужно было обнять, но руки безвольно повисли вдоль туловища, напоминая

ветви ивы. За то время, что Узумаки играл свою глупую роль спасителя и жертвенного агнца, он, Учиха, уже привык ощущать рядом с собой только холод, сменяющийся злостью и желанием отомстить. Сейчас же чудилось, будто бы по коже водят паяльником.
Слова не шли. Это раздражало, потому что нужно было что-то сказать, а не стоять столбом, вперившись в отказывающееся давать подсказки небо. Саске опустил голову, уткнувшись носом куда-то в вихрастую макушку, ощутив, как сильнее сжались руки на его спине. Переступить через тщательно возводимую стену было нелегко: он постоянно соскальзывал и резал пальцы льдом в кровь. Резко выдохнув, брюнет перемахнул эту преграду. Он обнял Наруто, прижимая к себе.

- Идём в машину, - тихо сказал Учиха. - Нужно ехать.

***

- Это квартира моей прабабушки, - сказал Нагато, шаря в карманах в поисках ключей.

Они стояли в тёмном подъезде трехэтажного дома. Одного из тех, в которых никогда не бывает вкручена лампочка и приходится передвигаться на ощупь, стараясь не наступить на притаившуюся в темноте кошку. В таких подъездах всегда пахнет едой, сигаретами и кошачьим духом, а до слуха доносятся приглушённые дверьми звуки чужой жизни.
Ключи нашлись, но теперь пришлось шарить ими по двери в поисках замочной скважины. Звук выходил мерзким, и это ещё сильнее нервировало Саске, который придерживал вырубающегося Наруто. Узумаки последнюю часть дороги походил на пытающегося восстать из могилы трупа: бледный, с тёмными кругами под глазами и ссохшимися губами. То и дело казалось, будто бы Наруто вот-вот уснёт, но парень всё равно просыпался, обводил салон мутными глазами и тянулся за бутылкой с водой.

- После её смерти я переехал отсюда…город маленький…тут нечего ловить.

Ключ всё-таки попал в скважину, и красноволосый провернул его с лёгким щелчком. Дверь ввалилась внутрь, выпуская на порог густую темноту старой, оставленной жильцами квартиры. В лицо пахнуло холодом, который мог соперничать разве что с могильным. Саске почувствовал, как оттуда на них посмотрело нечто тёмное, застарелое. Оно не хотело впускать внутрь непрошенных гостей, не хотело делиться своей территорией, своим воздухом. Но Учиха, отогнав дурные мысли, шагнул через порог, и мрак расступился, почувствовав нечто более тёмное внутри этого худощавого молодого человека.
Нагато, захлопнув за ними дверь, зашёл следом и щёлкнул выключателем, зажигая светильник, выхвативший своим янтарно-тусклым светом прижавшийся к стене тёмно-ореховый комод. Сверху он был заботливо укрыт пыльно-белой вязаной салфеткой, которая давно пожелтела от времени и стала напоминать витиеватую паутину. Её придавливали безвкусные статуэтки разнообразных кошек, смотрящих на незваных гостей своими нарисованными глазами.

- Тут только одна комната, но…

- Сойдёт, - бросил Саске, проходя прямо по коридору. Ему казалось, что за дверью, что проступила из дымного мрака впереди, кто-то есть. Кто-то вяжет, качаясь на кресле-качалке, и тихо напевает себе под нос какую-то забытую всеми песню. Это ощущение было настолько навязчивым, что оседало на кожу неприятной липкой паутиной, заставив Учиху замереть прежде, чем он толкнул дверь.

По коже прошла холодная дрожь, когда взгляд прошёлся по небольшой коморке с приютившимся в углу сложенным диваном в крупную клетку. Комната, конечно, была пуста, но ощущение, будто здесь совсем недавно кто-то был, не покидало.

- Где мы? - тихо спросил вновь проснувшийся Наруто, и Саске прошёл к дивану, опуская свою ношу на оный.

Узумаки сонно поёжился, натягивая свой плед сильнее, заворачиваясь в него, будто бы в кокон. Внутри всё дрожало, и

было отвратительно сухо во рту. Сколько бы он ни пил воды, никак не мог утолить эту жажду, рождающуюся в затылке и снежным комом прокатывающуюся по всему телу. Неприятный зуд появлялся то на лопатке, то на шее, но Наруто никак не мог успокоить его, даже проводя ногтями по коже несколько раз. Будто бы этих ощущений и не было вовсе…

- Поживёте пока здесь, - мягко улыбнулся ему Нагато, останавливаясь рядом. Но, поймав тяжёлый взгляд Саске, заметно посерел и отвел глаза в сторону.

Красноволосый присел рядом с диваном, заглядывая в бледное лицо и сочувственно поджимая губы. Он представлял, каково сейчас Узумаки, и знал, что дальше будет только хуже. Пальцы сжали в кармане пакетик с перекатывающимся внутри «песком». Оставить это было опасно, но не отдать, значило рискнуть жизнью Наруто ещё сильнее. Подавшись вперёд, Нагато обхватил блондина одной рукой, а второй быстро вложил в его ладонь тот самый пакетик.

- Береги себя…

С этими словами парень резко отстранился, поднимаясь. Учиха, пройдясь по комнате, задвинул пыльные шторы и едва не чихнул от взвившегося в воздух сизого облачка. Это место напоминало ему музей старческого барахла. Хотелось вынести отсюда всё, оставив лишь скрипучий паркет и, пожалуй, матрасы.

- Спасибо, Нагато, - отозвался Наруто.

- Да, - резко выпалил Саске, поворачиваясь к красноволосому. - Спасибо, что подсадил его на эту дрянь.

- Я уже всё объяснил, - поморщился тот.

- Засунь свои объяснения себе в зад, - ощерился Учиха. - Думаю, тебе понравится.

Нагато смерил его долгим усталым взглядом и отвернулся к

Наруто.

- Так резко бросать нельзя, - сказал он. - Организм может не выдержать.

- Предлагаешь устроить ему прощальный ужин? Гости приносят с собой шприцы, а дурью мы уж угостим, - ядовито усмехнулся Учиха. - Иди на хер со своими знаниями. Ты уже помог.

- Саске…я серьёзно…

- Я тоже. Спасибо, Нагато, но дальше мы сами.

Это «спасибо» звучало примерно так же, как и посыл от Саске, и, кажется, красноволосый это понял. Кивнув Наруто, он вышел из комнаты, провожаемый раздражённым брюнетом. Нагато шёл быстро и остановился лишь у двери, посмотрев на Учиху в упор.

- Ты должен знать, что ничего может не получиться с первого раза…

- Получится, - твёрдо заверил парень.

- Это ведь не просто так всё…

- Нагато, мы разберёмся без тебя, - сквозь зубы прошипел Учиха. - Ты сделал своё благое дело. Теперь следи: вдруг крылья прорежутся.

- За квартиру оплачено на месяц вперёд, - сухим тоном выпалил Нагато. - Можешь не волноваться. Но дальше вы сами.

- Да.

Саске, дождавшись, пока дверь за красноволосым с щелчком закроется, провернул ключи в замке и бросил их на комод. Нагато ушёл, забрав вместе с собой то ужасное напряжение, что давило на плечи и отупляло. Или же дело было не в нём? Учиха не стал проходить в комнату, где был Наруто, свернув на

кухню. Выключатель он нашёл не сразу, подолгу вглядываясь в царящую здесь темноту. Когда зажёгся тусклый свет, тени боязливо юркнули по углам, открывая невысокий старый холодильник с распахнутыми дверцами и безжизненно-сухим пластиковым нутром. Шнур от него Саске, проходя мимо, пнул ногой и повернулся к стоявшей в углу у окна плите. Ничего необычного: простая кухня со столом у стены, тумбами и подвесными ящиками. Старушка, что жила здесь, явно пыталась украсить это место искусственным цветком, оплетающим газовую трубу, давно вставшими часами в виде кошачьей мордочки, пустой вазой на подоконнике.

Чужие вещи хранили холод чужих же рук. Прикасаться ко всему этому не хотелось и, пошарив по карманам в поисках сигарет, Учиха мысленно ругнулся: он вновь забыл, что пачка давно опустела. Зато наткнулся пальцами на пластмаску телефона и, достав его, отключил.

Пора было сбежать от не отпускающего их мира, оградив себя стеной из выключенного телефона, оборванных связей и сожжённых мостов.

Пошарив по ящикам, Саске нашёл старенький электрический чайник, светло-голубой от выжегшего его солнца. Он оглядел его со всех сторон, проводя пальцами по потёртой пластмассе, набрал воды из-под чихнувшего краника и поставил на подоконник, включая вилку в розетку.

Кружки нашлись в самом нижнем ящике массивной светло-кремовой тумбы. Из ящика пахнуло давно закончившимся печеньем, крошки которого до сих пор виднелись по углам. От мимолётного запаха еды желудок вновь скрутило режущей болью.

В соседнем ящике нашлась забытая кем-то аптечка. Отсюда пахло лекарствами и корвалолом, впитавшимся своим удушливым запахом в рассохшееся ДВП.

Выложив аптечку на стол, Учиха открыл её и довольно провёл пальцами по бинту и нескольким пузырькам йода. В самом углу он заметил пачку активированного угля, но не стал вытаскивать, решив, что только полный идиот будет лечить ломку или ножевое ранение этими бесполезными таблетками.

Подхватив свои находки, Саске вернулся в комнату к Наруто, застав блондина за попыткой подняться с дивана.

- И куда ты? - поднял брови Учиха, зажигая тусклый настенный светильник.

Висящая под самым потолком хрустального вида люстра обиженно блеснула своими закруглёнными каплями, но столько света сейчас не хотелось.

- К тебе, - просто ответил Наруто, смотря как-то даже недоумевающе, словно были другие варианты. Ему не нравилось находиться в этой чужой комнате одному, слыша отдалённые шаги Учихи где-то за стенкой, и то, как тот шумит дверцами ящиков.

Совершенно беспричинный страх охватывал его с такой силой, будто бы Наруто боялся всей этой темноты в комнате. Узумаки пытался убедить себя в том, что в ней нет ничего, кроме пустоты, но воображение рисовало призраков старой квартиры, и он едва удержался от вздоха облегчения, когда в дверях показался Саске.

- Лежи и не дёргайся.

Учиха пододвинул к дивану стул и сел на него, раскладывая на собственных коленях бинт.

- Снимай футболку, - не глядя на Наруто, сказал он.

Узумаки, кое-как выпутавшись из пледа, потянул тонкую ткань наверх, каждым сантиметром кожи ощущая отвратительный озноб. Отложив её на спинку дивана, парень выжидающе замер, следя за тем, как белые пальцы быстро распутывают бинт. Наруто чувствовал себя виноватым и опасался даже посмотреть в глаза напротив и найти там обвинение. Но брюнет сам окинул его задумчивым взглядом и, покачав головой, сказал:

- Нет, сначала тебя надо искупать.

- Саске…не стоит. Не надо.

Отложив бинт на диван, Учиха поднялся, выжидающе

уставившись на Наруто.

- Поднимайся.

Вздохнув, Узумаки нехотя встал, вновь заматываясь в плед и пошатываясь, побрёл следом за парнем. Он не испытывал особого желания окунаться под воду, потому что горячему телу и без того было холодно от каждого дуновения сквозняка. Ванная оказалась тесной коморкой, пропахшей сыростью и стиральным порошком. Но воздух здесь был сухой и неприятно царапал лёгкие. Саске закрыл за ними дверь, включая белый яркий свет под потолком.

- Ты собрался…быть здесь со мной? - неуверенно спросил Наруто, прижимаясь спиной к холодной кафельной стене, чтобы не мешаться Учихи, что проверял шипящие краны. Старые железки чихали, хрипели и плевались ржавчиной.

- Догадайся…

- Не надо.

- Успокойся, - усмехнулся Саске, поворачиваясь к Наруто и усаживаясь на бортик ванной. Взгляд Учихи застыл на левом боку, где под толстым слоем бинтов покоилось одно не очень приятное воспоминание, выбитое на теле Узумаки коротким ножом.

Потянувшиеся к прикрытой ране пальцы застыли над ней в нескольких сантиметрах, и Наруто попытался сильнее вжаться в стену, боясь и одновременно желая этого прикосновения. Оттого и было страшно, что разум понимал: находиться с Учихой в одном помещении не стало проще.

- Ты ведь специально меня провоцировал?

Саске всё же опустил руку на бинты, осторожно развязывая стянувшийся узел. Наруто с замиранием сердца следил за быстрыми пальцами, надеясь, что они всё-таки не коснутся кожи.

- Ты знал, что я ударю.

- Догадывался. Ты ведь меня ненавидел и хотел отомстить за предательство.

- Я такой предсказуемый, - невесело усмехнулся Саске, заканчивая с узлом и теперь разматывая повязку. Первый слой бинтов отошёл хорошо, а вот с теми, что были ниже, пришлось повозиться. Они чуть присохли к коже, и, когда Учиха принялся за них, Наруто сдавленно зашипел, невольно вцепившись пальцами в плечо брюнета.

Бинты отстали и сброшенной змеиной шкурой опали на кафельный пол. Под ними оказалась аккуратная полоска, зашитая ровными стежками. Края чуть покраснели, но уже начали срастаться. Саске нахмурился, осторожно проводя пальцами по ране и ощущая, как внутри него самого что-то переворачивается. Она ведь могла быть глубже и чуть выше…

- И ты всё равно со мной, - задумчиво приподнял бровь брюнет. - Скажи, Узумаки, ты такой упрямый или такой глупый?

Он поднял на него глаза. В окружении светло-зелёного кафеля, некогда загорелая кожа Узумаки казалась белой.

- Можешь не отвечать, - вздохнул Саске, неожиданно уткнувшись лбом в холодный живот. - Ты придурок, и я тебе говорил это много раз. Когда ты повзрослеешь?

- А ты повзрослел?

Учиха почувствовал, как на затылок опустились лёгкие руки, перебирая отросшие волосы. Поднимающийся от воды парок приятно грел тело, пробираясь глубже, но не грея ничего внутри.

- Раньше я думал, что будущего нет только у меня, - неожиданно тихо начал Саске. Его голос почти глушил шелест воды, но Наруто на удивление слышал каждое слово отчётливо,

будто бы оно звучало у него в голове.

- Я думал, что ты мог жить дальше. У тебя были все шансы: родители от тебя не отвернулись, твой мозг…не прогнил насквозь, а вокруг было полно людей, готовых помочь, если что.

Наруто нахмурился. Ему не нравилось, когда брюнет начинал говорить так. В такие минуты он походил на странное радио, включающееся лишь в определённые часы и всего на несколько минут, чтобы выплеснуть всё накопленное за долгое время молчания в эфире. Сквозь помехи слышался ровный голос, почти лишённый эмоций. Учиха просто говорил, и Наруто понимал: он любит его молчание куда как сильнее.

- У тебя впереди была бы целая жизнь, - вздохнул Саске, и по коже Узумаки прокатился тёплый комок чужого дыхания. - Неужели не интересно?

- Нет, - пожал плечами блондин, почему-то улыбаясь. - Я же говорил тебе, что не хочу по-другому.

- А что…что если это всё пройдёт?

- Пройдёт?

Улыбка медленно сползла с губ Наруто. Сразу стало холодно и страшно.

- Твои чувства.

- А как насчёт твоих, Саске? - хохотнуло внутри женским голосом. - Выдержат?

- Выдержат, - резко выпалил Учиха, отстраняясь и только потом понимая, что сказал это вслух.

- Что? Ты о чём? - потерянно спросил Наруто.

- Я…

Саске тряхнул головой, прикладывая руку ко лбу и прикрывая глаза. Странное ощущение раздвоенности начинало проходить, оставляя после себя вязкую смолу вместо мозга.

- Всё нормально?

Учиха быстро поднялся, закрывая кран и кивая на ванную:

- Залезай.

Наруто непонимающе уставился на Саске, который впервые за долгое время казался таким сбитым с толку. Чёрные глаза то и дело бегали по углам комнаты, будто бы парень ожидал наткнуться взглядом на кого-то и всё проверял - одни ли.

- Я не оставлю тебя, - выдохнул Узумаки, вновь обхватывая как-то ссутулившегося Учиху и прижимаясь к тому всем телом. Саске никогда не верил словам, но действия…

- Сколько мне нужно это повторять?

Саске качнул головой.

- Ты уже однажды ушёл. Потому что Мадара…

- Потому что Мадара обещал тебя убить, если я не уйду, - отпрянул Наруто. - Я же рассказывал…он…он убил человека на моих глазах. Ты думаешь, его остановила бы жалость?

Учиха прищурился, чуть склоняя голову.

- Залезай.

- Не меняй тему, - чуть раздражённо шикнул Наруто. - Не считай меня виноватым…я сделал так, чтобы ты остался в живых.

- В живых… - задумчиво кивнул Саске. - Что ж…ты сделал то, что сделал.

- А если бы ты был на моём месте? - неожиданно резко спросил Узумаки. - Что бы сделал ты?

- Остался бы рядом.

- Тогда нас убили бы.

- Да.

- Получается, - Наруто нервно куснул губу. - Моя жизнь для тебя ничего не значит?

Саске замолчал, пристально глядя на своего упрямого собеседника.

- Моя жизнь без тебя ничего не значит, - ответил он. - А сейчас, залезай. Вода стынет.

Отстранив блондина с пути, Учиха вышел из душной ванной, где стало слишком мало места. Закрыв за собой дверь, парень прошёл на кухню и остановился у окна. Лоб тяжело опустился на холодное стекло, желая напитать мозг той же ночной прохладой, что царила снаружи.
Он бы не смог жить без Наруто.

- Идиот, - рыкнул Саске, чуть сильнее ударяясь лбом о стекло.

Узумаки мыслил совершенно иначе: для него собственная жизнь обесценилась, став разменной монетой, которую можно отдать за шанс для другого. А брюнет прекрасно понимал, что в разных углах ринга им не прожить и месяца. Поэтому единственным выходом казалась общая могила где-то за городом.
Грохот, раздавшийся в ванной, заставил повернуться на белую дверь. Понадобилось несколько слишком долгих минут, чтобы отказывающееся слушаться тело вернулось обратно в эту коморку. Наруто сидел на бортике ванной, опираясь рукой о раковину и бездумно смотрел на рухнувшую пластиковую полку. Вид блондин имел потерянный, а из-за скопившегося в

комнате пара и вовсе выглядел чем-то между призраком и живым существом. Повлажневшие от пара волосы налипли к шее, обрисовывая со спины выступающий позвонок своими пшеничными прядями.
В воду этот упрямец так и не забрался.

- Мне нужно самому тебя туда затолкать? - поинтересовался Саске, заходя внутрь.

- Ты сказал, что…лучше бы мы оба погибли.

- Я не говорил.

Брюнет остановился напротив Узумаки, рассматривая макушку парня. Наруто, словно бы почувствовав его взгляд, неуверенно поднял на того лицо и как-то дёргано улыбнулся:

- Знаешь, это тоже выход. Когда мы устанем бегать от Мадары…я не против.

Учиха от удивления поднял брови. Он слушал эти слова, которые попросту повторяли его собственные, но другими звуками, и не мог разобраться, откуда внутри появляется такая злость.

- Ты можешь опять найти пистолет? - с вызовом задрал подбородок Узумаки. - Или мы прыгнем с моста? Что выбираешь?

Блондин ссутулился, вновь опустив голову и тихо смеясь.

- С моста я прыгал за тобой. Это не страшно. Но надо найти повыше…

- Что ты несёшь?

- Хотя…знаешь, я ходил на тот старый мост сам. И он не показался мне таким уж низким. Думаю, всё дело во времени суток. Давай…

Блондин вскинулся на него, как-то безумно блеснув глазами, кривя губы в нервной улыбке.

- Давай ночью! Что бы было не видно!

- Наруто…

Узумаки быстро поднялся, толкая Учиху в грудь и придавливая рукой к стене, чтобы тот не свалил из комнаты вновь. Кипящее внутри требовало выхода, хотелось показать этому идиоту, что значит жить без сердца, с огромной дырой в груди.

- Я могу прыгнуть первым, - зашипел он. - А потом ты. Или как?

- Заткнись.

- А хочешь…сначала мы напьёмся тех твоих таблеток? - ещё шире улыбнулся парень. - Тогда точно не будет страшно. В чём дело, Саске? Ты ведь хотел, чтобы мы умерли вместе.

Брюнет, прижавшись затылком к кафелю, неверяще смотрел в серые от усталости глаза напротив. От улыбки Наруто становилось жутко, будто бы она была окровавленным куском чужой плоти, пришитой к заострившемуся лицу с глубокими бороздами на щеках.

- Ты будешь готов умереть вместе со мной, зная, что на этом закончится всё? Для меня, для тебя? Так ли ты любишь, Учиха? Так ли сильно любишь, что боишься остаться один.

Наруто провёл рукой по тёмной ткани футболки, что стала горячей от пара. Он потянулся ближе к парню, прихватывая свободной рукой того за шею и чуть склоняя к себе.

- Ты будешь один, если меня не станет. Вот чего ты боишься. Вот почему хочешь умереть вдвоём. Ты прав, без меня тебе нет жизни. Но не из-за твоей любви. А из-за страха.

Оттолкнувшись от Саске, блондин, едва не налетев плечом на стену, вышел из ванной, гулко хлопнув дверью. Он не злился.

Ему было плевать на всё из-за забравшейся внутрь истеричной пустоты. Хотелось смеяться, и, казалось, будто бы это его крыша сделала ручкой в неизвестном направлении.

- Ты эгоист, Учиха! - прокричал парень, зная, что его услышат, и уже тише, падая на диван и обхватывая себя руками: - Чёртов эгоист.

Быстрые шаги разрезали тишину, и Наруто нехотя поднял голову, встречаясь с горящим взглядом напротив. Брюнет был похож на одну из тех теней, которых так боялся Узумаки всего несколько минут назад. А сейчас было всё равно.

- Эгоист? - прошипел Учиха. - Это ты мне говоришь об эгоизме?

Наруто не стал отвечать, на всякий случай закутываясь в плед. Вряд ли тонкая ткань сможет спасти от злости, которой напитался Саске, но…

- Скажи, Наруто, а ты хотя бы раз вспомнил о своих родителях? Твоя мать…ты сказал ей хотя бы толику правды?

За рёбрами завозилось неприятное и склизкое. Наруто всеми силами пытался не замечать собственных ошибок, заталкивая поглубже необходимость поговорить с родителями или хотя бы с матерью. А сейчас всю эту горькую правду, что он так усердно прятал сам от себя, вытягивали наружу промасленным мясницким крюком.

- Она знает, что с тобой? Она знает, что ты подсел на наркоту? Про твою рану знает?

- Это не имеет никакого отношения…

Учиха широко улыбнулся, странно качнувшись и ухватившись рукой за спинку стула.

- Не беги от этого, Наруто. Ты забил на всё вокруг. Ты был готов врать им, лишь бы не испытывать боли. Ты…не лучше меня.

- Иди к чёрту, Саске, - оскалился Узумаки. - Я хотел, чтобы ты остался жив.

- Да плевать мне на мою жизнь, идиот! Ты не меньше моего боишься остаться один. Без меня.

Наруто молча вцепился в плед, закручивая его сильнее и жалея, что не может сдавить невидимую удавку на собственной шее.

- Тебе достаточно знать, что я где-то есть. Но ты ведь никогда бы не отпустил меня. Сколько я не предупреждал…ты уничтожал себя и свою жизнь. И стал просто хреновым мастером в этом. Поздравляю!

Со всей силы ударенный ногой стул с грохотом повалился на пол, и Наруто всё же вздрогнул, вжавшись в диванную спинку.

- Прекрасно, - сухо проскрежетал Узумаки. - Ты готов нас убить, а я готов умереть, чтобы ты, дебил, жил.

- Ты всегда ищешь лёгкие пути.

- Лёгкие?!

Наруто не выдержал, резко подорвавшись с дивана и едва не запутавшись в пледе. Он со всей силы толкнул Учиху в грудь, заставляя того отшатнуться и налететь ногами на перевёрнутый стул. Саске пришлось ухватиться за письменный стол, дабы не рухнуть на пол, но его всё равно хорошенько занесло в сторону.

- Думаешь, мне легко было без тебя? Думаешь, я всё это из любопытства?

- Думаю, что ты тряпка, Узумаки, - зло прошипел тот, выпрямляясь и кое-как выпутывая ноги из спинки перевёрнутого стула. - Ты решил облегчить себе участь обдолбившись наркотиками!

- Не ты ли глотал таблетки? Смерть это разве не лёгкий путь?

И без того бледное лицо Учихи стало оттенком напоминать мокрый мел.

- Ты и меня убить решил, потому что…потому что так было бы легче, - кивнул Наруто. - Легче, потому что знать будешь, что тебя никто не держит. Да, Саске? Ты бы потом тоже…

- Замолчи.

- Мы оба бежим от боли. Ты не заметил? Ты не хочешь её принимать, я не хочу её чувствовать. Это так плохо?

- Это слабость.

- О, да. Напомни мне, какая я тряпка. Давай, - развёл руки Наруто, и плед всё-таки соскользнул на пол. - Ведь всё то, что я делал, так мало значит для тебя. Это пустяк по сравнению с тем, что Учиху Саске оставили. Бросили! Кинули!

Наруто не успел заметить, как Саске резко поменялся в лице. Брюнет, оттолкнувшись от стола, оказался рядом, цепляясь пальцами за горло Узумаки.

- Хочешь продолжить? - прохрипел тот, вздёргивая брови. - Вперёд. Не стесняйся…

Он обхватил горячими пальцами тонкое запястье.

- Чем потом только оправдаешь себя? Своим безумием? Злостью? Чем?

- Тем, что убил придурка.

- Так вперёд!

Наруто задрал голову повыше, открывая горло.

- Убивай, раз так хочешь. Мне плевать, Учиха.

- Плевать, - заторможено повторил тот. - Это и есть причина, почему ты ушёл.

Узумаки упёрся руками в чужую грудь, без труда выворачиваясь из несильного захвата. Диван ударил под колени, и парень повалился на него, но тут же резко поднялся, обходя Саске.

- Иди ты!

Он рванул к выходу, совершенно забыв, что футболка осталась в ванной, а рана неприятно саднила без повязки. Сейчас было жизненно необходимо вырваться из этой квартиры. Её стены начинали сдавливать, сужаться и воздуха становилось всё меньше и меньше: он впитывался не в лёгкие, а в пористый бетон, питая ржавые арматурины, вырывающиеся чтобы схватить за щиколотки, удержать.
Но схватила не железка, а рука Саске, дёрнувшая за запястье назад так, что в плече что-то хрустнуло. Наруто попытался вывернуться, но его вжали в пыльный угол. Паутина, свалившись откуда-то, едва не попала на нос. Блондин тряхнул головой, вновь дёргаясь вперёд.

- Ты опять решил уйти? - ядовито усмехнулся Учиха. - Вот так просто?

- Мне незачем оставаться. Ты этого не хочешь.

Все слова, что говорил Саске, ударялись о Наруто и отлетали сухим горохом. Внезапно он почувствовал себя на месте Итачи, который каждый раз пытался донести до младшего брата какую-то из своих истин, но…

- И это ты опять решил за меня?

- Я уже отчитался перед тобой за все свои поступки. Всё. С меня хватит.

Наруто изо всех сил бросился вперёд, наваливаясь на Учиху всем весом. Брюнет почувствовал, как его начало заваливать в

сторону, рукой попытался ухватиться хоть за что-то, но налетел ладонью на крышку комода, сбрасывая с неё нечто зазвеневшее по полу мелкими осколками. Узумаки напирал, и парень всё-таки не выдержал, падая вбок, ударяясь плечом об угол комода. Под выставленной ладонью захрустели остатки статуэток, сверху придавило, но брюнет резко перекатился, прижимая Наруто к полу.

- Хватит?

- Свали отсюда!

Блондин махнул кулаком перед собой, но не попал, лишь неловко дёрнувшись в сторону. Пришлось ухватить его за запястья, заводя руки за голову. Дышать было тяжело: у уставшего тела было слишком мало сил, чтобы тратить их на такие потасовки.
Саске держал его, пока Узумаки зло рвался из его рук. Наверное, он ещё никогда не видел его таким злым и готовым зубами выгрызать своё право уйти прямо сейчас.
Наруто знал, что пожалеет о том, если пересечёт порог этой квартиры. Сожаление придёт спустя несколько минут, когда злость поуляжется, но сейчас он хотел оказаться как можно дальше.
И Саске словно бы понимал это, больше не говоря ни слова, а крепче сжимая руки и стискивая коленями бёдра. Откуда только силы взялись в Узумаки, который всего час назад едва мог переставлять ноги? Его будто бы подменили, заложив внутрь программу самоуничтожения. Наруто, пытаясь вырваться, причинял больше вреда себе, нежели преуспевал в своих желаниях: сустав на плече слышно хрустнул, но блондин даже не поморщился, затылок чуть ударился о паркет и это вновь не вызвало никакой реакции.
Саске, замерев, заворожено следил за тем, как голубые глаза вновь наполняются злостью. Она, будто бы река, пошедшая по пересохшему руслу, вновь заставляла светиться резкие лучики. Кто-то вливал в Узумаки потерянную жизнь, и это зрелище стоило того, чтобы получить по морде таки вырвавшимся из хватки кулаком. Голову Учихи мотнуло в сторону, но рука сама нашла чужое запястье, вжимая в пол, и Саске склонился ниже,

ловя упрямо сжатые губы.
Наруто на миг затих, а затем дёрнулся с новой силой, пытаясь отвернуться от поцелуя. Сейчас, после всего, что они наговорили друг другу, это было практически болезненно, будто бы брюнет отрывал от губ куски мяса.
Запястья перехватили одной рукой, вторую запуская между полом и спиной, прижимая к коже. Когда Узумаки отвернулся, разрывая односторонний поцелуй, Саске впился в шею. Тело блондина протестующе напряглось, выгибаясь дугой, натягивая и без того вытянутые руки до того, что мышцы отвратительно заныли, а запястья заболели, словно вывернутые. Ноги засучили по скользкому паркету, налетая на угол стены.

- Пошёл вон, Учиха, - тяжело выдохнул Наруто, отворачиваясь от очередного поцелуя. Он слишком долго не был так близко с Саске, чтобы чувствовать его уничтожающую чёрную энергию. Сейчас она искала лазейку, чтобы проникнуть внутрь и тогда уже нельзя будет остановиться, сгорая в ней вновь и вновь, пока не исчезнет даже пепел.

Наруто прекрасно знал, что долго не сможет сопротивляться ни этим поцелуям, ни этим рукам. Учиха прекратил его слушать, решив действовать так, как всегда - без оглядки на других. «Эгоист», - зло подумал Узумаки, когда холодная ладонь огладила вздрогнувший живот и тягуче потекла вверх, царапая ключицы короткими ногтями и сдавливая подбородок. Теперь губы без труда нашли другие, даже не целуя их, а зажимая. Саске втянул носом воздух, пропахший этим придурком полностью. Учиха отстранился, заглядывая в зло сверкнувшие глаза напротив, отпустил подбородок и Узумаки с вызовом тот вздёрнул, будто бы это не его прижимали спиной к полу. Брюнет довольно ухмыльнулся, чуть качнул бёдрами, чувствуя чужое возбуждение.
Как бы зол ни был Наруто, но от этого движения тело покрылось мелкими мурашками. Он нервно облизнул разом пересохшие губы, теперь не пытаясь высвободить руки из хватки Саске, а сжимая его ладонь пальцами. А когда Учиха отщёлкнул пуговицу его, Наруто, джинс, губу пришлось всё-таки прикусить до боли.
Ладонь забралась под грубую ткань, опускаясь на отвердевшую

плоть, налившуюся жаром. Саске, не отрываясь, смотрел в глаза Наруто, ища в них хоть немного решимости прекратить всё это, но находил там лишь знакомый одурманенный блеск. Это вызывало улыбку, такую же полупьяную. Узумаки не мог отвести взгляд в сторону, хотя щёки начинали гореть от непонятного смущения. Он сдался так быстро? После всего сказанного?
Быть рядом с Учихой - это пытаться обнять огромный шар, унизанный острыми шипами. Наткнёшься на любой из них и останешься пришпиленным ровно посередине, словно бы одна из тех бабочек, которых люди нанизывают на стены собственных домов да украшают рамочками.
Узкая ладонь Саске сжалась, двинувшись пару раз. Стало жарко и пришлось шумно втянуть в себя воздух. А потом Учиха склонился ниже, к самым губам, едва слышно шипя:

- Мне и теперь остановиться? Значит, все твои чувства у тебя ниже пояса?

Наруто долго смотрел в эти глаза. Достаточно долго, чтобы высвободившиеся из ослабшей хватки руки нашарили на полу что-то холодное, звякнувшее, когда Узумаки резко ударил этим в бедро Саске. Последний, вскрикнув, потерял равновесие, и этого было достаточно, чтобы Наруто быстро оказался на ногах. Бросился в сторону входной двери, но плохо зажатые в руках ключи упали на пол, со звоном заехав под комод.
Пришлось хвататься за угол, заворачивая тело в совершенно другую сторону, залетая в ванную и захлопывая за собой дверь. Трясущимися пальцами Наруто задвинул щеколду и, ударившись спиной о стену, съехал по ней вниз.
Его мелко трясло от отвращения. К самому себе. К тому, что его слабостью так подло воспользовавшись, позволив раскрыться, и в самый подходящий момент стеганули огненным кнутом по нутру. Все ощущения вернулись к телу, пронизывая его дрожью, ознобом и липким страхом.
Хотелось забыть всё это, забыться. Руки скользнули по карманам джинс, но Узумаки тут же раздосадовано шикнул: он оставил пакетик под подушкой на диване. Стало только хуже.

- Наруто! - донеслось из-за двери злое. - Открой.

- Я не хочу тебя видеть…уходи.

- Открой.

Сильный удар в дверь заставил его вздрогнуть и подняться, отшатнувшись к раковине. Он не боялся Саске. Он не хотел его видеть, чувствовать и знать, что за любым словом может быть подвох. Это было ещё не рухнувшее доверие, но уже боль от того, что о него вытерли ноги.
Взгляд зацепился за тонкую щеколду, которая явно не была предназначена для таких целей. Она не выдержит злости Учихи, слетит к чертям.
Дверь дрогнула в последний раз и всё-таки открылась. По полу зазвенели запчасти от щеколды, рассыпаясь последней надеждой не видеть выжигающих чёрных глаз.
Саске ринулся на него, резко хватая за плечи. Наруто ничего не оставалось, кроме как, схватившись за его плечи, попытаться удержаться на ногах. Их пошатнуло. Ноги ударились о бортик ванной, и тела рухнули в воду.
Спина брюнета больно проехалась по зернистой эмали, в нос забралась вода, она же полилась и в рот, когда парень попытался вдохнуть. Откашливаясь и хватаясь за плечи блондина, Учиха кое-как упёрся ногами в стенку ванной, выталкивая тело из воды.
Острый локоть ударил куда-то под рёбра, и Саске на миг вновь скрылся под водой, глотая эту пропитанную хлоркой жидкость. Наруто, барахтающийся где-то сверху, то и дело ударял: то коленом, то рукой. Пришлось уцепиться за его плечи и вновь вытолкать себя, только затем разлепляя глаза и смотря на лицо Узумаки. Окрашенное с левой стороны ярко-красным.
Саске похолодел, замирая. Замер и Наруто, чей висок обильно кровоточил. Потянувшись к нему рукой, Учиха смазал пальцами несколько капель, что тут же растеклись разводами по влажным пальцам.

- В-всё в порядке, - неуверенно ответил блондин, заметив промелькнувший в глазах Саске страх. - Просто…

Он взялся за костлявое запястье, опуская испачканную в

собственной крови руку под воду, неотрывно следя за глазами Учихи. Того будто бы отключило от реальности на несколько секунд, и взгляд стал расфокусированным, тяжёлым и пустым. Было страшно, потому что точно так же Саске смотрел тогда, когда находился в собственном выдуманном мире, в котором Наруто был всего лишь призраком.
От этих воспоминаний передёрнуло, и Узумаки приник к тонким губам, двинувшимся удивлённо. Саске мог говорить всё, что угодно. Это было и будет больно, но это ведь он, долбанный Учиха. И другим его просто не может существовать. У него любовь такая: глупая, злая и обидная.
Наруто, зацепившись руками за мокрую футболку брюнета, принялся стягивать её. Чёрный комок ткани влажно упал на залитый выплеснувшейся при падении водой пол.
Саске сморгнул оцепенение, поднимая успокоившийся взгляд на Наруто. Они оба были теми ещё идиотами, которые стали обычными картонками, предпочитающими наговорить друг другу гадостей и разойтись по углам. Он приподнялся, хватаясь за бортики и оттесняя блондина на другой край ванной, чтобы, зацепившись за штанины его джинс, стянуть их и бросить на пол. Перегнувшись через бортик, Учиха поднял с пола старый кусок светло-зелёного мыла и неожиданно почувствовал, что его ухватили за ремень намокших джинс. Осознание того, что он сидит в полупустой ванной в штанах, вызвало лёгкое недоумение, и пришлось прикрыть глаза, унимая гул в ушах. Злость ушла слишком резко, ударив откатом напоследок.

- Нужно снять, - сказал Наруто, расстёгивая пуговицы и молнию. Пришлось в очередной раз подняться, стаскивая с себя тяжёлую джинсу и роняя её к остальной одежде.

Саске опустился на колени напротив Узумаки, намыливая мыло и неотрывно смотря на окровавленный висок. Его выбивал из колеи вид яркой крови на светлых волосах. Казалось, что там не небольшая царапина, а сквозная дыра…
Набрав пригоршню воды, брюнет потянулся к волосам Наруто, смывая с них красное, которое постепенно становилось розовым, а затем вовсе исчезло. Рука скользнула по щеке, стирая остатки крови, и Учиха прижался к губам. Он вряд ли мог объяснить, почему сказал всё то: разум отказывался

строить логические цепочки, попросту цепляясь за приятные тёплые ощущения, которые в очередной раз раскалывали его собственный лёд на мелкие осколки. Оставалось позволить неуверенно обнявшей за спину руке стряхнуть их в прохладную уже воду, чтобы те растаяли без следа.
Вереница поцелуев спустилась по шее, ловя мелкие капельки, собравшиеся во впадинке меж ключиц. Оттуда языком вверх по острому кадыку, к подбородку, который можно прижать губами. Руки Наруто обняли крепче, подтягивая его тело ближе. Для Узумаки резко перестали существовать: рассечённый висок, прохладная вода и отстранённая, утихающая злость. Он мог быть рядом, как давно хотел. Это всё было похоже на очередной кошмар, который закончится пробуждением на скрипучей раскладушке в квартире Нагато. Если и кошмар, то лучше уж так, чем полностью без снов в темноте.
Саске неожиданно отстранился, перехватывая блондина за бёдра, подтягивая ближе, к себе на колени. Пришлось задрать голову, чтобы ответить на поцелуй, рассеянно водя мылом по спине Наруто. Пальцы ловили выступающие позвонки, напрягшиеся истончившиеся мышцы. Они оба постепенно исчезали из этого мира, каждый выбрав свой способ.
Руки переместились на грудь, разводя мыльные полосы по ней, по шее, задевая бледные соски и опускаясь на живот.
Наруто тихо несдержанно выдохнул, сильнее прихватывая губу Учихи. Сейчас, в ярком свете, он мог прекрасно видеть каждую черту лица брюнета, сосчитать каждую угольно-чёрную ресницу, чуть подрагивающую, когда Саске втягивал в себя воздух. А ещё мелкие трещинки на губах и ровную, совершенно белую кожу, которой так и хотелось касаться. Он нагнулся ниже, прихватывая губами выпирающие на плечах косточки ключиц, проводя кончиком языка по выступающей вене на шее, с удовольствием зарываясь носом во влажные, спутавшиеся волосы. Терпкий запах сигарет стал сильнее, и Наруто вдохнул глубже, удерживая в себе его, не отпуская даже когда лёгкие начало жечь. Внутренней поверхностью бёдер он чувствовал, как начинает заводиться Учиха. И это отзывалось тёплой негой внутри, заставляя крепче прижиматься и целовать горячее.
Наруто понимал, что готов простить Саске, потому что узнал его слишком хорошо за всё это время. Эти слова не были

призваны для того, чтобы ранить. Брюнет защищался, потому что ему сделали больно. Он старался ударить сильнее.
На грудь внезапно надавили, заставляя опуститься в воду, смывая с себя мыло. Было несколько неудобно изгибаться в таком положении, но Наруто послушно наклонился назад, позволяя рукам Учихи смыть с себя мыло. А потом, эти самые руки скользнули по низу живота, выбивая из горла низкий стон. Наруто зацепился пальцами за бортики, потому что, когда он попытался подняться, ему надавили на грудь, не позволяя. Учиха нагнулся ниже, проводя пальцами по чужой твёрдой плоти. В этот раз ему не хотелось отравлять ядом слов. Он не мог заставить себя даже выдавить из горла хоть какой-то звук, погружённый в собственное набирающее силу желание.
Кончик языка лизнул порозовевшую головку. Это совершенно новое ощущение заставило поднять на Узумаки прямой взгляд, ловя сероватые глаза в плен. Наруто, прикусив губу, неотрывно следил за тем, как бледные губы обхватывают его член, едва ли доставая до середины. Сердце забилось быстрее от одного лишь вида. Блондину захотелось: то ли исчезнуть, то ли не прекращать это никогда.
Саске, посмотрев на Наруто вновь, скользнул пальцами меж ягодиц того, заставив парня чуть выгнуться в спине. Он едва ли мог терпеть всё то, что накопилось внутри за долгое время, когда не было даже возможности поцеловать Узумаки. Когда хотелось проломить ему голову от злости за его предательство. А сейчас душа плавилась вместе с костями, подгоняя быстрее восстановить разрушенное. Пальцы надавили на вход в мелко задрожавшее тело, губы же плотнее обхватили плоть.
Наруто зашипел сквозь сжатые зубы. Сколько бы это не повторялось, но каждый раз неприятные ощущения режут по нервам, сменяясь тягучим и жарким. Приходится нетерпеливо кусать губы, ожидая ещё большей боли, ожидая удовольствия.
Саске отстранился, облизывая влажные губы и подаваясь навстречу выпрямившемуся Наруто, подхватывая его под спину и с трудом вытягивая ноги. Пришлось отъехать к краю ванны, вжимаясь спиной в её бортик и чуть сгибая колени. Блондин склонился, ловя губы, скользя пальцами по шее, кожа которой моментально краснела. Узумаки желал быть так близко, как это возможно, чтобы больше ничего не могло их разъединить. Он устал быть один. Намёрзся на той раскладушке, окутанный

тёмными страхами из своих снов.
А Саске устал злиться, ненавидеть и наполнять картонки смыслом. Учиха хотел чувствовать, как раньше.
Наруто съехал рукой по груди брюнета вниз, сжимая в кольце из пальцев горячий член, проводя по нему вверх-вниз, наблюдая, как глаза Саске становятся ещё темнее, а на белых щеках выступает едва заметный румянец. Узумаки невольно замер, почувствовав, как в него вошли, кажется, два пальца, принявшись растягивать тугие стенки. Они вновь обо всём забыли, и стоило хотя бы озаботиться более-менее сносной подготовкой, чтобы избежать последствий.
Внутри разливалась обжигающая кровь. Она забивала виски, разжигала желание ещё сильнее и Наруто начал медленно покачиваться, сходя с ума от собственных действий, от вида чужих глаз напротив. Взгляд затягивал, уносил на самые холодные берега опустевшей Бездны, где есть только темнота и желание, бьющееся под тонкой кожей напрягшегося члена пульсом.

- Д-давай, - срывающимся голосом выдохнул Наруто, сильнее цепляясь за плечи Саске и осторожно привставая.

В скользкой ванной было неудобно, но что-то подсказывало, что они просто не дойдут до треклятого дивана. Сейчас было плевать: и на зернистую эмаль, что впивалась в колени и спину, и на хлюпающую воду, вновь переливающуюся через бортик при каждом резком движении.
Учиха, не спешил следовать этой просьбе, надавливая на стенки. Наруто внезапно резко хрипло выдохнул, прогибаясь в спине и впиваясь пальцами в бледную грудь до покрасневших следов. Голова пошла кругом от непонятного, ударившего по мигом ослабевшему телу ощущению. Дрожь пробежала по позвоночнику, сгибая его. Дрожащими губами он поймал чуть приоткрытые чужие, вновь опускаясь бёдрами на пальцы. И вновь это взорвавшее всё внутри чувство. Тихий стон в губы, и движения на плоти Саске становятся резче, отчего тот сам подаётся вперёд, вынимая пальцы и придвигая Наруто ближе. Тому пришлось упасть грудью на Учиху, чувствуя, как к тянущему кольцу мышц прижимается горячее и твёрдое.
Саске входил медленно, тягуче растягивая всё ещё

сжимающиеся стенки. Наруто попытался расслабиться, выдыхая в плотно сжатые губы, пытаясь поймать поцелуй, но вновь утыкаясь носом в чёрный висок, когда в него вошли глубже. Учиха ухватил узкие бёдра, придерживая медленно опускающегося всё ниже Наруто. Пришлось вцепиться в бортики, чтобы не съезжать, когда Узумаки начал осторожно двигаться вверх-вниз.
Ощущения обжигали своей полузабытой новизной. Было слишком туго, и приходилось сдерживать себя, помня, что у них нет ничего, чтобы смягчить всё это. Но Наруто, кажется, забыл о таком, потихоньку ускоряя темп, сжимая плечи всё сильнее и сильнее.
Вода начала вновь выплёскиваться на пол, и Саске пришлось согнуть ноги в коленях, чтобы хоть как-то удержаться на месте. Он потянулся к шее блондина, касаясь её быстрыми поцелуями. Чёткими, выверенными, точно зная, от чего Узумаки будет сходить с ума. Хотя Наруто казалось, что он теряет рассудок лишь от одной близости с Саске. С его чёрным взглядом, холодными и тонкими руками, обладающими цепкой силой, с влажными губами и растрёпанными тёмными волосами, в которых, кажется, навсегда поселился запах горького дыма.
Наруто, запрокинув голову назад, тяжело выдохнул, стоило брюнету вновь притронуться к изнывающему от желания разрядки члену. Ноги гудели, и пришлось облокотиться ладонями о грудь Учихи, чуть сбавляя темп.Он бросил взгляд на Саске сквозь приоткрытые ресницы, потянулся к губам, целуя их порывисто и жадно, чувствуя, как сам брюнет начинает толкаться в него, теперь сам ускоряясь. Выгнувшуюся спину обожгло брызгами воды.
Наруто понимал, что сейчас готов умереть вместе с ним. Понять Саске было невозможно, но…его можно было почувствовать. Телом, руками, губами, душой. Именно чувствовать, а не вытягивать из него объяснения нелогичных поступков и запутавшихся мыслей.
То странное ощущение, что пробило его по позвоночнику, вновь повторилось, а вкупе с сильными пальцами на плоти это стало просто невыносимо.
Саске прикрыл глаза, целуя приникшие к нему губы. Он растворялся в накатывающих ощущениях, совершенно забыв обо всём.

- Мммм, - простонал Наруто, зацепился пальцами за острые плечи, опускаясь полностью. Тело пробило болью смешанной с удовольствием. Он подался вперёд, раскачиваясь всё сильнее и сильнее. Он даже не заметил, как его, подхватив под спину, вновь наклонили назад, укладывая бёдрами на согнутые колени. Блондин успел лишь схватиться за бортики, опускаясь спиной на дно ванны.

Выплескавшаяся вода едва доставала до шеи, но ноги пришлось уложить на плечи Саске. Он обхватил их руками, вновь начиная двигаться быстрее, помогая Наруто рукой, обводя пальцем гладкую головку.
Узумаки задыхался от всего происходящего, сжимая бортики ванной до побелевших костяшек. Его ломало на части, разбивало осколками и ему было ясно: так долго он не выдержит.
Он слишком соскучился: по этим порывистым прикосновениям, по тихому дыханию рядом и по биению чужого сердца, которое можно ощущать сейчас всем телом.
Наруто скрутило подступающим оргазмом, он вцепился в предплечье Саске, притягивая его к себе ближе, ощущая лёгкий укус в бок коленки. Пришлось сильно зажмуриться, чтобы красные круги перекочевали с белого на чёрный фон. Рука на его плоти заскользила быстрее, сам брюнет начал двигаться порывисто, рвано и плохо контролируя темп от подгоняющей тяжести внизу живота.
Позвоночник Наруто выгнуло, кажется, до треска, на показавшийся над водой живот выплеснулось горячее и вязкое. Удовольствие скрутило его, выбивая из этой реальности.
Учиха пытался удержаться, ловя взглядом расслабленное лицо Наруто, его глаза, ставшие на миг ярко-голубыми, приоткрытые губы…
Руки сжали бёдра сильнее, придвигая тело к себе вплотную. Внутри запульсировало, и Саске ссутулился, шумно выдыхая. Тяжесть уходила, а вместо неё появлялась непривычная пустота внутри. Сердце, сделав один резкий удар, постепенно начало затихать, но гулом всё ещё било в висках и ушах.
Он обхватил плечи Узумаки руками, поднимая того и усаживая у себя на коленях, прижимая к себе всем телом и зарываясь

лицом в мокрые светлые волосы. Они оба дрожали, дыша тяжело и быстро, будто бы никак не могли надышаться друг другом. Сцепливали пальцы в замок, чтобы не выпустить, чтобы не забрали.
Но оба понимали: всё это не может длиться вечно.
А руки можно и отрубить.

***

Старый диван удалось разложить только со второй попытки, когда, обозлившись, Саске попросту долбанул по спинке со всей своей злости. С постельным тут было туго, но удалось найти две подушки и одеяло, в том самом старом комоде, пол под которым так и остался усеянным мелкими осколками. Перевязав рану Наруто, которую им чудом удалось не потревожить, Учиха рухнул на диван, чувствуя, как сознание начинает покидать его ещё в полёте, но всё же удержался в этом мире, чтобы проследить за тем, как Наруто закрывает дверь в спальню.

- Зачем? - спросил Саске, приподнимаясь на локте.

- Мне так спокойнее, - неловко пожал плечами Узумаки. После ванной его волосы, высохнув, топорщились в разные стороны, и выглядел он весьма забавно, если бы не бледность.

- Монстры не живут в темноте, - усмехнулся Учиха и был удостоен недовольного взгляда.

Наруто прекрасно знал, где живут их монстры. Внутри, за рёбрами, за черепной коробкой. Но…ему действительно не нравилось смотреть на зияющий темнотой проём двери. Щёлкнув свет, он поспешил опуститься на диван, боязливо проводя рукой между его спинкой и подушками: пальцы наткнулись на пакетик, и Наруто успокоено выдохнул.

- Ложись.

Саске, дождавшись пока Узумаки опустится рядом с ним, накрыл их одеялом и обхватил блондина рукой.

Глава 11. Dark on me.

Глава 11.
Dark on me.

«Light the night up,
You're my dark star
And now you're falling away

But I found in you
What was lost in me
In a world so cold and empty
I could lie awake
Just to watch you breathe
In the dead of night
You went dark on me.
Starset – Dark on Me.

«Освети тьму ночи,
Моя тёмная звезда,
Начавшая падать.

Я нашёл в тебе то,
Что потерял
В этом холодном и пустом мире.
Я готов не спать,
Лишь бы видеть, как ты дышишь.
И самой тёмной ночью
Ты отбросил на меня тень».

Хмурое небо нависало над головой серым покрывалом, сквозь разошедшиеся швы которого проглядывалось светло-янтарное. В воздухе зависла приятная прохлада, оседающая на волосах мелкими капельками тумана.
Саске, привалившись спиной к доске объявлений, бесцельно

скользил взглядом по свёрнутой пополам газете. Затёртая сероватая бумага не радовала обилием предложенных вариантов, зато пестрела какой-то дешёвой рекламой никому не нужных окон и прочей ерунды для того склепа, который люди обустраивают всю свою жизнь.
Учиха задумчиво приподнял бровь. Ведь он никогда не задумывался о том, что вот уже третий год у него из собственности: только рюкзак, телефон и пачка сигарет. Взгляд вновь упал на рекламу пластиковых окон, которые так идеально подходили под ладный кирпичный дом. Люди всю свою жизнь строят вокруг себя стены, заборы, запираются ото всех на замок. И это нормально настолько, что чем выше вокруг тебя ограда, тем лучше, тем статуснее. Семьи тянут в свои гнёзда мебель, технику, чинят крышу, если та прохудилась, обделывают стены новым камнем. Но зачем?
Брюнет никак не мог понять, зачем они тратят такие деньги и силы на то, чтобы как можно дороже украсить свою и без того пригодную для жизни скорлупу? Ведь рано или поздно придёт Костлявая, и никакие замки, никакие стены не смогут отгородить тебя от её холодной руки. Даже самые дорогие, многослойные пластиковые окна, не спрячут тебя от ледяного дыхания смерти.
А всю эту мелочь не унести с собой…
Учиха перелистнул страницу, тут же забывая о чём думал. Взгляд упал на объявление, что было обведено чёрной рамкой. Здесь не требовалось: ни диплома, ни опыта работы, ни особого ума. Усмехнувшись, Саске отклеился от стенда и, бросив взгляд на подъехавший автобус, поплёлся пешком по разбитому тротуару: денег не было даже на проезд.

***

Наруто проснулся от ощущения полного одиночества, что сдавило со всех сторон. Что бы отогнать его, пришлось открыть глаза и нехотя выбраться из вязкого сна. Тот не желал отпускать, цепляя сознание своими тонкими крючьями, но Узумаки резко поднялся.
Пальцы вцепились в край дивана, спину тут же сгорбило, будто бы позвоночник был не в силах выдержать вес облепивших его костей и мышц. Подняв горящие глаза, парень медленно

обшарил взглядом комнату, не находя ничего, за что можно было бы зацепиться. Точнее не находя никого, кто мог бы зацепить.

- Саске? - позвал он, поднимаясь и кутаясь в плед.

Босые ноги шаркающе прошли по комнате в сторону тёмного коридора, и Наруто остановился на пороге, цепляясь пальцами за косяк. Заходить на эту территорию полумрака совершенно не хотелось, потому что было стойкое ощущение, что стоит сделать шаг и обратно пути уже не будет.

- Бред, - твёрдо решил блондин и резко двинулся вперёд.

По спине пробежал холодок, когда он прошёл по рассыпавшимся по полу осколкам фарфоровых кошек. Стопы кольнуло, и Наруто дёрнулся, налетая боком на комод. Ему не хотелось верить, что Учиха всё-таки оставил его одного в этой странной квартире. От одной лишь этой мысли становилось как-то не по себе.
Подтянув съезжающий с плеч плед, парень двинулся дальше, боязливо заглядывая на кухню. Но и та оказалась пуста, хотя на холодильнике он заметил желтоватый листок, прикреплённый к нему магнитиком.
Узумаки подошёл к пожелтевшему от времени монстру и, стянув записку, сощурился:

- Я ушёл. Холодильник пуст. Жди, - удивлённо прочитал он и скомкал листик.

Саске действительно ушёл, не разбудив, чтобы предупредить. Это было вполне в духе Учихи, но всё равно под ложечкой неприятно засосало.
Оставаться в чужой квартире наедине со своими мыслями и с этой пылью совершенно не хотелось. Наруто, прижавшись лбом к двери холодильника, прикрыл глаза, пытаясь не вслушиваться в звенящую пустоту. Тихие шепотки, которые вполне могли принадлежать и соседям за стенами, едва слышный скрип…всё это давило на нервы, заставляя дышать чуть чаще, чем того требовал организм.

Съёжившись в своей тонкой скорлупе из пледа, Узумаки побрёл обратно в комнату, стараясь не смотреть по сторонам. Легче от этого не стало и пришлось ускориться, едва не срываясь на бег. Залетев в комнату, Наруто захлопнул за собой дверь, попятившись и рухнув на диван. Тот протяжно скрипнул, нехотя принимая своего неаккуратного постояльца.

- Только попробуй задержаться, - прошипел блондин, обхватывая себя руками и подтягивая колени ближе к груди.

Взгляд напряжённо уставился на дверь.

***

- Подсобным рабочим, говоришь? - прищурился кареглазый старик, пытливо вглядываясь в подошедшего к нему молодого человека. Он сразу не понравился Тазуне: слишком худой, слишком бледный, хмурый… Мужчина по своему опыту знал, что такие «работники» долго не держатся в коллективе.

- Да.

- И кем же? Точнее…

- У нас недавно мерчендайзер уволился, - задумчиво проговорил второй мужчина, который на вид был намного моложе старика.

- Ты куда сейчас послал? - хохотнул Тазуна.

- Грузчик, говорю, уволился, - хмуро пояснил Кайза. - Хороший мужик был, но пьющий. Ты, кстати, пьёшь?

Взгляды мужчин буквально приковало к новоприбывшему, словно бы ему предстояло ответить на самый важный вопрос, который способен стать решающим в его жизни.

- Пью, - равнодушно пожал плечами брюнет. - Иногда.

- Иногда и мы пьём, - хрипло хохотнул Кайза. - А работал кем?

- Это обязательно знать, чтобы взять меня грузчиком?

Мужчины переглянулись, и Тазуне каркнул:

- Да мне плевать, кем ты там работал. Если не сможешь поднять мешок цемента, так и закатаем.

- Ясно, - фыркнул парень. - Когда приступать?

- Да хоть сегодня, - панибратски ударил его по плечу Кайза. - Каску выдадим и вперёд. Ума-то много не надо…

- Так когда? - вновь этот пытливый взгляд старика.

- Сегодня.

***

Единственная работа, которую ему удалось найти, обещала ежедневный расчёт, отсутствие выходных и тяжёлый физический труд. Ах да, всего лишь один перерыв в середине дня, за который нужно было успеть перекусить. Но, так как у Саске не было еды, этот пункт он смело вычёркивал из своего расписания дня.
Идеальное место.
Здесь строили что-то уродливо-стеклянное, обещающее вытянуться вверх аж в пять этажей, которые уже сдавали в аренду. Здание строилось в центре города и было обнесено серебристым жестяным забором, который местная шпана расписала яркими красками и глупыми надписями.
Усевшись на сложенные в несколько рядов бетонные плиты, Учиха хмуро смотрел на сигарету, что удалось стрельнуть у опечаленного чем-то Кайзы.
Время едва перевалило за середину дня, и все строители разбрелись по территории, открывая заботливо собранные жёнами обеды, шелестя пакетами и громко смеясь.
Облокотившись спиной о плиту, Саске наблюдал за людьми сквозь полуприкрытые веки, мечтая о том, чтобы всё это быстрее закончилось и на стройке вновь закипела работа.

Бросая в тачку мешки с цементом и развозя их по нужным отметкам, было легче отвлечься от собственной усталости, что с каждой минутой промедления становилась всё тяжелее. На миг ему захотелось пнуть этих людей, заставить шевелиться, прекратить есть…
Желудок отвратительно сжало железным кольцом. Брюнет предпочитал не думать, что еда как-то вышла из его рациона, сменившись сигаретным дымом и кофе, которым он травил себя несколько дней назад.
Чиркнув зажигалкой, он подкурил, прикусывая горьковатый фильтр. Чужие сигареты пахли чужим запахом, чужой жизнью. В горле моментально появился ком, но Учиха упрямо проглотил его, подгоняя новым глотком сизого дыма.
Нужно было пережить хотя бы этот день и следующий, чтобы получить грёбаную тысячу и купить хотя бы что-то из таблеток для Узумаки, а из еды для себя. Ведь, если он расклеится сейчас, то деньги не появятся в кармане магическим способом…
В голове заныло, и мысли подкинули идею о том, что купить таблетки для себя было бы тоже неплохо, но парень лишь усмехнулся: его рецепт давно кончился, а все документы остались у Итачи. Возвращаться обратно только из-за собственной слабости было так же глупо, как и совать голову в петлю.
Хотя…

- Эй, Саске, - крикнул Кайза, подходя к нему и трогая за плечо.

Учиха нехотя разлепил глаза, внезапно поняв для себя, что начал проваливаться в тяжёлую дрёму, в которой уставший организм пытался найти спасение.

- Пошли. Цемент сам себя не отвезёт.

Потушив сигарету, брюнет поднялся, незаметно цепляясь пальцами за блоки. Не хватало ещё рухнуть рожей в грязь на глазах у всей бригады.

***

Поднять мешок - опустить его в тачку, поднять следующий - опустить рядом. Это монотонное действо захватывало все его мозги, на протяжении вот уже нескольких часов. Кожа на руках, хотя ему и выдали перчатки из сероватой ткани, болела и саднила, рабочие штаны ровным слоем покрывала цементная пыль, которая лезла в рот, забивала лёгкие и, кажется, скрипела на зубах.
Толкнув тачку, Саске поплёлся в нужную сторону, крепко сжимая ручку оной.

- *И ради кого ты так стараешься?* - тихо прошептала появившаяся рядом девушка, что шагала по разбитой тачками и гружёнными машинами дороге. - *Ради того, кто тебе уже безразличен?*

Учиха упрямо сжал зубы, налегая на тачку сильнее. Мимо проходили высокие мужчины, таща в руках инструменты, какие-то мешки. Они весело переговаривались, и от звука их голосов было до ужаса больно в затылке. Хотя к головной боли брюнет привык уже давно и обращал на неё ровно столько же внимания, сколько носорог на муху.

- *Он променяет тебя на дозу. Ты же знаешь.*

«Просто не разговаривай с ней», - мысленно прорычал Саске, сворачивая за угол строящегося здания.

- *Поздно. Ты уже разговариваешь…*

Белокожая появилась перед тачкой, улыбаясь ему самой тёплой из своих искусственных улыбок. Бледные губы пошли кровавыми трещинками, когда сухая кожа натянулась и не выдержала натиска. По её подбородку зазмеились тонкие струйки крови, что, капая на белое летнее платье, расцветали безобразными лилиями.

- Учиха, что встал?! - рыкнул откуда-то голос Тазуны, и парень двинулся дальше.

Пришлось навалиться на тачку всем корпусом, когда размытая

дорога пошла в гору. За рёбрами пекло и давило, в висках бился пульс и если б не желание довезти треклятый цемент до места, ноги бы подкосились.

- *И сколько ты так выдержишь?* - заинтересованно спросила Белокожая, привалившись острым плечом к стене.

***

Наруто кусал губы, смотря на эту белую дверь. Ему хотелось пододвинуть к ней что-то, заслонить, но он не мог сдвинуться или пошевелиться. Каждое движение отзывалось болью в руках и ногах, а мысли путались и переворачивались.
Саске не было слишком долго, а телефон он забрал. Да и не смог бы ответить: собственный куда-то опять дел. Ожидание сводило с ума вместе с подкатывающей болью.
Блондин пытался спать, но сон не шёл, изрезанный острыми лезвиями реальности. Глаза, словно бы в веки продели нити и дёргали за них, то и дело открывались, заставляя жмуриться от серого света. Узумаки даже подумал о том, чтобы встать и задвинуть шторы, но не смог заставить себя распрямить сведенные судорогой ноги.
Если Учиха не вернётся, то квартира полностью уничтожит его, проглотит и даже косточек не оставит.
Руки забрались в волосы, ероша их и сжимая голову так крепко, чтобы череп не развалился на запчасти.
Взгляд сам собой упал на подушку, под которой лежал пакетик.
Ведь стоит всего лишь протянуть руку…
Саске нет дома…
Он не знает…
А, когда брюнет вернётся, то Наруто будет просто спать, что вполне нормально в его состоянии. И уж потом, с того самого момента, как он окажется не один в этой квартире, он больше никогда не притронется…
Парень поймал себя на том, что рука уже потянулась к подушке, словно бы без его ведома. Сжав пальцы в кулак, Узумаки одёрнул её, прижимая к груди и чувствуя за рёбрами быстрое биение. Мозг подкидывал поразительно стройные логические решения, цепочки, которые казались до ужаса крепкими и правильными. Ведь…он просто переждёт это время,

а потом точно бросит.
Но…
Блондин тяжело вздохнул, обхватывая себя руками и забираясь в самый дальний угол дивана. Нельзя так глупо сдаваться. Ведь Саске точно не простит. Ведь Учиха сейчас с ним, и больше незачем: сбегать в иллюзорный мир, прятаться за удушающим дурманом и позволять яду медленно убивать себя. Потому что быстро - просто нельзя.
Саске вернётся.
Обязательно вернётся.

***

«Только бы не сдохнуть», - мрачно подумал Учиха, вновь закидывая мешок с цементом и тоскливо глядя на оставшиеся несколько. Если бы он двигался чуть быстрее, то…
Но ноги еле передвигались.
Слабость была не причиной бросать дело, не причиной жалеть себя и сдаваться. Никто не поможет…
Тачка вновь покатилась по уже знакомой дороге. Это всё отупляло, заставляя смотреть только себе под ноги, слушать чужой гогот, доносившийся с разных сторон и…и вновь поднимать мешки, бросать их в тачку…
Он и не заметил, как на стройке поселилась темнота, как зажглись жёлтые, мерцающие фонари, а от земли потянуло холодом. Грубая униформа не помогала телу сохранять и без того слабое тепло, а сейчас, с наступлением ночи, кожа покрылась мурашками.
Ему на миг показалось, что он остался один на один с этим костлявым исполином недостроенного здания. Этот монстр требовал боя. Боя насмерть.
Затаив дыхание, Саске медленно вошёл под сень из пересекающих друг друга бетонных балок. Здесь было намного сырее и холоднее, нежели снаружи, а свет почти не попадал. Приходилось двигаться почти на ощупь, а если учесть, что очки давно покрылись тонким слоем цементной пыли, всё погрузилось в сероватую мглу.
Учиха замер, вслушиваясь в отдалённые голоса мужчин. Позвать тех, чтобы они сами забрали свой цемент даже не пришло в голову и, упрямо сцепив зубы, брюнет двинулся

дальше, наваливаясь на тачку сильнее.
Колёса затарахтели по чему-то металлическому и тонкому, в лицо пахнуло холодом и внезапно кто-то цепко ухватил его за плечо.

- Куда прёшь?! Слепой что ли?! - заорал на весь этаж этот некто голосом Кайзы. - Ещё шаг, и ты - труп. А трупы нам на производстве не нужны.

- *Если бы он знал, что разговаривает с одним из них,* - странно хохотнула Белокожая, обвивая шею мужчины своими руками-ветвями.

- Свет проведите, - огрызнулся Саске. - Темно.

- Дык, на дворе день почти, - удивился мужчина и, махнув на него рукой, кивнул на тачку. - Цемент ещё остался?

- Да.

- Так. Завтра дотаскаешь. Всё равно все уже расходятся…

- А деньги?

- У Тазуны спроси. И вали-ка отсюда. Не твоё это место…

- Я сам решу.

Бросив ручки тачки, Учиха резко развернулся, стараясь идти как можно ровнее, чтобы не свалиться или не врезаться в столб. Раздражение плескалось высокими волнами, захлёстывая с головой. Бесило всё: и отсутствие сил, и наступившая ночь, и запах цемента, что въелся под кожу…

***

Иногда люди стоят на грани такого выбора, который иным покажется смехотворным. Но, стоит оказаться на месте того, кому довелось выбирать, смех моментально превращается в горькое бульканье.

Саске стоял рядом с прилавком продуктового магазина, недалеко от их дома, смотря на разномастные упаковки с растворимой лапшой. Денег хватило только на пачку обезболивающих таблеток, упаковку растворимой лапши и пачку сигарет.
Вряд ли это можно было считать нормальной едой, но…

***

Отомкнув дверь квартиры, Учиха ввалился в прихожую, хватаясь за дверную ручку, чтобы не рухнуть на пол прямо с порога. Оставалось провернуть ключ в замке и включить свет, но тело пошатнуло и лоб упёрся в мягкую дверную обивку… Мысли перепутались окончательно, а рука с зажатыми в ней ключами начала постепенно разжиматься, выпуская из себя звенящие железки. Нужно было собраться и донести свои кости хотя бы до дивана, но они решили, что им будет неплохо и на голом паркете. Саске уже был готов сдаться и свалиться на пол, но в этот момент за спиной прозвучал голос:

- Ты где был?

Пришлось разлепить глаза и всё-таки провернуть ключ в замке.

- Я нашёл работу, - отозвался брюнет, поворачиваясь к застывшему в коридоре Наруто. - И купил еды.

- Это не еда, - ворчливо буркнул Узумаки, понуро направившись следом за Саске на кухню, где тот уже зажёг свет. Пространство осветили желтоватые блики, и блондин поморщился, прикрывая саднящие глаза рукой. Кое-как он добрался до стула и, усевшись на него, только тогда поднял веки.

Учиха, поставив перед ним шелестящий пакет, отошёл к окну, дёргая за створку форточки и открывая её. Наруто неотрывно следил за парнем, движения которого были слишком резкими, быстрыми и от этого неловкими. Длинные белые пальцы никак не могли справиться с упаковкой сигарет, бесполезно скользя ногтями по глянцевой поверхности.

- Дай…

Блондин поднялся, подходя ближе и забирая из рук Саске злосчастную пачку. Собственные руки тряслись не меньше, но удалось подцепить целлофановый край, разматывая обёртку. Наруто замер, почувствовав странный земельный запах, что исходил от Саске, и недоумевающе поднял на него глаза.

- Куда ты устроился?

- Могильщиком, - криво усмехнулся тот, протягивая руку за сигаретами, но вместо того, чтобы отдать их, Узумаки уткнулся лбом в холодное плечо, закрывая глаза.

- Подходит для тебя, - выдохнул он, позволяя руке опуститься на свою спину.

Брюнет только сейчас почувствовал, что парня трясёт практически не переставая, а кожа слишком холодная и влажная для температуры. Пришлось, забрав сигареты, отложить их на подоконник и подтолкнуть Наруто к стулу, заставляя того опуститься на оный.

- Ты мне так и не ответил, - привалившись спиной к стене, пробубнил Узумаки, следя за парнем, что принялся набирать чайник. - Кем ты работаешь?

- А ты не веришь, что я могу быть могильщиком?

- Саске, - поморщился блондин, обхватывая свои рёбра руками. - Я серьёзно.

- Я тоже.

Чайник опустился на подставку, щёлкнул кнопкой и засветился каким-то призрачно голубым. А Наруто пристально следил за слишком белым лицом брюнета, за тёмными кругами под глазами…

- Я не хочу есть, - качнул головой Узумаки, и угрюмо усмехнулся: - Всё равно выйдет.

- Ты поешь.

- Это? - кивок на пачку лапши. - Мне кажется, там химии больше, чем…

- Наруто, - чуть раздражённо прошипел Учиха, опираясь поясницей о кухонную тумбу. - Ты будешь есть. Я тебе уже говорил.

- Ты со мной…

Саске отрицательно качнул головой, всё-таки закуривая и прикрывая глаза. Перед ними давно шли разноцветные круги, и хотелось вытащить глазные яблоки, дабы бросить их в холодную воду. Странный тягучий выдох заставил его открыть глаза, уставившись на скорчившегося на стуле Узумаки, который медленно клонился к полу.

- Чёрт, - шикнул брюнет, туша сигарету о подоконник и быстро подхватывая Наруто под плечи.

- Всё нормально…

- Вижу.

С этими словами, мысленно матерясь, Учиха помог ему подняться и кое-как довёл до ванной, где оставил в гордом одиночестве, позволив сгорбиться над раковиной.
Привалившись спиной к стене, Саске смотрел на покрытый мелкими трещинами потолок, вслушиваясь в журчание воды по ту сторону двери и в натужный кашель Наруто. Мозг перешёл в странное состояние: ему было плевать на то, что на кухне давно вскипел чайник, на то, что где-то у соседей грохочет музыка. Ему было всё безразлично, а тело покрылось странной подогретой ватой.
Блондин вышел из ванной, сверкая слезящимися глазами так, будто бы в них было вставлено настоящее стекло, с

обточенными гранями. Посмотрев на повернувшегося к нему парня, Узумаки виновато улыбнулся, проводя рукой по влажному от воды лицу и отводя в сторону отросшие мокрые волосы. От него веяло холодом почти так же сильно, как и от самого Учихи, и Наруто на миг показалось, будто бы они, наконец, поднялись на одну и ту же ступеньку.

- Пойдём, - позвал Саске, вновь подхватывая его подмышку и сжимая руку на заметно проступающих рёбрах. - Поешь завтра, уговорил.

***

Лежать на чужом диване и думать о том, что здесь когда-то кипела чужая жизнь, было невыносимо. Учиха, вслушиваясь в хриплое дыхание рядом, которое больше походило на сдавленные и плохо сдерживаемые стоны, старался не вглядываться в залёгшие по углам тени. Потому что одна из них всего час назад прошла мимо, сверкнув рубиновыми глазами в свете ночника.
Она не пыталась напугать, не старалась запустить в его душу холодные лапы ужаса. Тень просто смотрела, опасаясь той, что уже ночевала рядом с их диваном.
Белокожая не покидала, заботливо заглядывая в глаза и иногда склоняясь к самым губам, будто бы желая убедиться, что её подопечный до сих пор дышит.
Саске, ловя поблескивающий взгляд той, ощущал, как на грудь падают её тяжёлые холодные волосы, отрезая его чёрным каскадом от дрожащего на другом конце дивана Наруто. Приходилось прогонять ту, мысленно посылая по всем известным адресам, переворачиваться на другой бок и закрывать глаза. Но тогда её руки нежно скользили по спине, расчерчивая ту острейшими лезвиями вдоль позвоночника и по лопаткам.
Она не уходила.

- Наруто, - позвал брюнет, потому что молчать было невыносимо. - Ты спишь?

- Нет, - спустя пару минут отозвался парень, поворачиваясь к

нему. - А ты?

Учиха выразительно вздёрнул брови, и блондин вяло улыбнулся, тут же уткнувшись лицом в подушку. По его спине пробежала дрожь, заставляя подтянуть колени ближе к тяжело вздымающейся груди. Тени, что залегли под глазами Наруто были какими-то странными, красноватыми. Капилляры, не выдержав напряжения, полопались под побледневшей в синеву кожей, губы покрылись мелкими трещинками, которые напоминали чужие. Те, что сейчас нашёптывали неразборчивый бред ему, Саске, на ухо.

- Мы не сможем прятаться тут вечно, - сказал Узумаки, проводя пальцами по предплечью брюнета. - Он нас всё равно найдёт.

- Ты этого точно не знаешь.

- Знаю. Он ведь всегда находит. И тебе придётся уйти.

- Хер тебе.

- Но…

- Мы решим, что делать. Но не сегодня, - устало прикрыл глаза Учиха. Нужно было уснуть, но назойливая головная боль мешала.

Обхватив Наруто рукой, он придвинулся ближе, уткнувшись лбом куда-то под подбородок блондина. Слушать хриплое дыхание и пальцами ощущать то, как вздрагивает его тело… Знать, что забрать чужую боль просто невозможно, потому что своей достаточно.
Узумаки шипяще выдохнул, смежив веки и уткнувшись носом в растрёпанные чёрные лохмы. Так было легче. Зная, что Саске рядом, что его темнота теперь окутывает двоих, отгоняя страх, которым пропитались стены этой квартиры, было легче.
Но не надолго.
Боль пришла внезапно. Она резала, впивалась когтями, разрывала. Наруто прекратил думать, существовать и дышать. Он был этой самой болью, сжимал её в руках, не отдавая себе

отчёта в том, что впивается ногтями в чужую холодную спину, что его зовут и пытаются прижать ближе, не смотря на то, что острые локти то и дело бьют по незащищённым плечам, груди и рукам.
А потом всё стихло одной долгой судорогой, от которой хотелось выть, но горло сковало и из него вырывался только хрип. Мышцы плавились под этим сильным напряжением, нервы лопались, а когда всё внезапно прекратилось, блондин ощутил, как тело окутывает что-то холодное.
Он кое-как открыл глаза, уставившись на ровные квадраты кафеля и на льющиеся сверху струи воды. Поднял голову на сидевшего на бортике ванны Саске и непонимающе тряхнул головой.

- Это поможет, - мрачно отозвался Учиха, проводя рукой по горящему лбу парня.

***

Наруто уснул только к самому рассвету, и то Саске казалось, что Узумаки попросту вырубился, потеряв всякие силы бороться с накатывающими судорогами и подступающей тошнотой. Пришлось сидеть рядом с ним всю ночь, следя за тем, чтобы парень не переворачивался на спину, чтобы дыхание его было ровным, чтобы…
Учиха устало ткнулся лицом в сложенные на столе руки. Уйти он осмелился только тогда, когда дыхание стало обычным: глубоким, размеренным. Так дышат спящие…
Перед ним лежал почти пустой блистер ярко-оранжевых таблеток. Когда-то Микото давала ему точно такие же, если температура поднималась слишком высоко и от неё начинала болеть голова. Тогда они помогали, попросту усыпляя детский организм.
А сейчас те казались Саске бесполезными, чуть горьковатыми леденцами. Приходилось забивать начавшую усиливаться боль сигаретным дымом и водой из-под шипящего крана.
Словно отупевший, он смотрел в окно, за которым небо постепенно серело и гасли фонари. Нужно было идти на стройку, вновь дышать цементом и таскать треклятую тачку. Нужно было заставить себя подняться.

Но взгляд то и дело съезжал в тёмный коридор, непрерывно следя за блуждающей по ней тенью. Учихи даже удалось подружиться с этим немногословным жителем квартиры. Тень, дождавшись пока он выключит свет на кухне, зашла к нему, любезно предоставив свою компанию.
Тень ловила его взгляд.
Тень рассказывала что-то.
Тень не боялась Белокожую, которая важно сидела во главе стола и выстраивала из сигарет ровную линию-границу.
Или же это выстраивал он?
На улице раздался оглушительный гудок машины, и, вздрогнув, Саске понял, что сидит совершенно один на кухне, а пачка сигарет действительно разворошена и выложена по всему столу ровными линиями.
Поднявшись, он тряхнул головой, проходя мимо своих растворившихся в воздухе гостей. Ванная встретила блёклым светом едва дышащей лампочки и хрипом из краника, когда Учиха повернул вентиль.
В голове до сих пор была полная каша, от которой хотелось избавиться весьма радикально: открыть крышку черепа и вычерпать всё ложечкой. Растирая по лицу холодную воду, брюнет старался надышаться этой прохладной свежестью, чтобы заменить застоявшийся в лёгких воздух.
От одной мысли о том, что сейчас придётся куда-то идти, ноги начинали ныть, а позвоночник наливался каменной тяжестью. Выдохнув и посмотрев своему отражению в глаза, Саске отрицательно покачал головой. Он был должен продержаться ещё немного…

***

-Куда прёшь?! - возопил Кайза, едва успев убрать ногу из-под колеса тачки.

Одарив мужчину хмурым взглядом, Учиха мысленно выругался, поправив съехавшие очки. Пришлось натянуть их, потому что зрение решило подыграть нарастающей головной боли и превратить этот день в самую настоящую муку.

- Осторожнее давай, - посоветовал Кайза, отходя.

Саске, столкнув телегу с места, так и чувствовал спиной тяжёлый взгляд мужчины. Наверняка тот уже подумывал, как бы быстрее уволить нерасторопного, сонного и хилого работника, но брюнет решил, что повода не даст. Хотя бы до вечера, но он продержится, тягая эту чёртову тачку с цементом по территории стройки туда-сюда.
День с трудом и скрежетом перевалил за отметку середины, то и дело норовя оплакать что-то срывающимся холодным дождём.
Всё пропиталось цементом: лёгкие, пальцы, воздух, небо над головой. Серый цвет был всюду, куда не глянь. Разноцветные стёклышки расплывающегося зрения печально хрустели под ногами, не выдержав натиска монохромности. Казалось, что это совершенно другой мир, где вместо деревьев бетонные столбы, ужасно простирающиеся к небу изогнутыми железными ветвями. Лужайки заменяли битые кирпичи, рассыпанные то тут, то там, а вместо свежего воздуха - гарь от разогретой смолы.

- Выгружай, - каркнул Тазуна.

Ориентируясь на звук голоса, Саске отпустил тачку и принялся вытаскивать из неё мешки.

- Потом пойдёшь к пятой точке и заберёшь оттуда. Понял?

Учиха лишь кивнул, бросая последний мешок на уже сложенные три. В воздух поднялось сероватое облачко, а левую руку неприятно стрельнуло так, что пальцы чуть дрогнули. Сцепив зубы, он, смерив взглядом рассматривающего его Тазуну, вопросительно кивнул:

- Что-то не так?

- Не нравишься ты мне, - сощурил карие глаза старик.

- Взаимно, - усмехнулся в ответ Саске. - Пятая точка?

- Да, - качнул головой Тазуна. - Ты тут особо не огрызайся…

Скрипучий голос был полон затаённой угрозы, которая вызвала лишь широкую улыбку на лице Учихи. Выпрямившись, парень прямо посмотрел в глаза старика, словно пытаясь разглядеть его внутренности через глазницы.

- Видали мы умных таких, - продолжил Тазуна, бросив быстрый взгляд на Кайзу, что подошёл сбоку. Видимо мужчина уловил поднимающийся градус между этими двумя и решил то ли вмешаться, чтобы разнять, то ли чтобы поучаствовать в намечающейся склоке.

- Зубастые были. Но быстро их зубки-то поистёрлись…

- Не туда кусали, - кивнул Саске.

- Тазуна, да не задирай ты парня, - панибратски опустил свою лапищу на плечо брюнета Кайза. - Видишь, смурной он. Что? С девкой своей поссорился?

- А она у него вообще есть? - рассмеялся Тазуна. - Девки статных парней любят, а не это…

Саске, опустив голову, дёрнул плечом, сбрасывая с него неприятно горячую и давящую руку.

- Нет у меня девки, - быстро посмотрел он на старика.

- Ну, а я что говорил.

- У меня парень, - криво улыбнулся Учиха, наслаждаясь тем, как в глазах того промелькнуло недоумение. А потом коричневая радужка словно бы ледком покрылась, как слишком долго простоявший на зимнем окне чай.

Саске, ответив улыбкой на этот красноречивый взгляд, почувствовал, как по плечу сползла было вновь коснувшаяся его рука Кайзы.
Хмыкнув, брюнет развернулся и медленно направился прочь от остолбеневших мужчин. Очевидно, новость о чужой ориентации

вовсе выбила привычную землю из-под ног бедняг, проехавшись самосвалом по их розовым очкам.

***

Нагато стоял у окна, вдыхая сырой холодный воздух. Он бы закурил, если б у него были сигареты или хотя бы потушенные о подоконник бычки. Возможно, даже выпил, если бы не сковавшее разум безразличие. Какая разница на какую голову умирать? Трезвую или же пьяную…
Хотя, наверное, когда ты пьян не так страшно ощущать давящее на затылок дуло пистолета. Наверное… Нагато никогда не умирал.
Эта комната заброшенного дома была пустой и серой, пропитавшейся запахом сырой побелки и пыли. Стены здесь смотрели своими обшарпанными лицами, с которых свисали пожелтевшие от времени обои в мелкий цветочек. От этого рисунка становилось как-то смешно и больно одновременно: кто-то ведь их клеил, стремясь украсить своё жилище. И вот… теперь эта комната станет склепом для совершенно чужого ей человека.

- Зачем ты встал у меня на пути?

- Потому что я устал…

- Устал жить? - ехидству в словах не было предела.

- Врать.

Нагато усмехнулся, поворачиваясь лицом к Мадаре. За спиной мужчины тёмными силуэтами стояли мрачные охранники, в своих неизменных похоронно-чёрных костюмах.
Ловушка захлопнулась, не оставив запасных ходов или шанса на спасение. Толстые прутья этой клетки сужались с каждым вздохом, и парень понимал, что она вот-вот размозжит его. Дышать стало трудно, но Нагато лишь спокойно улыбнулся, глядя в чёрные глаза.

- Если хочешь - можешь убить меня. Но я не скажу тебе ничего.

Он безразлично пожал плечами, чувствуя за спиной холодную пропасть, в которую его вот-вот толкнут.

Лицо Мадары изменилось: кожа стала напоминать холодную гипсовую корку, глаза вовсе стали чёрными дырами, губы вытянулись в тонкую линию. Этот мужчина не привык получать отказы, а сейчас ему скомкали и бросили в лицо целый ворох ледяных осколков. И тот испытывал странную тёмную радость от того, что всё-таки попал в цель.

- Ты не оправдал моих ожиданий, Нагато.

Мужчина, кивнув на него, медленно развернулся и вышел из комнаты, оставив красноволосого наедине с двинувшимися ближе охранниками. Парень улыбнулся им, словно бы уже давно устал тащить на своих плечах бремя бессмысленной жизни. Хотелось уже поскорее избавиться от надоевшей, прилипшей скорлупы этого тела, в которое его почему-то запихала Судьба при рождении, найти новое и забыть, как страшный сон всё, что было до смерти.
Нагато никогда не верил во все эти: перерождения, в колесо Сансары, в способность человеческой души выбирать новую оболочку. Но, как и каждый человек на этой выжженной бессмысленностью земле, он хотел надеяться, что есть нечто большее, нежели кости, кожа и мясо.
Он поднял глаза на приближающихся мужчин, улыбаясь.
А, может, нет ничего за этой жизнью. И сейчас его уничтожат, сотрут, словно неловкий карандашный росчерк на бумаге, портящий всю картину. Она не станет гармоничнее, потому что художник явно страдал тремором, но…
…Жизнь будет течь так же, как и до этого.
А картину испещрят новые штрихи.
Нагато поднял глаза, встречаясь взглядом с тёмным дулом наставленного в лоб пистолета.
Выстрел.
Боли он даже не почувствовал.

***

Дни тянулись один за другим, и в какой-то момент Наруто понял, что перестал различать их серые оттенки. Ночь была наполнена запахом горьких сигарет рядом, холодными руками то на лбу, то поперёк торса, когда Саске пытался унять свою и чужую дрожь.
Узумаки чувствовал, что лежащий рядом брюнет будто бы исчезает из его реальности, проваливаясь в какую-то свою, где нет места словам, взглядам и прикосновениям. Но блондин уже не тянулся за ними, зная, что руки скрутит болезненной судорогой, а тело разорвёт на кровавые куски.
Терпеть становилось всё труднее и труднее. Наверное, хуже всего было днём, когда Учиха оставлял его одного. Пришлось подниматься с дивана, кутаясь в плед, кое-как идти в ванную и закрываться там, забившись в самый угол, прижимаясь к холодному кафелю. Но взгляд всё продолжал пилить дверь, прожигать её…
Разум возвращался в комнатку, где под диваном был спрятан пакетик с желтоватым порошком. Стоило только сделать пару шагов, и…
В такие моменты Наруто забирался в ванную, включал холодную воду и пытался смыть с себя одуряющее желание подчиниться нависшей над ним чёрной воле.
Сердце работало, словно на износ. Ночью он просыпался, ловя такой же затуманенный усталостью взгляд Саске. Пытался спросить, почему тот не спит, но не мог, а в следующий момент чувствовал на губах горький привкус какого-то лекарства. Становилось легче, сердце прекращало вырываться из груди и можно было попытаться уснуть…

***

Наруто лежал на половинке дивана, смотря в окно. В нём, как в какой-то непонятной картине из будущего, медленно плыли жемчужно-серые облака. Они клубились, перетекали из формы в форму, растягивались тонкой ртутной пеленой по небу, а к горизонту шли мелкими трещинами, словно облупившаяся на холсте краска. Сквозь них проглядывалось такое же жемчужно-янтарное, закатное небо.
Узумаки отсчитывал эти минуты до того момента, как в дверном замке щёлкнет ключ, как дверь откроется, и он

услышит резкий хлопок, а потом тихие шаги. Саске, сам того не понимая, стал ходить едва заметно, боясь разбудить того, кто давно потерял всякий сон. Наверное, в другой ситуации Наруто бы пошутил по этому поводу, съязвив на тему доброго сердца или подобной ерунды, но сейчас всего этого не хотелось. Взгляд обеспокоенно метнулся на часы, впиваясь в острую секундную стрелку. Семь часов…

Учиха должен был прийти пять минут назад…но ведь пять минут - это пустяк. Он мог просто не успеть на маршрутку. Наруто не выдержал, резко сел, обхватив себя руками, и поднялся. Ноги слегка дрожали от прошедших судорог, но наступать на них всё ещё было больно. Пройдясь по комнате, блондин тупо уставился в окно, ударившись лбом о стекло и разглядывая суетившиеся внизу чёрные силуэты людей. Только понимал, что всё равно не увидит Саске в этой мешанине.

Если бы можно было выдавить стекло и оказаться снаружи. Оказаться где угодно, но только не здесь. Потому что даже сейчас отвратительно страшно, холодно и тревожно. В голове прочно засела ненормальная мысль о том, что если повернёшься, то наткнёшься на чьи-то чужие глаза, смотрящие прямо в душу. Двигаться не хотелось. Стать коконом из собственных страхов, собственных мыслей и бетонного ожидания. Да, ожидание подойдёт…

Наруто прикрыл глаза, успокаивая перепуганный рой мыслей. Это всего лишь бред. С ним ничего не могло случиться…это ведь Учиха.

А в квартире он один.

Взгляд косо упал на диван, но блондин, резко отпрянув от стекла, прошёл мимо оного, стараясь даже не думать о пакетике. Ему ведь становилось лучше, и эти мысли всё реже и реже забредали в голову.

Он остановился на пороге комнаты, вглядываясь в тёмный коридор, в конце которого слабым вечерним светом белел дверной проём кухни. Нужно было всего лишь пройти этот короткий промежуток и можно было посмотреть на те часы, что висят у желтоватого холодильника.

Может, хотя бы они покажут другое время…

Пальцы проехались по гладким обоям, желая зацепиться и удержать двинувшееся вперёд тело. Наруто не хотел заходить в эту темноту, но другого выхода не видел: оставаться в комнате

было физически невозможно, а, отрезав себя от неё тёмным коридором, он, возможно, сможет удержаться…
Сжимаясь от холодного страха, Узумаки прошёл до кухни, буквально ввалившись в неё и тут же включая желтоватый свет. Лампочка звякнула, но загорелась, опасно мигнув.
Парень замер, вперившись взглядом в циферблат. Пять минут восьмого.
Эти часы были ещё хуже.

***

День на стройке давно подошёл к концу, свалившись на тело цементной усталостью. Минуты скрипели на зубах песком, секунды тянули мышцы рук и спины, выворачивая суставы. Последняя тачка с мешками, последний забег по этому чёртову колесу…и мышь получит свой кусочек сыра, отправляясь прочь из клетки в другую, где её ждёт точно такой же заморенный зверёк.
Саске никогда не любил мышей, но его нынешняя жизнь отчего-то очень напоминала существование этих вредителей. Бессмысленная, рассчитанная лишь на то, чтобы проснуться, прийти на стройку, пробегать сотню кругов в замкнутом колесе, получить свою выгоду и вернуться обратно. И лишь ночью можно забыть про свою серую шкуру, даже не говоря толком, а просто чувствуя рядом тихое дыхание.
Брюнет остановился, шаря по карманам в поисках сигаретной пачки. Взгляд бездумно скользил по стремительно темнеющему небу, на фоне которого чернела безобразная громада недостроенного здания. Ночной холодок наполнился дождевой влагой, а вдали слышались раскаты грома.
Закурив, Учиха вновь вцепился в ручку тачки, толкая её вперёд. Нужно было скорее заканчивать работу и возвращаться домой. Он и так задержался из-за долбанного Тазуны, решившего, что Саске не выполнил свою дневную норму, а поэтому ему придётся перетаскать ещё десять мешков…
Надо сказать, что после того разговора со стариком, отношение на стройке к нему изменилось: пустое место вдруг им быть перестало. Мужчины бросали осуждающие взгляды, по которым сразу можно было сказать - слухи тут расходятся быстрее, чем запах подпорченного мяса в закрытой комнате.

Учихе было плевать. Он приходил, пробегал свою сотню кругов в колесе и возвращался в клетку.

***

Тазуна, облокотившись о капот своей старенькой машины, которую хотел поменять вот уже который год, чтобы возить внуков на отдых, наблюдал за тем, как на площадку, освещённую мерцающей желтоватой лампой, вкатил тачку Саске.
Стоило мужчине завидеть эту бледную физиономию, как губы непроизвольно вытянулись в тонкую презрительную линию.

- Слышишь, Учиха, - каркнул старик. - Подойди.

Ему не нравился этот парень с самого начала. А уж после его заявления желание хоть как-то контактировать с ним пропало вовсе. Даже дышать одним воздухом было противно.
Брюнет, опустив тачку, медленно подошёл, смотря своими чёрными глазищами. Тазуна всё никак не мог привыкнуть к этому прямому, слишком острому для такой амёбы взгляду.

- Ты это, - качнулся на пятках мужчина, убирая руки в карманы. - Завтра не выходи.

- Почему? - вопросительно кивнул Саске, и стёклышки его очков блеснули, отражая желтоватый свет фонаря.

- Не подходишь ты нам.

- Чем именно?

Опять эти вопросы, от которых Тазуну воротило. Парень работал…действительно хорошо работал, выполняя свою норму с лихвой. Сегодня так вообще перевыполнил, работая будто бы на автомате, словно заведённый чёртов солдатик с механизмом внутри, но…
Учиха мог работать хоть за всю бригаду, но воздухом одним с ним старик всё равно дышать бы не стал.

- А то ты не в курсе, - буркнул мужчина, совершенно не желая разглагольствовать на неприятную тему.

- Тем, что я живу с парнем?

- Хватит уже, а? - поморщился Тазуна. - И так тошно. Радуйся, что мужики мозг вправить не решили. А то…они вспыльчивые.

- Я работаю хуже Кайзы?

Парень снял с переносицы очки, и мужчина пожалел, что тот вообще их тронул: теперь опять было видно ненормальные чёрные глаза и заглядывать в них совершенно не хотелось. А этот Учиха будто бы подцеплял его глазные яблоки мелкими крючками, заставляя пялиться не моргая.

- Ты сам всё знаешь…

- То есть…вам так важно, с кем я сплю? - усмехнулся брюнет, и захотелось заехать по этой узкой физиономии. - Почему вас не волнует, что половина бригады приходит пьяными?

- Слушай сюда, - клокочуще выдохнул Тазуна, прикладывая руку ко своему лбу и прикрывая глаза, чтобы тут же их открыть и уставиться на Саске. - Они мужики. А ты кто? Они семьи свои кормят. Жён, детей. А тебе деньги зачем? Что бы гомика своего в жопу было драть с чем? На вазелин?

Белая вспышка перед глазами и резкий удар в скулу до того удивили мужчину, что тот даже не сразу сообразил, что произошло. Ударившись спиной о бок машины, старик выставил руки перед собой, ожидая нового удара.
Но его не последовало.
Совершенно спокойные чёрные глаза, дурная улыбка…

- Деньги.

Тазуна, словно загипнотизированный, сунул руку в карман, вытаскивая из него одинокую купюру, которую вовсе не хотел отдавать этому парню. Но тело, кажется, не слушалось,

чувствуя рядом что-то чёрное, холодное. И оно смотрело из зрачков Учихи.
Выхватив деньги из руки, парень неожиданно широко улыбнулся:

- Счастливо сгнить.

***

Люди всегда выстраивают какие-то только им понятные стереотипы.
Саске не хотел об этом думать, но мысли сами наматывались на непрестанно крутящееся в черепе веретено.
Правильная жизнь, правильная семья, правильная любовь. И всё это под дулом общества, которое ставит тебя к стенке за малейшее нарушение. Они готовы расстрелять тебя. Плевать им на твой внутренний мир: если ты не подходишь под стандарты, ты достоин стать лишь решетом от пуль-взглядов. А потом, если повезёт, тебе отсекут голову гильотиной общественного порицания и презрения. Только не стоит рассчитывать на быструю смерть. Нет, она будет полна мук и предсмертных судорог.
Ты любишь не того, ты любишь не так, ты одеваешься не в то, ты говоришь неправильно…
Слишком худой, слишком толстый, слишком тихий, слишком громкий.
Для всех всегда всё будет слишком.
Пока не уровняют, пока не обрежут и не обкромсают, чтобы ты вписался в нужный пазл, занял свою нишу в уже приготовленной могиле для гроба.
Учиха пнул пустую пачку сигарет, что валялась на тротуаре.
Впереди маячил подсвеченный горящими окнами пятиэтажный дом, утопающий в стрелах-тополях, а с неба лился дождь, словно бы пытаясь вымыть из его головы все оставшиеся мысли.
В кедах уже хлюпало, и, кажется, виной тому были несколько незамеченных луж. Футболка отвратительно липла к телу, а джинсы не спасали ноги от холодных мурашек.
Привычный путь: аптека - дом.
Привычный пропахший кошками подъезд.

И острая боль в виске, заставившая остановиться, цепляясь за перила и делая глубокий глоток спёртого воздуха. Нужно было пройти ещё десять ступенек, попасть ключом в замок и провернуть его, но для дрожащих рук это казалось практически непосильной задачей.
Саске поднял глаза на обшарпанную старую дверь, желая, чтобы та сама открылась, но он никогда не обладал телекинезом, а все детские попытки найти в себе что-то особенное закончились лет в семь. Нет ничего особенного. Простой человек с дерьмом внутри.
Он всё-таки двинулся вверх по лестнице, вместо перил хватаясь за дверную ручку и резко вонзая ключи в замок, будто бы иначе мог промахнуться.
Замер, уткнувшись головой в гладкую обивку, переводя дыхание и пытаясь натянуть на лицо привычное выражение. Ведь Наруто всё равно будет смотреть мимо того, что хочешь показать…
В коридоре царила привычная темнота, но взгляд споткнулся за какую-то насыщенно-чёрную фигуру, сидевшую на полу у стены.

- Пришёл? - как-то пусто спросил блондин, поднимая взгляд на застывшего в дверях Учиху.

- Поставь чайник, - бросил Саске, стягивая кеды и радуясь, что в коридоре достаточно темно, чтобы Наруто не смог разглядеть его лица. Потому что маска ещё не до конца пристала к коже…

Узумаки начал подниматься, скользя спиной по гладкой стене и пялясь на брюнета. Поверить в то, что Учиха всё-таки был реальным, всё-таки пришёл, с каждой секундой становилось всё труднее и труднее. А потом эта чёрная иллюзия сама двинулась вперёд, медленно выходя в тусклую полоску света, льющегося из кухни. Наруто, закусив губу, обхватил холодные плечи руками, чувствуя дождевой запах пополам с сигаретным дымом, цепляющимся за Саске плотным пологом.

- Ты задержался.

Весь ужас ожидания сменился каким-то опустошающим

спокойствием.
Брюнет молча прикрыл глаза, пытаясь справиться с накатившим головокружением. Тело, почувствовав опору, решило, что больше не стоит удерживать равновесие, принявшись заваливаться куда-то набок.

- Эй, - выпалил Узумаки, едва успев ухватить парня, не дав тому повалиться на пол окончательно.

- Отпусти. Всё нормально.

Учиха упрямо упёрся руками в грудь блондина, не желая больше висеть бесполезной тряпичной куклой в чужих руках. Да и смысла не было: чужих сил не наберёшься, потому что и в Наруто их немного. Кое-как выпутавшись, он пошатнулся назад, ударяясь спиной о стену и разворачиваясь лицом к кухне.

- Стой, - нахмурился Узумаки, преграждая тому путь и, не смотря в возмущённые глаза, приложил руку к влажному лбу. Даже после прохладной улицы он казался лихорадочно горячим, как и щёки и шея…

Наруто мысленно ругнулся, только сейчас замечая, что Учиху бьёт мелкая дрожь и тот стоит совсем уж неровно, привалившись плечом к дверному косяку.

- Ты заболел, - вынес свой вердикт парень, ещё толком не понимая, во что всё это может вылиться.

- Ерунда, - мотнул головой тот, пытаясь отстраниться. - Пройдёт.

Брюнет всё-таки обошёл его, подходя к электрическому чайнику и щёлкая кнопкой. Пришлось вцепиться в столешницу тумбы, чтобы тело прекратило штормить, но внутри поселилась отвратительная дрожь, сковывающая органы.

- Саске, - обеспокоенно позвал Узумаки. - Ты забыл…что у тебя нет иммунитета. То есть, совсем нет.

Учиха тихо усмехнулся, склоняя голову и роняя крупные капли с влажных волос на стол. Ему было прекрасно известно, что его организм теперь походит на пробитый мелкой дробью целлофановый пакет, внутри которого как-то пытается выжить золотая рыбка. Точнее, тот скелет, который от неё остался…
Наруто, разглядывая подрагивающую спину, устало выдохнул. Спорить с Саске всегда было бесполезно, а когда тот начинал чувствовать свою слабость, то вовсе становилось травмоопасно. Обшарив взглядом кухню и не найдя рюкзака, Узумаки подошёл ближе, тронув плечо:

- Где твои таблетки?

Учиха скосил на блондина взгляд, совершенно не желая отвечать на вопрос. Он не видел смысла объяснять то, что уже случилось или пытаться оправдать своё поведение и свой выбор. А Наруто слишком хорошо научился читать по взгляду, в котором сейчас не было ничего, кроме очевидного ответа.

- Ты их не принимал, - кивнул он, чувствуя за рёбрами болезненный укол тревоги. - Ты…совсем рехнулся?

Странная пелена будто сошла с глаз, смытая нависшей над головой опасностью. Затуманенный ломкой разум Узумаки вряд ли был в прошлые дни способен разглядеть то, что происходило с Саске, а сейчас он видел всё пугающе чётко, будто бы сменил затёртую сетчатку на новую. То, как Учиха медленно говорил, как подолгу смотрел в свою кружку кофе, будто бы в чёрной глади лично для него показывали выпуск последних новостей, то, как стал много курить…
Брюнет всегда предпочитал душить себя дымом, чтобы боль уходила на второй план, смазанная горечью в лёгких.
Но отвратительнее всего было то, что Наруто чувствовал себя так, будто бы проглотил горсть слизней. Саске ведь приносил домой какие-то лекарства, поил его ими и кормил…пусть и дрянной едой, но желудок не болел от скручивающих его голодных спазмов.

- Не нравится, когда за тебя выбирают? - вяло ухмыльнулся

Учиха, толкнувшись лбом в лоб Наруто. - Ты ведь поступил тогда так же.

- Саске, - шикнул блондин, укладывая свои руки на его плечах. - Это совсем другое…

- Почему же? Ты выбрал мою жизнь, а я выбрал твою.

Брюнет довольно прикрыл глаза. Всё было до ужаса логичным, потому что встало в его личные пазы. Одна жизнь за другую, потому что Узумаки нужно было жить дальше, а не ему. На перегное листвы и прошлогодних цветов всегда вырастает новая травка. Все восторгаются нежными побегами, ароматом первых подснежников, но никто никогда не задумывается о том, что любая жизнь питается чужой смертью.

- Это не выбор - это самоубийство, идиот.

Учиха криво усмехнулся, отрицательно качая головой. Если спасение чужой жизни можно было назвать самоубийством, то им с Наруто можно было уже смело становиться президентами этого закрытого клуба, куда вход разрешён только после смерти. Физической или же эмоциональной.
Обхватив шею Узумаки руками, Саске провёл большими пальцами по его подбородку, заглядывая в почти бесцветные сейчас глаза.

- Считай, как хочешь.

- Конечно, - тихо ответил блондин. - Ты уже это сделал. Выбрал.

От слишком довольного взгляда Учихи хотелось стукнуть его головой о стену. Наруто, поймав это желание, убрал его подальше, потому что брюнету не хватало только сотрясения. Ухватив его за предплечье, Узумаки повёл на удивление покладистого парня в сторону спальни, без страха преодолевая чёрный коридор.
Сейчас он не боялся монстров, которые жили в этих стенах. Рядом с Саске почему-то вообще не было страшно. Разве что за самого Учиху…

- Нужно позвонить Итачи, - решительно заявил Наруто, укладывая отрицательно качнувшего головой брюнета на диван. - Где телефон?

- Нельзя, - отрезал тот. - В гробу я видел Итачи.

- Увидишь, - мрачно буркнул блондин. - Если мы не найдём тебе таблеток, то…

- Перетерплю.

- И сколько ты терпеть решил? Ты ведь знаешь всё лучше меня.

- Да, - зло шикнул Саске, вытягивая ноги. - Я сойду с ума, в конце концов прикончу: тебя, себя, а ещё парочку соседей. Так…смеха ради.

- Это несмешно.

Учиха, подняв глаза на Наруто, удивлённо вздёрнул брови:

- Разве? А я думал, чужие смерти - это так весело.

Узумаки шипяще выдохнул, опуская голову и забираясь пальцами в волосы на затылке. Саске вновь говорил несусветные глупости, и переубедить его просто невозможно. Брюнет прикрыл глаза, чтобы разорвать цепочку вспыхивающих перед взглядом белых пятен. Они больно резали по сетчатке, пока Наруто не додумался стянуть с него очки. Теперь всё расплывалось странным месивом, но было лучше…
Он больше не видел теней, которые столпились за спиной блондина. Тени потеряли свои лица, но, словно бы испугались проигрыша, вновь потянулись к нему своими острыми руками, холодными щупальцами…
В ногах опустилось что-то тяжёлое, и Саске поспешил перевести взгляд на лицо Узумаки, сейчас кажущееся размытой палитрой.

- Просто ложись спать, - поморщился он. - Не будь наседкой.

Наруто, фыркнув, опустился на край кровати, обеспокоенно глядя в мутные глаза, ловящие желтоватые блики настенной лампы.

- Ты ведь опять видишь их, - тихо сказал блондин, поглаживая острую скулу Учихи. - Тебе нельзя…ты должен их пить.

- Хватит уже, - раздражённо поморщился Саске.

Он не понимал смысл того, что Наруто сейчас убивался о сделанном. Зачем пытаться исправить словами то, что уже давно вырезано в каменной дощечки памяти?
Голова начинала постепенно разваливаться на куски, и собрать её, словно мозаику, уже не получалось. Единственным желанием было, чтобы Узумаки уснул раньше, чем следом за мозгом начнёт рассыпаться и тело. А тот упрямо следил за каждым его вздохом, будто бы боясь не поймать момент, когда они оборвутся.

- У тебя температура, - поджал губы Наруто, вновь укладывая прохладную ладонь на лоб.

- А у тебя ломка, - фыркнул Саске, прикрывая глаза и перехватывая запястье парня, чтобы отвести его руку от своей головы.

- Заткнись, Учиха, - беззлобно шикнул парень и поднялся. - Я принесу тебе чай…

«Как будто он поможет», - мысленно усмехнулся брюнет, переворачиваясь на бок и позволяя укрыть себя пледом.
Когда Узумаки скрылся на кухне, Саске тяжело вдохнул холодный воздух, отгоняя от себя налипающие на сознание шепотки. Это было трудно: они пробивались сквозь защиту тонкими струйками удушающего дыма.

- *Пойдём со мной,* - улыбнулась Белокожая, опускаясь рядом и обвивая руками плечи. - *Пойдём.*

Она кровожадно облизнулась, проводя длинными пальцами по шее и забираясь ими в волосы, надавливая на стрельнувший болью висок. Учихе пришлось резко сесть, хватаясь за голову и склоняясь к коленям. Если бы было можно провалиться сквозь пол, он бы провалился под землю. Руки Белокожей шарили по спине, будто бы успокаивая, но после них на коже оставались глубокие кровавые порезы.
А потом она замерла, мелодично рассмеявшись в лицо появившейся перед ними тени. Высокая, вытянутая, словно бы человека, побывавшего на дыбе. Этот силуэт протянул к нему руку, поблескивая багровыми разводами, и Саске, сам не понимая почему, медленно поднялся.
Ноги стали ватными так быстро, что Учиха и не заметил, как оказался на полу, прижимаясь щекой к жёсткому ворсу старого ковра.
Перед глазами медленно темнело, но тут же вспыхивало белыми яркими красками, заставляя вздрагивать и пытаться подняться. Щека в очередной раз ударилась о пол.

- *Он тебя обманул…*

Саске нахмурился, на миг забывая о накатившей дрожи. Попытался опереться коленом о пол, но плеч коснулись холодные ладони, разглаживая влажную футболку.

- *Он выбрал не тебя…*

Взгляд зацепился за темноту под диваном, их которой на него смотрели яркие жёлтые глаза. Они поблескивали расплавленной ртутью, отражая его собственный пустой взгляд. Тонкие зрачки то и дело подрагивали, меняя форму, вытягиваясь и округляясь. Завораживали, словно гипнозом.

- *Дотянись.*

Брюнет невольно провёл дрожащей рукой по полу, собирая на пальцы пыль и окуная её в холодный мрак. Кисть пропала в темноте, словно бы её откусило это жуткое существо. Пальцы наткнулись на холодное и гладкое…
Оно зашелестело в пальцах, перекатываясь мелкими

песчинками под тонкой оболочкой. И Учиха повёл руку обратно, поднося к глазам маленький пакетик.

- *Ты всё ещё любишь его?*

***

Наруто вернулся в комнату, неся с собой дымящуюся чашку чая и полотенце. Но холодный воздух, ударивший в лицо, когда он только вошёл, заставил остановиться.
В комнате были открыты все окна. Отчётливо пахло дождём и сигаретами, а Учиха сидел на диване, немигающе смотря на него.

- Саске?

- Значит, это твой выбор?

Взгляд блондина зацепился за раскрытую ладонь, в которой лежал глянцевый пакетик. Холод прошёл по коже. И совершенно не тот, что сейчас врывался сквозь раскрытые окна вместе с мелкими капельками дождя. А тот, которым смотрел Учиха.

- Ты предпочёл это, - сжал пальцы брюнет, разрывая тонкую оболочку и рассыпая порошок.

Он медленно поднялся, хотя его заметно потряхивало.

- Я не трогал это… - немеющими губами проговорил Наруто. - Это…Нагато дал, но…я не принимал.

- Думаешь, я тебе поверю…теперь?

Учиха медленно подошёл ближе, сжимая холодными пальцами ворот футболки, но к себе не притягивая. Кружка в руках Узумаки накренилась, едва не выплескиваясь горячим на пол.

- Саске, я правда не…

- Замолчи, - зашипел брюнет. Его глаза блеснули страшным, словно разума за этими чёрными кристалликами уже не было.

Кружка всё-таки выпала из разжавшихся пальцев, когда горло сдавили и притиснули к стене. Наруто раскрыл глаза, хватаясь за запястье Учихи и стараясь пропихнуть в себя воздух.

- Тебе это дороже, - брезгливо выплюнул Саске, внезапно разжимая пальцы и отходя от него.

Блондин следил за этой тонкой фигурой, ссутулившейся, сломанной. А внутри было больно. Всё сжимало от странной горькой обиды, вихрем поднявшейся внутри.
Ведь он не прикоснулся к пакетику. Он даже не смог позволить себе посмотреть на него. Но Учиху в этом не убедить…
Саске оказался рядом так резко, что Наруто не успел отшатнуться, лишь вновь вцепившись в его предплечье. Хотелось хоть как-то убедить брюнета, показать ему свои мысли, свои чувства…

- Убирайся отсюда, - тихо прошипел Учиха. - Что бы я тебя не видел.

Узумаки замер. Острейший нож пронзил горло, но воздух уже был не нужен. Эти слова, сказанные наотмашь, сказанные хлёстко, как удар профессионального боксёра…они пригвоздили к месту.
Саске столько раз прогонял его. Столько раз говорил, что он ему не нужен, но сейчас Наруто отдал бы всё, чтобы вернуть то время, когда Учиха не умел убивать так медленно.
Сейчас всё было по-другому.
Слова, разрезавшие пространство между ними, опустились железной стеной. Она больше не из старого кирпича, который можно расшатать, который можно разбить…было бы время и желание. Блондин уже когда-то перемахнул через такую стену, но выросшее между ними сейчас было невозможно разрушить.
Стало до того холодно, что он начал мелко дрожать, глядя в злые глаза напротив, не в силах сдвинуться с места. Наверное, поняв это, Саске пошёл сам, увлекая Наруто за собой, словно какую-то ненужную ношу, сломанную игрушку.

- Стой, - выпалил Узумаки, хватаясь за тащащую его руку. - Я… я не принимал. Почему ты мне не веришь?

Взглянув на брюнета, он внезапно понял почему. Но не смог сказать, а вот бледные чужие губы произнесли это с отчётливой остротой:

- Я больше тебя не люблю.

Дверь с щелчком открылась, Узумаки зацепился ошарашенным взглядом за любимое лицо, а за спиной уже разверзлась пропасть. И его в эту пропасть толкнули, сжигая все мосты громким хлопком двери.
Наруто замер.
Наруто умер.

***

Саске медленно съехал спиной по отвратительно гладкой стене. Лучше бы она была в шипах и крючьях, чтобы было больнее. Но тело ничего не чувствовало…или думало, что ничего не ощущало.
Руки тряслись, и пришлось сжать их в кулаки, растирая лоб до боли в коже. Прогнать Наруто…

- Он тебя обманул… Он тебя предал. Ты его больше не любишь. Разве можно любить такое? Его?

Голос назойливой мухой всё повторял и повторял в голове заезженную пластинку. От него не было спасения, не было никакой возможности вновь вернуть разуму молчаливое спокойствие. Осознание приходило медленно…рывками врезаясь в тело холодным железом.
Он выгнал Наруто…
Потому что больше не любил?
Это было действительно так?
Учиха зарылся пальцами в волосы, сжимая их. Чувства действительно стали холодным пеплом? Они пустышка? Картонки, промокшие под дождём?

Взгляд то и дело возвращался на дверь, которую захлопнул собственными же руками, разрушив не только ночную тишину, но и нечто большее.
Если не любит, тогда почему внутри так всё жжёт?
Ведь не из-за этого оттолкнул, выгнал.
А потому что иначе уничтожил так тщательно оберегаемую жизнь. Потому что теней было слишком много вокруг, и их голоски заменяли собственные мысли. Подтачивали контроль над телом, забирали душу, заменяя её чёрной смолой.
Что бы больше не чувствовал.
Что бы пошёл с ними.
Саске поднял глаза на стены, услышав странное шуршание, словно бы что-то быстро-быстро перебирает мелкими лапками по отходящим от штукатурки обоям. Он ничего не увидел, но звук повторился над головой.

- Мы здесь не одни, - улыбнулась Белокожая, опускаясь рядом и укладывая свою голову у него на плече.

Обои с тихим шелестом начинали слазить со стен. Они осыпались на волосы крупными кусками всё ещё тлеющего пепла, а под ними открывались безобразные чёрные камни с именами…
Имена. Они были всюду.
А ещё…

- *Убей его…*

Учиха закрыл лицо руками, уткнувшись в согнутые колени. Хотелось исчезнуть, чтобы пепел укрыл полностью. Тогда и дышать не нужно будет: гарь попадёт в лёгкие и…
Он резко поднялся, толкая дверь и вылетая прочь из тлеющей квартиры. Тени было ринулись за ним, но споткнулись о порог и замерли, разевая беззубые рты.

- Наруто? - позвал Саске, и его голос эхом разнёсся по подъезду, но ответом был лишь металлический лязг откуда-то сверху. Не думая, брюнет рванул вверх по лестнице, цепляясь за перила и подтягивая слишком тяжёлое тело, которое тянули обратно хором эхо переплетающихся голосов.

Он ведь любил.
Дверь, ведущая на чердак была безобразно распахнута, скалясь проёмом, показывая своё чернильно-синее ночное нутро. Плоская крыша встретила его холодным порывом ветра в лицо и мелкими каплями. Его хотели вытолкать обратно вниз, к теням, но Учиха упрямо зацепился взглядом за знакомую фигуру у края крыши.
Его тоже заметили, медленно повернувшись и окинув пустым взглядом.

- Не любишь? - просто крикнул Наруто, поворачиваясь лицом. - Действительно?

Саске начал медленно приближаться по плавящейся под ногами крыше.

- Учиха, я тебя спрашиваю, - жёстко и слишком решительно для человека, стоящего на краю крыши, спросил парень.

Он казался до безобразия тонким, истлевшим.

«Ты потерял свой лист. И книгу, в которой его прятал…она сгорела», - скомкано прозвучало в голове.
Он сделал один шаг к Наруто, боясь даже выдохнуть, чтобы тот не пошатнулся.

- Если не любишь, - криво улыбнулся Узумаки. - Тогда подойди и толкни. Чего тебе стоит? Давай.

- *Убей его…*

Брюнет замер, вслушиваясь в её тонкий голос, который гас с каждым шагом к Наруто. Ветер безжалостно трепал светлые волосы и слишком просторную для него футболку, а из-за темноты Учиха едва ли мог видеть глаза…

- Прекрати это, Узумаки, - резко выпалил он, останавливаясь. - Хватит.

- Хочу, чтобы это прекратил ты, - крикнул блондин. - Просто толкни.

Саске подходил всё ближе и ближе, но ему каждый раз казалось, что край крыши отдаляется и он не дойдёт до него раньше, чем ветер всё-таки столкнёт Наруто вниз. И что будет после этого виделось с трудом…
Он пытался поймать серый взгляд, но вместо этого видел лишь размытую палитру неумелого художника. Её не собрать, её не разделить на цвета…всё убито чёрным, всё потеряно. Какими не были бы чистыми изначальна цвета, больше никогда не добьёшься той лучистости, той искренней наивности. Больше никогда не увидишь того Узумаки, который кормил мороженым в старой беседке.

- Стой, - тихо и твёрдо сказал брюнет, и Наруто вздрогнул словно бы от удара.

Учиха сам был в ответе за эту испорченную палитру. Кто знает, почему парень, которому поставили такой диагноз продолжал пытаться жить и портить жизнь другому? Это ведь изначально было неправильно, и он это прекрасно знал…
…А сейчас они стоят на крыше, и непонятно: кто из них готов прыгать, а кто ловить.
Или оба?
Саске хотел подойти ближе, схватить и не отпускать, но не мог сдвинуться с места.
Наруто хотел, наконец, сделать шаг назад и почувствовать за спиной расходящуюся пустоту, но не мог оторвать глаз от матового взгляда.
Его живой труп. Быть рядом с которым, можно только продолжая жить.
Если начнёшь поддаваться этой заразной смерти, то будет больше некому спасать, а спасать тоже будет некого.
И не сдвинуться с места.

***

Иногда безумно, просто невыносимо хочется всё закончить. Узумаки чувствовал это уже не в первый раз, ощущая себя

простой гусеницей, которую почему-то вместо красивой бабочки пришпилили в рамочку и повесили на стену.
Он не мог быть в ответе за свою жизнь: мешало что-то. Двигаться мешало, дышать мешало. И это «что-то» стояло сейчас перед ним, вглядываясь немигающим взглядом, но почему-то не двигаясь. Хотя требовался всего лишь один толчок, чтобы закончить начатое.
Короткий полёт, и, наверное, даже больно не будет.
Иногда безумно хочется забыть о всех условностях. Перестать быть удобным пазом для кого-то.
Но не можешь.
Иногда хочется просто забыть, как дышать.

- Чего ты хочешь от меня? - спросил он, поднимая взгляд на Саске. - Что бы я ушёл? Что бы перестал быть рядом с тобой? Но ведь ты уже знаешь, что я останусь. Не любишь? Тогда толкай. Только так ты от меня отделаешься.

Блондин усмехнулся, с каким-то вызовом поднимая подбородок. Учиха продолжал стоять, не шевелясь, будто бы его кто-то поставил на паузу.

- Прыгай.

Наруто удивлённо поднял бровь.

- Что смотришь? - улыбнулся Саске. - Ты хочешь прыгать? Прыгай.

Наверное, только Учиха умеет сжимать сердце одним лишь словом.

- Какого хера стоишь? Страшно тебе?

Брюнет страшно улыбнулся, всё-таки подходя ближе, замирая в шаге от края и выжидающе смотря на Наруто.

- Боишься что будет больно? Прыгай, чёрт тебя дери. Что ты этим докажешь?

Узумаки, зацепившись за чёрный взгляд, кажется, перестал дышать. Он качнул головой, закусывая губу, и…
…Действительно шагнул в пропасть.
Саске дёрнуло следом, но пальцы на запястье Наруто сжались так крепко, что показалось, будто бы руку сейчас вырвет из сустава. Его пригнуло к краю крыши, вдавливая в битум. Пришлось уцепиться рукой за самый край, пытаясь не рухнуть следом.

- Отпусти!

Пришлось напрячься, чтобы потянуть вверх повисшее безвольной тряпичной куклой тело. Утягивало следом, но Учиха не собирался так просто сдаваться раскрытой внизу чёрной пасти, которая звала своими шепотками.
Кое-как, уцепившись пальцами за бортик и стараясь не перегибаться через край, Саске потянул на себя, упираясь коленями в битум. Когда удалось дотянуть Наруто почти наполовину, брюнет зацепился второй рукой за ворот футболки, потом за плечо, затем собрал ткань на спине и втянул Узумаки наверх, рухнув на крышу следом.
Дышать было тяжело, но, перекатившись и оказавшись на побледневшем Наруто, Саске вцепился в воротник, хорошенько тряхнув. Кажется, блондин ударился затылком, но…

- Какого. Чёрта?!

Мутный взгляд прошёл мимо него, и пришлось ухватить за острый подбородок, разворачивая к себе лицом. Хотел было что-то сказать, но слова застряли в горле, пронзили лёгкие осколками. Тряхнув головой, поднялся, помогая встать Узумаки и не дожидаясь, пока тот придёт в себя, решив, где небо, а где земля, потянул его прочь с крыши, едва не спотыкаясь о собственные заплетающиеся ноги.
В квартиру ввалились практически без сил, но Саске нашёл в себе остатки выносливости, чтобы запереть дверь и убрать ключи в карман. Толчком руки направил Наруто в сторону спальни, ощущая, что ещё немного и голова окончательно развалится на отдельные запчасти.

- Зачем? - глухо спросил блондин, опускаясь на диван и глядя на Учиху снизу вверх. - Ты всё ясно сказал. Ты выгнал меня.

Саске смотрел на него долго, внимательно. Он разглядывал свой спрятанный листик, который удалось с боем отвоевать у уже подбирающегося огня. И руки начинали трястись от выброса адреналина, а виски сдавливало каменной тяжестью. Если бы в нём было побольше злости, то Белокожая получила бы сегодня своё, но руки не сжимались в кулаки.

- Прости.

Наруто даже не сразу понял, что ему это не послышалось. Хотя даже в страшном бреду ему не могло привидеться такое. Он поднял непонимающий взгляд на брюнета. Тот, опустив голову, смотрел своим до ужаса прямым взглядом. Вот чем Узумаки пришпилило к фанерной рамке…

- Ч-что?

- Прости, - уже громче повторил Учиха.

Он потянулся рукой, убирая с бледного, влажного лица светлые волосы, налипшие на лоб и скулы. Наруто вздрогнул от прикосновения, словно опасался, что место его Саске занял какой-то чужак, натянувший на себя иллюзию.
Но у подделки просто не может быть таких холодных пальцев, знакомых до дрожи, острых глаз, которые не видят дальше своего носа. Узумаки почему-то улыбнулся, опуская голову и проводя носом по раскрытой ладони брюнета. О его руки не согреешься, а словам вряд ли можно верить.
Саске сам никогда в них не верил.

- Тебя тоже могло утянуть, - тихо проговорил куда-то в запястье. Учиха не отвечал, лишь пальцы чуть дрогнули.

- И всё закончилось бы. Ты понимаешь?

Наруто поднял на брюнета глаза, ища ответа, и улыбка медленно погасла на его лице, стёртая тонкой чёрной струйкой

крови, что зазмеилась от носа по плотно сжатым губам, по белому подбородку, крупными каплями падая на футболку.

- Саске?

Узумаки резко подобрался, перехватывая парня за плечо, но глаза того странно матово блеснули и тело начало заваливаться назад, потеряв всякий внутренний стержень. Рухнув следом, Наруто больно ударился коленями о пол, и даже старый ворс не смягчил этого удара. Пальцы судорожно вцепились в плечи, сдавливая, теребя, а потом торопливо и беспорядочно стёрли кровь с губ, с лица, но она появилась вновь, росчерком пересекая теперь щёку.
И плевать стало на слова. На то, что сказал, что не любит. Что прогнал. Как будто раньше никогда не прогонял…
Блондин почувствовал себя последним глупцом, щупая шею, находя пульс, ощущая, как начинают напрягаться мышцы. Руки зашарили по карманам, наткнулись на пачку сигарет, зажигалку, какие-то сложенные бумажки и только потом на выключенный телефон. Конечно, Учиха всегда таскал его с собой.

- Скорая? Алло!

Глава 12. После дождя

Глава 12.
После дождя.

«Ключ тебе верну,
И двери не открыться.
Мне в свою страну,
Ты знаешь я пришёл проститься.
Это только дым,
И в нём нам не укрыться.
Пачка на двоих,
И по вискам стучит, проститься.
Солнце, отпусти меня».
Китай - После дождя.

Огромное пространство раскинулось дымным маревом. Оно колыхалось, словно по нему курсировали невидимые корабли, а прислушавшись можно было услышать тихий плеск несуществующих волн.
Саске замер посреди этого туманного моря, пытаясь разглядеть хоть что-то перед собой, но сизый туман лез в глаза, ослепляя. Приходилось осторожно переставлять ноги по гладкой гальке, едва заметно пошатываясь и протягивая руки вперёд, чтобы уцепиться ими за что-то.
Постепенно в сгущающемся мареве начинали проступать ярко-красные точки, будто бы кто-то сверху капал багряной кровью и она застывала, не долетев до земли всего несколько метров. Брюнет попытался дотянуться рукой до одной из них, но туман боязливо сомкнулся, закрывая своё яркое сокровище, чтобы никто не смог похитить его. Пришлось вновь продолжить свой путь, неуверенно вглядываясь ослепшими глазами.
Он шёл долго. Время здесь ничего не значило, оно утекало сквозь пальцы этими дымными струйками, вновь становясь частью тумана.
А плечо задело что-то, заставляя тело остановиться и резко

развернуться, машинально цепляясь рукой за чьё-то запястье. Кожа под пальцами оказалась едва тёплой, гладкой и мягкой, но ниже почему-то становилась практически ледяной, будто бы её обладатель долго держал ту под холодной водой.
Саске скользнул пальцами выше, вычерчивая линию предплечья, плеча, цепляясь за выступающие дуги ключиц и замирая. Костяшки пальцев задели упрямый подбородок, затем подушечки надавили на тёплые губы и те разомкнулись, дыхнув теплом на озябшую кожу.
Учиха было отшатнулся, но его успели поймать за руку, не давая вновь затеряться в тумане. Теперь уже он был предметом изучения, только вот скользил по нему привычно тёплый взгляд. Он ласкал, гладил уставшие плечи, нежно касался губ и замирал на чуть подрагивающих ресницах мелкими капельками тумана.

- Наруто? - позвал Саске, догадавшись, кто перед ним.

Потому что только Узумаки может смотреть так, будто бы прикасается руками. Только взгляд Узумаки дышит летним теплом, а его губы настолько горячие, что кажется, будто бы парень поцеловал само солнце.
Силуэт перед ним хмыкнул, а взгляд стал острее. Туман резко разошёлся в разные стороны, прижатый к земле тихим смехом. Брюнет уставился в пустые глазницы, в которых плескалась странная тьма. Она стекала по щекам безобразными чёрными побегами, затекала в уголки кривящихся губ, выкрашивая их в серый. На него смотрел Наруто, но его оболочка стала совершенно тонкой, словно фарфоровой. И в ней не чувствовалась жизнь.
Изломанная кукла с отрезанными верёвками для кукловода. Ничего больше.
Блондин смотрел прямо, немигающе, потому что век давно не было. Кажется, его лицо постепенно менялось, становясь блёклым и каким-то сглаженным, будто бы по только что нанесённой краске провели губкой.
Учиха всё-таки отшатнулся, вырываясь из несильной хватки тонких пальцев. Спина наткнулась на что-то пронзительно зазвеневшее, и он обернулся. Красным пятном на теле тумана оказалась лилия, сейчас медленно осыпающаяся лепестками на

потрескавшуюся землю. Они, касаясь поверхности, расползались кровью, заполняя собой глубокие трещины.
А Саске всё смотрел на остановившегося перед ним чужака с соломенными волосами и чёрными провалами глаз. Он тянул к нему иссохшую руку, царапая раздробленными ногтями воздух и болезненно сжимая трескающиеся губы.
Спина в очередной раз наткнулась на что-то тёплое, но в этот раз лепестки прилипли к плечам жгучими лохмотьями, прорастая под кожу, перетекая в неё. Учиха чувствовал, как его спину медленно покрывает сеточка крупных рубцов, похожих на росчерки ножа. Его удерживало на месте, а на землю под ногами всё быстрее и быстрее капала почти чёрная кровь…
…И это существо без глаз подходило всё ближе и ближе, протягивая к его лицу свою бледную руку…

***

Наруто, дёрнув брюнета за ворот футболки в очередной раз, едва не порвал чёрную ткань. Но старания, кажется, возымели своё действие, и парень медленно открыл глаза, всё ещё бездумно пялясь перед собой.
Заметив этот взгляд, Узумаки как-то обессилено покачнулся, упираясь рукой в пол, а дрожащую вторую укладывая на грудь Саске.

- Ты напугал меня, - вяло улыбнулся блондин, хотя улыбка на его лице плясала мелкими осколками разбившегося стекла.

Учиха посмотрел на сидящего рядом, протягивая руку и цепляясь крючьями-пальцами за шею, чтобы притянуть к себе и заглянуть в глаза. Но на него смотрела не та мёртвая тьма, а серое туманное утро. Стало легче, хотя тупая боль в висках заставила вновь опуститься затылком на пол и прикрыть веки. Это был просто сон. Очередной глупый сон, которому и верить не стоит…

- Саске? Ты…

Скорая задерживалась уже на час, а новые попытки дозвониться туда оканчивались лишь механическим женским голосом,

который всё повторял, что данный вид связи недоступен…

- Всё нормально, - поморщился брюнет, прикладывая ладонь к горящему лбу.

Кажется, поднималась температура, а кости начинали медленно плавиться. Сквозь чёрную пелену прикрытых век Учиха внезапно почувствовал, как что-то тяжёлое опустилось на его грудь, поверх ладони Наруто. Пальцы скользнули вверх, путаясь в растрепавшихся светлых волосах. Сжались, но тут же провели по макушке, будто бы успокаивая. Хотя почему он должен кого-то успокаивать - брюнет понимать не хотел.

- Ты прыгнул, - немеющими губами выдохнул Саске.

- А ты поймал, - грустно улыбнулся Узумаки, потираясь лбом о чужую грудь. - Тоже не очень умно.

- Наруто, - серьёзно позвали. - Ты неисправимый…идиот.

- А я тебе не верю.

Блондин поднял глаза, опираясь руками по оба края от лица Учихи. Он смотрел на это меловое лицо, на котором двумя яркими точками были только глаза. Сейчас Саске казался до ужаса монохромным. Если бы не подсохшая полоска крови поперёк щеки, то его можно было бы назвать чёрно-белым.

- А я тебя…люблю.

Наруто бы удивился.
Он бы задохнулся от того, что воздуха внезапно стало не хватать.
Наверное, он бы поцеловал, чтобы не отвечать на слова словами.
Но вместо этого вздрогнул всем телом, когда из глубины коридора донёсся оглушающий удар.
Учиха, резко сев, уставился на дверной проём, не понимая: то ли разум шалит, то ли кто-то сейчас очень быстро шёл в сторону их комнаты.

Но, судя по взволнованному лицу Узумаки, это происходило в реальности…
Дверь распахнулась, и внутрь вошли сначала двое высоких мужчин в уже знакомой чёрной одежде, под пиджаками которой пряталась кобура пистолета, а за ними следом показался Мадара.
От взгляда на этого мужчину внутри Наруто всё похолодело, и он медленно поднялся, помогая и Саске встать на ноги. Трепещущее было от прозвучавших слов сердце будто бы застыло, поражённое льдом.

- Как ты нас нашёл? - резко выпалил Учиха, хотя резкость была только в его словах: стоять всё еще было сложно и тело неуклонно тянуло вниз какой-то взбесившейся силой притяжения.

Безразличный взгляд мужчины скользнул по их лицам, зацепившись лишь за полоску крови на лице Саске, а затем лениво перетёк на Наруто, что сжимал в руках телефон.

- Сеть, - усмехнулся Мадара, протягивая руку и забирая сотовый у Узумаки. - Это бескрайнее море, в котором один такой аппарат может стать сигнальным буйком…если его включить.

Саске тяжело выдохнул, опуская гудящую голову, в которой вновь каждое слово разносилось эхом знакомых и не очень голосов. Он смотрел себе под ноги, а вместо вытертого временем ковра видел потрескавшуюся серую землю, вместо руки Наруто на своём предплечье чувствовал вгрызающиеся в мясо лепестки кровавых лилий.
Пришлось крепко зажмуриться и, вновь открыв глаза, преувеличенно бодро уставиться на Мадару.

- Ты нас нашёл, - усмехнулся брюнет. - И что дальше? Пристрелишь, потому что мы тебя ослушались?

Та дерзость, с которой говорил Учиха, Наруто давно перестала удивлять. Сейчас он хотел лишь держать его за руку и знать, что в следующую минуту эти ледяные пальцы не исчезнут.

Мадара, хмыкнув, неожиданно приблизился, двумя пальцами приподнимая голову Саске за подбородок, чтобы заглянуть в совершенно мутные глаза. От мужчины веяло холодом, но от этого холода не хотелось отшатнуться. Скорее, он просто бы не дал проявить такую вольность, стягивая на горле эту морозную удавку.

- Твоя болезнь, - медленно начал Мадара. - Что она сделала с твоим разумом?

- Тебя ебёт? - зло шикнул Учиха, дёрнув головой, но тщетно: пальцы мужчины сжались сильнее. - Это моя голова. Мой мозг.

- Наруто, я ведь предупреждал тебя, - вкрадчиво сказал мужчина, поворачиваясь к застывшему Узумаки. - Я советовал тебе даже близко не подходить к Саске.

- Ты подсадил его на наркотики, мразь.

Учиха всё-таки отшатнулся, отмахнувшись от руки Мадары. Парень чувствовал, как те самые лепестки лилии обволакивают сердце горючей злостью, подталкивая впиться зубами в открытое бледное горло.

- Не я был тем человеком, который держал иглу у его вены.

Усмешка мужчины отразилась в его глазах, сделав лицо чуть живее, будто бы эти слова были чем-то хорошим.

- Да, но твой пёс отлично с этим справился. Неужели ты думал, что я после этого буду спокойно работать на тебя?

Узумаки нервно куснул губу, смотря то на Саске, то на подозрительно спокойного Мадару. Взгляд без остановки скакал с одного на другого, будто бы от каждого парень ожидал какой-нибудь глупости, что переломит весь ход разговора. Наруто чувствовал себя тонким листом мягкого металла между двух наковален. Ему было не страшно принять удар, но он сожалел о том, что недостаточно прочен, чтобы заслонить собой Учиху.

- Как оказалось, пёс был недостаточно верным, - хмыкнул Мадара, поворачиваясь к блондину и кивая своим людям, чтобы те, подойдя к парню, всё-таки отцепили его руку от Саске и заломили их за спину.

- Был? - нахмурился Наруто.

От улыбки мужчины стало нехорошо: она мелкими гвоздями впилась в сердце и то никак не могло сделать очередной удар.

- Ты же не знаешь…Нагато умер. Ещё вчера.

По нему всё-таки ударило. Узумаки вздрогнул, даже забыв попытаться вырваться. Взгляд остановился на Мадаре, а мозг никак не мог поверить, что всё это происходит на самом деле. Нагато умер? То есть…

- Я же предупреждал тебя, Наруто, - устало выдохнул мужчина. - Вся ответственность была только в твоих руках, и ты не справился.

- Оставь нас в покое, - твёрдо процедил Саске. - Я лучше сдохну, чем вернусь в вашу чёртову семью.

Чёрный взгляд метнулся к нему, останавливаясь где-то на уровне лба и медленно стекая к глазам, будто бы желая выжечь глазницы своим пронизывающим холодом. Мадара не изменился в лице, разве что по краю радужки пробежала едва заметная рябь, но и это брюнет мог списать на те тени, что уже роились по углам.
Значит, разум вновь решил обезопасить своего хозяина от реальности.

- Знаете, я никогда не был сторонником жестоких мер, - задумчиво проговорил Мадара, отходя на шаг назад. - Я всегда держал свои обещания. И сдержал бы и на этот раз, если бы ты, Наруто, сдержал своё.

Короткий кивок, и один из охранников ударяет коротко и резко

под рёбра согнувшегося пополам блондина.
Смазано-чёрное метнулось в сторону мужчины, толкая его всем корпусом в плечо и заставляя завалиться куда-то в бок, налетая бедром на тумбочку. Но Саске показалось, что этот несильный толчок выбил из его собственной головы все мозги, будто бы он со всего разбегу врезался в гранитную стену.
Учиха замер, чуть покачиваясь, а потом всё же ринулся на второго, пока один из охранников пытался подняться, а Наруто, кажется, тоже начал пытаться высвободиться.
Эти жалкие попытки отвоевать обратно свою свободу не могли кончиться ничем иным, кроме как их поражением. Ведь бросаться на отлично обученных телохранителей вряд ли было умно…

- Саске, - коротко позвал Мадара.

Брюнет бросил лишь один взгляд в его сторону, и этого было достаточно, чтобы чьи-то сильные руки легли на плечи, сжимая и останавливая. Узумаки тоже оттащили в сторону, заставляя замереть, попросту ухватив за волосы и задрав голову чуть назад, чтобы он мог видеть всё происходящее, но дёрнуться значило бы расстаться со скальпом.
Совершенно спокойный взгляд мужчины был продолжением нацеленного прямо в лоб блондина пистолета. Чёрное обтекаемое тело смертельной игрушки опасно поблескивало, хищно глядя дулом в лицо.
Наруто, тяжело дыша, замер. За рёбрами быстро-быстро стучало сердце, и с каждой минутой комната перед глазами начинала странно расплываться, будто бы пульсируя.

- Мадара! - рыкнул Саске, пытаясь вырваться, но легче было оставить в руках верзилы собственные плечи, вырвав те с суставов.

- Ты ведь никогда не оставишь его, - как-то горько улыбнулся Мадара, и это несколько удивило Наруто. Если человек с приставленным ко лбу пистолетом может ещё удивляться…

- Я обещал всегда быть рядом, - упрямо проговорил Узумаки.

- Я ведь угрожал и ему тоже. В чём твоя проблема, Наруто? Тебе плевать на его жизнь?

- Мадара, заткнись и опусти пистолет, - прорычал где-то там, за размывчатой пеленой, Саске.

Блондин молча смотрел на застывшего перед ним мужчину. Ему никогда не было плевать на жизнь Учихи. Саске просто дал понять, что эта жизнь мало что значит, если превращается в череду однотипных желаний, сосредоточенных лишь на мести. Они пытались жить отдельно, но всё это превратилось в жалкое существование, где каждый добивал самого себя лишь ему известными способами.
Наруто бросил быстрый взгляд на Саске, но всё равно ничего не увидел. А так хотелось…
Мужчина взвёл курок, даже не посмотрев на брюнета, не разрывая зрительного контакта с Наруто.
Комната налилась тяжёлой тишиной, которая жадно ждала, пока ей дадут шанс впитать звук выстрела…

- Стой, - сказал Учиха. - Я уйду.

Узумаки, не веря своим ушам, уставился в марево, не видя перед собой практически ничего.

- Что ты сказал? - тихо спросил он, словно бы не своим голосом.

- Дай телефон.

Саске, кивнув на валяющийся на полу сотовый Наруто, дёрнул плечом, давая понять, что хочет высвободить руку. Оставалось только надеяться, что Мадара послушает его и не нажмёт курок. Всё внутри замерло, зазвенело напряжением. Эти долгие секунды, пока мужчина поворачивался к нему, медленно опуская пистолет, стали целой жизнью. А потом ещё одной, когда он, подобрав телефон, протянул его брюнету.

- Что ты делаешь? - выпалил Узумаки, но в ответ услышал лишь писк клавиш и вновь задрожавшую тишину.

Учиха, не отрываясь, смотрел на бледное лицо блондина, который гарантированно мог умереть: и от выстрела, и от того, что потрёпанное сердце всё-таки не выдержит. Гудки в трубке казались слишком долгими, а когда они всё-таки прекратились Саске даже подумал, что звонок сорвался…

- Наруто?! - выкрикнул из динамиков взволнованный мужской голос.

- Нет, не Наруто, - с некоторым облегчением ответил Учиха. Взгляд блондина, постепенно проясняясь, показался ему до того растерянным, что хотелось отвернуться.

- Ирука? Я правильно понял? - вздёрнул брови брюнет. - Ваш сын сейчас со мной…и я хочу, чтобы вы его забрали. Записывайте…

Наруто дальше не слышал, уставившись на Саске во все глаза. Он никак не мог поверить в то, что тот сейчас сделал. Позвонил его отцу? Но ведь это равносильно тому же звонку Мадаре… Учиха, продиктовав адрес и сбросив вызов, отбросил телефон на диван. Его взгляд вперился в Наруто, будто бы хотел окончательно добить.

- Зачем?

- Потому что твой отец - это гарантия того, что ты больше не придёшь, - процедил Саске.

- Ты…ты выбрал за меня.

- И как ощущения? Нравятся? - ядовито усмехнулся Учиха, поворачиваясь к Мадаре и вопросительно кивая: - Всё? Доволен?

Мужчина, что молча наблюдал за всем происходящим, довольно улыбнулся, убирая пистолет в кобуру и кивая своим людям, чтобы те отпустили парней. Его взгляд вряд ли можно было назвать потеплевшим, но на Саске он смотрел с каким-то

непонятным чувством: то ли гордости, то ли очередного оттенка безразличности.

- Если и в этот раз вы не оправдаете моих ожиданий, то…

- Не бойся, - дёрнул плечами Учиха. - На этот раз родители запрячут его в комнату с решётками на окнах до тех пор, пока Наруто не образумится. Не полюбит девушек, не станет достойным членом общества…

Узумаки слушал и не верил своим ушам. Почему-то с губ Саске лился такой яд, которым можно было отравиться от одного лишь запаха. Разум судорожно пытался понять причину, но всё время промахивался, не в силах даже сосредоточиться на чём-то одном.
Когда Наруто уже был готов умереть, брюнет ударил мимо наковальни, заставив измениться и её собственный ответный удар.

- Проверим, - осклабился мужчина, доставая из кармана выглаженных брюк сотовый и набрав номер, приложил его к уху. - Итачи, да. Я нашёл его. Забери.

Учиха мысленно ругнулся: Мадара нашёл чем отплатить.
И, судя по улыбке, того устраивал такой ход вещей.

- Я буду у подъезда, если вам вдруг захочется обмануть меня, - предупредил он. - Мой тебе совет, Саске, дождись Итачи. Так будет лучше всем…и в первую очередь тебе.

С этими словами Мадара направился прочь из комнаты, а его охранники безликими тенями потекли следом.
Тиканье часов разливалось во вновь воцарившейся тишине. Кто-то прикрыл дверь, шаги по ступенькам и глухой хлопок подъездной двери.

- Отец скоро приедет, - неживым голосом выдохнул Наруто, не поднимая глаз от ковра. Он ощущал всю тяжесть неминуемой встречи с родителем камнем, что лёг за рёбрами. Сердце постепенно успокаивалось, но ему и биться-то уже было не

положено.

- Чем скорее ты уберёшься отсюда, тем лучше, - буркнул Саске, садясь на диван и опуская голову в подставленные ладони. Зарылся пальцами в волосы, глубоко выдыхая: - Или Мадара вернётся.

- Ты испугался его?

- Я…иди к чёрту, - поморщился Учиха, не желая объяснять свои собственные поступки. Они даже для него были запутанными, а сознание всё ещё не хотело верить, что им всё-таки дали ещё один шанс.

На макушку легла лёгкая ладонь, поглаживая взъерошенные волосы, перетекая на шею и будто бы обжигаясь о белую полоску кожи.

- У тебя будет шанс начать жизнь заново, - глухо проговорил Саске, впитывая в себя эти касания. - Не просри его, Наруто.

Блондин вновь не ответил, и хотелось уже поднять глаза, схватить за горло, выдавливая ответ, но Учиха не успел, ощутив, как рядом тяжело опустились. Тёплый висок ударился об угловатое плечо, усталый вздох:

- Я…

- Только попробуй сказать, что ты обещал быть рядом, - прорычал Саске. - Убью. Сейчас всё слишком серьёзно…

- А когда он угрожал тебе? - хмыкнул Наруто. - Это были игры?

- То был я.

Ощущение полной безнадёжности ситуации повисло в воздухе. Учиха понял, что он теперь та самая подопытная мышь, которую запустили в заведомо бессмысленный лабиринт, в котором не было: ни сыра, ни выхода. Оставалось повернуться лишь ко входу, но за ним ждал огромный кот…

Узумаки, отрицательно покачав головой, задержал взгляд на брюнете, который всё-таки поднял лицо из ладоней. Саске выглядел непривычно сдавшимся, будто бы всё это действительно стало последней каплей…
Наруто медленно потянул парня за плечи назад, заставляя лечь на разобранный диван и опускаясь рядом. Нос ткнулся в холодную щёку, и Учиха всё-таки повернулся к нему, заглядывая в глаза.

- Хочу курить, - внезапно признался Наруто, скользнув рукой по плечу Саске. - У тебя есть?

Тот, кивнув, достал из кармана пачку и зажигалку. Поднёс первую к губам блондина, позволяя вытащить одну из сигарет и чиркая зажигалкой. После чего прикурил сам, выпуская облачко дыма и прикрывая глаза, чтобы вновь повернуться лицом к потолку.
Сизые облака медленно поднимались вверх, тая ещё на середине своего пути. Тёплая рука накрыла его ладонь, забирая сигареты и зажигалку, не смотря на дрогнувшие пальцы.

- Зачем? - спросил Саске, скосив глаза.

- Традиция.

Наруто было не весело, хотя улыбка появилась на губах. Скорее всего, нервное…или же сигарета была слишком резкой. Но он вдыхал то, чем обычно дышал Учиха, отравляя себя и пропитываясь этой невесомой горечью.
А потом руку с тлеющей никотиновой палочкой отвели от губ и их коснулись чужие, холодные и привычно жёсткие. Узумаки даже дышать перестал, цепляясь пальцами свободной руки в плечо парня и спешно туша сигарету о что-то подвернувшееся. Саске притянул его ближе к себе, разделяя так и не выдохнутый дымок на двоих, заставляя дышать сизым табачным туманом, проникая вместе с ним в лёгкие, отравляя и привязывая ещё сильнее. Руками сжимая волосы на затылке, будто бы боясь отпустить или ослабить сильную хватку. Но оба они знали, что как крепко не держи, а дышать одним воздухом осталось совсем ничего. И от этого было физически больно, потому что

отдирали себя друг от друга с мясом.
Что бы наверняка.
Что бы навсегда.
Наруто первым разорвал поцелуй, едва способный дышать. Воздух вырывался из горла кроткими обрывками, а сердце вновь билось, как сумасшедшее.
Он уткнулся в сгиб шеи брюнета, чувствуя, как тот обхватывает его руками и сжимает пальцы на спине, комкая футболку.
Учиха ведь не передумает…теперь придётся уйти. И они оба знают, ради чего.
Только какого чёрта все благие цели этого поступка рассыпаются прахом в пальцах?
Блондин даже представить не мог, сколько они так лежали, едва способные говорить или двигаться. А Саске просто не знал, чем можно заполнить эту воцарившуюся тишину. Да и зачем? Ведь слова никогда не были главными, ведь он им никогда не верил, а Наруто хотел верить в то, что было истиной для Учихи. Слепое желание подстроиться, стать частью. Непохожей, вечно тянущей в другую сторону, но частью.
Часы мирно тикали, и хотелось слушать только их. Эта своеобразная музыка била по нервам, но также помогала понять, что у них впереди есть ещё несколько минут или секунд, чтобы впитать друг друга на всю жизнь.
И не было бы смысла в чём-то другом, кроме как в руках на спине, этом тиканье, да мерном дыхании рядом.
А потом дверь дёрнули, пытаясь открыть, и Наруто как-то странно вздрогнул, сильнее вжавшись губами в шею Учихи.

- Просто отпусти меня, - нехотя выдохнул Саске, хмуря брови.
Губы коснулись тёплой кожи, пальцы сжались чуть сильнее, совершенно не слушаясь хозяина. Нужно было помочь, подтолкнуть.

В дверь затарабанили. Видимо замок захлопнулся, когда Мадара уходил…

- Наруто.

- Я не хочу.

Сжав зубы, Учиха первым разжал сведённые судорогой пальцы. Он приподнялся на локте, наблюдая за тем, как блондин вынужденно отпускает его и тут же опускает голову, заслоняясь от него растрёпанными светлыми волосами.

- Нужно идти.

Брюнет поднялся. Наруто почувствовал это, когда вокруг стало холодно. Тихие шаги, щелчок замка и резкие слова, сказанные вроде бы знакомым голосом. Узумаки, поднявшись, вышел в коридор, встретившись взглядом с оттолкнувшим Саске с дороги Ирукой. Мужчина выглядел так, будто бы бежал в другой город пешком…

- Наруто, - строго выпалил он. - Собирайся.

Блондин как-то безнадёжно посмотрел на прижавшегося спиной к стене Саске, но тот даже не поднял взгляд, вперившись им в пол. Оставлять его сейчас не хотелось, но… его ведь никогда не хотелось оставлять.
Ирука посмотрел на Учиху так, будто бы увидел перед собой самое настоящее исчадие ада. Ещё немного, и мужчина точно не сдержится: кулаки и так были сжаты, а глаза полыхали злостью.

- Ты хоть представляешь, что мы с твоей матерью…

- Представляю, - просто согласился Наруто, сбивая Ируку с мысли таким заявлением. Ему было совершенно не стыдно за свой поступок…

Всё давно потеряло какое-либо значение, кроме того, что Саске не смотрел на него. Узумаки осторожно тронул парня за плечо, и тот вздрогнул, будто бы от удара, но так и не взглянул.

- Уходите.

- А ты…

Ирука оказался так близко к Учихе, что ещё один шаг и просто сметёт его собой.

- Ты…

Он так и не нашёлся что сказать, попросту ухватив сына за предплечье и дёрнув с места. Наруто, шумно выдохнув, бросил взгляд на побелевшего Саске и не успел опомниться, как перед носом захлопнулась дверь, а под ногами побежали серые ступеньки.

- Отпусти! - дёрнулся он, но Ирука вцепился крепко и всё-таки выволок его из подъезда, буквально заталкивая в машину. Дверца захлопнулась за ним, отрезая пути к бегству, а отец опустился на водительское сиденье.

Узумаки до боли прикусил губу, глядя в чёрный прямоугольник подъездной двери, желая увидеть только одно…
Но машина тронулась с места раньше, чем темнота медленно расступилась, позволив Саске выглянуть наружу.

***

Учиха поднялся в квартиру, даже не подумав закрыть за собой дверь. Теперь это место для него казалось каким-то обжитым склепом, хотя и раньше особой жизнью не дышало. Здесь было другое: присутствие Наруто всему давало смысл. Даже его никчёмной, пустой жизни…
Саске, прислонившись спиной к стене, провёл по лицу рукой. Вот и всё. Теперь действительно конец.
Сам сжёг мосты, отрезал все нити, что связывали, а если и осталась одна, то она слишком тонкая, чтобы притянуть их вновь.
Тени по углам внезапно сыпанули к центру, окутывая всё собой, заслоняя всё, что только можно. Учиха даже вздрогнул от неожиданности, прижимая руку ко лбу и делая неуверенный шаг назад. Наткнулся на что-то звякнувшее, понял, что сбил на пол какой-то круглый предмет, а потом потолок поменялся местами с полом, пока стены медленно сужались.
Пришлось закрыть бесполезные глаза, чтобы те не видели этой

круговерти.
Вокруг было темно. Мрак заползал внутрь, рождая страх…

- Не бойся темноты, - улыбнулась Белокожая. - Иди ко мне. Пойдём со мной…

Мышцы свело начинающейся судорогой, и чьи-то тёплые пальцы с силой надавили на челюсть, заставляя открыть рот. Горький кругляш на языке он проглотил машинально, царапая им горло и едва не задыхаясь от желания вдохнуть воздух. Только вот не получалось: даже рёбра схлопнулись тонким силком, ловя в свой плен забившееся в предсмертной агонии сердце-птицу…

***

Мадара, заметив подъезжающую к дому знакомую машину, тронул своего водителя за плечо и джип двинулся с места. Итачи, как всегда, приехал вовремя: Мадара бы не стал оставлять Саске одного после всего этого слишком надолго. Парень действительно выглядел плохо, и было неизвестно, что спрятано у того в голове.
Какое-то непонятное волнение засело внутри, но довольная улыбка резко перечеркнула это вроде бы наметившееся чувство. Всё шло по его плану, хотя два этих упрямца заставили попотеть, выискивая их.
Признаться, Мадара был уверен, что сегодня придётся пустить пистолет вход, но Судьба чудным образом распорядилась иначе.

- Ты так похож на неё, - усмехнулся мужчина, постукивая пальцами по колену.

Перед глазами замелькали знакомые образы, картинки из прошлого. Черты лица того стали жёстче, чёрные брови сошлись над переносицей, словно он совершенно не это хотел видеть в своём разуме.
Он не хотел вспоминать высокую зеленоглазую женщину с белой кожей и ужасным диагнозом. И не хотел вновь чувствовать её прохладные прикосновения, а в глазах видеть

боль и любовь одновременно.
Мадара даже сейчас верил в то, что она любила только своего сына, Саске, ради которого пошла на многое, чтобы он жил спокойной жизнью.
Но иногда не молодой уж мужчина задумывался, что было бы, если б всё пошло иначе? Если бы не Фугаку?…

***

…Осенний день был напитан янтарными красками негреющего уж солнца. Его резкие лучи, падая на детскую площадку, золотили простые качели, согревали пожухшую, но всё ещё зелёную траву. Здесь было не так много детей, чтобы спутать…

- Ты уверена, что хочешь с ним встретиться? Ему три года… вряд ли он поймёт…

- Я хочу увидеть, - мягко перебила его черноволосая, поворачиваясь и улыбаясь. Её тонкие губы, дрогнув, попытались сложиться в улыбку, но Мадара видел, что с каждым днём ей становилось всё труднее и труднее управлять своими эмоциями.

Она медленно угасала…и светло-зелёные глаза тускнели, становясь мёртвыми. Иногда, когда она просыпалась, её взгляд был пугающе пустым, будто бы в своих снах женщина заглядывала за Грань.

- Он мой сын. И…я ведь не должна была оставлять его вот так. С совершенно чужим ему человеком.

- Но…

Её рука, опустившись на плечо, чуть сжала ткань его дорогого пиджака тонкими пальчиками, на которых простое серебряное кольцо смотрелось ужасно тяжёлым.

- Я просто поговорю с ним. Ты же знаешь…Фугаку не даст нам встретиться. Это было его условие.

Мадара, поджав губы, отрывисто кивнул, поглаживая её руку и тяжело выдыхая. Если эта женщина вбила себе что-то в голову, то переубедить её было невозможно.
Она вышла из машины, легко толкнув дверь и остановилась, будто бы набираясь решимости. Глубоко вздохнула пропахший осенним солнцем воздух и медленно направилась к трёхлетнему ребёнку, что неотрывно следил за какой-то забредшей на площадку кошкой.
Полноватая женщина, которая стояла рядом с ним, явно не могла быть утончённой Микото, но когда черноволосая приблизилась, та покровительственно положила руку на плечо мальчика.

- Господин Фугаку говорил о вас, - бросила нянька, будто бы пытаясь этими словами отстранить ребёнка. - Он запретил…

- Господин Фугаку не может найти времени, чтобы погулять с собственным сыном? - вздёрнула тонкие брови женщина, моментально теряя интерес к какой-то прислуге и опускаясь на корточки перед мальчиком.

Да, он рос совершенно нормальным ребенком: светлая кожа, большие чёрные глаза, в обрамлении пушистых чёрных же ресниц, и неровные взлохмаченные ветром тёмные волосы. Женщина улыбнулась, понимая, что её сын и сохранит то, что осталось от неё…только вот глаза у него от отца: жёсткие, пугающе внимательные даже сейчас, когда он вряд ли понимает что-то своим детским мозгом.

- Привет, - улыбнулась она, протягивая руку и касаясь его руки.
- Саске?

Ребёнок, удивлённо подняв брови, посмотрел на неё. Долгий, не по-детски внимательный взгляд прошёлся по лицу женщины, заставив улыбнуться вновь. Он приглядывался к ней так, будто бы решал, можно ли подпустить ближе и, наконец, придя к выводу, тихо сказал:

- Кошка.

Светло-серое животное, муркнув, потёрлось лбом о его колено, и ребёнок чуть покачнулся, едва не упав, но руки няньки поддержали под спинку.

- Вам нельзя тут…если заметят, у меня будут проблемы, - выпалила та, взволнованно оглядываясь. - Вам лучше уйти.

Женщина, подняв глаза на прислугу, отрицательно качнула головой:

- Я сама решу, когда мне уходить. Замолчи и дай мне побыть с сыном, а я вместо этого не расскажу господину Фугаку, что ты нарушила его приказ, - и, мило улыбнувшись, добавила: - Договорились?

Нянька, нервно пробежав взглядом по этому узкому белому лицу, судорожно кивнула, отходя и усаживаясь на лавочку. Оттуда она, словно встревоженная близостью хищника курица-наседка, оглядывала площадку, комкая светло-синюю юбку.

- Саске, - позвала женщина, опускаясь коленями на мелкую травку, которой поросла детская площадка. Но кошка, вспугнутая проезжающим мимо автомобилем, прижала уши к голове и ринулась в сторону оплетённой виноградом беседки. А мальчик побежал за ней.

Поднявшаяся было нянька была осажена обратно пристальным взглядом женщины, что направилась следом за остановившимся перед входом в беседку ребёнком.

- Что такое, Саске? - спросила она, опускаясь рядом с ним.

Мальчик смотрел в глубь беседки, которая из-за яркого солнца сейчас казалась непроглядно-чёрной. На его лице показалось недоумение, он прикусил светло-розовую губу, поднимая руку и указывая куда-то в темноту.

- Кошка…

- Убежала?

Мальчик кивнул, нахмурив лоб.

- Пойдём найдём?

- Темно.

- А ты боишься темноты?

Саске, повернувшись к ней, вновь кивнул, и, кажется, на его щеках появился румянец. Ребёнок опустил глаза и совершенно мило шаркнул ножкой в кроссовке, пиная в беседку небольшой камень.

- Её не стоит бояться, - улыбнулась женщина, беря его за руку. Ладошка мальчика была мягкой и прохладной, как и её руки.

Она поднялась, спиной заходя в беседку первой и смотря на Саске.

- Иди ко мне, - позвала женщина, и её длинные чёрные волосы тяжёлым пологом соскользнули вперёд, чуть не заслонив лицо. Ей пришлось убрать локоны за ухо и вновь улыбнуться, заходя глубже.

- Пойдём со мной. Не бойся.

Мальчик поднял на неё глаза, в которых на миг сверкнуло какое-то странное узнавание, но потом он сделал неуверенный шажок внутрь, сильнее сжимая руку женщины.
Стоило ему оказаться в беседке, как она подхватила его на руки, прижимая к себе.

- Видишь? Тут нет ничего страшного…

Изнутри беседка оказалась пронизанной солнечным светом, который, пробиваясь сквозь плотно оплетающий её виноград, искрился мелкими крупинками пыли. Здесь было не темно, но ребёнок мог запросто испугаться этого полумрака.

- Ну, где тут кошка? Давай позовём…

- Кис-кис-кис, - неожиданно сказал Саске, внимательно оглядываясь по сторонам.

Из-под винограда, услышав зов, на железный стол запрыгнула сероватая тень, потёршись спиной о бедро женщины.

- А вот и киса, - выдохнула черноволосая, опуская ребёнка ногами на столешницу, потому что руки внезапно начали терять силу. Это раздражало…почему именно сейчас, почему именно рядом с ним?

Меж тонких чёрных бровей залегла глубокая морщинка, но женщина не выпускала руки ребёнка, удерживая того на столе, пока он гладил кошку.
Голова наливалась тяжестью, а пальцы всё сильнее и сильнее тряслись, будто бы к телу подключили кабель и пустили ток. Она уже знала, что сейчас будет: тени не оставят возможности окружить её…это всё вновь повторится…

- Саске, - позвала женщина, привлекая внимание ребёнка. - Я всегда буду тебя любить. Только я…запомни. Им…им нет дела. Они ненастоящие.

Её горящий лоб прижался ко лбу застывшего мальчика.

- Картонки…

Неожиданно на плечи легли чьи-то тяжёлые руки, но она узнала эту тяжесть и расслабилась, откинувшись назад.

- Всё-всё, - выдохнул Мадара, успокаивающе целуя её в макушку. - Давай я спущу его…

Подхватив мальчика со стола, мужчина на миг застыл, вглядываясь в совершенно ещё детское лицо, а потом его пальцы накрыла узкая женская ладошка.

- Пообещай мне, Мадара, что бы ни случилось…пусть у него

будет достойное будущее. Пожалуйста…

- Я…

- Только не говори, что я сама увижу его, - горько усмехнулась женщина, высыпая на ладонь таблетки. - Обещай…

- Обещаю, - кивнул мужчина.

***

Его комната не изменилась за время отсутствия. Только Наруто потерял всякий интерес к этим серо-синим стенам, к книгам, что жались на полке друг к другу, к фотоальбомам…
Он потерял интерес ко всему.
Путь до дома они с отцом провели в красноречивом молчании. Блондин чувствовал, что Ирука хочет поговорить, но слишком зол, чтобы начинать разговор первым, а сам парень вовсе не желал вытаскивать из отца его мысли по поводу очередной выходки неблагодарного чада.
Всё и так было понятно по тому взгляду, которым Ирука смотрел на него: прямой, жёсткий. Так смотрят на приговорённых к медленной смерти от какой-нибудь особо мучительной заразы. Холера, например. Или ещё что похуже…
Отец не заговорил с ним, и когда они оказались дома. Сузо лишь обняла его, спросив, что он хочет на ужин, но, не получив ответа, обещала приготовить яблочный пирог…
На этом и разошлись, каждый по своим углам.
Но Наруто знал, что это ещё не конец.
Искупавшись и переодевшись в чистое, он застыл у зеркала, проводя пальцами по поджившим порезам у себя на лице. Вряд ли с этими метками его будут нормально воспринимать в обществе, но сейчас Узумаки мало думал о том, что эти треклятые люди будут думать о нём.
Жизнь вновь разделилась на две половины: до и после. Сейчас словно наступил конец света, в котором он выжил по странной случайности. Он пережил: и ядерный взрыв, и первые дни в окружении умирающих, а после месяца такой жизни внезапно осознал, что не знает, как быть дальше. Куда идти и что делать. Да и зачем жить он представлял мало.

Выключив воду, Наруто тяжело вздохнул, понимая, что уже далеко не ребёнок и даже не подросток. Если когда-то он мог считать свои желания чем-то глупым и импульсивным, то сейчас всё поразительно чётко укладывалось в его новое мировоззрение. Проблема была лишь в том, что желаний больше не осталось…
Внизу, в гостиной, его, как он и думал, ждали родители. Они сидели на диване, вроде бы просто смотря телевизор, но стоило парню оказаться рядом, как отец выключил тарахтящий ящик и поднял на него глаза.

- Что ты собираешься делать? - прямо спросил Ирука.

Сузо, нервно сжала в руках пульт, отходя к окну. Кажется, семейной сцены было не миновать.
Никаких взглядов, никаких ужинов не нужно было, чтобы расставить все точки. Наруто и не ждал, что Ирука будет с ним терпим. Лимит терпения он давно исчерпал.

- Не знаю, - честно признался блондин.

Он смотрел прямо отцу в глаза, застыв на пороге гостиной.

- Ты не знаешь, что хочешь делать со своей жизнью? - поднял брови Ирука.

Мужчина был зол…это промелькнуло в его карих глазах, залегло морщинкой меж бровей, очертило жёстким контуром губы.
Наруто пожал плечами.

- Прекрасно, - выдохнул тот и резко поднялся. - Мой сын…

- Не оправдал твои надежды, - закончил за него парень. - Я в курсе.

- Да, дерзить ты научился…

В воздухе явственно запахло скандалом, только вот Узумаки совершенно не хотел начинать все эти выяснения. Для себя он

решил всё очень давно, а теперь отчитываться перед родителями не видел смысла. Во всяком случае, это была его жизнь…и своей жизнью он расплатился за право быть с Учихой рядом.

- Ты больше не увидишь его. Этого…Саске, - презрительно шикнул Ирука.

Блондин опустил глаза, прикусывая губу. Он прекрасно знал, что Учиха лишил его возможности видеться с ним. А сухая смс от Итачи о том, что с Саске всё в порядке, казалась действительно прощальным хлопком двери, отрезавшим его от того мира раз и навсегда.

- Тебя надо лечить, понимаешь, Наруто? - как-то безнадёжно сказал мужчина. - Это болезнь…

- Грипп - это болезнь, - резко отрезал парень. - А чувства не лечат.

Лицо Ируки сделалось серым, моментально состарившимся на несколько лет. Сузо, что до этого молчала, повернулась к ним, но не проронила и слова. Её можно было понять: когда стоишь меж двух огней трудно решить, в котором из них сгореть.

- Ты не можешь испытывать чувства к…парню.

- Почему?

- Потому что это омерзительно.

- Это нормально. Это так же, как любить девушку.

- Это противоестественно.

- Почему? - вновь спросил Наруто.

- У тебя никогда не будет детей…семьи.

- Но кто сказал, что я хочу всё это? Я хочу просто жить, как ты

не поймёшь.

Парень постепенно чувствовал, как раздражение Ируки медленно вливается в него самого. Он устало смотрел на отца, но внутри всё горело от желания заорать. Хотя крик вряд ли кто-то поймёт, если не понимают спокойных слов.

- Тебя надо лечить, - покачал головой Ирука. - Мы с матерью нашли закрытую школу за городом…это дорого, но ради твоей жизни…

- Мне не нужна закрытая школа! - резко выпалил Наруто. - Мне не нужна такая жизнь!

Мужчина поражённо замолчал, нахмурив брови. Он смотрел на своего сына и не видел ничего, кроме злых серых глаз. Но ведь когда-то же они были голубыми…
Тот изменился: стал выше, тоньше, бледнее. И эти порезы на лице…
Ирука быстрым шагом преодолел расстояние между ними, сжимая пальцами подбородок сына и поворачивая его голову из стороны в сторону.

- Это он тебе сделал?! - прорычал мужчина.

- Нет!

Наруто тряхнул головой, отшатываясь и налетая спиной на дверной косяк. Подпускать отца к вскрытым чувствам совершенно не хотелось. Эти шрамы мог трогать только один человек, с ядовитыми чёрными глазами…

- Ты завтра же уезжаешь из города вместе с матерью. Поживёте у её сестры, а потом…

Узумаки не дослушал. Он будто бы провалился в странное холодное марево, когда сердце в очередной раз больно ударилось о рёбра. Пришлось приложить максимум усилий, чтобы по привычке не схватиться за грудь, ещё больше пугая мать.

Уехать.
Это ведь окончательно разорвёт все нити, что сейчас натянулись между ними с Саске. Это ведь уничтожит всё…
А сейчас они находились в одном городе, дышали одним воздухом…видели одно небо.
Парень сделал шаг назад, ещё толком не осознав той мысли, что пришла в его голову. Она была твёрдой и резкой, словно лезвие сломанного кинжала, что засело в мозгу.
Он не уедет.
Он не оставит Саске.

- Наруто!- выпалил Ирука, когда его сын, сорвав с вешалки ветровку, рванул прочь из дома.

Блондин бежал прочь от родителей, потому что просто не мог позволить себе сделать очередную ошибку. Он не мог позволить себе просто так взять и отказаться от всего, что строил так усердно. Учиха выкладывал сигареты в рядок, а Наруто выравнивал их чувства…
И сейчас совершенно не хотел, чтобы этот рядок нарушили резким взмахом руки.

***

Саске разбудил монотонный писк, от которого парень тут же поморщился. Слишком хорошо он знал этот звук, а открывать глаза совершенно не хотелось.

- Проснулся?

Голос Итачи вовсе добил всякое желание просыпаться. Но младший Учиха всё-таки поднял веки, посмотрев на брата мутными после сна глазами. Если это можно называть сном.

- Почему я здесь?

Брат, сидящий у его кровати на стуле, пожал плечами:

- Потому что забыл таблетки, довёл тело до истощения, простудился…мне продолжить перечислять?

- Замолчи. Уже повеситься хочется, - поморщился Саске, поднося руку ко лбу. - Когда я смогу уйти отсюда?

- Когда Орочимару разрешит.

- Опять он…

- Он всё ещё твой лечащий врач. И единственный человек, которому я могу тебя доверить.

Саске, скосив глаза на брата, усмехнулся. О нём разговаривали, как о какой-то грёбаной вещи, которую можно переложить в чьи-то руки и отдать туда же всю ответственность за оную. Хотя…ничего не изменилось. Родители с детства оставляли его с няньками, потом появился Орочимару, затем сумасшедший дом и…наверное, последним «доверенным лицом» в этом списке будет патологоанатом.

- Я не буду держать тебя здесь дольше положенного. Ты подлечишься и можешь идти…куда хочешь.

- С чего такая щедрость? А как же кандалы, цепи? - прыснул Саске и положил руку обратно поверх одеяла. Голова гудела не так сильно, но во рту появился отвратительный медикаментозный привкус, будто бы он вылакал целый таз всевозможных препаратов.

- Оставлю это на потом, - усмехнулся Итачи. - Тебе нужно выздороветь. С твоим отсутствием иммунитета ты свалишься где-нибудь на тротуаре. И ещё…

На кровать рядом с ним лёг небольшой чёрный сотовый и упаковка с новой симкой. Брюнет, подняв глаза на брата, вопросительно изогнул брови.

- Ты свой потерял или…не знаю, что ты там с ним сделал. Но если не хочешь видеть меня, то у меня условие, - просто начал Итачи. - Ты отзваниваешься раз в неделю, говоришь, что жив и на этом наше общение заканчивается. Сделка?

- Забирай его.

- Это не подачка, Саске. Это необходимость.

- Я не хочу, чтобы у меня был телефон, - резко отрезал парень, отвернувшись и уставившись в потолок. - Он мне не нужен.

В палате повисла тишина, разбавляемая лишь привычным пиканьем аппарата. Где-то за белыми дверьми ходили люди, но парень не был уверен, что слышит их, а не шумы в своей собственной голове.

- Из-за Наруто? Ты не хочешь…не хочешь опять позвонить ему?

Младший Учиха, прикусив губу, вовсе отвернулся к окну, выходящему на задний двор клиники. Как он и догадывался, место было всё то же, а ивы всё также смотрели в окна и шелестели своими острыми листками.

- Хорошо. Я заберу его, но, когда тебе станет лучше, ты возьмёшь телефон. Иначе я вспомню о цепях и кандалах.

Итачи был в каком-то странном настроении. Это трудно было назвать радостью встречи с младшим братом, но Саске чувствовал, что что-то в старшем изменилось. Он потерял все свои мелкие крючочки, которыми раньше так усердно пытался зацепить его и удержать рядом. Что-то случилось с его твёрдой уверенностью в том, что он знает, как лучше.
Саске фыркнул, закрывая глаза. Если это был очередной трюк, чтобы вернуть его в семью, то Итачи неплохо потрудился. Но актёр из него всё равно был дерьмовый.

***

Стук в дверь заставил Орочимару оторваться от просмотра старых документов и историй болезни. Удивлённо посмотрев на часы, которые отмечали уже десятый час вечера, мужчина неторопливо поднялся из-за стола.
Стук повторился. Взволнованный, нетерпеливый, словно бы за

стучащим гнался какой-то монстр.
Открыв дверь, Орочимару не без удивления уставился на того, кто вновь занёс руку для удара.

- Наруто? - едва ли узнавая в этом бледном, запыхавшемся и взъерошенном парне того солнечного юнца, которого он знал когда-то. - Что-то случилось?

- Саске у вас? - резко выпалил парень, проходя в комнату, даже не спросив разрешения.

Взгляд метнулся по прихожей, по вешалке и аккуратному ряду обуви.

- Его здесь нет, - прикрыл за ним дверь Орочимару и включил свет в коридоре.

Парень поморщился, вздрогнув от резкого щелчка. Тело было каким-то нервным, словно издёрганным, но добраться из пригорода до самого центра города было тем ещё приключением. Посмотрев на мужчину, в глазах которого светилось непонимание, Узумаки на одном дыхании выпалил:

- Ему было плохо…потом его забрал Итачи…и я подумал, что…

- Что его привезли ко мне? - закончил за него Орочимару, проводя блондина в гостиную.

Здесь было так же сумеречно, как и во всей квартиры доктора. Пахло кофейными зёрнами и сыростью, которая просачивалась в комнату через приоткрытое окно.

- Больше некуда, - покачал головой Наруто.

Если он ошибся, то было появившаяся в душе надежда вновь умрёт. Итачи не согласится рассказать, где Саске…
Долгий взгляд желтоватых глаз было легко выдержать, а вот лёгкая усмешка, появившаяся на губах доктора, заставила оторопеть.

- Ты всегда знаешь, где его искать. Не медицинский ли это феномен, Наруто.

- Называйте, как хотите. Он у вас в клинике?

Сердце билось быстро. Так быстро, что перед глазами вновь пошли круги.
Орочимару сдержанно кивнул.
Казалось, что мужчина попросту испытывает его терпение, невесть зачем проверяя и делая пометки в своём разуме напротив имени - Узумаки Наруто.

- Поступил сегодня утром, - механическим голосом отчеканил тот. - Грипп, истощение, галлюцинации.

- Галлюцинации, - как-то безнадёжно повторил блондин. - Вы…

- Нет, мы не отправим его в сумасшедший дом, - покачал головой доктор, отходя от парня к журнальному столику.

Звякнул хрустальный графин, пока мужчина наливал в стакан тёмно-янтарного виски.

- Ты ведь знал, Наруто, что операция…операция только уберёт опухоль, дав ему ещё времени.

- Это ничего не меняет.

Узумаки вперился взглядом в прямую спину Орочимару. Тени, окружающие их, бросились в рассыпную, когда тот щёлкнул настольной лампой, зажигая янтарный свет.

- Я не считаю, что ты тот человек, который способен помочь Саске излечиться полностью. Ты не психиатр и не доктор. Но…

Орочимару повернулся к Наруто, усмехаясь:

- Ты вполне подходишь на роль друга.

Наруто удивлённо поднял брови. Доктор говорил как всегда

прямо, будто бы его мнение было действительно важно для Узумаки.

- Вы убиваете друг друга, - кивнул тот. - Но…жизнь вообще убивает. И Саске уже доказал, что без тебя скатится быстрее… как видишь…

Взгляд мужчины задержался на боку Наруто, где тут же заныла зажившая уже рана. Захотелось тут же прикрыть её рукой, но парень продолжил стоять прямо перед Орочимару, словно от этого что-то зависело.

- Лучше вам не стало.

- Зачем вы всё это говорите?

- Потому что это должен был кто-то сказать, - решительно выдохнул мужчина. - Ваша любовь глупая, безрассудная, больная. Она уничтожит вас рано или поздно, но…мне кажется вы это и без всех нас знаете.

- Скажите это Мадаре, - шикнул Наруто. - Он…

- Мадара никогда не сможет принять то, что Саске - самостоятельная личность. И не в чести семьи дело вовсе…

- А в чём тогда?

- Если бы я знал. Увы, мотивы Учих для меня до сих пор остаются тайной, - задумчиво отпил из бокала Орочимару, продолжая внимательно следить за блондином. - Саске у меня в клинике. Но Мадара…он не даст вам просто так встретиться.

- Он убьёт меня, - согласно кивнул парень, и то, с каким безразличием он это произнёс, заставило поражённо нахмуриться. - Или Саске…

- Запутанная ситуация. Что ж…из всего можно найти выход, Наруто.

Улыбнувшись, Орочимару отошёл к книжной полке и, проведя пальцами по выстроенным в ряд книгам, достал одну из них в зелёной обложке.

- Ложись спать.

***

Вряд ли раннее утро можно назвать разумным временем для похода в гости. Но блондин чувствовал, что должен встретиться с теми, про кого забыл.
Саске был прав, как и всегда: он, Узумаки, в последнее время стал ужасным эгоистом. А сейчас необходимость увидеться с теми, кто был всё ещё дорог, стала попросту ужасной.
Робко постучав в дверь, Наруто нервно прикусил губу. Если его здесь не рады видеть, то это вполне логично, ведь он пропал так надолго, что впору было вычёркивать даже из списка знакомых.
В двери щёлкнуло, а под ложечкой неприятно засосало. И, когда ему открыли, Узумаки нерешительно отошёл на шаг назад, поднимая виноватый взгляд на замершего на пороге Джирайю.

- Наруто? - прищурился мужчина, словно бы не веря своему зрению.

- Привет…я…решил вот зайти, - смущённо улыбнулся блондин.
- Вы…я вас разбудил?

- Джирайя, кто там? - раздался приглушённый голос, и спустя пару секунд из-за плеча мужчины показалась взъерошенная Цунаде в голубой ночной рубашке.

Её глаза удивлённо округлились, и, тут же нахмурившись, она строго приказала:

- Затащи этого оболтуса в квартиру. Иначе он сейчас сбежит.

***

- Значит, ты решил зайти проведать нас? - подозрительно щурясь, протянула Цунаде.

На кухне пахло свежим кофе и вишнёвыми сигаретами, которые лежали на полке рядом с хрустальной пепельницей. Всё здесь было настолько уютно и по-домашнему, что Наруто даже не верилось, будто бы суровый отшельник сумел ужиться в таких условиях после своего разваливающегося домика в лесу. Хотя Джирайя не выглядел человеком, которого что-то не устраивает, разве что в глазах при взгляде на парня сверкало волнение и настороженность.
Они ожидали от него чего-то. Потому что невозможно было пропасть так надолго и внезапно просто заявиться.

- Ну…да, - пожал он плечами, поднимая взгляд на Цунаде.

Женщина тоже выглядела до ужаса по-домашнему. Раньше Узумаки видел её лишь в строгих деловых костюмах, с аккуратной причёской и макияжем, а сейчас она стояла перед ним в простой ночной рубашке до колена, с взъерошенными волосами и красивым, чистым лицом без грамма косметики. И каждая мелкая морщинка на её словно бы аристократичном лице дышала теплом…

- Просто так? - буркнул Джирайя, пододвигая Наруто кружку с чаем.

Заметив недоумение на лице крестника, отшельник вопросительно кивнул:

- Разлюбил чай?

- Н-нет…

- Вот и хорошо, - строго кивнул тот. - С твоим сердцем тебе теперь только чай и пить…

- Да всё нормально у меня с сердцем, - с улыбкой отмахнулся Узумаки, качнувшись на стуле, словно бы какой-то семилетний ребёнок.

Осознал, что ведёт себя странно, и замер, уставившись в пол. Он всё ещё улыбался, хотя улыбка скорее застыла на лице на автомате.

- Где вы сейчас живёте? - спросила Цунаде, отпивая из своей большой чёрной кружки. Поморщилась, бросила недовольный взгляд на Джирайю и пододвинула сахарницу к себе поближе.

Наруто осёкся, не зная, что ответить. Он нервно прикусил губу, набираясь смелости рассказать всё, как есть. Ведь и Джирайя, и Цунаде заслуживали того, чтобы знать правду…

- Мы больше не вместе…

Женщина так и застыла, не опустив в кружку сахарный кубик. Её взгляд остановился на блондине, а бровь вновь выгнулась в удивлении.

- И хорошо! - резко выпалил Джирайя, улыбаясь, но, поймав предостерегающий взгляд Цунаде, убрал улыбку с лица.

- С ним что-то случилось? - спросила она и вновь повернулась к Наруто лицом.

- Он в больнице, - на автомате ответил Узумаки и тут же поправился: - То есть…с ним всё нормально. Просто…заболел. И Итачи отвёз его к Орочимару.

- А что произошло между вами? - кивнул Джирайя. - Я, конечно, рад, что ты, наконец, понял…но…

- Так получилось, - пожал плечами Наруто, игнорируя слова отшельника: мужчина переживал за него, а не за его ориентацию. Это было куда как понятнее, нежели слепая ненависть отца, вылившаяся в очередной скандал и обещание отослать из города.

Из-за воспоминаний парень невольно сжал кулаки, мысленно обещая себе, что никуда отсюда не денется, если даже его

волоком потащат прочь. Вернётся. Узнает дорогу на ощупь.

- И что ты теперь будешь делать? - тихо спросила Цунаде, заставляя поднять на себя взгляд.

Женщина мягко улыбнулась, словно бы мысленно ведя совершенно другую беседу с ним. Кажется, она понимала лучше Джирайи, чего стоило Наруто прийти сюда и произнести эти слова. Ведь так упрямо боролся за право быть рядом, а сейчас сам признаётся в своём бессилии перед сложившейся ситуацией.

- Что и всегда, - усмехнулся блондин. - Пойду в клинику и буду доставать Учиху.

- То есть…ты хочешь вернуться? - дрогнувшим голосом спросил Джирайя.

- Да.

- Но…зачем тогда уходил?

- Это слишком запутано, - выдохнул Наруто. - Но…я не за этим пришёл.

Подняв валяющийся на полу рюкзак, Узумаки поставил его к себе на колени и ненадолго зарылся в нём. Спустя пару минут в его руках появился тонкий запечатанный конверт, который он и протянул Цунаде.

- Я хочу попросить вас, - улыбнулся парень, увидев блеснувшие доброй укоризной глаза Цунаде. - Передать это Саске. Только он должен прочитать это письмо.

- Но ведь ты идёшь к нему, - вновь вклинился Джирайя. - Ох, не нравишься ты мне, Наруто…

- Не переживай, - улыбнулась Цунаде, забирая конверт. - Мы, психологи, умеем хранить чужие тайны.

- Спасибо, - с облегчением выдохнул Узумаки. - Я…верю, что вы сделаете так, как я попросил.

- Но когда я узнаю, что его нужно отдать Саске?

- Узнаете.

С этими словами он поднялся, подхватив рюкзак и остановившись напротив Цунаде. Женщина смотрела на него своим тёплым взглядом, от которого хотелось вновь оказаться в детстве. Она словно лечила раны, не прикасаясь и ничего не говоря. И Наруто улыбнулся ей в ответ, неожиданно порывисто обнимая.

- Я так вам благодарен. Вам обоим…

На плечо легла сухая горячая ладонь отшельника.

- Только береги себя, - тихо попросил Джирайя. - Обещаешь?

- Обещаю…

***

Было холодно. Осень, сорвавшись с места в карьер, кажется, решила догнать маячившую ещё далеко впереди зиму и как следует доказать, что не только хозяйка белых полей может иссушать своими морозами.
Наруто поёжился, подумав, что без тёплой куртки, которую он когда-то забыл у Цунаде, давно бы уже окоченел. Дорога стелилась под ногами разбитым тротуаром, над головой завывал ветер, опасно сгибая тонкие тела тополей.
Этой дорогой было особенно трудно идти: Узумаки неизменно чувствовал на своей спине чей-то тяжёлый взгляд, будто бы его провожал невидимый спутник. Парень даже пару раз оглянулся, надеясь встретиться с фиалковыми глазами, а потом ловил на себе безразличные взгляды прохожих и вновь отворачивался, уставившись под ноги.
Нагато больше не было. Отдалённый ужас осознания затерялся где-то по пути, и Наруто просто принял эту новость. Было жаль,

но не себя, а того, кто больше не здесь. Узумаки внезапно остановился, вглядываясь в хмурое небо.
Что бы было с ним, если б вместо Нагато не стало Саске?
От этой мысли внутри всё похолодело. И не только от ужаса, а ещё и от осознания своей…зависимости. Нагато умер. Из-за него…а он думает только об Учихе.
Блондин нахмурился, вновь продолжая свой путь. За рёбрами скребла стая обезумевших кошек, раздирая сердце.

- Придурок, - выдохнул Наруто, резко дёргая подъездную дверь и быстро взбегая по ступенькам на нужный этаж.

Вновь дверь. Вновь сомнение, хотя за этой его уже никто не встретит.
Рука провела по потёртой обивке, чувствуя знакомое тепло, а потом парень резко вставил ключ в скважину замка, проворачивая.
Наверное, когда дверь открылась сама собой, Узумаки опешил, отшатнувшись так резко, что едва не свалился с лестницы. Он никак не ожидал, что ему откроют…

- А…это ты, - как-то безразлично бросила женщина, которую звали Конан. - Пришёл?

Наруто неуверенно кивнул. Сегодня она была трезва, но в глазах её плескался такой хмель, который не найдёшь ни в одной из винных бочек. Горький хмель, ядовитый, убивающий изнутри.
Узумаки узнавал его терпкий вкус, оседающий мутным осадком на скорчившуюся душу.
Она просто кивнула, мол, заходи, и посторонилась. Наруто, стараясь не задеть её, вошёл в тёмную прихожую, останавливаясь почти на пороге. Он не мог даже заставить себя поднять глаза, осмотреться, встретиться взглядом с очередной пустотой, которая вдруг наполнила собой целый мир.

- Нагато нет, - очень просто сказала Конан и закрыла дверь. - Совсем…нет.

- Я знаю, - тихо ответил Узумаки, привалившись плечом к

стене.

Ему совершенно не хотелось проходить в квартиру. И не только потому что она навивала воспоминания, от которых тело вновь начинало бить знакомой жаждой, а потому что знал: будет только хуже. Он боялся вины…боялся принять груз чужой смерти на собственные плечи.
И поэтому сознание сгибалось низко к земле, будто бы хрупкая лакмусовая бумажка под сильным ветром.

- Ты пришёл за псом?

Её тон был настолько холодный, что по спине пробежали мурашки, и Наруто кивнул.

- Отлично. Я всё равно не смогу взять его с собой. Пэйн! Иди ко мне, мальчик.

Из кухни послышались знакомые шаркающие шаги когтистых лап. Узумаки, повернувшись на звук, увидел чёрного пса, который растерял всю свою весёлость.
Пэйн подошёл к нему и вяло ткнулся мокрым носом в тыльную сторону ладони.

- Ты был его другом?

- Вроде бы да.

- Так неуверен, - усмехнулась Конан, снимая с вешалки поводок вместе со строгим ошейником и протягивая его заставшему блондину.

Конечно, эта женщина не могла ничего знать о случившемся, но её взгляд пронизывал насквозь, будто бы она видела его мысли.
Забрав поводок, Наруто надел ошейник на подозрительно послушного Пэйна.
Между ними повисла какая-то нехорошая тишина, наполненная холодным ядом. Вряд ли Конан осуждала незнакомого мальчишку, который просто пришёл забрать собаку. Но она

даже не спросила, почему именно Узумаки забирал сейчас Пэйна. Будто бы Нагато успел предупредить её…
От этой мысли стало совсем нехорошо, и парень тряхнул головой.

- Его нашли на стройке, - внезапно заговорила Конан и, подцепив его взгляд своим, приложила тонкий холодный палец к центру лба блондина. - С дырой вот здесь.

Наруто онемел.

- Мы похоронили его на старом кладбище. И знаешь…никто из его друзей не пришёл.

- Мне жаль, - тихо выдохнул Узумаки.

- Ты…ты «вроде бы» его друг. Где же ты был?

- Я… - Наруто осёкся, вновь опуская взгляд. - Мне пора… простите.

Он отступил назад, машинально открывая дверь и спешно выходя из квартиры. Его буквально выталкивало холодом, и хотелось поскорее оказаться где угодно, но не здесь.

- Удачи, - сухо кивнула Конан, закрыв за ним дверь и громко щёлкнув замком.

Парень так и остался стоять на лестничной площадке, сжимая поводок и смотря в янтарные глаза Пэйна. Он даже не знал, как себя чувствовать: все модели поведения летели к чертям, а за рёбрами больно билось сердце…

- Надеюсь, Орочимару будет не против нового питомца, - хрипло выдохнул Наруто, поглаживая зверя меж острых ушей.

***

Осенняя прохлада, которая уже наполнилась зимним дыханием, обволакивала собой его тело, заставляя морщиться

от неприятно-колкого ощущения, что бродило по всей коже. Саске в очередной раз затянулся. Найти сигареты в клинике, где всё было построено на здоровом образе жизни, оказалось не так уж сложно: охранники оказались вполне нормальными людьми, если таковыми можно считать мрачных и неразговорчивых амбалов.
Учихе показалось, что это всё те же люди Мадары, но парень предпочёл не развивать в себе паранойю. Шизофрении хватало…
Пустынный внутренний двор клиники ночью напоминал кладбище из дешёвых фильмов ужаса: здесь были и разлапистые ивы, и низкий кустарник, и сизый туман, стелющийся совсем низко по аккуратным газонам. Не хватало только надгробий…
Саске выдохнул облачко пара пополам с сигаретным дымом. В голову приходили самые разные вещи, но большинство из них почему-то крутилось над очень простым вопросом: «Сколько здесь умерло?».
Ведь только снаружи клиника похожа на рай с открыток. Внутри, за стенами палат, лежат люди, которым недолго осталось. Их медленно гаснущие жизни ощущались на теле лёгким туманом, а дыхание смерти гуляло по ночным коридорам холодным сквозняком.

- Прикурить найдётся?

Брюнет, даже не вздрогнув, повернулся на этот густой бас. Рядом с ним стоял мужчина лет сорока в такой же больничной одежде.
Кивнув, Учиха достал из кармана вторую сигарету и молча протянул ему. Тот, забрав её, сел на скамейку рядом, вытягивая ноги и сутуля спину. Сигарету мужчина зажал губами, а в руке у него появилась зажигалка, хотя подкуривать он почему-то не спешил.

- Не спится мне, - заметив пристальный взгляд, пояснил незнакомец. - Тебе, вижу, тоже.

Саске отвернулся, не желая больше изучать взглядом рытвины морщин на осунувшемся, каком-то сероватом лице. От

мужчины шёл стойкий запах лекарств и слабости, а на дне его глаз засела какая-то покорная беспечность. Будто бы его и не волновало вовсе, что он находится в месте, которое можно по праву считать вокзалом между жизнью и смертью.

- Два года не курил, - вздохнул мужчина. - Говорили…вредно, бросай. Бросил…а толку? Рак лёгких. Неоперабельный.

Тот усмехнулся, всё-таки подкуривая и глубоко затягиваясь. Наблюдающий за ним искоса Саске усмехнулся, выбрасывая свой окурок и опуская голову, чтобы тряхнуть ею. Отросшие волосы закрыли глаза, отрезая от этого прохладного мира.

- Я ведь спортом занимался…йогой и вообще…овощи только ел.

Учиха прикусил губу. Он не хотел слушать человека, который, кажется, совсем недавно узнал о своём состоянии, но и уходить почему-то не решался. Тело будто бы приросло к лавочке, пользуясь возможностью побыть вне удушающих стен ещё немного.

- А ты…что с тобой-то? - внезапно спросил мужчина, и брюнет повернулся к нему, удивлённо вскинув бровь.

- Не знаю, - честно признался Саске.

Вряд ли его можно было отнести к тем, что до сих пор страдали от болезни. Но и к полностью здоровым Учиха тоже не мог вернуться. Оставалось стойкое ощущение, что он застыл где-то между этими двумя мирами, балансируя на тонкой шёлковой нити.

- То есть…ты на обследовании?

Саске отрицательно качнул головой. Он действительно не знал, что ответить этому мужчине, а настойчивые вопросы ставили в ступор.
Но тот, наконец перестав пилить его взглядом, посмотрел на затихший фонтан.

- Я боюсь умирать, - неожиданно признался незнакомец. - Не знаю, как это…

Усмешка вырвалась сама собой. Каждый человек задаёт вопросы только затем, чтобы они прозвучали. Его не волнует ответ, но сам факт того, что он поинтересовался чужой персоной уже можно считать выполненным долгом вежливого собеседника.

- Никак, - пожал плечами Учиха. - Ты просто вырубаешься, и…

- И ничего? - как-то взволнованно спросил мужчина, вновь повернувшись к нему. - Совсем?

- А ты ждёшь рая или ада?

- Да я…не знаю, чего жду. Просто, - незнакомец куснул губу, стряхивая пепел под ноги. - Не хочется, чтобы всё это кончалось вот так.

- А почему всё должно кончиться по-другому?

Мужчина зябко пожал плечами. Кажется, Саске только что уничтожил всякую веру бедолаги на то, что после остановки сердца тот увидит белый свет, за которым его будут ждать ласковые ангелы вкупе с его предками? Неужели он в это верил?

- Ведь мы пришли сюда зачем-то…

Учиха не ответил, улыбнувшись и мотнув головой. Ему самому давно уже не верилось в то, что человеческая жизнь имеет хоть какой-то смысл. Ты просто рождаешься, сам того не осознавая. У тебя никто не спрашивает - хочешь ли ты появиться в этом мире, хочешь ли прожить жизнь…
Просто живёшь. Просто умираешь. Бессмысленный круговорот. Саске догадывался, что кому-то и нравится всё это. Кто-то видит смысл даже в глупых ток-шоу по телевизору в прайм-тайм. Очевидно, для кого-то и жизнь - неплохой фильм,

который длится не два часа, а довольно много лет.
Только вот он никак не мог отделаться от чувства, что сценарий к его жизни писал какой-то умственно отсталый человек, а художник по декорациям был дальтоником. Внутри сидело что-то непонятное. Оно верило, будто бы после конца этой жизни будет другая, которую можно будет прожить по-настоящему. Которая окажется той самой…правильной, нужной, заполненной смыслом. А эта жизнь, которая сейчас серым пеплом неспешно утекает сквозь пальцы, была всего лишь разминкой, демо-версией следующей…

- Мы пришли, чтобы умереть, - выдохнул брюнет. - И мы ждём смерти.

Мужчина, кажется, уже смирившись с тем, что ему не ответят, встрепенулся и перевёл взгляд на Учиху.

- И…хотя бы в этом наши ожидания оправдаются, - усмехнулся парень. - Умрём. Каждый. Без исключения.

Поднявшись, Саске убрал руки в карманы простых больничных штанов и побрёл в сторону клиники.
Отчего-то теперь душило и на улице…

***

Оказаться одному во всё ещё спящем здании было как-то неправильно, как-то тревожно. Учиха так и не смог толком выспаться, то и дело просыпаясь от чьих-то громких шагов в коридоре, от приглушённых стенами голосов. Просыпаясь, не видел ничего перед собой, кроме серой пелены предрассветного марева. А в коридоре было тихо и пусто.
Пусто, как и в голове, как и за рёбрами.
Он знал, что Итачи всё-таки оставил телефон в прикроватной тумбочке. Знал, что всегда может набрать врезавшийся в череп номер, услышать голос.
Но зачем?
Они попрощались.
На этом точка.
Конец.

Саске прикрыл глаза, ложась на спину и глубоко выдыхая. Нет, всё это никогда не кончится. Это не сценарист был идиотом, а актёров подобрали не тех…
Дверь тихо скрипнула, и Учиха недовольно поморщился, переворачиваясь на бок, чтобы не видеть пластикового, совершенного лица медсестры с этой приклеенной сочувственной улыбкой. А за ней ничего - пустота.
Рука, опустившаяся на плечо, заставила нахмуриться. Что им ещё надо?
Резко повернувшись, Саске хотел было отмахнуться от надоедливой медсестры, но взгляд зацепился за смеющиеся голубые глаза, за взъерошенные светлые волосы и ту самую ненормальную улыбку, которая могла больше подходить ребёнку, чья пакость удалась, а не взрослому парню.

- Узумаки? - прищурился брюнет, приподнимаясь на локтях. - Какого чёр…

Договорить ему не дали порывисто прижавшиеся к его губам губы. Они были горячими, быстрыми, жадными. Пальцы сжимали тонкую больничную одежду, впиваясь в холодные плечи. Учиха сначала застыл, не веря своему сознанию, не веря своему телу, а потом осторожно коснулся тёплой щеки, чувствуя пальцами шероховатости шрамов.
Наруто был настоящим.
Блондин, привалившись к узкой кровати одним коленом, никак не мог оторваться от пропахшего лекарствами Саске. Он вдыхал его жадно, будто бы воздух раньше перекрывали стянувшем шею жгутом, он цеплялся так отчаянно, будто бы боялся, что Учиха вот-вот оттолкнёт его.

- Почему? - хрипло выдохнул Саске, отстраняясь и заглядывая в глаза напротив. Всё те же лучики ярко светились небесным, будто бы вновь набрались краски. Будто бы Наруто вновь был живым…

- Потому что так правильно, - сказал в губы Узумаки. - По-другому никак…

Горячий лоб стукнулся о прохладный, и сердце болезненно

сжалось. Только вот чьё из сердец?
Наруто внезапно отстранился, бросая на кровать тот самый чёрный рюкзак, здорово потрёпанный временем.

- Одевайся. У нас мало времени.

***

- А потом они сказали, что отдадут меня в закрытое училище, - выпалил блондин, поправляя ветровку и улыбаясь во все зубы. Почему-то сейчас слова отца казались смешными, почти нелепыми…

Саске молча кивнул, поводя плечами. Они ехали в автобусе, который шёл как раз до города от какой-то богом забытой остановки посреди леса. И им очень повезло наткнуться на него, иначе добираться до цивилизации пришлось бы пешком. И люди в этом автобусе слишком пристально смотрели на двух парней, которые чем-то слишком выделялись среди остальных пассажиров.

- Представляешь? - спросил Наруто, дёргая его за рукав кожанки, которую удалось выпросить у Орочимару вместе с рубашкой и джинсами. И пусть всё это было несколько велико для Учихи, но в больничном брюнет смотрелся ещё хуже.

Наруто не хотел отдавать себе отчёт в том, что все те тонкие казённые одежды живо превращали Саске в укутанного саваном истлевшего трупа. И видеть его таким, болезненно бледным, тонким, с чёрными кругами под поблёкшими глазами, было просто невыносимо. Пусть лучше злится и раздражается из-за его, Наруто, повышенной болтливости.

- Я бы оттуда всё равно сбежал, - тихо добавил Узумаки, переводя взгляд на уставившегося в окно брюнета.

Тот, казалось, его вовсе не слушал, погрузившись в какие-то свои мысли. Хотелось поддеть его, вытащить из вновь захлопнувшейся раковины, но Наруто чувствовал, что Учиха сейчас слишком далеко.

Опустив голову, блондин грустно улыбнулся. Они вновь были рядом, но…сколько это продлится, прежде чем кто-нибудь вновь разорвёт это привычное отрешённое спокойствие? Прежде чем в лоб вновь будет наставлен пистолет…
Рука осторожно скользнула на острое колено, накрывая лежащую на нём бледную кисть с длинными пальцами. Саске даже не пошевелился, почувствовав тепло. Лишь сильнее вперился взглядом в редеющую полоску леса. Скоро она сменится бескрайним пожухшим полем, которое будет вызывающе желтеть своим похоронным осенним саваном, на горизонте дерзко отрываясь от жемчужно-серого неба.

- Как ты меня нашёл? - тихо спросил брюнет, поворачиваясь к Наруто и встречаясь со спокойным взглядом.

Такого спокойствия в глазах Узумаки он давно не видел.

- Орочимару, - пожал плечами блондин. - Я пришёл к нему…

- Почему к нему?

- Не знаю, - опустив голову, усмехнулся Наруто. - Почувствовал, что мне надо туда…

- Теперь ты у нас экстрасенс?

- Нет…просто знаю, что Итачи не доверил бы никому, кроме него. Поэтому искать тебя надо было в той клинике.

- Узумаки, это логика? - криво улыбнулся Саске. - Осторожнее…а то из-за тебя снег пойдёт.

Взгляд Наруто внезапно упёрся в стекло за спиной Учихи. Брови удивлённо приподнялись, а на губах дрогнула совершенно детская улыбка. Потянувшись к окну, парень упёрся раскрытой ладонью в холодное стекло, навалившись грудью на плечо Саске.

- Пошёл…

Дохнуло теплом, и взгляд брюнета внезапно остановился на улыбающихся губах, испещрённых мелкими трещинками.

- Снег, Саске! Снег пошёл…

- Пусть, - тихо сказал он, легко целуя эти искусанные в волнении губы.

И плевать было на то, что взгляды пассажиров стали раскалёнными копьями.
Учиха хотел собрать эту чистую, настоящую радость.
Почувствовать её внутри себя, разделить пополам…
Рука, соскользнув с окна, легла ему на плечо, прижимая ближе…

***

- Ты позволил ему уйти, - устало поморщился Мадара.

Он уже начал терять терпение, внутренне закипая и превращаясь из ледника в вулкан. Даже смотреть на Орочимару не хотелось, потому что доктор вряд ли бы проникся той злостью, что плескалась во взгляде.

- Больным полезны прогулки, - перелистывая чьё-то личное дело, медленно ответил Орочимару. - И ты прекрасно знаешь, что Саске очень трудно удержать, если он не хочет остаться.

- Я плачу тебе не для того, чтобы ты вникал в его характер, - резко отрезал Мадара. - Я плачу тебе…

Он поднялся из кресла, подошёл к сидевшему напротив мужчине и, уперев руки в подлокотники, навис над ним, заглядывая в глаза.

- Я плачу тебе, чтобы ты делал всё так, как того хочу я.

Орочимару, спокойно закрыв личное дело, поднял глаза на Мадару, сталкиваясь с обволакивающим злостью взглядом. Кажется, он ещё никогда не видел этого Учиху в такой ярости,

близкой к безумию.

- Ты предлагаешь приковать Саске к батарее? - вздёрнул бровь Орочимару. - Связать его и посадить в подвал, чтобы он всегда был под твоим контролем? Это незаконно…

- Незаконно то, что ты сделал, Орочимару, - прошипел Мадара. - И это вскоре может всплыть…

Доктор улыбнулся, укладывая руки поверх папки на коленях. Ему стало смешно и холодно от осознания, что внутри что-то оборвалось. Столько лет, столько чёртовых лет он казнил себя за ту ошибку, а щедрый палач не забывал охаживать его плетью, если сам он забывал на миг о своей вине. Всего лишь на миг, чтобы сделать глоток воздуха, глоток жизни.
А сейчас он сознательно отказался от отравленного воздуха, предпочитая пить собственную кровь, которая булькала в разодранных осколками вины лёгких. Незачем пытаться цепляться за жизнь, если умер много лет назад. Вместе с тем, кто был всей жизнью.
Взгляд остро сверкнул, и Орочимару медленно поднялся, отстраняя Мадару от себя и отходя к журнальному столику. Он привалился к нему поясницей, складывая руки на груди и глядя куда-то мимо Учихи, в окно. Только начавшаяся осень отчего-то уже подёрнулась белёсой дымкой начавшегося снегопада.
Странно.

- Саске не тот, кто будет выполнять все твои требования, Мадара. У тебя нет ничего на него…ты не держишь его нити.

- Узумаки…

- Узумаки ушёл с ним, - резко бросил Орочимару, почти с удовольствием ловя всплеск удивления в глазах напротив. - Представь себе, этот мальчишка оказался намного смелее, чем ты думал. Ты ведь угрожал ему, да? Смертью Саске угрожал…а потом…что случилось потом?

Орочимару широко улыбнулся, и Мадаре показалось, что он

разговаривает со змеёй. Точнее пытается усыпить её бдительность, но чешуйчатая тварь вот-вот бросится вперёд и вцепится клыками в руку.

- А потом Наруто понял. Этот малец оказался умнее всех нас, потому что чувствует, потому что у него живое сердце. И он просто хочет поделиться им с Саске. Что в этом плохого, Мадара? Что плохого в любви?

Учиха внимательно следил за лицом доктора, не веря своим ушам. Казалось, что этот уважаемый человек заразился от одного из своих пациентов бредом и теперь говорит полную околесицу.

- У него должна быть другая судьба, - выпалил он.

- Да, - согласно кивнул Орочимару. - Саске должен был умереть год назад. Но Наруто не дал ему. У него хватило сил, чтобы… чтобы задержать того, кого он любит.

Доктор медленно выдохнул, чувствуя, как с плеч падает какой-то тяжёлый груз. Он перевёл взгляд на Мадару и тихо добавил:

- Ведь у тебя не хватило сил, чтобы удержать её. Не удивляйся…ты прекрасно знаешь, что я общался с ней. Что? Ещё один повод убить меня?

Учиха опустил голову, прикрывая глаза и шумно выдыхая. Всё катилось под откос, а он ненавидел, когда его планы выходили из строя.
Орочимару улыбнулся, расценив молчание Мадары, как верный знак. Мужчина, отлипнув от стола, провёл по нему рукой, прохаживаясь в глубь кабинета и доставая из-за стеклянной дверцы шкафа графин с виски.

- Я знаю, что тебе надо, - бросил он косой взгляд на Учиху. - Убить Наруто. Я тебе помогу в этом, но ты…

Орочимару загадочно улыбнулся, протягивая Мадаре бокал с виски.

- Уничтожишь весь компромат на меня.

- Зачем мне нужна твоя помощь, если я и сам с этим могу справиться? - с вызовом спросил Мадара, принимая бокал.

- Потому что Наруто мне доверяет, - пожал плечами доктор. - Он подпустит меня к себе, а тебе на глаза они теперь вряд ли покажутся.

Долгий взгляд чёрных глаз уколол шипом терновника, но Орочимару выдержал его, вернув усмешку.

- Приведёшь к Узумаки и ты свободен, - веско припечатал Кукловод.

Глава 13. Не забывай.

Глава 13.
Не забывай.

«Остановились в небе,
Тают кометы, мне бы
Раствориться в тебе до конца.
И я забываю кто ты,
Все эти звуки, ноты
Остаются тобой для меня.

И я забываю все города
И эти фото для наших стен.
Помни, что я выбрал тебя сам,
Я сохраню тебя от всех, но…

Только не забывай - я живу для тебя,
Чтобы каждая ночь уносила туда,
Где разреженный воздух плавил сердца.
Дотянувшись до неба, горели до тла».
Стигмата - Не забывай.

- Зачем мы здесь?

Саске огляделся, смутно узнавая изменившуюся улицу. Время никого не щадило, и сейчас смотреть на то, чем стала старая детская площадка было практически больно: вывороченная земля, серый укатанный в грязь щебень, безобразное стеклянное здание, опухолью расползшееся по земле.

- Ешь мороженое, - усмехнулся Наруто, протягивая брюнету простой вафельный рожок и бодро шагая чуть впереди спиной вперёд.

Узумаки был ненормально весёлым, и это привычно дёргало

нервы, заставляя зыркать зло, шипеть на каждое слово и делать глубокие вдохи, будто бы надеясь почувствовать чужую жизнь в себе.

- Холодно для мороженого, - бросил Учиха, убирая руки в карманы кожанки. - Ты забыл, что я болею?

Наруто вздёрнул брови, усмехаясь:

- Ты стал неженкой?

Вперившись в блондина немигающим взглядом, Саске резко остановился.

- Узумаки, зачем мы здесь? - прямо спросил он. - В чём дело?

Мимо проехала машина, едва не обрызгав их грязью, что смешалась пополам со снегом. Зима вновь обманула, так и не начавшись: белое крошево, касаясь земли, превращалось в серую слякоть, забиваясь под бордюры и вязко хлюпая под ногами. Ничем не похоже на зиму.
Но Наруто, смотря на Саске, глупо улыбался. Он подошёл ближе, укладывая руку с мороженым на плечо Учихи и снимая пальцами мелкие снежинки с растрепавшихся чёрных волос. Они были такими же холодными, как и весь брюнет, но Узумаки нравилась эта прохлада, охватывающая, оплетающая пальцы жёсткой чёрной леской.

- Просто я захотел, - тихо ответил Наруто, упираясь лбом в чужой и прикрывая глаза.

Впервые в жизни ему было плевать на всё, что происходит вокруг. Ему было плевать: на проезжающие мимо машины, на небо, которое осыпало холодным снегом за шиворот, на прохожих, что застыли на остановке.

- В чём дело? - вновь повторил Саске.

Он чувствовал, как Узумаки буквально выворачивает себя наизнанку, вновь становясь живым. Только никак не мог

понять: зачем? Блондин улыбался, касался его, болтал всю дорогу, а сейчас так пристально смотрел в глаза, будто бы желая рисовать портрет.

- Я просто решил кое-что для себя, - всё-таки ответил Наруто и, ухватив брюнета за запястье, дёрнул в сторону стройки. - Пойдём…посмотрим, что здесь выросло.

Пробравшись через дыру в заборе, они оказались в бетонно-вязком мире. Здесь не росло ничего: всё убивал цемент и битум, застыв уродливыми подтёками прямо на земле.
Они застыли посреди небольшого пятака, перед уродливой стеклянной махиной, вглядываясь в свои собственные обезображенные дешёвым стеклом отражения. Вытянутые двойники смотрели на них своими пустыми глазами, и Учихе хотелось отвернуться, но он продолжал упрямо глядеть перед собой, будто бы принимая этот вызов.

- Они всё разрушили, - тихо выдохнул Наруто. - Здесь…

- Люди всегда всё рушат, - просто ответил Саске, освобождая свою руку из пальцев Узумаки и забираясь в карман в поисках пачки сигарет. Удивлённо нашёл там её, наткнувшись пальцами на гладкий бок.

- Пойдём…вон там, кажется, что-то есть.

Наруто сорвался с места первым, бросившись к чему-то, что заметил только он, со скоростью опаздывающего на свидание юнца. Медленно подкурив, Учиха двинулся следом, обводя безразличным взглядом стройку.
Было как-то не по себе, будто бы он топтался не по щебню, а по старым воспоминаниям, которые разум выбросил за ненадобностью. Они хрустели под ногами, перемешиваясь с грязью, впивались своими осколками в подошвы кед и пробивали ноги. Идти было больно, а перед глазами то и дело мелькали какие-то совершенно истёртые картинки.
Он ведь никогда не вспоминал…никогда даже не думал, что ему будет так не хватать виноградной тени, железного стола и темноты.

Наруто, услышав, как к нему подошёл Саске, поднял взгляд и улыбнулся, указывая на маленький виноградный росток, который каким-то чудом пробился сквозь эту серую колкую землю и назло осени вызывающе зеленел единственным остроконечным листиком.

- Смотри…пророс.

Саске усмехнулся, тряхнув головой, и уселся на плиты, приваливаясь плечом к одной из них. Взгляд уставился на этот самый росток, а в голове стало пусто-пусто, будто бы все мысли выдуло очередным порывом ветра.

- Только давай без философии, - хмыкнул он. - С тебя херовый философ.

- С тебя не лучше, - фыркнул Наруто и поднялся с корточек, тоже садясь на холодную плиту и бездумно теребя в руках несчастный вафельный рожок, осыпающийся крошкой на землю.

- Думаешь, его раздавят?

- Да, - кивнул брюнет.

Сигарета, застыв в пальцах, осыпалась пеплом на колено, но Саске лишь стряхнул его, вновь затягиваясь и щурясь от лезущего в глаза едкого дыма. Он больше не смотрел на глупый росток, решивший начать свою жизнь посреди стройки, где из живых совсем никого не осталось. Здесь его сломают, отравят цементом, закатают в асфальт, забрав солнце и воздух.
Хотя…
Учиха усмехнулся.
Вряд ли каждый человек поступал умнее этого ростка, появляясь в жизни. Как и виноградное семечко, проросшее под щебнем, Саске не выбирал, где ему родиться, рядом с кем расти. Только вместо этих острых мелких камней его окружала семья, ставшая чем-то вроде того самого удушливого асфальта. У некоторых, как и у этого ростка, просто изначально нет шанса на жизнь: кому-то повезло прорасти в благоухающей

клумбе, а кому-то…на грязной стройке.
К плечу привалились, и парень перевёл взгляд на Наруто.

- Что ты решил? - тихо спросил Учиха, глядя в светлую макушку.

- Что я останусь с тобой.

- А как же Мадара? - вздёрнул бровь Саске, ловя пальцами холодную ладонь Узумаки и растирая её машинально. - Не боишься?

Наруто, скосив глаза на брюнета, отрицательно качнул головой:

- Уже нечего бояться.

- Даже смерти?

- Ну…страшно, конечно, - иронично усмехнулся блондин и тут же посерьёзнел: - Но без тебя я всё равно неживой. Как и ты без меня.

Качнув головой, Саске перевёл взгляд на росток. Кажется, убеждать Узумаки в необходимости просто продолжать жизнь, забыв обо всём, что было, стало вовсе бесполезно. Учиха чувствовал ту привычную упрямость, с которой Наруто обычно отстаивал своё мнение, предпочитая разбить лоб о стену, но всё равно пробиться.

- Ты же видишь, что мы вряд ли сможем друг без друга. И…

Узумаки набрал побольше воздуха, неожиданно крепко сжав руку Саске и посмотрев прямо в глаза. Он, конечно, рисковал порезаться об эти острые осколки червлёного серебра, но всё же упрямо глядел перед собой.

- Лучше умереть вместе, чем жить…вот так.

Учиха удивлённо приподнял бровь, не веря своим ушам.

- Тебе ведь плевать на жизнь, - нервно усмехнулся блондин. - Я же вижу…

- Наруто…

- А моя жизнь уже давно не существует.

В голосе Узумаки проскакивали какие-то близкие к сумасшествию нотки. Он смотрелся нервным, дёрганным, но одновременно полностью расслабленным, как человек, наконец, нашедший смысл своей жизни.
Только смысл жизни Наруто оказался в том, чтобы умереть рядом с ним.

- Я не хочу…чтобы ты…

- Заткнись, Учиха, - резко оборвал парень. - Ты прекрасно меня понял. И прекрасно всё видишь.

Саске не ответил. Узумаки каким-то странным образом смог забраться под кожу, вытянуть оттуда все секреты, о существовании которых даже сам не догадывался. И сейчас больно резал этой правдой.

- Ты бы не попытался удержать меня на крыше, если бы действительно не любил. Но дело даже не в этом.

Наруто резко поднялся, заслоняя собой росток, остановившись напротив Учихи.

- Ты думал…что мы упадём вместе. Ты знал, что можешь не удержаться…

Чёрные глаза посмотрели на него спокойно, почти холодно, если бы не эта зыбкая дымка понимания, заставившая Узумаки нервно улыбнуться. Они оба сошли с ума, и определить, когда именно, было невозможно.

- Ты, - хриплым шёпотом начал Наруто. - Ты бы хотел умереть

со мной. Потому что…

Он подошёл ближе, останавливаясь между разведённых колен и укладывая ладони с двух сторон холодной шеи. Саске чуть поднял голову, чтобы видеть обращённые на него голубые глаза, и горячие пальцы прочертили острую линию скул.

- Не боишься остаться один, а боишься остаться без меня.

Брюнет бы ответил, но вместо этого его тело само потянулось вверх, цепляясь пальцами за шею Узумаки, чтобы тот слегка наклонился. Наруто был жив, да. Но вряд ли этот остаток можно было назвать полноценным светом, который раньше лился из парня. Теперь это были скорее одиночные блики: то вспыхивающие в глазах, то вновь гаснущие.

- Самодовольный придурок, - удовлетворённо улыбнулся Учиха, касаясь горячих губ. Пальцы зарылись в мокрые от падающего снега волосы на затылке, которые когда-то казались солнечным сиянием, а теперь выжженной соломой.

Наруто отстранился первым, легко мазнув носом по холодному чужому.

- Ты замёрз совсем,- придавлено выдохнул он. - Идём…тут торговый центр недалеко. Там можно выпить кофе.

Саске молча кивнул, нехотя отстраняясь и действительно чувствуя, как сильно он замёрз. То ли озноб вновь начинался, то ли куртка оказалась недостаточно тёплой, чтобы выдержать порывы непогоды. Где её нашёл Наруто, вообще до сих пор оставалось загадкой…
Уже отходя от плит, Учиха внезапно замер.

- Стой, - окликнул он Наруто и, присев на корточки, потянулся к ростку винограда.

Пальцы осторожно коснулись мягкого остроконечного листа, напоминающего зелёную звезду. Погладили и, ухватив за тонкий стебелёк, переломили. Послышался лёгкий хруст, будто

бы Саске не росток сломал, а чьи-то кости. На пальцы брызнуло светло-зелёным, почти прозрачным соком-кровью, и Учиха поднялся.

- Зачем? - чуть нахмурился Узумаки, подходя ближе и непонимающе трогая зажатый в пальцах росток.

- Что бы он мог начать новую жизнь. Сначала.

***

Торговый комплекс стоял практически в самом центре города, и добираться туда пришлось около часа. Но Наруто был рад этому неспешному пути, которое можно было разделить на двоих, прекрасно зная, что их отношения вообще бедны на такие моменты.
Он шёл рядом с Саске и даже не возмущался, когда тот по привычке курил одну за другой сигарету. Пытаться перевоспитать Учиху было дохлым делом…все попытки загибались ещё в зародыше.
В пальцах брюнет то и дело крутил бедный росток, который вовсе увял и стал гибким и безжизненным. Наруто пару раз порывался забрать его и выбросить, но Саске почему-то не отдавал, в конце концов, попросту убрав его в карман куртки.
Они свернули с тротуара на площадь, перед большим торговым центром. Из-за пронизывающего ветра, фонтан, вокруг которого так любили собираться люди, отключили, а люди больше стремились попасть внутрь, нежели остаться снаружи.
Влившись в общий поток, парни прошли в торговый центр, где в уши тут же ввинтилась нелепая мелодия какого-то очередного хита.
Здесь всё дышало каким-то искусственным теплом и излишней яркостью: бьющие в глаза неоновые лампы, вывески мелких бутиков, которые населили тело этой огромной рыбины, гниющей с головы, многочисленные забегаловки, пахнущие так остро, что голод отбило с первого вздоха.

- Вон там кофе, - кивнув в сторону автомата, направился туда Узумаки.

Саске, остановившись на миг, прикусил губу, жалея, что нельзя закурить. Всё это казалось каким-то неправильным, как-то… будто бы во сне. Нужно было быстрее просыпаться, чтобы все эти картонки исчезли…
Оказавшись рядом с Наруто, Учиха взял в руки тёплый стаканчик и задумчиво посмотрел на блондина.

- Всё это странно.

- Что? - парень было попытался вглядеться в обеспокоенные чем-то глаза брюнета, но в этот момент телефон в кармане завибрировал, заставив вздрогнуть и нехотя ответить. - Да? Орочимару?

Саске заметил, как Узумаки нахмурился, вслушиваясь в слова, льющиеся из динамика.

- Таблетки?

- В чём дело? - прямо спросил Учиха, протянув руку за трубкой, но Наруто отвернулся, не давая её забрать.

- Хорошо. Завезите их…мы в торговом центре. Ну тот, что с фонтанами. Да…

- Наруто, - с нажимом проскрежетал Саске, но парень уже сбросил звонок и невинно пожал плечами:

- Мы забыли таблетки.

- И что?

Узумаки посмотрел на него долгим, испытывающим взглядом и усмехнулся:

- Ты ведь не собираешься возвращаться в клинику, да?

- Умнеешь.

- А таблеток у тебя нет. Я не хочу, чтобы всё опять повторилось.

На лицо Наруто вновь легла уже знакомая тень, и парень тяжело вздохнул, убирая телефон в карман и указывая на лавочку.

- Давай посидим…подождём его.

Саске так и не сдвинулся от кофейного автомата. Он непонимающе смотрел на блондина и никак не мог поймать то зудящее под кожей чувство. Оно не давало покоя, и каждый вздох только усиливал его, а взгляды прохожих, блуждающие по нему, только укрепляли это странное ощущение.
Медленно подойдя к Узумаки, он остановился рядом, отпивая приторно-сладкий кофе из стаканчика. Вкус был отвратительным, но спасительное тепло, пройдясь по внутренностям, вроде бы растопило покрывший их лёд. Учиха буквально чувствовал, как его иммунитет трещит по швам вместе с верой в эту реальность.

- Мы никогда никуда не ходили вместе, - внезапно пронеслось в голове Наруто, и он всё-таки озвучил эту мысль. - Представляешь.

- Ты думаешь, что я бы пригласил тебя на свидание? - усмехнулся Саске. - Кажется, у тебя температура.

Блондин сам понимал, что говорит странные вещи, но отчего-то внутри росло чёткое осознание: им с Учихой в этом мире цветных вывесок и высоких витрин не место.
Наруто отставил стаканчик с зелёным чаем подальше от себя, растирая оставшееся тепло в ладонях, и усмехнулся своим мыслям. Почему-то вспомнилось, как он видел в зоопарке стайку ярких птиц. Те летали по клетке, кричали на все лады, а в соседней сидели два ворона. Мрачные, чёрные, они взирали на всю эту суету с высоты какого-то своего, вороньего презрения. И показалось, что вот эта та самая клетка, только прутья у неё не железные, а стеклянные. А вокруг выпущенная кем-то цветастая стайка.

- Мы вороны.

Саске, услышав это, удивлённо повернулся к Узумаки, вопросительно кивая, но тот лишь улыбнулся и, потянувшись, ухватил его за ладонь, усаживая рядом с собой на лавочку.

- Что дальше? - спросил Учиха, едва не расплескав кофе. Пришлось отставить стаканчик и отряхнуть чуть опалённую руку.

- Не знаю, - безразлично пожал плечами Наруто. - Будем… жить?

Узумаки заглянул в чёрные глаза, будто бы наивный ребёнок в глаза мудрого ворона, знающего все ответы на самые глупые вопросы.
Саске повернулся к нему, скользнул костяшками пальцев по покрасневшим от холода рубцам на смуглой щеке, ловя прищуренный взгляд.

- Жить, - зачем-то повторил Учиха.

Это слово ложилось на язык колкой крошкой потерянного времени, нереализованных замыслов, разрушенных надежд. Нужно было просто сплюнуть эту вязкую кровавую кашицу и продолжить свой путь, но…это было сделать так же трудно, как и вдохнуть с закрытым носом и зашитым ртом.
Наруто потянулся к нему первым, цепляя губами нижнюю губу и осторожно снимая с неё горьковатый привкус сигарет, сменившийся сладким кофейным, когда Саске медленно ответил на поцелуй.
Вересковое поле вновь полыхало. Только теперь не огнём, а льдом. И блондин никак не мог решить, что было видно больше в чёрных глазах напротив. Он вцепился пальцами в тонкое запястье, зажмуриваясь и клокочуще выдыхая, опустив голову на плечо.

- Наруто.

Окликнувший его голос явно принадлежал не Учихе. Вздрогнув, Узумаки обернулся, медленно поднимаясь. К ним

быстрым шагом шёл Орочимару, сжимающий в руках свёрнутый в несколько раз пакет.

- Быстро он, - удивлённо проговорил Наруто, чувствуя, как к нему подошёл Саске.

Брюнет, сощурившись, смотрел на стремительно приближающегося доктора, а потом, на краю зрения, резко двинулась чёрная тень. Брюнет успел лишь обернуться, замечая ещё одно отрывистое движение, и в грудь его толкнули, заставив налететь спиной на кого-то сзади.

- Наруто! - выкрикнул Учиха, дёрнувшись было вперёд.

Взгляд заметил, как мужчина в чёрном, ударившись плечом о блондина, второй рукой резко ввёл в грудь Узумаки короткий шприц, нажав на поршень.
Всё обледенело внутри. Саске всё-таки выпустили чьи-то цепкие руки, и он замер, глядя на застывшего Наруто.
Человек в чёрном словно исчез, оставив после себя странную тень на лице Узумаки. Эта тень разрасталась, постепенно накрывая собой всего парня, будто бы чёрным полупрозрачным саваном.
Искристые голубые глаза мерцнули, словно неоновая вывеска…
Наруто успел почувствовать лишь холод, который разлился от груди по всему телу. Он хотел врасти ставшими ватными ногами в пол, но кости медленно затрещали.
Сердце странно забилось. Так, как никогда ещё прежде. Оно рвалось вперёд, обливаясь кровью, разгоняясь и странно замирая. Ему казалось, что внутри него засел самый настоящий сгусток пламени, и рука прижалась к груди, в попытке потушить пожар за рёбрами.
Червлёное серебро, подёрнутое инеем. Так рядом. Так близко.
Сердце дрогнуло, стоило Узумаки зацепиться пальцами за плечо Саске. Рука сжалась сильнее, судорога скрутила лёгкие, выжимая из них последний вздох…
Учиха даже не заметил, как они с Наруто опустились на пол, как вокруг них разошлись люди, образуя небольшой круг. Словно сцену, на которой разыгрывалась чужая драма, а зрители хотели всласть насладиться игрой актёров.

- Наруто? - выпалил брюнет, цепляясь пальцами за ворот футболки, за запястья, трогая всё ещё тёплую скулу, заглядывая в приоткрытые, подёрнутые серой пеленой глаза. - Наруто!

Этого просто не могло быть.
Руки легли на переставшую вздыматься грудь. Саске не знал, что делать. Он не умел делиться жизнью…
Сжав оранжевую куртку, Учиха попросту обнял его, уткнувшись лицом куда-то в шею, пытаясь поймать над ухом тихое дыхание, а руками почувствовать биение за рёбрами. Но ничего. Пустота.

- Наруто? - тихо позвал он на ухо, вдыхая запах остывающих волос.

- Отойди от него, - рявкнули рядом, и его руки смела чужая, которая на вид была знакома.

Орочимару прижал пальцы к смуглой шее, ругнулся, затем надавил несколько раз на грудную клетку.

- Скорую! - выпалил он, оглядывая толпу. - Вызовите кто-нибудь скорую!

Саске замер, упираясь горящими ладонями в гладкий пол, вглядываясь в повёрнутое к нему лицо.
«Нет», - пронеслось в голове.
Приоткрытые глаза смотрели мимо, куда-то вбок. Этот рассеянный взгляд был далёк от тех, которые часто описывают писатели.
Он не был спокойным.
Он не был умиротворённым.
Он был мёртвым.
Мёртвым.
Точка.

- *Иди ко мне…*

Тихий шепоток разлился над ними. Учиха не повернулся на её

голос.
Он потянулся рукой, нащупывая холодное запястье. Орочимару не стал останавливать его, продолжая пытаться завести остановившееся уже сердце.
Ещё недавно такие живые пальцы обожгли своей холодной болью. Брюнет одёрнул руку, сжимая её в кулак. Кожа…эта кожа не могла быть его.
Она была слишком сухой. Слишком одеревенелой. Слишком не…его.

Орочимару обернулся на неестественно прямого парня. Тот смотрел большими пустыми глазами на лежащее на полу тело. Учиха вряд ли замечал, но его била мелкая дрожь, а губы то и дело едва заметно шевелились, проговаривая одно и тоже слово.

- Саске, - позвал Орочимару, но его даже не заметили. - Саске!

- *Он теперь мой…*

Голос над самым ухом, и брюнет скосил быстрый взгляд на севшую рядом Белокожую. Она довольно улыбалась, поглаживая Наруто по растрепавшимся волосам.

- Отойди от него.

- *Он теперь мой.*

- Отдай его…

Саске задохнулся горьким вздохом. Он не мог смотреть на… …Наруто.
«Это всё неправда. Этого не существует. Я опять сплю», - проносилось в голове раз за разом. А потом мысли безжалостно разлетались осколками, ударяясь о стену реальности.
Послышались быстрые шаги, люди недовольно заворчали, толпа всколыхнулась зловонным возмущением, как застоявшаяся вода, если бросить в неё камень.
Кто-то в белых халатах опустил на пол носилки.
Кто-то поднял Наруто, укладывая его на них.

Кто-то двинулся прочь, унося его.
Кто-то позвал его по имени.

- Саске? Я должен ехать в больницу. Мне лучше быть там. Я позвоню Итачи, и…он приедет. Жди здесь.

Ему помогли подняться, и усадили на лавочку. А потом была череда проходивших мимо людей, смешанных голосов, сползающих по телу горячей смолой минут.
Учиха повернул голову, заметив что на краю лавочки всё ещё стоит стакан с едва дымящимся зелёным чаем. Потянулся к нему, едва касаясь пальцами того, проводя подушечками и вздрагивая всем телом.
Его губы.
Почему он не коснулся их, пока…

- Саске!

Взволнованное лицо Итачи появилось совершенно неожиданно. Парень вышел из разноцветной толпы чёрным силуэтом, неся с собой запах дождя и уличного холода. Рука тронула плечо, заставляя поднять безразличный взгляд.

- Что случилось? Орочимару мне ничего не объяснил, - качнул головой старший Учиха. - Он совсем с ума сошёл…почему оставил тебя одного?

- Мне нужно в больницу.

Это предложение показалось до ужаса длинным, разбившим губы в кровь.

- Тебе плохо?

- Наруто…отвези меня в больницу.

- Ты меня пугаешь…хорошо. Сейчас, - выдохнул Итачи. - Идём.

***

Стерильно-белый коридор. Пол, выложенный сероватой плиткой. Неоновые лампы над головой.
Саске замер перед высокими зелёными дверьми, на страже которых стояла взволнованная медсестра.

- Вы кто ему? - выпалила она, выставляя руки перед собой, будто бы собираясь оттолкнуть его. - Я могу пропустить туда только родственников. Вы родственник?

- Не пускайте его! - раскатился зычный мужской голос по коридору, заставляя обернуться.

К ним почти бежал мужчина, в котором брюнет далеко не сразу узнал Ируку. За его спиной показалась бледная как мел Сузо.

- Где мой сын? - выпалила она, даже не глянув на Учиху.

- Вы его родители?

- Д-да…

- Реанимация. Давайте я вас провожу…доктор вам всё расскажет.

Ирука, остановившись на миг, повернулся к Саске и резким толчком в грудь оттеснил его от хлопнувших дверей.

- А ты…не приближайся. Понял?!

Не дождавшись ответа, мужчина ринулся следом за скрывшейся за зелёными створками медсестрой. А парень так и остался стоять посреди коридора, чувствуя на своём плече руку Итачи. Он смотрел на покачивающиеся створки, различал, как едва заметно те скрипят. Слышал, как гудят неоновые лампы, и едва ли мог поверить во всё это.
Больница. Холодные стены. Холодный свет.
Поведя плечом, Саске сбросил с него руку брата и, привалившись спиной к стене, медленно съехал на пол.

***

Орочимару впервые увидел родителей Наруто в коридоре реанимации. Парень мало чем походил на этих взволнованных людей, разве что сейчас был таким же бледным, как и эта женщина.
На этот раз Орочимару стоял в стороне, наблюдая, как доктор говорит людям, что их сын мёртв. Он чувствовал, будто бы вся ответственность за эти слова легла на плечи этого хрупкого старичка, которого Орочимару знал уже не первый год. Хороший доктор, но, увы, не способный сотворить чудо воскрешения.
Женщина заплакала сразу, согнувшись пополам, прижимая руки к лицу, чтобы сдержать рвущиеся наружу рыдания, а мужчина наоборот - стал прямым и будто бы окостеневшим.

- Вам нужно…опознать тело. Орочимару, пройдёмте.

Кивнув, доктор вошёл следом за семейной четой в белое помещение. На этот раз тело не стали переносить в безликую чёрную комнату, где обычно проходили опознания неизвестных трупов, найденных под утро, в подземных переходах и скверах.

- Молодой человек, предположительно двадцати лет…

- Двадцать один год, - сухим голосом поправил мужчина, прижимая к себе женщину и не позволяя ей смотреть на лежащее на кровати тело.

Орочимару, стоящий чуть поодаль второго доктора, скользнул взглядом по Наруто. Сейчас он действительно казался младше, тоньше…

- …Двадцать одного года, - невозмутимо продолжил старик. - Скончался, предположительно, от остановки сердца. Причины выясняются…

Монотонный голос, совершенное безразличие. Орочимару мысленно пожал руку этому сухонькому доктору: не каждый сможет выдержать слёз матери, холодного взгляда отца. Он сам столько раз уже видел точно такие картины, но действующие

лица иногда менялись ролями.

- Тот… - заговорил мужчина, глядя на лежащего на кровати. - Учиха был с ним?

- Кто? - поправил очки старик непонимающе.

- Саске был с ним, - кивнул Орочимару, выходя из-за кровати. - Идёмте…вам нужно выпить воды.

Женщина отрицательно покачала головой, было ринувшись к кровати, но её удержали сильные руки, мягко подталкивая в сторону выхода.

***

Сначала Учиха услышал громкие шаги, поднялся, уставившись на дверь. А затем створки распахнулись, выпуская оттуда Ируку.
Мужчина даже не думал останавливаться, со всей скорости налетев на парня и едва не сталкивая того на пол. Пальцы Ируки вцепились в ворот куртки, спина ударилась о стену и мощный кулак со всей злости полоснул по скуле. Один раз, Саске откинуло в сторону. Пришлось опереться рукой о стену, чтобы не повалиться на пол. Плечо сжали, в уши ворвались чьи-то голоса, а потом очередной удар по виску, мотнувший голову в сторону, и его, наконец, отпустили.
Кажется, Ируку оттащили от него Итачи и Орочимару, попросту заломив руки мужчины за спину.

- Мразь! - выпалил тот. - Это ты должен был быть там! Ты должен был подохнуть.

На сероватую напольную плитку капнула кровь из разбитой губы. Брюнет попытался подняться, но в голове зашумело и пришлось вновь привалиться спиной к стене.

- Он умер! Умер!

Учиха медленно опустил голову, обхватывая её ладонями,

будто бы желая удержать две половинки на месте. Взгляд заметался по полу, цепляясь то за выщерблину на кафеле, то за растоптанный виноградный росток, который, скорее всего, выпал из его кармана.
Умер - эхом разнеслось в голове.
Саске не хотел в это верить.
Умер.

- *Иди ко мне…*

Люди что-то кричали. Кажется Ируку пытались удержать и увести в какую-то палату, чтобы дать ему и Сузо выпить успокоительного. Кажется, Итачи опустился рядом, трогая за плечо и заглядывая в глаза.
Он сильнее сжал пальцы в волосах, опаляя кожу головы болью. Но она не отрезвляла.

- Я…я хочу его увидеть, - тихо выдохнул он, поднимая глаза на Орочимару. - Просто увидеть…

- Нет, Саске, - отрезал доктор. - Не положено.

- Почему?

- Ты…не родственник. Прости.

Орочимару, отойдя от стены, подошёл к старшему Учихе.

- Жизнь, - выдохнул Саске, нервно усмехаясь. - Херня…эта ваша жизнь…

- Итачи, - настороженно качнул головой Орочимару. - Отвези его домой. Я приеду осмотреть позже…

- Ваша жизнь. Она ничего не стоит.

***

Мадара, положив трубку, задумчиво провёл пальцами по чёрной рамке, прикусив губу. Всё было сделано. Точка

поставлена.
Мужчина опустился в кожаное кресло, откидываясь затылком на его спинку и выдыхая. Вряд ли с Саске станет легче. Вряд ли он вернётся в семью, но…
Разбитое легче починить, чем пытаться найти изъян в целом. Когда парень осознает, что ему больше некуда идти, он обязательно поймёт свою суть, примет своё истинное место. И, возможно, методы не покажутся ему такими жестокими.

- Ты хотела этого, - тихо сказал Мадара, глядя на фотографию в той самой рамке. Со снимка на него смотрела худощавая черноволосая женщина в деловом бежевом костюме. Он поразительно подходил к её бледной коже и иссиня-чёрным волосам.

- Я помогу ему найти своё место в жизни…

Воспоминания никогда не поблекнут, как этот снимок. Они никогда не потеряются, не затрутся от частых прикосновений мыслей, не разлетятся бумажным прахом.
В своих воспоминаниях он часто возвращался к тому дню, где она всё ещё была рядом…

- Ты уверен, что всё настолько плохо? - тихо спросила женщина, сидя на подлокотнике чёрного кресла.

Она смотрела на большой аквариум, за стеклом которого неспешно кружили мелкие цветастые рыбёшки. Говорили, что это успокаивает, но Мадара никогда не чувствовал особого спокойствия рядом с этими холодными существами.

- Фирма разваливается, - устало выдохнул он, опуская голову на руки и зарываясь пальцами в волосы. - Мои враги чувствуют, что я скоро утону и…хотят помочь. Тебе опасно оставаться рядом со мной. Давай…

Мадара внезапно поднялся из-за стола, подходя к ней и опуская руку на хрупкое плечо.

- Давай я куплю тебе квартиру подальше отсюда. Ты уедешь,

и…

- Я беременна, - просто сказала она, без тени улыбки.

Мужчина не сразу понял, что эти слова сорвались с ярко-красных губ. Он замер, вглядываясь в её лицо и не смея даже вдохнуть. Только морщина меж бровей стала чётче.

- У тебя будет ребёнок. Я узнала об этом сегодня.

- Но…сейчас не то время. Сейчас слишком опасно, - потерянно покачал головой Мадара. - Мы не можем оставить его.

- Это тебе не животное, чтобы оставлять или избавляться, - резко отрезала женщина, поднимаясь и отходя к аквариуму.

Аккуратные пальчики пробежали по холодному стеклу, распугивая лёгким постукиванием ноготков рыб.

- Я больна, Мадара. Ты знаешь это, - скупо сказала она, будто бы её это совершенно не волновало. - И я хочу оставить после себя хоть что-то, кроме костей и разлагающегося мяса.

Ноготки жёстко царапнули по стеклу, и черноволосая убрала руку от аквариума, подняв невозмутимый взгляд на мужчину.

- Этот ребёнок останется жить.

- Но…мои враги найдут вас.

Она пожала плечами:

- Мне и так грозит смерть, и я бы не отказалась получить её с пулей в лоб.

- Не говори так! - выпалил Мадара, резко подходя ближе и обхватывая ту за плечи. - Просто…не говори.

- Ребёнок останется жить, - твёрдо сказала она. - Фугаку, кажется, интересовался мной.

- И?…

- Из него и Микото получатся отличные родители для нашего с тобой сына. Осталось только…ну, что ты? Не ревнуй.

Она улыбнулась, привставая на носочках и легко целуя его в губы.

- Я ведь люблю только тебя.

***

- Саске? - позвал Итачи, бросив взгляд на застывшего в кресле брата.

Они приехали домой час назад. Вытащить Саске из больницы удалось, только потому что в какой-то момент он просто вырубился, видимо, из-за удара Ируки. Это и спасло, иначе он бы так и остался сидеть в холодном коридоре.

- Тебе принести что-нибудь? - спросил старший Учиха.

Он замер напротив брата в комнате, погружённой во тьму. Из прихожей лился янтарный свет, высвечивая длинный неровный прямоугольник дверного проёма на полу, словно портал в какой-то другой, золотисто-тёплый мир.
Осунувшееся лицо заострилось вовсе. Итачи вряд ли когда-либо видел брата таким бледным. Даже когда тот отходил после химиотерапии, его лицо было намного живее. Хотя бы в глазах читалось раздражение, а сейчас перед ним сидел совершенно белый лист.
Чёрные брови сошлись над переносицей, образуя тонкую морщинку на холодной даже с виду коже. Саске будто бы вслушивался во что-то внутри себя.

- Я сделаю тебе чая…хорошо?

Не дождавшись ответа, Итачи медленно вышел из комнаты, решив не включать свет.

Оставшись в одиночестве, брюнет втянул в себя тяжёлый воздух, поднимая глаза на настенные часы. Девять вечера. Взгляд, скользнув по комнате, зацепился за лежащий на журнальном столике тонкий телефон брата, за небольшую стопку прессы, брошенной видимо спонтанно, потому что рядом лежал нож для разрезания конвертов.
Поднявшись со скрипнувшего кресла, Саске взял телефон и убрал его в карман. Пальцы замерли над ножом, но всё-таки сжались на серебристой холодной ручке, и Учиха направился прочь из гостиной, напрочь забыв про куртку.
Уже снаружи он достал телефон, быстро пролистывая список и останавливаясь лишь на одном имени. Даже эти буквы хотелось уничтожить.
Палец нажал на кнопку вызова. Долгие гудки в трубке.

- Мадара, - хрипло каркнул брюнет. - Нам надо встретиться.

***

Дождь со снегом пошёл внезапно. Он белёсыми кляксами растекался по чёрной лакированной машине, которая припарковалась на остановке напротив Саске.
Забравшись внутрь, Учиха обвёл взглядом салон, но наткнулся лишь на отражение безразличных глаз водителя, в зеркальце над приборной панелью.
Мадара бы не стал встречаться с ним здесь. Это было понятно…
Машина тронулась с места, качнувшись плавно и затарахтев тихим мотором.
Тени были и здесь. Но они пока не приближались, видимо опасаясь спрятанного в рукав водолазки ножа. Может быть, он был из серебра?
Брюнет, повернувшись на лёгкий шелест, заметил свою неизменную спутницу.

- Я подожду тебя, - ласково улыбнулась она, протягивая руку и проводя пальцами по внутренней стороне запястья, где под тканью скрывался выпуклый шрам.

Её лицо вновь изменилось, став той идеально-красивой маской, которую доводилось видеть так редко. Саске застыл,

вглядываясь в её светло-зелёные глаза, которые больше всего походили на небольшие лесные озерца, что искрятся мелкими солнечными бликам.
«Подожди», - мысленно согласился Учиха.

***

Джип остановился у особняка, который в наступившей темноте брюнет вряд ли мог разглядеть. Выйдя из салона под пристальным присмотром охранника, его довели до массивных дверей, провели по коридору и оставили в просторной гостиной.
Здесь уютно потрескивал огонь в камине, но от бликов ужасно резало глаза, а тени боязливо жались по углам. Нельзя было позволять им бояться.
Саске тряхнул головой, сбрасывая налипшие на волосы мелкие капли и снежинки, которые успели усыпать своими кристаллами его голову, пока он шёл по двору.

- Ты пришёл.

Голос раздался совсем рядом, и Учиха понял, что банально пропустил момент, когда Мадара появился в комнате. Мужчина был высоким, всё таким же аккуратным и взгляд его светился внимательностью.
Мадара будто заново ощупывал его лицо, запоминал. А потом просто протянул руку, опуская её на плечо.

- Он мёртв, - тихо прошипел парень.

Он не попытался сбросить руку, потому что было не важно, что каждое прикосновение к телу отзывалось болью.

- Я предупреждал. Вы не послушались. Саске…

Мадара устало вздохнул, отходя от него и разводя руками.

- Неужели ты думаешь, что мог вечно оставаться рядом с ним? Неужели ты думаешь, что это та жизнь, которой ты должен жить?

- А откуда ты знаешь, какая из жизней подходит мне? - прошипел брюнет.

Мужчина нахмурился, вглядываясь в узкое бледное лицо. Парень стоял как-то неровно, сгорбив плечи и смотря исподлобья. Чёрные влажные волосы налипли на острые скулы, растекаясь по щекам чернильными разводами. Саске не был пьян, но в его глазах плескалось что-то мутное, ускользающее от понимания.

- Я обещал ей, - тихо ответил Мадара и опустил руку на рамку. - Обещал ей, что с тобой всё будет в порядке.

Смазанный взгляд зацепился за обрамленную чёрным фотографию. Парень нахмурился, но ничего толком не смог выдавить из себя. Смотрящая на него женщина была похожа на ту, что стояла рядом, положив руку ему на плечо. Разве что глаза казались живее, а кожу не покрывали синеватые вены. Аккуратно уложенные волосы, вместо разметавшейся чёрной соломы вперемешку с мелкими водорослями, красивое платье сменило полуистлевший серый саван.

- Это твоя мать, Саске.

Голос Мадары разорвал странное наваждение, наполнившее эту комнату вместе с теплом от камина. Учиха поднял прищурившийся взгляд на мужчину, отрицательно качнув головой:

- Это ничего не меняет. Мне плевать…

Из рукава плавно выскользнул тонкий нож, похолодив ладонь гладкой рукоятью. Мадара, конечно, сразу увидел его, но не двинулся с места, лишь удивлённо приподнял брови:

- Ты хочешь убить меня, Саске?

- Не представляешь себе как, - усмехнулся брюнет, делая шаг вперёд. - Ты ведь знал, что этим всё может кончиться. Ты ведь

знал, что связался с психом.

Мадара выглядел так, будто ему было совершенно наплевать на поблескивающий нож. Или на острую пустоту в чёрных глазах, которая не предвещала ничего хорошего. Когда люди сталкиваются с тем, что действительно может угрожать их жизни, они не верят. Падая с четырнадцатого этажа, думают, что смогут полететь. Выпуская из себя кровь, надеются, что она будет бесконечной. Все хотят смерти, но продолжают цепляться за жизнь.
Саске сделал шаг вперёд, медленно выдыхая яд из лёгких. Он больше не жил и не видел смысла в дыхании, но тело требовало этого смрада, требовало хоть какой-то подобии существования.

- Ты всё ещё ничего не понял?

Мадара, подойдя ближе, ухватил парня за запястье, сжимая и чувствуя, как тонкие кости колко впиваются в пальцы.

- Твоя мать отдала тебя в семью Фугаку, - начал он, отводя было дрогнувшую руку с ножом. - Она хотела для тебя лучшей судьбы. Она хотела, чтобы ты был обеспечен. И взяла с меня обещание, что я прослежу, чтобы твоя жизнь была устроенной. Хорошей.

Саске усмехнулся в лицо напротив. Если Мадара нацепил на себя роль ангела хранителя, то получалось у него ещё хуже, чем у Итачи.

- И ты жил…относительно хорошо. У тебя могло быть будущее…с твоими-то способностями. А потом ты встретил Наруто.

Имя разрезало тонкую оболочку, покрывающую сердце. Парень невольно вздрогнул, вырывая свою руку из несильной хватки Мадары. Отшатнулся, прижимая руку ко лбу и немигающе глядя на мужчину.

- С тех пор ты начал терять свою жизнь. Не заметил? Ты бросил

всё, чтобы быть рядом с ним.

- Как и он, - тихо прошипел Саске, прикрывая глаза.

Тени заметались вокруг взволнованным пчелиным роем. Они хотели ужалить Мадару, но не могли добраться до него, потому что мужчина стоял по другую сторону разделившей две реальности границы.

- Ты должен был вернуться в привычный тебе мир. Болезнь… ведь операция прошла успешно…и у тебя всё ещё могла быть жизнь.

- Тебе какое дело? - бросил брюнет.

Он отнял руку от горящего лба, сжав сильнее нож.

- Твоя мать, - улыбнулся Мадара. - Была вынуждена отдать тебя Фугаку. Потому что…оставлять ребёнка рядом со мной тогда было опасно. Ты ведь не знаешь и половины скелетов, которая таится у твоей семьи в шкафах. Ты думаешь Фугаку был твои отцом? Посмотри на него…разве вы похожи?

Холод прошёл по позвоночнику, заставляя выпрямиться и отрицательно качнуть головой. Саске не хотел даже пытаться поверить в то, что говорил Мадара, хотя мыслями уже понимал, в какую сторону клонит мужчина.

- Разве ты похож на этого слабого, сломленного человека? Нет. Ты похож на меня. И на свою мать. Теперь понимаешь?

- Значит…

Мадара неуверенно улыбнулся, поймав растерянный взгляд брюнета.
Парень, шумно выдохнув, сделал шаг назад, налетая поясницей на спинку кресла. Он поднёс руку к лицу, пытаясь поймать ускользающий холодный край савана, что едва задел его лоб. Его трясло мелкой дрожью, которая всё-таки пробилась наружу из-под толстого слоя злости.

- Теперь ты понимаешь?

- Понимаю, - отстранённо кивнул Учиха и прямо посмотрел на Мадару.

Губы парня дрогнули в какой-то кривой усмешке. Он как-то легко вздохнул, разминая шею и покусывая нижнюю губу, будто бы только-только проснулся от какого-то приятного сна. Но не было этой сказочной дрёмы. Были кошмары. Чёрные, затягивающие, убивающие.

- Понимаю, что ты одинокий, доживающий свой век человек, - сказал Саске. - Понимаю, что ты так обезумел от своей ненужности, что решил забрать всё у других. Понимаю…что ты слабый. Ты не сильнее Фугаку.

Лицо Мадары дрогнуло, словно плохая голограмма. Его тень улыбки медленно оплыла расплавленным воском, открывая изуродованные губы.
Брюнет, оттолкнувшись от кресла, резко подошёл к Мадаре, приставляя нож к упрямому подбородку мужчины. Подумать только…это его отец.

- Ты сломался так же, как и он.

Холодная сталь отразила такую же холодную усмешку на бледных губах.

- А, может, и сильнее, - выдохнул Саске, заглядывая в черные глаза, ловя в них отражение своего безумия. - Ведь он никого не убил.

Он отпрянул от застывшего мужчины, роняя нож на ковёр и отходя спиной вперёд.

- Ты будешь один, Мадара, - резко бросил Учиха. - Одиночество для тебя страшнее смерти.

Он толкнул дверь и, крепко уцепившись за её створку, широко

улыбнулся:

- Ведь мы так с тобой похожи.

***

Идти было совершенно некуда.
Мосты разрушены, нити оборваны. Остались только дрянные камни, усыпавшие мельчающее с каждым днём дно протекающей в ущелье речки. Когда-то она носила громкое название: «Река Жизни» - а теперь стала грязным родником, который вот-вот окончательно потеряется между илистыми разводами, станет вялой тенью себя прежнего.
Саске было плевать.
На все слова Мадары, на то, что так и не почувствовал ничего необычного, встретившись с тем, кто был его отцом. Это всего лишь прошлое.
Прошлое.
Он сам медленно становился прошлым. Сидя на остановке, вглядываясь в пустую дорогу и не видя ничего дальше своего носа.
Очки, искорёженным трупом, лежали под ногами. Не выдержал, разбил, потому что помнил, как их ловко поправляли чужие смуглые пальцы. А были ли они вообще, эти руки? Нежные, горячие, сильные…были ли?
Учиха клокочуще выдохнул, привалился плечом к холодному столбу и вновь отпил из бутылки. Да, пить ему было нельзя, а водку вряд ли можно было назвать достойным пойлом. Но кто теперь запретит? Кого послушаешься?
Усмешка отдала болью где-то в затылке. Разве теперь был смысл держаться? Вглядываться в темноту и ждать чего-то? Оставалось только наблюдать, как родник вытягивается хрустальной ниткой…

- Придурок, - сказал Саске, давясь очередным горько-обжигающим глотком. Он, кажется, пошёл не в то горло, и пришлось закашляться, судорожно утирая влажные губы дрожащей рукой.

«Придурок», - это слово нужно было забыть. В нём было столько

нежности, сколько не бывает в ином: «Я тебя люблю».
Потому что говорил его, глядя в серые глаза, помня синие морозные всполохи в них. Да, Наруто иногда улыбался, и его взгляд вновь горел…горел, когда он слышал это грубое слово.
Почему горел?

- Потому что придурок, - качнул головой Учиха.

Он прикрыл глаза, с трудом выдыхая. Спиртное, лившееся по пищеводу, сжигало изнутри быстрее, чем одуряющая пустота. Чем боль…
Перебравшись на скамейку целиком и упёршись спиной в холодный влажный столб, Саске согнул ноги в коленях, не давая телу разъезжаться бесформенным месивом. Он должен был хотя бы попытаться сохранить подобие своей человеческой оболочки. Хотя бы на час, до рассвета, а потом…
Очередные быстрые глотки в попытке заглушить начавшую работать голову. Зачем сейчас мысли? К чему они приведут? К размышлениям о том, почему же больно на самом деле? Жалеешь ли себя или того, кто умер? Боишься одиночества и поэтому так зол на оставившего? Или зол на себя, потому что не понял, не прислушался к вопящей интуиции?
Ведь чувствовал, знал…что-то не так. Но что…
Учиха впервые за долгое время почувствовал себя человеком. Тем самым: жалким, слабым, раскисающим от осознания своего одиночества. От того, что его посмели оставить. И оправданий тут не было. Эгоистичное существо, сидящее внутри, отказывалось принимать их. Ушёл, полюбил другого, другую, устал, пресытился…умер. Всё было одно. И главное в этой веренице несвязанных слов было - ушёл.
Оно было той самой гильотиной, резавшей пополам.
Оно было тем самым ядом, который сейчас глотал из холодной прозрачно-зимней бутылки.
Оно было тем, что засело внутри, не давая закрыть глаза.
Бросил.
Умер раньше.
Но ведь обещал быть рядом до конца…

- *Иди ко мне…*

А она стала неразговорчивой. Повторяла одно и тоже слово, то появляясь, то пропадая. И можно было считать это за чудесное излечение расшатавшегося мозга, если бы не застывшие по краям тени. Они смотрели, обсуждали, будто бы были теми самыми невидимыми судьями, которым позволено судить даже мёртвых.
«Наруто был виноват сам, потому что не ушёл», - так говорили тени.
«Наруто был виноват, потому что любил», - они повторяли это раз за разом.
А Саске устал. Он не хотел искать виноватых. Он просто ждал, пока ручеёк окончательно смешается с грязью.
…А небу было действительно плевать. Оно продолжало сыпать мелкой снежной трухой…

***

Наверное, водка всё-таки ударила в голову. Или же что-то другое, посильнее.
Как он добрался до дома, Учиха не помнил. И почему ноги вели именно туда, где под крышей ждал взволнованный Итачи.
Зайдя в прихожую, Саске остановился, глядя на замершего напротив брата. Точнее…того, кем он привык считать этого совершенно чужого парня.
Итачи молчал. Вряд ли сейчас можно было сказать что-то вразумительное, что сотрёт с лица Саске этот мел, заставит огрызнуться и опять полыхнуть чёрной злобой.
Огонь погас.
Младший Учиха поднял руку с зажатой в ней бутылкой, пристально глядя на брата, а тот неожиданно взял её и сделал большой глоток.

- Наруто умер, - до ужаса спокойно сказал Саске.

Горько, обжигающе.

- Иди сюда, - тяжело вздохнул Итачи, за плечо притягивая брата к себе, чтобы обнять одной свободной рукой за слишком тонкую спину, не прогнувшуюся даже под тяжестью этого прикосновения. Странно ровный, выточенный из белого

мрамора, который должен был стать чьей-то надгробной плитой.

***

Ночь. Она никогда не была такой одинокой.
Даже то, что Итачи неизменно сидел молча, смотря в одну точку и думая о чём-то своём, не приносило былого ощущения живого существа рядом. На виски давило, и мебель в комнате медленно оплавлялась.
Воск. Декорации из воска.
Потом Итачи забрал бутылку, допивая то, что осталось на донышке. Он отставил её в сторону, на журнальный столик перед ними. И взгляд невольно притянул этот матовый кристалл, дышащий алкогольными парами в своих прямых гранях.
Саске крутил в пальцах истерзанный виноградный росток, который оседал на пальцы влажным, мёртвым соком. Поднялся, пошатнувшись, но всё-таки сумел дойти до книжной полки во всю стену. Дрожащие пальцы с нажимом прошлись по корешкам книг, останавливаясь на подходящей: золотистый переплёт, изумрудная обложка. Почему-то именно она легла в руки невесомым грузом, открылась ровно посередине, принимая в себя росток.
Брюнет усмехнулся, проводя пальцами по чуть шероховатой поверхности страницы. Буквы плясали под взглядом, прыгали и норовили порезать сетчатку, поэтому Учиха резко захлопнул книгу, тут же вставляя её обратно, в образовавшуюся прореху меж остальных бумажных историй.
И вновь вернулся к дивану, опускаясь на ковёр, вытягивая ноги и замирая.
Он чего-то ждал…
А комната постепенно наполнялась серым светом, лившимся из большого окна, за которым постепенно гасли фонари, начинали сновать машины. Пару раз проехал почтальон, но он не остановился рядом с их калиткой…
Звонок телефона раздался, когда солнце во всю било своими лучами в окно, а Итачи, кажется, задремал, уронив голову на диванную подушку.
Парень потянулся за телефоном, бездумно нажимая кнопку

приёма и поднося тонкую пластинку к уху. Он поймал себя на мысли, что хочет услышать совершенно другой голос, который заявит что-то глупое, незначительное…
Но в трубке заговорила Цунаде:

- Старое кладбище. Похороны сегодня, Саске. Его родители… они не хотели, чтобы ты там был, но…Джирайя убедил их…

Учиха не дослушал, отбросив телефон на диван.
Похороны.
Сердце забилось сильнее, будто бы его начали подгонять кнутом. Его вновь затрясло, пришлось сжать зубы и кулаки, а перед глазами замелькали белые точки.
Брюнет тяжело выдохнул, поднимаясь и останавливаясь посреди комнаты.
Похороны.
Зачем она это сказала?
Реальность треснула. Впилась в глаза. Выжгла нутро.
Пальцы сжались вокруг холодного горлышка пустой бутылки.

- Саске? - позвал проснувшийся от грохота разлетевшегося стекла Итачи.

Парень успел заметить, как от стены, во все стороны, сыпанули осколки-льдинки. Как Саске зло пнул журнальный столик, сжимая пальцами волосы. Как хрустально-серый воздух в комнате резко потемнел.
Брюнет остановился, тяжело дыша. Голову резало, в носу вновь кроваво хлюпало.
Проведя тыльной стороной ладони по лицу, он только размазал кровь.
Он замер, смотря на свою руку. Красные разводы резко перечёркивали набухшие синие вены, которые оплетали кисть.

- Отвези меня на кладбище, - твёрдо сказал парень.

А Итачи почему-то не стал спорить.

***

- Он не приедет, - немеющими губами, обкусанными и сухими, проговорила Цунаде.

Холодный осенний воздух терзал тела тех, кто собрался на небольшой площадке перед свежей ямой, вызывающе чернеющей влажными земляными кромками.
Ей было это чем-то важно, хотя за ночь в голове побывало слишком много мыслей. Когда позвонил Орочимару, когда Джирайя застыл посреди прихожей, смотря на неё таким непонимающим взглядом, что она поняла сразу - что-то произошло.
Люди редко верят в смерть близкого.
Редко соглашаются с таким поворотом судьбы.
Пока не увидят лакированный гроб, устланный изнутри шёлково-белым, пока не увидят тело, лежащее внутри.
Цунаде сама не могла поверить. Она ведь простой человек, который редко сталкивался с такими молодыми смертями. Все привыкли, что покойник может быть старым или…хотя бы изуродованным, хотя бы…не таким.
А Наруто был, действительно, словно уснувший. Цунаде всегда не верила в это выражение, которое так часто повторяли в фильмах и книгах, но Наруто не был похож на мёртвого. Разве что кожа чуть побелела, да весь этот гроб.
Стоящий рядом Джирайя сжал её руку, и женщина только сейчас поняла, что по щекам стекают слёзы.
Людей здесь было мало. Родители, посеревшие и выцветшие, стояли чуть поодаль. На них Цунаде старалась не смотреть. Какая-то девочка со светлыми волосами то и дело прикладывала платок к совершенно сухим глазам. Безразличный священник заунывно что-то читал…а рабочие, стоящие чуть поодаль с лопатами, ждали, пока можно будет начать своё чёрное дело.

- Вон он, - тихо сказала Цунаде, скользнув взглядом по дальним рядам могильных надгробий, практически затерявшихся среди высоких деревьев.

Саске можно было бы принять за призрака: бледный, в чёрном, с безумным взглядом. Женщина сначала думала, что он так и останется стоять там, но…Учиха медленно двинулся меж рядов

оградок, приближаясь.

- Здравствуй, - послышался рядом голос, и Цунаде повернула голову к подошедшему мужчине. Орочимару смотрелся дико на кладбище, впрочем, его она точно не ожидала увидеть.

- Ты что здесь забыл? - тихо прошипел Джирайя.

Короткий кивок на Саске.

- Я его врач, - простое оправдание. - Присматриваю.

Учиха замер, заметив за спинами родителей Наруто лакированный ящик. Ноги будто бы отказались идти, и он остановился, цепляясь пальцами за шершавую кору разлапистого вяза.
Дыхание…дыхание стало чаще, хотя воздух проходил сквозь лёгкие, будто бы они превратились в решето.
Он ведь знал, куда идёт…
Он ведь знал, что увидит…
Наверное, поэтому обошёл кладбище вокруг, надеясь, что успеет к тому моменту, когда крышка гроба будет уже закрыта. Не видя, легче поверить, что закопали простую деревянную коробку, а человек жив. Просто не здесь, но когда-нибудь заглянет на чай, забежав с холодной улицы.
Священник закрыл маленькую книжечку, отходя на шаг назад. И Саске вздрогнул, когда Сузо медленно пошла к гробу. Её трясло, а походка была настолько неровной, будто бы женщина шла по топи.

- Посмотри на него…

Возможность попрощаться…последняя возможность…
Женщина долго не задерживалась у гроба. Провела трясущейся ладонью по лбу, привычно убирая разметавшуюся светлую чёлку, прикусила губу и медленно побрела обратно. Она замерла, когда встретилась с Учихой взглядом, побелела ещё сильнее, но, не сказав ни слова, вновь встала на своё место.
Следующая очередь - Ирука. Скупой взгляд, опущенная голова. Он не подошёл к гробу…просто сделал небольшой шаг вперёд,

остановился, застыл и, кажется, перестал даже дышать.

- Кто-нибудь желает попрощаться ещё?

- Я.

Ирука даже обернулся на этот знакомый голос, врезавшийся стилетом под рёбра. Он нахмурился, встретившись взглядом с проходящим мимо парнем, но Сузо ухватила его за руку.

- Нет, Ирука. Дай…дай ему попрощаться, - всхлипнула она, крепче сжимая ледяные пальцы. - Он же…не чужой ему.

Учиха даже не услышал этих слов, а вот резкий взгляд засел меж лопаток. Только всё это стало безразлично. Он остановился у открытого гроба, глядя на лежащего в нём человека. Хотелось толкнуть и сказать, что давно пора просыпаться: будильник разрывается.
Разве ты не слышишь?

- Бред, - едва слышно выдохнул Саске, цепляясь пальцами-крючьями за бортик. - Я не верю тебе, Узумаки.

Светлые волосы двинулись на слабом порыве ветра, и показалось, что даже ресницы дрогнули. И от этого сердце облилось кровью, замерев и перестав биться. Брюнет потянулся рукой, коснулся щеки и заставил себя не отдёрнуть пальцы. Холод, впившись в подушечки, уколол и потёк по венам отравой, которая обязательно заберёт и его жизнь.

- Херня твоё обещание, - через силу сказал Учиха.

В горле было битое стекло.

- Ты не сдержал его.

Палец тронул прохладную губу, запоминая этот чёткий контур, а потом в плечо вцепились мясницким крюком, оттягивая от гроба, заставляя опустить глаза, пряча мутную горечь.

- Пошёл вон отсюда, - зарычал Ирука. - Пошёл!

Брюнет тряхнул головой.

- Ты виноват во всём. Только ты.

- Ирука!

Женский голос, заставивший прекратить это всё, внезапно дёрнул за нервы, и Саске всё-таки поднял глаза на Сузо.

- Не вини его. Твоей вины здесь тоже хватает, - прямо выпалила она. - Если бы ты не…если бы ты отнёсся к этому спокойно, то…он был бы жив. Он бы не бежал из дома…

Сузо замолчала, будто бы подавившись холодом взгляда мужчины.
Учихе показалось, что его вот-вот ударят. И это было бы лучшим завершением этого дня, но Ирука, напоследок резанув по нему взглядом, отошёл, позволяя вновь посмотреть на гроб, к которому уже потянулись могильщики.

- Саске, - позвал Орочимару. - Иди сюда. Пора…

Его даже взяли за предплечье, отводя от страшной чёрной ямы, заставляя встать рядом с Цунаде, которая едва ли посмотрела на него.
А потом вереница из какого-то сумасшествия.
Закрытая крышка, натянутые верёвки, какие-то резкие слова рабочих…
Глухой удар о дно ямы.
Холод поселился в пальцах. Отрава медленно действовала.
Тени окружили плотным кольцом, обнимая. А взгляд зацепился за одного из рабочих, который почему-то засмотрелся на него.
Серое лицо, тронутое отпечатком алкогольной зависимости, пошло мелкими трещинами, рассыпаясь. Огромная чёрная пасть раскрылась, издавая странный страшно-шипящий звук.
Учиха сморгнул, но видение не пропало. Оно потянуло к нему костлявые руки, а потом в ухо тихо засмеялись.
Белокожая. Она пришла, чтобы насладиться зрелищем.

- Он теперь со мной…

Наверное, всё стало чёрным на какой-то момент. Потому что брюнет даже не заметил, как ушли и родители Наруто, и Джирайя с Цунаде. Он немигающе смотрел на небольшой коричневый холмик исковерканной земли, что так точно выделялся на пожухлом зелёном газоне.

- Иди домой, Саске, - сказал стоящий рядом с ним Орочимару. - Незачем тебе быть здесь.

Учиха, бросив на него взгляд, подошёл к свежей могиле, опускаясь и прижимая руку к холодной земле. Каково это: знать, что тот, кто ещё вчера прижимался губами к твоим, теперь там? В холоде и темноте?
Мозг лихорадочно вспыхивал, пытаясь осознать это, но на краю сознания ещё остались какие-то мысли. Парень ловил себя на том, что не поверил, даже увидев Наруто в этом бесполезном ящике. Узумаки не там.
Не под сырой землёй.
Кулак сжал рыхлую почву, растирая грязь меж пальцев.
Не добраться.

- Саске, - с нажимом сказал Орочимару. - Уходи. Тебе нужно принять таблетки…

- На хер, - шикнул Учиха. - Пошёл на хер.

Рука вновь бездумно схватила землю.
Хотелось разрыть могилу, открыть гроб, проверить, что Наруто там. Ведь…
Он ведь обещал.
Она обняла со спины, ткнувшись холодным носом в затылок. Боль стрельнула от её поцелуя в висок. Белокожая жалела, но смех той путался в гудящем над головой ветре. Она помогла подняться, поддерживая под руки, толкнула в грудь, заставив сделать шаг назад. Прочь от могилы.

- Иди ко мне…

***

Итачи, поджидающий брата у въезда в кладбище, заметил его ещё издалека. Брюнет брёл по пыльной дороге, смотря куда-то себе под ноги. Он бы запросто прошёл мимо, не заметив машины, если бы Итачи не ухватил его вовремя за руку, увлекая в салон и закрывая за будто бы потерявшим нить реальности парнем дверь.
Верить в то, что брат вновь окажется в прошлом состоянии, когда он жил в каком-то своём мире, совершенно не хотелось. Вытянуть его оттуда не смог даже Наруто, а что уж говорить о тех, кто сейчас остался рядом с Саске.
Ему ведь наплевать.
Младший Учиха, откинувшись спиной на сиденье, прикрыл глаза, позволяя теням укрыть его прохладным покрывалом. Лёгкие пальцы Белокожей прижались к вискам, выпивая остатки сил, и ноги стали ватными. На коленях сидела мелкая тень, едва ощутимо покачиваясь. Она улыбалась, показывая рот с крупными дёснами. Вниз, острыми зубьями, засели стальные треугольные осколки, поблескивающие тусклыми матовыми бликами.
Тень потянулась ближе, игнорируя злое шипение Белокожей.

- *Ты один,* - проскрежетал её писклявый голос. - *Теперь ты точно один…*

Осколки-зубья впились в грудь, и Саске вжался спиной в сиденье, стараясь не проронить ни звука. Боль была странной… мозг реагировал на неё, вспыхивая, а вот тело ничего не чувствовало.

- *Ты виноват. Ты не отогнал его вовремя. Ты убил его.*

Совесть. Вот кем была эта тень. Безобразное лицо, острые зубы и тяжёлая хватка.
Учиха попытался согнать её с колен, столкнуть и придавить ногой, но она вновь карабкалась по джинсам, цеплялась за запястья, стремясь дотянуться до рваной раны на груди, чтобы выгрызать по косточке. Тень цеплялась за рёбра. Зубы

скрежетали о них. Разрываемая плоть трещала.
Но боль судорогами разлилась по телу, выгибая позвоночник напряжённой дугой.
Итачи резко остановил машину у обочины, вылетая из неё под пронзительный сигнал промчавшегося мимо грузовика.
Оббежав автомобиль, он рванул дверь пассажирского сиденья на себя, ловя заваливающегося набок брата под плечи.
Закатившиеся глаза, напряжённое подрагивающее тело - могли говорить только об одном…

- Сейчас, - выпалил Итачи, шаря по карманам чужих джинс.

Пальцы наткнулись на пузырёк, который ещё утром сам положил в карман. Дёрнули за него, открыли, рассыпав половину таблеток. Поддерживая парня под голову, тот не без труда разжал плотно сцепленные челюсти, надавив под скулами. Таблетки упали на язык.

- Глотай же, - прошипел старший Учиха, и Саске, будто бы услышав, судорожно сглотнул. Следом, к его губам, приставили горлышко бутылки с водой и заставили запить.

Итачи, всё ещё сжимая плечо брата, смотрел в постепенно расслабляющееся лицо. Вены на шее перестали напоминать канаты, к губам прилила слабая краска и Саске тяжело и хрипло вздохнул, приоткрыв на миг глаза, чтобы вновь опустить веки.
Старший Учиха осторожно прикрыл дверь, вновь возвращаясь на водительское место и трогая машину с места.
Странное, обречённое спокойствие накатило на него, будто бы он уже знал, что делать.

***

Серые дни тянулись серыми полосами. Ничего не менялось, ничего не происходило. Саске ничего и не ждал толком: сознание блёклыми ошмётками лежало на холодном кафельном полу, на который почему-то не додумались бросить даже хоть какой-то коврик.
Хотя кому есть дело до какого-то там уюта в этом месте? Сюда

приходят умирать в комфорте, а большая часть пациентов даже с кровати не встаёт.
Правда, Учиха не умирал. Не в том понимании, в котором хотелось бы.
Морально он умер ещё в машине Итачи, когда та отъезжала от пропитанного осенней горечью кладбища. Физически же…
Тело продолжало двигаться, пить таблетки, которые должны были помочь иммунитету справиться с болезнью, забравшейся внутрь слишком глубоко. Она пустила свои омерзительно-тонкие корешки, волосками пронзившие все органы и теперь ночами душила температурными объятиями. А потом дни, наполненные тенями, шёпотом над ухом и осознанием - один.
Жить после смерти оказалось странно.
Другого слова Саске не мог подобрать.
Каждую ночь он ждал, пока займётся рассвет, а с приходом утра не мог дождаться ночи.
И всё по кругу. Если жизнь и вертелась в каком-то колесе Сансары, то изнутри и снаружи оно было унизано острейшими шипами.
Засыпать иногда помогали снотворные таблетки, которые брюнет зачастую игнорировал, отказываясь и от уколов.
Орочимару разводил руками, а Итачи странно принимал этот упрямый выбор, будто бы смирившись окончательно.
Мадара, по слухам, так и не появлялся, но его тень Учиха ещё долго ощущал, ровно как и тяжёлый взгляд между лопаток. Это та маленькая тень с зубами-осколками сидела в углу и смотрела его сны.
Некоторые дни он не помнил, а потом просыпался с прикованными к кровати руками. Это было странно, но так же безразлично, как и то, какой завтрак дадут в столовой в этот раз.
Доживать стало привычно.
И, судя по взгляду Орочимару, если он продолжит в том же духе, то всё закончится довольно быстро.

***

- Ты уверен, что не хочешь…поменять курс лечения? - тихо спросил Орочимару, прикрывая за собой дверь палаты номер двести три, где Саске вновь отказался выпить снотворное.

Итачи, куснув губу, отрицательно качнул головой.

- Вряд ли мозгоправ ему поможет, Орочимару. Он…не хочет.

- И ты готов просто так отдать его?

- Это его решение, - твёрдо кивнул старший Учиха. - Я…я пытался действовать против его воли. Но ничего хорошего из этого не вышло. Саске достаточно взрослый, чтобы распоряжаться своей жизнью.

И хотя говорить эти слова было до одури больно, Итачи верил в них. Он хотел верить, что младший брат или поправится, или же…
Итачи устало накрыл горящие веки пальцами, чуть надавливая. За последнюю неделю он редко бывал в офисе, ещё реже дома. Всё время проводил в клинике, отсиживаясь или в кабинете Орочимару, или же у кровати Саске, когда тот, наконец, засыпал.
И думалось ему, что жизнь - странная вещь. Она протекает рекой по сотне подводных ручейков, размывая крышу над ними, охраняющую некогда от быстрых вод чужой жизни, она меняет их, заставляя или влиться в своё русло или исчезнуть вовсе.
Так же было и с Наруто, и с Саске. Они пытались жить для себя, но изначально так случилось, так сложились глупые звёзды, что их жизнь стала той самой рекой, сломавшей не один тонкий ручей. Конечно, кто-то получил второй шанс, а кто-то исчез… Как исчезал сейчас Саске, потеряв своё русло.

- Просто пусть отдыхает, - тяжело выдохнул Итачи и открыл глаза. - И ест…ты следишь за этим?

Орочимару сдержанно кивнул, как кивал всегда. Он каждый раз выслушивал одно и тоже пожелание этого уставшего молодого человека, который за неделю стал старше, чем за год. А потом старший Учиха уходил или к кофейному аппарату, или же уезжал домой.

***

Цунаде пришла к концу недели. Она долго не могла заставить себя набрать номер Итачи, а потом встретиться с этим вежливым, но отстранённым юношей, который и привёз её в клинику.
Стоя напротив белой двери палаты, в своём деловом костюме и с судорожно сжимаемой сумочкой в руках, женщина впервые за долгое время не могла решиться зайти к своему бывшему пациенту.
Обычно такие встречи приносят радость, если человек идёт на поправку.
Обычно, но не сейчас.
Резко выдохнув, она толкнула дверь, заходя в палату и застывая на пороге.
В лицо ударил запах сигарет и прохладный воздух, залетающий через распахнутое настежь окно. На подоконнике сидел брюнет, подогнув одну ногу и рассеянно размешивая воздух второй.

- Они не выпускают меня, - просто сказал Учиха, даже не повернувшись к ней. Кажется, ему было всё равно с кем говорить. Это было заметно по странной улыбке, которая на миг растянула потрескавшиеся губы.

- Саске, - позвала Цунаде, и парень повернулся.

Повернулся и вопросительно поднял брови, будто бы не узнавая эту гостью из прошлого. Чёрные глаза прищурились, и брюнет, наконец, фыркнул:

- Пришла чинить меня?

Он спрыгнул с подоконника, пошатнулся, но вовремя зацепился рукой за стену. От него пахло лекарствами, сигаретами и концентрированной, плохо сдерживаемой злостью. Цунаде чувствовала это, но не могла даже подойти поближе к окну, чтобы вдохнуть в себя свежего воздуха.

- Или пришла винить меня? - хрипло буркнул Саске, проходя мимо и останавливаясь у столика с графином. - Давай. Я готов.

Цунаде, сильнее сжимая сумку, наблюдала за тем, как он пытается справиться с трясущимися руками: стакан заплясал в руке и Учиха опустил его на столешницу, наклоняя над ним графин. Тонкий хрустальный стук дробью разнёсся по комнате, и чёрные брови недовольно сошлись над переносицей.
Когда вода была набрана, брюнет резко ухватился за стакан и осушил его в несколько глотков, будто бы до этого целую неделю не пил.

- Я пришла, - поймав его вопросительный взгляд, начала Цунаде, - чтобы отдать тебе это.

Она расстегнула заедающий замок на сумке и вытащила оттуда тонкий конверт. Протянула.

- Я забыла…раньше должна была. Возьми…

- Что это?

- Письмо. От Наруто.

- Узумаки, - поджал губы парень. - У него ноги отвалились? Сам прийти не может?

Но письмо взял из мигом онемевшей руки.

- Саске… - хрипло позвала женщина. - Наруто ведь…умер. Помнишь?

Чёрные глаза стеганули какой-то внутренней пеленой. Они сверкнули матовостью и сощурились.
Лицо тут же потеряло это ненормальное, не человечески-едкое выражение. Страшное и пугающее…будто бы в теле Учихи поселился кто-то иной, наполненный желчью и ненавистью. Дёрганные, с острыми клыками за бледными губами…

- Помню, - кивнул брюнет, становясь самим собой и украдкой поводя плечами, чтобы сбросить накатившую усталость.

Пришлось, сжав письмо, отойти к кровати, садясь на неё и откладывая помятый конверт в сторону.

- Он приходил к нам…и оставил это. Сказал передать тебе.

- Я понял, - безжизненный кивок.

И Цунаде показалось, что лучше бы он был ядовитым. Лучше бы пугал своими резко метающимися по комнате взглядами. А не таким.

- Саске…не вини себя.

Банальные слова. И женщина сама испугалась того, как они прозвучали.
Учиха поднял на неё взгляд. И вновь усмехнулся.
Ядовито-рвано.

***

- Иди отсюда, - шикнул брюнет, отмахиваясь от назойливой зубастой тени.

Она сидела теперь на коленях Белокожей, которая с нежной улыбкой смотрела на него своими варёными глазами. Это сейчас она такая милая, такая заботливая, а ночью её кожа вновь белеет, вены синеют и она зубами вырывает из его тела куски мяса.
Она сжирает его заживо, пока он не может кричать из-за сводящей спазмами горло боли. Белокожая говорит, показывает прошлое, наслаждается его холодом там, где сердце.
Вытягивает по нити и плетёт свою паутину, которой завлекает ближе к себе. Привязывает.
Ведь:

- *Только я люблю тебя.*

Улыбается:

- *Только я осталась с тобой до конца.*

Смеётся:

- А он у меня. Ушёл он. Ты убил его.

И было ли всё это время реальностью? А вдруг нет…что если это тот затяжной сон?
Саске пытался проверить, но никак не мог найти ту линию, которая пересекала две реальности. Она ускользала из рук мыльным канатом.
…Хорошо, что охранники давали сигареты. А один из них однажды принёс целую пачку. То ли из жалости, то ли из-за того, что Учиха достал…
И вот, он сидел под ивой, куря уже вторую, наслаждаясь тем, что может позволить себе такую вольность. Прохладный воздух въедался в лёгкие вместе с дымом, но от этого было только лучше.
И плевать, что Орочимару вновь будет говорить что-то о поддержании иммунитета.
Зачем?

- Да приду я, приду, - пробубнил брюнет, убирая руки в карманы тёмных спортивных штанов.

Пальцы наткнулись на измятый, но всё ещё острый угол конверта. Дёрнулись, словно порезавшись.
Наруто написал письмо.
Взгляд вперился во вход для работников столовой. К нему как раз подъехала потёртого вида газель, и грузчики споро вытаскивали ящики, а дородная женщина в фартуке что-то быстро отмечала в накладной.
Нужно было прочитать это письмо и уж тогда точно согласиться с Белокожей. Ведь его место уже не здесь.
Книга опустела. Меж её страниц больше нет золотистого листика…
Пальцы сжали конверт. Саске нервно куснул губу, поддевая ногтём бумажную кромку.
Заглянуть в неизвестность, скрытую за тонкой белой пеленой? Увидеть мысли того, кто уже пропитался земельным холодом.
Кто-то уронил коробку, привлекая внимание Учихи.

- Смотри куда прёшь! - выпалила кухарка на налетевшего на неё парня.

Саске даже поднялся, сделав шаг вперёд.
Светлые волосы расплавленным золотом блеснули в солнечных лучах. Сердце замерло, отравившись глупой надеждой.
Брюнет прищурился, но сознание уже разочарованно шепнуло: «Не он. Просто не может быть он».
А потом незнакомец уже забежал в дверь, и лишь его спина мелькнула, скрывшись в сумраке.
Учиха, сунув письмо в карман, отрицательно качнул головой.
Ему мерещится.
Это не он.

***

- Как ты себя чувствуешь? - открыл Орочимару его личное дело.

- Зачем это? - сухо спросил Саске.

- Ежедневная процедура. Я должен знать, что происходит с моим пациентом.

Учиха поймал взгляд желтоватых глаз и пожал плечами, отворачиваясь к окну.
Эта рутина повторялась каждый вечер. Орочимару спрашивал о его самочувствии, писал что-то, просил не упрямиться и отпускал в палату. Ничего особенного.

- К тебе заходил Итачи, - напомнил доктор.

- Да.

- Ты не хочешь домой? - неожиданно спросил Орочимару.

Парень, склонив голову, смерил мужчину долгим взглядом, стараясь разглядеть каждую мелкую морщинку на немолодом уже лице. Этот вопрос был таким же странным, как если бы тот предложил ему выкурить косяк за клиникой.

- Хорошо, - хлопнул доктор по столу ладонью, поднимаясь. - Вставай.

Учиха понуро поднялся, мысленно благодаря Небо за то, что сегодняшний нравоучительный разговор с лечащим врачом был куда как короче всех предыдущих.
Но к его удивлению, в руки кинули стопку чистой одежды, заставив удивлённо поднять взгляд.

- Ты ведь знал, что рано или поздно тебе придётся с ним встретиться, - процедил Орочимару. - Одевайся.

- Мадара, - шикнул Саске в спину доктора.

***

Наверное, сейчас было самое время, когда брюнет был готов ко второй встречи с этим человеком. Вряд ли он мог сказать ему что-то новое, но Учиха догадывался - ещё немного и он просто перегрызёт глотку тому, кто был виноват.
Себе или Мадаре.
Сделает то, что посчитал низким в тот вечер, потому что сейчас тени всё явственнее нашёптывают на ухо одно единственное слово и тихий рык мотора не заглушает их голоса.
В машине Орочимару пахло дешёвым ароматизатором и сигаретами. Саске бы сам закурил, но забыл свою пачку в больничной одежде, сменив её жёстко-непривычной человеческой. За неделю он так сильно отвык от всего прошлого, что казался сам себе совершенно новым ростком посреди этой захламлённой стройки.
Машина свернула на оживлённую центральную улицу. За её окнами, усеянными мелкими каплями, плавились от яркого света фонарей дома, пузырился асфальт, расплывались неоновыми лужами вывески.
Учиха молчал, иногда поглядывая на свои сцепленные в замок руки. Что он хотел от всего этого? Убить Мадару?
Почувствовать вкус мести?
Что это даст? Это ведь не оживит.
Новый поворот, и машину чуть подбросило, когда она въехала

на оранжевый из-за фонарей мост. Мимо замелькал расчерченный железными полосами борт, а за ним бескрайняя тёмно-лазурная синь, подсвеченная затихающим маревом заката.
В приоткрытое окно пахнуло водной свежестью, послышалось отдалённое кваканье лягушек, сметаемое шелестом проезжающих мимо машин, и их железная коробка начала жаться к обочине.

- Только не глупи, Саске, - остановив машину, повернулся к нему Орочимару. - Он хотел как лучше.

Нахмурившись, Учиха толкнул дверь, выбираясь из салона. В нос ввинтился запах бензина, сырости и мокрого асфальта. Захотелось поёжиться и натянуть ворот куртки повыше, но вместо этого брюнет скользнул взглядом по тротуару, выискивая тень Мадары.
Подняв голову, Саске замер, встретившись взглядом со стоящим всего в нескольких метрах от него человеком. Светлые волосы, выбившиеся из-под капюшона непривычно чёрной куртки, намокли и торчали белёсыми иглами. Тень, падающая на лицо, делала глаза тёмными, но, когда он чуть поднял голову, чтобы лучше видеть, они блеснули холодным серебром с редкими вспышками сини.
Учиха почувствовал, как его пошатнуло, и пришлось ухватиться рукой за перила бортика, чтобы не рухнуть на асфальт. Быть подвешенным на крючьях и раскачиваться от любого дуновения ветра было больно, а не смотреть ещё больнее.

- Саске…

Это вновь обман мозга. Его нет. Он под землёй.
Хлопок двери где-то рядом, шаги. Кажется, это Орочимару.

- Учиха, - позвал он, но брюнет плохо разбирал слова, вперившись взглядом в призрака.

- Ты умер, - выдохнул парень, сжимая бортик и осторожно пятясь. В голове вновь лопалось что-то, а тени наседали сильнее.

- Он не прочитал письмо? - обеспокоенное.

- Уйди…

Но призрак лишь приблизился, хватая за плечи и заставляя посмотреть себе в глаза. От его рук веяло жаром даже через плотную ткань толстовки, а глаза кололи тем зимним льдом, что светится голубым только на солнце.

- Тебя нет, - с трудом выдавил из себя брюнет.

- Ты не прочитал, - как-то потерянно выдохнул призрак. - Саске…я жив. Жив.

Учиха отрицательно мотнул головой, вырываясь из разжавшихся от неожиданности рук. Он сделал шаг назад, а потом спина наткнулась на фонарный столб. Затылок похолодил мокрый металл, а следом в его плечи вновь впились несуществующие пальцы.

- Ты должен был прочитать! - отчаянно выпалил призрак, прижимаясь всем телом. - Просто поверь…вот же я.

- Я видел…видел, как тебя хоронили…

- Да-да, - закивал призрак. - Но…Саске…тише…

Его будто током ударило, когда тёплые губы прижались к его собственным, когда дыхание коснулось кожи, когда руки забрались в волосы, ероша их на затылке. Ему даже не давали сделать вдох между короткими, быстрыми поцелуями, обжигающими губы своей иллюзорностью.

- Я правда здесь. Правда.

Брюнет с трудом отстранил от себя его. Капюшон спал с головы, и светлые волосы в свете фонаря казались практически золотыми, а глаза были большими озерцами со слипшимися от влаги ресницами. Учиха ухватил лицо в ладони, заставляя

призрака замереть. Вперился взглядом, тяжело вздохнул, отталкивая от себя.

- Тебя похоронили, - твёрдо отчеканил он. - Я сам видел…

Пальцы слепо зашарили по карманам. Джинсы - пусто. А в кармане куртки что-то зашелестело, и под пристальным взглядом Саске достал почти разорванный конверт.

- Прочитай, - кивнул призрак. - Давай же.

Он даже чуть отошёл.
С трудом разорвав бумагу, которая стала твёрже металла, парень вытащил из ошмётков хрупкое тельце письма.
Налетевший порыв ветра чуть не выбил его из рук, но Учиха смял его, не позволяя улететь.
Он отошёл к бортику, облокачиваясь о него локтями и заглядывая в письмо.
Буквы мелкими лезвиями вонзились в глазные яблоки, разрезая веки.

«Саске, ты не сошёл с ума. Нет. И ты не видишь призрака. Это я. На самом деле я.
Я знаю, что ты, скорее всего, пришёл на похороны. И видел меня. Представляю…не очень приятное зрелище. Но…просто поверь, что сейчас, когда тебя привёз ко мне Орочимару, ты действительно разговариваешь с живым человеком.
Мы стоим на том же самом мосту, с которого ты прыгнул. А я тогда прыгнул за тобой. Помнишь? И ты, скорее всего, вряд ли прочитал письмо. Поэтому читаешь его сейчас.
Саске.
Я бы не ушёл без тебя.
Я же обещал быть рядом».

- Наруто, - выдохнул Учиха, комкая тонкую бумагу и разжимая пальцы, выпустив её. Большая белая снежинка, сорвавшись вниз, упала на быструю чёрную реку под мостом и тут же пропала.

Прижав руку ко лбу, Саске мотнул головой, пытаясь уложить в

гудящем черепе обрывочные мысли.
Он медленно выпрямился, поворачиваясь и смотря на застывшего в нескольких шагах Узумаки. Сердце разрывало от противоречивых чувств, как несколько секунд голову.
Резкий удар по скуле, отмеченной резкими росчерками шрамов. Наруто мотнуло на машину и тут же прижало к ней налетевшим брюнетом.

- Ублюдок, - прорычал он, комкая ворот куртки. - Тварь! Как ты…как ты смел!

- Саске! - крикнул Орочимару, оказываясь рядом и пытаясь оттащить его от вдавленного в машину парня. - Отпусти его!

- Я думал, что ты мёртв!

- Так было нужно, - придушенно прошипел Наруто, цепляясь за запястья. - Я…Мадара…он…

Наверное, Учиха слишком сильно сдавил горло, наверное, нужно было ослабить хватку, но злость требовала выхода. Вся та боль, которая копилась внутри, которая подтачивала… убивала.
Руки разжались, обессилив. Лоб ткнулся в чужой, пальцы сжали горячий затылок, не давая отстраниться.

- Придурок, - еле слышно. - Какой же ты придурок, Узумаки…

Он вдохнул глубоко, проводя губами по щеке, чувствуя знакомые шероховатости шрамов, ловя ощупывающими лицо пальцами влажное дыхание у губ, не решаясь прижаться своими. Ведь сны всегда обрывались именно на этом моменте. Сколько раз он видел, что Наруто живой.
И сколько раз не хотел просыпаться от этих сладких кошмаров. Но просыпался и чувствовал разрывающую боль, сожаление, желание вновь забыться.
Но были другие сны или пустота. Поэтому не спал. Никакого снотворного.

- Саске, - тёплая ладонь успокаивающе прошлась по затылку,

унимая заметавшиеся мысли. - Знаешь…мёртвым быть плохо.

- Заткнись.

Он всё-таки прижался к его губам. Или это был Наруто? Осторожно собирая дыхание, Учиха пил чужую вспыхнувшую лазурью жизнь. Он не мог заставить себя оторваться, разжать руки, потому что боялся - сон. Кошмар.

- Нужно убираться отсюда, - быстро сказал Орочимару, глядя на парней и нервно оглядываясь. - Иначе всё было зря, если нас заметят…Наруто…

Саске почувствовал, как Узумаки отстранился, потянулся следом, забираясь вместе с ним на заднее сиденье машины.

***

Небольшая комната, в вокзальной гостинице, вряд ли могла похвастаться частыми посетителями. Здесь всё было в пыли, паутине и нежилом запахе. Орочимару, отдав им дорожные сумки, снял именно этот угол, чтобы расставить все точки вместо многоточий.
Наруто, смотря на Саске, то и дело опасался, что тот упадёт. Всё-таки потрясение было не из разряда повседневных: он на собственной шкуре когда-то испытал, что значит сначала потерять, а потом вновь обрести. Он прекрасно знал это чувство радости, которую тут же сменяет злость, затем недоверие. И так по кругу, пока не закрутятся в самый настоящий вихрь из мешанины эмоций.

- Ты…в порядке? - тихо спросил он, пока Орочимару замыкал дверь за ними.

Учиха отрицательно качнул головой, поджимая губы. Он до сих пор не мог отделаться от ощущения, что всё это снится и он вот-вот проснётся. Жуткий страх пробуждения окутал его, заставляя то и дело сжимать запястье Наруто.

- Расскажи ему, - бросил мужчина, устало опускаясь в

подранное красное кресло.

- Сейчас? - неуверенно спросил Узумаки, бросив на Саске странный взгляд. Ему казалось, что Учиха вот-вот разлетится осколками и их будет уже не собрать.

- Говори, - коротко кивнул брюнет, отпустив его руку и привалившись спиной к стене.

Наруто тяжело вздохнул, чувствуя себя актёром дешёвого театра, в котором не хватило денег на декорации.

- Это случилось после того, как отец забрал меня домой. Я ушёл и…пришёл к Орочимару, - неуверенно начал парень, глядя Саске в глаза. - И…в общем, там он предложил мне кое-что…

- То есть…вы предлагаете мне умереть? - непонимающе спросил Узумаки. - З-зачем?

- Почти. Иначе Мадара от вас не отстанет. Ты ведь хочешь быть с Саске?

Наруто опустил голову, покусывая губу до крови. Он, конечно, хотел быть с Саске, но всё это казалось нереальным. Разве можно умереть «почти»?

- Почему вы делаете это? Говорите это мне? - резко спросил он.

Желтоватые глаза хитро сверкнули, и Орочимару вновь отпил из своего стакана. Поморщился от горечи виски и отставил его на журнальный столик.

- Мне выгодно, чтобы Мадара был у меня в долгу. У меня есть, что просить взамен твоей жизни.

- Вот оно как, - задумчиво протянул парень. - И он поверит вам?

- Мадара живёт в мире, где каждого можно шантажировать чем-то. Только такой язык «услуги за услугу» ему и понятен.

Узумаки тряхнул головой, нервно пройдясь по комнате. Верить Орочимару было страшно, но…всё-таки этот человек когда-то спас Саске. Да и всегда оказывался рядом…

- Хорошо, но как…как можно умереть «почти»? - всё-таки спросил он.

- Кубик строфантина, - прервал блондина Орочимару. - Останавливает сердце.

Учиха неверяще уставился на мужчину, потом на Наруто и покачал головой.

- Вы остановили ему сердце, - кивнул брюнет. - Вы ещё больший сумасшедший, чем я.

Узумаки, неуверенно улыбнувшись, подошёл ближе к нему и ткнулся лицом под шею, втягивая в себя воздух, пропитанный смешанным запахом лекарств и сигарет.

- Простите… - сдавленно проговорил он, отрываясь и отходя. - Давно хотел это сделать…

Орочимару лишь усмехнулся, разводя руками:

- Я сказал Наруто, что ему нужно увести тебя в людное место… Если бы Мадара завёз вас на какой-нибудь пустырь, то от дырки во лбу я бы вас точно не вылечил.

- Поэтому укол, - кивнул Саске.

Мозаика становилась на свои места, но облегчения это не приносило. Всё будто бы плыло перед глазами, и приходилось то и дело цепляться пальцами за стену, чтобы удержать то ли себя, то ли накреняющуюся гостиницу.

- Но…как…

- А потом…

Орочимару смотрел на лежащее перед ним тело и чувствовал медленно поднимающееся изнутри волнение. Ему было действительно страшно за этого смелого юнца, который решил рискнуть всем. Действительно всем.

- Скорую! - выкрикнул он, зная, что та уже стоит под окнами торгового центра и нужный человек в толпе уже набирает номер реанимационной бригады.

Восстановить работу сердца не так просто, а если мозг умрёт, то…
Мужчина откинул эти мысли, продолжая нажимать на грудную клетку парня. Косой взгляд упал на сидящего поодаль Саске. Страшно.
Страшно смотреть в эти чёрные глаза сейчас.
А потом подоспели врачи. Положили Наруто на носилки…
…Молодая медсестра стянула с Узумаки футболку, Орочимару скомандовал неизменное «Разряд», прикладывая дефибриллятор к груди парня.
Его тряхнуло, но показатели на экранах оставались молчаливыми.

- Разряд!

Удар.
Тишина.

- Ч-чёрт, - выдохнул мужчина. - Разряд!

Удар. Робкий одиночный писк, сменившийся стабильным, медленным.

- Сердце работает, - выпалила медсестра.

- Усыпляйте, - бросил Орочимару.

Саске нахмурился.
В голове пронеслось страшное: а если бы не завелось?
Он не хотел об этом думать, испепеляя Наруто тяжёлым

взглядом. Он не хотел думать вообще ни о чём, но…

- Как его родители не заметили, что он жив? Вы ведь пускали их к нему…

Орочимару усмехнулся, бросив взгляд на опустившего голову блондина.

- Убитые горем люди редко смотрят на труп своего ребёнка. Вряд ли бы они заметили слабое дыхание.

- Но на похоронах он выглядел, как…мёртвый…

- Седативы, - ответил мужчина. - Вызывают бледность, угнетение дыхания, спутанность сознания. Я дал Наруто такую дозу, которая просто усыпила его…и…

- В гробу лежал я. На самом деле, - поморщился Узумаки.

Тут было душно. Он очнулся, когда понял, что едва ли не задыхается.
Паника охватила сознание, сжимая его в тисках, заставляя выбросить вперёд руку. Пальцы больно ударились о что-то твёрдое, и Наруто одёрнул руку.
И только потом до мерцающего провалами мозга начало доходить - он в гробу. Под землёй. Как и было задумано.
Облизнувшись, блондин почувствовал на губах горечь и едва не закашлялся от сыпанувшей в лицо мелкой земляной крошки.
Страх забился второй волной - что, если крышка не выдержит. Ведь он где-то слышал, что земля проламывает доски и…
Но по гробу чиркнуло, потом ещё раз. Ударило, и с хрустом крышка открылась, впуская внутрь свежий сырой воздух.
Узумаки хрипло и жадно втянул его в себя, поднимаясь, ухватившись за протянутую руку Орочимару.

- Саске…

- Еле ушёл, - раздражённо выпалил мужчина, торопливо закрывая крышку. - Сердце, голова?

- Н-нормально, - неуверенно кивнул Наруто, кое-как выбираясь из могилы.

И только сейчас пришло осознание - его похоронили.
Узумаки Наруто больше не существовало.
Холод моментально окутал тело, сворачивая его в клубок спазмом, что появился в желудке. Его вывернуло, а потом всё померкло.

- Вот.

Орочимару, вытащив из своего кейса какой-то бумажный пакет, перекинул его Узумаки.

- Это ваши новые документы.

- Документы? - нахмурился Учиха, совершенно запутавшись во всех этих интригах. С каких пор его жизнь стала детективом?

- Мадара поверил, что Наруто мёртв.

Мужчина усмехнулся, не добавляя, что весь компромат на него был уничтожен.

- Что касается Саске…Учиха Саске был переведён в психиатрическую лечебницу закрытого типа. Он совершит попытку суицида, спустя месяц нахождения там, и, увы, она будет удачной.

Орочимару совершенно по-змеиному улыбнулся, и брюнету показалось будто бы всё это приносит мужчине самое настоящее удовольствие. Обмануть самого Кукловода, обрезать верёвки всех тех марионеток, которые попали под его власть. Получить свободу…

- А вы сегодня же уезжаете из страны. Итачи позаботился, чтобы вам было где жить, но…остальное придётся устраивать самим. Ни я, ни он - не сможем вам больше помочь. По крайней мере, первые несколько лет.

Взгляд Орочимару зацепился за Саске, будто бы зная что-то, чего не хотел бы знать сам Учиха, но увы уже догадывался. Желтоватые глаза блеснули янтарём, и мужчина решительно кивнул, поднимаясь из кресла.

- У вас новая жизнь, - коротко сказал он. - Просто…проживите её.

Тихо запульсировала лампочка, плескаясь жёлтым, где-то за стеной что-то громко хлопнуло, а мимо окна проехала дребезжащая машина.

- Спасибо, - сказал Наруто, пожимая протянутую руку. - Вы тоже…проживите.

- Да, - как-то рассеяно кивнул Орочимару. - Проживу…

Отпустив горячую руку парня, он поднял с пола свой кейс и, защёлкнув его, вышел из комнаты.
И как будто не было никакого доктора с желтоватыми глазами. Захлопнулась дверь - пропал человек, отрезало реальностью… И делай, что хочешь с этой новой жизнью, которая поместилась в простой бумажный пакет.

- Нужно идти, - всё-таки произнёс блондин и, достав из кипы документов билеты, бросил взгляд на часы. - У нас поезд через пятнадцать минут.

- Да…

Учиха отстранённо смотрел в стену и…никак не мог вдохнуть.
Наруто жив.
Мадара отдалился на второй план.
И…можно уйти от всех, скрыться там, где никто не будет знать: ни тебя, ни того, с кем ты пришёл в этот новый мир.
Но ты останешься всё тем же. И обмануться не получится, а давно сгнивший разум не излечат ни таблетки, ни новые документы.

- Ты же знаешь, что…

- Знаю, - перебил его поцелуем Наруто. - И всё равно буду рядом.

Он, поддев подбородок Саске носом, довольно улыбнулся в холодную шею:

- Я же обещал.

***

Ночной вокзал напоминал огромного, жившего по каким-то своим законам доброго монстра. Его шкура светилась редкими янтарными огоньками тонких фонарей, оплеталась канатами проводов и иногда искрила поблескивающей вывеской над мелкой закусочной.
Монстр жил не оглядываясь на людей, которые сонными стайками бродили рядом с ним утром. А ночью он засыпал, становясь совсем иным: тихим, размеренным. Вечная спешка уходила на второй план. Вместо неё появлялась странная размеренность, уверенность в завтрашним дне: вокзал откроется, примет своих новых пассажиров, начнёт пульсировать жизнью, а с ночью вновь зажжёт янтарные искры на длинных стальных ножках.

- Наш поезд, - бросил Узумаки, показывая на длинное стальное тело, растянувшееся поверх рельс. На перроне стояла одинокая проводница, оглядывая ночной, наполненный оранжевым светом воздух. Заметив их, женщина махнула рукой.

- Саске!

Они оба, словно кнутом ударенные, резко обернулись на знакомый голос, ожидая худшего, но к ним спешил высокий молодой человек, который вряд ли мог быть предвестником беды.

- Итачи? - спросил брюнет, когда тот поравнялся с ними, останавливаясь и тяжело дыша. Волосы его выбились из хвоста, щёки покраснели от бега, а дыхание вырывалось слишком

часто. Кажется, он чертовски спешил.

- Я…решил вас проводить, - резко выпалил тот, глядя то на Наруто, то на Саске. - Наруто…

Блондин лишь кивнул, улыбнувшись, и с удивлением получил спокойную улыбку в ответ. Он уж точно не мог даже надеяться на такую реакцию от Итачи. Вечно строгий, серьёзный Учиха, с которым у них однажды случился весьма неприятный разговор…улыбнулся ему. Это было так же необычно, как и упавшая с неба луна.

- Мне пришлось добираться сюда на последнем трамвае, - словно не веря своим словам, усмехнулся Итачи. - Машина… она слишком заметная.

Саске молча кивнул, впиваясь взглядом в лицо брата. Точнее человека, который был чужим, как оказалось. Странно, но особых изменений младший Учиха не заметил. Ни в себе, ни в нём. Хотя что-то внутри странно сдавило, а потом так же быстро отпустило. Быстрее, чем парень успел поймать это чувство за хвост.
Тишина между ними тремя надтреснулась тихим голосом из радио, сообщающим, что нужный им поезд отправляется через пять минут.

- Берегите себя, - резко выпалил Итачи, протягивая руку Наруто.

- Постараемся, - кивнул Узумаки, пожимая холодную ладонь.

Итачи медленно повернулся к брюнету, ловя колючий чёрный взгляд. Он чуть нервно улыбнулся, когда рука зависла в пространстве между ними, обхватываемая только холодным ночным воздухом.
Саске, выдохнув, всё-таки зацепился за ладонь брата, легко пожимая. Старые обиды остались за тщательно выстраиваемой вереницей дней, месяцев, когда хотелось оказаться как можно дальше от этого человека.
Младший Учиха вряд ли понимал, что Итачи испытывает

сейчас, пожимая руку того, кто не давал к себе даже прикоснуться, отгораживаясь стеной из грубости и холода. Саске не изменится. Он не бросится обнимать на прощание, не скажет, что любит и будет скучать, даже если то был последний шанс сказать это, последняя встреча. Кто угодно, но только не упрямый младший брат.
Парень молча кивнул, выпуская руку Итачи и убирая свою в карман. Прощание затягивалось, но старший, будто почувствовав это, ещё раз бросил взгляд на Наруто и, улыбнувшись, направился с перрона, в сторону здания вокзала. Темнота медленно поглощала последнее воспоминание о прошлой жизни, отрезая их от того, что было когда-то связано с этим городом, с этими людьми.

- Идём, - выдохнул облачко пара Узумаки и, поправив сумку, быстро зашагал к поезду, где их уже ждала проводница.

***

Места, в потёртом многочисленными взглядами купе, было не так уж много. Массивные сумки, в которые были уложены их вещи, пришлось убрать с прохода, чтобы не мешались и не путались под ногами. Сами же бессильно опустились на нижнюю койку, почти не сговариваясь поворачиваясь к окну. Наруто почувствовал, что дыхание встало где-то под горлом, стянутым тонкой невидимой леской. Казалось, что на перрон вот-вот выйдет высокий черноволосый мужчина с неизменными тенями за плечами и…тогда всё будет зря. Придётся возвращаться в едва покинутый мир.
Так и смотрели в заляпанное стекло, застыв напряжёнными силуэтами. Сердце билось быстро-быстро, а по телу гуляли холодные волны, заставляя вздрагивать от каждого шороха. А потом поезд дрогнул, заскрежетал и медленно-медленно покатился. Дышать стало легче, леска чуть отпустила, но взгляд всё ещё был примёрзшим к окну.
А потом тяжёлый вздох, и висок бессильно стукнулся об острое плечо.

- Я думал… - просипел Наруто, но не договорил, прикрывая глаза и потираясь носом о шероховатую кожанку. Замер,

вдыхая.

Саске, с трудом отпустив перрон из плена напряжённого взгляда, повернулся к нему, разглядывая взъерошенную макушку. Уехать, сорваться с нажитого места, бросить всё и всех, сказавшись мёртвым. Разве это поступки взрослого парня, которому думать надо совсем не о спасении странных отношений? Но Учиха не стал ничего спрашивать или говорить. Наруто решил сам. Сделал так, как захотел. Бросил, уехал. Остался рядом.

- Без тебя было плохо, - проговорил Узумаки, поднимая на него глаза и упираясь подбородком в плечо. - Везде. Я еле эту неделю выдержал…

- Наруто, - прищурился парень, потянулся рукой, ловя пальцами струны-шрамы на щеке.

Блондин закрыл глаза, ловя пропахшую табаком руку, подставляясь под ласку и целуя ладонь. Они никогда не привыкнут быть рядом: слишком долго были порознь, а теперь каждая минута похожа на наполненную ожиданием расставания пытку. И даже в чужой стране будет: нервно, больно, неспокойно. Но зато с Саске.
По-другому просто не могло бы быть. Это Узумаки понял уже давно, а сейчас, видя в глазах цвета червлёного серебра надтреснутую душу, не мог желать большего. У них есть то время, которое принадлежит только им.
Впервые за всю жизнь, Наруто внезапно понял смысл фразы: «Жить одним днём».
Дышать одним воздухом.
Любить одним сердцем на двоих.
Учиха, усмехнувшись, опустил голову.

- Со мной тоже будет плохо, - усмехнулся Саске, ловя смеющийся взгляд блондина, который поднял голову.

- Я знаю. Но…это другое.

Где-то в душе всё ещё не веря в то, что перед ним не призрак, и

не галлюцинация, брюнет тронул подушечкой большого пальца чуть поблескивающие губы с небольшой ранкой.
«Нервничал», - почему-то довольно отметил разум, и Учиха коснулся их уже поцелуем.
«Я знаю», - такой простой ответ, в котором нет и тени горечи, сожаления. Наруто улыбнулся в холодные бледные губы.
Брюнет медлил, прикасался, как к стеклянному, словно боялся, что разлетится осколками.
Но…Узумаки решил не говорить об этом, наслаждаясь этим поцелуем.
Они теперь оба были за чертой.
Саске, поймав в чёрном оконном отражении чужое белое лицо, закрыл глаза, не желая видеть: ничего, никого. Белокожая билась о стекло, но не могла попасть внутрь, не могла залезть своими длинными пальцами под кожу, забирая то тепло, что еле-еле загорелось за рёбрами. Она не сможет. Пока хватает сил не пускать её, пока хватает смелости смотреть своим демонам в глаза.
Пока рядом есть тот, кто будет бесить, выводить из себя, говорить без умолку, улыбаться. Тот, чьи глаза вновь будут ясно-голубыми, с резкими лучиками от зрачка.
Поезд медленно тянулся по рельсам, а за ним медленно засыпал город, мерцая тусклыми электрическими звёздами.

«Давай разрушим потолок
И будем видеть бездну звёзд,
Читать падений их следы.
Я притворюсь, сглотнув комок,
Что я твоих не вижу слёз
Сквозь волны темноты.

Больше не будет больно и плохо,
Сегодня не кончится никогда.
Между выдохом каждым и вдохом
С неба летит звезда.
Гаснет звон последнего слога
И шкатулка вопросов пуста.
Больше не будет больно и плохо,
Сегодня не кончится никогда».
Fleur - Сегодня.

Эпилог.

Пристань уходила далеко вперёд, кончаясь тёмно-зелёной полоской начинающегося леса. Они зашли довольно далеко, игнорируя то, что уже давно начало садиться солнце, а промозглый ветер с моря нёс с собой сырость и крики замерзающих чаек.
Наруто не нравилось это место. Он чувствовал внутри какую-то странную тревогу, которую не мог понять или выразить. Такое бывает, когда что-то вот-вот должно произойти, но…ты не хочешь вникать в это, позволяя предчувствию развеяться сигаретным дымом в зимнем воздухе.

- Саске? - позвал Узумаки, поняв, что несколько минут уже идёт один.

Резко обернувшись, Наруто вперился взглядом в остановившегося у самой водной кромки парня, который на сплошном сером фоне казался слишком резким, насыщенно-чёрным восклицательным знаком. Его вывели пером, используя хорошие чернила, которые не растекутся, сохранят всю остроту силуэта.
Очередной влажный порыв ветра ударил по брюнету, отбрасывая с лица разметавшиеся волосы. Взгляд был спокойным, но Учиха в последние месяцы вообще казался несколько отрешённым. Или же расслабленным, что воспринималось с той же затаившейся нервозностью.
Наруто медленно подошёл к нему, шурша крупными голышами под подошвами кед. Осторожно взял за холодную руку, и пальцы Саске чуть дрогнули, сжимаясь.
Проследив за его взглядом, Узумаки буквально утонул в жемчужно-серых водах, которые, искрясь тёмными гранями, то и дело накатывали пенными брызгами на голыши. Море веяло холодом, завораживало своей темнотой у самого горизонта…

- Не люблю море, - честно признался блондин, поглаживая холодные костяшки пальцев Учихи.

- Почему? - спросил тот и поднёс к губам сигарету, вновь принявшись шарить по карманам в поисках зажигалки.

- Пугает.

Наруто пожал плечами, переводя взгляд на точёный белый профиль, окрасившийся рыжим всполохом на миг. Огонёк зажигалки потух, вспугнутый очередным сырым дыханием с моря.

- Дай сюда, - вздохнул Узумаки, забирая из тонких узловатых пальцев зажигалку и чиркая ею у самого кончика сигареты.

Полыхнуло, пальцы лизнуло острым теплом, и Саске вдохнул в себя первую струю дыма, поднимая внимательный взгляд на Наруто.

- Чем?

- М? - спросил было потерявший нить разговора парень, но тут же опомнился. - Пугает…глубиной. Мне кажется, что оно забирает силы.

- Кажется.

Учиха вновь отвернулся. Вряд ли он мог когда-нибудь понять логику Наруто, все цепочки его аналогий…но ему тоже не нравилось море. Там, откуда они приехали, был куцый залив, который местные считали лужей. А здесь же…огромная яма, наполненная холодной водой.
Это рождало в голове странную панику.
А потом очередная затяжка сизым дымом убивала её.
Узумаки, вздрогнув и с трудом отведя взгляд от моря, обошёл брюнета и остановился перед ним. Поймал взгляд, обхватил руками и потянулся к губам, от которых только-только отодвинулось тонкое, тлеющее тельце сигареты.
Наруто не курил, но наслаждался горечью никотина, которую можно было снимать с вечно холодных губ Саске, а тот, кажется, не был против такого пассивного курения.
Нет. Легче не стало. Ни с ним, ни без него, когда Учиха уходил

в город. Первое время не отпускал, выбираясь следом, боясь, что рано или поздно Саске не найдёт дороги домой. Ведь чужая страна, чужие люди…всё чужое.
А потом постепенно привык…
Но оба телефона ставил на зарядку сам. Каждый вечер. По несколько раз подходя и проверяя, чтобы вилки были плотно вставлены в розетки.
Учиха видел этот ежедневный ритуал Наруто, но ничего не говорил, улыбаясь в подушку. Вряд ли он мог осудить его за то, что тот боится потеряться в неизвестном городе, потому что сам испытывал тот же удушающий ужас, отходя от дома всего на несколько метров. Всё время казалось, что, вернувшись, не застанет Наруто там…или же реальность вновь мигнёт чёрным и вместо знакомой улицы покажет совершенно другую картину. Или что тени не дадут дойти обратно…

- Таблетки, Саске, - сказал Узумаки, возвращая из тревожно заметавшихся мыслей. Отстранился, чтобы, сунув руку в карман его куртки, достать пластиковый пузырёк и, высыпав на руку один кругляш, усмехнуться.

- Что? - вздёрнул бровь брюнет, пристально смотря на ладонь парня.

Тот лишь пожал плечами, зажимая таблетку между своих губ и вызывающе улыбаясь одними лучистыми глазами. Учиха, покачав головой, тяжело вздохнул:

- Придурок.

Но, склонившись, всё-таки поддел таблетку языком, тут же проглатывая её, чтобы снять эту лекарственную горечь с чужих горячих губ. Наруто каким-то образом превращал эту рутинную процедуру в то, что заставляло мозг переключаться от своей зависимости, от этой химии в оболочках - на другое. Тёплое, отвечающее, нежно льнущее к телу.
Так обоим было легче.
Рука легла поверх сердца Узумаки, что быстро билось под тонкой оранжевой курткой. Брюнет не мог понять: ощущает ли он его биение или же мозг додумывает за него. Но ему

нравились оба варианта.

- С ним всё хорошо, - прошептал в губы Наруто, поймав обеспокоенный взгляд. - Правда.

Учиха хмыкнул, обнимая его и пряча лицо от очередного порыва ветра в тёплом сгибе шеи.
Серая вода вновь колыхнулась, зашелестев о гальку, зашептав многоголосо. Ветер поддел волосы: иссиня-чёрные и золотисто-светлые.

- Всё хорошо, - эхом повторил Саске.

…Море больше не пугало своей глубиной.

Давай не будем
Завершать картину нашу,
Бросим так, оставив смутные мазки.
И каждый будет сам искать
На ней надежду
Или мрак, сады или пески.

От автора

Здравствуйте. Меня здесь давно не было. Но сейчас мне получше, и ваши нескончаемые отзывы и сообщения вновь вернули в меня силы кое-что сделать.
Но мне понадобится ваша помощь.
Я хочу иллюстрировать эту работу, переработать.
Вы знаете, где найти тех, кто всё ещё интересуется этой работой. Ссылку оставлять здесь не буду.
Но...грядёт что-то интересное. Надеюсь.